О.Ф. КІСТЯКІВСЬКИЙ

щоденник

(1880-1885)

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

АРХЕОГРАФІЧНА КОМІСІЯ

ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ АРХЕОГРАФІЇ

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ ІСТОРИЧНИЙ АРХІВ УКРАЇНИ В м. КИЄВІ

УКРАЇНСЬКА ПРАВНИЧА ФУНДАЦІЯ

УКРАЇНСЬКА
ПРАВНИЧА ФУНДАЦІЯ
UKRAINIAN LEGAL FOUNDATION

ПРАВНИЧА СПАДЩИНА

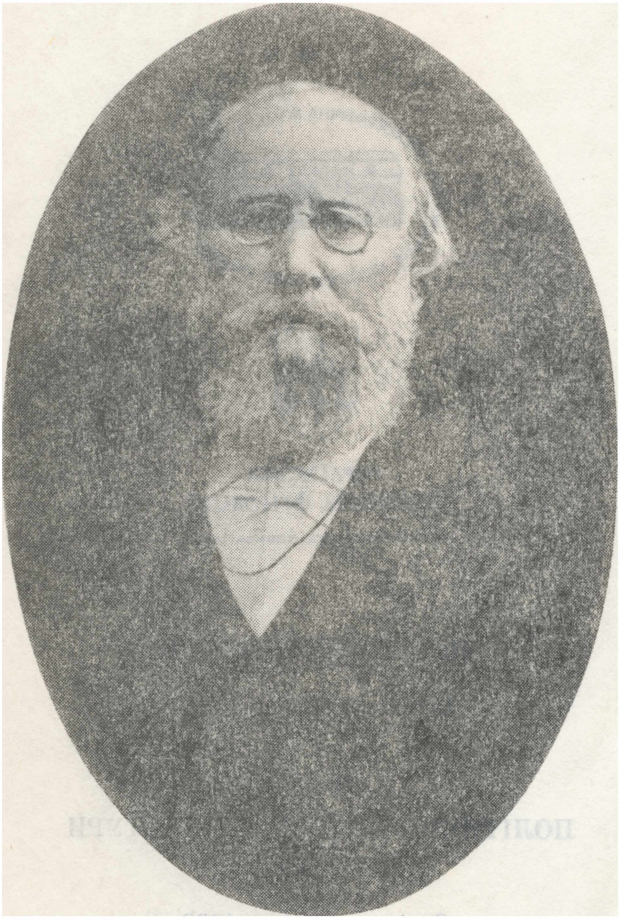
Серію засновано 1994 р.

ПАМ'ЯТКИ ПОЛІТИЧНО-ПРАВОВОЇ КУЛЬТУРИ УКРАЇНИ

Серію засновано 1992 р.

МЕМУАРИ. ЩОДЕННИКИ

Серію засновано 1994 р.



О.Ф. КІСТЯКІВСЬКИЙ

щоденник
(1874-1885)

У ДВОХ ТОМАХ

Том 2
(1880—1885)

КИЇВ НАУКОВА ДУМКА 1995

ББК 67.9(4УКР)2
К 44

У другому томі Щоденника видатного українського вченого-криміналіста, історика права, археографа та громадського діяча Олександра Федоровича Кістяківського (1833—1885) вміщено записи за 1880—1885 роки.

Щоденник є важливим джерелом для висвітлення суспільно-політичного й громадського життя в Україні і Росії 80-х років XIX ст., організації навчальної та наукової роботи в Київському університеті, професором якого був О. Ф. Кістяківський. Багато уваги приділено характеристиці політичних діячів та вчених, зокрема В. Антоновича, М. Драгоманова, П. Житецького, М. Лисенка, О. Котляревського, П. Чубинського, О. Романовича-Славатинського, П. Куліша та ін.

Текст подається за автографом, що зберігається в ЦДІА України у м. Києві, й друкується вперше.

Для правників, істориків, етнографів, усіх, хто цікавиться минулим українського народу.

Упорядники

В. С. Шандра (старший упорядник),

М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко

Редакційна колегія

І. Л. Бутич (відповідальний редактор),
Л. З. Гісцова, Н. І. Самсоник (відповідальний секретар),
П. С. Сохань, В. С. Шандра

Затверджено до друку вченою радою Інституту української археографії НАН України

Редакція видань історично-культурної спадщини України

Редактори *Н. О. Черкаська, В. О. Коваленко*

к $\frac{0503020902\text{-}031}{221\text{-}95}$ 8-95

ISBN 5-12-004324-0
ISBN 5-12-004325-9 (т. 2)

© В. С. Шандра, примітки, покажчики, словник рідковживаних слів і термінів, 1995
© В. С. Шандра, М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко, упорядкування, 1995

1880

1880 годъ

Еще годъ назадъ [illegible], полный ощущ[illegible] неурядицы, злодѣяній съ одной и тиранническихъ притѣсненій съ другой. ~~1878~~ 1879 г. очень будетъ памятенъ въ русской исторіи. Его [illegible], тревогу, [illegible] связь съ 1878 г. Покушеніе на Трепова; оправданіе Засуличъ; убійство Гейкинга въ Кіевѣ, убійство Мезенцова въ Петербургѣ; исключеніе 150 студентовъ изъ Кіевскаго университета; законъ [об] учрежденіи экстраординарныхъ военныхъ судовъ; все это связываетъ мятежный и тиранническій 1879 г. съ 1878 г.

Наступившій годъ выступаетъ какъ нѣкоторая загадка. Что онъ дастъ, что [illegible]

2 генв[аря]. Среда. 1 ч. дня.

Еще год ушел. Тяжелый, полный смут, неурядиц, злодеяний — с одной, и тиранических притеснений — с другой. 1879 г. очень будет памятен в русской истории. Он имеет, правда, тесную связь с 1878 г. Покушение на Трепова; оправдание Засулич; убийство Гейкинга в Киеве, убийство Мезенцова в Петербурге; изгнание 150 студентов из Киевского университета; закон 9 августа об экстраординарных военных судах — все это связывает мятежный и тиранический 1879 г. с 1878 г. Наступивший год выступает как некоторая загадка. Что он даст, чем он себя заявит, счастием, или несчастием, никто того не ведает и не знает. Буду следить за ним шаг за шагом. В конце посмотрим или обсудим.

Канун Нового года мы встретили семейно. Семьи: наша, брата Федора, брата Василя, Антоновичей, Арабажиной, Саськов сошлись. Были приятели: А. Д. Юркевич, практический философ, и А. Я. Клименко, бывший учитель детей. Посетила наш вечер госпожа Демченко с сыном и племянницей, и племянником. Была елка. Складчина: главные вкладчики — мы и брат Федор. Детей собралось 28 человек. После елки дети плясали. В 12 часов выпили по рюмке вина в честь Нового года. Развеселились. Пустились в танцы и старые. Танцевал и я. В два часа разошлись.

На Новый год обыкновенные посещения. Взаимные. Я их не поклонник. Но нельзя выгородить себя из обыкновенного потока жизни. С тех пор, как состою преподавателем, я всякий раз на Новый год расписуюсь у попечителя. Этим я хочу выразить, что я приверженец идеи власти и порядка: служебные расчеты занимают здесь ничтожное место.

Зашел и подал карточку Г. П. Галагану. Он был у меня праздником. Завез карточку Эйсману, городскому голове. Я еще был в постели, когда мне привезли его карточку. Оттуда отправился в лавру, к наместнику. Я до сих пор состою или, по крайней мере, считаюсь поверенным лавры. Вообще, чуждаясь судебных дел, я в особенности тягочусь обязанностию поверенного лавры. Монахи любят поклонение, а я с весны глаз им не показывал. Другой бы на моем месте сумел бы им угодить. Гожение же не в моем характере. Я очутился в монашеской компании человек в 50. Оказалось, что высшее лаврское монашество раз праздновало у наместника Новый год, в другой раз праздновало пятидесятилетний юбилей старика-архим[андрита] Никона, мне знакомого. Кстати: выпил и я бокал в честь его. Старый покойный наместник всегда встречал меня радушно. Нынешний, Илларион, довольно холодно и сдержанно.

Зашел затем к отцу Иоанникию, делопроизводителю Духовного собора, и у него посидел с полчаса. Затем, оттуда ездил по приходу, до

обеда и после обеда. Должен был завесть карточку Саранчову, генерал-майору, в ответ на его посещение.

Вечером, в 7 ч., посетил Квачевских. Они относятся по-прежнему ко мне радушно. Выступление мое в процессе не изменило их добрых отношений. Это меня радует, а их рекомендует с доброй стороны.

Вчера возвратился из Петербурга брат Василий. Он ездил туда на съезд естествоиспытателей. Привез вести неутешительные: Толстой, ненавидимый целой Россией, стоит крепко, как и стоял.

Государыня — его главная опора, больна, на юге Франции, и больна опасно — чахотка. Говорят, Толстой заискал уже у любовницы царской, с каждым днем более и более приобретающей силу. Правда, Толстой потерпел неудачу в Комитете министров: он хотел, чтобы не была пропущена статья, напечатанная в «Вест[нике] Европы» по делам просвещения. Вопрос перенесен был в Комитет министров, где решен был не в духе Толстого. Зато Толстому удалось скрутить Модестова. Модестов, профессор латинского языка и словесности в Петербургской академии, написал ряд статей в «Голосе» о классическом образовании не в духе Толстого. Статьи произвели большое впечатление. Толстой поклялся лишить места Модестова. Как обер-прокурор, он потребовал от ректора Академии увольнения Модестова. Тот сказал, что не в его власти. Тогда он говорил в самом Синоде и требовал от митрополита Исидора, чтоб Модестов был уволен по 3-му пункту. Предупрежденный о сем Модестов по совету же ближайших властей сам подал в отставку и уволен. Так передавал брат эту историю. Модестов в экономическом отношении не нищий. Он уже весной нынешнего года получал, по словам Бильбасова, 400 руб. в месяц.

Вероятно, теперь он посвятит себя всего газетному делу и будет получать еще большее вознаграждение. Итак, Модестов по свойству своей натуры мало-помалу переходит от науки к публицистике. Перебывал профессором в трех у-тах, перешел в Академию и из ней должен был выйти.

Говорят, что Петербург не особенно дружелюбно расположен к нынешнему порядку вещей. Гурко в ненависти и презрении. Публика постоянно болтает о членах царской семьи, о несогласиях в среде царской семьи, о любовных похождениях, о воровских наклонностях царских братьев. Николая и Константина называют государственными ворами и взяточниками. О разногласиях царя с наследником, о презрении последнего к подвигам своих дядей ходят различные анекдоты. Верны ли они или нет, кто из лиц, далеко стоящих, может сказать что-нибудь определенное? Но верно то, что эти анекдоты составляют обыденные разговоры столичного и провинциального общества и что они могут служить знаменем времени. Когда в обществе ходит тысяча один анекдот о царской семье, признак, что авторитет сей семьи поколеблен. В эти анекдоты публика воплощает свои собственные мысли или же она ими резче и радикальнее выражает то, что, может быть, и существует в душах действующих лиц. Если приписывают малютке, сыну наследника, слова, сказанные им будто бы государю, взявшему его на руки, *что дядя Коля — вор;* если говорят, что наследник вычеркнул из списка лиц, подлежащих приглашению на его придворный бал, своих дядей Николая и Константина, под тем предлогом, что он не желает, чтобы его посещали казнокрады, то верно ли, или не верно что это было, но верно только то, что публика считает великих князей Константина и Николая казнокрадами и взяточниками.

Передан рассказ о подвигах помощника проректора Божовского. Рассказ этот содержит новые доказательства того, что этот чиновник есть бездельник и гнусный плут, что он исправляет две обязанности, должностную, открытую, всем известную, за которую он получает жалованье, и тайную, никому не заметную, бесчестную, низкую и презренную обязанность шпиона и доносчика, агента 3-го отделения, за каковую обязанность он получает, так можно думать, вознаграждение из «*черного* кабинета».

4 генваря. Пятница. 12 часов дня.

Был на погребении матери Иващенков. Брат Василий и Яков Иващенко женаты на родных сестрах. Иван Иващенко, инспектор контор при Госуд[арственном] банке, ученик, с которым у меня не прекратились связи. На погребении познакомился и с Виталием, ректором Киевской дух[овной] семинарии. Он уроженец Воронежской губ[ернии], учился в Воронежской семинарии и знал моего дядю Павла, воронежского кафедрального протоиерея. Оказывается, что младшая дочь его состоит классною дамою в женской гимназии.

На погребении весь день ушел. Возвратился в 1/2 6 ч. вечера. В 7 часов отправился к Квачевским. У них домашний спектакль. Давали «Женитьбу» Гоголя. Прошла недурно. Студент Винов был хорош в роли Яичницы. Недурно играли учитель гимназии Ильяшенко и Студенецкий. Роль свахи очень удовлетворительно выполнила А. В. Бугаева, сестра Вар[вары] В[асильевны], жены брата Федора.

Возвратился домой в 1/2 2 ч. ночи.

2-го посетил нас Лучицкий. Навел смут своими новостями об отставке попечителя, об утверждении Воскресенского в должности инспектора и об издании нового закона, в силу которого генерал-губернаторам предоставляется власть подвергать граждан аресту до трех мес[яцев] не за политические преступления. Это, как выразился Лучицкий, конституционная поправка.

Спрашивает меня на днях Паульсон, профес[сор], знаком ли я с Воскресенским. Я сказал: «До сих пор знаком был слегка, *шапочно,* как выражаются, а с тех пор как он изъявил желание поступить инспектором, узнал его ближе». Этим поступком он обнаружил, что он подлый честолюбец, который за хорошее жалование и хорошее положение служебное решается взяться за исполнение должности, выражающей глубокое недоверие к университетам. Одно из двух: или он не будет следить за строгим исполнением инструкции, и, следовательно, будет обманывать начальство, его к тому определившее, или он будет строгим исполнителем инструкции, и тогда он явится притеснителем университетов, агентом Толстого и «черного кабинета». Разве порядочный человек, с хорошим умом и добрым сердцем, может взяться за исполнение такой во всех отношениях неблаговидной роли?

4 генваря. Пятница. 8 часов вечера.

Напечатан приговор над студентом Одесского у-та *Ольховским.* Приговорен военным судом к лишению прав и к ссылке на житье в Сибирь. Вина его состоит в том, что он 7 дек[абря] 1879 г., «присутствуя в г. Одессе, в толпе зрителей при совершении смертной казни над тремя осужденными на смерть, Малинкою и его товарищами, произнес

во всеуслышание следующие слова: *«Мужайтесь, мужайтесь, ваше дело — стремление к народу, никогда не пропадет».*

Рассказывают, что в Одесском округе из одной гимназии исключен *одиннадцатилетний мальчик* за антиправительственные политические идеи. Славатинский, профес[сор], уверяет, что он на днях встретил в Киеве учителя из той гимназии, из которой исключен тот мальчик, и что учитель этот подтвердил действительность этого события.

Передают также, что из Белоцерковской гимназии исключен за подобную же провинность 13-летний мальчик.

Ни дать, ни взять, времена Римской империи. Только этой суждено было жить долго и укрепляться, наше же самодержавие отжило свой век.

Сегодня, 4-го, посетил меня наместник лавры. Отдал мне визит. Беседовал минут 40—50. Я сказал Саше, чтобы вышла, как хозяйка дома. Затем явился Горя. Я рекомендовал его как дитя, коему исполнилось сегодня 4 года. Он подарил ему иконку. Саша ушла. Наместник посидел еще минут 15 и стал уходить. Я к хозяйке дома — нет. Я к слугам — и их нет. Принужден был сам провожать в коридор, чтобы затворить дверь. Наместник настаивал и настоял, чтобы я возвратился.

Эта небрежность и невнимание хозяйки к почтенному гостю, а еще больше к моим интересам привели меня в высокую степень раздражения и смущения. На несколько минут я сделался кликушей и безумным, стал бить кулаком по столу и бросать предметы. Это, впрочем, в отсутствие хозяйки. День испорчен. Нервы расстроены. Настроение духа пошло вверх дном. Кому не дано от природы тонкое понимание отношений, тому недоступна опытность и усовершенствование в этом направлении. Шестнадцатый год идет, а все толку мало. Отсутствие высшего морального чутья, которое одно дает такт. Этот-то недостаток был источником всегдашних моих бедствий и внутренних страданий. Столько раз я махал на все рукой, но совместная жизнь тычет тебе случаи и в рот, и в зубы, и в нос, и в уши.

Посетили меня в этот день Лопата, учитель народного училища, Иващенко из Петербурга, Тальберг и отец Иоанникий, делопроизводитель Духовного собора лавры.

С Лопатою вел речь о собирании материалов по обычному праву. Он кое-что уже и доставил. Иващенко обедал у нас. Были приглашены также А. И. Сасько и брат Василий.

Иващенко — ученик нашего фак-та и в том числе мой. Со времени его выхода из у-та (он вышел в 1871 г.), я с ним не прекращал отношений. Со времени женитьбы его брата на Мануйловой наши отношения укрепились. Он, по моим просьбам, иногда оказывает поддержку киевским юристам.

Отец Иоанникий привез мне 500 руб., яко вознаграждение за мою обязанность поверенного в прошедшем году. Признаться, я не ждал уже этого вознаграждения от лавры. В этом году я мало что сделал для обители. Но они добросовестно исполняют свой договор. Деньги эти как некая манна с неба. Это — с одной стороны. А с другой — это цена моей крови, моего нервного расстройства. Но пусть мое расстройство и мое разрушение послужит для укрепления и процветания детей. Эти деньги пойдут на поездку Саши с детьми на минеральные воды в Старую Руссу.

5 генваря. Суббота. 1/2 10 ч. утра.

Лучицкий в последнее свое посещение сообщил мне, что в каком-то подпольном издании напечатано заявление, в котором называют профессора Сидоренка, занимающего в Киевском у-те кафедру финансов, агентом 3-го отделения и предостерегают публику от этого волка.

Когда мне передал это Лучицкий, я усомнился было, не столько из личных свойств Сидоренка, сколько выходя из той мысли, что быть не может, чтобы кто-нибудь из профессорского сословия мог взяться за такое гнусное дело.

Но затем, приняв во внимание те качества, которыми всегда отличался и отличается этот профессор, его *delendo Carthago* [1], которое он неизменно повторял по отношению к 150 студентам, исключенным весной 1878 г. и к их возвращению обратно, его бесславные поступки по отношению к преобразованию Киевского общества взаимного кредита в духе его плутократизирования, его запяточную лакейскую натуру ко всему, что сильно какою бы то ни было, хотя бы и гнусною силою, его глубоко рабскую и чиновническую натуру, которая один раз заставила его публично, в целом факультете, назвать Карла Маркса, замечательного ученого, хотя и глубокого социалиста, *подлецом и мошенником,*— я могу сказать об этом известии, что оно *se noné vero é ben trovato* [2].

6 [генваря]. Воскресенье. 10 ч. утра.

Несколько дней тому назад я получил от Ступина письмо, в котором он, между прочим, пишет следующее: «Я давно уже выслал деньги за диплом, но до сих пор его не получаю. Между тем, он мне крайне необходим. Если я не представлю его в суд в непродолжительном времени, то рискую прослыть за ложно присвоившего себе степень кандидата, что было бы очень неприятно. Поэтому-то я и позволяю себе беспокоить Вас покорной просьбой поторопить канцелярию высылкою мне диплома».

Вчера вечером приходит ко мне студент Нежинский и говорит, что он получил от Ступина письмо содержания такого же, как вышеизложенное. Получив такое поручение, Нежинский отправился в канцелярию за справками. Два дня ходил. Два дня рылся в бумагах, по полтора часа: Виндинг — секретарь — предоставил ему это право, но никаких следов отыскать не мог. Он — к декану Демченку. Но оказалось, что этот администратор забыл сделать представление. Я говорю Нежинскому: повремените минуточку, я схожу к Демченку, декану, и наведу справку, он ведь живет в моем доме. Прихожу, беседую и удостоверяюсь: мною сделано представление в ф-т об утверждении Ступина в степени кандидата 11 октября. Факультет сделал постановление о его утверждении и представлении в совет 2 ноября. С тех пор дело не имело движения. Декан Демченко забыл внести в совет представление о Ступине не только в первое заседание совета, но в последующие до сего дня. Оказалось, что мое представление где-то валялось и исписано чертежами Гриши, сына Демченка. Очень мило. Недавно он забыл внесть в правление представление об увольнении Приходько от платы и выдачи ему пособия. Только сумасшествие Приходько послужило к тому, что дело вышло на чистую воду. Теперь нечто подобное, хотя не могущее иметь столь грустных последствий.

Юношество очень чутко к людям. Оно очень остро подмечает профессорские недостатки. И очень метко их характеризует.

В те длинные десятилетия, в которые Демченко, обязанный по закону представить докторскую диссертацию, но представлял, испытывая потуги рождения, кряхтя и потея девятнадцать лет над ее составлением, юношество — студенты сочинили такое сказание, что рукопись его диссертации съедена и растащена мышами. *Se noné vero, ma ben trovato.*

Вчера явился к нам священник с кропилом. Дети подошли ко кресту. Священник — старичок телом и умом — и говорит: «Будут профессорами, полковниками, генералами». Я заметил: «Я желаю, чтоб они были, прежде всего, люди с честным характером, с здравым и хорошим умом».

— Как, да разве профессор может быть не умный человек?

— К сожалению,— говорю я,— есть достаточно на белом свете ученых тупиц с магистерским и докторским дипломом.

Участь России быть управляемою бездарными людьми, отъявленными посредственностями, субъектами с атрофированным мозгом и с отупевшею волею. Демченко, ведь излюбленный человек корпорации юристов, он даже числится кандидатом на должность ректора и проректора. Не в тупоумии ли лежит все зло России? Ищут причин тому политических. А между прочим, может быть, они чисто физиологические. И то правда, часто известный режим мизерный, выживший из ума, обветшалый, гнилой и ржавый, естественно тяготеет к тому, что ему сродственно: к тряпкам, в умственном и нравственном отношении.

6 генваря 1880 г. В 6 ч. вечера.

В обществе ходит много слухов. Чем оно болеет, то оно и сочиняет. Покушения на жизнь императора служат темою. То говорят, что открыли в Мешковом переулке подкоп под Зимний дворец, по поводу чего арестовано будто бы 60 чел[овек]. То именуют какой-то другой переулок, в котором открыты минные приготовления, взрывчатые вещества. То, наконец, утверждают, что в императора стреляли снова, или что его ранили. И кто же ранил? Часовой штыком. Конечно, все это росказни, легенды, продукты расстроенного воображения. «Московские ведомости» напечатали, что в Москве накрыт один господин в платье рабочего, у которого отысканы целые гальванические батареи и при нем 12 тыс. руб. Это оказалось ложью. Ложным также оказалось и известие о трех студентах, явившихся в Петербурге будто бы к тому проповеднику, который порицал с церковной кафедры социализм и социалистов, радикализм и радикалов, и потребовавших чтобы он воздерживался от подобных нападков. Московская сплетница рассказывала, что когда проповедник стал этим насильникам противоречить, то они выхватили из кармана револьвер и хотели выстрелить, но тут были арестованы призванным дворником.

Когда общество связано по рукам и ногам, когда оно не может свободно обсуждать общественных дел, тогда у него умственная и нравственная деятельность вырождается и дает продукты вроде приведенных. Замечательно, что опять стали повторяться слухи о том, что на 19 февраля радикалы что-то приготовляют. Принимая во внимание, что задолго до 19 ноября ходили подобные же слухи, которые подтвердились известным взрывом, к этим слухам нельзя не отнестись с некоторым доверием. Они, конечно, очень хорошо известны власть имущим.

Лучицкий говорил, что в Париже он летом виделся с Лавровым, что этот эмигрант делами эмиграции не занимается, но что ему все

известно. Он именно говорил Лучицкому о том, что ноябрь месяц себя покажет. Если так, то, по всей вероятности, высшее радикальное правительство не в России пребывает, а вне ее. Лучицкий передавал также, что будто бы власти местные получили предписание от центральной, чтоб по поводу 19 февраля было отклоняемо всякое оказательство каких-нибудь верноподданнических чувств. Такое распоряжение может быть вызвано двумя причинами и побуждениями. Или император намерен избежать всяких торжеств, чтобы не подвергать свою жизнь опасности, или же, наконец, он заметил резкий контраст между раболепием адресов и преступною дерзостию покушений, между официально глубокою преданностию и тайным в достаточной степени равнодушием.

7 генв[аря]. Понед[ельник]. 11 ч.

Сегодня пред самим моим пробуждением меня душил кошмар. Снилось мне, что агенты «*черного* кабинета» подбросили мне какие-то рукописи недозволенного содержания и затем нагрянули, чтобы меня обыскивать. Уже они, снилось, приступили было к тому, чтобы шарить, но я сказал, что не позволю, если они не представят мне предписания об обыске. Один из них отправился за этим предписанием, а другой остался, чтобы меня сторожить. В это-то время я передумал много. В особенности я боялся за этот дневник. Изобретал во сне способы, как бы его скрыть, или как бы отвести глаза жандармских ищеек от помещения, в котором лежит он. Мне во сне живо представилось многое: мое увольнение, пожалуй, ссылка, участь моей семьи, шум и толки в обществе, обнажение моих мыслей и моих разговоров с самим собой, которые ни одному человеку в мире не известны, и многое, многое, и многое. Как вдруг я просыпаюсь, прихожу в сознание и вижу, что все это не действительность, а сон. Камень с груди прочь. Я вздохнул свободно и легко. Бросился к часам, смотрю — половина девятого. Спешу к детям и думаю, что они уже встали и ушли в гимназию. Оказалось, что они спят сном праведников и что они заспали время, в которое они должны были идти в гимназию. Я разбудил их и сказал, чтоб они скорее одевались и спешили в гимназию, где бы сказали, что отец их заспал и они опоздали. Я их всегда бужу в 7 часов. Вот худые последствия опеки. Полагаясь на меня, они сами не заботятся вовремя встать.

Кошмар о нападении на меня шпионов и сыщиков должно быть приключился по ассоциации идей. За несколько часов пред отходом ко сну я читал о случае, рассказанном в «Киевлянине», случае, содержащемся в прилагаемой при сем вырезке. Подписавшийся Ип. Ив. Б-ов, говорят, есть Богданов, кандидат нашего ф-та, занимающийся адвокатурою.

«Письмо в редакцию. В сочельник (24 декабря), в 2 часа ночи, я возвращался из гостей домой, на Костельную улицу, с небольшим в руках бумажным мешочком, заключавшим в себе съедобные предметы и два маленьких украшения столового прибора. На углу Фундуклеевской и Крещатицкой улиц, возле дома Бергонье, подходит ко мне околоточный надзиратель Старокиевского участка, оказавшийся, по справкам моим, Алексеем Андреевичем Шапченком, и, ссылаясь на позднее время, требует показать ему, что я несу в мешочке. Не признавая требования основательным, я отказался в исполнении его, заметив, что если я кажусь подозрительным, то полиция для своих целей. располагает другими средствами помимо обыска, который я считаю в дан-

ном случае неправильным. Свисток, городовой № 208 Манжерон, грозное: «Отведи его в участок!» и не менее грозное городового: «Идем!» мигом изменил мой маршрут и я с неожиданным спутником очутился в участке, где мы застали двух околоточных надзирателей. Довольно интересные объяснения с ними опускаю. Минут через 15 после нашего прихода явился в участок г. Шапченко, чтобы внушить мне следующее: «Отчего же вы не сказали, что несете пироги?.. Самолюбие! Корона с вас слетела бы?.. С вас хотели получить 3 руб., что ли? Разве не знаете, какое теперь время?.. Стыдитесь! А еще образованный человек!» Вскоре я был отпущен с злосчастными пирогами. Однако ж и после приведенного энергичного внушения, я позволяю себе думать, что требование околоточного надзирателя, а, следовательно, и арест мой, был неправильным и незаконным. «Полиция, говорится в 1324 ст[атье] II т[ома] ч[асти] 1-ой Св[ода] зак[онов], изд[ание] 1876 года ... не может ни от кого требовать исполнения по такому закону или постановлению, которые еще не были обнародованы установленным для того порядком». Где же, спрашиваю я, закон, оправдывающий действия г. надзирателя? Не извращая истинного смысла закона и не возводя произвольного толкования на степень закона, не найти такого закона ни в «Уст[аве] о предупр[еждении] и пресеч[ении] преступ[лений]», ни в учрежд[ении] о полиции уезд[ов] и город[ов] (т[ом] II, ч[асть] 1-я), ни в недавних обязательных постановлениях, а тем менее в уст[авах] уг[оловного] судопр[оизводства]. Поздним временем нельзя, очевидно, оправдать действие г. надзирателя, так как обывателям не воспрещается ходить ночью по городу. Г. надзиратель в объяснение своего требования ссылался в участке, между прочим, на право полиции удовлетворяться в личности. Но, ведь, его действия были далеко от этого — это хорошо понимал и сам г. надзиратель, так как на троекратное мое замечание, что на деле никакого удостоверения в моей личности не было, отвечал в противоречие с прежним, что ему это и не нужно было. Что означает далее ссылка на теперешнее время? Действительно, время теперь тяжелое, но мы уже богаты и тем, что имеем и неужели современное положение дел уполномачивает на действия, непредусмотренные ни общими законами, ни обязательными постановлениями? Наконец, упоминанием о «самолюбии» при эффективных звуках: «Корона слетела бы», г. надзиратель указал, очевидно, на крайне узкую точку зрения, с которой он рассматривает мой отказ и свои действия. Суть дела не в простом самолюбии, а в драгоценнейшем праве на личную неприкосновенность в пределах, гарантированных законом.

В интересах общества и самой же полиции, я счел своей обязанностию печатно заявить о действиях г. надзирателя в той надежде, что кто следует не оставит по расследовании своим распоряжением и оповещением по настоящему делу. Заметку свою я признаю тем более уместною, что, по моему мнению, подобными описанными действиями отдельных представителей полицейской власти обусловливается, в известной степени, существующий у нас разлад между обществом и полицией, разлад, нежелательный для обеих сторон и не встречаемый там, где органы полиции на месте г. надзирателя ограничивались бы негласным наблюдением и проследили бы подозрительное, по их мнению, лицо, не прибегая к такой суровой и в высшей степени стеснительной мере, как арест и обыск, по указанному ничтожнейшему мотиву.

Ип. Ив. Б-ов».

Богданов есть тот самый студент, который в 1878 г. весной приходил ко мне, сначала сам, а потом с шестью своими товарищами сове-

товаться, каким способом можно было бы достигнуть взятия на поруки студента Подольского, из-за которого весь сыр-бор загорелся, и заступничество за которого окончилось изгнанием из университета 150 студентов.

Затем Богданов, по окончании у-та, написал диссертацию на кандидата о мерах пресечения способов уклоняться обвиняемому от следствия и суда. В этом сочинении он много говорит о предварительном аресте.

Итак, наука не по лесу ходит. Богданов научился понимать свои права и свои обязанности на студенческой скамейке.

7 генв[аря]. В 1 ч. дня.

Посланы письма в ответ Мацкевичу, Тарасову и Рогале-Левицкому. Вручены письма Иващенку для передачи Володимирову и Фойницкому.

Еще прежде посланы: Ершову, Мацкевичу, Дыминскому, Калачову, Матвееву, Данкену.

7 генваря. Понед[ельник]. В 10 ч. вечера.

В этот приезд И. С. Иващенка в Киев я сошелся с ним ближе. Я убедился, что его внутренняя конструкция очень крепкая, надежная, и что он преследует в своей деятельности и карьере моральные интересы. Это один из моих учеников выпуска 1871 г. Этот выпуск мне памятен. Из него вышел Н. А. Колесницкий, не перестающий дружелюбно ко мне относиться. К этому же курсу принадлежал И. С. Жданов, также до сих пор приязненный ко мне человек. От него я получил сегодня письмо, в котором он свои отношения ко мне выразил словом «любящий Вас».

Студенты этого курса были вообще ко мне расположены. Они пожелали сняться со мною в одной группе. Эта группа до сих пор у меня сохранилась.

В год окончания ими курса я уехал за границу. Пред выездом за границу я пригласил к себе несколько человек из окончивших и оканчивающих, в том числе Иващенка, Колесницкого и Жданова. Иващенко говорит, что ему глубоко в душу запали последние слова, с которыми я обратился к ним.

Иващенко обедал у нас в пятницу. Мы посетили его в субботу. Домой мы возвратились в два часа ночи. Прощаясь, он изъявил желание еще раз видеться. Тогда я пригласил его на обед в понедельник. Это приглашение стоило мне моральных бедствий. Я в тот же вечер получил ряд выговоров и замечаний за приглашение без спросу супруги и в такую пору, когда слуга заболела. Те же самые упреки повторились и вчера. Мое предложение пригласить повара Саськов не было принято. Сегодня я предлагал попытаться, не может ли Григорий-дворник услужить во время обеда. Но и это было отвергнуто.

Сел я за чай и завтрак. Теперь я пью чай с котлетой в 10 ч.

Начинается грызотня. *Приглашает на обед, когда самим скоро есть нечего, подумал бы о семье,* и тому подобное на эту тему.

Не выдержал я и вспыхнул. Бросил булку об чашку с чаем, разбил мою карлсбадскую чашку и ушел, не пивши чаю и не завтракавши, в типографию сдать в печать годичный отчет Юридического общества.

Дорогой в душе моей все перегорело и я пришел со спокойным духом и сел за работу как ни в чем не бывало. Я чувствовал только, что моральной связи не было и нет. Да и взять ее неоткуда, если нет элементов в душе. Когда дают пощечину, то этим оказывают неуважение к человеку.

Написал несколько писем. Кончил прошение мин[истру] вн[утренних] дел для студента Тарханова, которого деньги на почте украдены, а почтовое ведомство их не выдает.

На этих же днях я написал для Саськов жалобу в Сенат на неприятие Полтавскою межевою палатою апелляционной жалобы. Срок истекал 7 нояб[ря]. Жалоба пришла 4-го и этого же числа почта уведомила палату о получении жалобы. Регистратору угодно было взять по почте жалобу только 8-го. Межевые палаты — это остаток старых учреждений, в которых взяткою можно было достигнуть самых нагло несправедливых решений.

8 ген[варя]. Вторник. 2 ч. дня.

Посланы письма в ответ: Смирнову в Москву, в редакцию «Юрид[ического] вест[ника]», Ступину, Колесницкому, Пероговскому, Чубинскому, Жданову, Дыминскому. И, кроме того, Сторожевскому, Моховику и Антоновичу в Ново-Александрию.

8 генв[аря]. Вторн[ик]. 9 ч. веч[ера].

Вчера был торжественный акт в университете. Профессора у-та, к стыду их, всегда были неохотники посещать этот годовой праздник своей *Alma Mater*.

Ныне, вследствие распоряжения, чтобы профессора были на акте в мундирах, многие поневоле, но явились. К числу таковых принадлежал и я. Профессоров было семь-восемь.

Читал речь Тритшель, вновь избранный профессор по кафедре терапии, о сверхъестественном в медицине. По общему отзыву, речь была очень слабая. Отчет читал соловей — А. В. Романович-Славатинский.

Новые правила в отчете превознесены были до небес. Похвалы вызвали в молодежи чувство негодования. Брань втихомолку сыпалась на читавшего. Славатинскому пришлось испытать, впрочем, отчасти только, в чужом пиру похмелье.

Сочинял отчет ректор Бунге. На него первого должна пасть и ответственность за это чиновное лицемерие и двоедушие.

Славатинский виноват только тем, что взялся читать другим сочиненное и, таким образом, как бы своим чтением как бы усвоил себе то, что другим было написано. Но публика неразборчива. Она не вникает и судит по внешности. Похвалы эти есть плод чиновнического двоедушия и лицемерия. У себя дома мы одни, официально мы являемся другими. Такое двоедушие — признак разложения.

Для Бунге это, впрочем, не первинка. Он всю жизнь свою вилял и имел две физиономии. Для карьеры, для почестей, он был вечным хамелеоном.

Не простительно также и Славатинскому. Этот флюгер, хотя безобидный, простодушный, безрасчетливый, наивный, всем и каждому в домашнем кругу говорит о нелепости новых правил, что вчера не поме-

шало ему теми же устами восхвалять эти самые правила. Право, будь я важным правителем, дающим тон, я бы в грош не ставил преданность моему режиму таких субъектов, как Бунге и еще более Славатинского. Первый глубже, но зато и коварен. Второй мелок, поверхностен, но простодушен. Его можно склонить, поклонить суцим пустяком. О! Бунге не таков. Его расчеты значительны. Дешево он себя не продает. По крайней мере, несколько должностей и высокие ордена. Славатинский же променяет себя и все что у него за душой за чечевичную похлебку, конечно, в политическо-общественном отношении, а не в частном кругу, здесь оба они вполне порядочные люди.

Приятель был вечером. Сообщил, что появились новые прокламации. Ректор и попечитель получили по экземпляру по городской почте. И тот, и другой ему давали читать, конечно, по секрету.

Написано не от лица социалистов, а от лица молодого поколения. Осуждение правительственной системы притеснения; толстовского классицизма; стремления сократить расширение образования и сосредоточить его, если можно, в более богатом классе. Взывают к обществу, чтобы оно их поддержало. Клянутся, что не перестанут бороться, пока не победят.

Слухи об увольнении попечителя не оправдываются. А то рассказывали, что он будто бы нанял уже квартиру. Зато утверждение Воскресенского — дело решенное. Об утверждении его сообщил сам попечитель.

Получил письмо от Жданова. Извещает, что есть возможность приобресть орудие наших телесных наказаний — плеть.

По уговору с ним, он пишет в иносказательном смысле. Вместо слова *плеть* стоит слово *Литовский статут*.

Хотя желание приобресть для научных целей эти орудия казней совершенно невинное желание, в особенности со стороны криминалиста, который не раз сам не видел их собственными глазами, но в нашем царстве, где все могут заподозрить, необходимо быть в высшей степени осторожным и осмотрительным.

8 генв[аря]. Вторник. 1/2 10 ч. вечера.

Сегодня был у меня пятый урок с Володей по части классицизма. Переводил Корнелия Непота. Сегодня он повторил сам VII главу, а вместе прочитали VIII — «Алкивиад».

До праздника, до 8 декабря, в течение двух месяцев ходил заниматься с ним студент IV курса филологического ф-та Струковский. Я присутствовал на его уроке, последнем. Убедился, что я сам не хуже его в состоянии читать с Володей Непота. В особенности, если взять во внимание, что я за каждый урок платил 1 руб. 50 коп., а вместе 12 руб., что для моих, крайне ограниченных средств, очень обременительно.

В последнее время я прочел всего Корнелия. В чтении этом нахожу высокое наслаждение. Нечто воскресил из старого. Нечто возобновил. Вообще почувствовал некоторую страсть к чтению классиков. Мечтаю о дальнейшем усовершенствовании. О прочтении Цезаря, Саллюстия, Светония, Ливия и других.

9 генваря. Среда. 11 ч. вечера.

Посланы письма: Баршевскому, Свечинскому, Милорадовичу в Каменец-Подольск, Забугину в Кишинев, Лукьяновичу, брату Павлу.

Посетил меня сегодня Доброгаев, учитель Ямпольского двухклассного училища. Просил замолвить слово пред попечителем о представлении ему смотрительского места. Доброгаев, брат отца Ивана Доброгаева, моего товарища по семинарии, и моего корреспондента по обычному праву. Обещал переговорить с Горовым, инспектором училищ, а затем уже говорить с попечителем.

Доброгаев женат. Жена его состоит надзирательницею женского отделения в том же училище. На нее недавно был сделан одним местным священником донос, как о нигилистке. В доказательство ее нигилизма указано было на то обстоятельство, что она один раз сидела в церкви во время богослужения. Несмотря на вздорность такого обвинения, наряжено было формальное следствие для разузнания, не нигилистка ли она.

Сегодня я получил письмо из заграницы, из Ясс. На конверте написано от Ф. К. В[олкова]. В конверте содержится вырезка из польской газеты, в которой рассказан процесс во Львове некоего Ивана Барана, осужденного на смертную казнь, и маленькая записочка, в которой Ф. Вол[ков] пишет, что он посылает мне как криминалисту интересный случай смертной казни. Это, очевидно, от Ф. К. Волкова, бежавшего за границу.

С Волковым я ни в каких сношениях ни прежде, ни после его бегства за границу не был.

Я не понимаю смысла этой присылки, разве только вызванной желанием дать знать, где он ныне обретается. Волков женат на племяннице В. Б. Антоновича. Лет пять назад тому он жил в нашем доме. Он несомненно самый глубокий и самый деятельный радикал. Думаю, что он посвящен был в тайны радикализма.

В процессе Осинского, которого Чертков повесил весной прошедшего года, он вызван был свидетелем. Стрельников, прокурор по душе с инстинктами палача, запутал его на допросе. Волков, возвратившись из суда, почувствовал, что что-то неладно. Как опытный заговорщик, он чувствовал, что Стрельников на него охотился недаром. Он чувствовал внутреннее беспокойство: он предвидел что-то недоброе.

В 1/2 12 ночи того дня, в который он свидетельствовал, простившись с женой, он оставил квартиру. А в 4 часа утра, через 4 1/2 ч., жандармерия нагрянула на его квартиру. Но было поздно. Дичь улетела. Охотники возвратились с пустым.

Волков очутился в Одессе. Там он был захвачен вместе с другими в какой-то западне, но не как Волков, а как неизвестный, назвавшийся другим именем. Он вломался в амбицию, что его, совершенно чистого человека, ни в чем не повинного, задерживают. И так красноречиво и убедительно говорил, что был отпущен. Того же или на другой день он уже ехал на корабле. Через три дня после сего пришло из Киева в Одессу предписание искать и захватить Волкова. Но его и вода умыла.

В руки жандармерии досталась не столь важная добыча, жена Волкова, с грудным ребенком, и другим — 5-летним. Продержав и промучив ее под арестом, в надежде, что чадолюбивый отец и любвелю-

бивый муж явится на выручку. Но так как этого не случилось, то Волкова была сослана в Вятку.

Не убежи из отечества Волков, он, наверняка, в настоящее время очутился бы не ближе как в Восточной Сибири.

Лично я, чуждый совершенно этому человеку, был рад, что от инквизиторов убежала жертва.

10 генв[аря]. Четверг. 3 ч. дня.

Написал письмо Льву Фомичу Смоловику, члену Пермского окружного суда, старому университетскому товарищу, человеку честнейшему, добрейшему и незлобивому. *Sancta Simplicitas* [3].

Памятен мне 1858 г., когда я приехал в Петербург. Я нашел Льва Фомича живущим вместе с Н. О. Лычковым, сыном киевского купца.

Как различна судьба этих двух друзей. Я говорю друзей потому, что они были на «ты». Смоловик был учителем в семье его отца. Как бедняк, он первоначально в Петербурге жил в квартире Лычкова, ничего ему не платя. Лычков самых дюжинных способностей, хотя при окончании у-та и получил золотую медаль: вялый, ни к чему высокому не чувствовавший влечения, пробавляющийся чтением романов. Одно, что он таил в душе, это купеческие инстинкты, наследованные от своего отца. Эти инстинкты в таких натурах скрыты где-то глубоко, инстинкты хищника, жадного к наживе. Они часто бывают скрыты под маскою благочестия, в вялой и, по-видимому, равнодушной натуре. В скромном благоприличном человеке. Дайте им только случай развернуться, среду развиться.

Лев Фомич — по уму натура не богатая, но золотое сердце. Это-то сердце спасло и его ум от спячки. Приехав в Петербург, он не успокоился тем, что он приобрел в школе и у-те, он продолжал читать серьезные сочинения, он изучил в Петербурге французский язык; он думал, он вращался в среде интеллигентных людей.

Н. О. Лычков женился на дочери петербургского маклера. Тесть и жена способствовали развернуться его купеческим инстинктам, только не на каких-нибудь купеческих или промышленных предприятиях, а на поприще департаментских взяток.

При помощи тестя он получил место начальника отделения в одном из д[епартаменто]в Министерства путей сообщения, кажется, в том, в котором ведаются железнодорожные дела. И вот ныне Н. О. Лычков — обладатель капитала, собственно им приобретенного, одни считают в триста, другие в четыреста, а третьи — в пятьсот тысяч.

В 1878 г. он переехал на житье в Киев. В начале истекшего года он выступил на городских выборах. Раз как-то я присутствовал при счете голосов. Речь зашла и о голосах, полученных Лычковым, и о самом Лычкове. Кто-то заметил, что Лычков вывез из Петербурга очень значительный капитал, пожалуй, тысяч 100. На это Ренненкампф заметил: «Ошибаетесь. Еще недавно чрез Государственный банк было переведено сразу на его имя 300 000 р[уб.]. Лычков должен был оставить службу не по воле. Он задет был делом братьев Мейнов. Эти два брата чуть было не получили из железнодорожного д[епартамен]та 180 000 руб. сер[ебром] по подложным документам. Чтобы достигнуть цели, они обещали некоторым чиновникам 20 000 руб. сереб[ром]. Дело было слажено, но сорвалось.

Что в числе чиновников, вероятно, был и Лычков — это видно из того, что он являлся свидетелем по сему процессу. Это первое. А вто-

рое. Скоро после этого процесса он вышел в отставку. Очевидно, он вышел не по воле. Такая серая, флегматическая и апатическая натура не могла же добровольно оставить службу и притом какую службу, такую, которая доставляла ему, хотя и вялому, но хищнику десятки тысяч ежегодно.

Зная флегматическую натуру Лычкова и знакомый с его самым дюженным умом и отсутствием у него энергии и предприимчивости, я глубоко убежден в том, что сводником в его взятках был тесть его, маклер. Жена его, должно быть, играла не последнюю роль. Это быстрая, энергичная и хищная пантера. Она мужа своего за пояс заткнет.

Но так или сяк, одно несомненно, что Лычков взятками нажил большое состояние. Был ли у него подстрекатель и руководитель, и кто был, жена ли, тесть ли, это в нравственном отношении совершенно безразлично. Он пустил было по Киеву помолвку, что он зашибил капитал тем, что был посредником между железнодорожными предпринимателями и заграничными поставщиками рельсов, вагонов и других железнодорожных принадлежностей.

Ложь и клевета. Во-первых, Лычков в языках неуч. Во-вторых, он по природе мямля. В-третьих, спрашивается, удобно ли и дозволительно ли чиновнику заниматься такими делами. В-четвертых, это невероятно. В-пятых, комиссионерство — не его ума дело. Вот другое дело — брать взятки. И притом еще при посредстве каких-нибудь союзников. Должно быть, мнения о нем киевлян дошли до его ушей. Скоро после выборов, уже в начале весны прошлого года, он и жена его стали собираться обратно в Петербург. В Киеве они уже имели свой дом. Здесь они устроились. Дети их переведены были в киевские гимназии. И вдруг он, не дождавшись даже вакаций, уехал из Киева. Продал дом с потерей.

В Петербурге, в этот новый Вавилон, где живется хорошо и не таким плутам. Это большое море, где плавают привольно и хищничают хищники всякого калибра, и те, которые с величайшею энергиею преследуют свою добычу и ее глотают, и те, которые, оставаясь на одном месте, раскрывают пасть тогда, когда идет мимо их добыча.

Разница натур, разница судеб. Смоловик и Лычков. Смоловик едва имеет насущный. Лычков — многие сотни тысяч. Уже ли Лычков способнее Смоловика? Нет. Может быть, он просвещеннее, знающее? И то нет, напротив, Смоловик неизмеримо выше его в этом отношении. В чем же разница? В инстинктах. Лычков принадлежит к породе хищников. Смоловик из породы полезных домашних животных.

Трагический контраст представляет ему Знаменский. В год, когда Лычков посчитал свои 300 000 руб. и ушел из д[епартамен]та сух и здоров, Знаменский, нелюбимый и гонимый начальством, пришел в д[епартамен]т и там под влиянием какого-то оскорбления и огорчения внезапно упал и умер.

А Знаменский — однокурсник по у-ту. Жена Знаменского в доме умалишенных. Голодные дети — сироты.

Лычков — университетский человек? Да, и таковых много. Не мешает разобраться, что же дают народу у-ты, хищников или охранителей его от хищников?

10 генв[аря]. В 10 ч. вечера, после возвращения из заседания Думы.

Посланы письма: кн. Кострову в Тобольск, Могилянскому в Чернигов, Смоловику в Пермь, брату Федору, отцу и брату Николаю.

Сегодня посетил меня П. А. Барский. Он председатель совета городской сберегательной кассы, состоящей при городском управлении. Я назначен председателем комиссии по рассмотрению отношений городского управления к этой кассе. Он просил меня, чтобы ускорить это дело. Я обещал. Действительно, я затянул его. Только недавно мне удалось познакомиться с делом об этом учреждении.

Я беседовал по сему вопросу с И. С. Иващенком. Он советовал мне войти в переписку с Ефремовым, директором Государственного банка, заведующим этими кассами.

Барский женат на сестре Беренштама. Речь естественно перешла от других предметов к сему мужу. От Беренштама я перевел речь на конституцию. Я сделал вид, что Беренштам не более, как конституционалист, хотя в сущности он принадлежит к радикальной партии, какого оттенка и каких красок, я сказать не могу, по неимению точных данных.

К удивлению моему, я нашел в этом купчике большую расположенность мыслей к восприятию конституционных порядков. Конечно, этот купчина большой хитрец. Самая речь его, самые ухватки его, внешний образ поведения, указывают на его гибкую, извивающуюся, хамелеоновидную натуру. Но строй его мыслей, очевидно, родствен конституционному устройству. Так, он считает глубоко нелепым ходить, биться за болгар, их свободу, давать другим конституции, когда мы сами ничего подобного не имеем. Он убежден, что и при конституционном образе правления правительство могущественно может быть. Он слышал, что царь не прочь дать конституцию.

Если этот поклонник Меркурия гибкий, извивающийся, осторожный, способный в одно ухо влезть, в другое вылезть, с некоторою расположенностию отношения к конституции, то это добрый признак, это значит, что конституционные идеи делают успех, проникают в массу и делаются достоянием даже поклонников Меркурия.

11 [генваря]. Пятница. 11 ч. утра.

Забыл я занести в мою летопись хотя мелкое, но характерное событие. Увол[ь]нение от должности председателя С. Петербург[ского] военно-окружного суда генерала Дебоа. Он уволен по политическим причинам. Он председательствовал в процессе Мирского. Суд под его председательством признал виновными только двух: Мирского и Тархова. Остальных шесть человек он признал от суда свободными. Вот за признание невинными этих-то шести человек генерал Дебоа слетел с места.

Об этом событии сообщил мне сведения 6 генваря Стрельников, прокурор Киевского военно-окружного суда. Его злорадство этому событию, его комментарий, его сыщнические похоти, его злобственные отзывы об освобожденных, его упреки, посланные Дебоа и другим приятелям военно-окружного суда в Петербурге, свидетельствуют о самой злобной, сухой, бессердечной натуре Стрельникова. Да, это палач по душе. Да, это безжалостный прокурор по натуре. Паук среди людей. Он еще в Петербурге прослыл лет восемь тому назад за охотника предлагать суду определять тому или другому подсудимому смертную казнь.

Это человек с искрой, только не божественной, а дьявольской. Он опоздал лет на триста родиться. Он бы был в своей сфере среди пыток и всевозможных юридических изувечений и ужасных смертных казней. Бывают же такие аномалии: человек был бы хорошим проку-

ром XVI стол[етия], а природа его родила в XIX в[еке]. Хорошо еще, что Бог послал этому пауку в образе человека экстраординарные суды и притом военные. Не будь этого, природным его инстинктам развернуться было бы негде. Ныне он, почуяв жертву, запутывает ее в свою паутину, сосет и доводит до смерти.

И этому человеку приходится смотреть в глаза и спрашивать: «Как Ваше здоровье, почтенный Василий Степанович, что поделывали праздником. Да, я и забыл поздравить Вас с ним. Поздравляю, поздравляю и желаю Вам всяких благ и всякого благополучия». А благополучие этого человека достигает и высшей степени, если ему придется впиться в слабую муху-солдатика и за потерянную казенную пуговицу упечь его в арестантские.

С этим прокурором я встречаюсь в двух обществах: юридическом и обществе исправления малолетних преступников. Что ж? Не прикажете ли отказаться от мира и убежать в пустыню, по примеру фиваидских пустынников. Убежал бы, если бы не был убежден, что фиваидские пустынники были люди положительно помешанные, а главное бесплодные протестанты, не столько противодействовавшие разврату, сколько породившие дух христианского лицемерия, притворства и ханжества. Тартюф взял нечто у них, чтобы себя создать.

11 [генваря]. Пятница. 1 ч. дня.

В только что полученном письме Л. Я. Рудановский пишет: «Затишье, по мнению авторитетов, также ненадежное, непрочное и действующее усыпительно только на людей, долженствующих бодрствовать, а в сущности грозящее новою *подлостью,* новою бурею, предвидеть форму и выражение которых никакая человеческая предусмотрительность не в силах».

Очевидно, Рудановский намекает на общераспространенные слухи о том, что радикалы опять готовят что-то большое, какое-нибудь тяжкое покушение. «Форму и выражение которых никакая человеческая предусмотрительность предвидеть не в силах?» Вот до чего дожило и русское общество, и русское правительство. Они знают, что что-то готовится, но предотвратить и даже форму и выражение предвидеть они не в силах, не в состоянии. Очевидно, что такое состояние тяжко ненормально. Ходят, как слепые. Правительство закусило удила и мечтает об уничтожении зла не посредством реформ, а посредством уголовных экстраординарных военных судов и полицейских преследований. О! Жестоко, тяжко, грубо оно ошибается в выборе средств.

Чтобы искоренить зло, настоит крайняя необходимость, в этом все благомыслящие люди согласны. Но какими средствами? Тут общество радикально расходится с правительством.

11 генв[аря]. Пятница. 9 ч. вечера.

Я за собою слежу, как за больным. Стыдно сознаться. А между тем так есть. Душа моя занята, закрепощена предстоящими завтра выборами в председателя. Я бы желал остаться. Но мне мерещится, что я не буду выбран. Компания: Демченко, Пихно, Скордели, присоединив к себе лиц к ним расположенных, могут меня провалить.

А если придут Ренненкампф, Митюков, Владимирский-Буданов, Незабитовский, то, конечно, мне не быть председателем.

Да, Ренненкампф, Митюков, Владимирский-Буданов в научных за-

седаниях никогда не бывают. Ужели они явятся для выборов? Отчего же нет. Ведь два первые смотрят и на Юридическое общество как на среду для обладания и властвования и пожелают вытеснить меня и отсюда. А между тем, если бы душа моя не была суетна и наклонна к власти, мне было бы гораздо вольготнее, если бы я не был выбран в председатели.

Эта обязанность отнимает у меня достаточно и очень времени. А у меня 2-е издание учебника на душе лежит; ведь я взял деньги из у-та на издание еще в начале прошлого 1879 г. Должность председательская стоит мне достаточно беспокойства. Прошлогодние постовые передряги из-за сделанного мною предложения об открытии отделения обычного права, нападки, личные, гнусные презренного Пихна, выходки секретаря общества Скордели по поводу моего предложения побеседовать в обществе по вопросу о суде присяжных в Юго-Западном крае, целое ополчение, воздвигнутое на меня кликой Демченка, постом прошедшего года — все это заставило бы менее неугомонную натуру, чем моя, отойти от зла и сотворить благо, отнестись с полнейшим равнодушием к предстоящим выборам и удалиться исключительно к кабинетным занятиям.

Но странно: с моей душой я совладать сам не могу. По мыслям я благороднее, чем по натуре. В ней есть много такого, с чем я борюсь давно, давно — и напрасно.

Приходит мне опять на мысль Ф. К. Волков, который напомнил мне о себе своим коротеньким писемцом. Это в высокой степени типическая личность. Назовите его нигилистом. Назовите его радикалом. Назовите его революционером. Как хотите. Сам я не знаю, как его назвать. Но только знаю, что это тип нового русского человека, народившегося и воспитывавшегося в последние 25 лет.

Человек этого типа вот уже 25 лет энергически, неустанно и непрестанно работает над тем, чтобы подточить, разрушить, разнесть до основания старые формы русской жизни не только в смысле государственном, но и в смысле общественно-социальном. Эти люди глубоко захватывают жизнь. Мечты их идут так далеко, как никто о том и не думает. Как развился и образовался этот тип — это тайна социальной жизни, это вопрос, который не может быть удовлетворительно разрешен ни одним добросовестным человеком, если он не захочет стать на полицейскую, мелкую точку зрения.

Анализ этого типа даст в осадке часть Белинского, часть Искандера, часть Чернышевского, часть Добролюбова, Писарева и часть тех мелких писателей жур[нала] «Дело»[4], которые дошли было в своих сочинениях до площадной брани писателей не их толка, вроде Милля и других.

Но, во-первых, останется еще неразложимая часть. Во-вторых, кто может сказать, что указанные добытые части — простейшие тела. В свою очередь, искандеры, чернышевские, писаревы нуждаются в разложении и могут быть разложены.

Волкова, повторяю, я близко не знал, а наблюдал его издали. Сложился он в ранней молодости под влиянием Драгоманова и Антоновича. Но это влияние может объяснить только малую частицу Ф. К. Волкова. Естественник по образованию, он рано обнаружил наклонности к политиканству и к социальным наукам. В год моего отъезда за границу он брал у меня тот том Полного собрания законов, в котором помещен процесс декабристов. По окончании курса он то занимался частным обучением, то служил в контрольной палате. Его

фигура всегда производила на меня впечатление немного одичалого человека, хотя он очень интеллигентен, бездомного пролетария, хотя вообще говоря он получал всегда достаточное содержание. Характеристическим признаком его жизни является то, что он всегда вращался в женском обществе. Нередко приходилось встречать его на улице в сопровождении трех-четырех девиц и каких свежих и милых лиц. Примерно, в прошедшем еще году я встретил его в компании пятерых девиц, с которыми он разговаривал на «ты». Не должно, однако ж, забывать, что лет с восемь как он женат.

Четыре года тому назад он отправился за границу, официально в Бельгию, для изучения, кажется, кожевенного производства, будто бы на счет какого-то богатого коммерсанта, для того чтобы потом устроить ему завод и им управлять. Но в действительности, как мне передавали по секрету люди тоже близкие ему, он уехал за границу не для кожевенного дела. Последнее было только предлогом. Говорят, он работал в типографии Драгоманова. Я не имею никаких данных о его пребывании за границею.

Можно по предположению думать, что там он кончил свое образование нового человека. Возвратившись в отечество, он вторично ездил за границу. Но на сей раз уже поневоле, в Вену для производства операции. Он страдал костоедою челюстной кости. Она у него вырезана и он шепелявит. Он меня почти никогда не посещал. Но вот как-то раз в прошедшем году встретился — и завел со мною речь о смертных казнях. Я, как специалист, сообщил ему кое-что и сказал, что у меня собрано много случаев смертной казни, совершенных в нынешнее царствование. Он убедительно просил меня сообщить этот материал. Он много говорил на тему, что царствование нынешнего императора одно из самых жестоких. Выражал намерение написать к 25-летию записку о совершенных казнях в этот период.

Я, как решительный и глубокий враг смертных казней, обещал ему сообщить собранный мною материал, дал ему несколько указаний, где и в каких изданиях он может искать сведений о совершенных казнях. Я забыл сказать, что после разговора на улице он через несколько дней зашел ко мне. Речь вертелась около того же самого вопроса о смертной казни. На этот раз кто-то нам помешал, сколько мне помнится, продолжать нашу беседу. С тем я с ним и расстался. Весной я уехал в Москву и Петербург. Возвратившись в Киев, я узнал подробности о процессе Осинского, в котором Волков являлся свидетелем, об охоте за ним Стрельникова, о бегстве его в Одессу. Позже получены были сведения о том, как он скрывался в Одессе, как он был захвачен полицией и вывернулся и как он потом бежал за границу.

На конверте его письма стоят: «Jassy» и «Ploesti».

Письмо помечено 16 (22 дек[абря] 1879 г. Но где же оно до сих пор лежало? Почему оно так поздно достигло моих?

Повторяю: Ф. К. Волков — человек нового типа: таковых на Руси развелось много. Правительство думает их изловить полицейскими мерами, известь казнями и ссылками. Напрасная надежда. Для этих людей конституция является тем, над чем они смеются. Они к ней совершенно равнодушны. Они метят и меряют глубже. Не подлежит сомнению, что с введением конституции эти люди останутся тем же, чем они теперь есть. Они сделаются врагами конституционалистов. А эти будут их преследовать по-свойски.

И какой-нибудь Ренненкампф, прибытка ради, или Бунге, часто-

любия ради, надевши шкуру конституционалистов, с позволения начальства, будут их преследовать так же исправно, и, может быть, более успешно, чем нынешние полицианты вроде Черткова.

11 генв[аря]. 10 ч. вечера.

Послал письма в ответ: Рудановскому в Петербург, Шендзиковскому в Харьков и Володимирову в Петербург.

Рудановский прислал 200 руб. от Петерб[ургского] общества для уплаты за 10 студентов за право слушания. Вручил другу. Указал четыре семьи, а остальные — его рекомендации.

Стр. 18. *12 генваря. Суббота. 10 ч. вечера.*

Получил письмо от одного из моих корреспондентов по обычному праву учителя Карпиловского сельского училища, что в Прилуцком уезде Полтавской губ., П. Э. Мищенка. Вот одно очень интересное место в его письме: «Не могу умолчать об одном курьезе, виновником которого Ваша переписка со мной. В декабре приезжает в мою школу инспектор. После ревизии училища отзывает меня в отдельную комнату и просит откровенно отвечать на его вопросы. Я дал слово.

— Вы получаете из Киева письма?

— Получаю.

— От кого? — Я сказал.

— Кто это?

— Профессор Киевск[ого] у-та, председатель Киевск[ого] юридического общества.

— А.

— Какого содержания переписка?

— Извольте сами удостовериться.— Я подал ему Ваши письма.

— Гм. Конечно, если председатель Юридич[еского] общества, то, конечно, ничего.— Я согласился с тем, что ничего.

— Однако ж, предупреждаю Вас, что если бы вы получили письмо преступного содержания, то не отвечайте.

Я, разумеется, пообещал. И в то же время для устранения всякого недоразумения просил его снестись с надлежащим начальством об Вашей личности.

Вопросы: как узнал инспектор, что я получаю письма? Как это человек науки, следящий за литературою, не знает Вас? Вопросы эти темны для меня».

Это один из миллионов случаев полицейского послушания и постукивания полицейскими и всякими ищейками сердца и ума русского человека. Напрасно. Этим способом они их не исследуют и не узнают. А только еще больше запутаются в недоразумениях. О сегодняшних выборах завтра.

15 генв[аря]. Вторник. 11 ч. вечера.

Сегодня, 15-го, в курильной комнате вывешена была быль или небылица на Воскресенского следующего содержания: «Наш полицеймейстер Воскресенский, по всему видно, будет служить Черткову и 3-му отделению. Его ректор Бунге не принял. Ему обещано директорское место, если он получил пощечину. Господа студенты, мы должны содействовать его повышению».

Эта быль или небылица была захвачена Грудзинским, помощником проректора, большим дураком, и доставлена по адресу Воскресенскому. Этот мудрец, вместо того чтобы истребить, стал показывать и разглашать. Одному из своих подчиненных он сказал: «Что ж, если они еще позволят себе нечто подобное, то я выйду в отставку. Пусть им назначат жандарма». Как будто сам он не жандарм. Завтра, конечно, все будут трубить во все рога. Вероятно, самое воззвание завтра же будет в руках Черткова.

Дурак дураком. Вместо того чтобы истребить и не придать никакого значения, он сам же разводит историю и накликает на свою голову скандал.

Наивное юношество. Думают, что Бунге не принял Воскресенского, тогда как сегодня у этого хамелеона назначен специальный обед для Воскресенского. На этот обед приглашены Воскресенский и деканы. Если бы сегодня обитатели Киевского острога какими-нибудь судьбами достигли власти и стали во главе управления и если бы они за Бунге оставили все должности или прибавили еще и новую, он завтра же сделал бы им визит, а послезавтра у него эти герои уже были бы на обеде. *Несть власть, аще от Бога.* Властям предержащим да повинуйтесь. Но, конечно, под условием, если она угобзит наше властолюбие и честолюбие.

Сегодня я читал первую лекцию после праздника. Человек 20—25 студентов собралось.

Мне все мерещится похоть Воскресенского посещать наши лекции. Я сегодня возбудил вопрос по сему поводу в лектории и говорю: «Закона, предписывающего посещать наши лекции инспектору, нет. Следить же за посещением студентами лекции он обязан. Следовательно, приди он на нашу лекцию, каждый из нас должен так поступать. Встать с кафедры и сказать: «Вы пришли исполнить вашу полицейскую обязанность — сделать перекличку. А, милости просим. Вот мое место. Извольте его занять. А я повременю, пока Вы исполните свою обязанность. И не продолжать чтение, пока он будет в авдитории». Тут вмешался в речь Демченко, один из семи новейших глупцов, и говорит: «Нет, господа, Воскресенский человек вполне порядочный. Скромный. Тихий. Благоразумный. Обязанность его вполне почтенная».

Даже Аландский, один из фальшивых людей нашей корпорации, заметил: «Не думаю, чтобы положение Воскресенского было не фальшиво». Я прибавил: «Он поставлен в положение, или не исполнять правила и обманывать правительство, которому он взялся служить по части осуществления этих правил, или же он должен исполнять эти правила и стать в сношение с «черным кабинетом».

Милый Демченко. Воплощенная умеренность и аккуратность. Она всякому люба и угодна. Она подкупит и обманет хоть кого.

Приходят мне на память *тринадцать,* с Драгомановым во главе, издававших «Киевский телеграф» блаженной памяти. Когда они отыскивали редактора, после выхода Кибальчича, то они обращались с предложением к Демченку, чтобы он принял на себя редакцию этой радикальной в некотором отношении газеты. Это, что называется, политикан.

Опять это политиканство напоминает мне другой эпизод из своего проявления.

Есть и теперь в Киеве пресловутый Всеволод Аврамович Рубинштейн, милостиею божиею и покровительством Бунге, директор Промышленного банка. Ловкий, бойкий, продувной, крещенный жид, со

всеми инстинктами, похотями и страстями того племени, от которого он происходит. Словом, это есть истинный потомок знаменитого Иакова, который умел за чечевичную похлебку купить себе очень дорогое первенство у страстного, наивного, простодушного и грубоватого Исаакова и в то же время был до такой степени близок к Богу, можно даже сказать, в дружеских отношениях с ним, что раз даже они друг с другом боролись. Нужно сказать, что Господь-Бог Иакова был существо невысокого полета. Он любил, чтобы ему одному льстили, а тем, как ты себя ведешь, хищничаешь ли и надуваешь даже слепого отца и простодушного брата, и покупаешь у них то обманом, то на дурничку ценные вещи, он тем вовсе не интересовался. Так и наш новейший Израиль — Всеволод Аврамович.

Он исправно обделывал свои дела: служил и Богу, и мамоне. Находился между Драгомановым и Бунге, и с тем и другим был в приятельских отношениях, сочувствовал и парижским коммунарам, и был доверенным лицом пресловутого Евг. И. Ламанского, заведомого покровителя банковских воров.

Наконец, этот новейший Израиль пошел так далеко в виртуозности, в одно и то же время в обмане отца и в покупке первенства у своего брата за чечевичную похлебку и в милой приятельской бороньи с Богом, что когда венчался, то по правую руку он имел у себя полковника Киевского жандармского управления, а по левую — Михаила Петровича Драгоманова, главу киевских радикалов. Ныне Всеволод Аврамович благоденствует, благодаря своей ловкости. Хотя в настоящее время осталось немного наивных дураков, считающих его *светлою личностию,* но он теперь поистине благоденствует; сам богат и на богатой женат, в самых приятельских отношениях с жидовскою буржуазиею, и отлично стоит с Ник[олаем] Христ[ановичем] Бунге, главою и покровителем буржуазных хищников в г. Киеве.

Получил письма от Чубинской, Ершова и Тарасова.

Говорят, в «Киевлянине» Пихно, запяточный человек, как его называет Юркевич, сделал новую выходку против меня. Об этом сказал Демченко. Даже не одобрил. Конечно, лицемерно. Меня это известие ни малейше не тронуло. В добрый час. Делаю некоторые успехи в твердости духа, испытывая уколы булавкою. Пихно мстит мне за субботнее заседание. Ему не по нутру сильно, что я опять выбран председателем. Это нож в его гнилое сердце. Он злобствует, что ему не удалось провести своих подвохов. Злобные, интриганские, мелочные, способные на подлости, сплетни и всякие подвохи, натуры: это он, Дмитрий Иванович Пихно и Скордели, молдованин как есть, о котором его университетские товарищи говорят, что он никому из них не давал записок своих иначе, как под условием покупки для него чашки шоколаду. Я, конечно, к выборам не приготовлялся. Считал ниже своего достоинства говорить кому бы то ни было о необходимости дружно стать.

Они пытали надежду выиграть свое дело: достигнуть того, чтобы я не был председателем Юрид[ического] общества. Они провели даже Крохмаля, жида во втором и третьем поколении, который два года не платит своего членского взноса, никогда не является в заседание, не принимает никогда участия в каких бы то ни было рассуждениях. А на выборы явился. Прекрасный делец.

Должно сказать, что в собрании явилось только 21 человек. Те, которые мне в глаза говорили любезности, вроде Неймана, которые делали мне визиты, глаз не показали.

Один оказался мне верным из старых моих отношений — это Чарнецкий. А психологическое мое настроение было таково. Я думал, что мою ревность, мое усердие, мою преданность делу, внесение порядка в ведение дел общества и регулярности в заседания, оценят по достоинству. Вышло полное равнодушие.

Тем не менее я выбран был 13 гол[осами] против 7. Демченко получил 8 — «за», 12 — «против».

Речь шла об уменьшении членского взноса с 10 на 5 руб. Софисты и во главе их Пихно хотели возбудить прения примерно на час, а то и больше. Демченко, согласившийся 6 янв[аря] на уменьшение в качестве члена совета, готов был броситься в противоположную сторону, почуяв поддержку Пихно. Но я его, их всех осадил собранием голосов. Решено уменьшить плату. Тогда Пихно хотел, чтобы я допустил чтение ревизионного акта, им сочиненного. Дело в том, что в конце года ревизуются книги приходо-расходные и вообще расход. Книги ведет казначей, на его же руках и деньги. Казначей был тот же секретарь Скордели.

Я, относясь к делу и людям даже мне враждебным *bona fide*[5], не принял мер к тому, чтобы в ревизионную комиссию назначены были люди, мне не враждебные. Я верил, что никто из этой ревизии не может сочинить никакой кляузы — и ошибся. Скордели подсказал имена Пихно, Карвольского-Гриневского, я произнес имя Сегета, человека вполне индифферентного,— и комиссия готова.

Вот Пихно и смастерил ревизионный акт в виде критики действий общества или, лучше сказать, моих.

Я ввел печатные повестки с подробным обозначением содержания докладов. Посредством сих повесток общество пришло в соприкосновение с иногородними своими членами и получило возможность городских своевременно и точно извещать. Раскритикована эта мера. Стоит дорого — 33 руб. Я принял меры для более исправного получения членского взноса. И достиг того, что в истекшем году членские взносы поступили в количестве более чем от 2/3 членов, тогда как в 1878 г., за председательство Демченка, едва одна половина уплатила. Причем, с утверждения общества все взносы, присланные в 1879 г., засчитываемы были за этот год, согласно назначению, если бы даже член не уплатил членского взноса за 1878 г.

Интриганы Пихно и Скордели, секретарь-подстрекатель, нашли, что следовало бы эти взносы засчитывать за прежние годы. Раскритиковано было даже будущее предложение об уменьшении членского взноса на 5 руб. Я писал Скордели, чтобы он сообщил мне за день, по крайней мере, до заседания ревизионный акт. Он мне не ответил и прислал чрез сторожа какой-то клочок бумаги, на котором была написана счетная часть ревизии без малейших намеков на критику. Затем, во время заседания, Скордели всучил мне под шумок ревизионный акт, сказавши: «Вероятно, вы его прочитаете, он ведь относится ко мне как секретарю». Я не дался в обман и сказал, что, позвольте, прочитаю. Когда же я прочитал, то увидел, что умысел другой тут скрывается: они хотели путем скандала, горячих и страстных прений затянуть дело, сбить меня с толку и пустить богиню раздора в среду собрания с факелом резких слов как бы огненным. Пихно требовал прочтения акта. Я, ссылаясь на то, что в повестке ни слова о сем акте не было, сказал, что акт этот вручен мне в самом заседании, отказался от его доклада наотрез.

Пихно бегал, как черт пред заутреней, требовал возвращения ему

доклада, доказывал, что он имеет право сам собою его доложить, но я не внял его ложным доводам.

Теперь за то, что я действовал в своем праве в силу устава, за то, что я не допустил восторжествовать их интриге, он мне мстит мерзкими выходками в «Киевлянине». Посмотрим.

Собственно вся эта история — сущая мизерия. Я глубоко сожалею о том, что меня в нее втаскивают. Одно для меня утешительно: это то, что не я создатель всей этой мизерни, и что она меня, хотя задевает, но я в состоянии выше ее стать. Я даже не намерен отвечать плуту Пихну. Я собираюсь выстрелить в него за один раз и притом с крепкой и возвышенной позиции.

17 генв[аря]. Чет[верг]. 1880 г.

Вчера получил известие от брата Николая о смерти отца. Мы ее ждали, хотя и не так скоро. Известие было неожиданно. Получив, я не проронил слезы. Так я остался и объявил о смерти домашним. Средние дети забегали ко мне в кабинет посмотреть, что со мною делается, т. е. не плачу ли. Пиша письмо брату, я не мог удержаться, чтобы не заплакать горько. Написал братьям Николаю, Федору и Павлу. Брату Федору писал о постановке памятника. В том же смысле говорил с братом Василием. После обеда отправился на Крещатик, чтобы посмотреть и приценяться к серебрянным крестам. Решил пожертвовать по кресту в обе церкви, в которых стоял усопший настоятелем.

Пусть сохранится память о нем в этих храмах. Для Михайловской церкви я выбрал крест в 60 руб., для Николаевской — в 45 руб. На первом кресте будет следующая надпись: «На вечную память священника Ф. Е. Кист[яковского], бывшего настоятеля Городиской Михайловской церкви с 1853 г. по 1866 г. Жертвует сему храму сын усопшего, 10 генваря 1880 г. Александр». На втором кресте будет вырезано: «На вечную память священника Ф. Е. Кист[яковского], бывшего настоятеля Городиской Николаевской церкви, с 1827 по 1853 год. Жертвует сему храму сын усопшего, 10 генваря 1880 г. Александр».

Еще третьего дня я беседовал о состоянии здоровья покойного отца с братом Василием, который после поездки к отцу беседовал с Караваевым. У отца был отек ног и он уже больше месяца, как лишился возможности ходить. Сильно страдал. Караваев сказал, что болезнь безвозвратная и что она может кончиться старческою гангреною. Я горевал, что отцу придется испытывать еще более ужасное страдание и среди них сойти в могилу. Судьбе угодно было сократить его страдание, но вместе с жизнию.

Усопший наш отец был человек с превосходным сердцем и хорошим умом. Он имел и пороки. Но об них после, когда я буду излагать о нем воспоминания. Сам он, по моей просьбе, оставил и передал мне семь тетрадей своих воспоминаний. В них есть много интересного, или, по крайней мере, небезынтересного для характеристики быта духовенства первой половины нашего столетия. Отец имел доброе и горячее сердце. Он любил своих детей нежною любовию. Он желал видеть в них хороших, почтенных людей. Слава и доброе имя детей были славою и добрым именем его собственным. Он любил вдохновлять нас благородным честолюбием. Это на меня имело большое влияние — доброе и дурное.

Он при грошевых средствах тянулся, чтобы поддержать нас в на-

шем стремлении к высшему образованию. Когда отъезжал я в Киев, он дал мне кровных тяжких 50 руб.

Он был любомудрый человек, любитель полезного чтения. Книги исторического содержания были любимым его предметом чтения. Эту любовь его к истории наследовал и я. До последнего времени он не переставал читать. Брат Николай пишет, что в 10 ч. утра, 10 генв[аря], того дня, в который он умер, он спрашивал еще, выписал ли он журнал «Садоводство» [6].

Печально мне, что письмо мое поздравительное с Новым годом, опоздало: я писал ему именно в тот день, когда он умер. Всегда исправный, на сей раз я оплошал. Не спешил потому, что брат Федор ему писал, а брат Василий его посетил. Он умер спустя три дня после посещения брата Василя.

В последнее время между мною и им была теснейшая дружба и приязнь. Как неестественна смерть его, и мысль моя не мирится с его исчезновением из мира живых. Он остается живым только в наших воспоминаниях. Память еще живее станет рисовать его приветливую фигуру.

18 генв[аря]. Пят[ница]. 1 ч. дня.

15-го Пихно сочетался браком с женою покойного Шульгина, старее его лет на 8. Корысть сочеталась с любостяжением. На венчании присутствовали Бунге и Ренненкампф. Еще сапогов тех они не износили, в которых они ходили посещать старого умиравшего друга,— и уже успели присутствовать с светлым взглядом на торжестве, которое было окончательным погребением супружеских отношений покойного их друга, еще за жизнь его поруганных.

18 генв[аря]. 2 ч. дня.

Н. Х. Бунге, который из-за власти поклонился самому сатане, или, лучше, давно уже ему поклонился, даже без возведения его на гору высоку, уже сошелся с Воскресенским. Находится в *entente cordiale* [7]. Вместе будут заниматься лицемерием. Как бы сделать так, чтобы, подав вид, что новые правила они приводят в исполнение в то время, когда они их не приводят в исполнение. По части лицемерия, двоедушия, подтасовок и формалистики Бунге великий учитель. Говорят, что он получил от Толстого благодарность за успешное введение правил. Чего ж более.

В Московском университете,— на днях из Москвы возвратился Антонович В. Б.— все идет по-старому. Никаких новых правил. Никаких инспекторов. Московский у-т живет старою жизнию под покровительством высокопочтенного человека Долгорукова, генерал-губернатора.

Да, историк вспомнит когда-нибудь, как мы коротали жизнь в Киеве под руководством таких гениев, как Чертков, Бунге и Пихно. Эпоха самых гнусных полицейских притеснений Черткова. Эпоха бессовестных сделок и политиканства Бунге, который приличие ставит выше святого. Эпоха публицистики Пихна, который чувства палача кладет во главу угла общества.

Киевское общество, интеллигентное, не радикальное, приличное, принадлежит к самому испорченному по уму и сердцу. Его излюбленные люди — Бунге, Ренненкампф и Пихно. Чертков ему только награ-

да. Очень значительная часть профессорских душ сформировалась по типу трех указанных дельцов. Прибавьте сюда долю трусости и тупоумия и смешайте с теми качествами, которыми обладают наименованные герои,— народ дерзновенный в своих замыслах — и вы получите ту смесь и ту консистенцию, из которой состоит киевская интеллигенция.

Только что прочел освежительные слова профессоров Московского у-та на акте 12 генваря. Это не чета гадкой, подло-мизерной, холопски-лицемерной, коварно-предательской психологии киевского интеллигентного человека, героем которого, излюбленным человеком является Н. Х. Бунге и К°. Но о московских мыслях и чувствах потом.

Послал письма в ответ: Зеленскому в Полтаву, Ершову в Питер, Чубинской, Тарасову в Ярославль, Загоровскому туда же, Жданову в Житомир, Муромцеву в Москву. И брату Павлу не в ответ на письмо, а по вопросу о памятнике на могилу усопшего отца.

19 [генваря]. Суббота. 8 ч. утра.

Вот что напечатано в телеграммах «Голоса»: «Москва. Воскресенье. 13 января, 2 часа 2 минуты пополудни. Празднование годовщины Московского у-та было особенно торжественно. Речи говорили профессора Морковников, Ключевский и Тихонравов. Сущность сказанного Морковниковым такова: «В Европе установился обычай, по которому унив[ерситетск]ая коллегия преподавателей обновляется не иначе, как лицами, зарекомендовавшими себя в сфере научно-учебной деятельности университетов. Устав наших профессиональных школ преследует ту же цель. В России более, чем где-нибудь, нужно держать высоко, всем на показ, знамя науки. Наши школы будут, конечно, следовать примеру своих старейших западных образцов. Они знают, что университеты всегда будут служить для них источником живой воды, но для этого необходимо, чтобы сами у-ты имели средства и возможность стоять на той научной высоте, которая присуща понятию об университете, чтобы они не уклонялись от традиционного пути, намеченного историей прогрессивного развития человечества. И университеты наши несомненно сохраняют это высокое свое назначение, несмотря ни на какие неблагоприятные обстоятельства. История указывает примеры, когда искусственными насильственными мерами хотели заставить университеты преследовать несвойственные им цели, но университет всегда выходил победителем из борьбы, подобно тому, как всегда и везде оставалась победительницей наука, которой университет служит истинным представителем».

Прибавляют в телеграмме: «Речь проф. Морковникова произвела потрясающее впечатление».

Вслед за ним вышел доцент Ключевский, преемник Соловьева по кафедре русской истории. Он говорил о наиболее выдающихся моментах деятельности Соловьева и о влиянии его «Истории России» на развитие политического сознания в русском обществе.

«В 1843 г.— сказал, между прочим, оратор,— в статье о Парижском у-те, Соловьев выразился так: «Русское общество заключило святой союз с русским у-м, для дружного братского прохождения своего великого поприща». «История России» Соловьева служит новою связью, скрепляющею этот союз.

Свою речь Ключевский заключил следующими словами, вызвавшими взрыв рукоплесканий. «В наше время,— говаривал Соловьев,—

просвещение принесло свой необходимый плод, познание вообще привело к самопознанию». А самопознание — прибавил бы он,— если бы довел свой рассказ до нашего времени,— должно привести *к самодеятельности.*

Пишут дальше в телеграмме: «Ключевского сменил на кафедре профес[сор] Тихонравов, ректор у-та. Едва он взошел на кафедру, как разразилась буря восторженных рукоплесканий. Минут пять ректор не мог начать речь. Тихонравов представил краткую историю университета за прожитый год. Это был тяжелый для Моск[овского] у-та год, в который умерли такие светила, как Соловьев, Крылов и Басов. Говоря о Соловьеве, ректор Тихонравов сказал, между прочим, следующее: «Великий предшественник Соловьева, Карамзин, сказал, что профессорское поприще представляет неудобную почву для развития научных способностей. Соловьев же собственным примером опроверг это мнение Карамзина. *Соловьев, как ректор остался на страже тех прав, обладание которыми дает современному профессору возможность свободно развивать свои научные таланты».* Эти слова были покрыты громкими рукоплесканиями.

Все эти речи сами по себе взятые, безотносительно к порядкам правительственным, отвлеченные от политики Толстого по управлению Минист[ерством] просвещения, были бы только общими местами, повторением афоризмов, ничего нового не говорящих. Но в настоящее время, когда Толстой поклялся разрушить до основания университетское самоуправление, когда он ввел и вводит полицейский дух посредством своих знаменитых правил, эти речи получают не только крепкий смысл, но являются целым событием. Эти три речи — три пощечины интригану Толстому, состоящему на послушании у «Московских ведомостей».

Соловьев, первая ученая величина, был бесславным образом уволен Толстым от ректорства и профессорства. Эта несправедливость, говорят, укоротила дни высокопочтенного человека. А тут на университетском акте читают апофеозу ученой деятельности усопшего. Я думаю: что бы сталось с подобными речами в нашем у-те, состоящем под управлением Н. Х. Бунге, разменивающего и честь, и достоинство у-та на мелкую монету приличий и сделок с совестию.

В 1869 г. я читал речь на торжественном акте в годовщину *Alma Mater*. Речь о значении судебной реформы. Университет наш состоял тогда под ректурою Матвеева. Тогда Матвеев не был еще в числе агентов и служителей 3-го отделения. То есть, его еще не втянули, как позднее. Это ведь полный нуль в политическом и социальном отношении. Попыхач, которого можно толкать во все стороны. Абсолютная тупица в административном отношении. Мешок, наполненный багажом бунге-ренненкампфовской партии за услугу, оказанную им при возведении Шульгина в неудачного доктора истории. В год чтения мною речи он как-то держал себя как будто благородно. Он не считал необходимым речь мою цензировать.

Речь моя содержала несколько критических заметок на недостатки судебных уставов и на безобразное их применение. Тогда уже был министром юстиции пресловутый Пален. Она вызвала некоторую сенсацию. Говорят, покойный митрополит Арсений, бывший на акте, у которого я, вопреки обычаю, не брал благословения пред началом речи, выразился: «Так вот как в у-те. Если они публично говорят такие речи, что же они говорят без публики». Раб. Думал, что наука нуждается в дипломации и в плутовстве.

Сменил Матвеева Бунге. Он тотчас же ввел цензуру актовых речей. В настоящее время эту операцию производит целый цензурный комитет, под председательством ректора. Вот этот-то комитет урезал бы все концы речей московских профессоров, если бы они попали ему в руки. Сам великий мастер обрезываний и честных мыслей, и честных чувств, и превращения научных произведений в деловую бумагу, начинающуюся: «Вследствие отношения Ваш[его] пр[евосходительст]ва» — Н. Х. Бунге произвел бы эту операцию по-свойски. Он обыкновенно в эти комиссии приглашает Ю. Д. Сидоренко, который с полною охотою разменяет великую мысль человеческую, глубокий порыв чувства на сторублевую кредитку, или на билет того банка, в котором состоит товарищем управляющего.

19 генв[аря]. 1/2 12 ч. утра.

В прошедшее воскресенье сидят у меня около трех часов дня А. И. Сасько и А. Д. Юркевич. Речь идет о Воскресенском, ныне инспекторе у-та, а до тех пор учитель 2-й гимназии и, значит, товарищ Юркевича. Юркевич характеризует его как доносчика, интригана и ограниченного по уму человека. По словам Юркевича, Житецкий должен был выйти из 2-й гимназии, благодаря наговорам Воскресенского. Он же мешает тому, чтобы Науменко, украинофил, заступил его место в должности учителя высших классов во 2-й гимназии. Свояк Воскресенского Ростовцев — они женаты на родных сестрах — выразился, что за этою шайкою, т. е. Юркевичем, Науменком, Тумасовым, никто не уживется во 2-й гимназии, и что ее следует разогнать.

Только что Юркевич произнес имя Науменко, как в кабинете моем появился Воскресенский:

— Считал долгом представиться.

— Очень рад, ведь мы теперь состоим в одной корпорации,— сказал я.

И как же Воскресенский сконфузился, опешился, можно сказать, растерялся при виде А. Д. Юркевича, который об нем в гимназии вслух высказывает самое неблагоприятное ему мнение. Воскресенский сидел как на иголках, обескураженный, с разбитым от волнения голосом, с глазами удивленной лягушки. Я, как хозяин, старался сколько-нибудь возможно вывести его из такого затруднительного состояния. Явился он во фраке и с шапокляк.

Говорят, третьего дня снова выставлена была характеристика этого проходимца такого содержания: «Наш шпион — Воскресенский, вступил в отправление своих функций». Эта цидулка была экзекутором доставлена Бунге. А сей чиновник, вероятно, не замедлил представить по начальству.

Нужно быть низким, тупым честолюбцем, чтобы влезть в этот омут. Сознавать, что молодежь его терпеть не может, видеть сумрачные лица молодежи, думать, что каждый мимо идущий студент, вероятный автор этих милых отзывов, воображать, что в среде молодежи таится враждебность и более энергическая и более глубокая — и оставаться среди этого ада, среди этой враждебности, да это значит быть пожираемым низким, жадным честолюбием. Не сознавать же всего этого, значит, быть отъявленным тупицей и умственною мизериею. Я, впрочем, думаю, что здесь и то, и другое.

Странное время и странная политика наших правительственных сфер. Самою лучшею рекомендациею в глазах наших правительственников для определения к должностям считается позорная общественная репутация, глубочайшее недоверие народа к мерзкому человеку. Доказательством тому служит назначение Воскресенского инспектором. Оказывается, что между молодежью, тою именно, которая вышла из 2-ой гимназии, имя его пользуется презрением и ненавистью. Среди старших поколений он известен как *наушник*.

Подтверждением высказанной мысли может служить недавнее назначение профес[сора] Гарнича-Гарницкого инспектором женских курсов. О Гарниче иначе и не говорят как о человеке, который с казенною собственностию не церемонится. Во всех тех случаях, в которых он был хранителем общественного ковчезца, общее мнение приписывает ему ту роль, которую играл Иуда в компании Христа, когда он носил ковчезец. Так, крайне неблаговидно отзываются о Гарниче, как о раздаятеле в звании агента благотворительного славянс[кого] комитета пособий сербским добровольцам. Те же отзывы, но еще в более резкой форме везде и всегда слышатся о нем относительно расходования сумм, которые были собираемы на хину для войска в последнюю турецкую войну.

Сам Толстой, ненавистнейший из русских государственных людей XIX ст., могущий в народной ненависти стать наряду с Аракчеевым, человек никуда не годный как министр, запятнавший свое управление многими бесстыдными делами по отношению к русской науке и ее представителям — профессорам. Толстой держится не в пример прочим так долго, благодаря своей непопулярности. Надежный, мов, слуга, когда, он запятнан. Как будто довольно для государственных и общественных дел одной преданности и притом наружной.

О неблагонамеренности и благонамеренности этого рода существует следующий анекдот,— верх совершенства деяний покойного киевск[ого] генерал-губернатора Анненкова. При обозрении Подольской губ. он посетил школу, устроенную Ушинским, ныне пока директором Рубежовской колонии. Школа, говорят, оказалась образцовая. Анненков остался ею внешне, видимо, доволен. И в самом деле, все оказалось хорошим. Но именно это совершенство возбудило в уме мудреца Анненкова — он был туповат — мысль о том, что в школе кроется что-нибудь недоброе. В разговоре, который он вел с своим чиновником по дороге из этой школы, он выразился так: «Школа так хороша, так хороша, что трудно поэтому допустить, чтобы она ведена была в благонамеренном духе».

Нынешний генерал-губернатор Чертков из мудрецов этого стиля. Недавно он уволил из института учительницу Клосовскую, жену гонимого учителя военной гимназии. Когда он требовал увольнения, говоря, что и муж ее неблагонамерен и состоит он в связи с неблагонамеренными людьми, инспектор института заметил, что по отношению ко всем поименованным людям следует поступать осмотрительно: ведь это все талантливые люди, прибавил он: «Талантливы они-то, талантливы, но я хочу сбыть всех этих талантливых людей, чтобы быть мне спокойным».

Передают отзыв этого непосредственного потомка Сергея Сергеевича Скалозуба о князе Дондукове, своем предместнике, и о себе: «Князь хвалится, что он был студентом у-та. Я же, слава Богу, в университете никогда не был». Ну, не напоминает ли этот Михайло Ива-

нович Чертков своего деда по матери Сергея Сергеевича Скалозуба, который говорил Хлестовой:

«Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранять так: для больших оказий».

На это наш современный Фамусов, Михайло Владимирович Юзефович, он же и доносчик-доброволец, говорит:

«Михайло Иванович, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь».

20 генв[аря]. Воскресенье. 11 ч. дня.

Третьего дня в лектории проф. Феофилактов рассказывал обстоятельства, до обыска Соломина относящиеся. Соломин, студент 2-го курса медицинского факультета. Уже не первой молодости: он кончил прежде ф-т естественный в Петерб[ургском] у-те. Женат. Он исполняет должность консерватора минералогического кабинета, значит, состоит под начальством Феофилактова. За исполнение-то этой должности он и живет в здании у-та.

Недели две-три назад разнесся слух, что в здании у-та был сделан обыск, в квартире Соломина, что перерыли и перешарили все, что Соломина не было в городе и потому сыщики опечатали его сундук и взяли. Конечно, общество расположено было подозревать Бог знает что.

Что же оказывается? А вот что: Соломин, когда жил в Петербурге, то дал две книги, изданные с разрешения цензуры и затем подвергшиеся гонению, одному из своих знакомых. Одна из этих книг: «Положение рабочих» Флеровского, а другая — не знаю какая.

Так как эти книги сделались редкостию, то он написал своей сестре в Петербург, где она слушает женские курсы, чтобы она сходила к этому знакомому и взяла бы эти книги. В то время, когда сестра его получила это письмо, в Петербурге жандармерия делала облаву на курсисток, упражнялась в повальных обысках. В облаву попала и сестра Соломина. Причем, отыскано было его письмо. Этого документа для жандармерии показалось достаточным, чтобы ее арестовать и произвесть обыск у самого Соломина.

Жандармерия, не отыскав его в Киеве, гонялась за ним в Полтаве, в Миргороде и в какой-то деревне, где жена его была фельдшерицею. Он проводил у нее праздники. Был обыскан он. Обыскана за компанию жена его. Ничего не найдено. Но это не мешает жандармерии считать его своим пациентом.

Он же, Феофилактов, передал следующее событие. Умер генерал-адъютант Толстой, брат друга императора, бывшего министра почт. Государь должен был по придворному этикету посетить дом умершего. Перед приездом Государя были обысканы два или три соседние дома, повально, с нижнего до верхнего этажа, от дворника до последнего жильца. Эти обыски напоминают события в Харьковском у-те. С месяц назад в газетах, а потом и публике стали трубить, что у доцента Харьковского у-та медиц[инского] фак[ультета] Сыцянко, поляка, открыли склад горючих веществ, гальванические батареи и тому подобные материалы, посредством которых совершаются взрывы и которые будто бы приготовлены были для преступных целей. Сыцянко был обыскан, арестован, ославлен как злодей. На самом же деле оказывается, что все

эти замыслы и ужасы — плод злостного доноса. Сыцянко давно занимается электротерапией.

В период покушения 19 ноября он получил из-за границы многие принадлежности по части машин, батарей и прочее, до электротерапии относящихся. На беду в это время он рассчитал служителя при своей лаборатории. Тот, мстя ему за это, сделал на него ложный донос.

На днях в Киеве арестовали шестеро студентов. Пришло известие, что в Полтавской губ. арестованы и будут вывезены три земских врача: Волкенштейн, Юрьев и Тессен. Жандармерия охотится исправно. Вероятно, на этой охоте придется ей и голову положить. Ведь наскочит же она на медведя.

Третьего дня была у меня Ю. В. [Яцевич]. Просила юридического совета по вопросу: может ли сосланный в каторжную работу вступить в брак. Я ответил, что да, но, что, кажется, существуют сроки. Второй вопрос: может ли жена одного каторжного доставлять другим средства существования. Я сказал: «Отчего и нет». И спросил: «Вероятно, брат ваш хочет жениться». Она ответила: «Да».

Дело в том, что брат ее, имевший 17 лет от роду, был замешан в политический процесс в Харькове. Военный суд приговорил его к 15-летним каторжным работам. Он ныне уже в Сибири и достиг 18 лет. Находится одна девица, знакомая ли ему или нет, не знаю, которая решается ехать в Сибирь, чтобы вступить с ним в брак и быть ему в помощь и другим.

Героиня. И еще правительство мечтает эти души сломать и победить их путем полицейских преследований, жандармского шпионства.

Вчера встретил я Горового, своего унив[ерситетского] товарища, инспектора народных училищ. Рассказывает о господствующих порядках, благоприятных для плутов и мошенников. Как же не быть, говорит он, революции, когда у дела стоят или воры и люди жадные, которые на деньги променяют все святое.

В Ровно был директором гимназии Сущевский, человек уже он очень пожилой. До назначения своего в инспекторы он был долго советником казенной палаты. Ныне он назначен директором училищ Черниговской губернии. А на его место назначен некто Дзюблевский, человек еще крепких мужеских лет. Ныне Дзюблевский рапортует, чего он при приеме имущества не отыскал в гимназии. Оказывается, что в библиотеке не оказывается книг на 2000 руб. Но верх совершенства это то, что Сущевский, уезжая в Черниговскую губ., захватил из гимназической церкви подсвечник. Сам Дзюблевский отдает в рост жидам деньги и ведет с ними вечные процессы. Таковы воспитатели юных поколений. Таковы агенты Толстого. И еще хотят, чтобы молодежь не была нигилистами.

В педагогических кружках передают следующий подвиг Ростовцева, помощника попечителя, мизерного честолюбца, свояка того же Воскресенского, проповедующего мораль 3-го отделения. Был он недавно на ревизии в одной гимназии. По окончании таковой, он решил беседовать поодиночке с каждым из учителей. Идет беседа с учителем словесности. Ростовцев советует ему в изъяснении авторов руководствоваться идеями Цитовича.

Беседует он с учителем истории. Внушает ему вообще избегать изо-

бражения революционных эпох и даже не употреблять слова *революция*. Разговаривает он с учителем русской истории. Советует употребить всю энергию своей души, чтобы доказать, какими величайшими благодеяниями Россия обязана дому Романовых.

Переходит к беседе с учителем коммерческих наук. Внушает ему проникнуть свой курс одною и единою мыслию о великих благодеяниях, оказанных человечеству сословием капиталистов. Это, что называется, подводит фундамент под здание. Но дело в том, что самый-то материал для фундамента крайне непрочный. И не потому, чтобы все высказанное Ростовцевым от начала до конца было ложь, а потому что оно ложью пропитано, ложью изъедено, потому что оно проникнуто самою наглою тенденциозностию.

Как не вспомнить при этом старых времен, времен николаевской скалозубовщины. Приезжает обозревать Киевский у-т министр просвещения Ширинский-Шихматов, известный своим ханженством. Посещает лекцию проф. Ставровского, сатира по уму и сердцу, любителя рассказывать самые скандальные хроники на своих лекциях всеобщей истории, опошлявшего все святое, все возвышенное, не имевшего веры ни в доброе, ни в прекрасное в роде человеческом, смеявшегося над всем не во имя какой-либо великой идеи, а с точки зрения своей индивидуальной мизерии, пошлости и подлости. В его всеобщей истории не было ничего святого и возвышенного, потому что в его собственной душе никаких намеков не было на это.

Случилось так, что Ставровский должен был читать пред министром о временах Римской республики. Наш профессор не задумался: он все средства своего умишка употребил на то, чтобы доказывать, что Римская республика — это миф, что ее никогда не было, что она произведение досужих умов книжников.

Сам Ширинский-Шихматов, под которого он подделывался, сказал ему: «Не слишком ли много». Когда Ставровскому товарищи говорили: «Как же так, любезный друг, Римской республики не существовало». Ставровский отвечал: «Мои дорогие! Нужно уметь и лисью шубу носить».

Вот начало и источник нигилизма и радикализма. Он есть только крайнее отрицание скалозубовщины и образа и подобия Фамусова. Мы опять вступили в течение скалозубовщины и фамусовщины. То была николаевская и ныне царствует александровская. Разница в форме, а не в содержании.

20 генв[аря]. Воскресенье. 8 ч. веч[ера].

Не знаю, есть ли что испорченнее ума русского юриста чистой крови, того бессовестного софиста, который до того искажен, что у него ничего не остается живого, простого и естественного. Отсутствие высших принципов, привязанность к мелочам, изменчивость, коварство, вероломство, забвение стыда и совести — вот что составляет настоящего русского мизерного юриста, чем кишит адвокатура. Это именно те книжники и фарисеи, против которых гремел Христос и клеймил их своим живым словом. Это те умы, к которым может быть приложено изречение какого-то немецкого мудреца: «Что такое мысль юриста? — спрашивал он.— «Это есть свиной хвост, намыленный мылом, за который вы желаете схватить и удержать свинью».

Эти мысли пришли мне на ум по поводу сегодняшнего заседания совета нашего Юридического общества. Демченко, Пихно, Стрельни-

ков, Скордели и Базинер — это цвет таких юристов. Управляй эти люди миром, он бы загруз в самом мизерном болоте, самых мизерных и мелочных софизмов и пошлостей. Демченко чем более живет, тем более делается коварным и лукавым. Тупоумие прикрывается хитростию. Ум заменяется коварством. Приличие есть только благовидный предлог к притворству. Стрельников есть ум злобный, но на мелочи, на зло, а не на добро. Пихно — газетный софист, без веры и совести, у которого принципы заменяются ловкостию. А ловкость вся подбита корыстию.

Скордели, это наглый молдованин, смесь цыгана, армянина, турка и жида, человек беспринципный, который приличным видом прикрывает самые темные расчеты.

Базинер, немецкий жид, софист первого сорта. Делец юриспруденции. За душой нет ничего святого. Выше расчетов юридической практики ничего не знает.

Да это люди, заклейменные печатию умственных выродков. Это в полном смысле кастраты и в одно и то же время блюдодеи мысли, скопцы мысли, которые не прочь участвовать в афинских вечерах. Выходит до отвратительности гадко.

Четвертого дня получил новое письмо от Жданова. Пишет, что библиотека будет продаваться с публичного торга, из сего я могу заключить, что весь хлам в том чулане, о котором он мне говорил, будет продан с публичного торга. В том числе плеть, клейма и колодки. Дело в том, что все эти вещи, столь драгоценные для меня, как криминалиста, он видел в кладовой при Житомирском тюремном замке. Я спросил его: нельзя их приобресть. Он сказал, что смотритель сговорчивый человек и что он попытается. Я поручил ему совершить эту операцию. Он дал мне слово. Ныне он сообщает о ходе своих переговоров.

Воспользовавшись присутствием Ивана Самойловича Иващенко, я просил его поискать возможности приобресть для меня эти орудия. Он обещал.

В то же время я решился просить содействия моего побратима кн. Н. А. Кострова. Вчера я написал ему самое просительное письмо в этом роде. Сибирь — классическая страна кнута, плети и всяких истязаний. Буду терпеливо ждать осуществления моей заветной мысли.

Напечатана телеграмма о том, что в Петербурге накрыта компания из 5 чел[овек]: 3 муж[чины] и 2 женщины, печатавшие на печатном станке «Народную волю»[8]. Причем, кроме станка, отысканы: большой склад свежеотпечатанных номеров «Нар[одной] воли», яды и разные взрывчатые вещества. Арестованные оказали вооруженное сопротивление полиции: помощник частного пристава контужен. Один из арестованных пулею в висок положил себя на месте.

Не находятся ли эти полицейские открытия в связи с арестами 7 киевских студентов, а также трех земских врачей Полтавской губ.

20 генв[аря]. Воскр[есенье]. 8 1/2 ч. веч[ера].

Послал письма кн. Кострову, Рудановскому в ответ, Гнилосирову тоже, Шрагу тоже.

Сделал сегодня визит Судакевичу и Воскресенскому. Последнего не застал. Итак, ты посетил Воскресенского. Как? Ты, значит, лицемеришь? Одно пишешь в своем дневнике, другое показываешь в глаза?

Не думаю. У меня есть много людей, которым, с моей точки зрения, грош — нравственная цена. И однако ж, когда я их встречаю, я им кланяюсь. Не плевать же, прикажете, им в глаза. Не давать же им пощечину, не драться же с ними. Так и здесь. Воскресенский был у меня. Я ему отдал визит. То есть он мне поклонился, я ему ответил тем же, не более, не менее.

Была Ю. В. Яцевич, чтобы получить окончательную справку по вопросу о вступлении в брак каторжни[кам]. Еще необходимо порыться.

Был на лекции Авенариуса. Умный лектор. Толковый профессор. Не за то ли не любим в корпорации. Читал о телефоне, микрофоне и фонографе. «Профессорское поприще представляет неудобную почву для развития научных способностей». Это изречение Карамзина не перестает звучать в моих ушах. Толпа наивно считает нас, профессоров, наиумнейшими что ни на есть людьми. В этом она жестоко ошибается. Она смешивает специальные знания с умом и широким просвещением. Но в таком случае сапожник есть умнейший человек по своей специальности. Но не считаем же мы его умнейшим и просвещеннейшим человеком вообще.

О, Боже, сколько таится профессорского тупоумия в профессоре. Есть, ей, субъекты, не выше стоящие по уму и по общему образованию самого дюжинного чиновничка, какого-нибудь губернского правления.

20 генв[аря]. 9 часов ве[чера].

Вчера посетил меня Иващенко, вопреки моему убеждению, что он уехал. Я с ним в последнее время сблизился. Он положительно моральная личность с крепким характером и здравым умом. Под влиянием расположения к нему я открылся ему, что я веду свои мемуары, что они слишком индивидуального, слишком жгучего характера, а потому я положил, чтобы они обнародованы были спустя восемьдесят лет после моей смерти. Сказал ему, чтобы он помнил, что у меня есть эта драгоценность: когда я умру, а он останется в живых, чтобы он содействовал сохранению моего второго я, когда первое исчезнет навсегда. Он возбудил вопрос о необходимости их где-нибудь хранить, из боязни полицейского шпионства и из других соображений. Я согласился с ним. Но указал на то, что не знаю, где. Он предложил Госуд[арственный] банк. Я сказал, что не желаю обращать на себя внимание.

В самом деле: что бы было, если бы этот дневник захватила полиция. Она бы вскрыла заживо мои внутренности. Она бы наделала скандала. Она бы в гроб меня заколотила. Она бы истребила это единственное мое достояние, которое с каждым месяцем, с каждым годом приобретает более и более для меня значение. Мысль о необходимости где-нибудь хранить даже для предохранения от пожара и по другим побуждениям меня не оставляет.

Но ведь не могу же хранить в каком-либо общественном учреждении — это значило бы обратить на себя и на мои мемуары внимание. А этого я отнюдь не желаю.

21 генв[аря]. Понед[ельник]. 11 ч. утра.

Написал письмо Сторожевскому в Каменец, Мамышеву и Мельгафу, здешним насчет уплаты членских взносов по Юридическому обществу.

В пятницу был я в совете. Заседал также и Романович-Славатинский. Минут десять у нас шла беседа о речах московских профессор[ов]. Причем, Славатинский превозносил похвалами благородство и их мысли, и их поступка. Эту речь вели те же уста, которыми 7 генваря превознесены были похвалами новые университетские правила и новая инспектура в нашем у-те. Славатинского недавно кто-то назвал *Сквозным ветром*. Очень метко. Он с легкостию зефира в состоянии перейти из одного строя мыслей в другой; из одного направления в другое.

В совете, по поводу вопроса о наградах, я указал на нищенское содержание диакона и псаломщика университетской православной церкви. Получают меньше сторожей. Как-то раз я беседовал об этом частно с Бунге. Он отклонил. Поднятый мною вопрос в совете повлек прибавку им по 25 р. наградных. Я указывал на необходимость сделать к их окладу постоянную прибавку.

21 генв[аря]. Понедельник. 9 ч. вечера.

Баршевский писал мне, что жена его будет в Киеве, чтобы познакомиться с Сашею. Хотя между нами приязненные отношения ни на йоту не уменьшились, но я ответил ему на этот пункт холодно. Это, вероятно, отобьет у нее охоту стремиться к знакомству. Ответил я, конечно, не сказавши ни слова домашним. Там, где в пятнадцать лет не отвыкли делать сцены из-за обеда, или борща, я не хочу, чтобы мои знакомые и жены моих приятелей могли поперхнуться чашкою чая или ложкою супа. Конечно, иногда я бы желал сблизиться с человеком: но домашние обстоятельства не позволяют. Когда в 1878 г. посетил меня Баршевский — джентельмен, нарочно приехал из Чернигова, чтобы отдать мне визит,— я был сам, один. Он прожил у меня два дня. Думаю, что я принимал его с полным радушием: в душе моей живут все инстинкты гостеприимной души моих родителей. Они были в высшей степени приветливые люди и гостеприимные.

Посетил меня Тальберг. Спрашивал: назначить ли в тот или в другой день заседание комитета общества землевладельческих колоний. Я ему сказал, чтобы они назначили дни заседаний, не справляясь с моим временем. Я этим хотел выразить, что я заседание комитета посещать не буду. Тальберг получил воспитание под влиянием Пихна. Он хочет меня обойти: прикидывается не понимающим того, как он спустил меня из участия в комиссии по составлению инструкции. Пусть генерал-майор Саранчов будет специалистом по всем частям и даже по части уголовного права. В царстве скалозубовщины *марсы и бурбоны* считаются на все готовы, везде на своих местах.

Мне же, специалисту по уголовному праву и автору монографии о молодых преступниках, не подобает быть игрушкою этого бурбона. Скажут: милостивый государь, в вас работает самолюбие. Нет, не оно, а принцип. Я стою за то, и буду до последнего издыхания стоять, что

специалисты и люди приготовленные должны заправлять своим делом и что они не должны быть игралищем честолюбцев и лиц, жадных ко власти. Я от дела не отстану: но не должен быть попихачем генерал-майора, не смыслящего этого дела.

Ушинский, директор Рубежовской колонии, оказывается первой руки самодуром. Я называю его самодуром и бестолковым человеком, но не плутом, хотя у него величайший беспорядок во всем, даже в экономии, которая небезгрешна, как будто. Но вот как можно достигать известности и даже славы в нашем царстве и как легко все терять. Вот как можно подделывать общественное мнение и потом его же скандализировать. Как можно выставлять дело в величественном виде — и тут же его топтать в грязь.

Рубежовская колония есть дело рук Л. А. Милорадовича. Этим делом этот чиновник-заика создал себе целую карьеру. Он управлял этим делом три года. Управлял бесконтрольно и самодержавно. Комитет собирался раз-два в год, для второстепенных вопросов. Ревизии никакой не бывало. Он хвалил Ушинского. Ушинский хвалил его. Все хвалили их обоих. Все обстояло благополучно. Составилось убеждение, что Ушинский великолепный человек и отличный директор. К нему приезжали даже учиться. Так три месяца прожил в колонии некто Архангельский, будущий директор колонии Нижегородской. Сам покорнейший слуга, читая публичные лекции о малолетних преступниках, отозвался об Ушинском с похвалой. То же он повторил и в изданном сочинении. Посетил и Грот, член Государственного совета, председатель комиссии по преобразованию систем наказания. При нем состоял государственный младенец Коковцов, ныне чиновник V класса в Главном тюремном управлении. Этот хватил чрез край: написал хвалебную статью такую, какую только может написать государственный младенец; причем, сей юный государственный чиновник успел пройтись насчет больших несовершенств Петербургской колонии. Наконец, этою осенью посетил колонию и сам М. Н. Галкин-Враской, новый главный начальник тюремного управления. При свидании он в похвалах не рассыпался колонии, но отозвался с великою похвалою об Ушинском.

Так дело шло. Милорадович достиг своих целей. Он ныне губернатор. Колония — его подмостки — для него теперь не нужна. Он готов теперь умывать руки и от порядков колонии, и от Ушинского.

Настала новая администрация. Во главе правящего комитета стал генерал-майор Саранчов, интендант Киевского военного округа, вышедший из виленских полицмейстеров. Человек он считается не обкрадывающим казны и солдатиков, хотя есть ли в России подобный интендант, это еще вопрос. Ведь Ушинский считался образцовым директором колонии, а вышло что. Саранчов составил себе репутацию не обкрадывающего солдат по процессу Урусова, но ведь каких проделок, для подделки своей репутации русский человек теперь не в состоянии предпринять. Ну так или сяк, допустим даже, что Саранчов не грабит нагло казны и не обкрадывает солдат.

С назначением его, по воле, конечно, Черткова, главою управления колонии, декорации переменились. Он, впрочем, вместе с своим секретарем Тальбергом отнесся к ведению дела правильно. Стал созывать заседание комитета. Стали обсуждаться вопросы. Назначена ревизия, в которую и я попал. Из моих наблюдений выходит, кроме того, что Максимов, из воспитателей, вошел в близкие сношения с Тальбергом, которому он сообщал сведения частно и делал разоблачения. Теперь Максимов кандидат в директора и непременно будет назначен таковым.

Ревизия убедилась, что колония в полной дезорганизации и беспорядке. Ни складу, ни ладу. В течение трех лет было около 30 % беглых. Обучение грамоте плохо. Садоводства, которое предполагалось, не существует. Огородничества — никакого. Земледелия — кто его еще знает, хотя и есть дорогой агроном. Ремесла, кажется, лучше идут, хотя мы застали всех мастеров в разброде. Неряшество, ободранность мальчиков. Религиозный элемент на низкой степени. Кондуитных списков никаких. Воспитательная часть плачевна. В течение трех лет переменилось 11 человек воспитателей. С одной группой вместе с воспитанниками живет агроном, а воспитатель этой группы в другом доме. По воспитательной части, ни по какой, не существует инструкции. Никаких советов, никаких общих совещаний не существует: директор все делает по своему усмотрению, произволу и часто самодурству и беспутству. Оказалось, что он, вопреки идее этих исправительных заведений, отпускает по несколько десятков мальчиков на праздники. Один из них, акробат, отпущенный на Троицын день, потешал публику своим ремеслом в течение нескольких дней в балаганах. Несмотря на то что ревизионная комиссия указала, что эти отпуски совершенно незаконная мера, Ушинский на прошедшие праздники отпустил 21 человек, из них один доставлен был в колонию полициею, а другой, хотя и добровольно, возвратился в колонию, но возвратился франтом в пальто отличном, при часах и прочее. Оказывается ныне, что он обворовал магазин на 400 руб. и что ныне он арестован и уже посажен в тюрьму.

В довершение всего, Ушинский, оказывается, настолько тупо упрям или упрямо глуп, не знаю как точно выразиться, что не может понять самых обыкновенных вещей, не соглашается с основными началами теории этих заведений, спорит, полемизирует, упорствует, самодурствует.

Я забыл указать, что он по несколько раз в месяц оставляет колонию и иногда по целым неделям проживает в Киеве, где живет его жена, которая, говорят, очень и очень любит совать нос свой в колонии.

Один эпизод из его управления пахнет чем-то уже совсем нехорошим. Терещенко, почетный попечитель колонии, пожертвовал несколько штук заводского скота, в том числе четыре коровы. Ушинский продал их тотчас и состроил какой-то мизерный сарайчик. Говорят, эту операцию совершала жена его. Попечитель, узнавши о сем подвиге, был оскорблен. Остальные пожимали плечами. Нередко он, уезжая в Киев, бросает колонию без всякого распоряжения, без поручения кому бы то ни было, так, на произвол судьбы. Когда сделался известным Ушинскому результат нашей ревизии, он подал в отставку.

Я вне заседаний и в двух заседаниях старался поставить пред Ушинским дело так: что ревизия имела в виду дело, а не лица, что пусть он не обижается, что ревизия имела в виду не прошедшее, как прошедшее, чтобы его порицать, а прошедшее, как основу для будущего, чтобы дать новое направление делу, что если он чувствует в себе силу и признание, то пусть попытается поправить дело. Это дало ему куражу. Он перестал думать об отставке. Но так как мои мысли решительно противоречили намерениям Саранчова, то он спустил мне раз и два, а в третий спустил меня самого из комиссии для составления инструкций.

Я действовал так по двум причинам: во-первых, я не был еще убежден, что Ушинский так туп, упорен и так самодурен. Тогда еще не было отпуска 21 человек на эти последние праздники и не было зна-

менитого воровства со взломом, давшего возможность питомцу колонии явиться с праздников таким франтом. Притом же были некоторые факты, которые говорили в его пользу. Так, он ежегодно отдавал 300—400 руб. из своего жалованья на колонию. Теперь я готов думать: не подделка ли это. Он распоряжался довольно бесконтрольно: отчего 300—400 руб. не написать, что жертвую, когда я ничего не жертвую, а только беру из той же кассы, в которую и отдаю. То есть совер[шить] подделку для усиления и поддержания репутации. Ничто так не производит чарующего впечатления на людей, привыкших к хищничеству, как бескорыстие. Этими расчетами и объясняю и 300 руб. пожертвованные женою Ушинского. Должно быть это бой-баба.

Второе, что заставило меня не спешить выпирать Ушинского, это чувство отвращения, которое я испытываю к манере русского человека-раба: холопствовать пред человеком, власть имеющим, не сметь ему возражать, плясать с охотою под его дудку. И едва только человек этот удалится, тотчас же перевернуть его порядки вверх дном. При Милорадовиче мы молчали: ему поддакивали; в дело не мешались. А едва он с глаз долой, мы тотчас спешим перевернуть все вверх дном. Я хотел исправить дело без шуму, без ломки.

В-третьих, наконец, меня удерживало от перемены соображение с великой трудности найти способного, готового, дельного и характерного человека.

Сам Ушинский все мои соображения перевернул вверх дном, и я считаю, что он должен быть сменен и он будет сменен. В последнем заседании, в котором я не присутствовал, было постановлено его сменить. Я держался также и того мнения, чтобы отчет наш не пускать в публику, не ради Ушинского, не ради даже Рубежовской колонии, а ради важности общей идеи исправления малолетних.

Общество наше непостоянно и изменчиво. Новая идея становится у него модною. Оно ею увлекается. Оно с нею носится, оно с нею проводит медовый месяц. Относится к нему чувством, а не умом идеализируется дело, добросовестно и недобросовестно его подделывает. Но случись этому делу как-нибудь провалиться, как-нибудь нехорошо себя показать. Общество бросается в другую сторону. Анекдотам и скандалам нет конца. Пойдут разговоры на тему о невозможности вести его, критика и проклятие. Дело дискридитировано, потоптано, совсем упало. Я же надеялся исправить его без шума. Сделали иначе. Ревизионный акт обнародован.

Рубежовская колония, благодаря расточаемым ей похвалам со всех сторон, получила от правительства 5000 руб. ежегодной субсидии на пять лет. Может статься, что теперь скандализированная уже не получит правительственной субсидии по истечении пяти лет. Впрочем, что говорю. Ведь подделывали же три года репутацию сего заведения. Ведь делали же и создавали на сей репутации свои карьеры. Отчего не допустить, что начнут сызнова. Водворивши свои порядки и набравши людей, начнут писать и кричать, что с тех пор, как и проч., дело пошло великолепно, блестяще.

А вы, милостивый государь, все же попали впросак. Мирской вы человек, с расчетцем. Вам нужно было тоже хвалить. Похвалами дела не сделаешь, а сделаешь его умною работою. Satis [9].

22 генв[аря]. Вторн[ик]. 6 ч. веч[ера].

Ушинскому в Киеве дал ход Берепштам. Он был с ним знаком в Каменце. Ушинский был в Каменец-Подольской губ. мировым посредником и потом председателем съезда мировых посредников. В своем участке он завел одну или две, или несколько школ. Школы эти заслужили похвалу. А может быть, они и не были таковыми, но Ушинский умел представить в лучшем свете. Он ведь мастер на этот счет, доказательством чего может служить подделанная репутация Рубежовской колонии. Не даром же Ушинский служил в Синоде: здесь ему не раз, может быть, приходилось примазывать и налагать на язвы штукатурку и политуру красивых цветов, чтобы отвесть глаза публики. Надо сознаться, что Ушинский приятный собеседник, способный касаться сердцевины предмета. Так, по крайней мере, он представляется, а что он такое на деле, Господь его знает. Он религиозный человек, но это отнюдь не способствовало развитию доброй религиозности, которая бы оживила детскую душу живым огнем стремления к добру. Может быть, и его религиозность лицемерна. Хотя по религиозным вопросам, казалось, высказывал здравые суждения.

Сегодня в лектории шла речь о преследовании из-за одного многих. К удивлению моему, Рахманинов высказывал здравые суждения. Демченко, как и следовало ожидать, проповедывал мракобесие. Раз вступив на эту дорогу, он идет по ней и дойдет до последних выводов. Выходит, теперь он оказался без влияния, без седока. Седоки же его всегда суть те люди, с которыми он хорош, или они с ним хороши. Незаметно, ни для себя, ни для других, он усваивает их мировоззрение. На нем отражалось влияние разных лиц.

Рахманинов говорит: «Ну, попал разбойника и суди, и казни его. Зачем же хватать, сажать в тюрьму, ссылать тех, чья вина по суду не доказана?». *Демченко:* «Помилуйте мою душу. Ведь и республиканское правительство в Франции не щадит своих врагов и преследует тех, которые не повинуются его порядкам. Каждое государство имеет меры репрессивные и превентивные. Наше правительство и пользуется по праву и тем и другим». *Я:* «По-моему, нет выше юстиции Ирода, избивающего младенца от двух лет и ниже, в надежде в их числе убить родившегося Христа. Эта юстиция так хороша, что я думаю прочесть о ней публичную лекцию». Демченко что-то заметил. Другие замолчали. Произошло некоторое замешательство. Тулов, бывший помощник попечителя, посещающий нашу лекторию, подошел к Демченку и стал беседовать.

Чрез несколько минут, две-три, Демченко вполне оправился от моего удара и спросил меня: «Будет ли Эргардт докладывать в Юридич[еском] обществе по психиатрии?». Я сказал, что обещал.

22 генв[аря]. Втор[ник]. 10 ч. вечера.

В университете, в помещениях, преимущественно посещаемых студентами, выставлены были три прокламации на тему о том, что правительство губит и истребляет систематически молодое поколение. В конце — воззвание на защиту прав. Эти прокламации вызваны арестом семи студентов нашего у-та по политическим причинам. Говорят, что они уже увезены в Восточную Сибирь. В прокламации есть ссылка на волнения студентов весной 1878 г. по поводу ареста Подольского.

Делается сопоставление: если тогда мы восстали на защиту, то как же не восстать теперь. Восстать? Вспомнили бы участь тех несчастных юношей, в количестве 39, которые были тогда схвачены и увезены в отдаленные и не столь отдаленные [места].

Из них, говорят, Пугинюк уже в могиле. Когутов, председатель собраний, тот самый, который, будучи мне не ведом, являлся ко мне за советом. Когутов ослеп. Бах — в последних градусах чахотки.

Да, поистине, это есть систематическое истребление молодого поколения. Есть целые семьи, из которых вывезены в Сибирь сыновья и сестры, зятья и невестки. Есть в Киеве вдовица Маслова, бедная, скорбная, содержащая семью тем, что дает стол молодежи. Ее дочь за Житецким: оба они вывезены в отдаленные губ[ернии]. Теперь сын ее в Петербурге арестован и, вероятно, упрячут в Сибирь.

И где этому предел и когда это прекратится? Молодое поколение более и более заражается революционным духом. Старшие поколения более и более становятся недовольными и начинают роптать. Даже И. И. Рахманинов, политическое и умственное ничтожество, и тот является критиком. То, что старшие поколения говорят и думают, то молодое поколение готово выразить в деятельности. Присоедините сюда плюс радикализм. Что же будет с нашими подростающими детьми? Кто их убережет, как их уберечь от заразы? Уже они родились быть кандидатами тюрем и ссылок. Правительство не внемлет: оно идет по дороге притеснений. Вступив в борьбу с радикалами, оно хлещет и бьет налево и направо, возбуждая и порождая неудовольствие в сферах самых консервативных.

Да, оно превращается мало-помалу из правительства деспотического и абсолютного в правительство тираническое. Оно несомненно само ставит на ставку свое существование. Если не случится какого-нибудь события, какого-нибудь переворота морального или физического, если император Александр не уразумеет, что одна конституция спасет Россию или сам он в непродолжительном времени не отойдет в вечность, отечество должно вынести многие и многие тягчайшие бедствия. Каждому желающему искренно блага своей отчизне, надеющемуся на мирную прогрессивную жизнь среды, убежденному в возможности без переворотов и потрясений совершить реформу основных законов, придется претерпеть много горя. Будущее темно и мрачно.

22 генв[аря]. 11 ч. вечера.

Забыл сказать: прокламации доставлены Черткову. Когда к нему явился Воскресенский, он сказал, что он уже знает о их появлении и что ему известно, будто они ходили по рукам со вчерашнего дня. Какие же шпионские средства необходимо иметь для того, чтобы все это знать? И каково же положение несчастных у-тов, отданных на жертву жандармам и шпионам. Несчастная русская наука, оказавшаяся под надзором самых гнусных из гнуснейших в роде человеческом натур — шпионов, соглядатаев и доносчиков.

Сегодня на втором часе моей лекции появилось человек 10 неизвестных мне лиц. Аудитория, сверх обыкновения, очень наполнилась. Было человек около сорока, когда у нас такого числа нет на двух курсах, обязанных меня слушать. Не было ли в числе новичков состоящих на жалованьи *сикофантов.*

Божовский уезжал на охоту: то есть для исполнения своей шпионической миссии. Он в последнее время частенько выезжает. Это волк самого хищного и дикого калибра.

К статье о бедных семьях, у которых отнимают их кормильцев. Есть в Киеве вдовица Гребенюкова. Она дает стол бедным студентам. Сын ее, единственная надежда, студент 2-го курса, кажется, медик, арестован и вывезен уже в Восточную Сибирь.

Если верить радикальным органам, число сосланных без суда и права доходит до 17 000 чел[овек].

И при всем том, мы ходим воевать с турками для освобождения болгар от притеснений и деспотизма турок. Злая ирония. Политическое бездельничество и шуллерство. Ужели мы навеки загрязнем в болоте и в капканах тирании. Для нас быть не может вне того, кто бы освободил нас от наших внутренних турок.

Остается ждать, что сам организм переварит. Тяжел и жесток процесс этой переварки.

24 генв[аря]. Четв[ерг]. 12 ч. утра.

В газетах напечатана телеграмма следующего содержания: «Правительственный вестн[ик]» извещает, что в ночь с 17 на 18 генваря в Саперном переулке, д. № 10, кв. № 9, открыта тайная типография. Находившиеся в ней пять человек, 3 мужчин и 2 женщины, оказали вооруженное сопротивление, стреляли в полицейских и жандармов, контузили в руку помощника пристава, четырех арестовали, пятый выстрелом из револьвера убил себя в висок. Найдено: типографский станок, громадное количество только что отпечатанной газеты *«Народная воля»*, шрифта, фальшивых печатей, изготовленных фальшивых документов, яды, взрывчатые вещества и принадлежности для взрыва».

Пишут также, что в награду за это открытие двум полицейским чиновникам пожалован орден Владимира 4-ой степени.

Во вторник была у меня практическая лекция. Читал студент Кирилов о калмыцких законах, как типических, основанных на начале выкупа преступлений, платы за то, чтобы не быть лично наказанным. Кирилов упомянул о чингис-хановом законе, повелевавшем казнить смертию того, кто подслушивает. Я и говорю авдитории: «Замечательный закон. Не мешало бы некоторым европейским народам, у которых господствует обычай постукивания и подслушивания, хотя бы отчасти усвоить этот закон». Этим я сделал намек на господствующее и на свирепствующее в нашей общественной жизни соглядатайство, шпионство и доносничество. 3-е отделение есть организованное государственное шпионство, государственная ябеда на граждан.

25 генв[аря]. Пятница.

Из шести студентов арестованных *пять* выпущено на свободу. Известие, что они вывезены в Восточную Сибирь оказывается неверным. Они посажены были в тюрьму. Когда убедились в их невинности, то не освободили их сразу, а предложили написать прошение генерал-губернатору о своем освобождении.

Генерал-губернатор призывал Бунге и предложил ему, чтобы студентам была внушена мысль, что их товарищи освобождены отнюдь не под влиянием давления прокламаций. При этом Чертков высказался, что он даже колебался: не следовало их задержать, несмотря на их невинность, ввиду возможности для студентов подумать, что они освобождены под давлением. Бунге, падкий исполнитель начальнических

распоряжений, хотя бы они были нелепы, хотел проделать операцию убеждения студентов в указанном смысле. Благоразумный человек, наш друг, отсоветовал им, памятуя французское изречение: Qui s'excuse, s'accuse [10]. Лучшего способа убедить студентов в том, что их прокламация подействовала, трудно найти.

Затем, действительно ли прокламация студентов подействовала, или нет, на этот вопрос нет положительных данных. Можно, однако ж, думать, что да. Попечитель спрашивал университетские власти, насколько серьезно движение студентов и обещал переговорить с генерал-губернатором. Очень может статься, что они побоялись движения, подобного мартовскому. Без этого они бы и невинных людей сослали бы в отдаленные губернии: как это они сделали с Подольским. Proprium humani indenii est odisse, quem laeseris [11].

Вчера в лектории подошел ко мне Мищенко и говорит, что он не подозревал, чтобы Демченко дошел до такого обскурантизма. С великим подхалимством изобличал какого-то журналиста или газетчика за то, что тот неуважительно отозвался о каком-то официальном учреждении. Причем, он проводил теорию сервилизма и рабских отношений печати к властям.

Я сказал Мищенку: «Странно, что вы до сих пор не заметили того, что Демченко поступил давно в когорту охранителей гнилого строя и отживающих порядков». Он никогда не отличался ни здравым смыслом, ни дарованиями. Одно качество, которым он обладал: это такт и умение себя держать. С тех пор, как он убедился сам в своей несостоятельности научной, когда он высидел в 19 лет только 112 печатных страниц докторской своей диссертации, он стал искать успехов на поприще университетской администрации — и стал положительно подличать.

Первое его дело в этом роде было сорвание самым наглым образом выборов в деканы Модестова. В этом случае он действовал как старая бестия заседатель земского суда.

Вторым позорным его подвигом было председательствование в университетском суде, который в марте 1878 г. осудил на исключение около 140 чел[овек]. Здесь он и показал себя так, как никто не ожидал: забегал за советом к попечителю; взял за основание приговора суда сведения, доставленные 3-им отделением и его агентом Божовским; наконец, постановил приговор в составе членов правления, вопреки ясному смыслу закона. То есть поступил так, как если бы председатель окружного суда решился постановить приговор совместно с членами губернского правления.

В настоящее время Демченко заискивает у самого Пихна.

Сегодня в 9 ч. утра звонок. Докладывают, что пришла какая-то дама. Просите, говорю. Является дама прилично одетая и вручает письмо от Ивана Степан[овича] Жданова. Рекомендуется его хозяйкой баронессой Витте. Читаю и не верю глазам. Невинное желание его приобресть для меня плеть и клейма создало целую историю. Его смотритель заподозрил в каких-то злых замыслах, сделал на него донос губернатору. Тот жандарму. Бедного Жданова притащили к ответу. Зачем, для чего, с какою целию, чем может доказать? Просит позволения сослаться на меня. Я, конечно, дозволил. Прилагаемое письмо лучше объяснит.

Смотритель — гнусный доносчик. Негодяй. Выражение ябеднического настроения нашего общества. Нет, не ябеднического настроения,

а давних ябеднических привычек. Будь он мало-мальски честный человек и подозревай что-нибудь недоброе в предложении Жданова, он должен был бы наотрез ему отказать и тем ограничиться. Нет, он поступает не так. Дает ему обещание исполнить, манит его, а затем под рукой делает донос. Отвратительно, мерзко. Хуже всего то, что этот смотритель есть русский человек, им же имя — легион. Это есть только маленькая единица огромной цифры. Это есть симптом тяжкой разъедающей болезни ябедничества.

27 [января]. Воскресенье. 12 ч. вечера.

Вчера было заседание Юридического общества. Скордели и Пихно не явились. Насчет ревизионного акта дело улажено: решено признать ревизионным актом только то, что относится до ревизии сумм. Разглагольствия же и критиканство выбросить и не печатать. Сегет и Карвольский-Гриневский заявили письменно такое мнение. Относительно записывания взносов принято мое предложение: записывать членский взнос за тот год, в который он внесен. Пихно и Скордели побиты. Интрига и крючки ниспровергнуты.

В заседании присутствовали Володимиров, профессор Военно-юридической академии, редактор «Журн[ала] гражд[анского] и угол[овного] права» и И. С. Иващенко. Присутствие их способствовало тому, что прения прошли без придирок.

Сегодня в час дня было заседание чрезвычайного собрания общества исправления малолетних. Дело кончилось: Ушинский оставлен директором. Генерал-майор Саранчов и Тальберг вышли из комитета. За ним последовали: Стрельников и Чечет. Мои предложения восторжествовали, те предложения, которые я заявил с первого момента обсуждения вопроса о директоре после нашей ревизии. Подробности после. Черткова не было, присутствовал губернатор.

Третьего дня во время завтрака звонок. Докладывают, что приехал какой-то военный. Грешный человек, я подумал: не Саранчов ли. Выхожу в кабинет и останавливаюсь изумленными глазами на Володимирове. Какими судьбами? Приехал Коробку женить. Коробка — мировой судья Петербурга, его университетский товарищ. Сильно я обрадовался приезду Володимирова. Это дорогой мне человек: ученик и друг. Ученик не как студент, а как ученый. Он скоро будет защищать магистерскую диссертацию. Он и Иващенко, оба вчера выбранные в число общества, дороги для меня, как достойные представители школы кафедры уголовного права.

В субботу, после заседания общества, я отправился к Мищенку, где была Саша. Просидели до 1/2 1 часа. Там был Клосовский с женою, гонимый учитель военной гимназии.

Сегодня посетил Ероцких. Ероцкий женат на сестре Иващенка. Он тотчас отдал мне визит.

Вечером сегодня были у Демченков. Застали два карточных стола, занятые профессорами и их женами. Проводят время в занятии по меньшей мере беспутном. И это до часу ночи.

Володимиров привез мне 300 р[уб.] — гонорар за мои статьи о незаконнорожденных и рецензии. Заработок предназначен на издержки поездки в Карлсбад.

28 генваря.

Теперь выяснилось, зачем Цитович был вызываем в Петербург. Решено издавать большую официозную газету. Говорят, ассигновано на сей предмет 100 000 руб. Газета будет носить название *«Берег»* [12]. Вчера у Демченка говорили, будто в газетах напечатана депеша, гласящая: из Одессы выехал в Петербург бывший профессор Одесского у-та Цитович.

Рассчитывая на то, что почтовые шпионы прочтут мое письмо к Жданову, я написал сегодня к нему письмо, в котором уполномачиваю его сослаться на меня, как на того профессора, который в своих лекциях описывал устройство плети и кнута, и выражал мысль о полезности, для наглядного обучения, приобресть сии орудия казни. Письмо это я вложил в тот же конверт, в котором послано официальное уведомление об избрании его в члены Юридического общества.

30 генв[аря] и 2 февр[аля].

Посланы письма Корчинскому, Моховику, Федотову-Чеховскому и Жданову.

Вчера я был в заседании комиссии, назначенной Думой по вопросу о введении взаимного страхования в г. Киеве. Эйсман против взаимного страхования. Главная причина заключается в том, что он боится нарушения интересов банка взаимного кредита. Интересы партии крупных капиталистов ставит выше интересов целого города. Для меня, впрочем, не выяснен вопрос о взаимном страховании: я еще не решил для себя вопрос о том, возможно ли без большого риску ввесть его в Киеве. Я настаивал в высказанном мною мнении, чтобы записка, составленная Эйсманом,— неблагоприятная для введения взаимного страхования — статистические сведения, собранные сведения о других обществах, были бы напечатаны в «Известиях городской думы», которые станут выходить с 1 марта. Я находил также необходимым собрать статистические сведения о стоимости страхуемой собственности в г. Киеве, ежегодно уплачиваемой страховщиками страховым обществам суммы и ежегодно выплачиваемых этими обществами пожарных убытков страхователям. Эйсману моя речь не нравилась. Почему, я даже и понять не могу. Сегодня он свое нерасположение ко мне выместил на Саше, которая отправилась просить у него залы для музыкально-танцевального вечера в пользу дневных приютов. Он принял ее с полным невниманием и если не отказал наотрез, то и не дал обещания. Эйсман — низкая душонка. Он свое нерасположение ко мне вымещает на дневном приюте, в котором получают приют малютки, дети беднейших жителей г. Киева. И так поступает городской голова.

Моя судьба: Ренненкампф относился ко мне враждебно. Тому была причина. Я был и тайным, и явным его противником. Эйсмана я поддерживал, как лично честного человека, неспособного воровать городские деньги. Не поддержи мы его, он бы не прошел в головы. Тем не менее он относится в высшей степени враждебно ко мне и из-за этой враждебности готов сочинять мерзости другим и даже целым учреждениям.

Как на один из симптомов нерасположения ко мне следует указать на [illegible]то он с своим секретарем, что́ бы я не говорил, как бы я не

способствовал выяснению какого-нибудь вопроса, никогда не изложит моего мнения, тогда как тут же мнения других излагает. Так поступал по отношению ко мне и Ренненкампф.

Возвращаюсь к заседанию общества исправления малолетних. Саранчов и Тальберг составили такую программу: сразу не нападать на Ушинского, а дать разыграться всем актам самим собою. Начали они с постановления комитета о том, что директор Ушинский подал в отставку и что потому собрано собрание. Затем следовало приглашение членам объясниться. Речь первый держал я. Затем я еще говорил два другие раза. Суть мною высказанного заключалась в следующем: отставка Ушинского имеет связь с ревизиею, в которой и я участвовал. Цель ревизии заключалась не в том, чтобы заниматься личным критиканством, а в том, чтобы указать на существенные недостатки системы управления колонии. После ревизии директор Ушинский подал в отставку, признав для себя обидной ревизию. Я, присутствовавший в двух заседаниях комитета, старался разъяснить директору цель ревизии. Я говорил ему, что ревизия имела в виду не порицать прошедшее, а коснуться его на тот конец, чтобы установить на будущее время новую систему управления, чтобы выработать инструкцию. Я убеждал директора не принимать ревизию в личную сторону, если он чувствует в себе способность продолжать дело, если он предан ему действительно, но не на словах. Что на ревизию я смотрел с такой точки зрения, доказательством ему служит то, что я убеждал сохранить результаты ее для домашнего, так сказать, обихода и употребления, а не пускать ее в мир. Это считал я необходимым потому, чтобы сохранить дорогое дело исправления малолетних от разочарования. Наше русское общество падко на очарование и разочарование. Сегодня оно носится известным учреждением, завтра его готово втоптать в грязь. Дальше. Я считал и считаю, что за недостатки управления ответствен не один директор, а, во-первых, также члены комитета и общества. Все мы оставляли колонию без организации, управление без инструкций. Выражал я мнение о возможности оставления на службе нынешнего директора и потому, что дело исправления малолетних новое, что оно не имеет за собой преданий, что найти нового готового человека трудно. Но выражая такой взгляд, я все-таки твердо стою на тех принципах, которые высказаны в ревизионном акте и которые предложены к осуществлению. Отпускать детей на праздники, как это делает директор, мы не имеем на то права: колония все же есть карательное заведение, учрежденное в силу закона, а закон права такого не предоставляет. Нашивать бубновые тузы на спине бежавших также не подобает — это позорит малолетнего. Отделять помещение воспитателя от помещения данной семьи, с которою вместо того живет агроном, неуместно. Директор Ушинский объявляет, что он не обязан подчиняться распоряжению комитета, если они не соответствуют его педагогическим убеждениям. Подобное заявление вносит анархию в управление. Комитет есть правящая сила, распорядительная, а директор — исполнительная. Подобные заявления директора неуместны, и он должен подчиниться будущей инструкции, которая должна быть выработана. Только под этим условием нынешний директор может быть оставлен. С своей стороны мы и должны относиться с осторожностию к наклонности, к переменам из чувства собственного достоинства: когда председателем комитета был Л. А. Милорадович, мы были ко всем его предложениям угодливы. Не будем же теперь строптивы, когда он ушел. Личные нападки г-на Ушин-

ского на меня, как ревизора, я вменяю себе *ни во что,* так как я имею в виду торжество принципов, а не личные пререкательства.

Затем Ушинский прочел свое опровержение ревизионного акта, исполненное резкостей и огульного отрицания. В этом опровержении он задел Саранчова, утверждая, что он, занятый делами службы, не имел времени посещать колонию.

Говорили: сам Саранчов, Тальберг, Рубинштейн, Стрельников, Андрияшев, Соколов, Чечет.

Вопрос о том, оставить ли Ушинского директором или уволить, пущен был на голоса. Оказалось за оставление 19 голосов, против 13. Еще было прочитано письмо Ушинского к Саранчову. В этом письме он упрекает этого генерала за то, что обнародованием ревизионного акта убита репутация колонии и он, директор, опозорен. В заключение Саранчов объявил, что он слагает с себя звание председателя. За ним последовали: Тальберг — секретарь, Стрельников и Чечет — члены комитета. Саранчов остался непреклонным, когда его стали просить остаться. Он сказал со слезами на глазах: «Решение мое бесповоротно». Я лично не ожидал такого исхода. Для отказа Саранчова и других я не нахожу оснований.

Я стал подумывать о том, кто может быть его преемником и остановился на Галагане, который тут же присутствовал. На вопрос мой ему, он наотрез отказался. Я держал речь на тему, что в председатели должно быть избрано лицо, значительно поставлено в официальном мире. Я говорил, что вопрос этот следует отложить до будущей недели. Говоря так, я думал, что председатель избирается собранием. Стрельников исправил мою ошибку, заметив, что председатель выбирается комитетом. Я благодарил за исправление.

Галаган указал на Рубинштейна как на возможного председателя. Я сказал, что не против его. Он может способствовать увеличению средств, стоя среди богатого жидовства и имея ежегодные сношения с купечеством. Речь также шла о Баумгартене, товарище председателя комитета, ныне назначенном из товарищей председателя Киев[ской] палаты вице-губернатором. Говорят, что он хорошо танцует мазурку на генерал-губернаторских вечерах. Как юрист и деловой человек он ничтожен.

Кто его знает, что выйдет из этого замешательства. Я сожалею, что Саранчов вышел. Он хотя поступил по отношению ко мне как специалисту, не как должно, но мне кажется, что он человек порядочный. Притом я частых перемен терпеть не могу. Если дело попадает в руки мало способного Баумгартена, не придется ли пожалеть о Саранчове. Боюсь, чтобы Баумгартен не оставил всей системы управления в том виде, как она существовала при Милорадовиче, его товарище по лицею и друге. Если инструкция не будет составлена, если Ушинский по-прежнему будет руководствоваться старым своим самодурством, тогда что́ станется с нашими принципами. Колония останется в прежней дезорганизации. Тогда последнее будет горше первого.

3 февр[аля]. Воскр[есенье]. 9 ч. утра.

Открыта в Петербурге типография подпольной газеты «Черный передел». Арестовано несколько человек вместе с тем.

Опять возбужден вопрос о неблагонадежности друга Саська. Об этом сообщил ему по секрету Бунге. В чем суть и откуда идет, по уклончивости натуры, не объяснил.

Арестовано несколько курсисток в Киеве.

Эйсман дал залу для музыкально-танцевального вечера в пользу дневных приютов.

Пихно сделал опять против меня выходку в «Киевлянине». Напал на то, что я предложил выбрать Володимирова в том же заседании, в котором сделано первое заявление. Шулер по делам печати. Я готовлю против него митральезу. Володимиров обещал поместить в своем журнале. Он собственными глазами видел, как дело шло и убедился в шулерской натуре этой креатуры Бунге.

Ректор Бунге вызвал-таки, по предложению Черткова, отпущенных на свободу студентов, чтобы дать им наставление в том роде, что они отпущены не под влиянием прессы и угроз студентов, а во внимание к их раскаянию. За эту ложь он был приперт к стене студентом Михалевичем. Я бы сказал, что совесть его была наказана, если бы я не знал, что у Бунге расчет карьеры и всяких сделок с совестию с юности заступили место самой совести. Когда он стал говорить в указанном тоне студенту Михалевичу, тогда сей юноша сказал: «Господин ректор, нам Ваши речи обидны. Вы говорите, чтобы мы были убеждены и других убеждали в том, что мы отпущены за то, что повинились. Но в чем же нам виниться, когда мы не виноваты ни в чем. Сказать, что мы повинились, это значит приписать нам вину, которой мы за собою не чувствуем, набросить тень сомнения на нашу благонадежность, без всякого с нашей стороны повода».

Этот *Виляй* потерпел на днях и другое нравственное поражение со стороны юношей, невидимое, незаметное, но глубокое. Впрочем, для такого дипломата оно не стоит копейки. Он внешние успехи ставит выше всяких принципов: при случае он во всякое время готов на принципы наплевать. Он вилять виляет, он гнет свою совесть во все стороны, но туда же, не прочь бы заискать у молодежи, считаться у нее человеком с хорошими правилами. У него конек, из которого мало толку выездишь, хотя и нельзя отрицать его теоретической доброты,— собирать сведения касательно студенческого бюджета. Он как-то раз это уже предпринимал.

На сей раз он просил пригласить к себе 12 человек студентов, чтобы получить от них сведения. Сначала он пригласил к себе в ректорскую комнату, а потом к себе в дом, вечером. Здесь он угощал их, как любезный хозяин, чаем и прочим. В числе приглашенных были юноши радикального склада натуры, лишенные даже намеков на что-нибудь молчалинское. Таков, между прочим, Игнатий Иванов. Слово за слово, речь перешла на последнее — лишенные всякого основания аресты шести студентов. Бунге имел неосторожность высказать мнение, что быть не может, чтобы эти аресты были без повода и что если начальство арестует, мы должны верить ему. В ответ на это Иванов сказал: «Господин ректор, если бы эти аресты шли от судебной власти, Вы бы были правы. Но возможно ли говорить так, когда аресты совершаются шайкою жандармских разбойников, без суда и права, по первому впечатлению и прихоти».

Бунге, желая найти поддержку своего мизерного теоретического положения, обратился к Нежинскому, студенту 4-го курса юрид[ического] ф-та. Студенты говорят, что даже Нежинский не стал на его сторону. Нежинский — человек умереннейших убеждений. Он сказал: «Ваше превосходительство! Если бы дело шло об арестах по определению судебной власти, Вы были бы правы. Но так как политические

аресты производятся по произволу и личному усмотрению жандармов, то не может быть и речи об их основательности и правомерности».

Затем Иванов хотел вывести Бунге на чистую воду, поставить его к истине лицом к лицу, спросивши его: «Господин ректор, как Вы думаете о новой инспектуре? Неправда ли, что новому инспектору предстоит играть одну из двух ролей. Или не исполнять нелепых правил, обманывать правительство, деморализовать студентов. Или же стать исполнять их, а следовательно, пуститься во все нелегкие, превратиться в агента «черного кабинета».

Несчастный *Виляй-Бунге,* поставленный в такое положение, припертый к стене, стал отвечать не на вопросы, прикинулся непонимающим вопросов, и из этой роли не выходил, несмотря на усилия его собеседников-юношей получить от него прямой и честный ответ.

Юноши, конечно, более честные, прямые и независимые, вынесли тяжелое впечатление из этой беседы. «Мы не воображали,— говорят они,— чтобы Бунге так был низок в нравственном отношении, чтобы с такою огромною готовностию спешил разменивать совесть на мелкие успехи житейские».

Наивные юноши! Они не понимают того, что это один из маленьких эпизодов жизни этого профессора, что всю жизнь свою он прошел этим путем, что и чинов, и влияния, и высокого положения, и значительного состояния он достигнул тем, что разменивал нравственные начала на мелкую монету житейских успехов, что этим способом он приобрел все.

Честное юношество! Оно не в состоянии еще уразуметь, что Бунге-Виляй есть творец и глаза школы дельцов в нашем университете, что без него невозможно было бы торжество ренненкампфов, сидоренков, пихнов и tutti quanti.

Разумеется, найдется из 12 юношей не один и не два, которые по выходе из у-та в жизнь пойдут по дороге этого профессора, станут двуличничать, лицемерить, менять принципы на мелкие и большие успехи в жизни. История нашего у-та не забудет Бунге. Она должна будет назвать его именем наше время университетской жизни, когда дельцы в университете стоят выше ученых, когда болтовня поставлена выше ученых работ, когда первым человеком должен считаться не тот, кто умнее и ученее, а тот, кто ловчее и продувнее, когда сам наш принцип — великий мастер на всякие сделки совести, и на низведение науки на деловой тон, когда по административным своим способностям может посчитаться мастером, а в ученом отношении он принадлежит к самым дюжинным ординарным умам, умам пошлым, второй руки.

Получил я письмо от Шрага, черниговского земского и городского деятеля, по специальности адвоката. Он сообщает небезынтересные сведения о последнем черниговском собрании. Вот что он пишет: «Недавно окончилось у нас заседание губ[ернского] земского собрания. Оно было немногочисленно, как последнее истекающего трехлетия, бесцветно и вяло. В первый же день произошел эпизод, имеющий непосредственную связь с прошлогодним запрещением Неплюева обсуждать ответ правительству на его обращение к обществу, эпизод оригинальный и едва ли не в первый раз случившийся в практике земских собраний,— отказ нескольких гласных от участия в словесных прениях в земском собрании до тех пор, пока будет председательствовать в нем Неплюев. Зная, насколько Вы интересуетесь нашими местными делами, я не боюсь наскучить вам, если вкратце изложу причины, вызвавшие такой

отказ; они во всяком случае достаточно характерны. По поводу действий Неплюева в прошлогоднем собрании некоторыми гласными (18) была принесена жалоба в Правительствующий сенат, который оставил эту жалобу без последствий, признав, что Неплюев имел право воспретить обсуждение ответа правительству, так как такой ответ выходит из сферы деятельности земства, но в свой указ о таковом отказе Сенат включил от слова до слова объяснение, в котором Неплюев обвиняет как членов комиссии, так и жалобщиков в открытом порицании существующего государственного и общественного строя, неуважения к верховной власти и органам ее, в стремлении оправдать проявившиеся в последнее время противозаконные действия и проводить ту мысль, что вся история об ответе правительству была поднята с целию помешать правильности и успешности работ земского собрания. В заключение своего объяснения Неплюев присовокупляет, *что все означенные лица, несмотря на совершение упомянутых действий, до сего времени остаются без привлечения их к законной ответственности.* Познакомившись, благодаря указу Сената, с объяснением Неплюева, 11 гласных в день открытия собрания подали письменное заявление, публично прочитанное в собрании, в котором, изложив сущность объяснения Неплюева, с цитированием присовокупления, полностию объяснили, что хотя на инсинуацию Неплюева правительство как не обратило на этот раз внимания, на что подписавшие заявление гласные не могут считать себя гарантированными и от дальнейших действий Неплюева в том направлении искажения всего того, что ими говорится в собрании. По этим причинам и имея в виду, что они не считают себя вправе уклоняться от участия в занятиях собрания, но благодаря тому, что оно происходит под председательством Неплюева, они лишены возможности обсуждать всесторонне вопросы в самом собрании, так как отказываются говорить что бы то ни было под председательством Неплюева, такое же обсуждение необходимо для того, чтобы вполне сознательно подать голос за то или иное решение вопроса, они просят собрание изменить порядок очередных занятий в том смысле, чтобы все вопросы, обсуждаемые в заседании, решались не в тот же день, а на следующий, и тем дать им возможность обсуждать все такие вопросы вне собрания. Один из гласных предложил поправку в том смысле, чтобы выводить из очереди и откладывать до следующего дня только те вопросы, относительно отсрочки решения которых последует заявление хотя бы одного гласного, с этой поправкою согласились и подавшие заявление гласные, и в таком виде изменение порядка занятий в собрании было принято единогласно. Подавшие заявление гласные во все время заседания не произнесли ни единого слова и ограничивались подачею письменных заявлений, в которых излагали свое мнение по наиболее важным вопросам и которые приобщались к журналу собрания».

Неплюев — черниговский губернский предводитель дворянства. Отъявленный доносчик, инсинуатор и шпион. Доброволец 3-го отделения. Ценим правительством. Всегда до последнего времени был приглашаем к участию в составе присутствия Правительствующего сената в качестве сословного представителя по политическим процессам. Репутация его как сотрудника 3-го отделения велика. Когда Линдфорс явился к жандармскому полковнику в Чернигове, чтобы просить его содействия для снятия над ним полицейского надзора, то жандарм по должности сказал ему, что мало теперь значит, а что все влияние перешло ныне к Неплюеву. Вот это значит быть истинным жандармом по натуре.

Переданное Шрагом происшествие свидетельствует, что в черниговском земстве живет и развивается дух свободы и независимости, то, что составляет основу конституционного строя. И это после того, как Петрункевич, главный виновник адреса, который был сорван Неплюевым, был сослан в отдаленные губернии.

На днях был у меня Забела, студент, проживающий в глубине Полтавской губ. Женатый человек. В родстве чуть не с половиною панства Полтавской губ. На вопрос мой: «Как настроены земцы?» он ответил: «Все желают конституции».

На днях я был у Судакевича, надзирателя 2-й гимназии, на именинах его сына. Там собралось учительство. Передавали, что Сенат постановил: привлечь к ответу по делу о воровстве Сиони 960 000 р[уб.] в частном Коммерческом банке и тех, которые допустили это воровство. Значит, Ренненкампф и Толли должны попасть на скамью подсудимых.

На вечере был и Андрей Данилович. Пел послание с того света Шульгина Юзефовичу. Положена на ноты. Пихно занимает не последнее место.

4 февр[аля] 1880. В 6 ч. веч[ера].

Получил письмо от Сторожевского. Он, между прочим, пишет: «С глубоким сожалением заметил я и другие мои товарищи, Ваши бывшие слушатели, что «Киевлянин» продолжает *пихнить* горше прежнего. Его заметка о Юридическом обществе, явно инсинуирующая, ничего, кроме чувства брезгливости, не могла вызвать в членах Вами председательствуемого общества».

Есть люди, понимающие мерзавца Пихна. Но от этого мне не легче переносить его публичные нападки. Цель его — дискредитировать меня в глазах общества.

4 февр[аля]. 1/2 11 ч. вечера.

Посланы письма в ответ: Сторожевскому, Куплеваскому, Шрагу, Тарасову, Антоновичу и в совет Казанского общества исправления малолетних.

5 февр[аля]. 8 ч. вечера.

Прошедшую ночь спал крайне дурно. Не спал, а полудремал. Не то сон, не то дрема, не то наяву. Раза три зажигал свечу — читал. Но все-таки не мог заснуть крепким сном. Меня берут за душу те несправедливости, которые со мною совершают такие интриганы, как Пихно. Мне оказывают невнимание правители города, вроде Эйсмана. Этот набитый золотом мешок, получающий 70 тыс. годового дохода, с великим невниманием относится к моим заявлениям и к тем интересам бедного люда, которых я и моя семья являемся защитниками. Я говорю о музыкально-танцевальном вечере, устраиваемом в пользу детских дневных приютов. Во главе этого предприятия стоит Саша как председательница комитета. К этому предприятию Эйсман относится с некоторым пренебрежением и намеренным невниманием.

Ум мой бодр и готов философски относиться к интригам и несправедливостям, которые меня окружают. Но сердце мое, вопреки моим желаниям, невольно сжимается, ноет. А в результате бессонные ночи. Я вообще никогда не страдал бессонницей. После самых бурных при-

падков болезненного настроения души я легко погружался в крепкий сон. С некоторых пор я стал замечать, что сон бежит от моих очей, вопреки моим добрым намерениям.

5-е февраля, а утром Реомюр показывал 21° мороза. Зима-зимская сурова и снежна. Рано началась. Длится долго. Последнее хорошо. Вообще прошедший год и по лету был и холодный, и дождливый. Народ страдает от дороговизны. Мука доходит до 1 руб. 50 коп., а пшеничная до 4 руб. Зима держит — и это хорошо. Народ может заработать хоть извозом и другими занятиями, зависящими от хорошей зимы.

Следует не забыть моего разговора с Р. И. Базинером, приват-доцентом, числится и киевским адвокатом. Разговор характерен. Указывает на господствующие чувства адвокатов-дельцов.

5 февр[аля] в 10 ч. дня.

Базинер — это один из лукавых софистов XIX стол[етия]. Он считается немцем, но он несомненно жидовского крова, в каком колене он сделался христианином — это безразлично. Он неглупый человек, хотя умным в полном смысле этого слова назвать его нельзя. Ум средний, дюжинный, не лишенный, однако ж, диалектических способностей, положительный на мелочи, аналитический для того, чтобы построить капканы, из которых трудно высвободиться мысли человеческой. В воскресенье он посетил меня, чтобы узнать, когда будет заседание. Он отказывается от секретарства. Я душевно этому рад. Речь ведет об адвокатах, членах Юридического общества. «Да что адвокаты и даже присяжные поверенные? — говорит он,— мишуристы, жидки-ходатаи по делам лучше их зарабатывают». Сказал он это — и в голосе его слышна была нота, к чему же нам эти юридические общества, когда вот есть люди без всяких юридических знаний, зарабатывают хорошую деньгу, а это ведь главное в жизни. На это я ему говорю: «Если с этой точки зрения смотреть на дело, в таком случае Юханцев самый лучший и самый добродетельный человек». Юханцев обокрал Земельный петербургский банк на 2 000 000 руб. с лишком.

Зашла затем речь о докладах в Юридическом обществе. «Ну, какой интерес могут представить,— говорит он,— доклады, исторические сведения, договора, мены А. Ф. Соколова». Конечно, если смотреть с точки зрения чистого адвоката, дельца, зашибающего деньгу, то всего лучше, если бы наше общество превратить в справочное бюро, которое дает консультации своим членам, имеющим чисто практические, чисто денежные интересы. Но мой взгляд на общества юридические другой и на задачу принадлежности к нему, не тот. Юрист-практик должен стремиться к научному образованию в его широком означении. С этой точки зрения самые теоретические вопросы, разрешение которых не обещает адвокату получения на водку, должны его интересовать столько же, как и практические.

5 февр[аля]. 11 ч. вечера.

Я чрезвычайно болезненно настроенный человек. Так я помню себя из детства. Стоит только случиться какой-нибудь неудаче, чтобы мне представилось, что весь свет на меня обрушивается, что все против меня в заговоре. Вчера я сдал повестку в типографию. Сегодня половина дня, а корректуры не присылают. Мне вообразилось, что Пихно подействовал на Бунге, или сам непосредственно на типографию, чтобы

тормозили печатание повесток. Даже больше: мне мерещилось, что настроили цензуру, полицию и прочее и прочее. Все это оказалось вздором: продуктом болезненного воображения. Оказалась — одна неисправность типографии.

Возвратившись домой с лекции, я застал карточку Слонимского. Это один из учеников нашего факультета. Даровитый молодой юрист. Писатель, успевший себя заявить с хорошей стороны. Со времени выхода его из у-та я с ним не виделся. На карточке был написан адрес: «Европейская гостиница». После заседания думской комиссии я зашел в гостиницу, но оказалось, что он куда-то переехал на квартиру. Жалко, если мне не придется с ним свидеться. Он еврей, но даровитый и, кажется, *не жид.*

Застал также карточку Висковатова. Не знаком. Должен быть у него.

Только что возвратился и хотел было отправиться к соседу Маленевскому, как позвонили — и явился Симиренко. Добро пожаловать. Старые отношения. Показал подметное письмо, в котором злодеи грозят поджечь и убить, если не положит 50 000 р[уб.] в указанном месте. Говорит, что многие другие получили подобные письма. Получил Терещенко, от которого требуют, чтобы он положил 300 000 р[уб.]. Речь вели об администрации.

Еще в сентябре месяце назначена комиссия по вопросу о городской сберегательной кассе. Я наименован председателем комиссии. Назначен сегодня день собрания членов. Оповещены все. Я явился, но ни один из членов не пришел. Вот истинные отношения наших городских деятелей к делу народного кредита, к сбережениям бедного класса. Грошевые дела. Нет лихвенных процентов. Нет громких дел. Нельзя примазаться в качестве директора, члена совета с хорошею платою, кассира и т. п. Там, где простор хищническим инстинктам, там мы первые. А для скромного дела нас не стает. Сам городской голова, глубокий эгоист, буржуа с холодным сердцем, которого сердце не дрогнет, если он будет проходить мимо околевающего с голоду, сам Эйсман относится к этому делу с великим презрением. Не потому ли и на мою долю досталось председательствование в комиссии. В важных делах они меня систематически оттирают и затирают.

Посещение инспекторской. Не забыть.

6 февр[аля]. 8 ч. утра.

Мороз утром сегодня 26° по Реомюру. Птица мерзнет на лету, как выразился дворник Григорий. Если линуть вверх воду, то она уже падает замерзшею. Дети остались дома, даже Володя.

Студенты сообщили мне, что товарищ их, Введенский, студ[ент] 2-го курса юр[идического] ф-та, в крайней бедности. Питается чаем. Сидит без свечей. Я сказал им, чтобы они напомнили мне о нем во вторник, после лекции, что они и сделали. Это вызвало мое посещение инспекторской. Вхожу: посредине стоят два стола, за которым сидят инспектор и его дежурный помощник. Вокруг, под стенами, иконостасом сидят студенты, человек, если не ошибаюсь, не менее 50. Это явка месячная билетов. Посмотрев на скромные и покорные физиономии молодых людей, я подумал: ну, внешним образом вас дисциплинировали хорошо. Что-то у вас внутри по поводу бесполезной траты времени чрез эту сидню. Мне инспекторская напомнила полицейскую часть.

И это в святилище науки. Мерзость и отвращение в душе порождает. Это воспитание лицемеров, а то и подлецов, которые со временем будут действовать в две руки.

6 февраля. 7 ч. вечера.

Только что возвратился из заседания палаты. Докладывалось дело о допущении меня в качестве 3-го лица в иске, возбужденном против завещания Литова, отказавшего 70 тыс. руб. сер[ебром] школам Киев-[ского] учебного округа. Не знаю, чем решат этот вопрос.

Но меня поразила выходка Квачевского против меня, выходка, вскользь сделанная, но многознаменательная для характеристики нравственной стороны этого адвоката. Он вскользь выразился: «Могут выступить и другие лица, *посильнее Кистяковского*». Но так, что можно толковать в двояком смысле: посильнее юридическими доводами или посильнее вообще. Конечно, Квачевский мог так выразиться, если ему было угодно. Но ему бы не следовало мне в глаза говорить других речей, речей иного характера. Значит, то, что́ он мне в глаза говорит, есть признак его льстивой натуры. А то, что он говорит о мне на суде — есть выходка софиста, для которого ничего не стоит уронить и притом воровским образом того, кому он в глаза льстит. Второй раз уже я имею дело с ним. В первый раз я участвовал с ним в защите чигиринских крестьян. Так мы стояли с ним в одном лагере. Он умел меня задеть как-то лично и в то же время расшаркаться перед прокурором. Выходка его тогда столь безобразна, что я на месте же самого преступления его поймал и изобличил. Он извинялся и просил меня забыть. Я тогда забыл. Теперь он мне напомнил. И это он сделал, когда я к его личности сегодня на суде относился с великим почтением. Да, это софист, как есть, с ног до головы. Я имел случай в том убедиться. И, как софист, человек беспринципный. Он либерал, но льстец. Он, например, в компании *лает* отборными словами Цитовича, что не помешало ему восхвалять публично дюжинную книжоночку Цитовича. Даже Котляревский, человек посторонний нашей специальности, заметил эти чрезмерные похвалы. Давно я убедился, как тяжко приходится, если вздумаешь стать на известное начало, на известный принцип, против человека, с которым ты был хорош. Он оплюет тебя. Сделай ему угодное, хотя бы сделанное содержало в себе первейшую подлость — и он тебя превознесет.

7 февраля 1880 г. 9 ч. утра.

Холод продолжается. В 7 ч. утра сегодня Реомюр показывал 25°. Недаром народы славянские назвали февраль лютым.

Я ведь человек наивный, сам стремящийся к тому, чтобы честно поступать и верящий в честность других. На днях как-то Квачевский присылает ко мне письмо, в котором он просит меня указать закон, на основании которого попечитель дал мне доверенность в форме официального письма, а не в форме доверенности, засвидетельствованной в гражданской палате. Я изложил в письме к нему мое откровенное мнение. Он им воспользовался во вред мне. Он скомпрометировал и подтасовал мои мнения и мои доводы, которые я высказал на суде. И так как первый говорил я, затем после меня говорил Квачевский и после того суд признал дело достаточно разъясненным, то, конечно, я не имел возможности исправить искажения. Он валил с больной головы

своей да на здоровую — на мою. В особенности меня поразило то, что он сказал, будто я в своих объяснениях распространялся очень красноречиво о бедных детях, о которых я не говорил ни слова. Он бил на то, чтобы доказать, будто я ссылался на нравственные доводы. Это уловка и искажение софиста XIX столетия. Наши судьи боятся, как огня, нравственных доводов. Доводы эти в глазах их хуже воровства. Судьи наши иногда бывают глубоко невежественны: они не в состоянии рассудить своими мозгами, что и к чему. Зная это, софисты, вроде Квачевского, пользуются этим и, когда желают произвесть впечатление на слабый ум судей, то подхватывают какое-нибудь слово, которое хотя бы случайно пришлось изронить защитнику, чтобы сказать: смотрите, господа судьи, он на нравственность ссылается, ведь это разбой, пожар. Замечательно, что тот же Квачевский начал вчера свои объяснения с того, что *ни нравственно,* ни юридически он и его верители не могут считаться противника[ми] интересов школ и учебного ведомства. Следовательно, в две руки.

7 февр[аля]. 11 ч. вечера.

Вчера я не дождался объявления решения по делу Литова. Прощаясь с Квачевским, моим противником, я просил его известить меня, как решится дело. Утром сегодня я послал ему письмо. Он дал мне ответ, в котором, во-первых, извещает о том, что суд допустил меня к участию в деле, а во-вторых, осыпает меня или прямо или под наименованием учебного округа самыми горькими упреками, вроде следующих: «Самую резолюцию я считаю бесправием и результатом заказа, комплота и привилегии. Вот почему мне было крайне тяжело слышать от Вас еще напоминание суду о высокопоставленном лице и о профессоре, с заявлением будто Ваше положение непривилегировано. Как будто я не понимаю, что учебному ведомству заказан выигрыш дела, что под фирмою бедных детей защищаются интересы Чайковского, ради морали, памяти о Литове. Для меня совершенно ясно из Вашего предложения о мировой, чего желательно достигнуть чрез посредство Ваше».

Человек в раздражении. Начал иск о признании Литова сумасшедшим и завещание недействительным и сердится за то, что учебное ведомство выступило в интересах школ, коим завещано 70 000 руб., выступило против него, защищая положение, что Литов был в здравом уме и твердой памяти и что завещание его действительно. Он упрекает меня за привилегированное положение. Но какое же привилегированное мое положение, которое не оградило меня от презрительного отзыва обо мне на суде?

Он говорит о моем предложении мировой, в котором он видит отражение стремлений Чайковского. Это предложение моя фантазия и, следовательно, мой грех. Об нем мне никто и слова не сказал. Я сам его изобрел, думая пособить тем самому Квачевскому. Да и с кем я мог говорить. С Чайковским я не знаком и слова одного не промолвил, хотя Квачевский счи[тает], что округ и я его орудие.

Несчастный адвокат, добывающий хлеб на огромную семью софистической деятельностию. Он не может не быть раздраженным против своего противника, как бы он объективен не был. Тут говорит не одно самолюбие и желание торжества принципу, как во мне, а говорит желудок, требующий есть, боязнь за лакомый кусок, который не попадет в его рот. Могу по совести сказать, что я с самого момента возбужде-

ния вопроса об умственных способностях Литова относился к этому стремлению с великим недоверием и даже отвращением. Судьба мне судила быть формальным, официальным противником этого стремления. Жалко мне, что я стал рожном против Квачевского, очень может быть, что это создает мне в нем из приятеля врага. Но я должен был поступить так, как поступаю. Того требовал принцип.

Такова ли душа других, как и моя. Достаточно было решить принципиальный вопрос в пользу стороны, которую я защищал — и я готов был забыть те неприятности, которые мне причинил Квачевский презрительным отзывом о мне. В этом движении душевном сложные чувства: только тонкий анализ мог бы разложить их на составные части.

10 февр[аля]. 1/2 10 ч. вечера.

Вчера появилась телеграмма о взрыве, происшедшем в подвальном этаже, от которого погибло насмерть 8 чел[овек] и 45 — ранено. Телеграмма глухая: можно было толковать и так, и сяк, объяснять и случайностию, и намеренностию. Сегодня дело выяснилось: взрыв этот произведен радикалами.

Получено от ректора приглашение явиться завтра на молебен, в 1/2 11 ч., а в 11 ч.— в экстраординарный совет для подписания адреса. Приглашение явиться для подписания адреса в Думу получено и от городского головы.

Вчера мы подписали в Думе один адрес по случаю 25-летия царствования. Завтра подпишем два других. Время адресов. Страна адресов. Адресные души. Это обратная сторона покушений на жизнь государя и всяческих взрывов. Не хотел бы я ни того, ни другого. Утомили нас адреса. Они опошлились. Они превратились в официальное лицемерие.

С другой стороны, покушения на жизнь государя становятся обыденным явлением. И какие же покушения? В самом Зимнем дворце. Если верить слухам, то умысел был взорвать весь дворец. Не досилились: мало было динамита.

Если на днях торжествовали открытие двух типографий: «Народной воли» и «Черного передела». Были розданы награды полицианам. И вдруг новое покушение, самое дерзкое из всех: покушение проникло в царские палаты.

Если верить слухам, то передают, будто в недавнее время какой-[то] радикал хотел проникнуть в Зимний дворец в виде поддельного *Гурко,* но был открыт. Говорят также, будто в недавнее же время взорвало какой-то гремучий и горючий препарат под лошадьми государя. Впрочем, это слухи, которым верить не должно, так как они не засвидетельствованы официально. Удивительное постоянство и удивительная дерзость и непреклонность: радикалы поклялись лишить жизни государя, о чем они во всеуслышание объявили в своих печатных органах.

В публике ходили слухи и ходят до сих пор, что к двадцатипятилетнему юбилею радикалы готовят что-то ужасное.

О сем писал мне довольно прозрачно Рудановский из Петербурга. О сем говорили чуть не на всех перекрестках. О сем отлично знало само правительство: оно за несколько месяцев предписало всем местным властям быть наготове к 19 февраля.

Не подлежит сомнению, что эти слухи и эти смутные убеждения заставили царя дать знать по всем ведомствам, всем местным властям

воздержать от посылки депутатов. И как верить депутатам при таких обстоятельствах? Да, нельзя не вспомнить латинского классика, который сказал: никакая власть не может быть безопасна, разве та, которая зиждется на расположенности граждан. О, если бы правители помнили эту истину, они бы меньше делали ошибок, они бы не были столь самонадеянные, дерзки и произвольны в применении своей власти. А между тем радикализм растет не по дням, а по часам. Несомненно, молодежь напитывается его принципами. Монархическая власть с каждым днем теряет свой ореол.

Сегодня я беседовал с учителем детей Дебагорий-Мокриевичем. Он исповедует убеждения, питает надежды чисто республиканского свойства; он мечтает о федеральном государстве. Конечно, он политический малолеток, но он может и состариться в этих убеждениях, которые превратятся у него в фанатизм.

Мои теории прогрессивного конституционализма, мною ему высказанные, мало на него произвели впечатления.

Вот ряд телеграмм о последнем адском покушении: «От 6 февраля. Правительственное сообщение. Вчера, 5 февраля, в седьмом часу пополудни, в подвальном этаже Зимнего дворца, под помещением главного караула, произошел взрыв. Убито 8 и ранено 45 нижних чинов караула гвардейского Финляндского полка и попорчены: пол в караульном помещении и несколько газовых труб. Приступлено к выяснению взрыва».

«От 7 февраля. Взрыв в Зимнем дворце, под главным караулом 5 февраля произошел от воспламенения значительного заряда динамита. Избрав время обычного высочайшего обеденного стола и направив удар с целию разрушения столовой Государя, дерзкий злоумышленник, очевидно, обнаружил тем адский замысел на священную особу Государя, но Господь снова спас царя. Вчера во всех церквях отслужены благодарственные молебствия».

«От 7 же февраля. Газеты и устные рассказы сообщают следующие подробности об ужасном происшествии в Зимнем дворце. Вход в покои Государя расположен по Салтыковскому подъезду против Адмиралтейства. В первом этаже, рядом с передней, но окнами во двор, находится караульная комната. Под ней в подвальном этаже помещается топка, а над нею домашняя столовая императорской фамилии. Над подвальным этажом огромный свод; над караульной такой же свод. Взрыв произведен динамитом в постоянное время обеда; но по счастливой случайности обед отложен был на полчаса. Государь с принцем гессенским и князем болгарским шел в столовую и был уже в дверях, когда произошел взрыв. Взрывом разнесло оба свода над подвальным этажом и над караульной комнатой. Хотя пол в столовой не провалился, но весь искривлен. Сотрясение было так сильно, что мебель и посуда столовой разбиты, двое служителей ранены. Разбиты также стекла во многих частях дворца и в сопредельных зданиях. Газ во дворце потух. Удар вполне слышен был на Петербургской стороне и из биржи чрез Неву бросились все, бывшие там, думая, что рушится что-нибудь близко. В подвале, говорят, жили какие-то столяры. Двое из них арестованы, а один после взрыва скрылся. Караульный ударил в колокола. Некоторые из раненных финляндцев, вытащенные из-под развалин, стали на свои места. Когда пришла смена, они отказались оставить свои посты, говоря, что по закону они могут быть отпущены только разводящим караульным начальником, или Государем. Убеждения

генералов не подействовали на них, пока не явился начальник караула. Государь посетил раненых в 8 часов вечера, а затем в полночь».

Воздержусь от приговора над сим событием с этической и уголовной точки зрения. Меня нынче занимает физиологическая. Спрашивается: возможны ли такие замахи без известного состояния общества? Спрашивается: возможно такое дерзкое покушение в самом дворце без содействия, хотя бы то самого отдаленного, самого сто раз посредственного, тысячу раз изгибнутого и не прямого, лиц высокопоставленных?

Один умный человек, с которым я говорил на тему: сей род ничем изгнать нельзя, только водворением права посредством конституции, сказал: дайте нам Habeas corpus [13], оно послужит охраною и для особы Государя, которую мы при нынешнем порядке не властны и бессильны защитить.

Был я сегодня в палате, где узнал официально, что меня допустили к участию в деле Литова. Встретил некоторых ходатаев-присяжных. Один из них сказал: «Ну, я не думал, что Квачевский такой софист и сутяга». Он же сообщил мне, что Квачевский заключил договор с Литовым, по которому он получает из выигранного им рубля 65 коп. Я выразил сомнение. Меня один и другой уверяют. Не знаю: насколько цифра количества верна. Одно только верно, это то, что эта цифра велика. Тут и объяснение: и раздражения, и громов и молний, которые он в меня метает в своих письмах и, наконец, того унижения моей личности, которое он себе позволил. Это голодный или по меньшей мере прожорливый волк, который должен искать добычи, чтобы кормить свою волчицу и волченят. Может быть, сравнение резко? Но оно относится к природе человека, который в положении Квачевского превращается в волка. Замечательное явление, которое есть только логическое и естественное последствие данного положения. Уже не один русский юрист, показавший себя с хорошей стороны, пока он был судьей, с переходом в адвокатуру оказывался хищником первого сорта.

Есть такой юрист Виктор Иванович Богаевский. При первой организации судов он получил место товарища председателя окр[ужного] суда в Петербурге. Затем он является в роли председателя Курского окружного суда и позже — члена Петербургской судебной палаты. На этих постах он пользовался репутациею хорошего судьи и дельного председателя. Вышел он потом в присяжные поверенные, то есть адвокаты. И пустился во все тяжкое этой профессии. Недавно он предъявил в конкурс и принял их, как один из кураторов, вексель на миллион рублей от имени жены Мясникова к самому Мясникову, векселя совершенно фиктивные, не представляющие никакой реальной ценности. Мясников — это один из субъектов, сорвавшийся со скамьи подсудимых по двум делам: о подлоге завещания и об истреблении долгового обязательства, взятого им у своего кредитора. Это положительно — мошенник. Он вместе с Трощинским пустил кредиторов Трощинского в трубу. Он пустил в трубу самого Трощинского, подлое отребье государственного человека времен Екатерины и Александра. Он теперь желает проделать ту же операцию со своими кредиторами и намерен перепустить посредством юридических фокусов-покусов свое имущество, все в фигах, в карман и руки своей жены.

Главным фокусником этих юридических фокус-покусов явился В. И. Богаевский.

А. А. Квачевский был хорошим прокурором, видным председателем окружного суда. Сделался присяжным поверенным, сиреч адвокатом, и все принципы полетели к черту, забыты, попраны, оплеваны. Добы-

вание хлеба, корм голодной семьи, нажива, если удастся, сделались единственным мотивом его деятельности. Я более и более убеждаюсь, что Квачевский софист чистой крови, что фальшь и ложь — один из самых обыкновенных его орудий. До тех пор, пока я не выступал его принципиальным противником, он мне говорил сладкие речи. Возвратившись из Петербурга, он мне говорит: «Ах, как тепло и симпатично отзывается о Вас Кавелин. Это,— говорит,— прежде всего человек, а не профессор уголовного права. Как жаль,— говорит он,— что Вы пишете монографические работы. Мы от Вас вправе ждать целых курсов». А в суде он говорит: «Пожалуй, после этого люди и посильнее Кистяковского выступят против Литовых».

После первого допроса свидетелей, на котором я не был, он мне говорит: какой же негодяй попечитель округа. Ведь он продает интересы школ. Он входит в сделки с Чайковским, он дозволяет то, что Чайковский внес в управление округа всего 8000 руб. из 70 000 руб. А ныне в своей бумаге он пишет, зачем Вы хотите вступить в иск, когда большая часть денег Чайковским внесена, а взнос остальной суммы вполне обеспечен. Когда я слышал речи Квачевского о том, что попечитель дозволяет Чайковскому не вносить завещанной суммы, я говорил: нехорошо он делает. Когда же я узнал от П. А. Антоновича, что уже округ получил от Чайковского 45 000 руб. или даже более, я вознегодовал на Квачевского и убедился в том, что он лжец.

Получил новое письмо от И. С. Жданова, в котором он пишет о продолжении той же самой истории: «Чтобы приобретение тех орудий было наивозможно легально, я счел необходимым явиться к губернатору и ходатайствовать у него разрешения на этот предмет. Его сиятельство угодно было *отказать* мне в просимом, мотивируя свой отказ тем, *что увековечение позорных орудий наказаний никак не могут служить славе Отечества, что ознакомление учащегося с подобными орудиями будет только обесславливать наше Отечество, а потому орудия те должны быть непременно истреблены,* что мое намерение служить таким образом науке *неудачно.* А когда я заявил его сиятельству (граф Подгоричани-Петрович), что мое намерение есть выражение идей моего профессора, высказывавшего на своих лекциях сожаление, что наш у-т не имеет своего музея с орудиями наказания, то и на это получил ответ, *что и идеи вашего профессора на этот счет также неудачны.* После таких доводов, мне ничего другого не оставалось, как только отказаться, что мною и сделано. Если желаете спасти те орудия, то съездите к генерал-губернатору и попросите его, чтобы он приказал выслать все это в у-т. Генер[ал]-губ[ернатор] уезжает в Петербург 10, так что нужно поторопиться, иначе орудий уже не будет на этом свете».

Вот неудачная попытка спасти от истребления эти орудия. Ужели мне не удастся их получить в свои руки?

Вчера я встретился с Н. А. Константиновичем. Сообщил ему рассказ об этой попытке. Он сказал, что он видел в архиве губерн[ского] правления в Чернигове эти орудия. Два года тому назад достаточно было одного слова, чтобы их получить. Он был тогда лицом влиятельным в черниг[овской] администрации при губернаторе Дарагане. Ныне трудно. Обещал попытаться.

Вчера был музыкально-танцевальный вечер в пользу дневных приютов. Во главе общества этих приютов стоит Саша. Был и я на вечере

после заседания в Юридическом обществе. Остался после музыки и пения. Компания зазвала в буфет. Собралось вокруг одного стола человек 20, профессоров и студентов-филологов. Был и я. Беседовал долго. Вдруг подходит Лысенко и говорит: «Будьте осторожны. Сзади вас сидят два полицианта». Я оглянулся назад — и увидел авскультантов.

Тотчас поднялся. За мною вся компания тоже, как поднимается стая пугливых птиц, почуявших полет коршуна, или *шулика.*

Мы с Мищенком отправились в гостиную и там долго беседовали. Я долго смеялся и говорил: «Бедные мы птички, которых спугнуло появление двух коршунов».

Шуги! На поповы куры.
А на наши не летай,
А поповы похватай.

Так приговаривает народ, когда увидит *шулика,* парящего над двором, в котором ходят куры и всякая домашняя птица. При виде его все куры бросаются вростичь и начинают прятаться. Так разлетелась и наша мирная компания, после чего каждый вдвоем-троем забился в уголок и продолжал беседу по душе. Дух человеческий трудно уловить, как ветер и его движение.

Интересный рассказ передали Мищенко об охоте за его записками жандармерии и о подвигах Иконникова и Бунге по части цензуры его сочинений. Но об этом в другой раз.

Посетили меня: Слонимский, Давиденко, Делюсто, Василенко и студент Кирилов, Симиренки.

Решено устроить гуртовой вечер по случаю отъезда Антоновича за границу. Назначен вечер у нас в субботу.

Речь шла с Мищенком о том, что, может быть, придется сказать слово. Он объяснился и сказал: «Да, не желательно, чтобы вышел какой-нибудь диссонанс, подобно тому, как на вечере при проводах Беренштама. Все теперь сознают справедливость сказанного Вами тогда и никто не спорит». Таковы были его слова. Не знаю, насколько его слова выражали мысли его, насколько мысли других. Увижу в субботу. Речи и объяснения неизбежны.

Секретарем выбран Белогриц-Котляревский. Но и Пихно был предложен и получил 7 белых и 12 черных, тогда как Белогриц — наоборот.

Суббота — утро все пропало. Пошло на подписку адресов и молебны: в университете и в Думе. Кажется, мысль о том, что уж очень часто приходится писать и подписывать адреса поразила всех. И в университете, и Думе предложено и принято было, вместо адреса, повергнуть наши верноподданические чувства через подлежащее начальство.

Возвратились с вечера в 1/2 5 ч. утра сегодня. День прошел плохо. Посещения. Сон.

Вечером опять на вечер. Саша по должности председательницы комитета должна быть сегодня вечером на бале, устроенном в клубе по инициативе Чертковой, генерал-губернаторши, в пользу приюта. Деловые отношения требуют, чтобы Саша посетила этот бал. К сожалению, я должен ее сопровождать в 11 часов.

11 февр[аля].

Скордели — это человек, который сеет раздоры. Несомненно, он успел произвести переворот в душе Забугина и настроить ее враждебно против меня. Дело в том, что Загубин весной 1879 г. внес членский взнос. Я тогда же, в присутствии его, на лекции Славатинского, вручил Скордели. Прошла весна. Прошло лето. Получив и передав деньги в болезненном состоянии, я и забыл про это. Приезжает в сентябре месяце прошедшего года Забугин в Киев: заходит ко мне. Я и говорю ему: «Внесите членский взнос».

— Как внесите, когда я внес? Да, Вы, кажется, тогда же вручили его Скордели.

Все воскресло в моей памяти. Тогда я пишу Скордели о том, что я ему деньги, данные мне Забугиным, вручил,— и сослался на самого Забугина. На это он мне ответил, что готов внести, если я помню, что я ему вручил. Я ответил ему: Вам следует внести деньги, если Вы помните. Он настаивал на своем — и уплатил деньги.

Приезжает пред праздником в Киев Забугин: у меня не был. Я ждал, что он будет у меня на возвратном пути. Не видать. Я ему написал письмо — и послал ему вопросы по самоубийству. Ответа никакого. Явно, дьявольская работа сеятеля раздоров принесла плоды.

Вчера возвратились с бала в 2 ч. ночи. Появление меня на бале некоторых удивило. И в самом деле, едва ли не в первый раз. Говорят, необходимо занести в летописи Киева. Скучно и приходится без дела торчать. Встретил там князя Н. В. Репнина. Беседовал о состоянии умов земства Полтавской губ.: он на днях возвратился с выборов в Пирятинском уезде. Определенного он мне ничего не сказал, хотя, по-видимому, хотел дать заметить, что дворянство за конституционные идеи.

12 февр[аля]. 7 ч. вечера.

Говорят, Гартман, которого считают главным машинистом взрыва 19 ноября прошедшего года, задержан в Париже. Правительство наше потребовало выдачи. В высокой степени интересно, чем отзовется на это требование французское правительство.

«Следует ли выдать Гартмана?» — с этим вопросом обратился ко мне один студент. Я ему ответил: «Думаю, что выдадут».

В лектории профессорской произошел спор: следует или нет. Удивил меня Аландский, который решил вопрос принципиально: «Не следует». Удивил потому, что он до сих пор мыслил как обскурант и реакционер. Признак влияния другого духа, если реакционеры подобные Аландскому — человек виляющий — готовы стоять за резкие политические теории.

Вел речь и с Паульсоном — и тот, несмотря на свое малое политическое развитие, сказал: «Благоразумное правительство сделало бы необходимые уступки обществу».

Вчера Антонович отрицал почти всякий успех конституционных идей в обществе, сделанных в последнее время под напором насилий с двух сторон: со стороны правительства и со стороны подземных сил — радикалов. Я с ним несогласен.

Если уже профессора-реакционеры ведут другие речи и присмирели в своих политических выходках, то что сказать о других. На днях агенты киевской жандармерии явились во 2-ю Киевскую гимназию и потре-

бовали у начальства выдачи им 12-летнего гимназиста Петрункевича, сына того черниговского гласного, которого правительство за его оппозиционную деятельность сослало в Варнавин Костромской губ. Взятого ребенка подвергли строжайшему допросу по обстоятельствам, до деятельности его отца относящимся. Сами шпионничают и соглядатайствуют, но этим они не довольны, а принуждают, чтобы дети доносили на родителей, родители — на детей. Негодяи. Правительство увлеклось и не замечает, что оно само налагает нечистую руку на священные основы общества.

Грубое насилие жандармерии произвело тяжелое и подавляющее действие на ребенка. Говорят, бедное дитя впало в нервную горячку. Неутешная мать собирается ехать в Петербург, чтобы жаловаться. Кому и на кого? Трусливым правителям, которые ищут своей главной силы в тайной полиции, в шпионстве и допросах.

В газетах напечатано известие о том, что земледельческая академия в Петровском-Разумовском близ Москвы сгорела дотла, со всеми кабинетами и библиотекою. Причина пожара пока неизвестна. В лектории профессорской шла речь в том смысле, что это поджог радикалов. Там же говорили, будто попечитель округа получил от министра просвещения шифрованную депешу о том, что радикалы постановили: произвесть поджоги учебных заведений. Подождем разъяснений. Одно насилие вызывает другое. Одно другого стоит. Пора бы убедиться правителям и народам, что насилие, от кого бы оно ни происходило, останется насилием. Щипает ли человеческое тело рука полицейского или рука радикала — боль равно будет ощущаться в том и другом случае.

Нельзя, однако ж, одного не заметить: что радикалы окатили холодною водою русское общество и что они пробудили его мысль от сна и даже заставили его думать и говорить осторожнее. Я сужу по профессорской лектории: это до некоторой степени барометр. Где делись эти шустрые ораторы, которые, вместо серьезного и спокойного исследования болезни, только и слышно было, что занимались бранью социалистов и радикалов. Даже в адресах, подносимых теперь Государю, гораздо меньше бранных слов, нет выражений: «исчадия ада», «изверги», «неслыханные злодеи». Последнее повержение чувств нашего совета было редактировано совершенно прилично, не проронили ни одного бранного слова. Само правительство одумалось. Покушение 5 февраля по преступности замысла превосходит все предшествующие. И, однако ж, правительство воздержалось от принятия огульных, притеснительных и тиранических мер, подобных тем, которые были им приняты весной прошедшего года. По этическим моим убеждениям, по складу моей натуры, которой противны насилия и жестокости, я чувствую глубокое отвращение к этим покушениям на цареубийство. Строй моей натуры не сроден ни с чем подобным.

Но ум мой не может не заметить глубокого влияния, которое производят в физиологическом отношении эти насилия на меня самого и на других, скажу более — на все общество. Странное дело: когда радикалы только занимались теориею и приготовляли полки, я относился к ним с более отрицательным и порицательным словом, чем теперь, когда они совершают свои насилия. В этом перевороте, не вольном, не намеренном, бессознательном, есть глубокий смысл. Если бы насилия радикалов не имели против себя и против общества столь же ужасных и несправедливых насилий и тирании правительства, несомненно, они были бы в наших глазах ужасными злодеями и извергами. Если бы в

нашем общественном строе, в государственном организме, была хотя капля свободы, честности, независимости, над радикалами носилось бы проклятие самых отборных умов.

И вот теснится в ум мысль о том, что радикалы своею деятельностию умели рельефнее обрисовать характер деспотического устройства нашего государственного организма, они вывели всю гниль, всю нелепость, всю тиранию правительственных привычек. И величайшая ирония, насмешка, издевка совершается над русским правительством. Оно недавно в своей наивности воображало, что оно есть освободитель,— видите, посылало сынов России освобождать болгар от турок. И едва только совершило сей подвиг, как ринулось творить насилия в турецком вкусе над своими подданными. Так поступать заставили его радикалы; они сказали ему: не лицемерь, а покажи себя тем, что́ ты есть. Нечего двоедушничать и двуличничать. Ты в Болгарии столь либерально действовало потому, что иначе не могло действовать. Смени ты турок собою, ты бы стало болгар притеснять по-свойски, тебя разбили бы, выгнали бы оттуда, как простого разбойника, явившегося с накрахмаленным лицом любезника, чтобы успешнее совершить свои грабительства.

13 февр[аля]. 1/2 11 ч. вечера.

Вчера вечером заходил Антонович: он был в заседании, в которое ректор пригласил всех заведывающих отдельными частями в у-те, он заведывает минц-кабинетом. Действительно получена телеграмма, в которой министр просвещения предлагает принять меры предосторожности по отношению ко всем учебным заведениям, но в особенности к университету, так как до сведения его дошло, что социалисты собираются совершать поджоги учебных заведений.

Вчера у меня на лекции было итого 10 человек, едва третья часть слушателей. Это лучшая поверка несостоятельности новых правил. Это лучшее доказательство того, что новые правила изданы с тою целию, чтобы туманить умы, лицемерить и двоедушничать. Это лучшая поверка пошлости Воскресенского, который пошел на должность с решимостию не исполнять правила. Положим, в это время наши юридические авдитории,— и даже моя, наиболее посещаемая,— начинают пустеть. Студенты 4-го курса предаются занятиям по приготовлению к экзамену. Но в то же время это блистательное доказательство того, что правила сами по себе, а жизнь студенческая течет своим руслом.

Третьего дня приехал П. П. Чубинский: поправления в здоровье нет. Как был, так и есть полуразвалина. Администрация, специально Чертков, считают его еще опасным человеком: до сих пор остается запрещение жить в Киеве.

По случаю его приезда были посещения: Антоновичи, Ильницкий, Чубинского брат, Кордаш и Иващенко.

Сегодня вечером посетили меня мои ученики: А. Е. Броецкий и А. Н. Чернышев, правитель канцелярии каменец-подольского губернатора, хорошие и дельные молодые люди. Посещение Чернышева мне в особенности приятно: когда он держал окончательный экзамен, я поставил ему отметку, которая помешала ему получить кандидатскую степень, которую один он, как вольнослушатель, мог и получить. Он явился на экзамен вовсе неприготовленным по моему предмету. Я, не кривя

совестию, не мог ему записать весьма удовлетворительно. Приходила просить меня его мать: я не согласился поступить против моих убеждений, хотя житейские интересы гнули меня в сторону ее просьбы: тогда в ее пансионе учился Богдась. Чернышеву пришлось остаться еще год, что послужило ему в пользу. На днях он прислал мне письмо весьма душевное. Ныне посетил, чем показал, что он понял честно мое отношение к его экзамену.

Прощаясь с Броецким и Чернышевым, я вдруг вспомнил про письмо Жданова и про мое желание непременно приобресть орудия телесных наказаний. У меня еще прежде мелькала мысль о том, как бы было хорошо переговорить с Чернышевым и просить его содействия по приобретению: он же правитель канцелярии. Я просил их снять пальто и возвратиться для конфиденциальной беседы. Я прочел им письмо Жданова с пояснениями и просил их о содействии. Чернышев обещал. Оказалось, о чем я забыл, что Броецкого я уже просил прежде,— и он уже наводил справки в губернском правлении, где не оказалось. Так я иду своею дорогою для осуществления раз задуманной мысли. И непременно должен придти к цели. Быть не может, чтобы никому из моих корреспондентов по этой части не удалось отыскать и приобресть искомые мною драгоценности.

13 февр[аля]. 11 ч. вечера.

Только что получил письмо от брата Павла из Еревана. Он, между прочим, пишет: «В дополнение к суровой зиме, здесь и другое бедствие, от которого сильно страдает население: это недостаток хлеба. Приняты меры для подвоза хлеба из России. Бывают дни, когда на базарах вовсе не продают печеного хлеба. Нищенство развилось страшно. Фунт печеного хлеба (конечно, простого) доходит до 7—8 коп., да беда в том, что иногда и за эти деньги не достанешь». Один из отрывков нынешнего состояния Отечества.

Броецкий говорит, что уже после 5 февраля, после того ужасного покушения, опять появилась прокламация, в которой радикалы с неменьшею решительностию, как и прежде, торжественно объясняют, что император Александр II будет лишен жизни, если он не сделает уступок «Народной воле».

14 февр[аля]. 9 ч. утра.

В обществе и в газетах появился слух, что Н. Х. Бунге выходит в отставку. Наивная публика и наивные газетчики этому верят. А это ни больше, ни меньше, как всегдашняя манера сего дельца: когда ему приближается срок баллотировки, он пускает подобного Меркурия, чтобы он лгал для целей сенсации и выведывания. Затем под рукой клевреты его наводят справки, выведывают, стращают ухудшением дел с его выходом. Так, Ренненкампф на обеде, который он устроил для Володимирова, стращал, что с выходом Бунге не состоится пятидесятилетний юбилей у-та. Таким образом, появившееся известие необходимо читать как раз наоборот: оно выражает пламенное желание Бунге остаться при всех своих должностях. К чему, скажут, эта ложь, когда и без нее этот делец останется при том, при чем он есть? К чему? К тому, что человек, сызмальства привыкший ходить кривыми путями, путем маленьких подделочек, подтасовочек, человек, который ставит выше: *ка-*

заться, чем быть, не может обойтись и на сей раз без фальши. Фальшь, притворство и коварство его вторая натура.

14 февраля. 6 ч. вечера.

Явившись на лекцию, застал итого *четыре человека.* Обратился к этой *многочисленной* авдитории и сказал: «По немецким обычаям, мы еще должны читать». Там читают курсы при трех студентах. Я никогда еще в течение 15-летнего профессорства, не имел столь бедной авдитории. Она служит блистательным доказательством разумности новых правил. Этим я хотел сделать намек на правила о посещении лекций. Затем еще пришло три человека. Второй час прошел при девяти слушателях.

15 февраля. 6 ч. вечера.

Вчера я возвратился домой как разбитая лошадь. В таком виде когда-то я возвращался только со службы в Сенате. Не мог даже работать. Весь нервный аппарат был поражен. Щемило сердце от того, что авдитория пустеет. Сознание негодности и бесполезности повергло в отчаяние: лег спать рано. Рано встал и взялся за работу с обычным аппетитом.

Посетил меня сегодня П. П. Исаевич, муж моей корреспондентки по участи обычного права, той Марии Алексеевны, с которой я обменялся несколькими живыми письмами из Карлсбада. Тогда я, под влиянием чтения жизни и писем Шиллера, впал в идиллический шок, кажется, перехватил в чувствоизлиянии. Это, впрочем, не беда. Звал меня к себе. Обещал посетить их вакациями.

Посетила собственно не меня, а Павла Платоновича Чубинского, Т. В. Гамалея, жена моего товарища по университету, лежащего давно в могиле. Я был рад с нею познакомиться. Она презентовала мне при посредстве П. П. Чуб[инского] Литовский статут мамоничевского издания, шестнадцатого столетия, книгу чрезвычайно редкую. Два дня назад я ей послал с приличною надписью мои «Права». Теперь я воспользовался случаем, чтобы лично благодарить ее за такой ценный подарок.

Был консилиум, съехались Е. И. Афанасьев и К. Г. Тритшель, чтобы снова исследовать П. П. Чубинского. В глазах они подают ему надежду. Я же лично мало надеюсь на его выздоровление. Развалина довольно капитальной постройки.

11 февраля в «Правительственном вестнике» обнародовано: «Дознанием, производившимся о взрыве 5 февраля в Зимнем дворце, выяснено уже с некоторою положительностию участие в совершении этого преступления лица, выдававшего себя за рабочего. Есть основание к предположению связи между ним и несколькими лицами, уже арестованными ранее взрыва по обвинению в политическом преступлении».

В газетах пишут, что в подвальном этаже, в котором произведен был взрыв, работало четыре столяра. Один из них ушел, а три арестованы. Но арестованные, кажется, невинны и непричастны к махинации: один из них, отставной солдат, лет пятнадцать, как работает во дворце.

Ушедший, конечно, был главным исполнителем замысла. Он, наверное, можно сказать по предположению, принадлежит к интеллигентным радикалам.

Возвратился из Великих Будок наш друг: ездил присутствовать при допросе свидетелей, указанных Манджосом.

Утверждает, что народ, по случаю безхлебницы, голодовки и взыскания недоимок, говорит необычным языком, изобличающим дух недовольства, и что разносителями недовольства служат отставные солдаты, которых правительство чуть не пускает по миру.

Радикалы давно испытывали народную почву. Она оказалась на первый раз неблагоприятною для них. Но кто ручается за будущее: капля воды, постоянно упадая, точит камни. Кто знает, не оказывают ли все эти взрывы и подкопы влияния на пробуждение ума народа? Едва ли можно сомневаться в том, что эти взрывы и подкопы колеблют моральные основы власти. То, что казалось неприкосновенным, подверглось таким дерзким, открытым и неустрашимым нападениям. Все это не может не омрачать прежнего ореола власти. Да, старые основы ее колеблются и требуют новых подпорок. Если таковые не будут отысканы и подведены, то, чего доброго, власть, потеряв устои, может подвергнуться сильным потрясениям, если не падению. Конечно, власть в старой ее организации.

15 февраля. 9 ч. вечера.

Доставлено мне давно разосланное воззвание «От реалистов к обществу» [14]. Министерство Толстого с презрением и враждою относится к реальному образованию: оно добилось закона, коим воспитанникам реальных училищ запрещено поступать в у-ты. Эта прокламация написана в умеренном сравнительно духе. В ней есть несколько интересных мест. Реалисты, то есть воспитанники реальных школ, пишут:

«У нас возникла мысль обратиться с просьбой к лицам власть имеющим, относительно получения доступа в у-ты, но самая попытка к соглашению повлекла за собой то, что в некоторых училищах оставили на второй год весь седьмой класс, в других — не выдавали бумаг окончившим курс до тех пор, пока прием в высшие учебные заведения не был окончен, кроме того, некоторых, заподозренных в агитации по этому поводу, выгнали без права поступления куда-либо. Мы увидели, что с этой стороны нам ожидать нечего, и поэтому решились обратиться с протестом к обществу [...].

Родина! ты спишь, а отвратительный вампир сосет твою кровь, и жизненные силы мало-помалу оставляют тебя! Ты скоро будешь разлагающимся трупом, таким, каким была Римская империя, таким, какова теперь Турция! Посмотрите, что делается у нас: полнейшее разорение, постоянные голодовки в народе — и рядом с этим безумная роскошь императорского двора и высших сановников, страшный недостаток земли у крестьян и раздача свободных земель разным чиновникам, стеснение земского самоуправления — и предоставление права полнейшего произвола администрации, небывалое развитие шпионства, доносов, преследований — и небывалое стеснение прессы, образования, налоги, в короткое время доросшие довольно высокой цифры... [...].

Известно, что сам Николай Николаевич-старший был не только главнокомандующим русской армии, но и главнокомандующим воров-

ской армии «Горвиц, Коган и К°», известно также всем и то, что члены царской фамилии воруют даже друг у друга.

[...] Но пусть общество ничего не сделает, пусть оно по-старому с слепой покорностию продолжает ходить под ярмом; мы, молодежь, не можем помириться с существующим порядком вещей и, хотя ценою своей гибели, но будем бороться до конца, за удар отвечая ударом! Мы думаем, что если лиц, власть имеющих, и не страшат громы небесные, то земные не вечно будут находиться в их руках... Мы твердо верим, что настанет день судный для всех сановных преступников, перед которыми теперь молчит суд и правда, тогда... тогда и камни возопиют о мести и грозный суд народа развернет пред своими притеснителями длинный список их преступлений».

Таким языком говорит молодежь. Правда, это говорят в тайно изданном воззвании. Но можно думать, что этот язык тайного воззвания есть выражение тех убеждений, которые исповедует почти вся молодежь, если не во всех подробностях, то, по крайней мере, в общем.

15 февр[аля]. 1/2 10 ч. веч[ера].

Яцевич, осужденный на каторжные работы, будучи обвинен едва достигши 17 лет, бежал. Значит, киевской девице не придется ехать в Сибирь для вступления с ним в брак, о чем хлопотала его сестра.

Между людьми есть химическое сродство: подобное соединяется с подобным. Стрельников ныне единомышленник Пихна и Скордели. Было время, когда я как будто находился с ним в добрых сочувственных отношениях. Но это был плод недоразумения.

Есть, однако ж, в человеке способность качаться из стороны в сторону. От этого качания и происходят и временные сочетания, и перебежничество. Но в конце натура берет свое.

17 февр[аля]. 10 ч. вечера.

Сегодня заходил к Рубинштейну переговорить насчет долга Чубинского Промышленному банку. Рубинштейн сказал:

— Когда настанет срок платежа — и не уплатит, то не повесим, а продадим с молотка.

— Ну, это почти что повесить, если продадите с молотка худобишку.

— Нет, продадим акции. А чего не достанет, протестуем векселя.

— А что с нами? Пока я директор, буду сдерживать. А там не знаю.

Я указал Рубинштейну на плачевное состояние экономических дел Чубинского. Сказал, что для уплаты страховки за жизнь думаю составить подписку. Рубинштейн просил считать и его участником. Я упомянул об обещании Хрякова, богатого сахаропромышленника, составить подписку для поддержания больного, который когда-то оказал сахаропромышленникам значительные услуги: до выхода в отставку он был их поверенным в Петербурге. Рубинштейн сказал, что 12 февр[аля], когда сахаропромышленники собирались потолковать о подписке для выражения своих чувств по случаю 25-летия, то Хряков вел речь и о пожертвовании на пользу несчастного Чубинского. Он думает из общей подписки уделить и для Чубинского. Я сам думал, и Рубинштейн советовал, побывать у Хрякова и поговорить с ним о сем вопросе точнее.

Хотя бы и не хотелось быть у сего коммерсанта, однако ж ради бедного брата я должен быть у него.

Итак, Чубинский — полный инвалид. Поступает на содержание общественной благотворительности. Дурное положение его дел отражается дурно на состоянии его духа. Он впадает в отчаяние.

В Петербурге он, служа в Министерстве путей сообщения, был вместе с тем поверенным по делам сахарозаводчиков. Ему платили 3000 р[уб]. Оставляя службу в Петербурге, он передал обязанность поверенного сахарозаводчиков некоему Андрееву. Сей муж лет пять тому назад приезжал, в качестве чиновника Министерства финансов в наш Южнорусский край обозревать сахарные заводы. Он тогда показал себя необыкновенно строгим блюстителем интересов казны. Ныне он состоит на содержании у сахарозаводчиков: занимается негласным ходатайством за их интересы в Министерстве финансов, в котором он состоит на службе. В то же время он числится и по Министерству путей сообщения. Вот образец русского чиновника, который продает интересы того государства, у которого он состоит на службе.

Вчера состоялся вечер проводов Антоновича за границу. Гуртовой, громадский, в замену нашего частного, сначала проектированного.

Собралось человек, пожалуй, 35, если не больше. Были: Житецкий, Юркевич, Тумасов, Науменко, Симиренко, он и она, Покрамовичи — двое, Цветковские — двое, Панченки — двое, Лысенки — двое, Щербины — двое, Сасько, Торский, Рыльский, Русов, Трегубов, Ничипоренко, виновник вечера с женою, нас двое, Мищенки, трое юношей студентов: Багалей, Клименко, бывший учитель наших детей, Дебагорий-Мокриевич, теперешний учитель, Ильницкий, двое.

Русов сказал, что в гостинице «Россия» обретается Карпинский, известный деятель черниговского земства, и что не мешало бы его пригласить. Я тотчас же написал на карточке приглашение — и послал его с Ильницким, громадским Меркурием.

Через полчаса Карпинский был уже у нас. Я, наслушавшийся о нем много хорошего, но незнакомый с ним, встретил его с распростертыми объятиями. Но с первой же минуты он оказался уже пьяным до полусознательного состояния. Стал целоваться со всеми — ну, это бы не беда, несмотря на пламенность объятий. Держал себя не совсем хорошо. Во время речей свистал. Порывался бороться. Произвел неблагоприятное впечатление, в особенности на дам, к некоторым из которых он приставал с поцелуями.

Очень может быть, что он прекрасная душа-человек: и есть к тому некоторые данные. Несомненно, что он умел играть значительную роль в черниговском земстве, что свидетельствует за то, что он человек, не лишенный ума и дарований.

Но при всем том, нельзя не считать дурным признаком его внутренней психеи появление его в таком виде и вообще образ его поведения. Лучший человек земства! Столб отечественного прогресса! В таком виде и образе. Не должно ли это обстоятельство заставить задуматься каждого насчет судьбы нашего общественного и без того слабого-преслабого прогресса.

Есть данные думать, что с Карпинским совершился недавно психический переворот под влиянием неблагоприятных обстоятельств жизни.

За третьим, когда в голове шумело, начались речи. Я предлагал говорить первому Житецкому и Мищенку — не согласились, сказали: «Подобает это сделать хозяину». Нечего было делать. Моя речь была нескладна и некрасноречива. Но смысл ее был точный и определенный. Я развивал ту же тему, которую поставил ядром моей речи при проводах Беренштама. Только резче и лучше ее обставил. Я говорил, что для развития национальной идеи необходимо получить нам конституционные гарантии.

После меня говорили: Житецкий, Мищенко, сам Антонович, Русов, Панченко, Науменко, Багалей, Симиренко.

Житецкий и Мищенко не с таким пренебрежением отнеслись к моим мыслям, как на проводах Беренштама. Но в их речах все же звучал какой-то тон о маловажности и незаслуженности внимания к тому, что было предложено мною.

Затем, большая часть того, что говорено было Житецким, Мищенком, Русовым и Багалеем, содержало в себе прославление Антоновича. Бесспорно: Антонович имеет большие заслуги в кружковом украинофильском деле по той стойкости, которую он обнаружил, по той демократичности идей, которые он развивал и развивает.

Но, на мой взгляд, похвалы в глаза — это манера восточных людей. Сколько мне известно, в Европе принято говорить при подобных случаях об идее и учении, которых носителем является чествуемый человек, а не рассыпаться в похвалах, очень уже личных и преувеличенных, человеку, почтить которого собрались. У нас же не то: собираются ли почтить кого обедом, вечером, будет ли то исправник, губернатор, коммерсант или ученый, всегда ораторы рассыпаются в похвалах чествуемому.

Житецкий дошел до того, что сказал: с отъездом Антоновича он не знает, что́ станется с украинским делом, оно может замереть. Бедное же дело украинское, если его вся суть в личности Антоновича. Последний умнее и тактичнее своих панигиристов: он сказал, что, напротив, он верует и убежден в силу идеи и в силу людей, их исповедующих, помимо его личности. Симиренко хватил еще более чрез край: он уже просто сказал, что Антонович оставляет нас *сиротами.*

Меня эти личные похвалы коробили. Идолопоклонство не в моей натуре. Я говорил еще два раза. Причем, я старался выяснить смысл моих речей.

Я напирал на то, что мои мысли не только не исключают, а предполагают идею национальности. В конституционных гарантиях я надеюсь получить прочное и надежное орудие развития цели малороссийской национальности. Предлагаемые мною категории: объявление святости и неприкосновенности личности гражданина, кроме случаев преступления, свобода слова и вероисповедания, право сходок, собраний и составления обществ, местное и государственное самоуправление, право народа участвовать в управлении, в утверждении или неутверждении бюджета,— все эти категории и положения общечеловеческого характера, они выработаны европейскими народами, дальше нас ушедшими. Чрез эти-то категории с развитием наших национальных идей не перескочим. Напротив, развитие этих идей возможно только при посредстве предлагаемых императивов. Вне их это развитие абсолютно не мыслимо.

Идея национальности — великое дело, но необходимо, чтобы она не забывала идеи развития человека. Идея национальная, которая стоит против социального улучшения быта народного, не стоит большого вни-

мания. Для меня не симпатична и даже отвратительна идея чешской национальности, носителем которой является Ригер, считающий несовместным с исповедываемыми им идеями свое присутствие на празднике в честь Ивана Гуса.

Я, как практический человек, нахожу, что в настоящую минуту для всех нас решительно необходимо получить конституционные гарантии. Кто бы мы ни были по национальности, мы прежде всего должны получить права человеческие, которых мы не имеем.

Сознавая, что мы прав этих лишены и что лишение их составляет первую причину, препятствующую развитию идеи малороссийской национальности, я и предложил сосредоточить все наши помышления на этих категориях. Не подлежит сомнению, что украинофильство вчерашних наших гостей метит гораздо дальше, чем идеи и мое народолюбие. Мои идеи на первый раз политические, их же украинофильство более социально. Мое украинофильство на второй раз проникнуто идеею социального и бытового прогресса; их же украинофильство пропитано мечтами политическими о самобытности малороссийской национальности.

Несомненно, они живут и движутся идеями Драгоманова, более радикальными и чисто, так сказать, украинофильскими, сравнительно с моими. Об идеях Антоновича, странно, я ничего сказать определенного не могу. То есть я говорю о подробностях идеи малороссийской. Что они в голове Антоновича очень ясны и очень определенны, это несомненно. Они, может быть, яснее и определеннее, чем мы думаем. Во всяком случае, вероятно, они более радикальны, чем это видимая оболочка его натуры, скромной, чуждой всякой резкости.

Но ведь он большой тактик, дипломат и человек себе на уме, так что его трудно раскусить. Воспитавшись в польском обществе, он великий мастер в той среде, которая действует скрытно, незаметно. Даже вчера, несмотря на то что он говорил много, он совершенно не высказался насчет своих идей в подробностях. Он говорил о морали веротерпимости, о стойкости убеждений, но и только.

Разом пели, Лысенко играл, танцевали на старости метелицу и разошлись в 5 часов.

18 февр[аля]. Понедельник. 3 ч. дня.

На вечере Мищенко предложил тост за меня, как издателя «Малороссийских прав». Я ответил, что принимаю тост только за любезность: заслуги мои в малороссийском деле ничтожны. Правда, я никогда, с тех пор как сидел на студенческой скамье и до сего дня, не изменял ни моей преданности народу, ни моей веры в прогрессивное развитие идей свободы. Я сам — сын народа, происхожу в третьем поколении от крепостного,— мой дед был крепостным человеком.

Трагическая судьба П. П. Чубинского: этот энергический человек, отменный говорун, лежал пригвозденный к одру болезни в соседней комнате с теми, в которых товарищи его молодости, еще полные жизни и деятельности, вели беседу, пили, пели, пировали, веселились, крутились в метелице. Пели под аккомпанимент Лысенко: украинскую *марсельезу,* сочиненную Чубинским в 1862 году:

«Ще не вмерла Україна
І слава і воля
Ще нам браття-козаки
Усміхнеця доля».

В это время я вел разговор с В. Ф. Симиренком о бедственном положении экономических дел Чубинского, о том, что ему нечем заплатить за страховку. Симиренко сказал: считайте меня вкладчиком в 50 руб. на уплату страховки, затем добавил, что он доплатит за страховку, сколько не достанет по подписке и, наконец, сказал, что он будет выдавать Чубинскому субсидию в 300 р [уб.]

Сегодня я был у Хрякова и беседовал с ним насчет обещанной помощи Чубинскому. Плохой год. Со всех сторон требования. Там Ольга Ивановна Черткова налегала на сахарозаводчиков, чтобы пожертвовали в пользу благотворительных заведений. Там нужно было пожертвовать 1200 руб. в пользу студентов. Была недавно подписка в пользу школы. Предстоит складчина по случаю предстоящей выставки.

— Однако ж, когда и на что можно надеяться для Чубинского?

— Двадцать первого я дам вам знать. А многого надеяться невозможно: 1500—2000 руб.

Я просил довести сумму до 3000 руб. ввиду того, что ему предстоят неотложные платежи в эту сумму: долги, должки и должишки. Обещал сделать что возможно.

Чубинский теперь впал в отчаяние. Наконец, он сознал всю фальшивость ведения дел своих. Разные затеи — и разные долги. Теперь он впал в крайность, безутешен, бичует себя именами: азартный игрок, разоритель семьи, похититель ее благосостояния. Человек и в болезни остается тем же. Прежде не смей никто ему заметить, что он любит строить воздушные замки с скудным карманом. Ныне никто его не утешит и не уговорит покориться необходимости и обстоятельствам, по пословице: лбом стены не прошибешь.

Известия о *Гартмане.* От 8 февраля из Парижа пишут: «Известие об арестовании здесь русского подданного подтверждается. Некоторое время трудно было удостоверить личность арестованного, но в настоящее время, кажется, выяснено, что его зовут *Гартман,* что он русский подданный и обвиняется в совершении покушения на Московской железной дороге. Требование о выдаче преступника сделано официально, но должно быть подкреплено формальным порядком, путем представления документов, которые теперь ожидаются. Совершенно неверно, будто бы некоторые депутаты французской палаты ходатайствовали об освобождении арестованного».

Вопрос о выдаче Гартмана представляет высокий интерес.

20 февр[аля]. 8 ч. веч[ера].

Ждали с нетерпением 19 февр [аля]. Чаяли по случаю исполнившегося 25-летия царствования каких-то великих и богатых милостей. Бредили о конституции — думали будет дана. Вместо того учреждена Верховная комиссия общественной безопасности. Во главе ее поставлен Лорис-Меликов. Он уполномочен почти верховною властию по открытию, преследованию государственных преступлений и охранению общественной безопасности и спокойствия. В Петербургском военном округе права Лорис-Меликова с комиссиею заменяют права и власть генерал-губернатора. Гурко уволен. Но власть его выше упраздненного генерал-губернаторства. Он непосредственно подчинен одному императору. Власть его по охранению общественного спокойствия и безопасности простирается на всю Россию. Он избирает сам членов верховной комиссии, с утверждения, впрочем, императора. Такова насмешка на консти-

туцию. Общество тешит себя, что Лорис-Меликов не будет неистовствовать, как неистовствуют Тотлебен и Чертков.

Правда, эта диктатура подсказана была Катковым. Он взывал к тени Муравьева-вешателя, желая воскресить его кровавую деятельность в польское восстание и в период каракозовского покушения.

Лорис-Меликов на харьковском генерал-губернаторстве показал себя человеком более умеренным и более рассудительным, сравнительно с вешателями — Чертковым и Тотлебеном.

Замечательно, что охранять общественное спокойствие поручено не русскому, а армянину по происхождению.

Не от армянина ли истечет первая официальная мысль о конституции. Русские исхолопствовались и ни на что свободное не способны. Разве на подпольный взрыв.

Вчера я был на молебне в городском доме. Чтобы быть в у-те, нужно было облечься в чиновническую ливрею. В городском доме можно было явиться в сюртуке.

Из Думы зашел с визитом к Карпинскому: нашел его желтым и полубольным. Оказывается, что он страдает болезнию запоя. Он запьянствовался с того момента, когда на декабрьском земском собрании под предводительством его 11 гласных отказались принимать участие в словесных прениях собрания под председательством Неплюева.

Говорят, что Неплюев в своем доносе-объяснении прямо именовал Карпинского, как такого гласного, который подрывает своею деятельностию основы власти, а между тем остается до сих пор без преследования. Кто знает, не от этих ли неблагоприятных обстоятельств этот земский деятель ищет забвения в вине.

Хотя, с другой стороны, великое малодушие и дурная привычка пить горькую.

Вчера посетил меня о. Иоанникий, делопроизводитель духовного собора лавры. Наместник и духовный собор просят, чтобы я оканчивал дело с конкурсом Тетеруховского.

Приехала жена Чубинского. Сегодня они вместе отъехали домой. Не жду я ничего доброго для его здоровья. Больше вероятия, что разрушение его организма пойдет своим чередом. Экономическое состояние его очень незавидное. Долгов тыс[яч] 10 руб. А платить пока нечем или приходится ждать получений, да и тех не хватит. Розчал постройку дома, которую нечем кончить. Получаемого пансиона не хватает на прожитье. По возвращении из Петербурга в течение года он успел прожить и истратить более 5000 р[уб.], кроме пансиона.

Самолюбие, привычка жить не по средствам, опасение за будущее — все это производит дурное состояние его духа.

Вчера Андрей Данилович Юркевич, сегодня Ал[ександр] Ив[анович] Сасько рассказали про новый подвиг хищничества Квачевского. Да, это настоящий адвокат-хищник. Хотел[и] поручить ему Юркевич и Сасько дело, чисто формальное, признание векселей Юркевича к Саську и получение денег от проданного дома Саська. Случилось так, что всякий раз, когда приходилось суду действовать, Квачевский был в отсутствии. Даже подача прошения совершилась не его руками. Вся деятельность Квачевского ограничилась получением из палаты 1700 руб. И тем не менее сей адвокат, вручая Юркевичу деньги, отсчитал ему

1600 руб., а 100 руб. положил себе в карман, сказав, что это ему за труды. Человека можешь узнать только на деле.

Вчера я посетил Симиренка. Он вручил мне 300 руб., которые я и передал Чубинскому. Симиренко нередко помогал и другим. Я подлинно знаю, что дает одному гонимому семейству.

21 февр[аля]. 10 ч. веч[ера].

Сегодня утром приносят корреспонденцию. Письмо с надписью «Его Превосх[одительст]ву», хотя я не превосходительство. Разрываю конверт и нахожу прокламации «От Исполнительного комитета»: помеч[енная] 7 фев[раля] 1880 г. Летуч[ая] типогр[афия] «Народной воли».

Прокламация — пародия на манифест от верховной власти. Вот ее текст...[15] В нем та же угроза царю. Думали, что открытием двух типографий открыто и уничтожено гнездо подпольного печатного слова. Торжествовали раздачею наград открывателям. Ряд революционеров пал, новый заступил их место. Захвачены шрифты и типографские станки, и все-таки революционная пресса продолжает действовать. 5-го покушение, а 7-го уже появляется прокламация.

Нет, тут дело идет не о горсти людей, а о чем-то большем. Не о революционных только страстях, а об общем недовольстве, которое, благодаря только бестактности и недогадливости правительства, является отличною почвою для радикализма.

Едва я прочел эту прокламацию, как явился брат Федор. Он приехал из завода. Ему предлагают место в Шполе, у Абазы. Он принимает это место. Вместе с ним я вышел из дому, по пути в у-т. На углу, у дома Горлова повстречались мы с Д. Тальбергом. Я хотел, наскоро поздоровавшись с ним, отделаться от него. Но он завладел моим вниманием известием о новом покушении, покушении на жизнь Лорис-Меликова. Простившись с братом Федором, я пошел в у-т вместе с Тальбергом. Там я прочел следующую депешу: «Сегодня (получено, должно быть, 20 февраля) около двух часов пополудни граф Лорис-Меликов возвращался к себе домой чрез Большую Морскую (в Петербурге) и угол Почтамтской в карете, сопровождаемой двумя казаками. Карета остановилась у подъезда. Дежурный городовой подбежал отворить дверь кареты. Граф Лорис-Меликов крикнул кучеру откладывать, а городовому велел взять каску из кареты. Когда граф Лорис-Меликов сделал шага два к подъезду, раздался выстрел. Граф быстро обернулся направо, увидел в полушаге человека с дымящимся револьвером и сильным ударом по голове сбил злодея на панель. Сбежавшийся на выстрел народ схватил преступника за волосы, и только спешившиеся казаки освободили негодяя от толпы. Граф не ранен, пуля разорвала с правой стороны пониже поясницы военный мундир, прострелила шинель, не причинив графу ни малейшего вреда. Злодей на вид лет 30, еврей, уроженец Слуцка Минской губ. Он находился под надзором полиции. Говорят, что граф Лорис-Меликов в швейцарской обратился к своему убийце с вопросом: «Негодяй, неужели ты думал, что я могу погибнуть от этой пули?» Этот вопрос смутил дрожащего от страха еврея. Но когда вели из швейцарской через двор, он сказал насмешливо солдатам, державшим его руки: «Застегните мне пальто, так можно простудиться». Весть об этом злодеянии быстро разнеслась по Петер-

бургу. Вскоре залы квартиры графа Лорис-Меликова стали наполняться представителями высшего общества. Сочувствие графу Лорис-Меликову огромное. Особы царской фамилии, министры, генералитет, князь болгарский, герцог эдинбургский, много дам посетили графа, чтобы принести ему поздравление и выразить общую радость по случаю счастливого его избавления от преступного покушения».

Лорис-Меликов — самый благоразумный и рассудительный из всех генерал-губернаторов, которые были назначены после 2 апр[еля] прошедшего года блюсти общественную безопасность и осуществлять чрезмерные меры. Он из худших лучший. Он ни одного не повесил. Он объяснялся человеческим языком со многими подозрительными людьми и оставил их без высылки в Сибирь. Словом, общественное мнение было радо, что он, а не военные скалозубы, вроде Черткова и Тотлебена, назначен председателем Верховной комиссии, обязанной блюсти общественную безопасность.

Радикалы, поставив себе за правило чем хуже, тем лучше, решились на него напасть, чтоб сбить его с позиции.

Он обратился к населению с воззванием, в котором он грозит беспощадною строгостию мастерам подкопов и покушений. Радикалы ответили ему покушением на его жизнь. Странно: когда было сделано покушение на Лорис-Меликова, как будто горячее выражали ему свою радость, чем самому царю после адского взрыва 5 февраля.

Кто-то остроумно заметил: Россия не имеет *Habeas corpus,* не исключая царя. Если хотят быть безопасными, пусть хранят безопасность других. Дайте Habeas corpus России и она, как один человек, восстанет на защиту неприкосновенности личности. Цари — правители народов, попирая святость и неприкосновенность личности человеческой забывают то, что они люди. Вспомним помещиков и крепостных. В самом деле, как много *аналогии.*

22 февр[аля]. 1/2 8 ч. веч[ера].

Был в совете. Не состоялся за неявкою надлежащего числа членов. Секретарь Виндинг припас депешу для любопытства братии. Телеграмма об осуждении на смерть и повешение стрелявшего в Лорис-Меликова. Вся процедура совершилась в 24 часа. Стрелявший по фамилии Млодецкий. Фамилия польская, но он жид.

Виндинг спрашивает Незабитовского: читал ли он телеграмму.

— Читал и в восторге.

Вчера я сообщил одной даме известие о покушении на Лорис-Меликова. Дама воскликнула: «Молодцы!».

Таковые кровожадные инстинкты и грубые чувства в обществе: одна произносит похвалу наглому покушению на убийство. Другой восторгается тому, что душат человека, хотя бы и преступного. Такие чувства не могут служить порукою за мирное развитие общества.

Это значит быть на ножах.

Вчера был у меня кандидат нашего ф-та Чернов. Он написал дельное кандидатское сочинение по обычному праву. Он сообщил мне сведения о студенте Подревском, недавно арестованном и сосланном без суда и права в Восточную Сибирь.

Подревский, воспитанник Нежинской гимназии, в которой воспитывался и Чернов. Следовательно, он его знает, тем более, что Подревский курсом-двумя его моложе.

По словам Чернова, Подревский даровит, необыкновенно скромен, трудолюбив, знает пять языков.

— Какая же вина его? — спрашиваю я Чернова?

— В частном письме дурно отзывался о монархическом неограниченном правлении в России.

Итак, цвет юношества нашего, молодые люди, исполненные дарований, без суда и права ссылаются в Сибирь на погибель. За что? За мысль, что Россия выросла из деспотического и тиранического образа правления и считает себя вправе жить под законом, а не под произволом. Если Подревский сослан за такие мысли, значит многим десяткам тысяч просвещенных людей России угрожает та же участь.

Бедная Отчизна! Тебя тиранят и над тобою издеваются два произвола, две наглости: произвол и наглость правительственников, этот великий учитель беззакония, и произвол, и наглость радикалов, которые выучились своевольничать и делать покушения на личность человеческую у правительственников.

Говорят, будто Млодецкий на суде показал, что он против личности Лорис-Меликова ничего не имеет, он стрелял не в личность Меликова, а в тот принцип, который он представляет. Хороший способ возражать против принципов: убийством людей, их представляющих. С таким правилом недалеко уйдешь. Но откуда это правило этими убийцами заимствовано? Оно ими заимствовано у правительственников, которые желают истребить принцип истреблени[ем] людей, его исповедующих. Тайная пропаганда. Подпольные действия. Тайные общества и ассоциация. Тайная печать. Месть, нападения из-за угла. Тайные убийства. Что это такое, как не оборотная медаль деяний «черного кабинета», 3-го отделения, этой тайной, страшно искусной, страшно наглой и дерзкой, организованной тайной полиции, которая шпионничествует, соглядатайствует, готовит козни против мирных граждан, делает на них нападения, обыскуя их, арестуя, заключая в тюрьму, высылая, ссылая в Сибирь, в отдаленные и не в столь отдаленные губернии, которая подчитует письма, которая тайно надзирает за всяким мало-мальски самостоятельно мыслящим человеком, которая готова накинуться на всякого, смеющегося сметь свое суждение иметь, которые неистовствуют над молодым поколением.

Если бы оппозиция радикальная имела силу и возможность применять такие же меры, как правительство, т. е. арестов, ссылок и высылок, она наверное их применила бы, что послужило бы совсем наглядным доказательством того, что радикалы суть ученики правительственников. Ныне они прибегают к кинжалу и револьверу, как единственно возможному в их положении средству. Выходит, что кинжал и револьвер в руках радикалов есть оружие, выхваченное из рук правительственников, и что нагло применять и употреблять это оружие они научились у правительства.

Итак, единственное средство для правительства положить предел наглости, варварствам, посягательствам, покушениям и убийствам — это отказаться самому от системы наглого произвола, притеснения и тирании. Пусть оно само для себя, для своего поведения провозгласит, что личность человеческая священна и неприкосновенна, и оно может быть убеждено в том, что завтра же иссякнут те соки, которые питают радикализм в его последних проявлениях.

23 февр[аля]. 1/2 7 ч. веч[ера].

Вчера во время прогулки встретил А. Д. Юркевича. Спрашиваю:
— Все ли благополучно?
— Обнаружилась напасть на учителя Тумасова.
— Какая?
— Был он 19 на молебне, который совершался в зале их же, 2-й гимназии. Не имея мундира, он явился во фраке, но в черном галстуке. На молебне был попечитель Антонович. Он нашел, что черный галстук на шее у Тумасова — признак оказания неуважения к власти. Призвал Тумасова и сказал: «Вы не слуга царский, подавайте в отставку».

Стоило труда директору Пясецкому убедить попечителя, что Тумасов, облекшись во фрак, думал тем выразить особенное свое уважение к дню 19 февр[аля] и как несветский человек, то и не приписывал белому или черному фраку какое-либо особенное значение. Время столь дурное, время сумасшедшего настроения. Даже такие порядочные люди, как попечитель Антонович, самосбродствуют.

25 фев[раля] 1880 г. 10 ч. веч[ера].

Политический мир занят вопросом о выдаче Гартмана. В Париже собирался Совет министерств. Говорят, ничего не решили. Парижские студенты собирали сходку, на которой решили послать к министрам депутацию с просьбою о невыдаче Гартмана. Будто бы министр юстиции высказался против выдачи. Эли, знаменитый французский криминалист и вице-президент Государственного совета, высказался как специалист за невыдачу Гартмана. Передают также, что некоторые из французских министров получили анонимное предостережение о том, что выдача окажется для них гибельною.

Если Гартман не будет выдан, то этим нанесен будет страшный удар политике нашего правительства. Этим Франция произнесет самое резкое осуждение над деспотизмом и тираниею русской системы управления. Жаль будет Государя, как человека, но как политик он не изъят от общих законов ответственности за свою систему. Посмотрим.

В субботу было заседание Юридического общества. Должен был докладывать И. П. Новицкий о чиншевом праве. Ждать да пождать, нет нашего докладчика. Я посылаю служителя к нему на квартиру. Жена говорит, что он ушел. Значит, *запил*. Я думал пробудить в этом горьком пьянице искру сознания, предложив его в члены Юрид[ического] общ[ества]. Нужно пасть окончательно в моральном отношении, чтобы так поступать, как поступает. Падшее создание, потерявшее и честь, и совесть.

Хорошо, что в запасе оказалась заметка Опекаловского по вопросу, могут ли мировые судьи распоряжаться о приводе неявившегося свидетеля по делам уголовным.

Приняли участие в прениях: Квачевский, я, Соколов, Демченко, Незабитовский, Делюсто, Давиденко.

Демченко доказал еще раз, что у него атрофированы мозги и что он лишен здравого смысла и честного отношения к делу. И этот человек имеет даже поклонников. Впрочем, поклонялись и поклоняются же и до сих пор всякой твари, яко Богу. Отчего не ценить молчалинский идиотизм и самый лукавый обскурантизм и простаковатость. Такое поклонение есть только знамение времени.

Получены сведения, что П. П. Чубинскому хуже. Он стал впадать уже в бессознательное и животное состояние.

Как верно брат Федор определил его болезнь! В то время, как петербургские знаменитости (Белоголовый) приписали его болезнь сифилису и послали его на теплые воды, брат Федор только по описанию симптомов, заочно определил его болезнь, указав на страдание центрального мозга. Больному на водах сделалось хуже. Только позже Боткин определил его болезнь как должно. Осенью прошедшего года брат Федор предсказал, что больной должен впасть в идиотизм. Киевская знаменитость Афанасьев подавал надежду на выздоровление, определив процент выздоровлений от этой болезни 25 %. Брат же Федор доказывал, что тут выздоровление невозможно. Ход болезни вполне подтверждает диагноз и начертание процесса развития, сделанное братом.

25 февр[аля]. 1/2 11 ч. веч[ера].

Забыл записать: вчера Хряков известил меня, что он успел собрать 2500 руб. в пользу П. П. Чубинского. Господь ему да поможет помочь упалому человеку.

28 февр[аля]. 10 ч. вечера.

Телеграмма. «П а р и ж, 24 ф е в р а л я. Совет министров, согласно заключению министра юстиции Казо, постановил: не выдавать Гартмана, о чем уведомил русского посла князя Орлова».

Невыдача Гартмана есть одно из важнейших событий наших дней. По значению своему для русского правительства, это есть величайшее поражение, с которым не могут по своему моральному значению сравниться поражения, понесенные нашим правительством под Плевной. Это есть косвенное и, несмотря на свою косвенность, самое резкое осуждение политики русского правительства.

Не выдан Гартман, который устроил мину, чтобы взорвать на воздух русского императора. Значит, французское правительство признало, что русский император в каком-то грехе виноват, если покусившегося на его жизнь оно не выдало.

Да, он виноват тем, что наследовал деспотическую систему управления, он ей слепо следует. Да, он виноват тем, что он преемник деспотизма своих предшественников, за грехи которых, как и за свои, он расплачивается.

Да, он виноват тем, что наследовав тиранические привычки от своих предшественников, он не сумел от них отделаться и пойти по той дороге, на которую ему показывает развитие его народа. Впечатление, произведенное в Европе освобождением крестьян, стерто тираническим правлением последних лет. Европа, после войны для освобождения болгар, поняла, наконец, что тут освобождение болгар невольное действие, и, во всяком случае, не произведение любви к свободе и бедному брату, а плод честолюбия и соперничества России с Европой. Не будь Европы, Россия по-своему показала бы себя в Болгарии.

Невыдача Гартмана посрамила наших лекторских политиков, которые наперед торжествовали выдачу. Наш профессор международного права Незабитовский, схоластик и софист первой и низшей руки, говорил: «Мне чувствуется наперед, что выдача состоится». Не тут-то было: правительство французское показало себя более народным и самостоятельным, чем предполагали.

Да и вы, милостивый государь, невыдачею Гартмана приперты к стене. Ведь вы тоже говорили двусмысленные речи, когда вас студенты напрямик спрашивали: «Как Ваше мнение, господин профессор». Вы отвечали: с одной стороны, с другой стороны, а там какой-нибудь экивок. Раб вы и больше ничего. Вы хорошо помните выдачу Нечаева швейцарским правительством и административную ссылку князя Урусова, известного адвоката, который, будучи в Швейцарии, где-то на сходке высказал свое мнение, что Нечаев выдаче не подлежит.

29 февр[аля]. 1/2 2 ч. дня.

Посланы письма: Чубинской два, Могилянскому, Жданову, Колесницкому, Журьяри, Ершову, Никитину в Петербург, Кривицкому, Володимирову, Ступину и Чахурскому в ответ на полученные письма.

К. И. Чубинская пишет, что Павел Платонович произносит бессвязные речи и несет бессмыслицу. Размягчение мозга делает успехи. Скоро останется один труп с физическою жизнию от прежнего Чубинского. Хорошо сделает природа, если она уберет его совсем. Она доканчивает изъятие Чубинского-человека из среды людской. Уже ли она будет так жестока и немилосердна, что оставит *труп* Чубинского среди людей?

Арестованы студенты Киевского у-та Иванов и Козловский. У первого, говорят, отыскан динамит. Второй — безвинный. Иванов — это тот самый студент, который припирал ректора Бунге к стенке, когда сия лиса вздумала беседовать с барсом.

Был утром у Афанасьева, чтобы побеседовать насчет лечения Чубинского. Сей доктор не на шутку думает, что для России необходимо крещение огнем и мечом револьвера. Мне этот доцент кажется одним из тех итальянских докторов, как Ланца и tutti quanti, которые до времени либеральничали, а потом стали тормозить жизнь итальянского народа, которому они дорого стоили. Посмотрим. Может быть, мы и ошибаемся.

Друг рассказывает, как его обобрал один либерал, народолюбец, украинофил, это Ф. Т. Панченко. Сей народолюбец, затративши свой капитал, чтобы выручить из горькой беды приятеля, при получении обратно своего капитала ни больше, ни меньше как взял по 12 % в месяц и 100 руб. за то, что он потратил время — он доктор. Этот народолюбец — приятель В. Б. Антоновича и по рекомендации жены его оказал помощь другу. Он на вечере проводов *бажав, щоб* Владимир Бонифатиевич приобрел такую же славу и любовь народную, какую приобрел народный поэт Шевченко. Хороший идеалист.

Давно замечено, что под знамя политических идеалов становятся люди самых низменных нравственных идеалов, иногда даже прямые бездельники. Пока нутро людское будет оставаться мерзким, трудно из такой дряни построить какую-нибудь путную социальную общественность, основанную на благе всех, а не некоторых.

29 февр[аля]. 7 ч. вечера.

Приехал М. Я. Могилянский, член Черниговского окруж[ного] суда, ученик и приятель мой. Остановился у нас. Хочет посоветоваться с докторами: не так здоров.

Замечательную в нем нахожу перемену. По всему складу своей натуры и по привычкам, и по профессии он принадлежит к самым консервативным субъектам. Однако ж, и он ныне подался. Прежде о радикалах он отзывался, что это разбойники. Ныне он порицает жандармерию. Говорит, что она возмущает своими действиями самых безразличных и нейтральных людей. Не отзывается более с порицанием о черниговских либералах. Называет черниговского начальника жандармерии негодяем. Говорит, что этот начальник организованного шпионства в губернии проникает яко тать по ночам для обысков, как бы на зло, как бы умыслом нанесть оскорбление тем, на кого он нападает. Так он произвел обыск у мирового судьи Варзера. Ночью позвонил в колокольчик. И когда изнутри Варзер спросил: кто там, он ответил — телеграмма. И затем в отворенную дверь вторгнулся с 12 жандармами, все перерыл, везде перешарил. В результате ничего не отыскал кроме перевода Лассаля, изданного с разрешения цензуры. Хотел обыскивать делопроизводство мирового судьи — Варзер исполняет эту должность, но тот сказал, что не допустит без присутствия председателя.

Итак, обыски и ссылки совершаются не зря ни на кого. Петрункевич в момент ссылки был участковым судьею. Схвачен без суда и права и отвезен в отдаленные губернии. А закон существует, что судья не может быть устранен от должности иначе, как с преданием суду, а вовсе уволен только по приговору уголовного суда. Ни того, ни другого не было сделано по отношению к Петрункевичу.

Вот и судите, право ли правительство французское, не выдавшее Гартмана.

29 февр[аля]. 1/2 11 ч. вечера.

Могилянский рассказывает об охоте, которую подлецы, мошенники, обскуранты и обделыватели темных дел делают в области мнимого социализма. Всякий негодяй, чтобы сбыть с рук своего врага, ославляет его социалистом, или просто делает на него донос в этом роде. В особенности страдают бедные народные учителя.

В Локнистом Черниг[овской] губ. и Черниговского уезда есть народное училище в имении г-жи Концевич, которая большею частию проживает за границею, но иногда на лето приезжает в деревню. Над имениями ее детей существует опека. Опекуном состоит Харченко, делец, обделывающий свои дела, опекая имущество малолетних. На его проделки обратил внимание Капцевич — народный учитель, принятый ею весьма хорошо. Харченко, увидевший перемену отношений к нему Концевич и почуявший, откуда дует ветер, оговорил в социализме бедного учителя. Приезжает инспектор училищ, объявляет школу закрытою и учитель остается без места, и ход ему в училищном ведомстве закрыт. Он получил место в имении какого-то помещика, но и там полиция и жандармерия не дает ему покою. Инспектор училищ...[16] взяточник отчаянный. Умудряется брать поборы с нищенски вознаграждаемых сельских учителей. Этот самый инспектор придрался к одной учительнице, обвиняя ее в принадлежности к политической пропаганде только потому, что она вызвана была свидетельницею по одному политическому делу. Эта придирка была только предлогом к тому, чтобы вымогательствовать у нее пуд масла.

Могилянский говорит, что ему товарищ прокурора рассказывал, что в Черниговском остроге сидит более года врач Вилуч. За что? Прокуратура жандармерии написала только: *«До сведения моего дошло»*

и пр. Несчастный заключенный от долгого сидения и притеснений помешался.

Я опять заводил речь с Могилянским насчет состояния казненного Христа ради Д. Лизогуба. Могилянский сказал мне: кажется, имение покойного осталось почти все цело. Он передал его Дриге, питая к нему полную доверенность. Он не думал, что его казнят, а предполагал, что сошлют. Дрига в таком случае высылал бы ему деньги. Ныне Илья Лизогуб, брат казненного, заключил с Дригой мировую. Итак, несомненно, либералы разболтали по легкомыслию неверное сведение, что Лизогуб истратил все состояние на пропаганду. Правительство и экстраординарная комиссия, именуемая военно-окружным судом, это подхватила и повесила Лизогуба за здорово живешь.

1 марта. В 1/2 8 ч. вечера.

Весной защищал диссертацию Загоровский о незаконнорожденных. Защита происходила в моем отсутствии. Я был в Петербурге и Москве. Киевский юридический факультет, в лице Демченка, Митюкова и Хлебникова, накинулись на молодого ученого и, главным образом, за то, что в своей диссертации защищал право незаконнорожденных на получение от отца своего содержания, а вместе с тем защищал иск об отыскании отца незаконнорожденного. Демченко, как и всегда, предъявил какие-то формальные возражения. Митюков и того менее, отнесшись с пренебрежением к труду молодого ученого, с ходульной высоты своей мнимой учености. Хлебников, прикрываясь фарисейскою нравственностию, вооружился против принципа патернитета и против защиты прав незаконнорожденных. Я, зная Загоровского за порядочного человека, не без способностей молодого ученого и с некоторыми знаниями, нашел, что факультет относится к Загоровскому строго и пристрастно против него, решился поддержать этого молодого человека моим мнением. Это я решение принял и потому, что я знаю стремление Демченка никого не пускать из молодых людей на свою кафедру, которая нуждается в двух-трех преподавателях, сама по себе, не говоря уже о том, что кафедра гражданского права в лице Демченка замещена бедно и бесталанно. Я хотел, однако ж, избежать столкновения с личными интересами и предложить Загоровского доцентом судоустройства. Для сего я и взялся за изучение его труда, в результате чего явился мой доклад о незаконнорожденных в Юридическом обществе. Работа эта не потребовалась — и слава Богу — для официального доклада в юридическом факультете, за переходом Загоровского в Ярославский юридический лицей, что избавило меня от тягостного столкновения с такими господами, как Демченко и К°.

В то же время в «Юридическом вестнике» и «Журнале гражд[анского] и угол[овного] права» появились заметки о диспуте. Они, несомненно, писаны под влиянием, а может быть, под диктовку самого Загоровского. Против этих заметок выступили с своими: Митюков, выстреливший тоже и в меня, и Демченко, заметки последнего я еще не читал. Наконец, разразился критикой и сам Н. И. Хлебников, критикой не столько сочинения Загоровского, сколько принципов им защищаемых, клонящихся в защиту естественных прав незаконнорожденных. Критика имеет защиту, по-видимому, христианской морали: в действительности же она защищает мораль книжников и фарисеев, исполнена пошлостей и несправедливостей против человеческих прав и, наконец, содержит в себе мизернейшую выходку против немецкого народа. Этот

современный фарисей выражается, что он бы не дал своего одобрения на узаконение незаконнорожденных даже посредством последующего брака, что женщина, живущая в естественном браке, не может быть порядочной женщиной и хорошей законной женой. О немцах он выражается, что это народ падший, который поставляет на всемирный рынок публичных женщин, и все это потому, что у него существует право отыскивать отца незаконнорожденных, что у него заключаются браки между двоюродными и что он пользуется довольно широким правом развода.

В то же время появилась в «Журнале гражд[анского] и угол[овного] права» первая половина моей статьи о незаконнорожденных.

Ныне я получил от Загоровского письмо. Они пишет мне следующее по вопросу о тех же незаконнорожденных и о лицах, принявших участие в рассмотрении сего вопроса: «Думал ли я, что мои незаконнорожденные доставят известность не только мне, но и моим критикам. Но так вышло. Взялись за перо даже те ученые, которые прежде принимались за него только с целию расписаться в получении жалованья. Правда, что, может быть, для них лучше было остаться при прежней литературе, но, видимо, они сочли, что это удобная минута выступить за себя и, как подобает, за своих товарищей. Что до Хлебникова, то мне, искренно говоря, жаль его. В наших местах он слыл за сумасшедшего. Последний его критический подвиг укрепил это мнение о нем. Я рад, что другие (Михайловский в «Отечественных запис[ках]») взяли на себя труд ответа Хл[ебникову] на ту часть критики его, которая подвергает сомнению честность Ник[олая] Ив[ановича]. На то, что есть хоть сколько-нибудь отчет[ливого] в этой критике, я послал ответ в «Юридический вестник». Он будет напечатан в мартовской книжке. В заключение всего этого я рад, что, наконец, появилась рецензия на мою книгу человека с именем, мнением, а главное, с совестию».

А я, с своей стороны, доволен: может быть, настанет время,— а оно должно всенепременно настать — когда это мнение о мне сделается общепризнанным, всеобщим. Тогда я скажу: ныне отпущаем и раба твоего. А до тех пор работа, неустанная работа и не только формальная, трудовая, но и работа для собственного усовершенствования. Быть не может, чтобы при страсти быть полезным людям, я мог оказаться для них бесполезным. Я этого не допускаю. А не допущу ли? Да, это будет зависеть, от кого бишь? — От судьбы, фортуны, как выражались древние, а я скажу, что, кроме меня самого, также и от обстоятельств.

1 марта. В 11 ч. вечера.

Только что возвратился от Саськов, где были Саша и дети. Сасько передал, что у них в инспекторской был следующий разговор: Славатинский-младший, помощник инспектора, выразился при Божовском как там ни верти, а без дачи конституции не обойдутся. Сасько, отведши его в стороны, и говорит: «Советую быть осторожным при Божовском».

— Чего осторожным,— ответил Славатинский.— О конституции говорят в клубе, при Новицком. Новицкий — начальник киевской жандармерии, сиречь организованного шпионства.

Вот оно куда идет. В «Правительственном вестнике» объявлено о выходе в отставку Дрентельна, главного начальника всероссийского шпионства. Обгадил и опаскудил себя этот человек. Променял честное имя и приличное положение на имя шефа жандармов и на начальника

организованного шпионства. Его начальствование ознаменовалось бешенством жандармерии и самым высшим припадком тирании. Из Киева его провожали с добрыми пожеланиями и благими надеждами: он посрамил то и другое. Новое доказательство того, что не следует полагаться на людей, которые решаются принять подлую и низкую обязанность. Возьмись за обязанность палача мягкосердечный человек, все же он будет вешать, душить, обезглавливать людей, т. е. будет палач и больше ничего.

Рассказывали про цензурные подвиги ректора Бунге, разменивающего принципы на мелкую монету дипломатических сделок и подтасовок. Доцент Ф. Г. Мищенко печатает в «Университетских известиях» свое сочинение: «Рационализм Фукидида в истории Пелопонесской войны». В одном месте он привел подлинные слова из «Политики» Аристотеля, который одобряет граждан, освобождающих своею деятельностию Отечество от тиранов. Бунге нашел это опасным и потребовал изменения. Мищенко на изменение или, лучше сказать, искажение Аристотеля не согласился, признавая это недобросовестным, а должен был и совсем опустить это место.

В его сочинении везде греческое *Basyleos,* переведено было *монарх.* Но дело в том, что греческие писатели совсем не так относились к монархам и не такой на них имели взгляд, как относится и как смотрит на монарха русский немец Николай Христианович Бунге. Вследствие этого ученый Мищенко, принужденный плясать под дудку канцелярской учености нашего ректора, должен был слово *монарх* везде заменить словом *басилей.*

Сам Мищенко рассказывал мне еще более курьезный подвиг нашего русского немца, который комара отцеживает и слова не замечает, который состоит официальным покровителем Пихна. Мищенко, говоря о греческих республиках, выразился в одном месте так: «В Киевской или Полтавской наших губерниях в каждой могло бы вместиться пять таких республик, как Афинская». Великий мастер маленьких пустяков предложил изменить эту фразу так: «На площади, равняющейся территории нашей Киевской или Полтавской губ[ернии], могло бы поместиться пять таких республик, как Афинская». Мищенко, не предающий пустякам значения, согласился на такую перемену: Бунге, доктор политической экономии.

2 марта. 1 ч. пополудни.

Вчера у Саськов был и В. Б. Антонович с женой. Он рассказывал, что получено письмо от Ковалевского, бывшего учителя, сосланного административным порядком в Сибирь. Он ныне в Минусинске. Между сосланными административным порядком и осужденными по суду ровно не делается никакого различия. Письмо содержало, по рассказам, поразительные подробности. Получено помимо официального шпионства. Необходимо его добыть. Я уже имею в руках письма сосланных подобным же путем: Полетики и Я. Шульгина.

Только что посетил меня Н. С. Моркотун. Рассказывает о тягчайшем впечатлении, которое он испытал в заседании военно-окружного суда, в котором осуждены на смерть: Богословский, Лозинский, Розовский и Родионов. Родионов 18-летний гимназист. Розовский 20-летний студент. Все они осуждены по статье 249, говорящей о бунте. Но действия их решительно не подходят под бунт. Это первое. Второе. Обвине-

ние их, за исключением Родионова, ничем не доказано и состоит из сущих мелочей. Родионова же вина состоит в наклейке на столбе прокламации, в которой грозят убийством Государю. Но ведь это недоразвившийся юноша. Моркотун обещал мне доставить более подробные заметки об осуждении на казнь или невинных, или маловиновных.

Само собою, Стрельников неистовствовал; шипел, как подколодная змея; позволял себе издевки, насмешки над обвиняемыми и вступал в полемику с их мнениями. Спрашивает, например, свидетеля:

— Давали ли вы деньги подсудимому?

— Нет.

— И хорошо вы сделали, если бы дали, то назад бы не получили.

Стрельников на сей раз в своем обвинительном акте против подсудимых применил тот способ дискредитирования социалистов, который он мне развивал в частном разговоре и который он рекомендовал бы правительству, удивляясь тому, как оно недогадливо. Он старается выставить социализм подсудимых только предлогом, щитом для прикрытия своих воровских инстинктов и подвигов.

Стрельников — прокурор, Слуцкий — председатель военно-окружного суда. Друг друга стоят. Первый — настоящая змея, обливающая ядом свою жертву и жаждущая крови, задушения, расстреливания своих жертв. Слуцкий с виду сладкий, смирный, но в глубине бездушный Тартюф, который спешит из низких расчетов службы удовлетворить кровожадным инстинктам Стрельникова, у которого он в полном послушании. Первый шустрый, второй — тупица. Первый с мелким умыслом, бойкий на всякую мелочь, на юридическую каэуистику, на туман и придирки. Второй — с мякинным умом, едва заметным, тугим и неповоротливым. Оба они — люди без сердца, здравого и честного смысла. Кто из них хуже другого, этот вопрос я не берусь разрешать.

Я свел Могилянского с Моркотуном и познакомил. Могилянский разговорился. Оказывается, по его рассказам, что Илья Лизогуб, брат казненного Дмитрия, после его казни ездил в Петербург, являлся в 3-е отделение хлопотать, чтобы оно взялось отнять у Дриги имущество, переданное покойным Дмитрием по дарственной записи. Чтобы заинтересовать в том 3-е отделение, он говорил, что покойный оставил свое состояние Дриге для того, чтобы он употребил таковое на революционную пропаганду. 3-е отделение при всех своих похотях к произволу и отыскиванию везде пропаганды, не пошло за *добродетельным братцем* несчастного Дмитрия Лизогуба, достойного иной участи, чем каковая его постигла.

Оказывается, что Д. Лизогуб мог иметь состояние всего тысяч на 100 и что оставшееся у Дриги состояние его, стоимостью тысяч 80. Где же те сотни тысяч, которые будто бы этот казненный Христа ради употребил на социалистическую пропаганду. Очевидно, они — плод воображения болтающей публики и подозрительности правительственных органов. И, однако ж, это стоило жизни несчастному Лизогубу.

Еще один эпизод, связанный с памятью Дмитрия Лизогуба. У него опекуном был Греков, исправник Городнинского уезда. У Грекова есть дочь, которая любила покойного Дмитрия, да и Лизогуб ей вторил. Когда несчастный юноша был казнен, молодая девушка была безутешна. Об этом дознались жандармы. Пошла переписка. Греков лишился места. Симпатии дочери к казненному политическому деятелю стоили отцу места, которое он заслужил долговременною службою.

Ну, не похоже ли это на припадки времен Римской империи, когда и смех и слезы возводились в преступление.

Революция начата: зачинщики ее правительственники. Они не хотят знать ни законов божеских, ни законов человеческих. Они первые восстали, взбунтовались против закона.

Вчера мне передавали о следующем происшествии: источник рассказа И. В. Лучицкий, получающий каким-то образом бесцензурно «Deily News» [17]. Там рассказано следующее. В каком-то кружке английского общества собрана по подписке сумма в 5 тыс. ф[унтов] с[терлингов] для того, чтобы приподнести 19 февраля нашему императору подарок, как выражение добрых чувств и уважения к нему по случаю 25-летнего юбилея. Когда это намерение готово было осуществиться, смотревшие иначе на дело собрали митинг, на котором они доказывали, что российский император, освободивший некогда крестьян, ныне попирает ногами основные законы — естественный и положительный — своей империи. В результате сего митинга получена была резолюция: обратить собранную сумму на другое употребление.

4 марта. 1/2 9 ч. вечера.

Л. В. Ильницкий был призван в жандармское управление. Начальник киевского шпионства Новицкий, полковник, встретил, как Юпитер. Говорил с ним грозным тоном. Сказал, сжимая кисть руки в кулак: «Сдавлю, и от вас ничего не останется».

Повод, по которому он призван, первый — имя его упомянуто было одним из арестованных. Но главная причина — это оговор украинофилов несчастным Богословским, осужденным на смертную казнь. Осудив на казнь, жандармы предложили Богословскому, что они или его повесят, или помилуют, если он сделает разоблачения. Тот и стал оговаривать всех, кто ему на ум приходил. И это все украинофилы. Очевидно, что речь Новицкого, его гром и молнии, которые он метал в Ильницкого, навеяны оговорами Богословского. Сам Новицкий проговорился, сказав прокурору, явившемуся к нему: «Это один из тех, о которых нам показывал *Бурсак*», таково прозвище Богословского.

Вот содержание речи жандарма Новицкого: «Вы прикидываетесь невинным, непонимающим и ничего не знающим скромняком. Ошибаетесь. Я Вас отлично знаю. Вы принадлежите к партии украинофилов. Вы один из тех, кто отправил за границу Драгоманова и посылает ему теперь деньги. Вы посылали за границу Волкова. Я Вас всех хорошо знаю. Все Вы пристроились и обзавелись семьями. Одни сделались профессорами. Другие заняли учительские места. Третьи, как Вы, занимаетесь торговлею. Украинофилы расплодили свою литературу, которую распространяют между молодежью. Вон шкаф, наполненный Вашею литературою. Вы и Ваша литература самые вредные люди. Запаслись хорошими местами, обзавелись семьями, Вы спокойно сидите, заставляя действовать молодежь».

Еще третьего дня Моркотун говорил мне, что Богословский стал оговаривать всех, вся. По поговорке: помилуйте, а я оговорю вам 500 человек и родную маменьку. Говорят, что он указал на многих, но определенности в его показаниях мало. Дурно, мов, влияют на молодежь. Но Волкова, кажется, он не пощадил. Блажен Волков. Не уйди он в Румынию, его бы постарались возвести на смертный эшафот. Можно догадываться, по словам разных лиц, что Богословский был знаком то с тем, то с другим из украинофилов, что много слышал, много знал

по рассказам, но не был из тех, с кем велось дело и говорилось как с своим братом. Он был один из ревностных распространителей заграничных изданий, был посредником и находился в сношениях с кружком, захваченным в Кишиневе, кружком, который специально занимался получением из-за границы и распространением заграничных изданий. Так, по крайней мере, говорил мне один из людей, следящих за этими делами.

Но так или сяк, но передают за достоверное, что в результате оговоров Богословского сделано распоряжение об аресте Беренштама, о чем послано предписание в Псков. Это мне сообщил Антонович, человек, осторожный в таких случаях.

В 4 часа дня, сегодня, на Жилянской ул[ице], в доме бывшем Хамбарова, в котором мы некогда жили, случилось несколько наводящее на раздумье происшествие: к студенту Поликарпову пришел какой-то господин. Между ними завязалась кровавая схватка. Пожилой господин выбежал окровавленный, а студент пустил себе пулю в висок и убил себя наповал. Нагрянула полиция, да не простая, а шпионствующая. Нашли кинжал, револьверы и фальшивый паспорт. Как и почему могла нагрянуть жандармерия? Думают, не без основания, что пожилой тот господин был agent provocateur, которого разгадал покойный Поликарпов. Не удивительно, если жандармерия, стая шпионов, так скоро нагрянула.

Рассказывают, что студенты Иванов и Козловский — жертвы подосланных подстрекателей, которые навязали им и динамит, и прокламации, и револьвер, и фальшивые паспорта.

5 марта. 10 ч. вечера.

Сегодня было собрание кредиторов «Торгового дома братьев Яхненка и Симиренка». Я избран председателем собрания. Избран также и в члены комитета. Кажется, много шуму наделали из пустяков. То есть едва ли выйдет что путное. По-прежнему остается самовластие администрации с Преснухиным во главе.

В. Ф. Симиренко теперь чужд этого дела. Собственные дела свои он устроил великолепно. Он — владелец сахарного завода тысяч в 300 руб. В последний свой приезд он купил за 45 тыс. руб. остальную часть Сидоровки. Рутинер он был в ведении дела администрации: ничего оживляющего. Шел по старой дороге, которая привела к кризису.

Голембиевский упрекал меня в поддержке Симиренка. Да, моя поддержка была для него очень полезна, но он не оправдал ее и меня посрамили. Я иногда краснею, когда вспомню, с каким азартом я нападал на Казановского. Краснею также и за тот миллионный процесс, который я начал. Все это было с моей стороны громадною ошибкою, которая меня не рекомендовала. Я был наивен. Я действовал как адвокат. Я поступал как наемник. Правда, и не прихлебательствовал, как другие, и мне всегда было противно угодничество, которое всегда замечалось в общих собраниях. Но так или сяк, я теперь только вижу или позже увидел, что Симиренко такой же рутинер, как и другие. Ничего бесчестного я за ним, правда, не знаю. Но ничего он достойного внимания и похвалы и не сделал.

6 марта 1880 г. 1/2 9 ч. утра.

С конца февраля начались опять холода, которые продолжаются до настоящего времени. Мороз доходит до 10° Р[еомюра]. Выпал снег и опять стали ездить на санях.

Весь 1879 г. и начало 1880 г. отличается большим количеством холода. Весна, лето и осень были холодны. Зима началась рано и продолжается до сих пор.

6 марта. В 9 ч. утра.

Опять повторилась семейная сцена: драка и крики детей. Я их побил жгутом. Собирался пить чай и завтракать: расположение духа пропало, моральной охоты нет. Пойду пить чай у чужих людей. В семье я не имею морального существования.

9 марта 1880 г. 1/2 7 ч. вечера.

В Париже арест русского социалиста Гартмана и дело об его выдаче продолжают живо интересовать всех и даже совершенно отодвинули на задний план как прения о 7-й статье законопроектов Ферри, проходящие в Сенате, так и вопрос о таможенных тарифах, обсуждаемых в палате. Вопрос о выдаче Гартмана составляет преобладающую тему всех разговоров. О нем говорят в официальных салонах, в семейном кружке, у богатых и бедных, везде он производит большую сенсацию. Радикалы негодуют, провозглашая, что правительство не имеет права выдать политического беглеца. Таким образом, дело, поставленное правительством в форме простого юридического факта, приняло во Франции размеры политического события. Страна, общественное мнение и печать разделились на два лагеря, из которых один защищает, а другой отвергает требование о выдаче. Требование о выдаче Гартмана, предъявленное правительством, оставляет совершенно в стороне всякое обвинение за участие в сообществе, противном существующему порядку в России. Оно основано собственно на уголовном преступлении, и русская полиция требует выдачи Гартмана за преднамеренный взрыв железнодорожного поезда и покушение на жизнь людей, находящихся в поезде.

Органы крайней левой, как «Citoyen», «Lanterne», «Reveil social» и другие, разумеется, всеми силами стоят за немедленное освобождение Гартмана, доказывая, что он не простой, а политический преступник. Умеренно республиканские газеты, как «Temps», и «Republique Française», выражающая взгляды Гамбетты, не высказываются ни за, ни против, как бы предоставляя это дело юстиции. Наконец, монархические газеты обоих оттенков, легитимистского и орлеанистского, решительно и в один голос настаивают на выдаче. Бонапартистская печать, подобно республиканской, держится неопределенно. По всем известиям, президент республики Греви, высказался, что преступление Гартмана не принадлежит к категории политических. О Гамбетте говорят, что ему желалось бы затянуть процедуру о Гартмане как можно долее, даже на несколько месяцев, чтобы дать радикалам, всегда готовым придраться к министерству, время успокоиться. Но по этому поводу указывается, что вопрос о выдаче или невыдаче, по какому-то закону времен консульства, должен быть решен в течение трех недель, то есть, что арес-

тованный чрез три недели после своего заключения должен быть или выпущен на свободу, или судим, или выдан.

С самой среды идут занятия комиссии кредиторов Яхненка и Симиренка. Участвуя в ней, работаю по целым дням. Отвлечен от научных занятий. Может быть, это последний раз, когда я участвую в сих собраниях. Это будет зависеть от исхода.

Вчера я уже надел шубу, чтобы идти в комиссию. Звонок. Является дама, уже пожилая:

— Дома г-жа Кистяк[овская]?

— Нет.

— Я хотела вручить ей деньги в пользу дневных приютов.

— Хотите, я могу принять.

— Хорошо. Примите от Евг. Л. Беренштам 25 руб.

Услышав имя Беренштама, я спрашиваю: «Как вы доводитесь Вилиаму Беренштаму?»

— Я его родная сестра.

— Какие последние известия о нем Вы имеете?

— Я получила от него письмо из Пскова, он здоров.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Ну, я должен Вам сообщить печальные известия. По достоверным сведениям, он арестован.

— Быть не может. Откуда Вы это знаете?

— Дней шесть тому назад мне сообщил Антонович о том, что послан из Киева в Псков приказ о его аресте.

— Как же Антонович не предупредил Вилиама?

— Очень просто. О распоряжении он узнал спустя два дня после его отсылки.

— Были ли Вы в сношениях в Вилиамом?

— В сношениях с ним не был, но в давнем знакомстве я состою издавна. Лет 10—12 назад я с ним встречался довольно часто. Затем, я не имел случая с ним бывать вместе. Позже затем я встречался с ним ежедневно на улице и перекидывался несколькими словами, когда он шел в военную гимназию, а я утром возвращался с прогулки домой. Наши встречи были очень регулярны: мы представляли правильное качание маятника, он в одну сторону, а я в другую.

— Скажите, что я должна теперь делать? Бедный Вилиам! Бедные дети! Мать умрет с горя.

— Как! Разве мать Ваша жива?

— Да.

— В таком случае, Вы ей не сообщаете о сем событии. Во всяком случае, поспешите к Цветковскому: он, как его товарищ по Киевск[ой] военной гимназии, вероятно, сообщит Вам более точные сведения. Затем следует отыскивать связи, чтобы влиять на Черткова. Теперь время такое, что можно опасаться всего. Они нынче любят набрасывать веревку, чтобы душить всякого, кто своими убеждениями грозит их спокойствию.

Бедная женщина, взволнованная, растревоженная, то вставала со стула, то садилась, давала нервно и отрывисто вопросы, делала восклицания: «Боже, что же будет с Вилиамом, он без детей погибнет от одной скуки и тоски».

С тем она вышла вместе со мною; она, чтобы идти к Цвет[ковскому], я — чтобы отправляться в комиссию.

Не прошли мы ста шагов, как минает нас на извозчике Мищенко. Я, простившись с Беренштам, подошел к остановившемуся Мищенку. Он сошел с саней, и мы прошли вместе до конца улицы.

— Какие сведения имеются о Беренштаме?

— Несомненно арестован.

— Откуда сие и за что?

— Это последствия показаний и разоблачений Бурсака, т. е. Богословского.

— Но я слышал, что показания Бурсака — это одни неопределенные наговоры.

— Да. Но, между прочим, вот ответ управляющего канцелярией ген[ерал]-губернатора по сему вопросу. Когда ему кто-то заметил, что это арест за убеждения, без каких-либо фактов, он сказал: «В том-то дело, что не за убеждения».

— Скажите,— спрашиваю я,— приняты ли какие-либо меры к тому, чтобы следить за делом и предупредить какой-нибудь тяжкий исход?

— Послан посланец к его брату в Москву, чтобы его уведомить и чтобы он, как адвокат, принял свои меры.

На этом я расстался с Мищенком.

Вечером Саша передала мне, что наговоры Богословского, по рассказам, обильны, что он угодил очень жандармерии, как можно заключить из рукопожатий, которыми прокурор Стрельников награждает несчастного оговорщика, что Стрельников, инквизитор по натуре, потирая руки, говорит: «Теперь мы напали на самую икру». Говорят, что это выражение Муравьева-вешателя. Не следует, однако ж, забывать, что Муравьев воображал только, что он напал на икру и что он ее истребил. Разве на время остановил ее развитие. И икра опять расплодилась.

Третьего дня Лозинский и Розовский, студент 20 лет, повешены. Родионов, 18 лет, и Богословский — помилованы. Последний за оговоры и наговоры. Держать над головой человека петлю и сказать: или разоблачай, или задушу,— это значит вынуждать посредством пытки показания и оговоры. Трудно этим путем напасть на самую икру.

3-е отделение, или «черный кабинет», подчинен председателю Верховной распорядительной комиссии, гр[афу] Лорис-Меликову. Это новый спаситель Отечества, сменивший Дрентельна, от которого чего-то ждали. Ждут много и от Лорис-Меликова. Начало царствования своего он ознаменовал тремя казнями: Млодецкого, которого осудили и повесили в 36 часов, Лозинского и Розовского. Не следовало бы подражать кинжальщикам. Зачем брать душу человеческую?

В газетах появилось известие о том, что Лорис-Меликов предложил Петербургской городской думе выбрать 8 гласных для заседаний в Верховной распорядительной комиссии. Ввиду слуха, в газетах передают, что Лорис намерен вызвать представителей земств. Это дело. К этому средству давно бы следовало прибегнуть, а не воображать, что вешания, душения, ссылка, каторга и тюрьма — лучшие средства спасения России.

В сегодняшнем «Киевлянине» появилась телеграмма, в которой извещают, что Д. А. Толстой выходит в отставку. Сегодня за завтраком в «Hôtel de France» один из знакомых сообщил мне это известие. Когда он мне сообщил его, я воскликнул: «В самом деле?» — воскликнул голо-

сом человека, получившего радостное известие. Так это меня обрадовало. Говорят, что происходит в Петербурге тираж билетов займа с выиграшами, то среди тишины иногда неожиданно вырывается эффектированный и крикливый возглас: *«Выиграл!»* И затем воскликнувший, забыв все окружающее и многочисленную публику, стремглав летит из залы. Такого рода возглас издал и я, когда услышал известие, что Толстой выходит в отставку.

В газетах напечатано, что Гартман ныне в Англии. Там напечатали, что главный виновник взрыва на Московской дороге — это он. Гартман уезжает в Америку.

11 марта.

Морозы продолжаются. Были дни, когда вечером и утром они доходили до 15°. Что, если бы морозы продолжались один и другой месяц, быть бы беде. А если бы зима продолжалась во весь 1880 г. не было бы ни весны, ни лета, ни осени, а только зима, и это на всем Земном шаре, погибель рода человеческого неизбежна. Мне приходит в голову киевский жандарм Новицкий, который, приняв позу Бурбона-Юпитера, сказал Ильницкому: «Сожму и от вас ничего не останется», причем сжал кисть руки в кулак и разжал». Сожму в своих железных объятиях, может сказать зима Земному шару,— и не только не останется ничего от жандарма Новицкого, но даже от Бисмарка, и еще более от всех правителей, и, наконец, от всего рода человеческого. Если есть в муравейнике жандармы и свое 3-е отделение, то можно предположить, что какой-нибудь жандарм-муравей, в порыве своей муравьиной спеси и самонадеянности, ломается пред своими братьями и грозит кому-нибудь из них задушить его в своих муравьиных лапках. Ничтожный, хотя и горделиво спесивый жандарм Новицкий, как много обстоятельств, которые могут тебя сжать и от тебя не останется ничего из твоего муравьиного величия.

12 марта. 10 ч. утра.

Как-будто поворот к умиротворению. Лорис-Меликов набирает в свою комиссию людей умеренного образа мыслей и не жандармствующих. В числе членов есть сенатор Ковалевский, есть обер-прокурор Марков; от городского петербург[ского] общества выбран В. И. Лихачев, человек хотя и невысокого закала нравственного, но не обскурант и не душитель. Посмотрим.

Вести о Беренштаме — фальшивая тревога. Кому и для чего она нужна? Всего замечательнее, что Антонович настоятельно поддерживал ее. Он — человек, действующий обдуманно, всегда по расчетам политики. А я принял на веру, не проверивши. А тут совершенно неожиданно явилась сестра Беренштам. Я ей и сообщил. Бедную женщину напрасно растревожил. И другие, вероятно, пережили много тяжелых минут.

Лозинского повесили. Рассказывают: малолетний брат его был, после его задержания, приглашен в киевскую жандармерию и расспрашиваем. Дитя не может дать себе отчета об окружающем его мире, говорило, что знало. Жандармерия воспользовалась его показаниями и, вместе с Стрельниковым, Слуцким и Чертковым, нашла в них основание для того, чтобы задушить Лозинского-старшего. Пошли упреки ребенку со стороны родных. Он впал в отчаяние — бросился с третьего

этажа и разбился насмерть. Если это не изобретение на тему: нас душат, давят, притесняют и житья нам не дают в наших семьях, то это тяжело, ох как тяжело.

12 марта. 1/2 11 ч. утра.

Получил письмо от А. Н. Чернышева, кандидата нашего юрид[ического] ф-та, ныне правителя канцелярии каменец-подольского губернатора. Я просил его о приобретении для меня орудий телесных наказаний. Вот его ответ: «При личном свидании моем с Вами в Киеве, я дал Вам слово разведать, не сохранились ли где в Каменце орудия прежних пыток и наказаний, и в случае, если бы орудия эти нашлись где-либо,— достать их для предполагаемого Вами музеума. К сожалению, несмотря на то что в здешнем полицейском управлении сохранились до настоящего времени и печать для наложения клейм и *кнуты,* обещания своего я выполнить не могу, и вот по какой причиие. На другой же день после моего приезда получилась бумага генерал-губернатора, вызванная, очень может быть, донесением Подгоричани о том, чтобы все орудия прежних пыток и наказаний были уничтожены *секретно,* и отнюдь не были передаваемы *«ни под каким предлогом»* в частные руки. Выходит, что взгляды высшего и низшего начальства сходятся. После такого распоряжения и думать, конечно, нечего о приобретении этих вещей.

На издание газеты все еще не получено разрешение, хотя ходатайство послано еще в январе».

Так кончается моя попытка. Вероятно, она потерпит фиаско и в других местах. Человек не стыдится делать мерзости, варварства и истязания: так он груб и кровожаден. Но он стыдлив к сохранению документов о сем: настолько он лицемерен.

При таком взгляде, чего доброго, нынешние шпионы, соглядатаи и доносчики, для которых нет ничего святого в душе человеческой, куда бы они святотайственно не заглядывали, и нет такого гнусного средства, которого они бы не употребили для достижения своих шпионнических инстинктов,— что эти шпионы, соглядатаи и доносчики, при известных переменах, проникнутся благочестивыми и стыдливыми людьми, желающими скрыть наготу и срамоту, и поспешат уничтожить документы своей деятельности. Но если это случится, изучение истории русской цивилизации и культуры потеряет драгоценнейшие материалы. Да ведь это государственная скалозубовщина.

14 [марта]. 10 ч. утра.

Прочел рецензии: Михайловского и Загоровского на рецензию Хлебникова о незаконнорож[денных]. От Михайловского я больше ждал — он оказался слаб. Цитович его напугал. Он как будто прижал хвост. Между тем хлебниковс[кое] юродство и измышления требуют пламенного бича. Загоровский гораздо сильнее бьет нашего юродивого профессора. И поделом. Хлебников, опровергая положения Загоровского о необходимости установить иск об отыскании отца незаконнорожденного, говорит, что немецкий народ ныне есть поставщик публичных женщин на всемирный рынок потому, что у него существует развод, браки между двоюродными и отыскание отца незаконнорожденного. Между тем как еще недавно он был светильником среди европейских народов. Загоровский по сему поводу замечает, что Хлебников неве-

жествен и непростительно ошибается, говоря таким языком; он тем самым как бы утверждает, что законы о браках между двоюродными, о разводе и об отыскании явились у немцев вчера, а не существуют два-три столетия.

Вчера я зашел к Котляревскому. Он рассказал мне следующие эпизоды из логомахии, которую Хлебников ведет в профессорской лектории. Нет такой дикой мысли и такого абсурдного положения, которых защитником он не выступил. И вот он стал доказывать, что *до потопа,* согласно Священному писанию, *радуга не существовала.* Шеффер, который принимает деятельное участие в хлебниковской логомахии, стал пред сим юродивым философом и говорит: «Вы человек невменяемый». «Хотите,— говорит Хлебников, обращаясь к компании логомахистов,— я докажу вам, что Прудон — умственный мошенник, а Штраус — шулер и подтасовщик фактов? Мне легко это доказать вам по пальцам».

Остроумник, хотя и без глубоких принципов. А. А. Котляревский сложил следующее двустишие, возвратившись из театра, где играли «Орфея в аду»: [18]

«Когда я был аркадским принцем,
Я философию изучал.
Два года слушал я *Козлова*
И ничего не понимал.
Но вот наш *Хлебников* явился
Я думал мудрость всю постичь,
И только снова убедился,
Что философия есть дичь».

О Козлове когда-нибудь в другое время. Это тоже особь, достойная изучения. На сей раз достаточно сказать, что в одной своей стряпне, то есть сочинении, высказал, что если весь мир погибнет и разрушится, то все-таки философия останется незыблемой.

Конечно, можно положительно сказать, что философская дичь Козлова исчезнет с его исчезновением. Памятником этой дичи, тумана и творца их останется несколько компиляций и несколько самостоятельных умственных сумасбродств сего философа.

Н. Х. Бунге столь ревностный составитель деловых канцелярских бумаг, включая сюда и те книжки, которые он издает, говорит: «Хлебников трудолюбивый человек; он каждый год что-нибудь да и составит». Вот гениальная мысль: хвалить русские университеты во имя трудолюбия хлебниковых. Отчего бы графу Д. А. Толстому не подхватить этой мыслишки Н. Х. Бунге. Право, недурна. Ей-ей, можно ручаться, что благонамеренность в науке будет процветать. Тогда естественные науки получат светочем книги Ветхого и Нового завета. Ведь Хлебников недавно осудил исследование английского натуралиста Уоэллеса о родах и видах с точки зрения ходячей хлебниковской морали. Чего же больше?! Вперед.

18 марта 1880 г.

Есть в Киеве купец Гольденберг, еврей. Оно [семейство] состоит из отца, матери и шестерых детей, четырех сыновей и двух дочерей. В настоящее время все дети Гольденберга разосланы в отдаленные губернии административным порядком. Младшая дочь Гольденберга гимназистка, не кончившая курса.

Говорят, что киевское еврейство ропщет и негодует по случаю казни студента Розовского, из евреев. Эта казнь — юридическое убийство.

Это казнь дело рук: Стрельникова, Слуцкого, смастеривших приговор, и Ванновского, которым утвержден этот приговор. Ванновский из диких генералов, исправлявший должность генерал-губернатора. Пусть кровь мало виновного юноши падет на этих дикарей и на их нравственные чада. Нужно честь отдать евреям. Это народ чуткий и более развитой, чем мы, русские. Они отлично понимают характер правительственного гнета и необходимость политической реформы.

В последнее заседание совета Н. Х. Бунге подал в отставку от ректорства. На сей раз слухи оправдываются. Что заставляет этого дипломата оставить должность ректора — по видимым данным трудно разгадать. Вчера Котляревский говорил мне, что в лектории Шеффер и К° бранили на чем свет стоит прежнего своего любимца за какое-то мнение, высказанное им о назначении профессоров и университетов. Сегодня я сам слышал в лектории брань, которую изрыгал профес[сор] Паульсон и Шеффер на Бунге. Им вторил и поддакивал Ващенко-Захарченко, готовый за интерес продать родного отца. Паульсон спросил меня: читал ли я статью Бунге в «Киевлянине», статью, касающуюся вопроса пособий и поддержки бедных студентов, статью, в которой наш дипломат ни к селу, ни к городу, по словам лекторских кумушек, задел и профессорскую корпорацию. Я ответил, что нет. В то же время Шеффер ораторствовал на две темы: первая, что не дело университета заботиться о бедных студентах: вторая, что Бунге свою ректуру ознаменовал постоянным отступлением от закона. Когда я спросил Паульсона, что могло заставить Бунге подать в отставку, когда со стороны совета всегда оказываема ему была поддержка, он ответил: в лектории его часто побранивали и притом так, что брань доходила по адресу. Паульсон — застрельщик Эргардта и Шеффера. Это сама гнусная клика университетских интриганов. Бунге когда-то был у них излюбленным человеком, пока он более или мене танцевал под их дудку. Он был любим, когда он прикладывал свою руку к определению об исключении в 1878 г. 140 студ[ентов]. Но когда он, сделавшись ректором, стал благорасположенно относиться к студентам, эта компания объявила ему войну по всей линии. Отсюда брань. Брань за то, что он не гнусен так, как они. Бунге — человек, разменивающий принципы на мелкую монету всяких дипломатических и иных сделок; но он неизмеримо выше этих низких людей, которые на него нападают. Он прав там и в том, где и в чем они его порицают. Выборы ректора назначены на следующей неделе. Муравейник наш волнуется. Кого-то судьба пошлет нам в принципала. Доброго ждать нельзя, судя по голосам партионных людей. Наибольше шансов имеют: Феофилактов и Рахманинов. Оба они не имеют ни дарований, ни административных способностей Бунге. А по нравственным и социальным правилам они стоят не выше его. *Vedremo.*

В сегодняшней телеграмме возвещено, что снова открыта в Петербурге, в Малой Мещанской, в д[оме] Козлова, тайная типография, и что по сему поводу арестовано 16 чел[овек]. В той же телеграмме извещают, что по поверке количества шрифта в типографиях, в одной оказалась недостача на 800 пудов, в другой на 134 п[уда]. В телеграмме не сказано, кто поверял, какие типографии поверены и по какому поводу.

И. С. Жданов, в письме от 13 марта, пишет: «Насчет большой книги Литовского статута скажу Вам, что она до сих пор существует, и я далеко не потерял надежды на приобретение таковой. Нужно только

по пословице: потихоньку, да помаленьку». Выходит, что орудия казни не истреблены, и что есть какая-то надежда на их приобретение. То-то было бы торжество.

Говорят, Лорис-Меликов вместе с наследником домогаются увольнения Толстого. Последний доживает немногие дни своей власти, какие дни жизни остались для государыни. Со смертию ее прекратится его владычество. Таковы слухи.

Спр. 19. *19 марта. 7 ч. вечера.*

Вчера я был у Горового, инспектора народ[ных] училищ — университетский товарищ. Там собрались: Шульженко, инспектор учебных заведений Киевск[ого] округа, Ничипоренко, директор коллегии П. Галагана, и Сомчевский, инспектор народных школ. Много беседовали о вопросах и событиях, до просвещения относящихся. Шульженко рассказывал о Солнцеве, инспекторе Златопольской прогимназии, как о продувном плуте. Он его называет Сквозником-Дмухановским. Горовой передавал один эпизод из встречи с законоучителем народных школ, одном священнике. Приглашал сей пастырь его в церковь послушать певчих. Горовой страдал головной болью, хотел тотчас уйти из крайне сырой церкви. Священник сказал: «Наденьте шапку. *Для Вас* можно сделать исключение».

Шульженко передавал другой эпизод. Посетил он церковь Златопольской прогимназии. На днях. Крестьянки принесли маленьких детей к причастию. Священник, законоучитель, воспитанник академии, отказал им, выпроводил их из церкви. Таковы служатели Бога вышнего. Хуже полицейских.

Граф Толстой держится, пока жива императрица. Дни же ее изочтены. Государь не хочет огорчить ее удалением Толстого из его постов. А Лорис-Меликов и наследник добиваются его отставки. Так, по словам Ничипоренка, будто бы пишут Галагану из Петербурга, пишут люди, стоящие близко к жизни двора.

Как-то Мищенко передавал рассказ приезжего из Петерб[урга]. В одном из клубов петербург[ских] разнеслась раз весть об увольнении Толстого. Произошел порывистый взрыв радости. Пили шампанское и поздравляли друг друга с радостным событием. Этот рассказ очень характерен. Он рисует чувства и отношения русского общества к Толстому. Можно ручаться, что день увольнения Толстого будет днем радости всей России. Толстой внес университетский устав в Госуд[арственный] совет. Совет отложил рассмотрение его до осени. В этом видят косвенное поражение Толстого. Отложили до осени, в ожидании: авось либо слетит.

Вчера появился первый номер «Берега», газеты, издаваемой Цитовичем. Передовая статья пустая из пустейших. Набор фраз. Говоря о консерваторах и радикалах, он выразился в одном месте так: «Консерваторы признают *свободу совести,* а либералы *свободу от совести*». И этим порешил вопрос. И лжец, и пустослов.

На днях посетил меня Н. О. Куплеваский, доцент Харьковского у-та, на пути за границу. Он ученик Цитовича. Передавал подвиги сего самодура по части возвращения к нему жены. Жена его, доведенная до невозможности выносить грубый и дерзкий характер сего самодура,

давно его оставила. И вот он приезжал пред своим переселением в Петерб[ург] на новое поприще, приезжал в Харьков, чтобы склонить жену свою на совместную жизнь. Она ни за что не соглашалась. Тогда он обратился к содействию жандармерии и, прося помощи, хотел заставить жену свою возвратиться к нему и отдать ему ребенка. Жандармерия не решилась насиловать женщину. Но чтобы произвесть косвенное влияние, предписала взять шестилетнего ребенка от матери и передать отцу. Когда полиция явилась к бедной женщине и объявила приказ, та впала в обморок. Тем не менее приказ был исполнен. Бедная женщина решилась ехать в Петербург, чтобы не разлучаться с ребенком. Поездку она совершила в одном поезде, но не в том вагоне, в котором муж ее ехал. В Петербурге она, однако ж, недолго оставалась: истомленная всякими стычками и оскорблениями,— муж ее иначе не называл, как *мадама,*— она скоро возвратилась в Харьков. А самодур думал привязать ее к себе тем, что указывал на получение 6000 р[уб.] жалованья, на принадлежность ему газеты и на обещание ему со стороны властей должности обер-прокурора.

О сем самодуре весной прошедшего года рассказывал мне некоторые сказания Пахман, его учитель, человек вовсе ему не враждебный. Пахман и его жена — люди, близкие и к его жене. Сам Цитович ему доверял. Он избрал его своим посредником между ним и его женою. Но напрасно. Жена и слышать не хотела о возобновлении совместной жизни. Она указывала на глубокие оскорбления, нанесенные ей мужем. Когда она была беременна, он чтобы ей досадить, занимался в соседней комнате стрельбой. В день, в который ей пришлось рожать, он отправился на охоту. Куплеваский говорит, что это самый вздорный и самый самодурный и строптивый характер, который не уживется нигде. Но, однако же, он призван в Петербург как один из спасителей Отчизны. Высокопоставленные лица составили капитал для издаваемой им газеты. Они возлагают на него большие надежды. Наше же упование есть то, что он в непродолжительном времени провалится со своею газетою. Даровитых сотрудников у него нет и быть не может. Честные, уважающие себя люди от него отшатнулись. Были объявлены сотрудниками Лесков, Незлобин, Б. Маркевич. Все это люди невысокого закала. Незлобин судился за подлоги. Б. Маркевич удален из службы за взятки и неблаговидные дела, которые он совершил при разгроме старых «Петербургских ведом[остей]». Репутация Лескова в нравственном отношении невысока. Таковы сателлиты этого выскочки газетчика, да и те, говорят, кроме Незлобина, отказываются.

В № 14 «Русской правды» напечатано: «Нам пишут из Вологды: Недавно получена здесь телеграмма, а затем и бумага, по которым необходимо, в короткое время представить в Министерство внутр[енних] дел, по пребыванию начальника Верховной комиссии графа Лорис-Меликова — списки, дела и вообще все, что касается до политических административно-высланных лиц, находящихся на жительстве в Вологодской губ.»

Не возьмутся ли за ум?

20 марта. 1/2 11 ч. утра.

В иностранных газетах продолжают писать, что Лорис-Меликов не покинул мысли о том, чтоб в Верховную комиссию приглашали выборных от земства и городов для того, чтобы при их содействии исследо-

вать политическое состояние страны. Прекрасная мысль сама по себе, но как ее осуществят и кого призовут, или, лучше, постараются призвать. Если таких представителей городов, как наш Эйсман с К°, или Ренненкампф со своими прислужниками, то вопрос о политическом состоянии России останется без надлежащего разрешения.

«Русская правда», после пятилетнего приостановления, стала появляться с 1 марта. Но на № 8-м уже получила предостережение. По сему поводоу в № 14 редакция заявляет: «Полученное нами сегодня предостережение окончательно убедило нас, что мы, при всей осторожности, не в силах избавить наше издание от цензурных взысканий. При таком убеждении, мы не можем уже продолжать наше дело и вынужденно — с глубокою болью в сердце приостанавливаем «Русскую правду» до более благоприятного времени». «Русская правда» — газета честная, не виляющая, как «Голос», и не подличающая, как «Новое время». Но потому-то она и должна поневоле прекратить свое существование. Я только что собирался послать деньги, чтобы получать и по прекращению запасных месяцев, как неожиданно прочитал такое заявление.

21 марта. 1/2 10 ч. утра.

Невыдача Франциею Гартмана повлекла за собою крупное охлаждение. Наше правительство очень осерчало на Францию. Давно уже писали, что Орлов будет отозван. Ныне извещают, что он уехал из Парижа, не повидавшись на прощанье ни с Греви, ни с Фрейсине. Прибавляют: «Орлов покинул Париж с целию засвидетельствовать неудовольствие русского правительства». Представителем России остался в Париже Капнист. Французский посол, генерал Шанзи, тоже покидает свой пост.

Восемь или даже девять дней, с 5 по 13 матра, пошли на дела администрации. Работал в звании председателя собрания и комиссии. Приходилось сидеть за работою часов по 12 и более в день. Возвращался иногда домой в час, а раз и в два ночи.

В вознаграждение выбран председателем совета, контрольного учреждения, за установление которого я стоял. Если не случится какого-либо несчастия и дела будут идти своим чередом, то упадет и на мою долю некоторое вознаграждение.

Собрание это затеяно и задумано членами фирмы дома Яхненка. Симиренко держал себя в стороне. Предпринимателем явился Н. И. Кичеев, поверенный администрации. Застрельщиком Д. М. Трегубенко. За ними скрывался торговый дом. Поход предпринят был с целию сбросить с места Н. В. Преснухина, нынешнего директора администрации. Но этот человек непромах. Он, стоя во главе администрации, успел составить себе партию приверженцев. Да и дела до сих пор шли не хуже прежних лет. Посчитали голоса. Оказалось, большинство двух третей голосов на стороне Преснухина.

Я, как председатель был своего рода капельмейстером. Шел я не против течения. Да пойди я против течения, кроме взрыва и революции, ничего бы не произвел. Вышел бы большой кошачий концерт. Я старался изгладить угловатости и предупредить столкновения. Я направлял разъяснения к тому, чтобы выяснить слабые стороны, недостатки и погрешности администрации, значит Преснухина.

В результате получено: предприниматель обвинения Н. И. Кичеев

оказался прямым мошенником. Обнаружилось, что этот поверенный по делам администрации продавал дома, получал за них деньги, получал деньги от других должников администрации и большую часть полученных денег не внес в кассу администрации. Оказалось, что он действовал в три руки, и нашим, и вашим, и иным служил, и себя продавал. Эти его деяния были выяснены вполне, в самой приличной и сдержанной форме. Хотели некоторые пустить в ход зажигательные обличения. Кичеев готов было придти с своей стороны в азарт. Но я, предвидя столкновение, которое могло дойти до рукопашного боя, капельмейстерскою палочкою не дал проявиться тонам борьбы внешней и брани, и предупредил столкновение.

Д. М. Трегубенко обнаружил себя вполне честным человеком, хотя в практическом отношении довольно слабым.

Н. В. Преснухин оказался человеком довольно и довольно практическим, но слабым в нравственных принципах. Он, создав свое благосостояние взятием в аренду Александровского завода, принадлежащего администрации, и стремясь перекупить часть его, принадлежащую Грабовским, перекупить так, чтобы она не досталась администрации, и, сознавая, что и его рыльцо в пушку, сквозь пальцы смотрел на деяния Кичеева, который административный дом продал родному своему брату и денег не внес, и постоянно якшался с членами фирмы, наклоняя все в их сторону.

Несомненно, что члены фирмы были в союзе с Кичеевым. Был план посадить во главу управления члена фирмы, а второстепенные роли предоставить таким дельцам, как Кичеев, Гонсаровский и др. Отсюда-то происходила та снисходительность, с которою члены дома отнеслись к проделкам Кичеева. Здесь кроется причина, по которой они старались достигнуть забвения деяний этого выжиги и нравственного бездельника. Члены дома в прошедшем году тоже приняли участие в покупке, отчасти в кредит, административного имущества. Таким образом, хищнические инстинкты в прошедшем году начали разыгрываться у всех. Преснухин, директор администрации, главное ответственное лицо, поблажал потому, что сам, будучи администратором, взял у администрации завод в аренду. Эта собственная похоть поживиться на счет администрации, естественно, условливала снисходительность к чужим похотям. А то и не имеет почвы.

Пресловутый Семен Степанович Яхненко, оратор и большой говорун, готов был клонить в сторону фирмы, к которой он принадлежит фактически. Но и против Преснухова он явно не восставал, а, напротив, был одним из предпринимателей отдачи ему в аренду Александр[овского] завода.

В общем собрании кредиторов голоса преснухинских сторонников имели решительно вес не ораторский — пустых говорунов с обоих сторон было достаточно — деловой. В руках самого Преснухина было 160 тыс. р. трат, присланных ему Фихтенгольцем. И вот кредиторы, как и всегда, показали себя людьми мало смыслящими дело и бесхарактерными. Комиссия под моим представительством и по моему влиянию постановила: что нельзя допускать, чтобы в одном лице соединялись и контрагент админ[истрации] и член администрации. Общее собрание это отвергло, допустив соединение того и другого.

Исход собрания: выбран директором тот же Преснухин, а членом И. Т. Яхненко, член фирмы. С. С. Яхненко остался за штатом. Сочетание интересов дома и кредиторов. Исход чисто практический — и, по-

моему, единственно удобный и возможный. Я ему не перечил. Я старался согласить, примирить и не допустить до столкновений.

Конечно, я действовал не как моралист, а как практический деятель. Как моралист я должен был бы кинуть в лицо каждому, кто только злоупотреблял и способствовал злоупотреблению, правдивое и крылатое слово осуждения. Но никого не щадя, ни членов фирмы, ни членов администрации, ни поверенных вроде Кичеева, ни даже Д. М. Трегубенка, который сам же участвовал в отдаче Преснухину Алек[сандровского] завода в аренду и сам же затем стал упрекать его в этом. Может быть, мое правдивое слово произвело бы внешнюю сенсацию, но в конце концов оказалось бы холостым зарядом, который бы зла не поразил, а произвел бы, может быть, много замешательства. Как практический деятель, я старался, осудив и обсудив старые деяния, положить им преграду в будущем, посредством деятельности совета, коего конструкция прав и обязанности мною проектированы. Затем, я считал возможным оставить и людей, и общий ход в прежнем положении. Я стоял даже за Семена Степановича Яхненка, прежнего члена адми н[истрации], но выбрали Ивана Тер[ентиевича] Яхненка.

Поистине могу сказать: я не кривил душой и не ломал принципов. Но я и не гнул и не кастил людей, снисходя к их слабостям, зная, что это материал и зловредный, и в то же время добродушный. Ей, в большей части своих деяний он не ведает то, что творит. Он вообще не дальновиден.

Ошибусь ли я в своих расчетах, или буду оправдан, то покажет будущее. Впрочем, события могут сложиться так, что без моей вины, могут нанести удар бедному городищенскому делу.

Зима, зима и зима. Весны не видать, хотя сегодня и 21 марта. Холодно, пасмурно. Мороз стоит от 2 до 4°. Природа зла к бедному человеку. Народ голодает. Лошадку и коровушку кормить нечем. Всякие болезни одолевают. А тут государство жмет и выжимает недоимки и повинности. Мы, служилый класс, получаем жалованье из рук наших казначеев. А наверное можно сказать, что те кредитки, которые идут в наш карман, омочены слезами, пóтом и кровью народа. Кто-нибудь прочтет эти слова и скажет: отчего же, однако, ты, произносящий такие жалкие речи, продолжаешь исправно получать свое жалованье — вот и сегодня отправишься получить 220 р[уб.] 50 к[оп.] на себя, и столько же на другого народолюбца, Антоновича. Отчего, спросите вы?! Этот вопрос я предоставляю вам решить по совести, решить не по теоретическим формулам, а по положительным данным.

22 марта.

Во вторник, 18-го, у меня была практическая лекция. Читал Кремянский, еврей, на тему: никто без суда не может быть наказан. Вся речь была направлена против наказаний, определяемых по произволу и усмотрению администрации. Другими словами, хотя не именовались деяния нашего правительства,— эти ссылки в Сибирь, отдаленнные и не столь отдаленные губ[ернии], эти тюрьмы, эти аресты, эти полицейские надзоры, но вся речь в теории направлена была против таких и подобных сим распоряжений администрации. Этот доклад был выражением и продолжением ряда моих лекций, посвященных толкованию статьи первой Устава угол[овного] суд[опроизводства], гласящей: никто не может без суда подлежать судебному преследованию за преступле-

ние или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава.

Желая дополнить мысль докладчика, я говорил много. Я старался углубить в сердца юношей, что личность гражданина священна и неприкосновенна, что мерам взыскания он может подвергаться не иначе как по суду и не иначе как по поводу преступления, что административный произвол в применении к наказаниям граждан страшно гибелен для благосостояния и безопасности общества. Затем, я обратился еще раз к авдитории с вопросом: не желает ли кто сделать дополнение, разъяснение и возражение. Заговорил студент Поярков на тему, что без административного произвола едва ли можно обойтись при нынешнем историческом состоянии, а следует только установить ответственность административного персонала. Такие мысли меня изумили. Мысли, притом исходящие из уст юноши, и кажется, неглупого. Я сказал ему на это: «Конечно, как Вам будет угодно, Вы можете отстаивать и эти мысли. Я же, с своей стороны, преподаю Вам то, что гласит наука, что считается общепринятым у европейских народов, что в каждом элементарном учебнике Вы отыщете. Я преподаю теорию, не касаясь и не именуя образцов действительной жизни. Нас, проповедующих с кафедры, посылают в Западную Европу учиться. Обычай ездить для науки в Европу повелся со времен Петра I. Возвратившись, мы должны излагать науку не по своему вкусу, а по совести, без утайки принятых и освещенных ею истин. Руководствуясь этими правилами, я опять повторяю, что другого правила я не могу Вам преподать, кроме того, что ни один не должен подвергаться какому бы то ни было взысканию, похожему на наказание, иначе как только по суду, и только по поводу обвинения в преступлении». Мой юноша стал увертываться и доказывать, что теоретически он не оспаривает моих положений, а только исторически и практически считает невозможными их осуществление. Я ему предложил развить свои мысли в особом докладе, для обмена мыслей, руководствуясь формулой: из столкновения мнений получается истина.

Кто сей благонамеренный юноша? Папенькин или маменькин сынок, или кто иной. Отец его — воспитанник нашего юридического ф-та, современник Незабитовского. Ныне он состоит членом Саратовской судебной палаты.

По вновь сообщенным сведениям, открытая типография в Петербурге принадлежит к так называемым летучим. Каждый из участников приходил и приносил с собою типографский материал. Арестовано 19 чел[овек]. Замечательно, что Козлов, домовладелец, в доме которого действовала эта типография, служит в 3-м отделении. Выходит, что самое беспрепятственное место для взрывов — это Зимний дворец. Самые безопасные дома для деятельности заговорщиков и радикалов — это дома, принадлежащие чиновникам 3-го отделения. Чего доброго: может быть, пущие радикалы и заговорщики служат в 3-м отделении. А что они находят поддержку и сочувствие в служилом классе, и притом не низших рангов и образования, а высших, за это головой можно ручаться. Честь открытия этой типографии, как выражаются официальные газеты, принадлежит чинам сыскной полиции.

«Русская правда» получила предостережение за фельетон, помещенный в № 8. Я пропустил его без внимания. Когда же сделался переполох с газетой, то прочел. Итак, если правительство хочет, чтобы

обратили особенное внимание на какую-нибудь статью газеты, ему следует только дать предостережение.

Фельетон прекрасный. Умный и остроумный. «Откровенный писатель», его подписавший, иронизирует над изобретением меры против зла. Со своей стороны, он предлагает «теорию взаимного наблюдения». Сущность проекта: «Я, наблюдая за вами, вы за мной, каждый за всеми и все за каждым. Как только я или вы приходим к убеждению, (натурально, свобода совести должна быть допущена полная), что в душе кого-нибудь из нас сидит корешок, требующий немедленного выкорчевания,— тотчас же, без шума и без резких мер (мы стоим за меры кроткие), сообщаем куда следует, не стесняясь нимало формой, так как важна не форма, а сущность».

«Я готовил,— говор[ит] автор,— для фельетона самую свежую «меру», но увы, г. Петр Петров, фельетонист «С. П. б[иржевых] ведомостей» уже изложил мою теорию в прошлое воскресенье, и, должен сознаться, изложил с такою ясностью, причем так обстоятельно объяснил историческое, культурное и воспитательное значение доноса, сославшись, разумеется, на пример из европейской прессы, что мне пришлось бросить всякие надежды сказать свое «новое слово», даже по проекту взаимного наблюдения».

«Мы все знаем какова «основа» нашей родины. Мы прочитываем официальные сведения о «хлебе с песком», «о «тяжких условиях», о «крайней напряженности платежной силы», о «невозможности взымать недоимки», о беспризорности деревни, о том ужасном мраке и непробудном невежестве, которыми окована деревня,— и что же мы сделали?.. Мы, большинство, после отмены крепостного права, проповедывали теорию невмешательства, мы скрежетали даже и тогда зубами, что мужик сделался барином, мы на все лады проводили в жизнь теорию эгоизма (каждый, мол, может урывать по способностям), считая себя вправе грабить легально и нелегально, и время от времени обзывая мужика скотом, для которого закон не писан, так как историю делает не он, а мы с вами, и, с помощью Божьей, употребили все от нас зависящие меры для того, чтобы народ сделался нищ, как Ир, беспомощен, как малый ребенок, и придавлен, как может быть только придавлен русский человек. Вкушая от сливок образования, мы даже начальные школы считали роскошью, а подати — чуть ли не законом природы. Прочитывая, время от времени, как мрет деревня, какими иногда «мерами» приходится «выбивать» недоимки, как жгут колдунов и колдуний те самые люди, которые делились последними крохами с ближними, которые с такой же беззаветностью умирали на Шипке за славян, как умирали с Суворовым за восстановление сардинского престола, а с Паскевичем за австрийского императора,— мы умилялись, славословили и осмеливались, именно осмеливались говорить от лица русского народа, при всяком удобном случае (даже когда надо было закаспийскую экспедицию объяснить неудержимым порывом солдата в безводную степь), причем превозносили его качества, и, в конце концов, опять-таки равнодушно смотрели на все беды, выпавшие на долю тех, кого мы, для красоты слога, в пику Европе, величали избранным народом, который внесет в Европу новые идеи, на подкладке славянофильского смиренномудрия, во вкусе Ф. М. Достоевского, с примесью постного масленца, мистицизма и всепрощения».

Вот за какие мысли «Русская правда» получила новое предостережение. Она права, если сама прекратила свое существование при нынешнем состоянии правительственного гнета.

«Русская правда», действительно, была русской правдой. Это единственная газета, в которой интересы бедного русского народа в смысле крестьянства и рабочего класса находили некоторую защиту. Эта газета не фарисействовала как «Голос». Не торговала, как торгует добрыми началами «Новое время».

23 марта. 10 ч. утра.

Вчера был у попечителя. Беседовал о деле литовском. О Данкене и Доброгаеве. О древних актах, которые он мне обещал, но в действительности отыскать ничего не отыскал. Речь шла о выборе ректора. Я сказал, что кандидатами стоят: Рахманинов и Феофилактов. Забыл только побеседовать о представлении, которое чрез него идет, об изменениях и добавленнях в уставе Киевского юридического общества. Вторично зашел в 2 часа и беседовал. Я думал найти в нем какое-либо предубеждение, но пока ничего не заметил. Записал и обещал дать делу ход. И просил его пригласить меня, если потребуются какие-либо объяснения. В благоприятном исходе я в высокой степени заинтересован. Проектированное мною отделение обычного права подверглось нападкам такой клики, как Демченко, Пихно и Коломийцев. Их нападки и мой отбой наделали в свое время шуму. Предсказывали, что мой проект провалится. Было бы важно, если бы не провалился.

23 марта. 1/2 11 ч. вечера.

Вчера во время заседания Юридического общества Белогриц-Котляревский, секретарь, говорит мне: «Меня просил Кичеев предложить его в члены общества. Это тот самый Кичеев, который совершил столько плутовских проделок в администрации в звании его поверенного, который просто-напросто оказался прямым плутом и мошенником, который работал в три руки, который, будучи поверенным администрации, продавал ее интересы, подстрекнул на иск против нее В. К. Яхненка, одного из членов фирмы. Это замечательно бессовестный хищник, без совести, чести и даже без внешних правил приличия. Он уже в третий раз покушается проникнуть в Юридическое общество. В прошедшем году он прямо обратился ко мне; я, видевши его походы против новых кредиторов, ответил: «Посмотрим, повременим»; я тогда не знал еще, что он прямой мошенник; затем он хотел проникнуть чрез Мамышева, который сделал было предложение почти формальное о нем и его брате, но ввиду того, что Н. И. Кичеев лишен прав и очень сомнительного свойства, предложению я не дал хода; наконец, он делает ныне новую попытку чрез Белогрица-Котляревского, и это после того, как обнаружили на глазах моих его мошеннические проделки. На сей раз я прямо сказал Белогрицу, что Н. И. Кичеев — нравственный выжига и мошенник, участие которого в нашем обществе могло бы уронить его. Притом же, хотя он и выдает себя за кандидата прав, но в действительности он не имеет университетского образования. И этот человек играет известную роль в обществе. Он исправлял должность секретаря в палате, вызванный на службу и покровительствуемый славившимся здесь своими добродетелями С. С. Гончаровым, бывшим председателем Киев[ской] граж[данской] палаты, ныне прокурором судебн[ой] палаты в Казани. Н. И. Кичеев, о котором идет речь, и брат его П. И. Кичеев, лишенный прав за убийство, купили было «Киевский листок объявлений», хлопотали о расширении программы, думая сделать аферу из пе-

чатного органа. Наверное, они продавали бы себя с публичного торга всякому, кто бы пожелал их купить. Они уже успели было частию себя заявить. Н. И. Кичеев заявил где-то публично, что они покажут себя такими консерваторами, что самое правительство попросит их быть либеральнее. Затем они выступили против уместности суда присяжных в нашем крае. Не было бы счастья, но несчастье помогло. Правительство, стесняющее всевозможными путями проявления русской мысли, в особенности путем летучей печати, и старающееся не давать разрешения на издание новых газет, отказано и Кичеевым; во-первых, в разрешении расширить программу, во-вторых, в утверждении редактора В. С. Мамышева, личность, как оказывается, прогорелую.

В пятницу, после заседания совета, я отправился к Житецкому. Мы теперь с ним в enteute cordiale, т. е., по-видимому, в добрых отношениях. Прежде не были ни в дружбе, ни в ссоре, но был период, когда он меня не узнавал, и мы друг другу не кланялись. Это тот период, когда глава партии киевских украинофилов Драгоманов был сердит на меня и тоже оказывал мне свое невнимание. Странным я уродился, или странный, или пошлый русский человек вообще. Есть у меня несколько знакомых, которые, прежде приятели или прежде делая сладкие улыбки при встрече со мною, вдруг стали оказывать мне холодность и даже меня не замечать. И это сплошь и рядом. Я же стараюсь быть ровным со всеми, по возможности. Много мы беседовали о Драгоманове и о том направлении, которое он дал киевскому украинофильству. Житецкий, вслед за некоторыми другими умеренными украинофилами, находит ныне это направление крайним, радикальным, за которым не всем угоняться. Значит, наука не по лесу ходит. Испытания жизни благодетельно действуют на отрезвление мысли. Странные люди эти киевские украинофилы. С одной стороны, они мнили, что они суть представители народа, его вожди и руководители. С другой стороны, они держали такую высокую исключительную ноту, которую тянуть могут только очень немногие. Они самозаключились в тесном кружке. Они хотели образовать избранных людей. Они хотели и хотят руководить Малороссиею. Тщетная надежда. Грубая ошибка. Нельзя будить национальные инстинкты, нельзя создавать и пробуждать национальное чувство и сознание посредством какой-либо исключительной программы. Нужно отыскать такие симпатии, нужно пустить в ход такие мысли и чувства, которые бы пришлись всем и каждому по душе. Только такие мысли и чувства и могут лечь в основание национального сознания. Я высказал эти мысли Житецкому, и он с ними согласился. Причем он сказал: «Драгоманов хочет создать украинское мышление на рационализме, на отрицании религиозных верований. Я знаю многих батюшек искренних украинофилов. Что ж, их выкинуть за борт?!»

Дело в том, что Драгоманов и К° в 60-х годах вознамерились создать партию. Одним из самых деятельных людей здесь был и есть Антонович, хитроумный Одиссей, которого распознать трудно и очень. Будучи товарищами по у-ту, друг с другом на «ты», они хотели править и володеть безраздельно. Отсюда прежде всего исключительность и узость. Это было причиною, отчего я был оттолкнут и оттолкнулся. Впрочем, они старались быть и практическими. Так, они старались поддержать милые отношения с Дондуковым-Корсаковым, бывшим тогда генерал-губернатором. У них в среде были такие люди, как Рубинштейн, человек весьма сомнительных качеств в социальном отношении, банкир по душе, но человек не прочь питаться от демократии,

насколько она ему полезна. С Рубинштейном они разошлись потом, когда он стал играть слишком двуличную и непристойную роль. Затем, один из вождей, Драгоманов, закусивший удила по возвращении из-за границы, ставший переходить в радикальный тон и стремившийся действовать на университетскую молодежь, дал слишком беспочвенное направление киевскому украинофильству. К этому присоединился ряд ошибок житейского поведения, которые совершил Драгоманов. Они то его и скапутили.

С тех пор начался поворот в смысле отлива в киевском украинофильстве. С тех пор они стали и на меня смотреть не таким зверем и произошло некоторое сближение. С другой стороны, и в моем образе поведения произошла перемена: до катастрофы с Драгомановым я иногда не щадил его за его крайности, за ложь его действий. В моих порицаниях много было искреннего, чистого, объективного, но была значительною доза личного, пошлого, вызванного личным соперничеством и возмездием за его и их высокомерие ко мне. Когда случилось с Драгомановым несчастие, я понял свою ошибку, я понял, что мои речи могли служить службу такую, которая всегда была омерзительна для моей души. С обеих сторон были ошибки: они якшались с такими людьми, с которыми бы я не хотел иметь дело, хоть бы с г-жой Гогоцкою. Они имели превратные понятия о людях: искали сочувствия своим идеям и поддержки в таких людях, о которых и смешно сказать, как например, в Демченке, которого они пригласили в редакторы «Киевского телеграфа».

Из разговора с Житецким я узнал, что он в добрых товарищеских отношениях с Рубинштейном, которого он в значительной степени обеляет. Ну, это дело другое, если стать на практическую почву. Тогда нужно сойти с радикальных подмосток и сделаться обыкновенными смертными. Тогда и Рубинштейн придется по плечу. Так бы и прежде. Не летали бы мы под небесами. Каждый бы был на своем месте. И даже Рубинштейн, товарищ по у-ту, еще сочувствовавший Парижской Коммуне в то время, когда он уже стал во главе Промышленного банка.

Житецкий, гонимый Чертковым, собирается ехать в Петербург, чтобы там найти выход. Он просит дать ему письмо к моим знакомым. Я обещал приготовить письма: к Володимирову, Иващенку, Коховскому и Васютинскому.

24 марта. 10 ч. утра.

Серая, отчасти морозная, отчасти на точке замерзания, погода продолжается. Меня занимает мысль, как мало нужно со стороны природы великой мировой, этой наполненной бесчисленным количеством миров, чтобы выморить людей, как ничтожных мух. Право, мысли народа о светопредставлении, о Страшном суде, о пришествии Антихриста только в своих деталях нелепы, но в основе не лишены глубокого значения.

Третьего дня Ф. Г. Мищенко сообщил мне слухи о том, что Н. Х. Бунге будет назначен попечителем. Ну, это дело другое. До сих пор было непонятно, по каким побуждениям этот честолюбец оставляет ректуру. Ныне становится ясно, если верен слух. Слух, по многим данным, не лишен основания. Очень может быть, что уже все условлено прежде, и подача в отставку только известный маневр. Однако ж слух требует поверки, и все эти домыслы могут испариться, как дым, и оказаться ни на чем не основанными. Подождем.

Только что был у нас К. П. Чубинский с известием, что Павлу Платоновичу очень плохо. Психопатические припадки увеличиваются и усложняются. Жена его, Катерина Ивановна, просит, чтобы я приехал. В 1 ч. 40 м. дня отходит курьерский поезд, на котором я сегодня уеду с тем, чтобы завтра утром быть уже опять у моего письменного стола.

24 марта. 11 ч. утра.

В «Новом времени» в № 1457-м напечатано заявление М. П. Драгоманова вместе с другим русским эмигрантом Жуковским, следующего содержания: «В числе распространенных за последнее время сенсационных известий о революционном движении в России, в одной газете напечатан был отчет о заседании в Женеве тамошнего революционного комитета, причем, приводились прения, разногласия в мнениях и решения, принятые этим собранием изгнанников. От начала до конца все это вымышлено. В Женеве существует только Комитет вспомоществования русским политическим изгнанникам. Общество это, как то видно из его названия, имеет точно определенную цель и членами его состоят почти все проживающие в Женеве русские политические изгнанники. В своем заседании от 20 марта оно уполномочило нас обнародовать следующее заявление: «Революционные акты, совершающиеся в России, требуют глубокого знакомства с местными условиями и быстрого исполнения. Поэтому невозможно, чтобы революционным движением в России заправлял Комитет, заседающий в Женеве, т. е. на четырехдневном расстоянии от театра событий. Существование такого Комитета противоречило бы также принципам русских революционеров, и если бы какая-то ни было группа изгнанников заявила бы притязание на роль руководящего комитета движения в России, никто в этой стране не согласился бы ему повиноваться. Женева. 22 марта 1880 г. Михаил Драгоманов. Николай Жуковский».

«Новое время» от себя предпосылает следующее объяснение: «Недавно появились слухи, будто бы руководительство русскою революционною партиею принадлежит Женевскому нигилистическому комитету. Теперь в «Reveil social» появилось письмо из Женевы, в котором предположение это опровергается, причем, сообщаются также небезынтересные сведения об организации нигилистов».

Итак, тот самый Суворин-Незнакомец, с которым М. П. Драгоманов был в отличнейших отношениях, в период сотрудничества обоих в «С. Петер[бургских] ведомостях», ныне обзывает своего приятеля прямым нигилистом. О tempora, o mores!

В заседании комитета общества исправительных колоний, я вел, до открытия заседания, с Цветковским речь о Драгоманове. Оказалось, что на днях получено письмо от Л. М. Драгомановой. Она пишет, что денежное их положение плохо. Нужна помощь. Средства же киевской кассы тоже в большом истощении, как оказывается. Много потребностей и много ртов. Послано Людмиле Мих[айловне] 600 руб. Я спросил: «Оказывает ли помощь Великий Могол». «В прошлом году,— ответили,— помощь незначительная, в нынешнем году приличная». Я сказал: «Если бы до зарезу нужно было, сообщите, я специально переговорю с Великим Моголом». Конечно, я имя употреблял настоящее, а не иносказательное, как здесь. Отчего же здесь иносказательное? Оттого, что я тени своей боюсь. Впрочем, летопись моя столь откровенна, что она для меня самого могла бы в глазах шпионов и доносчиков служить прямым обвинительным актом.

25 марта. 9 ч. утра.

Только что возвратился из Борисполя от П. П. Чубинского. В отсутствии был 21 час. Чубинского следует записать в умершие. 90 % психической жизни как не бывало. Угасание души идет быстрыми шагами. Он едва меня узнал. Затем не проронил ни слова, оставлял без ответа все мои вопросы, относился безучастно ко всему, что я говорил. И это, по рассказам жены, его состояние, в которое он впал полторы недели тому назад. Вот где следует изучать психологию: у постели людей, коих психическая жизнь мало-помалу угасает вместе с разрушением мозга. Больные, подобные Чубинскому, представляют наглядное доказательство, что душа без тела немыслима, что она есть продукт жизни и деятельности телесного организма, с которым она вместе и навсегда исчезает, или даже улетает раньше разрушения организма, если в организме телесном расстроится аппарат, посредством которого функционирует человек, как умственно-нравственное существо.

Вспоминаю я диагнозу брата Федора, сделанную над Чубинским. Он с первого же разу отгадал его болезнь, тогда как петербургские знаменитости, вроде Белоголового и Шперка зашли в дебри. Осенью прошедшего года он видел его не как пациента, а как в качестве субъекта, которого он наблюдал поверхностно. Он скоро после того, при встрече со мной, сказал, что Павел Платонович кончит жизнь в идиотическом состоянии. Так оно и оправдывается. А наши профессора Афанасьев и Тритшель, в особенности первый, подавали надежды. Когда я спросил Афанасьева: «Как велик процент выздоровлений в подобных болезнях. Будет 10 %?» «Берите 25 %». Тритшель заметил: «Очень уж много». Брат на мой о том же ответил: «Ни одного». Боткин высказывал жене Чубинского, что случаи выздоровлений в подобных болезнях очень редки и предсказывал возможность впадения в идиотизм. Он же первый в Петербурге распознал болезнь Чубинского, определил ее размягчением мозга, на что указывал раньше на основании заочного описания болезни брат Федор. При сравнении диагнозы Афанасьева, профессора, с диагнозою брата Федора, простого лекаря, я подумал: глупая судьба, распоряжающая участию рода человеческого: на профессорские места сажает людей с мякинным умом, а профессорские головы, с острым умом, с быстрым распознаванием, она забрасывает на какие-то заводы, в трущобы. Но не в том дело. Афанасьев, исправно лечащий лихорадки и всякие простудные болезни, мягок и сладок в обращении, имеет угодливую мягкую манеру, и вот он, в обширности практики готов был за пояс заткнуть покойного Покровского, действительно превосходного диагноста. Брат Федор большой грубиян. Он мыслит вслух. У него что́ на уме, то на языке. Он порывист. Он хлещет всех в физиономию потоком резких и едких замечаний. Он нетерпелив. Он невоздержан на язык. Он раздражительно самолюбив. Он человек без задних мыслей. Он не тонкая, продувная штука. Он не лечит сладкими словами, мягкими манерами и обиняками. И вот он едва добывает хлеб насущный, тогда как Афанасьев, жиденький ум, но деловой человек в смысле практичности, воздымает дома, высящиеся до небес.

25 марта 1880 г. 1/2 10 ч. вечера.

Был на годичном собрании Исторического общества летописца Нестора. Отчет о деятельности общества читал председатель А. А. Котляревский. Это был сплошной панегирик обществу, по-моему, неприлич-

ный и непристойный, в духе XVIII ст. Бесстыжее самохваление общества устами председателя. Были, например, такие фразы: общество подвизалось подвигом добрым, держало знамя науки и правды высоко. Смешно. Подумаешь, что невесть что. А в сущности мизерия. Не будь похвал, все бы было на своем месте. При нелепых похвалах, несло какою-то слащаватостию, в которой председатель льстил членам общества, выставляя их по пустому героями правды — это уже неожиданно,— труда, при несчастных 9 заседаниях в год, и науки. Публика была больше женская. Хлопала ушами. Не заметила этой неуместной слащаватости. Невысокого развития.

Был в заседании и Житецкий. Просил зайти ко мне, чтобы прочитать письма, при сем прилагаемые. Выслушавши, просил дать другую редакцию, более официальную. Находя его замечания справедливыми, я дал письмам редакцию указанного характера. В прилагаемых письмах много неуместного разглагольствия и либеральничанья. И к кому же? К официальным людям. Правда, с Коховским по вторникам в начале 60-х годов я регулярно посещал вечера малороссийской громады в Петербурге. Правда, Коховский тогда написал курсовое сочинение в военной академии о походах Хмельницкого с точки зрения военной науки. Но что он такое теперь, когда с тех пор протекло лет 18, я ведь не знаю. А Васютинский и тогда был ни рыба ни мясо. К чему же либеральные выходки? Письма эти суть результат влияния от чтения щедринского «Убежища Монрепо».

26 марта. В 7 ч. утра.

Кто знает А. А. Котляревского в частном быту, в частной беседе, везде: и дома, и в клубе, и в лектории, и на улице, тому известен его нрав глумиться и издеваться над всеми и каждым. Дух остроты и насмешки его не покидает никогда в частном разговоре. И вот этот самый человек в то же время произносит публично самую беззастенчивую похвалу тому самому учреждению, во главе которого он состоит.

О! Если б кто в людей проник:
Что хуже в них? Душа нли язык? [19]

Я давно убедился, что этот ученый муж — человек совершенно беспринципный, что он с значительными страстями, что хилая природа его смиряет, что его научные знання его спасают и значительно искупают его грехи, что выборное начало — есть бес его искушения.

27 марта. 1/2 10 ч. утра.

Приготовил и послал письма: Тарасову, Данкену, Березанскому, Журьяри, Оссовскому в Кишинев. Дал другую редакцию письма: к Коховскому, Васютинскому и Володимирову.

Написал также письма: Баршевскому, Пероговскому, Никитину, Иващенку, брату Павлу, Властелице, Зеленскому, Антоновичу, Смирнову, Миклухе, Тальбергу в Симферополь, Лукьяновичу, Подоляке.

Не раз мне приходила в голову мысль: как низок и подл человек. Как он высокомерен, горд и презрителен к тебе, когда он в тебе не нуждается или когда душа его находится в состоянии отсутствия интереса заискивать. И с другой стороны, как угодлив, ласков, мил, как он умильно заглядывает в глаза, кажется, готов подать калоши, когда он в интересе тебя заискивает. Когда мне приходила такая мысль в голо-

ву, я желал хоть на мгновение иметь большую власть и влияние, чтобы видеть метаморфозы людей, чтобы иметь случай производить эксперименты и наблюдения над психеею человека, чтобы собрать материал для более глубокого изучения психологии человека, как науки, чтобы способствовать очищению этой науки от метафизики схоластики, чтобы уразуметь и понять человека так, как он есть, и чтобы выходя из точки зрения, что человек гадок, ох, как гадок, стать стремиться к улучшению породы этого животного, этого хищного волка, этой хитрой, подлой, но очень хищной лисицы. Странное дело. Человек очень много сделал по части улучшения пород домашних животных, по части превращения их из диких в домашних, обладающих очень солидными качествами и даже добродетелями. И гораздо меньше, или даже очень немного совершил, чтобы внутренно, нравственно усовершенствовать свою породу, которая до сих пор остается породою хищного волка и хищной, но хитрой и коварной лисицы.

Все эти мысли мне пришли на ум по поводу вчерашнего посещения П. К. Скордели. Сей муж еще недавно меня лягал. А как он был мил вчера, как угодлив и внимателен. Казалось, хотел вскочить мне в глаза. За каждым словом: Александр Федорович. И о здоровьи расспросил, и к Юридическому обществу оказал внимание. А почему? А потому, что он хочет соединять две обязанности в администрации: и поверенного, и члена совета, быть и подчиненным, и контролером тех, кому он подчиняется. А я ведь состою председателем совета, который не может сказать, что это хорошо, и который не останется без напоминаний. Он рассуждает: хорошо, если урву месяц, другой: и то мое. О, хищный молдованин.

28 марта. 3 часа дня.

И. Я. Фойницкий, доцент С.-Петербургского у-та и товарищ обер-прокурора кассационного Сената, пишет мне: «Записка к программе Вашей, к величайшему моему сожалению, вынудит меня и на объяснения совершенно личного свойства, так как она взводит на меня резкое обвинение в плагиате, которого я не признаю и не ожидал. Впрочем, раз Ваша записка представлена, мне остается только, по содержанию взведенного обвинения, дать ответ в установленном порядке».

Дело в том, что года два тому назад Фойницкий сделал следующее: комиссия обычного права поручила ему пересмотреть и усовершенствовать программу, присланную в комиссию П. С. Ефименком. Он, сделав некоторые перемены в редакции, в системе, и прибавив к ней нечто свое, процентов 10 % из 100, напечатал эту программу под своим именем, несмотря на то, что 90 % принадлежало Ефименку.

Я, составив на скорую руку программу для комиссии, или лучше сказать, сделав свод моей программы и так называемой Фойницкого, сказал в предисловии, что последняя программа по сущей справедливости должна быть названа программой фойницко-ефименковской. Я это имел право сказать, так как черновая рукопись ефименковской программы убедила меня в том, что Фойницкий воспользовался трудом Ефименка, не сказав о сем ни слова.

Даже больше: в упомянутом предисловии, о котором идет речь, воспользовавшись нагло и беззастенчиво работою почтенного труженника, он его же раскритиковал, в то время как меня он превознес похвалами, хотя моя программа в первой своей редакции и в первом

своем издании стояла несравненно ниже материалов, представленных Ефименком.

Как-то при свидании, когда меня посетил в Вел[иких] Будках Фойницкий, я дал ему заметить, что Ефименко недоволен таким отношением к его труду. Теперь, при составлении моего проекта программы для комиссии, мне предстояла дилемма: умолчать о сем факте; раскланяться с Фойницким посредством похвальных слов и забыть труд Ефименка, которым я воспользовался. Как, в самом деле, быть: Фойницкий, профессор, товарищ обер-прокурора, человек ранговой и имеющий большой ход в Петербурге; человек, словом, на виду. П. С. Ефименко, преследуемый труженик, 17 лет бывший в административной ссылке и ныне еще гонимый; в последнее время он принужден был оставить место чиновника особых поручений при черниговском губернаторе, скверном полицианте, и искать пристанища в Харькове, где он приютился в каком-то архиве. Человек он известный своими работами по обычному праву. Но сколько цены этой известности у современного человека, привыкшего ценить одну силу. Или же написать правду, сделав неприятность ранговому человеку, с которым я даже в приятельских отношениях, неприятность человеку, мне нужному, и восстановить духовные права бедного труженика, не только не имеющего карьеры, но даже не знающего, где главу приклонить. Я предпочел второе. И не раскаиваюсь. Результатом явилось упомянутое письмо Фойницкого.

Задеть я не задевал его: я назвал только программу, подписанную его именем, наименованием: программы Фойницкого-Ефименка. Да и ныне я пишу ему: что я за форму не стою, что я представляю ему самому почин и изобретения формы восстановления прав Ефименка. Он грозится полемизировать. Я пишу ему деликатно, что полемика его может вынудить меня поставить дело ребром. Ведь в моих руках черновая программа, которая воочию докажет каждому, что программа именуемая Фойницкого есть более Ефименка, чем Фойницкого. Я пишу ему: не лучше ли ему не выступать резко, а уладить это восстановлением прав Ефименка по собственной инициативе. Я даже приостановил печатание сводной программы в «Университетских известиях», где в предисловии я также именую программу Фойницкого программою Фойн[ицкого]-Ефименка.

Посмотрим, что из сего выйдет.

28 марта 1880 г. 10 ч. веч[ера].

Только что совершились выборы ректора. Выбран К. М. Феофилактов. Человек минуты. Лет двенадцать тому назад шансы его были так плохи, что он был забаллотирован по окончании 25-летия. Затем, обладая способностию сказочных героев в одно ухо влазить, а в другое вылазить, он стал ходатайствовать за себя очень шибко. Был опять выбран на пятилетие и затем фонды его с каждым годом подымались. Ныне он оказался излюбленным человеком: получил большинство 32 из 44-х. Каков поп, таков и приход. Когда приезжал Георгиевский, чтобы проложить дорогу в университетской коллегии новым правилам, изданием которых сделан был шаг к уничтожению университетского самоуправления, он подхалимничал и старался выставить старые порядки в черном свете.

Восходящее светило спешили приветствовать. После того как прошла первая серия баллотировавшихся и за Феоф[илактова] оказалось такое блестящее большинство — за мою память никто такого не имел —

и приступили к баллотировке остальных серий — всех было 6 — Ващенко-Захарченко подходит к человеку в случае и говорит: «Томса утверждает, что теперь наступила баллотировка сволочи». «Вот и видно»,— говорю я сему подлипалу, давая шуточный вид угодливого подчиненного, который титулует себя пред начальством: сволочью, вашими подножками, подлейшим рабом и т. п. Когда Бунге официально провозгласил Феоф[илактова] ректором, послышались слабые аплодисменты. Феофилактов благодарил и говорил о том, что он глубоко тронут. Я подошел к нему и говорю: «Вы теперь нас благодарите. А мы будем благодарить вас тогда, когда вы окажетесь дружелюбным ректором, нашим в действительности излюбленным человеком».

Встретил вчера меня П. В. Павлов. Пристал ко мне и провел меня до самого дома. Я пригласил его зайти. Позвали к обеду. Я предложил отобедать; согласился. Все время нашего разговора он вел речь о себе, о предстоящей ему баллотировке, о своих заслугах. Это идол моего студенческого времени. В мое студенчество это была слава университета, модный профессор. Мы на него молились. С тех пор среда изменилась. Изменился и сам Павлов. Этот человек, некогда слывший за первого профессора, ныне пал, выдохся и умственно, и нравственно. Он снизошел до уровня бедной, слезливой, молящей о себе вдовицы, солопницы, без зазрения совести жалующийся на дороговизну и просящий о том, чтобы его выбрали еще на пятилетие. Кто больше изменился — общество или Павлов, на этот вопрос трудно с точностию отвечать. Хотя странно, ум мой скорее расположен думать, что больше изменилось общество, чем сам Павлов. Я склонен думать, что Павлов был более человек минуты, чем человек в действительном смысле, что слова его были не глубоко ученого и глубоко умного профессора, а скорее профессора, удовлетворявшего потребностям дня. Получив помазание в салонах Искандера и Грановского и напутствуемый и сопровождаемый их благословением на путь в Киев и для преподавательской деятельности в Киев[ском] у-те, он приехал в Киев[ский] у-т с репутацией либерала, каковую он и приумножил. В мое время профессор Павлов считался лучшим профессором. Это было еще то время, когда сказать, что крестьян должно освободить от помещичьей власти, значило прослыть и большим мудрецом, и большим либералом. В сущности же, и тогда П. В. Павлов был скучный и неглубокий ум, большой болтун, тонкий самохвал, довольно поверхностный и узкий ученый, умевший делать обобщения и никогда не работавший по источникам над подробностями. Много значит иметь у молодежи репутацию хорошего профессора, можно целое поколение слыть таковым, как и случилось с Павловым. О заслугах его действительных я поговорю потом.

29 марта. 1/2 6 ч. вечера.

В «Правительственном вестнике» напечатаны документы, касающиеся требования выдачи Гартмана. Их сопровождает официозное объяснение.

В то же время Фрейсине, глава французского министерства, разослал французским посланникам при европейских дворах циркуляр для сообщения подлежащим правительствам по тому же делу Гартмана. Фрейсине оправдывает поступок французского правительства требованиями действующего во Франции законодательства относительно иностранных преступников. Он заявляет уверенность, что невыдача Гарт-

мана, или этот, как выражается Фрейсине, прискорбный случай, нисколько не нарушает отношений, поддержания которых в дружеском духе французское правительство горячо желает.

Долго еще дело Гартмана будет волновать умы и служить яблоком раздора. Оно уже приобрело значение cause célèbre. Оно будет служить неистощимым материалом и темою для научных исследований и публицистических экскурсий.

В газетах пишут, что доктор Веймар, которому принадлежал пистолет, из которого стрелял в прошлом году 2 апр[еля] Соловьев в императора, вскоре будет судим. Кроме обвинения в том, что он содействовал своим экипажем бегству убийцы шефа жандармов ген[ерала] Мезенцова, и обвинения в том, что он снабдил Соловьева револьвером и ядом, Веймар еще обвиняется в содействии к бегству содержавшегося в больнице князя Кропоткина, который обвинялся в нигилистической пропаганде и агитации.

Разом произойдет перемена стоящих во главе управления университетом. Газеты известили, что попечитель Антонович уволен от должности, о чем он давно хлопотал. Извещают также, что на его место назначается Голубцов. Достоверно ли последнее,— это еще не известно.

Антонович управлял Киевским округом тринадцать лет, управлял беспр[истраст]но и, можно сказать, бесстрастно. Не будучи педагогом, он, однако ж, лучше всякого педагога умел поддержать равновесие, спокойный и незатруднительный ход жизни учебных заведений. Человек не фразы и даже не слова, а дела. Он всегда благородно себя держал: ни тени стремления заглядывать и залазить в душу подчиненного. Он не допускал разыгрываться страстям. Он не давал воли полицейским инстинктам, полицейским подозрениям и соглядатайству, что чрезвычайно важно в Киевском округе на почве, изрытой польским восстанием. Этот благородный образ мыслей и действий следует приписать тому обстоятельству, что сам Антонович, будучи юношей студентом Московского у-та, был схвачен, содержим в тюрьме, судим и осужден на отдачу в солдаты. За что бы вы думали? За то, что он не сделал доноса на своего товарища Сунгурова, который составлял проект конституции. Он сослан был в солдаты на Кавказ, где он прослужил рядовым, если я не ошибаюсь, шесть лет. По университету он современник Искандера, в воспоминаниях второго рассказана тюрьма и ссылка Антоновича.

Об удалении его с попечительского места я душевно сожалею. С ним я был в добрых отношениях. Он меня не раз защищал от напастей «черного кабинета».

30 марта. 1/2 8 ч. утра.

Н. И. Кичеев оказывается еще более, чем я выше записал. Это *червовый валет*[20] в собственном смысле слова. Оказывается, что он два раза сидел уже на скамье подсудимых. В последний раз, в ноябре прошедшего года, он был судим судом присяжных за подделку аттестата об окончании гимназии: выходит, что этот мнимый кандидат прав даже не кончил курс гимназии. Присяжные, тронутые его слезами, оправдали его. Но это оправдание есть только осуждение: человек он в полном смысле слова сорвавшийся со скамьи подсудимых. В. К. Яхненко рассказывает, что он взял у его матери серебряный самовар и жемчужное ожерелье, чтоб вырученные деньги за эти вещи внесть в ад-

министрацию, но ни денег не внес, ни вещей не возвратил. И еще больше. Он женат на женщине с состоянием, которую, однако, он успел обобрать и обплутовать и наделать на ее счет плутовских документов и даже разорить. По поводу жениных дел, говорят, он также сидел на скамье подсудимых. Великодушная жена спасла его от осуждения, давши благоприятное для него, хотя и не согласное с действительностию показание. Ушедши от своей жены и избрав поприщем своей мазурнической деятельности Киев, он соблазнил одну девицу совершенно порядочной семьи, выдал себя за неженатого человека, стал с нею жить как муж с женою, и затем — фюить.

И этот человек был около полутора года поверенным администрации, в последнее время с содержанием по 200 руб. в месяц. И этот человек пользовался величайшим доверием всех членов администрации и торгового дома братьев Яхненко и Симиренко: они за ним ухаживали, с ним якшались, вступали с ним в сделки, принимали его как желанного гостя, и сами проводили у него время, обедали у него семейно. И этот человек разыгрывал роль большого юриста, разъезжал по целой России по делам администрации. В Городищенском заводе он жил в самом лучшем доме, к услугам его был фаэтон и четверка лошадей. Комичнее всего то, что он, под предлогом поездки по делам администрации в Москву и Петербург, ездил на счет администрации, в Нижний, чтобы сесть и потом сорваться со скамьи подсудимых.

Все от него были без ума, все в восторге. Один брат Федор считал, что он дневной жулик, прямой мошенник, с которым порядочному человеку кланяться непристойно. И он с ним не кланялся.

31 марта. 1/2 11 ч. утра.

Великая противоположность между тем мнением, которое составилось было о Феофилактове в половине 60-х годов, и которое представляло этого профессора свистуном, лентяем, предпринимавшим геологические экскурсии с тою целию, чтобы провесть время в картежной игре; это мнение выразилось в символической форме забаллотирования его на пятилетие; велика разница между выше изложенным и тем мнением, которое выразилось в выборе его в ректоры, и притом таким небывалым большинством, значит, выразилось в признании его первым человеком нашей корпорации. Угодники, нюхатели современного направления и биржевики на курс всякого успеха, люди-флюгеры, поспешили провозгласить, что лучшего выбора нельзя было сделать. И это такие люди, как Славатинский, Демченко, мнения которых прежние мне хорошо известны. Я ничего не могу и не хочу сказать против выбора Феофилактова, я буду ждать поступков, как выражается Щедрин. Но я констатирую только изменчивость людскую, эту похоть человека-собаки сегодня наброситься на своего брата с остервенением, из-за какой-либо кости, а завтра лизать ему задницу.

31 марта. 1/2 10 ч. вечера.

Вчера я до изнеможения устал. От беспрерывной работы с раннего утра до самого чаю в 1/2 8 часа. Хотя были у нас Саськи, но я простился с ними раньше и ушел спать. Заснул я в 1/2 10 ч. В час будит меня Володя, старший сын. Говорит: «Спать не могу, весь дрожу. В виске боль, в голову стреляет». Я встал. Беседовал с ним с час. Вели речь о Лермонтове, о Пушкине. Он долго в тот вечер читал Лермонтова. Это

второй раэ я замечаю у него подобный припадок. В прошлом году то же самое. Очевидно, нервный порок организма. Нервозность как почва для будущих духовных аномалий. Отец нервозен, мать тоже. Сын может вдвойне. Отсюда недалеко до материала для психиатрии. Я беседовал с Володей самым успокаивающим образом. Утром говорил Саше на тему, что образ нашего обращения с детьми возбуждающий, что в семье нашей нет смягчающего, успокаивающего влияния. Не надеюсь, чтобы речь моя подействовала.

Утром посетил меня лаврский эконом с послушником. Жиды, поставщики известки, взвели на него уголовщину и, кажется, напрасно. Дал совет.

Вечером посетил меня Корчак-Новицкий, новый владелец и издатель «Киевского листка объявлений». Он купил его у препрославленных Кичеевых. Корчак-Новицкий был у меня с другом. Просил содействия и поддержки, и совета по изданию газеты. Обещал. Обещание это — общее место. Сам Корчак-Новицкий — личность мне не известная. Не мешает, однако ж, иметь его в виду. Иметь дружеский орган — значит много. Корчак думает ходатайствовать о расширении программы «Листка объявлений». Тогда дело другое. Вел речь о печатании в его типографии моего учебника.

Посетил я Делюсто, члена общества, присяжного поверенного. Речь шла о Танееве и С. И. Зарудном. Танеев — председатель совета московских присяжных поверенных. Зарудный — известный сенатор. Последний — его товарищ по у-ту.

2 апр[еля]. 8 ч. утра.

Пока еще не известно официально о назначении Голубцова. Говорят, однако ж, что Лавровский, оренбургский попечитель, телеграфировал своему брату, директору Нежинского филологического института о назначении своем одесским попечителем на место Голубцова, переведенного в Киев. Слухи о Бунге — пустые речи. Своя своих не познаша. Не странно ли: Бунге последнее время терпел упорную оппозицию со стороны прежних своих союзников. Они были недовольны им за то, что он был не враг студентов. Феофилактов, великий нюхатель всякого новейшего духновения ветра, явился его настойчивым оппонентом. Что же сказать о клике, во главе которой стоит сей муж, если они даже Бунге заподозрили в либерализме?

Вчера я вошел в профессорскую лекторию. Смотрю — Демченко стоит под ручку с Пихном и конфиденциально беседует. Пихно, пишущий панегирики палачам, воспевающий судебные убийства, кидающий грязью в осужденных на смерть и превозносящий до небес Стрельникова — прокурора по профессии, палача по натуре,— стоит под ручку с тем Демченком, который одно время считался честным и беспристрастным человеком, которого пресловутые 13 избрали даже редактором «Киевского телеграфа» в период его радикализма, с тем самым Демченком, с которым так дружески прощался, уезжая за границу, Зибер, оставивший у-т Киевский после увольнения Драгоманова, по невозможности жить и действовать в этой среде. О! Если бы я был поэт-сатирик, я бы заклеймил сталью резкого стиха эти метаморфозы и превращения людей, эту внутреннюю мизерию умственных и нравственных сил раз-

личных демченков, эту способность быть подло, несамостоятельно честным, и гордо, открыто, согласно с своею природою, низко подлым.

Есть на Земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов:
Есть люди важные, слыли за дураков [21].

Посетили меня вчера Сибиряков, директор Шполянского завода Абазы, Броецкий, чиновник особых поручений при киевском губернаторе, воспитанник нашего факультета, Барсуков, губернский механик, и К. П. Чубинский. Речь шла о казненных: Розовском, студенте, и Лозинском. Казнены Христа ради. Это столь же гнусные убийства, как и убийства, совершаемые радикалами. Сибиряков негодует. Броецкий негодует, все негодуют. Но что это за негодование: это негодование атомов, вращающихся в пространстве и ничем не связанных. Тут необходимо негодование, крик возмущенного общества, осуждающего беззаконня правителей. 2 и 3 апр[еля].

3 апр[еля]. 7 ч. вечера.

Вот что напечатано в «Новом времени» (№ 1469). «„Берег" открыл травлю против русской печати, хотя, вероятно, по своим особым причинам. Приемы, впрочем, не новые и вовсе не оригинальные: он сближает мнения *надпольной* (как он выражается) печати с мнениями печати подпольной: Напр[имер]:

«Народная воля» прямо признает необходимость ликвидации, про действующее правительство говорит, что оно де может держаться только полным подавлением общественной жизни, уничтожением всех органов проявления «Народной воли» и проч[ее] и проч[ее]»; что правительство отрицает право народа на землю, право городов и земств независимо вести свои дела, права какого бы то ни было слоя населения на участие в государственном управлении. Те же самые порицания расточает правительству и легальная пресса, мотивируя их немного сдержаннее, *«по независящим обстоятельствам»*. Так, наприм[ер], упреки администрации за подавление земского самоуправления, за урезку прав, за контроль над самоуправлением, ропот на бедность подушного надела, землей, на тягость податей и т. п. И все это обыкновенно заканчивается вызовом на реформы, заявлением необходимости *земского собора,* дарованием более обширных прав в сфере самоуправления, наконец — *неуклюжими намеками на конституцию*».

Недавно «Страна» [22] открыто высказала, что «Берег» обладает *особым фондом тысяч во сто.* Рядом с этим «Страна» заметила, что слух о стотысячном фонде не был ни опровергнут в печати, *ни* вероятно, отвергнут в натуре г. Цитовичем.

По этому поводу «Берег» сегодня заявляет: «Мы, по поводу бесцеремонных заглядываний «Страны» в чужие карманы, ограничимся лишь напоминанием редакции этой газеты русской поговорки: *не всякому слуху верь*».

Очевидно, Цитович променял независимое положение профессора на роль продажного газетчика.

Наименование всей русской печати презренным словом *надпольная* и сопоставление ее с словом *подпольная* явно указывает на то, что Цитович нанялся производить лай на сколько-нибудь независимую печать.

4 апр[еля]. 6 ч. вечера.

2-го у нас было заседание факультета. Было заслушано заявление Н. Х. Бунге, что он в октябре мес[яце] оставляет кафедру. В октябре исполнится 35 лет его службы. Бунге предлагает объявить конкурс. Стали отклонять. Моя речь за конкурс. Демченко повел речь в смысле том, что факультет думает еще посоветоваться в отсутствии Бунге. Тогда я сказал: «Если идет дело об отношении членов ф-та к заявлению Н[иколая] Х[ристофоровича], то как в отсутствии, так и присутствии его они единогласны и единомысленны в желании видеть продолжение деятельности его в факультете; это не фраза, не выражение приличия, а заявление того, что есть». Затем Бунге ушел. Оставшиеся члены, после рассуждений, постановили: сделать еще одну попытку к тому, чтобы Бунге продолжал свою деятельность. Изъявили желание явиться от лица факультета: кроме декана, Незабитовский, Митюков и Славатинский. Я думал было присоединиться, но воздержался, и хорошо я сделал. Хотя я был бы искренен, если бы я явился в числе членов для выполнения указанной миссии, но я был одно время с ним в контрах и на сей раз не желал бы показывать, что я его заискиваю.

Как профессор, Н. Х. Бунге исполнил свою миссию верою и правдою. Он был один из самых исправных профессоров. Пропускать лекции было не в его привычках. Со студентами он вел практические занятия. Старался поддерживать и поощрять занимающихся. Издавал свои курсы и трактаты для их руководства. По долговременности и постоянству своего преподавания он представляет редкий образец хорошего профессора. В нем, хотя и родившемся в Киеве, сказалась немецкая кровь. Бунге не есть ни первостепенный, ни глубокий, ни истинно научный ум. Это умственная сила по своим качествам второй руки. Но по энергии, трудолюбию, неутомимости и производительности — не ученой, конечно,— он несомненно из людей выдающихся. Все его произведения скоро совсем забудутся: большая часть их или компиляции, или переводы, или переделки, или сшиты на живую нитку, или же, наконец, журнальные и газетные статьи. Бунге едва ли не выше как администратор, чем ученый. Хотя как администратор и делец он принадлежит к старой школе дипломатов, лишенных твердых начал, зиждущих идей. И однако ж и здесь он выше целой головой такого остолопа, как Матвеев. С тех пор, как я заседаю в университетском совете, я видел двух ректоров, правивших университетом: Матвеева и Бунге. Было время, когда Матвеев держал себя беспристрастно и довольно сносно, а Бунге старался заткнуть в совете глотку каждому, желавшему говорить. Но затем, когда Матвеев окончательно отупел, он сидел только болваном, правил и действовал под чужую дудку. Бунге, всегда стоявший ближе к немцам, плясал больше под их дудку. В последнее время он старался держать себя самостоятельно. Этим он в таких дельцах, как Эргардт и К°, и таких отчаянных болтунах, как Шеффер, возбудил большую злобу и ненависть. Но сей раз Бунге был и чище, и правее, и умнее своих злобствующих противников. И странно: Бунге все же по душе ближе к ним, чем к кому-нибудь.

6 апр[еля]. 9 ч. утра.

Разговор мой в совете: стычка с Шеффером. Подача отдельного мнения в Думу по вопросу об исключении из числа гласных Цуккермана, еврейского раввина: исключение я нахожу неправильным. Дума

прижимает меня. Жалоба на меня и сутяжничество моей соседки Паув. Переговоры поручены другу. Заседание Юридического общества. Выходка Владимира Тальберга. Моя реплика. Два брата Тальберги: Владимир и Дмитрий. Как немцы, народ хитрый, лукавый и жидовствующий. Они теперь ласковы ко мне. Дмитрию предстоит защита диссертации. А в сущности — интриганы, сторонники и агенты пресловутого Пихна, который сто раз продаст и сто раз купит, который залезет в жопу, а вылезет в рот, или сделает обратный поход. Сегодня в два часа профессорство будет прощаться с уволенным от попечительства Антоновичем. Я непременно отправлюсь. Антонович держал себя как вполне порядочный человек, человек полного беспристрастия. Ныне я, наблюдая за А. А. Котляревским, и вижу, как он наружно пляшет в совете пред каждым, о котором он у себя дома отзывается с презрением. Нравственная низость и подлость. Это, однако ж, ловкий человек в своем роде. Бес честолюбия не дает ему покою. Он изобрел себе свою систему для того, чтобы иметь успех на выборах. Будет время констатировать его ходы: они невинны с точки зрения внешней морали, а в сущности выражение внутренней моральной мизерии и бедности идеалов.

1/2 10 ч. утра. 6 апр[еля].

Новые сведения о Чубинском: он впал в полный идиотизм, не узнает даже самых близких людей. Умственно-нравственная жизнь его окончательно ликвидирована: остается природе убрать его еще живой труп. В таком смысле, но в мягких и деликатных выражениях, я писал его жене. Выходит, Павел Платонович, этот горячий трибун наших кружков, ныне в умственном отношении стоит ниже дворовой собаки, которая отлично узнает хозяина и всех людей, ей близких.

Павлов предложен к баллотировке: никто ни одного слова не проронил.

6 апр[еля]. 11 ч. утра.

С некоторых пор со мною стал необыкновенно приветлив И. А. Толли, служивший прежде по чарочным откупам, ну словом, по выражению Щедрина, кабатчик в собственном смысле слова. Я недоумевал: что сия метаморфоза значит. На днях я узнал, что сын его с осени поступил в число студентов нашего юридич[еского] ф-та. Приходит мне на память Ив[ан] Пав[лович] Матковский, долго правивший Лыбедским участком, в звании частного пристава, куроцап старой школы, но не их породы, нынешних Грацианових. В его царствование я был два раза обворован: в первый раз приснопамятный Иван Павлович вещи мои отыскал почти все, за исключением тех, которые послужили, вероятно, вознаграждением за труд воров и полицейских чиновников, в это время в числе студентов юридического ф-та состоял сын Матковского; во второй раз уворованные вещи безвозвратно погибли, в это время в числе студентов юрид[ического] ф-та не было не только сына, но даже и отдаленного родственника этого киевского куроцапа.

6 апр[еля] 1880 г. В 4 ч. вечера.

Нас посещает некто А. Я. Бабикова, старая девица, лет ей пятьдесят. Она состоит секретарем Общества дневных приютов, в котором Саша исполняет роль председательницы. Как-то я разговорился с нею.

Оказалось, что она дочь того генерала Бабикова, который в сороковых годах начальствовал в Черниговской губ. войсками внутренней стражи, в те времена, когда я, как дикий злак, произрастал на нивах черниговской бурсы. Мы, малые и большие бурсаки, наперечет знали всех начальствующих в Чернигове и в особенности нам хорошо были известны все высшие военные и гражданские чины: у нас было бурсацкое честолюбие считать город Чернигов не последним, так как в нем есть достаточно военных генералов и немало статских советников. Вот почему я знал генерала Бабикова. Вот дочь-то его, А. Я. Бабикова, ныне наша знакомая, напомнила мне происшествие, наделавшее в начале 50-х годов шуму в Чернигове: в этом происшествии действующими лицами были: Кожич, ученик Черниговской семинарии богословского класса, и девица *Ливенцова,* дочь жандармского генерала Ливенцова, принадлежащего к черниговской аристократии. Дело в том, что Кожич участвовал в семинарском хоре, так сказать, придворный хор ректора семинарии. Незадолго пред этим ректором Черн[иговской] семинарии был Симеон, считавшийся дамским угодником и любившим бывать в светском обществе. Он был хорош с женой губерн[ского] предводителя Борозны, которая устраивала в зале дворянского собрания музыкально-вокальные вечера. Для этих-то вечеров отпускал свой хор певчих архимандрит Симеон. На этих вечерах пела и молоденькая девица Ливенцова. Здесь-то Кожич и Ливенцова воспылали страстью друг к другу. Что это была только платоническая страсть и, может быть, легкая, а что больше между Кожичем и Ливенцовою ничего не было, это не подлежит ни малейшему сомнению. Между влюбленными завязалась сладкая амурная переписка: эта переписка возникла несколько позже музыкально-вокальных вечеров. В период переписки, на одной с Кожичем квартире жил его товарищ Савва Богдановский: этот милый сотоварищ, тоже богослов, знал про эту переписку, подсочил место, где черновики и ответы-оригиналы хранились, выкрал ее из сундука — и немедленно представил инспектору семинарии, тот — ректору, уже новому, не Симеону, а этот — архиерею. Шум, говор, скандал. Кожич был исключен из семинарии, а девица Ливенцова подверглась некоторой диффамации среди низко стоящего общества. Хорош незабвенный мой товарищ Савва Богдановский. Хороши и мудрецы: инспектор Феофил и ректор Никодим, о них когда-нибудь запишу воспоминания. Но хорош и Т. Г. Кожич, мой тоже товарищ, и даже однокашник. Я с ним в богословском классе сидел рядом на одной скамье. Когда он вел переписку с Ливенцовой, то он посвящал меня в тайну ее, каждый раз читая мне свои письма к ней. Так он был низок, так он был тщеславен, так он влюблен был головой, а не сердцем. Кожич принадлежал к самой низкой нравственной породе. Он также упражнялся в доносах: он сделал донос на меня тоже по амурным делам. Когда мы были в богословском классе, незадолго до его исключения, то мы жили вместе на одной квартире. Начальником этой квартиры был я. Дочь хозяйки Якубихи, младшая, Настенька, молодое, миловидное существо, лет семнадцати, меня любила, и я ее тоже. Наши отношения ограничивались: передачею нашего любовного огня глазками, рукопожатиями и поцелуями. Кожич все это подсочил, донес инспектору семинарии Феофилу. В каком виде он сделал этот донос, не знаю. Но он мне причинил много зла и бедствий, о которых вспомню в другое время. Исключенный из семинарии, Кожич поступил на службу. Когда я был студентом, он состоял тогда писцом канцелярии киевского губернатора. Носились слухи в то время, что и Кожичу досталась некая добыча от Изр[аиля] Бродского, кото-

рый в то время был обвиняем в сбыте фальшивых бумажек. Тогда еще не было ни следователей, ни новых судов. Губернаторы были всесильны. Говорили, что Гессе-старший, взявши большую взятку с Бродского, замял дело. Правителю канцелярии его, Кульжинскому, нечто тоже перепало. Кожич чем-то тоже поживился. Такова ходила молва. Через несколько лет потом Кожич остался вне службы. Занялся какими-то делами, больше сутяжничеством. Года два тому назад я встречал его на железной дороге: он выдавал себя за арендатора Киев[ской] губ., державшего в аренде небольшой участок земли. Кожич — это низкая, черная и подлая личность: это говорю, не имея против него горечи в сию минуту, а на основании личных моих объективных наблюдений.

6 апр[еля]. 6 ч. вечера.

Газеты встретили Цитовича недружелюбно. Да, иначе и быть не могло: подл и низок этот бывший профессор, отдавший свою душу в кортому мрачным, недружелюбным отчизне силам.

Вот пародия на этого продажного профессора:

Ночной странник. (Невская баллада.)

По тихой и мутной Фонтанке,
В час полуночи ранней весной,
Несется волшебная лодка,
Несется, как призрак ночной.

На ней ни единой нет мачты
Нет весел и паруса нет,
На лодке на месте обычном
Не виден гребца силует.

Не видно следа пассажира,
Но все же пред ней — здесь и тут
Снимают все дворники шапки,
Хожалые честь отдают.

Есть здание близ этой Фонтанки,
С подъездом у самых ворот,
В том здании — большая квартира,
А в ней *экс-профессор* живет.

В столицу без почестей бранных
Он прибыл недавно, чтоб в ней
С газетою выступить новой,
Брошюр своих прежних грозней.

Беззвучно скользя по Фонтанке,
Лишь месяц туманный всплывет
К высокому *берегу* тихо
Ладья по ночам пристает.

Из зданья в высоких ботфортах
Тогда выступает Зоил,
На нем треуголка, какую
Сквозник-Дмухановский носил.

Скрестивши могучие руки
На форменном сером пальто,
Он в лодку садится и едет —
Куда? — сам не знает про то.

По темным каналам столицы
Он плавает целую ночь,

И, зорко кругом озираясь,
Старается тьму превозмочь.

Когда ж запоздалых прохожих
Завидит во мраке ночном,
Надеждой трепещет в нем сердце
И очи пылают огнем.

На берег большими ногами
Он смело и прямо идет
Сотрудников громко он кличет,
Друзей сладкогласно зовет.

«Друзья-сотоварищи! Жду вас!
На зов приходите ко мне;
Сто тысяч рублей у меня есть
В редакторской тучной мошне».

Но зову рублей не внимая,
Сотрудники машут рукой.
Не хочет с ним даже Маркевич
Одной поделиться строкой.

Друзья тоже зова не слышат:
С одними пошел он в разлад,
Другие совсем отвернулись,
Пера продавать не хотят.

И глубже надвинувши шляпу,
Сердито он взад и вперед
По невскому берегу ходит
И снова он громко зовет.

Зовет он Незлобина, друга,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает всю прессу
А *«Берег»*, единый, себе!

Но в цвете надежды и силы
Попал вдруг *Незлобин* в острог
А если судом и оправдан,
То суд всего общества строг.

И долго его поджидая,
Издатель печальный стоит
И капает горькие слезы
На невский холодный гранит.

Потом он, дав волю проклятьям,—
Ну, как тут судьбы не ругнуть! —
К знакомой пустынной конторе
В обратный пускается путь».

Из «Молвы» [23] 1880 г., № 86.

Друг говорит мне, что в «Новом времени» помещено сообщение о том, что Цитович прежде исповедовал социалистические убеждения: то есть газеты теперь изучают биографические черты этого ренегата науки и мысли. Владимиров, харьковский профессор уг[оловного] права, его однокурсник по у-ту, сообщал, что у него есть публичная лекция, в которой Цитович поет хвалебные песни Лассалю. Незлобин из подобных же перебежчиков. Цитович поступил ныне на службу тех, которые бы желали задержать, задушить прогрессивную мысль русского народа. Ужели Цитович восторжествует, получит ход, будет иметь успех? Мой драгоценный товарищ В. Г. Демченко, декан Киев[ского]

юриди[ческого] ф-та, серьезно говорит: «Цитович настоящий русский гражданин». Да, если в число гражданских доблестей входит эксплуатация, тонкая, доведенная до совершенства, до виртуозности, искусства доносить, инсинуировать, подстрекать и цковать власть на народ, то Цитович будет один из видных русских граждан. С моей же точки зрения, да будет проклятие над такими гражданами.

7 апр[еля]. 1/2 11 ч. утра.

Послал письма: брату Николаю, Анциферову, Колесницкому и Тарасову. Послал письма: Чахурскому и Фойницкому по делу друга. Написал В. И. Лихачову письмо. Лихачов состоит ныне при Лорис-Меликове, председателе Верховной распорядит[ельной] комиссии. Ввиду его такого положения, а также решения Лориса приступить к облегчению участи подвергшихся административным гонениям молодых людей, я нашел благовременным послать Лихачову письмо о сосланных в 1878 г. студентах Киевского у-та. Не знаю, что́ из того выйдет.

7 апр[еля]. 9 ч. веч[ера].

В прошедшую пятницу в совете я обменялся крылатым словом с Шеффером, Эргардтом и К°. Дело вот в чем: за два заседания пред этим последним, медицинский факультет внес предложение об отказе Ринеку, профессору хирургии, в его ходатайстве назначить ему сверхштатным ординатором Шкляревского, брата профессора. Существует закон, запрещающий оставлять одного и того же ординатора более трех лет. Но, во-первых, Шкляревский был ординатором в Медико-хирургической академии, во-вторых, ходатайство шло о назначении его ординатором сверх штата, без жалованья, и в третьих — медицинский ф-т постоянно делал обходы закона посредством отправления и более 3-х лет по найму. Против этого предложения восстало большинство факультета: с особенным азартом и страстию восставал против предложения Шеффер, фанатик вообще и питающий личную вражду против Шкляревского. Вдруг в заседании 4-го апреля докладывают в совете предложение медицинского факультета, вызванное представлением Меринга, оставить Зенькевича, пробывшего ординатором три года, еще на один год по найму. Я просил слова и сказал: «Еще мы не очнулись от угара резких и страстных речей, которые были произнесены некоторыми членами медицинского ф-та два заседания тому назад против ходатайства Ринека, и против незаконности будто такового, и вот мы ныне обязаны решить именно в пользу той же незаконности, за которую теперь уже ратует факультет, два заседания назад против ее не восставший. Такими предложениями совесть наша как членов совета, обязанных решать, ставится в тяжкое положение». Шеффер сказал: «Видно, профессор К[истяковск]ий не отрезвился от софистических убеждений, иначе бы не говорил того-то и того-то».— «Да,— сказал я в ответ,— профессор Шеффер правду сказал: действительно я не отрезвился от тяжкого впечатления, которое приходится испытывать, когда видишь, как играют принципами, как их ломают, как в два заседания совета происходят такие метаморфозы, какие мы ныне наблюдаем: в одно заседание нападать на то, что ныне защищают только потому, что в то заседание выставляли принципы наши противники, а ныне мы. Это значит решать дела не ad rem, а ad hominem» [24].

Мне тогда же пришли на мысль стихи поэта:

«Безумным вы меня прославили все хором!
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть сумеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет» [25].

1/2 10 ч. вечера. 7 апр[еля].

В Харькове ныне временным генерал-губернатором состоит князь Дондуков-Корсаков, девять лет правивший Киевским генерал-губернаторством, и потом исполнявший обязанности императорского комиссара в Болгарии.

Недавно Дондуков-Корсаков посетил Харьковский у-т. Вот что пишут об этом посещении. «Князь предпринял это посещение не с целию личного осмотра университетского помещения, о недостаточности которого заявляли ему профессора, сколько для ознакомления со студентами. По крайней мере, большая часть времени, в течение которого он находился в стенах у-та была проведена в беседе с молодыми людьми. Князь очень ласково обошелся со студентами. Одного, что стоял ближе, он несколько раз потрепал по плечу и положительно очаровал своих собеседников простотой обращения. Он отрекомендовался как бывший студент Петербургского у-та, который пользуется благоприятной минутой, чтобы приветствовать своих юных товарищей. Беседа закончилась краткою, прочувствованною речью генерал-губернатора, из которой мы, пишет газетный корреспондент, не ручаясь за полную подлинность выражений, приводили только заключительные слова: «Еще раз, господа, примите от меня уверение, что во все время моего пребывания в Харькове, я буду считать самым святым делом полное внимание ко всем вашим нуждам и исполнение всех ваших требований и желаний, насколько, разумеется, они будут идти рядом с законом и достоинством власти. Скорее бы только миновать этому тяжкому переходному времени, *которого если молодежь способствовала проявлению, то от нее же зависит и исчезновение.* Верьте, что самым счастливым днем моей жизни будет тот, когда я получу возможность сложить с себя те *чрезвычайные полномочия и обязанности,* какие возложены на меня в настоящее время. Вы скажете: «*Легко старикам* давать советы молодежи, да не легко молодежи слушаться стариков». Да, но это голос не старости, а того тяжелого, умудряющего опыта, которого именно вам недостает».

Эта речь перепечатана во всех газетах. Это речь умного, доброжелательного администратора, верящего в лучшие силы и качества человека и на них опирающегося. Это речь администратора просвещенного, для которого университетское образование не прошло даром.

Не мешало бы киевскому найстаршему Держиморде-Скалозубу познакомиться с этой речью. Может быть, он бы перестал тщеславиться тем, что не был в у-те. Не мешало был нашим душителям и вешателям прочесть эту речь, чтобы почувствовать стыд и срам. Не мешало бы В. С. Стрельникову, прокурору с инстинктами палача, хоть маленько отведать мыслей благородного русского администратора. Я бы сказал: не мешало ее прочесть и председателю военно-окружного суда Слуцкому, с тыквой на месте головы, если бы не было известно, что он ничего печатного не читает, окромь отношений, указов, приказов и предписаний. Однако, погоди, милостивый государь, ведь в твоей голове мелк-

нула мысль, что было время, когда ты презентовал этому идиоту авторский экземпляр учебника уголовного права. А! Что, попался? Ха! Ха-ха...!!

10 ч. веч[ера]. 7 апреля.

В речи Дондукова я усматриваю веяния более мягких влияний.

Как-то сижу в заседании ф-та: слышу, Буданов иронизирует с Пихно по поводу речи Дондукова-Корсакова. Эти философы: первый пассивный, скрывающий себя, второй активный, той практики, которой представителем является Чертков, внук незабвенного Сергея Сергеевича Скалозуба.

8 апр[еля]. 2 ч. дня.

Г. И. Эйсман, киевский городской голова, так же меня ненавидит, как и его предшественник Н. К. Ренненкампф. Он начинает делать мне пакости, выкидывать против меня крючки. Что же, дело на чистоту. В его кармане 70 000 руб. ежегодного дохода; у меня же в кармане почти пусто, что касается сбережений, кроме того, чем я живу со своей семьей.

Затеял я перекрыть ветхие, преветхие деревянные крыши служб — железом. О дозволении сделать мне это исправление я подал заявление в управу. Эйсман, он коварен и хитер как всякая низкая и посредственная натура, обещал тотчас дать разрешение. Я, увлекшись кабинетными работами и всегда чувствующий отвращение к ходатайствам по делам, а с другой стороны, обнадеженный малейшим голосом Густава Ивановича, целых десять дней не являлся в управу, чтобы получить разрешение в том предположении, что Эйсман о разрешении дал знать полицеймейстеру. Голос внутренний, однако ж, твердил мне: ты немного смахиваешь на того пропащего человека, осунувшегося дворянина, которого Щедрин изображает в «Убежище Монрепо». И вот, 2 апр [еля] я собираюсь идти в управу: я испытывал, по свойственному мне предчувствию, внутреннее беспокойство. Ибо подчинка и перестройка у меня начата и идет шибко, а у меня в руках нет разрешения. Этак легко очутиться на скамье подсудимых у мирового. Предчувствие меня не обмануло: в 10 ч. утра, за два часа пред тем часом, когда я должен был отправиться в управу, является ко мне околодочный надзиратель и просит меня предъявить разрешение управы. Такового, конечно, я не мог предъявить и просил дать мне срок до вечера. Затем спешу в управу: там мне показывают постановление о том, что мне разрешено перекрыть только крышу на одном сарае, а крышу со стороны соседки Паув не разрешено перекрыть, а только исправить, и то местами. А эта-то крыша у меня разрушена, и уже новая почти готова: уже куплено и железо. Также мне объявили, что Паув подала на меня жалобу в управу, что я строю новое здание почти на ее меже, не устроив предварительно брандмауера. В управе Эйсман не дал мне достаточных объяснений, на каком основании они не разрешили мне произвесть исправление крыши. Не было Запорожского, заведывающего строительным отделением. Назначено через два дня время объяснения.

На другой день околодочный надзиратель является ко мне после обеда, показывает другую жалобу Паув, поданную околодочному надзирателю с просьбой расследовать дело. Это уже пахнет мировым. Я тотчас дал приказание рабочим прекратить работу в этот день и на

другой, просил околодочного не теснить меня пока я выясню дело. Он обещал. В то же время я просил друга войти в переговоры с Паув: мы ее прозвали киевскою Манджосихою. На другой день я был в 12 часов в управе: Эйсман вел тихне сладкие речи. Ядовитый Запорожский указал мне на закон: ст[атьи] 361 строительного устава. Читаю. В этой статье говорится, что деревянные постройки с левой стороны должны быть устраиваемы в четырехсаженном расстоянии от межи, или если ближе или на меже, то не иначе как с устройством брандмауера. Так как это закон позднейший, то в нем говорится, что он имеет применение к новым постройкам, но не к исправлению старых. Несмотря на ясность буквы закона, несмотря на то, что я прошу об исправлении, они стояли на своем. Тогда я должен был просить, чтобы они дозволили мне перекрыть крышу под условием устройства брандмауера. В этом они не могли мне отказать. Очевидно, я был в их руках, попался. Или прекрати расчатое исправление и приноси жалобу, или же подчинись их распоряжениям. Я должен был им подчиниться. Хотя намерен принесть жалобу. Мне не хотелось бы жаловаться в качестве домовладельца; думаю принесть жалобу в качестве гласного на неправильное применение Думою закона. Я остался, очевидно, в дураках: поставил себя в такое положение, в котором они могли легко меня притеснить. Не приступай я к постройке, а жди исправления, они бы не в состоянии были бы поступить со мною подобным образом. Переговоры с Паув привели к тому, что она согласилась подать прошение о прекращении. Что дальше будет, посмотрим. Одно выяснилось, что управа желает меня притеснить. Оказалось, что к Паув подослан был управский архитектор и он-то ее подстрекнул. Вот благородный человек, киевский голова Эйсман: интригует против граждан того города, во главе управленя которого он стоит.

О, низкая тварь!

8 апр[еля]. 10 ч. вечера.

Посетил я больного нашего философа В. И. Хлебникова: бедняга серьезно болен. Открылся порок сердца. Выглядывает плохо. Сильная одышка. Дай Бог ему поправиться.

Это хороший и благородный человек, при полной негодности и гнилости своей философии. Но сердце и ум смешивать не должно.

9 апр[еля]. 8 ч. утра.

Посланы письма: В. П. Чубинскому с деньгами в Харьков, Люце в Гостынин, Паув-соседке, Жеребцову в Пятигорск, Скордели — секретарю конт[оры] Госуд[арственного] банка и Колмакову — пакет с моею статьею.

1/2 3 ч., апр[еля] 9-го.

Посетил меня Буданов. Тип человека, считающего своею обязанностью скрывать свои мысли и говорить о других, как о людях истинно святых. Общая манера. Поддакивать для того, чтобы быть хорошим со всеми. Когда же нас заденут, или мы противной партии, то все дурно, что исходит про нашего противника. Два типа этих необходимо рассмотреть.

Того же.

Буданову я вручил два креста, чтобы он доставил брату Николаю. Кресты, о которых я выше писал. Переслал 35 р. для сестры, племянников и тетушки.

10 апреля. 3/4 12 ч. дня.

Посетила меня старушка. Фамилии ее я не удержал в памяти. Полька. Плачет. Оплакивает свою племянницу, панну Рохальскую, сосланную в Енисейскую губернию административным порядком без суда и права. Ее предала в руки правосудия Иуда в юбке Бабичева, которая подсажена и подослана была к компании Дебогорио-Мокриевич и всю ее предала в руки жандармерии. Старушка просила меня совета, как помочь горю ее, как возвратить ей ее племянницу из тяжкого плена. Я принял ее радушно. Обещал дать ей совет, сказал ей, что напишу ей и прошение, отпустил ее с успокоением, назначив ей придти в 7 ч. вечера в субботу, ввиду того, что готовлюсь идти в у-т на лекцию.

11 апр[еля]. 1/2 10 ч. вечера.

Вот что распубликовано правительством и что вносит луч света в темное царство:

«Правительственное сообщение. Верховною распорядительною комиссиею был возбужден вопрос о положении лиц, состоящих под надзором полиции, как высланных административным порядком из постоянного места жительства, так и состоящих под таким надзором на месте. Из числа таких лиц некоторые подверглись этой мере вследствие обвинения в политической неблагонадежности; другие же, принадлежавшие к учащейся молодежи, подпали полицейскому надзору по удалении из учебных заведений, на срок или бессрочно, за участие в беспорядках, нарушение дисциплинарных правил, неповиновении своему начальству и т. п.

При совещаниях по этому важному вопросу Верховная комиссия пришла к убеждению, что некоторые из упомянутых лиц, под тяжестью переносимого ими наказания, уже сознали свои заблуждения и последующим поведением не только не вызывали отягощения их участия, но, как видно из поступающих от местных губернаторов ходатайств, заслужили одобрительную аттестацию наблюдающего за ними начальства. Соображение это, по мнению комиссии, касается в особенности молодых людей, прервавших, по случаю высылки, свое образование, с окончанием которого связана вся их будущность. Поэтому Верховная комиссия признавала необходимым подвергнуть пересмотру сведения о лицах, состоящих под надзором полиции по политическим обвинениям и принадлежащих к учащейся молодежи, полагая, что если при ближайшей оценке этих лиц будет обращено должное внимание как на нравственность их, так и на их отношения между собою и к окружающей среде, то многие из них в настоящее время могли бы уже подлежать освобождению от полицейского надзора, или безусловно, или с некоторыми ограничениями. Такой пересмотр и такая оценка могли бы быть, по мнению комиссии, возложены ныне на губернаторов и градоначальников с тем, чтобы они в течение двух или трех месяцев представили списки лиц, заслуживающих облегчения их положения, с своим заключением о возможных для каждого лица отдельно, облегчениях и с объяснением, кто из числа этих лиц, принадлежащих к учащейся мо-

лодежи, может быть допущен к продолжению прерванного образования и на каких условиях.

По составлении таких списков и по получении заключений генерал-губернаторов в тех местностях, где они имеются, списки подвергнутся пересмотру Верховною распорядительною комиссиею, причем, если укажет надобность, на ее членов, изъявивших на это полную готовность, может быть возложена фактическая проверка на месте доставленных сведений и самих надзорных лиц. Затем, после окончательной проверки списков, разрешение отдельных случаев должно быть произведено не иначе, как по соглашению главного начальника Верховной распорядительной комиссии с министром внутренних дел. Главный начальник Верховной распорядительной комиссии, генерал-адъютант граф Лорис-Меликов, по сношении с министром внутренних дел, изъявившим с своей стороны согласие, имел счастие повергать приведенные выше предположения комиссии на всемилостивейшее воззрение Государя Императора. И Его Императорское Величество, вполне одобрив эти предложения, в 3-й день сего апреля высочайше повелеть соизволил привести их в исполнение. К необходимым распоряжениям для выполнения высочайшей воли уже приступлено».

Как будто готов блеснуть луч в темном царстве. Что выйдет из этого распоряжения, сказать трудно, но что от этого распоряжения веет желанием облегчить участь без суда осужденных и признанных невинными — это ясно.

12 апр[еля]. 6 ч. вечера.

Чрез несколько дней после заседания совета, в котором я обменялся словом с Шеффером, пришлось мне вести речь в лектории о Цитовиче. За столом сидели: Бобрецкий, зоолог, Демченко и Шеффер. С Шеффером я уже пять лет не кланяюсь, как бы не знаком. Это со времени выборов Павлова. Шеффер, возражая против основательности представления Павлова в профессоры по кафедре истории и теории изящных искусств, сказал в заседании совета: как возможно предлагать его в профессоры того предмета, по которому он ничего не написал. На это я заметил: странно слышать такое замечание со стороны того профессора, который сам занимал ту кафедру, по предмету которой он не написал ни одной строчки: он занимал прежде кафедру фармакологии. На это Шеффер с азартом закричал: это ложь. Бунге, ректор тогда, призвал меня к порядку. Я, чувствуя, что, хотя я говорил правду, но и в публичном заседании, и как бы в виде укоризны, и желая исправить мою опрометчивость, подошел к Шефферу после перерыва заседания и сказал: «Вы извините меня, что я дозволил себе так выразиться», но... Шеффер, не давши мне докончить моей речи, воскликнул: «Вы лжец». С тех пор я больше с ним незнаком. Эта наглость побудила меня произвесть исследование ученой деятельности Шеффера. Оказалось, что он напечатал одну одной работу, да и ту он написал при участии Эленмайера, что в русском издании он скрыл, а в немецком — она напечатана под именем их обоих. Вот и веду я в числе других и пред этим мудрецом речь о Цитовиче. Говорю: газета его идет плохо. Сотрудников нет. Конкуренция сильная. Товарищи по профессии, как грызущие одну и ту же кость, нападают на него со всех сторон. Недавно напечатана на него пародия в «Молве». Все газеты повторили вслед за газ[етой] «Страна», что он получил от правительственных сфер сто тысяч на издание своей газеты с тем, чтобы он, как цепной пес, лаял на тех и то,

на кого и на что ему укажут и прикажут. Недавно было заявлено в газетах о тех метаморфозах, которые совершились с этим профессором: не так еще давний почти сторонник социализма, он ныне с пеной у рта набрасывается на приверженцев этого учення. Этот господин променял почтенное, хотя очень скромное и крайне умеренно вознаграждаемое, положение профессора, положение независимого мыслителя на положение продажного газетчика, который должен будет писать то, что ему укажут или прикажут. Демченко на это заметил: «Нет, я другого мнения; Цитовича я считаю почтенным человеком, а нынешнюю его деятельность вполне одобряю». Шеффер сказал: «Я никакого не вижу различия между тем профессором, который заннмается адвокатурою, и Цитовичем, который получает вознаграждение за издание газеты, в которой он, проводя мысли других, проводит и свои». Ссылка Шеффера на профессора, занимающегося адвокатурою, по существу предмета была ни к селу, ни к городу. Но он хотел этой речью уязвить меня. Я прежде занимался адвокатурою и зарабатывал деньги. Это вызвало когда-то и зависть, и подозрения, и обвинения, и толки. И вот до сих пор, когда я беседую и, случается, спорю с товарищами-профессорами и когда они желают меня уязвить, они обыкновенно тычут мне в глаза моею адвокатскою практикою, обзывают меня адвокатом. Так, помню, когда-то эту выходку делал против меня не раз мой товарищ Бец, перевертывая «адвокат» и «адвокатская практика» на все лады в моем присутствии, чтобы меня уязвить.

12 апр[еля]. 7 ч. вечера.

Передают за достоверное, что попеч[ителя] Антоновича выжил Чертков, находя его недостаточно ревностным в исполнении мероприятий учебной полиции. Говорят, что и Бунге оставил ректорскую должность не без подобной причины. Оказался недостаточно полицействующим, недостаточно соответствующим настроению правительственных сфер. С одной стороны, он не угодил университетским душителям вроде Шеффера, Эргардта и К° — как же, со студентами был ласков, стоял за их интересы! С другой — и в правительственных сферах он не нашел будто бы одобрения: он хлопотал специально за некоторых из тех студентов, которые были весной 1878 г. высланы Чертковым в отдаленные губернии. Он спрашивал Министерство просвещения о судьбе того представления, которое послано было от совета насчет возвращения в у-т первой категории исключенных весной 1878 г. студентов; он, наконец, сам от себя делал представления о необходимости некоторых облегчительных учреждений для студентов. И во всех сих представлениях он потерпел фиаско. О всех сих представлениях, а ровно и их неудачах сообщил мне А. И. Сасько. Насколько они достоверны, не знаю. Требуется поверка. Да и вообще мне приходится записывать в мой дневник иногда такие события, которых достоверность я не могу поверить документальными данными. Я стараюсь быть осторожным, чтобы быть достоверным. Но не ручаюсь за то, чтобы не проскользали, хотя в небольшом числе объяснения, события и недостоверные.

Вот уже полтора года твержу другу, чтобы он записал события, в которых он был действующим лицом и в которых он принимал столь близкое участие в звании помощника проректора. Волнения по поводу синкевической истории, столкновения Цветаева со студентами и, наконец, большое событие нашего университета — волнения студентов и

исключение 140 студентов из у-та весной 1878 г.— это такие события, которые стоили бы того, чтобы их увековечить. Деятельность отупевшего и оголтевшего в нравственном отношении Матвеева, подвиги коварного Митюкова, поступки Демченка-реакционера, шпионнические проделки Божовского, который водил за нос впавшего преждевременно в умственную немочь Матвеева,— Саську очень хорошо известны. Он мне столько раз их рассказывал и передавал — и я столько же раз его упрашивал положить и закрепить их на бумаге. Ленив и непривычен излагать мысли свои на бумаге.

И. И. Рахманинов надеялся быть выбранным в ректоры. Неосуществление надежды как будто его сконфузило. Замолк. Как будто присмирел и без того смирный человек. Как будто сконфужен.

12 апр[еля]. 10 ч. вечера.

Была у меня опять старушенция, тетка Рохальской, сосланной в Енисейскую губ[ернию] Христа ради. Обещал написать ей прошение для подачи Лорис-Меликову. Покушается ехать в Петербург, чтобы лично просить. Отсоветовал. Слишком уже убогая умственно для того, чтобы она могла произвесть какое-либо действие личным объяснением.

Через час заехал товарищ, Н. А. Хржонщевский, профессор патологической анатомии, посоветоваться об участи своего племянника Назарова, тоже сосланного административным порядком в Восточную Сибирь. Хржонщевский принадлежит к меньшинству, которому люди большинства, вроде Матвеева, стараются сочинить не ту, так другую пакость. Этим-то милым отношениям к дяде Матвеева и его агента Божовского, самого злого добровольца «черного кабинета», племянник обязан тем, что он сослан был в Архангельскую губернию. Ссылка эта совершилась в общий погром 1878 г. Из Архангельской губ[ернии] Назаров покушался бежать, был схвачен и сослан в Якутск. И то благословляет судьбу, что сослан в Якутск, а не куда-нибудь в поселение инородцев, живущих в юртах. Я посоветовал Хржонщевскому, который вместе с тем состоит и опекуном Назарова, послать прошение Лорис-Меликову и официальное письмо.

Неожиданно получил пакет от полицеймейстера Гюббенета. Раскрываю,— и нахожу в нем новую жалобу соседки Паув на то, что я не устраиваю брандмауера. Итак, заключенный другом мир оказался непрочным. Паув ябедница, сутяга и страдает умопомешательством скупости. Мы ее прозвали киевскою Манджосихою: она по отношению ко мне играет ту же роль, какую Манджосы в Великих Будках по отношению к Саськам.

13 апр[еля]. 10 ч. вечера.

Посетил меня Николай Павл[ович] Забугин, ученик и приятель. Он остался неизменным и неизменившимся ко мне. Мои домыслы о том, что он изменился, что его душу возмутил дурными чувствами, настроил на дурной лад интриган Скордели, оказываются произведением моей мнительности, моего маловерия в людей и себя. Если посмотреть внимательно на меня, то нельзя не заметить того, что я человек тронутый. Тронутый, не тронутый, а что я сосуд, хотя, может быть, и высокого достоинства, но с трещиной,— это едва ли подлежит сомнению. Бурса

нецеремонным обращением произвела эту трещину. Я от природы отменно впечатлительный человек, по натуре способный и расположенный к мягким, добрым и человечным чувствам и мыслям. А меня иногда пороли розгами, били обидными словами, тренировали оскорбительным обращением, оскорбляли и возмущали изменою. И вышло теперешнее сочетание.

Сегодня защищал диссертацию Эйхельман, профессор Ярославского лицея, на степень доктора, о военной оккупации. Срединная голова. Большими мыслительными способностями не одарен. Но шустрый, будет писать много.

На днях посетил меня Панкевич, профессорский стипендиат из Одессы, ученик Цитовича. Приехал в наш у-т держать экзамен на степень магистра. Он мне показался умным малым, профессорскою головою. Да, и череп его отлично отчеканен. Поклонник Цитовича, как все его ученики последнего периода, что рекомендует с умственной, если не с нравственной стороны, их учителя, ныне сбившегося с пути правого.

Посетил меня сегодня кафедральный протоиерей Лебединцев, мой любезный партнер по питью карлсбадских вод. Он также едет в Карлсбад в этом году. Кажется, отправимся в одно время. Я буду доволен. Он человек умный. Правда, хитер и, конечно, клерикал. Но я рационалист не из фанатиков и не из проповедников. Не стану с ним вести речи о Христе в духе Штрауса и Ренана. А, кстати, о Штраусе: я думаю взять его «Жизнь Христа для народа обработанную», с собою в Карлсбад, чтобы иметь немецкое чтение. О сем я думал еще с прошлого года.

14 апр[еля]. В час дня.

Как-то на неделе посетил меня Краинский, приятель из учеников. Показал ему жалобу в Сенат Квачевского. В этой жалобе сей присяжный поверенный уличает Киевскую палату гражданского и уголовного суда в грамматических ошибках, а обо мне выражается так: «Г. Кистяковский заявил, что интересы учебного округа — в ограждении памяти об умершем Литове. *Но это адвокатский прием,* сам себя разрушающий, так как ни в науке, ни в практике не допускалось, чтобы предметом гражданского дела могла быть память об умершем». Краинский не удивился этим выходкам Квачевского, имев случай по консультации узнать его ближе, узнать его на деле. Он сказал мне, что в консультации — в Киеве существует года два уже консультация поверенных — он потерял всякий кредит. Его письменные заключения признаются ниже критики. Его небрежность дознана. Его собираются устранить от председательства. Я не посоветовал. При посещении Н. П. Забугиным я показал ему образцы адвокатских подвигов Квачевского в подлиннике. Он удивился. Он совершенно одобрил образ моей юридической постановки дела. Я прочел ему свое объяснение: он одобрил его вообще, но отозвался о конце как о подлежащем исключению. В конце я делаю отпор личный Квачевскому: я сам сознаю, что конец ни с существом дела, ни с юриспруденциею не имеет ничего общего, и что по настоящему его следовало бы исключить. Но, во-первых, я не имею времени этим заниматься; во-вторых, необходимо учить морали нравственных скотов. Вот что я говорю в конце своего объяснения в Сенат: «*15.* Принимая во внимание, что приписывание г. Квачевским какого-то заявления об огра-

ждении памяти об умершем Литове, как основании иска, чего нет ни в поданных мною в суд бумагах, ни в его протоколах, совершенно неуместно, и к каким адвокатским приемам, которых мой противник коснулся, относится, я не решаюсь определять,— во всяком случае, ссылка на обстоятельства, к делу не идущие, к каким относится и указание грамматических ошибок в определении суда, едва ли может быть отнесена к адвокатским приемам института присяжных поверенных, и едва ли не должна быть причислена к приемам, которые год от году отходят в область истории; *16.* Принимая во внимание, что, наконец, голословная ссылка г-на Квачевского на науку есть в этом случае признание этого высокого имени всуе, я прошу того-то, и того-то».

15 апреля. 6 ч. веч[ера].

Отосланы письма в ответ: Е. И. Гособову [?] в Пермь, Вакуловскому в С. Петерб[ург], Загоровскому и Тарасову в Ярославль, Сибирякову в Шполу, Симоновскому в Ромны и Фойницкому в Петербург.

Я совсем недомогаю. Почти болен. Ем без особенного аппетита. Работаю без охоты, по обязанности, мною самим на себя наложеною.

И вот неприятности изнутри, извне. Сижу — и пишу письма. Является архитектор Николаев. Говорит: «Паув подала на Вас опять жалобу в управу за то, что не устроил брандмауер». Это уже четвертая жалоба. Архитектор прислан освидетельствовать от управы. Говорю: «Договорил каменщика. Хлопочу о покупке кирпича. Но ведь у дверей праздник. Брандмауер устрою после праздника». Нельзя наступать на душу. Не знаю, какую операцию предпримут управские интриганы вместе с соседскою сутягою. Благо отечественной общественности.

Странный я человек: охота смертная действовать, участвовать в общественных делах, а как трепку мне зададут, я и раскисну, и руки опущу и хожу мокрой курицей. В прошедший четверг Эйсман с К° меня отделал, что называется, в Думе: во-первых, нашел в моем отдельном мнении нечто укорительное, во-вторых, раскритиковал сильно и опровергал много устами своих клевретов — Митюкова и Сидоренка, и в-третьих, с Думою верхом постановил оставить мое отдельное мнение об исключении Цуккермана из числа гласных без последствий. Меня таки сильно бросило в пот, когда мне пришлось выслушать все их нападки и в конце такое пренебрежение к моему мнению, что не признано даже возможным приобщить мое мнение к протоколу. Эта выходка Думы напоминает мне другую выходку — выходку университетского состава по делу Модестова, мнение мое отдельное и тогда, как и теперь, не благоволили принять. Но оно было принято высшими властями, и вследствие моего мнения избрание Иконникова кастровано.

А все же, так или сяк, а я хожу с расстроенным желудком и с раной в сердце. Нет, не имею я тех железных нервов, которые необходимы для упорной борьбы. В сущности я не так страшен, как меня малюют. Во всяком случае я на 99 % женоподобнее, чем моя соседка Паув. А право, эта женщина небезопасная. Когда в прошлом году случился в ее дворе пожар, о причине такового мелькнули недобрые слухи. Христос ее знает. Она высматривает исподлобья, как высматривают женщины, слывущие у народа за ведьм.

20 апр[еля]. В первый день Пасхи. В 10 ч. веч[ера].

Посланы письма в ответ: Матвееву в Петерб[ург], Грабарь в Ромны, Симиренковой в Городище и Бел[окриц]-Котляревскому в город.

На днях я получил письмо от А. П. Матвеева, чиновника за обер-прокурорским столом, писателя по обычному праву. Он еще в большей степени, чем Фойницкий, обобрал Ефименка, выдав его программу под своим именем. Он, зная кошка чье сало съела, пишет мне, что ему Фойницкий передавал о том, что наши недоразумения улажены. На это я ему написал в письме, которое мною пока не послано: «Вы пишете о моем разногласии с Ив[аном] Як[овлевичем] Фойницким и называете его прискорбным. Я в давних приязненных отношениях, которого я искренно уважаю за его дарования, за его дружелюбный характер. Но мы с ним находимся в тех моральных отношениях, которые исключают криводушие в угоду приязни. И вот я написал, что программа, изданная под его именем, есть работа столько же его, сколько и П. С. Ефименка. У нас произошел обмен мыслей следующего с моей стороны содержания.

Положение, высказанное мною, есть факт. Но возьмите на себя исправление этого недосмотра в печати и в комиссии. Я отнюдь не охотник крутой постановки вопроса в печати, даже прошу Вас, уладьте это дело к общему удовольствию и не доводите его до крайности, до постановки его ребром. Тем паче, не ожесточайте личных отношений.

Что в конце концов выйдет, я не знаю. Надеюсь на мирный исход и на то, что разногласие делу не повредит. С своей же стороны, я считал своим долгом сделать то, что сделал по отношению к восстановлению степени участия Петра Савича в труде составления программы. Восстановить права этого почтенного человека я считал долгом совести: и я, и Вы, и Иван Яковл[евич], и Николай Васильевич, и все остальные, мы люди ранговые, поставленные одни выше, другие ниже, и т. д., но все же более или менее в благоприятные обстоятельства. Не то Ефименко: за ошибки молодости, если только были таковые, он до сих пор гоним и должен переходить из града в град, ища, где бы главу приклонить. Воздадим же хоть мы ему должное. Поистине должно сказать, что в деле разработки обычного права он заслуженнее многих новичков в этого рода работах. И если не оценим его мы, оценит история. Она же произнесет свой приговор и о степени участия его в составлении программы, как бы современность не заштукатурила этого участия».

Письмо слишком умеренное и по тону, и по содержанию. И тем не менее я его не пошлю. Эти грабители меня заедят. Я поверял программу, напечатанную под именем Фойницкого, с черновою рукописью программы Ефименка и вынес положительное убеждение, что большая часть так называемой программы Фойницкого занята из печатной программы Ефименка. Причем Фойницкий не только не упомянул о сем, но еще в предисловии самым решительным образом раскритиковал ефименкову программу, раскланявшись прелюбезно со мною, человеком более сильным по положению, чем Ефименко. Я не сличал программу по гражданскому праву, напечатанную под именем Матвеева, с черновою программою Ефименкова. Но сам Ефименко жаловался мне, что Матвеев еще наглее обобрал его, чем Фойницкий. И вот этот лицемер Матвеев пишет мне, как ему прискорбно разногласие мое с Фойницким, а также о том, что, по сообщениям Ф[ойницкого], это разногласие улажено. Еще бы не прискорбно. Оно ему самому глаза колет. Еще бы не желательно ему, чтобы разногласие уладилось. Они бы желали, чтобы

факт их оббирательства был обойден. Для них желательно его замазать. И они этого достигнут. Еще я же окажусь, пожалуй, неправ, или если не то, в таком разе они больно меня укусят, воровским образом. И в самом [деле], как я смел нарушить их покой? Как я дерзнул обнаружить их проделку? А я, измученный, истерзанный извне и извнутри, вечно сомневающийся в самом себе, я не решаюсь бросить в глаза им крылатое слово. И к чему в самом деле борьба? На потеху черни пропростодушной? На радость моим врагам? На отнятие у меня драгоценного времени? Довольно и того, что я заявил: я исполнил долг совести. Пусть будет, что будет. С людьми они уладят. С событиями никогда.

Тогда же.

Мне пришла идея написать сочинение под заглавием: «Смерть и воскресение Христа». Под смертию я разумею самое наглое искажение его учения, которое совершалось и совершается теми, которые бы сто раз его распяли, если бы он в настоящем своем виде появился среди них. Под воскресением Христа я разумею постепенное возрождение его учения в новые и новейшие времена.

21 апр[еля]. 10 ч. утра.

Третьего дня посетил меня А. А. Котляревский. Принес 3-й том сочинений покойного М. А. Максимовича. Сей том издан под его редакциею. Зашла речь о выборе Феофилактова. Говорит, что пред выборами кормил братию на своих вечерах. После выборов прихлебатели отправились тотчас же к нему. Ужин. Шампанское. Речи. Говорили речи Бец и Славатинский. Эти те же самые господа, которые в 1868/9 году сильно агитировали против Феофилактова, в особенности Бец, который стоял тогда за Головкинского. И вот тот самый человек, которого двенадцать лет тому назад выпирали коленом из у-та, который был тогда в полупрезрении, которого иначе не называли, как Феофилашка, о котором Сквозной Ветерок иначе не отзывался, как с пренебрежением, против которого большинство стояло дыбом,— тот самый человек ныне стал первым, излюбленным, дорогим Константином Матвеевичем, пред которым хотя б и в шутку один из коллегии назвал всех остальных своих товарищей сволочью, по поводу выбора которого в ректоры раздались рукоплескания.

Зашел я в Вербную субботу к Антоновичу, бывшему попечителю, чтобы проститься с ним. Зашла речь о выборе ректора, о Феофилактове. Он тоже, хотя очень сдержано, изъявил удивление такой перемене. Говорит: «Я уже ничему не удивляюсь. Но все же не могу не обратить внимание на следующее обстоятельство. Когда я был назначен попечителем, в 1868 г., в числе первых дел, которые проходили чрез мои руки было дело о забаллотировании Феофилактова. Я тогда же, по просьбе Матвеева, писал министру. Ему тогда что-то дали, какую-то награду, кажется, чин действительного статского советника». Я и говорю: «Двенадцать лет не прошли даром для Феофилактова, он усиленно ходатайствовал за себя». Вспомнил я при сем случае, что он кормил пред выборами ученую братию, так свидетельствует Котляревский. Вспомнил я также, что о нем прежде иначе и не говорили, как о человеке, который без мыла куда-то... лезет. Вспомнил я также общий уровень морали ученой братии. Вспомнил и подумал: что так, а не иначе должно было случиться.

А кормленье зверей высоко занимательный обычай, практикующий

среди ученой братии. Его в больших размерах применял А. П. Матвеев. Первое четырехлетие своего ректорства он чрез каждые две недели кормил братию. Перестал быть ректором, перестал кормить. Затем незадолго пред выборами вторыми возобновил кормление. Опять его выбрали. Продолжал кормить, хотя и не столь усердно. С выбором Бунге опять звери потеряли кормление. Но поразительнее всего вышло кормление пред последним его ректорством. Открыл кормление. Был крайне назойлив в приглашениях. Напечатал печатные адресы на конвертах. Расписывал в приглашениях: «С глубоким почтением», даже мне, которого в других случаях готов в ложке воды утопить. Этот период кормления упадает на первый год его женитьбы, его, 60-летнего старика, на 20-летней девушке, которая в звании жены его ныне оставила. И вот кормил, пока выбрали. Как только выбрали, тотчас перестал кормить. Вероятно, был убежден, что то были его последние выборы. Ныне на выборах он получил итого три белых. Справедливость требует прибавить, что на сем корме и я бывал: сначала в звании приват-доцента, когда Матвеев держал себя вообще добропорядочно, а в последнее время вследствие крайней его назойливости, из приличия, чтобы отплатить визит его с женою.

Котляревский говорит, что пустил было в ход корм доктор Шварц, из жидов, практикант низшей руки, который хочет проникнуть в профессуру. Котляревский уже разделял профессоров на две категории: на обедающих у Шварца и не обедающих. Прослышал — перестал. Кормил исправно Рахманинов. И добился. И неизменный декан, и постоянный проректор и чуть не попал в ректоры. Если, мов, кормишь, мы и знаем, что ты нам заискиваешь; мы тебя и выберем. Да и душа то не тряпка, живое тело. Удовлетворил мамону — она и влияет на расположение духа и на благорасположение. Конечно, и кормить то нужно умеючи. Но никогда не следует забывать стиха поэта:

Да и кому... не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы? [26]

Прощаясь с Антоновичем, я сказал: «Благодарю Вас за все и за то, что вы защищали меня от нападок «черного кабинета».

— Ну, уж я не знаю, откуда брались на Вас доносы.

— А знаете ли,— говорю я — я хотел недели две-три тому назад быть у Вас и попросить, дозволить мне перечитать доносы о мне. Но после подумал: нет, зачем я стану беспокоить.

— Отчего же? Я готов и теперь доставить Вам возможность. Постараюсь взять дело из канцелярии. Тогда пришлю Вам записку.

Поцеловавшись, распрощались.

22 апр[еля]. В 1/2 10 ч. утра.

От умственной и нравственной усталости читаю комедии Островского. Писатель не глубокий, но разнообразный. Тяп да ляп,— вот и характер. Злости мало. Изобразительности тоже. Отчеканки характеров еще меньше. Однако ж, писатель не из дюжинных. Много наблюдательности, много ума. На сцене должен быть эффектнее, чем в чтении.

Вчера читал комедию «На всякого мудреца довольно простоты». Центр комедии — Глумов. Он играет две роли: одну в действительности, другую в дневнике. В действительности надевает маску тех добродетелей и пороков, какие нужны тем лицам, в которых он нуждается. В дневнике он всех тех, с кем имеет дело, изображает в настоящем

виде. Все это было бы хорошо, если бы сам Глумов не был плут, мошенник и глубоко безнравственный человек. Развязка — похищение его дневника престарелою дамою, в которую он прикидывался влюбленным, и разоблачение его в той компании, в которой он играл роли.

Чтение этой комедии вдруг стало в моем уме вызывать сцены, какие возможны были бы, если бы мой дневник был захвачен полициею. Конечно, я не Глумов. Конечно, я не играю роль подлого, низкого лицемера. Конечно, я не затеваю афер, дел и делишек, которые затевает Глумов, для обработки своих планов, чтобы удовлетворить своим низким страстям. Но представьте же себе, если бы «черному кабинету» пришлось расфантазироваться до того, что он меня бы слапал и захватил бы мой дневник. И вот сам наистарший из здешних Чертков, пред которым я снимаю почтительно шапку, читает в моем дневнике «лестные» о себе отзывы. Мои товарищи, мои знакомые, с которыми я встречаюсь и не могу не встречаться, с которыми я беседую самым смирным человеком, самым, что называется, житейским образом, без философии и освящения принципами, и вдруг читают то мнение, которое я о них здесь высказываю. Вчера был у меня Квачевский. Я должен буду быть у него сегодня. Встречаемся как ни в чем не бывало. Беседуем как обыкновенно. А отзыв мой о нем записан в дневнике. Вот тебе некоторого рода и глумовщина. Да, у каждого человека есть большая или меньшая доля глумовщины: у одного глумовщина бездельническая, у другого добропорядочная. В миру господствует более первая. А мое болезненное воображение много рисовало сегодня сцен на тему похищения моего дневника и чтения каждым из тех, о ком я упоминаю. На эту тему можно бы создать драму. Только бы дарование.

23 апр[еля]. В 2 ч. дня.

Написал письмо Муромцеву в ответ на письмо редакции. Не послал. Написал его слишком льстивым. Заменил официальным ответом в редакцию.

Нет сомнения, я натура, в которой впечатления отражаются и рефлектируют болезненно. Я отчасти маниак. Я составляю переход к тем субъектам, которые страдают душевным расстройством. К ним я не принадлежу. Но у меня есть душевные страдания подобно тому, как например, есть субъекты, страдающие всю жизнь катаром, геморроем, болью в спине. С этими болезнями живут долго. Так и я с моими душевными ранами.

Вчера я выхожу от протоирея Лебединцева: отдавал ему визит. Какой-то военный кланяется и называет меня по имени. Не узнал. Напомнил о себе: «Зайковский». Когда-то встречался часто по делам конкурса Красовской. Товарищ, притом Шаумана, моего родственника.

— Где были, что делали?

— Ходил в Болгарию, воевал с турками.

— Прекрасно; очень рад, что не сидели без места. Вы как будто поправились, раздобрели. Да подвизались вы, военные, там подвигом добрым. Жалко, что некоторые из вас подвиги военные запятнали душением граждан. Таков Тотлебен — душитель. Позор его имени эти одесские казни Лизогуба и других. Душите, если уж нужно, убийц Гейкинга, Мезенцова, покушителей — Соловьева, Гартмана. Но в том то дело. Душители душат таких невинных, или маловиновных людей, как Лизогуб, как Розовский, а настоящих-то преступников и не в состоянии захватить.

С этим мы расстались.

Просыпаюсь утром 22-го, а у меня уже стоит и разыгрывается мысль: а что, если извозчик шпион, инсинуатор, несчастный приверженец слова и дела, а что если он хвать и донесет жандармерии, что вот, мов, что и что он слышал от господина, которого возил в такие-то дома. И пошла фантазия работать и создавать разные сцены, в которых настоящий дневник играл главную роль. Так нередко я просыпаюсь уже с готовою болезненною мыслию в голове, с готовым впечатлением. А болезненная мысль о доносе есть мысль человека, родившегося и воспитавшегося в царстве рабства и деспотизма.

24 апр[еля]. 10 ч. утра.

Посланы письма: брату Николаю, Сибирякову, Люце, Мацкевичу и в редакцию «Юрид[ического] вестн[ика]».

Вчера — шасть — появляется в моем кабинете К. М. Феофилактов, наш новый ректор. Не ждал. Беседа о том, о сем, а больше ни о чем. Впрочем, сообщил новость: настоятельные слухи о предстоящей смене министра просвещения Д. А. Толстого. Эти слухи передавал мне на второй день Лебединцев. Феофилактов молит Бога о смене Толстого. Таково положение Толстого в России. Самые прихлебатели его желают его смены. Эти хоть кому, однако ж изменят. Поживем — увидим.

А. Д. Юркевич передает: посетил он праздником семейство Истомина — купца. Два сына его, ныне кончившие курс у-та, ученики нашего педагога. Сидя, беседу ведут. Как вдруг влазит Н. К. Ренненкампф: визит делает купцу Истомину, наш купец гласный Киевской думы и не без влияния в своем темном царстве. Посидел, перекинулся несколькими словами — и ушел. Купец и говорит: «Я с визитом у Ренненкампфа не был; к чему он лазит. Поверьте, не из-за проста. Что-нибудь затевает». Таково мнение о профессоре Киевского университета. Впрочем, это мнение то, которое Глумов записывает в свой дневник. А я видел Истомина в обращении с Ренн[енкампфом]. Там он, Глумов,— действующий. Юркевич высказал в купеческой семье следующее мнение, которое он часто повторяет: есть люди тупые по уму и даже идиоты; но есть и такие, которых природа в умственном отношении не обидела, но которые от природы лишены совести и нравственного чувства,— люди тупые или идиоты в нравственном отношении. К числу подобных субъектов принадлежит и Ренненкампф.

24 апр[еля]. 11 ч. утра.

Написал от имени старухи Волковой письмо Лорис-Меликову. Старуха просит о возвращении ее невестки Христины, жены Федора, о котором я писал, в Нежин. Она, после бегства своего мужа за границу, сослана с двумя малолетними детьми в Вятку, сослана административным порядком.

Посетила меня старуха Орфанова: рассказывает, что сына ее, Михаила, уже два раза в течение этого года по политич[еским] причинам хватали, сажали в тюрьму и затем выпускали, без объяснения причин. Хорошо еще, что сим отделался. А если бы сослали не в столь отдаленные. Она же передавала, что ее посещает полоумная священница, по фамилии Ефромова. Тронулась с тех пор, как сына сослали в каторгу за политическую пропаганду. Эта тронутая избрала иной путь ходатайства. Она нарочно пришла в Киев, чтобы молить киевских угодни-

ков о заступничестве. Конечно, сих угодников чтит и Чертков, и с К°, и Лорис, и все правительственники. Но мертвые и сухие имена — останутся таковыми. А правительственное лицемерие останется при себе. Сплетение фантазии и лжи, лицемерия и жестокости, убогой простоты — sancta simplicitas — и задуманного ехидства. Позднейшему мыслителю придется много поработать еще над анализом природы человеческой и определить удельный вес и составные части так называемой морали и религии человеческой. Насколько мораль бывает моральна, насколько вера и религия бывают верны и религиозны. Мне, кажется, диким противоречием между религией милосердия и ее обстановкою, когда вокруг церкви стоит парад — люди вооруженные ружьями, военные, дышащие чувством физической силы. О, лицемерие и фарисейство!

24 апр[еля]. 8 ч. вечера.

Ко мне уже обращалось четыре семейства или за советом, или с просьбой написать прошение об облегчении участи невинно, без суда и права сосланных в отдаленные губ[ернии] или в Сибирь. Сколько семейств пораженных подобным бедствием, результатом нашей болезненной и уродливой общественности. В «Русском курьере»[27] (№ 107) сообщают следующие сведения: *а)* начальник Верх[овной] распоряд[ительной] комиссии (Лорис-Меликов) приказал приступить к пересмотру документов, касающихся лиц, состоящих под надзором полиции и содержащихся в тюрьме; *б)* число лиц, которые будут освобождены Верховной угол[овной] комиссией от политического надзора, определяется в 6000 чел. Очевидно, Лорис усиливается дать другое направление внутренней политике. Правительство наступило коленом на грудь русскому обществу. Он хочет отодвинуть это колено. Но говорят, будто сам Лорис не прочно стоит, что вокруг него бушует придворная и министерская интрига. Говорят, будто он в самом начале настаивал на увольнении Толстого, но не имел успеха, что интриганы подобные Толстому роют ему яму. Конечно, все это слухи, сменяющиеся другими им подобными, вроде настоятельных слухов, вновь возникших, о смене Толстого. И то и другое в нашем положении проверить невозможно.

Посетил меня Житецкий. Только что возвратился из Петербурга. Был принят и выслушан разными генералами, вроде Исакова и Дрентельна. Но из разговоров с ними он не вынес твердого убеждения, чтобы захотели оставить его в Киеве. В Петербург зовут его с удовольствием. Но как же можно с их точки зрения украинофила оставлять в Киеве?

Получил обстоятельное письмо от отца Иоанна Радионова, благочинного, живущего около Иркутска. Он прислал мне целое дело Кудынской степной думы и разные выписки из дел, до сибирских инородцев относящихся.

Между прочим, он сообщает следующее распоряжение, сделанное в 1815 р. иркутским губернат[ором] Трескиным по случаю голодовки: «Продолжающиеся в здешней губ[ернии] сряду четвертый год слабые урожаи в хлебе требовали от начальства неусыпного попечения и необыкновенных мер к избавлению жителей не токмо отдаленных, но и ближайших мест от совершенного голода. Стечение в сии несчастные годы многоразличных и труднейших обстоятельств и преодоление их, казавшееся невозможным, надлежит с благоговейным благодарением приписать особому Божескому руководству и милосердию.

Но столь продолжительное и постепенное истощение житниц, общий недостаток и дороговизна в хлебе и разорение, какому подверглись в сие время многие из земледельцев, *являя следствие прогневления милосердия Божия,* пробуждают от усыпления к молитве пред святым престолом его об отвращении гнева.

В сем благоговейном исповедании гнева и благости Божией, я убеждаю сим все сословия, наипаче же земледельцев, к трезвой, трудолюбивой, и добродетельной жизни, *к усердной молитве подателю всех благ и к неленостному хождению в храмы Божии, где, по просьбе моей* к архипастырю нашему преосвященному Михаилу, во все воскресные и праздничные дни *отправляемо будет молебствие об избавлении от всякого недорода и о даровании обилия плодов земных; а в самом Иркутске вместо молебна будут приносимы те же прошения в чтениях и молитвах с коленопреклонением ежегодно на литургии».*

Отец Радионов делает следующее замечание о нашем времени: «В настоящие дни 1880 г. Иркутский округ (письмо его от 26 февр[аля]) терпит *страшную голодовку,* хлеб ржаной 3 руб. 50 коп., некоторые буквально мрут с голоду; скот начинает гибнуть от бескормицы; но подобного воззвания теперь пестом не выбьем от нашего начальства».

Наивный отец, не шутя, верит в то, что во время голода к числу забот администрации, забот клонящихся к уменьшению и предотвращению бедствий голода, должны принадлежать распоряжения об общественной молитве и приглашении населения увеличить количество молений. Пройдут века и эти молитвы, как меры против голодовок, будут и старым и малым, и ученым и неученым признаны признаком религиозных галюцинаций, которые ныне имеют значение чуть не догматов. Эти молитвы в подобных случаях суть проявление беспомощности низко стоящего в умственном развитии человека. Настанет время, когда они сделаются предметом насмешки, стародавним обычаем, при имени которого каждый будет пожимать плечами, говоря: «Удивляюсь, как такая нелепость могла быть достоянием умственного развития целого народа».

25 апр[еля]. 1/2 10 ч. утра.

Я поступил в у-т преподавателем при содействии и покровительстве Демченка и Славатинского. Я всегда остаюсь за это лично, индивидуально им благодарен. Но они хотели большего. Они надеялись, что я буду их послушником во всех отношениях на целую жизнь. Они хотели держать меня в каком-то подчинении, в какой-то тени за собой. Я отвергнул это. Я стал в независимое положение. Я показал, что не могу и не хочу быть их клиентом: ни один из них ни по умственным, ни по нравственным, ни [по] трудовым своим качествам не заслуживает того, чтобы быть центром, около которого можно было бы группироваться. Мораль нашего общества слишком ничтожна. Его нужно учить рельефными поступками. Я и показал, что я не послушник сих господ. Дай мне, однако ж, судьба возможность в сфере индивидуальной быть им полезным, возблагодарить им за частное добро мне ими сделанное.

26 апр[еля]. 1 ч. пополудни.

Спр. 20.

Получил от П. А. Антоновича, уволенного попечителя, записочку следующего содержания: «Если найдете свободную минуту, благоволите, почтеннейший Ал[ександр] Федор[ович], завернуть ко мне сегодня около 11 часов. Душевно уважающий и преданный Вам».

Отправился к нему в назначенный час. Он прочитал мне бумагу,

присланную ему весной 1878 г., в период студенческой истории, Киевским жандармским управлением.

Эта бумага есть ряд доносов и подстрекательств на профессоров и против профессоров и некоторых учителей.

Говорится в ней: а) что студенты положили побить проректора и судей; б) что пока будут сидеть в у-те профессора Хржонщевский, Шкляревский, Лучицкий, Козлов и другие, подстрекательство и возбуждение студентов не прекратятся; в) что есть профессора, которые возбуждают студентов против своих товарищей; г) что в волнениях студентов не мало виноваты приютившиеся в воен[ной] гимн[азии] учителя: Житецкий, Цветковский, Клосовский; д) сто студентов медицинского ф-та увешали венками дверь профессора Лучицкого, который пожертвовал на пострадавших 100 руб., того самого Лучицкого, которого за год пред тем студенты собирались поколотить; е) что, с какого повода замешался профес[сор] Кистяковский в историю волнений студентов по случаю ареста Подольского.

На вопрос мой, насколько справедливы слухи об увольнении Толстого в отставку, Антонович указал мне на «Киевля[нина]» в котором перепечатан из «Правит[ельственного] вестн[ика]» приказ об увольнении Толстого и о назначении на его место Сабурова.

Когда он мне это сообщил, я сказал: «Ну, Россия вздохнет свободнее».

— Не говорите так: Толстой имеет заслугу поднятия образования.

— Я передаю Вам не свое только мнение, а общественное. Каждая мать, каждый отец встретят увольнение с удовольствием и радостию.

Тут я передал ему рассказ, месяц тому назад сообщенный мне одним приезжим из Петербурга, о взрыве радости в клубе, когда пришла весть, что будто Толстой уволен.

Я сказал Антоновичу: «Было бы несчастье, если бы классическая система ныне была отменена, уничтожена. Не за систему возненавидела Россия Толстого, а за способ ее проведения, за дух его управления. Толстой превратил Министерство просвещения в министерство полиции. Он открыл поход против университетов, питая злобу против профессоров. Та бумага, которую написал какой-то шпион и которую вы только что мне прочли, вероятно, с удовольствием была бы подписана самим Толстым: в ней всю вину студенческих волнений взваливают на профессоров».

Кого он поставил во главе ученой части? Георгиевского, человека, который пользуется презрением в ученом и педагогическом мире. У кого он был в послушании? У покойного Леонтьева и еще здравствующего Каткова. Он был тем министром, который открывал свое ухо для дурных внушений и влияний.

При речи о Голубцове — Голубцов креатура Толстого — Антонович сказал: «Я убежден, что он ныне поскакал в Петербург». Я заметил: «Жалко, что вы не дотянули до сегодня». «Да,— он ответил,— как раз за месяц перед сим я был уволен. Вот вы сказали, что нужны новые люди,— я, впрочем, сказал в другом смысле,— я,— говор[ит] Ант[онович],— сказал Георгиевскому, когда он посетил Киев, что для приведения в исполнение данной попечителям инструкции, необходимы иные люди. Нам предписано не стесняться в средствах по отношению к профессорам. Сказано было, что теперь дана вам власть, вы за все и отвечать будете. В силу этой инструкции я должен был бы, наприм[ер], удалить вот, положим, Вас. Я эту инструкцию не считал удобным сред-

ством исправлять зло. Не будь моей защиты, профес[сор] Антонович был бы сослан в Вятку или Архангельск. Когда я спросил генералгуб[ернатора], есть ли улики против Антоновича, он ответил: «Никаких. А если бы они были, он бы сидел на скамье подсудимых. Но ее в городе о нем говорят».

Я долго ему говорил о том участии, которое я принимал в истории Подольского, о своем отношении к студенческому миру, о том, какие я наставления даю студентам на лекциях, о том, что я себя не могу упрекнуть в том, чтобы я когда-нибудь и кому-нибудь из юношества потакал в их мятежнических похотях, но на убеждения их я никогда не покушался.

— Да, но Вас тогда упрекали в том, что Вы предлагали свой дом в поручительство за Подольского.

Я объяснил, как было дело.

— Я,— продолжал он,— делал несколько месяцев тому назад представление о возвращении студентов первой категории в у-т. Ген[ерал]-губ[ернатор] Чертков изъявил согласие на возвращение 25-ти. Относительно 14 остальных воспротивился министр Толстой, не уважил нашего представленія.

Прощаясь, я ему сказал: «Глубоко Вам благодарен за Вашу защиту меня от нападок «черного кабинета». Верьте: Вы не ошиблись. Я человек с известным убеждением, которых не выбьют из меня никакие обстоятельства. Но вместе с тем я человек преданный мирному прогрессу, я стою за основные основы общественности, я друг прогресса и враг анархии, деспотизма и тирании».

Возвратившись домой, я встретил уже поздравления с увольнением Толстого от Саши и от Людмилы Павл[овны], жены брата Василия.

26 апреля. 8 ч. вечера.

Беседуя с Антоновичем, я ему говорил: «Профессоров обвиняют в том, что они дурно влияют на студентов. Это наглая ложь. Это нелепость. Профессора ни с кафедры, ни в частной беседе никогда студентам не внушают мятежнических мыслей: за это можно ручаться. Но им приходится с кафедры излагать такие теории, которые не похожи на казенные. Но как же быть иначе? Не могут же они быть лжецами. Со времени Петра Россия учится у Европы. До сих пор нас для приготовления к профессорскому званию посылают учиться в европейские у-ты. Следовательно, мы, профессора, не можем не передавать результатов европейской науки. Правительству нужно быть последовательным. Если оно считает эти теории вредными, пусть оно посылает молодых людей в Китай, учиться там китайской неподвижности, или вообще на Восток, а не на Запад. Одно из двух: желаете просвещения, посылаете на Запад. Учится молодежь, не карайте же за плод этого учения. А если вам плоды учения не нравятся, тогда примите другую систему. Тогда и посмотрим.

Вот вы сказали, что, в силу инструкции, вы могли бы меня уволить. Уволить профессора и легко, и трудно. Легко, если правительство действует очертя голову. Трудно, если оно действует осторожно. Профессор не канцелярский чиновник. Его не создадите почерком пера. Да и у него есть свои глубокие корни».

Антонович на мои речи больше отмалчивался, лупал очами. Он человек дела, а не слова. Молчание его добродетель. Антонович в своем роде человек достойный внимания истории. По Московскому у-ту он

современник Искандера-Герцена. Он сам испытал политическое гонение ради Христа. Будучи студентом, он был схвачен, содержим в каземате, судим и осужден на отдачу в солдаты на Кавказ. За что бы вы думали? За то, что он, зная о составлении студентом Сунгуровым проекта конституции, не донес о сем правительству. Итак, он за то, что не сделал подлости, был осужден на отдачу в солдаты. Шесть лет он пер лямку солдата, пока не выбился на торную дорогу. В Крымскую кампанию он появляется керч[ь]-еникальским градоначальником. Позже он был назначен одесским градоначальником. Затем переведен был на Бессарабское губернаторство. Отсюда в 1867 г. он назначен был попечителем Киевского учебного округа. Не этою ли судьбою объясняется то, что он, во все пребывание свое попечителем, обнаружил полнейшее отвращение к полицейскому вынюхиванию и ко всему, что напоминало бы какое бы то ни было родство с приемами «черного кабинета».

27 апреля. 9 ч. утра.

Прощаясь с Антоновичем, я сказал ему: «Дай Бог, чтобы наша отчизна вышла из того переходного состояния, в которое она ныне поставлена. И я верю, что она выйдет. Необходимо довершить постройку здания. Крепостное право отменено, пусть отменят и остальную половину его — крепостное право политическое. Его отменить можно только конституциею. Конституция избавит нас от унизительного положения — подвергаться шпионническим доносам 3-го Отделения». При этом я указал на толстое дело, лежащее на столе у Антоновича, дело, в котором заключался и знаменитый донос, прочитанный им мне. В этом доносе проводится мысль, что виною студенческих волнений — профессора, что кассы, библиотеки, столовые привели к волнениям 1878 г.

Из разговора с Антоновичем я вынес убеждение, что он ушел со службы вследствие того, что он сам не обнаруживал ревности в исполнении новых правил университетских, и его не считали способным проводить их в жизнь со всею искренностию. Он сказал: «Разве можно честно исполнять эти правила?» А я заметил: «Могу Вас уверить, что с тех пор, как введена инспектура, число студентов, посещающих лекции, уменьшилось. А эти правила изданы с целию заставить студентов посещать исправно лекции. Затем правила эти превратились в пустую формальность: в них души нет. Да и вдохнуть в них душу, это значило бы произвесть целую революцию».

27 апр[еля]. В 10 ч. утра.

Смена министра Толстого — дело рук Лорис-Меликова. С самого момента назначения его диктатором разнеслась и в печати, и устно молва, что он стал настаивать на увольнении Толстого. В печати и в обществе давно стояла, дебатировалась и принята следующая мысль: Толстой в значительной степени виновник русского радикализма и русской кинжальщины. Своими крутыми и неразумными распоряжениями он способствовал тому, что из гимназий было выбрасываемо огромное число недоучившейся молодежи, которая, не имея дела, бросилась в революцию. Он же запер двери в ун-ты молодежи из духовного звания, стеснив до крайних пределов ход ей и в самом духовном ведомстве. Писали затем, что сделано было распоряжение о собрании статистических сведений о выброшенных из гимназии и недоучившихся. На этом Лорис,

говорят, и доехал Толстого. Толстой назначен был после покушения Каракозова для истребления в учебных заведениях духа, создающего каракозовых. И вот в течение министерской деятельности Толстого появились сотни каракозовых, которые выполнили поистине адские замыслы.

27 апр[еля]. 7 ч. вечера.

Умер Сладковский — чешский патриот, политический деятель и писатель. В 1848 г. он осужден был на смертную казнь за свой образ мыслей и действий политических. Ныне в Чехии собирается подписка на памятник ему и основание школы в память его. Вот характер политических преступлений. Сегодня — виселица и позор, завтра — памятник и слава. Здесь эшафот, а там венки. Одни кричат: «Распни, распни его». Другие провозглашают: «Осанна!» и затем еще позже возведут в сан сына Божия самого Бога.

Посетили меня: Юркевич, Яровой, Данкен, смотритель из Гайсина, Хохлов из Городища, Делюсто, Славатинский, Гнилосыров, смотритель из Канева, Трегубов, учитель коллегии П. Галагана. Все торжествовали увольнение Толстого. Каждый поздравлял друг друга с этим событием. Посетил Панкевич, одесский стипендиат. Речь о Цитовиче и о материях важных. Советовал избрать темою диссертации: «Вознаграждение на вред и убытки, причиняемые преступлением».

После обеда дети просили меня отправиться в рощу Байкову. Я согласился. Отправились все дети, я, Саша, Дебагорий-Мокриевич, учитель детей, и Анна Петровна, живущая у нас на правах то помощницы-хозяйки, то швеи. Дошли до дому Антоновича, сели на скамейке и стали ждать, пока оденутся дети Антоновича, чтобы идти вместе. Борис, Юлий и Саша занялись качелею, подрались и подняли плач.

Тогда я сказал детям: «Я с вами гулять не могу итти. Вы даже в чужих людях не можете воздержаться от драки и от нанесения срама». И с этими словами ушел. Саша меня останавливала, но я не внял ее словам. Борис гнался за мною и ловил, чтобы я вернулся: я сказал ему: «Никогда». Наболело мое сердце. В общественности тревога. Чужие люди тиранят. И приходится глотать пощечины без протеста. И в семье не имеешь покою. Дети вечно доводят меня до досады. Я должен давать уроки. И я им дал. Не подействует, не мое дело. Я исполнил свою обязанность. Учить их другим образом я не имею времени и не умею. Саша с детьми пошла в рощу. Ну, это ее дело.

Была Мацнева с мужем своей сестры. Другая ее сестра сошла с ума. Муж ее не совсем чуждый ее сумашествия. Захватил ее капиталы и не только не отдает их, но и утверждает, что таковых нет. А между тем, у нее было 7 тыс. накануне помешательства. Просили моего юридического совета.

Я забыл сказать, дети, виновники беспорядка, в рощу не были пущены Сашей.

28 апр[еля]. 1/2 11 ч. утра.

Посетили вчера: Краинский, друг, возвратившийся из деревни, и Андрей Данилович, современный Сковорода — философ, искренно мной любимый. С Юркевичем отправился к Житецкому для выслушивания его записки. Записка оказалась исповедью. Замечательна во многих

отношениях. Важный исторический документ для будущего. Вся беседа, которую вел с нами Житецкий, была высоко для меня наставительна. Она раскрыла мне глаза на многие черты киевского украинофильства с Драгомановым во главе. Многое для меня явилось в ином свете. Этот свет пролит беседою Житецкого. Он обещал дать мне снять копию с его исповеди, которую он посылает Исакову.

Событие в семье Житецкого: собака соседей-перехристов покусала и тяжело довольно ранила сына — ребенка, ученика 1-го класса гимн[азии]. Перехристы сохранили жидовскую наглость. Сегодня суд у мирового судьи. Я посоветовал заявить гражданский иск на 300 руб., чтобы покарать наглецов. Жид крещенный, что вор прощенный.

Подробности разговора с Житецким запишу позже. Они слишком важны. Они меня оправдывают в образе моих мыслей и моего поведения. Они характеризуют украинофильство.

Тогда же.

Всякий из интеллигентного класса при встрече поздравляет друг друга с увольнением Толстого. Получил письменное поздравление от Квачевского. Сегодня поздравил меня Ромер, профес[сор]. Говорит: «Предлагал в лектории товарищам отслужить молебен». Я одобрил.

1 ч. дня. 28 апр[еля].

Только что получена телеграмма о назначении Муравьева председателем вновь открываемого Киевск[ого] окружн[ого] суда.

Сабуров не попал. Муравьев, говорят, заявил себя очень хорошо по части 3-го Отделения. Володимиров говорил мне, что он до того был близок к сему Отделению, что имел в нем и стол для занятий. Говорят, что он, в бытность свою ярославским прокурором, сблизился с Шмитом, тогда ярослав[ским] губернатором, а потом и ныне начальником 3-го Отделения. Все эти сведения являются очень вероятными, если взять во внимание то, что Муравьев отправлен был в Париж как юрисконсульт в помощь посольству, когда оно хлопотало о выдаче Гартмана. Передают мнение, что в этом молодом юристе не умер дух Муравьева-вешателя.

Сабуров мягкий и честный в политическом отношении человек. Некогда, в юности, он сам был под надзором полиции. Председательствуя в политических процессах, он вел себя безукоризненно. Так же и в Чигиринском деле. Это пришлось не по нутру 3-му Отделению.

С Муравьевым я познакомился в прошлом году в Петербурге у Фойницкого. Они приятели. Муравьев имеет претензию на ученость: одно время он читал, будучи товарищем прокурора, судопроизводство угол[овное] в Московском у-те.

Посмотрю, как он поведет себя по отношению ко мне. Это любопытно во многих отношениях. Индивидуально только.

29 апр[еля].

Говорят, В. С. Стрельников, прокурор с душою палача, пошатнулся. То душители были в чести, а ныне — в сомнении. Уехал в Петербург, вероятно, для получения инструкций, как превращать преступления, за которые он повесил студента Розовского, в такие, за которые можно определять непродолжительный арест. После повешения Розовского, в Харькове был суд за подобные проступки, окончившийся приговором к непродолжительному аресту.

30 апр[еля]. 12 ч. дня.

Сегодня до 11 час. утра написал десять писем: Новицкому, Белогриц-Котляревскому, киевским, и иногородним: Володимирову, Фойницкому, Безобразову — академику, Матвееву и Ершову в Петербург, Пероговскому в Житомир, Ступину во Владикавказ, и Властелице в Ковель, и Чубинской в Борисполь.

Володимирову я, между прочим, пишу: «Из Киева уехал в Петербург Стрельников-душитель. Он вместе с Слуцким и Ванновским задушил по всем правилам прокурорского искусства двадцатилетнего студента — юношу Розовского. Вся вина этого юноши состояла в том, что в сундуке его отысканы были прокламации, и то ему не принадлежащие. На сем основании тысяч сто русских граждан можно было бы перевешать. Следовало бы учредить передвижную виселицу, вроде передвижной выставки, и пустить с нею работать по целой России Стрельникова-вешателя, Слуцкого, человека с тыквой вместо головы, и Ванновского — генерала, который ради карьеры готов взяться душить собственными руками кого прикажут».

30 апр[еля] и 1 мая.

Вчера разверстался я на меже с соседкою-ябедницею Паув. Она пригласила всю родню свою. Чуть не затеял было спор. Зато ее Миленевский, судебный следователь, которому я пока доверяю, способствовал тому, что дело кончилось миром. Провели границу, поставивши вехи. Гора с плеч. Впрочем, только пока. Ни протокола, ни какого постановления ведь мы не составили. Никто ей не помешает состряпать новую ябеду. По окончании проведения границы я сказал: «Чем грубее и ниже в культуре стоит человек, тем чаще он ведет войны, как выражение его зверской натуры. И наоборот. Возьмите русского человека или европейца лет за 1000 и теперь: разница громадная. Что война в общественном быту, то ссоры соседей в частном. Имей мы друг к другу отношения, этого бы каламута и замешательства не было».

Нового министра просвещения Сабурова я видел лет 13 тому назад в 1867 г. в Петербурге, когда я жил там зиму после моего магистерства. В то время я посещал очень ревностно вновь открытые тогда суды. Докладывалось раз при закрытых дверях дело по обвинению двух братьев Каравели, греков, видно, новые греки не отвыкли от привычек кровных — в мужеложестве. Без доклада председательствующему нельзя было проникнуть в суд. Спасович, защитник одного из братьев, представил меня председательствующему, то был Сабуров, товарищ председателя. Из заседания суда я вынес убеждение, что Сабуров человек умный и дельный. Он с великим достоинством руководил ходом заседания и замечательным мастерством изложил свое председательское заключительное слово. Позже он является в должности товарища обер-прокурора кассационного Сената и затем еще позже — вице-директора департамента Минист[ерства] юстиции. Отсюда он переведен был попечителем Дерптского округа. Ныне ему должно быть приблизительно лет 43—46, 47—48.

Говорят, он по жене близок к семейству наследника и один из людей, группирующихся около сего будущего монарха.

1 мая. 12 ч. утра.

Говорят, Голубцов, назначенный вместо Антоновича, не переедет в Киев. Креатура Толстого должна пасть вместе с Толстым.

В «Голосе» появилась статья, в которой сказано: «Россия пережила три важных освобождения: а) великое освобождение крестьян; б) освобождение Болгарин и в) освобождение от графа Толстого». Характерна для Толстого.

Цитович в своем «Береге» взял под защиту Булюбаша, председателя Кременчугской земской управы и добровольца по части политических инсинуаций, шпионства и доносов. Говорят, будто бы было время, когда он не подавал руки Голубцову, попечителю Одесского округа, т. е. вероятно болтал, что не подает. А ныне он подает, по всей вероятности, калоши Валуеву; говорят, Валуев взял его на откуп. Так или сяк, но то достоверно, что он нанялся охранять ретирадные места российской мысли, по выражению Щедрина. Что ж, в добрый час. России нужны рассудительные мыслители. А ныне приглашен ее спасать человек тронутый, фанатик по уму и мысли, фальшивый и ложный человек.

1 мая. 6 ч. вечера.

Одно из последних сочинений Щедрина-Салтыкова «Убежище Монрепо» есть одно из самых талантливых и глубоких произведений нашего сатирика. Здесь глубоко изображена деятельность современных лихоимцев — русских буржуа, мироедов, эксплуататоров.

Здесь с поразительною резкостию изображена разъедающая наше русское общество язва — шпионство и доносничество. Образ станового Грационова, уже не *куроцапа,* а сердцеведа, есть национальный образ, выражающий привычки и наклонности части русского общества.

«Наружных признаков,— говорит Щедрин, пропащий и [о]голтелый дворянин,— при помощи которых можно было бы сразу отличить благонамеренного от неблагонамеренного,— нет, ожидать поступков — и мешкотно и скучно. А между тем взбудораженный темперамент не дает ни отдыха, ни срока, и все подсказывает: ищи! Пришлось сказать себе, *что в этой крайности имеется один только способ выйти из затруднения — это сердцеведение».*

Явился запрос на сердцеведение — *явились и сердцеведы.* Мало того, явились и помощники сердцеведов из числа охочих людей: *публицисты, кабатчики, мелкие торгаши, старшины, писаря, церковники...*

Вот превосходно характеризующий эту язву общества разговор между Грациановым и пропащим дворянином.

«Встречаются,— говорит пропащий дворянин,— по временам, субъекты, которые намеренно... а, впрочем, большею частью ненамеренно... ускользают от воспитательного воздействия, и, разумеется, навлекают этим на себя гнев... Каким образом, то есть с какою степенью строгости предполагаете вы поступать относительно их?

Я полагаю,— ответил сурово Грацианов,— сих вредных членов отсекать-с.

— Совершенно понимаю. Но ведь для того, чтоб отсечь как следует, необходимо предварительно их уличить...

— Сумеем и это-с.

— Стало быть, вы будете ожидать поступков?

— Не думаю-с.

— Будете читать в сердцах?
— Всенепременно-с».

Иллюстрациею этого места из сатиры Щедрина служит дело Николая Булюбаша, председателя Кременчугской земской управы.

В Кременчуге живут и находятся под надзором правительства три молодые особы: Несвицкий, Клячин и Зеньковская, дочь местного священника.

В ночь с 14 на 15 декабря появились наклеенными на домах прокламации революционного содержания. Булюбаш стал распускать молву, что дельцами этой наклейки были упомянутые лица. Мало того, он говорил об этом местному начальнику жандармерии, судебному следователю и товарищу прокурора. Жандармерия сделала свое дело: обыскивала, допрашивала оговоренных, но ничего не доискала. Тогда, в свою очередь, оговоренные принесли жалобу на Булюбаша. Мировой судья г. Кременчуга присудил его к 6-недельному аресту за клевету. Съезд утвердил этот приговор.

Вот один из добровольцев-сердцеведов, один из помощников грацианових.

Следовало бы Щедрину прибавить: и из земцев.

В Киеве сидит такой доброволец из обывателей, лет 35 управляющийся в доносах, это Юзефович. В Чернигове подвизается на этом поприще Неплюев, губернский предводитель дворянства.

Это все добровольцы-доносчики из земства и обывателей. А вот доносчики-сердцеведы из публицистов: Катков, первый горячо вступился за Булюбаша. В последнее время взял его под свою защиту и продажный экс-профессор Цитович. В Киеве эту роль исполняет Пихно, ставленник Бунге и К°. Катков в поступке Булюбаша усматривает не клевету, а попытку содействовать правительству в борьбе с крамолою, совершенную потому, что он принял к сердцу вызов правительства, возмущен был как честный человек явлениями, позорящими наше Отечество.

Булюбаш хотел запугать судей и заставить их покривить душой ссылкою на то, что дело это перепутано с политическими обстоятельствами, а потому и не подсудно мировому судье, и что его обвинители — люди в политическом отношении неблагонадежные. Не помогло. Не помогло ему и то, что он забегал к Лорису, тогда еще сидевшему на Харьковском генерал-губер[наторстве]. Это муж не очень-то уважает добровольцев-грацианових.

Увидим, что скажет Сенат. Цитович бьет тревогу и является заранее юрисконсультом грациановской деятельности. Пусть его покарает Немезида за то, что он желает удержать русское общество в болоте политического разврата.

1 мая. В 9 ч. вечера.

Только что заседал в факультете: решили ходатайствовать о выдаче Н. И. Хлебникову 1000 руб. Утеха тому, кто должен скоро расстаться с жизнию. Он, впрочем, этого не знает. В фак-те я особенно настаивал, чтоб сделано было это ходатайство.

Из ф-та я прямо зашел к Хлебникову, порадовать. Рад бедняга. Облобызал. Как ум его я не уважаю: он юродив, мелок и ненаучен. Как трудящегося и рабочую силу, я его ценю. Он трудился добросовестно. Он считал своим долгом усовершенствоваться в знаниях. И если бы он не шел по дороге мракобесия, деятельность его была бы на 90 % цен-

нее. Он говорит: «Считал я долгом работать и доказать празднословам, что они умеют только болтать и лицемерить». Да, это верно. Жалко только, что он работал под обветшалым знаменем.

3 мая.

Приехал Голубцов, новый попечитель. Значит, праздно болтали, что он не появится в Киеве. Повестка о явке завтра в час в торжественную залу у-та, где будет взаимное представление. В мундирах, вицмундирах, или фраках, но [в] орденах.

Появился на киевской территории Тарасов, профессор Ярославского лицея. Ищет места, которое опростается за уходом Бунге.

Я был прежде против него. Теперь готов стать за него: на безрыбье и рак рыба, на безлюдье и Фома дворянин. При деятельности Пихна, искателя наживы и приключений, человека без совести и чести, дельца низменного сорта в духе наживы и лихоимства, Иван Трофимович терпим и желателен. При подобных обстоятельствах поступил в наш ф-т Н. И. Хлебников. Я знал отчасти пороки его ума. Но я думал, что пусть лучше шатающийся умственно, но порядочный человек заменит бессовестного человека в нравственном отношении: я разумею Ренненкампфа, который до тех пор читал энциклопедию. Так и теперь, пусть по политическим наукам около Пихна, человека в разуваевском типе, сядет оголтелый дворянин.

9 ч. веч[ера]. 4 мая.

Приказ по армии: явиться в сборную торжественную залу у-та в мундирах, в вицмундирах, или фраках, но во всяком случае в орденах, куда явится вновь назначенный попечитель Голубцов. Так и поступили. Я надел фрак и в первый раз в течение пяти лет орден Станислава 2-й степени. Голубцов — порядочный старик: лет 70 с лишним. Едва ли года на два не старее Антоновича. Явившись, сказал: он желает быть полезным у-ту Св. Владимира. Просит содействия. Желал бы жить в мире и согласии. Потому просит обращаться к нему помимо официальных сношений. Двери его для нас всегда открыты. Каждый из нас в его доме найдет самый радушный прием. С тем и раскланялся.

Вчера Саша отправилась к П. П. Чубинскому: еще раз посетить его. Сегодня утром в 3 ч. была уже в Киевском вокзале. Я встретил ее с четырьмя средними детьми. Чубинский доживает последние дни. Жалкое существование несчастного. Уже парализованы органы глотания: не в состоянии глотать ничего сколько-нибудь твердого, хотя бы размоченной булки. Полутруп. Почти потерял способность двигать ногами даже с чужой помощью. Жизни осталось немного, может, на неделю, на две.

Сегодня опять дети своими ссорами довели меня до досады, расстроили мой внутренний мир окончательно. Целый день хожу как полоумный: буквально болен. Третьего дня Саша сказала, что все замечают, в том числе она и братья, что я делаюсь с каждым годом хуже. Да, они правы. Когда приходится приглашение к обеду знакомого брать с бою, или, по крайней мере, после колких упреков, я не знаю, может ли уцелеть равновесие сил. А я чувствую, что готов его потерять.

Возвращаюсь к разговору Житецкого. Он был весь порицание нынешней деятельности Драгоманова. И беспутно радикален Др[агоманов], и поверхностен, и сборная душа, и эклектик, и даже не особенно церемонен в обращении с чужими деньгами. Слышать все это было для меня крайне удивительно. Выслушавши, я сказал: «Все, что Вы говорите, для меня новость. Я был глубоко убежден, что Вы разделяете все убеждения Драгоманова. В том убеждены и другие. В основании гонений, воздвигнутых на Вас, лежит тоже убеждение. А на деле выходит не то. Знаете, Вы мне никогда не приходили в голову. А Антонович всегда. Зная необыкновенную осторожность, ловкость и опытность Антоновича и видя бестактность, выходки и поверхность Драгоманова, я и в душе, и в разговорах, почти публично упрекал Антоновича в том, что он не сдерживает друга своего, стоит за его спиною, пользуется результатами его деятельности для своего прославления, не разделяя его опасностей. Он мне казался машинистом по отношению к Драгоманову». Это я и высказывал. Так смотрели и смотрят на дело и другие. В ответ на это Житецкий мне сказал: «Ваши мысли и предположения не совсем верны: Антонович его сдерживал. В особенности у него шла живая переписка с Драгомановым в этом духе, когда Антонович в 1875 г. жил в Петербурге, накануне увольнения Др[агоманова]. Я с Драгомановым спорил по целым ночам. Расстались мы пред его отъездом за границу в холодных отношениях».

Так ли это, или нет, Христос их знает. Я их интимных отношений не наблюдал. Да, Житецкий прибавил: «Мы с Антоновичем, что те старые собаки: по привычке бегли за украинофильским возом, на котором сидел Драгоманов. Бесспорно, большинство было на стороне Драгоманова. Оспаривать его влияние было бы и напрасно, и неполитично. Может быть, если бы я был университетский человек, я бы это и сделал».

Из слов его выходит, что Беренштам не совсем доволен теперь Драгомановым, даже по денежным счетам. Какие это счеты, для меня это осталось не выясненным. Но мне показались необыкновенно странными, даже дикими следующие слова Житецкого: «Драгоманов способен себя продать». Я сказал: «Ну, с этим я решительно не согласен. Может быть, Др[агоманов] беспутен в денежных счетах, может быть, он не церемонен в обращении с теми деньгами, которые ему вручают его друзья. Но чтобы он продал себя врагам, никогда этого быть не может».

Ну вот, поймите теперь людей и людские отношения. И это откровенности того самого Житецкого, который в период пущей деятельности в Киеве Др[агоманова] при встрече со мною показывал мне оловянные глаза. Да, человек ложь есть.

Не был ли весь разговор Житецкого теоретическою литературно-бумажною реакциею Житецкого, вследствие того, что он прочел мне в этот вечер свою исповедь, которую он собирался послать Исакову. Эта исповедь построена на умеренном мировоззрении, в ней есть отречение от Драгоманова и от всех дел его. Не перехватил ли в своем разговоре со мною Житецкий только потому, что ему пришлось говорить на тему своей исповеди: стал говорить — и увлекся. Не знаю, не знаю.

5 мая. 9 ч. вечера.

Третьего дня посетил меня наместник лавры: условившись, что я буду присутствовать в [Духовном] соборе, для дачи разъяснения по делу, вытекшему из переплета богослужебных книг. Обещал прислать

лошадей, что сегодня и исполнил. Около двух часов я заседал в Духовном соборе Киев[ской] Печ[ерской] лавры. Установили пункты действия. Тетеруховский, переплетчик, оказался несостоятельным. Его заступает конкурс. Кураторы, крючки и сутяги старых времен.

В то время, когда я выходил, дали знать в соборе, что прибыл новый обер-прокурор св. Синода, Победоносцев. Наместник с экклезиархом и казначеем быстро ушли, чтобы встретить и принять его. Делопроизводитель собора отец Иоанникий изъявил радость по случаю увольнения от обер-прокурорства Толстого. Везде и во всех ведомствах радуются: такова репутация сего деятеля.

Екклезиарх-архимандрит сообщил мне следующий факт, характеризующий с самой дурной стороны Квачевского. Архимандриту-экклезиарху предстояло взыскать с Соврасова 435 руб. Был готовый исполнительный лист. Он поручил, Кв[ачевскому], сей лист и по нему взысканное с уговором вознаградить его 20 или 25 %. Квачевский взыскал с Соврасова 120 руб., остальные же взысканы были трудами самого архимандрита. Квачевский взыскал 120 руб. и ни одной копейки не вручил экклезиарху-архимандриту. То есть удержал всю ту сумму и даже больше, которая ему бы следовала, если бы он произвел все взыскание. Хищник. За такое хищничество выгоняют из сословия присяжных поверенных. Новое доказательство плутовских ухваток этого адвоката. А он еще считается видным деятелем среди присяжных поверенных. Что же прочие?

На прошедшей неделе Гарнич-Гарницкий обрезал на экзамене из химии 20 студентов-медиков первого курса. И это в два комитета. Этим он поставил на дыбы всех 160 студентов первого курса мед[ицинского] факультета.

Они забастовали и не идут на экзамен. Так и до сего дня. Дебагорий-Мокриевич, учитель наших детей, за обедом спрашивает меня, что будет если все студенты 1-го курса м[едицинского] ф[акультета] объявят забастовку экзаменов по всем предметам. Уже ли их оставят на первом курсе? Я ему ответил: «По закону, имеют на это право». Вот готова разыграться новая студенческая история. Творцы: гарничи или им подобные.

Гарнич с своею супругою прославились тем, что прикарманивают часть денег из общественной шкатулки. Гарнич таким поведением ознаменовал себя в деле выдачи сербским добровольцам и в деле снабжения хиною русской армии в Болгарии. В прошлом году эти милые супруги устраивали бал в пользу недостаточных студентов. Все по городу трубили, что они изрядную сумму прикарманили. Они не только этого не опровергли, но напечатали такой отчет, в котором концы спрятаны, хотя честные люди таких отчетов не печатают.

Тогда говорили, и это всем известно, что они выдали 700 руб. в пособие радикалам для сосланных. Ныне они, чтобы отвести глаза общества, бьют по студентам. Для чего? А для того, чтобы сказать в правительственных сферах: «На нас и нашу честность клевещут потому, что мы строги со студентами. Да, эти милые супруги на все готовы и на все способны. Гарнича я наблюдаю давно и убедился, что он ищет покупщика своей души, и, не находя пока покупщика оптом, торгует ею в розницу. Кто знает, распродает ли? Хотя до сих пор малую толику успел заполучить. Это один из руководителей юношества, один из светочей. Неудивительно, если юношество блуждает во тьме и попадает в яму.

Посетил меня Кулишер, молодой ученый из Петербурга. По происхождению, еврей. Взял у меня кучу книг. Говорит: «Намерен приготовляться к экзаменам на магистра государственного права».

Позже явился Ушинский, бывший директор Рубежовской колонии. Просил содействия: теснят его в комитете. Главный зачинщик — Тальберг. Генерал Саранчов, как генерал, хотя и председатель комитета, а ничего не смыслит. Из Бурбонов. Его за нос водит Тальберг. А этот молодой человек из школы Пихно и интриган как есть. Я отказался писать Саранчову, которого я вовсе не уважаю. Обещал писать Чечету, с которым я производил ревизию.

На прошедшей неделе я экзаменовал студентов третьего курса. Меня удивило то, что экзаменующиеся студенты отвечали стоя. Между тем, лет двадцать, как практиковался обычай отвечать в сидячем положении. Когда-то во время нашего студенчества мы отвечали стоя. И вот нынешний декан Демченко ознаменовал свое деканство тем, что отменил старый обычай сиденья и возвратился к более старому обычаю стояния. Мозг атрофирован — и человек не мог ничего более путного изобресть для возвышения студенческой жизни, кроме стояния на экзаменах при ответе. Смешно, если бы не было так грустно.

11 ч. веч[ера]. 5 мая.

Квачевского я считаю одним из самых бессовестных софистов. Он моим именем везде и всегда пользуется для поддержания своего имени и своего хилого авторитета, и в то же время позволил себе в своей речи и в своей ответной бумаге отозваться обо мне с некоторым пренебрежением. Человек искательный, угодливый, когда то ему нужно. Со всеми познакомится. Всякий ему нужен. Ко всем он влезет в дружбу. Правда, он пропитан либерализмом; он враг деспотизма, он не поклонник душителей, он готов стать за прогресс. Но что все это значит, когда душонка мелка, когда внутренней честности ни на грош, когда все его нутро пропитано ядом корысти, похотью где-нибудь схватить что-нибудь. Отец восьмерых детей и полоумной жены. Нужно же промышлять во вся нелегкая. Ух! Как мерзко.

6 мая. 7 ч. утра.

Говорят, так, между прочим, и Кулишер говорит, что Цитович в сношениях с Валуевым, от которого получает вдохновение и разные сведения из официального мира. Рассказы о 100 тыс. преувеличены. Дано тысяч 35 руб. Одним из вкладчиков является Валуев. Есть в числе вкладчиков и какой-то полтавский дворянин.

Цитович напечатал свою полицейскую инсинуацию: «Подпольная и надпольная печать». Он печать разрешенную, легальную уравнивает по неблагонамеренности с печатью запрещенною, контрабандною.

Женевская печать ловко воспользовалась этим доносом Цитовича: она указывает на уподобление, сделанное этим реакционером и продажным экс-профессором, как на доказательство того, что вся русская интеллигенция и ее представитель — печать разделяет образ мыслей русских эмигрантов. Во многом это справедливо. Цитович за свои заслуги получит место за обер-прокурорским столом.

6 мая. 12 ч. вечера.

Сегодня в 11 часов утра явился брат Павел. Приехал из Эривани взять с собою свою семью. Около двух лет, как он оставил Киев. Приятно было свидеться. На Кавказе, в Тифлисе, свой двор. Огромное влияние на дела имеет жена вел[икого] князя Михаила. Этот великий князь со времени управления Кавказом получил в собственность имение Боржом. Ныне оно приносит ему 100 тыс. руб. Со временем будет приносить миллионы. Когда-то Боржомское ущелье принадлежало князьям Аваловым. Они отыскивали свои права судом. Суд им отказал. Еще бы не отказать. Если считать, что Боржом принадлежал казне, вот доказательство расхищения народного достояния правительственниками. Есть на Кавказе абастуманские воды, недалеко от Черного моря, около Аджарии. Все уже готово к тому, чтобы отдать эти воды в собственность дочери вел[икого] князя Михаила, в прошедшем году вышедшей замуж за какого-то немецкого принца.

Многие из народов Кавказа истреблены. Другие прогнаны. Иные племена сами ушли в Турцию. Обнаженные от древнего населения земли розданы чиновникам, в том числе и членам царской фамилии, каков Михаил Николаевич. Особенный вид грабежа народного достояния.

Помимо того, каким путем эти земли добыты, они розданы проходимцам, а народ русский изнывает от недостатка землицы, от безхлебицы и бескормицы. Царский дом себя не забывает: когда присоединен был Амурский край, 400 тыс. десятин было отведено для удельного ведомства.

7 мая. 1/2 7 утра.

Был у Науменка. Пересмотрел старые рукописи, оставшиеся от Максимовича. Нашел одно в высшей степени любопытное в нравоописательном отношении письмо. О нем позже. Написал письмо от имени жены Науменка Лорис-Меликову за брата ее Шульгина. Пришла Саша: возвратились домой.

Скоро пришел Житецкий. Через несколько минут Мамышев с женой. Разговоров было много. Житецкому, кажется, придется уйти из Киева. По рассказам его, возвратившийся с Петербурга Цветковский тоже должен будет оставить Киев. Цветковский привез новости из Петербурга. Конечно, новости, ходячие в петербургской публике. За достоверность ручаться нельзя. Но любопытные и которых нельзя миновать. Говорят, что Маков, министр внутр[енних] дел, нанес последний удар Толстому. Было заседание Совета министров под председательством самого императора. Рассматривали и решали вопрос о предоставлении раскольникам права открывать молельни. Маков, как министр вн[утренних] дел, был за открытие, Толстой, как обер-прокурор св. Синода, против. И хотя мнение Толстого было в меньшинстве, тем не менее оно было принято государем. Продолжают дальше: будто бы Толстой, при выходе и при надевании верхнего платья, громко, хотя и будто бы мимоходом, сказал: «Должно быть, старообрядцам стоило миллионы поднятие этого вопроса». Это дошло до ушей Макова. Маков написал резкое письмо Толстому. А сей дал сдачи. Дошло до сведения царя. Тогда царь в пятницу на Страстной призвал Толстого и сказал: «Ты верный мне слуга, я знаю. Но все против тебя. И даже в моем ближайшем совете. При таком разладе я должен избрать других людей на твое место». Этим разговор и кончился.

В воскресенье, в день Светлого праздника, Толстой явился с поздравлением в группе министров. Церемониймейстеру сказано было, чтобы он предложил Толстому присоединиться к другой группе. Церемониймейстер громогласно провозгласил свое распоряжение и будто бы значительно изменил и переиначил слова распоряжения. Толстой, услышав, побледнел, с ним чуть не случилось удара. Передают, что на Светлую неделю петербуржцы христосовались с таким причитанием: «Толстой долой. Воистину долой».

Мамышев сообщил весть, что в ответ на прошение, поданное Т. И. Симиренко Лорис-Меликову о перемене распоряжения насчет ссылки ее сына в Восточную Сибирь, получено уведомление об отказе.

Необходимо написать Науменку, чтобы он одно выражение в редактированном мною вчера письме смягчил.

7 мая. В 1/2 1 ч. дня.

Утром в половине седьмого часа было 5 градусов тепла, а теперь, в 12 часов,— всего 1 градус. Идет дождь, смешанный со снегом. И это 7 мая, когда все цветет, все зелено, все молодо, все юно, все нуждается в теплоте, в согревании. Этот холод убийствен [ен] для растительности, а вместе с тем косвенно и для животного царства, в том числе и для человека. Если так продержит сутки, двое, то быть беде. В истекающем году были недород, дороговизна, бескормица скота и по местам голодовки. В наступающем году, если морозы прибьют растительность, можно бояться настоящего голода. Говорят, промысел управляет миром и родом человеческим. Промысел управляет, только не тот, по вине которого 7 прошедшего апреля было 25° тепла, а 7 нынешнего мая 1° и которому правят молебны о ниспослания дождя и благорастворения воздухов, а тот, который ведет мир по непреложным законам, причем, ему ничего не стоит выморить голодом целую Индию. За этот промысл как ненамеренный не обидно; он не ответственен. За тот промысл, который намеренно, не из сего не из того, морит человечество и голодом, и холодом, болезнями, при возможности этого не делать, больно; это промысел вменяемый, подлежащий суду и приговору.

7 мая. 3 ч. дня.

Когда я встал, то в 1/2 7 часа кухарка доложила, что дворник Грицко ушел со двора в 9 ч. вечера и до сих пор нет его. Я встревожился: пошло мое воображение писать разные истории. В 8 часов Параска — горничная, посланная к Саську, возвратившись, говорит: «Полицейский ведет Грицка». Оказалось, что он просидел в кутузке. Товарищ пригласил зайти в кабак выпить. Выпили. Потом зашли к прекрасному полу. Товарищ за дебоши был арестован. Арестовали за компанию и Грицка: ведь свобода русского человека, да и еще простеца, гроша медного не стоит. В арестантской сидящие жулики в довершение еще посчитали ребра за то, что он не дал выкупа. Плачет. Совестится. Не хотел явиться ко мне на глаза. Успокоил. Солдат повел его с видом; чрез 3/4 часа он потом возвратился.

В 10 ч. утра заседание факультета. Постановили возвесть Н. Х. Бунге за важные ученые заслуги в звание почетного члена нашего у-та и о том ходатайствовать пред советом. Прежде оставления у-та это большая честь. Возражений, конечно, не было. Я бы сказал, что Бунге скорее следовало возвесть в почетные члены у-та не за важные ученые за-

слуги, а за долговременную педагогическую и административную деятельность. Как ученый он крайне ординарен, компилятивен и несамостоятелен. Как педагог он был прилежный, трудолюбивый и усердный человек. Он создал школу и давал ход молодым людям. К сожалению, настоящая школа его состоит из дельцов скверного закала, каковы Ренненкампф, Сидоренко и Пихно. Это настоящие его ученики, которыми он может гордиться. Он покровительствовал Цехановецкого и Зибера. Оба они пошли по иной дороге. Первый прекраснодушен и с добрыми намерениями, но как ученый погружен в спячку. Зибер случайно ушел в радикалы, но, кажется, по натуре не таковым. Оба они, впрочем, добропорядочные люди, и подлостей за ними не водится. Как администратор Бунге имеет большие заслуги, хотя больше с внешней стороны — он выше других работавших об руку администраторов и трудолюбив, а не с внутренней. Дипломат и делец старой школы.

Само собою разумеется, что если его сравнивать с Митюковым и tutti quanti; то он пред этими ничтожествами, умевшими промышлять хитростию и коварством и 35 лет на профессуре занимавшихся безделием, вполне заслуживает того, чтобы быть избранным почетным членом. Неглубокий, непринципиальный человек, но трудолюбивый, незлой и с некоторыми хорошими правилами, он человек заслуги. Вот почему я присоединяю свой голос к его возведению в почетные члены. Внутренне я его высоко не ценю. Но если бы я был министром, я все-таки при выходе его в отставку дал бы ему чин, орден, особый знак отличия за постоянство и трудолюбие. Не будучи таковым, я подал свой голос за оказание ему указанной почести, сохраняя мое мнение о нем.

8 мая. 6 ч. вечера.

Вот то интересное письмо, которое я отыскал в бумагах Максимовича. Архимандрит-ректор (должно быть, Астраханской семинарии — письмо помечено: Астрахань) Парфений пишет другому отцу архимандриту и ректору, можно полагать, полтавскому, между прочим, следующее: «Но вся сия оставив и припоручив себя во всяком случае Божию промыслу, прошу Вашего отческого новобрачным детям моим благословения. Я Андрея своего безматерного женил на безотцовской дочери. Был здесь некто майорского чина обер-провиантмейстер Тимофей Никитич Смагин, он по смерти своей оставил жену-старуху и одну дочь, жительство имел он за 30 верст от Астрахани в Красном Яру в Приморской крепости; на вышесказанной вдовы дочери Агриппине Тимофеевне мой сын женился, *в приданное получил дом со всею меблью и со всеми к тому принадлежностями, сад яблоневый и виноградный изрядный, скота рогатого и лошадей равнопольно 50 штук, людей мужеска пола 10 душ, да 9 женска.* Благодарение Богу». Итак, служитель Бога Вышняго, Бога христианского воздает хвалу своему Богу за то, что его сын получил 19 душ людей в приданное. И это называется христианская религия. И эта церковь, в которой высшие служители радуются порабощению своего ближнего, называлась и называется христианскою.

9 мая. 9 ч. утра.

Вчера я экзаменовал оканчивающих студентов. 25 чел[овек] проэкзаменовал. 9 часов употребил. Устав крайне, до границы нервного удара. А тут заседание совета: тоже работа. Возвели в почетные члены Н. Х. Бунге.

Подошел ко мне Митюков здороваться: взявши его мясистую, здоровую, мускулистую руку, я подумал: и на здоровье надувал человечество. Всегда прикидывался кволым, слабым, болезненным. Ничего не делал для науки под предлогом слабого здоровья. Во время моего студенчества читал из 10 лекций — одну. И всегда отличался тем, что пропускал лекции. И вот, когда наш брат-работник хиреет, старится преждевременно, он — и в теле, и в холе, и в чинах, и почете. Умел создать себе репутацию дельного профессора. А между тем истекает срок 35-летней службы, а у него ни одного ученика, и это дельный, называется, профессор.

Ах! как постичь игру судьбы.
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете! [28]

Вчера же баллотировали Павлова, умственную и нравственную развалину. В баллотировке участвовало 42 человека. Оказалось: 22 белых и 20 черных. Итак, чем безумнее, тем больше охотников оставить его в среде себя. В добрый час. Хорошая характеристика состояния у-та Св. Владимира. Удобный человек. Нравственная тряпка не поперечит. Умственная дрянь глаза не колет. Наш брат Савка! Года три назад баллотировали в совете какой-то щекотливый вопрос. Начали спрашивать мнения с младшего: то есть с позднее поступившего в у-т. Пришлось первого спрашивать Павлова:

— Профессор Павлов, как Ваше мнение?

— Я с большинством,— отвечал полоумный Павлов.

Как же не оставить в у-те такую драгоценную голову. Как не желать иметь в своей среде такого укладистого человека, который соглашается наперед с большинством, хотя ему и не известно на стороне, какого мнения будет большинство. Пусть себе они вотируют убить человека Христа ради, лишь бы оно было большинство: знайте, я буду стоять на его стороне. И это наш юношеский кумир, это наш герой идеи. Бедная матушка Россия, имеющая своими руководителями столь скудоумных и слабоумных людей.

Однако ж П. В. Павлов и без практической сметки: он окончательно выдохся и умственно, и нравственно. Но чувство самосохранения в нем крепко. Он давно понял, что ходатайствовать за себя дело не только не лишнее, но в нашем мертвом царстве идей и морали даже необходимо. Он когда-то сказал мне, что в наше время каждый должен иметь своего феодала. И он их много имел. Два года назад он ко мне подсылал Якубовича: но обрезался. Теперь месяца за два он не давал мне проходу: где встретится, начинает меня мучить ходатайством за себя: «Возьмите во внимание и дороговизну, чем придется жить». Такие речи он вел с каждым, к кому только он считал возможным поткнуться. Он, было, меня чуть-чуть не поколебал: сердце готово было взять верх над разумом. Вчера в критическую минуту я без сожаления положил ему черный. Сожалею ли я о том, что он выбран? И того сказать не могу, пусть события будут, как они есть. Они характерны. Они важны сами по себе. К ним я отношусь объективно. Ни за Павлова, ни против него я не говорил по собственной инициативе никому ни слова. Только когда спросил меня на днях Ромер, что я мню о баллотировке Павлова, я сказал, что белого шара я ему положить не положу. А там как знают.

9 мая. 6 ч. вечера.

Пред обедом карета подъехала к дому: мы догадались, что Черткова. Саша приняла ее. Лобзание. Благодарность за содействие гуляньею 1-го мая, от которого выручено более 3000 руб.

Знакомство Саши с Чертковой вызывает нарекание. Демократы, мов, и народолюбцы, а заискиваете у Чертковых и знаетесь с Чертковыми. Такой упрек выразил Бец, встретивши брата Федора.

Знакомство с Чертковою Саши чисто официальное. Ей предложила Черткова, по указанию Снежко, быть попечительницею бедных. Она и приняла. Отсюда официальные сношения. Прежде чем принять это звание, мы долго думали, колебались. Наконец, решились, принимая во внимание наше смутное время. К тому ж, по званию председательницы Общества дневных приютов, Саше совершенно необходимо быть в сношении с Чертковою, председательницею Киевского благотворительного общества.

Я с Чертковою не знаком. С Чертковым кланяюсь, но ни в каких не состою с ним отношениях.

Желание ужалить, унизить, очернить, отыскивают измену своим убеждениям там, где ее нет.

11 мая. 1 ч. дня.

Друг говорит, что Шеффер, Эргардт и К° не довольны инспектурою не за то, что она, по идеям Толстого, должна быть выражением душительных начал, реакции, соглядатайства и шпионства по отношению к студентам, а за то, что она не осуществляет такового назначения, след[овательно], их надежд. Воскресенский исполняет свою обязанность формально: очевидно, он честолюбец, которому испектура есть ступенька для того, чтобы подняться по служебной лестнице. Вот за то, что он является душителем студентов, они на него недовольны. Объяснение остроумное и близкое к истине, хотя и не обнимающее всех сторон настроения наших университетских душителей. Они рады душить и сочувствуют тем, которые душат. Но они недовольны инспектурою за то, что все же она косвенно есть соглядатайство и шпионство и их собственной деятельности, а главное — содержание ее падает на счет у-та, на счет его специальных средств, которыми профессура пользуется в разных видах и по разным мотивам, и — о ужас! — содержание ее угрожает поглотить плату за право слушания лекций, которую мы два раза в год делим между собою.

Вот другая, не менее истинная причина их ненависти к инспектуре. Думают себе: мы ждали от тебя не того, мы желали, чтобы ты была душительницею,— для этого, куда ни шло, мы готовы были пожертвовать деньгами. На деле выходит, что и деньги наши идут, и надежды наши не осуществляются.

Вот документ, показывающий образ отношений Шеффера и К° к инспектуре. Этот университеский говорун недавно подал ректору бумагу следующего содержания: «Сегодня (3-го мая) около десяти часов, в коридоре, соединенном с комнатою, где производится экзамен по медицинской химии, г.г. студентами был поднят такой шум, что экзамен пришлось почти приостановить. Инспекция никаких мер не принимала, и я сам должен был выйти в коридор и успокоить поднявшийся шум. Так как подобного рода беспорядок может повториться, то покорнейше прошу в[аше] п[ревосходительст]во принять меры, чтобы экзаменато-

рам не приходилось по необходимости браться за дело инспекции». Подписали Шеффер и Томса. Препроводжено на зависящее распоряжение инспектору Воскресенскому.

К чести Воскресенского должно сказать, что он не пляшет под дудку этих интриганов; он сам порядочный интриган и хочет своим способом создать себе карьеру.

Недавно совершался в университетской церкви обряд венчания дочери профес[сора] Меринга с графом Коновницыным. Прихлебатели Меринга хотели придать вид особенной торжественности этому обряду. В числе прихлебателей состоит Феофилактов. Он отнесся к инспектору Воскресенскому, чтобы тот приказал явиться педелям и занять места в разных пунктах. Предлог: студенты, мов, будут присутствовать. Воскресенский отказал в том. И хорошо сделал. Говорят, что на венчаньи был генерал-губернатор Чертков. Купцы вменяют себе в честь иметь на своих свадьбах генералов и для этого берут напрокат незнакомых генералов за изв[естную] плату. Профессор Меринг видит ее в присутствии генерал-губернатора.

Когда-то, во время моего студенчества, когда сам он женился, на его свадьбе был посаженным отцом Васильчиков, бывший тогда генерал-губернатором. Что ж? По отцу и дочери честь. Совсем фамусовская мораль.

1/2 2 ч. дня 11 мая.

Только что был с визитом Голубцов, новый попечитель. Лицо добродушное, но не особенно много говорящее в умственном отношении. Думаю, однако ж, что он не из душителей. Он сказал, что с студентами следует обращаться по-отечески. Я напомнил ему мартовское изгнание студентов в 1878 г. и указал на то, что до сих пор студенты первой категории не возвращены в у-т. Он обещал обратить внимание. Просил говорить с ним откровенно, жить в совете. Вообще производит впечатление недурное.

9 ч. 13 мая.

Меня занимает теперешняя деятельность нашей профессуры: укрощают зверей, экзаменуют студентов в большом изобилии и количестве. Экзаменуют студентов всех факультетов и всех курсов: идет горячка экзаменов. Мне так и чудится одна психическая струя в душе профессорства. А! голубчики, расходились, пасквили на нас пишете, критикуете нас, недовольны нами. А позвольте вас пробрать, позвольте вас поприжать маленечко. Если некоторые из вас падают в обморок, в нервное расстройство, наживают бессоницу,— это для нас отрадно. Будет ли от этого улучшение ваших мозгов и вашей морали и ваших правил, процветет ли от этого наука, или погрязнет в болоте зубрячки,— нам до этого какое дело.

Один из величайших и подлейших нюхателей направлений ветра и нравственных негодяев, Гарнич-Гарницкий, является выразителем этих тенденций.

Но этот гнусный делец имеет в виду и другие цели: он хочет одним выстрелом многих зайцев убить. В профессорской среде нашей имеет большую силу партия душителей из жидов и немцев с Эргардтом и Шеффером во главе. Он ей хочет угодить. Для чего? А вот для чего: он знает их внутренние помышления и внутренние запросы. Им теперь

хочется уронить во чтобы то ни стало инспектора Воскресенского и инспектуру. Для этого лучше всего сочинить какую-нибудь студенческую историю, чтобы показать все ее бессилие. Он таковую и сочинил. Посыпались бумаги от Шеффера, Томсы и Эргардта — последнюю обещали доставить мне — о том, что инспектура ничего не делает для усмирения беспорядков. Это первая цель.

Вторая: Гарничу видится и предвидится впереди самому инспектура и проректура. Думает себе: прогонят или выживем Воскресенского, я возобновлю ходы для получения инспектуры. Отменят инспектуру, возобновят проректуру, я, заслуживший одобрение в глазах душителей, могу надеяться на то, что они меня выберут в проректоры.

Таковы наши университетские интриганы. Им не дорога честь университета, лишь бы их корыстолюбие и честолюбие было удовлетворено. Им ничего не стоит играть интересами молодежи, ставить на ставку известную сумму ее благосостояния, лишь бы обделывать собственные свои делишки. Не они ли почти домагались инспектуры? Не они ли нравственные творцы безумных реакционных правил. Не они ли сами в 1878 г. поступили с студентами так, как ни одна в мире полицейская инспектура не поступила. Нравственные жандармы, полицианты, дельцы и интриганы!

Мне отвратительна инспектура, но омерзительны и интриги 4-х интриганов.

1/2 11 ч. утра. 14 мая.

Посетил я: Житецкого, Шкляревского, Краинского, Антонович. У меня были: Мищенки, Житецкая, Краинский, Чарнецкий, Симиренко, Березанский.

В субботу был у Антонович на так называемом словаре. Собирается небольшой кружок украинофилов и занимается сообща составлением словаря.

У Житецкого я был, чтобы дать ему совет по делу покусания его сына собакою Инглера. Он вручил мне записку, которую он послал Исакову. Я намерен ее списать. Она замечательна во многих отношениях. Перемена ролей: Житецкий целый вечер занимался осуждением нынешней деятельности Драгоманова.

Я старался не защищать его, а объяснить, доказать, что в нынешнем положении он не может иначе действовать.

Житецкий утверждал, что Драгоманов действует нечестно. Он радикальствует не только на свой счет, но и на счет киевского кружка украинофилов, своих друзей. Эти друзья с ним не солидарны. А меж тем, он ставит их в крайне тяжелое положение.

Я говорил: «Драгоманов действует теперь так потому, что не пойди он по дороге радикальной, не пристань он к радикалам, он бы остался в Женеве без почвы. А разве это для него мыслимо? А разве теперешняя его деятельность не составляет логическое развитие его киевской деятельности? Если он здесь искал подмосток, то как же ему остаться без них в Женеве? Ведь он не кабинетный ученый. Ведь он человек без средств, следовательно, не могущий предаваться в кабинете ученым исследованиям, а долженствующий добывать кусок насущного в злобе дня».

Итак, двойная реакция: у Житецкого от радикализма к умеренному образу мыслей, к тому образу мыслей, который я всегда проповедывал.

И вот его глаза ныне светятся мне приязнию, тогда как в прежнее время они были при встрече со мною стеклянные.

У меня реакция в том смысле, что я ныне перестал нападать на Драгоманова и критиковать его образ действий. Я их только объясняю. Образ действий его ныне для меня понятен: он делен, в нем фальши нет, как было в Киеве, где он играл две роли: и состоящего на службе, и заговорщика, и желавшего создать партию, и ломавшего ее своим образом действий. Когда-то, когда Драгоманов был уволен и собирался ехать за границу, я говорил Антоновичу: «Хуже всего то, что Драгоманов за границею непременно бросится во все крайности радикализма и социальной пропаганды. Этим он нанесет сильнейший удар киевским украинофилам, киевскому практическому украинофильству». Так оно и сталось. Удаление из Киева Беренштама, нынешнее выживание Житецкого, Антоновича, Цветковского и Клосовского,— что такое есть, как не последствие образа действия Драгоманова?

Житецкий теперь жалуется, что Драгоманов действует от имени киевского кружка, не просясь его, вводит его в напасть, накликает на него беду. Так, так. Но разве киевские украинофилы не дали ему для того повода? Думаю, что да, хотя и убежден в том, что Житецкий стоял дальше их всех от образа мыслей и действий Драгоманова. Доказательством тому служит его записка: в ней он отрекается от драгомановского радикализма.

Драгоманов более и более входит в роль генерала от революции. Из напечатанных галицийских процессов и из ныне печатаемого краковского процесса ясно, что отряд русинских и ныне польских социалистов действовали под командою его высокопревосходительства Михаила Петр[овича] Драгоманова. Доказательством тому служат обнародованные во время процесса его письма, захваченные у его эмиссаров. А между тем, в то время как Драгоманов радикальствует в Женеве и затевает широкие планы, из Киева изгоняются более умеренные деятели украинофильства. Жидова немота с каждый днем усиливается в Киеве и Южно-Русском крае. В Киевском у-те с каждым годом прибавляются немецкие имена. В прошлом заседании совета мы выбрали Рейна. Сегодня принесли мне повестку о том, что какой-то *Мифле* будет читать пробные лекции для получения звания приват-доцента. Немчик, как бы ни был он ничтожен, имеет дорогу открытую. Немцы высиживают яйца. Они терпеливы. Они смирномудры с виду. Они пронырливы. Они лисицы. Они отлично знают воронии наши нравы.

15 мая. 9 ч. утра.

Вчера я, возвращаясь от брата Павла, шел чрез Ботанический сад. Смотрю, на одной из скамеек сидит ректор Феофилактов. Подсел и я к нему. В разговоре он спрашивает меня:

— Скажите, правда ли, что Вы поступаете в нотариусы.

Я отвечаю:

— В первый раз от Вас слышу.

— Как же, ведь Ваши будущие доходы посчитали, говорят, будете получать дохода 12 тыс. руб. Контора будет битком набита.

— Странно, как могли Вы этому поверить. Это так же вероятно, как если бы мне сказали, что ректор Феофилактов идет в акцизные надзиратели. Если бы мне кто сообщил подобное сведение, я бы его наперед отвергнул 12 тыс. буду получать и потому иду! Да ведь есть повара, есть конюхи, получающие эту сумму. Есть чиновники, взяточники,

которые вымагательством добывают подобные деньги. Если бы я был жаден на деньги, я бы не покинул адвокатской практики, не уехал бы за границу.

Когда я возвратился домой, явился Котляревский, я ему и сообщаю эту новость. Он мне говорит: «И я это слышал». Спрашивается: кому нужно было сплести на мой счет эту кляузу? Из-за какого интереса? Главный: чтобы уронить и задеть меня. Или что другое?

Написал письма: Житецкому, Белогриц-Котляревскому и Куперннку.

Заседание совета администрации.

Вспомнил я: посетил меня в пятницу Лучицкий. Уехал в деревню. «Замените,— говорит,— хоть немного меня в Думе». Он не шутя думает, что он где-нибудь и у кого-нибудь имеет значение. Ограниченный человек во всех отношениях, много о себе думающий. Положим: мы все глядим в наполеоны. Но Иван Васильевич бездарнейший наипаче.

Были городищане: церковный староста и другой. Городиское церковное попечительство покупает землю для школы. Дал 50 руб. в память отца.

Посетил меня Березанский, ученик из недавних. Работает в Нежинском окружном суде очень много: он человек очень трудолюбивый и очень скромный, и с головой. И вот сидит без движения по службе. А в том же самом суде сидит товарищем прокурора молодой барон Рауш фон Траубенберг, из военных. Раз, что он барон; в другой раз, что немец; в третий, что имеет покровителей,— и вот юридическая карьера военного готова. А добросовестный труженик-юрист сиди, сиди и сиди в звании бедного кандидата на судебные должности. И его же из военных свысока третирует, а третируемый работает за третирующего. Чего лучше?

17 мая. 12 ч. утра.

Приехал брат Федор. Приехала тетушка Настасия. Собралась родня. Был и брат Павел с женой.

Тетушка Настасия старше отца на три года: ветхая старуха. Смотрит в могилу. Тетушка-майорша, по рассказам, еще дряхлее. Недолго осталось ей топтать землю.

Посетил меня студент Крижановский: просил указаний и руководства для сочинения: «История телесных наказаний». Эту тему я предложил для соискания медалей.

Образ поведения молодого человека мне не понравился. Он вел себя как прапорщик: с ловкостию почти военного человека. Написал для него целую программу занятий и работ для разработки темы.

Возобновил прогулки по утрам в Ботанический сад: чувствую себя лучше.

В третий раз удалось застать Голубцова: отдавал визит. Разговор о том, о сем, а больше ни о чем. Речь вел о литовском деле. Просил продолжать. Спрашивал: «Какое же вознаграждение?». Отвечал: «Никакого». Если бы за вознаграждение, то я бы не взялся за дело. Пробыл минут 10.

Н. И. Хлебников плох. Смерть неизбежна. Следовало бы заговорить с ним о подаче прошения об отставке, чтобы жена его по смерти

могла получать пансион. Странный закон: умрет на службе от болезни, нажитой на службе же, нет пансиона, если он не выслужил срока. Выйдет же в отставку по болезни, прежде истечения пансионного срока, назначат пансион. Однако ж ни у кого из товарищей не хватает духу сказать ему и жене его о том, что нужно подумать о пансионе. Не хотят разрушить радужных надежд и иллюзий: не хотят наносить удара жене. То есть ждут, пока его нанесет безжалостная природа.

Недавно умер Щербак, старый петербургский громадянин начала шестидесятых годов. Он состоял тогда адъютантом Кулиша, и назывался его захребетником. Несчастный пил горькую. Расточил здоровье. Убил семейное счастье. Наплодил штук шесть детей. Умер к счастию его близких. Последнее мнение высказал его свояк Хильчевский. О Щербаке речь еще впереди.

18 мая. 1/2 11 ч. утра

Вчера посетили: Преснухин, директор администрации, человек зачитывавшийся некогда «Современником» и изгнанный некогда из инженерной академии за бунт и восстание против начальства, а ныне готовый, хотя и не без колебаний, вступить, а может быть, уже окончательно вступивший на дорогу Разуваева. О нем речь впереди.

И. Я. Давиденко, бывший член Херсонского окружного суда. Я на него указал Житецкому как на человека, которому он может вручить ведение своего иска против Инглеров. Беседовали о юридических вопросах.

День закончился банею: был с детьми.

18 мая. 10 ч. вечера.

Утром вчера и сегодня были у садовников: я и брат Федор покупали разные растения. Сегодня с детьми. Чай пил у брата Федора.

Посетил меня И. Т. Яхненко, член администрации. Человек добродушный. Обломок известного дома Яхненков.

Получил письма: от Загоровского, Устимовича и Грекова.

Устимович, физиолог, одно время читавший физиологию в ветеринарных курсах при Медико-хирургической академии. С ним и его женой мы встретились и познакомились в Неаполе. На чужбине знакомство легче, но и мимолетнее. Вот прошло 8 лет, и мы не переписывались. Ныне отозвался. Сердечное и приязненное письмо. Просит возвратить книгу его. Подумал: не это ли главное побуждение писать, а прочее украшение.

[От] Грекова письмо благодарственное. Пишет: «Поймите же, достойнейший, навеки незабвенный А[лександр] Ф[едорович], и ту невыразимую домогильную мою признательность к Вам, которую я передаю в наследство четырем моим детям чтить и с уважением глубокой благодарности запомнить Ваше спасительное для их отца и благодетельное для них и детей ихних высокое имя человека А[лександра] Ф[едоровича] К[истяковского], спасшего нас от нищеты».

Года два тому назад Греков обратился ко мне за юридическим советом. Сначала он посещал меня сам и часто, а затем не раз был с женой и маленькими детьми. Он женат на Милорадовичевой, из богатой и известной малороссийской семьи. По завещанию его тестя жена его должна была получить в приданое с. Вознесенское в Черни-

говской губ. Теща его, женщина корыстолюбивая и властолюбивая, в течение 8 лет не отдавала своей дочери приданого и держала семью Грекова в черном теле. Терпение их наконец лопнуло. Они прежде всего обратились за советом ко мне. Получив указание, они просили самым усиленным образом, чтобы я взял на себя ведение дела. Так как дело семейное, я самым настоятельным образом советовал им искать разрешения дела миром. В таком смысле я писал брату Грековой Л. А. Милорадовичу, ныне подольскому губернатору, а тогда еще состоящему не в высоком посте уездного предводителя дворянства. Хотя он и брат его Григ[орий], свиты его велич[ества] генерал-майор, были у меня, чтобы побеседовать о деле, но они слишком легко отнеслись к моим советам. Греков снова настоятельно просил, чтобы я взял на себя ведение этого дела: гонорар от 15 до 25 тыс. руб., так как иск шел на сотни тысяч. Я наотрез отказался. Рекомендовал им взять Квачевского. Два раза они расходились и всякий раз благодаря моему слову возвращались к Квачевскому. Ныне иск выигран. Квачевский объявил иск в 280 тыс. руб. с 10 % ему вознаграждения. Это тот самый Квачевский, который готов был смешать меня с грязью, как только я явился противником его по делу Литова, защищая интересы школ. Квачевский — тип современного русского адвоката, у которого за душой нет ни капли совести, у которого преобладающий интерес — интерес наживы.

19 мая. 9 ч. утра.

Вечером вчера пришла к нам г-жа Антонович с Б. С. Познанским, известным когда-то корреспондентом «Основы» из Дударив. Украинофил и киевский громадянин шестидесятых годов. Один из тех народолюбцев, которые мечтали свое народолюбие поставить на практическую почву, хотели быть народолюбцами не на словах, а на деле. Он, подобно другим, женился на крепачке; скинул с себя немецкую шкуру, оделся в народную одежду и пошел служить приказчиком к какому-то пану с целью жить среди самого народа, сблизиться с ним, влиять на него и быть ему полезным. Когда я в 1863 г. приехал в Киев, я застал Познанского в этом состоянии. Скоро, однако, началась реакция. Скоро Познанский и ему подобные народолюбцы увидели, что они поспешили скинуть с себя панскую и чиновническую шкуру. Начинается опять переряжение в немецкий костюм и забрасывание внешнего проявления народолюбия. К этому времени умерла жена Познанского. Он надел сюртук и отправился служить в контрольную палату в Екатеринославе под начальством М. Т. Симонова, известного в малороссийской литературе под именем Номиса. На службе пришлось ему оставаться недолго. Его пристегнули к какому-то политическому процессу (связанному с польским движением), по самому ничтожному поводу, и осудили на изгнание из Южно-Русского края и водворение в восточных окраинах империи. Он издавна поселился в Павловске Воронежской губ., где занимается адвокатурой. Каков он адвокат, служит ли он интересам разуваемых или народа,— не знаю. Думаю, что средина на половине. Но судя по его благоутробию, ланиты лоснятся жиром, тело упитанного тельца сложилось в округленные формы, должно быть, ему живется недурно. Не сомневаюсь, однако ж, что на дне его души остались симпатии к народу. Вот одна из метаморфоз.

20 мая. 10 ч. утра.

Посетили: студент мед[ицинского] ф-та Тумковский, Л. С. Белецкий, старый ученик и приятель, ныне судебный следователь, и Д. Г. Тальберг, ученик новый и стипендиат по кафедре уголовного права.

За студента Тумковского в прошлом семестре я заплатил за право слушания из суммы, присланной петербургским обществом. В этом семестре он не был помещен в список студентов, за которых я платил. И он остался неоплаченным. Теперь ему и его товарищу Изопольскому объявили, что если не внесет платы, то будет исключен. Хороши юноши: ленивы справиться, заплачены ли за него деньги, или нет. Зевали до последнего срока. Хорош затем друг мой Сасько, который, доставляя мне список студентов, не справился о том, нуждаются ли Тумковский и Изопольский или нет в уплате за них и в сем полугодии. Я также не безответствен за то, что не выработал себе определенной системы. Вперед наука: не доверять никому. Молодые люди сущие зеваки: или это юношеское генеральство, воображающее, что каждый о нем должен заботиться, а не они о себе.

Тальберг представил диссертацию на степень магистра, по уголовному праву. По свойству моей души, ныне я весь поглощен изучением этой диссертации. Я и рецензент, и главный оппонент, и официальный руководитель Тальберга. Тальберг мой ученик, но не по духу, а по официальному положению. По духу он принадлежит к интригантской партии Пихно: он получил юношеский закал в атмосфере Пихна. Он интриган.

Сочинение его очень слабое произведение криминальной науки: поверхностное, состоящее из материала плохо освещенного, доказывающее и малые сведения автора, и слабость его головы. Одно время я, было, колебался, не следует ли его забраковать. Но от этого удержали меня три причины. *Первая:* подобные сочинения в нашем факультете не раз проходили. *Второе:* я никогда не заграждал дороги молодым людям, ищущим усовершенствования в науках. *Третье:* я чувствую к нему антипатию и боюсь, чтобы под влиянием чувства моего нерасположения не сделать ошибки. Я хочу, в конце концов, быть к нему в существе дела более снисходительным, чем строгим. А что, если он будет копать под тобою яму, будет интриговать против тебя, будет затевать, вместе с своим братцем, сотрудником Пихна, и самим Пихно, мерзопакостные подвохи, в чем уже эти молодцы вот два года упражняются?

Пусть. Малодушие и личные расчеты не должны быть источником и основанием моих действий. Я буду действовать по совести и убеждению, а воля вольная другим платить мне бессовестием. Мне к этому не привыкать стать. Посмотрим.

20 мая. 11 ч. утра.

Когда бывший попечитель Антонович оставлял должность, намерены были дать ему прощальный обед. Он отклонил. И хорошо сделал. Прощальные обеды у нас крепко опошлены. Они все проникнуты лестью, низкопоклонством и заискиванием. Нынешнему попечителю Голубцову, когда он уезжал из Одессы, дали обед: в речах превознесения и восхваления недостатка не было.

Это подало печати повод указать, до какой степени Голубцов был

послушный выполнитель системы своего патрона Толстого. Ведь он его креатура. Цифры малого числа: оканчивавших гимназический курс в Одесском округе был поразительно мал за попечительство Голубцова.

20 мая.

Кончился процес доктора Веймара, Михайлова, Сабурова — псевдоним — и других. Веймар обвинялся в том, что дал револьвер Соловьеву, казненному за покушение на жизнь государя, и снабжал убийц шефа жандармов Мезенцова, на этой лошади эти господа ускакали. Михайлов обвинялся в том, что он был кучером, правившим теми беговыми дрожками, на которых подъехал и ускакал убийца Мезенцова. Михайлов и Сабуров военным судом приговорены к смертной казни, а Веймар — к каторге. Лорис-Меликов утвердил приговор. Государь смягчил наказание и переменил смертную казнь на каторгу для Михайлова и Сабурова. Когда мне сообщили об этом весть, я сказал: «Христос воскрес, слава Богу, взялись за ум».

Недавно в Киеве и Одессе вешали за одну принадлежность к радикальной партии, и даже менее того, за простое держание прокламаций. На сих основаниях повешены были, между прочим, Лизогуб, Розовский и Лозинский. Ныне уже действительных убийц, решительных заговорщиков милуют.

Наука не по лесу ходит. Авось образумятся и убедятся, что казнями задушить народную мысль, народное желание невозможно.

Вероятно, этим приговором останется недоволен прокурор Стрельников, главный душитель Розовского, Лозинского и многих других. Будет шипеть, яко змия. А генерал Слуцкий скажет: «Ну, если угодно начальству и оно прикажет, я готов теперь ворам и разбойникам государственной казни назначать награды. Ведь для меня все равно: прикажут вешать невинных, не задумаясь, повешу, лишь бы мне усидеть на месте. Повелят давать по приговору суда грабителям народа награды, готов и не задумаюсь. Еще бы, на то ведь воля начальства. Она ведь для меня заменяет и честь, и совесть, и сердце, и ум. Благо она в бегах».

21 мая.

Посетили меня вчера: Белецкий и Петрусевич, ученики нашего юридического ф-та.

22 мая. 6 ч. вечера.

В последний раз когда я посетил лавру, то встретил человека, имевшего некогда ко мне отношение и причинявшего мне и радость, и горе в дни моего отрочества. Встретил маленького, седенького, бодрого, хотя и 85-летнего старика-монаха, отца Платона, лет около 30 живущего в лавре на покое. Когда я в 1841 г. поступил в Черниговское духовное училище, во второй класс, в это время соборный иеромонах Платон был смотрителем этого училища. Долго он был смотрителем этого училища. Назначенный на это место в тридцатых годах при архиеп[ископе] Владимире, который доводился ему родственником, так говорили, он оставался на этом месте до выхода моего из семинарии, т. е. в 1853 г. Лют он был: розог не щадил, и за сущие пустяки: так, он наказал меня телесно за то, что я пришел в класс полминутою

позже его прихода. Тогда мне уже было 14 лет. Иногда по спинам бурсаков ходила и его палка. Помню, как будто теперь деялось, обломки полисандровой палки после побиения им одного бурсака, коего в лицо я помню, но забыл его фамилию. Известен он был также и тем, что любил приношения: чей отец принесет ему рубль, два, три, к тому он ласков. А если пять рублей, то очень даже любезен. Напротив, если он вообразит, было, что мальчик сын достаточных родителей — а эти родители забудут его ублаготворить, конечно, достанется бедному ребенку. При каждом случае, он придерется и сочинит ему розочное сечение. Помню, бывали уроки, в которые он отпорет человек 15—20 в течение 1 1/2 часа.

К несчастию, покойный отец мой был не ровен в приношениях, как позже я узнал: были годы, в которые он его ублаготворял, были другие, когда он его забывал. Такой год упал на год окончания мною училища, который был годом гонений, плача и скорби для меня. Отец Платон был во всех других отношениях человек порядочный: скромный, монашеской жизни. Любил покупать недорогие картины из священной истории и книжки с политипажами. Вел самую умеренную жизнь. Копил денежки. Ни с кем почти компании не водил, за исключением Шафонского, высматривавшего значительным барином, который занимал у него ден[ь]жонки. В начале пятидесятых годов он столкнулся с каким-то учителем или инспектором, столкнулся и слетел с места. Его соперник описал его начальству взяточником: это описание было, очевидно, личное, а не принципиальное. Мир учителей уездных училищ не чуждался приношений. Преемник о. Платона, Дорошевский, был еще больший и более систематический любитель приношений, что не мешало ему умереть на должности. Удаленный от должности, соборный иеромонах Платон с тех пор поселился в лавре, и вот около тридцати лет смиренно проживает в святой обители и живет в полном смысле монахом. Чуждый каких бы то ни было должностей и занятий по обители, он изредка участвует в богослужении. С самыми скромными потребностями, с одной стороны, и с некоторыми средствами, с другой, не считая монастырского содержания, он вечно покоен и доволен. Правда, он как бы сделался и ниже ростом, и меньше объемом, как будто умалился старичок, но однако ж до сих пор и свеж, и бодр, много ходит, много гуляет, весной и летом сидит в саду по целым часам, ничего не делая. При встрече я ему сказал: «Молодцем высматриваете». «Благодарение Богу,— отвечал,— надеюсь прожить еще 20 лет. Мне было сонное видение, что я умру в 1905 году». Я подумал: и в самом деле. Ведь жизнь твоя не печаль, не воздыхание, без страстей и тревог. Религиозность твоя обрядовая, она тебя не жжет и не ест. Подвигов ты никаких не совершаешь. В жизни ты был всегда умерен. Отчего тебе и не прожить еще 20 и больше лет. Один раз пронеслась над тобой буря: это, когда на тебя сделан был донос. Ты тогда поседел в один-два месяца. Но буря эта давно улеглась и уже больше не подымалась.

23 мая. 9 ч. вечера.

Вчера вел речь с Ромером, товарищем, живущем в нашем доме. Он покидает нашу квартиру: не представляет удобств. И это правда. Дом строен в те времена, когда об удобствах не имели понятий. Средств пока не имею, чтоб приспособить дом мой к современным потребностям. Расчувствовался товарищ, благодарил за мои хозяйские ка-

чества. Даже слезу уронил. Господь его вознагради. Я готов верить его чувствам.

Ромер по своим убеждениям примыкает к складу Шеффера: хотя по душе мягче. Вообще, он служит иногда трубой, в которую дуют подвижники этого закала. Из его слов я убедился, что они в полном охлаждении, а может быть, и разрыве с инспектором Вознесенским. Ромер, указывая на чело, говорит: вот тут не достает. Утверждает, что будто бы попечитель отзывается об нем как бы об ограниченном человеке. Говорит, что студенты называют его: *«Наш Костя»* и относятся к нему с презрением.

Но на деле выходит, что этот «Костя» не так глуп, как университетские душители воображают, он себе на уме: он, кажется, стал со студентами в порядочные отношения. По крайней мере, вчера у Мищенка говорил мне в таком смысле о Воскресенском Покрамович: вежлив, предупредителен, тогда как ректура и профессура иная, не очень-то о сем заботится. Что Воскресенский не душит студентов, это открывается отчасти и из одного эпизода, бывшего сегодня в совете. Ректор докладывает, что такой-то студент, сначала арестованный по политическому обвинению, а ныне отпущенный на поруки, хотя еще не освобожденный от обвинения, посещает здание университета, ходит на экзамены и их держит, а между тем и его входной билет, и его документы в жандармском управлении. В совете поднялся гвалт: да как же может он без билета входить в у-т, да кто его пускает. Затем следовал намек, что это вина инспектуры. Вели речь о том, чтобы исключить несчастного студента. И если не сделали этого, то только потому, что убедились, что закон им этого не предоставляет. В этом гвалте участвовали: Шеффер, Сидоренко, Субботин, милый Субботин, один из молчалиных нашей корпорации, всем обязанный покровительству и женитьбе.

На поверку выходит, что наши душители возненавидели Воскресенского за то, что он не танцует под их дудку и что он не только не является душителем студентов, а, напротив, у них заискивает. Как раз так, как объясняет друг: «Берет, мов, наши деньги и не осуществляет наших душительских идеалов». Да, это кровная обида. Было бы смешно, если бы не было так грустно: Воскресенский, сам Воскресенский, поставленный специально для миссии душения, является более добросовестным и понимающим свое положение, чем наши ученые душители.

Вчера я с Сашей посетил Мищенков. Застали большую компанию украинофилов. Сначала я не догадывался, в чем дело. Оказалось потом, по разъяснению Саши, что у них специальная сходка для проверки общественных сумм и их распределения. Украинофильский кружок имеет свою кассу. Он помогает сосланным. Драгоманов состоит под его прямой опекой. Не подлежит ни малейшему сомнению то, что украинофильству предстоит большая будущность в Южной России. Оно так и сяк сделается общественной силой, с которой будут очень считаться. Оно начало, было, играть роль. Но отчасти, вследствие своего слабосилия, слабодушия и тщеславия своих вожаков и примыкающих к нему, отчасти, вследствие ненависти к нему окружающего мира, потерпело сильное крушение: но нет сомнения, оно воспрянет. Так как я не принимаю участия в их кружке и не посвящен официально в их тайны, то поспешил оставить компанию вовремя.

22 мая. 12 ч. утра.

Вчера я получил письмо от Загоровского, который извещает меня, что он избран доцентом гражданского права в Харьковском университете. Еще осенью декан Харьк[овского] юрид[ического] ф-та почтенный Стоянов спрашивал меня, каково мое мнение о Загоровском, если оно благоприятно, то Харьк[овский] ф-т изберет его в доценты. Конечно, я дал ему благоприятный отзыв о Загоровском. В результате — выбор.

О Загоровского сочинении я написал рецензию, для него благоприятную. Рецензия эта была в значительной степени не согласна с тем отзывом, который дал о нем факультету Демченко, а еще более с тем мнением, которое он за кулисами, среди членов ф-та, распространял. Ведь Демченко из фарисеев и людей лицемерных. За ним пошло такое ничтожество, как никогда не имевший и не могущий иметь собственного мнения Митюков.

В ту же трубу стал трубить ныне умирающий Н. И. Хлебников, который тогда искренно был убежден, что он спасает мир своею душевною моралью, моралью прописей, моралью старух-кофейниц и приживалок монастырей.

Моя рецензия была принята за восстание против товарищества. Как же можно, ведь это значит соваться в чужой приход. Я, впрочем, и не думал навязывать Демченку в социусы по его кафедре Загоровского, я намерен был только предложить его в доценты по особой отрасли юриспруденции — по судоустройству, которое у нас не читается. Демченко дожил до того возраста и того состояния, умственного, в котором одряхлевшие характеры и умы боятся малейшей конкуренции. Когда я когда-то предлагал ему взять в приват-доценты Загоровского, он мне сказал: «Это будет testimonium моей paupertatis» [29], то есть представление им самим такового.

Мы, впрочем, все товарищи стоим к друг другу в том отношении, что не считаем уместным навязывать другому товарища по кафедре. Принцип, против которого можно сказать много в осуждение, но за него есть большие и оправдания, заслуживающие великого внимания. Когда я выступил с своею рецензиею на Загоровского, Демченко сильно стал на меня дуться, да не только он, но и жена его. Такова холодность продолжается и до сего дня.

22 мая скончалась императрица Мария Александровна. Наложен официальный траур. Вследствие того отложено празднество открытия в Москве памятника Пушкину. Торжество открытия памятника должно было начаться служением панихиды. Мне это начало кажется неуместным. После этого и празднество в честь Гомера, Горация, Шекспира, Гете и иных может также открываться служением панихиды. Вера и наука, религия низших степеней, отрывок из которой составляют панихиды, и религия высших степеней культуры, к чему относится чествование поэтов, друг с другом не вяжутся.

Был вчера *на словаре,* больше в качестве зрителя, а не деятеля.

25 мая. 10 ч. вечера.

Обедал у нас сегодня А. Д. Юркевич. Он давний защитник одного крестьянского интереса: крестьяне в имении Лянскоронского успели оттяпать у графа захваченную им некогда у их предков землю. Ныне

имение Лянскоронских куплено пресловутым Н. А. Терещенком. Этот богач крутит, вертит, и не желает отдать крестьянам им принадлежащую землю, а силится всучить им другую, неудобную и состоящую в споре.

Терещенко типа Разуваева, тип русского кулака, того эксплуататора, который умеет высасывать соки из народа, и выжав их, в виде крупного куша, спешит ничтожную часть их пожертвовать на благотворительные учреждения.

Так, недавно он купил Буртянскую экономию у Орлова: до него земля шла в наем крестьянам от 5 до 8 руб. Он тотчас же возвысил арендную плату от 10 до 16 руб. Осуществив этот акт кулачества, он в то же время учредил в Киевск[ом] у-те стипендии, назначив ежегодно 1500 руб. сер[ебром]. Это, вероятно, результат возвышения оброка и в других купленных им имениях; так он, между прочим, купил имение у князя Воронцова. О такой благотворительности его тотчас раструбили газеты, не думая о том, что это благотворительность на счет слез и пота крестьян; что капиталы на эту благотворительность взяты из суммы, добытой прижатием народа.

В высокой степени интересна история происхождения богатства Терещенков-братьев; их ныне три. Фамилия их происходит из с. Глухова Черниговской губ. Начало их богатству положено их отцом, который торговал рыбою, дегтем, солью и хлебом. В Черниговской губ. отец Терещенка известен был под именем *Карбованца*. С именем Карбованца связана следующая народная легенда. Народ повествует, что Терещенко-отец, будучи мальчиком, украл карбованца, то есть руб[ль] сереб[ром]. Этим карбованцем он расторговался. У народа существует верование, что ворованное — лучшее основание для создания богатства. В этом веровании не без правды рациональной. Мысль та, что без хищничества богат не будешь. Народ еще иначе объясняет происхождение иных богатств. Когда кто в деревне разбогатеет, народ начинает говорить, что ему черт гроши носит. Выходит опять, что не продавши черту душу, богат не будешь.

До Крымской войны богатство Терещенков было самое обыкновенное, так сказать, местное. Живя в Чернигове, я, будучи юношей, слышал про Карбованца, как про богатого глуховского купца, который мог потягаться с черниговским купцом Цветом. Богатством своим прогремел Терещенко в начале шестидесятых годов, и уже не Терещенко-отец — Карбованец, а Терещенки-сыновья. Оно создалось в виде громадного богатства в Крымскую войну и в первые годы освобождения крестьян. В Крымскую войну они были поставщиками. Говорят, что они поставляли порох из Шостенского порохового завода не без злоупотреблений, результатами которых делились с генералами. Как и что, кто их знает: я передаю народную молву. Затем они, пионеры-разуваевы, обрабатывали первых оголтелых и пропащих российских дворян, которые с освобождением крестьян остались и без рабочей силы, и без денег. Как они совершали эти операции, для публики покрыто мраком неизвестности. Но что все это совершалось разуваевским манером, это иначе быть не могло. Старший Терещенко и ныне первостепенный кулак, эксплуататор типа разуваевского. Ему ничего не стоит обойти бедняка, дешево у него купить его труд, его товары, а ему все свое дорого продать.

Первый из пропащих людей был граф Рибопьер, продавший Терещенко свое миллионное имение. Затем, в шестидесятых годах, Терещенки появляются в Южной России. Покупают имение Грохольского. За

расширение русского землевладения в ополяченном крае получают дворянское достоинство. Ныне их землевладение достигло многих десятков, если не перевалило за сотню тысяч десятин. Терещенков три брата. Из них выдающийся Никола. Это и самый хищный, и самый кулаковатый, настоящий Разуваев, зато и самый богатый. Сухая небольшая фигурка. Не речист в обществе. Необыкновенно тих и скромен среди городского общества. Ласков и приветлив. Никогда не спорит. Скорее искательный, чем гордый. Но судя по тому, что он все больше и больше приобретает, можно положительно сказать, что он необыкновенно хищная натура, что он весь ушел в интерес, что он скорее в петлю полезет, чем уступит рубль.

Общий отзыв о нем, что это пьявка, кулак, эксплуататор, что это человек, любящий за чужой труд платить дешево и только промышляющий о том, чтобы что-нибудь и где-нибудь приобресть. Сцапает, слопает, проглотит все, что худо лежит. Вот как это изображают. Занимается он скупкою тряпья, и сам непосредственно не гнушается купить иной другой воз у крестьянина. И вот привозит крестьянин воз тряпья к нему на двор. Докладывают ему. Выходит он и объявляет, что ему не нужно, что его амбары переполнены. Крестьянин, не желающий везть назад, уступает ему за бесценок. И когда приходится ему сбрасывать тряпье в амбары, которые оказываются пусты, он только тогда убеждается в том, что Терещенко его обморочил. А Терещенко этот день считает для себя счастливым. Таково-то происхождение его богатства. Конечно, анализ мой бледен и слаб, я сам это сознаю. За одно могу только ручаться головой, что богатство Терещенков нажито беззастенчивым кулачеством, если не преступлением, по крайней мере вначале.

26 мая. 7 ч. утра.

Наложен траур по случаю смерти императрицы. Вон как полиция понимает траур. М. П. Иващенкова, сестра Л. П. Кистяковской-Васильевой, села у себя, в собственном доме, за фортепиано и начала играть. Является полицейский и говорит: «Играть не положено в дни траура по императрице». Рассказывают другой, подобный случай с гимназистом. Прямая деспотия. Вторгательство в частную жизнь граждан. Публичная жизнь — это еще понятно, может быть подобным образом дисциплинируема: она у нас в руках правительства вся целиком. Но, казалось бы, частная жизнь не подлежит надзору, если мы не хотим стоять ниже Турции. На деле не так.

26 мая. 1/2 9 ч. утра.

Дождит несколько дней. Начинают говорить: «Много дождей идет». А еще недавно мы должны были жаловаться на засуху. Человек в частности и человечество вообще — величайший субъективист. Он начал с того, что вообразил, что вся природа для него создана, что есть высшие существа, которые намеренно ему пакости сочиняют, или намеренно ему благотворят. Такое убеждение и ныне господствующее. Но настанет время, когда убедятся, что наша Земля — маленькая пылинка, а человек — ничтожный муравей, о которых мировой порядок, обнимающий громадную и необъятную Вселенную, слагающуюся из бесчисленного количества планет, повеличественнее нашей Земли, вовсе не заботится. Живи, пока тебе живется. Я не для тебя расчитан.

У меня есть повыше твоей мизерной Земли и тебя самого предметы и цели, о которых я должен заботиться. Не я к тебе должен приспособляться, а ты ко мне. Благо уже и то, что я тебе дозволил выбиться из моей железной власти настолько, что ты иногда сознательно можешь минимальную частицу меня эксплуатировать и поворачивать в свою пользу. Я же для тебя лично, именно для тебя, и пальцем не пошевельну. Я иду, тебя не замечая, причем, я тебя иногда душу, давлю, ем, лопаю, стираю в порошок. Но твое дело ко мне приспособляться и меня эксплуатировать, насколько ты в силах, в свою пользу.

Так говорит человеку мировой порядок. В таком отношении он находится к этому мятущемуся на земле существу, выбивавшемуся в люди.

27 мая. 10 ч. утра.

Только что был университетский отец — диакон Шумановский. Посоветоваться по делу своей родственницы-крестьянки. Чтобы землицу отыскать. Некогда она дана была кн. Любомирским ее предкам. Ныне она в руках пропащего и оголтелого дворянина Красовского, доживающего свои мизерные дни. На нее уже посматривает несытым оком Терещенко, один из виднейших и даровитейших субъектов с каждым годом возрастающей семьи разуваевых. И вот на тех местах, на которых прежде господствовали Любомирские, Потемкины, Браницкие, начали водворяться Бродские, Зайцевы, Терещенки и менее крупные и мелкие члены вышедшей и выходящей на сцену семьи разуваевых.

27 мая 1880 г. В 2 ч. вечера.

Получил письмо от В. И. Алибранта чрез двух крестьян. Адресует крестьян ко мне. Пишет, что крестьянское общество с. Ташлыка хочет купить имение Березовского, половину Ташлыка, состоящее в конкурсе. Слухи на месте ходят, что кураторы хотят продать имение или тому же Терещенку, или арендатору имения еврею Белоковскому. Крестьяне хотят конкурировать с Разуваевым и жидом. Земли продаются 1800 дес[ятин], а денег у крестьян пока наберется тыс[яч] 20 руб. Алибрант посоветовал крестьянам, чтобы они вручили это дело мне и больше никому и дали бы мне 50 руб. Я сказал крестьянам, что денег я не беру, я сам внук крепостного, а готов бы быть им полезным и рад бы был, если бы их общество могло приобресть эту землю. Адресовал я их к И. Я. Давиденку, члену Юридического общества, занимающемуся хождением по делам. Причем я сказал крестьянам, чтобы они денег Давиденку не давали бы ни копейки вперед. Другое дело, если он что-нибудь сделает для них. Тогда можно. Бедный люд, придется ли тебе получить в свои руки землю, которая из преждевеку культирована тобою, орошается твоим потом и орошалась когда-то кровию, когда ты некогда защищал ее от нападения врагов.

Вчера пред обедом явился Н. В. Преснухин. Беседа шла об административных делах, разных, о них же не довлеет здесь глаголати — маловажны. Затем перешла беседа на Терещенка. Преснухин разразился бранью против этого кулака, обзывает его Разуваевым, и поделом, хотя у Николая Васильевича есть у самого большая охота пристать к семье разуваевых и он по мере сил своих работает в этом направлении. Конечно, помаленьку да потихоньку. Он из разуваевых-пигмеев. Где ж ему тягаться с всепоглощающим удавом Терещенком.

Преснухин хочет купить Александровку у оголтелых дворян Грабовских, и Терещенко, большой миллионер, покупает дворянские имения, одно за другим в Черкасском и Чигиринском уездах. То есть в бассейне сахарного производства. Вот тут-то директора сахарных заводов из технологов должны были придти в сильное волнение. И пришли. Преснухин высказывал их общее настроение. Помилуйте!! Терещенко захватит в свои руки большую часть имений и заводов. Нам и служить будет негде. Мы служим у Бобринских, Воронцовых, Браницких, Лопухиных, Давыдовых, в администрации Яхненка и Симиренка — и имеем дело с благородными людьми, которые платят нам отлично, относятся к нам благородно, нас не прижимают и из нас соков не выжимают. А Терещенко платит скудно, обращается грубо, эксплуатирует своих служащих самым наглым образом, по общему своему правилу: дешево купить, доро[го] продать. Он из служащих поистине выжимает соки и эксплуатирует их самым бессовестным образом. По уверению Преснухина, крестьяне, живущие в тех имениях, которые куплены Терещенком, крайне раздражены против нашего Разуваева первого класса. Как только купит имение, тотчас возвышает арендную плату за землю: шла по 5 руб., он ее отдает не ниже 10, а то и 12 и 15 руб. Те говорят: «Що се за знак? Ми князю Воронцову платили по 5 карбованців, а ви з нас дерете 10 або 15». «Видите,— отвечает Терещенко,— князья Воронцовы земли не покупали, а если и покупали, то по 50 руб., а я покупаю по 100 руб. за десятину, я должен взять свой процент на капитал». И берет, и душит, и давит; облагает все поборами, даже самый воздух, если только возможно.

На наших глазах совершается процесс перехода поземельной собственности из рук дворянства в лапы купцов, фабрикантов-промышленников, кулаков, эксплуататоров. После панов-ляхов Любомирских настали паны поменьше: Браницкие, Воронцовы, Бобринские и далее помельче. Из мелких многие оголтели, разорились, попали в конкурс. Огромным собственником в Южной России состоит ныне Терещенко. Есть помельче его. Аренды в руках жидов. Не будь для них запрещения покупать в нашем крае землю, она бы наполовину перешла в их лапы. Но и за всем тем не подлежит ни малейшему сомнению, что земля мало-помалу будет переходить в руки семьи разуваевых, которых такою убийственною сатирою изобразил Щедрин.

По отношению к народу это истинные мастера кровопийственных дел, как их называет наш сатирик. То были паны, беспечные, ленивые, небрежные, мало знакомые с наукою со всякой дряни драть шкурку. Они часто были жестоки, неистовы, сластолюбцы, разбойнически притеснительны, самодуры, беспутники и т. д. Но нередко или большею частию они давали жить народу и оставляли за ним некоторые льготы. Деятели типа Терещенков — это те эксплуататоры, которые тихим, скромным нешумным, татиным и воровским манером выжимают и высасывают жизненные экономические соки из народа, совершенно по закону, при помощи полиции и судебного следователя. И не проси, и не моли у них; заберут все, что возможно забрать.

Вчера я беседовал с отцом университетским диаконом. Увидевши, что он хлопочет за крестьянку, которая навязалась ему в родство, что он ею не брезгует, что он за нее ходит по канцеляриям и по советчикам, я сказал ему: «Я вижу у вас народную душу, а следовательно, и человеческую. Помните,— сказал я,— отец-диакон: род приходит и род проходит. Где девались эти дуки: князья Любомирские, документ, за подписью которых вы только что мне показывали, которым в прош-

лом столетии принадлежало пол-Киевской губернии? Куда ушли Потемкины? Где девались Лопухины-Златопольские? Какую жалкую жизнь влачат дети Красовского, у которого было 25 тыс. дес[ятин] земли? Ныне настает царство Бродских, Хряковых, Терещенков. Еще поколения два-три и исчезнут Воронцовы, Браницкие, Лопухины, Корсунские, Бобринские и другие. Пройдет 100, 150, 200 лет, и мы не отыщем следов многих из этих фамилий и этой системы».

Наши пращуры увидят и новых людей, и новые фамилии, и новые системы. И кто знает, может быть, народ, тот народ, который полил потом и орошает землю своим потом и кровию, в то время будет владеть землею, которая по глубокому, еще не вынырнувшему, праву должна ему принадлежать.

Отец-диакон, ходатайствующий за бедную крестьянку, свою родственницу, напомнил мне диаконского сына покойного профессора уголовного права С. О. Богородского. О нем говорили, что, когда к нему, профессору, пришла в Киев мать, простая женщина, то он держал ее в кухне. Видите: иначе он не мог поступить, чтобы себя не унизить. Он в то время был уже статским советником. Это такое чиновное величие, которое имеет уже право забывать родную мать.

Вчера меня посетили: Познанский, Квачевский, Белогриц-Котляревский, Житецкий, сегодня — Хржонщевский, Русов и Тарабанов. Хржонщевский привез известие, что Лорис-Меликов объявил ему чрез полицию о том, что просьба его о возвращении его племянника Назарова, сосланного в Сибирь без суда, не может быть уважена. Милый Лорис, русский вице-император: он пыль в глаза пускает русской публике своею покрытою лоском мягкости и человеколюбия жестокостию. Среди русских людей [мягкость] столь загнана и забыта, что они поют этому деспоту хвалебные гимны за то только, что он сразу не слопает, а постепенно измучит. Хорошо быть господином в России: за одно уже то, что сразу не слопает, провозглашают благодетелем.

Разговор с Хржонщевским о добродетельном Гарниче-Гарницком: сообщил некоторые новости о сем нюхателе.

Нужно жить в миру со всеми. Нужно заискивать. Нужно казаться, а не быть. Нужно либеральничать, когда это требуется. Ретроградствовать по обстоятельствам. Сделать улыбку приветствия всякому, и даже первейшему подлецу. Ответить экивоком, двусмысленностию и неопределенностию, когда спрашивают мнения. Нужно быть и туда, и сюда, и куда угодно. Вот программа для деятельности золотой средины, дельца, нюхателя. По сей программе у всех можно выслужиться, у всякой партии, и даже заслужить внимание у всяких радикалов. Словом, быть в хороших отношениях со всеми, заискать у самого черта, ведь и его можно надуть. Глядя на людей с точки осуществления этой программы, я наблюдаю человеческие метаморфозы.

29 мая. В 11 ч. утра.

Друг сообщил следующую быль: она характерна; она разоблачает университетскую жандармерию; она дополняет вышесказанное о поведении некоторых душителей нашего совета в последнем заседании по отношению к студенту Лотрингеру — так, оказывается, его фамилия,

который попал в лапы жандармерии, но держит ныне экзамен, до сих пор думали, контрабандой, а оказывается, что по праву.

Несколько дней назад секретарь совета Виндинг в присутствии некоторых служащих в канцелярии, а также Саська, сказал: «Черт возьми! Это ни на что не похоже. Скрыть высочайшее повеление. Подводить ректора Бунге под ошибку». Оказывается, что в ректорство Матвеева получено было высочайшее повеление, которым определено: студентов, привлеченных к ответственности по обвинению в политической пропаганде, впредь до полного окончания об них дел, не исключать из у-та. Это-то высочайшее повеление оставалось без действия. Божовский, хищный волк, наперсник жандармерии в у-те, держал ее под спудом, будучи секретарем по студенческим делам. Ректор Матвеев, отупевший и одуревший, и ожандармившийся в руках Божовского, который был и есть его наперсник, или забыл про это выс[очайшее] повеление, а Божовский — диавол, любящий сеять зло, ему не напоминал, или намеренно, в сообществе с своим клевретом, помогавшим ему во всех его преступлениях и других темных делах, не исполнял этого повеления и исключал студентов, попадавших в лапы жандармерии. Когда настал ректором Бунге, повеление это оставалось ему неизвестным, оно оставалось скрытым в руках Божовского, тайного агента жандармерии. И студентов, попадавших в западню и в лапы жандармерии, продолжали тотчас исключать из у-та до окончания их дел. Только теперь вышла на свет Божий правда. Как и каким путем, не знаю. А в конце года Божовский непременно получит от совета награду. За что? За то, что он в высокой степени подл и пропитан ядом душительства.

30 мая. В 8 ч. утра.

Я говорю Хржонщевскому, посетившему меня несколько дней тому назад: «Скажите, сколько обрезано у вас студентов на 1-м курсе медицинского ф-та?»

— Из 180 чел[овек] более 100 не переведено. Из них Гарнич-Гарницкий обрезал более 80 чел[овек]. Шиллер — более 20. А несколько человек упадает на остальных. Огромное число студентов обрезано не по главным, а второстепенным предметам.

«Мне,— говорю я,— сдается, что экзаменами ныне профессора мстят студентам за 1878 г.» «Еще бы никуда шло, если бы так»,— отвечал Хржонщевский. Тут был бы еще остаток принципа: подтянуть, мов, студентов за их распущенность. Но побуждения, коим Гарнич-Гарницкий руководствовался, обрезывая студентов, еще мизернее, гаже, подлее.

— Какие? — спрашиваю я.

— А вот какие,— отвечает Хржонщевский.— Вы помните зимний бал, устроенный супругами Гарничами в пользу студентов. Гарничи не отдали отчета подробного, точного по пунктам.

Вслед за общими городскими слухами, между студентами ходили упорные слухи, что милые супруги изрядный куш из вырученной суммы прикарманили. Студенты как юноши слухами и толками втихомолку не ограничились. Они не раз требовали у Гарничей отчета, а на вечере некоторые из подкутивших студентов в глаза Гарнич-Гарницкой высказали свое мнение о скрытии суммы. Тогда с Гарнихою сделалось дурно, она плакала и рыдала. Вот теперь студенты расплачиваются за свою смелость. Тогда я сказал: «Ужели вы, дорогой товарищ, до сих пор со-

стоите в дружбе с этою семьею публичных воров, как бывало прежде?»

— Нет,— отвечал Хрж[онщевский],— вот уже три с половиною года, как я у них не бываю, несмотря на то, что мы сугубые кумовья.

Объяснение Хржонщевским мотивов, которыми руководствовался Гарнич при огульной провалке студентов, очень подходит к правде, но ее далеко не исчерпывает. У Гарнича в душе преобладают инстинкты хищника, нюхателя и искателя наживы, а инстинкты мести занимают второстепенное и третьестепенное место. Он до такой степени гнусен и подл, что никакими обидами доехать ему невозможно, он останется к ним глух и нем, лишь бы ему была корысть. Утрется, если ему плюнут в знак презрения в лицо. Умоется, чтобы уменьшить красноту, если ударят в лицо в знак того, что он негодяй. Поэтому он легко бы забыл и обиду студентов. Эка важность, что сказали жене его в лицо, что она прикарманила деньги. Мало ли чего не говорят о людях. Да и то нужно сказать, что без прикарманивания ничего не наживешь. Кто же из имущих обошелся без прикарманивания. Так мыслит профес[сор] Гарнич. Но сей профессор не может успокоиться, не может задушить в душе жажды наживы, которую он хочет удовлетворить получением места инспектора студентов. Для достижения сей цели он приносит в жертву и честь, и совесть, и благосостояние юношества, и интересы науки. Он искал места инспектора студентов, но оно ему не далось. Он предвидит, что Воскресенский должен будет скоро уйти. Вот он и хочет подобными подвигами заслужить право на получение сего места. У кого? Прежде всего в университетских душителей. Потом — у жандармов чистой воды. Затем у киевского Мордохея — прозвание Черткова. И, наконец, у министерии. Ныне заслуги Гарнича не могут быть не оценены такими органами.

31 мая.

Послал письма: Тарасову, Данкену, Грекову, Загоровскому, Подоляке, Пероговскому, Мацкевичу, брату Николаю и Чубинскому Василию, Опокову, Шостаку, Колесницкому, Чахурскому, Дымскому.

Из Иркутска мне пишет Колесницкий, ученик и приятель, следующее о Загоскине, бывшем инспекторе в военной гимназии и редакторе газеты «Сибирь»: «Положение Загоскина крайне печальное. Живет он на своей заимке (хуторе) под домашним арестом. Не говоря уже о том, что он нигде не может бывать, запрещено бывать и у него. Средств у Загоскина почти никаких нет, что было, то прожито, а пенсии, хотя и выслужил ее, не дают, как замешанному в политической истории. История же эта, как мне кажется, чуть не изобретена, с целию задавить газету «Сибирь» и добиться тех прав, какие даны генерал-губернаторам Европейской России. На Загоскина, Вагина и некоторых других лиц начальство косо смотрело, как на главных деятелей газеты и выдающихся гласных Думы. Нужен был только повод, чтобы поприжать, а повод представился. Какой-то сельский учитель Капотов, как говорят, полупомешанный, заявил себя поборником социализма и, разумеется, влопался. Влопавшись же, разумеется, оговорил нескольких лиц, как своих единомышленников, в том числе и Загоскина. У оговоренных произведен был обыск. Хотя при обыске, говорят, ничего предосудительного не найдено, тем не менее, некоторых из оговоренных лиц, в том числе и Загоскина, жандармской офицер Халтурин заключил под стражу. С падением бывшего генерал-губернатора Фре-

дерикса, Загоскина и других из острога освободили, причем, против Загоскина предпринят домашний арест. Произведенное же дознание отослано в 3-е отделение, и Бог весть, чем кончится эта печальная история. Надеялись, что с падением Фредерикса иркутяне заживут тихо и спокойно, но не тут было. Впрочем, к чему перечислять все то, что творится здесь»? К сказанному прибавлю только, что газета «Сибирь» фактически перестала существовать — редактора ее разными угрозами заставили отказаться от редакторства, а лицо, допущенное к исправлению этой обязанности, чрез две-три недели отказалось. Иркутяне все надежды свои возлагают на вновь назначенного генерал-губернатором Анучина. Говорят, что он человек правдивый и вообще хороший. Дай-то Бог. О, мать родная страна! Кто тебя не притесняет? Где тебя не угнетают? Чем тебе не досаждают! Сибирь — классическая страна административного произвола, гнета и самодурства. Общее мнение о Фредериксе как о самом наглом и низком взяточнике. Откуда он взялся? В польское восстание поднялся из мелких полициантов и сравнительно в короткое время достиг Сибирского генерал-губернаторства, на котором, несмотря на то, что оно представляет высокий пост, он брал взятки, открыто лихоимствовал. Страна золотых приисков представляла ему классическую для того почву.

1 июня. 11 ч. утра.

Вчера было последнее пред вакациями заседание нашего университетского совета. Докладывалось, между прочим, следующее дело: студент медицинского ф-та 1-го курса, фамилии его не помню, пишет, что он с половины апреля до 6 мая сидел у постели умирающего отца, который и скончался на его руках в университетских клиниках, имея в Киеве его одного близкого человека. Поглощенный попечениями об умирающем отце, он не мог держать экзамена. Да до того ли ему было. По сим уважительным основаниям он просит совет дозволить ему держать экзамен после вакаций. Все члены совета склоняются на сторону удовлетворения этой просьбы. Одни душители, Эргардт и в особенности Шеффер и Сидоренко, возопились: «Как можно допустить такое отступление от правил,— хороши правила — тогда появится двести прошений подобного рода». «Двести прошений по случаю смерти отцов,— воскликнул даже уемчивый Феофилактов,— помилосердствуйте, профессор Шеффер».

Все согласились дозволить студенту, не державшему экзамена по причине исполнения своего священнейшего долга, держать экзамен после вакаций. Два душителя: Шеффер и Сидоренко объявили, что они подадут отдельные мнения. Пошли, судьба, этим душителям доказательство того, что они забывают и честь, и совесть человеческую, в лице их собственных детей: когда им придет час тяжкой болезни, или смертного часа, пусть их собственные дети, очерствев в фарисействе и душительстве своих отцов, забудут своих родителей, лежащих на одре тяжкой болезни, или смерти, ради мирских успехов в жизни.

Оказывается, что наши университетские законодатели с Н. Х. Бунге во главе написали такие правила для студентов, в которых забыт и здравый смысл, и здравая совесть, и чувства, и естественные немощи человеческие. Издали закон: студент, не державший первый год экзамена, остается на второй год, не принимая во внимание никаких обстоятельств, ни тяжкой болезни собственной, ни тяжкой болезни или смерти родителей. Издавая эти правила, Бунге и другие законодатели,

вроде Демченка, Незабитовского и иных, плясали под дудку ошалевших душителей: Шеффера, Сидоренка, Эргардта и К°. Оказывается, что правило это составлено под влиянием двух течений. Профессор Хржонщевский, заискивающий популярности среди студентов, выдает студентам не зря свидетельства о болезни, болен ли студент, или нет, все равно, достаточно если его студент попросит; в этом отношении Хржонщевский есть прямопреемник Гюббенета, который выдавал свидетельства сотнями; студенты, зная тщеславие Гюб[бенета], прося его о выдаче свидетельства о болезни, обыкновенно титуловали его *ваше превосходительство,* даже тогда, когда он не был официально таковым. Против такой манеры Хржонщевского, которую одобрить никак нельзя, постоянно изрыгал яд всяческих инсинуаций и преувеличений профессор-душитель Шеффер. И вот, для прекращения неодобрительной деятельности Хржонщевского и в угоду душителю Шефферу и К° и издали знаменный закон, в котором забыто все человеческое и имеется в виду нечто Хржонщевского и все шефферовское. Как будто ум наш должен танцевать под дудку искателей ложной популярности и ошалевшего душителя. Следует отыскать правильную норму общую, которая бы стояла выше мелких мизерных расчетов личных. Бунге был всегда танцором под чужую дудку; он, будучи крайне мелок по уму и принципам, всегда был нюхателем, хотя в значительной степени quasi [30] общественного мнения. Восторжествуй общественное мнение душителей, он и ему угодит. Господствуй противоположное,— он и ему поклонится и послужит. Да это отвратительный многобожник; он, как Аарон, поспешит в угоду кому-нибудь соорудить золотого тельца, и сам первый станет пред ним творить жертвы. Наша университетская жизнь за последние пятнадцать лет в значительной степени окрашена бунгианством — от этого она в значительной степени своей части отвратительна и нравственно мизерна.

2 июня. В 2 ч. дня.

Посетили меня: Познанский, Миклуха, несколько раз, Давиденко, Короткевич, Джалалов, Нежинский, Орачевский и Хроновский. Познанскому и Хроновскому дам рекомендательные письма для получения места.

Друг получил из Полтавы письмо, в котором извещает, что суд решил его дело против него. Тяжко мне.

В субботу вечером, 31-го, были у брата Павла. Совершен был обряд крещения второго его сына. Он женился на той Самофаловой, которая на днях судилась за то, что выстрелила в Лысенка, своего любовника-студента, ее покинувшего. Суд ее оправдал: признал ее действовавшею в припадке умоисступления и болезни. Восприемником его сына были: наш Владимир и Людмила, старшая дочь брата Федора.

Вчера я был у Житецкого. Возвратил его записку, посланную им Исакову.

Слово за словом, так мы проболтали с 9 до 1/2 1 ч. ночи. Потолковали о бедном брате, погорячились о добре.

Много он говорит об А. А. Котляревском: он считает его человеком сделок, находящимся в повиновении своей жены, богатой москов-

ской купчихи из дома Поповых, торгующих чаем. Я его считаю человеком непринципиальным, ищущим мирских выгод, с слабою способностию обобщения и с достаточными знаниями по положительной части своего предмета, заменяющим высшее начало балагурством, человеком по натуре грубым и неделикатным, но знающим, где раки зимуют. Житецкий считает его тайным недоброжелателем развития местной жизни и интеллигенции на началах украинофильских. Думаю, что это верно. Внешним-то образом он желает с ним ладить, но все его симпатии на стороне неопределенного направления. Он считает его закабаленным в экономическом и нравственном отношении своею женою. И это в значительной степени так. Жена его выше купеческих идеалов не поднялась. Котляревский поет песни то о науке, как в совете по поводу допущения музыки в Ботанический сад, то о чистой науке, речь им сказанная на обеде в Коллегии Галагана. Чистая наука в устах Котляревского?

Чистая наука в его друге Гарниче? Помилосердствуйте и не фарисействуйте. Во-первых, что такое чистая наука? Во-вторых, очистите ваше нутро от всякой мерзости, тогда будет более чистой наука. В-третьих, пусть фарисеи и проповедники чистой науки укажут, где обретается эта чистая наука, без симпатий и антипатий, без лицемерия, лжи, сделок и подвохов с одной стороны, без любви к добру и ненависти ко злу, с другой. А те, которые проповедуют о чистой науке, нередко бывают преисполнены грязными помыслами в самую торжественную минуту служения ей. И вот, когда я слышу Котляревского, доказывающего, что будто бы несовместно с интересами науки допускать музыку городского общества в Ботанический сад от 6 до 8 ч. вечера, я говорю: «Лицемеришь ты, господин ученый. Наука здесь не при чем, разве только она служит тебе для того, чтобы ты превратил ее в клячу для твоих выездов». Или, когда мне говорят, что Котляревский сказал воспитанникам Коллегии Галагана, что только с вступлением в у-т они соприкоснуться с *чистою наукою,* я думаю: не может исходить чистая наука из грязных уст, запачканных и запятнанных ложью, фарисейством и лицемерием. Уж не говорить бы вам о чистой науке, а преподавать бы ту, какую Господь послал. А то подумаете невесть что. Подличаете, да еще хочете возвесть себя в героев науки. Реакционеры ума, сердца, обычаев, нравов и всякого поведения.

Речь шла о Тулове, находящемся в бедственном положении. Но об нем речь впереди.

3 июня. 11 ч. утра.

Вчера я повстречал старуху, тетку Рохальской, сосланной в Восточную Сибирь, ту самую, которой я писал прошение к Лорису о возвращении ее племянницы. Спрашиваю: «Какие имеются вести о судьбе вашего прошения?» «Полиция объявила мне, что оно оставлено без последствий». «Значит, это обман,— объявление в газетах о пересмотре дел сосланных административным порядком»,— сказал я. Вчера я прочел открытое письмо к Лорису Драгоманова [31]; он проводит мысль, что миссия Лорис-Меликова — пускание пыли в глаза. Я совершенно с ним согласен. Это один из видов самого тонкого, русско-татарского обмана, которым русское правительство еще со времен Екатерины морочит головы своих подданных и пускает пыль в глаза Европе.

Вот тайное высочайшее повеление, показывающее высочайшую степень татарщины нашего самодержавия:

Государь император 30 минувшего мая 1876 г. высочайше повелеть соизволил:

«1. Не допускать ввоза в пределы империи без особливого на то разрешения Главного управления по делам печати каких бы то ни было книг и брошюр на малорусском наречии.

2. Печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь: а) исторических документов и памятников и б) произведений изящной словесности, но с тем, чтобы при печатании исторических памятников, безусловно, удерживалось правописание подлинников; в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе как по рассмотрении рукописей в Главном управлении по делам печати.

3. Воспретить также различные сценические представления и чтения на малороссийском наречии, а равно и печатание на таковом же текстов к музыкальным нотам» [32].

Это произведение того же императора, который в том же году дозволил России высылать и деньги, и своих сынов-добровольцев на помощь Сербии. Это повеление того же самого императора, который в 1877 г. вел войну против турок для освобождения болгар, одного из племени славян. Не знаешь, чему здесь больше удивляться: слабости ли мысли человеческой, слабоумию и слабодушию ли русского человека, который в состоянии в один и тот же момент покровительствовать за своими пределами братьев-славян, итти к ним даже на помощь, воевать с другими народами за освобождение славян, а с другой стороны — так позорно угнетать у себя славянскую самобытность.

Подумаешь, что бы было с славянскими племенами, если бы Европа не соперничествовала и не завидовала России. Русская алчность и русский деспотизм их бы захватил, скрутил, придушил материально и морально.

И вот, благодаря тому, что Россия деспотическая страна, склонная к тирании, что ей нельзя доверять, что ей нельзя еще вручить руководство славянскими народами, иначе она их съест, и внесет в них разврат деспотизма, разложение тираний, благодаря этому балканские славяне попали из огня, да в полымя: из власти турок попали во власть австрияков — немцев и угров. Это неизбежный вывод дилеммы.

Нужно знать происхождение вышеприведенного высочайшего повеления. Оно внушено императору — кем бы вы думали? — доносчиком Юзефовичем и К°.

В стряпне доносов за кулисами принимали участие многие: внушениями, инсинуациями, подстрекательством, одобрением, досмакиванием. Первая роль в этой деятельности принадлежит покойному Виталию Шульгину, редактору «Киевлянина». За ним следует Ренненкампф, бывший тогда городской голова. Н. Х. Бунге только издалека подсмакивал ощущения удовольствия от такой деятельности. Он присутствовал на том обеде, который покойный Шульгин дал возвратившемуся в мае 1876 г. из Петербурга Юзефовичу. На сем обеде выслушан был отчет этого сикофанта о его подвигах и деятельности комиссии, предложившей положения для упомянутого высочайшего повеления.

На этом же обеде присутствовал и юный Пихно. Здесь произошло его посвящение в сикофантскую политику, которую он ныне практикует с таким успехом.

Вспомнил я, что в последнем заседании совета душители сильно восставали против допущения в наш у-т исключенных в 1878 г. по первой категории, коим по приговору суда ныне принадлежит право поступать опять в у-т. Они неясные слова закона хотели обратить во вред юношества. Я развивал мысль, что неясность закона всегда должна быть толкуема в пользу страдающего. In dubio mitius [33]. Бунге был на той стороне, на которой и я. Принято: допускать исключенных студ[ентов] по первой категории в наш у-т. В том же совете было прочтено то высочайшее повеление, которое было скрыто жандармом Божовским. Возник вопрос: как понимать выражение высочайшего повеления: не исключать, пока определительно не будет признана виновность арестованного. Я доказывал, что под этим разуметь должно приговор суда, или ссылку в отдаленные губ[ернии] административным порядком. Когда же Феофилактов сказал: «Долго нам иногда придется ждать приговора суда», я заметил: «Едва ли, ныне чрез несколько месяцев или даже недель молодых людей вешают». Принято мое толкование.

4 июня. 2 ч. дня.

В марте и апреле месяце в газетах передавалось известие, что В. И. Лихачев назначен чиновником особых поручений при Лорис-Меликове, начальнике Верховной распорядительной комиссии. Я был некогда хорош с Лихачевым и его женой. Каждую пятницу я заходил к ним обедать, возвращаясь со службы из Сената. Они были тогда очень любезны и ласковы со мною. В последствии времени, в два мои посещения в Петербурге я их посетил. Но встреча моя с ними была холодна: как будто наше знакомство пересохло, иссякло. На их деятельность отразился какой-то меркантилизм, какая-то ремесленность, какая-то погоня за наживою и деловитостию во что бы то ни стало. Тем не менее, я почел себя в возможности написать ему следующее письмо 7-го апреля сего года: «Многоуваж[аемый] Владимир Иванович. В то время, когда с Севера потянуло более мягким, более умеренным растворением температуры, после ужасной стужи, которая ледянила самую кровь нашу, я берусь за перо, чтобы писать Вам. Вспомнил я события в Киеве, происшедшие весной 1878 г., когда из Киевского у-та исключено было 130 студентов и когда 39 из них немедленно же были отправлены в отдаленные губ[ернии]. Я до сих пор не могу забыть плач, вопль и смятение, происшедшее в обществе. Тогда-то я воочию увидел, что поражены были не 130 и 39 студентов, а 130 семей, что ударили в самое больное и нежное место 130 матерей, 130 отцов, что остались безутешными сестры, братья, близкие и отдаленные родственники. И в ушах моих с тех пор не переставал, каждый раз, когда я вспоминал эти события, звучать евангельский стих: «Глас в Раме слышен плач, вопль великий, Рахиль плачет о детях своих, и не хочет утешиться, ибо их нет». Вы спросите: что означает притчасия и к чему все это я Вам пишу? Отвечу. Не знаю, как вы примете мои слова. Это дело Вашей совести и Вашего положения. Но я считал долгом написать вам об этой истории и обновить воспоминанием события. Когда совершилось упомянутое изгнание киевской молодежи и

ссылка 39, из которых некоторые принадлежали к числу даровитейших студентов, со всех сторон ко мне посыпались письма от моих товарищей университетских, близких и далеких, и в этих письмах от лиц различных положений в обществе я должен был выслушивать жестокие упреки за то, что я мог содействовать осуществлению такой жестокой меры, и такому бессердечному поведению по отношению к молодежи, с забвением своих увлечений в молодости.

Я мог им ответить только, что я не участвовал в том заседании совета, в котором было определено такое избиение младенцев, и что, с другой стороны, я не обладаю такою необдуманною храбростию, чтобы чувствовать себя в силах восстать против такого решения. Притом же самый тяжкий удар — ссылка в отдаленные губ[ернии] — был нанесен не университетским начальством.

Но с тех пор, как я воочию убедился, что это было действие со стороны власть имущих необдуманною крайностию, когда я сознал, что этою мерою увеличено было раздражение процентов на десятки процентов, что такой образ действий есть наилучший, чтобы создать и увеличить класс недовольных, с тех пор, когда я получил со всех сторон доказательства, что общественное мнение не одобряет крайностей, хотя бы они исходили и от власть имущих, с тех пор я не переставал твердить, что ошибку следует исправить, что раны следует залечить, что управление должно быть ведено не путем крайностей, что безумие и беззаконие одних нисколько не уполномачивает на это самое других, хотя другие принадлежали к классу власть имущих».

Затем я просил Лихачева замолвить слово за Льва Симиренка, содержимого в Мценской тюрьме по распоряжению администр[ации] и предназначенного к ссылке в Сибирь.

Добродетельный Лихачев не дал мне ни ответа, ни привета. Занят помышлениями о собственных делишках.

Стр. 21. *1880 г. с 6-го июня.*
5 [июня].

Во вторник посетили нас Мищенки: муж и жена. Пришла также Таушева. Была Антонович — госп[ожа] и Сасько. Вечер проведен в беседе. Долго беседовал я с Мищенком о так называемой чистой науке.

В среду, 4-го, был артист Лысенко. Хотел взять у меня брошюры Драгоманова. Они присланы сим мужем в унив[ерсите]тскую библиотеку. Откуда я их и взял. Лысенко хочет просить в Главном управлении по делам печати о разрешении печатания 3-го выпуска его песен. Ему до сих пор не разрешали в силу знаменитого высочайшего повеления. Просил, чтобы я составил ему записку. Отложили на 6-е, когда он должен быть у меня. Лысенко — один из тех, которые в период пущего влияния в Киеве Драгоманова в украинофильской среде удостаивали меня холодным киванием головы. Ныне они благоволят быть ласковы.

Сегодня, 5-го, в 1 час посетил меня Прахов, профессор Петерб[ургского] у-та по кафедре теории и истории изящных искусств, и Мурашка, основатель небольшой школы рисования в Киеве. С Праховым я познакомился в 1873 г. в Риме, где он изучал сокровища искусства. В прошлом году я встретился с ним в Петербурге у Сергеевича. Ныне он приехал в Киев для того, чтобы познакомиться с его древностями.

9 июня в 12 ч. дня.

6-го вечером был у меня Лысенко. Смастерили просьбу в Главное управление по делам печати. 3-й выпуск его сборника малороссийских песен напечатан в 1878 г. в Лейпциге и был прислан в Киев. Вследствие неразрешения, он должен был отправить назад в Лейпциг свое сочинение, боясь, чтобы его не предали истреблению.

6-го июня посетил меня Греков с тремя малолетними детьми, чтобы выразить, как он сказал, благодарность за содействие по выиграшу его дела. Конечно, это отчасти так: то есть отчасти этим мотивом он руководствовался; но отчасти и другим: в будущем я ему нужен еще. В прошедшем он посещал меня благовременно и безвременно: посещал сам, с женой, с детьми, посещал вечером, днем, утром, во всякое время. Он и жена его настоятельно упрашивали меня, чтобы я взял ведение их дела на себя. Мне настоятельно советовали взять его: друг и жена. Но я наотрез отказался, а рекомендовал им Квачевского. Ныне мне — душевная благодарность, приносимая лично в сопровождение трех малолетних детей, а Квачевскому 20 000 руб. вознаграждения. Вникнув в настроение моей души, я должен сказать, что в ней нет ни тени сожаления, ни зависти. Но есть в ней боль сердечная из-за того, что я ошибся в Квачевском: это, оказывается, самый корыстный, самый беззастенчивый и хищный человек. Греков оставил мне его переписку, затем 7-го вечером дополнил личными объяснениями. От писем Квачевского несет жаждой набить цифру вознаграждения более 20 000 руб. и, если возможно, сейчас же схватить эту сумму, хотя решение это нельзя считать безвозвратным: еще остается кассация. В одном из писем к Грековым он пишет, что я считаю решение суда по сему делу проявлением высочайшей справедливости. А между тем он в то время еще не виделся со мной и не сказал со мной ни одного слова о сем решении. Наглец — и это не в первый раз.

Вчера обедали у нас Прахов и Мурашка. Просидели до 8 ч. вечера. Вечером отправились в «Шато де флер». Там слушали музыку, смотрели на балаганные танцы и песни, слушали фарс и пародии Каменского из русского быта и Богданова — из еврейского. Давидова пропела малороссийскую: «Ой, час до дому, час» — переложенную на русский язык. Иначе бы не позволили. Говорят, она получила разрешение по телеграфу от Абазы петь малороссийские песни. Но Гессе — губернатор и Чертков — ген[ерал]-губернатор все-таки не дозволили — и дело пошло опять в Петербург.

9 июня 1880 г. 12 1/2 ч. дня.

Все эти дни я хожу как неприкаянный. Отвращение от работы; пусто и смутно в душе. Равнодушие ко всему и даже к жизни. Я болен душевно, я истомлен и истерзан сомнениями и оскорблениями моего внутреннего мира, моего я. Я боюсь за себя. Или опять начинаю бояться. Эти припадки не первый раз. Они не раз приступали ко мне; не раз становились мне на душу и меня тиранили. Были времена, как при окончании университетского курса, когда я впадал в полную импотенцию и терял способность к умственной работе. С тех пор, однако ж, эти припадки и эти приступы хотя и повторялись, но были всегда слабее. Но зато приступы страшного недовольства и собою, и людьми, болезненной восприимчивости впечатлений и событий, восстания в душе воспоминаний о прошедших ошибках, боли от людской злобы, ко-

рысти, лукавства и преступлений, носящих в наше время имя заслуг и обожаемых успехов,— до такой степени овладевают моею душою и всем моим существом, что я ложусь с раною в сердце, и встаю уже с готовым болезненным ощущением и настроением. Какая-то болезнь за будущее; какое-то ощущение неопределенной вины; как-то щемит и болит сердце. Как будто я человек, совершающий скверные дела. То вдруг восстанет предо мною образ какого-либо современного мерзавца, или современной ничтожности, пожинающей плоды успехов, или какого-либо хитреца и коварного человека, который, воспользовавшись моими услугами, показывает мне задняя; и сердце мое начинает безотчетно ныть. То опять подымаются в душе упреки за то, что я там-то держал себя несамостоятельно, холопски, угодливо, пассивно,— и мне кажется, что я ничтожный угодник современности. То вдруг меня обуяет боязнь из-за того, что я там-то запротестовал, там-то выразил слишком резко свое мнение: тогда мне кажется, что враги меня слопают и сотрут в порошок. Да, я надтреснутый и дребезжащий сосуд, хотя, может быть, и носящий печать высокой работы.

9 июня. 1/2 11 ч. вечера.

Празднество по случаю открытия памятника Пушкину совершилось. И совершилась первая канонизация великого русского поэта. Закрепление ее впереди. Эта канонизация произошла с дозволения начальства. В ней приняло участие само правительство: принц Ольденбургский был первенствующим лицом. На торжестве присутствовал московский генерал-губернатор, министр народного просвещения и разный генералитет. Итак, того самого, которого шестьдесят лет тому назад правительство ссылало на жительство в Кишинев, кому оно запрещало въезд в столицу, того самого, ныне само правительство благоволило чествовать. Пушкин до конца жизни состоял под надзором «черного кабинета». Николай, желая *достойно* наградить поэта, возвел его в камер-юнкера. Да, эту награду великому поэту мог дать император, созданный *скалозубовщиной.* Только теперь начинается очищение памяти поэта от всей этой скверны, которою замарала ее русская скалозубовщина. Но и при всем том участие правительства в торжестве выразилось блистательным отсутствием участия императора и его дома. Вот другое дело,— годовщина кавалеров георгиевского креста, о, на празднике в честь ее вы непременно найдете императора. Или какой-нибудь гвардейский полк празднует годовщину,— присутствие императора необходимо. На то мы военные. На то мы обоготворяем русскую материальную силу. А то еще мы станем принимать участие в торжестве в память и честь великого русского поэта! К чему? Ведь это значило бы чествовать торжество русского духа и русского ума. А мы всегда его боялись, по возможности, то сдерживали его, то задерживали, то немножко прижимали, то по времени простонапросто душили. Еще бы, если бы поминали какого-либо фельдмаршала, тут присутствие императора было бы по этикету уместно; а то чествуют память какого-то камер-юнкера. Здесь присутствовать императору даже неприлично. Да, [до] чествовани[я] великих проявлений русского духа, русского ума, мы еще не доросли. Мы воспитаны больше в марсомании, чем в духе высших идей.

10 июня. 10 ч. утра.

Сделал 9-го визит Прахову. Посетил Лысенка. Оставил ему проект письма к Абазе, главному начальнику по делам печати: письмо о разрешении ввоза в Россию того же сборника малороссийских песен.

Явился в 1/2 2 ч. Мирович, учитель духовной Киевской просеминарии. Едет в Петербург. Хочет искать службы в Синоде. Просил рекомендации. Обещал дать письмо к Вощинину.

Раньше, в 10 ч., был Центнерский из Умани, по профессии охотник. Попался в уголовном деле. Высматривает не преступником. Адресовал его к Краинскому. Двери мои всем открыты. По возможности стараюсь дачею совета, рекомендациею быть полезным каждому, кто ко мне обращается.

Встретил вчера на Крещатике П. С. Колачевского, хроника-студента. По возвращении из-за границы, я читал лекции курсу, в котором сидел Колачевский. Он со мной познакомился и ко мне привязался. Вместе с Бородиным он составлял каталог моей библиотеки. Но будучи непостоянен в специальных занятиях, имея пристрастие к теории музыки, увлекаясь театром и оперой, он, вот уже 10 лет, как поступил в у-т, а экзамена до сих пор не держал. В последнее время он исчез было из Киева. Как вдруг опять вчера его встречаю. Оказывается, что зиму он провел в Ярославле, хотел держать в лицей экзамен. Посмотрел, понюхал, сообразил и возвратился в Киев, чтобы опять стать под крыло своей Alma Mater. Я его ободрил, настоятельно советуя ему, приступить к экзамену. Говорит, твердо решился.

— Ваше имя высоко стоит среди ярославской молодежи,— сказал он мне.

— Откуда же они меня знают?

— Профес[сор] Сергеевич обильно вас цитирует в своем курсе и постоянно Ваше имя упоминается на лекции. Между прочим, он говорит, что такого исследования, как Ваше о смертной казни, и в западной литературе нет.

Видимо, юноша ко мне расположен. В душе моей друг. Этим я и объясняю все, что есть честного в его словах.

12 июня. 8 ч. утра.

Был у попечителя. Речь вел с ним о Мацкевиче, моем университетском товарище, учителе Херсонской гимназии. Просил, чтобы попечитель предоставил ему место в Киеве, или в Киевском округе. Обещал. Сказал: «Сделаю Вам угодное. Пусть подает прошение». Стелет мягко.

Из разговоров оказалось, что он дал движение делу о том студенте, который сидел у постели умирающего отца и потому не держал экзамена. Он лично был у ректора Феофилактова и просил его доставить прошению благоприятный исход. Видно, имеет доброе сердце. Говорит, что Чертков намерен войти с запросом: в каком положении находится инспектура. В какую сторону клонится это предложение, из слов Голубцова я уразуметь не мог.

На днях посетивший его Мечников, председатель судебной палаты, передал ему, что Харьковский у-т (Мечников переведен из Харькова) находится в открытой войне со своим попечителем, генералом Максимовским. Тот потребовал, чтобы университет принял содержание инспектуры на свой счет. Университет отказался, ссылаясь на закон: он предварительно заручился консультацией по сему вопросу некоторых

профессоров юридического факультета. И так как пошло на войну, то у-т требует, чтобы попечитель очистил квартиру, занимаемую им в здании у-та, так как комнаты необходимы для университетских клиник. Генерал-майор Максимовский внес военные приемы в управление у-та и наткнулся на сопротивление.

Вчера был у меня Центнерский: его оправдали. Рад я.

Приготовил письма: Тарасову, Иващенку, Мацкевичу, в Виленскую комиссию, которая присылает мне свои издания, и князю Кострову.

Вечером был совет администрации. Провели конец вечера в беседе: были Таушева и Антонович. Мельком виделся с Котляревским, который заходил. Условились сегодня вечером отправиться вместе к Прахову и Житецкому.

12 июня. В 1 ч. дня.

Получил брошуру от И. П. Новицкого под заглавием: ««Киевлянин» под редакцией В. Я. Шульгина»[34]. Состоит: из биографии Шульгина и указателя статей. Первая принадлежит перу г-на Градовского, свойственника Шульгина, а вторая — Новицкому. В особенности обратило на себя мое внимание следующее место биографии: «В последние годы Шульгину, в качестве редактора, пришлось испытать новые невзгоды по поводу отношений к «украинофильству». Не разделяя этих увлечений, не видя добра в раздроблении и разъединении общественных сил, не сознавая необходимости в искусственном создании в России второго литературного языка на место выработанного уже исторически, совместною жизнью и общими силами всей России, *Шульгин,* конечно, не мог не восставать против украинофильских тенденций. К сожалению, так как у нас обыкновенно в привычке выдвигать вперед полицейские силы, даже в чисто идейной борьбе, то противникам приходится или умолкать, или быть обвиненными в очень нелестных поступках — в измене и неблагонадежности, с одной стороны, или в подкупленности и шпионстве, с другой. *На долю Шульгина выпал, по-видимому, второй род обвинений, которые, в данном случае, были более позорны для неразборчивых обвинителей, нежели для обвиняемого».* Что Шульгин был убеждений противоукраинских, это без сомнения. Что за это он не подлежит порицанию, это очевидно. Ведь украинофильство есть достояние незначительного кружка. Это учение, коего успехи, и притом ограниченные, в будущем. Но дело в том, что он ненавидел украинофильство по чисто личным интересам и потому он старался ему вредить путем официальным, старался цковать на него власти. Он был душа всех доносов Юзефовича. Он старался, чтобы правительство подозрительно смотрело на «Киевский телеграф», издаваемый 13-ю. Он употреблял все зависящие средства, чтобы его погубить. «Киевский телеграф» был соперник его карманных интересов; он боялся уменьшения числа своих подписчиков с процветанием «Телеграфа». И вот он употреблял все зависящие от него средства, чтобы его скапутить. В чем он и преуспел. Он был в стычке с шпионами и доносчиками. Он играл по отношению к украинофильству такую роль, какую Булгарин по отношению к писателям не его прихода.

На днях спрашиваю Прахова:
— Каково в Петербурге положение Цитовича?
— Убедились, что не стоит того, что за него заплатили.
— Кто?
— Валуев и Маков.
— А в обществе как он стоит?
— Все стараются не обращать на его газету внимания. Разносчики газет предлагают номера «Берега» по 3 коп., ниже их настоящей цены. А это дурной знак.

12 июня. 6 ч. вечера.

Написал несколько слов А. А. Котляревскому о Тулове. Его печальное нравственное и материальное положение требует поддержки, одобрения. Следует доставить ему приват-доцентуру с содержанием. Человек этот достойный и заслуживает того, чтобы об нем позаботиться. Лично я с ним только знаком, но не нахожусь с ним в каких-нибудь отношениях. Мы даже друг у друга не бываем. Я узнал о его бедственном положении от Житецкого. После того я говорил о нем с Демченком и Мищенком, а ныне написал Котляревскому. Жалею, что не имел случая лично переговорить с этим последним.

13 июня. 1/2 2 ч. дня.

Котляревский отказался от уговора быть вместе у Житецкого. Я отправился сам к Прахову, а с ним к Житецкому. Просидели до 1/2 1 ч. ночи. Беседа вертелась на предметах малороссийского художества и домашних народных изделий. Прахов приехал с целию изучения этой стороны нашей местности. Вопросы его приводили в краску нас, местных деятелей. Оказывается, что по части собрания малороссийских художественных памятников ничего не сделано. Вспомнили добрым словом покойной памяти Киевское отделение Географического общества и состоявший при нем малороссийский музей, ныне пошедший по рукам. Вспомнили проклятиями виновника закрытия отделения Географического общества и разрушении музея — Юзефовича.

Прахов, несмотря на то что петербургский профессор, отнюдь не централист. Большую симпатию питает к художественным местным особенностям. Чутье художника его спасает. Социальные его убеждения узки, бедны и малопрогрессивны, хотя он не из душителей. Он товарищ Н. И. Мурашки, основателя школы живописи в Киеве, человека скромного, но полезного. С ним он на «ты». Он ему советует обратить внимание на этнографию Малороссии и путем художнической деятельности собрать и закрепить материалы для описания и изображения малороссийского типа.

На вопрос мой Житецкому: «Что привез вам из Петербурга Чертков?» — Житецкий ответил: «Исаков вручил ему мою записку. Она произвела на него впечатление, как видно из беседы, которую он на днях вел с директором военной гимназии Алексеевым. Он прочел ее два раза. Мнение его таково. Она доказывает, что Житецкий солидный и умный человек. Как будто, писал свою записку искренно, без утайки и фальши». Видно, что записка Житецкого его умягчила. Он, между прочим, сказал: «Меня упрекают в том, что я преследую украинофилов. Пусть бы прежде влезли в шкуру генерал-губернатора и затем говорили бы». В конце концов директор Алексеев написал Исакову

письмо, в котором просил, чтобы он оставил Житецкого и К° в Киеве. В письме он передает свой разговор с Чертковым и берет на себя ручательство за благонадежность Житецкого и его товарищей.

Сегодня я сообщил Житецкому ответ Котляревского насчет Тулова, вполне сему последнему благоприятный. Вместе с тем, я написал Житецкому, что ему, как человеку с истинно профессорскою головой, следует искать места профессора в Киевском университете, если только он останется в Киеве. Предлагаю ему свою инициативу по возбуждению в университетской среде сего вопроса, если он разделит мою мысль.

13 июня. 4 ч. дня.

Только что продержал корректуру того протокола Киев[ского] юрид[ического] общества, в котором помещена рецензия Квачевского на книгу *Кавелина* «Права и обязанности по имуществам и обязанностям» [35]. Поток фраз; канцелярское красноречие; преувеличенные похвалы; 90 % пустословия и 10 % дела. Как везде, всегда, во всем, и во всех своих юридических сочинениях.

В газетах передают тот ледяной прием, какой встретил пресловутый *Катков* на думском обеде в Москве по случаю открытия памятника Пушкину.

15 июня.

Что-то помешало мне кончить. Затем я уехал к брату Федору в Городищенский завод. Все 14-е число я провел в дороге. Приехал на вокзал в 7 ч., где встретила меня жена брата Варя. Вместе со мною приехал во свои владения князь Воронцов с женой. Вся эта окрестность — владения Воронцова, за исключением, конечно, крестьянских наделов.

В Городищеский завод я приехал с намерением осмотреть помещения рабочих. Хочу воспользоваться званием председателя совета администрации, чтобы присмотреться к этой статье. Намерен возобновить осмотр помещений осенью, когда завод будет в ходу. В настоящее время идут полевые работы.

13-го, накануне моего отъезда, вечером собрались у меня три профессорских стипендиата Б[елогриц]-Котляревский, Хроновский и Нежинский. Хроновский, собственно, отставной. Я давал ему рекомендательное письмо к Сабурову, председателю Киев[ского] окружного суда, прося его оказать ему содействие к получению места помощника секретаря в Киев[ской] суд[ебной] палате. Письмо, должно быть, имело действие. Мечников, председ[атель] суд[ебной] пал[аты], после этого письма принял его любезно и даже поручил ему написать статью по одному вопросу, вытекающему из введения судебных учреждений в нашей местности. Хроновского я рекомендовал как человека, между прочим, работающего в газетах. Хроновский был одним из главных вкладчиков статей в «Киевском листке». Ныне он пока перестал там работать: произошли какие-то недоразумения между ним и издателем Корчак-Новицким. Будучи деятельным сотрудником хотя плохонькой газетки, он должен был столкнуться и познакомиться с цензором Лаймингом, весьма интересною особью человеческой уродливости. Я просил его записать мне эпизоды из своих встреч с этим господином и увековечить взгляд и образ мыслей сего евнуха целомудренности мыс-

лей киевской прессы. Хроновский обещал это сделать. Я предлагаю Хроновскому взяться за перевод курса гражданского права Лорана под моей редакцией. Я намерен переговорить с Корчак-Новицким, владельцем типографии и издателем «Киев[ского] листка», не пожелает ли он издать этот перевод с платою Хроновскому по 10 руб. за лист по мере его перевода. Хроновский на этих условиях соглашается взять на себя эту работу, как человек, который года два по окончании курса в звании стипендиата занимается изучением гражданского права. К сожалению, я не успел переговорить с Корчак-Новицким, который затем заболел, а ныне уехал в деревню. Отложили улажение этого дела на август.

В тот же вечер, 13-го, посетил меня Н. В. Преснухин, директор Городищенской администрации. Я с ним в деловых отношениях по званию члена совета администрации. Преснухин тоже интересная особь. В конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов поклонник Искандера и пламенный чтец «Современника». Тогда он был молодым офицером инженерной академии, из которой он за восстание против властей был изгнан в числе 116 других воспитанников этой академии. Изгнанный оттуда, он позже поступил в Технологический институт, избрал затем своею специальностию сахароварение, состоял долго во второстепенных должностях по этой части, а ныне он занимает первостепенное место по управлению предприятиями по части сахароварения. Ныне он представляет реакционера из прежних якобинцев. Правда, он и ныне бранит Терещенка, именуя его Разуваевым и народною пьявкою. Но это нисколько ему не мешает всякий раз, где случай ему представляется, напрягать свои силы, чтобы давать простор своим разуваевским инстинктам. Так, он, будучи директором Городищенской администрации, в то же время явился арендатором одного из ее заводов — Александровского, и ныне прибирает его окончательно к своим рукам. Человек без нравственных принципов, человек, открыто и бесстыдно проповедующий, что деньги — всё и что каждый человек с охотою продает или должен продать за них свою душу. Человек, постоянно кричащий с ударами кулака в грудь, что он русский человек, что он готов быть полезным простому народу, и в то же [время] высматривающий, не лежит ли где-либо чужое так плохо, чтобы его прикарманить.

15-го июня 10 ч. утра. Завод Городище.

15 июня. В 7 ч. вечера.

В 12 ч. я отправился с визитом и посетил: И. Т. Яхненка, члена администрации, П. В. Лося, управляющего контролю, и Т. И. Симиренко, вдову известного Платона Симиренка, давшего своею деятельностию широкое развитие делам фирмы и своими увлечениями доведшего ее до разорения. Т. И. Симиренко на днях возвратилась из Мценска, куда она ездила, чтобы посетить своего сына, заключенного в тюрьму по административному распоряжению, сидящего уже год и предназначенного к ссылке в Сибирь. Вместе с ним сидело более 40 чел[овек]. Из них осталось человек 10, а вновь присланными 14, а остальные сосланы в Сибирь. Говорит, приезжал в Мценск и посетил тюрьму князь Имеретинский, который распрашивал каждого из заключенных, за что он посажен. Всем им приходилось отвечать: «Не знаю». На вопрос его, чего они желают, каждый отвечал: «Суда».

21 июня 1880 г. 11 ч. утра.

С И. Т. Яхненком я совершил объезд по заводу. Осматривал казармы: общую и татарскую. Первая — двухэтажное здание; вторая — одноэтажное. В первом — вверху камеры с палатами, напоминающими тюрьму. Судить теперь о том, как помещаются рабочие, еще нельзя. Это можно сделать только осенью. Тогда намерен посетить вторично завод. В татарской казарме я нашел несколько рабочих из казанских татар. С самого основания завода, в 1848 г., казанские татары составляют значительный контингент рабочих на заводе. Теперь на заводе живет их староста, человек бывалый, он же у них исполняет и должность муллы. Спрашиваю: «Все ли у них дома, в их селах, имеют по несколько жен?» Он ответил: «Кто побогаче, тот имеет две жены. Таковых разве пятый человек. Остальные по одной». Интересно было бы исследовать вопрос о магометанском многоженстве в самом его источнике, в самой жизни. Не связано ли многоженство тесно с экономическим устройством быта, не нужно ли для его поддержания рабство? Городищенский мулла говорит мне, что другую жену берут у них тогда, когда или первая бывает бесплодна, или не ладит с мужем.

17-го вместе с Преснухиным я посетил Завадовскую экономию. Объехали свекловичные плантации и пшеничные поля. Свекловица хороша, а пшеница превосходна. На свекловичных плантациях идет полка и прорывка. Преимущественно исполняют работы женщины, есть и молодые парнишки. Плата лучшим работницам 35 коп., средним 30 коп. и плохим 25 коп. с содержанием. В 12 ч. дали сигнал к обеду. Все устремились к куреню, здесь же, на поле, устроенному около экономии. Похлебка без говядины — нынче Петров пост — и пшенная каша. Народу собралось душ триста пятьдесят. Сели группами от 5—10 чел[овек]. Похлебку разлили в ночвы, кашу раздали мисками. Вдруг заиграла музыка. Некоторые из работниц начали танцевать. Я заслушался и засмотрелся. Подходит эконом и говорит: «Довольно». Я встал. Музыка и танцы прекратились. Я первоначально подумал, что они стали веселиться по собственной инициативе. Оказалось, что сигнал дал эконом, чтобы занять мое внимание. Узнавши это, я сказал экономе, что, знай, что это для меня, я бы не стал слушать. Время обеда и работа не для музыки. Я дал музыкантам 2 руб.

Оказывается, однако ж, что музыка составляет необходимую принадлежность работ на плантациях. Содержание и плата музыкантам лежит на обязанности плантатора. Вечером, по окончании полевых работ, и после ужина, начинаются музыка и танцы. После 15-часовой работы, работницы наши, малороссиянки, находят в себе еще силу и энергию предаваться танцам. И если бы не было им это дозволено, то они разбежались бы. С другой стороны, если бы их не принуждали после полторачасовой пляски ложиться спать, чтобы сохранить их силу, они бы плясали до света.

Имея в виду такое значение музыки, некоторые из плантаторов запаслись *катеринкою, или шарманкою.* Содержание ее обходится дешевле. В. Ф. Симиренко заказал Н. В. Лысенку, малороссийскому композитору, положить на музыку малороссийские мотивы и эту музыку воплотить в шарманку. Что ныне и исполняется. Пока я не посетил Городищенского завода, я думал, что Симиренко делает это из одного народолюбия. Оказывается, что тут есть расчет экономии.

18 утром я возвратился домой, проведши в дороге всю ночь.

Дома, первое, что я узнал — это о смерти Н. И. Хлебникова, ко-

торый умер 15-го, а погребен 17-го. На погребении говорили речи: Славатинский, Новицкий, Фаворов и Линниченко, присяжный сочинитель всяких произведений, в которых царствует элоквенция. Конечно, покойному воздана была дань уважения и похвалы — и, как водится в сих случаях, с великою щедростию.

Я готов положить венок незабвения на могиле сего человека, как существа с добрым и незлопамятным сердцем. Он был не корыстолюбив и не стяжателен, хотя старался увеличить свои средства, так как он содержал семью своих родичей и воспитывал девочку, кажется, дочь своей кухарки. Он был добрый товарищ. Он имел мужество открыто и безбоязненно высказывать свои убеждения, правда, реакционные, покровительствуемые нынешним строем и настроением общества, но все же такие, из-за которых ему пришлось терпеть много неприятного из противоположных лагерей. Он достоин был уважения и за то, что ум его не дремал, что он считал своим долгом работать над вопросами науки и общественности. Но, как деятель научный,— это был самый ничтожный ум, самый опасный гаситель научного прогресса, самый отчаянный реакционер. По его убеждениям и его проповеди, Штраус — шулер, подтасовавший факты христианской истории. Прудон — плут и мошенник, Конт — вольнодумец, отрицающий Бога, Дарвин — опасный мыслитель, угрожающий царству морали. Живи Хлебников на Западе, он там давно был бы оценен по достоинству, там давно бы реакционеры, легитимисты, клерикалы и иезуиты извлекли из него надлежащую для себя пользу. Мне, думается, что и у нас бы со временем могли его оценить и взять в оборот, если бы продлилась его жизнь. Из него правительственная и церковная реакция могли бы сделать гораздо больше, чем из Цитовича. В последнее время он не шутя считал себя человеком, который спасает общество от разложения. И при свойственной его натуре энергии, при окраске его мыслей религиозным духом,— он весь был погружен в религиозное миросозерцание,— его наука была перелицованная религия,— он несомненно мог иметь успех в тех сферах, в которых занимаются спиритизмом.

Третьего дня я встретил Моркотуна, ученика нашего ф-та. Зашла речь о Хлебникове. Знаете ли, говорит Моркотун: что Хлебников в последний год был человек в болезненном, ненормальном состоянии. Доказательством тому служат его чтения о Прудоне. Так мыслить и так говорить о сем уме может только человек, психически больной.

Вчера было экстраординарное заседание совета, чтобы зачислить за женою Хлебникова те 1000 руб., которые ассигнованы были покойному на поездку за границу. Я опоздал. Разумеется, зачислили. Встретил А. В. Славатинского. Он друг покойного. Намерен написать биографию покойника. Много будет фраз и завиваний, хотя наперед можно сказать, что она будет написана не без эффекта и будет читаться с интересом. Славатинский как раз подходящий биограф для жизни Хлебникова. Слащеватости всегда много; сентиментальности сколько угодно; способности не пристращаться ни к какому принципу, а хвалить по индивидуальным отношениям, сколько требуется в данную минуту.

19-го я совершил путешествие к Чубинскому в хутор. Брал с собою Бориса. В 10 ч. утра выехали по железной дороге, в 1/2 1 ч. ночи возвратился почтовым. Чубинскому ныне лучше: он начал прохаживаться, начал сидеть, а не лежать, как до последнего времени было; у него появился некоторый аппетит. Но психическая его жизнь ненор-

мальна. Очи безумные; мысли путаются; представления ложны; речь едва внятная, да и та совершенно скудная. Если он физически окрепнет, а психически останется идиотом — хорошо ли это?

Вчера вечером в 10 ч. 20 мин. Саша с Владимир[ом], Богданом, Борисом и Игорем уехала по железной дороге в Вел[икие] Будки к Саськам, на вакации до 20 авг[уста]. С ними уехали: Иван и Дмитрий-маленький — Антоновичи.

22 июня. В 9 ч. утра.

У Чубинских я встретил домашнего учителя их детей Ф. С. Набоку. Разговорились и познакомились. Личность небезынтересная. Сын народа, из среды которого он вышел и в среде которого он остается и телом, и духом. Вышел потому, что он интеллигентен в лучшем смысле слова. Остается потому, что он имеет оседлость казенного крестьянина и принадлежит к обществу м. Воронкова. В пору возбуждений умов и покровительства прогрессу он, сын крестьянина, на земские деньги воспитан был для деятельности сельского учителя,— каковым он и оставался до прошлого года, когда ему сказали, чтобы он сам убрался подобру-поздорову, если не хочет, чтобы его упрятали в отдаленные или не столь отдаленные [места]. В то время, когда он был сельским учителем, в Воронкове, он, как член крестьянского общества, принимал участие в сельском и волостном сходе. Причем, он, как образованный человек, безбоязненно высказывал свое мнение, хотя бы оно шло в разрез с мнением писарей, старшин, урядников, которые в свою очередь, состоят под непосредственным влиянием правительственных агентов. За такую предерзость он прослыл чуть не бунтовщиком. Едва разинет рот, чтобы высказать свое мнение, как на устах какого-нибудь урядника — готово: «Что Вы народ бунтуете». Побился, побился человек, и должен был ретироваться.

Замечательное сходство некоторых проявлений нашего сельского самоуправления с городским. Как только на сельском, или волостном сходе должен решиться какой-нибудь интересный вопрос, в котором предвидится принятие участия каким-нибудь *Набоки,* тотчас из земли выростает или становой, или сам исправник. Не то же ли у нас: в нынешнем году в Думе решался нежный вопрос об исключении жидовского раввина из числа гласных. В решении сего вопроса принял участие и я. На другое заседание, в котором должно было читаться мое отдельное мнение, появился при входе в Думу частный пристав. Милый Эйсман, глава городского самоуправления, испросил у кого следует, для устрашения протестантов, присутствие этого полицейского чиновника. Вы, мов, знайте: мы считаем вас неблагонамеренным человеком. Собственно, мы вас считаем ничтожеством, которое вовсе не опасно для наших делишек. Но мы пригласили полицию для того, чтобы вас уронить и вас заподозрить. Ведь это только для того, а не для чего иного.

Спрашиваю я Набоку: «Скажите, правда ли, что отставные и бессрочно отпускные солдаты возвратились с полей Болгарии далеко не с оптимистическим настроением и не с прежним исключительно холопским образом мыслей». Он ответил, что да. О сем изменении образа мыслей солдат, изменении в сторону критики своего начальства, а иногда и брани, я слышал от многих, беседовавших с этим людом. Если это верно, то этот образ мыслей и настроение отставных солдат, которым народ наш всегда оказывал большое доверие, должен послужить

дрожжами для брожения и приготовления массы для иного рода печения. Но, правда ли тому, что говорят, сам я не наблюдал.

22 июня. 11 ч. дня.

Вчера у меня обедал Н. В. Реутский, член вновь открываемой Киевской судебной палаты. Сугубый товарищ и по бурсе, и по у-ту. Шел, однако ж, и там и там курсом меня ниже. Человек с толком. Собственным трудом пробил себе дорогу и достиг довольно важного поста в нашей магистратуре. Из людей мыслящих, хотя не свободно мыслящих. Когда он был следователем, он с энергиею, достойною лучшего дела, разыскивал скопцов, и увлекаясь чиновническою ревностию, он щедрою рукою забирал подозреваемых и заключал их в тюрьму. Покойный мой товарищ В. В. Чехович, человек прекрасных правил, передавал мне, что ему приходилось сделать предложение, по званию товарища прокурора, об освобождении из тюрьмы 60 чел[овек], из 63-х, арестованных Реутским, по обвинению их в скопчестве, и о прекращении об них дел. Реутский энергический человек. Он написал книгу «О людях божих», преподнес ее Палену, бывшему министру, который дал ему казенные средства на издание сей книги. Своею следовательскою деятельностию и своею книгой он обратил на себя внимание Палена, и прямо из следователей был назначен членом судебной саратовской палаты. Откуда ныне переведен в Киев.

Для компанства я пригласил обедать и А. Д. Юркевича, как однокашника, жившего в одной камере во время студенчества.

Беседа шла о нынешнем политическом состоянии Отчизны. Реутский стоял на точке зрения, что общество наше находится в рабском состоянии не потому, что оно порабощено, а потому что оно напрашивается на рабство, хочет его, тешится им, купается в нем, что рабство его стихия.

Я с Юркевичем доказывал, что оно наполовину рабское, наполовину порабощенное, что дайте конституцию и настоящие рабы, ищущие рабства, рабы по натуре, первые поспешат заявить верноподданические чувства конституции. Те же, которые и по натуре, и по убеждениям конституционалисты и которым нет ныне хода по разнообразным причинам, лежащим в свойстве самого режима, поспешат развернуть свои силы и стать в соответствие с потребностями своей натуры, своих убеждений и своей обстановки. Ссылка Реутского на рабское состояние общества, как на препятствие к конституции, есть только прикрытие его собственных убеждений, как службиста, который считает своею обязанностию быть в соответствии с своим правительственным положением. Он из тех, которые сумеют весьма искусно и с собственною пользою перейти в другой порядок.

22 июня. 6 ч. вечера.

«Из Киевской губер[нии]. Корреспонденция «Русск[ого] курьер[а]». Нельзя не удивляться тому сравнительно незначительному количеству фактов, которые проникают в газеты, о крайних безобразиях, совершаемых некоторыми приходскими священниками Киевской губернии. Вымогательство излишних денег за совершение треб, грубое обращение с крестьянами, произвольное установление барщин, ложные отчеты о процветании приходских школ, существующих только на бумаге,— все это совершается на глазах духовных и крестьянских властей, как бы санкционируемое молчаливым согласием их. Для примера ука-

жу на одного пастыря огромного прихода, который был изобличен в систематическом противодействии учреждению школы, был под следствием за изувечение одного крестьянина, неоднократно отказывался от исполнения треб, недавно избил одного крестьянина и т. п. Однако пастырь сей и по настоящее время на месте и пасет свою паству. Не подлежит никакому сомнению, что вместо борьбы с штундизмом мерами репрессивными было бы целесообразней произвести изменение в личном составе православного духовенства.

На днях один священник, избив крестьянина, начал перед ним извиняться, сваливая всю вину на свой характер, который не может выдержать. Находчивый малоросс отвечал: «Если, батюшка, вы умели выдержать на попа, то умейте выдержать и на человека, а тем временем я подам прошение мировому» [36].

«Рус[ский] курьер». 1880. № 163.

Мне не раз приходил на ум вопрос, как это так, религия христианская прославляется как учение совершенное, как система всех перерождающая и обновляющая, как теснейшая связь человека с Богом, всесовершеннейшим существом. А между тем, ее служители, хоть бы сказать и наши священники, принадлежат к разряду людей, до мозга костей проникнутых материальными помыслами интересантов, людей часто корыстных, нередко грубых, вроде описываемых в помещенной корреспонденции. Я давно пришел к убеждению: а) что между учением Христа и учением церкви нет ничего общего; б) что между настоящим Христом, некогда жившим, смертным человеком, правда, замечательным и выдающимся, и мифическим, которому поклоняется церковь, нет никакого сходства; в) что в христианской церкви всегда господствовало самое отчаянное фарисейство и самовосхваление; г) что так называемая христианская религия держится не собственной своей силой, не собственными своими учениями, не своим превосходством, а силою и глубочайшим проникновением в дух народа тех верований, которые достались ему от язычества; д) что вторая сила исповедуемой религии заключается в той чисто мирской организации и иерархии духовной, которые созданы государственною властию, и за которыми притаился мечь и самая ужасная материальная сила; е) что, следовательно, и неоткуда придти и не от чего развиться каким-либо добродетелям у наших священников: из ничего ничего и не будет.

ГОЛОДОВКИ НАРОДА

Нижне-Койласор, Эриванского уез[да].— В г[азете] «Кавказ» [37] пишут отсюда: «Дороговизна в Гарни-Басарском участке все возрастает. С начала апреля месяца пищею для многих несчастных семейств служит трава — енджа или люцерна, от которой употребляющие ее окончательно изнуряются и делаются неспособными ни к какой работе, так как физические силы их не могут поддерживаться одною травою без хлеба; эта неспособность в работе заставляет многих ходить по домам и просить кусок хлеба для удовлетворения насущной потребности. Продано все: куры, скотина, котлы, посуда, паласы, ковры, виноградные сады, засеянные поля, а о долгах уже нечего и говорить. Многие голодающие, лишенные всех материальных средств, могущих доставить дневное пропитание, и замученные голодом, решаются на явное воровство и продажу своих детей за ничтожную плату; обыкновенно воруются не деньги, не скот, не одежда, а пшеница, ячмень, просо, разбиваются мельницы. В дер. Дугун один курд продавал за 11 руб. 18-летнюю девочку, в сел. Камарлу один татарин продавал тоже девочку за

7 батманов муки, около дер. Иманшолу продавали одну маленькую девочку за 5 руб. Но нужно заметить, что так как нужда в материальных средствах всеобщая, то охотников покупать живых людей не встречается».

«*Царицын* — «Нам пишут отсюда в «Голос»: рассказывал самовидец, что калмыки Икицохурского улуса погибли от голода и холода: от 40 кибиток остались только три. Много тел лежат вокруг ставки. Оставшиеся семьи в трех кибитках численностью своею значительно убавились. Сирот выносят на дорогу, умоляя проезжих взять к себе. Одного привезли с собою в Черный Яр: несчастный не в состоянии был поднять головы от изнеможения. Мука ржаная продавалась по 5 руб. за пуд и дороже. Павшую скотину калмыки не могли употреблять в пищу, так как на ней была только дырявая кожа и кости. Питались сусликами, мясо которых до того отвратительно и запах невыносим, что даже неприхотливый калмык страдает от него рвотою. Ловля быстроногих сусликов была не по силам изнуренным калмыкам. Харахуский улус подвергался той же участи. Кордонные казаки, 10 человек с семьями, погибли от холода; остался в живых один урядник, поехавший с донесением к своему начальству. Калмыки выходят пешком с семьями грабить проезжих, ловят арканом жертву, обирают все, что могут взять, отпускают совершенно обобранного, не стараясь скрыть следы преступления». «Рус[ский] курьер», 1880 г., № 147.

«*Рославль,* Смолен[ской] губ.— По словам «Смоленск[ого] вестн[ика]» [38], большая половина крестьянских полей осталась незасеянною вследствие недостатка семян. Большинство крестьян успели уже запродать будущий урожай кулакам, так как в настоящее время кормиться нечем. Пенька, скупленная кулаками в прошлом году, только в настоящее время отправляется на продажу в Ригу, где спрос на нее увеличился». Ib[idem], № 151.

«*Казалинск.*— В нашем крае, пишут в «Оренб[ургском] листк[е]» [39], везде голодовка, бескормица, падеж скота. Богатый киргиз из 2000 лошадей потерял в эту зиму 1970 лошадей и из 1000 баранов — 970 штук. Кругом разорение и разорение. Проезжий купец Е. И. И-ов из Ташкента в Оренбург натолкнулся на следующие сцены народной туркестанской жизни во время своего следования в Казалинск. Он платил за сноп клевера в 2 1/2 фун[та] 40 коп. в Чимкенте. По пути г. И-ов видел массы народа — киргизов, двигающихся от Туркестана к Чимкенту и Ташкенту. Голодные и оборванные киргизы сотнями окружали его повозку и требовали от него хлеба. Запасшись 800 лепешками саратовскими в Чимкенте, г. И-ов раздавал их по одной только штуке на голодного,— и то ему не хватило их до Туркестана. Он давал киргизам деньги, но денег они не берут, говоря: «Что мы будем делать с вашими деньгами?» По дороге попадались десятки трупов уже разложившихся. Г. И-ов встретил одного старика с выплаканными глазами, уже умирающим от голода. Голодные за лепешку целуют руки у подателя милостыни, да и самую лепешку целуют, как спасительницу от голода. Базисом голода служит г. Туркестан и его уезд. По ту и другую сторону этого города не видно в голой степи ни верблюда, ни лошади, ни коровы, ни овцы — все погибло. Киргизы нападают на дороге на купцов бухарских и хивинских, отнимают у них лошадей и тут же на глазах хозяев, режут и едят их».

Там же, 1880 г., № 155.

«*Камышин,* Саратовской губ., 29 апреля. (Корреспонд[енция] «Русского курьера»). Не помнят хлебопашцы, чтоб им когда-либо приходилось так поздно начинать пашню, как в настоящем году. В предыдущие годы обыкновенно начинали пахать с 25—26 марта, а теперь начали с 15—16 апреля. Причина — стоявшие холода. Но нужно сказать, что большинство крестьян не выехали на пашню, а вывезли плуги и другие земледельческие орудия на себе, ибо крестьянские лошади, у кого только они уцелели, настолько отощали за зиму, что возить какие-либо тяжести решительно не в состоянии. Теперь крестьяне поставлены в необходимость соединяться для пашни по несколько семей, и вот почему: у одного крестьянина, например, уцелела лошадь, но плуг и другие принадлежности пашни проданы им зимой,— конечно, за бесценок,— единственно для поддержания своего существования; у другого уцелел плуг, но пала лошадь. Таким образом, пять-шесть дворов крестьян, имея одну-две лошади и два-три плуга, соединившись, пашут вместе. Так, вспахав сотинник-другой на одну семью, пашут такое же или меньшее количество для другой семьи. Поэтому общая картина крестьянских полевых пахотных работ выходит более чем грустная. Только что «поднятая» лошаденка впрягается в плуг, но ей, видимо, не до плуга — она с трудом даже стоит. Крестьяне, конечно, убеждены, знают, что лошаденка не повезет, а все-таки впрягают ее — так, «для успокоения себя,— все, как будто, не без лошади». И действительно тут лошадь не при чем, потому что по бокам ее становятся по 4—5 человек крестьян и — пашут. Нередко, освободив из плуга бесполезную лошадь, крестьяне пашут своими только силами... Что выйдет из всего этого, покажет, конечно, будущее; но едва ли что-либо хорошее, ибо вспахать как следует землю крестьяне своими собственными силами едва ли в состоянии. Зерно, брошенное на дурно вспаханную землю, да притом же сухую, так как до сих пор еще не было ни в Камышине, ни в окрестностях его дождя,— думаем, конечно, не порадует хорошим всходом, в особенности если не будет хороших дождей...

Местные крестьяне говорят, что если нынешний год будет даже урожайный, то они одним годом все-таки не поправятся, ибо засевают хлеба немного и даже при хорошем урожае может хватить его лишь на прокорм. Что же касается до приведения сколько-нибудь в порядок расстроенного хозяйства, то об этом и думать нечего, так как на это потребуется им немало. «Если,— говорят крестьяне,— Бог не благословит урожаем, то придется побросать села и идти на сторону искать работы»...

Корреспонденцию закончу следующим печальным фактом. В 6 верстах от Камышина, в хуторе Карпунине, у живущего там зажиточного камышинского мещанина К-на, 23 апреля, в полдень, на дворе загорелся стог сена. На стогу в это время спали два мальчика, дети К-на, которые от быстрого воспламенения сена не могли спастись. Один из них, старший, 10 лет, обгорел, некоторое время был жив и умер в ужасных мучениях, другой же, младший, 8 лет, сгорел окончательно и от него остались только обуглившиеся кости. Распространиться пожару, однако, не дали и пострадали только надворные постройки».

«*Зарайск.* (Корреспонденция. «Рус[ского] кур[ьера]».) Бывший на здешней Никольской ярмарке рабочий и рогатый крестьянский скот достаточно обрисовал грустное положение скотоводства, существующее в здешнем и других смежных уездах. Бескормицей скот доведен до того, что едва держится на ногах. Цены на него сравнительно были

высоки: за клячу платили 25—30 руб. и столько же за плохую коровенку. «Скотине,— говорят крестьяне,— поправляться нужно целое лето»; но и эту надежду ослабляет сама природа: с 1 мая у нас холода с морозами, а 8 — выпал обильный снег, что, естественно, сильно задерживает нормальный рост подножьего корма».

«Рус[ский] курьер», 1880, № 132.

«*Г. Орск* Оренб[ургской] губ. (Корреспонденция «Русск[ого] курьера»). Полный неурожай хлеба и трав в прошлом году, а затем суровая и продолжительная зима пустили по миру и к праотцам многих. Особенно сильно пострадали башкиры и мещане-хлебопашцы из переселенцев. Скотина их от бескормицы и стужи наполовину пала; сами они голодают, а чрез это хворают — преимущественно цингой. Только в конце зимы решили выдавать мещанам пособие, и то деньгами, рублей по 25 на семью, предоставляя каждому покупать хлеб по вольной цене. Цены же эти были ужасны. Так, с марта и до половины мая, простая пшеничная мука дошла до 3 руб. 50 коп. за пуд; ржаной не было в продаже и по 2 руб. 50 коп.; просо 2 руб. 50 коп. за пуд (в третьем году пуд проса стоил 11—15 коп.). Только в конце мая, благодаря установившейся дороге, пшеничная мука упала до 1 руб. 90 коп. пуд и ржаная — до 1 руб. 60 коп. При падении цен на хлеб, мелкие хлебные торгаши обезумели с горя: многие из них держали по 3—4 тысячи пудов муки, в надежде получить по 4 руб. за пуд, и вдруг подвоз хлеба из поселков разбил их розовыя мечты. Башкирам в конце зимы тоже дали пособие — не деньгами, впрочем, а ржаной мукой, хлеба из которой они от роду не если. Мука доставлялась по 1 руб. 60 коп. за пуд.

Голод в крае предвиделся еще прошлым летом. Полиция доносила тогда кому следует, что хлеба от засухи совсем не взошли, что запасы не значительны, что голод неизбежен. Ввиду этого можно было думать, что из Симбирска, Самары и т. д. будут направлены в Оренбургский край большие партии хлеба и через это особенного возвышения цен на него не будет. Так, по-видимому, рассчитывали и крупные наши хлеботорговцы, потому что в начале осени они сбыли свои запасы по 1 руб. и 1 руб. 50 коп. пуд. К несчастию, рассчетам населения не суждено было осуществиться: вышел голод со всеми его ужасами.

Из этого видно, что в нашем крае недостаточно заботятся о продовольствии населения. Вот другое дело — сочинить бунт, на это мы мастера. И точно, с 1584 года до 1873 было около 20 крупных бунтов в крае, кроме пугачевского; да и этот едва ли бы случился, если бы дурное управление графа Чернышева и оренбургского начальства не взволновало край еще в 1770 году, за три года до появления Пугачева.

В прошлом году, например, какой-то жидок поднял тревогу, что множество вооруженных киргиз[ов] напали в степи на транспорт. По этому поводу посыпались из Оренбурга в Орск телеграммы одна за другой: «узнать возможно скорее подробности бунта», «снарядить» и т. д. И кто знает, может быть, для киргиз[ов] повторился бы несчастный 1869 год, если бы только из Орска не уверили, что бунт невозможен, потому что киргизы смирнее своих баранов.

Не томились бы в тюрьме орской до сих пор и беглые уральцы, если бы чиновники, взводившие в области новое положение, были более гуманны. После этого «введенія» громадные партии ссыльных уральцев проведены были чрез Орск в степь, и обывателям орским и до сих пор еще памятны печальные подробности этого переселения. Ссыльные, от тоски по родному Уралу, каждый год, при удобном случае, уходят

из степи; а к зиме, изловленные, гостят в орской тюрьме. В настоящее время человек 8 из них ползают на четвереньках от цынги.

Более года уже у нас действует мировой суд. Многих благ обыватели ждали от него, но ... судьи оказались слишком строгими и взыскательными. Так, например, девчонка приговаривается к 25 руб. штрафу за то, что она кричала на улице, когда ее бил сын трактирщика. Мещанин приговаривается к двухмесячному аресту в летнее время за то, что, с его ведома, сынишка поднял две пули за валом для стрельбы. А вот один казак несколько раз вызывается в суд за 120 верст, и несколько раз дело отлагается.

В заключение упомяну о факте, давно случившемся, но не попавшем еще в печать. В прошлую войну киргизы пожертвовали для армии 5000 лошадей. Провожавшее этот табун лицо сообразило, говорят, что очень выгодно фуражные деньги прикарманить, поэтому держало лошадей все время пути на плохом подножном корму. Лошади, конечно, поделались тощими и, пока пришли в Александрополь, большая половина их пала. Остаток предложен был казачьим полкам. Многие полковые командиры отказались принять этих лошадей, некоторые же полки, по неведению, взяли, но на другой-третий день почти все эти несчастные животные пали от истощения. Провожавшее табун лицо, продолжает предание, заполучив каким-то чудом, необходимые квитанции, быстро исчезло из Александрополя, увезя с собою тысяч 50 — «детишкам на молочишко». «Рус[ский] курьер», 1880 г., № 160.

«*Барвенково* Харьковской губ., Изюмского уезда (Кор[респонденция] «Русск[ого] кур[ьера]»). Надежды хлебопашцев Изюмского и некоторых соседних с ним уездов на хороший урожай в текущем году были преждевременны: нельзя ожидать даже порядочного урожая озимых хлебов,—так, по крайней мере, говорят понимающие люди. Да оно и видно: погода стоит самая неблагоприятная для урожая как хлебов, так фруктов и овощей; в окружности Барвенкова верст на 60—70 более трех недель не было дождя; если же в первых числах мая дожди и перепадали, то настолько незначительные, что очень мало помогли растениям, падая на выгоревшую, сухую землю. Вообще как-то невесело... Прежде мужичок охотно подавал нищему милостыню — хлеба, теперь же с трудом покупает за дорогую цену в лавке для себя и своей семьи. То и дело слышать, что вон какая-то семья с 4—5-ю малолетками печет из дерти и овса хлеб, который и употребляет в три дня раз; вон такая-то семья ничего уже три дня не ест,— нет хлеба и не на что купить, «худоба», вся уже за бесценок распродана. Одна вдова, у которой четверо детей мал мала меньше, «тронулась умом», да и дети тоже все больны... Может быть, и распропалась бы эта семья с неприглядною своею жизнию, если бы не послало им проведение спасителя в лице местного врача, г. П., который дал ей хлеба и денег; оказалось что семья эта четверо суток ничего не ела и от этого вся заболела.

Хотя многие, имея в виду бездождие, хлебного жучка и гусеницу, перестали ожидать в текущем году хорошего урожая, тем не менее, у кого только есть хоть сколько-нибудь хлеба, все везут и продают его купцам, которые и отправляют его в Таганрог и другие порты. Что-то мы будем делать в будущем, если не уродит нам Бог в текущем году хлеба? Хлеба нет, денег нет, скот по большей части продан для уплаты податей, а если у кого и есть, то самый несчастный, за который немного получишь.

Лица, занимающие при волостном правлении должности, в большинстве случаев не оправдывают ожиданий избирающих их крестьян.

Беспорядки в волостных правлениях страшные. Подати и в урожайные годы на многих бедняках отзываются очень неблагоприятно, а в настоящую годину и говорить нечего... Призывают, например, неплательщиков в волостное правление: «Долго вы еще не будете платить подати? — кричит на неплательщиков сборщик податей,— подать давайте!» «Да что ж, пан-отец, нечем платить». «Не мое дело. Подать давайте!» «Рады бы, да что же делать». «Скот продавайте, не то сам пойду — все продам, и хату продам». «Да скотину, пан-отец, еще в прошлом году продали для уплаты податей». «Не мое дело. Хату-избу продай, а подать давай,— начальство предписало. Не идти же мне за вас в Сибирь». «Что же, подождите: мы вон там-то поденно работаем,— заработаем, уплатим». «А, да вы вон какие... В арестантскую их!» «Повремените, пан-отец,— уплатим; а хату, Бог его знает, как продавать... Что же мы будем делать, бесталанные, без хаты»,— просят сборщика, кланяясь ему в ноги, неплательщики, но их просьба не уважается. Сидят они в арестантской день, другой. «Ну что же, подать уплатите?» — спрашивает их сборщик податей. «Да где же мы их тут возьмем? Вы пустите, заработаем — уплатим». «Знаем вас... В арестантскую!»... И будут сидеть, пока не придет фантазия сборщику податей выпустить их или пока не сменят их новые неплательщики. Другой и сидел бы себе в арестантской,— хлеб, хотя и плохой, но дают,— за вот горе: семейство без его, арестованного, может умереть с голода, да и подать не будет уплачена. Так как подобная система сбора податей как сборщикам, так и плательщикам податей, кроме вреда, ничего не приносит, то следовало бы обратить на это внимание.

Вчера и сегодня (21 и 22 мая) шел обложный дождь, который, может быть, сохранит нам хотя яровые хлеба.

Бобровский уезд. В о р [о н е ж с к о й] г у б.— Благодаря частым пожарам и неурожаям предыдущих годов, многие из местных крестьян находятся в отчаянном положении. В деревне, например, Змеевке они для уплаты недоимок и поддержания собственного существования должны были распродавать не только скот, но и земледельческие орудия. Земли змеевских крестьян на 2—3 года заложены окрестным поселянам за 5—6 руб. годичной аренды с десятины; сами же они арендуют скупленные у помещиков земли соседнего кулака, некоего Ивана Трофимова, и по расчету, 16—20 руб. за десятину, отрабатывают у него арендные деньги. Во всей деревне нет ни одной оралки. Строения крестьян имеют вид каких-то жалких клетушек, покрытых соломой и вымазанных глиной. Кустарной промышленности у них не существует никакой («Рус [ские] вед [омости]»).

«*Заволжье.* Из заволжских степей, кочевья киргизов, кочующих на границах уездов Новоузенского, Самарского и Царевского, Астраханской губернии, получаются плачевные вести о положении кочевников. Все их богатство, заключающееся в стадах баранов и косяках лошадей, погибло от продолжительной суровой зимы и бескормицы, а жалкие остатки от сотен тысяч голов разного скота продолжают гибнуть и теперь от бескормицы и жаров. Не только скот, но и владельцы его так же гибнут от крайней нищеты и от голода. Из всего количества скота едва ли осталось 10 проц [ентов]. В Рын-Песках цены на жизненные припасы дошли до страшной дороговизны: ржаная мука продается по 5 руб. за пуд, масло коровье 1 руб. 20 коп. фунт, мясо 30 коп. фунт. К 10 июня в киргизские степи, как слышно, ожидают прибытия г. министра внутренних дел («Нов [ое] вр [емя]»).

«Р [усский] курь [ер]», 1880, № 159.

Из Шенкурска.— Положение здешних крестьян в настоящее время далеко не привлекательно, вследствие нужды в хлебе. Недавно в одной из волостей местным врачом был констатирован факт появления эпидемических признаков голодного тифа. Озимые и яровые всходы в нынешном году по всем признакам предвещают удовлетворительный урожай.

Сравнительно с прошлогодними цены поднялись: на рожь — 20 коп., ржаную муку — 20 коп. и ячмень — 25 коп. на пуд. Пуд лучшей говядины, стоивший прежде не дороже 1 руб. 30 коп., в настоящее время стоит 3 руб.; пара рябчиков, продававшаяся по 3—5 коп., теперь стоит 25 коп.; четверик картофеля, стоивший прежде 20 коп., продается по 30 коп.

В городе начинается распространяться скарлатина, а в уезде — корь. Появление этих гостей именно теперь не особенно безопасно, потому что здешний врач на днях уехал в отпуск. В городе, хотя и есть еще один врач, да практика ему запрещена, потому что он политический ссыльный» [40].

«Р[усский] курьер», 1880, № 188.

Стр. 22. *27 июня. В 7 ч. утра. Прага.*

24 июня в 9 ч. 20 мин. я уехал из Киева в Карлсбад. С Антоновичкою и ее двумя дочерьми. Ехали безостановочно до Праги. В дороге были 60 часов 40 мин. Приехали в Прагу 26-го в 10 ч. вечера. Антоновичка надеется найти в Праге своего мужа, чтобы вместе с ним ехать в Париж. Дорога прошла благополучно и без малейших приключений. Ехали со многими соотечественниками, направляющими путь так же как и я на воды.

27 июня. В 8 ч. утра. Прага.

Перед выездом посетили меня: Житецкий, Харитонов, присяжный поверен[ный] из Москвы, Пенский, частный поверенный из Стародуба, и Шостак, помощник присяжного поверенного из Херсона, бывший стипендиат по кафедре уголовного права. Он переселяется в Киев. Пенский вовсе мне не знакомый человек. Тоже подумывает переселиться в Киев.

Житецкий показывал телеграмму правителя канцелярии Главн[ого] управл[ения] военно-учебными заведениями. В телеграмме говорится, что Цветковский предназначается для 2-ой С.-Петербургской военной гимназии, а о Житецком ожидается ответ Черткова. Значит, Чертков еще не решился, как поступить относительно Житецкого. Неизвестно еще, произвела ли известная записка действие серьёзное, или одни легкие чувствия.

С Житецким я пробеседовал 22-го июня до 1/2 12 ч. ночи. Речь шла о многом, а главное о поступлении его в у-т Киевский, если он останется в Киеве. Я ему сказал, что переговорю с Котляревским. Он говорит: нельзя ли обойтись без переговоров с Котляревским, который в глубине души против местных элементов. Я ответил, что нет. Возьмет ли он на себя инициативу, или нет, это другой вопрос. Но обойти его не приходится. Так как специальность близка к Житецкого.

28 июня. В субботу в 7 ч. вечера.

Вчера утром в 8 ч. я отправился искать Антоновича. В ближайшем отеле не нашел. На почте следов никаких. Музей был еще заперт. Я думал, что если он в Праге, то он не минует ни музея, ни знакомства с

А. О. Патерою. Из Львова мы телеграфировали Эггеру, торговцу разными антиквариатами в Вене, чтобы он ответил по телеграфу, где Антонович: Антонович в давних с ним сношениях по покупке монет и в Вене виделся с ним, как гласили эти письма. В «Blaue stern» мы уже застали его телеграмму, что Ан[тонович] выехал через Прагу, Берлин, Кельн в Париж. Возвратившись домой, я застал моих дам одетыми. В 9 часов мы отправились все вместе в Чешский музей, в 100 шагах, где узнали, что Антонович в Праге и остановился в «Hotél Stadt Wien», в самом близком расстоянии от нашей «Голубой звезды». Через пять-десять минут мы уже обнимались и целовались.

День провели в обозрении Праги. Посетил музей, где был и А. О. Патера. Были в частном музее Наперстка: музей посвящен этнографии и политехнике. Только начало. Кажется, основатель бьет на эффект и гоняется за далекими странами. Там есть немножко и Африки, и Америки, и Австралии. Но Чехия слишком мало исчерпана. Начало, впрочем, хорошее.

Прошли затем Старым мостом; в высокой степени оригинальное и замечательное произведение. Оттуда в Градчану. Навязался нам путеводитель. Осмотрели древний собор Св. Витта. В готическом стиле. Видно, потерпел много бед. Превосходное здание. Часть его — третья, реставрируется.

Посетили дворец. Оттуда великолепный вид на Прагу. Из диковинок мне больше всего бросилась в глаза старинная небольшая зала Государственного совета. Она замечательна тем, что сохранилась в первоначальном своем виде, во всей своей неприкосновенной простоте. Деревянная простая мебель. Столы, напоминающие наши крестьянские, только хорошо сделанные. Архиепископское кресло простое, непокрашенное, из сосновых досок, хотя с высокою оригинальною спинкою.

Возвратившись домой, пили чай. В 9-ть часов пришел Патера. Посидел 10 м. В 1/2 10 ч. я отправился на вокзал. С 25 минут 11 ч. вечера до 20 минут 5 [ч.] утра я провел в дороге. Ночь провел дурно. Почти не спал. Было темно. Кондуктор не дал купе.

На вокзале напился кофе и пешком отправился в город. Прямо в мой старый Mirabell, к Ранку. Застал его готовым. Встретил меня как знакомого. До 2-х часов провел на 1-м этаже. После обеда переселился в мой № 25, на пятом этаже, где я провел пять недель в прошлом году. Это мезонин. Выспавшись, взялся за устройство моих дел.

28 июня. В 9 час. вечера. Карлсбад.

Старая Прага, как все европейские города старые, поражает своими памятниками. Таких памятников в Праге много. Лучшие памятники таких городов — церкви. Если я не ошибаюсь, нигде другие памятники не запечатлены в такой мере религиозным характером, как в Праге. Так, знаменитый мост чрез Влтаву или Молдау весь уставлен статуями святых, начиная с положения Христа в гроб. Так эпоха накладывает свою печать. Наше время ставит памятники своим святым; великим писателям, ученым, изобретателям и политическим деятелям. Это знамение времени. Это доказательство вырождения религиозного духа.

Антонович посетил Пешт. Там ему передали один из высокознаменательных эпизодов пережитой жизни венгерского народа.

В 1847 г. или 1848 г. погиб генерал Генци, защищая, яко комендант крепости Пештской, власть австрийского императора. За эту преданность и за мужество ему поставлен был в Пеште памятник. Ныне этот памятник убирают прочь и сдают в арсенал.

Палата представителей венгерского народа потребовала от правительства, чтобы оно убрало памятник Генци — и оно должно было покориться. Антонович говорит, что он сам видел работы по разборке и снесению памятника. Еще раньше этого поставлен был, на счет Венгерского государства, памятник Сеченьи, который был казнен смертию уже в царствование нынешнего императора. Но рельефнее всего рисует перемену обстоятельств, чувств, положений и отношений следующий эпизод: когда начались реформы в либеральном духе и когда австрийское правительство искало примирения с венграми, австрийский император сделал, по совету своей министерии, визит вдове казненного им Сеченьи. Гордая венгерка, говорят, не приняла императора Франца Иосифа: она настаивала, чтобы было передано императору, что она не может принять убийцу своего мужа.

29 июня. В 7 час. вечера. Карлсбад.

29-е июня. Воскресенье. Встал в 1/2 6 ч. В начале 7-го был на водах. Пил Elizabets—Quelle u Marct—Brun.

Зашел к Пеликану — чеху — и заказал полную пару платья за 43 гул. В начале 9-го был у доктора Шнее, который меня в Карлсбаде руководит. Этот доктор воспитывался в Московском у-те, говорит хорошо по-русски.

Шнее обещал быть в 12 ч. у меня. Придется ему драться на пятый этаж. Пусть. В начале 10-го возвратился домой и в садике пил кофе.

Из киевских встретил двух: Из[раиля] Бродского и Валькова и обменялся парою [слов].

В 12-ть пришла служанка сказать, что внизу доктор ждет. Хозяйка предложила ему комнату и тем избавила его от обязанности драться на 5-й этаж.

Слегка осмотрел. Прочитал мне, что я должен есть и пить. Я говорю, прочитал: мне показалось, что он мне 1001-му читает свою ординацию.

Сладкий доктор, как и должно всякому практику. Вот бы я посоветовал занять его манеру брату Федору.

Спрашивал я Антоновича в Праге: какие сведения он имеет о Драгоманове и находился ли он в переписке с ним во все времена пребывания своего за границею. Он отвечал: «Имя Драгоманова и сам он едва ли не более опасным считаются и едва ли не более преследуются в Австрии, чем в России».

Когда я, говорил мой собеседник, спросил львовских русинов, можно ли мне беспрепятственно вести переписку с Драгомановым, мне отвечали, если хотите быть вывезенным тотчас из Австрии, то вступите в переписку.

Затем Антонович сообщил мне, что он обменялся с Драгомановым одним письмом контрабандным путем. Причем, он показал письмо Драгоманова, который именует себя голландским торговцем древностями.

До сих пор почты были рассматриваемы с точки зрения государственного благоустройства, как одно из тех учреждений, изобретение которых явилось двигателем прогресса. Было бы любопытно исследовать, как по мере развития почтового дела, развивалось государственное шпионство. Другими словами, исследовать, в какой мере и каким образом правительства пользовались почтовыми учреждениями для полицейских целей, для высматривания и выслеживания опасных людей. Императрица Екатерина II — та без дальнейших околичностей занималась перлюстровкою писем своих подданных.

30 июня. Понедельник.

Встал в 1/2 6 ч. На водах встретил нежданно-негаданно А. Л. Пестржецкого, из Харькова. Старинный приятель, еще из петербургской жизни. Когда-то я с ним много делил времени. Года два тому назад мы, однако ж, обменялись враждебными письмами. Он накинулся на меня не из того, не из сего из-за моей программы. Он упрекал меня в измене народу и в подхалимничаньи. Я ответил ему грозно. Он несколько смирился. Ныне мы встретились как ни в чем ни бывало: по старине, дружелюбно. Пробеседовали часа полтора. Он первый вспомнил о публицисте Цитовиче, коего России дал Харьков. Я заметил ему: не в его ли вкусе. Оказалось, нет. Он его знает лучше моего. Ценит по достоинству, как продажного публициста. О Цитовиче-профессоре он невысокого мнения. По его убеждению, он на кафедре высказывал больше претензий, чем ума. Бил на оригинальность. Ломался. Пестржецкий где-то пересматривал его курс. Человек с истинно профессорским умом и настроением не продал бы себя. А он не только продал себя, но и позорно продал.

Зашел ко мне в 1/2 8 ч. вечера Пестржецкий. Долго беседовали о разных материях. Он пессимист особого свойства. Я тоже из той же породы, хотя решительно другого вида.

Пили чай вместе. Разошлись по домам в 1/2 10 ч. В 10 часов лег в постель.

1 июля. 8 ч. вечера. Карлсбад.

Встал в 6 часов и тотчас отправился на воды.

Кофе пил у Пестржецких. Просидел затем и пробеседовал в городском парке с Пестржецким. Оригинальный это ум. Считает русское общество безнадежным. Отзывается о русском чиновничестве с великим презрением. С пренебрежением относится к русскому либерализму. Мало ценит реформы нынешнего царствования. Ждет для России спасения от немцев и Бисмарка, если последний внесет меч и огонь в Россию.

После обеда читал в парке до 3-х час. В три отправился к Шнее. От него зашел к протоиерею Лебедеву, у которого пил чай.

У Лебедевых познакомился с госп[ожою] Нечаевою, женой инспектора Петербургской духовн[ой] семинарии. Нечаева, дочь викарного волынского архиерея Виталия Гречулевича, сына проповедника, малоросс[иянка]. Она пользуется также советами доктора Шнее. За прошлогоднее лечение он просил, чтобы она ему привезла икону Спасителя, говорит: «Русские увидят и им будет приятно». Средство для привлечения русских клиентов. Вот практик, так практик. Ничем не брезгует. Будучи лютеранином и не веря в иконы, он запасается иконою, чтобы увеличить число клиентов. По-моему, Полинковский — еврей, раздающий работницам-малороссиянкам крестики для привлечения к работе, поступает едва ли не честнее доктора Шнее.

Возвратившись домой, застал письмо от Володимирова из Петербурга.

Вчера прочитал в русских газетах о тех бедствиях, которые испытаны были калмыками Оренбургской и Астраханской губ. в прошедшую зиму. Около 5000 душ их погибло от голода и холода. Местные правители русские по татарской небрежности не приняли мер к предупреждению голода. Отсюда мор.

Пишут также, что в Саратовской губернии положительный неуро-

жай. И это прибавка к прошлогоднему плохому урожаю. Если не ошибаюсь, то для одного уезда Саратовского потребуется 1 1/2 миллиона руб. для прокормления населения и обсеменения полей.

Газетные сведения только дополняют то, что я узнал пред выездом из частного письма, прочитанного мною у Таушевой.

В Армении, соседней с нашим Карсом,— положительный голод. Умерло от голода больше 10 000 чел[овек].

2 июля. Среда.

Встал в конце 6-го. Во время умывания твердил немецкие фразы. В 1/2 7 ч. отправился на воды.

На водах с Пестржецким. Встречал Вольховского, члена Полтавского окр[ужного] суда. С ним познакомился в первую мою поездку в Карлсбад. Более специалист по части еды, чем юриспруденции.

Чай пил в садике Mirabell. Пробеседовал затем с час с хозяином и датчанином, купцом из Копенгагена. Полезное упражнение в немецком языке. Остальное время обеда просидел в Stadt park. Читал «Karlsbader Badeblatt». Обедал в «Hôthel National» [41].

В 4 часа взял Mohrbade, купался буквально в грязи. После ванны отдыхал.

3 июля. Четверг.

Встал в 1/2 6 ч.

Воду пил вместе с Пестржецким, кофе пил с ним же в «Schweizerhof». Гуляли в парке. Беседовали о разных разностях. К нам подсел поляк из Царства. Разговор шел об обращении люблинских униатов, о сем величайшем насилии, соединенном с чиновническим обманом действий русского правительства, позорящем XIX век.

Поляк говорит, что по смерти императрицы в одной польской газете появилась карикатура, изображающая ее пред воротами рая. Ап[остол] Петр отказывает ей в пропуске в рай за то, что она принимала участие в обращении униатов.

Пестржецкий говорит, что в Харьковском у-те и в харьковской независимой интеллигенции к Цитовичу относятся с презрением. Даже те, которые ожидали от него многого, находят, что у него оказывается мало пороху. Сам Пестржецкий считает его продажным публицистом, продавшим свою душу.

Обедал в «Hôthel National». Отдыхал. Пил кофе в садике и беседовал с хозяином. Упражнение в немецком языке. С 7 до 8 ч. вечера читал в парке Цахариэ. В 8 ч. возвратился домой и пил чай у себя. В 1/2 10 ч. лег в постель.

4 июля. Пятница.

Встал в начале 6-го. За умыванием твердил немецкие фразы.

На водах время проводил с Пестржецким.

После питья вод пили кофе в «Freundschaftssaal» [42]. К этому загородному кафе идут прелестные дороги, по долине и по горам. Каждый пункт представляет какой-нибудь прелестный вид.

Странно: мы вечно друг с другом не соглашаемся. И в то же время находим всегда пункты общих симпатий и единения.

Обедал сам в «Hôthel National». После обеда читал «Karlsbader Badeblatt». С час затем отдохнул. Пил кофе в хозяйском садике.

Получил два письма: от Саши и от Колесницкого из Иркутска, последнее послано из Киева.

Два часа провел в городском парке. Читал Цахарию. Возвращаясь, был приглашен в компанию хозяина. Познакомился с будущим его зятем. Беседовал с ним сначал по-немецки, а потом он по-чешски, я — по-русски. Он сообщил мне сведения о тюрьме в Добриже, близ Пильзена, устроенной по одиночной системе. Заинтересовал меня так, что я решился посетил Добриж и осмотреть тюрьму.

Лег в постель в 1/2 10 ч. 4-го июля. Карлсбад.

5 июля. Суббота.

Встал в начале 6-го. Пил воду с Пестржецким. Встретил Дахновича, инспектора Ченстоховской прогимназии, старого знакомого по питью вод. В 9 часов принял ванну. В 10 пил кофе дома. В 12 с четвертью отправился к Пестржецкому, а с ним в «sansoin» на обед за table d'hôtel.

После обеда гуляли в горах. В 4 часа спустились в Posthof [43], где пили кофе. После кофе провели время в прогулке и в беседе в городском парке. Беседа шла о многих предметах. В том числе об украинофилах и украинофильстве. Киевские украинофилы присылали в Харьков Ковалевского искать поддержки деньгами для Драгоманова. Пестржецкий и К° его объявили, что поддерживать Драгоманова как гонимого человека они готовы, но посылать деньги на его социалистические издания не желают. Лукавство адвоката Шиманова: готов на словах жертвовать, но не на деле, готов либеральничать на счет чужого, а не своего кармана.

Возвратился домой в 1/2 8 ч. Пил пиво. День провел, как подобается тому, кто пьет воды. Лег спать в 10 ч. вечера.

6 июля. Воскресенье.

Встал в 5 часов. На водах виделся с Пестржецким. Встретился с Крашановским, инспектором Сандомирской гимназии. Тремя годами кончил Киевский юридический ф-т.

Зашел к Пеликану и примерял пальто.

Пил кофе в садике Mirabell. Недолгая беседа с Ранком.

Получил письма: из Томска от князя Кострова и из Немирова, от Тржцинского, ученика нашего ф-та. Костров пишет, что 20 мая Федор Бугаев, брат Варв[ары] Вас[ильевны], жены брата Федора, пустил себе пулю в лоб. Пострадал, однако ж, неделю от неудачного выстрела и скончался. Тржцинский просит дать ему какую-нибудь ученую работу.

В 11 ч. был вместе с Пестржецким в церкви. После церкви до обеда сидели и беседовали в парке.

После обеда писал письма и послал: Кострову, Тржцинскому, брату Федору, брату Василию. Производительность моя на письма ныне меньше несравненно, чем в прошедшем году. До сих пор я написал письма только: два Саше, Володимирову, Тарасову, Загоровскому, кроме четырех вышеуказанных.

Вечером за пивом беседовал в садике с хозяином и его семьей.

С хозяином порешил сегодня в 11 ч. заняться немецкою практикою. Лег спать в начале 11-го. Забыл сказать, что вчера был сильнейший дождь с громом. 7-го, в 1/2 9 ч. Карлсбад.

7 июля.

Встал в 1/2 6 ч. Пил воды. Встречался на водах с Пестржецким. Вчера получил письмо от Квачевского. Просит, чтобы я выразил в особой записочке мое заявление, что Анна Грекова (урожд[енная] Милорадович) обязана уплатить ему часть вознаграждения за ведение ее дела. Квачевский хочет моими руками жар загребать. Напрасно. Он ныне расписался: «глубоко Вас уважающий и всей душой Вам преданный». А еще недавно, еще третировал меня пред судом, как последнюю адвокатишку. Но я не намерен служить для этой лисицы вороной. Душа моя раз навсегда от него отчуждена с тех пор, как познал его внутреннюю безнравственность и плутоватовство его натуры.

В 9 час. взял ванну. Не чувствую пользы от Moorbäde [44]. В 1/2 11 ч. пил кофе. В 11 ч. отправился вниз к хозяину для упражнения в немецком языке, по уговору. Во время беседы явился протоиерей Лебединцев. Принял в комнате хозяина. Сообщил, что товарищем министра народного просвещения назначен Марков, один из обер-прокуроров Сената. Писатель-юрист. Небольшого калибра.

Пестржецкий говорит, что в газетах пишут о назначении нашего Бунге товарищем министра финансов. Тоже подтвердили Дахнович и Лебединцев. Неизвестно, состоялось ли это назначение. В нем нет ничего невероятного. Бунге давно именуют кандидатом в товарищи мин[истра] ф[инансов] и даже именовали кандидатом в министры, о чем пред моим выездом писал мне Иващенко.

Обедал в «Ганновере» с отцом Лебединцевым. После обеда до 3-х часов сидели в парке. В три часа отправились к Шнее. Там застали целую русскую колонию. Завязалась беседа. Одна посетительница приехала из Тифлиса. На вопрос наш, что заставило вас приехать сюда, в такую даль, когда у вас под боком свои воды, да и еще какие, она ответила: неустройство русских минеральных вод.

Побеседовавши с Шнее, я отправился, по уговору с Пестржецким, к Элефанту пить кофе и читать русские газеты.

Там прочитал в «Голосе» и «Новом времени», что Бунге назначен товарищем министра финансов [45]. Наконец он у пристани. То-то торжество для партии. От Элефанта отправились за город. В Постгофе набрели на Крашановского и Смородинова, педагогов.

По возвращении домой застал в садике сидящих хозяина и хозяйку. С хозяином пробеседовали с час. Хорошее упражнение в немецком языке.

На выставке застал письмо от Саши. Все здоровы. Слава Богу.

Сегодня чувствовал себя хорошо.

Забыл записать на память.

От педагогов Царства Польского узнал, что обращенные униаты в значительном числе решительно уклоняются от исполнения христианских обрядов по православному ритуалу. Если не обращаются к католическим священникам, то оставляют своих детей некрещеными, своих покойников непогребенными. Смородинов говорит, что он знает один приход, в котором обращенные униаты совершенно не посещают церкви. В праздники и воскресные дни стоит два-три человека. Вот естественные последствия насилия.

В 10 часов лег в постель.

8 июля. Вторник.

Встал в 5 ч. Во время одевания и умывания твердил немецкие слова.

На водах встречался с госпожой Лихтенштейн, с Пестржецким, Лебединцевым и Крашановским. С двумя первыми сделал тур и беседовал.

В 1/2 9 пил кофе в садике своего Mirabell. Беседовал с хозяином, который взялся руководить меня в немецком языке.

В беседе с Лебединским я сказал: «Вчера я сообщил Шнее, что после меня сейчас посетит Вас протоиерей Лебединцев. Он очень обрадовался. У Шнее есть иконы Николая и Спасителя, для привлечения клиентов. Можно думать, что он Вас ставит третьим после икон, который может своим влиянием увеличить число его клиентов. Нужно надеяться, что он выпишет из России всех святых».

Написал письма: Саше, Колесницкому и Ступину.

Перед обедом зашел к Крашановскому, в ответ на его посещение. Вместе отправились обедать в «Hôtel National».

После обеда просидели в парке до 3-х часов. Речь шла о Компанском, моем однокурснике по у-ту, и его родственнике. Как был, так и остался фатоватым человеком. Был учителем в гимназии. Был потом старшим нотариусом. Ныне сделался владельцем и разрабатывателем нефтяных колодцев. Это по его натуре: юркой, склонной к разным делам и делишкам, затеям и затейкам. Я жил с ним в одной камере в казенных квартирах. Был с ним близок. Раз мы вместе отправились к декану Н. Д. Иванишеву. Иванишев, между прочим, и говорит Компанскому: «А вы написали отличное сочинение. Его очень хвалит Ник[олай] Ив[анович] Пилянкевич, к специальности которого оно относится. Какими источниками и сочинениями вы руководствовались?».

— Греческими.

— А! Так вы читаете по-гречески?

— Да, я кончил семинарию.

Между тем мой Компанский — полный невежа в греческом — составил грубую компиляцию по статье о Ликурговом законодательстве, составленной Леонтьевым по Гроту и напечатанной в «Пропилеях». Таков Компанский. Так легко было обманывать в прежнее время профессоров. А в наше время ужели нет?

Судя по рассказам Крашановского — его шурина, Компанский остается и ныне тем же, чем он был.

В 1/4 4 ч. мы отправились к о. Лебединцеву. Вместе с ним сделали прогулку по горной дороге в загородное кафе «Schönbrune». Там пили кофе. Разговор коснулся семейства Долгоруковых, из которого происходит нынешняя метресса Александра II.

В 1/2 7 ч. я возвратился домой. Провел полчаса в разговоре с хозяином. Разговор не вязался. От моей усталости.

В конце 8 ч. я вышел опять в Gartenlaube [46], чтобы иметь случай беседовать с хозяином. Беседовал не только с ним, но и с его сыном. На сей раз беседа удалась. Длилась до 1/2 10 ч.

Пользуясь случаем, чтобы усовершенствоваться в немецком языке. Чувствую, что делаю значительные успехи. Благодаря, конечно, прежним занятиям. То, что прежде было неясно, теперь уяснилось. Что не понимал, теперь уразумеваю. Если бы три-четыре месяца посвятить исключительно немецкому языку, например, прожить в немецком городе, в немецкой семье, говорить исключительно на немецком языке, ни

слова не слышать и не говорить по-русски, упражняться в немецком сочинении, к тому же читать исключительно по-немецки, брать, наконец, формальные уроки немецкого языка,— этим способом можно было бы сделать значительные успехи в знании немецкого языка. Не попытаюсь ли я в следующем году употребить этот способ, поселившись в каком-нибудь немецком городе или городке, например, Дрездене, Лейпциге, Тюбингене и т. п. Да поможет мне судьба осуществить мой план.

В 10 часов лег в постель.

9 июля. Среда.

Проснулся в начале 6-го. В постели твердил немецкие фразы и слова.

На водах встречался и обменялся несколькими словами с Пестржецким, Лихтенштейн и Дахновичем.

Вначале 9-го пил кофе в «Gartenlaube» своего Mirabell.

Беседовал больше часа с хозяином. К нашей компании присоединился датчанин из Копенгагена, член масонской ложи.

Заговорили о масонах. Наш датчанин отказался объяснить цель масонских лож. Сослался только на то, что Иисус Христос был также масоном. Указал на то, что покровителями масонов теперь являются коронованные особы. Датчанин сожалел, что с развитием цивилизации падает религиозность. Сердился, по-видимому, когда мы говорили, что это за общество, которое скрывает свои цели. Как будто какое-либо тайное.

Занятия немецким языком с Ранком пошли в 1/2 12 коротко и неудовлетворительно.

Обедал сам в «Hôt[el] National». После обеда курил в парке до 1/2 3 ч. Твердил немецкие фразы. В три пришли в парк Пестржецкий и Лебединцев. Беседовали о многом. Речь перешла к обеду в Киеве, 29 июня, по случаю открытия новых судов. Я сообщил им сведения о стоимости обеда, устроенного в Вене на банкете по случаю праздника Общества австрийских стрелков. Обед был изготовлен на 3536 чел. Состоял из четырех блюд: супа, мясного блюда с зеленью и приправою, жаркого и торта, и при этом на каждого по большой полбутылке вина. Обед обошелся каждому в 1 гул. 50 кр. Вспомнили мы наши обеды, которых распорядителем был Ренненкампф, два обеда в честь Дондукова-Корсакова, бывшего тогда генерал-губернатором. Каждый раз мы принуждены были платить по 20 руб. Причем, обеды были очень дурные. Ужели и здесь Ренненкампф извлекал пользу?

Из городского парка мы отправились к отцу Лебедеву. Там пили чай. Туда же пришел Апраксин, псаломщик. Речь шла об Иннокентии и Филарете. С протоиереями всегда наталкиваешься на архиереев. Сообщали анекдоты о жестокости характера Филарета, который иногда держал себя деспотом с подчиненными. Я заметил, что Филарет московский знал, с кем себя как держать. При этом вспомнил я его письма к гр. Протасову, в которых он именует сего николаевского обер-прокурора своим благодетелем.

Русский деспотический и абсолютный строй монархии умел подчинять под свои стопы даже Филарета, одного из тех, из которых при других обстоятельствах выходят иконы. Об Иннокентии от[ец] Лебедев отозвался как об легкомысленном архиерее, который носил перчатки и душился разными светскими благовониями. Против этого взгляда восстал о. Лебединцев. На мой вопрос: насколько верны рассказы о его

немонашеском образе жизни, Лебединцев сказал: «Может быть, и была доля правды». При этом вспомнил я некоего юношу Комарова, который в шестидесятых годах появился в Петербурге, часто посещал дом Белозерского В. М., тогдашний клуб петербургских украинофилов. Все его знакомые говорили, что он сын Иннокентия Борисова, тогда уже умершего. Юноша этот и сам выдавал себя за такового. Кто его знает, насколько тут было правды, насколько лжи. Впоследствии времени этот Комаров явился убийцей жены Суворина-Незнакомца, ныне торгующего под фирмою «Новое время». Отцы передавали мнения о том, как Иннокентий Борисов не церемонился с монастырскими суммами и вообще любил деньги. Вот анекдот, рассказанный киевским протоиереем. В архиерейском ли доме, или в каком монастыре был эконом или казначей монах, у которого водились деньжонки. Существовало общее мнение, что монах сей носит свои деньги зашитыми в клобуке или камилавке. Раз Иннокентий пригласил его куда-то с собою ехать. В дороге Иннокентий сделал вид, что его клобук жмет ему голову. Поэтому он просил своего спутника дать ему свой клобук. Тот не смел ослушаться. В этом клобуке Иннокентий остался и по приезде. На другой день он возвратил его собственнику, только уже без денег.

С отцами сделали прогулку до Posthaf-a. Возвратился в 8 ч. Хозяина не было в беседке. Немецкой практики не было. Я в хандре. В 10 ч. лег в постель.

10 июля. Четверг.

Встал в 1/2 6 ч. утра. Во время умыванья твердил некоторые фразы, дабы усовершенствоваться в немецком языке.

На водах встречался с Пестржецким, Лебединцевым и Дахновичем. В 1/2 3 ч. после обеда условились сойтись в Stadt park-е, чтобы совершить прогулку в горы. Взял билеты на ванны.

Пил чай в «Gartenlaube» Mirabell. Удивлялся, отчего хозяина не видать. Между тем, он всегда по утрам проводил время здесь. По свойственной мне неизлечимой подозрительности я стал думать, не уклоняется ли он от разговоров со мной, чтобы уменьшить количество времени для занятий в немецком языке. Оказалось, что он не так здоров и не выходит из комнаты: нога разболелась.

Беседовал с 1/2 часа с датчанином. Дышет враждой против пруссаков и северных немцев. Надеется, что придет время для расправы с ними. Расспрашивал о нашем правительстве. Указал ему на черты тирании и деспотизма, но выразил уверенность в великом будущем Отчизны.

Зашел к хозяину. Пробеседовали минут 20. Продолжение беседы было прервано приходом к нему доктора.

Прочел «Karlsbader Badeblatt», «Kurgästa» [47]. Ныне идет девятнадцатая тысяча. 6/18 июля записано в «Curliste» 18 223 человека приезжих. В прежнем году в это число было 16 913 чел[овек], значит, превышение нынешнего года равняется 1410 человекам.

Обедал в «Hôtel National».

После обеда курил в парке. Скоро подошли Лебединцев и Пестржецкий. Отправились гулять в горы. Пили кофе в «Sager Haus»-е. Помещение этого загородного кафе усовершенствовано.

Сделали прогулку на Kaiser Loset Höhe, один из возвышенных пунктов карлсбадских окрестностей. Беседовали о многих и многих предметах.

Пестржецкий сообщил те же самые сведения о попытках Цитовича перед своею поездкою в Петербург на пост продажного публициста сойтись с своею женою. Когда ему не удалось уговорить, чтобы она добровольно последовала за ним, тогда он прибег к содействию Лорис-Меликова и жандармерии. Чрез них он требовал, чтобы она выдала ему дочь. В ее квартире поставлена была полицейская стража, чтобы она не увезла дитяти. Эту стражу видел сам Пестржецкий, живший в одном дворе. Наконец, жена его со своею матерью решились ехать вслед за ребенком и с ним в Петербург. Но скоро опять возвратилась в [Харьков]. Се столп для подчинки российской нравственности.

По сему поводу речь шла о том, что россияне, привыкшие к правительственной опеке, не могущие без помощи начальства сделать ни добра, ни зла, обыкновенно обращались и ныне обращаются к всемогущему Лорис-Меликову за содействием для устройства собственных дел. Один просит, чтобы ему водворили его жену и чуть не заставили бы ее не противиться исполнению супружеских обязанностей. Другой жалуется на нарушение контракта арендатором. Третий ищет, чтобы Лорис примирил ее с ее мужем. Четвертый жалуется на то, что сын его не переведен в следующий класс гимназии. Пятый, студент у-та, вопиет к Лорису о том, что его обрезали на экзамене и просит его вмешательства. Многие искали случая втереться ему в знакомство, совали свою рожу и нос, чтобы он их заметил.

Возвратился домой в 1/2 8 ч. Застал письмо от И. Т. Тарасова. Вот что он пишет о Бунге: «Бунге, по моему мнению, неумный человек; как ученый он не талантливый, компилятор, приправляющий свои компиляции осторожными тенденциями, примиряющими непримиримое. Как практик он обладает замечательным тактом, однако легко покидающим его, когда он натыкается на хладнокровный отпор. Как человек он колоссальный честолюбец, честолюбие заменяет ему все основы, в вопросах честолюбия он готов на все». Говоря в другом месте о его подвигах по отношению к нему, он выражается: «Когда Бунге вытягивал за хвост своего любимца, навязывая университету недостойного преподавателя, а Киеву бесчестного редактора газеты».

11 июля. Пятница.

Проснулся в начале пятого. Пересматривал немецкую грамматику. Потом опять вздремнул. Встал в шесть. Твердил, умываясь, некоторые немецкие слова и фразы.

На водах встречался и беседовал с Пестржецким. Перекинулся несколькими словами с Крашановским и Бродским, с последним — о Бунге. Пил кофе в беседке своего Mirabell-я. Читал «Karlsbader Badeblatt». Беседовал с датчанином из Копенгагена.

Получил письмо от брата Василия. Пишет, что у-т дает обед Бунге. Рад я, что отсутствую. Пришлось бы принять участие в обеде, а я бы этого не хотел. Прислал мне письмо Ясинского, одного из сотрудников журнала «Слово» [48], в котором предлагают мне сотрудничество в качестве корреспондента из Германии, с платою 75 руб. за лист, с предоставлением в мое распоряжение 4-х листов печати. Это устроил для меня И. С. Иващенко. К сожалению, этим предложением я воспользоваться не могу, так как оно пришло поздно. Может быть, воспользуюсь в следующем году, приготовив к тому времени материал.

С конца 11-го до 1/2 2 написал письма Доброгаеву, Квачевскому и Тарасову. Обедал в «Hôtel National» сам, по обычаю. После обеда

посетил Апраксина, псаломщика пражской церкви и отправляющего ныне службу здесь. Туда пришел отец Лебедев. Разговор — общие места.

В конце 6-го отправился принять Moorbäde. Все приходится принимать ванны в старом подвальном этаже. Neubad [49] отстроен, но не открыт. С дня на день откладывают открытие. Шнее не особенно рекомендует принятие ванн в старом помещении. В 1/2 10 ч. лег спать.

12 июля. Суббота.

Встал в 5 час. Одеваясь, делал справки в немецком лексиконе и затверживал слова.

На водах встретился с Лебединцевым, Лихтенштейн, Дахновичем и Смородиновым. Перекинулся двумя-тремя словами. С. Пестржецким не встречался. После вод зашел к портному Пеликану. Оттуда в книжный магазин. Купил «Staats Grundgesetze» [50], или законы о конституционном устройстве Австрии. Купил некоторые другие книги, содержащие сведения об австрийской монархии и Карлсбаде. Купил миниатюрное женевское издание некоторых стихотворений Шевченка.

В колонаде во время питья вод подходит ко мне какой-то господин с вопросом: «Вы профессор К[истяковск]ий из Киева?

— Я. Позвольте знать. кто Вы?

— Я учитель из Станиславова.

— По каким признакам Вы узнали меня, что я такой-то?

— Я видел Вашу фотографию у Бучинского.

Бучинский, галичанин, с которым мы в [18]73 г., проезжая с Сашей и детьми, познакомились и услугами которого мы тогда пользовались. В краткой беседе с ним я узнал, что учитель Желеховский — фамилия моего нового знакомого — работает над составлением русинско-или малорусско-немецкого словаря. В 1/2 1-го сегодня обещал меня посетить. Пил кофе в беседке Mirabell. По-немецки ни с кем не беседовал. Хозяин сидит в комнате. И, кажется, чуждается. Мои стремления к изучению немецкого языка встречают препоны.

Посетил меня Евг[ений] Желеховский. Беседа с ним была для меня и приятна, и полезна. Он мне сообщил сведения о положении русинских партий, об их органах, об отношении поляков к русинам. Беседа наша длилась часа три. Он пришел ко мне уже пообедавши. Я пригласил его в «Hôtel Nationel» посидеть со мною, пока я пообедаю. Там под навесом мы застали сидящим священника, или монаха, одетого, как одеваются православные духовные южных австрийских славян. Он говорил по-русски с господином и дамою. Мы обменялись приветливым взглядом. Когда затем он встал и из-за стола направился ко мне, я, с своей стороны, сделал шаг к нему и приветствовал его. Он спросил меня: не протоиерей ли я Раевский? — Как видите, я в 48 лет сед так, как семидесятилетний Раевский, который годится мне в отцы. Я ответил ему, кто я. Он же рекомендовался протопресвитером из австрийской Сербии, из города, имени которого я не заметил. Говорит кое-как по-русски. Был в 1968 г. на славянском съезде в Москве. Им затем овладел Желеховский, и я мало с ним беседовал. Затем мы простились — он живет рядом, через дом. После возобновления беседы с Желеховским я его проводил, чтобы знать его квартиру.

Возвращаясь, я хотел идти к Пестржецкому. А тут идет он. В «Gartenlaube Mirabell» просидели вдвоем и пробеседовали с час. Пил кофе в беседке. Читал там же и в городском парке два номера «Де-

ла»[51], данных мне Желеховским. Наставительны. Потом гуляли по парку. Уже было собрался идти домой, как идет диакон пражской церкви. Последовали приветствия и разговор. Диакон, так же как священник Лебедев и псаломщик Апраксин, считает существование православной церкви в Праге совершенно излишним. Видите ли, славянский комитет и другие ташкентцы надеялись, устроивши церковь, устроить пост пропаганды. Это открыто говорит пражский причт. Введены, видите ли, были в заблуждение двумя обстоятельствами: обращением некоторых чехов в православие, это во-первых, а во-вторых, существованием в Австрии закона, устанавливающего свободу вероисповедания. Но обсчитались. Видно, верхоглядствовали.

Некоторые чехи приняли и принимают православие. Но кто такие и для чего? Те, которые приезжают в Россию и поступают на службу и, следовательно, те, которые хотят принятием православия достигнуть материальных выгод. О[тец] диакон думает, что чехи только из одних выгод и могут принимать православие. Он приводил в доказательство разговор одного чеха, купца, в Карлсбаде, который говорил, что если бы ему подарили дом, занимаемый ныне православною церковию, он бы принял православие и, прикупив бы соседний дом, открыл обширные номера с русскою прислугою. В рассуждениях чехов о различии исповеданий православного и католического звучит глубокий индефферентизм к этим различиям. Они отлично понимают, что оно лежит в политическом строе и интересах.

В Праге один Сладковский принял православие, да и тот сделал это из политических расчетов, побуждений и настроения.

Что же касается существующей в Австрии свободы вероисповедания, то вот она: пражскому притчу конфидециально предписано воздерживаться от продолжительного звона в колокола — и так московский колокол, о котором столько кричали и столько писали, остается втуне; не делать вне церкви процессий; совершать требы у православных, только не австрийских подданных.

Будь я на месте австрийского правительства, я бы повел дело круче: я бы представил русскому правительству, что оно, будучи неверотерпимо, хочет пользоваться веротерпимостию других для собственных политических целей. Я бы сказал: «Вы хотите у меня вести пропаганду. Позвольте мне по закону взаимности учредить пост пропаганды в вашем царстве, хотя бы между люблинскими униатами для обращения их в католицизм».

Нет ничего гнуснее, как наши ташкентцы и апостолы в вицмундирах, насильно обращающие в православие униатов у себя, готовые запустить лапу в чужой карман, чтобы и там чем-нибудь поживиться. Свобода вероисповедания хороша при существовании законов взаимности. Без того она хищнику — только простор.

Но так или сяк, а причт пражской церкви давно потерял веру в свое назначение, давно признал себя лишним в том месте, где он поставлен, давно мучается и скучает, ждет не дождется, когда настанет ему пора уйти из Праги, давно признает затраты и траты, употребленные и употребляемые на его содержание, напрасным и спрашивает: зачем правительство медлит [с] закрытием пражской церкви. На содержание причта правительство отпускает 6500 руб. в год, а славянский комитет — 1200 за аренду церкви.

Возвратился домой в начале 9-го. Лег спать в 10 часов.

13 июля. Воскресенье.

Встал в 6. По обыкновению приводил в сознании немецкие слова и фразы.

На водах встретился с Лебединцевым, Пестржецким, Бродским, Смородиновым и Желеховским.

Не раз встречал я русского, который, по моим воспоминаниям, должен был быть поэт Я. Полонский. В «Curliste» я прочел о прибытии Schriftsteller-a ans Peterbourg [52].

Сегодня мы пристально посмотрели друг на друга. После первой кружки я подошел к нему и говорю: «Вы поэт?»

— К сожалению.

— Почему?

— В наш век.

— Мы были знакомы несколько в шестидесятых годах. Встречались у Белозерских.

— Вы, значит, Ген?

— Нет, Кистяковский.

— Как Кистяковский? Доктор?

— Ки[стяковский], доктор, но только [не] медицины, а права, профессор из Кие[вского] у-та.

Поговорили. То, что он не знает меня, задело мое пустое самолюбие: а я думал, что меня знает хоть пишущая братия. И того нет. О, бедное самолюбие и убогое славолюбие. Но, с другой стороны, как мало знаком с отчествоведением поэт Полонский. Как мало знаком русский поэт с именами русских ученых. Вероятно, здесь же, в Карлсбаде, есть образованные русские, которые не знают имени русского поэта Полонского. Наведу справку для решения сего вопроса.

Кофе пил в «Schweiner Hof» с Лебединцевым и Пестржецким. Дорогой туда много говорили об обращении униатов в православие. Даже Лебединцев, который проникнут глубоким чувством русско-чиновнического прозелитизма иноверцев в православие, даже Лебединцев является критиканом тех столбов, которые были употреблены для обращения люблинских униатов в православие. А между тем его братец Феофан, директор прежде Холмской, а ныне Люблинской дирекции училищ, много послужил сему нечистому делу. Да и сам отец Петр с величайшею охотою готов был бы служить сему делу, если бы его пригласили. Ему любо обращение в православие униатов, он бы только хотел, чтобы оно совершено было руками членов святейшего Синода и его руками, или лиц ему подобных. А то, в самом деле, первыми апостолами были толстые, тимашевы, маковы, грамски и им подобные деятели бюрократии и канцеляризма. Вот отсюда-то отец Лебединцев и справедливо, хотя с своим собственным смыслом, утверждает, что униаты обращены в православие посредством полиции. Обращение униатов, по мнению протоиерея, было хорошее, но только оно дурно потому, что оно совершено не средством духовной полиции и обмана, а канцелярской, этого рода. Тем не менее он сообщает много интересных фактов, освещающих и обращение униатов, и теперешнее их состояние.

Первый призыв галичан был сделан, кажется, посредством посылки в Галицию Ф. Лебединцева. Попель, главный машинист, был первоначально законоучителем Холмской гимназии и состоял под особым покровительством сего обрусителя. В прошлом году Ф. Лебединцев много раз говорил, что у него хорошо была принята его наложница, слывшая, как у наших архиереев, за племянницу.

Первый набор был менее или более сносный. Второй совершен был самим Попелем. Во-первых, он перезвал всю родню свою, всяких проходимцев и недостойных людей. Во-вторых, на клич, на предложение доходных мест, на призыв приманкою корысти потекли потоки подонков галицийского духовенства: люди, компроментированные в своей среде и в Галицийском духовном управлении, люди недоучившиеся, люди, не хотевшие трудом достигать в своем отечестве известного положения, люди-лихоимцы и корыстолюбцы. Евг[ений] Желеховский утверждает, что некоторые из галицких священников ушли в Россию, обобравши и обокравши свои церкви. Верно ли или нет, не знаю. Таких-то и им подобных молодцев набралось около 200. Им дали жалованье в 1200 р[уб]. каждому. Им стали раздавать кресты, ордена и знаки отличия, назначенные специально для духовных. Их-то руками и совершили обращение униатов в православие.

Результаты, однако ж, оказывается не блестящие. Отец Лебединцев сваливает вину малой удачи на этих перебежчиков, на их корыстолюбие, на их небрежное отношение к своему делу, на их заносчивость, на их вымогательство от прихожан. Но причина лежит глубже. Видно по всему, из рассказов Лебединцева, который ныне посетил Холм, что между галицкими перебежчиками и русскими ташкентцами в рясе идет борьба. Галицкие апостаты себе приписывают заслугу обращения и высокомерно себя держат. Русские насильники и ташкентцы этим оскорбляются и желают пользоваться безраздельно славою того дела, которое на свой счет не возьмет порядочный человек.

В 1/2 11 ч. мы расстались. Я возвратился домой. В «Gartenlaube» я застал хозяина, уже выходит. Пробеседовал с ним, певцом из Карлсруэ, и Левином из Копенгагена с минут 40. Когда зашла речь о переводе на немецкий язык русских писателей — Гоголя, Пушкина, Тургенева, то певец из Карлсруэ сказал, что он очарован Тургеневым и что это есть один из любимых его писателей.

Иду обедать в «Hôtel Nat[ional]». Теперь час. В четыре должны сойтись в Stadt park я, Желеховский и Пестржецкий.

Обедал вместе с Милютинович. После обеда читал в парке. Пришли туда же в 4 часа Желеховский, Милютинович, Пестржецкий и Крашановский.

Спросил у Желеховского, как понимать одно место газеты «Дело» об ассигновании сеймом 3000 гул. на униатов. Он объяснил мне, что эта сумма ассигнована на тех униатских священников, которые, будучи преследуемы русским прави[тельством], ушли из Холмской епархии в Галицию. Таковых в Галиции перешло человек 80. Некоторые из них уже получили приходы. На поддержку других ассигнована упомянутая сумма. Для их же поддержки собираются пожертвования, которые идут из кошельков панов польских и некоторых лиц из духовенства. Человек 30 из холмских священников, не подчинившихся насилию, ушли в Рим. Сколько же человек сослало русское правительство в отдаленные и не столь отдаленные? Я сказал Желеховскому, что галицких попов и во главе их Попеля следует считать величайшими негодяями и христопродавцами, которые из-за мирских выгод, из денег и почестей перешли в Россию и изъявили желание быть орудием насилия. Я уже не говорю о том, что они изменили своей старой вере из одних жидовских расчетов. Я спросил Желеховского: «Ужели в галицко-русинской печати не был затронут этот вопрос?». Он отвечал: «Нет, да и почвы к тому нет». Хорошо же понимание русинов свободы совести. Да, интеллиген-

ция русинская, даже считающая себя народною, мало развита умственно. Когда ушли от нас Желеховский и Милютинович, мы просили Крашановского сообщить нам сведения об обращении униатов. Он подтвердил, что при обращении было употреблено насилие с применением нагаек, что самые упорные были схвачены, заключены в тюрьму и сосланы в места отдаленные и не столь отдаленные. Он утверждает, что унию сначала приготовляли Ф. Лебединцев и К°, что этот машинист был впоследствии оттерт, что главным местным деятелем явился ротмистр Баранов, ныне сделанный директором одной из дирекций Царства. Из его слов видно, что Ф. Лебединцев ныне весьма обижен тем, что галицкие перебежчики приписывают себе честь — хороша честь — обращения униатов в православие, что ныне сей хитрый и лукавый малоросс готовит записку в опровержение этого, для того чтобы выставить на суд публики настоящих деятелей.

В 1/2 9-го отправились в «Hôtel National», где пили чай. Просидели до 1/2 10. Я развивал моим собеседникам мысль о спасении России только путем введения представительного правленя и в ограничении абсолютной власти. Ответ ни то ни се.

Возвращаясь, встретил на дверях хозяина. Побеседовал с ним. Выразил желание с ним вперед беседовать, не занимаясь систематически грамматикою.

Лег в постель в 10 часов.

14 июля. Понедельник.

Встал в 1/6 6 ч. По обычаю делал справки в немецком и кое-что твердил.

На водах встретил: Пестржецкого, Лебединцева, Бродского, Лихтенштейн и гр. Игнатьева. Последний сообщил, что был вчера на ярмарке в соседней деревне. Мы с Лебединцевым и Пестржецким положили сегодня тоже побывать. Из объяснения хозяина я узнал, что это не ярмарка, а храмовый праздник в честь Анны. Для того чтобы выполнить план наш, я переменил с сегодняшнего дня на завтрашний принятие ванны.

Зашел в книжную лавку Феллера и купил «Die Todten Seelen» [53]. Гоголя за 24 кр. Дома оригинал нельзя купить дешевле рубля-полтора. Так мы яко народ беспутно живем.

Чай пил в своей беседке. Беседовал с хозяином и датчанином из Копенгагена.

Во второй раз беседовал с хозяином в 12 часу. Обедал в «National». После обеда читал, сидя в городском парке, русинскую газету «Дело» и журнал «Правда». Говорят дело. Русины несомненно делают успехи. Потихоньку да помаленьку. Мне кажется, что они значительно подвинулись против того, чем они были в [18]71 году, когда я посетил Львов. Партия, издающая «Дело» и «Правду», решительная противница деспотизма русского правительства. Она того же духа, что и наше украинофильство, только его скромнее, проще, у́же, но и грунтовитее, хотя с меньшим полетом.

В 1/2 4 [ч.] пил кофе в своем Gartenlaube. Надежда на беседу с хозяином не осуществилась. В 4 сошлись в Stadt park-е я, Лебединцев и Пестржецкий и отправились в деревню Цетлицы, в часе ходьбы от Карлсбада на храмовую ярмарку. Что нас поразило, так это то, что вся дорога от вокзала до Цетлицы, усажена нищими, которые голодают наподобие наших, хотя и с меньшим воем. Напомнило родину. Подей-

ствовало неприятно. Ярмарка ничего особенного не представляет. Конечно, повыше несколько сортом нашей. Вместо кабаков Gästhaus-ы [54], где пьют пиво. Расположился с альтой булгарин ли, арнаут, или грек. Услышав русскую речь, заговорил по-русски. Выразил благодарность русским за освобождение. Благословлял имя Александра. Выразил уверенность, что больше двух лет султан не пробудет в Европе, а будет изгнан в Азию.

В начале 9-го возвратился домой. Застал письмо от Саши и детей. Что меня утешило.

Забыл записать, что в 12 часу заходил ко мне Желеховский. Но так как мне нужно было беседовать с хозяином, то дал ему о сем знать, и он скоро оставил меня.

15 июля. Вторник.

Встал в 5 ч. Во время умывания и одевания кое-что пересматривал по части немецкого языка.

Со вчерашнего вечера начал идти дождь. И теперь продолжается. Мешает выходу на воды. На водах встречался с Пестржецким, Лихтенштейн и Бродским. По случаю дождя огромная толпа в колоннадах.

Кофе пил в «Gartenlaube». В начале 11-го выглянул хозяин и пригласил к себе. Беседовал 1 ч. с 1/4. Предложил сыну хозяина прочесть «Die Todten Seelen». Изъявил желание.

В 1/2 1 пришел Пестржецкий. Отправились к фотографу. Долго морочился фотограф, пока аранжировал ансамбль.

Обедал в «Hôt[el] Nat[ional]».

После обеда отправился к Желеховскому, галичанину. Постучал. Он выглянул и пригласил в комнату. Оказалось, что теща его тут же лежала в постели и курила трубку. И я, и она, мы оба сконфузились. Я хотел уйти тотчас, но Желеховский просил остаться. Просидел мин[ут] 30. Теща его лежала в постели. Я не раз порывался уйти и приглашал его с собою, но каждый раз он меня удерживал. Наконец, мы вышли. Я пригласил его к себе. Он просидел у меня часа полтора или два. Много беседовали о положении России и ее будущности. Реформа в конституционном духе необходима. Она двинет Россию. Без нее Россия обречена на самый мрачный застой, или погибель. Такова была тема моей речи, иллюстрированной отечественными событиями.

Я подарил Желеховскому Грибоедова «Горе от ума» и «Басни» Крылова. Он по-русски (т. е. рус[ские] книги) понимает, но не в совершенстве, так же как, например, [я] их русинские книжки.

В 6 отправился в ванну. Завтра утром будет открыто новое здание для ванн, вновь выстроенное, которое названо Neubad.

Возвратившись, нашел три письма В. Б. Антоновича из Парижа, от А. Я. Антоновича, профессора из Новой Александрии, и от Кривицкого из Бендер.

16 июля. Среда.

Встал в начале 7-го. Вчера поздно лег. Писал Саше и детям.

На водах встретился с Лебединцевым, Пестржецким и Лихтенштейн. Последняя отъезжает.

Пил кофе в «Gartenlaube» своего Mirabell. Беседовал с датчанином Левиным. Возвратился уставшим. Вздремнул. В конце первого отпра-

вился к Пестржецким. Обедал с ним в их квартире. Жена его высматривает хорошею хозяйкою.

Вместе вышел с Пестржецким, чтобы посетить Крашановского, я должен был зайти к Шнее, доктору, он ждет в парке. Я просидел у Шнее в ожидании очереди до 5 часов. Вследствии сего уже Пестр[жецкого] не нашел в парке. В 5 часов пил кофе в своей беседке и беседовал с час с хозяином.

Читал хронику Карлсбада. Хозяйка познакомила меня с вновь приезжим студентом Лесной академии из-под Дрездена, уроженцем Курляндии. По-русски говорит плохо. Беседу вел с час по-немецки. Особенный остзейский диалект. Хорошая для меня практика в немецком разговоре.

В 1/2 8 ч. пришел Пестржецкий. Отправились к Крашановскому, но дома его не застали.

Ужинали в «Hôtel Nat[ional]». После ужина вели беседу о социалистах, о Драгоманове, об отношениях к нему киевских и львовских социалистов. Оказывается, что львовские украинофилы в разладе с Драгомановым. Они не сочувствуют его учению. Пестржецкий говорит, что киевские украинофилы присылали в Харьков Ковалевского — ныне сосланного — чтобы добиться обложения подоходным налогом небольшого кружка людей, расположенных к народу, в пользу Драгоманова и его деятельности. Последовал отказ.

Завтра Пестржецкие едут в Франценсбад. Условились еще раз встретиться до отъезда.

Встретился в коридоре с хозяином и пробеседовал 5 минут. Лег спать в 10 часов.

17 июля. Четверг.

Встал в 1/2 6 ч. По раз принятому намерению твердил некоторые немецкие слова.

На водах беседовал с Лебединцевым и Пестржецкою. Пил кофе в «Gartenlaube» и беседовал час с хозяином. От хозяина узнал, что в Австрии очень высоки государственные подати. По сему случаю вспомнил я галицийского поляка, с которым я ехал в прошлом году. Он в виде замечания на брань своего собрата, тут же беседовавшего и бранившего Россию,— эмигрант из России, заметил: однако ж гр. Альф[ред] Потоцкий говорил мне, что в России лучше, чем в Австрии, там подати меньшие.

Посетил меня на прощание Пестржецкий. Пофилософствовали по обычаю и расстались с уговором встретиться еще раз в Франценсбаде.

Обедал сам в «Hôtel Nat[ional]».

Часа два ходил по магазинам, чтобы заказать рубашки. Оказалось невыгодным. Отложил до Праги.

Читал в парке «Статистику» Австрии. В начале пятого пил кофе в своей беседке. Пробеседовал с час с хозяином. Приготовил письма: брату Федору и Антоновичу, профессору в Новой Александрии.

18 июля. Пятница.

Встал в 1/2 6 ч. Нечто старался удержать в памяти из немецкого.

На водах встретил Лебединцева. Познакомился с г[оспо]жою Станкевич из Вильно.

Предпринял прогулку с целию пить кофе в «Дальвице» к трем

дубам — «Drei Eiche» с Лебединцевым и Трейманом, таможенным чиновником из Вержболова.

Возвращался в 1/4 12 ч. Устал. Чувствовал потребность отдохнуть. Лег в постель. В постели читал. Продремал до начала 2-го. Обедал в «Hôtel Nat[ional]» сам. После обеда час у себя в «Gartenlaube». Разговор с хозяином длился недолго. Пил кофе. Опять читал. Конечно, понемецки. Ежедневно читаю маленькую карлсбадскую газетку «Karlsbader Badeblatt». В 3/4 6-го пошел в парк, оттуда поднялся на горную дорогу с правой стороны Тепеля и сделал порядочный круг. В городе закупил некоторые съестные припасы.

Мимоходом справился о курсе. С моего приезда курс падает. В начале я получил 124 гул. 25 кр. за 100 руб. в Праге. За вторые сто руб. здесь получил 123 гул. А сегодня дают 121 гул. 75 [кр.]. Курс, однако ж, до сих пор лучше прошлогоднего, хотя и стремится с ним сравняться. В прошлом году при въезде я получил 112; накануне выезда 117 гул., а в день выезда поднялся курс до 119. В 1875 г. курс стоял 139—140 гул. за 100 руб. А когда я ехал чрез Австрию в 1871 г., то получал около 160 гул. за 100 руб.

В «Дальвице» я как-то набрел на распечатку и подчитывание писем нашим правительством. Это действие я назвал злодеянием. Отчего же так? — возразили мне мои собеседники, Лебединцев и Трейман. Как быть иначе? Таков низкий уровень сознания человеческих прав. Произвол имеет свои глубокие корни в отсутствии у граждан сознания собственных прав. Замечательно, что нигде это сознание так не низко, как между духовными. Это сословие состоит из двух категорий людей: или поглощенных материальными интересами, или проникнутых тем смиренномудрием, которое тождественно с раболепием и безразличием. Это угодники. Они же и поклоняются угодникам. Странное явление: угодничество в современном мире получило значение неодобрительное. А в священной истории *угодник* считается святым.

Лебединцев, однако ж, рассказал случай распечатывания и подчитывания писем бывший в его переписке. Он переписывался по грекоуниатским делам с Крыжановским. Одно из писем последнего было прочитано правительственными шпионами и не дошло до рук Лебединцева, а очутилось в руках мин[истра] просвещения Толстого. В какой форме и каким путем, только Крыжановскому — ныне директор Варшавской гимназии, а прежде Седлецкой дирекции,— дано знать что от Толстого, чтобы он не мешался не в свое дело, если не хочет быть смещенным. Подчитывание писем дало Толстому материал, на основании которого сей обер-прокурор перевел архиепископа Иоанникия в Одессу с некоторым понижением сего иерарха.

19 июля. Суббота.

Встал в 1/2 6 ч., по обычаю наводил справки в немецком языке при умывании.

На водах встречался с Лебединцевым, Станкевичем и Бродским.

Видел гр. Шувалова, с которым раскланивается Лебединцев: где-то в кафе Шувалов уступил ему номер «Голоса», не говоря ни слова. С тех пор Лебединцев с ним кланяется. В выражении лица Шувалова есть нечто польское: говорят, мать его полька. Ходит Шувалов в коротеньком пиджаке: наверстывает за то стеснение, которое для него сопряжено с званием русского генерала и генерал-адъютанта. Встретившись с

Шуваловым, я подумал: сколько ты подчитал частных писем. Может быть, и не одно мое. Мне всегда сдавалось, что переписка обо мне по 3-му Отделению была, между прочим, и результатом подчитывания моих писем. Выражение: «ловкий казуист» могло создаться в голове того, кто читал мою переписку с Чарнецким. Ведь Чарнецкий давал взятки сенатским секретарям, что мне было ведомо и на что я соизволял. О моем отношении к образу действий Чарнецкого я должен поговорить когда-нибудь подробнее. Иначе эта сторона моей деятельности останется и неясною, и непонятною. Впрочем, она мне самому не нравится и не по душе. Нужда закон изменяет, но не втягивается в эту нужду.

Сегодня у хозяина свадьба: выдает дочь за банковского чиновника, молодого человека. Вся семья в движении. Все надели фраки. Даже Эдуард, гласмейстер, принарядился в новый приличный сюртук и покрыл себя цилиндром. Букеты цветов несут со всех сторон. В своей комнате я застал кусок торта. Это напомнило мне, что и я должен позаботиться о присылке букета, что я и сделаю. Думаю присутствовать в церкви при венчании. Хочу посмотреть, как идет у них этот обряд.

Был на венчании. Народу было много, но толпы не было. Большинство сидело. Мальчишки и девчатка глазели и толпились. Женщины преобладали. Венчанье началось проповедью капеллана. В продолжении обряда венчания жених и невеста стояли на коленях. За проповедью следовали молитвы, опрос, обмен колец и т. п. Окончилось исполнением музыкальной пьесы серьезного характера. Последовали поздравления.

Вышел из церкви с новым знакомым из остзейских провинций Туммою. На Маркт-пляце купил букет за 70 кр. и отослал с моею карточкою.

Затем вместе отправились обедать к Loib-у. Народу — тьма. Обед дешевле, но не хуже, чем в «Hôtel National». После обеда сидели в колоннаде. По возвращении я пригласил Тумму ко мне и разделил с ним присланный мне кусок торта. Случай упражнения в немецком языке.

Идя в церковь, встретил Крашановского и поэта Полонского. С тем и другим обменялся несколькими словами.

После обеда читал «Статистику» Австрии. У меня теперь настольные книги, кроме сей, подробный путеводитель по Карлсбаду Главачека, «Staats Grund gesetze» Австрийско-Венгерской монархии.

В 4 ч. пришел Ев[гений] Желеховский. Сообщил известие о приезде в Карлсбад Емел[ьяна] Партицкого, автора русинско-немецкого словаря и редактора-издателя русинского журнала «Зоря» [55], литературно-научного, выходящего два раза в месяц.

Пробеседовали около 40 мин. По уходе его, я скоро отправился в Neubad взять грязевую ванну. Я думал найти устройство ванн в новом здании особенно отменным. Но был обманут в своих ожиданиях. Moorbäde помещается в партере, по-нашему, в первом этаже. Устроены как и старые, но теснее последних. Света очень мало. Архитектор сделал окошки в номерах в глухой тесный дворик, вместо того чтобы пустить свет в коридоры, чтобы получать обильный свет из них, выходящих с одной стороны на Тепель и омывающий Stadt park, а с другой — на улицу. Об этом я заявил служителю, который сказал мне, что и бургомистр Кноль при осмотре высказал то же мнение, нашедши камеры темными.

20 июля. Воскресенье.

Встал в 6 ч. По части немецкого кое-что твердил.

На водах встретил Крашановского. Возвратившись, застал письмо от Пестржецкого из Франценсбада. Пил кофе в «Gartenlaube». Беседовал с хозяином около часу.

Заплатил по счету хозяйке за прошедшую неделю и за квартиру текущей.

Обедал в «Hôt[el] Nat[ional]» сам. После обеда сидел в беседке и курил.

Возвратившись домой, читал «Сон» Шевченко в женевском миниатюрном издании. Что за сила чувства и выражения! Какая глубокая и едкая ненависть к угнетению и рабству!

Получил письмо от И. Т. Тарасова. Между мною и им идет оживленная переписка о поступлении его профессором в наш у-т на место Бунге. Я был прежде против него, ныне — за. Оглянувшись, не нахожу человека, который мог бы, кроме него, занять вакантное место. Если Тарасову удастся занять место, я почти предвижу, что случится то, что случилось с покойным Хлебниковым. Он пойдет по такой дороге, которая мне не по душе. Но лучше Тарасов, чем Пихно. Некогда стоя за Хлебникова, я говорил: лучше Хлебников, чем Ренненкампф, который до него читал энциклопедию. Так оно было на самом деле. Но это лучшее все же было крайне странное, крайне ненаучное, крайне дикое в области мысли. Оно превзошло то, что я мог допустить, судя по прежним сочинениям этого философа. Я и тогда видел в них нечто сумбурное, нечто несовместное с наукою. Но из двух зол приходилось выбирать меньшее. Боюсь, чтобы того же не случилось и на сей раз. Он ведь в сущности не творец событий. Он их слуга. Он даже и не творец самого себя. Он выполняет только ту пьесу, которую он, как готовый инструмент, в большем или меньшем помещении разыгрывает.

Как-то Лебединцев передавал газетное известие о том, что гр. Д. А. Толстой, бывший министр, был забаллотирован на земских уездных выборах в гласные. Из 46 гол[осов] получил белых только три. Это известие было опровергаемо, но не опровергнуто.

С 3-х часов не выходил из дому. Погода крайне неблагоприятная. Третий день дождь и дождь. В особенности сегодня.

Изучаю «Staats Grundgesetze» Австрии. Много любопытного и наставительного. Австрия слита из кусков. Однако ж она идет вперед и развивается. Она пережила период смут, революций и притеснений. Хотя в ней много еще остается желать, много недоделанного. Но она вступила уже более десяти лет на путь свободного мирного развития. Она дает возможность развиваться каждой национальности и в этом отношении она есть страна в высокой степени интересная и достойная изучения.

Я чувствую себя как-будто лучше. Последнее время мне было очень нехорошо. В особенности в душевном отношении. Я чувствовал себя подавленным и угнетенным. Какой-то свинец тяготил мою душу. В особенности я стал чувствовать себя не в своей тарелке со времени выходки Саши по поводу приема И. С. Иващенка. Но на душе отлегло и я писал Саше со всею откровенностию, выразил готовность все забыть и просил ее быть в будущем особенно осторожною по отношению ко мне.

Я издавна страдаю болями в пояснице. Иногда я почти лишаюсь

способности ходить. В последнее время я чувствовал в особенности тяжесть в пояснице: ходить мне было тяжело, походка моя была медленная, как бы старческая. В этом отношении я чувствую как бы облегчение после принятия Moorbäde, хотя и боюсь ошибиться, боюсь принять минутное ощущение за постоянное. Сделаю последний вывод позже.

Берусь за писание писем, отчасти в ответ на застарелые, отчасти — на вновь полученные.

Написал письма: о. Радионову в Иркутск и Буданову в Березное. Последнему — о кандидатуре Тарасова.

21 июля. Понедельник.

Вчера заснул в час. Встал сегодня в 6. По обычаю, кое-что твердил, одеваясь.

На водах встретил Лебединцева. Перекинулся одним-другим словом. Мимо нас шел Шувалов. Лебединцев заметил: «Волчьи глаза». Да, быстроглазый, с редким оттенком.

Пил кофе в «Gartenlaube». Беседы с хозяином не было. Читал «Karlsbader Badeblatt». Наводил многие справки в лексиконе.

В 12 час. сфотографировался у Гирша. Взял изготовленные фотографии, на которых снят я с Пестржецким.

Отправился обедать в «Ганновер» с Лебединцевым. На дороге около Мюльбрюна встретил поэта Полонского. Прошел с ним в обратный путь до его квартиры. Речь вели о русском представительстве. Он того мнения, что оно должно быть особенно отличное от европейского, так как русский народ обладает резкими особенностями. Я стоял на том, что нового ничего мы не изобретем и чрез европейские порядки не перескочим. Конечно, представительство наше должно быть устроено в демократическом духе. Иначе правительство будет стоять на вулкане. С этим мнением он согласился. Советовал прочесть «Разговор с социалистом» — небольшую книжку заграничного издания [56]. В этой книжке доказывают, что Россию спасет абсолютная республика.

Расставаясь, мы друг другу сказали, когда и куда мы отъезжаем: он в Мюнхен, осмотреть сокровища искусства, я в Пильзен, осмотреть тюрьму, устроенную по новому образцу — вместилище того, что цивилизация создает наиболее болезненного. Оба мы позавидовали друг другу.

Обедал с о. Лебединцевым в «Ганновере». После обеда беседовали в беседке Belwedere. Для меня беседа его была наставительна. Предметом ее был вопрос об отношении обер-прокурора святейшего Синода к самому правительствующему Синоду. На деле давно уже правительствующим является обер-прокурор, а Синод играет роль, подобную той, какая принадлежит Совету министров. В руках обер-прокурора сосредотачивается все: все делопроизводство; инициатива и доклад дела; вся канцелярия, то есть та машина, которая изготовляет производство дел. От него зависит вызов к присутствию в Сенат того или другого архиерея. С 1843 г., при Николае, два митрополита, два Филарета, московский и киевский, не были вызываемы до конца царствования в Синод, хотя они по самому своему званию считались членами. Это неугодно было графу Протасову. Смели сметь свое суждение иметь. По словам Лебединцева, архиерей Никандр тульский, заседавший в Синоде говорил ему: «Мы сидим в Синоде для того, чтобы подписывать. Попротиворечишь, того и гляди, что не только тебя, но епархии твоей при-

дется иногда дурно». Николай для управления духовными делами избрал полковника, флигель-адъютанта Протасова, который управлял архиереями и духовными делами в духе Николая. Чтобы не иметь помехи, он перестал вызывать в Синод обоих Филаретов и обходился с такими архиереями как Серафим, последние четыре года своей жизни страдавший старческим слабоумием, как Гедеон полтавский, известный угодник светских людей, и Исиодор курский. Разговор Лебединцева осветил мне многое. Теперь и понятно, отчего Филарет московский именовал в своих письмах Протасова своим благодетелем. По словам Лебединцева, сам Иннокентий херсонский считал для себя за великую честь быть в добрых отношениях и приязни с Сербиновичем, правителем канцелярии гр. Протасова.

В 5-м часу пил кофе в своем Garteulaube. Читал.

Вот уже третий день, как я не беседую с хозяином по-немецки. Не клеится. В 6 принял Moorbäde в Kurlause.

По возвращении пришел Пеликан, портной. Завзятый чех. Беседовал с ним с полчаса. Чешская народность — его религия. И в самом деле, чехи в последние 30 лет много успели, много развились во всяческом отношении.

22 июля. Вторник.

Встал в 6-ть. По обычаю, с умыванием соединил и кое-что по части немецкого.

Сегодня был день неожиданных встреч и знакомств. На водах у Marktbrun-а глаза нечаянно упали на толстую приземистую фигуру, которая оказалась принадлежащею доктору прав Лохвицкому. Обмен приветствий.

Не раз я в последнее время встречал господина, который с первого же раза мне показался Иосиф[ом] Бакстом, с которым я семнадцать лет тому назад был знаком. Но я боялся ошибиться. Вчера я сделал справку в «Kurliste». Оказалось, что в последние дни прибыл в Карлсбад Josef Bachst, russische staatrat [57]. Сегодня я подошел и не ошибся. И. Бакст, издатель разных переводов на русский язык; в последнее время объявляли, что он издает сочинение Мекензи Уоллеса о России в переводе на отечественный язык.

Был у Шнее. По обычаю, сладок. Иногда он хочет именовать меня *батюшка,* но всегда, не договоривши, заменяет — *любезный мой профессор.* Я решился брать ванны в Kurlaus-е вместо Neubad, оказавшимся неудовлетворительным. Он с миною верховного решителя разрешил мне продолжить в Kurlaus-е. Я решился оставить Карлсбад в следующий вторник. Он нашел это отличным.

Пил кофе в «Gartenlaube» своего Mirabell. Долго беседовал с хозяином. Беседа эта была для меня наставительна как в отношении немецкого языка, так и относительно познания Австрии. Он говорит, что Австрия теперь довольна и развивается мирным путем. В последние двадцать лет, в особенности после поражений в Италии и под Кенингрецем от пруссаков, она сделала успех во всяческом отношении. Сознавши, что при Кениггреце Пруссия победила своим школьным учителем, австрийское правительство взялось за ум. Пошли капитальные реформы в духе конституционном. Франц-Иосиф несчастиями учился, как управлять народами. К сему же времени умерла его мать, преданная клерикализму, которая имела дурное на него влияние.

В начале 1-го я отправился с студентом Туммою обедать в Loib

с целию усовершенствоваться в немецком языке. После обеда я провел его с тою же целию до лестницы в Stadt-park-е. Возвратился, чтобы идти на свидание с Лохвицким к Пулу. Как раз его встретил на углу Alte Wiese. Я думал провести с ним [время] в свободной беседе. Но он стал превращать [меня] в своего спутника. То туда забежит, то с тем заговорит, то того остановит, то к тому присядет. Мне это надоело. Я воспользовался первым случаем: он познакомил меня с бароном Гершау, председателем Калишского окружного суда. Это знакомство было мне приятно, потому что я мог расспросить его об умершем моем товарище Чеховиче, бывшем в том же суде товарищем председателя. О смерти его он телеграфировал мне и потому я воспользовался этим случаем, чтобы благодарить его.

Мы сели с ним за стол и потребовали кофе. Лохвицкий где-[то] нашел себе компанию. К нам подсел господин, которого я считал Утиным. Таковым он и оказался. Он ныне обер-прокурор 5-го д[епартамен]та Сената. С ним познакомил меня Гершау. Мы просидели около двух часов, ведя оживленную беседу. Утин оказался решительным конституционалистом. Прежде всего я просил Утина за Ершова, который служит под его начальством. Он обещал сделать его помощником секретаря.

Мы переговорили о многом, перебрали и пересудили многие вопросы и многих лиц. И Бунге, и Пален, и Набоков, и Чертков, и Дондуков, и Чигиринское дело, со всеми его персонажами были нами отдельно обсуждены.

Оказалось, что ему остается неизвестным о том, что Полетика, оправданный палатою, был сослан административным порядком в Нолинск Вятской губ. Ему также остается неизвестным задушение несчастного Розовского за имение прокламаций, совершенное такими палачами, как Стрельников, Слуцкий, Чертков и Ванновский.

Расставшись с Гершау и Утиным, я подсел к Тумме и с ним возвращался домой.

Сегодня я получил давно ожидаемое письмо от Саши.

Занес карточку мою поэту Полонскому. Не застал. Он завтра уезжает.

Бросил письмо В[ладимирскому-]Буданову. Этому господину я пишу о кандидатуре И. Т. Тарасова. Признаться, неохотно. Это слишком соблюдающий свой эгоистический комфорт, чтобы я мог симпатизировать ему или находить удовольствие в товарищеской переписке. Это в конце концов лицемер и фарисей. Для меня, родившегося с резким складом, он слишком святоша, под монашескою рясою слишком глубоко скрывающий человеческие страсти.

23 июля. Среда.

Встал в 1/2 6 ч. Ночь провел дурно. Дремота, сны, видения, но хорошего сна не было. Я пробудился после взятия ванн. Голова наполнена ревматическими ощущениями. Скверно себя чувствую.

На водах встретился с Лебединцевым и И. Бакстом. Бросил в ящик письма: Саше и Тарасову. После питья вод сопутствовал от[цу] Лебединцеву к Пеликану, портному. Оттуда вышедши, Лебединцев сопровождал меня в обратный путь. Сделали два тура по Stadt park-у. Беседовали о бедственном состоянии народного образования в отечестве, о расхищении государственных земель, конфискованных у разных народностей. Он почти склоняется к принятию мысли, что единственное спа-

сение для России есть введение конституции. С великим неодобрением он отзывается о характере покойного Филарета московского. Он считает его учителем двоедушия иезуитизма. Он во многом вторит мне в такт. Думает, что священник должен действовать на внутреннего человека, осуждает, по-видимому, распоряжение правительства о том, что [б] духовенство с кафедры выступило против социалистов и радикалов. Это поистине превращение духовных в полициантов, кафедры церковной в орудие преходящих полицейских задач. Кто его знает, насколько он искренен, поддакивая мне. Он даже дошел до того, что сказал: «С введением конституции проповеди Филарета потеряют свое значение, так как в них содержится апотиза монархической власти».

В 1/2 9 ч. возвратился в свою беседку пить кофе. Беседовал минут 40 с хозяином. Неожиданно получил письма от Фойницкого из Франценсбада. Возрадовался. При всех недостатках этого человека все же я чувствую к нему расположенность. Написал ответ ему и Пестржецкому в Франценсбад.

Во время беседы с хозяином подсел к нам поляк из Галиции. По поводу школьного дела в Галиции я высказался, что поляки притесняют русинов. На его замечание о том, что Россия у себя дома притесняет поляков я ответил: «Россия мерзко поступает. Но если Вы не хотите, чтобы другие не поступали с Вами дурно, не утесняли Вас, прежде всего сами воздержитесь от подобного образа действия».

В русском обществе происходит процесс брожения в духе конституции. Это абсолютно верно. Она скоро настанет. Увидите.

План сочинения: Видения и галюцинации дейст[вительно] стат[ского] советника Щокаряки. Сатира на правительственный строй [58].

Спр. 23.

1880. Продолжение поездки в Карлсбад

23 июля. Среда (продолжение).

Возвратившись после кофе домой, писал письма и отдыхал. Недомогал. Обедал в «Hot[él] Nat[ional]». Никакого аппетита. После обеда все время проспал. Около четырех отправился в Sprudee Colonade. Там уже застал Желеховского, Ем. Огоновского и Партицкого. Был здесь и статский советник Крашановский. Познакомился с галицкими учеными, профессорами Огоновским и гимназиальным учителем Партицким. Долго мы беседовали. Они жалуются на угнетение их поляками. Я им указал на некоторые припадки нашего безумного абсолютизма, горячечного, азартного, иногда беззаветного. Я им сказал: «Вот позвольте нам взять вас в руки. Мы с вами поступим по-свойски».

«А зате!
Якби ви з нами подружили,
Багато б дечому навчились!
У нас же й світа, як на те —
Одна Сибір неісходима,
А тюрм, а люду!.. Що й лічить!
От молдованина до фінна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує!» [59]

Партицкий сказал: «И туды горяче, и туды боляче». Расстался с ними около 7 часов. Возвратившись домой, застал письмо от Володимирова.

Все время лежал и пребывал в спячке. В ванну не пошел по случаю нездоровья. Билет в 2 гул. 14 кр. пропал.

24 июля. Четверг.

Встал в 6-ть. Вчера очень рано лег. Спал неудовлетворительно. Сновидения и привидения. На водах встречался с Лебединцевым, Бакстом, Крашановским и бароном Гершау. Беседу вел с Бакстом и Гершау. Гершау, председатель Калишского окружного суда. Из моряков. Но потому, что он остзейский барон, Пален доставил ему место сначала члена суда, потом — председателя. Как велико его юридическое невежество, доказательством тому служит то, что он не знает имени Фойницкого, известного писателя в русской юридической литературе. Когда я сказал ему что буду видеться с Фойницким, он спросил меня: «Кто это такой? Я и не слышал об нем».

Пил кофе в Gartenlaube Mirabell. Беседовал с хозяином и поляком из Галиции. На выставке нашел письмо от Квачевского. Занимает мое внимание тем, что Грековы не платят ему гонорара.

Возвратившись, читал брошюру, напечатанную в Берлине, «Разговор с социалистом-революционером». Это одно из сочинений, которое направлено к укреплению и возвеличению самодержавной власти. Автор — решительный противник конституции. Он или большой плут ищущий осуществления своих личных планов, или крайне наивная и ограниченная голова. За первое говорят следующие слова: *«О государь, не поддавайтесь! Так говорит вам человек, который никогда у власти ничего не просил, никогда в ней [не] искал, ни в каком ведомстве не служил, и нынче не выставляет напоказ своего имени»*.

Все это не больше, как риторическая фигура, под прикрытием которой автор желает дать знать о себе.

Основная мысль этой брошюры выражается в следующих словах: *«Да, милостивый государь, если вы воистину патриот, то вам еще не раз придется поблагодарить Александра Николаевича за то, что он не торопится дать конституцию»*.

Почему же конституция так отвратительна для автора? А вот почему: «Конституция — это плен царя и разорение народа в пользу ничтожнейшего и притом развратнейшего меньшинства. Царь есть единственный и самый верный оплот крестьянства против аристократических и мещанских конституций, и он в будущем — лучшая гарантия против возникновения всяких привилегированных правящих классов. Царь никогда не выдаст мужика с руками и ногами. Кому же не ясно, что как только царь свяжет мужика, так в ту же минуту конституция свяжет царя? И тогда-то эксплуататоры станут обирать народ уже по всей строгости ими же самими созданного закона, и крестьянство русское будет в самое непродолжительное время точно так же в конце обезземелено, как в Англии».

Но можно было бы спросить: «Кто в течение веков обезземелил первобытных владельцев русской земли?» Цари. В пользу кого? В пользу дворян и свою, так как царская семья получила большие земельные наделы, и царь и ныне считает себя первым дворянином — и по делу.

Кто роздал самым бессовестным образом, расточил и расточает самым непозволительным образом государственные земли, отнятые на Кавказе у кавказских горцев, в Польше у польского дворянства и в юго- и северо-западных губерниях у него же земли, составляющие достояние народа? Царь. Кому? Чиновникам из всяких проходимцев, по преимуществу же из дворян. Кто отдал ныне в полный произвол и разорение русский народ? Царь. Кому? Жадной ватаге, носящей имя чиновничества. Кто не в состоянии искоренить отъявленное лихоимство,

взяточничество и казнокрадство? Цари и нынешний царь. К кому крестьянство не имеет абсолютно доступу? К царю, которого величают защитником крестьянства. А кто служит стеной между царем и крестьянством? Чиновничество всех ведомств, всех канцелярий, всех ступеней, начиная от царедворцев и оканчивая урядником.

Эта брошюра написана подлым защитником бюрократии и чиновнического произвола, русским иезуитом. Он хочет свалить вину современных [неурядиц] на интеллигенцию. Да, между интеллигенциею много подлецов и негодяев. Но что из этого? Он верно указывает на то, что юношество революционное действует не само от себя и не само для себя, что их руками загребут жар всякие конституционные проходимцы, на денежки которых революционеры ныне работают. Но что ж из этого? Конституция даст мироедам, это несомненно. Но она даст возможность действия на законных основаниях и народной партии. Конституция станет стеной между царем и народом!

Да, станет, если царь, из каких-нибудь расчетов близоруких, временных, мизерных, употребит всю свою ныне самодержавную власть на то, чтобы создать дворянскую или мещанскую конституцию, если он сам запрет к себе доступ народным нуждам.

Странно, от чего, например, конституционные монархи имеют силу и власть своевольничать на зло народу и не умеют конституционные пружины обратить на пользу народа. Странно, отчего частный человек в своем круге при доброй и разумной воле может оказывать влияние на окружающую среду, а монарх конституционный, обладающий такою могучею властию, выставляется таким ничтожеством, что он не может сделать добра народу. Не знаю я ни одного монарха, который бы потерял свою власть, потому что он хотел быть полезным бедным классам. А знаю многих таких, которые потеряли свои престолы из-за того только, что они были государями не народа, а одного какого-либо сословия.

Я беседовал с бароном Гершау о долговечности русских порядков в Польше. Он не верит в их долговечность. Считает сволочью и проходимцами большинство русского служилого класса. Многие берут даже взятки. Как на такового он указывает на бывшего губ[ернатора] Набокова, брата министра юстиции. Порицает введение русского языка в народных польских школах.

Вспомнил я про разговор Утина. Он утверждал, что в большей части министры берут взятки. В особенности в Министерстве финансов и путей сообщения. В его речи видно было некоторое презрение к нынешнему образу правления. Он говорил, что ему пришлось быть во Франции посредником одного предприятия русского. Когда он предложил французским капиталистам в числе гарантий просимого у них займа контракт с русской казной, то они отказались, выразив убеждение в том, что контракт с рус[ской] казной — непрочная гарантия, которая не может итти в сравнение с поручительством какого-либо банкира. Не ясно ли, что причина, низкости нашего курса денежного, лежит в нашем абсолютизме, деспотизме, тирании, произволе и самодержавной анархии.

Возвратившись после чаю домой, я зашел к студенту Тумма, с которым беседовал из видов упражнения в немецком разговоре. Беседа продолжалась минут 40. Затем, возвратившись в свою комнату, я не выходил до начала седьмого. Даже не обедал.

В 1/2 7 ч. зашел в «Hotél National», напился чаю и съел ростбиф. Сделал маленькую прогулку по открытому месту Gartensaale [60].

Дома изучал «Staats Grundesetze» Австрийской империи.

В 9 ч. пришел протоиерей Лебедев. Я избрал темой: «Разговор с социалистом-революционером». Лебедева мысли ни то ни се. Да большого и ожидать нельзя. Забыл было упомянуть о моей сегоднешней встрече с Крашановским в Stadt park-е. Он подсел ко мне. Я тогда перечитывал ту же брошюру. Сказал ему: «Писал какой-то бюрократ или политический плут, или круглый невежа. А может быть по заказу в видах поддержания абсолютной тирании».

Конституция станет стеной между царем и народом? А разве жадное, привыкшее к произволу чиновничество ныне не стоит сплошной стеной между монархом и народом? Тут я рассказал ему переданное мне протоиереем Лебединцевым. На днях он встретил свою старую знакомую, дочь бывшего генерал-губернатора Анненкова. Она ныне за князем Голицыным. Сей князь промотал свою батьковщину, превосходное состояние, попал в Париже за долги в тюрьму. А ныне состоит директором Д[епартамен]та государственных имуществ. Есть надежда, что ему несколько тысяч десятин дадут из государственных земель. Ведь же наделили ныне петроковского губернатора Долгорукова, сына промотавшегося богача, значительными землями в Царстве. За что? За то что он доводится братом нынешней Metress-е императора. Это ли не государственное хищничество народного достояния? Это ли не страшная стена между народом и государем? Крашановский отнесся к сим явлениям неодобрительно и с проклятием. Но прибавил: «Когда в Царстве Польском был в силе Соловьев, он доказывал ему, что должны получить землицу такие небольшие чиновники, как он и ему подобные, меньшими кусками. Потому что они, а не эти расточители в состоянии поддержать и развить русской элемент в Царстве». О, сколько готовых ртов на народное достояние. Конечно, эти рты не столь большие, не столь прожорливые, но все же хищные, отъедающие народное достояние. Сегодня я чувствовал себя несколько лучше. Но все же я нездоров. Голова моя в тумане. Умственные силы в упадке. В организме ощущается болезненность.

Ложусь спать. Около 11 ч.

Сегодня ровно месяц, как я оставил Отчизну, а разлучился я с семьей раньше.

25 июля. Пятница.

Встал в 1/2 6 ч. Спал лучше. Сон юношеских пламенных картин и увлечений. Бывают кошмары. Бывают и сладостные сны. Морали в них не ищите. Они пламенны как солнце юга.

По обычаю, умываясь, кое-что твердил. Есть субъекты, которые собирают большие суммы копейками. Не так ли собираются знания тем, коего ум вечно в движении, коего натура неусыпно стремится к усовершенствованию. Или, может быть, это обобщение, подсказанное мелким самолюбием?

На водах я встретил Лебединцева, Лохвицкого и Бакста. Познакомился с буковинским священником Мартыновичем.

Пил кофе в Gartensaale Mirabell. Беседовал с хозяином и Туммою. Получил письмо из Франценсбада от Фойницкого. Я его застану еще там. В это же самое время появился Мейчик, с которым я познакомился в прошлом году в Петербурге. Приехал нарочно из Франценсбада, чтобы увидеться со мной. Очень обрадовался его приезду. Предложил мое жилище к его услугам. Беседовали до обеда. Обедали у Лойба.

После обеда пошли к Пуппу. Сидели под каштанами и пили чай и кофе. К нам подсел барон Гершау. Пробеседовал с 1/2 часа. Пошли гулять дальше. Мимо шли стола, за которым играл в карты Лохвицкий. Здесь в галереях кафе играют после обеда в карты.

Пришли до Freundschaftssaal и там отдохнули. Оттуда возвращались по горной дороге чрез Шенбрюн. Возвратились домой в 1/2 8 ч. Сели за чай. Пришел Тумма. Беседа в течение получаса совместная. До одиннадцати часов беседовали о разных разностях, ученых и неученых, но больше ученых. В 11 ч. легли спать.

Забыл сказать, что после водопития я заходил к Шнее. Раз, чтобы взять у него рецепт на хину. В другой раз, чтобы с ним раскланяться. Дал ему 15 гул. за 7 визитов к нему моих и за один визит его ко мне. Кажется, довольно. Распрощались самым дружеским образом.

26 июля. Суббота.

Встал в 6. В конце седьмого был на водах.

Встречался с Бакстом, Лебединцевым, Лохвицким, о. Мартыновичем, священником из Буковины. Я с ним познакомился вчера. Расспрашивал об их положении в Буковине. Говорит, что у них священники получают по 700 гул. и, кроме того, имеют по 50 морг[ов] церковной земли. А он, кроме того, состоит инспектором народных школ с окладом также в 800 гул. Жалованье свое они получают из фонда, образованого Иосифом 2-м из конфискованных монастырских имуществ. Итак, австрийский император, отобрав имущества от монастырей, употребил их на пользу общую. Русская императрица, заискивавшая у энциклопедистов, отобрала у монастырей крестьян с землею и раздала их своим любовникам.

Пил с Мейчиком кофе у Schönbrun. Сделал прогулку в горы. Возвращались домой горами. Возвратились в 1/2 12 ч. Беседу вели о разных разностях. Мне показалось оригинальным его мнение о Ник[ите] Крылове, бывшем профессоре римского права в Московском у-те. Он, вопреки ходячему мнению большинства, высоко его не ставит. Он считает его краснобаем, любившим грубые как бы солдатские сравнения и заменявшим им определения. Он читал картинно, сравнениями и уподоблениями, тривиальными, иногда грубыми, иногда возбудительными. Он не оставил и не мог оставить учеников.

Обедали у Дутца. Туда пришел прот[оиерей] Лебединцев. После обеда я нашел в веранде о. Мартыновича, который дал мне номер единственной газеты, издающейся на русинском языке в Буковине.

Так как дождь загнал всех нас, обедающих под открытым небом, то все перешли в веранду. Я подсел к Лебединцеву, который меня познакомил с Войцеховичем, доктором из Петербурга и его женой. Жена его бойкая, образованная и словоохотливая дама.

После обеда произошла 2-часовая беседа, бойкая, оживленная, не лишенная остроумия и приятности. Разошлись. Около 5 ч. возвратились домой. Посидели в компании хозяина и Туммы с полчаса. Беседа шла на немецком.

В 1/4 6 ч. Мейчик отправился на вокзал, чтобы возвратиться в Франценсбад. Я проводил его до моста на Эгере.

Зашел к Желеховскому. Не застал его дома. Сегодня я чувствую себя лучше. Почти хорошо. Остается два дня моего пребывания в Карлсбаде. Из дому писем не имею. Не скороваты на письма. Чтобы писать, нужно иметь и охоту, и привычку, и уменье.

В 1/2 9 ч. пришел Евг[ений] Желеховский. Прочитал мне статью польской газеты, содержащую выдержку из вновь появившейся брошюры Драгоманова «Борьба с терроризмом» [61]. Сколько можно судить по выдержкам, брошюра написана в умеренном тоне. Драгоманов повторяет, что только политическая свобода может в настоящее время спасти Россию. Заканчивает статью советом, чтобы образовались товарищества в России, которые бы старались работать над осуществлением этой мысли. Не товарищества нужны для этой цели, да они и не могут образоваться из людей умеренного пошиба. Необходимо, чтобы путем свободного обмена мыслями и циркуляций убеждений больше и больше зрела и распространялась мысль о необходимости и неизбежности конституции.

После беседы, длившей[ся] минут 50, Желеховский ушел.

Лег спать в 10 часов.

27 июля. Воскресенье.

Встал в 1/2 6 ч.

На водах встречался с Лохвицким, о. Лебединцевым, о. Мартыновичем, бар[оном] Гершау и Войцеховичами.

С Гершау пил последнюю кружку Schlõsbrun-a. Хотел идти сам один, чтобы кое-что купить. Но любезный барон меня сопровождал и даже изъявил желание провести меня в обратный путь. Он вообще относится ко мне приветливо. Хотя на сей раз мне несколько накладна его приветливость. Он указал мне на интересную статью о реформе французского судопроизводства «Neue freie Presse» [62] проф[ессора] Майера. По его указанию я купил этот номер. Говорит: «Вчера я был в «Гаммере» с доктором прав Лохвицким. Он какой-то странный. Заказали мы там обед. Когда нам не скоро подавали, он начал браниться: «schweinerei» [63] и т. п.» Русский носит свой запах везде. И для большей важности он самодурствует, думая, что она-то в этом и заключается. Думаю, что барон, как моряк, юрист плохой. Но порядочным человеком он вообще высматривает.

Пил кофе у себя в «Gartenlaube». После кофе занялся чтением. В это время возвращался домой Крыжановский, зашел и изъявил желание пить кофе в нашей беседке. Он хотел заплатить, я отклонил. Много рассказывал о древностях Сандомира, где он инспектором прогимназии. Беседа укрепила товарищеские отношения.

Заинтересовавшись русскими заграничными изданиями, купил две брошюры. «Чем нам быть?» и «Политические призраки. Верховная власть и административный произвол» [64]. Протоиерей Лебедев говорил, что это издание того же роду, как и «Разговор с социалистом-революционером».

Вспомнил я, что в прошлом году в Карлсбаде у меня происходила живая переписка с М. А. Исаевич. Я не шутя увлекся. Читал Шиллера и проникся шиллеровским настроением. Вообразил, что между мною и ею может быть нечто из шиллеровских отношений к современным ему женщинам. Может быть я перехватил вообще. В частности же мне кажется, что ее переписка, которую она первая завязала со мною, была не без житейского расчета. Впоследствии времени в Киеве посетил меня ее муж. Оказалось, что по делу, за юридическим советом. С положительными документами. С просьбою пересмотреть документы и дать мнение мое, как специалиста. Когда я дал ему неблагоприятное для него мнение, страсть к переписке у моей милой корреспондентки иссяк-

ла. Теперь мне кажется, что завязка переписки жены имела отдаленную цель открыть дорогу мужу. Или это предположение — такая же крайность, как мое увлеченье?

Не раз я поставлял себе задачею быть неприступным для экспансивности, откровенности, не спешить искренно и открыто относиться к людям. Напрасный труд. Природы не изменишь. Не должно ли отдаться ее полному руководству, вместо того, чтобы себя принуждать, ломать и коверкать? Что есть, то есть, а чего нет, того не приобретешь.

В 12 ч. отправился в церковь. Застал на молебен. Из церкви отправился с о. Лебединцевым в сансуен обедать. Обед sa table L'Hôtel был хорош. Зашли в лавку Гануша, чтобы посмотреть рубашек. Были в фотографии. Получил карточку Лебединцева.

В 1/2 5 ч. пил кофе в своей беседке.

Отправился в город совершить покупки. Встретился с Лохвицким. Вызвался меня проводить. Экая беда. Нельзя шагу сделать, чтобы праздный водопийца не был готов отнять у тебя свободу распоряжения. Лохвицкий завел речь о П. В. Павлове. Он его хорошо понимает, а потому и ценит по достоинству. Удивился когда узнал, что эту умственную и нравственную заваль Киев [ский] у-т еще выбрал на пять лет.

Возвращаясь к себе, зашел к хозяину. Пробеседовал с ним мин [ут] 35. Речь вел о том, какие бы вознаграждения он хотел получить за то, что он посвящал мне свое время для беседы, которая способствовала моему усовершенствованию в немецком языке. Он ответил уклончиво. Я сказал ему: «В таком случае позвольте мне оставить Вам какое-нибудь выражение моей благодарности в виде подарка».

В 1/2 8 ч. пришел Е. Желеховский. Беседовали. На минуту заглянул студент Тумма. В 1/2 10 ч. ушли.

Лег спать в 10 ч.

28 июля. Понедельник.

Встал в 1/2 6 ч.

На водах встречал: Лебединцева, Лохвицкого, Мартыновича, Бакста, Гершау и Огоновского из Львова. Доктору Лохвицкому дал слово обедать с ним у Дутца, но не выполнил данного слова по отдаленности этой гостиницы, что отвлекало бы меня от сборов. Чтобы извиниться, нарочно был у Пуппа, но доктора прав там не нашел. Решился обедать у себя в «Hôtél National», куда обещал придти Огоновский. После вод делал разные покупки. Купил плед в 14 гул. 50 кр. в подарок хозяину за то, что он беседовал со мною, хотя и не систематически, по-немецки. Возвратившись, вручил. До обеда укладывал вещи. Пред обедом зашел в фотографию за карточками.

Обедал в «Hôtél National», куда пришел и профессор Львовского у-та Огоновский. Пробеседовали за обедом и в прогулке часа два. По совету его я решился завтра же послать вещи на Прагу, вместе с моим отъездом. Для чего я подрядил извозчика, чтобы приехал в 4 часа утра. Ходил исправлять разные комиссии пред отъездом. Был у о. Лебединцева и о. Лебедева. Последнего дома не застал. Хотел отдать ему визит за его посещение во время моей болезни. О. Лебединцева застал за работою. Ему читает каждый день юноша, служащий у портного Пеликана по-немецки «Тараса Бульбу» [65], и он слушает, чтобы приучить свое ухо к немецкому языку. Что его очень рекомендует.

Пил кофе у Пуппа, где я искал Лохвицкого. Получил письмо от Саши от 22 июля. Пишет, что мое письмо от 8-го она получила только

21 июля. Такую медленность я приписываю двум причинам: государственному шпионству и недобросовестности почтовых чиновников, которые не задобрены нами, а потому нарочно неисправно выдают корреспонденцию.

Написал и бросил письмо Сабурову, председателю Киевск[ого] окр[ужного] суда. Писал за Шостака и просил его оказать к нему внимание.

Возвратившись домой в 1/2 7 ч., написал письмо Саше.

Простился с хозяином. По-видимому, любезен.

В 1/2 9 ч. посетил меня студ[ент] Тумма. Беседа шла по-немецки. Спустя полчаса пришел отец Лебедев. Приятно мне было его видеть. Но с приходом его компания разделилась. Он не понимает или почти не понимает по-немецки, Тумма — по-русски. Поэтому Тумма просидел в молчании. Отец Лебедев — добрый человек, но голова не работающая, а пассивная. Собирается изучать немецкий язык. И это после шестилетнего пребывания в Богемии. Немножко поздновато. Конечно из его желания ничего не выйдет. Он также слаб и в чешском. Поучился бы у протоиерея Лебединцева. Тот в 60 лет не усомнился в возможности усовершенствовать себя в немецком. По мере сил и умения, что делает ему честь.

В половине 10-го часа ушли оба и я лег в постель, чтобы завтра встать в 1/2 4 ч. утра.

29 [июля]. Вторник. Франценсбад.

Встал в 1/2 4 ч. Привел вещи в должный порядок. В 4 ч. извозчик был уже у квартиры. Эдуард, гайсмейстер, и Анна, Stúbenmädchen [66], помогли мне уложить вещи на извозчика. На вокзале я благополучно сдал вещи и взял билет. Успел напиться кофе.

В 7 ч. я был уже в Франценсбаде. На вокзале встретил меня Ив. Я. Фойницкий. Зашел к нему на квартиру и оставил сумку. Вместе отправились на воды. Первый обход не дал результатов в отыскании Пестржецкого. Только после того, как напились кофе, я вышел во второй раз и, не заставши его дома, пошел по главной аллее, я встретил его с женой. Познакомил его с Фойницким.

Уговорились в 1/2 1 ч. втроем отправиться в Эгер для осмотра. Эгер отстоит от Франценсбада на час ходьбы и на 10 м. езды по железной дороге. Я с Пестржецким отправился к нему, а Фойницкий взять ванну.

В назначенный час мы отправились в Эгер. Явился провожатым 14-летний Фишер, который уже путеводил Пестржецкого в первое его посещение. Эгер — древнейший город. Предполагают, что есть в нем остатки римского владычества. В этом городе убит Валленштейн. В доме, в котором он жил и в котором он убит, ныне помещается музей. Лучшего выбора нельзя было сделать для сего. Там показывают многие вещи, преимущественно из мебели, принадлежащие Валленштейну. В соседнем доме жил Шиллер в десятых годах прошедшего столетия, когда он приезжал в Эгер изучать место, где убит Валленштейн, коего смерть он изобразил в драме, носящей это заглавие. Из древностей в доме Валленштейна самая лучшая и самая величественная — это деревянная лестница, отлично сохранившаяся, ведущая во второй этаж, и кирпичный пол.

Осмотрели древнюю церковь святого Николая. Для меня самым интересным предметом в сей церкви показались мощи двух каких-то свя-

тых. Мощи лежат в стеклянных гробах, примкнутых к стене на возвышенном месте. Все видно. Это не мощи, а костяки, одетые в какую-то редкосетчатую одежду с такими же венцами на голове. Эти мощи, что называется, без прикрас. Не то что наши киевские, зашитые в подушки, прикрытые покрывалами. Очевидно, что они те же кости, только так одетые, что дают вид тел.

Старый замок, шлок или бург, также интересен. Есть башня, которую возводят к крайне древним временам. Нижняя часть, предполагают, построена из лавы угасшего вулкана, лежащего от Эгера. Внутри крепости есть капелла. Колонны ее считаются заимствованными от какого-то языческо-римского храма, посвященного принцип[ату].

В Эгере мы обедали и пили кофе. Возвратились домой в 7 часов. Зашли к Фойницкому. Пили чай. Читали Щедрина «Ташкентцы, обратившиеся внутрь», напечатанные в женевской газете «Общее дело» [67]. Злая сатира на русское общество, занимающееся охотою на нигилистов.

К концу чтения я уже спал и конца почти не слышал. В начале 9-го ушел Пестржецкий. Я остался ночевать у Фойницкого. В 9 час. уже лежал в постели, которую уступил мне радушный хозяин. Он мне читал отрывки из своего сочинения о ссылке. Сначала я слушал, а потом погрузился в сон. Когда он спросил моего мнения о чем-то, я сознался, что я под конец ничего не слышал, потому что уже погрузился в сон.

30 июля. Среда. Мариенбад.

Вышенаписанное писано мною отчасти в Франценсбаде, начало, отчасти ныне в Мариенбаде, где я пишу на вокзале в общей зале ресторации, среди стука пивных кружек и среди народа, сидящего за столами и пьющего пиво. Я только что проводил Пестржецкого.

Встал я сегодня в 6 ч. Вместе с Фойницким отправился на воды. Обошел весь район питья вод. Посетил некоторые прогулки. В 7 ч. сошлись с Пестржецким. Еще гуляли. Фойницкий встретил Кумани, состоящего при берлинском посольстве. Познакомил меня. Очень обходительный человек. Как и подобает служащему в дипломатическом корпусе.

Разговор о Бунге и Павлове.

В 9 ч. мы сошлись в Gártenlaube, квартире Фойницкого, пить кофе. Он склонил нас к тому, хотя я предлагал пить кофе у Пестржецких. После кофе мы отправились с Пестржецким на вокзал. Фойницкий нас сопровождал.

В 10 ч. 28 м. мы уже ехали в Мариенбад, согласно уговору с Пестржецким. В 12 ч. приехали в Мариенбад. С вокзала отправились пешком в город. Вещи свои я так же, как в Франценсбаде, оставил у портье. С 12 ч. по 1/2 7 ч. мы употребили на обзор Мариенбада. Успели обойти и осмотреть город со всех сторон. Осмотрели площадь вод, улицы, прошли по лесным прогулкам, идущим по правой и левой стороне города. Общее впечатление, полученное от Мариенбада, таково: местоположение города, источников, прогулок — превосходно. Франценсбад не может итти в сравнение. Карлсбад, конечно, вправе конкурировать.

31 июля. Четверг. Пильзен.

Приготовления к отъезду из Мариенбада в Пильзен. (Прервали; продолжение). Пишу на вокзале в Пильзене в 1/2 6 ч. утра, куда я только что приехал.

Вчера я благополучно сел в вагон 2-го класса курьерского поезда, отправляющегося в Вену. В купе, в кот[ором] я поместился, сидели румуны. С ними я не вступал в разговор. Погрузился в сон. Проснувшись, я заговорил. И когда, между прочим, спросил: «Ведь ближайшая станция дожна быть Пильзен?», они ответили мне, что Пильзен мы проехали. Я встревожился. Скоро они ушли в другое купе, уготованное им кондуктором, что[бы] удобнее спать. Поезд остановился на минуточку. Я, предполагая, что это настоящая остановка, хотел выйти совсем с вещами. Смотрю, поезд движется и скорее, и скорее. Я не успел выйти только потому, что вещи мои застряли и я запутался в дверях. Подоспел кондуктор и подтолкнул меня в вагон. Объяснение с кондуктором убедило меня окончательно, что я проспал Пильзен и что кондуктор меня не предупредил. Пришлось заплатить и продолжать путь на ту станцию, на которую я не думал ехать. Так как курьерский поезд останавливается только на больших станциях, то мне пришлось заплатить 2 гул. 66 кр. до ближайшей станции, где должна была быть остановка, и столько же обратно. Хорошо, однако ж, что я не выскочил в той станции, где была остановка не настоящая, а только для перевода в другое купе заплативших кондуктору. А то бы мне пришлось ждать обыкновенного поезда. Должен был покориться обстоятельствам. Меня влек поезд дальше и дальше от Пильзена. Пришлось глотать последствия моего прозевания.

В бедненькой и маленькой Wartsaal-е[68] я заснул. В 1/2 4 [часа] проснулся. Взял билет. В 4 часа я уже мчался в курьерском поезде из Вены обратно в Пильзен, который я проспал. В 15 м. 6-го я приехал сюда. Выпил кофе. Выпросил пера и чернил. И вот записал, что нужно.

Собираюсь отправиться в город, чтобы отыскать Валичка и потом отправиться в Бирке, осмотреть тюрьму.

1 августа. Пятница. Прага.

Взявши динстмана, я скоро отыскал Валичка в Пильзене; он встретил меня приветливо, а проводил просто по-дружески. Валичка — великий русофил. Положил основание русскому музею, который находится при его квартире.

Валичка состоит директором ломбарда. Утро его посвящено службе. Поэтому он не мог оторваться от своих занятий. Мы уговорились сойтись в 12 ч., чтобы вместе обедать у Вальдека. Он сел за конторку, я отправился осмотреть город. Зашел к книгопродавцу, чтобы купить описание Пильзена, но такового не оказалось. В городской музей было еще рано идти. Я отправился осмотреть площадь и церковь св. Варфоломея. Церковь оказалась вся наполнена лесами. Поправляют. Шел мимо здания, которое оказалось помещением окружного суда. Хотел зайти посмотреть. Но полицейский сказал, что сегодня нет суда присяжных, поэтому суд для публики закрыт.

Вечером я получил объяснение от здешних докторов прав, что в Австрии все уголовные дела рассматриваются и решаются публично.

Возвращаясь после моего обозрения города к музею, я встретил

Валичка, с которым и отправился в музей. Там он отрекомендовал меня заведывающему, а сам опять ушел.

Музей только что основан. Но основание очень хорошее. Самую дорогую и обильную часть его составляют грамоты и привилегии, данные разными королями Пильзену. С великолепными огромными золотыми и восковыми печатями. Богатое также собрание оружия. Я подумал: город Пильзен неприкосновенно сохранил свои грамоты. А где грамоты Киева? Раскрадены и растасканы. Помню, Завадский, наш университетский типограф, говорил мне, что Писарев, любимец Бибикова, известный взяточник и самодур, правитель канцелярии самодура генерал-губернатора, откуда-то и каким-то путем захватил подлинные грамоты Киева и подарил их Свидзинскому, известному собирателю старины в нашем крае, завзятому поляку.

В 12 ч. мы обедали у Вальдека. Пришедши в квартиру Валичка, мы немного беседовали. Но затем я, чувствуя великую потребность в сне, просил дозволить мне заснуть до 3-х часов, когда мы должны были отправиться в Бирке. Так и сделали.

В 3 часа мы уехали на извозчике в Бирке. Валичка запасся разрешением, данным на мое имя Staatsanwalter-ом [69].

В тюрьме мы встретили самый предупредительный прием со стороны Verwalter-а [70]. Он нам показал тюрьму во всех ее отношениях, со всех сторон, во всех этажах и направлениях. Тюрьма — огромная. В ней ныне более 900 чел[овек]. Построена звездообразно. О трех этажах с четвертым подвальным. Четыре крыла устроены для совместного содержания, три — для одиночного заключения. Внешний порядок и благоустройство образцово. О внутреннем нельзя судить на основании поверхностного осмотра. Я думал получить описание, но такового не оказалось. Мы посвятили на обозрение 2 1/2 ч. и, конечно, устали. С. Verwalter-ом мы расстались по-приятельски. Он проводил нас до ворот, как гостей.

Возвратившись домой, я опять почувствовал потребность во сне. Если не досплю, то хожу совершенно расслабленным. 40 минут дремоты меня подкрепили.

В 1/2 8 ч. вечера мы отправились в клуб или чешскую беседу. Валичек познакомил меня с своими знакомыми и приятелями. Вообще, когда мы ходили по городу, то он при встречах с своими знакомыми и приятелями не пропускал меня знакомить с ними. Причем, он рекомендовал меня не только профессором, но статским советником и носился со мною, как с некою редкостию. Все относились ко мне приветливо. Беседу вели по-немецки. Редко по-чешски. С Валичком я беседовал по-русски. Он порядочно говорит по-русски.

В конце 10-го часа я простился с компаниею и отправился, в сопровождении Валичка и железнодорожного чиновника, живущего на вокзале, на бангоф. Там мне железнодорожник, приятель Валичка, уготовил ночлег у портье, где я проспал крепким сном до 1/2 3 ч. Встал раньше, чем портье успел меня разбудить, и приготовился к отъезду.

Прием Валички был для меня самый любезный и гостеприимный. Он не позволил мне платить ни за обед, ни за ужин. Я принужден был покориться славянскому гостеприимству.

Я сказал ему, готов покориться его желанию, но с тем, что я записываю ему это в долг, и считаю себя его кредитором на Киев, куда я жду его приезда. Он был два раза в России и два раза в Киеве. Он совершил путешествие по России. Был на Кавказе, в Крыму, проехал по Волге. В России он имел много знакомых и приятелей.

Сюда, в Прагу, я приехал в конце 7-го. Вокзал с пильзенской стороны другой, чем тот, с которого я должен отправиться на Краков, Лемберг и границу. Взял извозчика.

Приехавши, я узнал, что не могу взять багаж раньше 8 ч., багаж, который выслан был мною из Карлсбада (следовательно, я должен ждать поезда, который идет в 1/2 2 ч. Náchmittags) [71], и не мог ехать тем, который отошел в конце восьмого. И вот я сижу на вокзале и пишу в ожидании поезда. Думаю сделать прогулку в город. Время терпит. Кофе я здесь отпил.

Забыл я записать мнение Валички об отце Лебедеве. Он крайне удивляется, что наш отец в течение 6 лет не изучил чешского языка. Во время своей встречи в нынешнем году в Карлсбаде, в Карлсбаде пьет воды его жена, он нашел отца протоиерея, так же дурно говорящим по-чешски, как и три года тому назад, когда он в первый раз с ним познакомился. Валичка делает упреки, и поделом Лебедеву, что он так пассивно относится к своему посту. Когда он хоронил Сладковского, он не потрудился сказать хоть бы два слова о нем как [о] православном чехе, а случай был и сам давался в руки.

3 августа. Воскресенье. Львов.

Вчера в 9 ч. вечера я приехал во Львов. Остановился в Европейской гостинице. В дороге был с 1/2 2 ч. после обеда в пятницу, 1 авг[уста], до 9 ч. вечера субботы, 2-го ав[густа], или 32 1/2 часа.

В Праге я около двух часов ходил по Градену с целию сделать некоторые покупки. Купил разговоры чешско-немецкие, альбом и некоторую мелочь. Ко мне пристал Express-dinstmann [72] из чехов. Хотя я вовсе не изъявлял желания, чтобы он меня сопровождал, он все-таки меня не оставил и шел вместе со мною. Когда я спросил его, где он учился, он сказал мне, что доходил до 4-го класса гимназии. Верно ли, сказать трудно. Но если верно, то замечательно для нас, русских, привыкших лезть в чиновники, хоть маленькие, хоть скверненькие, а чиновники. А мой Леопольд Францоуз, № 114, утверждает, что он в месяц зарабатывает 75 гул.— очень хороший заработок. Изъявил сожаление, что не умеет по-русски и желание учиться русскому. А когда я спросил, почему же он не купил себе грамматики и разговоров, он ответил дорого стоит. Чтобы ему помочь выучиться, я зашел в книжную лавку, купил русско-чешские разговоры, подарил ему их. Он провел меня на самый вокзал, где дал мне свой адрес, так как я сказал, что приеду его экзаменовать в следующем году. Прощаясь, он покушался поцеловать мне руку, до чего я не допустил и подумал: не высоко же сознание человеческого достоинства в массе чешского народа.

Дорога моя прошла благополучно. Сначала я сидел в купе с чехами, занимающимися машиностроением и сахароварением, здесь же был и один поляк из Варшавы. Я беседовал с молодым чехом и с разговорами в руках просил у него объяснений грамматических и лексических, касающихся чешских слов. Это вторая моя лекция в чешском языке. Если мне в следующем году удастся приехать в Чехию, Прагу и Карлсбад, что намерен осуществить, то изучение чешского языка поставлю в числе задач. Поляк, конечно, дышал ненавистью к русскому правительству и России. Однако ж заметил, что немцев он более ненавидит, чем русских. Считает для поляков обязательным не учиться по-русски и по-немецки, так как это языки их притеснителей. Доводы мои о полезности вообще изучения сих языков остались без действия.

В Освенциме, где я вчера утром пил кофе, подошел ко мне молодой человек, в котором я узнал Чижова из Варшавы, магистранта по государственному праву. Он возвращается из заграничного годичного путешествия с научной целию. Чижов — ученик покойного Хлебникова. Воспитывался в Варш[авском] у-те. Держал экзамен магистерский и у нас в Киеве. Автор книжки о праве, написанной языком и складом никому не вразумительным. Книгу его можно назвать имитациею, подражанием философствованию, а не философиею. Говорит мудрено о самых простых вещах. Говорит такие речи, которые по складу внешнему кажутся правильно построенными речами, а какое их содержание, того не ведает никто, ни сам автор. Автор в простоте словечка не скажет, все с философской ужимкой. Такого рода сочинения — ученая галиматья, философское *чаромутие*. В довершение Чижов печатает свои книги без **ъ и ь**, что без нужды затрудняет чтение. И вот такому суконному уму Господь Бог дал преданность делу, настойчивость, упорство. Благодаря им он пройдет в профессоры и начнет 25—35 лет туманить молодые умы, набивать их философской чепухой. Когда он мне сказал, что он приготовляет новое сочинение, я посоветовал ему сделать усилие над собою, чтобы воздержаться от туманных слов, от выражений, ничего не говорящих, а только путающих. Я сказал ему: «Знаете ли, Ваше сочинение признано было туманным даже Незабитовским, который обладает большою склонностию к метафизике». Чижов собирается представить свое сочинение в наш факультет.

От Кракова до Львова я ехал в купе с одним молодым немцем, едущим в Одессу, чтобы быть торговым корреспондентом какого-то Венского торгового дома. Он уже прожил на подобных основаниях несколько лет во Франции, в Гавре, и в Англии, в Ливерпуле, изучив этим способом французский и английский языки. Воспитание он получил в Hándelschull [73].

Ночь с 1-го по 2-е я проспал превосходно. Один в купе. Это было для меня крайне необходимо, так как я две предыдущие ночи спал мало, дурно и неудобно. Вообще, от Оломоуца до Кракова я пользовался удобствами, каковое благоволение со стороны кондукторов стоило мне 1 гул. 90 кр. Прошедшую ночь я проспал также превосходно в «Hotél d'Europe».

Встал в 6 ч. и взялся за перо, чтобы записать то, что я испытал в дороге. Умывшись и одевшись, пойду выпить кофе, а потом отыщу Сушкевича и Барвинского.

1/2 10 часа вечера. 3 ав[густа]. Львов.

Пил кофе в виденской кавярне. Там неожиданно встретил Когубинского, профессора славянских наречий в Новороссийском у-те. Это один из тех ученых, которые дышут духом захвата и обрусения всего и всех. Если бы их сила да воля, они бы готовы весь мир подчинить России и превратить всех в русских. Это называется быть истинным русским патриотом.

Затем я отправился на почту. Там получил письма от Саши, детей и от А. И. Саська. Письмо Саши опечалило меня очень. Она была нездорова, а Горя болен. Был болен также и Митя Антонович. И в это время ею получено было мое письмо, исполненное упреков. Мне это тяжко, грустно. Я рассчитывал, что письмо мое получит она в спокойную минуту и будет иметь время и легкую возможность его переварить. Я тотчас послал ей телеграмму.

Сушкевича я не застал. Он не возвратился с вод. С Барвинским познакомился и провел с ним, можно сказать, целый день. Посетил с ним Ставропигийную церковь. Богослужение униатское тождественное с православным. Есть некоторые особенности только во внешних некоторых обычаях. Так, царские врата во все время служения не затворяются. Священник приобщает подходя к причастникам, которые стоят на коленях рядком. Пение тоже православное. Богослужение славянское. Выговор священников малороссийский.

С Барвинским говорил о многом. Самые интересные для меня были его речи о Драгоманове. Оказывается, что он с галицкими народными деятелями не в ладах. Он с ними разошелся. Они считают драгомановский социализм не подходящим к их программе и вредным для их политики. Драгоманов во время своего пребывания во Львове и Вене успел посеять семена своих учений между молодыми людьми. Однако ж ростки неглубокие. Тем не менее драгомановский социализм наделал им беспокойства. Польские газеты стали охотиться на социалистов и отыскивать их в каждом народолюбце. «Слово»[74] Площанского тоже не отставало в ревности по этой части.

К Сушкевичу и Барвинскому водил меня гимназист русинской гимназии, ученик 2-го класса. На лестнице встретил его учитель сей же гимназии Полянский. Меня удивило то, что сей учитель беседовал с своим учеником по-польски, делал ему упреки за то, что он не приготовляется к экзамену. Выходит, что сами учителя русинской гимназии предпочитают польский язык русинскому. Вообще, во Львове господствующий язык — польский. Польщизна имеет решительный перевес над русинством.

4 авг[уста]. Понедельник. Львов.

Встал в 1/2 7 ч. Из головы у меня не выходит Горя: поправился ли он. Мысли одна за другой мрачнее сменяются в моей голове, помимо моей воли, как волны то набегают, заволакивают небо, то разбегаются.

В Ставропигийной церкви вчера я встретил неожиданно Калужняцкого, русина, профессора Черновицкого у-та. В два его посещения Киева он заходил ко мне. О Калужняцком здешние русины, народолюбцы отзываются — одни, как о чиновнике, для которого карьера все, а народные интересы он ни в грош не ставит, другие — как о бездарности, незаслуженно занимающей кафедру, которая досталась ему без труда, *дурничкой,* как выражаются русины. С Калужняцким я уговорился сойтись в виденской кофейне. Я пришел. Он нет.

5 [августа]. Вторник. Жмеринка.

В 6 часов утра приехал в Жмеринку. Должен ждать одесского поезда до 1/2 11 часа. И дым Отечества сладок и приятен.

Поспешил на телеграф справиться, нет ли ответной депеши от Саши. Не оказалось. Тогда-то я вспомнил, что я послал депешу в Ромны, то есть на телеграфную станцию. Мы не уговаривались справляться на телегр[афной] станции. Саша приезжала вчера в Ромны, но не заглянула туда. Вот моя депеша не достигла цели и осталась без действия и влияния. И я опять сижу во мраке и тьме смертной. Душа моя не на месте. Что мое милое дитя? Поправилось ли, живо ли и здорово? В таких случаях меня обуревают сны мрачные, тяжкие и мысли

столь же мрачные, которые так же невольны, как и сны, только подлежат большей поверке и контролю.

Вчера я не кончил своих заметок, потому что их прервал Кочубинский своим приходом. Я с Кочубинским вышел вместе и отправился с ним в венскую кофейню пить кофе. Что за дикарь этот профессор Кочубинский! Это тип русского патриота, ищущего что́ бы поглотить в иностранных землях. Это тип того ученого, который не имеет общего масштаба, а пользуется двумя различной меры аршинами для своего отечества и для других. Это один из тех русских либералов конца 50-х и начала 60-х годов, в голове которых смешались в крайне невкусную, в крайне невзрачную смесь строй мыслей самых разнообразных, самых разношерстных. Когда мы пили кофе, он стал говорить на тему о предстоящем посещении Францом-Иосифом Галиции, о тех приготовлениях, которые делаются к его приему, о том восторженном тоне, в котором пишут о предстоящем приезде и об особе цесаря. О всем этом он отзывался или с презрением, или недружелюбием, или отвращением. Зная его идолопоклоннническое настроение по отношению к отечественным порядкам, я ему заметил: «Странно, что Вы все это порицаете. Но ведь это то же самое, что делается у нас, что делается во всех монархических странах. Разве у нас не сжигается в одном городе по несколько десятков тысяч в фейерверке по случаю приезда императора? Власть везде власть, и люди везде люди. Зачем же Вы не позволяете делать того другим, чему у себя рукоплещете, пред чем у себя рабски идолопоклонствуете».

— Какая может быть связь между австрийским цесарем и здешним русинским народом? Наш царь может объясняться с русским народом на его языке, а австрийский цесар с русинским народом не может. Между ним и народом нет исторической связи.

— Вы ошибаетесь,— сказал я ему,— австрийский император говорит и понимает по-русински. Он беседует с теми русинами, которые являются к нему с своими жалобами и с своими просьбами. Не забудьте, что каждый русин может иметь доступ к австрийскому императору со своими жалобами и со своими петициями, а великорусский и малорусский крестьянин, если приходят до царя в Петербург, то очей царских никогда не видят, а их немедленно же полиция препровождает по этапу с Петербурга, продержав и протаскав их предварительно по тюрьмам. Вы говорите, что народ не имеет связи с императором? Не забывайте деятельности австрийского императора Иосифа на пользу русинского народа. В то время, когда этот иноземный император положил первый камень освобождения русинских крестьян, Екатерина Вторая, матушка Екатерина, окончательно закрепостила малороссийских крестьян и великую их тьму раздала своим *сопостельникам,* уплачивая душами человеческими за самого позорного рода услуги низкого и личного свойства. Вы говорите, что весь этот прием австрийского императора неискренний со стороны поляков и иных. Они ищут только великих и богатых милостей от императора? Но что скажете вы о российских пройдохах и подлипалах, которые, предпринимая какие-нибудь иллюминации, имеют в виду получение ордена и личных милостей.

Поляки, по крайней мере, имеют в виду интересы своей народности, следовательно, на сей раз руководствуются более возвышенными побуждениями.

Повторяю, удивительный этот тип русского патриота, хищника, беспринципного, бесшабашного посягателя на чужое добро. Таким

является профессор Кочубинский. Он приехал в Галицию с твердым убеждением, что Галиция незаконно принадлежит Австрии, что она должна отойти к России, что было [бы] хорошо распространять среди галицийского населения подобные мысли и стремления к их осуществлению. И почтенный Кочубинский с великою охотою взялся бы за мыслию соблазнителя галицийского населения, если бы только он не боялся скандала вроде высылки из Галиции. Он не подумает того, что если он не позволил бы в своем Отечестве распространять в населении измену отечественному правительству, то он не может того же дозволять и по отношению к населению иностранного государства.

Я вполне понимаю галицийских поляков, которые в каждом русском видят политического шпиона и агитатора. Я не нахожу ничего несправедливого в том скандале, который они сочинили года два тому назад Иловайскому. Этот историк того же пошиба, русский мыслитель и политик, что и Кочубинский. Он приезжал в Галицию с такими же мыслями, как и сей мудрец: нельзя ли уловить хоть одну душу в сети измены своему правительству и преданности русскому? Нельзя отыскать какой-либо устой в народе для будущего захвата России.

Иловайский, говорят, к тому ж был так неосторожен, что зашел к латинскому попу, польскому ксендзу, и, приняв его за униатского русинского священника, стал ему развивать идеи русского захвата. Тот, конечно, сам не промах, с жандармскими наклонностями, дал знать властям, а эти и задержи раба Божого Иловайского. Иловайский, конечно, вихшался в невинность, конечно, он и был таковым, для того чтобы его не трогать полицейским, но не таков он был и есть с точки зрения политической и моральной.

После того, как я расстался с Кочубинским, я возвратился домой: в это время пришел Вл[адимир] Барвинский. Мы отправились к ним на извозчике к святому Юру, при которой живет львовский и галицкий митрополит. Церковь Св. Юра архитектурно построена в прошедшем столетии. В церкви этой вделаны в стены портреты галицких и львовских митрополитов. Эта особенность, которая встречалась некогда и в наших церквах. В последнее время церковь эта отделана внутри заново. Старый певчий, очень хорошая малороссийская физиономия, каких теперь у нас в Малороссии трудно встретить, сказал мне, что ни золота, ни сребра у них в церкви нет. И действительно так. На престоле лежит бедное Евангелие, какие у нас встречаются в самых беднейших сельских церквах.

Возвратившись домой, я уложил при Барвинском вещи и книги, в том числе им принесенные: Евангелие в переводе Кулиша, Качалы монографию об отношении поляков к русинам и этнографическую карту Галиции. В начале 12-го я простился с Барвинским и отправился на железную дорогу. В 1/2 1-го я уже ехал по направлению в Отечество.

В 1/2 1-го ночи были в Волочиске. Осмотр вещей и паспортов. Паспорта не только были осмотрены, но и розданы по перекличке, причем, жандарм осматривал каждого с ног до головы.

В Подволочиске служитель железной дороги предложил мне свои услуги насчет перемены билета на багаж. Я отдал ему. Затем мне показалось, что он меня воловодит и туманит, чтобы взять за ненужные услуги деньги. Я вспыхнул. Возвысил голос по российской привычке. Чуть не выругал. Но скоро заметил, что я самодурствую, и затих, давши должное служителю. Мне по обыкновению, было совестно за себя. Вспомнил я порицание мое записанное в долг Лохвицкого. И по-

чел нужным записать и на свой счет: в строфе — случаи моего самодурства.

В Волочиске чуть было не приложили номер к моему чемодану чужого билета. Я заметил и вовремя исправил ошибку, кот[орая] могла стоить мне много хлопот и огорчений.

От Проскурова до Жмеринки я взял добавочный билет на второй класс и проспал ночь отлично. Здесь жду одесского поезда. Обычное неприятное, потому что продолжительное, ожидание.

8 августа. Пятница. Великие Будки.

В Киев я приехал 5[-го] в 10 ч. вечера. На столе я застал письмо от 3 авг[уста], в котором Саша писала мне, что Горя очень болен. Описание припадков его болезни меня встревожило. Я решился на другой день в 10 ч. утра ехать в Великие Будки. Пригласил брата Василия, яко врача, мне сопутствовать. Этот проект мы осуществили в назначенный день и час и 6-го поздно вечером в 45 мин. первого ночи мы прибыли в Великие Будки.

Целую дорогу я был сам не свой. Мысли мрачные меня обуревали. Приезд снял гору с плеч. Горе лучше. Он поправляется. Оказалось, что у него были тяжкие припадки конвульсий, бессознательного состояния и прилива крови к голове. Они крайне встревожили и потрясли Сашу. Ну, хвала небу, что это все миновало и я застал свою семью в удовлетворительном состоянии.

Так я не думал быть в Великих Будках. Но обстоятельства меня заставили побывать.

Дорога моя от Жмеринки до Киева протекала благополучно. Встречи, знакомства и разговоры были для меня небезынтересны. Я сел рядом с молодым еще человеком, который оказался чиновником нашего русского посольства в Персии В. Н. Мачинским, едущим на родину в Роменский уезд в отпуск. Слово за словом мы разговорились. Он оказался человеком со здравым смыслом и благонамеренным образом мыслей. Интересно мне было узнать от него мнение о состоянии нашего управления на Кавказе. С Кавказом он хорошо знаком. Он там отчасти воспитывался. Он там имеет связи. Он состоял там на службе многие годы, а и теперешняя служба его имеет соприкосновение с кавказским управлением. Он высказал то же мнение, которое высказано было братом Павлом, что на Кавказе господствует хищничество русских чиновников. Самые высокопоставленные чиновники — первые хищники. Барон Николаи, главный начальник гражданской части, давно, впрочем, уволенный, составил полумиллионное состояние на Кавказе в течение короткого времени. Огромная поземельная собственность его слагается из двух частей: из земель, подаренных правительством,— хорошие подарки, из земель, приобретенных им самыми сомнительными способами и по самым дешевым ценам. На Кавказе нет такого сколько-нибудь значительного чиновника, который бы путем так называемого дарения не получил бы большего или меньшего количества земли на Кавказе. Таким образом, завоеванный нами Кавказ, коего население или истреблено, или прогнано в Турцию, или сослано в отдаленные губернии на север, сделался добычею хищного чиновничества, которое успело разграбить земли. Таким образом, русское правительство совершило два акта: акт отнятия земли у более или менее варварских племен — ну, это еще туды-сюды,— и акт расхищения завоеванных земель, расхищения достояния целого русского народа,

который один имел и имеет право на эти земли. Хищное чиновничество расхитило, растащило это достояние, раздало само себе эти земли, прикрываясь будто бы правительственным пожалованием. Но разве правительство вправе раздавать на таких основаниях государственные земли, достояние целого русского народа? Разве это не есть акт хищничества, беспутства, безумного расточительства? Разве это не продолжение той же раздачи земель, которую дозволяли себе императоры и императрицы XVIII в., с той только разницей, что тогда земля раздавалась с душами, а теперь без душ?

Мачинский сообщил мне интересные сведения о моем товарище К. А. Компанском. Эти сведения дополняют сообщения, сделанные мне о нем Крашановским. Про что сообщено мне Крашановским, свидетельствует о Компанском, что сей муж остался фанфароном, как и был. А сообщение о нем Мачинским доказывает, что он плут и делец, на все руки мастер. Благодаря чему он ныне нажил состояние тысяч в 200 000 руб., по словам Мачинского. Счет состояния, по всей вероятности, преувеличенный.

Вот отрывки из жизни моего товарища К. А. Компанского и вместе с тем отрывки из жизни нашего русского общества. Только ради сего последнего я и занимаюсь особью такого животного.

Армянин Красильников, владелец караван-сарая в Баку, человек малограмотный и даже не знавший русской грамоты, имел у себя управляющим своими делами своего племянника Тер-Акопова. Сей племянник совершенно овладел доверием своего дядюшки. Что ни сочинял по части официальных бумаг, документов и счетов первый, подписывал второй, не читая, а может быть и не могший читать, а доверяя своему племяннику. Так он подписал документы на передачу всего имущества своего в собственность своему племяннику, не ведая и не зная, что он подписывал смертный себе приговор, вероятно, племянник прочитал ему текст совершенно другой. На основании сего документа вся собственность Красильникова перешла к Тер-Акопову по нотариальным актам. Главным нотариальным машинистом этого грабежа был старший нотариус К. А. Компанский, который обнаружил при составлении и утверждении нотариальных актов великое усердие. За это он отделался всего только предложением уволиться от службы, что он и должен был сделать. Но он уже в это время себя обеспечил: по должности старшего нотариуса, кроме описанного гешефта, доставившего ему хороший куш, по общей молве, он успел закрепить за другим и за собою, в награду за закрепление за другим, кусок земли в Баку с нефтяными источниками. Он вступил в кампанию, умел повести дело так, что оно ничего в первые годы не давало, выкупить затем за бесценок части своих компаньонов и затем повести дело на свой собственный счет, хотя зло приобретенный, так что он ныне владелец собственности, которую, если бы ликвидировать, то, по словам рассказчика, она дала бы чистых от 150—200 000 руб.

10 августа. Воскресенье. Киев.

Вчера я в 6 часов оставил Великие Будки и прибыл сегодня в 3 ч. дня в Киев. Семью я оставил в добром здоровье. Только маленький Дмитрий Антонович не так здоров. Можно, однако ж, надеяться на скорое его поправление. Сам я чувствовал себя вчера, с ночи, очень нехорошо. Третьего дня на подставнику, на превосходном местопо-

ложении варили галушки, пили чай и ужинали. Я злоупотребил диетою. За то поплатился нездоровьем в течение целого дня. Сего дня чувствую себя хорошо.

Дома застал я С. П. Якубовича, старинного моего товарища и приятеля, с которым столько раз сходились и расходились, и опять сходились. Долговременная беседа о политическом положении отчизны. Много он нового сообщил мне из истории последних месяцев наших внутренних перемен.

Оканчивая летопись моего путешествия, я должен записать мое знакомство с Р. Ф. Ловецкою, одесситкою, отправляющейся в Петербург для поступления в консерваторию. Ехавшая с нею ее приятельница и родственница называет ее будущею русскою Пáтти. Они угостили меня в вагоне чаем. Я дал ей на память в виде редкости австрийский гульден и пожелал ей осуществления ее надежд.

11 авг[уста]. Понедельник.

Ночь плохо спал. Много читал. Встал усталым. Голова слаба, мысль вяла.

Был у Житецкого. Завтра уезжает в Петербург на службу. Выжили человека из родины. Чертков только орудие. Но что за зверь и тупица этот паша! Житецкий утвердает, что трусость его — главный мотив его притеснительных действий. Я присоединяю к этому тупоумие.

Важные перемены в правительстве. 3-е отделение упразднено. Так напечатано. Но упразднено ли? Нет, оно причислено к Министерству внутр[енних] дел. Не есть ли это только перемена клички с сохранением содержания. Можно думать, что больше да, чем нет. Впрочем, поживем увидим. Верховная распорядительная комиссия упразднена. Председатель ее Лорис-Меликов назначен министром внут[ренних] дел и будет ведать делами той же комиссии. Маков, ловкий, извилистый, хамелеон Маков, назначен министром почт и телеграфов. Для него оно специально образовано. Мартынов, товарищ министра вн[утренних] дел, бывший полтавский губернатор, самый злобный и самый злостный из администраторов, гаситель всякого развития отчизны, уволен. Отпустили вожжи. Почувствовали, наконец, что мчаться во всю прыть под гору и могут опрокинуть тарантас в пропасть, куда первые сами слетят. Не странно ли подумать, что исходным пунктом к повороту к облегчениям, началом новой политики, политики Лорис-Меликова, послужил взрыв в Зимнем дворце. Нужен был этот взрыв, чтобы убрали, наконец, Толстого. Нужен был этот взрыв, чтобы пришли к убеждению, что 3-е отделение есть организованный заговор против счастия русского человека. Нужен был этот взрыв, чтобы убедились, что правительство занималось в течение многих лет систематически избиением младенцев в надежде убить в их числе Христа.

О, если бы мрачные прошедшие дни не повторялись. Но может ли это быть? Посмотри вокруг, из кого состоит интеллигенция? У меня опускаются руки, хотя не хочется отказаться от надежды, потому что не хочется отказаться от жизни. А если так, то терпи, памятуя, что только претерпеливый до конца спасен будет.

12 авг[уста]. Вторник.

Сенат отверг касс[ационную] жалобу Булюбаша. Доносчик наказан. Совесть русского человека пробудилась. Приговор над Булюбашом — событие исторической важности, событие не кременчугское, а общерусское.

Оказывается, что действительно граф Толстой, бывший министр просвещения, забаллотирован в гласные михайловским земством: из 46 гол[осов] получил 3 гол[оса]. И это немаловажное явление. Совесть тоже пробудилась. Хотя я по сему случаю вспомнил то подхалимничанье и то подлипальство, с которым в былые времена теже земцы и теже чиновники спешили угодить графу Дмитрию Андреевичу. В 1873 г., когда Толстой обозревал Киевский учебный округ и университет и когда он пребывал в Киеве, Н. Х. Бунге спешил сделать предложение о возведении Толстого в почетные члены. Это угодничество было отвратительно; так оно было принято некоторыми из ученой братии. Спрашивается, однако: мог ли Николай Христианович сам вознестись на такие виси чиновничества, на каких он ныне пребывает, без угодничества? Ответ ясен.

Перечтение газет, выходивших за время отсутствия моего, убедило меня в том, что печать ныне дышет свободнее. Григорьев, профессор. Григорьев, душивший печать, на груди которой он стоял коленом, удален. Место его занимает не столь ученый Абаза, который дал льготу.

Вспоминаю я разговор с В. Барвинским во Львове на тему о новой политической комбинации относительно политического устройства малороссийского племени. Непрактическая и несбыточная мечта. К сему вопросу я должен возвратиться еще и еще.

Была у меня тетка Рохальской, сосланной в Красноярск. Горестное, убитое и забитое существо.

— Помогите советом.

— Да чем же я могу Вам помочь. Ведь отказали Вам на то прошение, кот[орое] я Вам редактировал. Не стать же попусту изводить бумагу. Пока в Киеве сидит Чертков-чудище, прозываемое здешними остряками Мордохеем, до тех пор Ваши просьбы останутся без последствий.

Когда я произнес имя Черткова, бедная женщина вскочила и стала затворять двери моего кабинета. Нужно было успокоить ее уверениями, что у меня безопасно.

По уходе ее я взял принесенный только что номер «Р[усского] курьера», в котором перепечатано известие о возвращении из ссылки 1900 чел[овек] молодежи. И подумал: какая бесстыдная ложь. Кто ее распространяет? Если агенты Меликова, то мало ему чести. Зачем обманывать. И кого? Европу? Трудно. Русское общество? О, его можно, оно привыкло к обманам до того, что готово само себя обманывать.

Посетил Масловский. Отставной чиновник интендантства. Принес письмо и материалы от Журьяри. Я завел разговор о бездельничествах и мошенничествах интендатского ведомства.

Был Н. Н. Любович. Приезжал прощаться. Назначен исправляющим должность доцента в Варшавском у-те. До сих пор был стипендиатом по истории в нашем у-те. Молодой ученый. Что выйдет из него, сказать не могу наперед. Одно что выяснилось: трудолюбив. Обрабатывает тему: социализм в Польше. Собирает материалы в архивах и библиотеках.

Посетил меня Краинский: он утвержден присяжным поверенным. Благодарил меня за содействие. Мне высокое удовольствие содействовать доброму успеху людей. К[раинский] должен был уйти скоро, так как у меня собирался совет администрации. В совете пробеседовали до 1/2 11 ч. О разных предметах говорили.

Скордели — нотариус. Корысть побудила его променять высшие профессии на низшую, но доходную. Наука в сторону. Пошла в брак. Профессорство в Нежинском лицее забыто.

Пишут, что Н. Х. Бунге заменит Грейга. Эта лиса как раз на своем месте. В петербургских весях и лесах ей приволье. Как профессор и ученый он второй руки, с точки зрений высшей. С точки зрения нашего убожества, он выдавался из ряда мелкоты. Как администратор он выше ученого. Если исправит финансы, слава ему будет. Обождем. Чьими бы руками полезное дело не было бы сделано, лишь бы оно было сделано. Бунге — герой дня, которому поклоняются. И мы поклонимся его успеху, если он будет полезен Отчизне. Так и в у-те. Пока он подличал, я был его противником. Когда же он брал ноты честные, я был на его стороне.

13 авг[уста]. Среда.

Посетил меня Нежинский, Шостак, Карпенко, Кремянский и Квачевский. Последний не застал.

Карпенко просил совета касательно положения своего товарища, Жилинского, врача, состоящего на службе, пустившего себе пулю в лоб, но оставшегося в живых. С Нежинским и Шостаком вел речь о покойном Н. И. Хлебникове, о его философии. Суть ее — церковные положения с примесью морали прописей. Нежинский такого мнения. Нежинский, молодой человек, оставленный стипендиатом, пока ловец у Господа Бога.

Сдал свой паспорт. Виделся с Феофилактов[ым]. Я люблю наблюдать, когда русский чиновник, в генеральском чине, встречает другого такого. Доложили в моем присутствии о том, что е[го] пр[евосходительство] Борисов, (управл[яющий] контрол[ьною] палатою), желает видеть.

— Василий Васильевич, дорогой, какой случай доставил мне это удовольствие,— восклицание с сахарной улыбкою и устремлением навстречу.

Вечером я посетил Реутского, товарища по у-ту, члена палаты. Просидел добрых два часа. Он специалист по части процессов против скопцов: много произвел он следствий в бытность следователем. Много совершил грехов по части преследования еретиков. Этим обратил на себя внимание министра Палена. Написал книгу: «Люди Божии и скопцы». Экземпляр которой он вручил мне. Человек с толком и сообразительный. Показывал мне портреты знаменитых скопцов и материалы по части скопчества. Часть дал мне для прочтения. Беседа с ним была для меня наставительна. Я пригласил его к себе обедать на 15-е. Идучи от него, в 1/2 10 ч. зашел к Конискому, гласному Думы. Пробеседовал с час о городских делах.

Есть некоторые сведения, что Чертков, собственник Кагарлыцкого имения, устраивал свои отношения к крестьянам употреблением полицейской власти и даже кнута. Сведения эти требуют проверки.

14 авг[уста]. Четверг.

Встал в 8 ч. Со вчерашнего дня взялся за работу по приготовлению учебника к печати.

Посетили меня: диакон Поповский, мой старый клиент, Белоус, отставной учитель, уволенный в прошедшем году по подозрению в принадлежности к партии социалистов и находившийся год и два м[есяца] в высылке на месте жительства, и Остапенко. Два первые — за советом по своим делам.

Белоус хочет поступить на медицинский ф-т: и это спустя 10 л[ет] после того, как он кончил филолог[ический] ф-т. Феофилактов делает затруднения. Обещал переговорить.

Остапенко — мелкий чиновник. Домовладелец. Стихоплет. Преданный правительству до того, что считает своей обязанностию доносить. Что он и сделал, состоя на службе в Киевском сиротск[ом] суде. За это подвергся неприязни товарищей — и поделом. Более нищ и убог духом, чем подл, или лучше, источник подлости его лежит в его умственной убожести. Читал мне стихи к памятнику Войтенка, адрес в стихах по случаю 25[-летия] царст[вования] Александра II. и другую псевдопатриотическую чепуху. Бредит социлистами и социализмом. Хотя не казенный человек, но казенная душа в полном смысле. Подл более бескорыстно, чем наоборот, по крайней мере, по-видимому. А впрочем, нутро мне его мало ведомо. Он лет с 6—7 назад как стал меня посещать. Я был ему полезен моими юридическими советами по его делу гражданскому. С тех пор он меня не забывает.

Звонят. За отсутствием слуги отворяю сам двери. Испитая физиономия подает мне письмо с словами: «От Мартынова». Я, не взявши письма, сказал: «До свидания»,— и затворил двери. Мартынов — горчайший пьяница. От времени до времени обращается ко мне с просьбами помочь. Зная, что он пропьет, я ныне решился ему отказать, тем более, что я ему раз старался оказать существенную помощь устройством его дел, но втуне.

Забыл записать: был у меня Мацнев, бывший член старой палаты, из военных. Киевский домовладелец. Не попавши в нотариусы, историю чего он мне рассказал, он ищет места поверенного в администрации. Вот еще нахаба. Не дал: ни да, ни нет.

Сделал визит И. Я. Давиденку. Не застал. Сожалею.

Зашел в книж[ный] маг[азин] Ильницкого. Он недавно был в Петербурге. Привез поклоны: от Костомарова, Пыпина, Мордовцева, Д. Лебединцева и др. С Костомаровым я не в сношениях.

Посетивший меня вчера Кремянский, кандидат прав последнего выпуска, из евреев, сообщил мне, что по всей России идет между евреями подписка в пользу основания ремесленных школ и что он, живя летом в Умани, много хлопотал о возбуждении расположенности к сему делу между евреями. Я подумал: инородному племени дозволительно о себе заботиться, группироваться, собирать среди общества деньги на школы, а нам, русскому племени, малороссам, это запрещено. 18 лет тому назад возник план об основании ремесленных школ посредством добровольных приношений. Главным деятелем явился тогда Кулиш. Обратились в М[инистерств]о вн[утренних] д[ел] и получили отказ. А теперь? И теперь положение остается то же. Всякая инициатива задушена, всякая самопомощь запрещена. Несчастное мы племя.

Вечером пришли Квачевский, Давиденко и Краинский. Беседы о

новых судах и новых судебных деятелях. Квачевский просидел до начала 11-го. Изображал Мечникова, старшего председателя палаты, как ловкого чиновника, а не судью. Кажется, картина нарисована была близко к истине. Пройдошество и удача больше значат и в судебном мире, чем настоящие судейские добродетели. Одно можно сказать, что Мечников с своим характером. Он в отличных отношениях с Лорисом, был спутником этой планеты. Будет отражать и его добродетели и его пороки.

15 авг[уста]. Пятница.

Наблюдаю над собой и нахожу, что я ложусь спать и встаю в более хорошем, более спокойном, в более добром расположении духа. Замечательно, если сравнить то состояние, в котором я выехал в Карлсбад. В этой перемене я вижу очевидное доказательство непобедимого влияния моего телесного организма на состояние моего духа. Мои страдания душевные иногда бывают тяжки. Откуда это? Я вечно борюсь с обуревающими меня мыслями и, скажу, духовными страстями. Иногда они готовы заесть меня, как паразиты. Ныне я успокоенный, страстно желаю прожить текущий год в миру с самим собою, избежать наплыва едких мыслей, горьких чувств, ощущения оскорбленного самолюбия, этой мизерии бедного человека. Но так ли это будет на деле? Может быть, и я сам и другие станут опять употреблять все, чтобы опять расстроить несколько настроенные на лад мои нервы.

Состоялся обед. На обеде были: Реутский, Забугин, Скордели, Шостак и нас трое: Якубович, Клименко и я. Я устроил этот обед, чтобы представить Шостака двум первым и доставить ему знакомство в судебном мире.

В 9 часу пришли Мамышевы. Мамышев не получил ничего в Киевском округе. Уезжает в Москву. Я обещал ему прислать рекомендательные письма. Напомнил ему его грех: он доказывал, что суд присяжных неуместен в нашем крае. Советовал ему быть осторожным.

По уходе гостей — разговор с Якубовичем. Оказывается, что он более нищ, чем сам нищий. Тот может просить, а он нет. Наследство давно прожито. Деятельности никакой. На плечах старенький пиджачок. Холода идут, а теплой одежды нет. Пристанища никакого. Обещал дать ему пальто. Обещал завтра поискать кое-какой работы. Рассчитывают на Давиденка. Якубович более чем оголтелый дворянин. Это просто обнищавший дворянский пустоцвет. Грех его смертный, что он в сорок пять лет не мог привыкнуть ни к какой работе. Грех смертный, что он не научился приобретать себе [хлеб] насущный собственным трудом. Сестра, братья, родственники, имеющие средства, к нему равнодушны, не оказывают пособия. Я уже давно заметил, что малороссийское дворянство не выработало семейственности. Это наглые и отчаяные эгоисты. Что если бы Якубович Степан был в чести и богатстве? О, какие они были бы нежные его родственники. Якубович сваливает вину на людей, что трудно с ними ужиться. Нет, не то. Он продукт дворянский. Он изнеженка. Он чувствует отвращение к работе. Он высокоумец. Семнадцать лет тому назад на упрек его, что я чиновник, я ему сказал: «Я уважаю занимающегося очисткою отхожих мест работника и презираю дворянина, проживающего батьковщину». Он тогда принял мои слова с величием дворянина. И вот он ныне нищий, хуже нищего и г...чиста.

16 августа. Суббота.

Встал поздно. Все утро было поглощено посещениями и деловыми хлопотами. Был у ректора. Беседовал о принятии Ге, сына знаменитого художника, в число вольных слушателей. О содействии его принятию писал мне Загоровский. После беседы Феофилактов переменил резолюцию: вместо «отнестись к попечителю за разъяснением сомнений» написал: «Принять».

Обещал не затруднять Белоуса.

О принятии Ге я прямо написал его отцу, не будучи с ним знаком, так как письмо бы мое не застало Загоровского в Плисках. Завтра он уезжает в Харьков. Когда я послал письмо, меня, по моей натуре, разобрало сомнение, уместно ли я поступил. Но я махнул рукой на пошлость, и мою, и людскую.

Посетили меня: Делюсто, Маркевич, Ильницкий, Колобовская, Варшавский, Братков, Арабажин, Жукова. Все время ушло до обеда на прием.

Написано письма: Ге, Гольцеву, Стороженку и Квачевскому.

Заходил в полицию, чтобы посмотреть на замечательный клад, отысканный на старой Житомирской. О нем сообщил мне сведения Мамышев.

Вчера я сделал визит Пояркову, члену палаты. Возвратившись из-за границы, застал его карточку.

Ездил к Давиденку, чтобы поговорить о принятии к себе Якубовича. Не застал дома. Он неудачи сей голова разболелась.

Вечером вторично отправился на дачу, в Дикого сад, чтобы видеть Давиденка. На сей раз был счастливее. Застал. Переговорил о Якубовиче. Он соглашается его принять в помощники за квартиру и стол. Я не скрыл его добродетелей и пороков. Что, однако ж, если мой Якубович или бежит, или окажется несамостоятельным. А это вероятнее всего. Года два тому назад я хлопотал о представлении ему разных мест. Вдруг, когда уже дело шло на лад, он уехал внезапно в Москву, даже не простившись.

И то место не по нему, и другое, и третье. Несмотря на то что он пролетарий и демократ, он все-таки предпочел бы всякому другому месту следующее: чтобы он имел приличное содержание, небогатое и умеренное в пище, в квартире и одежде, чтобы было ему общество, чтобы поболтать, побеседовать и поострить,— суды и пересуды политические, легкий либерализм, умеренный радикализм, иногда потолковать о бедном брате, погорячиться о добре; и чтобы, кроме этого важного занятия, болтовни с присоединения легкого чтения газет и журналов, он не обязан был никакими другими занятиями. Он с удовольствием провел бы на этих условиях целую жизнь.

Какая причина полной его несостоятельности, я ее разгадать не могу, несмотря на мое давнее знакомство. Он вообще о себе не любит говорить. И если взять во внимание, что он ведет трезвую и умеренную жизнь, что он равнодушен к женщинам, что он с виду умен и порядочен, то невольно спрашиваешь себя: откуда же эта полная несостоятельность, так сказать, никчемность. Посмотрю. Еще раз испытаю. Хотя наперед боюсь, выйдет ли прок из этого испытания. Вообще, Якубович должен быть признан феноменальным явлением. При видимых внешних достоинствах он отлично воспитан, хорошо говорит по-французски, у него в детстве были гувернеры, он оказывается

поразительно несостоятельным, при малейшем столкновении с делом. Нет, он должен быть поврежденный, гнилой, хотя умеющий внешним лоском прикрыть свою внутреннюю пустоту и несостоятельность.

17 августа. Воскресенье.

Ночью лезло мне в голову посланное письмо Ге. Ведь вечно так: отступлю от принятых в обществе обычаев и затем терзаюсь. Это просто не умно. Нужно себя знать и поступать сообразнее с своей натурою.

Саша и дети приедут завтра, а я ждал сегодня, по прежнему уговору. Получил письмо.

Я больше и больше убеждаюсь, что главная причина несостоятельности Якубовича — это его крайнее легкомыслие, неспособность взяться за дело и детская его беспомощность.

Года полтора назад проф. Стороженко, его товарищ по гимназии, хлопотал об определении его учителем французского языка. Он хорощо знает этот язык. На мой вопрос: «Почему это дело не состоялось?»,— он с наивностию ребенка ответил: «Не получено было письма из Керчи». Что же, так проект и застыл, потому что не получено было письма из Керчи? На замечание мое о том, что едва ли виды на получение места у Давиденка его обеспечат и что ему следовало бы искать место учителя ф[ранцузского] яз[ыка], он ответил тоном легкомыслия и равнодушия, как бы дело не его касалось: «Да, должность учителя лучше и обеспечительнее». Я заметил, что для достижения чего бы то ни было необходима собственная инициатива, а не чужая опека, он сказал какую-то фразу, также выражающую его легкомыслие.

Мне в высокой степени тягостна опека над сим моим товарищем, недорослем в 45 лет. Не потому, что я не желаю ему помочь всяческими возможными в моем положении средствами. А потому, что он неизлечим. Я не раз ему и помогал деньгами. Но средства мои в высокой степени в обрез и даже в недостаче с моими семейными нуждами. Я не в состоянии по своему экономическому положению быть его благотворителем. Просьбы его денег меня ставят в крайне затруднительное положение. Тем более, что при сем поступает у меня к горлу мое этическое отвращение помогать тем, кто баклушничал всю жизнь, кто высокоумствовал целую жизнь. Мне так и кажется, что это метаморфозированная дворянская привычка — жить на чужой счет, и притом, на счет людей труда, доводящего других до болезней. С другой стороны, мне тяжко быть поставленным в положение человека, который должен отказать в помощи своему товарищу. Я на сей раз не могу возвыситься до положения человека, созерцающего такой субъект, как Якубович, с точки зрения физиологической, как явление естественное, обязанное своим происхождением историческому строю. Якубович представляет антипода тем пьявкам и эксплуататорам народным, которые поставляются дворянством. Он в этом до того неповинен, что не в силах был обеспечить себе простой, скромный кусок хлеба. Впрочем, вопрос еще: как смотреть на человека, который не умеет отправлять никакой полезной работы для общества и живет сначала на счет наследственного имущества, а затем, прожив его, склоняется по свету и является бременем для своих ближних. Не есть ли это та же сила, которая порождает эксплуатацию, только латентная, замерзшая, но во всяком случае родная. Буду наблюдать этот субъект. Он стоит того. Жалею, что я не великий романист. Это высокого интереса тип.

В заграничных газетах часто врали, будто в диктатуру Лорис-Меликова успели уже возвратить из ссылки тысячи: в одной газете выставлена цифра 1700 чел[овек]. Я по опыту знал, что это ложь. Теперь напечатано в «Правительственном вестнике», что до сих пор возвращено 115 чел[овек]. Ну, это дело другое.

В том же «Прав[ительственном] вестнике» сказано, что сосланных администрат[ивным] порядком всего 1600 чел[овек]. Можно, без опасения впасть в ошибку, положительно утверждать, что это ложь ложью. 3-е Отделение работало целые десятки лет над тем, чтобы отыскать подозрительных в самих мирных гражданах. Невероятно, чтобы его гнусная деятельность дала столь малые результаты. А деятельность таких злодеев, как Тотлебен, Панютин и Чертков не могла же дать таких малых цифр. Нет, выставленная цифра есть ложь. Правительственный произвол работал втайне; он не любил цифр, так как цифра указывает на меру и вес, а он их по природе был чужд. Теперь пробудилась совесть. Стыдно сознаться. Лгут по-прежнему.

Можно радоваться. Газеты едьмом едят Цитовича. Поделом вору мука. Они должны его съесть. Было бы обиднее за печать и общество, если бы было иначе.

В 221 № «Русск[ого] курьера» напечатано: «„Берегу“ казалось, что государство может быть банкиром только по части субсидий отставным профессорам». «С.-Петерб[ургские] ведомости» пишут: «Теперь нет никакого сомнения, что учреждение газеты «Берег» и призыв Цитовича с Дьяковым и К° лиц, изведавших на опыте все прелести *кружковщины* и нигилистического разврата, к деятельности на поприще русской журналистики, *было одной из ошибок, допущенных в управлении Министерством внут[ренних] дел Л. С. Макова*». «Курьер» прибавляет: «Разумеется, ошибочно делать редактором газеты человека, способного променять профессорскую кафедру на место состоящего при обер-прокурорском столе».

Я скажу: разумеется, очевидно, что и Маков, и Цитович — оба ошиблись. Маков думал найти в Цитовиче столб той политики, которой он сам с легкостию русского министра-чиновника изменил. Маков один из тех честолюбцев упорных, но недальновидных, которые недальнозорки для того, чтобы благоразумием, честностию и благом Отечества упрочить свое положение, но которые честолюбивы настолько, что они готовы отречься от Христа и с необыкновенною легкостию стать служить каким угодно убеждениям. Цитович же еще крупнее ошибся Макова. Он, взявшись за дело наемного публициста, думал, что его же царствию не будет конца. Вышло как раз наоборот. Начало издания газеты совпало с поворотом к смягчению и честности. Газеты заговорили другим языком. Цитович остался не в сих не в тих. А тут и барина лишился. Маков из влиятельного министра вн[утренних] дел сделался министром почт и телеграфов. Уже ли Немезида обойдет этого изменника и продажного ученого?

Слухи о расправе Черткова с крестьянами в его собственном имении начинают распространяться, как ни молчаливы чиновники пашалыка. Когда уберут этого мерзавца из Киева, тогда заговорит сам лакействующий «Киевлянин».

Хорош русский чиновник: он на все руки мастер. Прикажите ему вводить конституцию в Болгарии,— водворит. Поручите ему русское генерал-губернаторство, будет ссылать административным порядком без причины. Поставьте его товарищем Робеспьера, ей, не откажется вторить и такому деятелю. Лишь бы была на то воля начальства:

а мы постараемся ее угадывать и быть ревностнее самого начальства. Вот примеры: Д[ондуков]-Корсаков. Ввел в Болгарии конституцию. А ныне в Харькове ссылает административным порядком каких-то уличных и ночных буянов. Чего ж хотите? Есть надежда, что легко переменить и эту шкуру. О, бездельники!

18 авг[уста]. Понедельник.

Вчера обедал у меня А. Д. Юркевич.

Якубович условился с Давиденком; он предложил ему стол и квартиру. О, если бы он удержался хотя бы на этом месте!

Был у В[арвары] В[асильевны], жены брата. Все благополучно.

Возвратившись, застал карточку В. П. Васютинского, старого знакомого, ныне генерала, правителя дел главного управленія военно-учебными заведениями. Я крепко пожалел, что он не застал меня. Послал в гостиницу разыскать, не отыскали.

Пробежав вчера краткую биографию Бокля, я охвачен был мыслями его о бессмертии души. Он доказывает, что бессмертие есть. Доказательства берет от наших чувствований. Как можно обойтись без веры в загробную жизнь любящему сердцу, у которого смерть отнимает дорогое существо?

Я скажу, что бессмертие души есть вера, есть сладкая надежда, есть этическое убеждение, но и только. Как бы желательно было, чтобы бессмертие души, это милое, мягкое, теплое поэтическое верование, было действительностию, было фактом? Но где же доказательства? Верование всех народов и всех веков?! Но сколько верований подобных оказались уже теперь сладким мифом. Наши желания, стремления, чувства? Но как далеки они большею частию бывают от действительности, как они большею частию бывают непохожи на нее? Не спорю, в деле дисциплины рода человеческого это верование играло и играет большую роль. Но это нечто иное, чем действительное существование. Затем, укажите мне реальные формы осуществления идеи бессмертия души? Христианский рай? Это воплощение монашеского, сухого, узкого идеала людей полупомешанных. Христианский ад? Это обожествление инстинктов грубого, жестокого, кровожадного, немилосердного человека — людоеда, который не может простить своему брату малейшей погрешности и вечно пылает местию. Божество, соизволяющее на этот ад на один градус выше Молоха, или сам перелицованный Молох. Рай магометанский? Это изобретение развратного восточного человека, выше плотских наслаждений ничего не знающего. Представление об аде и рае других народов? Это темные дымчатые, покрытые туманом образы без определенных очертаний.

Идея бессмертия души философов деистов? Это одна идея, или одно верование, лишенное и последней определенности. Мне сладко, мне хочется веровать, мне хочется надеяться на бессмертие души моей. И сладко пусть тебе будет. Но при чем же тут наука? Ровно не при чем. Опирайтесь на религию, на поэзию, на сентименты, на этическую полезность. Но не насилуйте, не заставляйте *врать* науку. О Кирилове...[75]

В три часа приехала Саша с детьми. Сасько тоже. Все благополучно. Все здоровы.

Утром был у Тальберга. Не застал. Хотел сделать шаг к смягчению наших отношений. Близость его к Пихну и непосредственное его сотрудничество с «Киевлянином» имели на мою душу вредное влияние.

Они осложнили мое отношение к его диссертации. Я дал в факультете очень резкий отзыв о сей работе. Правда, эта работа слабая, но не из рук вон плохая. Бывают хуже. Таковы, например, работы, о которых мне приходилось давать мое мнение, Духовского и И. Т. Тарасова. Конечно, Тальберг — маленький интриган. Он поступал со мною как подпольный человек в моих отношениях к делам исправительного приюта. Но он все же состоял под моим официальным руководством. Он работал по предмету моей специальности. Он остался верным в течение шести лет раз избранной ученой карьере. Итак, я должен быть по отношению к нему великодушным и снисходительным. Я должен сказать, что его близкие сношения с Пихном, его принадлежность к партии, которую я называю партиею дельцов, портили и портят мои отношения с этим молодым человеком. Присоедините сюда мое тяжкое, угрюмое, болезненное настроение, и получится тот резкий, даже может быть очень резкий тон, в котором я дал в факультете мой отзыв о его работе.

Спрашивается: таков ли был бы мой отзыв о его диссертации, если бы постановка этого человека по отношению ко мне была иная? Вот психологическая задача, для меня самого интересная.

Ныне я твердо решился изменить тон моей рецензии и моих отношений к его работе. Я оставлю суть рецензии неизменною ни на одну иоту, но решительно смягчу тон: ибо тон делает музыку. Для непосвященных смысл мало доступен, в особенности по такому специальному вопросу, как разбой.

Только что был у меня Тальберг. Я переговорил с ним в таком смягченном тоне, обещал ему смягчить тон моей рецензии и избегать всякой резкости на диспуте. Переговорив с ним в этом тоне, я почувствовал облегчение на душе. Это облегчение я почувствовал даже еще прежде, как только я решился осуществить мой план. О, если бы я достиг того этического объективного состояния, чтобы мог платить за зло добром, чтобы на меня не влияли дурные и враждебные отношения ко мне других. Это мой идеал. Но как я далек от него, несмотря на то, что я давно работаю над этим.

Спрашивается, однако ж, возможно ли занять подобное возвышенное положение. И возможно и невозможно. И должно и недолжно. Эта мысль требует развития. Чтобы не съели паразиты. Чтобы не потоптали в борьбе за существование принципов. Следовательно, там, где дело касается принципов, уступок быть не должно. Снисхождение только во имя принципов.

19 авг[уста]. Вторник.

Вчера был у меня молодой Ге. Хотел меня просить о ходатайстве. Я сообщил ему, что он уже принят и что я о сем известил его отца. Он удивился и обрадовался. Поговорил с ним по-итальянски.

Сегодня явился юноша К. А. Кислицкий. С письмом от брата Николая. Хочет поступить вольнослушателем в у-т. Без положения в обществе, которое для сего требуется. Дал письмо к князю Н. В. Репнину о принятии на службу, чтобы создать ему положение. Возвратившись от Репнина, сообщил, что князь предложил ему подать прошение.

Был дворник диакона Поповского по делу его жены, обвиняемой в участии в изнасиловании.

Посетил меня Антонович, профессор из Новой Александрии.

1880 г. Продолжение.

19 авгу[ста]. Вторник.

Написал ответ Сабурову, председ[ателю] Киев[ского] окруж[ного] суда. Он просил меня дать мое мнение о Варшавском, действительном студенте нашего ф-та и члена Юридич[еского] общества. В ответе указал на его работы в обществе. Присоединил также мое мнение о присяжном пове[ренном] С. Ф. Делюсто, который жаловался мне на то, что суд медлит принятием его в присяжные.

Печать необыкновенно оживилась. Говорит языком до сих пор неслыханным. Мечет проклятиями в преобразованное 3-е отделение. Сам Катков, первый полициант печати, самый верный союзник 3-го Отделения — и тот готов изменить своему союзнику и пристать к общему хору. Цитович в своем «Береге» не знает, на какую ступить. Злочастный душепродавец поплыл не в то течение, по которому надеялся плыть, а в водоворот противоположного течения. Что же придется таким его друзьям и поклонникам, как Демченко, Леонтович, Славатинский, Патлаевский и т. п. мыслители? Иные с легкостию почти военного человека сделают диверсию. Другие затаят свои симпатии. Третьи, наконец,— третьи — да в их голове комок макулатуры.

Абаза, наученый Абаза, честно ведет дело печати. Ему должно быть отдана честь. Деятельность его должна еще более оттенить управление печатью честолюбца, преисполненного духом мракобесия, профессора Григорьева. По выходе его, Гайдебуров, издатель и редактор «Недели» написал ему панегирик. С следующего года перестаю быть подписчиком этой газеты. Григорьев был хорош к Гайдебурову. Но это не уполномачивало сего последнего ради собственных отношений подличать на счет общества. Гайдебуров, кроме того, имел дерзость — из каких видов не знаю, сравнивать Толстого с Петром Великим.

Присматриваясь и прислушиваясь ближе, легко заметить, что у Лорис-Меликова есть своя программа. Он по всем частям хочет произвесть перемены и дать другое направление. Он, очевидно, действует в союзе с наследником. Готовится смена Набокова Ковалевским, Грейга — Бунге, вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича старшего — наследником. Посмотрим, что эти новые-старые люди сделают. Сделают добро, Россия станет на их стороне. Будут переливать из пустого в порожнее и повторять старое — последнее будет горше прежнего. Теперь их медовые месяцы. Теперь на них возлагаются надежды. Теперь только ими заниматься. Выждем год-другой. И тогда произнесем наше беспристрастное мнение. Нет, произнесем не мы, а произнесет Россия.

20 авг[уста]. Среда.

Посетил меня вчера вечером А. А. Котляревский. Только что возвратился с дачи. Саша упомянула о каких-то шашнях Гарнич-Гарницкого по части найма им дома под женские курсы.

При имени этого дельца и его поступков я вспыхнул и назвал его подлецом. Произошло неприятное объяснение с Котляревским, который назвал Гарнича своим приятелем. Итак, выходит, во имя приязни можно обелять негодяев. Я жалею, что увлекся. Не то чтобы я не считал Гарнича позором нашей корпорации. А то, что не следует при-

ходить в ярость даже по поводу позорных личностей. Необходимо быть воздержанным на язык. В особенности в присутствии таких моралистов, как Котляревский, который готов судить и рядить о людях с точки своих приязней и который сам уже давно стал на стезю ловления удачи. Это проповедь о чистой науке есть чистое лицемерие и фарисейство. О чистой науке и о не увлечении добром и злом речь впереди.

Сегодня в 10 часов было заседание Киевского юридического факультета. В числе дел было о замещении кафедры полицейского права, оставшейся вакантною после Бунге. Буданова в заседании не было, хотя он писал мне, что он приедет 18 авг[уста], а Тарасову, что он сделает предложение о его кандидатуре. Прочтено было предложение Бунге о конкурсе. Все хватились его поддерживать. Я сказал: «Конкурс — крайнее средство. Не следует ли прежде испытать способ замещения определенными лицами. Вот вам имена: Гартенберга, Тарасова, Исаева и Антоновича. Остановившись на ком-нибудь, можно бы войти с ним в сношение. И тогда, когда этот способ окажется не имевшим результата, можно бы обратиться к конкурсу. На это Демченко, со свойственным ему недосягаемым тупоумием, заметил: «Если Н. Х. Бунге не мог указать на лицо достойное занять его место, то как же мы осмелимся наименовать такового». Я заметил, что его авторитет нисколько не лишает нас права и вознаименовать такового.

Все пять, кроме меня, стояли за конкурс — и я должен был покориться. По поводу сроков: за более продолжительный, я — за менее, я один против пяти. Возвратившись в лекторий, я застал там Буданова. Этот господин морочил голову бедного Тарасова, обещая сделать предложение о его кандидатуре. Вот мораль профессоров Киевского у-та. И этот считается лучшим. Лицемер, фарисей, подделыватель мыслей и чувства, любящий пойти не прямо, а окольными путями.

Посетили меня: Нежинский, стипендиат, Белоус и Антонович, профессор из Лесного института в Новой Александрии, где он преподает экономию. Нежинский пишет сочинение о свободе воли: последователь детерминизма и, следоват[ельно], последователь учения, которого я всегда держался. Что выйдет из этого молодого человека, сказать теперь трудно. Способности его несомненны.

Антонович много работает. Но от него несет каким-то провинциализмом и политическою неразвитостию. Но человек он основательный. Киевские дельцы его не любят.

Был также студент Поярков. Он работает над вопросом о неуместности полицейского произвола, ссылающего, арестующего, подозревающего. Птенец юный и неразвитый: он имел глупость в прошлом семестре защищать состоятельность произвола. Мамин сынок. Как он справится с этой темой ныне, не знаю. Я, кроме того, дал ему тему: изучить манифесты о помиловании и составить систематику содержащегося в ней материала. Это больше по его плечу.

Квачевский штурмует меня письмами, хочет, чтобы я пришел на помощь его адвокатским похотям и написал бы письмо, склоняющее Грековых уплатить ему гонорар прежде окончания дела. Я на это не соглашусь ни под каким видом: напишу об уплате только некоторой части, соответствующей известной сумме доходов.

Экзаменовал Романовского. Горестная голова. Пропустил.

21 авг[уста]. Четверг.

Написал письма: Тарасову, Загоровскому и Квачевскому. Последнему — по предмету его отношений к Грековым.

Речь о Кирилове. Он в ф-те известен был за крайнего бедняка. В последнем заседании ф-та и пред вакациями я выразился, что он беден как Ир. Он всегда являлся казанским сиротой. Раз просил меня занять ему денег. Теперь оказывается, что отец его имеет 8000 дес. земли в Екатерин[ославской] губ. Это сам студент окончивший, Кирилов, мне сообщил. Отец не давал ему никаких средств потому, что он женился. Ныне, когда он кончил, отец готов его принять. Хорош отец, который будучи очень состоятельным человеком взваливает бремя содержания сына на счет общества. Но и сын для меня немного подозрителен. Кто исследует душу человеческую? Кто измерит страсть человеческую к приобретению? Ведь есть же нищие, которые имеют десятки и сотни тысяч, благодаря тому что они нищенство обратили в ремесло и постоянно обманывали и надували общество.

Вопрос о помощи общественной. Взгляд нашего общества. Стремление взвалить издержки содержания на счет общества.

Сегодня посетил меня Кульжинский. Директор конторы госуд[арственного] банка в Таганроге. До сих пор я знаком был с ним только по переписке. Поручил моему вниманию двух молодых студентов, только что поступивших.

Зашел Славатинский. Вчера мы выбрали его секрет[арем] ф-та. Я предложил баллотировать его одного. Выбор оказался единогласный.

Волчанецкий, нищенствующий, товарищ по у-ту, пришел за письмом. Я дал ему письмо к Ив. Хрякову, брату киевского богача Николая. Просил в письме доставить ему место и постоянную работу. Волчанецкий возвратился и сказал, что Хряков в отсутствии и возвратится не раньше 2-х недель.

Был сегодня утешен: получил письмо от известного живописца Ге. Письмо исполненное благодарности, уважения и любезности. Вот доказательство, в какой мере я бываю несправедлив к себе, и до какой степени я изоткан весь из недоверия к себе, а может быть, и другим. Я иногда бываю съедаем и обуреваем сомнениями, которые как паразиты заедают меня, поглощают здоровые соки моей моральной жизни. Я, несомненно, расположен к душевным заболеваниям. Я дребезжащий сосуд. Я надломленный человек. Я впадаю по временам в состояние ипоходрии. Ныне настроение мое довольно доброе, светлое и сравнительно нормально спокойное.

Не менее обрадован я был, получив письмо от В. Н. Мачинского, того молодого человека, с которым я познакомился на железной дороге, возвращаясь из Карлсбада. Я просил его сообщить мне свои наблюдения о мужеложестве в Персии, где он служит по консульской части. Ныне он исполнил мою просьбу. Он пишет мне: «Долгом считаю предупредить, что эти сведения сообщаю Вам ради приятного воспоминания о том, что Вы, несмотря на разницу уровня развития между нами, несмотря на то, что вы занимаете сравнительно со мною такой пост, Вы были так радушны со мною во время нашего кратковременного знакомства. Вообще, позвольте мне, не льстя Вам, сказать, что я давно уже не встречал таких простых людей и с такими честными воззрениями, как Вы».

О, если бы я заслужил это имя не у одного В. Н. Мачинского, а у всех моих сограждан. Я бы тогда сказал: «Ныне отпущаем». В душе моей таится пламень, горящий страстным желанием быть полезным моим согражданам, моему Отечеству. Пошлет ли мне сей удел Судьба, не знаю. Но я готов до последнего моего вздоха стремиться к осуществлению правды, пользы, чести и милости.

Приехал брат Федор. Совещание о преднамереваемых им постройках. Господь ему да поможет.

Вечером заседание в Думе. Я чувствовал себя хорошо. А если я чувствую себя хорошо в сем собрании, чего же мне больше. Удивил меня Кониский переменою своих взглядов на аграрные отношения города Киева. Прежде всегда противник отчуждения от города земель, ныне он отстаивал отчуждения целых десятков десятин в пользу частных лиц. Ничем другим не могу объяснить, кроме заискиванием у избирателей. Да он мне кажется нюхателем и ловцом. Необходимо наблюдать. Его физиономию, как одноглазого человека, сильно мне напоминает украинских нищих, людей высокопрактических и просящих милостыню всегда во имя святых угодников и самого Бога.

22 авг[уста]. Пятница.

Когда я вышел из заседания Думы, ко мне по дороге пристал Свиридов, младший. Он сообщил, что в ближайшее воскресенье будет открытие памятника Войтенку. Я дал слово быть на открытии. Просил доставить мне формуляр покойного. Было бы кстати сказать несколько слов по сему случаю.

Памятник сооружен по подписке. Стоимость в 700 руб. Освящать будет архиерей и два священника.

Вспомнил о разговоре с Барвинским насчет будущей судьбы Малороссии. Я сказал ему: в немецких газетах в числе целей посещения Францем-Иосифом Галиции указывают на то, чтобы льготами, милостынями и вниманием к русским привлечь на свою сторону и малороссов русских. Я сказал, дикая и фантастическая идея. На это Барвинский заметил мне, отчего так? В этой мысли нет ничего странного и несбыточного. Малороссам чрезвычайно важно объединиться в одно целое, соединиться под одну державу. А под чьим владычеством им состоять? Это вопрос, на который следует отвечать: под владычеством той державы, которая расположена дозволить широкое развитие малороссийской народности во всяческом отношении. Москва, деспотическая, завистливая, всепоглощающая и всепожирающая, готова задушить малороссийское племя. Австрия, напротив, и теперь даст возможность развиваться малороссийскому племени, а в будущем, желая привлечь их соплеменников на свою сторону, готова будет еще более расширить. Вот вам программа для будущего политика.

Тогда я вспомнил, что когда-то, лет 18 тому назад, я слышал подобную мысль вскользь, мимолетом, не в смысле программы действия, а как философское рассуждение, высказанное Костомаровым. И подумал: что если бы услышали эту мысль русские полицействующие ученые, они бы записали меня навеки погибшим, только по одному тому, что я слушал эти мысли. Они бы навек записали меня в число лиц несерьезных.

Принесли мне тайно изданный листок под заглавием: «Суд над социалистами в Киеве 14 июля 1880». Бесконечно слабая либеральная болтовня. Фразы, одни фразы и только фразы. Упоминают, или лучше, говорят о прокуроре Стрельникове,— и также слабо в сравнении с тем безумием, политическою бестактностию и нравственной подлостию, этого палача по натуре, этого паука в образе человеческом. Для характеристики инквизитора, инсинуатора и безобразника необходимо слово Тацита, Ювенала или Щедрина. Только могучее слово в состоянии заклеймить этого нравственного урода. Он только случайно на прокурорском месте нынешнего режима. Он по натуре и по уму, узкому, мелкому казуистическому, действующему под влиянием зависти, ненависти, и засевших у него гвоздей, может быть пригож для всякого террора, хотя бы самого революционного свойства. Обстоятельства для него ошиблись.

Мои отношения к делам города. Душевное мое настроение. Чувство обидчивости за то, что меня оттирают. Политическое несовершеннолетие. Служение значит себе, а не делу. Происходящее отсюда бессилие и бесплодие. Ускользание принципа. Беспочвенность. Отсюда — крайняя слабость. Чувство необходимости дать другое направление моим отношениям к городским делам и городскому управлению. Если ты стоишь на принципе, то отвергая его, отвергают не тебя, а принцип. Лягая тебя, лягают не тебя, а принцип. Показывая презрение, презирают не тебя, а то дело, ту сторону, за которую ты стоишь. Это необходимо памятовать. Этими соображениями необходимо руководствоваться. Посмотрим. Сможем ли? Не заест ли нас опять ипохондрия?

Посетили вечером: Шкляревский, товарищ, профессор, Мацкевич, учитель, товарищ по у-ту, и Мацкевич, младший брат, следователь, ученик нашего ф-та.

Шкляревский просидел часа полтора. Я показывал ему имеющиеся у меня камеи неаполитанской работы. Одна из них ему понравилась. Я ему предложил на память. Рад я этому счастливому случаю. Я давно изыскивал способ чем-нибудь его возблагодарить за ту помощь, которую он оказывал мне по званию врача в моих болезнях. Теперь мне это удалось.

Заседание совета не состоялось по неявке надлежащего числа. Число поступающих в у-т превышает цифру 300.

Рассказывают о новых проделках Гарнича по части найма квартиры для женских курсов. Что-то очень грязное. Говорят, что он ищет должности директора Технологического института в Харькове. Он человек дальновидный по части подлостей. Я убежден, что ради достижения сей должности он обрезал весной 100 студентов. Думает сим угодить начальству. От него можно ожидать всяких гнусностей. Это личность вполне позорная. Он непременно обокрадет Технологический институт, если будет назначен его директором. Гарнич начал свою карьеру подделкою диссертации. На сем его скоро поймали. Теперь он занимается чуть не подделкою документов. По крайней [мере], плутовством. В нашем обществе это вольготнее. Есть надежда, что он будет долго сим заниматься беспрепятственно и безбоязненно. Даже есть вероятие, что его оценят с этой стороны и призовут управлять какою-либо частию. Человек без веры, совести и убеждений, плут, по деятельности лучший и удобнейший слуга подлой политики. С таким человеком на все можно решиться. Он на все готов. Это любимый про-

фессор киевских радикалов-украинофилов, судя по той брошюре, в которой были изображены все профессора. Это друг Котляревского — профессора. Чего же больше.

23 авг[уста]. Суббота.

Утром посетили меня два молодых студента, воспитанники Таганрог[ской] гимназии, покровительствуемые Кульжинским. Вслед за ними явился И. Т. Яхненко. Беседовали о делах администр[ации].

В два часа я отправился в Софиевский собор, чтобы видеться с профес[сором] Праховым, там работающим. Застал его сидящим на лесах и снимающим мозаичное горное седалище. Он объяснил мне значение мозаичных работ Киевской Софии. Оказывается, что она единственная в своем роде, она относится в XI стол[етию]. Во всей Европе нет ничего подобного в этом роде в такой обширности столь раннего происхождения. Я рад был сему случаю, так как я, воспитывавшийся в Киевском у-те и проживший с 1863 г. почти семнадцать лет, и не подозревал важности сего сокровища. Притом я и не знал во всей его целости и подробности. Во время обозрения со мною сделался припадок. Должен был спасаться в саду Софиевском. Возвратившись домой, почувствовал себя больным, что было причиною, отчего я не пошел в Думу, хотя там решался вопрос, отложенный по моему настоянию.

Вечером пришел А. Д. Юркевич. Говорит, будто Лукашевич, автор «Чаромутия», точнее филологической галиматьи, готов отдать в какое-либо общественное учреждение свою редкую библиотеку с богатым собранием рукописей. Хотя бы, например, в у-т, и спросил меня, не согласен ли я быть посредником. Ведет речь о сем племянник его, тоже Лукашевич, учитель 2-й Киевской гимназии. Разумеется, я изъявил полную готовность. Но в душе я мало верю в успех. Лукашевич меломан, а такие люди не способны разумно распорядиться собранными драгоценностями. Он околеет на них. А по смерти их растащут.

Отправился вместе с Юркевичем к брату Федору. Там просидел часа полтора. При выходе объявили нам, что пожар на Большой Васильковской, недалеко от нашего дома. Отправились на пожар компаниею. Пламень объял деревянный небольшой двухэтажный дом, примыкающий к другому одноэтажному. Погода тихая. Пожарная команда работает. Вероятно, горящим домом и ограничится.

Работаю над окончанием 2-го издания учебника.

Юзефович-младший. Украинофил. Один из близко знакомых людей. Поцеловал меня, когда я рыдал в момент кончины самого младшего брата Владимира. Был в числе немногих гостей на нашей свадьбе. Изменил направление. Сделался апостатом. Тайно начал вредить украинофильству. Пройдоха. Пролаза. Человек запяточный. Втерся к Лорис-Меликову. Камергер. Ныне назначен вице-директором департамента государственной полиции. Так именуется преобразованное 3-е Отделение. Вот в каких отношениях он к своему начальству стоит. Обедает у Лорис-Меликова. За столом сидит друг юности Лориса, полковник, кажется, Герсеванов. С Лорисом он на *«ты»*. Тут же обедает и Юзефович-младший. Лорис, обращаясь к Герсеванову, говорит: «Ты неисправимый неряха. Ну как у тебя повязан галстук. И вечно так. Юзефович! Завяжите галстук Ник[олаю] Петровичу». Юзефович, один из многих, встает и исполняет приказание. Да, сей муж не столько служить рад, но и прислуживаться всегда охоч. Или лучше прислу-

живанием вышел в *так называемые люди*. Что это за люди — это другое дело. Юзефович-младший — копия Юзефовича-старшего.

На очереди Андрияшев, незабвенный Алексей Фомич, педагог по названию, торгаш по призванию. На таковых ныне большая мода. Наши ученые пустились тоже в коммерцию. До сих пор занимался выделкою кирпича один Субботин, когда-то моривший тифом своих рабочих, как и подобает киевскому профессору гигиены. Ныне выступил на это поприще Бец, профессор анатомии. Давно бы следовало сему ученому возвратиться к своему призванию.

О 85 студентах, обрезанных другом Котляревского Гарничем. Об сем потом. Не забыть Пихна, ныне вызванного в Петербург. Любимое детище героя нашего времени Н. Х. Бунге.

24 авг[уста]. Воскресенье.

Еще не успел одеться, как явился Лапицкий. Пролетарий-переписчик. Из кабацких подъячих. Человек лет 31. Просит работы. Нищенствует: ни пищи, ни одежды, ни пристанища. Я развил мой взгляд на его положение. Довел его до сознания, что он предается пьянству. Сказал, что он должен его бросить и отыскать работу, хотя бы эта работа была работа лакея. Не тот лакей, кто по профессии лакей, а тот, кто по душе. А таковых немало даже между высокопоставленными. Дал ему 15 коп. и пригласил отпить со мной чай. Он стал говорить со мною откровенно. Оказывается, что отец его тоже пил 30 лет. Ночует он в ночлежном приюте в доме Крюкова. Там мужчины и женщины спят где попало. Платит за ночлег по 5 коп. Когда мы пили чай, принесли мне доклад комиссии, к кот[орой] я принадлежу, о способах презрения нищих. Предлагает комиссия устроить богадельню на 30 чел[овек], зимний приют для заболевающих престарелых при Александровской больнице и позаботиться об устройстве и улучшении ночлежных приютов. Подписал протокол.

Сегодня предстоит поездка на открытие памятника Войтенка и участие в общем собрании Общества исправительных колоний.

В 1/2 12 ч. явился Астафьев. Ищет приват-доцентуры по кафедре философии. Я собирался уезжать. Просил его прийти вечером.

Отправился на кладбище на Щекавицу. Застал достаточно почитателей Войтенка. В 1/2 1 ч. началась панихида. Много ненужных длиннот. Этим страдает наше богослужение. В 20 м[ин]. 2-го совершилось освящение памятника. Собралось человек сто.

С кладбища отправился на обед к купцу Левковскому, оставшемуся верным памяти Войтенка. Я пред началом сказал несколько слов в память покойника. Остапенко, рифмоплет, произнес стихи. Первенствующим из духовных был ректор Виталий.

Я в первый раз заметил необыкновенную красоту Щекавицкого кладбища. Положение редкой красоты. Виды прелестные. Решил, что там должны лежать мои кости, что, возвратившись, передал Саше.

Возвращаясь, зашел на толкучку у Братского. Купил несколько старых книг. Между прочим, «Богословие» на латинском языке Феофана Прокоповича, лейпцигское издание. Оказалось, что продавец книг — черниговский житель, привезший нарочно их продавать в Киев. Обещал во вторник привезть мне старых книг и две рукописи XVII ст.

Если не соврет. Мне он что-то подозрителен. Говорил, что уезжает к своим родственникам в Марсель, будто там они расторговались. Что-то невероятно.

Вечером собрались: Якубович, Астафьев, Мищенки — муж и жена, братья Федор и Василий с женами. Астафьев — философ-метафизик. Работает над свободой воли. Когда я ехал на кладбище, то повстречался с Могилянским, который ехал со своею женою к нам. Я просил его к нам и условиться с Сашею насчет времени, когда сойдемся.

Баранов назначается министром путей сообщения. Вызван Пихно, запяточный человек и инсинуатор. Ученик Бунге и Шульгина. Ягодка после цвета. Наука для него средство обделывать дела. Прежде чем сам выучился, стал преподавать. Прежде чем кончил студенческий курс, стал заниматься газетным делом. Поверхностен. В науке шарлатан и обскурант. Делец из дельцов. На все готов. Полон мракобесия и инсинуаторства. Никаких принципов, кроме принципа нюхать и плыть по курсу. Продать все ради наживы. В 27 лет достиг благосостояния, какого люди с честным характером достигают под конец жизни, если еще достигают.

В 1/2 11 ч. разошлись все.

25 авг[уста]. Понедельник.

Вчера на панихиде и на обеде по Войтенке был А. И. Линниченко, присяжный вития. Его приглашают по разным случаям, где требуется витийство и риторика. Так, например, для сочинения адресов. Он большой охотник произносить надгробные речи. Я не знаю в последнее время ни одного смертного случая из профессорского и ученого мира, в котором не являлся бы А. И. Линниченко витией. Этим летом умерли Хлебников и Задерацкий, и над обоими он говорил надгробные, траурные речи. Когда я увидел фигуру сего вития на кладбище, то подумал, знать, приглашен для витийства. Угадал, но не вполне. Линниченко не утерпел и в конце обеда провозгласил Войтенку не то в риторической, не то в церковной форме: *«Со святыми упокой»*.

Танцующая и нюхающая и себя не понимающая печать. Нюхательство одних. Лицемерие других. Заискивай и подчилай — вот девиз современного человека. А молодежь? Одна радикальствует, другая идет по дорожке искательств.

О положении русинов Галиции: их программа.

Постановка вопроса о студентах, обрезанных Гарничем и Шиллером. Опасливость моего характера. Величайший вред, мною испытываемый. Я создаю причины беспокойства и ими мучаюсь. Отсюда обессиление моей энергии. Мое самолюбие болезненное. Укол малейший достаточен, чтобы я закипятился и сварился. На эти пустяки уходит много душевных и дорогих сил. Несомненно, источник ее первоначальный, этой опасливости, лежит в моей телесной организации. Но так же верно и то, что я развил ее невоздержность в эту сторону. Я поощрял это нравственное худосочие тем, что предавался размышлениям на эти темы. Взять, например, мои отношения к судьбе моего брата Федора, которому я был всегда предан безгранично. Вот его-то плохие в прежнее время обстоятельства были всегда источником моего болез-

ненного настроения, хотя в сущности они никогда не были особенно плохими, во всяком случае безнадежны.

Об экспансивности мне свойственной.

Сегодня обедали у нас Могилянские — муж и жена.

Заходил молодой Кислицкий. Репнин принял его на службу и тем создал для него положение, дающее ему право поступить вольнослушателем. Просил за него в сегодняшнем совете ректора Феофилактова. В сегодняшнем совете опять поднят был вопрос о приеме студентов 1-й категории, исключенных в 1878 г. весной. Феофилактов сделал передержку вслед за Шеффером и Сидоренком. Скомкали постановление, которое сделано было перед вакациями. Примешали много посторонностей. Наделали множество крючков. Хотят не мытьем, дак катаньем их доехать. Право не знаю, что выйдет из этого дела. Феофилактов начинает вилять. Так как в руках его находится действительная власть, то он может скомкать дело. Совет состоит в большинстве из одебелевших сердец, склонных к коварству, из умов, склонных к софизмам и самым наглым передержкам. Поистине я не могу сказать, как они формулируют сегодняшнее решение, которое постановлено было среди шума, гама, споров и пререканий. Эту суматоху создал виляющий Феофилактов и такие дельцы, самого коварного и софистического строя, с инстинктами душительства, какой Шеффер и Сидоренко. Демченко дул в дудки их. Пред вакациями он был с одной стороны и с другой стороны.

Цитовича газеты преследуют по пятам. На него охотятся. Его припирают к стене. На него накидываются как на пса, которого невзлюбили. И вот он в своем бессилии огрызается. Но это огрызание свидетельствует, что ему приходится плохо. Он просто начинает ругаться площадным образом. Есть надежда, что его задушат, разорвут, разнесут. Поделом. Вот выдержки из газет, а также его бессильного огрызания:

«В длинной статье «Берег» грозит всем своим врагам «непримиримым, холодным презрением». Судя по самой статье, «холодное презрение» «Берега» будет выражаться исключительно в страшной ругани против всех, кто не намерен признавать за г. Цитовичем права на титул «спасителя отечества» от нигилизма, лжелиберализма и прочих «измов».

Вот легкое резюме «холодного» презрения «Берега».

«Голос» предается лубочным, взвозничьим издевательствам; он — соглядатай; он хочет получить землицу в Уфимской губернии. Нигилизм — это монополия «честной» прессы, т. е. «Вестника Европы», «Молвы» и им подобных... Либерализм прельщается только осязательным пятачком. «Вы», сотрудники «честной» прессы, разве вы не по найму, не по заказу работаете для своих издателей?... Неужели можно писать пасквиль на «вас», ставших под защиту «лучшей части общества», «молодого поколения», «курсисток» и дам с полей Болгарии?... Вы, «мученики свободного слова», предаетесь безобразной травле, разнузданной льготами шантажа, соглядатайства, предательства и бешеного экстаза в ожидании «реформы»! И это называется «свободой слова»!... Чисто холопский загул: сорвался и понес вовсю,— барин смотрит сквозь пальцы!... Неужели кабацкая ругань и кабацкие остроты г. Буквы и других батраков либерализма рекомендуют силу убеждения?...

Бешенство, вульгарное опьянение, дрянность, беспорядочность, не-

честность, змеиная зависть, глупость, шпионское соглядатайство, предательство, площадное дебоширство, наглое зубоскальство, безобразная тупость... Вы думаете, что остроумно шутите над «Берегом»? Вовсе нет...»

«Состоящий за обер-прокурорским столом» почерпает все свои защитительные доводы в речах Земляники, и все это — все приведенные нами выходки против либеральной печати, против молодого поколения, против курсисток — все это — результат «холодного презрения» «Берега» к его врагам. Оригинальное «презрение»!

В конце концов отметим два признания г. Цитовича. Первое: «агитация против «Берега» несомненно имела свою долю влияния на читающую публику». Второе: «Берег» может исчезнуть, может околеть...

Так и запишем, добавивши, что «Молва» ответила г. Цитовичу следующее: «Заметим, что не можем быть ни политическими друзьями, ни политическими врагами г. Цитовича. Каковы бы ни были наши взгляды и наши мнения, но мы их высказываем и поддерживаем на свой собственный риск и ответственность. Что же касается г. Цитовича, то, действуя по найму, он, по всей вероятности, и сам не знает, каких мнений и убеждений придется ему на завтрашний день быть глашатаем и представителем» [76].

Наука не по лесу ходит. Демченко прекрасно усвоил манеру лицемеров и фарисеев. Он умеет стоять ни на какой стороне и оставаться в сомнительном состоянии духа, ума, настроения, убеждений, чтобы иметь выход. И это при его отменно тугом уме дает до отвратительности пошлую *смесь*.

Должен сказать, что школа лицемерия у нас растет и развивается. Она даст со временем колоссальные плоды. Без плодов же она остаться не может. Говорят, нигилизм всему зло. Худшего нигилизма я не знаю, как нигилизма многих из нашей ученой братии. Ей он мать всех родов нигилизма и всякой разнузданности.

27 авг[уста]. Среда.

Утром явился черниговский букинист. Отправились. Нашел гораздо меньше, чем надеялся. Букинист — фантазер. Купил книг на 12 руб. Посетил меня Неводовский, товарищ по у-ту, член Черниг[овского] окр[ужного] су[да]. В два часа был у Могилянского. Вместе с ним отправился к Забугину. Не застали.

Расставшись, я зашел к Хроновскому. Он получил место помощника секретаря в палате. Говорит, моя рекомендация ему помогла. Зашел к нему с целию пристроить Якубовича к «Киевскому листку». Оказывается, что Корчак-Новицкий возвратился. Собирается быть у меня. Назначил четверг вечером. С Хроновским беседовал много о городских делах.

После обеда ходил с детьми, купил им сапоги и у Ильницкого — книги. Володя показал непослушание и грубость. Для него книг не купил.

Возвратившись, застал у себя Могилянского. Пришел, чтобы отправиться вместе к Реутскому. Просил позволить передохнуть. Пришел в это время Кониский. Предложил, чтобы я подписал, как городской житель, заявление об открытии параллельных классов в женской гимназии вместо основания прогимназии. Я сказал, что нам, гласным, подобный образ действия неудобен. Мы можем наше мнение оставить в Думе. Я не отказываюсь от этого. Разговор вообще шел о городских

делах. Вместе вышли. Мы отправились к Реутскому. У него застали члена судебной палаты Полиновского и члена окружного суда Гильденштуббе.

Беседа за стаканом чаю о разных юридических вопросах. Беседа вышла гармоническая и толковая. Мне в особенности понравился Полиновский. Он, оказывается, ученик профессора Мейера, рано умершего, высокозамечательного человека и профессора. Мейер был профессором гражданского права в Казанском у-те. Профессура его упадает на мрачные времена николаевские. И в это время он безбоязненно говорил против крепостного права, против господства произвола и бессилия закона, затрагивал деятельность 3[-го] Отделения, этого «черного кабинета».

Выходит, что Мейер был не только ученый, но и влиятельный профессор, не только отличный преподаватель тонкостей гражданского права, но и проповедник высших идей справедливости.

Возвратился домой в час ночи.

Утром сегодня Володя пришел и просил простить ему его грубость. Я без дальнейших слов сказал: «Прощаю. Иди и больше не согрешай».

Настали жары. Как-то все в природе идет шиворот-навыворот. Весна крайне поздняя. До конца марта холода. Не давали растительности средств развития. Затем настали непосредственно жары. Длились очень долго. Сушили в течение 30—45 дней плохо развившуюся растительность. Грунт не совсем благоприятный. Ко времени жатвы настали дожди, бури, холода. Все это не давало возможности вовремя убрать, вовремя собрать. Промокло. Проросло. Теперь к концу августа настали жары: в тени доходит до 25°. А между тем теперь идут озимые посевы. Урожай в одних местах средний, в других совершенно плохой. В третьих местах полный неурожай. Прибавьте сюда неурожай прошедшего года и истощение запасов. В результате уже теперь непомерная дороговизна. Неслыханное и невидимое явление: платим в Киеве 1 руб. 56—70 коп. пуд ржаной муки. Пуд печеного хлеба дошел до 1 руб. 60 коп.

Мы, получающие от государства жалованье, испытываем великое затруднение от дороговизны. Что же станется с бедным народом? В прошлом году он недоедал, скот падал. Ныне угрожает ему бесхлебица и бескормица. Падеж скота продолжается. К весне он возрастет. Беды отовсюду: от самого человека, от природы.

Где же провидение? Где отческие заботы? Да, может быть, провидение как этическое понятие и необходимо: может быть, оно спасает от полного отчаяния бедного человека. Он верит, он хочет верить. Но в действительности, в реальности его нет. Если бы оно было, не могло бы быть того, что теперь есть. Оно посылает беды за грехи? За что же карать бедного, измученного человека, только просящего и ловящего, слабого, загнанного, наследовавшего пороки от своих предков, всосавшего свои заблуждения, свои предрассудки, свои суеверия с молоком матери. Где же всемогущество? Где же спасение ради одной благости? Где же всепрощение?

Нет, человек и бедствует, и благоденствует сам про себя и сам для себя. Нет у него помощников и покровителей. Нет у него опекунов, защитников. Нет у него отца и промыслителя. Природа его враг и его друг. Он должен то с нею бороться, то ею овладеть, то, поняв ее характер, войти с нею в дружбу. Он может только надеяться сам на себя. Он должен помогать сам себе. О себе промышлять. Себя спа-

сать. Себя опекать. Ни от кого другого ждать ему помощи не приходится.

День проведен. Утром взял денег из банка. Не хватает. Зашел в управу городскую. Заплатил повинность. Просил разрешения на маленькую перестройку с целию обратить холодный коридор в теплый и устроить теплый ватерклозет: это мне, страдающему желудочными болезнями, в высокой степени необходимо. В управе ко мне придираются. Делают крючки. Не дали разрешения в той мере, в какой я просил. Стеснили. Толкуют закон беззаконно и притеснительно. Должен покориться, не желая заводить тяжбы, жаловаться и добиваться своего, с потерею времени и спокойствия.

Эйсман и его шайка меня теснит за то, что я не дую в их дудку, не ищу, не мараясь стою на своем. Пусть. Но я не устану быть собой до последнего издыхания.

Совершил некоторые покупки. Возвратился усталым. Лег отдохнуть. Дремал до обеда. После обеда написал письмо к Забеле, приготовил дела к докладу совету. Посетил Демченка для разъяснения дела Забелы, принял Ильницкого и букиниста Марченко, побывал у брата Федора, на его договоре с мастером на постройку дома, заходил в контору Скордели, чтобы потолковать о разделе между наследниками Бугаевых и совершением документа.

Совет не состоялся. Приехал один Скордели. Толковал с ним о разных нотариальных актах и сделках. Не забыл я и шевского цеха старожилых.

Утром был у меня исключенный по 1-й категории Животовский. Посоветовал ему поговорить с ректором и завтра сообщить мне о результате его переговоров.

Лег спать в 12 часов.

28 авг[уста]. Четверг.

После чаю я послал Юлия отнести письмо брату Федору. Он где-то проходил и возвратился, чтобы надеть пальто. Я вспыхнул и обозвал его «дураком» с прибавкою: «Вон». Хороший способ воспитания 8-летнего ребенка. Самодур. Раскаялся тотчас. Не справлюсь со своим дурным нравом.

Думал быть у попечителя. Болен, не принимает.

Встречал Снежко. «Что, Чертков уезжает за границу?»,— мой вопрос. «Кажется, отложил». Наверняка боится оставлять пост свой, чтобы не спустили голубчика. Господь карает Киев, оставляя на должности этого зверя, полуидиота, корыстного и жадного человека. И это называется веет другим ветром. Нет, ветер тот же. Только тише. Напускают мглу. Нет системы, и только влияние. По мнению Снежки Чертков готов подлаживаться под всякое направление, лишь бы стоять у власти, лишь бы получать большой оклад. Он необыкновенно, говорят, жаден.

Днем со мною приключился припадок. Рвота. Желудочный катар. Болезни подрывают мою энергию. Пролежал с двух часов. Федор приложил мне теплые компрессы.

Посетил черниговский букинист. Купил у него рукопись и книгу 16 столетия на польском языке.

Соболевский, ученик нашего ф-та, пришел просить рекомендации для суда. Я сказал, что отзыв мой будет касаться времени универ[си-

тетск]ого, так как мне его практическая деятельность вовсе не известна.

Вечером пришел Якубович, Хроновский и Сасько. Якубовича я свел с Хроновским, чтобы доставить ему работу в «Листке объявлений». Сасько указал университетскому библиотекарю Царевскому на Якубовича как кандидата в помощники библиотекаря. Было бы отлично, если бы это место досталось этому праздному человеку, до 45 лет не умевшему приобрести себе ремесла. С Хроновским речь шла о Цитовиче. Он чуть не поклонник его, по крайней мере, Цитович вполне в его вкусе. Все отвлеченные умы наклонны проглядывать явление у себя под носом.

29 авг[уста]. Пятница.

Сегодня мне лучше. Целый день лежа занимался. Приготовлено второе издание учебника к печати.

Был некто Кармовый за юридическим советом. Дал и адресовал его к Краинскому.

В 1 ч. приехал отец Лебединцев. Приятно было его видеть. Выслушал рассказ о его путешествии из Карлсбада. Он посетил: Дрезден, Берлин и чрез Бреслав Краков, Львов, возвратился в Киев, завернув предварительно в Почаевскую лавру.

Получил конфиденциальное отношение от Сабурова. Просит сообщить ему мои сведения о Соболевском, воспитаннике нашего ф-та. Этот молодой человек вчера был у меня и просил, чтобы я посвидетельствовал о нем не только как бывшем воспитаннике, но и как деятеле адвокатуры. В этом последнем отношении я вовсе его не знаю. И потому я ему наотрез отказал свидетельствовать о его практической деятельности, обещав дать отзыв о его студенчестве.

Вечером зашел Квачевский. С адвокатского обеда. Милый самохвал. Истинный русский присяжный поверенный. Либерален достаточно, но честен в меньшей степени.

Горя эти дни нездоров. Ему теперь, слава Богу, стало лучше.

Говорят о предстоящих сенаторских ревизиях. Некоторые готовы связывать их с предстоящею будто бы дачею конституции. Не преждевременно ли? Как давать такому обществу, которое на всех языках молчит, бо благоденствует. Если дадут конституцию, то Россия обязана будет за нее благодарностию *радикалам*. А нынешние душители, мракобесы, лицемеры и фарисеи станут ее уподоблять себе. То-то будет стряпня. То-то начнется душепродавчество, нюхательство, приспособление и оппортунизм. Сам ректор Феофилактов сделается конституционалистом, также виляющим и нюхающим, как и всегда, также жопу лижущим всякой силе. А Николай Христианович? О, этот с Юзефовичем и Пихном будет насаждать древо свободы, а для устройства годичного праздника в честь конституции пригласит Всеволода Аврамовича Рубинштейна, всосавшего всю мудрость века сего, века банков и наживы, усвоившего особенную манеру обращения с людьми, находящуюся в прямом отношении с карманом каждого. Ведь и на это необходима смекалка, в особенности, если принять во внимание, что в 1870 г. он был большой приверженец Парижской Коммуны.

30 авг[уста]. Суббота.

Природу гони в дверь, а она влезет в окно, гони в окно, а она проникнет в трубу. Сидят, говорю, два либерала довольно радикального пошиба: А. И. Сасько и С. П. Якубович. При словах *народ, благонародное* они приходят в возбужденное состояние. Правительству достается изрядно. Кровопийцам народным тоже. Но вот один из них рекомендует другому занять должность: все силы своего ума напрягает, чтобы доказать, что должность очень приятная и выгодная; главный аргумент: 600 руб. жалованья и ничего не делать. Последнюю тему: *должность, дозволяющая ничего не делать,*— друг развивает с каким-то наслаждением, удовольствием и убеждением, что ничего лучше быть не может. Эта сцена сначала меня рассердила; я был в желчном расположении духа. И сказал Якубовичу: «Не верь словам А[лександра] И[вановича]: должность, как должность государственная, требует добросовестного исполнения своей обязанности. Она требует усидчивости, постоянства и аккуратности».

Потом я в душе и наяву расхохотался по поводу этой сцены. Два современных радикала, или либерала, предвкушающие удовольствие занять должность, которая дозволяет ничего не делать, суть истинные по натуре, милые дворяне, и притом малороссийские. По убеждениям, они большие демократы. По натуре они дворяне, в коих гербе стоит надпись: par niente [77]. Тонкая кожица демократическая. Поскребите немножечко — и вы откроете дворянина со всеми его принадлежностями. Это я им по-приятельски высказал. Не смеха ради. Шутка была только формой.

Только что получил известие от Ефименка, что малороссийский архив Черниговский уже доставлен в Харьковский у-т. Истинно приятное известие. Наконец драгоценные документы нашли надежное пристанище.

Посетил Котляревского. Беседовал о содействии Якубовичу получить место в библиотеке. Обещал. При речи о Якубовиче г-жа Котляревская покачала головой. Это качание она объяснила тем, что Якубович подозревался в Москве в связи с «черным кабинетом». Всех взяли и закатили тех, с которыми он был знаком, к которым он был вхож. А он остался цел и невредим. Я сказал, что Якубович так пуст и поверхностен, так фланирует по вершкам разных либерализмов и направлений, что 3-е Отделение считало излишним принимать против него какие-либо меры.

Этот разговор напомнил мне другие времена: 1863 г., когда Якубович, еще тогда молодой человек, своим легкомысленным поведением навлек на себя подозрение, что он агент «черного кабинета». Он, чуждый петербургскому студенчеству, до тех пор совался везде незваный, пока не стали на него смотреть как на шпиона. Эту участь разделял с ним его двоюродный брат: И. П. Новицкий, ныне составляющий кухонную книгу. В то время мне пришлось обоих их защищать и отстаивать. О Новицком, когда он уехал за границу, было напечатано, что он шпион и чтобы русские его остерегались, в одном из заграничных русс[ких] изданий. По сему поводу мне пришлось объясняться по поручению Новицкого с Семевским, нынешним редактором «Русской старины».

Котляревский показывал мне дневник Бодянского. Весьма инте-

ресное произведение. Жаль, что короткое время обнимет: с 1852 по 1857 г. Думает издать с примечаниями своими.

Тогда вспомнил я и про мою летопись. И подумал: настанет, вероятно, время, когда и моим дневником займется *кто-нибудь из книжников и фарисеев,* хотя и нежелательно было, чтобы он попал в их руки. Пусть сердце доброе, ум светлый, живой и обширный, нрав простой, а не фарисейский, здравый смысл, а не отупевшая ученость будут заботиться о моей летописи.

Мы всегда представляем себе людей или в идеальном свете, или в темном, мрачном, адском.

В дневнике Бодянского я набрел на такое сведение: Бодянский в 1854 г. отдает визит М. В. Юзефовичу, проезжавшему чрез Москву и его посетившему. В числе посетителей, позже его пришедших, поименован *Грановский.* Грановский и Юзефович. Как возможно встречать два эти имени в таком согласии? «Как возможно?» — ответил Котляревский. Да, он помнит, когда Грановский давал торжественный обед проезжавшему чрез Москву Юзефовичу. Я подумал: хорошо случилось для славы Грановского, что он сошел рано, или своевременно, в могилу. Мы, может быть, всегда и лучше и хуже представляем себе людей. Грановский дает обед Юзефовичу, имя которого уже тогда было запятнано предательством и доносом. Юзефович не так гнусен и грязен сам по себе, как он грязен и гнусен потому, что он есть соль русской земли. В самом деле, с какой стати ему быть лучшим и более нравственным, если его такие люди, как Грановский, о нравственной чистоте которого нам уши прожужжали, его хвалители и панигиристы, встречают как дорогого гостя. Иное было бы даже странно. Юзефовича сопровождал П. В. Павлов: это свой философ при самодуре администраторе. Право, Павлову и следовало бы раз навсегда оставаться философом, состоящим при господах, подобных Юзефовичу. Нужно же было раз изменить ему программу и вот попал впросак. Он и назад, но уже ему там не верят. А на сем береге тоже его раскусили.

Посетил меня Т. Л. Рафальский. Кандидат нашего ф-та. Год тому назад как кончил.

Получена телеграмма, что В. И. Антонович приезжает сегодня из Парижа.

Рафальский говорит, что Чертков уехал для обозрения генерал-губернаторства и Киевского военного округа. Сам составил инструкцию, в которой до мельчайших подробностей означил, как, кто и где должен его встречать и провожать, должен ли исправник ехать спереди или сзади. Рафальский выразился: «Инструкция сатрапа». Я сказал: «Чертков есть опровержение программы Лорис-Меликова. Если правительство хочет произвесть перемены существенные, если оно желает искренно их произвесть, а не туман пускать, оно должно убрать Черткова с Киевского генерал-губернаторства».

Вместе с ним должен быть сдан в кунсткамеру генерал-майор Слуцкий, человек с тыквой вместо головы, а Стрельников должен быть взят также и посажен в комиссию, которой следует поручить изыскание способов обеспечить оставшихся в России палачей, во главе которых он заслуживает стоять до конца дней своих.

Вот уже несколько месяцев твердят и твердят в обществе о последних минутах пребывания в Одессе Тотлебена. Как глупая башка, дальше своего носа ничего не видевшая, как жестоковидный немец,

дышащий ненавистию к русскому народу, он избрал себе в помощники одного из замечальных душителей некоего тайного совет[ника] Панютина, первого воспитанника и лучшего ученика Муравьева-вешателя. С соизволения Тотлебена Панютин неистовствовал в Одессе, как в завоеванной стране. Но вот повеяло другим духом. Тотлебен разнюхал. Не то чтобы раскаялся, а, жадный к власти и всяким ее благам, он убоялся за будущее, увидевши, что одесское общество платит ему за его душительство но крайней мере холодностию. Чтобы себя реставрировать, он публично, на вокзале, стал будто бы упрекать Панютина за то, что он своею деятельностию уронил его в глазах общества. Немецкая хитрость. Думающий этою легендою поправить свою репутацию. Легенда ли это, изобретенная прихвостнями Тотлебена и им самим, или это быль, все единственно, она в одинаковой степени ни на волос не должна изменить позорной репутации этого Скалозуба. С Панютиным был в последнее время, после возникновения своей пресловутости, в интимных отношениях Цитович.

Посетил меня, Белогриц-Котляревский после приезда из деревни. Цитович в сношениях с Панютиным! Экая невидаль. Ученость так падка на мракобесие. Наш ученый Владимирский-Буданов всегда отзывается о Муравьеве-вешателе почти с благовением. А что ж и в самом деле? Может быть, это и герои в известную эпоху. То ведь самая чистая наука, которая тайно или явно сочувствует душительству и власти, хотя бы она была власть самого Наполеона III. Ведь наука и должна выражаться в безразличии к идеям века, кроме одной симпатии к власть имеющим. А что ж, по-вашему, наука в либерализме или в радикализме? Тот истинный ученый, кто либерал. Тот глупец и неуч, кто консерватор. Нет, сто раз нет. А только желательно, чтобы ученые из-за низких расчетов своего комфорта не превращались в книжников и фарисеев и чтобы они имели ум здравый и сердце чистое, не одебелевшее и не ожиревшее в бесчувствии к общественному добру.

Сведения Белогриц-Котляревского о распространении в обществе конституционных идей: на железных дорогах нередко открыто иной пассажир высказывает свои мысли в этом роде.

31 авг[уста]. Воскресенье.

Вчера в 9 часов приехала В. И. Антонович. Мельком сообщила, что была в Женеве. В обществе ходят разные сказания о В. Б. Антоновиче. Он уехал за границу. Теперь ходят разнообразные слухи: то, что он выслан; что он принужден был уехать; то, что ему, выехавшему по воле, теперь запрещен въезд в Отечество; то, наконец, что он сам сделался и сделается эмигрантом.

Дело же было так: давно, гораздо раньше предложения Черткова о том, что ему нельзя оставаться в Киеве, когда о сем предложении не было и речи, когда еще и Черткова не было, Антонович предположил именно в текущем году отправиться за границу по общему обычаю, в силу которого каждый из нас имеет право год провести за границею. Как вдруг, к тому времени, как он хотел осуществить свое намерение, последовало предложение Черткова. Тогда он просил бывшего попечителя Антоновича, чтобы он спросил Черткова: не будет ли он против его поездки за границу и не дозволит ли ему оставаться status

quo в течение этого времени, чтобы иметь возможность отыскать место. Наша высокопревосходительная Держиморда на это изъявила согласие. У Антоновича же задняя мысль, высокозаконная и справедливая, такая: уеду с глаз соглядатаев, с глаз Черткова; в течение года или полтора много воды утечет, много перемен последует; может быть, нечистая уберет нашего Держиморду, тогда предложение его потеряет само свою силу. Теперь, когда он уехал, и он сам и его друзья поддерживают легенду, что его принудили уехать. Это для увеличения популярности — клад. Отчего и не воспользоваться? В политике и славе есть ли мораль?

Интересно знать было бы, как ты, пишущий эти строки, и склонный мораль читать другим, поступил бы в этом случае. Не покривил ли бы ты тоже душой? Или остался при честном пути? Вот вопрос. Такова ведь политика наших врагов и наших друзей. Я должен, впрочем, заметить, что никто из ныне живущих в России украинофилов не может сравняться с В. Б. Антоновичем в искусстве политически вести себя. В то время, когда другие кипятятся, он молчит. В то время, когда другие вламываются в амбицию и самолюбие, он этого чортика, очень сильного у него, очень глубоко прячет. В то время, как другие теряют своею откровенностию, открытостию и прямотой, он приобретает своим видимым безразличием. В то время, когда другие свое честолюбие и свое славолюбие стараются поставить рубом и завоевать для него территорию в открытом бою, Антонович старается для него, а оно у него чрезвычайно велико — делать победы другим способом, прозорливым предвидением будущего и спокойным употреблением существующих материалов в свою пользу. Он — воспитанник другой школы, а не школы малороссийской. Когда-то, в начале шестидесятых годов, он назвал, и метко, левобережных украинофилов *лирниками.* Да, в Антоновиче нуль лиризма. Однако ж стойкость его замечательная.

Для меня высокоинтересно будет наблюдать, как он поставит себя при конституции. Он будет играть при ней роль — это не подлежит сомнению. Я буду его естествоиспытателем. Причем я искренно желал бы быть в отношении к нему беспристрастным. Этому есть, однако ж, три затруднения: во-первых, я больше *лирник,* чем эпик, я больше наивен, чем себе на уме, я больше искренен и откровенен, чем скрытен и коварен, словом, я составлю значительную противоположность с Антоновичем; во-вторых, в душе моей есть язва, не знаю, насколько она неисцелима, язва зависти, которую я приобрел в бурсе и которая — источник моих душевных страданий и моих ошибок, а может быть, и окрашивание иногда моих мыслей. В-третьих, наконец, я по натуре как будто радикальнее Антоновича, но по взглядам на малороссийское дело он далеко меня радикальнее, что будет всегда окрашивать мои взгляды и мою оценку. Во всяком случае, зная себя, зная, откуда ветер у меня веет, я буду всегда осторожен как к себе, так и к тем суждениям и наблюдениям, которые я буду из себя производить об Антоновиче. Ведь я веду дневник не для моих современников, а для отдаленного потомства, поэтому я, не имеющий интереса для данной минуты, хотел бы очень быть пред ним правдивым не только в отношении к другим, *но и себя.*

О г-же Антонович. О происхождении богатства по святому Иерониму. О подчитывании писем коронованными особами.

31 авг[уста]. Воскресенье.

День проведен. Работал над учебником. Сделал визит Лебединцеву.

Свадьба сегодня дворника Григория: я благословил его как посаженный отец и затем был на раздаче коровая. Благословлял иконою в 3 руб. и дал 5 руб. на коровай.

Было заседание комитета исправительных приютов. Ко мне зашла Бабикова, секретарь. Сообщила сведения об окончании продажи ею земли крестьянам. Она прежде со мною советовалась. Я порадовался сей сделке. Пан продал землю не жиду, а крестьянам. Если бы примеру Бабиковой следовали все. Земли продает около 700 дес. за 25 000 руб. 8000 руб. они уплатили, 12 тыс. руб. остались ей должны, а 5 тыс. руб. должны уплатить банку.

Вечером посетили Варвара Ив[ановна] Антонович, О. И. Левицкий и Астафьев. Антонович передала некоторые сведения о Драгомановых, которых она посетила в Женеве. О. И. Левицкий сообщил мне о рукописи Литовского статута, им отысканной в одном местечке Гадячского уезда Полтавской губ. Завтра пойду пересмотреть.

Астафьев, ищущий приват-доцентуры в нашем ф-те, сообщил, что он, живя в Каменец-Подольске, подпал под подозрение в социализме, будучи совершенно к ему непричастен. Я ему верю, что он, как истый схоластик-философ, не может быть повинен социализму. Как истинный поп бывает совершенно чужд учению Христа, так и цеховой философ должен быть чужд духа жизни. Он за метафизическими мечтаниями должен просмотреть все живое, все движущееся, все прогрессивное. И тем не менее, несмотря на то, что он невиннее грудного младенца в отношении социализма, он подвергся обыскам, полицейским надзорам, попал в неблагонамеренные по поводу социализма.

Были друзья А. И. Сасько и С. П. Якубович.

Цитовича преследуют по пятам. Тихонравов, ректор Московского у-та, очень в резкой форме уличает его в «Русском курьере» во лжи его заявлений и жалоб по поводу непринятия в у-т семинаристов.

1 сентября. Понедельник.

В 9 был в у-те. Хотел переговорить с ректором об отпуске денег на поездку Белогриц-Котляревского. Не застал. Встретил на пути. Просил. Обещает, если не соврет. Была бы измена после всех его уверений, длящихся многие месяцы.

Зашел к попечителю. Опять не принимает. А мне нужно просить его за Данкена и Клименка. Если бы дело шло о мне самом, в особенности же об исполнении толстовского предписания об обязанности после отпуска являться к попечителю,— много бы прошло времени. И так уже много.

Никто, ни даже учитель своему ученику, не дает столько наставлений и нотаций, как я самому себе. Это черта моего характера, выражающаяся наклонностию давать и наставления другим. Саша вечно этим недовольна. И вечно протестует, не имея ни терпения, ни характера побеседовать толково на тему моих замечаний. И вот протестантизм привился и детям. На самое справедливое замечание они начинают оправдываться. Причем без адвокатских уловок, натяжек и иног-

да и без лжи не обходится. Это меня сердит и выводит из нормального состояния, что, конечно, и не педагогично, и не тактично. Во мне живут два человека: один действующий и живущий, другой наблюдающий и резонирующий. Они находятся не всегда в ладах. Наблюдающий и резонирующий постоянно остается недоволен действующим и не утомляется делать ему замечания и нотации. Действующий и живущий ощущает чувство болезненности и страдания и старается подчиняться и исправиться, но не всегда его старания увенчиваются успехом. Работа вечно идет в сем направлении. Я ныне стараюсь достигнуть, чтобы быть довольным собою и своим положением и чтобы не возмущаться и не раздражаться ни людскими несправедливостями, ни моими неудачами, ни мелкими несовершенствами и недостатками своими, своих семейных и домашних. Недовольство собой есть рак моей души. Я должен от него вылечиться, чтобы выйти из этого тяжкого положения. Источник моего недовольства — неудовлетворенное самолюбие, честолюбие. К сему следует присоединить расположенность к раздражительности, которая, накопляясь по частям, в виде осадка является таким душевным состоянием, в каком я находился перед последней поездкой за границу.

Был у Скордели. Беседовал по делу брата.

Встретил, возвращаясь, гласного Ильинского. Он говорит, что в канцелярии генерал-губернатора получен указ о том, что 3-е отделение остается неизменным. Путаница некоторая, на дне которой правда. Дело в том, что, по точным сведениям, преобразованное 3-е отд[еление] в д[епартамен]т государственной канцелярии функционирует по тем же привычкам и тем обрядам и предметам, как и 3-е отделение. Изменено только название, а сущность его осталась та же. Да иначе и быть не может. Абсолютизм без 3-го отделения жить не может. Недоверие, соглядатайство, шпионство и дух подозрительности — его спутники.

Встретил ректора Феофилактова. Он сказал, что для Белогриц-Котляревского деньги отысканы. Ну и слава Богу. На вопрос мой, что он сделал с прошениями исключенных в 1878 г. по третьей категории, он сказал: «8 прошений отослал уже к попечителю с ходатайством». Ну давно бы так. И прекрасно. Феофилактов в заключение сказал: «Прошу верить, что я друг студентов, и прошу доверять мне. Вы, кажется, во мне сомневаетесь». Я ему ответил: «Очень рад слышать это от Вас. Студентам не следует льстить, но быть к ним снисходительным и поступать с ними по-отечески». С этим он расстался. Очевидно, Феофилактов лавирует. Он побаивается партии наших душителей и в угоду им виляет или хочет показать, что он на их стороне. Отсюда отсутствие прямоты и искренности. Отсюда недоумения.

Посетили нас бедная вдовица Турович, Орфанова, молодой Ге и Якубович. Бедная Орфанова бьется как рыба об лед; дети ее и зятья вышли какими-то неудачниками. Таков сын. Таков ее зять Мамышев. А зять ее, пресловутый Незнакомец, колоссальный эгоист, который не хочет помочь своим родным доставлением работы, на что он имеет все средства. Это я ей высказал.

Заходил Демченко. Деловые разговоры.

2 сентября. Вторник.

Встретил я в одной статье «Вест[ника] Европы» следующий афоризм св. Иеронима: Omnis dives aut iniquus, aut haeres iniqui. Всякий богатый человек или сам нечестивец, или наследник нечестивца.

На эту тему сказал некогда проповедь *Бурдалу,* красноречивый проповедник XVII стол[етия]. Он доказывал, *что в корне всех богатств лежит несправедливость.* Qui festinat ditari, monerit innoceus [78]. Может быть, эти афоризмы прошли бы мимо моих глаз, если бы издавна темою моих размышлений, умственных, неписанных, не было следующее положение: важно было бы для прогресса изучение позитивной экономии и юриспруденции исследовать исторически, документально, без фраз; какими способами наживаемы и приобретаемы были в разные периоды различные виды недвижимой и движимой собственности. Эти мысли приходили мне в голову по поводу взяточничества и лихоимства, идущего чрез всю историю жизни русского народа. Итак, проследить влияние завоеваний и правит[ельственных] грабежей, разбойничества средневековых рыцарей и наших дворян, взяточничества и казнокрадства, расточения и раздачи государственных земель, составляющих достояние народа, любимцам, любовникам, любовницам и всяким дворским интриганам, откупов, разных привилегий, современных нам концессий было бы в высокой степени интересно и важно для развития позитивных познаний. Тогда бы социализм, который теперь ограничивается одними печалованиями и иеремиадами лирическими, ораторскими, имел бы в своих руках документальные явления. Я не сомневаюсь в том, что пора разработки этих вопросов по документальным данным настанет.

Мне мысли эти приходили и приходят в голову по поводу трактатов и статей гражданского права. Там толкуется о законных способах приобретения собственности. Но это такие формальные способы приобретения собственности, которые не имеют ничего общего с содержанием этой собственности. Нажито ли состояние чиновническим грабежом и обирательством бедного населения или оно приобретено бандитом, содержателем публичного дома, ни закон, ни нотариальное учреждение, ни само гражданское право, как и наука, этим не занимается. Они утвердят за таким лицом его собственность и скажут тем, которые укажут на такой источник богатства: оставьте нас в покое, какое нам до того дело. Горячитесь сколько хотите: это ваше дело, дело дон-кихотов. А мы люди спокойные, благонамеренные, пустяками не занимаемся.

Мы привыкли считать святых иеронимов только благочестивыми, принимая это слово в смысле подвижничества. Оказывается, что мнение их современников о их святости могло основываться и на чем-то другом. Да и слова *Бурдалу,* выходит, сплетены не из одного формального, пустого красноречия. Если бы Иероним и Бурдалу жили в наше время и вздумали бы проповедывать такие идеи, давно бы они сидели или в Соловецком, или Спасо-Ефимиевском монастыре. Наши архиереи по строю своих мыслей, своей морали, поведению, политике и отношению к явлениям общественной жизни суть родные братья тех архиереев и первосвященников, которые распяли Христа; я не сомневаюсь, что живи в наше время Анна и Каиафа и будь они духовными православного исповедания, они бы занимали архиепископские и митрополичьи места.

3 сентября. Среда.

Вчера посетил [и] меня Животовский, студент, исключенный по 1-й категории в 1878 г., Кислицкий, вольнослушатель, Мачинский, с которым я познакомился на железной дороге, возвращаясь из Карлсбада, и доктор прав Лохвицкий. Мачинского и Лохвицкого, возвращающегося из Карлсбада в Москву, я просил пожаловать вечером побеседовать со своею дочерью. После обеда я вздумал погулять; вышел из двора и пошел вниз по улице в намерении зайти к другу, у которого не был по приезде.

Встретил сначала Моркотуна, столоначальника канцелярий генерал-губернатора, который сообщил мне, что по их канцелярии идет та же самая переписка по 3-му отделению в духе 3-го отделения, как и в прежнее время шла, когда 3-е отделение существовало под своим собственным именем, а не под именем д [епартамен] та госуд [арственной] полиции М [инистерств] а вн [утренних] дел.

А потом встретил Якубовича, который шел ко мне. С ним я и возвратился домой. Только что на пороге Саша мне и говорит: «Богдан стрелял вместе с Гришею Демченком из самодельного лука и себя ранил в глаз так, что, может быть, лишится глаза. Брат Василий поехал с ним к Мандельштаму». Это известие тяжело меня поразило. Саша убита и плачет. С нетерпением и страхом, и надеждою ждали возвращения брата Василия с Богданом.

Во время этих ожиданий приехал Лохвицкий с дочерью. Хотя и приглашенный гость, но не в пору. Мы были не в своей тарелке. Не по себе. Лохвицкий хотел уехать, но я упросил остаться. Скоро возвратился Василий с Богданом и объявил, что по исследованию Мандельштама не оказалось никакого опасного повреждения. Вечер, однако ж, был испорчен. Однако ж Лохвицкий, Мачинский, Якубович и А. И. Сасько просидели до 10 ч.

Сегодня утром Саша сама ездила с Богданом к Мандельштаму. Он вторично исследовал и заверил, что опасность не угрожает, но лечение продолжится три-четыре дня. Богдан [имеет] на глазе повязку.

Я, кажется, сыграл роль вороны, по крайней мере, в душе. Под 21 августа я сделал выписку из письма Мачинского. Он мне там расточает похвалы. Не без умысла. В это свидание он стал говорить о своем желании оставить службу в персидском посольстве и отыскать себе место на родине. Он рассчитывает, кажется, на меня, думает, что я могу доставить ему рекомендацию. Отсюда похвалы и лесть. А я и развесил уши, подумав, что молодой человек без задней мысли мне пишет любезности, а они-то вызваны его собственным интересом.

4 сент [ября]. Четверг.

Вчера в совет администр [аций] не явились Борсуков и Мич. Последний уже второй раз; або эти дельца, служители бога Меркурия, покровители дельцов, воров и плутов. Мич нарочито коварен. Он, наверняка, можно сказать, строит какие-нибудь ковы. Интриган первостепенный. Скордели, как внешне порядочный человек, исполняет свою должность. Он показывает вид смиренного и расположенного человека. Он также ненадежен. Он с удовольствием соединится против меня с кем угодно — это ясно. Конечно, если ему выгодно будет быть в союзе со мной, он останется. В противном же случае корысть подвигнет его на измену. А я с ним наивен — вот факт.

Богдану сегодня хуже. В глазу оказалось более крови, чем вчера, и он хуже видит. Мандельштам сегодня опять его исследовал. Удивился новому наполнению глаза кровию, но уверяет, что он опасности не усматривает. По его исследованию, все части глаза, посредством которых совершается процесс зрения, остались без повреждения. Завтра утром я поеду вместе с Сашей и Богданом к Мандельштаму.

Была у нас К. И. Чубинская. По сведениям, ею сообщенным, Пав[лу] П[латоновичу] Чубинскому лучше, но только в физическом отношении. Явился аппетит. Он поправляется в конструкции. Лучше движется. Искуснее ест. Моральная жизнь его, кажется, так же слаба, как и была. Если он не может управлять своими физическими отправлениями, то это плохой признак. Все беда и везде беда.

Посетил кандидат прав Гейман, из евреев. Мне не нравится его нахальная манера. Не еврей, а жид как есть.

В 2 ч. явился Н. В. Реутский. Беседовали о том, о сем. Просил написать письмо А. Е. Полонскому, обер-секретарю Синода, в защиту Чикилевского, священника того села, где есть маленький кусок земли у Реутского. Его неправильно обвинили в каких-то продерзостях. Как не написать? Ведь я с Ерофеем Чикилевским хлебал борщ и ел кашу из одной миски.

Был сегодня у попечителя. Благодарил его за удовлетворение моего ходатайства о Мацкевиче, университетском товарище. Сказал: «Тут были за ним грешки», разумея один дебош, который выкинул лет 17 тому назад дяденька Мацак. Будучи под хмельком, он начал на пароходе доказывать, что Христос был обыкновенный человек, а отнюдь не Бог. О распространении им такой истины, хотя, может быть, при обстоятельствах, не рекомендующих нашего педагога, было донесено начальству. Лютеранин Витте, бывший попечитель, чиновник до мозга костей, его прогнал из учебного ведомства. На речь о грешках Мацкевича я заметил: «Но это грешок давно травою порос». Я просил попечителя за Данкена, товарища по службе — наказанию моему в Козелецком уездном училище.

Друг сообщил, что профессор гигиены *Субботин* в настоящее время к прежней отрасли промышленности — выделке кирпича — присоединил новую: продажу дров в больших размерах. Он хотел явиться поставщиком дров в у-т, для чего сделал предложение, что он поставит таковых по рублю ниже подрядчика. Говорят, что правление не согласилось на том основании, что подрядчик внес залог, а милый профессор предложил без залога. Слава Богу, достало совести. Один Эргардт, этот мишурис и фактор по натуре, распинался. Мало-помалу развивается деятельность Субботина, только неученая. Субботин — детище Н. Х. Бунге. Он воспитывался в его доме. Он получил профессуру благодаря ему. В городе и между студентами сложилось мнение, что он натуральный сын пресловутого Николая Христиановича. Я думаю, что он его сын, но не натуральный, а духовный, как Ренненкампф, Сидоренко, Пихно, Рубинштейн и другие им подобные дельцы.

Посетил[и] меня Хроновский, Корчак-Новицкий, Белогриц-Котляревский и др. С Корчаком-Новицким беседовал о печатании моего учебника. Котляревский прочитал мне предисловие к своему сочине-

нию. Сделал ему необходимые указания для исправлений. Он хотел в конце упомянуть обо мне, как его руководителе. Я отклонил это, для избежания всяких кривотолков. Он находится со мною и в официальных отношениях, как стипендиат. Неловко раскланиваться со своим руководителем. Был у Вари Кистяковской, чтобы поговорить насчет устройства их дел.

Утром был Кислицкий, совершенный младенец или, по крайней мере, красная девица. Гарнич-Гарницкий их всех напугал. Юноша пришел спрашивать, допустил ли его на свои лекции сей профессор. Профессора превратились в полицейских, у которых нужно ходатайствовать, чтобы они не глотали и не теснили юношества.

Посланы письма Данкену, Лукьяновичу, Анциферову и брату Федору.

5 сентября. Пятница.

Был у Мандельштама. Исследование дало более благоприятные результаты: оказалось, что Богдан лучше видит и что всасывание идет вперед. Он опять успокоил нас тем, что по ныне существующим в глазу явлениям нет признаков повреждения органов процесса зрения. Дух наш поднялся, мы значительно успокоились.

Соображения насчет практической и теоретической карьеры, по поводу услуг Мандельштама.

Вчера обедал у нас Мачинский. Теперь еще более выяснилось, что он заинтересован иметь мое благорасположение, чтобы получить мое содействие его перемещению на службу. Он, впрочем, порядочный и приличный молодой человек. Я дал ему совет и обещал содействовать, сколько могу.

6 сент[ября]. Суббота.

Текущая неделя поглощена была работою: приготовлением речи к заседанию и приготовлялся к диспуту. Речь произнес в Юридическом обществе сегодня. Диспут будет завтра.

Посетили меня Джалалов, кандидат, два студента, Якубович и Кулишер. Кулишер сделал предложение об участии в газете. Отклонил. Подробности потом.

В «Киевском листке» по поводу сенаторской ревизии упомянуто мое имя. Мои враги сделают из этого мерзкие выводы и кривотолки. Хотя ни сном, ни духом не причастен к этому упоминанию. Подробности потом.

Возвратился из заседания Киевского юридического общества в 10 часов. Заседание было не особенно многолюдное: 20 чел[овек] членов и 20 посторонних.

7 сентября. Воскресенье.

В № 72 «Киевского листка», вчера явившегося, напечатана передовая статья о сенаторских ревизиях. Кто ее написал — я не знаю. Подписана она начальными буквами: В. М. В этой статье вот что, между прочим, сказано: «Что касается до нашего края, то немалую услугу делу ревизии могут оказать некоторые из профессоров у-та Св. Влади-

мира, как, напр[имер]: *А. Ф. Кистяковский*, хорошо знакомый и с историей края, а главное, с обычаями и характером населяющего его края».

Это мнение, вероятно, вызывает тайные и явные кривотолки моих недоброжелателей. Конечно, оно приятно для моей самости, но я бы не дал на обнародование его своего согласия, если бы меня спросили, можно ли ее напечатать.

Вчера посетил меня Кулишер, петербургский литератор из евреев. Он был сотрудником покойной «Русской правды», газеты с честным направлением, и журнала «Слова». Весной он был у меня и взял с десяток книг; это было первое мое знакомство с ним. Ныне он явился с предложением о том, чтобы я принял участие в газете, которая готова была бы народиться. Деньги 15 тыс. руб. дает Бродский.

Душою и действительным редактором готов быть Кулишер. В товарищи он приглашает Протопопова, аноним Горшков, печатавшего свои фельетоны в «Русской правде». Я должен был бы быть моральною, умственною и общественною фирмою, под которой бы издавалась газета и под знаменем которой она должна бы выступить в свет.

Я с первого же момента отказался, сказав, что я не могу взять на себя этой роли. Номинальным участником я быть не хочу. Деятельным участником быть я не могу, потому что такое участие заест все время, которое должно быть посвящено науке. Я буду рад, если он сам, Кулишер, возьмется за издание газеты, оказывать его изданию всевозможную поддержку, насколько я буду в состоянии. Готов буду быть непосредственным сотрудником. Могу поместить ряд статей по важнейшим вопросам общественным. Но я хочу стоять в свободных отношениях к газете. Таковы мысли, высказанные мною Кулишеру. Таковы они и на самом деле. Они безотносительны к Кулишеру. Но есть еще и специальные причины, которые не могут допустить меня до сотоварищества с Кулишером. Деньги идут от Бродского; я не хочу поступить у наймы к жидам. Кулишер говорит, что собственником газеты был бы он. Значит, мое имя было бы взято напрокат. Слуга покорный, я такой роли играть не хочу и не могу. Если бы я был хозяином, а Кулишер ко мне пристал, это дело другое. Я могу быть только номером 1-м в этом деле или же свободным сотрудником, но не каким-то сомнительным компаньоном. Этих мыслей я не считал нужным Кулишеру высказывать.

Эти два дня, суббота, вчера, и воскресенье, сегодня, были днями напряженной работы.

Вчера я читал в первом собрании Юридического общества речь *«О значении юридических обществ в правовой жизни нашего отечества и об отношении их к судебной реформе»*. Сегодня я был главным оппонентом Д. Г. Тальбергу. Тальберг на диспуте оказался тем же поверхностным умом, склонным к плутовским передержкам в науке, каким я его и прежде считал. Таким он был, таким он останется до гробовой доски.

За исключением Незабитовского, который, однако ж, признался мне, что он прочитал только конец диссертации, хотя был официальным оппонентом, остальные члены факультета: декан, Демченко, Ренненкампф, Сидоренко и Пихно — совершенно относились безучастно к диссертации. Раз, что они не читали диссерт[ации], в другой раз — Тальберг одного поля ягода с Ренненкампфом и Пихном, одна, так сказать, шайка. Было чтение в ф-те моей рецензии, был диспут, хотя бы

один из них проронил слово или какое-либо мнение о сем произведении. Как будто дело не их касается. И это называется ученая корпорация, и это люди науки. Да это школа приснопамятного Николая Хр[истиановича] Бунге. Туда же ныне принадлежит и Демченко. Митюков не явился: он ныне почивает на лаврах управляющего банком. Ученых он не имеет, но желал бы иметь. Это он выражает тем, что не может органически сносить тех, которые работают для науки.

Славатинский, милый профессор государственного права, этот до сих пор не возвратился из своего «mon repos» [79] Жерновки, где он проводит в созерцательном бездействии, качаясь из дня в день на удобной качалке целые май, июнь, июль, август и половину сентября, не ударивши палец о палец. Он же ненавидит Тальберга не по разуму; он не раз являлся моим советником, скажу, подстрекателем к тому, чтобы я Тальберга то отчислил, то затруднял. А, между тем, когда пришлось до серьезного дела, он отсутствовал. Он ушел с экзамена Тальберга, в самом его начале, чтобы спешить в свое Монрепо. Он сидел в Жерновке, когда было заседание факультета, в котором я читал свою рецензию на сочинение Тальберга; он остался кейфировать в своей Жерновке, когда я диспутировал с Тальбергом. В Жерновке он сидит безвыездно, тогда как с 1 сентября все уже на местах и принялись за дело.

Да, это пустой, ничтожный, недобросовестный, беспринципный, мелкий, мизерный человек. Это *«Сквозной Ветерок»,* как его называют. Это умственно-нравственная шлюха, тряпка, мизерия, нравственная марионетка, способная настраиваться на какие угодно лады. Зиму он все вечера посвящает карточной угре. Лето целиком, и дни и вечера, уходит у него на полное far niente, если не считать того, что он слегка культивирует свою Жерновку.

Бедный я. Кем я окружен? Кто мои товарищи? Одни тупицы. Другие дельцы. Иные вечно умывающие руки и симпатизирующие тем и другим. Четвертые пустейшие, негоднейшие, мизернейшие субъекты. Вероятно, мне так и на роду написано. Но я не устану жить, чтобы работать, чувствовать и страдать.

Был Мачинский. Поиски за местом пока не увенчались успехом. Дал ему карточку к Чубинскому. Право, я наивный человек: я распинаюсь за Мачинского, обещаю поговорить за него и с тем, и с другим. Почему? Потому что он кажется мне порядочным человеком. Но ведь я с ним познакомился на железной дороге. Он кажется порядочным человеком. А что, если он прикидывается таковым? Ведь в наше время это искусство доведено до высокой степени совершенства. Хитрость и коварство развиты в обществе, только не ум, не честь, не образование. Он говорит мне в тон, это мне нравится. Он стоит за честность, это меня пленяет. Но значит ли это что-нибудь? Вот до чего дожил: сначала верую, а потом сомневаюсь. Видно, не раз обжигался.

Был у Мищенковых, не застал.

Возвращаясь, встретил Назимова, бывшего стипендиата по государственному праву. Проболтал с ним, сидя на лавочке у дверей моего дома с час. Я считал его покинувшим занятия наукою; оказывается, он продолжает работать над магистерскою диссертациею. Человек оригинальный и, кажется умный. Я ободрял его. Предложил ему свои советы и услуги по занятиям его.

8 сент[ября]. Понедельник.

Вчера встретил в у-те Астафьева, восходящего философа на нашем горизонте, если удастся ему взойти, если т. е. пустят интриганы. Философ неважный. Ум, цепляющийся за пустяки. Вероятно, зацепится на каком-либо философском суку, на нем же и повиснет во всю свою карьеру. Мешать ему в приват-доцентуру я не буду.

В три часа пошел гулять. Встретил В. Ф. Горового, инспектора народных училищ. «Сообщить новость?!» — «Сделайте одолжение».— «Вчера попечитель Голубцов призывал к себе директоров и беседовал на тему: необходимо учредить по подписке стипендии в честь Толстого в Киев[ском] учеб[ном] округе». Причем просил эту махинацию держать в *sub secreto*[80]. Я спросил: «Ужели эта махинация удастся сему выскочке?» — «Не знаю: гимназии наполнены такими креатурами, которые пойдут на призыв начальника, как бы этот призыв ни был противен общественному мнению и даже их собственной совести. Лишь бы он исходил от начальства. Что касается меня, я буду противодействовать». Я сказал: «Было бы позорно для педагогов, если бы они попали в расставленные им сети. Следует им прислушиваться к общественному мнению. Иначе они окончательно потеряют кредит».

Недавно в «Новом времени» наш Голубцов, эта креатура Толстого, выведенный из ничтожества Толстым, назван был *Сквозник-Дмухановским.*

В № 240 «Молвы» в фельетоне, посвященном изображению падшей системы Толстого, сказано: «Князь Мещерский (попечитель Моск[овского] округа) имеет теперь честь и удовольствие показывать (мин[истру] Сабурову, обозревающему Московский округ) свою архиклассическую территорию... Откровенно говоря, можно не завидовать ни той чести, ни этому удовольствию, особенно если иметь в виду несколько щекотливое личное положение князя Мещерского, бывшего наряду с одесским *Голубцовым* одним из благовернейших и благопреданнейших поклонников павшей системы».

Голубцов — это есть один из главных машинистов, которые были предпринимателями с таким скандалом провалившегося по случаю истечения 10-летия мин[истерской] деятельности юбилея Толстого. Тогда Толстому досталось в печати. Вероятно, ныне он отыщет сторонников своего предложения в таких деятелях, как директор Андрияшев, занимавшийся более торговыми делами, чем педагогиею. Есть многие иные присные по духу Алексею Фомичу. О сем деятеле рассказывают следующий анекдот: попечитель Антонович, получив отставку, должен был очистить квартиру. Он уехал, а остатки вещей уносились без него. Андрияшев, как начальник здания, в котором помещается попечительская квартира, наблюдал по письменному поручению долженствовавшего приехать Голубцова, за очисткою квартиры. И вот он является и видит попугая в клетке. Тотчас закричал: «Уносите скорее эту птицу, давно бы следовало место, занимаемое ею, очистить». Но ему говорят, что это попугай нового попечителя. Тогда милый Алексей Фомич переменяет тон голоса и начинает ласкать и нежничать с попугаем восходящей силы: «Попочка, попочка, миленький попочка, сахарцу попочке, булочки попочке» и т. д. в этом тоне. Да, Алексею Фомичу завещал отец угождать и *собаке дворника, чтобы ласкова была.*

9 сентября. Вторник.

Вечером вчера были: Чернов-студент, Назимов, Реутский и Якубович. Назимов приходил отыскать литературную работу для заработка. Реутский принес письмо к Полонскому, обер-секретарю Св. Синода. Мы условились вместе писать ему в защиту св[ященника] Чикилевского. Письмо это будет вручено Мировичу, кот[орый] сегодня отъезжает в Петербург для поступления на службу в Синод. С Реутским я беседовал за Березанского, одного из самых трудолюбивых наших кандидатов права, сидящего без движения при Нежинском окружном суде.

10 сент[ября]. Среда.

Был утром вчера Чубинский. Поговорить о Мачинском. Он обещал предпринять поиски для его устройства. Но сам Мачинский уже не являлся. Видно, человеку надоело ходить по мытарствам. А это свидетельствует в пользу его порядочности, но не энергии.

В течение дня посетили Джалалов, Якимов, Коробчиц-Чернявский, Антонович, профессор из Новой Александрии, А. И. Сасько.

Джалалов — кончивший кандидат. Заходит, чтобы я принял его жидкое обязательное сочинение за кандидатское. Как армянин, без подхода обойтись не мог: «Заниматься потом буду наукою, не буду ни служить, ни заниматься хозяйством, а заниматься наукою, изучением национального армянского права». Хочет поймать меня на симпатиях к науке. Но когда я копнулся вглубь его убеждений, знаний и серьезных намерений, когда я сказал: «Что ж, вы человек состоятельный, останьтесь на свой счет еще поучиться в качестве профессорского стипендиата»,— то все его научные симпатии разлетелись.

Юноши, милые юноши, запасаются лисьим хвостом, чтобы обойти этого простака — ученого, который, по их мнению, дальше своего носа не видит. Нехорошо, обидно и нет почвы для веры даже в молодежь. Больно проникнуты житейскою мудростию, которую иногда трудно отличить от житейской подлости.

Мирович был без меня: вручено ему письмо к Полонскому, тоже товарищу по бурсе и у-ту, хотя и не однокурснику. Весь день вчера посвятил корреспонденции. Написал письма Кострову, брату Федору, Колесницкому, Пестржецкому, Симоновскому, Журьяри, Сабурову, Короткевичу, Жданову, Баршевскому, Ефименку, Тарасову, Володимирову.

Занимался также приведением в порядок дел Киев[ского] юрид[ического] общ[ества]. Сам снес в типографию список членов и устав для напечатания.

Сделал визит Г. М. Барацу — еврею. Не застал. Цель посещения моего — поговорить о его работе, приготовляемой к докладу в обществе.

Приступил к изучению дела друга с Манджосами. Буду сам писать апелляцию.

Квачевский прислал письмо, в котором пишет, что он намерен начать иск против Грековых. Вот и рекомендуй таких проходимцев. Я не знаю, чем мораль таких новейших юристов, каков Квачевский, а таковых большинство, отличается от морали подьячих старых судов. Различие в форме, а содержание то же. Это не больше, не меньше как простая метаморфоза одного и того же содержания. Где же люди, на которых можно было бы остановить взор успокоения и опоры? Вот

юношество: Джалалов лучший наш кандидат. А каковы допускает подходы.

Третьего дня слушал я речи Назимова, магистранта государственного права. Он пел апофеозу русскому деспотизму. Ушел в пустыню. Живет в Китаеве. Удалился от мира. Не читает ни газет, ни журналов, ни русских, ни иностранных. Притока жизни нет. И вот повторяет песни на старые лады. Выйдет ли из него гелертер — не знаю. Но что при таком способе изучения человеческой жизни может выйти обскурант,— это весьма вероятно, если не достоверно.

Господи, спаси люди твоя.

Якубович, кажется, берется за ум. Нашел два урока: за первый — квартира и стол с 10 руб., за второй — за 2 часа — 2 руб.

Сидел весь день за изучением дела друга.

Вечером читали брошюру Драгоманова: «Борьба с террориз[мом]». Очень толково и умеренно написана.

Сообщают, что Стрельников произведен в генералы, а Слуцкому дали чин генерал-лейтенанта. Награда палачам. И еще говорят, что порядки изменяются. Это не больше как заговаривание обществу зубов и напускание тумана. Говорят и в обществе, и газетах, что Черткова уберут. Он и есть тот главный деятель раздачи генеральских чинов палачам — своим подручникам.

Вчера мне прочитана была речь Юрковского, много известного инженера Сашки. Речь умная. Он объявляет себя открытым социалистом — и с этой точки зрения себя защищает. Бьет ирониею и сарказмами Стрельникова. Своим дарованием, ловкостию и умом подкупает сердца. Хотя холодный ум должен повторить: цель не может оправдывать средства. Воровство остается таковым. И на нем нельзя создать социальных отношений, кроме тех, которые допускают и ныне воровство под благовидными предлогами. Подвиги Юрковского, решившегося похитить $1^1/_2$ миллиона из херсонского казначейства, показывают, до каких уродств может дойти искажение социализма и как фанатически настроены иные наши социалисты. Некоторые из них решаются на такие подвиги. На вопрос: как возможно прибегать к таким средствам? — отвечают: «Да разве правительства не всегда прибегают к хитрости, коварству, обманам и хищничеству?» Прекрасно. Но в таком случае ваш образ действия ничего нового не представляет, да ничего нового и не создаст. Из образа действий, допускающего гнусные способы, лучших социальных условий создать невозможно.

Хитрость, коварство, перебежничество, нюхательство, измена, страсть извлекать выгоду из другого с тем, чтобы потом бросить как выжатый лимон, составляют обыкновенный образ действия правительства. В сущности, теми же правилами и тою же моралью руководствуется и человеческая особь, отдельные личности. Одно — первое — есть результат другого. Качества индивидуальной морали создают и общую. Общая не изменяется без перемены частной.

Отношение ко мне Беренштама. Развит. В будущем должно себя поставит в должные границы.

Написал об освящении памятника Войтенку. Поместил краткую речь, которую я сказал на обеде.

В сегодняшнем номере помещена поправка корреспондента «Рус[ского] курьера», приписавшего Н. Х. Бунге о преобразовании киев-

ской сберегательной кассы. Предложение это сделано было мною. Я же в качестве председателя комиссии и выработал проект, принятый Думою.

Легенда о задушении князем Волконским императрицы Елизаветы Алексеевны, жены импер[атора] Александра I.

Анекдот, как Павел узников Петропавловских казематов приказывал по ночам пускать в прорубь. Оба эти сказания записаны в дневнике Бодянского.

11 сентября. Четверг.

Первая лекция. Студентов было человек 40. На втором часе — меньше человек на 10.

Был Тальберг. Простился. Отъезжает в Ярославский лицей. Туда он назначен доцентом. Обыкновенный разговор и прощание.

Вчера было заседание ф-та. Я про него и забыл: прозевал. Декан Демченко не обозначил предметов обсуждения. Оказалось, что вчера решался вопрос: рекомендовать ли сочинение Астафьева для напечатания в «У[ниверситетски]х извест[иях]». Ренненкампф сделал отрицательный доклад. Факультет согласился. Я жалею, что не был в заседании. Я бы стоял за допущение. Ф-т наш дожил до той поры старости, в которой он уже неохотно допускает новые элементы. В таком состоянии он был в 50-х годах, пока он не вымер и не пришлось наполнять его путем долгого приготовления.

В газетах постоянно помещаются известия о несчастном положении ссыльных в силу административного произвола. Эти известия подтверждают, что много обещано Лорис-Меликовым, а мало сделано, что душительская система продолжается, что существенной перемены не произошло, что ее и быть не может, пока останется абсолютизм и не настанет конституция.

«Кострома.— Число политических ссыльных в губернии весьма значительно; небывалый наплыв их замечался в первое время учреждения временных генерал-губернаторов. Обыкновенно их рассылают по уездным городам, за исключением трех-четырех, которые оставляются в Костроме. Между ссыльными есть люди женатые, многосемейные; есть замужние женщины, оторванные от мужей и семьи. Всем им — и это главная причина тяжелого их положения — нет никакой возможности заработка: врач не имеет права лечить; адвокат лишается права иметь практику; учителю воспрещаются всякие занятия педагогического характера и т. д. Хорошо образованные ссыльные, владеющие достаточным запасом знаний, пытались было обращаться к литературному труду, но и тут для них являются нередко непреодолимые препятствия: статьи ссыльного и научные труды его почему-либо кажутся исправнику «легкомысленными» или «опасными» и «вредными», и он или возвращает их автору, в худшем же случае просто задерживает («Рус[ские] вед[омости]»)». «Рус[ский] курьер», № 244. 1880 г.

«Пинега Арх[ангельской] губ.— Из числа всех местных административных, так называемых «политических» ссыльных четверо получили облегчение в своей участи и переведены: один молодой человек — в Самарскую губ., один студент — в Астраханскую, некий старик, бывший инспектор городской школы в одном из больших южных городов,— в Тульскую и одна ссыльная дама, мать семейства,— в Тамбовскую губ.

Безусловно освобожден от полицейского надзора пока лишь один — студент. В общем число местных за это время «поднадзорных» не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Из восьми человек, привезенных в Пинегу, двое — неслужащие дворяне, один — купец, двое — ремесленников, два студента и одна фельдшерица. Ссыльные возлагают большие надежды на конец августа; к этому времени ждут прощения многим поднадзорным, не знающим даже, за что они попали в ссылку («Рус[ские] вед[омости]»)».

«*Мезен,* Арх[ангельской] губ.— Один из местных политических ссыльных Г. пытался бежать, но был пойман в 18 верстах от города в с. Лампожне. Несчастный не имел квартиры и в ночь побега выпросил для себя помещение в полицейской камере. Не имея опять-таки ни обуви, ни одежды для предполагаемого им осеннего путешествия, Г. решился захватить для себя сапоги, башлык и холщовый мешок, принадлежащие полицейским. Что ждет теперь этого несчастного: высылка ли в Восточную Сибирь, как это положено по существующим до сего времени правилам относительно покушающихся на побег ссыльным, или что другое — неизвестно («Русск[ие] вед[омости]»)».

«Рус[ский] кур[ьер]», № 244. 1880 г.

«*Енисейск* (корресп[онденция] «Русского курьера»). Двое из здешних граждан, заподозренные в содействии к побегу двух ссыльных, из которых один административный, после полугодового заключения в тюрьме, наложивший на них свой гнетущий отпечаток, а одного даже разоривший, освобождены под денежное ручательство: сын купца — за 5000 руб., а дворянин — за 1000 руб. Вся вина их, по объяснению администрации, состояла в том, что первый дал ссыльным паспорта своих рабочих, а второй — на отъезде лошадей, каковое обвинение, кажется, не подтвердилось. Причиной побега ссыльных, по слухам, было тяжелое положение их здесь, под влиянием которого они могли решиться на похищение паспортов.

Прибывших сюда 15 человек административно-ссыльных (в числе которых есть женщины), как известно, не лишенных прав и отправленных лишь под надзор полиции, встретили здесь именем «государственных преступников», какое понятие поддерживала и местная администрация, потребовавшая одно время от ссыльных подписку на еженедельную явку в полицию, где они должны были расписаться «государственными преступниками»... Против последнего требования ссыльные протестовали, но вынуждены были исполнить его — из опасения дальнейших неприятностей, вроде ссылки в Якутскую область.

Население видело в административно-ссыльных не тех государственных преступников времен польского восстания, на которых оно смотрело снисходительно, легко принимая их в свою среду, а как на людей особого покроя, с каким-то мудреным прозвищем «социалиста». Причиною таких отношений и такого взгляда были, мне кажется, последние покушения на Руси и строгость местного надзора, вследствие чего от этих несчастных сторонились все, избегая всяких знакомств с ними и даже отказывая им от квартиры.

Положение безвыходное, а *надежд на помилование и возвращение на родину слишком у них мало, как видно, например, из следующих слов одного ссыльного, живущего в деревне: «Несколько времени ссылки расположили меня к чрезвычайному скептицизму; я перестал верить в возможность скорого, более лучшего будущего. Я склонен думать, что нам здесь долго придется гнить и прозябать. Поэтому я, не теряя времени, приступил к изучению мастерства». Жена одного из ссыльных,*

приехавшая добровольно за мужем, была поставлена в одни условия с ним. Все письма шли чрез полицию, где задерживались по несколько дней, читались, перечитывались на несколько ладов, перемарывались, где заблагорассудится; какой-нибудь Шекспир, присланный по почте, составлял задачу для надзора; даже газеты, эти невинные издания, не передавались сейчас же, а по истечении некоторого времени, да и то под расписку. После же побега отсюда двух ссыльных надзор за ними еще более усилился: *ссыльные были обязаны являться еженедельно два раза в полицию, не говоря уже о том, что надзирающая власть во всякое время посещала их. Все занятия, как, напр[имер], обучение детей наукам, музыке и т. п., были воспрещены им, за исключением ремесел, к которым они и не были способны.* При таких условиях существование политических ссыльных превратилось в ряд лишений, и они живут здесь, вращаясь лишь в своей среде и избегая всяких знакомств, в которых от них также требовался отчет. Положение их в Сибири совершенно отлично от того, каким они пользуются в российских губерниях, где часто для них бывают открыты двери лучших домов, а, например, в Повенце, Олон[ецкой] губ., по их инициативе учреждены даже публичная библиотека и общество потребителей, в управлении которых они принимали деятельное, руководящее участие («Русск[ие] вед[омости]», № 158). Здесь же общение ссыльных с местными жителями совершенно невозможно, потому что грозит целым рядом неприятностей как первым, так и последним. Где искать причину такой разницы? Можно предполагать или особые предписания для ссыльных в Сибири, или же особенность юрисдикции сибирской полиции. Против последнего предположения, впрочем, говорит положение ссыльных поляков в 60-х годах, которые пользовались тогда теми же преимуществами и имели влияние на окружающую среду, как и теперь ссыльные в Повенце; следовательно, причиной обособленного положения настоящих административно-ссыльных должны быть какие-либо особые распоряжения, исходящие не от местной власти, от которой будет зависеть и их смягчение. Обвинять же местное общество в равнодушном отношении и безучастии к ссыльным было бы несправедливо, если вспомнить, как относилось, например, здешнее население к ссыльным полякам и вообще ко всем ссыльным по суду в Сибирь. Будучи поставлены в такие ненормальные условия жизни, ссыльные иногда стараются и обойти их, чем приводят в неприятное положение себя и других: так, один из ссыльных просил своего знакомого писать письма к нему по адресу одной учительницы, но знакомый представил его письмо в полицию, а та, конечно, сейчас же сделала в учительницы обыск, но, к счастию, ничего не нашла; другой также в своей переписке хотел прибегнуть к такому же способу, но сестра его имела неосторожность на адресе написать свою фамилию, которая и выдала его, так как все письма к ссыльным передаются с почты в полицию, результатом чего также был обыск у того, кому было адресовано письмо, содержание которого, говорят, состояло в уведомлении о посылке чулок, рубашек и т. п. Жена одного из ссыльных, добровольно приехавшая за мужем, недавно подала просьбу к генерал-губернатору о дозволении ей выезда в Россию, но разрешить эту просьбу ей, свободной, неподнадзорной женщине, он не мог и представил ее на рассмотрение министра внутренних дел. Назначение Верховной комиссии подало было ссыльным надежду на облегчение их участи, но надежды эти скоро охладели ввиду некоторых действий местной администрации, самовластно продолжающей переселять их даже в такие глухие местности, как Туруханский край, который они счи-

тают живой могилой, откуда эти несчастные, числом шесть, пишут сюда такие горькие строки: «Домов в Туруханске до 30, и из них только 14 годных для жилья, а остальные не заняты вследствие ветхости, и вот в одном из таких-то нежилых домов поселились и живем мы, ссыльные. Все тут дорого: ржаная мука — рубль, а пшеничную не едим по дороговизне. Мяса не видим; хорошей рыбы нет, а есть карась, щука и другая мелкота. Жизнь наша немногим отличается от жизни остяка или самоеда. Одним словом, жить негде, есть нечего и скоро уже одеться будет не во что. Работы мало, рубим дрова, жжем уголья и строим кузницу; да тут беда — лесу нет, ковать нужно — инструментов нет и купить негде. Просим о высылке слесарных пил и ручных тисков, а если их не будет, то дело плохо — совсем отощаем с холоду да с голоду». Примером вопиющей бедности ссыльных, по отсутствию всяких занятий, может служить следующее: в Бельской волости они отказались от квартиры, по неимению средств к платежу, и исправник вынужден был дать им казенную квартиру. В Канском округе ссыльный, хороший слесарь, не имея возможности достать инструментов, должен был заниматься черной работой и питаться одним луком с хлебом. Для наглядности отношений к ним я приведу следующий пример: городовой Петербурга, сосланный в Кежемскую волость за полученные при передаче им в доме предварительного заключения записки 30 копеек, недавно был по болезни отправлен в городскую больницу, и крестьянам, его сопровождавшим, было приказано строго смотреть за ним, так что последние хотели было вследствие этого связать его на пути, но чье-то вмешательство спасло от такой неприятности несчастного, еле живого человека»[81].

«Рус[ский] курьер», № 245. 1880 г.

Вечером в 1/2 8 ч. собрались друг, И. В. Лучицкий, А. Я. Кониский и Н. В. Реутский. Много болтали, смеялись, острили, шутили, отчасти спорили. Время прошло весело, что со мною редко бывает. Говорили о городских деятелях. Оказывается, что это не деятели, а шайка, которую подбирает себе Эйсман. Сам он не ворует — это правда. Но расточает городские деньги направо и налево. Подкупает в свою пользу. Старая политика. Очень уж он и его все управление покровительствуют каменные постройки, сменяя жителей в их желании строить деревянные. Где есть малейший случай придраться и истолковать закон путем натяжек, там является со стороны городского управления дилемма: если хотите строиться, то стройте каменное здание или проводите брандмауэр. Или в противном случае мы вам не разрешим постройки. И горожанин волею-неволею должен подчиниться такому предписанию. А зятю Эйсмана, профессору гигиены Субботину, это на руку. Его кирпичный завод, полученный им в приданое от Эйсмана, от его городской политики получает барыши. Не только дал в приданое завод, но еще своею городскою политикою доставляет сему заводу заказы. Очень тонко.

С другой же стороны, наш городской голова и жертвователь недавно подарил городу ценность тыс. 12 руб. Это ловление душ на городских выборах. Здесь невинность приобретается. Там капиталы наживаются. Это потоньше ренненкампфовской политики. А сей муж очень хорошую ведет политику по части науки, чтобы застраховать себя на будущее время на месте профессорском, он не подпускает никого к у-ту и близко. Хотел проникнуть в университет Астафьев, он его по шапке: прочь; что́ бы вышло из Астафьева,— не знаю. Но он хотел, чтобы ему дозволили только читать лекции в звании приват-доцента. Не допустили. Авось либо станет заниматься наукою. А разве это не

улика будет для нас, банковских деятелей. Лучше всего и спокойнее всего, если будут отсутствовать немые обличители.

А Демченко? А Славатинский? Они вступили в страховую компанию: им в непродолжительном времени предстоит баллотировка. До того ли теперь, следовательно, чтобы нам помышлять о допущении свежих сил. Мы вам будем делать уважение, а вы нам. И так спасены будем. По крайней мере, просуществуем без тревоги лет 5—10. Aprés nous déluge [82]. И это непременно будет. Таков закон природы.

Вот документ, доказывающий, кто такие дельцы 3-го отделения. Выходит, простые мошенники и плуты. Дубельт, всесильный по части шпионства и доносов в царствование Николая Павловича, состоял в шайке простых мошенников, которые занимались плутовством и мошенническим перепусканием в свои карманы чужого имущества. Ну как, в самом деле, Дубельту не желать было от души и пламенного сердца, чтобы свет просвещения не проникал в общество. Как ему не бросаться было со всею стремительностию дикого зверя на малейший признак общественного движения и не стараться растерзать на клочки представителей этого движения. Ведь все признаки проявления мысли человеческой подкапывали основы его собственного царства и благосостояния, созидаемого плутовством.

Итак, Дубельт был простым мошенником, но мошенником Тартюфом. Вероятно, история откроет современные плутовские подвиги и позднейших дельцов «черного кабинета». Занавеса иногда открывалась и в наше время.

Ближайший адъютант зарезанного Мезенцова, Мясников был судим за подделку духовного завещания и после того опять попался уже в мелком мошенничестве. Его притом покупка Кагарлыка была одной из крупных мошеннических проделок и пошлым грабежом ближних.

«В «Русской старине» приведены две черты к характеристике одного из столпов упраздненного ныне 3-го отделения Л. В. Дубельта. Автор заметки удостоверяет, что они были известны всем в Петербурге: «До государя Николая Павловича дошла общая в С.-Петербурге молва, что у Дубельта, сверх казенного содержания, было свое большое состояние. Государь спросил об этом Орлова, а Орлов — Дубельта. Этот последний с невозмутимым спокойствием отвечал, что на другой же день представит документальные доказательства того, что у него нет никакого состояния, и представил их в том, что состояние не его, а жены его, т. е., как тогда называлось, записано за женой, значение чего в те времена всем было известно и понятно.

Не входя в рассмотрение, так ли это было или не так, сопоставили другой факт, который, пожалуй, может послужить намеком на один из источников состояния, записанного за женою Дубельта. Кто же из современников той поры не знает и не помнит долговременной и широкой жизни тогдашнего Лукулла Политковского, сорившего деньгами на валтасаровские пиры и так печально кончившего деятельность и жизнь свою в январе 1853 г.? Кроме того, что он черпал средства для широкой жизни из одного огромного благотворительного фонда, всем известно было, что он состоял одним из главных деятелей одного тайного, но не политического, а совсем иного общества, не против государства, а против чужих карманов! Он нанимал великолепную квартиру и давал в ней свои вечерние и ночные пиры, на которые съезжался весь город и его иногородние посетители, приезжавшие с деньгами, либо по делам, либо для удовольствия. Этих-то в особенности ловко заманива-

ли низшие агенты общества, знакомясь с ними в театрах и на других публичных собраниях и знакомя их с Политковским, который и приглашал их на свои пиры. На этих балах в покоях на улице (Литейной) танцевали, а в задних на дворе были расставлены столы для обыкновенной игры в маленькую. Во время бала гостям разносили обыкновенные прохладительные, а после полуночи им предлагали тонкий и обильный ужин с винами. Когда же бальное и танцевальное общество удалялось, сцена переменялась, и в задних комнатах открывался жестокий бой за карточными столами, уже далеко не в маленькую, а просто в азартную. Тут-то деятели «общества» без милосердия стригли зазванных баранов с золотым руном, угощая их прохладительными яствами и питиями на роме, коньяке и тому подобных крепких напитках, а на заре выпускали их налегке, обстриженных и голых как сокол.

Так как нет ничего тайного, что не стало бы явным, и ничего скрытого, что не открылось бы, то изложенное выше открылось самым простым и незамысловатым образом. У одного моего приятеля был хороший повар, которым он был очень доволен, но по своим средствам принужден был уволить его от себя. Повар, однако, продолжал навещать его, и раз на вопрос его, где он тогда был при месте, сказал, что у Политковского, и без всяких расспросов рассказал, что работы и помощников у него много, особенно в дни балов, потому что нужно было готовить на множество гостей два рода ужинов и прохладительных: одни обыкновенные, бальные, а другие все на роме, коньяке и др. крепких напитках для угощения после бала и до утра, когда остававшиеся гости-мужчины играли в карты, в большую игру, и пр. пр. Этот рассказ повара моему приятелю я слышал от этого последнего. Интерес этого факта тот, что в числе сообщников Политковского и главных деятелей «тайного» общества был, между прочим, и Леонтий Васильевич Дубельт...» [83]. «Молва», 1880 г., № 240.

По поводу сей истории А. И. Сасько рассказал о подвигах сподвижников Политковского, Сурика, который занимался под покровительством того же Дубельта разными видами мошенничества и обирательства ближних. Суриков было два: один подвигоположничал в Петербурге. Другой занимался наживой в Полтавской губ. Оба они были хищники. Оба нажили большое состояние самыми возмутительными неправдами.

Замечательно, как эксплуататоры, не стесняющиеся никакими средствами в способах приобретения собственности, любят потом учение о прирожденности человеку морали, благочестия и всяких добродетелей, о высоком божественном происхождении человека, о небесной его натуре. Нечистый источник происхождения богатства Терещенков известен. Его хищнические инстинкты, коим он ныне даст ход, всеми дознаны. И вот этот хищник, посещая покойного философа Хлебникова, который проповедывал свои благотупости. Каждый плут и эксплуататор, он непременно должен быть в ближайшем родстве с Тартюфом. Иначе быть не должно.

12 сентября. Пятница.

Был тот же армянин Джалалов. Отпустил душу на покаяние: дозволил ему подать прежде составленное сочинение на кандидатское. Дал ему заметить, что его заявление о намерении заняться наукою я считаю моральною и логическою с его стороны фальшью. Ибо при та-

ком заявлении не подобает уклоняться от работы и просить о снисхождении.

Явился брат Славатинского, профессора, Евгений. Просит о протекции к занятию места секретаря в Думе. Объяснил ему положение дела без обиняков. Обещаниями не кормил, как это обыкновенно делают.

Сегодня были выборы декана филологического ф-та. Выбран Антонович 5 гол[осами] против 2-х. Не явились Котляревский, Павлов и Аландский. Пассивный протест. Котляревский оскорблен, что он обойден. Он видел, что он выедет на больших черняках. Павлов как был, так и есть тряпка. Под Антоновича делал разные мины Феофилактов. Но поддержки не встретил.

Сегодня Якубович сообщил мне, что кто-то ему неизвестный доставил подушку и ассортимет белья. Кто, он не знает, желал бы знать. Он этим несколько тронут. Да и нельзя. Он столь был забыт и заброшен, столь обнищал и оголтел благодаря своей наивности, непрактичности и легкомыслию, что подобное участие возвышает его в собственных глазах. Мне по сердцу признаки его как будто возрождения и поднятия. Они показывают, что он еще не пал окончательно, не выцвел безнадежно и бесповоротно, что у него оказывается нечто живое, из чего может развиться его деятельность. Если я был его строгим судьей, то это проистекало и проистекает из моей к нему расположенности, подобной той, какую я питал к родным. Ведь я брюзга вообще и строго отношусь к моим детям и моим родным, то есть всегда являюсь нелицемерным обвинителем их слабостей и их недостатков. Но это проистекает не из чего другого, как из моей любви к ним.

Цитович сделал новую подлость: он поместил новую полицейскую инсинуацию, новый донос на нашу печать. Донос этот помещен в подлиннике. Но что значит свобода слова? Она даже слово Цитовича облагораживает. Сам Цитович, этот философ, и смысл деятельности таких душителей, как Тотлебен и Чертков, делается сдержаннее в своих инсинуациях. Что бы он написал при Григорьеве Дрентельну и Макову? Теперь он хотя делает передержку, но уже готов будто стать на известный принцип. О, полициант, однако ж! Вот цитовичевская стряпня на ту же тему: *«Подпольная и надпольная печать»*.

«Петербург, 6-го сентября. Наши читатели не могли не заметить, как мы всегда отдавали предпочтение подпольной прессе пред надпольной. Причина такого предпочтения понятна: нас всегда подкупала полная откровенность подполья, отчетливость обозначений, наглядность, неприкрашенность изложения. Подпольная пресса не аргументирует зигзагами, не прибегает к двусмысленным терминам, а прямо повторяет одно: «Долой существующий порядок!», рекомендуя для такой цели всевозможные средства. Не то с прессой надпольной: она виляет, кланяется направо и подмигивает налево, отправляется от самых, по-видимому, отдаленных и безобидных посылок: сегодня от общественной инициативы, завтра от объединения, там выдвинет широкое самоуправление или чье-то с кем объединение, словом, что ни день — новый ярлык, наклеенный все на том же неизменном фоне. Понятно, что подобное вилянье, подобная ежедневная смена аргументации и терминологии — своего рода неудобство, и неудобство значительное: то и дело изобретай новые фасоны костюмировки, новые цвета декорации. В этом, конечно, громадное преимущество подпольной прессы,— для нее нет надобности в подобной изобретательности, так как она поставлена вне всяких «стеснений печати».

Но вот, наконец, желанная «эра» наступила, всякий может излагать свои «убеждения» в полное удовольствие; выражать все, что завелось у него на душе; всякий теперь может спасать отечество, как умеет и разумеет, и нет сомнения, отечество будет спасено.

Но зато в прямом проигрыше оказывается подпольная пресса; у нее просто-таки отбивают если не хлеб, то возможность по-своему постараться на пользу все того же Отечества. И действительно, стоит ли, например, отправлять в Женеву для опубликования в «Общем деле» статьи «О пользе цареубийства», когда подобная тема может быть с удобством развита на страницах надпольных изданий? Публицист «Общего дела» доказывает, что цареубийство — самое верное средство прогресса, а «что касается до неудачных цареубийств, то неудачи их крайне прискорбны». На возможное возражение, что цареубийство практиковали иезуиты, находчивый автор отвечает: то иезуиты, а то мы, республиканцы, хорошие люди, а хорошему человеку все можно. Так поучают публицисты Женевы.

Но вот как поучает петербургский разрешенный публицист:

«И западноевропейским народам не без борьбы досталась гражданская и политическая свобода: окончательному торжеству народных прав на Западе предшествовала долгая легальная борьба, и только когда на этом пути дело было бесповоротно решено в пользу народа, Карл I или Людовик XVI, так сказать, сами себя высекли в силу непререкаемого решения права и справедливости: пред всеми сознанною правотою бесправие устоять не может».

Публицист заканчивает свою прокламацию «сожалением», что со «времен московского самодержавия мы совершенно разучились защищать свои права», как защищали их когда-то киевляне и новгородцы.

Впрочем, и на этот раз петербургский публицист не обошелся без подвоха, от которого свободен его женевский собрат: революционный, т. е. стихийный, факт убийства английского и французского королей он обозвал «легальною борьбою правоты с бесправием». Любопытно бы знать, в силу какого закона возвели на эшафот Карла I и Людовика XVI? До сих пор мы знали, что оба цареубийства были актами насилия, а не проявлениями права и законности, таковыми их считают историки и публицисты всего цивилизованного мира.

Точно также женевскому публицисту мы отдаем предпочтение и в другом отношении: он не издевается над жертвами революций, а петербургскому публицисту две кровавые тени несчастных государей напоминают гоголевскую солдатку — «высекли-де сами себя». Не правда ли, остроумно? Должно быть, малый питается сырым мясом.

Статью «О пользе цареубийства» редакция «Общего дела» снабдила таким примечанием: «Есть люди, которые думают, что такие вопросы, как о цареубийстве и политическом убийстве вообще, лучше не затрагивать в печати. Мы не разделяем боязливой сдержанности этих осторожных политиков. Всякое умолчание ведет только к недоразумениям, а когда какой-нибудь вопрос протеснился уже в практическую жизнь (sic), то молчать о нем тем более непозволительно, что практика, лишенная разъяснений теории, легко может дойти до самых нежелательных крайностей».

Редакция надпольного журнала не сочла нужным что-нибудь в роде приведенного примечания редакции женевского органа «общественного мнения», и в этом ничего нет особенного. В самом деле, «вопрос протеснился уже в практическую жизнь», и с другой стороны, какая же

может быть необходимость в осторожности и сдержанности»? Ровно никакой!

Да! «Ясно, чего они хотят!» Ясно, слишком ясно! Но сообразите, господа, на что вы так легкомысленно протягиваете ваши руки! Царская власть слишком дорого стоила русскому народу, она собрала из Московского княжества обширную Россию,— она, эта власть, и только она,— создала государство и втолкнула его в европейские формы. Царская власть — единственная народная власть, в нее народ верит, ей повинуется; оставьте же эту власть народу, для него она нужна надолго, надолго, быть может, навсегда!

Случалось вам бывать в готических соборах? Нет? Бывали, может, хоть в синагоге? К центральному своду примыкают боковые арки; все так прочно, грандиозно, здание выносит бомбардировки, бури и землетрясения, а ведь центральный свод весь держится ключом. Не шатайте же свода в ключе, иначе все здание рухнет,— и кто же, как не вы первые будете раздавлены в развалинах!» [84]

13 сентября. Суббота.

Утром были два студента: Баришевский и Туробойский. Приходили посоветоваться об устройстве студенческого бюро справок для доставления студентам уроков. Беседовал с ними довольно долго. Относительно проекта просил их дать время пересмотреть и обдумать. Завтра они в 9 ч. придут.

В 12 ч. явился Н. А. Николаевский, товарищ председ[ателя] Черниг[овского] округ[ного] суда. Он заехал с сессии, на которой в Броварах разбиралось дело о вырубке жидами и расхищении броварского леса, с ведома и дозволения лесных чиновников, во главе которых стоял лесничий Андреев, ныне умерший. Вырублено лесу тыс[яч] на 50 000 руб. Жиды хозяйничали в казенном лесу, как в собственном. С Андреевым они поступили, как поступает в легендах диявол. Соблазнили взяткою, довольно сначала крупною, его жену, а там мужа. Когда же Андреев пал, он очутился в их руках. Они сделали с ним что хотели, он, боясь открытия первого беззакония, отдался им весь в руки. Причем они давали ему уже то, что хотели. Андреев, прогнанный со службы, говорят, капиталов не имел.

Николаевский — воспитанник Тверской семинарии. В 1852 г. переведен был из Черниговской семин[арии] в Тверскую, ректором же архимандрит Климент, под управлением которого и я учился в Черниг[овской] семинарии. Оказывается, что Николаевский моложе меня 2 курсами, в свою очередь воспитывался в Тверск[ой] семин[арии] под начальством сего архимандрита. Арх[имандрит] Климент был человек неглупый, но со странностями. Он в Чернигов приехал со славою апостола. В Казани, где он был ректором, он занимался обращением в христианство татар. Сколько и как он обращал, не знаю. Но такова была о нем молва. Вкусив сей славы в Казани, он вздумал в Чернигове продолжать свою преподавательскую деятельность — стал обращать в христианство евреев. Старого еврея склонить в христ[ианство] трудно. Он устремился на молодых. Способы обращения он употреблял не похвальные: сманивал через своих агентов лакомствами и всякими уловками. Главным агентом у него была какая-то мадам, считавшаяся купеческою женою; при ней жид и муж, или считался мужем. С этой семьей или этой госпожой он был свой человек. Она жила недалеко Елецкого монастыря. Он проводил у них вечера. Пущена была молва,

что она, богатая купчиха, последовала за отцом Климентом из глубокого уважения и благоговения к его пастерскому служению, к его проповедничеству, которым он действительно ж отличался. Каковы же их действительные отношения, сказать ничего положительного нельзя, хотя для всякого очевидно, что эти отношения были не из подвижнических. Эта-то госпожа и помогала ему в его фальшивом апостольстве. Когда я и мои товарищи перешли в богословский класс, то о. Климент на первую богословскую лекцию привел нам жидка, уже оглашенного. Обращаясь к первому ученику Рознатовскому, он сказал: «Вот тебе ученик для приготовления его к принятию в лоно правос[лавной] церкви. Кто из вас не обратит мне одного хотя еврея, тот не будет признан богословом». Скоро, однако ж, этого апостола убрали из Чернигова: черниговские жиды принесли жалобы на нашего ректора, и правительство должно было перевесть его в Тверь.

По рассказам Николаевского, его мадам-мироносица переселилась также в Тверь и жила близ острога монастыря, в котором он был настоятелем. Один раз, говорит Николаевский, который был певчим рект[орского] хора, во время какого-то торжества Климент, служивший обедню, а потом выпивший и закусивший, пришел в религиозный экстаз. Начавши витийствовать на тему: еще будете иметь веру в зерно горюшко и скажете: «Горе, вверзися в море» — и оно вверзется,— он отправился в семинарскую больницу и, увидевши тяжкобольного семинариста, он повелительным голосом три раза взывал к нему: «Тебе глаголю, восстани». Но тяжкобольной не встал, а на другой день он отдал Богу душу. Этот архимандрит еще в Чернигове любил изрядно, хотя и прилично, выпить.

В 1859 г., вскоре после приезда моего в Петербург, я узнал от одного из своих товарищей по бурсе, что Климент лишен ректорской должности, живет на покое в Александро-Невской лавре, впал в отчаяние и пьет горькую. Скоро потом он умер. Фамилия Климента была Можаров. Он воспитанник Петербургской академии и был замешан в отношения между Филаретом и Иннокентием.

В то время, как сидел у меня Николаевский, явился Эргардт. Откуда мне сие? С этим господином я давно разошелся. Он из душителей и мелких дельцов. Приехал просить, чтобы я перенес час своих лекций с четверга на среду. Я не согласился. 16 лет я читаю в одни и те же часы. Не подобает по первому приходу моего товарища менять дорогие для меня привычки и предания. Эргардт извивался мелким бесом пред Николаевским. Запустил удочку насчет психиатрической экспертизы. Он у нас психиатр, о котором один из его фельдшеров выразился: они сначала все обвиняли, а теперь оправдывают. История его експертиз и разных скандалов интересна.

Вечером собрались: А. И. Сасько, Е. Я. Шостак, А. Н. Рождественский и Л. С. Белогриц-Котляревский. Беседа шла на темы политические. Живо и гармонически Белогриц-Котляревский принес свою диссертацию: о воровстве-краже. Новая работа продолжительностию на месяц. Конечно, я буду рецензентом и главным оппонентом. Это второй магистр, выходящий из моей школы.

С другом я беседовал, как поступить мне с студенческим проектом об устройстве бюро: отправиться ли мне самому побеседовать с ректором и попечителем или пустить предварительно студентов самих. Он посоветовал последнее. Я последую его совету. И вот по каким соображениям: по поводу сего проекта были у студентов две сходки с разрешения инспектора Воскресенского. Ныне, говорят, Чертков уже сде-

лал запрос о сих сходках. Чтобы не состряпали какой-либо кляузы, я должен быть осторожен.

Была В. И. Антонович. Речи о выборе ее мужа в деканы. Обсуждали деятелей этих выборов с различных сторон. И сюды, и туды. Не подлежит сомнению, что Антоновичу в будущем предстоит играть известную роль. Это человек стойкий. Изрядный дипломат. Уклончивый. Хитрый. Сдержанный. Честолюбив с видимым знаком смиренника. Очень хорошо умеющий осветить себя со стороны той, что он имеет право на первенство, которое другие обязаны признавать. Вокруг него сложилось компактное зерно, из которого вырастет крепкая партия. Он выше как деятель, чем как ученый. Ловкость его и уменье неизмеримо выше его искренности и чистоты образа поведения. Интересен он мне будет для наблюдения, когда настанут свободные учреждения. Он искусен, терпелив, мягок и обходителен так, что все обстоятельства жизни, с первого разу для него неблагоприятные, в конце складываются и обращаются в его пользу. Он человек кружковой и потому сильный. Индивидуальность его всегда скрывается и прячется. Все, что есть скверного в человеческой натуре и что нередко в людях нашего пошиба бьет в нос, у него скрыто глубоко, глубоко. Наружность его непрезентабельна. Она не поражает ничем, разве некоторою ординарностью. Речь его тиха, спокойна. Он не бьет на оригинальность и чужд ее по внешним формам. Но сочетание всего этого и составляет его оригинальность, которая каждому бросается в глаза.

14 сент[ября]. Воскресенье.

Были три студента, в том числе Баришевский. По тому же делу. Дал им совет отправиться завтра к попечителю. Обещал принять на себя редакцию проекта об устройстве бюро.

Вчера я был у Скордели. Передал ему документы по укреплению бугаевского дома за семейством брата Федора.

Посетили меня: члены судеб[ной] палаты, вновь избранные члены Киевс[кого] юрид[ического] общества: Н. В. Реутский и А. М. Полиновский. Толковали о разных юридических тонкостях.

Позже явилась к Саше княгиня Хилкова. Сходятся они по вопросам благотворительности. Я с нею познакомился. Она считается приятельницей г-жи Чертковой. Утверждает, со слов Чертковых, что сии господа надеются в Киеве остаться. Увидим. Утверждает эта демократическая княгиня, что г-жа Черткова хотела было вмешиваться в дела своего мужа, чтобы смягчать кровожадные его инстинкты, что она после присутствия на одном процессе рыдала навзрыд, что тогда ей удалось отвратить смертную казнь от некоторых и что она в глаза говорила прокурору с натурою палача Стрельникову: «Вы просто собака». Но после этого случая Чертков запретил ей вмешиваться. По словам Хилковой, Чертков скупец первой руки, просто скряга. И это при 150 тыс. руб. годового дохода. Ломают голову: почему Чертков кровожаден и жесток в своих преследованиях радикалов. Думают видеть в нем представителя какого-либо принципа. А может быть, это есть не больше как стихийная сила, оберегающая себя, как скупость и скряжничество, крайне тупое и ограниченное, которое неистовствует, боясь за свои пожитки, и жадничает к месту и власти, доставляющей ему тысяч 25 руб. годового дохода. Может быть, в частном характере, без всяких отношений к общественности, в его затаенных личных мыслях и личных ин-

тересах, не имеющих ничего общего с государственностию, и следует искать разгадки характера этого новейшего минотавра.

Хилкова — кто ее знает, что за человек. Но, казалось бы, в ее пользу говорит то обстоятельство, что старший сын ее схватил нервную горячку и умер после того, как он имел неосторожность присутствовать при казни Осинского и товарищей. Мать говорит: «Казни Черткова стоили моему сыну жизни». Младший сын ее хочет поступить вольнослушателем в у-т, будучи реалистом. Попытки до сих пор оказывались неудачными. Я предложил ей мои услуги. Сын ее должен быть завтра у меня.

Обедал у нас С. П. Якубович: он перешел уже жить к Реутскому. Дай Бог, чтобы это было началом возрождения этого человека, которого я считал окончательно падшим и превратившимся в сорную траву.

15 сент[ября]. Понедельник.

Два раза были три студента с Баришевским во главе. После посещения попечителя и ректора. Эти господа наотрез отказывают, попечитель с некоторым виляниєм. Обещал сам переговорить с ректором.

Был Хилков. Производит хорошее впечатление. Мать его хороша с Чертковою, но он ни за что не хочет обратиться к Черткову, чтобы тот принял его в канцелярию и тем бы доставил ему состояние на службе. Обещал переговорить с ректором.

Приехал брат Николай из Городища с А. Куприевичем, односельцем. Для покупок церковных принадлежностей для городищенской церкви.

Вечером собрались Крыжановский, студент, Мачинский, которого я считал отъехавшим, А. И. Сасько, С. П. Якубович и М. И. Мацкевич. Сасько по своему делу. Крыжановский для беседы на тему своего модельного сочинения о телесных наказаниях. Мачинский по вопросу об отыскании службы. Якубович прочел мне свое изложение диспута Тальберга. Сделал поправки. Мацкевич для беседы. Обещал содействовать мне осмотреть архив при соборе в Каневе, в котором его отец состоит настоятелем.

16 сентября. Вторник.

Читал лекцию. На лекции было человек 25. То есть половина.

В промежутке беседовал с Феофилактовым о Хилкове. Хилков имеет удостоверение, что он служит в конторе пароходства по Днепру. Закон для поступления в вольнослушатели требует, по крайней мере, *определенных занятий.* И тем не менее Феофилактов наотрез отказал на этом основании допустить кн. Хилкова в у-т вольнослушателем. Придется пристраивать его формально на службе вследствие канцеляризма и неправильных толкований ректора.

Позволить студентам бюро он наотрез отказался.

После лекции был colloquium Джалалова.

Чертков получил депешу и с поспешностию уехал в Петербург. Все толкуют этот отъезд как преддверие отозвания из Киева. Что будет на самом деле, скоро увидим.

Встретил молодого Ге. Говорит: начал слушать лекции. Чтение Митюкова ему понравилось. «Гладко,— говорит,— читает». Итак, гладко читать — значит быть хорошим профессором. Когда я был студентом, я был того же мнения, какого держится ныне молодой Ге, я был даже в

восторге от чтения Митюкова. И Митюков понял и понимает, где его сила: он 35 лет гладко и изящно читает. А какие результаты этого чтения, а что в этом чтении, а где глубина в этом чтении, а где его ученые работы, где его ученики,— об этом не спрашивайте, это вопрос, не касающийся хитрого сына киевского кожемяки.

Ел именинный пирог у невестки Людмилы Павловны Кист[яковской].

Вечер провел у Н. В. Реутского. Были. А. М. Полиновский и С. П. Якубович. Разговор был ординарный, больше ради препровождения времени. Просил Полиновского о содействии к определению на службу князя Хилкова, чтобы доставить ему возможность поступить в у-т.

Возвратился в 1/2 12 ч.

17 сент[ября]. Среда.

Утром я был постоянно до 12 ч. отрываем от работы. Были: Сасько, Каули, Масловский, студенты: Якимов, Баришевский, кандидат в студенты Хилков и Романовский. Каули по устройству теплого ватерклозета. Масловский по интересам Журьяри. Баришевский по вопросам ассоциации студенческой. Якимов за книгами. Кн. Хилков по вопросу о поступлении своем в студенты. Дал ему письмо к князю Репнину. Романовский приходил благодарить за содействие ему окончить экзамен. Он мне был рекомендован Стрельниковым.

Я ему теперь высказал свой взгляд на сего прокурора с натурою палача, на сего жреца человеческих жертвоприношений. Высказал свой взгляд не с другою какою целию, как только предохранить сего молодого человека от влияний человека с такими кровопийственными инстинктами. Романовский старался его защищать. Я сказал ему: «Не для спора я высказал Вам свой взгляд, а для того, чтобы чуждались служения подобному делу, какому служит прокурор Стрельников». Романовский производит впечатление молодого человека с расслабленною натурою, болезненного, скорбного, колеблющегося, слабохарактерного, мямли и нюни. В 26 лет он уже начал седеть. Что из него выйдет — не знаю. А может быть, увижу.

Вечером уехал брат Николай.

Назначено было заседание совета. Явился один Мич. Вообще, заседания наши как-то не клеются. Что это значит — не ведаю, или пока не решаюсь сделать вывод. Наблюдение над будущим покажет. Сегодня, впрочем, исключительный день: Софии, Веры, Надежды и Любви. Много именинниц. По-старосветскому празднуются. Не быть на вечере нельзя же. Так объяснил Скордели.

Оказывается, что студенты всполошились и стали думать об устройстве бюро не с ветру, а вследствие смерти одного из своих товарищей, который и не доедал и не допивал, отчего и умер. Но как у нас любят одно делать, а другое в публику пускать, быть одним, а казаться другим. Ректор Феофилактов решительно отнесся отрицательно к попытке студентов о самопомощи; он наотрез отказался дозволить им самим посредством ассоциации хлопотать о своих нуждах в стенах у-та. А в газетах пишут, *что ректор принял живое участие в положении студентов.* Значит, за кулисами душит, а в публику является в виде благотворителя и покровителя.

Вот документ из «Русского курьера»:

«К и е в.— 7 сентября студенты университета Св. Владимира похоронили товарища, жившего в последнее время в чрезвычайной нужде и за несколько дней до смерти только случайно «открытого» товарищами. Покойный жил в убогой лачуге, в отдаленной части города, без всяких средств даже для прокормления. Будучи помещен товарищами в удобной квартире и получив возможность сносно питаться, покойный прожил недолго. Это печальное обстоятельство ускорило разрешение университетским начальством сходки студентов в здании университета для обсуждения мер к отысканию занятий для нуждающихся товарищей. На сходке присутствовал один из помощников инспектора. Ректор принял живое участие в положении студентов. («Молва»)» [85].

«Русск[ий] курьер», № 251, 1880 г.

Хилков не явился вопреки обещанию. И не знаю, имело ли результат мое письмо.

18 сентября. Четверг.

Вчера вечером пред отъездом брата Николая и его товарища Куприевича, тоже гостя, я беседовал тихо и любовно с последним. В это время разрезвились и расшалились Борис и Юлий: подняли беготню по комнатам, шум и суматоху. Я обратился и раз, и два, и три, и четыре с просьбою, увещанием к прекращению этих шалостей, сначала голосом тихим, просительным и увещательным, а потом повелительным с напоминанием, что они будут наказаны. Я им заметил, что они бегали в темную и сырую ночь — было 1/2 8 ч. на дворе без шапок. Не унялись. Некому унять. Вдруг слышу в зале сильный стук, что-[то] повалилось: оказалось, что они низвергли большой комнатный цветок — драцену.

Я вспыхнул, оттрепал их по мягким частям рукою и отхлестал тонким пучком розок по тем же частям, как они были в одежде. Эти семейные события производят на меня подавляющее, тяжко болезненное действие. В прошлом году я иногда рыдал, запершись в свою комнату и болел. То тяжелое состояние моральное, в котором я выехал за границу, было результатом подобных малых семейных сцен, нажито мною было у семейного очага.

Говорить, беседовать — это значит вызывать только вспышки гнева, припадки нервного расстройства и бесконечные споры или значит услышать формулу: «Не нужно было рождать».

Дети обыкновенно или очень часто подымают содом и гоморр, драки, крики, плачи, когда у меня бывают посторонние, гости. Я только краснею. Года четыре тому назад был у меня Шульженко, ныне инспектор училищ Киев[ского] округа. В это время дети подняли неистовый шум, крик и плач в столовой. Гость мой и говорит: «Вероятно, вашей супруги нет дома». Я весь покраснел.

Читал лекцию. Было человек 27 студентов.

В «Иллюстрации» появился портрет Черткова с краткою биографиею. Этот душитель назван человеком справедливости. Где же справедливость? И по каким корыстным или иным побуждениям «Иллюстрация» дала эпитет справедливого этому минотавру? Впрочем, зачем я затрачиваю восклицания, вопрошения и удивления. Если египтяне обоготворяли гад, змей, быков, или сибирские инородцы обожают и до сих пор медведей и всяких чурбанов, отчего какой-то русской «Иллюстрации» не напечатать похвал такому Держиморде, каков Чертков.

Но то, что имя справедливого явилось в такую минуту, когда идет речь об удалении этого душителя, то можно заподозрить даже честность газеты. Это реклама или кумовства, или подкупа.

Цитович, философ чертковской политики, совершает подвиг за подвигом. Он, придравшись к какой-то печатной фразе А. Б. Думашевского, воздвиг против сего писателя обвинение в *проповедывании цареубийства.* «Неделя» спрашивает: «Зачем же Цитович говорит подобные вещи?» И отвечает: «Затем, чтобы лишний раз высказать излюбленную «Берегом» мысль о солидарности *надпольной* печати с печатью *подпольной».* Та же газета говорит: «На днях, полемизируя с одной газетой по вопросу о свободе печати, Цитович сказал следующее: «Нам надо молиться о том, чтобы *доброе влияние настоящего времени* продолжалось долее». «О фарисеи и лицемеры! — восклицает газета: «Вы молитесь об одном, а на деле стремитесь к противоположному».

В газетах пишут, что оболганные, оклеветанные и обнесенные Булюбашем, когда пришел из Сената указ об оставлении решения в силе, коим этот доносчик приговорен был к заключению в тюрьму, подали просьбу, чтоб наказание не было применено, потому что они считают себя удовлетворенными. Молодые люди поступили и великодушно, и умно, и тактично.

Отправляюсь в заседание Думы.

19 сентября. Пятница.

Заседание Думы не было лишено интереса. По вопросу об отпуске суммы на параллельные классы при женской гимназии шли оживленные прения. Попечитель предложил открыть жен[скую] прогимназию. Кониский предложил поправку: отпустить деньги 2500 руб. на открытие параллельных классов при существующей женской прогимназии. Думская комиссия вламалась по сему поводу в защиту элементарного образования и чисто народных школ. Ей отвечали Кониский и я, что мы согласны и даже рады, чтобы открыта была проектируемая женская элементарная школа, но просили удовлетворить насущную потребность в параллельных классах женской гимназии, так как в нынешнем году 160 девочек — дочерей жителей г. Киева не могли поступить в гимназию за недостатком мест. Дума отказала в удовлетворении сего предложения.

Якубович, возвращаясь из Думы, говорит, смеясь: «Ренненкампф распинался за народное образование: не к лицу». По поводу предложения головы о возбуждении ходатайства пред правительством, чтобы оно взяло на себя часть содержания полиции в г. Киеве, Кониский сделал поправку: просить правительство или отдать полицию в распоряжение и зависимость города, и тогда город готов содержать полицию, или освободить город от части содержания ввиду того, что полиция исполняет обязанность не одной городской полиции. Эта либеральная поправка показалась всем неуместною: шутка сказать, чтобы правительство отказалось от власти над полициею в г. Киеве. Кониский придавал своему предложению столь серьезное значение, что просил записать его, эту драгоценность, в протокол. Кониский ловкий и неглупый человек. Но не подлежит сомнению, что он принадлежит к тем либералам, которые ловят личное счастие. Так, еще недавно он был противником отчуждения городских земель в больших размерах. А еще вчера

подал мнение радикально противоположное, в котором он доказывал необходимость продать несколько кусков городской земли, количеством в 4,5 и 6 десят[ин]. По поводу предложения о ходатайстве, чтобы правительство отдало в собственность города те земли, на которых построено предместье Соломенка и которые находятся у города в оброках с платою ничтожной суммы 450, Лучицкий вламался в защиту бедных жителей предместья Соломенки, которые платят городу больше 6000 руб. за те земли, за которые сам город платит казне всего 450 руб. Но дело в том, что на Соломенке действительно живут бедные и очень бедные люди, но только не домовладельцы, а наниматели. Соломенские же домовладельцы, обыкновенные домовладельцы, победнее многих киевских, но не беднее другой половины киевских жителей. Ну, Иван Васильевич Лучицкий как был, так есть, так и остается малолетком, жидким, наивным либералом. Этот далеко не уйдет с своим либерализмом, за это можно ручаться. В настоящее время у него советником состоит Кониский. А без няньки наш ученый, которого иногда именуют Ваничкой, обойтись не может. Ум не самобытный, характер вечно несовершеннолетний, манера держать себя явно указывающая на внутреннюю несостоятельность, физиономия в 36 лет юноши лет в 20, вот характер нашего милого и безобидного либеральчика. О Кониском, не ему чета: это либерал, который отлично знает, где раки зимуют, хотя и сей муж до сих пор еще не отвык от того, чтобы рисоваться своим либерализмом.

21 сент[ября]. Воскресенье.

Вчера было заседание Юридич[еского] общ[ества]. Собралось 18 чел[овек]. Прошло удовлетворительно.

Сдал проект купчей брата Федора Скордели.

Опять получил письмо от Квачевского на ту же тему. Просил в ответном письме не втаскивать меня в его личные отношения с Грековыми и уволить меня от своей полемики со мною же, которою он наполняет присылаемые мне письма.

Был А. В. Славатинский. Беседовали о том, о сем, а больше ни о чем.

Написал письма Анциферову, Баршевскому, Подоляке, Миклухе, Белецкому, Лего-Долгополову, Симоновскому, Соколову, Тарасову, Загоровскому, Сторожевскому и Патлаевскому.

Пошел гулять. Встретил Должикова, антиквара. Зашел к нему в лавку пересмотреть книжную старину. Это — вчерашний день. Сегодняшний день, воскресенье, весь ушел на внешние дела и на прием.

Утром отправился на Подол к букинисту Марченку, посетившему меня третьего дня с известием о том, что у него есть для меня пожива. Купил книг на 7 руб. 50 коп. В числе их Литовский статут 1811 г.

Затем явились один по одному: А. Ф. Линдфорс, В. В. Порскалов, С. П. Якубович, А. Д. Юркевич и Рузский, совершенно новая личность, рекомендованная в члены общества.

Много было речей и разговоров, о них же не лет глаголати. В три часа был у Должикова и купил книг на 3 руб. 80 [коп.].

Вечером был А. И. Сасько.

Отдыхал. Беседовал до 1/4 11 ч.

Забыл я записать мой визит к Котляревскому. Не так здоров: лихорадка. Высматривает дряблым. Раздражителен. Передряги заели.

Стычка опять. Упреки. Речь о Белогриц-Котляревском. Он взводит против него разные обвинения. Больше и больше убеждаюсь, что Котляревский — ум неважный, характер некрепкий, мораль невысокая, путающаяся в мелочах и противоречиях. Он погряз в некоторых исключительных чувствах и настроениях, а это нехорошо.

23 сентяб[ря]. Вторник.

Вчера я был у попечителя Голубцова. Просил его за Данкена и Доброгаева, учителя Ямпольского двухклассного училища. Принял меня любезно и обещал сделать что возможно.

Ждали обедать Порскалова, он не пришел: семейное горе. Была только она.

Был у Гюббенета, полиц[еймейстера]. Просил его, чтобы не давал ходу составленному акту о нечистом содержании двора брата Федора. Вечером был студент Захарченко: беседовал о способах возвращения в у-т Подольского, из-за которого поднялось волнение студентов в 1878 г. Он сосланный в Повенец, отбыл затем воинскую повинность и возвратился ныне на родину к своим родителям в Сквиру.

Когда я пришел в лекторию, то встретил Виндинга, секрет[аря] сов[ета], который объявил мне, что министр утвердил проект устава Юридического общества без перемены, то есть с отделением обычного права. Это меня очень обрадовало. Демченко, Пихно, Коломийцев и К°, которые подняли бурю против моего предложения об открытии отделения обычного права и которые старались набросить тень подозрения на мои намерения, предсказывая, что правительство подозрительно посмотрит на это предложение и не утвердит, остались с носом, посрамлены.

После обеда я сделал прогулку. Зашел к Скордели. Был у Ильницкого. Сделал некоторые покупки.

Вечером была у меня Литвинова. Беседовали о поступлении сына ее в у-т. Он один из исключенных в 1878 г. по первой категории. Феофилактов отказался принять его прошение, несмотря на то, что совет постановил принимать. Обещал завтра быть у Кентавра и переговорить.

Позже пришли Астафьев, А. И. Сасько, Бел[огриц]-Котляревский и Василенко. Беседа шла вяло. В 1/2 10 ч. разошлись.

Много и болтали, и писали, что Черткова уберут из Киева. Теперь стали говорить, что он остается и что завтра возвратится из Петербурга, куда он уехал, вероятно, с целию отстоять свое оставление в Киеве. Вот поистине наказание Господне. Чертков крепко держится за свое место. В газетах то там, то сям являются в пользу его рекламы. Так, в сегодня полученном № «Рус[ского] курьера» напечатано, что будто бы он в одном крестьянском деле распорядился так: крестьяне должны были получить от помещика 2000 дес[ятин] земли и заплатить ему 96 000 руб. А Чертков повернул дело так, что крестьяне к 2000 дес[ятин] получили еще 1000 дес[ятин] и уволены от платы 96 тыс. руб. Что-то невероятно.

Патлаевский просил меня письмом, чтобы я дал мое мнение о магистре Палаузове, которого теснят в Одесском у-те и не хотят допустить его на кафедру уголовного права. Я написал ему, что я считаю Палаузова способным, достойным и готовым занять эту кафедру.

Брат Федор телеграфировал, что он завтра будет в Киеве.

24 сентяб[ря]. Среда.

Утром был в у-те, чтобы говорить с ректором за Литвинова. Неудачно. Оказался на лекции. Зашел в типографию. По возвращении застал Литвинову. Обещал завтра переговорить с ректором и ее известить письмом о результатах переговоров. Литвинова — издательница малороссийских узоров. На днях я получил письмо от Ев[гения] Железховского из Станислава, что в Галиции, моего карлсбадского знакомого, с просьбою прислать ему эти узоры. Я воспользовался этим случаем и получил от Литвиновой пожертвование этих узоров для станиславского отдела «Просвиты». Литвинова подарила и мне экземпляр.

Была просительница Васильева. Дал юридический совет и адресовал ее к И. Я. Давиденку.

Устроил отправление целой семьи Бугаевых к нотариусу Скордели. Наконец купчую подписали.

Вечером собрались брат Федор с женой Вар[варой] Вас[ильевной], К. И. Чубинская, она привезла несчастного своего мужа П. П. Чубинского, К. П. Чубинский, А. И. Сасько, С. П. Якубович, и молодой Дараган, окончивший наш юридический факультет. Днем был студент Матросов, второго курса юрид[ического] ф-та, просить книг. Удовлетворил.

Сегодня окончил апелляционную жалобу для друга. Она у меня поглотила целую неделю. Дело Саськов как бы мое собственное дело. В выигрыше его я заинтересован морально. Сутяга Манджос хочет оттяпать речку Хмеловку или часть ее, протекающую чрез владение наших друзей. В этой речке купаемся все мы и наши дети. Но это только материальный интерес. А нравственный в том, чтобы восторжествовало правосудие. Претензии Манджоса совершенно несправедливы: это простое и наглое вторгательство в чужую собственность. Полтавский окружной суд стал на сторону этого бездельника. Член суда Шостак, который приезжал осматривать местность, раз доложил так, в другой — иначе. Должно быть, плут. Признаки подлости его действий не время и не место излагать, но они у меня в руках. Это один из тех судей, которому адвокаты пишут решения в окончательной форме. Первое решение заочное, написанное в пользу Саськов, было писано адвокатом Саськов. Последнее, наверняка, было писано адвокатом противной стороны.

Посетил меня Доброгаев, за которого я замолвил слово попечителю. Я советовал ему ныне самому быть у попечителя и переговорить с В. Ф. Горовым.

В 8 1/2 ч. вечера я ездил с К. И. Чубинской к Шкляревскому, профессору, чтобы он завтра приехал на консультацию. Не застали. Возвратившись, я написал письмо к Шкляревскому и вручил ей; завтра утром она будет у него сама. От К. П. Чубинского узнал, что В. Н. Мачинский поступил в контрольную палату с окладом 20 руб. в месяц. Слава Богу.

Дети, возвратившись из гимназии, объявили, что Богдану назначена первая, а Борису — вторая награда [86]. Завтра во Второй гимназии акт. По окончании лекции постараюсь хоть поздно быть на акте.

Дело Саськов ведет Квачевский. И небрежно по обычаю. Не доверяя деловитости его, он фразер, я решился сам написать апелляционную жалобу. Что же касается его материальных интересов, то я сказал Саську, что он должен ему заплатить, что обещал. Материальных ин-

тересов его я трогать не хочу. Он многосемейный человек. Он должен удовлетворять многие голодные рты. Но я, взявшись за составление апелляции, поставил условием, чтобы она подана была б от имени самих Саськов, а не от Квачевского.

Получил утвержденный министром устав.

25 сент[ября]. Четверг.

Лицемерие Лорис-Меликова господства. Недавно из Тифлиса выслан административным порядком на жительство в Ставрополь некто *Николадзе.* Николадзе — местный публицист и общественный деятель: он гласный Тифлисской думы. Как публицист он смело нападал на злоупотребления местной администрации. Его газету задушили. Как гласный был одним из главных деятелей в проведении того постановления, в котором Тифлисская дума определила ходатайствовать пред правительством о предании суду губернатора за его произвольные распоряжения по управлению городом. Итак, разинь только рот гласный земства и городского управления для выражения мыслей, которые не нравятся администрации,— и его тотчас же упрячут в ссылку.

Наемный публицист Цитович выступил самым коварным и полицейским образом против министра народного просвещения Сабурова. Потому что сей молодой министр не принадлежит к шайке гонителей и душителей.

Недавно наивное русское общество было ошеломлено опубликованием программы нынешнего вице-императора Лорис-Меликова. Правда, и опубликование это есть частное, и речь его, в которой он высказал свою программу, была обращена к небольшому кружку публицистов. Но во всяком случае эта программа не лишена значения. Наш вице-император заявил мысли свои 6 сент[ября], то есть тотчас по возвращении из Ливадии. Можно наверняка делать заключение, что сему объяснению с представителями печати предшествовал разговор его с императором на ту же тему. Вот подробности его:

«Петербург. 19 сентября. В городе уже сделалось известным, что 6 сентября министр внутренних дел, граф Лорис-Меликов, пригласил к себе нескольких редакторов для объяснения. Сегодня в 9-й книге «Отечественных записок» по этому поводу напечатано следующее: г. министр внутренних дел пригласил к себе редакторов большой прессы с специальною целью разъяснить им, чтобы они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении — в виде ли представительных собраний на манер европейских, в виде ли бывших наших земских соборов,— что ничего подобного в виду не имеется и что ему, министру, подобные мечтательные разглагольствования прессы тем более неприятны, что напрасно возбуждаемые ими надежды в обществе связываются с его именем, хотя он, министр, никаких полномочий на это не получал и сам лично в виду ничего подобного не имеет, будучи твердо убежден, что настоящее время есть самое необходимое. Чем надобно заняться и на что он обратит все свое внимание и труд — это дать должную силу новым учреждениям, уже существующим, а также привести в сообразность и гармонию с последними учреждениями старого порядка, видоизменив их, насколько то потребуется для этой цели. Поэтому ближайшей его программой, исполнение которой, может быть, потребует от 5 до 7 лет времени, будет:

1). Дать земству и другим общественным и сословным учреждениям возможность вполне пользоваться теми правами, которые дарованы им законом, стараясь при этом облегчить их деятельность в тех случаях, когда на опыте, в том, или другом отделе предоставленной им законом деятельности, окажется недостаток полномочий, необходимых для правильного ведения дела и экономического улучшения местностей.

2). Привести к единообразию полицию и поставить ее в гармонию с новыми учреждениями, чтобы в ней не было более возможности проявляться разным уклонениям от закона, существовавшим доселе.

3). Дать провинциальным учреждениям большую самостоятельность для разрешения подведомых им дел, чтобы они не имели нужды с каждым, иногда совсем незначительным вопросом обращаться в Петербург и ждать разрешения оттуда.

4). Дознать желания, нужды и состояние населения разных губерний, для чего, по ходатайству министра внутренних дел, высочайше назначены сенаторские ревизии нескольких губерний, и на основании того, что будет добыто означенными ревизиями, по возможности удовлетворить желание и нужды населенія, обратив при этом внимание и на его экономическое положение.

5). Дать печати возможность обсуждать различные мероприятия, постановления и распоряжения правительства, с тем только условием, чтобы она не смущала и не волновала напрасно общественные умы своими помянутыми мечтательными иллюзиями» [87].

Читал лекцию. Было 27 слушателей. После лекции был на акте во Второй гимназии. Богдан и Борис получили награды.

Вечером собрались Порскаловы, А. И. Сасько, С. П. Якубович и Хроновский. Хроновский приносил программу «Киевского листка», утверждения которого хотят просить. Советовался. Сообщил, что статья о сенаторской ревизии принадлежит перу Малышева. Цензор долго не соглашался пропустить то место, где есть обо мне упоминание.

В 1/2 9 отправились к брату Федору. Там застали Реутского. Проболтали до начала 12 ч.

26 сент[ября]. Пятница.

Вчера, перед лекциею, беседовал с ректором Феофилактовым о принятии в у-т Литвинова. Оказывается, ректор решился не принимать новых прошений. Эта внутренняя политика ректора противоречит сущности того, что было постановлено в совете: мы, рассуждая и решая в совете насчет возможности исключенных по 1-й категории в 1878 г. принятия их в у-т, разумели, что мы решились ходатайствовать не только о 7-ми, подавшими прошение в у-т, но и о тех, которые подадут прошение потом. Феофилактов плутовски истолковал наше решение и стал даже не принимать новых прошений. Таков ректор Феофилактов. Он понял, что крючками и канцелярским противодействием он может достигнуть многое, что сам, шутя, он в состоянии отстранить поступление бедных молодых людей: не мытьем, так катаньем.

Бывшему профессору Модестову разрешено издание газеты «Новая газета» [88]. Так наш классик окончательно перешел в публицисты. Кажется, что он здесь будет более на своем месте. Страстный, раздражительный, воинствующий, он найдет в газете выход своим страстям.

В высокой степени интересна речь Федора Юрковского, пресловутого Сашки-инженера. Какие драгоценные дарования пошли в революцию. Душители, с одной стороны, бунтовщики и разрушители — с другой. А в средине мизерия, пошлость, пассивность, раболепие. Юрковский в своей защитительной речи наносит тяжелые удары прокурору Стрельникову. Сарказм и ирония доведены до той степени, которая требовалась для того, чтобы нанесть приличные удары этому душителю. «Что касается до меня, то я счел бы для себя унизительным оправдываться от этих грязных подозрений, которыми меня здесь наделили, но в отношении всех других я не могу и не должен равнодушно выслушивать оскорбления, я должен сказать, что чистое всегда останется чистым, несмотря на всю грязь, которую г. прокурор бросал в нас в течение десяти дней, грязь, добытую не из нашей жизни, а из богатого источника зловонной глубины клоаки. Эпитет, которым прокурор наделил нас в своей обвинительной речи — я только возвращаю то, что получил».

Нельзя без некоторой симпатии относиться к людям, подобным Юрковскому, при всем отвращении к образу действия, который они избрали. Подняться на воровство для осуществления своих идей и замыслов — это значит быть в величайшем заблуждении, это значит увековечивать гнусный образ действия — исконное орудие того старого порядка, который эти господа хотят разрушить. Что же в результате русский народ получит? Ничего, кроме борьбы партий без улучшения морали. Не все ли равно, кто будет красть: Стрельников ли, Юрковский ли, или кто-либо из представителей иной партии. Кстати, Стрельников в числе ушатов грязи, которые он выливал на обвиняемых вместе с Юрковским, вылил и тот ушат, который содержал в себе всякие вонючие вещества по части половых отношений. Он доказывал, что радикалы соблазняли молодень[ких] девиц и, удовлетворив свои плотские похоти, бросали их как выжатые лимоны. Для этого он собирал показания разных наговорщиков и лжесвидетелей. К таким наговорщикам принадлежал несчастный Богословский, который с веревкою на шее показывал все, что Стрельникову было угодно. Стрельников, при помощи Богословского, приплел к сей истории и отношения старых украинофилов с Ищенковой. Дело в том, что много лет тому назад пронеслась молва о том, что в Одессе появился новый малороссийский поэт Ищенкова. Маленький кружок киевских украинофилов заволновался: родились великие надежды. Ищенкова выписана была в Киев. Поселилась, как и следовало, у отца киевского украинофильства Антоновича. Стали изучать украинскую поэтессу, которая на деле оказалась полуграмотною, слагавшею весьма низкого достоинства украинские рифмы, девкою без дарования, без образования, без идеалов. Само собой мечты разлетелись, надежды не осуществились, и покровительство было прекращено. Где она девалась — не знаю. Из этих-то отношений, в которых не было и тени каких-либо даже расчетов на плоть, Стрельников состряпал историйку плотских отношений *старых* украинофилов к молодым девицам, или, по крайней мере, эти отношения пристегнул к грязным плотских отношениям, которые ему угодно было сочинить или, по крайней мере, огрязнить.

В 1/2 1 ч. я отправился с Юлием, Сашею и Горею гулять: посетили Софийский собор, Михайловский монастырь и побывали у памятника Св. Влад[имиру]. Хотел быть у попечителя, чтобы просить за Кли-

менка: не принимает, болен. Посетил меня Миклуха, член Юридического общества. Беседовал о теме для доклада. В три часа приехал Могилянский, обедал.

В 1/2 6 ч. вечера отправился с Сашей и Антоновичкою к П. П. Чубинскому. Там застали докторов-профессоров: Тритшеля и Шкляревского. Физическое состояние Чубинского лучше, но моральное и умственное его то же. Когда уехали доктора, он усомнился, доктора ли это. А между тем он с обоими знаком издавна.

Получил приглашение от Нефедова, фактического редактора «Русского курьера», на сотрудничество в этой газете.

27 сент[ября]. Суббота.

С 1/2 9 до 11 ч. просидел с братом Федором у Н. В. Реутского. Там был и Полиновский. При всей узости мировоззрения этих членов судейской палаты, это люди вполне порядочные в круге своих действий.

Чертков возвратился из Петербурга. Вся военщина встретила его на вокзале в полной парадной форме. Следовательно, все эти газетные известия о его удалении из нашего края оказываются по меньшей мере преждевременными. Хотя, с другой стороны, некоторые повторяют, что и все-таки его уберут из Киева. С удалением, или оставлением в Киеве Черткова тесно связано положение Антоновича. Ведь он потребовал его удаления. Это требование он не изменил. Ныне Антоновича выбрали деканом. Но при оставлении Черткова на месте не только могут встретиться препятствия к его утверждению деканом, но остается угроза и для его профессуры. Вот почему киевское украинофильство в высокой степени заинтересовано в его удалении из края. Думаю, однако ж, что, если Черткова заменит Дрентельн, выиграша будет мало. Дрентельн стоял во главе «черного кабинета»; Дрентельн — фрунтовка, узкий ум, узкая мораль, узкая душа, менее низкая натура, чем Чертков, на один-два градуса.

Был у меня князь Хилков. Репнин его зачислил в свою канцелярию и выдал дозволение посещать университетские лекции. Дал мою карточку для предъявления ректору. Хилков — толковый молодой человек, с практическим тактом и смыслом. К завтраку явился Могилянский, с которым я с удовольствием пробеседовал за завтраком. Посетил меня И. Т. Яхненко. Беседовали по делам администрации.

Вечером было заседание юрид[ического] ф-та. Экзаменовался А. Н. Рождественский, профессорский стипендиат. Экзамен не пошел. С экзаменующимся приключился какой-то полустолбняк. Он отвечал как-то странно, а на некоторые вопросы отказался совсем отвечать. Сослался на болезненное состояние. Действительно, он изображал из себя человека в странном состоянии. Факультет предложил ему явиться в другой раз на экзамен. Предусмотрительность большая. Против нее ничего не имею. Объясняю же ее особенною настроенностию в пользу молодого человека. Одно только я думаю, что Рождественский — труженик и зубрыло и что его мыслительные способности более пассивны, чем активны. Будущее, впрочем, покажет, что за ум Рождественский.

Возвратившись, отправился с детьми в баню.

28 сент[ября]. Воскресенье.

Был С. П. Якубович с молодым своим другом, скрипачом Островским. Последний в первый раз. Сделал в 1/2 3 ч. визит А. М. Полиновскому. Про него-то я и забыл.

Брат Федор простился: уезжает. Получил письмо от Кострова с необходимым документом для брата.

Как-то был у меня А. Я. Антонович, профессор Лесного института в Новой Александрии. Передавал факты чиновнического захвата земель в Царстве Польском, захвата, носящего легальное название *царского пожалования.* В сущности это есть разграбление достояния народа. На сем основании бывший товарищ министра получил лес *Гарволинский* стоимостью в 600 000 руб. и сейчас же продал часть за 200 000 руб. Коцебу, бывший генерал-губернатор, получил лесничество в 1 000 000 руб. Грейг, министр ф[инан]сов, фланирующий вечно по России, получил имение с богатым лесом, которое он поспешил продать за 800 000 руб. или за целый миллион. Арцимович, сенатор, даже добродетельный Арцимович, или считающийся таковым, получил в подарок имение около самого Лесного института в Новой Александрии. В первый же год он продал лесу на 70 000 руб., в нынешнем году — на 20 000 руб., и это в то время, когда институту отказывают в прирезке какого-либо клочка земли.

Этим путем разграблены земли — народное достояние в а) Царстве Польском; б) в Северо-Западном крае; в) в Юго-Западном крае; г) на Кавказе. Ныне открывается, что таким же путем расхищены земли в Оренбургском крае и что расхищение идет во вновь приобретенных землях, как, например, в Батуме, вероятно, тоже идет и в Туркестанском крае. По поводу административной ссылки *Николадзе* в № 261 «Рус[ского] курьера» говорится, между прочим: «Экая важность, что общество наше лишится возможности следить за текущею жизнию, *зато дельцы наши будут спокойно раздавать казенные земли, до ключниц своих включительно, как это было в Батуми.* В Киеве дано было 200 дес[ятин] генерал-губернаторскому камердинеру Кнопу».

И все это в то время, когда народ наш бедный обремененный податями и повинностями. Народ страдает от малых наделов земли, которые не в состоянии его прокормить.

Вот сведения о расхищении в Оренбургском крае казенных и народных земель. Правитель генерал-губернаторской канцелярии *Холодковский* успел сделаться самым *крупным землевладельцем.* Это называются законные способы приобретения собственности.

«Страна» останавливается на важном вопросе о землях крайнего востока Европейской России.

С тех пор, говорит газета, как решено было, за наделом башкирских припущенников (так называются в Оренбургской и Уфимской губ[ерниях] крестьяне, поселившиеся на башкирских землях), и даже задолго до этой меры, излишние свободные земли и так называемый запас оставить в распоряжении местной администрации, нареканиям к нерациональности этих распоряжений нет конца. И надо сказать, что местная администрация сделала с своей стороны все для того, чтобы нарекания и жалобы были основательны. По ее инициативе, продажа башкирских земель в частные руки то воспрещалась, то вновь разрешалась. В настоящую минуту, когда почти уже нечего продавать и весь запас продан, правильнее сказать — роздан по усмотрению орен-

бургской администрации, дальнейшее отчуждение башкирских земель воспрещено.

Когда продажу башкирских земель (запаса) взяла на себя оренбургская администрация, то дело это она устроила самым келейным образом. Никаких публикаций о продаже этих земель не было. Земли раздавались по усмотрению и представлению оренбургского генерал-губернатора, через посредство министра государственных имуществ. Списки желающих приобрести участки составлялись в канцелярии генерал-губернатора. Две трети из числа лиц, припущенных к дешевой и льготной покупке башкирских земель, вносились в список этою канцелярией, остальная треть — министром государственных имуществ.

«Страна» относит к чести министра тот факт, что так как в почти даровой раздаче этих земель нельзя было не видеть награды, то министр, считая себя компетентным в оценке только своих служащих, и представлял к этой награде исключительно чиновников Министерства государственных имуществ. Две трети из числа лиц, которым раздавались башкирские участки, как уже сказано, вносились в список канцелярией оренбургского генерал-губернатора. Таким образом эта канцелярия оказалась компетентною для оценки заслуг лиц всевозможных ведомств, получивших, при ее содействии, возможность приобрести имение по 2—4 рубля за десятину с рассрочкой уплаты на 40 лет... Выбор участка зависел от канцелярии.

Так установилась довольно значительная часть землевладений в крае. Принесут ли чиновники-землевладельцы пользу Оренбургскому краю, это дело будущего; пока известно, что многие уже перепродали свои участки или ищут покупателей, так что в конце концов земля перейдет к тем кулакам, которые послужили оренбургской администрации предлогом для вмешательства ее в дело продажи башкирами своих земель по вольной цене. Запутанность дел там и теперь большая.

Года три тому назад оренбургскому генерал-губернатору разрешено, по своему усмотрению, уничтожать купчие крепости на земли, купленные у башкир-вотчинников. Последовали запрещения на земли, перешедшие через много рук,— земли, на которых успели поселиться крестьяне. Теперь воспрещена дальнейшая продажа башкирскими обществами излишка своей земли. Говорят о новом проекте продажи этих земель при посредстве администрации.

Словом, усложнения накопляются и будут накопляться до тех пор, пока не понадобится особая администрация для приведения в порядок земельного хозяйства в Оренбургском крае. Само собою разумеется, говорит «Страна», что ожидать беспристрастия от нового учреждения можно будет только при таком условии, если в состав его не войдет никто из новых землевладельцев края, приобревших башкирские земли, и вообще людей, лично замешанных в деле.

Местная администрация так спутала вопрос, что его уже нельзя оставлять в единоличном заведывании правителя канцелярии генерал-губернатора А. Д. Холодковского, тем более, что этот правитель за свое долгое пребывание в крае успел сделаться там одним из самых крупных землевладельцев.

Уфа. (Корреспонденция «Русского курьера».) По степени урожая нынешнего года 22 волости Уфимского уезда делятся на две половины: западную, в 11 волостях которой урожай настолько плох, что население уже и теперь нуждается в продовольствии, и восточную, где урожай средний.

Причины неурожая, приписываемого «засухе», следует искать в ис-

тощении почвы при отсутствии обычая удобрять ее навозом и в обезлесении местности, благодаря хищническому способу пользования лесом. Все 11 неурожайных волостей когда-то изобиловали лесом, ныне же он уничтожен, и вот явилась засуха; там, где лес еще только что начал истребляться, были вовремя дожди, и урожай вышел средним. Не пора ли подумать о сбережении оставшихся лесов, пользуясь ими по возможности умеренно?

Вид полей поистине жалкий; между колосьев не спрячется и мышка. В особенности пострадали овес и пшеница. Гумна сравнительно пусты: что уродилось, население молотит и частью уже продало, так как «деньги больно нужны для уплаты недоимок и прочего». В настоящее время на пристанях [реки] Белой рожь в зерне принимается от 80 коп. до 1 рубля за пуд.

С 1 по 18 августа в уезде не было ни капли дождя; солнце пекло по-июньски, на полях все пожелтело, озимые взошли тощими. Это окончательно обескураживает земледельца. Но масса земледельцев, страдающих от неурожая сего года, хоть и своевременно было возбуждено ходатайство о ссуде семенами, упустила удобное время для засева озимей, потому что приговоры о ссуде только в начале августа вытребованы к рассмотрению губернской земскою управой, да и то вследствие того, как говорят, что в дело вступилась администрация, когда помочь горю отказалось уездное земское собрание...

В Уфимском уезде есть множество участков, полученных из казны сильными властями. Участки эти, что называется первый сорт, расположены всего саженях в 20 от башкирских селений, так что последние положительно стеснены в скотоводстве. В некоторых селениях башкиры при размежевании получили настолько неудовлетворительный по качеству надел, что уже в настоящее время арендуют землю у новых владельцев. Перечислять эти деревни и новых владельцев нет возможности — и тех и других сотни...

Но самый выгодный способ эксплуатации бывших башкирских участков — мозолистыми, привычными руками переселенца из внутренних губерний. Прибыв сюда, напр[имер], из далекой Рязанской или другой губернии, крестьянин вместо молочных рек с кисельными берегами рад-радешенек получить в «ренду» клок земли для прокормления. Во многих волостях (например, Караякуповской, Кармаскалинской и других) уже завелись хозяйства, которые напоминают собою английские фермы: крестьяне-переселенцы, получив в дар усадьбу и обзаведясь домом и хозяйством, землю для хлебопашества берут в аренду на три и более года. Вследствие неудовлетворительности надела по уставной грамоте немало крестьян собственно Уфимского уезда переселилось на эти фермы и мызы, как, например, из Петропавловской волости в Караякуповскую и пр. Но еще большая часть крестьян уезда, вследствие той же причины — неудовлетворительности надела, и мещан г. Уфы, вовсе не имеющих земельного надела (а их до 7000 душ мужского пола), проживая на прежних местах, нанимают землю у новых владельцев в 30—40 верстах от жилья, благодаря этому расстоянию засевают только для себя. К тому же и самою землей им доводится пользоваться из вторых и нередко из третьих рук, потому что кулаки, видя систематическое обезземеление населения, смекнули, в чем дело, а потому и поспешили снять участки от новых владельцев, проживающих в Петербурге и других городах, по цене от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. за десятину, а отдают эту землю крестьянину от 3 до 7 руб. за десятину.

Лет 10 назад у нас существовал такой порядок пользования башкирскими угодьями: при найме на 3—4 года участка крестьянин входил в сделку непосредственно с самим собственником-башкирцем и почти всегда на честное слово. Но с 1869 года, по воспоследовании разрешения башкирам продавать в вечное пользование свою землю какими угодно участками, мелкие сделки башкира с крестьянином почти прекращаются, так как явились «крупные» скупщики дач в лице уткиных, куликовых, кузнецовых и тому подобного люда. Продажею крупных участков башкиры крайне деморализованы: если крестьянин, желая арендовать или купить для себя участок, не предлагает башкиру, кроме рядной платы, подарка в виде чая и т. п., то башкирец не хочет и говорить... А «кулак» тому и рад...

«То-то же, голова,— говорит он крестьянину,— где тебе возиться тут с нехристью... С башкиром, голова, нужно иметь особую сноровку... Бери землю у меня без хлопот: купчую дам, сам похлопочу там, в Уфе...»

Вот почему у нас десятитысячная масса населения из внутренних губерний оселась на землях, хотя и башкирских, но полученных уже из вторых, «горячих» рук, с надбавкою невероятного процента против того, что она стоила в «детских» руках башкира.

Не знаю, насколько верно, но говорят, что один из администраторов края, здешний новый крупный землевладелец, распорядился, чтобы башкиры не отдавали свои земли в аренду на срок свыше трех лет... Уездные по крестьянским делам присутствия уже сделали распоряжения в этом отношении.

Обезлесение края, гибельно влияющее на произрастание хлебов и трав, сильно влияет на обмеление рек; так, напр[имер], хотя нынешнее лето и нельзя назвать вообще сухим и знойным, но уровень воды в реке Белой в августе понизился до того, что пассажирские пароходы с трудом совершают рейсы, делая ежеминутно промеры, показывающие в некоторых местах до 3 1/2 футов глубины,— явление небывалое с открытия навигации по Белой, то есть с 1858 года. Да, верховья Белой иссушаются вырубкой леса для белорецких заводов, притоки ее — Уфа, Сим, Инзер — иссушаются лесопромышленниками при выделке мочала, ободьев, а реки Юрюзань и Катав, по слухам, окончательно обмелели — от усиленного лесоистребления для катавских заводов при выделке «отечественных» рельсов» [89].

Профессор Прахов любезный человек очень. Взял у меня книги с атласами и рисунками. А возвратил их без них. Странно, отчего он возвратил книги, а не возвратил атласы с рисунками. Так как он художник, то это подозрительно. В голову лезет чертовщина. Мне кажется, что неспроста. Я подозреваю его в нечестности. Тем более, что сие можно прикрыть милою растяпностию. Забыл, мов, когда спохватятся. А когда не спохватятся, приручим чужую книжку, как чужую собаку. Странным мне показывается этот профессор. По приезде был у меня и раз и два, взял книги. Воспользовался моими услугами. А потом после четырехмесячного пребывания уехал, не зашедши даже плюнуть в дом, и в довершение прислал не все книги. Да, Наполеон был прав. Русский человек только внешне походит на цивилизованного. А поскребите, он явится в настоящем своем виде — варваром, мелким, хитрым, коварным, мошенниковатым и плутоватым. Посмотрим, что это на самом деле. Но чтобы выручить мои книги, я должен начать переписку. Отдай руками, да и ходи ногами — повторяла моя покойная мать.

Наивный я человек. Даю книги встречному и поперечному. Готов

вешаться на шею каждому. В особенности неравнодушен к посещениям иногородних литераторов. Удостоили, мов, чести, посетили. Знать, не последняя птица в колеснице. Известен, мов. Ха, ха, ха. А в сущности служишь, брат, только глупой вороной. А милые петербуржцы лисицей.

Приезжает Кулишер, которого я в первый раз в глаза вижу. На тебе 20 книг. Является Прахов, извольте взять ценное описание города Киева с атласами и «Труды 3-го археолог[ического] съезда» тоже с атласами. Как же? Посетили меня, пролили радость в сердце. Кулишер вот 5 месяцев как не возвращает книг — и притом уехал из Киева. А Прахов возвратил не все. Это плата за глупую доверчивость и пошлое радушие. Кому и для чего оно нужно, если люди пользуются им так пошло, эгоистически? Оно быть не должно и, ей, не будет, если не будет охоты оставаться в дураках.

На днях посетил я отъезжающего Порскалова. Встретил у него отца его, старичка лет 72. Был утешен. Старичок благодарил меня за юридический совет. Он хотел сутяжничать, да еще с родными сестрами. Когда моего юридического совета попросил сын его Владимир, мой товарищ, я высказался решительно против процесса и в пользу миролюбивого окончания дела, хотя на его стороне и было достаточно данных, чтобы начать процесс. Если и моя капля будет в водворении мира между людьми, я буду утешен.

29 сент[ября]. Понедельник.

Возня с апелляционною жалобою друга. Квачевский — советник ненадежный. Я с формалистикою мало знаком. Посоветовал сходить к И. Я. Давиденку.

В. Б. Антонович возбуждает ходатайство о назначении Русова инспектором народных училищ. Дело хорошее, но едва ли выполнимое. Русов — местный человек, украинофил. Обещал содействовать.

Посетила нас госп[ожа] Тарасова, жена профессора Ивана Трофимовича.

На горизонте нашем появился некто Рузский. Был членом Симферопольского окружного суда. Ныне поступил в присяжные поверенные. Твердит, что будет держать экзамен на магистра. Курса университетского, правильного, не проходил, а приготовился к экзамену домашним образом. Если бы не оказался свистуном. Нужно приглядеться.

Принесли № 3 «Листка „Народной воли“»[90]. Пуст и малосодержателен по обыкновению. Держится и процветает благодаря тому, что есть запрещенный плод.

30 сент[ября]. Вторник.

Читал лекцию. Было 30 чел[овек] студентов. На практической — 18 чел[овек]. Читал Чистяков. После четырехчасовой лекции почувствовал большую усталость. Отправился гулять к памятнику Владимиру. Погода была превосходная: ясная, тихая, холодноватая, т. е. самая удобная для прогулки. С истинным наслаждением я провел 2 часа в прогулке. Зашел по пути в книж[ный] маг[азин] Ильницкого. Там застал Н. М. Белозерского, брата известного Василия Михайловича. Николай Белозерский — собиратель этнографических материалов, относящихся до малороссийского народа. От него я узнал, что в июле месяце был в Малороссии и Киеве брат его Василий. Я был за границею. О несостоявшемся свидании с ним пожалел сердечно.

Вечером посетили меня студенты Новицкий, взявший тему о тюрьмах, и Струков, приготовляющий доклад на тему: подлежат ли малолетние и несовершеннолетние смертной казни по нашим законам. Был также Ф. Г. Мищенко. Он читал мне свое отдельное мнение об ученых заслугах учителя Иванова, Котляревский вошел в ф-т с представлением о даровании ему степени почетного доктора. Представление это крайне неосновательно. Против этого представления и направлено отдельное мнение Мищенка.

Сегодня был день рождения нашего Владимира. Ему исполнилось 15 лет. Собралась родня. Все молодое поколение нам родственных семей собралось и веселилось до 12 ч. веч[ера]. В душе воскресли живо события этого дня пятнадцати лет тому назад. По сему поводу вспомнил я с Сашею заслуги для нашего дома доктора Сагатовского. В те времена мы были бедны. Он лечил нас даром. Для появления на свет Володи он употребил щипцы. Затем, когда обстоятельства наши поправились, знакомство наше расширилось между университетским сословием, мы забыли Сагатовского, не вознаградив его надлежащим образом. Всякий раз, когда я встречаю на улице этого несколько захудалого доктора, подымаются упреки совести за нашу к нему неблагодарность. И вот я твердо решился явиться к нему и вручить ему 100 руб. как знак нашей благодарности. Лучше поздно, чем никогда.

1 октября. Среда.

Цитовича печать преследует по пятам. С его именем соединяют понятие доносчика и инсинуатора.

Мещанин Жаров ехал по Царскосельской железной дороге с неким юношей Веселовским. Между ними завязалась беседа самого невинного свойства. В результате, однако ж, из этой беседы родился донос жандармерии Жарова о том, что Веселовский сознался ему в принадлежности к партии радикалов и что на него пал жребий убить наследника престола. Расследовали. Оказалось, что это злейший ложный донос. Жарова судили и осудили на лишение прав и ссылку в Сибирь. Поделом вору и мука. Газеты, вспоминая по сему поводу препрославившегося Булюбаша, не забывают и запятнавшего себя Цитовича.

В «Голосе» пишут: «Ехал этот (Жаров) новейший экземпляр наших цитовичей и дьяковых (это Незлюбин, сотрудник Цитовича, судившийся за мошенничество) 26 апр[еля] по Царскосельской железн[ой] дороге и пр.» Вот другая выдержка «Голоса» в подлиннике: «17-го сентября, в тот день, когда чуть не в каждом доме вы встретите именинниц и натолкнетесь на семейный праздник, злополучный Жаров очутился тоже «у праздника». В этот день присяжные заседали 3-го отделения Петербургского окружного суда, заседавшего в Царском Селе, признали его виновным в ложном доносе, вследствие чего он приговорен судом к лишению прав состояния и к ссылке на житье в места «более отдаленные». Прокурор не удовольствовался этим и настоял, чтобы его сейчас же прибрали к месту, т. е. подвергли предварительному заключению. Там он, полагаю, и пребывает ныне в тяжком раздумье о несправедливости судьбы, по воле которой «воришек бъют» за то, что «ворам сходит с рук». Я, с своей стороны, вполне сочувствую г. Жарову. Человек только что попробовал было в миниатюре совершить тот подвиг, за который совершителям en grand [91] платят хорошие деньги, а ему, вместо субсидии или какого-нибудь приличного гонорара, подносят «места более отдаленные». Согласитесь, что есть над чем

призадуматься. И придется ехать туда, где никаких лимонов не цветет. В виде утешения я посоветовал бы ему обратиться в редакцию «Берега» с просьбою о высылке ему, безвозмездно, одного экземпляра этого почтенного органа. Г. Цитович обязан хоть этим вознаградить человека, который пострадал, желая подражать ему.

Как бы ни было, но песенка г. Жарова спета, и очень неудачно. Приговор суда, конечно, будет приведен в исполнение, и попытка его совершить подвиг гражданской доблести утонет в реке забвения» [92].

В 12 ч. отправился в Коллегию Галагана на акт. Речь говорил учитель-чех на тему о возрождении чехов. Предсказывал, что все чехи обратятся в православие. Вот что их интересует. Вот если бы дать силу да волю Ивану Сергеевичу Аксакову, он тотчас бы обратил всех чехов в православие. Да и каждый русский чиновник с охотою принял бы на себя эту миссию. Возвращаясь домой, встретил Н. Константиновича и с ним возвратился домой. Из разговоров с запасными украинофилами узнал, что у них идет совещание насчет перемены внутренней и внешней политики. Они хотят принять более практическое направление, в духе, приближающемся к направлению политики галицких народолюбцев из партии «Просвита» [93] и редакции «Дело». В таком смысле они хотят послать инструкции к Драгоманову. Одумались. Лучше поздно, чем никогда.

В 6 часов вечера отправились к Хилковым. Сделать визит. Это первое. А второе, чтобы попросить ее переговорить с г[оспо]жой Чертковою, не может ли она выхлопотать у своего мужа разрешения дать вечер в пользу дневного приюта с малороссийскими хорами и песнями. Обещала.

В 8 ч. было заседание совета администрации. Были Скордели, Барсуков. Потолковали о том, о сем.

Рузский, по совету А. В. Славатинского, обратился к В. Г. Демченку, чтобы сей принял к себе его профессорским стипендиатом. Демченко и руками и ногами против. Он дожил до той поры и доработался до той учености, что для него малейший намек о каком-либо совместничестве несносен и нестерпим. Не только Рузского, но и кого-либо другого он не припустит и близко к сену, на котором лежит.

Смотря, однако ж, на дело с точки зрения индивидуальных качеств Рузского, нельзя пожалеть на сей раз о господстве политики Демченка. Рузский в праве самоучка, он не проходил правильного университетского курса и не штудировал его, как штудирует хороший студент. А это прямо говорит о недостатках его научной подготовки. Рузский шустрый, бойкий и ловкий малый, такое впечатление он на меня произвел. Ему удалось сделать несколько удачных шагов в служебной карьере. Он, ободренный этим успехом, вздумал ловкостию и шустростию взять позицию в академической карьере.

Получил письмо от П. И. Житецкого. Пишет: «Получаю из Киева недобрые вести. Пишет один мой приятель, что ходят злокачественные сплетни обо мне по поводу известной Вам моей записки». Очевидно, представители украинофильского радикализма остались недовольны Житецким. Вероятно, есть мастера, которые воспользуются запискою Жит[ецкого], чтобы на критике ее создать свою славу. Записку Житецкого я считаю событием. Так оно и выходит. Это фермент. Это своего рода credo. Дрожжи положены, и тесто начинает всходить.

Читал лекцию. Было человек 30 слушателей.

Сделал прогулку с 1/2 3 до 4 ч. Вечером заседал в факультете. Назначили стипендии и пособия студентам. Допустили к конкурсу на медали сочинение М. Н. Ступина, который год тому кончил курс, а ныне служит в Владикавказском окружном суде.

Сегодня также и заседание Думы, но туда я и другие товарищи поспеть не могли.

Когда Бунге назначен был товарищем министра финансов, нам словесно и печатно прожужжали уши, что теперь-то наши финансы будут исправлены, курс будет восстановлен и т. п. и т. п. Кто знал Бунге и настоящие причины нашего положения, тот прекрасно сознавал, что все это благоглупости. Ныне оказывается, что курс наш так упал, как он не падал в Болгарскую войну. Не ясно ли, что мы политические младенцы. Вера в Бунге одно из крупных тому доказательств. Сей муж сделан весь из гутаперчи. Он исправно будет лавировать и устраивать свою карьеру, заботясь об удовлетворении личного честолюбия. Благо же России останется при этом ни при чем.

Со всех сторон приходят вести о недороде, о страшном возвышении цен, о предстоящей бесхлебице и бескормице, о болезнях и скотских падежах. И это в начале осени. Что же будет зимой и весной. В Саратовской и Самарской губ[ерниях] положительный голод. Уже последовали ассигновки на вспомоществование. В Малороссии, в Юго-Западном крае рожь дошла до 1 руб. 20 [коп.]. В Киеве печеный хлеб поднялся до 1 руб. 70 коп. Ближайшее будущее мрачно.

А Пекинская экспедиция продолжается. Пишут, что и с Китаем война неизбежна. Поистине можно сказать, что если Бог хочет кого покарать, то отнимает ум.

Из разговора с другом я узнаю, что В. И. Антонович привезла мысли из Женевы о записке Житецкого как документе, составляющем измену товариществу, отречение от убеждений и донос на Драгоманова. Такие речи она слышала от Черепахина и Подолинского. Сама эти мысли тоже разделяет. Это толки пошлой толпы. К ней причисляю и Варвару Ивановну.

Во время прогулки я зашел в магазин Иванова, купил конвертов. Там застал Андреевского. Спрашиваю, разрешено ли ему издание газеты?

— Как же. Первого ноября появится первый номер.

Затем он прочел мне программу. На вопрос мой: «Правда ли, что его газета, носящая имя «Заря» [94], будет польским и еврейским органом?»

— Вздор,— таков был его ответ. В заключение он сказал, что намерен просить моего содействия и собирается быть у меня.

Октяб[ря] 3 д[ня]. Пятница.

Сегодня меня посетил А. И. Ханенко, исследователь малороссийской старины. До сих пор я с ним знаком был только по письмам. Ныне познакомился лично. И очень рад. Он мне прислал несколько рукописей. Обещает и вперед. Недавно он из Пензы переведен на родину в Чернигов, где он занимает должность управляющего государ-

ственными имуществами. Я с своей стороны отдал ему визит в гостинице и вручил ему экземпляр: «Права, по которым судится малороссийский народ».

Позже явилась жена Житецкого. Оказывается, что она также озабочена теми толками, которые идут среди радикальной молодежи о записке ее мужа. Среди общества мыслящего и действующего в тайне легче всего распространяться всяким нелепостям, ложным сказаниям и кривотолкам. При отсутствии свободы и политической деятельности прямоты, честности и определенности образа действия не ищите. Двоедушие, фарисейство, ловкая дипломатия, служение и нашим и вашим сплошь и рядом. И вот достаточно было только человеку высказать свое credo, как стали кричать: измена, донос и т. п. Он в своей записке оттенил свой образ мыслей и действий. Он показал ясно, что он не солидарен с Драгомановым. Это-то не понравилось многим. Отсюда недовольство Житецким. Отсюда кривотолки на его счет. Вот что я написал ему в ответ.

В банке взаимного кредита встретил Чернолузского.

Вечером посетили меня Короткевич, кандидат, и Сендоровский.

В 6 часов заседание совета. Шел вопрос об инспектуре и новых правилах для студентов. Я сделал предложение о том, чтобы проректор через каждый год выбирался и чтобы в случае постановления правления или суда об исключении студента из университета обвиняемому предоставлено было право апеллировать в министерство. Само собою разумеется, мнения моего не приняли. Я заявил, что подам отдельное мнение. К моему мнению пристали: по первому вопросу Котляревский, Шкляревский и Хржонщевский и еще кто-то, но кто — не заметил, а по второму мнению — Шкляревский.

Управляющий министерством Марков прислал прошение 18 студентов, оставленных на первом курсе и просящих переэкзаменовки, на наше усмотрение. Управл[яющий] министерством высказал свое мнение в пользу переэкзаменовки. Большинство решило отказать. За переэкзаменовку было 6—7 человек. Я был в числе последних. Хотя и находил переэкзаменовку неудобною, я считал себя обязанным высказаться за нее, чтобы вы[сказать] неодобрение образу экзаменова[ния], ведущему к 50 % обрезыванию.

В это же заседание баллотировали Якубовича в помощники библиотекаря. Выбран 34 гол[осами] против одного. Я рад как собственному успеху.

4 окт[ября]. Суббота.

Посланы письма Ефименку, Пестржецкому, Желеховскому в Галицию, Тарасову, Ступину, Сторожевскому, Калиновскому и Житецкому.

Подвиги обер-шпиона и заговорщика на общественное благосостояние и личную безопасность граждан Дубельта:

«Сочинитель заговоров и член тайного общества — спаситель отечества Л. В. Дубельт.— «Голос» передает со слов «Рус[ской] стар[ины]». «Начальник 3 отделения Дубельт выдумывал заговоры, чтобы пугать постоянно правительство и этим доказывать свою необходимость. Это были, конечно, только слухи; но ведь не возникали же они, когда этим отделением управлял, например, князь Долгорукий или генерал Потапов? В конце зимы 1849 года был открыт заговор Петрашевского,

но не 3-м отделением, а городскою сыскною полицией Министерства внутренних дел. Государь выразил свое удивление графу Орлову, что он узнал обо всем не от него, а от Перовского. Орлову это было неприятно — антагонизм между министрами и шефом жандармов существовал постоянно, а Дубельту еще неприятнее. Чтобы доказать свое усердие и рвение, он нашел заговорщиков даже в училище правоведения, откуда схвачены были два воспитанника, почти мальчики, и один отдан в солдаты, в отдаленный оренбургский батальон, а другой определен юнкером в армейский полк. Когда, после первого ошеломления, в училище стали соображать все происшедшее, то пришли к полному и несомненному убеждению, что Дубельт, для того, чтобы показать, как он бдит над охраною отечества и власти, подкупил третьего воспитанника, Политковского — доносчика, и ценою гибели двух юношей, будто бы составивших заговор, спас самого себя. Доносчик вскоре принужден был оставить заведение; но какие чувства возбудил к себе Дубельт — излишне говорить. Впрочем, какое дело ему было до этого! Он продолжал благоденствовать еще более шести лет и все в этом же роде. И этот же Дубельт сам был членом и одним из главных деятелей «тайного» общества Политковского, обыгрывавшего наверняка в банке приезжавших в Петербург провинциалов! Мы убеждены, что когда сделается известною правдивая история 3-го отделения, в ней много найдется и тайных заговорщиков, как бедные воспитанники училища правоведения, и таких спасителей отечества, как Л. В. Дубельт» [95].

Оказывается, что Дубельт был в самых близких отношениях и связях с Политковским, тем самым, который уворовал 2 000 000 руб. из инвалидного капитала. В XVIII в. прославился Ванька Каин тем, что был в одно время и вором, разбойником, грабителем и правительственным сыщиком. В XIX в. был более худшего закала Ваньки Каина — это Дубельт. Занимаясь систематически плутовством и обманом гораздо на более широкую ногу, чем Ванька XVIII стол[етия], он был ревностным сыщиком только уже другого рода, по части политической неблагонадежности. Он преспокойно и дерзко обманывал наивного императора Николая, этого Скалозуба в образе императорском, преубежденно корчившего из себя великого мудреца и политика. А этого политика водили за нос такие писаря, как Дубельт.

4 окт[ября]. Суббота.

Посетил меня В. Я. Чернолузский, землевладелец Стародубского уезда. Давний наш знакомый по Гейдельбергу. Обещал мне прислать старинные бумаги своего домашнего архива. Посмотрю, как он тверд на слово. В это же время явился П. М. Полуботко, член Киевск[ой] судебной палаты, недавно выбранный в члены нашего Юридического общества.

Вечером было заседание Киев[ского] юридич[еского] общества. Когда я доложил собранию об утверждении нового устава, то Должанский поднялся и сказал: собрание просит меня принять звание почетного члена в воздаяние за те услуги, которые я оказал тем, что отстоял учреждение отделения обычного права. Это было для меня неожиданно. В ответ я, выразивши глубокую мою благодарность за оказанную честь, сказал, что не могу принять этого титула. Если и действительно я способствовал учреждению отд[еления] обычного права, то я этому еще не приписываю большого значения. Учреждение отделения есть только программа. Чтобы выполнить ее, необходимо

много поработать. Когда поработаем, тогда и будем принимать звание почетных членов. Я притом не вижу и надобности в этом звании, так как я, будучи председателем и членом, могу работать и принимать самое деятельное участие в трудах общества, принося ему в нынешнем моем положении посильную пользу. Последовал и еще обмен мыслей и всяких взаимных благодарностей, тем дело это и кончилось.

Это предложение разве что приятно моему внешнему честолюбию, но внутренний мой человек против него. И в самом деле, не успел я без году неделю поработать — я председательствую второй год — уже и звание почетного члена. Далее: наши интеллигентные люди, разные деятели чрезвычайно склонны на раздачи и падки на получение мишурных званий. Отсюда опошление этих почетных титулов. Наконец, я хочу из чисто политических расчетов сохранить чистоту моего положения и чистоту моих намерений — каковы в действительности и есть, чтобы не давать повода моим врагам сплетничать и толковать вкривь и вкось на мой счет.

Из заседания я возвратился в 1/2 12 ч.

5 окт[ября]. Воскресенье.

Утром явился Преснухин. Толковали о делах администрации. Приходили студенты: Страхов, Цитович и Калайтан — советоваться и побеседовать о темах своих сочинений. Цитович взял и тему на медаль: «История телесных наказаний».

В 1/2 12 ч. отправился с детьми, кроме Володи, и Анною Петровною на Подол, в Духовную академию, чтобы осмотреть церковно-исторический музей. Увидели много интересного. Там я застал Н. Белозерского. По осмотре зашел с детьми съесть по пирожку и затем отправить детей на извозчике, а сам поехал отдельно, чтобы сделать визиты Полуботку и Рузскому. Не застал ни того, ни другого. Кстати, о Рузском. Он вчера принимал участие в беседе нашего Юридического общества. Своими речами он произвел на меня впечатление, крайне для его учености и его юридического образования невыгодное. Много говорит; несет околесицу не на тему; упоминает всуе науку, ссылается на веру, на Запад. Могу наперед сказать, что ученый из него никогда не выйдет. Да, в 40 лет трудно начинать ученую карьеру.

Ректор Феофилактов не взял в руки прошение Литвинова, студента, исключенного в 1878 г. по 1-й категории. Это было 5 сент[ября]. 3 октяб[ря] в заседании совета тот же ректор доложил, что министерство прислало на усмотрение совета 5 прошений исключенных по этой категории. То есть в этом случае ректор должен был поневоле принять прошения. Дебагорий передавал, что Феофилактов изъявил согласие возбудить ходатайство о разрешении студентам иметь свою кассу, библиотеку и все прочее. Эта перемена совершилась после того, как он прочитал в газетах, что все это для московских студентов исходатайствовал честный Тихонравов. Наш ветреный петух тотчас готов повернуться по ветру. Феофилактов — крайне убогая голова, мизерная мораль, но человек наметанный, вышлифованный и выдрессированный. Это чиновник в полном смысле слова. По инстинктам он душитель. По убожеству своего человеческого развития он готов всегда предпочитать все, что только пахнет застоем и неподвижностию. Но окружающая жизнь заставляет шевелиться даже таких болванов. А идеи гальванизируют даже трупы.

6 окт[ября]. Понедельник.

Написал письма Азаревичу в Ярославль, Тарасову, Загоровскому, Прахову в Петербург, Данкену, Рудановскому, Иващенку и Володимирову. Последние два рекомендательные для Короткевича.

Обедал у нас Н. В. Преснухин, администратор. Вечером явились цеховые Кравченко и Любченко. Речь о шевском дворе. Квачевский желает содрать с них 1700 руб. Я адресовал их к нотариусу Скордели.

Позже пришли Нежинский, профессорский стипендиат, и студент Рауш. За последнего обещал заплатить за право слушания из полученных 200 руб. из петербургского общества.

7 окт[ября]. Вторник.

Читал лекцию. Было человек 30. В этом году посещают пока и практические занятия. Было человек более 20. После лекции сделал прогулку.

Вечером были Сасько, Мищенко, Шостак и Короткевич. Короткевич едет в Петербург. Дал ему два рекомендательные письма: одно к Иващенку, другое к Володимирову. С Мищенком беседовал о записке Житецкого. Он ее не одобряет. Когда я сказал, что в этой записке Житецкий изложил свое credo, Мищенко прибавил: «Для жандармов». Мищенко утверждает, что Житецкий в этой записке кривит душой. Он отрекается от Драгоманова. Он его обзывает крайним. А не он ли провожал сердечно Драгоманова за границу? Не он ли давал ему инструкции? Не он ли участвовал в посылке ему денег? Когда я заметил, что Житецкий разошелся, как он мне говорил, с Драгомановым еще пред поездкою за границу, Мищенко ответил: «Нет, он стал осуждать Драгоманова позже, в последнее время». Мищенко того мнения, что Житецкий не должен был подавать этой записки и писать ее как бы от лица кружка. На это я ему заметил: «Мы Житецкого теперь осуждаем. Отчего же мы не удержали его от подачи? Ведь он читал записку Вам, Русову и Цветковскому, человеку наиболее крайнему». Конечно, легче осуждать, чем удержать от подачи,— чего ни один из его приятелей не сделал. На это Мищенко ответил доводами, по моему мнению, неосновательными. На вопрос мой, кто и где его осуждает, Мищенко ответил: «Преимущественно дамы и радикальная молодежь».

9 окт[ября]. 1880 г. Четверг.

Посетили: С. П. Якубович, Сасько, Защинский, студент, Семенов, тоже студент, и Кравченко, цеховой. Защинский советовался насчет замышляемого им ходатайства о помиловании его отца, сосланного в 1863 г. за участие в польском восстании. Советовал не спешить с ходатайством о возвращении на родину, если он там отлично устроился, а здесь может сидеть без хлеба. Семенов принес мне письмо от моего старинного приятеля и товарища П. А. Волковича, с которым я хлебал щи из одной миски, ныне казначея в г. Новгород-Северске. Просит, чтобы я взял под свою протекцию Семенова. С Кравченком я беседовал об устройстве цехового имущества. Посылал его к Скордели и Новицкому. Кажется, дело идет на лад. Если будет какое препятствие, то с Квачевским, который бы должен быть другом этого дела. Но он срывщик больших кушей. Нужно кормить голодных волчат.

Отправившись на прогулку, встретил В. П. Науменка, учителя

2-й гимназии, из украинофилов. Первым словом была речь о записке Житецкого. Науменко осуждает также Житецкого за подачу записки. Он утверждает, что Житецкий вел себя с давних времен, в момент отъезда Драгоманова, и до позднейших дней так, что все считали его солидарным с образом мыслей и действий Драгоманова, что речи его прощальные с Драгомановым, слезы и напутствия, его участие в инструкциях, в посылке сумм ему же оставляет нечто иное, решительно противоположное тому, что изложено в его записке. Я сказал, что это мне было неизвестно. Сам я принимал эту записку за его credo, хотя когда она мне была прочитана, она для меня была новостию, и я тогда же, после чтения записки, высказал Житецкому это. Я сказал ему, что я считал его вполне солидарным с мнениями Драгоманова. На это он ответил мне: «Нет, я пред отъездом его был уже в холодных и несколько натянутых отношениях и оспаривал его образ мыслей». На это Науменко заметил мне: «Ну, это далеко было не так». Однако ж странно: «Отчего Вы и другие, которым он читал свою записку, не удержали его от подачи, не убедили его изменить ее тон, ее выражения?»

— Верно,— ответил Науменко,— только не по отношению ко мне. Он мне не читал ее, и я тут ни при чем.

— Во всяком разе,— сказал я,— Житецкий предан своей родине и [идее] возрождения украинского народа, он человек с заслугами в этом деле и его следует щадить, с его именем следует обращаться бережно. Следовательно, должно толки, ходящие на его счет, не раздувать, а тушить.

— Так, так,— ответил Науменко,— но я наперед скажу, что записка Житецкого должна глубоко огорчить Драгоманова и произвесть на него удручающее действие.

С тем мы и расстались. Вспоминаю я теперь оловянные очи Житецкого, которыми он меня встречал. Доходило до того, что он со мною не кланялся, меня не узнавал. Они действительно выражали образ мыслей драгомановский.

На лекции было: на первом часе 25, на втором часе 20. Отлив начинается. Он, вероятно, пойдет. Учебник есть.

В заседании Думы не было ничего замечательного. После заседания были Казанцев, стипендиат Ярославского юридического лицея, и С. П. Якубович. Беседовали об ученых вопросах.

10 окт[ября]. Пятница.

Все время я порываюсь засесть за учебник, чтобы пустить в печать. И никак не могу. Дела Юридического общества, текущая переписка, изучение диссертации Белогриц-Котляревского поедают все время.

Вечером были посетители: студент Роецкий, Новицкий, Ге и, кроме того, С. П. Якубович и А. И. Сасько. С первыми тремя вел беседу о темах их сочинений и о их занятиях.

Позже зашел Ф. Т. Панченко, доктор, живущий против нас. Из украинофилов. Черноземная сила. Беседовал о записке Житецкого. Тоже не одобряет. Тон из наиболее умеренных. Панченко вообще добродушный человек, хотя из самых недалеких.

Саша принимает на себя руководство и надзор за дешевыми обедами. Черткова очень желает, чтобы она взялась за это дело. Первое

отношение к этому делу — отношение прекраснодушия. Затем, вероятно, настанут критика, горечь и разочарования. Дело не так легкое и простое. Саша вместе с демократической княгиней Хилковой была у Чертковой. Цель посещения — просьба, чтобы она исходатайствовала у своего мужа разрешение на допущение малороссийских хоров в предпринимаемом вечере. Черткова подала мало надежды.

Послал письма Реутскому, Якубовичу, Федотову-Чеховскому в Казань, Чахурскому в Петерб[ург], Ершову туда же, Кострову, Мировичу в Петерб[ург], Тальбергу Д. в Симферополь. Мирович прислал мне письмо из Петербурга. Тон письма — тон низкопоклонника. Этот господин будет в Петербурге делать визиты не только начальникам, но и их дворникам.

11 окт[ября]. Суббота.

Хилкова привезла отказ на постановку малороссийского хора. Чертков сослался на высочайшее повеление, запрещающее малороссийскне хоры и песни. Но, чтобы позлатить пилюлю, он пожертвовал от себя или из генерал-губернаторских сумм 200 руб. на дневной приют. Хилкова говорит: «Чертков не раз выражался так: „Меня рвут на две стороны. Там запрещают. Здесь требуют разрешения. То требуют строгости и репрессивных мер, то отпускают и снисходят. Что в таком положении я должен делать?“».

Весь день проработал над приведением протоколов общества и над корреспонденциею. Приходится организовать отделение обычного права.

Вечером был студент Небольсин. А еще раньше явился некий поручик Ладо и говорит:

— Вы председатель Юрид[ического] общества?

— Я.

— Честь имею рекомендоваться, я поручик Ладо. Я принес свое сочинение и прошу дать отзыв.

— По какой части, по части военной?

— Нет, юридической. Вот оно.

Я взял из его рук три тетради под заглавием «Религия и государственное устройство». Прочитал на выдержку несколько мест и убедился, что сочинение состоит из общих мест самого реакционного содержания, автор одобряет и рекомендует преследование мысли человеческой как в области религии, так и в области государственных знаний и общественных наук. И говорю ему:

— Юридич[еское] общество не имеет дела с такими сочинениями. Оно не может дать своего одобрения. Вы можете напечатать его на свой страх и свою ответственность. Если цензор его не пропускает, хотя удивляюсь, почему он не пропускает такого ультраблагонамеренного сочинения, то Вы можете жаловаться в Главное управление печати. Наконец, Вы можете послать его в «Берег» Цитовичу, обратиться в Дух[овную] академию. Но наперед говорю Вам, что оно вызовет резкую критику.

С тем он и ушел.

Вечером состоялось совещание по делу киевских граждан старожилых сапожников об укреплении дома. Главным консультантом был Скордели. Присутствовали Любченко и Кравченко. Был и И. П. Новицкий. Скордели выработал формулы охраны шевского двора за старожилыми гражданами. Ведение ему поручено. Главное затруднение

состояло в том, как бы получить из рук Квачевского, который хочет эксплуатировать бедных людей в надежде получить от них 1700 руб., получив уже ни за что ни про что 500 руб. Решено взять у него документы, не говоря ни слова о дальнейшем ведении дела. Этот корыстный человек, этот хищник, прикрывающийся интересами науки, написал письмо Саську, в котором говорит обо мне в резких и обидных выражениях и просит, чтобы Сасько настоял, чтобы я написал Грековым об уплате ему гонорара раньше истощения кассационной инстанции. Да, это возмутительная личность, потерявшая давно чувство меры, совесть и честь и впадающая в простое безумие. Это не больше как ловкий фразер, который морочит головы своим клиентам. Раз взявши их в свои лапы и опутавши их своими сетями, он выжимает из них соки и вытаскивает деньги из их карманов. Между прочим, он взыскивает свои гонорары путем продажи последнего достояния. Ужас берет, когда подумаешь, что такое наши адвокаты — если один из видных из них есть первостепенный хищник и сдирщик.

Посланы письма Андреюку, Пероговскому, Ефименку, Березанскому и Загоровскому.

12 окт[ября]. Воскресенье.

Утром явился Кониский. Возвратился из Москвы. Послал просьбу Лорису о разрешении издавать малороссийскую газету. При нем же пришел Кулишер. Сей еврей напоминает одного из 12 сыновей Израиля, Иуду. Он в настоящее время редактор одесской газеты «Правда» [96]. Просил моего сотрудничества. Я обещал. Изъявил желание быть членом Юрид[ического] общества и работать по обычному праву. Много толковали на разные темы, сначала при участии Кониского, а потом без Кониского. Остался обедать.

После обеда я отправился к Лысенку. Просил, чтобы поставил хор на вечере в пользу дневных приютов. Не согласился без малороссийских. Толковали много. О записке тоже. О посещении Абазы. О Драгоманове. О галицийской интеллигенции. О федерализме. От него отправился в заседание летописца Нестора. Застал итого 6 членов. Читал Иконников о переписке Румянцева с Берлинским. Много говорили о Румянцеве, этом замечательном человеке. Беседовали о книжных ворах, вроде Свидзинского, Погодине и других. Толковали о постановке памятника Хмельницкому. Зашел после заседания к Котляревскому. Не так здоров. Потому не председательствовал в обществе. Сообщил ему, что я застал 6 членов. На это он заметил, что в прошедшем заседании собралось всего два. Он и Иконников. Толковали много о том, о сем.

13 окт[ября]. Понедельник.

Был Якубович. Вечером явился Новицкий. Не пьян. Отдал наконец свое сочинение о чиншевиках в печать. Толковали о обычном праве.

Позже пришел Мищенко. Принес записку. Прочитал письмо Житецкого. Я советовал не раздувать неудовольствия. Посидел до поезда.

Забыл сказать, что утром были два студента: Толли и Семенов. За последнего заплатил 20 руб. за слушание из сумм, присланных из петербургского общества. Приезжал также Рафальский. С поручением от генерал-губернаторской канцелярии получить сведения об обществе дневных приютов, о которых генерал-губернатор не имеет никаких

определенных сведений. Только после собрания сведений велено выдать 200 руб. Рафальский состоит чиновником особых поручений. Он пишет кандидатскую диссертацию по обычному праву. Привез часть. Я пригласил его прочитать часть ее в Юрид[ическом] об[ществе], коего он состоит членом.

Дамы собираются явиться к Абазе, главному начальнику по делам печати, и к сенатору Половцеву, приехавшему ревизовать Киевскую губернию. Цель явки — просить снять запрет, наложенный на все малороссийское. Цветковской я советовал явиться в качестве члена библейского общества и просить о разрешении Евангелия на малороссийском языке, которое хотя напечатано в Галиции, но без разрешения к ввозу.

Написал несколько писем. Организую отделение обычного права. Приготовлял протоколы к печати. Посланы письма Виндингу, Люце, Жеребцову, Яковлеву, Волковичу и Тарасову, Властелице.

14 октября. Вторник.

Читал лекцию. Было человек около 30. После лекции гулял. Вечером был Краинский. Позже явилась К. И. Чубинская.

В 18 ч. отправился к Реутскому. Проболтал у него до 12 ч. вечера.

15 октября. Среда.

Работал до 1 ч.

Явилась М. Н. Таушева. Должен был принимать и занимать. Вместе с нею вышел. Шли вместе до присутственных мест. Она пошла к себе, я — в судебную палату. Там рассматривалось дело Дороша с участием сословных представителей. Дорош сделал несколько выстрелов в члена Борзенской земской управы Кононовича. Защищал Куперник. Экспертизу производил профессор Эргардт. Этот муж играл тоже роль защитника. Экспертиза была гладкая и с внешней стороны хорошая, но многоглаголивая и ненаучная. И защитник, и эксперт доказывали, что обвиняемый совершил покушение на убийство не в здравом уме. Суд нашел только признаки слабоумия. И верно. В суде я застал в числе публики своих слушателей en masse [97]. Присутствовал и Половцев, ревизующий Киевскую губ[ернию], сенатор. После обеда ездил к И. В. Лучицкому. Переговорил с ним о Клименке, коего пробный урок в 1-й гимназии Андрияшев признал неблагонамеренным. Клименко употребил следующее выражение: «Струэнсе отменил пустые титулы. Дворянство датское утопало в роскоши и запутано было в долгах. А народ стонал под гнетом нищеты и притеснений. Когда Христиан VII посетил Париж, то философы и энциклопедисты пели ему хвалебные песни, хваля его остроумие, в то время когда он известен был своим тупоумием». Андрияшев, известный торгаш, учредивший лавку в 1-й гимназии, где он директором, увидел в этом признаки неблагонамеренности.

Вечером явился юноша Вощинин, студент, исключенный по 1-й категории в 1878 г. Он возвращается из ссылки. Он был сослан в Вятку. Рассказывал о житье-бытье этих несчастных. Письма отправляют и получают после цензуры исправника. Он был знаком с мировым судьей. Губернатор опротестовал выборы сего судьи на новое трехлетие как неблагонамеренного. Он часто посещал учителей двухклассного училища. Сему последнему было предложено или прекратить знаком-

ство с ссыльным, или уйти с места. Отец благочинный сделал на него донос за то, что он ел скоромное по средам и пятницам. Тот же благочинный описал диакона как опасного человека за то, что он держал на квартире Вощинина. Шпионство, ложные доносы и оговоры в крови русского человека. Вощинин заехал передать поклон от жены Волкова, сосланной в Вятку.

Был Ст. П. Якубович. Состоялось заседание совета. После заседания шла беседа со Скордели.

16 окт[ября]. Четверг.

Лекция. Было человек 30 ст[удентов]. После лекций прогулка. Встретил Преснухина. Вечером заседание в Думе. Выбрали секретаря. Выбрали какого-то Домочани, протеже Митюкова, который выписал его из Екатеринославской губ[ернии], откуда его жена. Должно быть, кумовство. Шостак получил всего 7 голосов. Возвращаясь из Думы, встретил Березанского. Он приехал, получив мое письмо. Березанский — трудолюбивейший молодой человек. Вместе с ним возвратился домой. Березанского сочинения отпечатано ныне под моею редакциею.

Дома я застал Н[иколая] Павл[овича] Забугина. В Думе обратился ко мне Сливчанский и говорит: «Каменский, наш современник по у-ту, прислал ему письмо, в котором просит, чтобы я рекомендовал Иващенку. Выходит, я какой-то поставщик рекомендаций. Кто и что теперь Каменский, я не знаю. Я отказался что-нибудь сделать». Это нечто вроде того, о чем мне писал на днях было [Бело]гриц-Котляревский. Адресовал ко мне какого-то господина, с тем чтобы я доставил ему место. Иногда я помогаю своею рекомендациею. И вот лезут званые и незваные.

За Березанского я говорил Реутскому и Забугину.

В прошедшем заседании докладывалось в Думе дело: об отдаче в аренду 500 саж[ен] земли Товариществу водочных заводов. Я этому предложению не приписывал никакого значения. Когда дошла очередь, смотрю, купцы волнуются: как можно отдавать землю в аренду, которая составляет часть базара. Аренда же это первый шаг к продаже. Эйсман мнется. Затем обратился к Субботину, зятю своему, и просит его, как гигиениста, дать свое мнение. Этот гигиенист, у которого рабочие на его кирпичном заводе от дурного содержания года четыре тому назад мерли от тифа, подал голос за отдачу на том основании, что земля дурно содержится, много грязи и навозу. Ему заметили, что это повод не к отчуждению, а к тому, чтобы чисто содержать эту часть базара. Предложение провалилось, та наглая защита вредного для города предложения в связи с присутствием в Думе Меринга, никогда почти не посещающего заседаний Думы, показалась мне подозрительной: я подумал, что это неспроста. Не означает ли это того, что Меринг и Субботин состоят акционерами или учредителями Товарищества водочных заводов. В воскресенье является ко мне Кониский. Я говорю ему о своих подозрениях. На это он заметил мне: «Тут не подозрения, а простая быль. Меринг и Ренненкампф были в числе учредителей этого товарищества». Во время этого разговора был Кулишер, редактор «Правды». Кониский вызвался написать корреспонденцию в «Правду», а Кулишер сказал, что он в том же самом номере, в котором будет напечатана корреспонденция, поместит передовую статью на тему об отношении профессора к кабакам.

17 и 18 окт[ября]. Пятница и суббота.

В пятницу и субботу был у меня В. Н. Мачинский. Ему не понравилась служба в контроле. Он оставляет Киев и возвращается в Персию на службу. И хорошо он делает. Там у него прочное положение, а здесь он должен выслуживаться и прислуживаться. Просил у меня денег взаймы под залог ценного оружия. Я отказался взять залог и дал ему просимые 35 руб. на слово. Я так изверился в людях, что дал только из принципа и из чести, а не в убеждении в непременном возврате. Обещал быть моим корреспондентом из Персии. Решился присылать мне материалы о состоянии Персии. Я обещал руководить его в изучении Персии. Что из этого всего выйдет, посмотрим. 18-го вечером он был на заседании Юридического общества. В 1/2 9 ч. он ушел, чтобы отправиться на железную дорогу.

В эти же дни посетил меня Березанский, ученик, написавший под моим руководством сочинение по обычному праву: «Обычное право крестьян Тамбовской губ[ернии]». Я предложил ему поступить в число членов Юри[дического] общества. Он изъявил согласие и был вчера выбран. Я послал его с запиской к Ильницкому, книгопродавцу, чтобы поторговался с ним насчет своего сочинения. Дело слажено. Могу сказать, что его сочинение зачато, появилось на свет — я его напечатал — и пущено будет в свет при моем исключительном и непосредственном содействии.

18-го было заседание Юридич[еского] общества. Было многочисленнее прежних. Собралось 25 чел[овек]. Оживления было достаточно. Демченко не является из соперничества. Деятельность общества для него — бельмо в глазу. Не имея возможности отрицать его деятельности, он силится отрицать качество этой деятельности. Эта клика тупиц вроде Демченка, лентяев и ни к чему не годных тряпок, и лицемеров вроде Митюкова давно проповедует теорию о ничтожестве всего, что пишется другими. Теория, изобретенная для прикрытия собственного своего ничтожества и отсутствия настоящей ученой деятельности. Один из разряда людей этого пошиба, которым достоинства других — несносны и суть нож в сердце. Славатинский выразился когда-то по поводу назначения Митюкова директором Ярославского юрид[ического] лицея: «Слава Богу, что правительство начинает оценивать тех, которые ничего не написали». Это было сказано, чтобы уязвить меня, перегнавшего его в работах и получившего докторство раньше его. Все эти мысли пришли мне на ум по поводу переданного мне Ф. Г. Мищенком разговора с Демченком, которого речь дышала полным недоброжелательством к нынешней деятельности Киев[ского] юрид[ического общества], коего я состою председателем.

21 октяб[ря]. Вторник.

На днях был у меня студент Туробойский. Он сообщил мне, что Когутов, один из главных деятелей студенческой истории 1878 г., сосланный в Шенкурск, получил право возвратиться из ссылки, только не в Киев. Чертков не согласился на его пребывание в Киеве. Это тот самый Когутов, который в начале 1878 г. приходил ко мне советоваться по разным политическим вопросам. Туробойский говорит, что Когутову не на что выехать. А он семейный человек. Я дал ему 25 руб. от себя. Кроме того, снабдил его карточками к Шкляревскому и Лучицкому.

Говорил также с Туробойским как собирающем деньги для помощи бедному Когутову, с Мищенком, который обещал оказать поддержку из своего кружка.

В здешнем адвокатском мире наделал шума отказ окружного суда Колмакову в выдаче ему свидетельства на право ходатайства в судах. Наконец Немезида постигла этого плута. Колмаков был года четыре тому назад председателем Киевской палаты гражданского и уголовного суда. В бытность его председателем правосудие поистине продавалось с публичного торга. Его секретари и столоначальники брали взятки публично, открыто. Говорили, что он отдал им правосудие на откуп. Сам лично не брал по мелочам, а предоставил производить эту операцию им, получая от них известную крупную откупную сумму. Он был уволен от должности. Его заменил С. С. Гончаров, сделавший себе карьеру очисткой палаты от взяточников и грабителей. Как ни низко наше общество в своем развитии, даже оно в последнее время отвернулось от этого бездельника. На городских выборах он терпел поражение. Наконец над ним произнесен приговор новым судом.

22 окт[ября]. Среда.

С. П. Якубович уходит от Н. В. Реутского. Я прежде времени торжествовал его возрождение. Сам ли он уходит, или ему дали намек, чтобы он уходил — это безразлично. И в том и другом случае это показывает его пустоту и никчемность. Знающие его предсказывают, что он не удержится и на месте помощника библиотекаря. Очень может статься. Он и об этом месте как-то говорит свысока. У этого человека на грош амуниции, на рубль амбиции. Пусть как есть. Человек чистой дворянской крови, которая любила получать услуги, но не делать их. Положительный пустоцвет.

Наш дамский кружок и киевские украинофилы в течение целой недели были в некотором волнении и движении. Дамы комитета общества дневных приютов собрались подать докладную записку ревизующему сенатору *Половцеву* с тем, чтобы он доложил кому следует о разрешении давать концерты с малороссийскими песнями, хорами и т. д. По этому [поводу] было несколько совещаний у нас и у Мищенка. Три раза переменяли редакцию записки. Два раза набело переписывали ее. Никто, конечно, не надеялся, чтобы из этого вышло что-нибудь верное. Надеялись, однако ж, что этим доведено будет до сведения столь полномочного лица о нуждах и желаниях интеллигенции. Сегодня состоялась поездка к сенатору. Ездили: Саша, г-жа Григоренко и Науменко. Сенатор Половцев принял их более чем сухо. Когда ему заявили, с какою просьбою к нему явились, он сказал: «Вы желаете, чтоб я в конце своей ревизии упомянул о вашем желании». Затем, взявши в руки записку и бросивши ее на стол, он встал и вышел из комнаты, оставив их самих уходить от него.

А. А. Половцев — человек, с которым я был в некоторых отношениях. Это деялось в 1860 г. Я состоял помощником секретаря в общем собрании первых 3-х департаментов Сената. Половцев назначен был обер-секретарем. Он не обращал на меня никакого внимания. Я, как молодой человек, этим оскорблялся. Как появились первые мои статьи в «Журнале Минист[ерства] юстиции» об английском судопроизводстве, он их заметил и, встретивши меня, стал говорить со мною ласково,

обнял меня за талию рукой и прошел со мною по канцелярии. Это меня взбесило. Я был не столько юн, сколько молод душой и неопытен в жизни. Я думал: полюби меня черненьким, а беленьким всякий меня полюбит. Случилось мне в это время встретить предложение от Т. А. Маевского перейти на службу в д[епартамен]т Минист[ерства] нар[одного] просв[ещения], я и перешел. Причем ушел из канцелярии, управляющейся Половцевым, не простившись с ним, не сдавши дел, совершенно беспутно, по-юношески. Впоследствии, когда я ближе присмотрелся к людям и узнал натуру этого животного, я увидел, что поступил как варвар и как молодой самодур. В прошлом году, когда я был в Петербурге, я вздумал было сделать визит сенатору Половцеву. Но не застал его. Карточки своей я не оставил. Я хотел хоть поздно, но загладить свою невежливость. Когда он приехал в Киев, я колебался: быть или не быть у него. Наконец решил: если он по-человечески примет наших дам, то я у него буду. Тут, конечно, не обошлось без маниловщины воображения. Саше дал я даже наставление, как отвечать ему, если он спросит обо мне. Думал я сделать ему визит на тот в особенности конец, чтобы побеседовать о имеющемся в его руках «Уложении о наказании»[98] Елизаветы. Когда Саша, возвратившись от сего сенатора, сообщила мне сведения о способе его приема, все мысли о визите разлетелись.

Случалось мне не раз посещать этих тайных и других советников. Я всегда уходил от них с тяжелым чувством, чуть не с чувством оскорбленного самолюбия. Этот холод производил на меня всегда неприятное впечатление. Я думал всегда, что, переступая чрез их порог, я являюсь к ним искателем, роняю свое достоинство. Когда я служил в Сенате, то тыкание мне в руку двух пальцев Есиповичем, ныне также сенатором, меня глубоко оскорбляло. Нет, я раз навсегда должен поставить себе за правило: не толкаться к этим господам и не ронять своего достоинства, а ждать, когда они ко мне толкнутся. Если последнего не случится, это неважно. Внутренний человек мой останется цел и невредим. Если же случится первое, кроме уязвленного самолюбия и униженного достоинства моего ждать ничего нельзя.

Стр. 25. *26 октября. Воскресенье.*

Дня три назад А. И. Сасько возвестил, что профессора юрид[ического] ф-та получат приглашение от ректора Феофилактова пожаловать к нему на чай. Ревиз[ский] сенатор Половцев изъявил желание познакомиться с нами. В этот день я шел на прогулку. Настигает меня на извозчике Феофилактов и делает приглашение лично, предупредив, что следует быть в сюртуках.

Сегодня около 3-х часов посетил меня Реутский с женой. Саши не было дома. Я принял. Сидим и беседуем. Входит молодой человек. Рекомендуется Шидловским. Вручает письмо от профессора Петерб[ургского] у-та А. Д. Градовского. Из объяснений узнаю, что он принадлежит к сенаторской ревизии. По уходе Реутских мы разговорились. Просил оказать содействие моими указаниями. Обещал. Кажется, что это любезности больше с обоих сторон. Зашла речь о сенаторе. Оказывается, что он обо мне вспоминал. Выходит, что я ему посылал свои «Права». Я и забыл. Посмотрим, что выйдет из сегодняшнего знакомства. Теперь 40 м[инут] 8 [часов] вечера. Спешу отправиться.

27 окт[ября]. Понедельник.

Свидание и знакомство состоялось. Беседа общая длилась до 11 ч. вечера. Речь вертелась на университетском вопросе. Феофилактов был, так сказать, докладчиком. Я принимал живое участие в беседе. Держал левую. Демченко — крайне правую. Пихно туда же, Митюков по обыкновению нюхал и вилял. Феофилактов держал центр. Половцев встретил меня лично — любезно. Я сказал, что 18 лет тому назад служил под его начальством.

— Как же, помню. Но как не стыдно вам так рано поседеть, когда я смотрите каков.

— Вероятно, вы были счастливее меня,— я заметил.

За чаем, которого сенатор не пьет, мне предложили сесть около Половцева. С полчаса мы беседовали вдвоем. Я интересовался знать, как идут издания император[ского] Историческ[ого] общества, которого он состоит председателем. Оказывается, что из 30 томов 15 отпечатано на его счет. Теперь он приступил к осуществлению биографического словаря всех исторических деятелей России[99]. В скором времени появится голый список.

Я завел речь об «Уложении о наказ[аниях]», составленном при Елизавете. Дело в том, что общество или, лучше, Половцев от имени общества хотел его издать. О чем было объявлено. Редакцию принял на себя Сергеевич. Затем мысль эта была оставлена. Нашли, что есть много более важного, чем они должны заниматься. В бытность мою в Петербурге я вел речь о готовности взять на себя эту работу с академиком Бычковым и профессором Сергеевичем. Они мне, как уклончивые петербуржцы, никакого путного ответа не дали. Я думал переговорить по этому предмету с самим Половцевым — был у него, но его не застал. Из Петербурга я выехал больной.

Я ныне заявил о сем Половцеву. На это он мне ответил: «Сергеевич нашел, что это не важный памятник, чтобы его можно предпочесть другим. Но он думал приготовить его к печати трудами студентов. Впрочем,— окончил Половцев,— и теперь возможно поручить вам издание его. Я завтра же напишу, чтобы мне его прислали. Нужно будет только уладить со 2-м отделением, которому принадлежит эта рукопись. Затем вы можете,— сказал он,— печатать том сборника общества в Киеве». На это я заметил, что еще лучше, если мне будут присылать только корректуру. Прощаясь, он сказал: «Надеюсь мы будем еще иметь время побеседовать об «Уложении».

Половцев на вечере держал себя с большим тактом. Даже скромно. Когда шла кружковая речь об университетском вопросе, он больше слушал, чем говорил. От высказывания собственного мнения воздерживался, а только спрашивал и расспрашивал. Мне казалось, что никто не чувствовал себя стесненным. Что он держал себя хорошо, в том все мы были согласны. Феофилактов, Демченко, Митюков, Пихно тянули песню: не следует допускать корпоративного устройства студентов. В особенности на этом настаивал Демченко. Пихно рассказал о своем участии в студенческих корпорациях, причем выставлял действия студентов по устройству кассы, столовой, библиотеки в самом невыгодном свете. Все они старались поставить вопрос так: студенты, добиваясь корпоративного устройства, ищут не организации самопомощи, а чего-то другого. Им отчасти вторили Сидоренко и Незабитовский. Я держал такую речь: 17 лет со времени издания устава [18]63 г. и до наших дней мы видим, что волнения студентов не прекращаются. Кас-

сы, библиотеки, столы были, есть и будут. Юридически мы их игнорируем, фактически мы их постоянно встречаем. Хочем их игнорировать, но не в силах их не допустить, уничтожить. Следовательно, вопрос идет не о том, следует или нет допустить корпоративное студенческое устройство, а о том, следует ли дать студенческой корпорации устройство по закону или терпеть ее как нечто незаконное, способное вечно вырождать в смуту, волнения и тайные сходки - или явные, но без разрешения правительства. В студенческих волнениях можно различить два элемента: элемент бунтарский, посторонний, заинтересованный в смутах и волнениях, и элемент естественного чувства студентами того, что их нужды и потребности не удовлетворены. Последний элемент есть почва, первый есть деятель, разыгрывающий коварно свою собственную роль в этой благоприятной для него среде. Не следует ли отыскать такую формулу закона, которая бы, удовлетворив нужды студенчества, сконцентрировав благонамеренный элемент студенчества и сделав из него основу, отняла у бунтарей и машинистов возможность эксплуатировать студенческую среду в свою пользу.

Товарищи мои старались освещением с своей точки зрения студенческой жизни и студенческих волнений сбить с позиции мои доводы. На вечере у Феофилактова я познакомился с Мечниковым, председателем Киевс[кой] судебной палаты, и с Островским, прокурором окружного суда. И тот, и другой изъявили желание поступить в члены Киев[ского] юрид[ического] общества. Мечников производит впечатление умного человека. Какой он юрист, не знаю. Тут же был Я. В. Сабуров, предс[едатель] окр[ужного] суда и прежде мой знакомый. С Мечниковым я встретился вчера (в понедельник) в театре. Давали спектакль в пользу Рубежовской исправительной колонии. Было много чинов судебного ведомства. Мечников завел речь о Сабурове, который курсом его моложе по Алекс[андровскому] лицею. «Много,— говорит Меч[ников,— болтал Сабуров в своей поездке. Вот газеты и сплетничают». На это я заметил: «В Европе министры говорят и больше, и откровеннее Сабурова. Там это не считают болтовней. Дело привычки и дело вкуса».

— Так, но там министр, что скажет, то и сделает. А можно ли у нас это?

— Во всяком случае, Сабуров говорил дело. Общество должно его поддержать, а не придираться. Лично я буду считать для себя тот день днем печали, в который Сабуров будет уволен.

— Где же у нас общество? Но я и сам считаю, что увольнение Сабурова нежелательно.

30 окт[ября]. Пятница.

В течение этих дней много перебывало у нас посетителей за делом. Без дела нет. Жизнь кипит. Времени мало, чтобы все сделать, везде поспеть. Утро я стараюсь посвящать моим ученым работам. Юридич[еское] общество отнимает у меня столько времени, сколько я не предполагал сначала ему уделять.

Студент Баришевский от имени своих товарищей пришел просить Сашу, чтобы она взяла на себя обязанности хозяйки музыкально-танцевального вечера, который студенты намерены дать для оказания из выручки помощи своим бедным товарищам. Они хотят, чтобы распределение и назначение пособий из вырученной суммы исключительно им принадлежало. До сих пор унив[ерситетское] начальство и высшая

киевская администрация на это не соглашались и требовали, чтобы вырученные этим способом суммы были сдаваемы в распоряжение попечительства, официального учреждения, состоящего под председательством попечителя и деканов факультетов. Студенты к этому учреждению не питают доверия, упрекая его за то, что оно оказывает помощь не всегда тем, которые наиболее нуждаются, а нередко тем, которые умеют ловко подойти и обойти. Баришевский предлагал, чтобы Саша взяла на себя роль распорядительницы вечера и чтобы она сама исходатайствовала разрешение на указанных условиях.

Я наотрез отказал в принятии Сашею на себя инициативы ходатайства, а также употреблении фальши и обмана, обыкновенных в таких случаях. Я сказал, что она не откажется от принятия на себя роли хозяйки, но студенты,как лица, имеющие свои права и обязанности, должны сами сначала исходатайствовать разрешение или, по крайней мере, соизволение ректора. Я указывал на то, что антрепренерство подобных вечеров уронено и дискредитировано такими деятелями, как г-жа Гогоцкая, как супруги Гарничи. Г-жа Гарнич раз как-то хвалилась, что она поедет в какой-то город и там даст вечер в пользу студентов. Баришевский предлагал отправиться за разрешением к попечителю Голубцову. Я сказал, что это напрасный труд. Голубцов даст много обещаний, но их не исполнит, а поступит так, как захочет ректор. Я советовал Баришевскому и К° отправиться к ректору, но, помня его речи на вечере пред сенатором, я успеха их предприятию не предсказывал.

Когда на другой день Баришевский пришел ко мне, я прежде чем услышать его речи, сделал пред ним нос, желая этим выразить, что я предполагаю полученный им отказ. К удивлению моему, он объявил, что Феофилактов согласился на устройство этого вечера и даже сам взялся испросить соизволения попечителя и генерал-губернатора. Я написал письмо Феофилактову от имени Саши. Сегодня оказалось, что на появление соизволения Феофилактова имел влияние друг Сасько. Феофилактов, выслушав Баришевского и отпустив его, призвал друга. Этот указал ректору, что если начальство не соизволит на открытое и законное устройство этого вечера, под требуемыми условиями, то студенты все-таки его устроят на чужое имя, в пользу какого-либо бедного семейства, как это они обыкновенно делают, и деньги пойдут у них по рукам. Феофилактов, соизволяя на этот вечер, потребовал, чтобы сбор сумм произведен был с соблюдением документальной отчетности и чтобы распределение сумм совершено было хотя и по спискам и представлениям студентов, но под его контролем. Так дело на сем и стоит. Ожидается разрешение высших властей.

Был у меня студент Захарченко. Он с товарищами предпринял спектакль в пользу неимущих студентов, прикрыв эту военную контрабанду нейтральным флагом одного бедного семейства. Для удостоверения, что это предприятие имеет в виду бедное семейство, требуется удостоверение трех известных и благонадежных лиц. У них есть два лица; ищут третье. Он просил, чтобы я явился таковым. Я наотрез отказался, сказав, что, во-первых, я фальшивить не намерен, а во-вторых, студентам не следует втягивать в эти истории людей, им расположенных, и тем их компрометировать.

Этими днями была у меня мать Подольского. Ректор ей ответил и даже написал на бумажке в ответ на прошение, что сын ее может быть принят в у-т, если на то соизволит местная администрация, которая до сих пор не соглашалась, чтобы он жил в Киеве. Я посовето-

вал ей подать прошение Черткову. Прошение было написано студ[ентом] Захарченком, а проредактировано мною. Сегодня подано Черткову, который сказал: «Подумаю и извещу вас по месту жительства». Бедная мать: плачет. Исхудала. С лица спала. Обстоятельства стесненные. Привезла кольцо и ложки, чтобы на вырученные деньги [было] чем зачепить руки. Ах, эти власть имеющие: они не знают людского горя и людских слез. Это эгоисты, думающие о сохранении своего комфорта. Они не хотят пошевелить мозгами, чтобы изобресть такое положение и состояние, которое бы и обеспечило интересы властей, и не притесняло бы людей.

Вчера, возвратившись с лекции, я застал на столе карточку И. И. Мечникова. Сегодня в 1/2 4 я был у него. Не застав дома, я отправился по направлению в палату и на пути его встретил. Вместе пришел с ним до квартиры.

— Не зайдете ли?

— Нет, ведь мы перебеседовали. Вы же устали. Пора обедать и вам, и мне.

Два посещения П. Е. Астафьева. Это один из пролетариев, кажется, испивающих. В сегодняшнее посещение попросил уже денег. Отказал. Но обещал доставить ему работу.

1 нояб[ря] 1880 г.

Посланы письма: Гороновичу, Жданову, Ефименку, его жене, Кулишеру, Кострову, Калачову, Азаревичу, Пероговскому, Ершову, Виндингу, Литвиновой, Данкену, Властелице, Преснухину, Володимирову, Бразолю. Ершов меня утешил: прислал свое сочинение. Как действительный студент, он не обязан был представлять сочинение. Тем ценнее для меня его работа. Это ученик не номинальный, а действительный.

Начался в Петербурге в военном суде новый политический процесс. Обвиняемые — все первостепенные деятели радикализма, терроризма и важных политических преступлений. Лица близкоприкосновенные или даже непосредственные участники в убийстве харьковского губернатора кн. Кропоткина, в покушении на жизнь государя 2 апр[еля] 1879 г., в подкопе и взрыве императорского поезда 19 ноябр[я], в взрыве Зимнего дворца. Все деяния эти раскрыты Гольденбергом, принимавшим самое деятельное и самое непосредственное участие во всех этих деяниях, в частности и убившим Кропоткина. Гольденберг был захвачен с динамитом в прошедшем году в Елисаветграде. Не верится, чтоб такой закоренелый фанатик мог добровольно раскрыть величайшие тайны своей партии и выдать [с] головой своих товарищей. Дело не обошлось без уловок, к которым с таким мастерством прибегали старые следователи.

Месяцев четыре-пять тому назад из радикальных кружков перешло в общество следующее сказание. Содержимого в Петропавловской крепости Гольденберга кормили очень хорошо в одиночном заключении, столь хорошо, что не жалели коньяку и других спиртуозностей для приготовления пищи. Молодой человек страдал скукой и желал компании. На сей раз тюремщики были чрезвычайно угодливы: они предложили посадить в его номер товарища, тоже политического обвиняемого. Этот милый товарищ, знавший очень многое, успел овладеть доверием Гольденберга, который, ничего не подозревая, выболтал ему все. Скоро

он должен был убедиться, что его товарищ был ему подсажен с целию выпытать у него всю подноготную. Гольденберг успел довесть о сем до сведения тех, которые находились на свободе, и затем повесился. Все это в высокой степени вероятно. Впрочем, замечательно, что из самого дела не видно, чтобы правительство накрыло всю организацию радикалов. Очевидно, в руки его попал только отрывок. После поимки Гольденберга разнесся слух, перешедший и в печать, о том, что открыты доказательства, подтверждающие, что Д. Лизогуб подкупил кого-то убить Кропоткина. На деле же оказывается, что Дриго, приятель Лизогуба, заведывавший его имением, выдал вексель на 300 руб. за счет Лизогуба кому-то из деятелей радикализма, прикосновенных к убийству Кропоткина.

9 ноября. Воскресенье.

Студенты затевают музыкально-танцевальный вечер. Цель — выручкою помочь бедным товарищам. Хотят, чтобы суммы распределены были по списку, ими представленному. Представители их обратились к Саше, чтобы она была хозяйкой и распорядительницей. Студенты хотели обойти подводные камни, кот[орые] им встретятся со стороны начальства, и пойти на хитрости. Я наотрез им сказал, что Саша примет на себя администрацию вечера только на условиях определенных, если, во-первых, будет испрошено разрешение у властей. и если оно испрошено будет самими студентами. Я по сему поводу сказал: «Предпринимательство подобных вечеров и благотворительных затей уронено до последней степени, благодаря деятельности таких личностей, как г-жа Гогоцкая и супруги Гарничи-Гарницкие. Г-жа Гарнич-Гарницкая раз заявила, что она намерена отправиться в Харьков и там дать музыкально-танцевальный вечер. По сему ни один порядочный человек не может взяться теперь за это дело без известных гарантий». Посылая студентов к ректору, я не обещал им особого успеха. Еще свежи у меня были впечатления от сих речей, которые он вел на вечере с сенатором. Против ожидания ректор изъявил соизволение и готовность хлопотать у высших властей. Затем чрез несколько дней объявил студентам, что власти — попечитель и генерал-губернатор — соизволяют. Но последний потребовал, чтобы во главе предприятия стали профессора. Волей-неволей я должен был стать во главе с единственным условием, чтобы я имел только верховный надзор и руководство и чтобы весь труд принадлежал дамам и студентам. Я пригласил Мищенка и Иконникова. Последнего как вполне безразличного человека, чтобы заткнуть рты нашим болтунам и сплетникам. Заходил я к ректору Феофилактову. Рассыпался в изъяснении своих чувств к интересам студентов. Говорит: «Голова и желудок должны гармонировать, чтобы из антагонизма не вышло по басне». О! Разумеется. Речи эти приятно слушать. Не влияние ли это речей, бывших в присутствии сенатора. Был я у попечителя Голубцова. Те же добрые речи. Этот старик хитер, но ограничен. По природе не зол. Дела просвещения не смыслит, хотя лет тринадцать управляет округом. Креатура Толстого, очутившаяся в ложном положении. Но за место свое держится крепко. Остается быть у Черткова. Вот комиссия. Феофилактов передавал, что этот зверь пуще всего боится, чтобы на вечере не было ничего малороссийского. Нашел простаков.

17 ноябр[я]. Понедельник.

Пришлось быть у Черткова и у полицеймейстера насчет разрешения. Разрешено, разрешено. Но неприятная комиссия таскаться к этим зверям. Вечер будет 1 декабря.

14-го сделал визит Половцеву. Принял любезно. Беседа длилась минут 50, о многом. На другой день я посылал ему кипу различных [книг], в том числе два своих сочинения.

Один из чиновников сенаторской ревизии, некто Носов, выбран членом Юридич[еского] общества. Обещает сделать доклад по чиншевому праву. Был у меня. Я был у него. Но друг друга не застали.

Вчера перед диспутом посетил меня Мечников. Легкая мимолетная беседа. Подвез меня в у-т. Просил быть у него когда-нибудь вечером.

В течение двух этих недель совершилось сближение небольшого кружка малороссийского народолюбцев с «Зарею». В «Заре» ныне работает М. И. Кулишер, просвещенный и прогрессивный еврей. Он был редактором одесской «Правды». Но ее прихлопнули, как только он стал там работать. После этого он прибыл сюда. Сошелся с Куперником, фактическим распорядителем «Зари». Окончательные переговоры шли у меня. Были: Кулишер, Куперник, Мищенко, Лучицкий, Кониский и Науменко. «Заря», таким образом, является украинофильским органом. Малороссы сошлись с евреями. Нечего делать. «Заря» издается на еврейские деньги. Главный поставщик — И. Бродский. Юридическим редактором и издавателем «Зари» состоит Андриевский, присяжный поверенный, человек крайне ненадежный. Предстоит теперь разрешить задачу: спустить Андриевского, который в состоянии только тормозить газету. Вчера о сем и шло совещание у Мищенка. Решено уступить ему на 3000 руб. векселей, выданных им Бродскому за взятые у него деньги, если он уступит издательство Кулишеру. А в противном случае предъявить ко взысканию. Это первый шаг. А там спустить его и с редакторства, дав ему отступного и за него. В газете наиболее деятельное участие принимают: Кониский и Лучицкий. Последний без седока быть не может. Таковым и состоит у него Кониский. Кониский — либерал. Но либерализм его — это нейтральный флаг, под которым может быть провезена контрабанда. Timeo Danaos dona ferentes [100]. Это субъект большого самолюбия: любит очень выставлять себя в печати. Недавно он напечатал, что он в Думе сделал предложение о том, чтобы установлен был первоначально вес белого хлеба. Но это предложение первоначальное сделано было мною. Я вчера в кружке и высказал, что Кониский напрасно приписал то, что ему не принадлежит. Произошло объяснение. В одном пункте я сделал ошибку. Вышло не совсем ладно. Хотя несомненно то, что я сделал первый это предложение. С моей точки зрения, Кониского следует остерегаться.

Речь об А. А. Котляревском, столь прилежно изучающем *школу злословия*. Он недавно потерпел жестокое фиаско. Хотел он возвести в степень почетного доктора полоумного Иванова, человека в науке вовсе не известного. Правда, Иванов — хороший знаток латинского языка, но человек несомненно полупомешанный. Когда он был учителем, он был в вечной войне с учениками. Рады-радешеньки были, что от него отделались. И вот сего мужа хотел возвесть в знаменитые ученые другой муж, хотя ученый, но не знаменитый. Встретившись с Котляров-

ским, я завел речь об Иванове. И говорю: «Вы бы его пригласили простым преподавателем, назначив ему 2000 руб. содержания. Я бы с дорогой душой подал голос за подобный проект. А то где ж возводить в докторство как знаменитого ученого, который, однако ж, ничего не напечатал».

— Вы имеете ложное представление,— был ответ.

— О чем и о ком?

— Об Иванове. Он ни на что не соглашается, если ему не дадут доктора.

— Но ведь Иванов — человек до того взбалмошенный, самодур и не в своем уме, что, получив докторство, не захочет преподавать в у-те. Ведь вы его возводите в доктора ради бедности и недостатка в классиках. Он ведь может надуть вас.

На это мне Котляревский, отошедши шагов 20, закричал:

— *Вы так говорите потому, что обращаетесь постоянно с адвокатами.*

Любезно, мило, нечего сказать. Как-то раз встречаю его, он говорит:

— Что это наврал в своем сочинении Белогриц-Котляревский? Я буду возражать на диспуте.

— Будете возражать и встретите во мне противника.

— Я буду просить декана, чтобы он не позволил вмешиваться.

— Посмотрим.

Вчера был диспут Белогриц-Котляревского. Он защищал диссертацию: «О воровстве-краже». Профессор *Котляревский* сам не явился, а прислал своего фамулуса — стипендиата Стороженка — слависта, который и возражал. В сочинении Белогрица слабая-преслабая часть: изображение состояния русского общества в XVIII и XIX стол[етиях]. Я ее раскритиковал достаточно, назвав ее и в рецензии, и на диспуте слабою. Вот на эту-то часть и напал Стороженко, а затем Линниченко — оба филолога. Первый из них нападал на неуместные фразы. Второй почти стал браниться. Я вмешался в диспут и сказал:

— Возражения были бы может уместны, если б дефендент искал магистра русского языка.

На возражаемую часть сделано достаточные возражения. Лично я воздержался от указания неуместных фраз, которые были у меня отмечены,— из желания сократить время диспута. Так как Линниченко стал употреблять бранные слова, то диспут был прекращен.

27—28 ноября.

Посланы письма: Носу — два, Чижову, Пестржецкому, Грекову, Короткевичу, Березанскому, Азаревичу, Лизогубу, г-ну Симиренко, г-же Симиренко, Тарасову, Ершову, Володимирову, Рудановскому, Желеховскому в Галицию, Неронову, Малицкому, Могилянскому, Джалалову, Кострову, Ефименку, Сторожевскому, Колесницкому, полицеймейстеру, несколько писем Белогрицу и другим городским. Также брату Николаю, Доброгаеву, Рубановскому, Дыминскому.

3 дек[абря].

Посланы: Володимирову, Пестржецкому, Загоровскому, Опокову и два письма Цехановецкому. Кроме того, написаны письма городским

членам Киев[ского] юрид[ического] общ[ества]: Реутскому, Десницкому, Давиденку, Барацу, Турчанинову — два, Рафальскому и секретарю Бел[огриц]-Котляревскому несколько.

4 декабря.

Я отстал от ведения дневника. Столько занятий, столько отвлечений, столько поглощенности разными событиями моей внутренней жизни, что было не до дневника. В это время я выступил на бой против мерзавца Пихна, сикофанта и политического шулера. Я крепился. Я молчал. Я воздерживался два года. Из презрения к этому негодяю. Из уважения к интересам Юридического общества. Из чувства отвращения вообще к раздорам. Из любви моей к университету. Но нравственный негодяй не оставлял меня в покое. Стал смело меня позорить и, наконец, [посяг]нул на мою честь служебную, общественную и человеческую. Я должен был вооружиться дубинкою и нанести ему оглушительный удар. Вот что я напечатал в № 26 «Зари»: «О древнегреческом сикофантстве, перенесенном на почву г. Киева. (Письмо в редакцию)».

«В № 264 «Киевлян[ина]» помещен отчет о заседании Киевского юридического общества 22 ноября. В этом отчете первая половина заседания окончательно искажена, подтасована и подделана, все представлено в ней шиворот-навыворот. Я не стану вдаваться в доказательства этого, потому что разъяснять специальные вопросы и не к времени, и не к месту, и не к цели. Нет! Не о том я хочу говорить. Я выступаю с словом по поводу двухгодичных искажений, подделок, подтасовок и передержек в «Киевлянине» всего того, что происходит в Киевском юридическом обществе. Прошу меня выслушать.

1) Везде, во всем мире университеты и ученые общества пользуются особенно бережным и деликатным отношением к ним. И в самом деле, нет в мире людском ничего столь священного, столь почитаемого — религия, наука, общественные учреждения,— чего не можно было бы, по духу злобы, зависти и интриги, не обрызгать грязью, нечистотами личной мизерии.

2) Киевское юридическое общество состоит при университете и под покровительством университета. Это, однако ж, не удержало г-на Пихна, редактора «Киевл[янина]», доцента того же самого университета и члена того же самого Юридического общества, стать к этому обществу в самые враждебные отношения. С тех пор, как я избран был председателем общества, почти не проходит ни одно заседание его, которое не было бы изображено г-м редактором Пихном в превратном и подтасованном виде:

а) Сделано ли было мною предложение об открытии при обществе отделения обычного права, г-н Пихно поднимает и за кулисами, и в обществе, и в своей газете интригу и крик, что я скрываю в этом предмете задние мысли. Четыре заседания нужно было употребить, чтобы разрушить эту интригу. Правительство, которое стоит выше мизерных личных интересов партий, 13 сентября сего года утвердило это отделение. И пока во мне останется капля духа, я, как его основатель, не изменю ни интересам науки, ни доверию, оказанному правительством к этому учреждению.

б). Доказываю ли я в обществе по поводу вопросов железнодорожного законодательства, что публика должна быть законодательным путем ограждена тем-то и тем-то от произвольных действий железнодорожных управлений, частных компаний, г. доцент Пихно, он же ма-

гистр политической экономии, помещает в своей газете самый презрительный отзыв, самый превратный доклад о моих мыслях.

в) Читаю ли я в обществе обстоятельную и самостоятельную монографию о незаконнорожденных, написанную по поводу одного сочинения, тот же доцент Пихно ложно доказывает в своей газете, что я три заседания занимал общество библиографиею.

г) В мае месяце сего года я разослал повестку о заседании общества, в котором должны были произойти доклады магистра Белогриц-Котляревского по одному вопросу о воровстве-краже и г. Куперника о лжеприсяге. Г. доцент Пихно сделал в «Киевлянине» объявление следующего рода: в Киевском юридическом обществе будут выслушаны бесконечный доклад Б[елогриц]-Котляревского и доклад Куперника, который не состоится.

д) И наконец, г. доцент Пихно, давая отчет о последнем заседании общества, напечатал: «г. Кистяковским сделано было замечание, что такого рода дозволительное прелюбодеяние (прошу обратить внимание на приписанное мне, криминалисту, выражение: дозволительное прелюбодеяние) весьма древнего происхождения, на что есть указания в исторических памятниках». Это ложь: я в сем заседании по вопросу о прелюбодеянии не только не говорил чего-либо подобного или близко подходящего, но и ровно ничего.

3) В последнее время в обществе слышится мнение, что некоторая часть молодежи иногда из-за политики забывает и попирает основные начала морали и общежития. Спрашиваю я: возможно ли ей быть иною, когда есть в университетах доценты, которые, будучи пропитаны духом личной злобы и интриги, открывают в своих изданиях место для систематической подтасовки, подделки и передержки фактов, когда они являются в роли древнегреческих сикофантов, загубивших Древнюю Грецию,— сикофанты в общественной деятельности — то же, что шулера в картежной игре.

[4)] В докладе моем о корифеях немецкой науки я сказал, что известный немецкий криминалист-писатель, генеральный прокурор Ф. Шварце, отдавая отчет о жизни и деятельности Вехтера, заявил, что он считает себя не в силах воздать дань благодарности почившему общему его и его товарищей учителю права. Г-н доцент Пихно с 1873/74 г. сидел среди той молодежи, которой я читал мои курсы. В 1873 г. я был рецензентом его сочинения на медаль, и по моему отзыву и предложению киевским юридическим факультетом присуждена была г. Пихну золотая медаль. Профессор Бунге, желая мотивировать свое представление Пихна в должность доцента, цитировал слова моего отзыва о достоинствах сочинения этого ученого. В то же самое время слушал мои курсы и товарищ Пихна по курсу и «Киевлянину» В. Г. Тальберг, ныне присяжный поверенный и тоже член Киевского юридического общества, написавший отчет о заседании Киевского юридического общества 22 ноября. Упоминая о Вехтере, я не равняю себя с этим корифеем немецкой науки: он служил науке около шестидесяти лет; я ей служу шестнадцать лет. Часть деятельности моей впереди, если провидению угодно будет оставлять меня среди живых. Но я думал и думаю, что отсутствие предательства или даже известный пиетет к учителю, отцу, матери есть обязанность каждого, средней ли руки они люди, или высокопоставленные.

5). Несмотря на двухлетние искажения, передержки и подтасовки г. Пихна, я, щадя интересы Киевского юридического общества, коего председателем я имею высокую честь быть, надеялся долготерпением

образумить г. Пихна. Но когда этот господин с К° посягнул на мою общественную честь, позволив себе приписать мне гнусную мысль, которой я не выражал и не мог высказать по моему строю мыслей, когда я убедился, что интриге нет конца, я вынужденным нахожусь разоблачить махинацию.

Я не нашел возможным обратиться в факультет с просьбой дисциплинировать одного из его младших членов.

Я не последовал примеру четырех-пяти профессоров Киевского университета, которые в шестидесятых годах вошли в совет с просьбою, оставшеюся без последствий, о ходатайстве по начальству унять сикофанство официозного, получавшего субсидию, ныне умершего редактора «Киевлянина», которого г. Пихно является моральным и материальным наследником по изданию.

Я решился на первый раз и в первый раз прибегнуть к моральной силе и совести мнения общественного в надежде, что оно по достоинству и надлежаще оценит образ действия г. Пихна.

Председатель Киевского юридического общества
профессор *А. Кистяковский*».

Я долго обдумывал сделанный шаг, прежде чем на него решиться. И теперь, когда в обществе заговорили о моей статье, когда пронеслась фама, которой я не желал бы, когда Пихно разразился против меня бранью, обозвав меня бурсаком, когда враги мои злорадствуют, друзья торжествуют, а публика рада скандалу и равнодушничает, я остаюсь спокойным и повторяю, что я должен был поступить так, а не иначе. Гнусность и шулерство Пихна превосходят всякую меру: я только изобразил малейшую долю их. К ве[личайшему моему] сожалению, я поставлен был в нравственную невозможность изобразить последний его шулерский прием, в невозможность потому, что в последнюю передержку он поместил имя женщины — *С. И. Симиренко* Дело в том, что 22 ноября совершались в обществе выборы в члены обычного права. В числе выбранных была и г-жа Симиренко. Симиренко, под моим руководством составила две статьи: «О власти мужа над женой» и «О ведовстве и колдовстве». Отзыв о ее первом труде давал И. П. Новицкий. Симиренко-мадам под моим наставлением написала правдивые наблюдения о власти мужа над женой. В числе фактов и обычаев она сообщила о случаях, когда вследствие брачного бесплодия муж, считающий себя причиною такового, соизволяет положительно или молчаливо на сожительство жены с другим мужчиной. Форма отношений — остаток древнейшей более общей и более распространенной. На эти факты, как на указанные С. И. Симиренко, И. П. Новицкий указал в своем отзыве о ее труде. Я, чистый духом и совестью и преследующий одни научные цели, даже не обратил на это внимания; все это проскользнуло мимо моих очей. Когда все это было прочитано, я не проронил ни одного слова: и естественно, я даже не заметил, что это было читано.

И вот в «Киевлянине» появилась статья, составленная *В. Г. Тальбергом,* в которой самым наглым образом была переиначена, подделана и шулерски подтасована первая половина заседания Киев[ского] юридич[еского] общества.

Но перл подделки и шулерской передержки заключается в следующем месте: «В работе *г-жи Симиренко* указано на обычай заместительства посторонним лицом мужа в случаях бесплодия, с согласия его. *Г. Кистяковским* сделано было замечание, что такого рода *дозволенное прелюбодеяние* весьма древнего происхождения, на что есть указание в

исторических памятниках». Это сопоставление *дозволенного прелюбодеяния* с именем г-жи Симиренко и составляет цель этой подделки. Для этой подделки Пихну и Тальбергу и нужно было приписать мне то, чего я не говорил. О содержании трудов Симиренко я в заседании не говорил ни слова. Таким образом, упомянутые слова — чистый вымысел, изобретенный сикофантами, чтобы уронить меня.

8 дек[абря]. Понедельник.

Посланы письма В. Ф. Симиренко, Хижнякову, Жеребцову, Стоянову в Харьков, Мамышеву, Соколову, Миклухе.

От 8—17 дек[абря] посланы: Ступину, Новицкому, Володимирову, Загоровскому, Пестржецкому, Белогорскому — два, брату Федору — два, Муромцеву, Лешкову, Азаревичу, Тарасову, Рудановскому, брату Николаю, брату Павлу.

18 дек[абря] посланы: Борзенку, бр[ату] Николаю, Володимирову и Малицкому.

1881

1881 г.

10 Марта

1го убитъ императоръ Александръ II.

Брошена бомба. Размозжены ноги. Чрезъ два часа скончался. Убійца тоже погибъ отъ той же бомбы, или метательнаго снаряда.

Первое извѣстіе объ убійствѣ я получилъ 2го марта, въ 8 ч. утра отъ дворника Григорія. Но въ Кіевѣ уже знали объ убійствѣ въ 11 ч. вечера 1го. Первая вѣсть распространилась въ театрѣ.

Ночью съ 1го на 2е все кіевское начальство было на ногахъ. ~~Вас~~

~~Вас~~ Антоновичъ былъ приглашенъ къ губернатору, чтобы посовѣтоваться о запрещеніи панихиды по Шевченку. Приглашеніе надѣлало всеобщей реакцію.

Сашко былъ приглашенъ къ попечителю черезъ Богословскаго. Попечитель [illegible]

Стр. 26. *10 марта.*

1-го убит император Александр II. Брошена бомба. Размозжены ноги. Через два часа скончался. Убийца тоже погиб от той же бомбы или метательного снаряда. Первое известие об убийстве я получил 2 марта в 8 час. утра от дворника Григория. Но в Киеве уже знали об убийстве в 11 час. вечера 1-го. Первая весть распространилась в театре. Ночью с 1-го на 2-е все киевское начальство было на ногах. Антонович был приглашен к губернатору, чтобы посоветовать отложить панихиду по Шевченку. Приглашение наделало в семье переполоху. Сасько был приглашен к попечителю чрез Божовского. Попечитель, по совету этого доносчика, полагал, что следует закрыть у-т и отложить приведение к присяге студентов. Сасько посоветовал ему не прибегать к этим экстраординарным мерам.

Царство русское — царство деспотии и рабства. Только деспотия мóгла дойти до тех притеснений, которые творились. Только деспотия так медленна, так неповоротлива, так боязлива в исцелении причиненных ею зол. Рабы не способны твердо, сознательно и мужественно потребовать необходимых перемен в общественном строе. Они убирают или отправляют своих повелителей. Император Александр II — искупитель грехов своего рода и своего народа. Он, лучший и более либеральный из своих предшественников, поплатился за их ошибки, притеснения и деспотизм. Он понес на себе грехи своего отца, самого закаленного деспота. Он пострадал за неустройство Русского царства, вина которого должна быть отнесена к целому народу, а не к одному человеку, хотя бы этот человек был и император. Личный недостаток императора Александра II состоял в том, что он не умел выбирать людей, что он был поверхностный либерал, а не самостоятельный мыслитель, который знаком с природою общих принципов. Я гнушаюсь и отвращаюсь этого убийства. Оно меня повергло в глубокую печаль. Я хожу сам не свой. Без слез я не могу читать описания, что с ним сделали террористы. Да, император Александр понес на себе грехи целого русского народа. Он пострадал за органические несовершенства его устройства; в них же он виноват столько, сколько всякий правитель, действующий в известной среде, виноват в том, что он не мог вдруг переделать эту среду, ему ближайшую, а с отдаленною средою он не был знаком.

12 марта.

Какой политике будет следовать император Александр III — политике ли акции или реакции? Этот вопрос у всех в мыслях и на устах. Он неотвязно лезет в голову. Реакционеры, доносчики, инсинуаторы и сикофанты тайно и явно надеются в этих тяжких обстоятельствах погреть руки. Они кликушествуют. Я сужу по киевским реакционерам

вообще и университетским сикофантам в частности. Шеффер, Эргардт и К° с пеною у рта комментируют наши частные университетские события, желая их поставить в связь с цареубийством. Пихно и К° — их печатный орган.

Люди благоразумные, доброжелательные, честные и дальновидные, видящие спасение отечества в поступательном шествии, глубоко убеждены, что реакция была бы гибельна для России, что она невозможна и немыслима, если в центральном правительстве есть хоть капля смысла. Цареубийство есть результат самой беззаветной реакции, которая гонялась за мухою с обухом, за комаром с топором, но которая, однако ж, была бессильна для того, чтобы предотвратить такое ужасное злодеяние. Эта реакция организована на поверхности, будучи немощна коснуться корней. Нет сомнения, что убийство императора Александра II, гнусное, дерзкое, неслыханное, ни в каком случае не желательное для благомыслящих людей, любящих свою родину, есть, однако ж, событие первостепенной важности. Им навсегда убита идея самодержавной и безграничной власти. Идти по пути реакции теперь — это значило бы ставить на карту не самодержавие только, а монархическую власть, а вместе с тем и интересы дома Романовых. Быть не может, чтобы этого хоть инстинктивно не понимал новый император. И он, кажется, это понимает. Лорис-Меликов, виновник хотя слабой, но все же акции, остается у дел, несмотря на то, что в его министерстве — он министр вн[утренних] дел — совершено цареубийство. Правда, розыски, аресты, ищейское шныряние идут деятельно. Но они направлены на соучастников преступления, на террористов. Странно было бы, если бы этого не было. Но до сих пор не тронуты слои прогрессивные, не имеющие ничего общего ни с реакционерами, ни с террористами, цареубийцами.

Перемен никаких не произошло ни в сторону акций, ни в сторону реакции — это достоверно Брошены предостережения в газеты· «Страну» и «Голос» за статьи о конституции. Статья пущена была «Страной» Л. Полонского, ее пережевывал «Голос». Но и это, может быть, ради приличий и внешних видимостей, за которыми скрывается другая мысль.

Я себе позволю сравнить два убийства императоров, две эпохи. Убийство Павла I и Александра II, время начала нынешнего столетия и теперешнее. Павел I убит придворными интриганами в интересах служилого сословия. Александр I начал свое царствование либерализмом.

Александр II убит террористами, вышедшими из народа, из массы, толпы, из интеллигенции, в интересах, одни думают, народа, другие полагают, интеллигенции. Как бы Александр III ни смотрел на убийство своего отца, каким бы глубоким сожалением все мы, благоразумные люди, ни были проникнуты, как бы ни желалось душителям и приверженцам белого террора воспользоваться этими событиями в свою пользу, в свой карман, словом, получить свой дивиденд — реакция ни с какой стороны нежелательна, а может быть невозможна и немыслима. Это, впрочем, не в продолжительном времени мы увидим. По плодам древа следует судить о качестве и свойстве его. Александр III скоро должен показать, кто он таков. О, если бы он оказался умным и характерным человеком, которому даже простой нерасчет являться в роли Немезиды, мстящей за тень своего отца.

16 марта.

Еще до цареубийства назначен был генерал-губерн[атором] Дрентельн, на место Черткова. Назначение это в Киеве прогрессивными кружками было не одобрено. Ничего не ждали доброго и умного от человека — большого специалиста по части военной выправки, муштры, знатока ротного, баталионного и полкового учения. 8 марта мы,— профессора и учителя — весь учащий корпус ему представлялся. Я с Антоновичем приехал под конец его речи к профессорству. По словесной и по газетной передаче, вот сущность речи, обращенной к профессорству: молодежь испорчена и развращена. Не мы ею, а она нами управляет. Все зло в популярничаньи. Но можно быть популярным и недостойным каковые есть и между Вами, и наоборот. До чего дошла молодежь,— доказательства я получил вчера из Житомирской гимназии. Там по случаю цареубийства несколько гимназистов высших классов обнаруживали свою радость в каких-то манифестациях. В том же смысле, хотя и мягче, говорил нам Скалозуб и учителям. Сикофанты, инсинуаторы, душители, тупицы и виляи, вроде Шеффера, Эргардта, Пихна, Демченка, Ренненкампфа, Незабитовского, Митюкова, Беца и иных вышли с радостным лицом. Мы отряхли прах от генерал-губерн[аторского] дома пасмурные, раздраженные и подавленные.

С больной головы да на здоровую; бывший начальник всероссийского шпионства — Дрентельн был начальником 3 от[деления],— способствовавший наибольшему применению и распространению административной ссылки — в его управлении Тотлебен с Панютиным в Одессе, Чертков в Киеве массами ссылали либералов и прогрессистов,— этот тип *Скалозуба* наших дней говорит такие речи в духе мероприятий графа Толстого. На эту тему стали разрабатывать мнение о Дрентельне.

В тот день посетил меня Шидловский, ближайший секретарь сенатора Половцева. Я ему сказал: «Был у нас генерал-губерн[атор] деревянный, а ныне мы получили ремешкового». Остальное было сказано в смысле вышеизложенного. Половцев — близкий человек к Александру III.

Вчера С. П. Якубович принес известие из «Зари» о том, что там положительно говорят о получении Дрентельном другого назначения. Не успел, мов, и устроиться, и тут гонят, будто бы слова жены Дрентельна. Жидки — народ чуткий и прежде всех узнают о событиях. А. Д. Юркевич говорит, что его слуга сообщил ему об убийстве Александра II еще в 6 ч. вечера 1 марта — и это со слов жидка-портного. Между тем, публика начала узнавать о цареубийстве только с 11 час. вечера 1 марта. Я узнал от дворника Григория только в 8 ч. утра 2 марта.

Посмотрим, догадается ли правительство убрать поскорее Дрентельна, запятнавшего себя самым тупым душительством. За достоверное передавали, что Дрентельн, принимая душителя Стрельникова, сказал ему: «Вы действовали хорошо, но слабовато; нужно быть круче, как показали события». Иначе говоря: мало повесили радикалов. Такой человек может ли попасть в такт предполагаемой прогрессивной внутренней политике. Или, может быть, исповедуя догмат пассивного повиновения, он готов будет служить новому направлению. Хорош будет слуга. Говорят, он совершенно, просто абсолютно неуч в гражданском управлении. Он без высшего образования. Как есть фрунтовой генерал. Еще одно слово. Наши не без основания утверждают, что речь Дрентельна навеяна киевскими влияниями. Ее внушителями были жандарм

Новицкий, душитель из прокуроров Стрельников и университетский искатель приключений и всякого ганделя — именующийся профессором — Эргардт. Речь эта, говорят, метила в нас. Кто ее точно ведает, а вероятностей для правдивости такого предположения много.

23 марта.

Правительство наше, во главе с новым императором Александром III, обнаруживает мало расположенности идти вперед по пути дачи конституции. Запрещены на месяц: «С-Петербургские ведомости» и «Молва». Последняя за проповедь конституционных идей. Печать запугана. Все чего-то ждут. Правительство отвечает спешными мерами, для ограждения императорской безопасности в Петербурге. К градоначальнику присоединен совет выбранных из 25. Выборы совершились подачею голосов по квартирам. Хорошие выборы, знаменующие боязнь. В числе советников первое место занимает Трепов. Барановым, петербургским градоначальником, предложены следующие меры: «Градоначальник заявил о двух полицейских мерах, которые тут же предложил на обсуждение представителей: во-первых, учреждение застав по всем шоссейным, грунтовым и проселочным путям, ведущим к столице; во-вторых, установление полицейского надзора за наймом извозничьих экипажей приезжающими в столицу по железным дорогам. Первою мерою, по словам Баранова, вовсе не имеется в виду стеснить публику. Всякий въезжающий на лошадях или входящий в Петербург будет приглашен заставным караулом записать в особую книгу свое звание, фамилию, место остановки в столице и дело, по которому он приехал. Для приведения в исполнение второй меры будет установлена такса для извозчиков, причем приезжающий в Петербург по железной дороге обращается к полицейскому агенту, если пожелает извозничий экипаж. Полицейский агент записывает имя и фамилию приехавшего и место остановки, им указанное. В случае же изменения седоком первоначально указанного места остановки извозчик обязан немедленно дать знать ближайшему агенту полиции».

По выслушании речи Баранова один из выборных предложил обсудить вопрос: не признается ли необходимым, чтобы выборные от околотков по очереди дежурили по улицам, по которым будет проезжать государь? Громкое, единодушное «ура» и крики «браво» были ответом на это предложение. Градоначальник, напомнив, что такие единодушные крики «ура» слышатся во время войны при атаке на неприятеля, пожелал, чтобы в данном случае эти единодушные крики послужили знаком успешной атаки против общего неприятеля — крамолы. Слова Баранова вызвали новые восторженные крики и рукоплескания.

Да, правительство занимается пустяками. Из этих мер ничего не выйдет. Нигилизм найдет себе лазейки. А честных и добрых граждан стеснят. Полное безголовье. Баранов оказывается фатом и шарлатаном. Он был в оппозиции с морским министерством Константина. Этого было достаточно, чтобы признать его годным на важный пост. Если бы последнее не было горше первого. Кто таков новый император? Старого мы, по крайней мере, знали. Имеет ли новый хорошее государственное образование? Одарен ли он добрым, энергическим характером? Знаком ли он самостоятельно с состоянием русского общества и народа? Что, если он не имеет ни того, ни другого, ни третьего. Будет в руках двух-трех советников. Попадет в заколдованный круг придворной камарильи. Да, цареубийством не изменить положение общества. Оно

молчит, бо благоденствует, вылупивши очи. Одни решительные реформы в состоянии избавить нас от цареубийств. Одни решительные реформы в состоянии уничтожить царство деспотизма и атмосферу тирании. Одни решительные реформы в состоянии превратить нас из рабов, поставляющих цареубийц, в свободных граждан, среди которых не мыслимо прогуливаться отчаянным людям. Реформы должны очистить атмосферу. Мы рабы: наружно падаем мы ниц и не смеем смело, в глаза сказать нашим властителям, что нужно для выведения общества из ненормального состояния. В тайне же мы задумываем заговоры на жизнь властителей.

Вот эпизод из жизни Николая I и Александра II. «Николай I со своей стороны указывал своему приемнику его царственные обязанности. Вот один из уроков Николая I сыну, оставивший в присутствовавших при этом глубокое впечатление. Получено было известие в Петербурге, что французский король Карл X отрекся от престола, напуганный возмущением. Император Николай I по этому случаю совещался с министрами своими, пригласив на совет Канкрина, Чернышева, Ливена и Поццоди-Борго. Окончив совет, Государь вышел в залу, и в это время наследник, проходя по ней с Мердером, подбежал к отцу — здороваться. Государь, дав поцеловать руку сыну, сам обнял его, поцеловал с особенною нежностью и при этом сказал:

— Сын мой! Будет время, когда ты заменишь меня на престоле Петра I и Александра I. Тогда ты должен будешь выполнять высокие обязанности свои, как отец и Государь своих подданных, всего себя посвящая доставлению им благополучия, общего благосостояния и славы отечеству... Помни всегда, что Государь в своем высоком сане, получив от провидения скипетр и меч, не должен никогда убегать от возмущения, под опасением того, что без него возмущение обратится в революцию. Глава монархического правительства теряет и позорит себя, уступив и на один шаг восстанию! Его обязанность поддерживать силою права свои и предшественников. Его долг пасть, если суждено, но... на ступенях трона» («Новое время») [1].

Что, если этого рода правила мнимой государственной мудрости наследовал Александр III? Что Александр II свято ей следовал — это очевидно. «Поддерживать силой права свои и предшественников?» В таком случае, чья возьмет. Это значит ставить власть свою на карту. А сколько властителей потеряло и власть и даже жизнь, отстаивая права свои и своих предшественников? Это бы следовало помнить и новому императору для собственного блага и счастия. Говорю это не потому, что я бы желал для него потери власти, а тем более жизни: я противник и того, и другого. Но в качестве постороннего наблюдателя событий я не вижу добра от правила, завещанного Николаем I. Ведь это, право, императорская скалозубовщина.

25 марта.

Застой во внутренней политике и даже признаки реакции. Думают распространить пресловутые советы на другие города, где есть социалистическая пропаганда. Нашему Киеву не миновать этого шутовства. В Москве поговаривают об учреждении общества искоренения нигилистов. Это значит, думают учредить общество добровольного шпионства и притеснения. Нельзя же искоренять нигилизм без сердцеведения. Вероятно, нигилизм будет свободно разгуливать, а средним людям до-

станется. Речь идет в газетах, что для предупреждения побегов административно ссыльных их будут ссылать на остров Сахалин. Вон оно куда идет. В Киеве ходят слухи, что войска стоят на военном положении. Носятся слухи о повальных обысках. Мне советовали пересмотреть мои бумаги. В них ничего нет постороннего. Только мой дневник с моими заветными мыслями. Если сцапают, то могут и меня сцапать. Хотя дневник мой — это сокровеннейшая летопись моей жизни и моих дум, предназначенная для отдаленного потомства. Когда убит был Александр II, я ужаснулся и по смутному чувству боялся реакции, еще более гибельной для народа, чем самые убийства, которые суть результаты душительства, тирании и реакции. Вместо того, чтобы овладеть умами, дав им естественный простор, неопасный, законный, уложенный в известные формы,— вгоняют мысль русского человека внутрь, заставляют ее портиться, ослабляться, вырождать в уродливые сочетания. При Лорис-Меликове совершилось убийство. Может ли он после этого идти вперед твердо, самоуверенно, безбоязненно. Он и без того вилял. Цареубийство должно было вышибить у него и последнюю уверенность. Поговаривают о замене его графом Шуваловым, одним из отцов русской реакции.

26 марта.

Реакция помаленьку движется. Запрещен невинный «Смоленский вестник». Воспрещена розничная продажа «Порядка»[2]. Министр просвещ[ения] Сабуров сменен. Его место занял барон Николаи. Этот государственный муж славен грабительством государственных земель на Кавказе. Когда он был там главным начальником гражданского управления, то успел всякими неправдами присвоить себе поземельной собственности тысяч на 500 000 руб. Это руководитель просвещения. И еще хотят, чтобы не развивался нигилизм в молодом поколении. Во главе Министерства просвещения ставят грабителя народного достояния. Прямой соблазн и явное развращение. Значит, работает придворная камарилья, а не ум и характер нового императора, у которого таковых не оказывается.

Приехавшие из Петербурга рассказывают, что там Баранов — градоначальник — в полном презрении. Рассказывают, будто радикалы и нигилисты объявили новую угрозу императору. Ходят в Киеве слухи, что в городе расклеены были прокламации от «Южного союза рабочих». Будто бы прокламации были выпечатаны, или отбиты на платках, запеченных в булки. Верно или нет — не знаю. В газетах пишут, что барановские заставы отменены. Скоро приняты. Еще скорей отменены.

Я забыл записать интересный прием А. Д. Юркевичем сикофанта Пихна Во время приема Дрентельном ученого сословия в зале был наш педагог. Подбегает к нему Пихно.

— Здравствуйте, Андрей Данилович.

Подняв глаза, Юркевич взволнованно вопрошает:

— Кто, Пихно?

Пихно отвечает: «Пихно».

— Вон! — был ответ Юркевича, сопровождаемый жестом и мимикою отвращения. При выходе из генерал-губернаторского дома лицо Пихна было не улыбающееся, как всегда. Он лебезил, *и своим хвостом виляя грязным.*

1 апреля.

Носится нелепый слух, что Константин Николаевич — тайный машинист цареубийства и что он отравился. Этот слух недели две назад был очень свеж. Теперь износился. Он характеризует грубость и низость нравов той среды, которая его изобрела. Пахнет XVI или XVII веком.

Суд над цареубийцами: Желябовым, Рысаковым, Кибальчичем, Перовскою, Михайловым и Гельфман. Все приговорены к смертной казни. Обвинял Муравьев, приятель Фойницкого. Роль защитников была самая неблагодарная. Пришлось одному из них показывать на суде модель воздухоплавательной машины, изобретенной во время ареста Кибальчичем. Оказывается, что Кибальчич происходит из знакомой мне семьи. В начале пятидесятых годов я был репетитором его брата Степана. Отец их священник — благочинный м. Коропа, частенько приезжал в Чернигов к нам на квартиру. Приличный, заможный, благодушный. Года четыре назад Степан Кибальчич, врач, посетил меня.

Общее настроение — смута, апатия и застой. Нервная система поражена у всех. Самые прыткие присмирели.

— Что же дальше? — все спрашивают.

Третьего дня посетил меня Шидловский, состоящий при Половцеве, ревиз-сенаторе. По его словам, слухи о назначении его министром юстиции не имеют основания.

Я читаю теперь, в болезни — вот четвертый день болен,— «Историю Нидерландской революции» Мотлия. Это вместе история двух отвратительных тиранов Карла V и Филиппа II. Совершив свои исторические злодеяния, каковы: введение инквизиции в Нидерландах и казни 100 тыс. чел[овек],— Карл V отрекается от престола. Нидерландское население проливает слезы, слушая чувствительные речи этого тирана в момент его отречения.

Император Александр II совершает освобождение крестьян. Впадает в некоторую реакцию, которая и подобия не имеет с деяниями Карла V. И делается жертвой убийц. Так изменились времена.

3 апреля.

За Мотлием утвердилась репутация отличного историка. Он историк честный и занимательный. Но пора бы перестать писать истории в повествовательном тоне. Прочитав его историю, я остаюсь все же в потьмах: откуда могли родиться такие чудовища, как Карл V и Филипп II? Ведь это типы нравственных уродов в человечестве. На то, чтобы родить, воспитать и образовать таких тиранов, человечеству нужно было долго работать в самом печальном смысле: это ягоды цвета его вековых заблуждений. Карл V и Филипп II были бы невозможны без соответствующей атмосферы, их возрастившей. Меня удивляет не Нидерландская революция, а долготерпение нидерландского народа. Удивляет то, что Карл V — один из уродов человечества — до сих пор сохраняет репутацию крупного деятеля в человечестве.

Был у меня студент Сысоев, рекомендованный мне Кульжинским. Попросил денег 15 руб. на проезд. Я дал ему. И убежден, что не возвратит. Хотя обещал прислать к 20 апр[еля]. Я в болезненном состоя-

нии. Припоминаю В. Н. Мачинского, чиновника из персидского посольства. Он мне казался порядочным человеком. Взял у меня 35 руб. с обещанием выслать мне через три недели. С тех пор прошло пять месяцев — и денег я не получил. В прошедшем же семестре взял у меня тридцать руб. Моркотун на две-три недели — и не возвращает. Меня считают добрым человеком. Прекрасно. Но что же из этой доброты? Я сам в обстоятельствах; не знаю, насколько помощь другим тут нравственна. Это значит отнимать кусок у детей. Не из наследства: его нет. А для воспитания.

Лорис-Меликов продолжает предостерегать газеты: снова дал предостережение «Голосу» и «Земству» [3] за бездарного бюрократа Макова. Жидкий это политик: износился и истощился. Затвердили они: нужно возвратиться к началам, до 1863 г. А 17 лет опыта куда деть? Что было хорошо тогда, то недостаточно теперь. Настает тупой застой: ни туда, ни сюда. Хотят что-то сделать для духовенства: не знают они его. Лорис сказал: «Поймали голову,— разумея Желябова,— нужно поймать руки». Наоборот: поймали руки, а голова гуляет по белу свету. Как поймать голову, когда она общее недовольство и общая неурядица, рождающая отчаянных голов.

Феофилактов отказался от ректорства, выбрали Рахманинова. Феофилактов пошл, глуп и подл. Ему прислали несколько анонимок: в одной даже грозили смертию. Вероятно, это подделка: прежние его сторонники. Даже им не угодил, хотя старался очень годить. Но угодить им окончательно — значило пуститься во вся тяжкая, забыв стыд и совесть. Славатинский, профессор самого легкомысленного поведения, работал за выбор ректором Ренненкампфа. Наш Дон Базилио умел превратить своего старинного врага в приятеля: он в настоящее время удовлетворяет его чревоугодию. О нашем ученом легкого поведения — его именуют: одни блудницею, другие сквозным ветерком, у студентов шестидесятых годов он известен под именем полковника — его товарищ Бец выразился: «Славатинского стоит вывезти в Бровары и там угостить, чтобы он возвратился оттуда с мнением, благоприятным для угостившего, или тем, которого держится последний». Славатинский претерпевал от Ренненкампфа величайшие мерзости: и сам платил ему тем же. Но так как он человек беспринципный, без убеждений, человек исключительно личных отношений, то он с переменою прежних личных отношений попал в латы рейне-фукса, человека хитрого, коварного, корыстного, бессердечного. С этих пор Славатинский поступил в кабалу и будет танцевать по дудке своего вожатого. С этих пор для Славатинского и Пихно стал кумиром.

4 апреля.

Вчера в 9 ч. утра повешены были в Петербурге на Семеновском плацу: Рысаков, Кибальчич, Желябов, Перовская и Михайлов. Казнь беременной Гельфман отложена до выздоровления. Перовская — первая женщина, казненная в России, после царствования импер[атрицы] Анны Ивановны. Зуб за зуб, око за око, кровь за кровь, жизнь за жизнь. Такова теория, воодушевляющая борющиеся партии. Начало царствования Александра III облито кровию: с одной стороны, цареубийство, с другой — пять казней. Предзнаменования дурные. На ножах — положение продолжается. Страсти не улегаются, а остервеняются. До сих пор

замечаемые вокруг императора влияния малоблагоприятны решительным реформам в смысле установления общерусского представительства. Последнее — единственное средство для разрешения задачи, и для выхода из затруднительного положения.

Антонович и другие того мнения, что анонимки Феофилактову идут из лагеря Эргардта, Шеффера, Ренненкампфа и К°. Мастером может быть Божовский. Кстати, об этом университетском шпионе. Он был главным мастером избиения младенцев в 1878 г. Говорят, что сенаторская ревизия открыла какую-то шпионническую бумагу его, или донесение генерал-губернатору. Половцев действительно его приглашал и обошелся с ним как чиновником, занимавшимся шпионством против студентов. Феофилактов говорил Саську, что Половцев оскорбил своим обхождением Божовского, сделав намек на его шпионскую деятельность. Божовский после выхода Воскресенского исполнял должность инспектора. После 1-го марта подал в отставку. Почувствовав реакцию, он просил попечителя остановить ход дела об отставке. Что будет дальше — неизвестно.

5 апр[еля].

В Московском университете опять волнения. Университетское начальство призывало на помощь полицию. Проректор объявил, что сходки не допускаются. Сходки продолжались. Разойтись не разошлись, когда начальство потребовало. При помощи полиции окружили студентов, переписали. Начнется суд. Говорят, произошли исключения. Если верить, весь этот каламут поднялся из-за венка, отвезенного студентами Московского у-та на гроб Александра II. В этом деле участвовало меньшинство студентов, преимущественно юристы. Большинство потребовало у них отчета: по какому, мов, праву вы действовали на сей раз от имени студенчества. И пошло писать. Если верить слухам, мысль о венке внушена была студентам извне: чуть ли не университетским начальством. А. И. Сасько передает, что наш Голубцов задавал ему вопрос: не следует ли и нашим студентам внушить мысль о венке. Он ему ответил: «Это небезопасно». Можно составить кружок студентов, которые явятся предпринимателями осуществления мысли о венке. Но что ж дальше? А дальше могут выйти недоразумения. Сасько предсказал, что и в Московском у-те могут выйти таковые. Так оно и случилось. Александр III, кажется, не расположен расставаться с абсолютной властию. Он не хочет понять, что из-за нее идет борьба. Она будет и должна быть сломана, если она добровольно не поступится. Центральное правительство занято охотою на радикалов: этого мало.

6 апр[еля].

На прогулке встретил Рудченка. Он говорит, что по достоверным сведениям, частным из Петербурга, правительство занято вопросом о общенародном представительстве. Кто его знает. С этим сведением не совместны реакционные меры против прессы. В Петербургском у-те, по постановлению ун[иверситетско]го суда, исключено 18 студентов с лишением права когда-либо поступить в у-т.

Киевская дума одна из темных и глупых Дум: Эйсман — голова — по Сеньке шапка. Отклонив предложение о наименовании одной из существующих школ именем Шевченка, отклонив под предлогом несвоевременности, она приняла редакцию протокола в смысле вообще отклонения.

8 апр[еля].

В Киеве проездом П. А. Матвеев, писатель по обычному праву. Он едет в Румелию писать для болгар законы. Приглашен правительством Алекко-паши. Наше соизволило. Приглашение — знак русского влияния. Матвеев — писатель из чиновников. Ум средний. Золотая средина. Тянет в газету «Русь»[4]. Бредит Аксаковым. Хочет исповедывать credo этого русского легитимиста, скрывающего под фразами любви и уважения к русскому народу сословные стремления и похоти русских бар — банковых дельцов. Матвеев говорит о влиянии на внутреннюю политику вел[икого] князя Владимира, брата Александра III. То же говорит и Рудченко. Милый бонвиван и кутила — ныне политик. Полковой командир решает тонкие дела общественной и государственной жизни. Чего ждать доброго в будущем.

Пишут, что Абазу, главноуправляющего по делам печати, сменит кн. Вяземский с мировоззрением старовера, московского стародума из...[5]

11 апр[еля].

Абаза сменен. Вяземский занял его место. Император поселился в Гатчине для безопасности. Аничкин дворец окапывают и изолируют. Ищут увеличения безопасности в усилении полиции и всяких оград, а не в усилении любви народной. Тирания усиливает стражу и увеличивает средства защиты. Готовность служить народу и идти по пути реформ ищет сближения с обществом, надеясь в нем найти защиту. Симптомы нехорошие. Правительство как будто одурело и ошалело.

Посетил сенатора. Был очень мил и любезен. Серьезного разговора не было. Речь шла слегка о причинах радикализма. Я указал на общую дезорганизацию и неустройство. Лечение внутрь, а не наружу. Обещал мне прислать издания Исторического общества, коего он состоит председателем. Видался с Шидловским.

Ректор Тихонравов и проректор Муромцев Московского у-та обуздывали студентов при помощи полиции. Меня удивляет либерал Муромцев. Или каждый русский либерал, пока не у власти, либеральничает, а допавшись до власти, тотчас начинает делать мерзости? Пишут, что в среде московского профессорства произошла реакция против действий Тихонравова и Муромцева, так легкомысленно обратившихся к содействию полиции. Совет у-та Мо[сковск]ого также сделал шаг к облегчению участи переписанных, бывших на сходке: приостановлены исключения и предложено большинству исключенных подать объяснение. Немножко поздновато. Еще недавно сходки были фактически дозволены. А теперь возведены в преступление. О, столпотворение вавилонское.

В нашем у-те тихо. Если бы знали, то удивились бы; причиною тому — маленький человек, друг А. И. Сасько. Не исправляй он теперь должности инспектора, смут бы не избежать.

П. А. Матвеев сообщил, что он пригласил в Болгарию себе в помощники Д. Н. Бородина, бывшего стипендиата по моей кафедре, находившегося некогда под особым моим покровительством. Бородин как был шарлатаном, так и остался. Прогнанный мною с стипендиатства, наделавший мне дерзостей, уличенный потом во взяточничестве на должности мирового посредника, он, тем не менее, выдает в Петербурге себя моим учеником. Матвеев спросил меня, какого я об нем мнения. Я уклонился от дачи такового: «Бачили очі, що купували, і їжте, хоть повилазьте». Но Матвеев от кого-то другого узнал, что Бородин брал взятки, будучи мировым посредником. А Рафальский передавал мне, что в канцелярии ген[ерал]-губерн[атора] выплывает дело об обложении милым Бородиным шинков известною податью в свой карман. И такой плут навязывается мне в ученики. Хорош бы был учитель.

Известно, что в Уфимской губ[ернии] земли расхищены чиновниками. Оказывается, что в числе расхитителей был министр гос[ударственных] имущ[еств] Ливен, его товарищ Куломзин и Климов, заведывавший земским отделом в том же министерстве. То есть в расхищении участвовали те лица, которые заведывали государственными землями. В газетах появилось известие о том, что Ливен и Куломзин готовы возвратить в казну земли. Утешительная русская бюрократия. И с этою бюрократиею Александр III хочет устроить счастие и славу России. Наивный император. Повторяю: цареубийство окажется более бедственным, чем мы думаем. Для тех целей, с которыми оно предпринято радикалами, оно бесполезно. Нельзя изменить состояние общества убийством царя. Для развития и усовершенствования правительственной системы оно пагубно. Убит опытный правитель. Убит император, воспитанный в либеральных идеях, хотя и бросившийся было в реакцию. Его место занял человек однородный с убитым, что касается деспотизма, реакции и жестокости, и разнородный, что касается широты взгляда государственного человека. Вместо всяких государственных мероприятий он помаленьку окапывается в своем дворце и заводит реакцию. Ужели без революции Россия не обойдется? Я говорю «без революции», разумея формальную революцию. Ибо революция идей давно началась в России. Или и наши правители не в состоянии ничего забыть и чему-либо научиться?

12 апр[еля].

По обычаю, отправился в сей день — первый день Пасхи — записаться на листе у попечителя. Едва взошел я на крыльцо, подъезжает Голубцов.

— Ко мне?

— К Вам, хотя и не думал лично беспокоить.

— Зайдите.

— Хорошо, но я попросту, в сюртуке, извините.

Едва взошел к нему и сел, он подал мне депешу, сказавши:

— Неприятная.

Депеша от министра просвещения барона Николаи. Извещает Голубцова, что он, министр, не может утвердить постановление совета об изменении экзаменационных правил. Вот-те бабушка и Юрьев день. С генваря месяца начались в нашем у-те сходки студентов по поводу правил об экзаменах. Правила, год назад установленные, были в высокой степени стеснительны для студентов. Эти правила были писаны

в духе душительства. Регламентация доведена была до крайности. Поверочные экзамены производились ежегодно. Они имели значение переводных. Два месяца мы бились и с разными комбинациями успели в совете постановить, что годичные как контрольные, так и переводные экзамены отменяются, а восстанавливаются двухгодичные и четырехгодичные, окончательные. Студенты знали об этих постановлениях. Не готовились к экзаменам годичным. Многие из них уехали на праздник с тем, чтобы уже не возвращаться. И вдруг они должны теперь держать экзамены. Замешательство и путаница огромные. Не избежать нам волнений студенческих. Попечитель думает, что единственное средство избежать замешательства — отложить экзамены на сентябрь. Это в состоянии только облегчить возможность выйти из путаницы, но не уничтожить замешательств. Голубцов почти со слезами на глазах беседовал о неудаче, какая постигла его представление об экзаменах. Последуй представление совета раньше неделею — 10 днями, и новые правила были бы утверждены Сабуровым, который был вполне расположен утвердить их. Слетел Сабуров, полетели к черту и наши правила. Да, к черту: он теперь будет орудова[ть].

8 мая.

Много воды утекло. С шестой недели поста я болею. Все лежал. Желудочные припадки возобновились. Недомогаю. Чувствую усталость. Крепко я завален работою. Много тревог и беспокойства. Везде мне должно поспеть. Все выполнить. Проклятое многоделие. А тут ни люди, ни обстоятельства, ни сам я — никто меня не щадит. В домашнем быту нет успокаивающего начала, а скорее раздражающее и обременяющее.

Александр III стал на реакционную дорогу. Мало-помалу наложил печать молчания на печать. Мало-помалу удаляет старых слуг, представителей поступательного движения. 29 апр[еля] издал манифест, в котором объявил народу, что он считает священным, от Бога на него возложенным долгом охранять самодержавие. В результате получилась отставка Лорис-Меликова и Абазы, министра финансов. Пишут, что за ними последует Милютин. Говорят, будто эти министры подали голос за представительство, хотя только совещательное. Царь принял мнение других советников: говорят, в[еликого] князя Владимира и Победоносцева. Манифест писан таким елейным и клерикальным слогом, каким могут писать клерикалы вроде Аксакова и Победоносцева.

Н. Х. Бунге возвышен колесом фортуны на вершину чиновной иерархии: наименован управляющим Министерством финансов. В этом шаге виден всегдашний Бунге: ради удовлетворения своего честолюбия готовый воспользоваться самою реакционною минутою общества. Человек он, всегда делающий и добро и зло по биржевому барометру, по ветру и нюху данной силы. Способный на сделки и подтасовки в своей политической карьере. Поддерживающий в Киеве самых отчаянных эксплуататоров и по взаимности услуг ими поддерживаемый. Заигрывающий внешним образом в либерализме, а внутренним, закулисным подставляющий ногу прогрессивному движению. Человек, всегда самым ловким образом эксплуатировавший обстоятельства в пользу своего честолюбия. Автор политики застоя в г. Киеве и господства немецкой недобросовестности и враждебного отношения к местному самоуправле-

нию. Здесь, в Киеве, он мог быть божком: довольно плохо политически развитая среда; немногие понимали его здесь надлежащим образом. Настала пора, когда раскусят этот плод в обширной всероссийской сфере.

С конца апреля начались нападения на жидов, сиречь евреев: побои, вторжение в жилища, лавки и магазины, разрушение и истребление имущества и, наконец, грабеж. Началось с Елисаветграда. Сильным припадком обнаружилось в Киеве. С 23 апр[еля] начались возмутительные насилия над евреями. 26 апр[еля] совершены самые тяжкие насилия. Киевское еврейство в страхе. Богатые выехали за границу. Торговля в застое. Юдофобы втихомолку радуются. Они философы и пророки этих побоищ, хотя их и нельзя назвать умышленными подстрекателями. Но симпатия между интеллигентными юдофобами и толпою несомненна, что касается отношения к жидам. Сначала киевские власти глазели. После главного дня грабежа взялись за ум. Приняли решительные меры. Без того быть беде. Море готово было расколыхаться. Тогда бы не безопасно было плавать всяким кораблям.

9 мая.

И манифест 29 апр[еля], и циркуляры министров твердят о русском народе и его вере в самодержавие. Разумеют они простой народ. На него они возлагают надежды. К нему взывают. Народная интеллигенция поставлена в тени. Но что народ без интеллигенции? Оставленный сам себе, он способен на грабеж жидов, только потому, что они жиды. Жиды эксплуатируют народ? Но кем народ не эксплуатируется и не притесняется! Евреи только тип жидовства. Но жидовство в самых ужасных размерах развито среди именующих себя христианами. А притеснения со стороны чиновников разве не угнетают народ? В публике ходит молва, что правительство не коснулось ядра радикализма, совершившего цареубийство. Захвачены только внешние деятели: одно кольцо от цепи. Овладели одним кольцом.

11 мая.

Слухи ходят, что Лорис-Меликов, Абаза, Милютин и Коханов стояли в Совете министров за учреждение общеземского представительства; что Александр III в заседании 27 апр[еля] выразил свое согласие на таковое; что манифест 29 апр[еля] явился отступлением от однажды выраженного согласия; что манифест составлен под влиянием Каткова и Победоносцева, что Катков был призван императором по телеграфу по совету Победоносцева. Так ли это или нет, сказать трудно. Но в городе это передают как нечто верное. Итак, застой принят как правительственная система. Реакция несомненна.

Уж кто-кто, а наш киевский политик Бунге дивиденд свой получил в общественном замешательстве. Он всегда им питал свое честолюбие и себялюбие. Готов для власти всем святым пожертвовать. Более честные и более принципиальные сыны отечества оставляют свои посты, а он хватается за министерский портфель. Учитель пихнов, ренненкампфов, сидоренков и всей той клики, которая заедает более прогрессивные элементы в матери городов российских. Есть, наконец, надежда, что в сферах высшей политики распознают этого беспринципного человека, делающего и добро и зло, по расположению времени, по расчетам своего личного себялюбия.

Открывают новых террористов, но всех не откроют. Морской офицер Суханов арестован. Оказывается устроителем мины в Малой Садовой. С ним арестовано несколько других офицеров. Предсказывают и другие аресты в армии. Захвачено еще несколько террористов. Недаром оставлена в живых Гельфман: может быть, она и не беременна. Выкачали же они из Гольденберга все, что могли. А потом, говорят, удушили. Полагают, что новые открытия есть дело уст Гельфман. Но правительство жестоко ошибается: оно воображает, что имеет дело только с радикалами, или прикидывается, что так. Революция идет двоякая: радикальная и либеральная. Фактической связи между прогрессистами нет. Но идея очень большая. Тайное сочувствие прогрессистов на стороне не правительства, а радикалов. Получив уступки, либералы отрекутся от нынешних своих тайных союзников. Это как Бог свят. Но пока у либералов и радикалов противник один — это абсолютный деспотизм. И вот союз их не разрывен, пока деспотизм и самодержавие не будут ниспровергнуты. Когда они будут ниспровергнуты, определить точно невозможно. Но что они будут ниспровергнуты, если не последует добровольного соизволения,— это верно как дважды два четыре. Итак, не побороть абсолютизму начавшейся революции идей, которую правительство обзывает крамолой. Когда революция идей окончит свой ход, или достигнет своей зрелости, переворот совершится сам собой, путем ли насилия или путем реформы.

Жди, философ, терпеливо и с верою этого момента. А что он может с собой принести? Насколько он увеличит счастье народа? Это другой и очень мудреный вопрос. Головой ручаюсь, что тот самый император, который так, по-видимому, заботится сохранить самодержавие *для блага бедного народа,* при конституции будет первый приносить его в жертву кулакам. Это будет лучшее доказательство лицемерия, коим привито самодержавие.

1 июня.

С Вербной недели болею, недомогаю, расклеился. Работаю мало за письменным столом. Больше лежу. Читаю Салюстия и Цицерона. Делаю успехи в изучении классиков в подлиннике. Воскрешаю старину. Усовершенствуюсь в знании латинского языка. В юности я приносил горячие молитвы, чтобы Бог умудрил меня в латинском языке. Напрасно. Теперь, когда силы мои клонятся к склону, я делаю успехи. Будучи за границею в 1871/72 г., я изучал Цезаря. Два года назад я занимался Корнелием Непотом с Володею. По сему поводу я прочел всего Корнелия.

Силы мои в последние два года значительно упали; научные занятия, заседания в разных учреждениях, хлопоты по Юридич[ескому] обществу, значительная переписка, в последнее время заботы по администрации, коей я состою председателем, требуют большого напряжения умственной деятельности. Присоединить: семейные невзгоды и огорчения, отвратительное политическое положение отчизны, козни моих врагов киевских, получится та огромная напряженная работа нервов, которая меня обессиливает. В результате *упадок* сил телесных и затем душевных.

Получил горькое для меня известие о смерти князя Н. А. Кострова, превосходного человека, столько же скромного, сколько неутомимого труженика. У меня с ним была самая теплая дружественная переписка, мы назвались побратимами, хотя мы друг друга не видели. Он написал

и прислал мне целый ряд монографий в ответ на мою программу по обычному праву. Одним любящим меня человеком стало меньше. Я потерял в нем много силы и моральной поддержки.

Сикофантия в Киеве делается все наглее и наглее. Сикофантия добровольная, гнездящаяся в обществе. Вслед за кляузой профессоров Хандрикова и Шеффера, поданной и рассмотренной в совете, дерзость университетских и иных сикофантов как будто оживилась. В. Б. Антонович просил совет исходатайствовать ему у губернатора производить раскопки в Киевской губ[ернии]. Ренненкампф и устно, и письменно подал отдельное мнение, в котором настаивает на отказе ввиду смутного настроения народа. Это косвенная инсинуация против Антоновича: полицейский намек. В таком смысле я возражал и подал опровержение. Нашлись благородные члены совета Алексеев и Авенариус, заявившие, что подобные мнения неприличны, компрометируют совет и не подлежат приему. Удивил нас также Феофилактов, восставший, с общей точки зрения, против мнения одного из самых коварных сикофантов. Значит, всякий ученый: минеролог, зоолог, ботаник и др.— должен быть по тем же мотивам лишен права предпринимать экскурсии. Высказано было много горьких истин сикофанту: но он знает, что ввиду 1 марта он может выступать ныне с своими доносами явно, тогда как он еще недавно упражнялся в том только тайно. Он оперился ныне и потому, что его учитель и покровитель держит в руках министерский портфель. Военный удав, прокурор Стрельников действует в том же духе на другом поприще.

Судили в военно-окружном суде членов «Южнорусского рабочего союза». Обвинял прокурор — паук. В речи своей он ни к селу, ни к городу распространился об украинофилах. Разделив их на две фракции: старую и молодую. Старая — это самая опасная; молодая состоит из шалопаев. Старые украинофилы — это люди с положением. Они недоброжелатели правительства. Они поддерживали и поддерживают Драгоманова, Волкова, жену Волкова. Они не социалисты, положим, но ему мирволят. Подробности выпишу из печатного.

Приехал Житецкий Дело его в университете пока не выгорело. Даже Иконников явился противником. Он в последнее время нюхается с Ренненкампфом. В совете в пылу споров открыл свои карты Демченко: он заявил себя открыто за мнение Ренненкампфа против Антоновича. Это прежде значительно излюбленный человек украинофилов. Тартюф как есть. Много имеет и молчалинского. Всегда умерен, всегда аккуратен. Всегда благочестив. Всегда смиренномудр. Всегда скрывает свою мысль, скудную впрочем, под маской благочестия, под сладкой улыбкой. Когда яростен, значит, за плечами у него есть подстрекатель. Грыз и ел Иванишева — и потом восхвалял. Дружил с украинофилами, а ныне против них интригует. А где же наш сквозной ветерок — Славатинский? О, этот легко подпишет смертный приговор против первого своего друга только по одному легкомыслию и непостоянству. Профессорство наше группируется за зеленым столом, на пирушках. Кормление — лучший способ заключать союзы. Сикофантию присоедини туда же и получишь ужасную смесь.

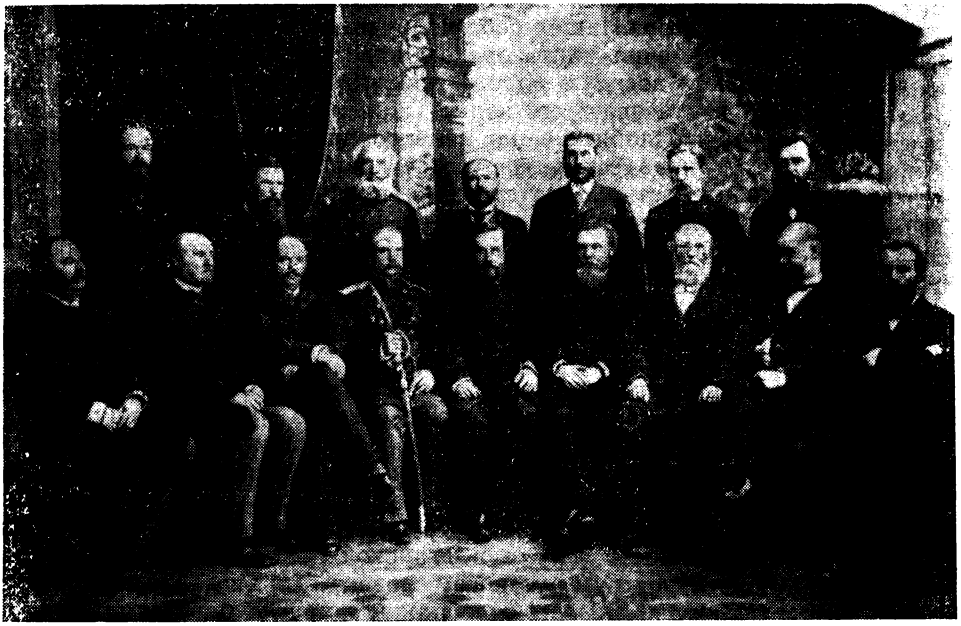
4 июня.

Если верить, то Петербург не особенно смиренномудро настроен. Смех и слезы. Правительство и презирают, и осмеивают, и ненавидят. Император не пользуется уважением в душе русского человека, конеч-

но, лично, а не как представителя идеи. Но ей ведь нанесен решительный удар. Жизнь в Гатчине, обставленная тысячами полицейских предосторожностей, напоминает жизнь восточных деспотов и тиранов: и им не доверяют, и они подданным не доверяют. Люди, пользовавшиеся уважением и доверием, оставили министерские посты. Лорис-Меликов заменен Игнатьевым, которого именуют Враль-пашой. На место Милютина посажен Ванновский, бездарный, узколобый, приверженец формы, а не духа. Обыкновенный фрунтовый генерал, никогда не имевший хорошей репутации. Абазе, человеку с весом, с характером, с умом, предпочтен жидкий Бунге, виляющий, нюхающий, угождающий, уступающий, более ловкий, чем даровитый, более хитрый, чем умный, более партионный, чем честный. Верно или нет, не знаю. Но говорят, что недовольство растет, что радикализм в последнее время, с 1 марта, и особенно с обозначившейся реакцией, усилился. Говорят также, что быть беде. Насильственных событий при такой реакции не миновать. Теоретические ли это соображения или позитивные, не знаю, не мог узнать и допытаться. Думаю, что это теоретические. Я знаком только с людьми легального образа жизни, но прогрессивных убеждений разнообразных оттенков. Я Фома неверный, помимо позитивных знаний. Но вот важное обстоятельство. Осенью 1879 г., раннею осенью, я постоянно слышал с разных сторон, что Александру II готовят большой сюрприз и что радикалы энергически работают против него. Право, я не верил этим сказаниям, принимая их за похвальбу тех, которые любят перемены и сильные ощущения. Взрыв царского поезда под Москвою 19 ноября 1879 г. заставил меня вспомнить предсказания. Аресты, суд, казни, ссылки, затем последовавшие, привели меня к убеждению, что радикалы переловлены и обессилены.

Казнили Квятковского и Преснякова. 14 других послали в каторгу. Гартман вне России. Гольденберг, сделавший разоблачение, умер или задушен. Чего же больше? Не все ли главные вожаки переловлены? Ведь это большинство участвовавших в Липецком съезде. Но и после сего начали ходить толки, темные, неясные, как бы пророчества, что радикалы оружия не положили, что ряды их не поредели, что энергия их не упала. Ей, я опять мало верил этим предсказаниям. Последовало более убедительное событие, давшее более грозное, более энергическое опровержение моего прекраснодушия и представившее торжественное подтверждение упомянутых пророчеств. Взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., дерзкое, небывалое, неслыханное в России событие. Началось влияние Лорис-Меликова. Александр II одумался. Отпустил вожжи. Дал некоторую свободу. Удалил Толстого. Прекратил ссылки. Стал возвращать безбожно и беззаконно и невинно сосланных. Лорис-Меликов как бы давал тон внутренней политике. Так прошел год. Все умы настроились на реформы. Третье отделение уничтожено. Заменено более умеренным, более осторожным Департаментом госуд[арственной] полиции. Все вздохнули свободнее. Надежды оживились. Все были убеждены, что корни крамолы подпорчены. Слухи о деятельности радикалов затихли. Я глубоко был убежден, что радикальная партия разбита на голову, что слабые ее силы немощны что-нибудь сделать. Слышал я голоса некоторых политиков о том, что радикалы все-таки доконают старого императора, и не придавал им ни малейшего значения, даже не слушал их, пускал мимо ушей. Вдруг совершилось событие 1 марта. Оно меня изумило, поставило в тупик. Оно было для меня лично величайшею неожиданностию, чем-то выходившим из ряда вероятностей, если бы рассматривать его до совершения. Тогда-то я сказал, что реак-

ция невозможна, немыслима, гибельна для России, а еще гибельнее лично для императора и его дома. Те похвалы, то мнение, которые ходили об Александре III, когда он был наследником, давали основание для того, чтобы думать, что и по личным качествам нового императора реакция немыслима. События истекших трех месяцев перевернули вверх дном надежды на поступательное движение. Вот теперь-то я начинаю верить новым предсказаниям. Начинаю убеждаться, что нам не уйти от новых событий, в том роде, в каком они совершались в последние три года. Быть беде. В воздухе как перед бурей душно, сперто, человеку



У колі юристів (О. Ф. Кістяківський у першому ряду третій справа). 1880-ті роки XIX ст.

тяжко дышится. Пророчества не напрасны. Кто таков нынешний наш император? Говорят, он человек благонамеренный. Может быть. Но что он недальновидный — это также несомненно. Говорят, он человек неглупый. И то может быть. Но что он мало учившийся, малопросвещенный, мало знающий Россию, мало подготовленный править с искусством столь обширною империею,— это также очевидно. Говорят, он любит Россию. И это быть может, только по-своему. Однако ж достоверно, что он еще более влюблен в неограниченную власть, простую, несложную, грубую. Все его действия, все его поступки, все его назначения указывают на то, что он лишен ума бойкого, ясного, деятельного, зиждущего, предпринимающего. Во всем видно какое-то нищенство и убожество духа. Он не был хорошо подготовлен к императорской власти. Его учили чему-нибудь и как-нибудь, когда он не был еще наследником. Смерть его брата сделала его кандидатом на престол. Поспешили как-нибудь окончить его образование, на скорую руку женили и пустили в деятели. Нужно же было судьбе сыграть такую шутку. Итак, наших князей обучают больше муштре и военщине. А тут и некогда было что-нибудь иное сделать. Прежде не сделали, а потом было поздно. Повторяю, быть беде, если не образумятся. Или это вечное повторение истории?

Или вся суть в породе? Или неестественно продукту истории самому отречься от себя? Или это есть сам закон естества и без насилия и усилия его не изменишь? Отчего бы не иначе! Что будет, увидим.

5 июня.

Князь болгарский Александр Баттенберг сделал государственный переворот. Приостановил конституцию и думает ее совсем отменить. Объявил многие города на военном положении. Арестовал некоторых либеральных деятелей. Думает судить главу либералов бывшего министра Каравелова. Нашел себе подручника в русском генерале Эрнроте, коего уполномочил диктаторскою властию. Надеется, захватив в руки абсолютную и военную власть, принудить народ на соизволение его затеям, или подтасовать его волю. Такими путями и средствами, конечно, можно кое-что добиться, но надолго ли. Этот князь должен сломить себе шею. Он надеется на русское правительство и Бисмарка. Но русское правительство само стоит на вулкане. А абсолютизм Бисмарка стал в последнее время колебаться. Государственный переворот подсказан Баттенбергу Александром III. Это несомненно. Покойный император, этот странный либерал и курьезный деспот, нашел возможность дать Болгарии конституцию. Это был с его стороны великодушный поступок, что касается внешней политики, и глупый, и непоследовательный, что касается внутренней, рассматриваемой с точки зрения деспотизма. Дать Болгарии — мужицкой, патриархальной стране — конституцию и держать в рабстве Россию, далеко превосходящую своим просвещением и своим умственным развитием Болгарию, мог только Александр II, этот русский либерал из императоров, человек, не привыкший последовательно и логически мыслить, не предвидевший тех выводов и тех последствий, которые могли быть сделаны из такой непоследовательности. После Болгарской войны и после дарования Болгарии конституции ум русского человека был внезапно поражен следующею мыслию: «Как! Мы освобождаем другие народы, даруем им пролитием нашей крови свободные учреждения, а сами находимся в исключительном рабстве? Виданное ли это дело? Есть ли в нем хоть капля здравого смысла, хоть какое-либо зерно логики? Ужели мы ниже, хуже, тупее болгар?» Эти соображения сделались господствующими и победоносными. Стало для всех ясно, что миллиард, потраченный на войну, и кровь, и жизнь сотен тысяч русских сынов дали нам в виде прибыли мысль о том, что над нами смеются, с нами шутят, над нами издеваются.

Я глубоко убежден в том, что эта мысль была одним из сильнейших стимулов для прогресса либеральных идей в русском обществе. Она же ускорила и окрылила деятельность радикалов. Нынешний император подметил эту несообразность или, лучше, его надоумили на ее счет; по уверению всех, он недалек и не мог дойти до этой мысли своим умом. Так или сяк, но несомненно, что русское правительство первое подстрекнуло Баттенберга на этот переворот. Ему казалось, что это в его интересе. Оно само задумало подтянуть вожжи, учредить новую реакцию, изобресть тупой консерватизм, подновить самодержавие. Уничтожьте, мов, у вас то, что нам и нашим глаза колет: уничтожьте болгарскую конституцию. Ведь она дана народу грубому, она медного гроша не стоит для такого народа. К счастию, эти правители жестоко ошибаются. Такие события, как Болгарская война, как болгарская конституция, глубоко запечатлеваются в умах народа. Их не вырубить топо-

ром. Наивные императоры и князья больше всего потерпят; одни негодяи, их советники, спрячутся в тени. Будем ждать событий.

11 июня.

Четыре дня был в поездке по званию председателя администрации Торг[ового] дома бр[атьев] Яхненка и Симиренка. Посетил заводы и все экономии. Вчера сделал 80 верст на лошадях.

8 июля.

Прервал кто-то. Дневник мой лежал не тронутым до сего дня. Тогда, возвратившись из поездки, я проболел опять дня 3. Не везет мне здоровьем. Я председатель администрации Яхненка и Симиренка. Давно я с ней связан. Решился взять на себя эту обязанность по семейным интересам. В семейном совете на том решили. Дело обглодано, объедено, обкрадено, обшукано. Что оно мне принесет — честь или бесчестие — не знаю. Я стараюсь соблюдать экономию во всем. Но дело слишком большое и слишком испорченное. И результаты его, как последствия восемнадцатилетнего существования дурного управления, не в нашей власти.

Тупая реакция растет, а с нею и недовольство. Старые слуги государственные сходят со сцены — и заменяются новыми неизвестностями. Исаков, лет 15 с достоинством управляющий военно-учебными заведениями, заменен каким-то никому не ведомым Махотиным. Пишут, что Философов, главный военный прокурор, тоже оставляет место. Остается назначить ему в преемники военно-уголовного удава Стрельникова. Много вероятий.

Император, как и прежде, живет в затворе, в замках и дворцах, скрываясь от глаз. По образцу древних деспотов и тиранов, хотя сам он еще не упражняется в тирании. Реакция отличается какою-то тупостию. Недовольство растет. Самые смирные стали смелее говорить о недостатках общественных, высказывать недовольство. В народ брошены семена революции. Погром еврейский — только первый симптом. Все зажиточное, все владеющее начинает побаиваться. А что, если от жидов перейдут к нам? — думает каждый. И не напрасно. Ум народный тронут. Правительство ослепло. Оно думает опереться на народ. От манифеста 19 апр[еля] так и несет этою мыслию. Но недостаточно заигрывать с народом: нужно дать что-нибудь существенное народу. А в состоянии ли правительство что-нибудь дать народу? Народ, оторванный от интеллигенции, теряющий веру в правительство,— опасная сила для порядка. Говорят, ряды радикалов растут. Убыль быстро восполняется. Замыслы идут. Некоторые не на шутку ждут новых событий.

Странное явление: еще пять-шесть лет тому назад многие думали спокойнее и консервативнее. Я сам был один из таковых. Конституция была далека от мыслей. Радикалы в порицании и неодобрении. Стояли за прогресс путем мирного развития, без колебаний, без насилий. В сущности я и ныне не за насилия, а против их, если бы ход событий сколько-нибудь зависел от моего влияния. Но смотря на события со стороны, я не могу не признать того, что движение общественное вызвано в великой степени деятельностию радикалов. У народов грубых пе-

дагогия без кнута, палок и розок не обходится. Этими орудиями и средствами вбивают в башку известные мысли. Не то ли самое потрясение насилия и восстания в общественной жизни, что колотушки в педагогии, конечно, при известном состоянии обществ. Грубую голову нужно ударить, чтобы ее образумить. Гром не грянет, мужик не перекрестится.

Нужно быть тупым, чтобы не видеть, что революция двадцать лет как началась и идет крещендо. Нужно быть наивным и пустоголовым моралистом, чтобы не признать того, что радикализм с его деятельностию есть тот кнут, та палка, те шпицрутены, которыми бичуется Россия в видах науки. Хорошо ли это, или дурно.— я не берусь отвечать: сентенцию моральную легко подыскать. Но разрешит ли она вопрос — это вопрос. Вот если бы мне дать в руки инициативу в смысле деятельности в сторону насилия. Я бы и руками и ногами. Но я бы не боялся взять в руки вожжи, чтобы управлять колесницею прогресса. А если бы слетел с козел и расшибся? Бояться этого — значит отказаться от езды в экипаже, верхом и по железной дороге.

9 июля.

Антонович получил уполномочие от Московского общества и музея цесаревича на раскопки в пределах Киевской и Черниговской губ[ерний]. То и другое учреждение сообщили о том губернатору, который прислал в университет разрешение. Сикофантство Ренненкампфа, Демченка, Сидоренка и Митюкова только им в бесчестье. Антоновичу вреда не принесло.

Познакомился с Якубенком, инженером. Через Владимирова, харьковского проф[ессора] угол[овного] права. Якубенко женат на его сестре. Прогрессист. Готов быть украинофилом. Хлопотал о панихиде в память Шевченка. А что на деле — увидим.

Явился некто Красовский. Служит в Киев[ской] конторе Госуд[арственного] банка главным бухгалтером. Рекомендован мне Иващенком. Человек начала шестидесятых годов, из воспитанников Петерб[ургского] у-та. Высматривает очень добропорядочно. Во всяком случае, не чиновником. Служил по земству до последнего времени. За то, что не пошлость и не бюрократ, удостоился уже кляузы от Барвинского, управляющего. Приятель известного Головачова. Хорошая рекомендация. Хорошо понимает Виляй-Бунге. Он считает его неважным умом. Слышанный им отзыв студентов о сем честолюбце: *«ловкий человек»*. Чего же больше и чего правдивее. Чем служил, то и заслужил.

10 июля.

Умер Мечников И. И., старший председатель судебной палаты в Киеве. Известен был как ловкий карьерист. Умел не столько трудиться, сколько возвышаться по служебной лестнице. На памяти его тяготеет то, что он сплел уголовно-политическую паутину, в которую он запутал доцента Харьковского у-та Сыцянку, судом затем оправданного. Мечников был не без расположенности к интриге. Он был замешан в интригу Пихна, Демченка, Ренненкампфа и К° против меня по делу Юридического общества. Когда Пихно с К° и клевретами явился в заседание общества с протестом против избрания меня в почетные члены — с про-

тестом, который был для меня неожиданностию,— то появился и Мечников. Единственный раз. Тут же присутствовал униат — Незабитовский. Явился Эргардт. Пришел военный удав Стрельников. Они надеялись на вторую баллотировку, и, конечно, меня забаллотировали бы, если бы баллотировка состоялась. Интрига затеяна была очень искусно и ловко, и тем более искусно, чем более она оставалась для меня тайной. О протесте я узнал за пять минут до открытия заседания. Но я разрушил интригу тем, что, сославшись на параграф устава, не дозволяющий решать вопросы, не заявленные в повестке, отложил рассмотрение его до следующего заседания. Первоначально мне было невдомек то, что Мечников приходил в заседание со злыми намерениями против меня. Но впоследствии времени, когда сделалось известным, что Пихно и К° предложили Мечникову выступить кандидатом в председатели общества; когда появилась статья — пасквиль на меня в «Киевском листке», в котором фактическим редактором был тогда Хроновский — помощник секретаря судебной палаты, получивший место по моей рекомендации; когда обнаружил необыкновенный пыл против меня некто Гординский — полоумный Гординский, кандидат на судебные должности при палате, протеже Мечникова; когда разоблачилось двуличие Сабанеева, тоже помощника секретаря, выбранного вместе с тем секретарем Киев[ского] юрид[ического] общества, тогда для меня сделалось ясно, что Мечников приходил в заседание с злым намер[ением] и тоже принимал участие в сей игре упомянутой интриги. По обычаю, весьма ловко, весьма осторожно. В первый раз я встретил его на вечере Феофилактова с сенатором. Там он тянул в сторону мысли Демченка, Пихна, Незабитовского и К°. После того он был два раза у меня с коротким визитом. Я два вечера провел у него. Он познакомил меня с семьей своей. Первый вечер просидел я до часу ночи. Казалось, он говорил со мной по душе. Он мастер балагурить. Собеседник неглупый. Может очень понравиться. Не этим ли путем он влез в душу к Лорис-Меликову? Он, говорили, был близок с ним. В начале года он уехал в Петербург. Стали болтать, что Лорис хочет сделать его своим товарищем. Последовал крах 1 марта. Должности товарища министра он не получил — а схватил воспаление легких. Неудачную перенес операцию. Проболел три месяца и скончался в мае. Оставил по себе память ловкого судебного карьериста, обязанного всею своею карьерою не своим познаниям, не своему трудолюбию, не своему неподкупному характеру, а лишь ловкости, сметливости, пройдошеству, счастливому случаю, связям и знакомствам.

14 июля.

В газетах пишут, что Александр III поздравил Александра Баттенберга с успехом. Русский император поздравляет проходимца с успешным совершением государственного переворота. Отец дал конституцию Болгарии. Сын посоветовал ее уничтожить. Отец дал свободу болгарскому народу. Сын содействовал ее попранию. Это поздравление — ясный знак того, что русский император состоит в заговоре с Баттенбергом на совершение государственного переворота.

Русские офицеры, служащие в Болгарии, сыграли гнусную роль: они были помощниками Баттенберга при совершении государственного переворота. Рабы у себя не могут не содействовать порабощению других, в чужих странах. Когда русские добровольцы явились в Сербию

под командою сомнительного человека Черняева, то был такой момент, в который, казалось, они готовы были предложить свое оружие для порабощения сербов у себя дома. В таком духе делал попытки Черняев. В газетах так описывают подвиги наших соотечественников:

«Оставим в стороне то, что в письме относится до деятельности русских офицеров в качестве военных инструкторов болгарской армии, мы остановимся лишь на приписываемом им участии в перевороте. В письме их, о котором идет речь, русские офицеры отрицают, чтобы им вообще было внушаемо или даже разрешаемо принимать участие в борьбе партий; они даже ссылаются на распоряжение генерала. Эрнрота, по которому им такое участие в ней даже воспрещается. Если все это может доказывать, что действительно все русские офицеры вообще оставались непричастными в последних преследованиях, направленных против сторонников конституции, и в влиянии на ход выборов, то это совершенно не опровергает того факта, что из числа русских офицеров многие были ex officio [6] назначены княжескими указами в число специальных комиссаров, на обязанности которых лежало достигнуть в подведомственных им округах избрания нужных правительству депутатов, не допускать сношений избирателей с либералами. Кроме всего этого, нам известно, что в Никополе войска, командуемые русскими офицерами, стреляли в болгарский народ, а также и то, что сельские депутации, шедшие в Систов, конвоировались отрядами войск, командуемых русскими, что, наконец, собранное в Систове воинство в числе до 7000 чел[овек] при кавалерии и артиллерии все состояло под командой русских и предназначалось для воздействия на свободную волю депутатов. В письме русских офицеров мы, к сожалению, не находим опровержения ни одного из этих фактов; очевидно, они не могли быть ими опровергнуты. Отсюда вывод ясен. Русские офицеры, состоя на службе в болгарских войсках и под верховным начальством кн. Баттенбергского, оказались внезапно, по долгу своей службы, вынужденными или подчиняться приказаниям князя и им назначенного диктатора генерала Эрнрота и способствовать уничтожению болгарской конституции, или выйти из болгарского войска. О том, чтобы нашлись такие, которые предпочли бы последнее, не было слышно. Зато вчера еще телеграф сообщил о том, что князь распорядился оставлением военных комиссаров в их должностях на неопределенное время. И в этом-то обстоятельстве и заключается корень тех нападок, каким русские офицеры должны были подвергаться от сторонников болгарской конституции, а также, быть может, и от той части русского общества, которая сочувствовала и будет сочувствовать болгарским либералам и их судьбе» [7].

И еще лицемерят. И еще умывают руки. Будто не причастны подлостям. Тоже черта рабов и политически неразвитых русских.

В Киеве на пути в Карлсбад В. Ф. Симиренко. Вчера я ему напомнил о необходимости оказать помощь Драгоманову, испытывающему нужду. Дал 600 руб.

Посещает меня Когутов, памятный мне по разговору, веденному в начале 1878 г. Пробыл он в ссылке 2 г[ода] и 8 мес[яцев] в Холмогорах. Возвращен без права поступить в Киевский у-т. Думает держать экзамен на правах постороннего. В киевском юридическом ф-те ему не пройти: его судьи, Демченко и Славатинский, его зарежут. К ним придут на помощь сикофанты высшего сорта: Ренненкампф и Пихно. Советую ему держать экзамен в Харьков[ском] у-те. Для сей цели я

познакомил его с профессором Владимировым. Уехал Когутов в Каменец-Подольск. Пока суд, да право — искать службы. Жена, дети. Есть нужно.

Доктор прав, Лохвицкий выкинул новую адвокатскую подлость. Солодовников жил с Кукулевской 17 л[ет] и прижил 4-х детей. Богачу большому — миллионеру — старая жена надоела. Бросил. Нашел другую. Старой вздумал давать скудные подачки. Кукулевская, рискуя на бесславие, начала иск о назначении обеспечения в 500 000 руб. Доктор Лохвицкий, в качестве защитника богача Солодовникова, распинался за право своего клиента выдавать своей натуральной жене и детям скудные подачки. Причем он основывал свои доводы на желании охранить нравственность незапятнанною. Говорил, что удовлетворение требований Кукулевской нанесет чувствительный удар нравственности. Суд не внял софисту. Посмотрел на мораль иными глазами. Назначил 219 000 руб. Кукулевской и ее детям. Настоящий брехач. Народ метко этим словом охарактеризовал этот род лукав и прелюбодей. Я с Лохвицким в личных хороших отношениях. Не плевать же мне в лицо. Не топтать же мне его знакомство. Но чувствую: первое столкновение практическое, и вражда готова. Так мы ведем приязнь до поры-времени. Кость практических отношений не брошена. Мнения и обоюдные инстинкт[ив]но не столкнулись. Одно мгновение — и может случиться то, что случилось с моими отношениями и сношениями с Квачевским, с Стрельниковым. А Демченко и Славатинский, чем они по отношению ко мне стали? Это мои ненавистники. Враги. Люди, готовые утопить меня в ложке воды.

Дух мой возмущается, когда я читаю бессовестные речи наших адвокатов. Тут, бывает, забыты и честь, и совесть, и стыд. Сплошной софизм. Глубокое извращение правды. Наглая ложь в глаза. И чем выше и образованнее в глазах общества стоит адвокат, тем он бывает наглее, надеясь на то, что авторитет его прикроет. Лохвицкий — доктор прав. Следовательно, как патентованный брехунец, он должен был брехать и выбрехуваться именно в области науки. Так он сделал. Он стал доказывать, что по французскому праву натуральное сожительство считается в особенности безнравственным. На самом же деле по французскому праву натуральные дети имеют право даже на наследство в имуществе своих родителей.

20 июля.

Вчера возвратился из поездки по заводам и экономиям. Урожай хороший. Надежда блестит. Если бы не обманула. В путешествии пролежал день больным. Проездил пять дней. Виделся с братом Федором. В Русскополянском заводе, у молотильной машины, рабочие принесли жалобу за плохую пищу. Отведал борщу. Отвратительный. Дал распоряжение, чтобы улучшили пищу. Но улучшат ли? Чувствую, что это больное место. Недавно в газетах писали о том, что в имении Елены Павловны,— ныне покойной,— Карловке очень дурно кормят рабочих. Дают корм такой, что и свиньи неохотно будут есть. В прошлом году я отведал пищи в Завадовской экономии, на поле, в июне. Скудная и безвкусная. Только хлеба вдоволь и удовлетворительного. Эксплуатация. Думаю обратить внимание на эту статью. Удастся ли и сумею [ли]

что сделать, это другой вопрос. Пока нет средств. Администрация еле дышит. Выскочит ли? Обглодана, обплутована, изведена и дурно поведена.

От Фастова до Киева ехал в одном купе с Мерингом. Пробеседовали вплоть до Киева. Ум практический и крепкий. Но натура жадная к прибытку. Показал вид убежденного человека в том, что выгоднее и справедливее отдавать в аренду земли крестьянам, а не жидам. Я много толковал ему на эту тему. Говорил, что из 11 имений три он отдал уже крестьянам. Не нравятся ему социалисты. Находит, что правительство посредством Безака в Юго-Западном крае поступило по учению социалистов, бесцеремонно распоряжаясь имуществом помещиков. Я сказал, что я вижу порок управления Безака не в этом, а в том, что он конфискованные у поляков имения раздал чиновным проходимцам. Говоря так, я знал, что Меринг принадлежит к числу таких хищников. Меринг, однако ж, ловкий человек: он согласился с моею мыслию. Лицемерие, думает себе, спасительно.

Объявлен приказ об увольнении князя Константина, старшего дяди императора, от всех должностей. Председателем Государственного совета назначен князь Михаил. Константин — хищник умный. Он был главным советником своего брата в эпоху реформ. Михаил по уму и характеру — теленок. Но чтобы он не был хищник — этого сказать нельзя.

В его управление Кавказ был разорен и расхищен чиновниками так же, как Оренбургский край, Польша, Юго-Западный край. Что я говорю, «так же»: нет, до основания. Сам явился собственником Боржома — громаднейшего и богатейшего имения князей Аваловых. В расхищении кавказских земель немаловажными деятелями были Святополк-Мирский, нынешний харьковский генерал-губернатор, и барон Николаи, нынешний министр народного просвещения. Ныне они все заговорили о морали. Они мне напоминают моего университетского товарища Вуяхевича, личность мизерную. Когда мы студентами беседовали на тему, дозволительны ли или нет взятки, он заявил, что он намерен приобресть взятками десять тысяч, а затем, обеспечив себя, начать их преследовать.

Правительство объявляет постоянно, что оно намерено заботиться об улучшении экономического положения крестьян. Уменьшились выкупные платежи на 13 тыс. руб. Сделано распоряжение об отдаче казенных земель не кулакам, а крестьянским обществам. В добрый час. Кто бы и как бы не захотел быть полезным народу — дело хорошее. А все же радикалы заставляют думать о народе. Не мытьем, так катаньем. Сам Бисмарк, юнкер из юнкеров, и тот хочет явиться конкурентом социалистов. Так идеи пробивают себе дорогу. Настанет время — когда не знаю, знаю только, что не скоро,— когда государственные люди будут вменять себе в величайшую честь и заслугу осуществление основных социалистических идей, в каком виде — это опять вопрос. Одно — необходимы: большая подготовка, огромный материал, видоизмененная к лучшему мораль, вышеразвитое миросозерцание человека. И это некогда, хотя и постепенно, совершится. Имя христианина некогда было позорное. Настало время, когда оно стало означать и мораль, и ум, и совершенство. Нет такой ныне подлости и низости, которые, будучи таковыми, захотели бы отказаться от имени христианина. То же совершится и с социалистическими идеями в их основных началах,

а не в их формах, которые не стоят медного гроша. О, если бы их не постигла судьба основных идей христианства. Они были перелганы, искажены, искалечены. Осталась только кличка без содержания. Создана была колоссальная система лицемерия, фарисейства и лжи, которые прикрываются именем Христа. Жалкая судьба постигла имя одного из честнейших людей и братолюбивших учений.

Да, не постигнет то же и учение социализма — учение о обеспечении судьбы бедного брата.

Стр. 27. *24 июля.*

Опять насилия над евреями возобновились. В последнее время был погром в Переяславле, Борисполе и Нежине. В Борисполе и Нежине солдаты стреляли в толпу. Легло и там, и там несколько мертвых: в Борисполе 5 человек и в Нежине столько же. Это по газетным известиям. Есть и раненые. Слухи ходят, что в некоторых местах народ не прочь совершать насилия над землевладельцами. Вообще, еще при первом погроме евреев в Елисаветграде, Киеве и Смелой все живущее в деревнях панство почувствовало страх. Стали не на шутку бояться. А что, если возьмутся и за нас? Чувства народа к панам и более или менее крупным землевладельцам не особенно дружественны: это небезызвестно каждому. При виде разгнузданных страстей, неистовства и буйства в душе панства не могли не родиться страхи, и сильные страхи. С тех пор, как в интеллигентном обществе, в городах и селах, по секрету, в интимных кружках, в конфиденциальных беседах возобновляются разговоры на тему: может статься, что рабочие и крестьяне, начав с евреев, перейдут к насилиям над дворянами. Одни высказывают его в виде легкого неопределенного предположения. Другие — почти в этом уверены. Все, однако ж, чего-то ждут, чем-то озабочены. «Что то будет?» — спрашивают все.

Работа радикалов не прошла даром. Не подлежит ни малейшему сомнению, рабочий городской тронут, хотя незначительно, их учениями. Сельский люд искони питает надежды на то, что настанет час, когда земля будет ему отдана. Он ждет *слушного часа.* Он по природе, по судьбе социалист. Он еще помнит то время, когда земля была его, еще свежо предание об отнятии у него земли и о раздаче ее чиновным проходимцам и пройдохам. Как же при таких обстоятельствах панство может быть покойно?

25 июля.

В «Заре», № 163-й, напечатано: «В «Русские ведомости» пишут из Орла, что в городе созываются в настоящее время благочинные из всех уездов губернии для вручения им от преосвященного инструкций, во исполнение предписания обер-прокурора св. Синода епархиальным архиереям,— внушить подчиненным им священникам, *чтобы они в проповедях своих старались выяснить крестьянам нелепость и противозаконность ожидания какого-либо передела земли».* Церковь наша давно служит как бы особым полицейским отделением государственного управления. Она вся больше мирское, чем духовное учреждение. Духовенство все в руках правительства. Последнее вертит им как хочет. Давно уже правительство хочет обратить церковную кафедру в подручное средство борьбы с социалистическою и радикальною пропагандою. Но всуе. Церковное витийство наших сельских пастырей на эту тему является совсем

аляповатым, грубым, полицейским и лишенным всякого кредита. Витийство городских витий — фразы, как плевелы, не дающие ростков, а что посерьезнее, то падает на каменистую землю.

Передел земли! Да, это заветная мечта русского крестьянина. Он скорей попа заподозрит в намеренной лжи и подкупе, чем расстанется с этою заветною мечтою. Года два тому назад или больше министр Маков разослал по волостям циркуляр, в котором убеждал и разубеждал крестьян в их вере в передел земли. Губернские, уездные и волостные власти взялись распространять мысли циркуляра среди народа. Заворушился народ и думает: что бы это значило? Думал, думал, гадал, гадал — и надумался народ: что-то не ладно, если нас увещевают и разуверяют. Должно быть, они сами не верят в справедливость своего владения землею. Должно быть, они думают когда-нибудь отдать нам землю. Пред освобождением крестьян нам незадолго строго-настрого запретили думать и помышлять о воле. Однако ж волю дали. Так и теперь. Видно, скоро будет передел земли, коли запрещают думать о переделе. Такова логика крестьянина. Вот результаты правительственной пропаганды, не согласной с мыслями народными. Таковы результаты, вероятно, даст и проповедь священников, которая будет носить печать не искреннего убеждения и добровольного вдохновения, а признаки приказа и полицейского распоряжения.

26 июля.

В газетах много пишут о посещении в Петергофе императором и императрицею рыбака Михайлова. Михайлов — богатый мужик, владелец не менее 20 дач. Говорят, кулак. Прекрасное зрелище и выражение единения царя с народом. Если бы оно было плодом простых естественных отношений, то чего же желать. Император нисходит до посещения крестьянина. Это был бы символ чего-то нового. Но так ли это? Я не знаю. Если, однако ж, верить рассказам, проникшим из иностранной печати, то выходит, что тут все деланно, все подстроено, все ходульно: это тоже заигрывание. Говорят, в «Дели ньюс» рассказан случай этот так. Полиция и придворная администрация подготовили это посещение. Семейство Михайлова было предупреждено, что царская семья будет мимо жилища проходить. Выйдите, мов, с хлебом-солью, император не откажется посетить. Так было и устроено. Были ли предупреждены о сем император и императрица, не говорят. Гости узнали, что в семье есть молодуха, которая собирается родить. Изъявили желание быть восприемниками. В настоящий день и час Воронцов-Дашков, Михайлов в ознаменование ставят памятник в том месте, где от него принят был хлеб-соль. Прибавляют, что это посещение стоило, однако ж, предварительного обыска в его семействе, и что посещение было обставлено полицейскою засадою. Я готов самый этот рассказ признать деланным. Пусть будет это так. Допустить противное не хотелось бы: уж много приписывается фальши и подделки. Но самое создание и распространение этого рассказа указывает, как общество настраивается. В нем исчезает вера в императорство. Прежде нечто святое, императорство является ныне в умах интеллигенции в карикатуре. В этом и смысл этого явления.

28 июля.

Запрещен на шесть месяцев «Голос», самая ходкая газета, насчитывающая 34 тыс. подписчиков. За враждебное отношение к дружественному и родственному нам князю болгарскому Баттенбергу. Явный признак, что Баттенберг, совершивший государственный переворот, находится под покровительством нашего правительства. Явный признак, что государственный переворот совершен был под наитием нашего правительства. Когда болгарские либералы обратились к Игнатьеву, чтобы русское правительство возвысило свой голос в защиту болгарской конституции, созданной же русским правительством, сей враль-дипломат сделал вид, как будто русское правительство не хочет мешаться во внутренние дела Болгарии. Нет, оно слишком замешано. С его соизволения Баттенберг, как немец, играет в руку немцам. И вот тот император, о котором в бытность его наследником говорили как о противнике немецкого влияния и немецкой эксплуатации нашего отечества, является слепым орудием немецких поползновений. Не думаю, чтобы это могло служить к славе молодого императора и к укреплению симпатий к нему народа.

В прилагаемой выдержке прекрасно изображено настроение населения по отношению к евреям. Это отрывок корреспонденции из Нежина, где было побоище.

«Около двух часов здесь, на базаре, был сделан второй залп в толпу, после которого осталось на месте пять человек убитых и довольно много раненых; это подлило масла в огонь, и толпа с возрастающей яростью принялась за разрушение. Теперь толпа была предоставлена сама себе, так как солдаты, утомленные двухсуточным бодрствованием, требовали отдыха, и их увели с базара на загородную площадь. При виде убитых и раненых толпа была возмущена не только против евреев, но и против солдат, а потому лезла в рукопашную схватку с кольями на них. К вечеру в городе стало тише, так как бушующая толпа была утомлена суточным напряжением нервной и мускульной системы, и начала расходиться по домам. Так кончился день 21-го июля. Во время беспорядков преимущественно разоряли и уничтожали имущество евреев, но не было ни одного примера насилия над личностью. Напротив, бывали случаи такого рода, что еврей стоит среди кучки русских и те ему объясняют, что разорят, коли «на сердце накипит». Грабежа тоже не было, только дети таскали конфеты и сахар, а женщины платки, но если замечали это взрослые, то награбленное отымалось; при разрушении домов, где жили ростовщики, заложенные вещи отделялись от собственного имущества еврея и возвращались по принадлежности хозяевам; деньги везде рвались. Словом, внешняя сторона нежинских беспорядков была такова же, как и в других городах.

Имея случай несколько раз прислушиваться к толкам толпы, я убедился, что побудительная причина антиеврейского движения у нас не религиозная ненависть, а чисто экономическая зависимость. Так, были слышны такого рода рассуждения: «Мы на них робим, мы и землю пашем, и огород убираем, и хату строим; у нас мозоли на руках, а воны як паны живуть, да все с нас тянут, коли мы допустим, чтобы нашего брата убивали за них, то тогда хоть не живи». Вот еще один факт, характеризующий настроение толпы: разнесся слух, что евреи

будут палить дома русских, тогда русские заявили, что «нехай палять, а мы живьем их в огонь будем бросать; а соберем с души по гривеннику и хозяину хата» [8].

Я считаюсь защитником евреев. Это мнение пошло с тех пор, как я вступил в отношения к редакции «Зари». Эти отношения мне очень повредили в мнении моих товарищей в университете. Враги мои отлично воспользовались антисемитическими инстинктами, чтобы возбуждать против меня вражду и ненависть. На деле я не защитник евреев как эксплуататоров. Мне противны только те насилия, которые над ними совершаются. Мои отношения к «Заре» вполне чистые. Я нахожусь в известных к ней отношениях, как органу, защищающему интересы малороссийской партии. Но и тем не менее я только теперь начинаю сознавать стихийную силу ненависти народа к евреям. Я всегда видел, сознавал и осуждал еврейскую эксплуатацию и в то же время твердил: жидов бить не следует. Но мои мысли — произведения идеалиста. Между тем реальность другая и ее прекраснодушием не исправим. Чувства народные глубоки: недаром они родились. Евреи, что называется, допекли народу. Он выведен из терпения. С чувствами народа необходимо считаться. А все-таки так и просится наружу вопрос: одни ли евреи допекли народу?

Так или сяк, однако ж, а выходит, что антисемитические чувства много причинили и мне вреда в этом году, по крайней мере, в узкой среде университетских товарищей, и в ограниченном кружке городских жителей. Это, однако ж, недоразумение. Никогда я не изменял и не изменяю моим глубоким симпатиям к народу. Никогда я не стоял и не стану на сторону жидовской эксплуатации. Где только можно и где только нужно, я всегда брал и буду брать сторону народа. В те вечера, в которые зарождались отношения в редакции «Зари», я излагал Кулишеру и Куперник следующие мысли: только на принципах современной христианской морали возможно сближение евреев с коренным населением. Как талмуд, так и христианская догматика мало что должны значить для интеллигенции еврейской и христианской. Одни вечные истины человеческого прогресса должны руководить и сближать тех и других. Пока евреи будут эксплуататорами и националистами, до тех пор они будут стоять особняком и вражда к ним не иссякнет. Не делаясь официально христианами, они должны принять основания христианской морали. Ибо Христос — порождение их национальности и общественности. Отчего христианам и евреям не брачится? Зачем тем и другим жить особняком? Но я чувствую теперь опять, что эти мысли — плод прекраснодушия и благомыслия — не больше. Инстинкты породы, природные свойства человека неизмеримо глубже, сильнее и непобедимее всяких разглагольствий. Еврей окрестится, примет официально веру христианскую, а все же в нем остается еврей. Если есть принадлежности известных пород животных, их природные, специальные свойства, которые отзываются в отдаленнейших поколениях, несмотря на перемену условий. То те же природные, ничем не победимые и не преодолимые свойства мы должны признать за породами человеческими. Тут разглагольствием ничего не возьмешь. А природа евреев вполне уже определилась в Иакове или Израиле. Это типический жид, который умел эксплуатировать в свою пользу и отца, и брата, и тестя. Мягкий, угодливый, вкрадчивый, хитрый, домовитый, трудолюбивый, он пользовался каждым случаем, каждою страстию и недостатком родных и близких, чтобы обратить их в свою пользу, чтобы взять с них процент. Причем он не

гнушался обманом и надувательством. И в то же время братался с Богом и был его любимцем. Вот что называется быть ловким человеком.

29 июля.

Я наблюдаю зорко за движениями моей души. Давно убедился, что она довольно болезненно совершает свои отправления. Стоит ей настроиться так или иначе, враждебно или дружественно, чтобы ей радоваться или болеть при тех или других явлениях.

Когда-то я написал критику на сочинение Тарасова [9]. Я отнесся к сочинению по совести, строго, как оно того заслуживало. Тарасов написал ответ на мою рецензию, ответ — адвокатскую защитительную речь в свою пользу. В этом ответе он задел меня лично. Долго я был к нему враждебно настроен. Мои отзывы о нем носили печать моих чувств. Так прошло несколько лет. По возвращении из-за границы Тарасов старался загладить свою несправедливость по отношению ко мне: в вступительной лекции, в публичных своих лекциях он цитировал меня не раз. Это не могло не подействовать на меня примирительным образом. Загоровский окончательно меня с ним примирил. Нет, не один Загоровский, а замечательное трудолюбие Тарасова и его горячее отношение к науке. Я сделался его доброжелателем. Тогда как прежде его неудачи меня не трогали, нет, они мне были, пожалуй, по сердцу; ныне я огорчен ими. Так у меня щемит сердце от того, что дело об избрании Тарасова на кафедру полицейского права остается без движения. Правда, щемит сердце не от того только, что Тарасов не получает должного, а от того еще, что пути, которыми тормозится его дело Демченком и К°, я признаю подлыми.

Однако ж интересно было бы знать: как бы я сердцем был настроен, если бы, с одной стороны, я видел подлости Демченко и К° по отношению к Тарасову, а с другой — если бы я был враждебен к нему. Думаю, что окраска мыслей моих по поводу совершаемых несправедливостей над Тарасовым была бы несколько иная. Я бы, конечно, осуждал дельцов, но, вероятно, умереннее.

Эти-то психологические явления достойны внимания, наблюдения и осторожности. С объективной точки зрения мне необходимо быть объективнее. Не быть горячим ни в дружбе, ни во вражде. Нет, не так: в дружбе нужно быть горячим, но только более выносливым, в случае неудач друзей, иначе,— не болеть за каждого, а то, право, житья не будет. Во вражде же быть сдержанным и благоразумным. Отдавать врагу должное. Не окрашивать чувствами отзывов. Быть справедливым с врагом.

Я мог бы подать заявление в совет о том, что ф-т вопреки закону не решает дело Тарасова. Меня так к этому и подмывает. Но к этому меня толкают чувства, а не разум. Тут-то и нужно более сдержанности. Затем, к чему мне страдать и сокрушаться от того, что Тарасов не получит места. Ведь я рук своих не подложу. Ведь наверняка можно сказать, что, не произойди с ним сближение, я бы не болел от его неудачи. Иначе говоря, в моих огорчениях по сему поводу более субъективности, чем объективности. Это ни больше, ни меньше как проявление болезненного настроения, или, по крайней мере, в значительной части. Ну, делают подлости ближнему. Не бросаться же в воду. И пусть себе. А то скиснешь и пропадешь. За всех не выстрадаешь. Легенда о страданиях Христа даже и та миф. А то где же с нашею милостию.

30 июля.

Все теперь заигрывают с народом. Выставляют себя защитниками интересов народа. Даже князь Бисмарк является учредителем имперского страхования бедствий и необеспеченности рабочего класса. В добрый час. Чьими бы руками не было сделано благо народное, лишь бы было сделано. Только может ли оно быть осуществлено бисмарками? Сомневаюсь. Бисмарк за услуги рабочему классу потребует большой процент. Он возьмет его в кабалу. Наше правительство тоже копошится над вопросами об обеспечении сельского люда и городского рабочего класса. Сомнительно, чтобы оно успело сделать что-либо существенное, хотя, дай Бог, чтобы сделало. Эти попытки разных бисмарков, разных русских деспотических и самодержавных правительств указывают только на то, что социалистические идеи берут свое, что они растут и зреют, что владеющие классы и их правительства хотя и преследуют их приверженцев, но принуждены так или сяк с ними считаться. Я глубоко верю в то, что с социалистическими идеями то же повторится, что случилось с другими некогда новыми, а теперь старыми идеями. Первых провозвестников этих идей объявили врагами человечества. Приверженцев этих идей стали преследовать и до сих пор преследуют. Но вот настанет момент, когда явятся государственные люди, которые за честь себе поставят дело осуществления этих идей. Когда это будет? Тогда, когда носителями этих идей явится наиболее многочисленный класс народов.

Бисмарк — проводник социалистических идей! Это достаточно для надежд на будущее. Бисмарка поддерживает Адольф Вагнер, известный профессор из катедер социалистов. Выходит, изобретатели идей бывают в свое время бесславны, гонимы, осуждаемы и притесняемы. Дельцы — осуществители на поприще государственном — пожинают плоды, приобретают славу, почести, заслуги.

Не так ли было отчасти в области открытий тайн природы? Иной изобретатель великого открытия умирал в нищете, никому не ведомый. А кулак, воспользовавшийся его изобретениями, приобретал несметные богатства и проводил жизнь в изобилии и роскоши.

5 августа.

30 июля вечером я выехал в Одессу. Чрез сутки ровно очутился на месте. На вокзале меня встретили Саша и Мануйлов. Три дня прошло в изысканиях, чтобы лучше устроиться. Наконец порешил остаться в центральной гостинице. Купаемся два раза в день. Море переменчиво. Застал 11 град[усов]. С вечера третьего дня стало 15—16 гр[адусов]. Сначала брал ванну. Потом стал купаться в море. Что принесут мне купанья — посмотрим. Пока чувствую себя недурно. Одесса с тех пор, как я ее посетил в первый раз, сделала большие успехи в растительности. Прежде она страдала недостатком воды. Солнце сжигало растительность. Обширнейшая система водопроводов доставила возможность и общественному управлению, и частным лицам поддерживать растительность. Город Киев богат растительностию естественною. Одесса, благодаря заботам городского управления, ушла вперед, оставив за собою Киев. Городское управление Киева равнодушно к развитию растительности. Впрочем, и для Одессы можно бы больше сделать, чем сделано.

6 августа.

Одесское море крайне непостоянно. Вчера утром было 16 гр[адусов], а вечером стало 12. Купил номер «Новой газеты». Так именуется газета Модестова. Модестов окончательно поступил в публицисты. Возвращение к профессуре немыслимо. Месяца два назад я посоветовал Антоновичу и Мищенку обратиться к Модестову с предложением, не пожелает ли он возвратиться на кафедру в Киевский университет. Они схватились за эту мысль. И только по соображениям внутренней университетской политики отложили приступ к осуществлению этого проекта. Очевидно, ныне он останется втуне. Пред выездом в Одессу я собирался писать Модестову: возобновить старинные отношения. Как бы он ни поступил по отношению ко мне, а я все же сохранил о нем память как о честном, свободомыслящем, прогрессивном и расположенном к добру деятеле.

Встретил третьего дня на купанье товарищей: Ромера и Шиллера. От них узнал, что здоровье Котляревского плохо.

Дети ушли на Ланжерон купаться.

9 августа.

С четверга вечера (сегодня воскресенье) чувствую себя больным. Перестал купаться. Право, скоро в жизни моей будет больше дней болезни, чем здоровья. Жизнь становится не в жизнь. Ни внутри, ни вне невесело. Все смутно и мрачно. Реакции не вижу конца. Хотя продолжительность реакции доставит мне выигрыша 10 бутылок пива. Месяца три тому назад, когда началась реакция, я утверждал, что она продолжится долго. Друг Сасько сулил ей продолжительность три месяца. Мы держали пари на 10 бутылок. Потом я дал ему отсрочки три месяца, взяв во внимание вакационное, глухое время, которое, выходя из его теории, должно быть вычтено из серьезных трех месяцев. Кто выиграет — не знаю. Его выигрыш весь зависит от какого-нибудь внезапного случая. Мой — от постоянства событий, которое более вероятно, чем постоянство случаев. Он верит, что радикалы не убиты, не прибиты и не подавлены. Он делает заключение, по теории вероятности, что они не унялись и не уймутся и что они будут продолжать совершать те же покушения над новым императором, которые они совершали и совершили над старым. В результате получится прекращение реакции. Иначе говоря, молодой император присужден будет покинуть реакцию, подобно тому, как покойный император начал было одумываться после 5 февраля 1880 г. и приступил к политике акций. Пока суд да право, а реакция делает свое дело. Вслед за запрещением «Голоса» запрещен «Русский курьер» на четыре месяца. Опять буду сидеть без столичной газеты. Ужели и правда, что и наш император должен будет также научиться царствовать несчастиями? «Наш император научился царствовать и управлять несчастиями»,— сказал мне в прошлом году Ранк об австрийском императоре.

9 августа.

Бывают минуты в моей жизни, когда я жизни не рад и с дорогою душою расстался бы с нею. К чему она мне и для чего. К чему и для чего существую? Я кажусь сам себе презреннейшим и нижайшим существом. Более несчастного меня нет на свете. Все мне враждебны, все

против меня. Нет друга для меня ни во мне самом, ни вне меня. И с такою несчастною натурою приходится жить в миру, работать среди людей. Ух, тяжко, несносно и стыдно. Больной субъект с дороги прочь. Пусть работают более здоровые меня, хотя и беззастенчивые. Я родился для чистой и непорочной деятельности. А мне приходится иметь дело с такими учреждениями, как администрация. А почему? Проклятая жизнь так сложилась. Ее железная воля и стальная ступень наступили мне на грудь и делают из меня то, чем бы я не хотел быть.

13 августа.

Немного было поправился в здоровье. Третьего дня опять заболел. Вчера целый день пролежал. Море непостоянно, как мое здоровье. Седьмая перемена со времени моего приезда. Третьего дня ездили на Андреевский и Куяльницкий лиман. Купались.

Встретил Клосовского, бывшего у нас приват-доцентом. Из компании Житецкого, Беренштама и Цветковского. Он изгнан был Чертковым из Киева, где он был учителем в военной гимназии. Приютился в Петербурге. Ныне избран доцентом в Одесском у-те. Ходит на костылях. Лечится в лимане. Ушиб ногу на петербургской конке. Три раза посетил меня Багалей. Профессорский стипендиат нашего у-та по русской истории. Ученик Антоновича. Многообещающий молодой человек. Разговор с ним о Леонтовиче и почему я не хочу быть у него. Новое знакомство: с доктором Л. Л. Мерингом. С первого раза стали на откровенную ногу. Высматривает старым студентом. Не похож на своего киевского однофамильца, человека наживы, ловкого, знающего, где раки зимуют, и потому нажившего миллионное состояние. Одесский Меринг рассказывает, что наши киев[ские] профес[сора] Караваев и Меринг в прошлом году явились в Одессу и открыли свои лавочки лечения, производя соблазн. Ныне торгует здесь медицинским товаром Пирогов, великий ученый, но как медик-практик уронивший себя крайне, отдавший себя на откуп жидам, сделавший из медицинской практики простую торговлю.

Модестов за пятым номером получил первое предостережение. Получив первую угрозу, он объявил, что находит невозможным издавать далее газету. Прекращает. Приглашает своих подписчиков взять назад деньги.

14 августа.

Здоровье мое улучшается. Третий день один чай пью.

Доктор Меринг — человек, подлежащий наблюдению. Много говорит. Следует с значительным недоверием относиться.

Вчера просидел у нас Багалей. Беседовал с ним о книге Александровича и о событиях малороссийской истории. Он сообщил, что было побоище жидов в Борзне. Войска стреляли. Были раненые. Лубны чуть не на военном положении объявлены. Я высказал Багалею следующую мысль, которая мне мерещится и которую я отнюдь не выдаю за истину: жидовские погромы подсказаны народу партиею таких народолюбцев и патриотов, как Аксаков и ему подобные. Сам народ до сей решимости не дошел бы. Тут чувствуется чье-то благословение. Нет более либерального элемента в России, как еврейский. Самый мизерный жид,

самый отъявленный кулак-еврей сочувствует идеям конституции. Из чисто эгоистических побуждений. Ибо она дарует им право. Еврейство дало огромный контингент радикалам: Дейч, Гольденберг, Гельфман — это только выдающиеся. Народное чувство патриотов аксаковского пошиба оскорблено тем, что в покушении на жизнь царя принимали такое участие евреи. «Мы же вас проучим. Вас следует проучить». Какими путями, какими средствами мысль о необходимости проучить жидов проникла в массу, трудно сказать, невозможно определить. Но носом, по запаху чуется, что как будто она проникла с севера, свыше, свыше не в смысле том, чтобы правительство само его внушило — это было бы слишком,— а свыше в том смысле, что самые высокопоставленные лица, в смысле частном, желали, чтобы дан был урок. Народ с самого начала стал верить и утверждать, что есть царский указ, чтобы бить жидов. Откуда это?

В Киеве, когда началось побоище, народ твердил, что приехало или приедет 15 вагонов кацапов с специальною целию бить жидов. Григорий, дворник наш, вполне народный человек, никоим образом не может расстаться с мыслию о том, что жиды сгубили со света старого императора и их приказано бить. Побоища жидов не только не вызвали со стороны правительства мер защиты евреев — кроме мер полицейских и военных,— а наоборот, правительство и администрация начали против них поход. Это видно из множества административных распоряжений, направленных на стеснение евреев. Не знаю, справедлива ли моя мысль, выражает ли она основательную догадку: или же она есть смелое, ни на чем не основанное предположение. Одно могу сказать: эта мысль неотвязно меня преследует и заставляет себя ощущать. Она иногда является пред очами моими как непобедимая истина.

15 августа.

Подтверждение вышевысказанной мысли: когда в Киеве начался еврейский погром, власти смотрели на события сквозь пальцы. В первые дни погрома нельзя было разобрать, кого пришли охранять войска: разбиваемых жидов или бесчинствовавшую толпу. О чем в один голос твердили очевидцы событий, наблюдавшие их на месте.

Более и более становится очевидным, что аксаковская программа легла в основание внутренней политики нынешнего императора. Но программа аксаковская, с одной стороны, туманна, с другой — лицемерна и полна надувательства. Царь — защитник народа. Царь в единении с народом. Царь опирается на народ. Укажите же осязательные формы всего этого. Дайте историческую подкладку сему. Представьте неопровержимые доказательства сему. Ни того, ни другого, ни третьего представить невозможно. Или все, что будет представлено, окажется слабо, односторонне, ничтожно. Что же касается ехидства, лицемерия, притворства и надувательства теории единения царя с народом, то они сами бросаются в глаза. Эта теория прямо выдвинута с намерением единственно поддержать status quo. Она полезна только для охраны одного императорского деспотизма. Она на руку одной бюрократии. Она сама не верит в то, чтобы действительно возможно было создать этим путем благосостояние народа. Эта теория, возбуждая и поддерживая пустые и обманчивые надежды в народе, в конце концов должна рухнуть, обнаружить всю свою несостоятельность. Причина этого заключается в том, что эта теория есть верование, предрассудок, а не реальность.

Вчера посетил меня А. С. Великанов, отец содержателя гостиницы. Просидел долго вечером. Говорил о своих ученых трудах по части языкознания. До сих пор я знал его деятелем на других поприщах: встречал его председателем собраний кредиторов администрации; слышал о его рискованных предприятиях по части строительства домов; знал о его банкротстве; известно мне было о том, что он сидел на скамье подсудимых за подлог и был оправдан. Но об ученых занятиях я не ведал и не знал. Уже из его слов я мог заключить, что его ученые изыскания в области русского языка принадлежат к разряду курьезов. Я сказал ему: «Пришлите мне ваши сочинения, я просмотрю их на сон грядущий».

— На сон грядущий такие серьезные вещи?

— Ну, в таком случае, восстав от сна.

Предо мною три книги сочинения под заглавием: «Разведки о древнейшей русь-славянской грамотности. 1878—1881». Это сущая галиматья. Повторения «Чаромутия» и «Чаромантий» полупомешанного Лукашевича. Так оно представляется всякому, одаренному здоровым обонянием. Я нюхал эти книги страниц в 700 в течение часа. Запах ученой гнили и пустоты. Автор убежден, что он делом занимается.

1882

27 Марта. 18 Марта убитъ въ утро Стрель-

никовъ — восемь ударовъ. Весь [illegible] его ненавидѣли. Чело-

[illegible], какъ онъ не предвидѣлъ и не предостерегся. [illegible]-

мы замолчали на это. ~~[illegible]~~ Вездѣсущіе

молодежи. Отвращеніе къ нему общества. Отзы-

какъ превзошедшимъ чѣмъ [illegible]

вы о немъ [illegible] [illegible]. Специально

распрос о величіи его. Что-то весьма забавно

радостно у большинства. Собакѣ — собачья смерть. Живы

и другимъ [illegible]. Этого должно было ожидать.

Однимъ извергомъ ~~[illegible]~~ меньше. Таковы

только

выраженія. ~~[illegible]~~ университетскіе друзья, искрен-

нимъ, добрымъ и ~~[illegible]~~ [illegible] [illegible]

[illegible] і [illegible] друга и товарища. [illegible]

и Ко ~~[illegible]~~ [illegible] въ немъ [illegible] [illegible] и [illegible]

[illegible]. Потеряли истиннаго друга, [illegible]

пріятнаго [illegible] человѣка. [illegible]

27 марта.

18 марта убит в упор Стрельников — военный удав. Все давно это предвидели. Удивительно, как он не предвидел и не предостерегся. Симптомы замыслов на это. Раздражение молодежи. Отвращение к нему общества. Отзывы о нем как перехватившем чрез край, даже служилого класса. Специально расспросы о визитах его. Убийство вызвало тайную радость у большинства. Собаке — собачья смерть. Живи и другим жить давай. Этого должно было ожидать. Одним инквизитором меньше. Таковы выражения. Только университетские душители, сикофанты, доносчики и инсинуаторы в отчаянии: потеряли друга и советника. Пихно и К° потеряли в нем советника, опору и вдохновителя. Паульсон — интимного друга. Демченко — благоприятного и симпатичного ему человека. Полтора месяца тому назад ректор Рахманинов, узнав о том, что Антонович хочет дать ход делу об избрании Житецкого доцентом, объявил ему, что как только дело пойдет в ход, Стрельников начнет дело о принадлежности Житецкого к партии радикалов. Если сопоставить заявление, сделанное прошедшей весной Ренненкампфом в совете о том, что он подает мнение против кандидатуры Житецкого, то легко понять, что по поводу сей кандидатуры были давно интимные совещания университетских сикофантов с покойным удавом. Трогательный союз. До того упало звание профессора. Вступают в стачку с агентом инквизиции. В настоящее время они достигли цели: деморализация произведена; страх нагнан. Ренненкампфу нет необходимости подавать отдельное мнение. За него в последнее время работал Стрельников. После праздника будет баллотировка Житецкого — и он торжественно будет забаллотирован.

Убийца и его сообщник схвачены. Через четыре дня казнены в стенах тюрьмы. Кто они такие — осталось в неизвестности [1]. «Киевлянин» и «Московские ведомости», Пихно и Катков, рвут и мечут. Превозносят инквизитора. Лают на либералов. Взывают о продолжении реакции и душительства. «Новое время» в средине. Другие газеты хотят молчать, ограничиваясь передачею факта. С Стрельниковым я некогда был в хороших отношениях. Бывали друг у друга. Я не раз посещал его в военном суде. Ездил с ним в Рубежовскую колонию. Заседал в Юридическом обществе и комитете общества исправления малолетних. Но по мере того как он более и более стал превращаться в инквизитора, я стал его сторониться. Когда же он — да, он — повесил несчастного юношу Розовского за то, что сей юноша имел прокламации, я от него отшатнулся. Я перестал его замечать. Так я сделал на бале у Черткова в конце 1880 г. Тогда он стал в ряды заклятых моих врагов: соединился с Ренненкампфом и Пихном. Принимал деятельное участие в истории Юридического общества; интриговал вместе с университетскими сикофантами против меня. Вышел из Юридического

общества, когда им не удалось сбить меня с позиции легальным путем. 1-е марта его выдвинуло. Это фундамент его новой карьеры. Назначенный по высочайшему повелению для сыска крамолы в 5 южных губ[ерниях], он широко развернул таланты сыщика. Накинулся на юношество, может быть мятежное, может быть бурливое, может быть замешанное в ассоциации студенческие довольно невинного свойства, но далеко не опасное в одиночку. Система самого лютого сыска, инквизиции, прижимок, уловок, выпытываний, издевок, насмешек была пущена им в ход. Он стал ловить, открывать, обыскивать, арестовывать, заключать в тюрьму, раскапывать давно забытое — и наловил. Но все это мелкая рыбка. А зверей-то он и не поймал. Они-то его и съели.

Стрельников после обеда сидел на Одесском бульваре, пред морем, и наслаждался видом морским. Под влиянием прелестной природы — красоты ее доступны ведь и мрачным злодейским натурам — пред ним развертывалась обольстительная картина его карьеры в будущем. Тут рисовался ему пост товарища министра, генерал-губернатора и т. д. и т. д. Но в это время подошел к нему сзади убийца и размозжил ему череп. Видно, что тот, кто решился объявить борьбу против всех человеческих чувств, кто стал действовать без внимания к законным интересам других,— тот не имеет права наслаждаться тихими минутами созерцания природы. Место такого субъекта в палатах, находящихся в крепости, окруженной глубоким рвом, с подъемными мостами, с стражей в каждой комнате. Тиран должен весть жизнь, свойственную тирану.

Значит ли, что убийцы сделали хорошо? Избави Бог от совершения преступления даже над Стрельниковым. Убийство останется убийством. А слова мои означают только то, что нельзя искоренять зло путем притеснений, посредством совершения страшных несправедливостей. Слова мои означают только то, что следует памятовать, что беззакония, откуда бы они ни исходили, в состоянии вызвать зверские чувства в человеке. Это существует в организме общественном, но не обысками, арестами, тюремным заключением, выискиванием, выслеживанием можно его искоренить, и не стрельниковскими средствами. Иначе глухая борьба неискоренима.

Пихно и унив[ерситетская] К° душителей и сикофантов превозносят покойного до небес. В сущности это был софист, человек узкого ума, мизерного личного самолюбия, человек без сердца, сущий удав. На всякого, кто его видел, он производил впечатление змия. Отец Фойницкого, после свидания с ним, назвал его ужом. Я ему заметил: «Зачем переменять название, ему данное давно: *военного удава*».

7 апр[еля].

Хотя слухи и ходили о замыслах на жизнь Стрельникова, тем не менее я опять думал, что всех важных террористов переловили. Повторение давнего психического настроения. Убийство Стрельникова еще ниспровергло уверенность. Впрочем, один из убийц, оказывается, Халтурин, как объявлено в «Правительственном вестнике», Халтурин — главный мастер взрыва в Зимнем дворце, совершенном 5 фев[раля] 1880 г. Год прошел, а реакция не унимается. Я выиграл много раз пари. Друг, однако ж, верит, что она недолговечна. В обществе царит какая-то подавленность, неуверенность, боязливость. Каждый боится, ждет, не слопают ли его обстоятельства. Донос и инсинуация царят. Пихно превзошел всякую меру: нет номера, в котором бы он не сделал

доноса и инсинуаций. Возбуждение против него в известных кругах общества сильное. Разнеслась молва, что его высекли. Думается, что это изобретено, чтобы его доехать. В одном из номеров «Киевлянина» он прямо заявил, что в Киеве даются спектакли и концерты некоторыми с тою целию, чтобы одну часть выручки послать в Женеву революционному комитету, другую отослать административно-ссыльным. «Заря» высказала мнение по поводу гнилического дела[2] в Галиции. Пихно поднял крик об измене.

На первой неделе поста был у нас вечер: я и Саша, мы хотели воздать чествование малороссийскому актеру Кропивницкому. Было много речей самого невинного свойства о малороссийском языке. Говорил в числе других и Кулишер, фактический редактор «Зари». Он высказал ту мысль, что все народности, живущие среди малороссийского народа, должны усвоить его язык. Пихно в своей газете объявил в прозрачных выражениях, что в одном частном доме был митинг, на котором один литератор-еврей предложил тост за союз всех угнетенных народностей. Цель достигнута: спрашивали, на какой вечер Пихно намекает. Отвечали за кулисами: на вечер у Кистяковских. Так пущена клевета. Так Пихно и К° подсматривают даже в частные квартиры и собрания. Вероятно, без совещания с Ренненк[ампфом] у него на сей раз не обошлось. Эти сикофанты хотят сделать невозможною для меня жизнь в у-те. И они отчасти успевают.

Когда я, оставаясь неизменно преданным народу, держал себя несколько в стороне от кружковского украинофильства, не одобряя крайностей кружка, записные украинофилы на меня косились. Ныне я сблизился с кружком. Не знаю, как это случилось, но кружок этот сделался умереннее, если не допустить, что у них бывают неизвестные мне совещания. Кажется мне, что нет. Теперь изменились в своих отношениях ко мне университетские чиновники, носящие имя профессоров. Принадлежи я прежде к кружку в такой мере, как ныне, эти бы отношения начались раньше. К этому присоединились антисемитические инстинкты. Я в известных дружеских отношениях с фактической редакцией «Зари», которая считается жидовскою. Отсюда новый прилив ненависти, новый повод к инсинуациям, сикофанству и клеветам. Положение мое в у-те крайне неблагоприятное. На днях забаллотировали огромным большинством пособие мне на поездку за границу для лечения. Пособия этого не просил я: сам факультет, по предложению Демченка, сделал об этом представление. По сочетанию голосов очевидно, что факультетские, не исключая и Демченка, сами же клали мне черные шары. Большего коварства трудно представить.

Баллотируйся я теперь на 5-[ле]тие, меня бы забаллотировали. А ученые работы, а известные заслуги? В глазах этих господ они цены не имеют. Напротив, если бы я был им подобен, я больше был бы гарантирован от забаллотировки. Ведь превозносили же они друг друга, когда в прошлом году шла их баллотировка на пятилетие. Митюков, человек всю жизнь свою мало работавший, почти ничего не написавший, был превознесен до небес. Я говорю: баллотируй меня теперь же на пятилетие, я буду забаллотирован. Теперь же? А что будет через 3 1/2 года, когда настанет пора моей баллотировки. В голову и сердце лезет неотвязная мысль о том, что и тогда я буду забаллотирован. Мысль эта иногда не дает мне покою. Малодушие и мнительность. Я ими всегда страдал: это мое несчастие. Нельзя же действовать по определенной программе и не принимать стоически ее последствий. Я, однако же, борюсь с этою непоследовательностию и стараюсь приготовить

себя к тому, чтобы встретить стоически даже мою забаллотировку, которая не невозможна. Там, где наука имеет слабые ростки, там, где господствует интрига, там, где свила гнездо немецкая ненависть против всего русского, где царят борьба партий, ненависть к прогрессу, где все, что напом[инает] социальный переворот, не переваривается умственным желудком и считается отравою, там на все нужно быть готовым. Твердость, твердость, терпение, терпение, ясность и ясность духа — вот в чем я нуждаюсь, вот что мне необходимо вырабатывать, чем запасаться. Я должен быть готовым ко всевозможным невзгодам. Улыбнется счастье или счастливый случай, тем они будут ценнее.

4 мая.

С месяц назад вышло 2-е изд[ание] моего учебника — плод многолетних трудов. Разослал друзьям, приятелям и знакомым ученым. Пока одобрение и приветствия. Как откликнется специальная критика? Напечатал 600 экз. Больше 100 раздал и разослал. Около 20 экз. продал. Что дальше — не ведаю.

Житецкий забаллотирован. Прибавка к забаллотировкам Мищенка, Тарасова и Лучицкого. Клика реакционеров сильна. С первого марта она в заговоре против нас. Подлые виляющие натуры вроде Беца туда же. Идиоты в их лапах. Немцы, исконные враги всего русского, торжествуют. Все малороссийское пользуется величайшей ненавистию. Демченко, Тартюф, с полуатрофированным мозгом, сказал одной даме о Житецком: «Он имеет дурную репутацию украинофила». Ренегат не ренегат, а так — мизерный человек и ничтожная голова.

Из Петербурга приезжающие говорят, что там, а также и в Москве настроение мрачное: всеобщая неуверенность, разлит дух всеобщего беспокойства. Не исключая и высших сановников. Бунге оценен надлежащим образом: общее убеждение, что это ординарный человек, годный на второстепенные роли, трудолюбивый директор департамента, товарищ министра или нечто в этом роде.

Кобезев пойман. Это Богданович; мать его — урожденная княгиня Шаховская. Об обстоятельствах его поимки ходят легенды. Одни говорят, что он явился взять подряд на электрическое освещение Кремля во время коронации. Другие рассказывают, что после покушения он жил в Москве под своею настоящею фамилиею открыто, вращался в высших кругах общества, обедывал у генерал-губернатора и был арестован на благотворительном вечере, на котором он, между прочим, заведывал продажею разных вещей и в том числе портретов лиц царствующего дома. Это рассказывал мне сегодня Забугин, возвратившийся на днях из Петербурга.

Коронация, говорят, совершится в сентябре. Правительство не уверено в благополучии. Ходят толки, что император поедет по шоссе в сопровождении войска; что контракты с разными лицами придворное ведомство заключает под условием: если будет коронация.

Жидовские погромы возобновились. Балта почти окончательно разбита, разграблена. Искалечения, убийства и изнасилования, грабежи совершены в огромных размерах. Масса разгнуздывается. Думают

управлять ею посредством полиции. Это цветочки. Ягодки будут. Интеллигенция отброшена от соприкосновения с народом. Народ коснеет в невежестве. Надеются, что таким народом всего легче управлять. Придет раскаяние, да поздно.

6 мая.

На месте Стрельникова назначен Харламов из петербургских сыщиков: он в 1880 г. заведывал сыскной частию в Ялте. Тогда он обыскивал встречного и поперечного. Кажется, я об нем занес сведения в свою летопись со слов Могилянского. Харламов в Киеве новый человек: будет весть сыск по бумагам. Другое дело покойный военный удав: он вел сыск по собственным сведениям, убеждениям, предубеждениям, киевским сплетням и советам киевских сикофантов. Он в последнее время был в теснейшей связи с университетскими сикофантами и доносчиками; от них он получал вдохновение и внушения.

Сегодня рассказывал мне друг разговор свой с Паульсоном, одним из друзей покойного удава. За месяц или больше Паульсон говорил другу: «Будьте осторожны: вы имеете много врагов». Когда Стрельников был убит, Паульсон открыл карты. «Помните,— сказал он,— как я предупреждал вас быть осторожным. Знайте же, что покойный Стрельников говорил мне: «И вашего Саська я позову к Понтию Пилату с некоторыми профессорами».

В конце прошедшего и в начале нынешнего года, когда Стрельников развернул свои инквизиторские способности во всю ширь, разнеслись слухи, что он намерен произвесть обыски у Антоновича, Мищенка и Лучицкого. Была упоминаема и моя фамилия. Некоторые даже спрашивали: «Правда ли, что у Кист[яковских] был обыск?» Сам Рахманинов, эта пошлость в звании ректора, даже прямо говорил кому-то о том, что Стрельников намерен произвесть обыски у Антоновича и других. Все это показывает и доказывает, что Стрельников был в самых интимных сношениях с университетскою сикофантиею: Ренненкампфом, Пихном, Демченком, Эргардтом и К°, что он получал от них внушения и наставления; он был ими вдохновляем.

Против Саська давно работает университетская сикофантия: она его всеми средствами притесняет; она доносила на него в течение многих и многих лет, главным орудием ее был доносчик Божовский — его товарищ; она его ложно обвиняла в прикосновенности к делу побития Матвеева; под напором ее доносов не раз поднимался вопрос в тайной полиции и в управлении Мин[истерства] народного просвещения о его удалении от службы; не защити его Бунге во время свирепства Черткова, он тогда бы был бы выброшен из у-та.

Всякий раз, когда подымается волна гонений и розысков, начинают подкапываться под Антоновича. Он едва-едва не был выжит из у-та Чертковым: поездка его за границу в 1879/80 г. была отсрочкою. Лорис-меликовский режим изменил положение. Он уцелел. Сам Чертков слетел. Новая волна гонений и розысков опять готова была его задеть и, пожалуй, поглотить. До 1878 г. положение мое было довольно прочное: были доносы, но не особенно важные. С этих пор, после студенческой истории, или, лучше, погрома, когда я не пристал к сикофантам, происходит поворот. История в Юридическом обществе, сикофантия Пихна, столкновение с Стрельниковым, разлад с Демченком и иными, подстрекательства Ренненкампфа, отдача себя Славатинским, Демченком, Незабитовским, Будановым под команду этого интригана изме-

нили мое положение: они породили против меня ненависть в советской коллегии. Отсюда проистекают намерения и планы Стрельникова на мою погибель. И это называется действовать во имя государственных интересов. Это не больше и не меньше как проведение своих интриг и своих ненавистей в жизнь под прикрытием государственных интересов. Это значит, что мои личные враги хотят меня съесть будто бы во благо отечества. Ужели судьба допустит до этого? Я чист совестию пред обществом и государством. Я имею свои убеждения, которые на Западе считаются общепринятыми. Желал бы их осуществления в жизни отечества. Верую и исповедываю. Но в незаконных действиях я неповинен. Ужели донос, инсинуация, интрига и сикофантия восторжествуют? Ужели личная вражда возьмет верх над объективным беспристрастием общественным? Враги мои желают меня погубить. Я ненавижу их образ мыслей и их образ действия. Но пусть укажут мне, когда я лично их обидел, когда я когда-нибудь сделал им личное зло.

Спр. 28.

1882 г. Июль.
Жмеринка. 11 июля.

Сегодня в 9 час. я выехал из Киева с Володей в Карлсбад. Давно собирался. Дела по администрации удерживали. Не побуждай меня домашние и не грози мне припадки моей болезни, кот[орая] ко мне подступала в июне м[есяце], я бы не выехал за границу. Средства сравнительно скудные, а расходы поездки большие — меня удерживали. Наконец решился. На станции Калиновка неожиданно встретил Спасовича: свеж, бодр и здоров, как и всегда. Володя признал его моложе меня, хотя он на самом деле старей года на четыре. Узнал от него, что его старик, отец, еще жив: теперь ему 84—85 л[ет]. От Калиновки до Жмеринки я ехал в его вагоне в первом классе: мы едем в 3-м. Беседовали о многом: о науке, литературе, политике, о редакции «Уложения» и гражданских законах, о Кулише, Костомарове, о галицком процессе Грабарь, об отношении галицких поляков к русинам. Он высказал общераспространенное мнение, что Ольгу Грабарь, Добрянских и Наумовичей и К° едва ли осудят за государственную измену. Так. Но нравственную подлость их разоблачили достаточно. Не перечил, а соглашался, что галицкие поляки действуют бестактно, стремясь к тому, чтобы напустить на галичан иезуитов. Бедные галицкие малороссы: они между молотом и наковальней. С одной стороны, интригует Москва, с другой — поляки с иезуитами и Римом. Слабые галичане готовы броситься в объятия Москвы, гонимые по пятам польскою интригою.

3 сентября.

Пробыл в Карлсбаде ровно 24 дня. Проездил ровно месяц: возвратился домой 11 авг[уста]. Туда едучи, останавливался на сутки во Львове; виделся с Барвинским, редактором «Дела», с Сушкевичем, профес. Шараневичем, Огоновским и Устимовичем. Посетил процесс.

В Карлсбаде знакомые: Половцев — я посетил его, протоиерей Лебедев, псаломщик Апраксин, полковник Дукмасов, Симиренко и Барвинский, приехавший под конец. С Дукмасовым ежедневно пили вместе чай и обедали. Интересный полковой командир, убежден, что так управление Россиею идти не может. Уверяет, что таково убеждение господствует и в войске.

Думал в конце сезона съездить в Швейцарию: хотел побывать в

Женеве и увидеться с Драгомановым, просто приязни ради. Плохие вести администрации отбили охоту: урожай пшеницы в Буртах далеко не оправдал надежды. Жара, засуха и, наконец, гусеница в Ракитах и в Янковке навели тоску и дурное расположение. Не до поездок ради удовольствия.

Со мной ездил старший сын Владимир: я нанял для него ученика Пильзенского реального училища для беседы по-немецки. Ежедневно беседовали по два часа: я тоже присутствовал и участвовал в беседе. Два раза брали собеседника на прогулку. Владимир сделал успехи.

Симиренко дал 700 руб. 300 — на издание Шевченка и 400 руб.— для Михайла Петровича.

На возвратном пути за несколько станций пред Львовом сел в наше купе — мы ехали в 3-м классе — господин лет 45 с двумя молодыми людьми: оказался профессор Львовской русинской гимназии Вржецана. Познакомились, завязался разговор. Два молодых человека — его сыновья: студент Львовского у-та и ученик гимназии. Вржецана жаловался на притеснения поляков: русинам не дают ходу. Вся администрация, весь суд, вся политическая жизнь, сейм галицийский, места в рейстате — все захвачено поляками. Теперь я веду переписку с Модестовым о галицийских делах: Модестов — москвофил и приверженец руссификации.

8 сент[ября].

Вчера разнеслась молва об открывшемся воровстве в Киев[ском] городск[ом] банке взаимного кредита. Весть оправдалась. Вором оказался Свиридов, товарищ управляющего банком, он же и кассир. Я в 1877 г. постоянно повторял: будь я не нуждающийся человек, я бы тотчас перестал быть членом этого кредитного общества. Тесный кружок, клика захватила в свои руки и ворочает, как хочет. Свиридов казался мне всегда подозрительным, а равно и другие. Друг постоянно твердил, что Свиридов должен быть вор, потому что иконостас строит и всенародно раздает милостыню. Мое предчувствие оправдалось. Предсказание друга сбылось. Наши университетские очень заинтересованы. Волнуются так, как никогда, по поводу вопросов науки. Да и что им науки. Сидоренко, проф[ессор] финансов, состоит управляющим банком. Гарнич-Гарницкий — химии профессор — ревизором. Субботин, профес[сор] гигиены,— членом совета. Во главе клики стоит Эйсман, бывший профессор, ныне городской голова. Тесть Субботина.

Прекраснодушные люди и наивные предсказывают, что управление будет очищено от университетских совместителей, небрежно относящихся к исполнению своих обязанностей. Я им говорю, что дела пойдут по-старому: как было, так и будет. Голоса подтасуют. Затем найдутся новые воры. Воровство банков и казнокрадство — крупная черта нашего русского общества. Лет 5 назад открыто было воровство почти на миллион в частном коммерческом банке. Ныне воровство совершено на 300 000. Там управлял делами банка професс[ор] Ренненкампф. Здесь — его товарищ Сидоренко. Кониский приглашал принять участие в походе против воротил банка. Буду держаться в стороне. Пусть [они] безобразничают. Всякую мою деятельность объяснят личными интересами. А я этого не желаю.

24 сент[ября].

Плохо живется. Плохо себя чувствую. Лезет в голову, что я сойду с ума, что мои силы упадают. Боязнь смерти. Не столько смерти, сколько боязнь разрушения. Боязнь оставить детей беспомощными, неустроенными. Третью ночь назад я всю напролет не спал. Страх во мраке ночи овладел. Боязнь за мое положение в университете: вокруг враги. Боязнь за административные дела: надежды на урожай не оправдались. Что будет — не знаю, и страшусь. Единственная поддержка. Да и тяжко будет мне, если в мое управление дело сядет на мели. Не тот виновен, кто дело испортил, а кто его не портил, тот, кто стоял последним у дела. Так мыслит толпа. Успех — герой, неудача — проклят. Я не был до сих пор особенно счастлив, но и не был несчастен. Ужели придется им быть? А силы падают, энергии как не бывало. Где моя кипучая деятельность? Где двенадцатичасовая работа? Нет ее. Я нужу светом. Провожу день до вечера. В душу вторгается мрак. Овладевает боязнь за будущее, овладевает отчаяние.

Политический горизонт заволакивается. Свинцовый воздух. Затягивают мертвую петлю. После законов об охране и полицейском надзоре издан закон о печати, отдающий ее в полный произвол правительственных агентов.

Царь посетил Москву, выставку — и опять уехал в Гатчину, в свое уединение; народ говорит: «Батька-царя паны убили, а сына-царя заперли». Вот трехмесячная реакция моего друга. Я ей конца не вижу. Царь — добрый человек, но безвольный, боязливый, с отсутствием образования и какой бы то ни было инициативы. Окружающие его реакционеры все более и более создают заколдованный круг. Общество малосильно и маломощно. Могло выставлять убийц, заговорщиков, но пока не в состоянии поставить граждан, открыто требующих реформ. Что недовольство и неудовлетворительность господствуют в обществе — это несомненно. Но что же из этого? Общество после 1 марта опешилось, на него с каждым месяцем более и более нападает столбняк. Ждут чего-нибудь необыкновенного, или внутри, или извне. Плохо, очень плохо. Внутри? Но чего же? Опять убийство? Но что же дальше? Одни замешательства, одна запутанность. Извне? Но чего ждут? Нашествия Бисмарка, нашествия Австрии. Полякам русским это на руку. Они надеются половить в мутной воде рыбку. Желают того и жиды. А народ русский, народ малороссийский выиграть от того не выиграет. Над ним будут совершать только эксперимент, он понесет страшные потери, из которых политиканы всех национальностей постараются извлечь свои выгоды. Немцы русские сторожат несчастие России. На инициативу со стороны государя надежды никакой. Он рассуждает так: отец мой был реформатор и поплатился жизнию. Буду сидеть я смирно и не пускаться в неизвестность преобразований. Смирнякам в жизни везет больше. Может быть, и мне тихость, и спокойствие, и стоячесть повезут. С индивидуальной точки зрения он, может быть, и прав. С точки зрения народных интересов — другое дело. Здесь как на войне. Без мужества и твердости обойтись невозможно.

Злосчастное 1-е марта: оно наделало много бед. Оно приостановило правильный ход развития. Оно поставило на место царя-реформатора — царя, стоящего за status quo, боящегося реформ. Вы не оценили человека, который рожден и воспитан был в идеях прогресса: вот же вам в руководители человек, который воспитан в добродетелях семей-

ных, но который чувствует отвращение к коренным реформам. Так сказал Рок. Самодержавне добровольно не сдается. Его не убьешь убийством царя. Оно коллективная сила, а не индивидуальная. А все же оно рано или поздно должно уступить и уступит место земским силам. Доживу ли я до того — не знаю; но вера моя крепка, неизменна, даже в эту минуту, когда душа моя потрясена, изъедена сомнениями, разбита и готова просить у Рока пощады. Воздуху, воздуху, воздуху. Спасения, спасения, спасения.

3 окт[ября].

Состояние моего духа несколько лучше. Но все же оно ненормально. Мне мерещится, что у меня начался органический процесс разложения и упадок духовной деятельности в связи с физическим одряхлением нервной системы. Доктора — Афанасьев, брат Федор — приписывают это временному нервному расстройству, считают моментом мимопроходящим.

28 сент[ября] Пихно за клевету приговорен к двухмесячному тюремному заключению. Он оклеветал Кониского, по наущению Ренненкампфа. После произнесения приговора он по стачке с этим интриганом подал прошение об отставке, не с серьезною целию на самом деле выйти в отставку, а чтобы получить поддержку со стороны университетской коллегии. Ему обещают, что большинство совета будет его просить остаться. И это, вероятно, случится, хотя первая попытка оказалась неудачною: отклонили за невнесением вопроса в повестку. Так интриганы и дельцы влекут у-т в омут игры страстей, так они святилище науки превращают в орудие достижения собственных мизерных целей.

Сегодня выпал большой снег, бич сахарного дела. Свекловица еще не вся выкопана и может замерзнуть. Убытки будут громадны. Интересы администрации могут страшно пострадать. Они уже и так страдают от недорода свекловицы.

Если ближе присмотреться к моему моральному состоянию, то легко отыскать ему реальные причины: они лежат в неудачах административного дела. Эти неудачи — кошмар, который и во сне и наяву меня душит, давит, тиранит. И это против моей воли, или лучше — вопреки моей воли. Я бы желал отделаться от этих тяжелых впечатлений и не могу. Просыпаюсь утром — и уже голова моя полна тяжелыми представлениями. В последнее время я страдаю бессонницею. В эти-то бессонные ночи все мое существо и наполняется тяжелыми мыслями о постигающих и предстоящих неудачах. Одно, что могло бы меня избавить от этих впечатлений,— устраниться от этого дела. Но возможно ли это? По многим и множественным причинам это невозможно.

Да, если бы быть Самсоном, чтобы стряхнуть с себя эту навалившуюся на меня гору. Я ведь хожу как опущенный в воду, как расслабленный, голова моя плохо работает, и мне представляется, что у меня начался паралич мозга. Очень может быть, что во всем этом очень много субъективного, что это есть обычное проявление моего ипохондрического предрасположения и склонности к пессимизму, и к мрачным представлениям. А давно ли я мечтал о золотых горах, которые я строил насчет административного управления.

4 окт[ября] 1882 [г.]

Состояние моего духа прояснилось. Физическое состояние тоже улучшилось. Я как будто не чувствую того давящего свинца в задней части головы, который меня замучил и заставлял меня думать, что мой мозг разлагается. Несомненно, я ипохондрик, от времени до времени страдающий припадками тяжкого душевно-мрачного настроения. Причина его лежит, несомненно, в моем физическом устройстве. Возбуждается эта причина к проявлению внешними обстоятельствами. Душевное мое настроение улучшилось, несмотря на то, что обстоятельства не только не улучшились, а ухудшились. 3 окт[ября] выпал снег, сегодня целый день он валил. Это грозит огромными убытками для дел администрации. Что будет в будущем, и сказать теперь не могу. Но затруднительное положение дел устроится. В состоянии ли будет идти далее дело — не знаю.

Университетские интриганы работают. Пихно с Ренненкампфом неутомимы в изобретательности. Шеффер — их главный агент. Работают и выработают большинство совета, которое будет просить Пихна, чтобы он остался. Суд приговорил Пихна к двухмесячному тюремному заключению. Совет у-та просьбою о взятии Пихном прошения заявит косвенно протест. Суд признал его клеветником. Совет у-та намерен одобрить его клеветническую деятельность. Одна власть в государстве осуждает Пихна, другая хочет протестовать. Университетские воротилы втягивают в болото партионности дорогую Alma Mater. Интересы науки забыты, мизерные интересы партии царят в у-те. Этим шагом университетские дельцы навлекают на университет ненависть общества. Они низводят высокое учреждение до игры в самые мизерные страсти. Пихно и Ренненкампф с К° пускают в ход всевозможные пружины. Причем не стесняются пускать ложь, обман, запугивание, застращивание. Влияют именем Бунге, да и как не влиять. Ведь Бунге создал Пихна-Ренненкампфа. Говорят, что Евреинов, председательствовавший в суде, осудившем Пихна, являлся после суда с извинительным визитом к Пихну. Пускают слухи, что Орлов, старший председатель палаты, крайне неодобрительно относится к приговору. Ренненкампф и К° думали дать обед Пихну: этого бы недоставало. Жалко, если они этого не сделают. Если уже совершать мерзости, то вовсе тяжкие. Подстрекнули Шварца напечатать в «Киевлянине» письмо, в котором он изобличает свидетеля Скибинского во лжи. Новая деформация, новый ложный донос. Азартные игроки и шулера. Идя так, они должны сломать шею. Шварц усердствует в благодарности за предпочтение, оказанное ему пред Толочиновым, настоящим специалистом. Вот результаты издания газеты одним из университетских преподавателей. Бунге, объявивший пред выбором в доценты Пихна, или выбор его, или его, Бунге, отставку, отлично знал, что он делает. Он приготовляет себе настоящего преемника, он чуял, кого он приготовляет для поддержания своей политики, он знал, что он приобретает в нем сторонника своей интригантской политики.

В субботу, 2-го, я был на вечере у Афанасьева. Он передавал мне, что К° забегала к Дрентельну в надежде в нем найти для себя поддержку. Генерал, хотя и фрунтовик, оказался глух к их поползновениям. К сему генералу они не раз обращались за помощью. Но всегда безуспешно. Во время существования блаженной памяти 3-го отделения они всегда прибегали к доносам. Их агентом в этом случае служил

Божовский, помощник проректора. Теперь и агент сошел со сцены, и главная агентура доносов и сыска сошла, тоже не существует. Теперь они мутят в местной среде — и не без успеха.

8 окт[ября] 1882 г.

Надежды на улучшение здоровья не оправдываются. Мучит бессонница. Тяжесть во всей голове. Исчезновение значительной части памяти. Вялость физическая, моральная и интеллектуальная. Представление об онемении переходит из одной части в другую. Состояние духа — больше тупое, чем возбужденное. Нерасположенность к работе. Отвращение от движения, нежелания свидания с людьми. Нерасположенность быть в обществе. Отсутствие всякой инициативы и энергии. Полный упадок воли. Я так себе объясняю происхождение моего состояния. Усиленные занятия довели до крайней напряженности мои силы. К этому присоединились высокая степень внутреннего раздражения, в котором я часто находился, начиная с 1878 г., вследствие различных передряг и событий моей жизни. 1879, и 1880, и 1881 гг. были для меня критическими: в 1879 г. весной я тяжко болел. 1880 г. был годом крайнего возбуждения вследствие разыгравшейся истории в Юридич[еском] обществе. В 1881 г. я опять перенес тяжкую болезнь. Напряжение достигло крайнего предела. Болезненность усилилась донельзя. Произошел перелом. Настал расчет. Идет подведение итогов. Мало-помалу мой организм ликвидируется. Идет на убыль, на уменьшение, на истощение и упадок. Природа сводит счеты и оказывается большой недочет. Прочесть двухчасовую лекцию для меня величайшая тяжесть. Чего со мною никогда не бывало. Во время чтения лекции мне так и сдается, что вот-вот я не в состоянии буду продолжать лекцию, вот-вот я запутаюсь и стану нести белиберду. Не правда ли, сознание это ужасно? Во всем этом очень сильную роль играют обстоятельства администрации. Великие надежды, богатые милости сменяются печальною реальностию, недородом свекловицы, угрожаемою погибелью 250 дес. невыкопанной свекловицы, что произошло от внезапно выпавшего обильного снега. Грозят огромные убытки. Предстоят огромные недоборы и недочеты. Продано около 150 тыс. п[удов] сахару, а где его взять, если остальная свекловица не будет выкопана и если такое количество погибнет у крестьян и плантаторов, обязавшихся поставить свеклу. Вот природа что совершает: она не справляется что́ и как и топчет железной стопой кого ни попало. Я еще недавно мнил себя чуть не счастливым администратором; весной меня хвалили, готовы были мне оказать овации, выражали публичную благодарность, причем оттеняли меня от других. Что же теперь скажут? Заговорят иным тоном, хотя я и в недороде и в погибели, могущей последовать для свекловицы, столько же виноват, как и в прошлогоднем урожае. Успех — герой. Неудача — проклят. Мораль играет второстепенную роль.

24 окт[ября] 1882 г.

С 14 по 23 включительно исполнял обязанности присяжного заседателя. Тяжело мне было несть ее теперь. В прежнее время это составило бы для меня удовольствие. Я извлек бы пользу для своих специальных занятий. Я был ниже критики при исполнении этой обязанности. Плыл за течением. Не внес ни плодотворной мысли, ни самостоятельности, несмотря на то что я специалист.

Надежда, что эти занятия меня увлекут и отвлекут, не оправдалась. Здоровье мое в том же положении. Чувство онемения конечностей, в особенности левой руки и ноги, больше и больше ощущается. Кажется, что замирание жизни идет crescendo [3], хотя и медленно. В особенности по ночам я ощущаю, что руки и ноги мои ноют, во время сна и после сна. В конце дня я не чувствую особенной усталости: усталость каждую минуту дня мною ощущается. Сон меня не освежает и не ободряет. Встаю тем же, чем отхожу ко сну. Да и сна у меня настоящего нет. Не сон, а какое-то забытье. Иногда с 3 и 4-х часов я пробуждаюсь. Хорошо, если просплю до 5. Затем начинается борьба между забытьем, дремотой и бдением или полубдением. Чтобы заснуть, я стараюсь читать. Но что это за чтение? Это какое-то механическое, полусознательное занятие. Нет ничего ужаснее этого состояния. Чувствовать, что разрушаешься морально и интеллектуально, неизмеримо тяжелее, чем чувствовать физическое разрушение. Мысль, что мало-помалу выпрет жизнь психическая и что превратишься в полено, леденит кровь. Саша, братья, друг и товарищи, в том числе доктора, стараются меня уверить, что все это субъективное ощущение, мнительность, ложное ощущение. Я готов с величайшею радостию с ними согласиться, но каждая минута личных моих ощущений дает мне знать, что причина кроется глубже, в видоизменении и глубоком повреждении благороднейших частей моего организма. Что нервная система моя потрясена, этого не отвергают и доктора. Но я предполагаю больше.

Лет 25 тому назад, пред окончанием университетского курса, я находился в состоянии маразма. Тогда я должен был приготовляться к экзамену. Сидел прилежно за книгами и тетрадками — и хоть бы одна мысль оставалась в голове. Тогда я был в полной импотенции что-нибудь усвоить. Так и ныне. Если я еще думаю, пишу, рассуждаю, это по привычке, по инерции, по пассивности, а не по деятельности, движении, активности. Психическая жизнь человека очень сложная и разнообразная. Она мало-помалу убывает, разрушается. Полагаю, что я субъект очень интересный для психиатра. Было бы хорошо, если бы я до последней возможности записывал ход моего психического процесса. Желаю. Но исполню ли, не знаю.

Кажется, что свекловица будет выкопана и свезена. Но это только предупредит решительный кризис, но не предотвратит больших затруднений, которые должны проистечь от недорода свекловицы. Ее посеяно было для текущей кампании десятин на 700 больше, чем в прошлом году, а получим ли мы даже столько, сколько было в прошедшую кампанию,— это еще вопрос. В Русской Поляне дело ясное, там на 10 тыс. берковцев будет меньше против прошедшего года. Выход гораздо хуже. Для того, чтобы осуществить посев и обработку большого количества десятин, пришлось затратить и больше денег. Не имея таковых, пришлось сделать и больше запродаж сахара. Недород поставит нас в невозможность оправдать запродажи. А по 2 руб. задатка на пуде получено и давно истрачено. Вот картина, которая открывает впереди мрачную перспективу.

Реакция внутренней жизни отечества идет на парах. Катковы, пихны, ренненкампфы одерживают решительные победы. Печаль и бессилие чувствуются в воздухе, в печати, во всей жизни. Да, с народною жизнию играть невозможно. Нельзя безнаказанно совершать такие события, как 1 марта 1881 г. Нельзя жизнь народную двинуть вдруг. Она имеет тоже свой рост, как и все в мире. Жизнь общая идет, и идет

поступательно, а жизнь индивидуума может идти отступательно. Общей жизни, как органическому продукту, нет необходимости спешить и справляться с надеждами и умонастроением отдельных лиц. Напротив, она, как сама природа, часто, а может быть и всегда, безжалостно топчет цветы индивидуальной жизни: и чем более последняя рвется и заносится вперед, тем решительнее, энергичнее и грубее общая жизнь схватывает за шиворот и повергает на землю занесшегося носителя индивидуальной жизни, рвущейся вперед.

Если не ошибаюсь, известный Фейербах и Штраус умерли в горе, одиночестве и в дисгармонии с окружающим их миром. Это ведь разлад между индивидуальною и общею жизнию. Настанет пора, когда их мысли станут достоянием общей жизни. Но их индивидуальность прошла, тем не менее, среди разлада, а следовательно, горя, ненависти и испытаний.

27 окт[ября] 1882 [г.]

Третьего дня вечером и вчера утром я чувствовал себя лучше: фантазия разыгралась, мысль окрылилась, я прочел лекцию с большим одушевлением и меньшею усталостию. Думал, что настало улучшение. Вчера с вечера мне сделалось совсем дурно. Сегодня я весь день пролежал. Саша отправилась к Афанасьеву — доценту, бойкому практику. Посетил меня. Условились сделать консилиум, если не будет лучше. По отъезде в семейном совете велась речь о поездке в Москву, к доктору Кожевникову. Вечером мне стало лучше.

Было заседание администрации. Мои товарищи — неунывающие россияне. Глядят на положение дела сквозь радужные цвета. Кто их знает, таковы ли они в действительности, а мне сдается, что они больше дельцы, готовые всегда срывать куши, пока возможно, а там потом хоть потоп. Я предвижу недостачу сахара. Качала бился со мною об заклад, что мы еще будем иметь лишек. Если это осуществится, я должен буду внесть 200 руб. на школу. В противном случае эта тяжесть падет на него. Да, в характере моем есть скверная черта падать духом. В таком упадке я ныне нахожусь. И тем не менее я глубоко убежден в том, что мы пудов на 20 тыс. запроданного сахара не в состоянии будем оправдать, словом, поставить, хотя задатки давно съедены. И, кроме того, придется платить разницу. Не мне бы заниматься такими практическими делами. Но неумолимая судьба принуждает меня заниматься. Без заработка за это занятие я прожить не в состоянии. Жизнь вздорожала до крайней степени. Многочисленная семья. Пристрастие к книгам, стоящее мне расходов. В прошедшем году я затратил рублей 400 на книги. А перестань я существовать, эти книги пойдут за бесценок. Я фантазер. Я мечтал о том, что в состоянии буду составить библиотеку, которую оставлю в дар у-ту. А теперь мне представляется, что нужда заставит продать их букинистам. Благородные, но дворянские фантазии. Жизнь с своими железными условиями не любит их. Действительность безжалостно обрывает цветы надежд, обливает холодной водой жар мечтаний. Только этим и объясняется, почему прогресс идет черепашьим ходом. Будь иначе, человек своими благородными порывами двинул бы ее на парах.

9 нояб[ря] 1882 [г.]

С неделю назад я был у Шкляревского, товарища, профессора-медика, очень образованного теоретика и практика, и советовался с ним о моем здоровье. Шкляревский сам на ладан дышет, тает, как свеча; у него у самого мало осталось елея жизни. У него почти отняло ноги. Сухотка спинного мозга. Он никуда не выезжает, только изредка на лекции, поддерживаемый другими. Он тоже утверждает, что у меня нет органического повреждения мозга, как я думаю. Но находит у меня застои крови в мозгу и ослабление деятельности сердца. Предложил мне обтирание ежедневно комнатною водою, намазывание йодом около сердца, потом полуванны в 26 гр[адусной] воде и некоторые другие средства. Вот неделя, как я исполняю его ординации. Сегодня я почувствовал себя лучше, или как будто лучше. Я говорю «как будто». Утверждать решительно нет пока данных. Как будто я ощущаю меньше давление в мозгу, как будто голова моя освобождается несколько от того тумана, который ее обложил. Но как будто, как будто. А что потом — не знаю и боюсь все-таки за будущее.

Вчера получил известие о новой неудаче: решение палаты в пользу друзей моих Саськов кассировано в Сенате. Пихниада приходит к концу в у-те. Факультет постановил просить Пихна остаться и это постановление внес в совет. Главный мотив: незаменимый, мов, человек, критически и мужественно относится к новшествам. В совете поставлен был вопрос: просить или нет Пихна остаться. 28 человек, при тайной баллотировке, оказались за, 12 — против. Я не присутствовал сознательно, а не вследствие препятствий. Домашние прессировали на меня в противоположном смысле. Устоял. Главным оппонентом против «просить» явился Хандриков. Он подал отдельное мнение, которое подписали Антонович и Хржонщевский. Борьба в совете шла жаркая. Пихно прислал благодарственное письмо на имя ректора большинству и взял назад прошение об отставке, но чтение лекций до сих пор не возобновил. Ждет, вероятно, исхода своего дела в судебной палате. Пущены все пружины, чтобы повлиять на членов палаты и добиться оправдательного или, по крайней мере, смягчительного приговора — отмены заключения в тюрьму.

Результаты осуждения Пихна к 2-месячному тюремному заключению: выбор Антоновича, профессора Ново-Александрийского лесного института, на кафедру полицейского права, отказ Пихна от субсидии. Пихно номинально считался читающим лекции полицейского права. В прошедшем году он прочел шесть лекций. В этом году — ни одной. Приверженцы его увидели необходимость, для избежания скандала, прибегнуть к замещению кафедры иным. Положительные известия ходят, что Пихно отказался от субсидии не по воле; говорят, что о сем писал ему Бунге, моральный его творец, по образу и по подобию которого внутреннему он сложился. Дрентельн, генерал-губернатор, не особенно расположен был и есть покровительствовать Пихна с его «Киевлянином». Он давно заметил, что Пихно, выдавая «Киевлянина» за правительственный орган и получая субсидию, издавна был орудием в руках Ренненкампфа и К° и что он под правительственным флагом всегда и везде провозил военную контрабанду для лагеря киевских дельцов. Есть все основания думать, что Дрентельн, сознав это, не оказывал Пихну и К° покровительства положительного, а держал себя пассивно. Так утверждает Афанасьев, доцент, домашний врач Дрентельна. Афанасьев очень близок с Меркуловым, правителем канцелярии Дрен-

тельна, и ему доступны интимности внутренней жизни дворца генерал-губернатора. Говорят, что наши бонапартисты, с Ренненк[ампфом] и Пихном во главе, очень недовольны поведением Дрентельна и, имея такого покровителя, как Бунге, готовы интриговать против него. Я несколько раз был на вечерах Афанасьева, где встречал Меркулова.

Здоровье мое по-прежнему: явной перемены к лучшему не замечаю. Придется остаться умственной калекой. Если бы я был метафизиком, то спросил бы: за что такое бедствие, за что тяжкое наказание?

15 нояб[ря] 1882 [г.]

Третьего дня был у меня попечитель. Просил, чтобы я повлиял на студентов. Ожидали волнений студенческих. Так оно и сбылось. Вчера и сегодня были студенческие сходки. Попечитель преувеличивает мое значение у студентов. Я вполне бессилен что-нибудь сделать. Сегодня он был у меня на лекции; был также и у Антоновича. Что он этим хотел выразить, точно не знаю. В воскресенье призывал также и друга, который также был у него вчера и сегодня. Друга приглашал также и губернатор. Все они, очевидно, преувеличивают нашу силу и значение. Оно в сущности ничтожно. Взято оно из клевет наших врагов, которые приписывали и приписывают волнения нашему влиянию. Но мы не повинны в них и бессильны их остановить. Волнение студентов наших суть отражение волнений студентов в Петербургском и Казанском у-тах. Они несомненно навеяны извне. Завтра власти хотят употребить решительные меры, если сходка не разойдется. Голубцов получил телеграмму от Делянова, министра, принять энергичные меры. Он дал копию этой телеграммы Саськy. Завтра он вступает в диктаторскую власть в у-те, куда явится в 10 ч. Призыв губернатором Саська указывает на то, что власти очень бы не желали употреблять насильственные меры. Бедная заблуждающаяся молодежь. Опять начнутся жертвы и погибель молодых сил. Маслов, репетитор, выразил надежду, что может и не быть завтра сходки. Я же думаю, что она будет и не обойдется без жертв и погибели карьеры некоторых. Масса наэлектризована и едва ли остановится в своих табунных волнениях. Увидим.

25 нояб[ря] 1882 [г.]

17-го была введена в у-т полиция, но обошлось благополучно: благоразумная часть студентов просила вывести полицию с тем, что прекратятся сходки. Она и выведена. От 18-го до 21-го сходок не было. 21-го опять студенты зашумели было и объявили о сходке на завтра. Власти заявили, что пощады не будет, если сходка состоится. На другой день были попытки, но все обошлось благополучно. В университете разбрасывались прокламации сначала гектографические, а потом и печатные, последние помечены: «Киевская типография партии «Народная воля». Очевидно, что машинисты всех волнений внеуниверситетские: это радикальная партия, имеющая свое местопребывание отчасти за границею, отчасти внутри России, центр ее — Петербург. Университетская молодежь только удобная среда для волнений и произведения замешательств.

Музыка, впрочем, началась с местных мотивов. Обвиняли ректора Рахманинова в том, что он высказал в резкой форме мнение о том, что в у-т не должны поступать бедные люди, которые принуждены жить на счет благотворительности и постоянно нищенствовать. Выска-

зывались протесты против совместителей профессоров, занимающихся гешефтами. Речь была о диффаматоре и инсинуаторе Пихне. Выражалось сочувствие казанским и петербургским студентам. О некоторых из этих пунктов составлены были резолюции, которые, по постановлению сходки, должны были явиться в печати или в гектографии. Что музыкой заправляют иногородние капельмейстеры, доказательством тому служат мотивы, разыгранные на сходках. Сначала они были местные. Из местных мотив о ректоре был одним из сильных, а о Пихне — из слабых. Если бы эти мотивы разыгрывались по собственному побуждению местными людьми, то это было бы не так: ректор довольно безобидный человек, и против него не слышно было до сих пор среди студентов никакого раздражения, тогда как Пихно постоянно раздражал студентов своими неуместными инсинуаторскими выходками. Следовательно, ректор выбран был как власть имущий, волнение против которого имеет значение в бунтарской политике, тогда как Пихно в глазах их ничтожество. Что будет дальше — неизвестно. Есть, впрочем, признаки того, что благоразумные студенты возьмут верх.

18 ноября я отправился с Сашей в Городищенский завод. Возвратились только 21-го в понедельник. Поездка была вполне неудачная: туда едучи, вследствие заносов запоздали и, оттуда едучи, тоже и по тем же причинам. Вследствие отчаянного бездорожья мы не могли проехать в завод: прожили у брата Федора в местечку Городище, отстоящем от завода на 6 верст. Туда приезжали директора. Положение дел администрации крайне печальное. Недород свекловицы большой. Тысяч 9 берковец гниет по невозможности доставить. Мы не покроем запродаж тысяч на 30 пудов. Мои предчувствия оправдываются. Эти обстоятельства тиранят мою и без того больную душу. Боюсь больших бед и великих затруднений.

29 нояб[ря] 1882 г.

Положение администрации все мрачнее и мрачнее обрисовывается. Недород свекловицы повлечет за собою невозможность восполнить запродажи. Невозможность отпустить запроданное количество сахара повлечет за собою образование нового долга вследствие того, что администрация вперед за каждый пуд получила по 2 руб. Такой долг образуется тысяч в 70—80 руб., если еще не придется платить за разницу. Кроме того, вследствие малого количества сахара, администрация не в состоянии будет покрыть все издержки производства прошедшего и сделать необходимые затраты для производства будущего. Главная причина такого положения — недород — то, что администрация уже давно живет и движется ранними авансами. Сахар нынешнего производства был запродан в количестве 100 000 пуд. еще в декабре 1881 г. В настоящее время сахар будущего производства запродан в октябре и ноябре месяце в количестве тоже 100 000 пуд. Такие ранние запродажи вызываются необходимостию покрывать своевременно платежи, состоящие как в старых долгах, так и в наследованных долгах от издержек прежних производств.

В прошедшую ночь стала вторгаться в мою голову мысль о том, что администрация в ближайшем будущем окажется не в состоянии оправдывать платежи и вести далее дело и что, следовательно, она окажется несостоятельною. Начала посещать мою голову мысль о том, что мне придется фигурировать в суде в качестве представителя оказавшегося несостоятельным учреждения и что мое имя сделается предме-

том публичных суждений: его станут причислять к имени дельцов. Вот мои прошлогодние мечты о том, что дело пойдет благополучно и что имя мое будет почетно и среди людей практических, сводятся на какую действительность. Я думал честным трудом получить заработок и тем поддержать мое слабое экономическое положение. А неумолимый Рок самым грубым образом обрывает мои мечты, строит мне сатирические и насмешливые рожи и готов даже отнять у меня то, что составляет мое неотъемлемое достояние — безукоризненное имя. Я уже не говорю о бедственных последствиях экономических, если разыграется кризис, для меня и брата Федора, служащего врачом при заводах администрации. Как медленно возрастающее наводнение все выше и выше подымается и готово поглотить человека, стоящего уже в воде, так и подступающие события, более и более выясняясь, более и более порождающие затруднения и неотвратимые результаты, с каждым днем станут больше и больше подступать и стеснять, пока не потопят. Такова сила событий, не нами создаваемых, а нами наследуемых, или происходящих от неотвратимых сил природы.

Физическое здоровье мое как будто лучше. Но что станется с ним, если подступят грозные события?

30 нояб[ря] 1882 [г.]

Ездил в завод Лось, бухгалтер. Ничего нового утешительного не привез. Напротив того, теперь уже вполне ясно, что администрация не дополучит 30 тыс. п[удов] сахара, который она запродала. Не подлежит ни малейшему сомнению, что администрация не в состоянии будет вести далыше дела. С одной стороны, ей придется расплачиваться за текущее производство. С другой — делать затраты на будущее производство. А средства самые скудные. Запродажа будущего производства 83—84 сделана уже в 100 тыс. пуд[ов] и уже тыс[яч] 35 руб. из задаточных истрачено. Проект, чтобы приступить к ликвидации. Одно спасение: продать все предприятия целиком. Но как продать Городищенский завод, когда без согласия наследников Воронцова нельзя? А они ни за что не разрешат. Ликвидировать враздробь — это значит окончательно разорить дело и получить одни гроши. Дело это каждую минуту идет. Оставить его для ликвидации — это значит произвести такое замешательство, такое разорение, о которых и подумать страшно. О ликвидации целиком я уже пустил в ход мысль. За нее ухватился А. Б. Бродский из Смелы. Он надеялся, что покупщиком явится первый туз Израиль Бродский. Но я не надеюсь на осуществление этой покупки. Схватился за эту мысль и Качала, который мечтает об образовании кампании. Шутка сказать, образовать кампанию и продажу: на это нужно время. А время не ждет. Головы не приберешь. Никогда и в жизни моей не был в таком положении, в каком очутился. Необходимы мужество, терпение и стойкость. Нужно событиям прямо смотреть в глаза и не пугаться. Чему быть— тому не миновать. Пусть что будет, то будет, и я должен мужественно принять удары судьбы. Умел быть довольным событиями, умел беспутно надеяться и мечтать, умей же встретить беспутную действительность, которую уготовал Рок. Меня пугает, что скажут люди, меня страшит то, что враги мои воспользуются этими обстоятельствами, чтобы меня свесть и унизить окончательно,— и на это я должен быть готов. Гонялся за славой и любил честь, умей же переносить бесславие и подвергнуться позору.

13 дек[абря] 1882 г.

Никогда здоровье мое не было так дурно, как последние три дня: нервная система окончательно потрясена, каждую минуту жду наступления белой горячки. По целым ночам не сплю. Потерял власть над собою. Помимо моей воли мрачные мысли, в особенности по ночам, мною овладевают, мучат, тиранят меня. И если бы это были одни галлюцинации: нет, впечатлительная натура моя чует раньше моего ума рассудительного беду реальную. Замечательно: предчувствие бед совершилось со мною в ночь на 25 сентября, когда начался со мною первый нервный припадок и когда я не путем правильного размышления, а путем какого-то кошмара, путем прохождения чрез мою голову тяжких представлений, овладевавших мною вопреки моему рассудку, пришел к убеждению, что мне не миновать великой беды. С тех пор действительность своею позитивностию стала помалу подтверждать мои предчувствия, стала обрывать одна за другою еще таившиеся надежды. Действительность эта грозная. Положение дел ужасно вследствие огромного дефицита сахару. Окружающие меня, сочлены по администрации, до последнего времени смотрели на дело иначе, утверждали, что администрация просуществует благополучно. Бухгалтер Лось до сих пор не теряет надежды. Но я замечаю, что самый деловой из членов, Качала, который бился со мною месяц тому назад об заклад, что мы будем иметь больше сахару, чем в прошлом году, разубедился — и таит иные мысли. Я должен приготовиться ко всему. Но как я, полулубольной, полуразбитый, в состоянии буду перенесть все то, что мне угрожает: бедствие моральное и материальное. Меня ждет бесславие: меня люди опозорят потому, что меня прижали к стене непреодолимые силы природы, такие, как недород свекловицы и дефицит сахару. Ума не приберу, характера не нахожу, мужество и рассудительность уходят вместе с здоровьем.

24 декаб[ря] 1882 [г.]

Предчувствия мои в значительной степени плод расстроенного воображения: положение администрации не так ужасно, как мне оно представлялось. Здоровье мое по-прежнему плохо. Сегодня еду в Петербург для совета с докторами: так определил консилиум докторов. Выйдет ли что-нибудь из сего — не знаю.

1883

ную минуту? Это вопросъ требующій обстоятельнаго обсужденія.

20 февраля 1883 г.

Вчера собралась тѣсная компанія: Антоновъ, Смирненко, Мищенко, Лысенко, Тригубовъ, Науменко, Панченко и Богаевскій.

Мищенко, Тригубовъ и Богаевскій сообщили о приходѣ и расходѣ суммъ типографскихъ и на подтвержденіе представили [illegible] [illegible] накопились изъ взносовъ и выручки за книги. Самая солидная сумма — это наличный фондъ типографіи, вырученный изъ продажи сочиненій поэта. Еще въ Мартѣ Смирненко выбилъ новое изданіе Кобзаря, въ 6000 экз., которое доставитъ около 8000 р. чистыми, и

19 февр[аля] 1883 г.

Берусь опять за дневник. Плохо не соблюдать регулярности. Теряется нить событий. Я провел по дороге туда и обратно и в Петербурге и Москве с 24 дек[абря] 1882 г. по 7 генваря 1883 г. В Петербурге я советовался с Боткиным, Успенским и братьями Афанасьевыми. Успенский советовал мне: гимнастику и электризование; он электризовал меня два раза. Афанасьевы настаивали на водолечении: они держат водолечебницу. Боткин предписал мне молочное лечение, которым я и пользуюсь. Результаты значительные. Бессонница прошла, желудок действует правильно, аппетит улучшился. Бодрость физическая прибывает, состояние духа и психическая деятельность возвысилась. Я дошел до 12 стаканов в день.

В Петербурге я виделся с Володимировым, Фойницким, Иващенком, Модестовым и Коломниным. Володимиров и Иващенко предлагали поселиться у них, если бы я остался на две-три недели в Петербурге. Состояние мое в Петербурге было плачевное. Я избегал посещений. Меня сопровождал брат Василий: без него я, пожалуй, не совершил бы поездки. На возвратном пути мы останавливались в Москве: советовался с Кожевниковым, профессором нервных и душевных болезней; сей муж показался мне слабым. После окончания консультации я оставил ему на столе 10 руб. Спустя 5—6 дней после возвращения в Киев я получил от него письмо, в котором он пишет, что деньги, мною оставленные, он не считает ему принадлежащими, что напрасно я их оставлял и что он готов мне быть полезным без рассчета на вознаграждение. Боткину я ничего не дал: сказали, от меня не возьмет. Успенскому за три визита дал 15 руб., Афанасьевым за два посещения — 10 руб. Я истратил на поездку, считая и поездку брата Василия, который меня сопровождал, 450 руб. Симиренко дал мне на лечение 2000 руб. Боткин был любезен: употребил на исследование и консультацию минут 50. Провожал. Просил писать. Что я и исполнил, послав ему письмо через Трегубенка, который повез в Петербург больную жену свою с целию просить совета у Боткина.

В Москве виделся с Н. В. Бугаевым, профессором математики Моск[овского] у-та, братом В. В. Кистяковской.

Система лечения Боткина дает хорошие результаты; дай Бог, чтобы и впредь она действовала. Я чувствую себя значительно лучше во всех отношениях. Пред праздником я почти лишился было способности работать. Когда 15 дек[абря] собралась комиссия по делам админ[истрации], я так дурно себя чувствовал, что не мог председательствовать. Симиренко советовал мне тотчас отказаться от должности председателя администрации и приняться серьезно за лечение. Зная мои скудные средства и чтобы подвинуть меня к энергическим действиям, он привез мне 2000 руб. на лечение. На другой день я и он, мы оба, объявили, что я оставляю должность председателя. Так дело и стояло. Я уехал в Петербург, поручив мою должность Качале. Возвратившись из Петербурга, я до конца генваря не занимался делами администрации. Ныне я действую по-прежнему. Дела не так дурны, как они казались моему больному уму.

Нужно заметить, что, когда я возвратился из Петербурга, члены админ[истрации] заявили о их желании, чтобы я оставался на председательском посту.

Были выборы нового ректора: выбран Ренненкампф. Какая перемена обстоятельства. 1-е марта 1881 г. и царящая реакция довели

до того, что во главе у-та будет стоять Ренн [енкампф], делец, смотрящий на свою университетскую службу как на синекуру. В прежнее время Реннен [кампф] никогда не получал больше 9 белых, а ныне он получил 24 из 45 голосов. Некоторые предсказывают, что министерство его не утвердит. Я думаю противоположное.

На днях у нас было небольшое собрание народолюбцев: совещались об устройстве могилы батька Тараса, которая в полном запущении. Был и качановский пан В. В. Тарновский, который объявил чрез газеты, что он берет на себя расходы по приведению в желанный вид дорогой могилы. Нашему пану залезла в голову мысль о необходимости перенести прах знаменитого поэта из Канева в Киев. Мысль его не встретила сочувствия и поддержки. Старый Чалый назвал перенесение святотатством. Постановили: поручить пану Тарновскому совместно с Якубенком и Комаровым осуществить проект устройства могилы: насыпан будет курган в три сажени вышины, и на курган поставлен будет чугунный крест такой же высоты. Некоторые, как, например, Ф. Г. Мищенко, поддерживали мысль качановского пана; я заметил, что это можно делать только из публицистических соображений, из желания, чтобы пан сунулся к власть имеющим, высокопоставленным, и тем бы было заявлено, что малороссийская идея не чужда таким крупным землевладельцам, какой Тарновский. Ведь украинофилы считаются подозрительными людьми, а украинофильская идея в правительственных сферах подвергается гонениям. Сегодня у нас соберется тесный кружок с целию познакомить В. Ф. Симиренка с положением нашей кассы и типографскою деятельностию: Симиренко — значительный вкладчик.

Реакция под руководством Толстого и Победоносцева растет. «Русский курьер», «Страна», «Голос» запрещены на несколько месяцев. Та же участь ожидает «Отечественные записки» и «Московский телеграф» [1]. Двор оставил Гатчину и переселился в Петербург: при дворе балы следуют за балами. Дай Бог, чтобы веселие не сменилось трауром. Веселый человек добрее мрачно настроенного. Есть, впрочем, и такое мнение, что счастливый человек забывает всех, кроме себя, и позволяет себе много, что не дозволено. Коронация официально назначена на май: идут приготовления.

Радикализм не обнаруживает жизни, не подает голоса. Попытка взволновать университетскую молодежь не удалась. Силы радикализма значительно подорваны: самые буйные головы или лежат в могиле, или калеют в сибирских снегах, или бездействуют за границею, будучи бессильные что-нибудь сделать. А Россия, мне думается, понемножечку растет помимо и радикализма и помимо гнусной реакции: эти силы одна другой стоят, а какая хуже, трудно сказать. А может быть, сила движущая лучше силы задерживающей, в особенности в известную минуту? Это вопрос, требующий специального исследования.

20 февраля 1883 г.

Вчера собралась тесная компания: Антонович, Симиренко, Мищенко, Лысенко, Трегубов, Науменко, Панченко и Багалей. Мищенко, Трегубов и Багалей сообщили о приходе и расходе сумм типографских и на поддержку бедствующей братии. Суммы слагаются из взносов и выручки за книги. Самая солидная сумма — это шевченковский фонд типографский, выручаемый от продажи сочинения поэта. В марте месяце выйдет новое издание «Кобзаря» в 6 000 экз., которое доставит около

6 000 руб. чистогана, и притом в наличном виде. Остальные суммы: другая типографская и для поддержки гонимых — незначительные. Поддерживается три семейства, на что в год расходуется около 2000 руб. Интересные сведения сообщил Багалей о студенческих кружках, или кошах. Таких три, численностию все вместе в 75. У них есть свои кассы. Есть и общая библиотека. Эти кружки работают над изданием «Христоматии». Первый выпуск вышел и принесен Багалеем. Он носит заглавие: «Читанка. Перша книжка писля граматки. З 60 малюнками Т. Хуторного». Сведения, сообщенные Багалеем, произвели благоприятное впечатление на всех, и в особенности на Симиренка. Он подошел ко мне и к Антоновичу и сказал, что готов давать на поддержку молодежи от 200 до 250 руб. в месяц. Тут же и включается поддержка деятельности молодежи по изданию книжек. Молодежь состоит из студентов и курсисток.

Багалей выбран доцентом по кафедре русской истории в Харьковском университете; это можно считать важным событием. Багалей может вдохнуть дух жизни в деятельность харьковских народолюбцев, довольно сонных, малодеятельных и не имеющих центра. Я выразился: «Киевская метрополия посылает Багалея епископом в Харьков для организации таможней церкви».

Я обратился к Лучицкому, Якубенко и Качале; они изъявили готовность делать ежегодные взносы в типографский фонд, первые по 60 руб., последний по 100 руб. Я внушаю своим, чтобы деньгами дорожить и составлять такой типографский фонд, который бы в благоприятную минуту мог послужить первым капиталом для издания газеты. В настоящее время издавать газету не разрешают. Толстой задался задачею и существующие разорить. Но не вечно так будет. А на случай лучшего будущего всегда нужно быть готовым.

Сегодня посетил меня Ф. Г. Лебединцев, редактор «Киевской старины» [2].

21 февраля 1883 г.

Получил письмо от Лебединцева: просит, чтобы я как председатель Городищенской админ[истрации], имеющий, по его предположению, связи с сахарозаводчиками, склонил бы кого-нибудь из них оказать поддержку издаваемому им журналу. Подписка стоит на седьмой сотне, а для существования журнала, для сведения концов с концами необходимо иметь 12 сотен подписчиков. Я ответил, что я администрирую из кабинета и не имею прямых сношений с сахарозаводчиками. Исключение составляют мои отношения к Симиренку. Дал заметить, что едва ли в состоянии что сделать по отысканию ему субсидии. Дал обещание содействовать подписке. Я уже доставил ему двух подписчиков. Надеюсь еще доставить десяток. С тех пор, как я убедился, что этот журнал стал честно служить местным интересам, я стал, независимо сношений с Лебединцевым, стараться об увеличении числа подписчиков. Вследствие сего стал с знакомыми вести речь о сем журнале, распространяя сведения о нем, и склонял равнодушных к подписке. Симиренку я не посоветую давать субсидию: он дорог для других дел. Он достаточно жертвует. Дал 100 руб. на поддержку народных чтений; обещает поддерживать хор Лысенка; жена его дала 100 руб. на женские курсы в Киеве; 50 руб.— на дневные приюты, говорила о намерении своем послать в Петербург на женские медицинские курсы. Наконец, он довольно щедро дает на издания, цензурные, конечно, и на поддержку бедствующих.

Сегодня вечер в Купеческом собрании в пользу дневных приютов: музыкально-танцевальный вечер предпринимает общество дневных приютов, а главными деятелями являются подольские дамы из купеческих семейств. Ближайшая цель этого вечера — получить хотя [бы] часть средств на открытие второго приюта, в Киеве на Подоле. Сегодня я подписал ассигновку о выдаче из кассы администрации 150 руб. в пользу дневных приютов.

22 февраля 1883 г.

Вчера возвратился с вечера в час. Вечер удался. Выручка в очистку руб[лей] 800. Этот вечер вызвал пожертвования двух Терещенков: Николы и Федора; первый пожерт[вовал] 300 руб., второй — 200. Дневные приюты приобретают симпатии купечества, или если не симпатии, то некоторое расположение.

Малороссийская идея растет, хотя и крайне медленно. Радикальное направление, данное Драгомановым и жившее его влиянием, сменилось умеренным. Думается, что этою силою оно может больше преуспеть. Следует больше обратить внимания на пропаганду этой идеи, на приобретение ее прозелитов, на естественное органическое образование или самозарождение кружков, на водворение духа единения, на развитие среди украинофилов юдаизма, т. е. глубочайшего проникновения сознанием национальности и развития цепкости друг за друга. Семя брошено давно. Оно пустило глубокие корни и дало некоторые ростки. Небольшой кружок в несколько человек, в сороковых годах группировавшийся в Киеве, и уже рассеянная масса интеллигенции в настоящее время — большая разница, но разница относительная. Далеко еще до выроста в абсолютную силу. Но этот вырост совершится. Десять — двадцать лет себя покажут. Раньше ждать невозможно. Украинофильская идея есть идея по преимуществу демократическая, общенародная. В ней, как в семени, содержатся зародыши всех усовершенствований новейшей общественности. Она поставит самые важные задачи для разрешения и будет энергически стремиться к ее разрешению. Дайте только ей окрепнуть. Тогда с нею станут считаться те силы, которые теперь ею пренебрегают. Недаром недолюдки, обскуранты и мрачные дельцы отнеслись и относятся к представителям этой идеи с глубочайшею ненавистию. Пока идея являлась идеальничаньем, к ней относились снисходительно-добродушно. Так было в Киеве с этою идеею до конца 60-х годов. С начала 70-х отношения изменяются. Учреждение в Киеве отдела Географического общества, преобладание в нем украинофилов, его живая деятельность дали понять, что представители этой идеи не суть пустые идеологи, а люди дела, и что им в будущем принадлежит первенствующая роль влиятельной деятельности на юге России. Люди своекорыстные, люди, которым дорого их личное влияние, это поняли и приняли меры к тому, чтобы задушить украинофильство в Киеве. Интриган Ренненкампф, работавший за собственную власть в киевской муниципии, был и остается главным дельцом этой махинации. Об руку с ним шли Шульгин и Бунге — эта лиса, как всегда и везде, старалась себя маскировать и прикидывалась иногда лисичкой-сестричкой. Они-то подвинули Юзефовича, этого глупого волка, на доносы, которые имели своим результатом закрытие отдела Географического общества, издание тайного повеления, коим почти абсолютно запрещены были малороссийская печать, театр, музыка. Эти

интриги произвели переполох, застой, но не смерть: последняя немыслима; чтобы задушить украинофильскую идею, нужно задушить малороссийский народ. А разве это возможно?

24 фев[раля] 1883 г.

Проснулся в 4 ч. ночи; не спится, взялся за перо. Громадная разница в энергии, когда хирел, до поездки в Петербург, и теперь. Мне трудно было оторваться от постели по утрам, я валялся в постели до 9 и до 10 ч. утра. Ныне я чувствую себя в состоянии подняться ночью и взяться за перо. Это как бы указатель термометра. Вставши, я отправился в кабинет, чтобы взять письменные принадлежности. Там, на столе, бросилось мне в глаза письмо Беренштама к Антоновичу. Беренштам пишет: «Так как А. Ф. Кистяковский болен и известие, которое я ниже сообщу, может его взволновать и расстроить, то я и обращусь к твоему (пишет к Антоновичу) посредничеству. Сегодня я узнал, что Квачевский из Киева обратился к председателю комиссии по составлению уголовного уложения, т. е. к товарищу министру юстиции с письмом, в котором заявляет просьбу, чтобы комиссия непосредственно или же чрез председателя судебной палаты обратилась бы к киевским присяжным поверенным с поручением рассмотреть проект уложения и высказать о нем свое мнение. Квачевский говорит приблизительно, что, вероятно, комиссия до сих пор потому этого не сделала, что рассчитывает на Киевское юридическое общество. Такой рассчет однако же неверен. Это общество существует, можно сказать, на бумаге, не собирается и ничем не проявляет своей деятельности. Уже два года тому назад оно расстроилось и все сколько-нибудь выдающиеся юристы в нем не участвуют. Я имею,— продолжает Беренштам,— полную возможность устроить так, что председателю комиссии будут доставлены все документы, опровергающие эту инсинуацию, но для этого необходимы мне эти документы. Желательно было бы, чтобы скорей мне были доставлены список членов общества с указанием их общественного положения и, если не протоколы, то хоть перечень заседаний и докладов, бывших в обществе в последние два года».

Беренштам понял, что это интрига, и притом специально против меня направленная. Квачевский, прежде предо мною пресмыкавшийся и выражавший чувства глубочайшей расположенности и приязнь, шедший и бегавший за мной как собака за хозяином, льстивший мне при каждом свидании, сделался моим смертельным врагом, с тех пор как я, заметивший, что он адвокат-хищник, адвокат-софист, лжец и лицемер первой руки, стал ему поперек дороги в его хищнических похотях, стал я ему поперек горла в известном деле Литова. С тех пор из лицемерного и корыстного друга — благодаря моим к нему отношениям, он получил от 20-25 тыс. руб. вознаграждения за ходатайство по делу Грековых с Милорадовичами,— он превратился в моего смертельного врага, из человека, показывавшего мне приязнь, сделался моим мстителем, интриганом, инсинуатором и сикофантом. В то время, когда мое письмо под заглавием «Древнегреческое сикофанство, перенесенное на почву города Киева» послужило casus belli против меня Пихна, Ренненкампфа и К°, когда этими интригантами пущены были все пружины против меня,— Квачевский пристал к их хору. Товарищи мои вроде Незабитовского, Демченка, Ренненкампфа и К° твердили, что я революционер, Квачевский распускал в обществе слухи, что я заклятый тайный социалист. Чтобы дать мне почувствовать яд своей злобы и причинить боль,

он вышел из Юридического общества вместе с компаниею дельцов и личными моими давними врагами: имя его стояло под именем пресловутого военного удава Стрельникова, убитого потом в Одессе вместо пса каким-то радикалом, который в своем заблуждении мнил из себя либерала, клявшего Стрельникова и других деятелей ему подобных. Но достаточно было одного дуновения ветерка, нарушившего личные интересы этого софиста XIX стол[етия], этого прелюбодея мысли, чтобы весь его либерализм пошел прахом. Впрочем, ренненкампфовская шайка не приняла в свою среду этого празднослова и хищника, работающего во имя будто бы закона: он еще раньше толкался в их среду, но безуспешно. Было время, когда он потерял было совершенно кредит среди киевских адвокатов. Ныне опять его кредит поднялся, или он хочет его поднять. Присяжные приглашены тоже принять участие в собрании материалов по составлению гражданского уголовного уложения. Квачевский считается в числе писателей-юристов: более учен, чем другие. Ученость его жидка. Книги, им изданные, невысокой пробы. Он толкается в Петербурге не без рассчетов на свое личное благосостояние. Он хочет завесть связи с товарищем министра юстиции и по пути охаять, обнести врага: двух целей достигает, удовлетворяет двум мизернейшим похотям своей душонки. В Министерстве юстиции он давно завязал связи: он стоит в давних сношениях с сенатором Книримом и сенатором Бером. Последний — его университетский товарищ. Первый — его благоприятель, еще от тех времен, когда он был редактором «Журнала граж[данского] и уголовного права» и киевский сикофант — сотрудником. Благодаря этим связям он достигает кассации по тем делам, которые он ведет, или отказа в ней, смотря что для него необходимо. Когда в 1879 и 1880 г. я был в Харькове, харьковские адвокаты удивлялись, почему из Сената истекает для него такая благодать, которой не удостаиваются другие. Теперь бегает, юлит и забегает в Петербурге в надежде под личиною общественных интересов достигнуть своих личных целей при посредстве разных влиятельных сенаторов. Да, это кулак и хищник между адвокатами, истинный брехунец и підбрехач на большую иногда руку.

28 февр[аля] 1883 г.

Ряд вечеров и собраний: 24[-го] — собирались у Антоновича, 25[-го] — дети играли в нашем доме «Черноморский побит»[3], 26-го — был вечер в память Шевченка. Расходились очень поздно: 25[-го] — разошлись в 1/2 5 ч. После спектакля дети плясали. Все, и старые, и малые, остались довольны. У Антоновича собиралась громада: беседовали о громадских делах. Решали мудренный вопрос: может ли громадянин помимо громады действовать на свой страх и на свою ответственность. Говорили многие, длинно и водянисто: не щадили красноречия, вспоминали историю громады, высказывали личные недоразумения один к другому. Иные договаривались до чертиков, утверждали, что громада есть тайное общество. Хотят корчить важных политиков и серьезных заговорщиков. Мне противно это празднословие и тошно. Я проспал часа два под шум красноречивой болтовни политических кривляний.

26[-е] шевченковские роковины прошли сравнительно хорошо, едва ли не лучше других лет. Хозяином вечера был Ф. Т. Панченко, от имени которого разосланы были приглашения. Собралось человек 150-200: был и В. Ф. Симиренко с женой. Бюст поэта увешан и увенчан

был венками. Читали: Кониский, Науменко, Старицкий и Кулябка. Вспоминали жизнь поэта, определяли его значение. Пел хор, которым управлял Лысенко. Некоторые дамы были в национальных костюмах. Язык господствовал смешанный. Вечер должен был пройти по программе: текст чтений предварительно был прочитан и одобрен в комиссии. Но Кулябка нарушил программу и общий уговор: он позволил себе произнесть обличительную речь с явными намеками на события и притеснения. Вызвал всеобщее неодобрение за свою пошлость. На другой день сообщили мне, что на стенах были развешаны, кем — неизвестно, прокламации на малороссийском языке. Их тотчас же сорвали. Это проделки радикалов, которые желают шутить и которым мирного развития недостаточно. Им желательно везде вносить смуту и недовольство. Это событие напоминает мне другую попытку тех же господ. В 1881 г. нам с великим усилием удалось склонить власти киевские к разрешению торжественной панихиды по Шевченку. Этому разрешению много содействовал Половцев, живший тогда в Киеве в качестве ревизующего сенатора. Я лично ручался ему, что все пройдет в величайшем порядке. Панихида назначена была в Софийском на 2 марта. Цареубийство 1-го [марта] помешало панихиде. Впоследствии оказалось, что радикалы намерены были воспользоваться этим праздником, чтобы разбросать прокламации и, если можно — произвесть волнение.

5 марта 1883 [г.]

Кулябка в своем разглагольствовании упомянул о ссылке в административном порядке Игнатьевой в Вятку, о цензурных притеснениях, о побоище, совершенном в тюрьме над политическими обвиняемыми. Игнатьева — это жертва вечерняя императорского деспотизма. Она происходит из духовного звания. Училась в духовном училище. По окончании курса она получила место сельской учительницы. Живя среди крестьян, она стала сближаться с крестьянками-девицами. Вместо того, чтобы идти на посиделки, девушки некоторые стали приходить по вечерам к учительнице Игнатьевой, которая начала их обучать, читать им разные книги. О намеренной пропаганде каких-нибудь идей она не имела понятия. Но простого сближения с крестьянками было достаточно, чтобы правительство сослало ее в Сибирь административным порядком. После двух-трех лет ссылки и страданий она получила свободу, поселилась в Киеве и нашла себе работу на железной дороге и в редакции «Зари». В настоящее время правительство, сосредоточив все свое внимание на приготовлении к коронации, стремится очистить большие города от лиц, которым оно не доверяет. Этим объясняется и ссылка Игнатьевой. Само правительство дает радикальное образование. Кто на месте Игнатьевой не превратится в заклятого врага абсолютного режима, императорско-чиновничьего произвола.

Цензор не пропустил нескольких статей, приготовленых для «Зари» на 26 февр [аля] о Шевченке. Цензор — Рафальский, сменивший Лайминга, из волынских поповичей, или поповских внуков. Регенат из своих — горше врага из чужих. Грязная душонка. Протеже старейшего сикофанта г. Киева Юзефовича. Прихвостень Ренненкампфа, Пихна и К°. Он состоит инспектором классов в институте. Там врачом Артур Шеффер, мишурист, бездельник, казнокрад, набивающий карманы за счет больных,— он же главный врач в Кириловском. Вот этот грязный, низкий, преступный субъект,— агент своего брата А. Шеффера по части ненависти ко всему русскому, а тем паче малорусскому — имеет реши-

тельное влияние на своего товарища по службе Рафальского в делах его отношений к украинофильской идее.

Одним злым реакционером и общественным плутом меньше: *Маков,* бывший министр внутр[енних] дел, пустил себе пулю в лоб. Причина: открытые злоупотребления, совершенные в его управление Министерством внутренних дел. Тамбовское земство в 1880 г. пожертвовало 30 000 руб. в Общество Красного Креста: пожертвование шло чрез Министерство внутренних дел. С тех пор в земстве не было ни слуху, ни духу об этом пожертвовании; министерство не давало ни ответа, ни привета. Только теперь земство спохватилось спросить: что сталось с 30 тыс. руб. В результате открылось, что деньги не переданы и растрачены. Кем? Маковым ли, или Перфильевым, бывшим правителем его канцелярии. Перфильев, в последнее время занимавший пост директора Департамента почт, уволен: писали, что он тоже покушался на свою жизнь. Пишут, что Маков в письме к Коковцеву объясняет свое самоубийство опасением, чтобы его не запутали в эту растрату, будто бы произведенную только его подчиненными. Это тот самый Маков, который получив от правительства имение в Западном крае, из конфискованных, заключил чрез свою жену договор с железной дорогой на поставку по высоким ценам дров — и это во время управления им министерством. Это тот самый Маков, который в знаменитом заседании министров 1881 г., в марте или апреле, в котором решался вопрос: быть или не быть конституции, заявил себя лицемерным приверженцем дряхлеющего самодержавия. Но оно его не спасло. Когда пред его самоубийством он назначен был председателем комиссии по еврейским делам, в обществе в один голос стали говорить, что Маков охулки на руку не положит.

Только что был у Гороновича. Он рассказал мне следующее: недавно посетил его Жебунев. Жебунев был арестован Стрельниковым и долго содержался в Киевском остроге по политическим подозрениям. Недавно он освобожден: не нашли ни единые же вины. Он рассказывает некоторые пункты допросов и обвинений, которые взводил на него Стрельников. Он его обвинял: в том, что он был сотрудником «Зари», что он участвовал в статистическом описании Борзенского и Нежинского уезда по поручению земств, что он принадлежит к крамольническому Юридическому обществу. Жебунев считает Стрельникова полупомешанным. Да, это своего рода помешательство, такое же, каким страдал Тарквиний, Карл V, Филипп 2-ой и подобные изуверы. Да, это страсть к инквизиции, преследованию, подозрению, ябед, доносу, сикофанству, страсть, перешедшая в полупомешательство — это есть полупомешательство Стрельникова, созданное Ренненкампфом, Пихном, Демченком, Шеффером и К°. Эти господа и их клевреты раздували, доносили, сикофанствовали, инсинуировали — и создали себе орган в виде Стрельникова. Стрельников — это собирательная душа, в которой воплотились частички душ упомянутых личностей, их клевретов, которые занимаются сикофантиею, обскурантизмом и другими общественными подлостями. Стрельников сам не мог создать крамольнического Юридического общества: это создание университетских сикофантов, которых он был только орудием. Опять приходит мне на мысль слух, который ходил о том, что Стрельников собирался меня арестовать. Да он это бы и сделал, если бы власть его относительно ареста должностных лиц не была ограничена свыше.

9 марта 1883 [г.]

Покойный Стрельников арестовал И. М. Саранчова, сына генерал-интенданта Киевского военного округа. Саранчов кончил наш юридический факультет. Он был вхож в наш дом и был хорошо знаком нам. В особенности он сблизился с нами по поводу вечеров, которые были даваемые в пользу студентов в конце 1880 г. и в начале 1881 г. и которых он был фактическим распорядителем. Первый из этих вечеров был разрешен Чертковым, тогдашним генерал-губ[ернатором] под личною ответственностию моею и некоторых моих товарищей: тогда я был лично у Черткова, чтобы дать мое ручательство. Второй вечер был разрешен Сабуровым, тогдашним министром народного просвещения: он был в здании у-та. Первый вечер дал 4000 руб., второй — более 10 000 руб. Эти вечера вызвали страшную ненависть против меня и некоторых моих товарищей, ненависть Шеффера, Ренненкампфа, и Пихна, и К°. Мои товарищи по факультету — Ренненкампф, Демченко, Сидоренко и другие всегда выражали глубокое нерасположение к Саранчову: они лишили его степени кандидата. Тогда я не знал причины ненависти этих сикофантов к молодому человеку. Спустя долгое время после этого Саранчов был арестован: открылось, что он принадлежал к революционной партии, был одним из деятельных членов киевского кружка; чрез его руки шли суммы; из сумм, вырученных за вечера, часть пошла на помощь радикалам. Всю эту подноготную раскрыл Стрельников. Теперь только я уразумел источник ненависти моих товарищей к Саранчову и понял смысл тех фраз, которыми они сопровождали имя этого молодого человека. Находясь в сношениях с инквизитором Стрельниковым, с шпионами и жандармерией, они имели о Саранчове сведения из этих источников. Очень может статься, что, получая чрез своих агентов тайные сведения, они сообщали их в качестве добровольцев тайной полиции Стрельникову и жандармам: дружба и обмен услуг между профессорами у-та и агентами тайной полиции. Я же относился к Саранчову без задней мысли, без сыска его поведения, просто как к молодому человеку, вполне порядочному. Саранчов до сих пор сидит в крепости. Отец его перешел на службу на Кавказ, на ту же самую должность. На сестре молодого Саранчова женат Иван Терещенко, старший сын киевского богача. Когда Саранчова арестовали, то стоустая и неблагонамеренная молва хотела замешать и невинных молодых Терещенков.

10 марта 1883 г.

Идут городские выборы. Первый и второй разряд гласных уже избраны. Наша небольшая партия потерпела поражение. Жиды тоже: ни один не избран. Скрежещут зубами. Они доедут Эйсмана. Эта национальность умеет постоять и мстить за себя. Они создадут такую атмосферу, в которой задохнется Эйсман. Это не то, что хилая, несчастная малороссийская национальность. На выборах я тоже потерпел поражение. На выборах второго разряда обратил мое на себя внимание Нежинский. Из всего его поведения видно, что это persona grata у киевских дельцов. Этот молодой человек два с половиной года, как кончил у-т по юридическому факультету. Способный и ловкий, он сумел еще на студенческой скамье приобресть расположение профессорства. Его покровительствовал Бунге; я тоже относился к нему благорасположительно и дружественно. Он оставлен был стипендиатом по кафедре

полицейского права. Недели полторы тому назад я посетил Демченка, декана нашего факультета. Он рассказал мне про этого Нежинского следующее: втерся он в семью Гудим-Левковичей. Семья эта в то время состояла из дряхлого, безвольного старика-отца, из полоумной матери, субъекта в высокой степени эксцентрического, и молодой дочери, образование которой было заброшено. Две старшие дочери вышли давно замуж за очень небогатых людей. Старик-отец запустил свое дело и его имущество расхищено мелкими адвокатами. Мать, эксплуатировавшая своего мужа, успела перевесть на свое имя имение стоимостию в 600 000 руб. Нежинский понюхал — и убедился, что этот лакомый кусочек может ему достаться. Он женился на дочери Гудим-Левкович. В то время, как мать пылает ненавистию, совершенно беспричинною, к двум старшим своим дочерям, Нежинский умел втереться в доверие полоумной, убедил ее продать имение за 600 000 руб.— и уже сделался обладателем большой части капиталов. Это пусть бы себе: это его частное дело. Но суть в том, что он не только не способствовал углажению отношений матери к двум своим старшим дочерям, а раздувал ненависть ее к ним. Он распускает везде слухи, что мать не может слышать имени своих дочерей. Одна из них, Пащенкова, в конце декабря прошедшего года лишилась мужа и осталась вдовой с малыми непристроенными детьми. Пащенково семейство состоит в родстве и дружбе с Демченками. Откуда и точные сведения. Оттуда же и нерасположение Демченка к Нежинскому. Не будь этой подлости Нежинского, не оттолкнул бы Демченка, и он был бы продолжал его покровительствовать. Впрочем, и теперь нельзя ручаться, чтобы этот осел в образе декана не сделал то, что ему прикажет Ренненкампф совместно с Пихном. А Нежинский, очевидно, взыскал их милости. Вот какой приготовляется кандидат в профессоры; это будущий наставник юношества. Подлец в душе может родить подлецов. Бунговская закваска дает такого рода тесто и такого рода печения.

11 марта 1883 г.

Вчера посетил меня в первый раз Иван Терещенко, женатый на Саранчовой, сестре Ивана Михайловича.

15 марта 1883 г.

Нежинский выбран в гласные. Малый прыткий. Уже успел заискать расположение дельцов. Подлец в душе. В будущем должен обобрать свою жену. Такие подлецы этим кончают.

В городе ходят достоверные слухи о скандале, случившимся с Дондуковым-Корсаковым, бывшим киевским генерал-губернатором, а ныне кавказским. В последнее время он проживал в Петербурге. Старый волокита и развратник стал волочиться за Голенищевой-Кутузовой-Толстой, женой своего мужа и любовницей кн. Белосельского-Белозерского. С дворцового бала, еще не конченого, он уехал с этой госпожой в гостиницу Бореля. Г-жа Грессер, прежняя его любовница, жена нынешнего петербургского градоначальника, навела Белосельского на след. Белосельский отправился в гостиницу и застал там свою любовницу, исколотил Дондукова, оборвав ему эксельбанты. Скандал. Это люди правящего класса. Грессер обязан своею карьерою Дондукову, который возвел его из полицмейстеров в губернаторы в благодарность за ласки его жены. Петербургская аристократическая сволочь убедила

этих двух развратников — побитого и который поколотил, чтобы они примирились. Видите, чтобы не ронять знатности. Но она давно валяется в грязи. Дондуков в бытность свою генерал-губернатором политических пакостей не делал. Но по крестьянским делам держал себя мерзавцем. Сведения о сем скандале сообщил мне независимо от общих слухов И. Я. Рудченко, недавно возвратившийся из Петербурга.

О маковском деле говорят много. Бают, что расхищена огромная сумма. В канцелярии министра сосредоточивался 30 000 000 продовольственный капитал. Около него-то порались чиновные хищники, начиная с Макова. Что-то перестали писать в газетах о сих хищениях: вероятно, тайным повелением запрещено газетам писать о них. Теперешняя политика, которую ведет Толстой, чтобы держать все шито и крыто. Болезнь вгоняют внутрь. Этим, конечно, не предупредят гниения и разложения. Настанет пора, когда увидят зияющую язву. Но будет поздно.

Ренненкампф утвержден. Были наивные люди, которые надеялись, что не утвердят. Утопающий хватается за соломинку. Я ни на одну минуту не сомневался в противном. Как не утвердить Ренненкампфа? Он и доносил, он и ябедничал, он и интриговал, он редактировал доносы в 3-е отделение, он, наконец, считался одним из деятельных членов священной дружины, тайного общества, поставивших целию следовать и преследовать путем тайных интриг либералов. Рахманинов, прежний ректор, моральная мразь, хотя не сикофант и не доносчик, человек довольно низкой души, желая угодить студентам и ретроградам, держал себя по отношению к удовлетворению нужд студенческих более чем равнодушно. По званию председателя общества вспомоществования студентам, он не только не заботился об увеличении средств этого общества но и противодействовал устройству вечера — способу добывания капиталов. Он даже выразился в присутствии уполномоченных от студенчества, что у-т не богодельня, что дети разночинцев, попов и причетников не должны лезть в у-т, который главным образом предназначен для дворянских детей. Так он действовал и вел себя, потому что пред выборами в пятилетие и ректорскими выборами он хотел привлечь Шеффера и К°, людей, известных своею ненавистию к студенчеству. Расчёты его не совсем удались. Ректором он не был выбран, а от студентов подвергся поруганию. Во время студенческих волнений в ноябре на сходках студенты подвергли его поведение едкой критике, порицанию и брани. Когда попечитель выходил из у-та, они кричали вслед ему: «Долой ректора».

Ренненкампф, приятель Шеффера, подстрекатель против всех тех, кто сколько-нибудь расположено относится к студентам, переменил образ своего поведения тотчас, как только он выбран был ректором. Он подал официальное заявление, что если он будет утвержден в звании ректора, он отказывается от ректорского жалования в пользу нужд студентов и у-та, впрочем, впредь — до перемены его положения. Уверяют, что он надует и обойдет. Он состоит директором банка. Казалось бы, ближе всего отказаться от банка. Нет, он отказывается от жалования ректорского. Очевидно, у-т и университетская служба для него есть синекура.

16 марта 1883 г.

Идут кляузы в у-т. Зачинщик их — Шеффер. Покровитель — Ренненкампф. Последний действует как шулер: столкнувшись с Шеффером, он показывает вид честного председателя. Шеффер в виде отдельного мнения в совет подал кляузу на Хандрикова; в своей бумаге он рассказывает какой-то, говорят, вымышленный случай из жизни Хандрикова, доказывающий, по его мнению, бешенство Хандрикова и необходимость его освидетельствования. Это отдельное мнение подано Шеффером в виде опровержения мнения, поданного Хандриковым в совет о необходимости освидетельствования Митюкова, который, будучи разбит параличем, полтора года как не читает лекций. Шеффер доводит свою немецкую дерзость до крайней наглости. Это сущий сплетник, лжец по натуре, шпион и агент добровольный бисмарковых видов на погибель России; лукавый враг всего русского; ябедник и подстрекатель на всевозможные мерзости других. Ежедневно он проводит несколько часов в профессорской лектории и занимается обработкою умов своих ничтожных товарищей, причем, сплетничает, клевещет, доносит, изобретает были и небылицы на лучшую половину своих товарищей. Несомненно, он имеет большое влияние на некоторых тупоумных; на других он действует страхом. Университетские немцы все находятся под его командою. Никто не имеет ни такого досуга, смелости и решительности, чтобы пойти открыто в ежедневной борьбе против этого наглеца, лжеца, инсинуатора и сикофанта. Я забыл упомянуть, что Ренненкампф, который показал вид, что он не читал кляузы Шеффера, дозволил Шефферу прочитать ее в совете, затем сказал, что он ее не может принять. В сущности, это был условный маневр с Шеффером: им нужно было только оскандализировать Хандрикова. Говорят, Хандриков подал бумагу, в которой жалуется на этот недостойный образ действий как Шеффера, так Ренненкампфа-ректора. Вот какая среда, в которой приходится жить и действовать. Я давно перестал посещать заседания совета, в котором давно царствует интрига и кляуза. Хандриков и Шеффер когда-то занимались кляузами вместе. Они в начале 1881 г. подали в совет бумагу, в которой обнесли меня как председателя Киев[ского] юр[идического] общества. Ныне они смертельные враги.

Вспомнил я эпизод из ректуры Бунге: он держал тогда сторону немцев. Он позволил Шефферу нанесть тяжкое оскорбление в совете покойному окулисту, профессору Иванову. В тот же период Субботингнида нанес тяжкое оскорбление Шкляревскому. И это все проходило безнаказанно под покровительством школы дельцов, глава и покровитель коих Бунге. Есть наивные люди, а таковых большинство публики, которые заражены убеждением, что профессорская корпорация есть собрание мудрецов и моральных людей. Это грубейшая ошибка. Корпорация профессоров — это собрание книжников и фарисеев, это люди наиболее заражены предрассудками века, это особи, жадные к почестям, это лицемеры, которые мнят, что они только и умны и нравственны, а в сущности гробы повапленные. Покойный Котляревский, когда ему 2 1/2 года тому назад сказали, что Ренненкампф может быть ректором, заявил торжественно, что он подает прошение об отставке, лишь только Рен[ненкампф] будет выбран ректором. Судьба избавила его от сей необходимости, уволив его раньше в чистую отставку из сего мира. Странный и непоследовательный был это человек. Он вел дружбу не всегда с порядочными людьми. Так, он был в интимных отноше-

ниях с Гарнич-Гарницким, продажным и нечестным проф[ессором] химии, который теперь заключил тесную дружбу с Ренненкампфом, Шеффером, Пихном и К°, некогда состоявший на ножах с Рен[ненкампфом], он ныне с ним на дружеской ноге.

17 марта 1883 г.

12 марта собиралась громада у Мищенка. Я пришел в конце 11-го, после заседания Юрид[ического] общества. Опять речи, опять красноречие, опять метафизика. Поставлены были вопросы: о задачах громады, о районе ее действия и т. п. метафизическая чепуха. Люди говорили так и в таком тоне, как бы они имели пред собою многочисленную публику. В особенности болтливостию отличались: Кулябка, Багалей и Ковалевский. Я прослушал 1/2 часа, удалился в кабинет Мищенка и там под шум метафизической болтовни заснул крепким сном и проспал до 1/2 2 ч. ночи. Проснувшись, я слышал удаляющиеся голоса шедших в столовую. Я вошел в предстоловую, и заметивши битком набитую комнату a manger [4], тотчас схопивши шапку в охапку, уехал домой. На другой день узнал, что компания дала нагоняя Кулябке за его болтовню и невоздержание на роковинах смерти Шевченко. 13-го был у нас вечер, устроенный нами с целию привитать мимо ехавшего и остановившегося в Киеве на два дня Д. К. Мороза, старого громадянина, служащего в Тифлисе в звании инспектора сельского хозяйства. Собралось человек 30. Вчера Качала, содержатель минеральных вод, в зале которого был вечер 26[-го] в память Шевченка, передавал мне, что полицеймейстер делает дознание об этом вечере. Вот результат болтовни Кулябки.

Приходил Багалей проститься: сегодня едет в Харьков.

В Киеве есть и другой Шеффер — Артур, главный врач Кирилловской больницы, брат университетского. Этот стоит своего брата, только в другой сфере. В звании главного врача Кирилловской больницы, он развил там гнусные злоупотребления и плутовства. Недавно случился там пожар прачечной, отстройка которой стоила несколько десятков тысяч. Шеффер Артур и К° показали, что в этой прачечной сгорело на 8000 руб. белья. Местная администрация не обратила никакого внимания на этот пожар. Или лучше Гудим-Левкович, губернатор, находящийся в лапах киевских немцев и киевских дельцов, посмотрел на этот пожар сквозь пальцы, хоть ему небезызвестно было кое-что из настоящих причин пожара. Как вот, из Петербурга, из Министерства внутренних дел последовало секретное предписание произвести строгое дознание. Генерал-губернатор поручил оное произвесть своему чиновнику Покровскому, человеку безукоризненно честному. Покровский открыл некоторые следы того, что пожар этот произошел от величайшей небрежности, с которою отстроена была прачечная. Добыты также данные, подтверждающие, что белья там далеко не было на 8000 руб. На поверку выходит, что пожар этот случился кстати для таких плутов и мошенников, как Шеффер: он должен был прикрыть и воровство казенных денег на отстройке прачечной, и воровство денег на белье. Сообщником Шеффера по воровству казенных денег и обирательству больных служит поставщик Вольфзон. Об Артуре Шеффере я давно знал как о плуте и мошеннике по тем сведениям, которые собраны были братом Федором во время его службы в Кирилловской больнице.

Брат Федор не мог переносить дальше плутовства этого мишуриста в образе врача — и должен был оставить службу. Подробности последнего происшествия, скрывающего новую плутню А. Шеффера, передал мне Афанасьев, который находится в отличных отношениях как с Меркуловым, правителем канцелярии Дрентельна, так и с Покровским, производителем дознания. Они уверяют, что в министерстве отлично знают, как управляет больницею Шеффер Артур, и намерены требовать разоблачения истинной причины пожара здания и мнимого белья. Не будь побуждений из министерства, Гудим-Левкович прикрыл бы плутовства Шеффера. Афанасьев уверяет, что в министерстве раскусили, что такое и сам Гудим-Левкович и что там положение его поколеблено. Сам Дрентельн, его покровитель, охладел к этому чиновнику: сила его заключается в дружбе его жены с женою Дрентельна. Но он имеет смертельного врага в Меркулове. Меркулов — глубокий демократ в душе. Гудимка — так его здесь называют — защитник дворянских и польских интересов: этот чиновник низкая душонка; сам малоросс, он является гонителем всего малороссийского. А между тем, говорят, он выдавал себя за иного человека, когда был студентом Киевского у-та. Это дворянчик, плохо учившийся, выскочивший в значительные чиновники, благодаря своим связям. Посмотрим, что будет дальше.

18 марта 1883 г.

События в семье наводят на тяжкие раздумья. Ссоры и драки детей — в особенности Бориса и Юлия — убеждают меня в том, что дети — это не те существа, о которых Христос сказал: «Таковых-бо есть царствие небесное»,— а существа варварского и дикого состояния. Ни просьбы, ни грозьбы, ни выговоры, ни брань, ни даже телесные наказания,— ничто их не унимает, ничто не в состоянии их образумить. Чем были, тем и остаются. За час дают обещание не делать, а через час опять за свое. Я убежден, что в детях, по атавизму, воскресает варвар и дикарь. Не употребляй старшие поколения величайших усилий к их воспитанию и укрощению их звероподобных инстинктов,— и род человеческий опять возвратился бы к первобытному варварству. Не знаю, у всех ли такие дети. Помню свое детство, кажется, оно менее было варварским, более человечным. Я же родился в более низменной и менее обеспеченной среде. Весь быт моих родителей был скуднее. Средства образования были ничтожные. Кроме учебников, я до 16 лет в глаза не видел каких-нибудь книг для чтения. Детство мое прошло среди сельской обстановки, в кругу деревенских мальчишек. Затем я поступил в уездное духовное училище — в среду очень невысокую. Помню, я начал читать книги с 5-го класса, когда мне исполнилось 15 л[ет]. И то негде было достать книг для чтения, прочетная книга — как мы ее именовали — была у нас редка. Дети наши имеют в большем изобилии все средства к образованию; они воспитываются в гимназии. И при всем том, я отнюдь не вижу, чтобы они были в развитии, и, главное, благовоспитаннее какого-нибудь бурсачка. Природные способности, наклонности и расположенность к усовершенствованию и воспитанию — составляют пока неразгаданную задачу. Откуда происходит, что новое поколение, происходящее от известных родителей, не выше, а ниже иного своего корня. Пока дети были малы, я не тяготился ими. Не то теперь. Выбиваюсь из сил. Впадаю в раздумье. Что будет из них. Шесть сыновей — это число прежде в умах звенело радостно. А теперь начинаю думать за их будущее в моральном и социальном отношении.

Природа всегда скрывает яды под обольстительными цветами. Пока она заставляла рождать, она удаляла из мыслей всякие мрачные думы. Когда же дети начинают приходить в возраст, сама природа раскрывает твои глаза и начинает над тобою издеваться и торжествовать тем, что она тебя обманула.

19 марта 1883 г.

Нет настоящей весны. До 16-го начал было таять снег. Три дня стоит почти на нуле. В прошлом году об этом времени уже начались полевые работы. В прошлом году праздник был 28 марта,— а между тем в Буртянской экономии до праздника было засеяно более 150 десятин свекловицы. Текущий год напоминает собою 1881 г., когда весна настала необыкновенно поздно.

Вчера я был у Кулишера и Лучицкого. Кулишер уже передавал, что, мов, Артур Шеффер будет удален от должности главного врача, что это следует будет приписать Афанасьеву. Болтовня горше всего. Такая постановка вопроса больше всего поможет Шефферу, несмотря на самые наглые его мошенничества. Да и вообще, я не верю в настоящее время в разоблачения чиновных плутов. Правящие в центре расположены прятать все злоупотребления. Маковские хищения, вероятно, будут покрыты. Каждый местный администратор тоже на том стоит. Я мало верю надеждам Афанасьева: *переведут шило на мыло.* Ар[тур] Шеффер останется на месте и будет продолжать свои плутни.

А. Шеффер удален.

Спр. 29.

1883 год. С 20 марта.

20 марта 1883 г.

На днях мне исполнилось 50 лет. Прожил полстолетия. Чувствую, что преждевременно дряхлею. Хотя питье молока, по совету Боткина, сначала принесло мне несомненную пользу, улучшив несколько мое здоровье, но я начал замечать, что дальнейшее улучшение приостановилось. Мало того: опять я стал чувствовать какие-то странные, болезненные ощущения в спине, опять млеют ноги, а сегодня стал млеть мой затылок. Левая нога при ходьбе сильно терпнет, деревянеет; вчера, делая третий конец, я едва дошел до дому: такую чувствовал усталость ноги. Да, нечего скрывать истины: несомненно, я дряхлею. Мне кажется, что организму моему нет возврата к полному выздоровлению. Начиная с конца 1878 и начала 1879 г. идет непрерывный ряд обнаружения болезни. Эти-то припадки — только симптомы болезненного состояния моего организма. Они же вместе с тем постоянно ослабляют и истощают мой организм. Тяжкая болезнь 1881 г. в августе месяце — это подвигание вперед моей болезни. Тупое болезненное состояние, обнаружившееся в конце сент[ября] 1882 г.,— это только подведение общего итога. Боюсь, чтобы этот итог не дал себя опять знать.

21 марта 1883 г.

Внесен в Государственный совет проект налога на заграничные паспорта. Каждый едущий за границу обязан будет платить 10 руб. каждый месяц, что составит в год 120 руб. Возвращаемся очень далеко назад, к временам мрачной николаевской реакции 1848 г., когда за

каждый заграничный паспорт должны были платить 500 руб. Эта пошлина на свободу передвижения. Это установление косвенного препятствия для непосредственного общения с заграничными идеями. Мера мракобесия и притеснения. Проект этот внесен министром финансов Бунге. Этот готов служить какому угодно режиму. Лишь бы сохранить за собою власть.

Странное повторение событий в течение нынешнего столетия. Кончилось прошедшее столетие и началось нынешнее безумным тираническим правлением Павла. Вступление на престол и первая половина царствования Александра I ознаменовалось либеральным духом правления. Да и все царствование Александра I было довольно благое. На смену ему пришло царствование Николая, деспота по натуре и по мероприятиям. Россия вздохнула свободнее со вступлением на престол Александра 2-го; она сделала громадные шаги в усвоении освободительных и прогрессивных идей. Русские начали думать, что и они европейцы. Катастрофа 1 марта 1881 г. остановила прогрессивный ход. Стоп. Общество осатанело. Реакционеры нагло действуют и торжествуют. Общество замолкло, несмотря на то, что его мало-помалу лишают того, чем оно пользовалось. Доказательство того, что, в сущности, оно мало развито, мало энергично, мало способно отстоять то, что оно считало своим. Либералы ждут спасения от внешних событий, от войны, которая по общему убеждению должна кончиться страшным поражением России. Несчастна та страна, сыны которой дошли до подобных мыслей. Надеются улучшить свое политическое существование тогда, когда разразится несчастие над отчизною. Тирания, рабство, тяжкие условия политического бытия, резкая и поразительная противоположность просветительных идей с мрачною действительностию только и могла породить такую ужасную мечту, которая есть ничто иное, как пламенное желание несчастия отечеству. Одно можно сказать, что нынешний император на инициативу не способен: царствование его будет и в будущем тем, что оно ныне есть. Толстые, победоносцевы, бунге и tutti quanti будут делать, что хотят. А эти господа сами собой никогда не захотят приложить на деле просветительные и освободительные идеи. В будущем пойдут многие годы такого же царствования. Когда же ему настанет конец — кто весть.

Когда я это написал, пришел А. И. Сасько и сообщил, что «Московский телеграф», довольно безобидная либеральная газета, запрещена и прекращена. Теперь очередь за «Отечественными записками». Чего доброго, Россия в царствование Александра III съедет на одну, две газеты подобно тому, как она в царствование Николая пробавлялась «Северной пчелой» [5] и «Русским инвалидом» [6].

24 марта 1883 г.

«Московский телеграф» запрещен навсегда за *безусловное вредное направление*. В сущности, безобидная газета. Как в движении, так и в реакции один закон: чем дальше, тем больше. Затягивают мертвую петлю.

Подана была жалоба на капитальное нарушение городового положения при выборах. Вопреки закону третий разряд разделен был Эйсманом на 5. Пятый из этих разрядов, состоящий из 1005 чел[овек], выбирал всего одного гласного. Следовательно, каждый из избирателей этого разряда был лишен права, представленного ему законом, выби-

рать остальных 238 гласных. Жалобу редактировал я. Подписалось 6 профессоров-домовладельцев и два посторонних. Как и ждал, жалоба наша отвергнута. Губернское по городским делам присутствие состоит из людей, стоящих на стороне партии дельцов. Губернатор Гудим-Левкович туда же. Я намерен перевести дело в Сенат. Важен протест в интересах закона. Он сам по себе важен.

Кляуза Шеффера на Хандрикова, допущенная к прочтению в совете Ренненкампфом по стачке с Шеффером, вызвала протест 8 профессоров и специальную жалобу Хандрикова. Я в этом не участвую. Что выйдет, не знаю.

Ренненкампф ловкий шулер. Он допустил чтение кляузы Шеффера. Затем, по прочтении ее, он с видимым пренебрежением возвратил Шефферу его кляузу со словами: «Подобной бумаги я принять не могу». Некоторые простодушные и честные люди приняли образ действия Рен[ненкампфа] за чистую монету. Антонович, возвратившись из совета, очень хвалил беспристрастие нового ректора. Оказалось, что это была подделка. Он допустил чтение в угоду Шеф[фера] — и взамен того, с его согласия, разыграл роль беспристрастного председателя. Это была стачка. Если бы он действовал честно, он должен был прежде прочитать про себя поданную бумагу и затем решить вопрос о его недопущении. Реннен[кампф] — ученик Бунге во всем, в том числе в политическом шулерстве. Это шайка киевских бонапартистов; она отличается замечательною ловкостью, нахальством и бесстыдством. Для власти, для влияния на все готовы. Накануне разыгранной Ренненкампфом сцены в совете с кляузой Шеффера эти два молодца совещались около часу в лекторской.

Здоровье мое в колебательном положении. Как будто старая болезнь моя готова возобновиться. Эти три-четыре дня я чувствовал себя скверно.

25 марта 1883 г.

Вчера выпал значительный снег. Сегодня тает. Весна поздняя.

Вчера Эйсман выбран головой. И без подлостей, им совершенных, он был бы выбран. Выборы гласных он вел с подвохами. Во второй разряд приведена была шайка весьма сомнительного свойства избирателей, не от себя, а по доверенности. Люди эти были или безграмотные, или полуграмотные: некоторые из них даже не знали, от кого они уполномочены. Пред выборами по избирательному собранию распространилось убеждение, что им дан лозунг класть избирательные шары в первые 24 ящика. Чтобы предупредить стачку, просили голову Эйсмана поставить кандидатов по алфавиту. Не согласился. Предсказание сбылось: первые 19 кандидатов, поставлены не по алфавиту, были выбраны. Главный предводитель шайки приведенных избирателей по доверенностям был Зейферт, помощник акцизного избирателя: он привел кабатчиков. Против него было значительное возбуждение и ропот. Чтобы замаскировать его заслуги, его при первой баллотировке не выбрали: зато он блестяще был выбран при второй. Эйсман вел себя неприлично. На заявление, чтобы карточки были поставлены по алфавиту, он ответил: «Я здесь хозяин; здесь не польский сейм». Проходя мимо одной кучки избирателей, громко обсуждавших разные вопросы, он,

обращаясь к ней, сказал: «Если будете шуметь, то я призову полицию». Для надзора за выборами и для счета голосов закон дозволяет собранию назначать счетчиков. Эйсман накануне сам назначил таковых. Около ящиков стояли солдаты и вручали шары избирателям: это вселяло невольный страх, служило некоторым memento[7]. Когда сделано было заявление о выборах кандидатов по алфавиту, толпа избирателей сомнительного свойства по данному знаку схватилась со своих скамей, столпилась ближе к председательскому столу и стала шуметь. Ко мне подходил какой-то пьяный избиратель, примерно из выгнанных канцеляристов, и стал что-то доказывать. Я от него отошел. И хорошо сделал. Говорили потом, что из этой шайки некоторые были подговорены действовать решительно, хотя бы и кулаками, в случае настойчивости возражений и домогательств, поступить по закону. Несомненно, в собрании были какие-то сомнительные личности. Галдение и какой-то странный шум, ими поднятый, едва только стали обращаться к городскому голове с заявлениями, заставляли задуматься: так люди спроста себя не ведут. Слишком уж подозрительно.

3 часа. Был у меня Ф. Лебединцев. Подписка на «Киевскую старину» идет крайне слабо: стоит на 670 подписчиках. Чтобы свести концы с концами, требуется 1200 подп[исчиков]. Нет надежды доскакать до этого предела. Просил отыскать какого-нибудь капиталиста, который бы оказал ему субсидию. Попытка его найти помощь у Терещенка оборвалась. Не такого рода эти кулаки. Они жертвовать деньгами не прочь, но на то дело, которое состоит под покровительством сильных и могучих: за пожертвование они получают дворянство, чины, ордена. «Киевская старина» с положительными симпатиями к малороссийскому народу. Ее плохая подписка — доказательство слабости в публике украинофильских симпатий. Повторение давней истории. «Основа» больше 800 подписчиков не имела: сама собою она существовать не могла. «Киевский телеграф» редакции Драгоманова не мог содержаться средствами от подписки. «Труд»[8] с явными украинофильскими идеями имел также недостаточное число подписчиков. Эти данные — самое лучшее мерило политической силы или, правильнее, бессилия украинофильства. Смешны после этого мысли Драгоманова; он пишет за границею так, как будто уже теперь малороссийский народ составляет нечто единое, нечто сознательное, нечто могучее. Это донкихотство. Такими же бравадами мне кажутся и все выходки большой, заоблачной политики киевских украинофилов. Такая идея, как украинофильская, живуча, но она растет медленно.

26 марта 1883 г.

Вчера шел то снег, то дождь. Сегодня стоит на одном градусе тепла. Утро. Дождь моросит. Больше на осень, чем на весну похоже. Весна поздняя. В прошлом году о сию пору было много уже засеяно. В прошлом году 28 марта была Пасха, а в этом начало 5 недели. Понедельник. В прошлом году в Буртянской экономии до праздника было засеяно 125 десят[ин] свекловицы.

27 марта 1883 г.

Вчера официально объявлено мне, что жалоба моя на капитальное нарушение закона при выборах оставлена без последствий по ее неосновательности.

Родственники Шульгина передают, что он возвращен будет из ссылки: ныне он в Иркутской губ. Молодой Шульгин, родной племянник Виталия Шульгина, покойного редактора «Киевлянина», одного из основателей в Киеве партии бонапартистов, он основал ее совместно с своим другом Бунге. Молодой Шульгин составляет резкую противоположность с покойным своим дядею. Он пошел по радикальной дороге: оставил отца, мать, продал имущество и пошел вслед кипучих идей века. С дядей он разошелся окончательно. Во время пребывания в Париже он был арестован за протест против насилий полиции во время какой-то сходки и просидел более месяца в тюрьме. В отечестве он держал себя резко с теми, кого он считал за негодяев. Один раз он встретился с Ренненкампфом, этот первый ему поклонился: Ренненкампф как бонапартист, приятель покойного Виталия Шульгина. Молодой Шульгин ответил ему на поклон словами: *«Я с мазуриками незнаком»*. Ответ схожий с недавним ответом Хандрикова, с которым хотел поздороваться Ренненкампф и протянул руку. Молодой Шульгин наследовал после отца 10 тыс. или 15 тыс. руб. Он оригинально этим наследством распорядился: он отдал его малороссийскому кружку, и этот передал деньги Драгоманову на печатание «Громады» — малороссийского сборника. Шульгин, отрекаясь от наследства в пользу общего дела, руководствовался следующими убеждениями: деньги, доставшиеся ему, перешли к его отцу от его деда. Дед его был интендантским чиновником, скопившим хороший по своему времени капитал посредством взяток и казнокрадства. Не приходится ему брать в свою пользу деньги, нажитые предосудительным способом. Для очищения греха праотцов они должны быть употреблены на общеполезное дело. Мысль хорошая, и назначение с идеальной точки недурное, но в действительности оказавшееся совершенно непрактическим, малоплодным, малополезным. На печатание «Громады» убухано 10 тыс. руб. «Громада» печаталась на малороссийском языке в Женеве. Проникала она в Киев и в Южную Россию в самом небольшом количестве экземпляров. Издавайся она даже в России, как нечто дозволенное, она все-таки была бы не пошла. Ныне огромные ее склады лежат в Женеве — и, вероятно, скоро будут проданы на пуды. Если бы правительство это знало и если бы оно относилось хладнокровно к подобным явлениям, оно бы не пороло горячки: поистине оно трусит напрасно закордонных затей.

Убеждения Шульгина стали общеизвестны. Его резкое поведение с бонапартистами способствовало их известности. Это создало ему личных врагов и волчью репутацию. В 1878 г. молодой Шульгин переехал на житье в Одессу. В 1879 г., когда Тотлебен очищал территорию Одессы и Южной России от радикальных элементов и когда он закидывал полицейские и инквизиторские мрежи в публику — это широкое море,— Шульгин очутился в этих мрежах. За что? Адрес его был найден у нескольких запутанных в практику радикализма. Он был сослан административным порядком в Восточную Сибирь. Там опять, по таким же неосновательным причинам, он был привлечен к какому-

то делу, просидел в тюрьме 5 месяцев — и был выпущен как невинный.

Ныне он в 30 лет разбитый, расстроенный организм. Ему посылают ежемесячно на содержание. Вот судьба нашей молодежи.

Посетил И. С. Жданов из Житомира. Рассказал о случае тирании, совершившемся недавно в Житомире. Компания поляков веселилась в получастном, полуофициальном собрании во вторник на первой неделе поста, в день своих заговин: были музыки и танцы. Этот день упадал на 1 марта. Пошли доносы, розыски. Нашли это собрание оскорбительным для народного чувства. В этот день два года назад убит был император Александр II. Я спрашивал: был ли умысел у устроителей этого веселого собрания действительно оскорбить, нарочно, сознательно пренебречь симпатиями и антипатиями народа. Отвечали: никакого. И тем не менее главные устроители вечера подверглись разным гонениям. Одних заставили отказаться от должностей, которые они занимали по выбору, или в частных банках, других — выслали из города, иных даже водворили в не столь отдаленных местах. О сем припадке тирании давно ходили рассказы по Киеву. Я им не доверял. Ныне рассказал о сем очевидец. Жданов смотрит на здешних поляков, как на притеснителей народа. И тем не менее он не мог не выразить омерзения к подобным выходкам тирании. Похоти поляков к господству над украинским народом — похотями, против которых мы должны бороться, а тирания тираниею, которой сочувствовать невозможно и не должны. Если уже нашли неприличным, дай заметить. Но зачем обижать, зачем тиранствовать?

29 марта 1883 г.

Вчера я узнал, что Ренненкампф едет в Петербург: очевидно, для осуществления своих замыслов совместно с Бунге. Реакция, начавшаяся с 1 марта 1881 г., подняла очень высоко наших киевских бонапартистов: с тех пор они приобрели в киевских кругах, и в у-те в частности, решительное преобладание. Пусть бы себе, если бы только они работали в свой карман, а то они стремятся сжать в бараний рог нас, своих противников. И в этом они имеют большой успех.

В России позиция министра очень важна и влиятельна. Опираясь на Бунге, киевские бонапартисты стремятся все заполнить — и в этом успевают. Большинство профессорской коллегии просто преклоняется и холопствует. Это имеет решительно развращающее влияние на моральное состояние не только нашей тесной профессорской коллегии, но и всего юношества, в особенности той его части, которая приготовляет себя к службе. Интересы науки отступают на второй и третий план. Столь счастливо совершенная карьера Бунге и К°, его поддержка, оказываемая своим киевским клевретам, окружает их приманкою и дает им временное значение. Эти господа всегда отличались необыкновенною ловкостию эксплуатировать обстоятельства в свой карман. Они самым удачным образом воспользовались последствиями 1-го марта, оно было для них сущим благодеянием. Прикидываясь глубокими его врагами, они в душе сознают, что без него они бы были в другом положении. Так, французские бонапартисты разделили ризы распятой Франции: и затем, чтобы постоянно пользоваться приобретенным положением, они иногда сами вызывали красные призраки, создавали волнения, чтобы выдавать себя за необходимых спасителей отечества. Так поступают и наши.

Ходят слухи о новых арестах. В нашем у-те арестованы: лаборант Кисель и студент Петухин. Говорят, арестован какой-то офицер, по обвинению в содействии побегу политического обвиняемого Иванова, которого, однако ж, снова захватили: будто бы нашли у арестованного офицера все доказательства принадлежности к радикальной партии. Передают, что Судейкин, петербургский архиищейка, глава политического сыска, получил те же полномочия в Южной России, которыми пользовался убитый Стрельников. Харламов, значит, не удовлетворяет: слишком вял и не расторопен. И действительно, о нем не слыхать и не чувать.

Начали, пишут, судить Богдановича — пресловутого Кобезева, Стефановича, главного устроителя Чигиринского дела, Буцевича, морского офицера и других. Буцевич — тот самый, о котором довольно писали летом прошлого года в заграничной прессе. Это, судя по иностранным вестям, один из решительных членов радикальной ассоциации. Стефанович в 1879 г. вместе с Дейчем бежал из Киевской тюрьмы. Долго жил за границей. По возвращению в Россию был слапан. Говорят также об открытии значительной компании радикальных деятелей среди гвардии и об арестах ее: но этому нельзя верить без поверки — нужно выслушать петербуржцев, да и среди них, вероятно, ходят много или вовсе недостоверных, или преувеличенных слухов о разных замыслах и арестах с другой стороны.

30 марта 1883 г.

Недавно в у-те заявлена была официальная подписка на составление стипендии и премии в память известного историка Соловьева. Подписка открыта повсеместно в России. В нашем у-те подписалось всего четыре человека в сумме 10 руб.— Антонович, Иконников, Буданов и я. Такая скудость свидетельствует об умственном оголтении. Первостепенный историк нашего времени не находит оценки. Приходят мне на память обстоятельства попытки учредить стипендию в память Н. Д. Иванишева, одного из даровитых профессоров юрид[ического] ф-та, нашего учителя. Попытка оказалась тщетною. Зато учреждены были стипендии в честь живых дельцов из ученых: Бунге и Эйсмана. Материя ценится выше духа. Ученость чистая ходу имеет мало.

1 апреля 1883 г.

Вчера мне передал Паульсон, проректор, что москвичи подали царю прошение, в котором просят его отложить коронацию на нюнь или на всякий другой месяц, и чтобы он не короновался в мае, а то всю жизнь будет *маяться*. У народа существует поверие, что кто вступает в брак и повенчается в мае, то всю жизнь будет маяться. Поэтому в этом месяце у народа браки не совершаются или, по крайней мере, редко. Коронация есть венчание на царство. Я этому известию не придаю серьезного значения. На него должно смотреть как на толки, вызванные народным суеверием и предрассудками.

2 апреля 1883 г.

Сегодня во время прогулки я встретил Шульженка, инспектора всех средних и низших учебных заведений Киевс[кого] учеб[ного] округа. Вместе шли и беседовали. Спрашивает, как мог попасть в ректоры Ренненкампф? «Если бы 10 л[ет] тому назад,— говорит он,— ему сказали, что этот господин может занять пост ректора, я бы говорившего признал тогда безумным». Я заметил: «Времена изменяются; забыты скандалы с мостовыми и весьма неблаговидные факты деятельности сего мужа в частном коммерческом банке, раскрыты при суде над Сиони, укрывшем около миллиона. Занятием поста ректора он обязан тому, что его приятель Бунге получил пост министра финансов. С этим событием настроение умов по отношению к Ренненк[ампфу] тотчас изменилось. Многие стали заискивать его: авось, либо, и нам будет полезен. Если бы,— я сказал,— Вас вдруг назначили министром, ваши враги смирились и стали бы у Вас заискивать, Ваши друзья повысились бы на 50 % в глазах общества: сколько бы произошло перемен». «Да,— сказал Шульженко,— тогда бы и моя кухарка могла приобресть большее значение среди прислуги и при известных эксплуататорских талантах могла извлекать из такого положения известные выгоды».

Мне не раз приходила в голову следующая фантазия: как было бы полезно производить опыты экспериментальные, путем точных наблюдений, над честностию и стойкостию человека. Деньги, власть, сила, имеют на него громаднейшее влияние. Если бы, например, иметь в распоряжении несколько миллионов руб[лей] денег и употребить их исключительно на опыты определения влияния денег на тот или другой субъект, на его поступки, можно было бы получить поразительные результаты. Производить эти опыты не с дьявольскою целию пустого искушения, а с серьезною целию узнать степень полученной человеком от природы или путем воспитания склонности к низким и подлым поступкам, из-за выгод, или иначе, степень склонности соразмерять свой образ поведения с выгодою, с достижением корыстных целей. Чтобы этим наблюдениям вести точную запись, чтобы процесс и результаты закреплять письменным словом, выражать в цифрах. Люди додумались до изобретения метода, как определить среднюю преступность у данного народа, но еще даже не пришли к сознанию необходимости изучения, насколько данному народу в данный период его жизни присуща склонность к подлости и низости, сколько процентов у него живет способность быть подкупным, торговать своею совестию, менять и из-за выгод свои убеждения, преклоняться пред власть имущими и у них заискивать. И вот мы бичуем преступление и преступников и восхваляем высшие слои общества, поведение всесветних политиканов. Если же бы нам удалось разоблачить нутро того порядочного человека, который составляет интеллигенцию, мы бы пришли к неутешительному результату: мы бы получили данные, поразительно изображающие сколько в приличной форме интеллигентного, современного человека скрывается низости, подлости, мошенниковатости, хищничества и всяких пороков. Преступник есть грубый мазурик, плут, хищник, человек без совести и чести, без прикрас. Иной счастливый, почитаемый и славимый, богатый и знатный, сильный и властный интеллигентный деятель есть ловкий и тонкий человек без совести и чести, мазурик, плут и хищник высшего полета с прикрасами: чтобы достигнуть того или другого положения, сколько раз ему на своем веку пришлось ломать свою совесть, лгать, криводушничать, обманывать, притворяться, изги-

баться, унижаться и нравственно подличать и мазурничать. А какими путями удается иному скопить колоссальное богатство? Путь этот весь усеян подвигами хищничества, плутовства и самой наглой эксплуатации. Но все это в столь приличной форме, в столь неуловимых для уголовного закона способах, в столь счастливых обстоятельствах, что в конце концов такой субъект является не преступником своего времени, а героем своего времени. Изучение человека этим способом и с этой стороны должно быть предпринято не в видах праздного человеконенавидения, а из побуждений глубокой любви к человечеству: цель — не унижение, а возвышение человека. Если мы изучим химический состав современного человека, то мы можем прибавлением к нему иных элементов, или, по крайней мере, увеличением размера добрых составных частей, возвысить самую природу человека. Это вполне возможно. Хотя некоторые и думают, что современный человек также пьет кровь и ест плоть своего собрата, как пил кровь и ел мясо человеческое первобытный человек в собственном смысле, но я думаю, что между современным людоедом в переносном смысле и людоедом в собственном смысле, каким является первобытный человек, громадная разница в пользу современного людоеда. И если человек изменился к лучшему посредством бессознательного развития, то тем более он в состоянии улучшиться путем сознательного видоизменения. Больного лечат не тем, что закрывают глаза на его болезнь и твердят ему, как он здоров, а раскрытием как припадков, так и причин его болезни.

4 апреля 1883 г.

На днях была баллотировка Эргардта на 2-е пятилетие, Эйхельмана в ординарные и Кулаковского в доценты. Все три принадлежат к партии наших гонителей и притеснителей. Всем я, однако ж, положил белый шар. И чтобы дать заметить, что я положил им избирательные шары, я передал шары их сторонникам. Со стороны своих подвергся нареканию, которое было выражено мне устами Мищенка. Да, Мищенко с своей точки зрения имеет полное право нарекать: он два раза подвергся забаллотированию в экстраординарные со стороны эргардтов, эйхельманов и К°. Я же смотрю с общественной точки зрения и считал себя обязаным класть им избирательные шары. Не хочу также злить этих злых людей: моя собственная баллотировка приближается — она должна наступить чрез три года. Будет ли Эйхельман ординарным, или экстраординарным, преподавание не процветет, ни упадет. Не так рассуждают сами эргардты и эйхельманы: они клали черные шары доценту Мищенку при выборах его в экстраординарные и экстраординарному профессору Лучицкому в ординарные. В особенности гнусен в этом отношении Эйхельман. Он в нашем у-те новичок: следовательно, не должен бы иметь ни убеждений, ни предубеждений. И, однако ж, он с первых шагов своей деятельности поступил под команду Шеффера, Ренненкампфа и К° и баллотирует по их приказу. Когда он переходил в наш у-т из Ярославского лицея, Загоровский, прежний его товарищ по лицею, писал мне о нем как о добром малом. Зная степень способностей Эйхельмана, зная его за онемеченного чухонца, зная его мизерную душонку, я отвечал Загоровскому, что пассивная доброта Эйхельмана ровно ничего не стоит и что по всем данным он поступит под команду киевских дельцов и будет действовать не по моральным побуждениям, не по совести, а по приказу своих господ: это один из тех людей, которые, при видимой мягкости, способны на всякую мерзость, дерзость и

злое дело, если только им прикажут это совершить. Предсказание мое сбывается и будет сбываться. Я забыл: у меня есть специальная причина, почему я считаю себя обязанным класть избирательный шар Эргардту, хотя он чертом против меня дышит — он был одним из первых моих покровителей при поступлении моем преподавателем в Киевский у-т, я был с ним так хорош и близок, что занял у него 50 руб., когда я женился. А что же преподавательские способности и научные заслуги Эргардта? О сем наша коллегия мало заботится, у нее личные и политические соображения на первом плане. С моей точки зрения, если Эргардт 30 л[ет] преподавал, отчего он не может преподавать еще 5 лет: «бачили очи, що купували, ежте, хоть повылазьте». Да и где взять новых преподавателей? Кафедры остаются не занятыми в наших университетах по 10-15 л[ет]. Багалей занял в Харьковском у-те кафедру русской истории, остававшуюся праздною 10 л[ет]. Матвеев, профессор акушерства, умер около двух лет тому назад — и кафедра остается до сих пор не занятою: ищут и до сих пор не обрящут преемника пресловутому *лабардану*. Столько же, если не более, лет остается праздною одна из кафедр хирургии.

5 апреля 1883 г.

В газетах появилось известие о произнесенном приговоре над Сергеем Якубовичем, братом Степана: его приговорили к лишению всех прав и преимуществ и к ссылке на житье в Иркутскую губ. за растрату 200 000 руб. Растрату эту он совершил в звании директора Виленского частного коммерческого банка. Сергей Якубович — один из пяти братьев, которые в 1857 г. наследовали своей матери в пяти приличных частях имущества. Прожив свою часть, он в конце шестидесятых годов является в Чернигов агентом Петербургского земельного банка. По этой части ему повезло. Он переехал в Вильно и занял там место директора банка. Там он зажил на широкую ногу. Огромная квартира, экипажи, богатые наряды для жены (жена его из гувернанток, племянница Фесслер, вдовы известного профессора), у дочерей — бонны и гувернантки, балы, на которых бывала вся чиновная сволочь,— требовали больших сумм. Брат его Степан передавал мне еще прежде, что он проживал не менее 20 000 руб. в год. В результате — растрата чужих денег, употребляемых на прожиток, на роскошь и мотовство, скамья подсудных и ссылка в Сибирь. Вот карьера русского дворянина. Якубовичи происходят от старой малороссийской фамилии в XVII стол[етии]. Их предок был полковником. Известный декабрист Якубович — их дядя. Сергея я знавал в 1859 и 1860 г. в Петербурге. Он тогда только что оставил службу в артиллерии и женился. Жил он где-то далеко, близ Николаевского вокзала. Я иногда бывал у них, заходил обедать. Он меня тогда как бы покровительствовал. Помню, он предложил мне сочинения Поля «История и литература государственных наук». Тогда он идеальничал: выдавал себя за изучающего историю, коей он будто бы хотел посвятить себя специально. Истории он не написал, но ныне сам попал в историю.

16 апр[еля] 1883 г.

Канун Пасхи. С воскресенья по четверг пропутешествовал. Был в Городище и Городищенском заводе, после большого промежутка. Вручил 9000 руб. Беседовал с главноуправляющим Воронцовского имения

Свиньиным о железной дороге. Результатов никаких. Это управление враждебно настроено к администрации, как и всегда. Беседа с Пятаковым, директором Городищенского завода. Больше и больше убеждаюсь, что это человек полунормальный. Доверил я много,— ныне разочарование. С голоса брата. Он плохой знаток людей. Да и сам я сначала бываю доверчив, а там следует разочарование. Весна крайне запоздала: дожди, холода задерживали земледельческие работы и посевы. Едва теперь только начинаются.

Богданович-Кобезев, Буцевич, Клименко, Теллалов, Златопольский и Грачевский приговорены к повешению. Стефанович, мастер Чигиринского дела, к пожизненной каторге. Это последние дельцы замыслов на жизнь покойного Александра II в 1879 и 1881 г. Грачевский, третий, техник — два другие, Кибальчич и Исаев, прежде казнены из компании, делавшей разрывные снаряды; одним из них убит покойный император. Богданович-Кобезев — мастер подкопа в Малой Садовой. Мнимая его жена Якимова давно осуждена. Публика задает вопросы: будут ли казнены осужденные, или последует помилование в смысле замены наказания.

19 дек[абря] 1883 г. Кобезев, Буцевич, Клименко, Теллалов, Златопольский и Грачевский помилованы — на вечную каторгу [9].

В Городище встретил у Свиньина, артиллериста, приехавшего из Варшавы. Рассказывал о нанесении студентом Варшавского у-та Жуковичем пощечины попечителю округа Апухтину. Этот дал ему сдачу. Тот тем же ответил. Произошло волнение между студентами. Жандармерия и полиция действуют. Войска наготове. Артиллерист Воронов — достоверный свидетель, как бывший в Варшаве во время происшествия. Когда я возвратился в Киев, то здесь событие это было уже известно. Прибавляют: студента Жуковича посадили в сумасшедший дом. Отсюда — сборища его товарищей.

Вчера я отнес 150 руб. Ф. Лебединцеву для отсылки в виде гонорара Радиону Житецкому за статью, кот[орая] печатается в «Киевской старине» [10]. Лебединцев, как-то встретившись со мной, просил найти благотворителя, который бы дал деньги для Р. Житецкого, сосланного административным порядком сначала в Вятку, переведенного потом в Царев, а ныне долженствующего переехать в Астрахань. Житецкий, написавший очень дельную статью об этнографических элементах малороссийского народа для «Киевской старины», рассчитывал получить гонорар, крайне необходимый ему для переезда в Астрахань. Лебединцев говорит, что ему невмоготу уплатить гонорар: средства редакции крайне скудны. Чтобы поддержать Житецкого, которому и без того ежемесячно высылаются деньги, и чтобы показать свое сочувствие «Киев[ской] старине», решено вручить 150 руб. Лебединцеву для сей цели в виде займа, впрочем такого, который он не возвратит, если подписка на журнал будет скудна. Другой способ признан был неудобным: чтобы не давать Лебединцеву ложных надежд доить братию.

Писали из Петербурга Лебединцеву, что недавно Феоктистов, ныне главный начальник по делам печати, требовал вышедшие книги «Киевской старины», пересматривал и перечитывал. Это неспроста. Признак течения и хода какой-либо интриги. Из Петербурга пишут: главное управление цензуры не дозволило напечатать на обложке издаваемых

сочинений Шевченка объявления о малороссийских книгах, продающихся в магазине Ильницкого. Сказали: не в интересах правительства содействовать распространению малороссийских книг. Оттуда же пишут: недавно посетил типографию, где печатается Шевченко, Любимов, пресловутый реакционер катковского и толстовского толка, бывший профессор Московского у-та, а ныне член совета министра просвещения. Узнавши там, что печатается Шевченко в 6 000 экз., он сказал: «Необходимо похлопотать, чтобы запретили издание». Добровольный шпион, жандарм и полициант, чего доброго, может повредить. Его близкие связи и отношение с Катковым известны. Катков может подстрекнуть своего послушника Толстого сотворить какую-либо мерзость.

19 апреля 1883 г.

С 17 по сей день в суете. Посещения — я сам должен посещать других. В два дня пришлось побывать в 25 домах. Погода скверная: пасмурно, иногда дождь моросит; холодновато — выше 10° тепла не было. Растительность развивается медленно.

Оказывается, Победоносцев навел мысли Феоктистова на «Киевскую старину» как [на] украинофильский журнал. Значит, пойдут по дороге подозрений. Лебединцев, прежний деятель обращения униатов, силою обстоятельств, стал на дорогу сочувствия народным интересам и преданиям. В Петербурге цензура не разрешила к печати три брошюры, написанные по-малороссийски: про садовину, про огородину и про чуму на рогатый скот. Выразили неодобрение тому, что в последнее время стали много писать по-малороссийски. Сам Толстой не разрешил играть в Петербурге «Наталку Полтавку».

29 апр[еля] 1883 г.

С 20 по 27-е проездил: обозревал административные учреждения. Посетил: Русскую Поляну, Рокиты, Бурты, Христофоровку и Городище. В Христофоровке эконом, оказывается, просто плут. Виделся с братом Федором. На возвратном пути ехал с Боке, директором воронцовского Мариинского завода, беседовал о необходимости провести железную дорогу к Городищенскому заводу. Воронцовы и воронцовское управление несогласны и противодействуют. Боке туда же. Убеждал я его и доказывал полезность для имения этой дороги.

Возвратившись, застал дома благополучно. Но к вечеру Саше стало дурно: обнаружился сильнейший припадок лихорадки. Болезнь продолжается.

Вечером в четверг был у Лебединцева: отвез ему 40 руб.— двух подписчиков на «Киевскую старину» — одного из подписчиков приобрел на железной дороге. Встретил Якубенка и убедил его подписаться. А он склонил меня к подписке на галицийское «Дело». У Лебединцева застал Н. И. Костомарова; он в Киеве проездом: едет в имение своей жены. Стар он очень стал. Вчера вечером был у Житецкого: болен и серьёзно, страдает экземою, которая расстроила весь его организм. Собирается ехать в Вену. Беседовали об украинофильстве. Сообщил он некоторые факты из господства Драгоманова в громаде: влияние его было всепобеждающее. Возражения были ничтожны и бессильны. Он дал украинофильству радикальное направление, которое ныне сменилось умеренным.

От Житецкого вышедши, я зашел к Рудченку: просил на чашку чаю, а угостил чтением своей малороссийской повести «За водою» [10а]. Повесть недурна и очень, но чтение длилось 3 1/2 часа сряду и всех утомило. Разошлись в 1/2 3. В другой раз и калачом не заманишь. Рудченко занимает не последнее место в ряду малороссийских писателей. Брат его тоже писатель — пишет под псевдонимом *Мирный*. Оба брата некоторые повести писали сообща. Собираются издать собрание своих малороссийских сочинений.

1 мая 1883 г.

Обнародован церемониал коронации: близится. Все готово и приготовляется. Общее убеждение, что коронация состоится 15-го. Приговоренные к повешению пока не повешены. Вероятно, окажут снисхождение по случаю коронации. Коронация, впрочем, больших милостей не принесет. Окажут некоторое снисхождение преступникам, виновным в общих преступлениях. Политические останутся на прежнем положении. На днях, говорят, последовало распоряжение о ссылке административным порядком многих, которых захватил Стрельников. По всем видимостям до коронации и пред коронацией пока церемонятся: а после пойдут дальше по пути реакции. Рассмотрение и утверждение университетского устава и пошлины на заграничные паспорта отложены только для того, чтобы не раздражать умы перед коронациею. Значит, после коронации стесняться не будут. Я жду ожесточения реакции: будут более и более затягивать в мертвую петлю.

Галаган, заседающий в Государственном совете, приезжал на Пасху в Киев. Он сообщил Ничипоренку, директору коллегии, проект универ[ситетского] устава на один-два дня. Ничипоренко пригласил меня, Антоновича, Хржонщевского и других для того, чтобы сообща познакомиться с этим произведением. Университетское нынешнее устройство будет перевернуто вверх дном. Решительное усиление власти попечителя и министра. Преподавание будет поставлено под контроль министерства. Смесь французского с нижегородским. Есть, впрочем, и хорошие нововведения. К ним принадлежат: уничтожение баллотировок на пятилетие и увеличение пансиона: за 25 лет — 2400 руб., за 30 л[ет] — 3000 руб. После 30 лет — переход на пансион во всяком случае. В конце концов устав будет одно, а жизнь — другое.

По случаю болезни Саши назначенное у нас на субботу 30 апр[еля] собрание громады отложено. Вышла «Рада» — малороссийский сборник, изданный Старицким [11]. Книга достойная похвалы. Вышел «Кобзар» и получен в Киеве: печатался в Петербурге. Напечатано 6100 экз.: 4500 экз. по 1 руб. 25 коп., 1500 экз. по 3 руб. и 100 экз. по 10 руб.— роскошное издание. Все издание купил Ильницкий. Малороссийская литература растет, ширится. Появляются новые деятели. Образовалось малорусское драматическое общество: работа кипит.

В субботу был у меня Михальчук, Старицкий и Лысенко: пришли в убеждении найти собрание. Беседа об украинофильской программе. Я доказывал необходимость оставить радикализм и обратиться к созданию национальной партии. Драгоманов стоял на том, что украинофильство должно быть радикально. Я утверждаю, что украинофильство должно быть прежде всего и паче всего национальною идеею. Следует работать над тем, чтобы образовать украинофилов, т. е. националис-

тов. Следует создать дух украинского прозелитизма. Следует стремиться к тому, чтобы украинская идея проникала все существо украинофила, чтобы каждый украинофил был радикал, что касается воодушевления и разработки украинофильской, или национальной идеи. Затем украиниофил может быть и попом, и землевладельцем, и купцом, и судьею, и чиновником, и полицейским, и публицистом, и социалистом, и радикалом, и консерватором, и либералом, и легитимистом, и буржуа.

3 мая 1883 г.

На Святой окончен малороссийский словарь: последний *словарь*, т. е. собрание составителей было у Косач, сестры Драгоманова. *Словарь* — гуртовая работа. Она начата семь лет тому назад. Каждую неделю два раза, по средам и субботам, собирались у кого-нибудь по очереди словарники, люди, знающие язык и интересующиеся делом. Собрания эти были неизменно регулярны. В последние два года они собирались и у нас. Благодаря этой регулярности и настойчивости, работа эта выполнена в течение семи лет, работа громадная. Весь словарь был пройден три раза. Давно собранные материалы разными лицами в одиночку были пересмотрены и поверены гуртом в упомянутых заседаниях. Одушевителем работы был несомненно Антонович. К этой работе я прежде относился скептически: я доказывал, что она требует единства головы и работы одного специалиста. Правда, работа какого-нибудь мастера своего дела, глубокого знатока, настойчивого и трудолюбивого, могла бы выйти более совершенною. Но нельзя же не признать важности и этой гуртовой работы: скептицизм и недоверие к ней побеждены ее выполнением.

Антонович предложил новую работу: историко-географический словарь всей территории, занимаемой малороссийским народом. Он справедливо рассуждает: новая работа будет служить продолжением группировки людей. *Словарь* постоянно поддерживал связь: никакие обстоятельства, никакая погода не могли остановить собрания, технически называвшегося *словарем*. Если иной был болен, если другой был занят, если третьему мешали семейные обстоятельства, если четвертый отсутствовал из города, то все же приходил на собрание кто мог. Иногда собрание состояло из 10—15, в другой раз — из четырех-пяти, а все-таки составлялось. Так выполнен был словарь. Окончательную работу по словарю взял на себя Науменко, отличный знаток малороссийского языка и даровитый преподаватель русской словесности.

В университете или, лучше сказать, между членами совета идет борьба, ряд враждебных действий, поддеваний и т. п. Началом послужила та пасквиля, которую внес в совет Шеффер и которую Ренненкампф, как ректор, прочитал. Эта пасквиль состояла в рассказе о том, что есть один профессор, который два дня продержал на чердаке запертым рабочего, что профессор этот страдает бешенством и подлежит освидетельствованию экспертов. Эта бумага носила название отдельного мнения, поданного Шеффером против мнения Хандрикова, доказывавшего необходимость освидетельствования Митюкова, который около двух лет, состоя профессором, не читает лекций по болезни. Шеффер, написавший в совет безыменный пасквиль, предварительно рассказывал в лектории, что этот профессор никто другой как Хандр [иков]. Ренненкампф, столкнувшись с Шеффером, прикинулся, что он пасквили-мнения его не читал, но допустил его к докладу в совете. Чтобы разоблачить эту подтасовку, семь-восемь человек подали отдельные

мнения с указанием на то, что ректор не может докладывать бумаг, которых он не читал, что он обязан неприличные и оскорбительные для чести ближних бумаги устранять от доклада. Ренненкампф этого мнения не принял. Тогда подписавшие подали его попечителю, прося его дать надлежащий ход. В то же время Хандриков подал жалобу попечителю, прося его возбудить против Шеффера преследование за клевету и оскорбление. По поводу неверно изложенного протокола все же по делу Митюкова пять-шесть членов совета с Хандриковым и Минхом во главе подали особое мнение, засвидетельствовав его предварительно у нотариуса. Это последнее они сделали для того, чтобы предупредить скрытие бумаги, и выразить глубокое недоверие к личности Ренненкампфа. Когда внесено было в совет мнение, Ренненкампф пригрозил авторам его ответственностию за засвидетельствование у нотариуса. Он подвел это действие под оглашение деловых бумаг. Мнение, поданное это, не было принято советом.

Итак, партия идет на партию, товарищ идет на товарища, интрига ведется против интриги, каждый старается залить сало за шкуру ближнего. Ренненкампф, эта волчья натура в лисьей шкуре, напоминает ныне волка на псарне. Вечно занимаясь интригой, ябедой и инсинуациями, он, наконец, попался в западню. Говорят, что заболел, когда узнал о том, что несколько его товарищей засвидетельствовали у нотариуса бумагу, которую намерены были подать и подали в совет. В совете он выразился, что он желает жить со всеми в мире. Встретивши Антоновича, он обратился к нему, одному из протестантов, со словами миролюбия и соглашения. А давно ли этот человек занимался хищными интригами. Давно ли он подавал отдельное мнение о том, что не следует ходатайствовать о дозволении Антоновичу делать раскопки, потому что раскопки поведут к народным волнениям. Давно ли он вел интригу в факультете и совете против меня, как председателя Юридического общества. Давно ли он замешал совет у-та в дело Пихна с Кониским, лицом совершенно посторонним у-ту. Теперь бы он желал жить в мире со всеми, попавшись сам в западню. Если бы в нем была хоть искра совести, он теперь бы должен почувствовать, как гнусно, как подло интриговать, зверствовать и подводить подвохи. Но он неисправим.

Зашла речь сегодня обо всем этом с Мищенком. Я и говорю ему: «А знаете ли? Все эти деяния наших товарищей, как Ренненкампф с К°, как и его противников, представляются мне пошлыми, низкими и мизерными. Все эти распри и споры напоминают мне распри моих детей. Они указывают на состояние варварства и низкой степени развития. Этим ли должны заниматься люди, посвятившие себя науке? Сколько идет на эту мизерию мозговой деятельности!» Скоро набежала на меня другая волна мыслей, других размышлений. Что было бы, если бы не было этой тяганины, этих контрмин, контринтриг, заливаний за шкуру сала тому, что привык делать другим пакости? А было бы то, что Ренненкампф и К° воцарились бы окончательно,— заполнили бы всех и вся и делали бы свои мерзости направо и налево. Угол падения равен углу отражения. Меч употребляющие от меча и погибнут. Мерзости, подлости, интриги, подвохи и инсинуации бонапартистов, то есть Ренненкампфа и К°, вызывают неизбежно противодействие в виде действий Хандрикова, Михна, Антоновича, Хржонщевского, Лучицкого и других. Я не сторонник деяний этих последних: но я не отрицаю необходимости и даже полезности их. Говорят, Шеффер, который держал себя всегда в совете как бешенная собака, теперь хранит молчание. Наука не по лесу ходит. Одно, впрочем, нужно сказать, что оппозиционисты дей-

ствуют открыто и люди вообще честные, не способные на подлости. Если они и занимаются ныне каверзами, то только вследствие крайней необходимости. Можно быть глубоким противником насилий и употреблять их для отпора насилий и нападений против нас.

Протестанты теперь почти еженедельно собираются у кого-нибудь для совещаний. Советником у них по юридической части служит адвокат Плевако. Тоже не совсем красиво. Я рад, что я держусь в стороне. Я отстраняюсь, да и ко мне не обращаются. Обратись ко мне, я бы не выдержал и явился бы их советником. Сначала самолюбие мое было задето: как, мов, они обращаются к Плевако, а не ко мне. А ныне я глубоко доволен, что я обойден ими. Положение наблюдателя самое почтенное. Я ведь теперь не хожу в совет, чтобы избежать вмешательства в распри. Здоровье мне не дозволяет и настроение отвращает.

5 мая 1883 г.

Вчера было у нас собрание громады. Беседа шла о частных вопросах. Поднят был вопрос о необходимости оказать Драгоманову поддержку денежную для продолжения печатания «Исторических песен малорусского народа». Я стоял на том, чтобы денег не давать на заграничные издания даже такого невинного характера, как исторические песни. Женевские издания, даже невинного содержания, для нас недоступны. Следовательно, не подобает нам тратиться на издания таких сочинений, которые не имеют и не могут иметь распространения в России. Мы сами имеем много дела, у нас на очереди стоит издание малороссийского хронографа, и хроника XVII ст., и малороссийского Евангелия XVI стол[етия]. Большинство готово было решить о необходимости оказать помощь на упомянутое издание Драгоманову. Но в конце концов голоса разделились поровну и вопрос остался неразрешенным, затянулся. Решили значительным большинством послать 100 руб. на стипендию и памятник Вл. Барвинскому. Кроме того, собрали по подписке 15 руб. Поручено Борисову отослать 115 рублей в редакцию «Діло».

10 мая 1883 г.

Партия бонапартистов действует. В Киеве образовался комитет грамотности и возник кружок, или общество, для учреждения народных чтений. Во главе первого стоят бонапартисты, Ренненкампф и К° с Андрияшевым в придачу, во главе второго стоит Хржонщевский, профессор, принадлежащий к либеральной профессорской партии, как отозвался жандармский полковник Новицкий. На стороне бонапартистов стоит губернатор Гудим-Левкович, удобное орудие бонапартистской и польской партии. Вот они и подстрекают этого администратора подводить подвохи под общество учреждения народных чтений, главным образом потому, что во главе его стоит Хржонщевский. Гудим-Левкович выставил Хржонщевского неблагонадежным и неблагонамеренным пред Дрентельном, генерал-губернатором. Этот, имея честных советников и докладчиков, не внял его доносам. Тем не менее чтения для народа, учреждаемые обществом, всеми средствами тормозятся, тогда как учреждаемыя комитетом грамотности покровительствуются.

11 мая 1883 г.

Реакция в правительстве — тем паче реакция в обществе, везде, во всех сферах, во всех местах. Кременчугский земец Булюбаш был по суду признан в 1880 г. злым, ложным доносчиком по политическим материям. Имя его в этом отношении получило всероссийскую известность. Если в какой местности обнаруживался ложный доносчик, обыкновенно выражались так: «И у нас появился свой Булюбаш». Булюбаш после того в своем земстве не был выбран и пользовался полным презрением. Ныне обстоятельства изменились: при недавних выборах в кременчугском земском собрании Булюбаш выбран в гласные огромным большинством. Говорят, что он будет выбран и председателем земской управы.

Приходит мне на память более поразительный пример превращений: после падения графа Толстого, в 1880 г., он, бывший министр народного просвещения, забаллотирован был в одном уездном мизерном земстве Рязанской губернии. Ныне же рязанское земство рвет и мечет против всего, что напоминает прогресс. Писали в газетах, что губернские гласные в Рязани изорвали статистические труды, предпринятые с целию уравнения повинностей, потребовали строгого отчета за деятельность, направленную в эту сторону, и закрытия статистического отдела.

12 мая 1883 г.

Предстоит замещение двух кафедр в нашем медицинском факультете: хирургии и акушерства. На первую кафедру явились конкурентами: Борнгаупт, Кузьмин и Яценко, последний из киевских. Первый — немец, плохо говорящий по-русски. Второй — москвич, вполне русский человек. Самым блестящим образом и на теоретической, и на практической лекции показал себя Кузьмин. Борнгаупт оказался крайне слабым на практической лекции: это общее убеждение. Яценко всегда считался слабым: так он и ныне себя показал. Между тем, баллотировка в факультете дала следующие результаты: Борнгаупт получил 9 изб[ирательных], Кузьмин — 7 и Яценко — 6.

На кафедру акушерства явились кандидатами: Толочинов, лет 12 состоящий доцентом по этой кафедре в нашем у-те, Рейн, молодой петербургский акушер, приват-доцент Медико-хирургической академии, и Сутугин, гофмедик, тоже считающийся приват-доцентом. Лекций они не читали и не было конкурса. Несмотря на значительную известность Толочинова, на его заслуги в нашем у-те, факультетская баллотировка дала следующие результаты: Толочинов получил 6 изб[ирательных], Рейн — 11, Сутугин — 7.

Всякий конкурент, носящий немецкую фамилию, может смело рассчитывать в нашем у-те получить перевес пред русским: одно звание немца прибавляет ему несколько шаров, увеличивает его шансы на успех. Принадлежность к немецкой национальности считается сама по себе качеством и талантом, стоящим многих других. За немца баллотируют не только чистые немцы, но и русские, перевертни малороссы и люди сомнительного происхождения, вроде Баранецкого и иных. Русские не проникнуты чувством национального достоинства: их немцы за нос водят, как и водили. Кроме того, они ненавидят малороссов из партии украинофилов,— а эти стоят всегда в противоположном лагере. И вот возможны такие явления, как немец Борнгаупт, плохо говоря-

щий по-русски и показавший себя слабым при делании операции, получает верх над чисто русским ученым, показавшим себя на высоте призвания. Чрез дней десять совершится баллотировка в совете: там повторится то же самое. Будут выбраны Борнгаупт и Рейн, а не Кузьмин и Толочинов. Говорят, что Яценко и Сутугин от дальнейшей баллотировки отказались. Толочинов очень хорошо известен как знающий профессор и опытный практик. Рейн же здесь никому не известен. И тем не менее шансы на успех Рейна вполне обеспечены.

12 дек[абря] 1883 г.

Борнгаупт и Рейн давно выбраны в совете, давно утверждены и с начала учебного года, 1883/84 г., исполняют обязанности профессоров [12].

16 мая 1883 г.

Вчера совершилась коронация. Все благополучно. Напрасно боялись. Хорошо, что совершилась. Все успокоятся. Народ не станет взваливать вины на интеллигенцию за безуспешность стремлений совершить коронацию. С другой стороны, перестанет ждать осуществления несбыточных надежд. Милости: раздача чинов и орденов; прощение штрафов и взысканий с чиновников; облегчение наказаний для общих преступников, упоминаются и политические. Административно-сосланные обойдены. Ждем подробностей: большего нет и быть не может.

Вчера на Софийской площади пришлось слышать следующий разговор между двумя пожилыми особами из интеллигенции.

— Наконец, дождались. Где же осуществление ваших надежд?

— Обождем и еще.

— Нет, милый друг, ждать нечего. Говорил я сто раз и ныне повторяю: пока не потребуем, не дадут ничего.

Конечно, это конституционисты. Долго им придется ждать — одному пока дадут, другому — пока потребуют. И то и другое равно далеко.

Заправляет партия, представителем которой служат «Московские ведомости» и «Русский вестник». В этих органах проповедывается такой образ мыслей и действий: интеллигенция изолгалась. Она хочет развратить народ. Народ — наша опора: до него не следует допускать интеллигенции, дарованием конституции. Крепкая власть самодержавия, опирающаяся на темный народ, и осуществляемая посредством бюрократии — вот спасение России. Руководствуясь этою программою, правительство Александра III пойдет дальше по пути реакции: коронация развяжет руки. Когда же настанет пора конституции, то народ будет первоначально все же отдан во власть землевладельцев и капиталистов. Иначе говоря: ныне над народом господствуют при помощи тех же землевладельцев и капиталистов, которыми в свою очередь управляет всемогущая, самодержавная бюрократия. В будущем народ будет отдан в руки землевладельцев и капиталистов, которые подчинят своему господству и самодержавную бюрократию, ограничив и самого самодержавца. И это будет совершено тою же партиею «Московских ведомостей» и «Русского вестника». Благо народное в обоих случаях ни причем: народ только наковальня, на которой выковываются и будут выковываться политические комбинации. В нынешнем положении порабощен народ и забываются его интересы; подчинена интеллигенция, землевладельческая и капиталистическая бюрократия. В будущем партия

землевладельцев и капиталистов соединится с бюрократией, заключит с нею союз посредством конституции и будет долго держать в прежнем порабощении народ. Но конституция даст некоторые блага всем, в том числе право складываться в открытые партии. Тогда-то образуется партия, которая поставит своею задачею защиту интересов народа.

Чрез два дня откроется общее собрание кредиторов торгового дома. Это, так сказать, судное время для администрации. Истекший год неблагоприятный и довольно несчастный: прибыль на 73 000 меньше предыдущего года. Что скажут верители-кредиторы? Много дум роется в голове. В прошлом годе при большой удаче я был неспокоен пред собранием. В этом году, несмотря на меньшую удачу, я равнодушнее. Что будет, то будет, а чему быть, тому не миновать. Много интересов связано с моим положением как председателя администрации. Весьма заинтересован в благополучном исходе.

Здоровье мое не особенно хорошо: многие припадки возобновились. Очевидно, я органически поврежден: едва ли здоровье мое возвратится в первобытное состояние. Весь организм мой ослабел: чувствую упадок в интеллектуальной деятельности. Млеют ноги, руки, чувствую жжение в спине и в затылке. Делать нечего: приходится подчиняться и быть готовым на все. Так я и отношусь. Чувствами ничего не возьмешь и ничего не переделаешь. Приходится покоряться Року.

27 мая 1883 [г.]

Общее собрание кредиторов прошло благополучно: в собрании мое влияние не ослабело. Некоторые тайные порывы против меня были, но они, не имея почвы, не проявились активно. Бразды правления оставались и остались в моих руках. При неблагоприятных результатах прошедшего года мы в состоянии были выдать только 1 %. Хорошо и то. Новый миллионный долг почти окончательно выплачен, осталось 10 тыс. руб. С 1878 г. проценты не платились. Следовательно, это возобновление уплаты процентов по истечении пяти лет. О, если бы это послужило добрым началом будущей непрерывной уплаты процентов. Некоторые из крупных кредиторов предлагали мне сократить число членов администрации с тем, чтобы Борсуков и Олтаржевский перестали быть таковыми. Речь шла и о Качале. Но я на это не согласился, ссылаясь на то, что администрация в таком составе выбрана на 3 года. Я не отвергал, что Борсуков и Олтаржевский мало приносят пользы делу своим членством, ограничиваясь присутствием в заседаниях администрации, каковых в год бывает не больше 20-ти. О Качале же я сказал, что он для администрации необходим. Я лично в собрании имел траты на 220 000 руб.— все это большей частию по доверенности. Таким образом, я по тратам и по голосам был самый сильный член собрания. Текущий год загрунтован у нас достаточно: посеяно и свекловицы, и пшеницы больше против прежних лет. Но что он даст кредиторам в действительности,— это пока покрыто мраком неизвестности.

Всходы пока хороши. Но уже свирепствовали жучек и червь подземная. В Кошмаках жучек истребил 25 дес. свекловицы, должны были пересевать. В Буртах жучек работал сильно: 23 мая там занято было 1200 чел[овек] его собиранием. Телеграфировали потом, что опасность миновала. Предстоит период гусеницы — этого страшного бича, который иногда пожирает в одну ночь целые плантации в 500 дес. В прошлом годе гусеница пожрала 215 дес. в Русской Поляне, отсюда плохой

был там урожай. Вчера получена была из Русской Поляны телеграмма, в которой извещают, что появились мотыльки, прародители гусеницы. Помню, они появились третьего года, но от гусениц Бог миловал, появились они в прошедшем году,— и чрез 9 дней, как и предполагали, вывелась гусеница, которая стала пожирать свекловицу. Что выйдет в этом году,— посмотрим: чрез девять дней будет ясно. Но опасность от гусеницы будет длиться еще два месяца: в прошлом году она появилась во второй половине июля.

28 мая 1883 г.

Как предполагалось, так и сказалось: административно-сосланные и политические осужденные не получили никаких облегчений. Дозволено только ходатайствовать об облегчении. Но это и прежде не было запрещено. Печати дан шиш. Зато с поляками ждут примирения. Граф Толстой вступил в соглашение с папой: русские интересы проданы полякам и католическому духовенству. После 1 марта Лорис-Меликов сменен был Игнатьевым. Против Игнатьева кричали, над ним насмехались. А он неизмеримо выше стоял и стоит Толстого. Игнатьев дорожил и дорожит именем русского. Он все же стоял за интересы бедных классов. Скажут, что то и другое принадлежало ему в микроскопической доле. Верно. Но мы не можем отрицать, что он был воодушевляем этими идеями. В Толстом мы получили чистой крови бюрократа. Он сделал и будет делать уступки: полякам, жидам, немцам. Одна русская интеллигенция останется в загоне. Итак, после 1 марта от Лорис-Меликова чрез Игнатьева дошли до Толстого. Дальше идти некуда. Русская жизнь уперлась в стену и обречена на застой. До коронации еще стеснялись. Все-таки чего-то боялись. Чтобы не раздражать, отложено было рассмотрение устава на осень. По той же причине не утвержден закон об обложении паспортов. Замолкли также и проекты об отдаче школ в руки духовенства. Осень покажет, что это только временная отсрочка. Вопрос о закавказском транзите решен высочайшим повелением. Оно подсказано было «Московскими ведомостями». В будущем одноличные распоряжения государя при издании законов будут являться чаще. Говорили, что новый университетский устав встретит в Государственном совете решительную оппозицию. Пусть будет и так. Государь утвердит мнение меньшинства, которое стоит за новый устав. Так поступил покойный Александр 2-й с гимназическим уставом Толстого: большинство было против его, но Александр согласился с меньшинством. Отвергнутый устав явился законом.

31 мая 1883 г.

Месяц назад я выписал галицийскую газету «Діло». С тех пор я прилежно ее читаю. Этим способом я слежу за политикою и делами галицких малороссов. В Галиции в настоящее время существуют две политические партии: одна, органом которой служит «Слово», верует и учит, что единственное спасение для галичан в единение с Россиею, в принятии ими общерусского языка, в присоединении их к России. Другая партия, органом которой служит «Дело», исповедует и учит, что спасение галичан лежит на них самых, в самостоятельном развитии галицкого народа на основах его собственной народности, как отдельной от великорусской. Эта партия старается писать и говорить на своем галицком народном языке, развивать народную литературу,

народную школу, народную самостоятельность. Первую партию называют и можно назвать москвофильскою, вторую — украинофильскою. Первая партия имеет сношения с Аксаковым, с славянскими комитетами и в последнее время пред процессом старалась завязать связи с высокопоставленными официальными лицами. Вторая партия имеет кое-какие сношения и связи с русскими украинофилами, совершенно чуждаясь связи с Москвою. Отношения к этим партиям следующие: русские политики вроде Аксакова, Модестова и иных, а равным образом и русское правительство все свои симпатии обращают на партию москвофильскую. За то галицкие поляки глубоко их ненавидят: в прошлом году они сочинили им скандал, возбудив против главных деятелей этой партии процесс, обвиняя их в измене. Нельзя сказать, чтобы были обратные отношения к партии галицких украинофилов. Правда, Аксаков, Модестов и другие приверженцы всяких захватов и моральных насилий над народностями славянскими с ненавистию относятся к ним, нападают на них, клевещут, утверждая, будто галицкие украинофилы продают интересы своего народа полякам, будто они получают подачки от поляков. Все это наглая ложь, плод отчасти невежества, отчасти, хотя в большей степени, национальной недобросовестности. Зато нельзя сказать, чтобы поляки благоволили к деятелям этой партии: они их не преследуют, но относятся к ним подозрительно и при всяком удобном случае готовы подставить им ногу. Это происходит от того, что галицкие поляки, захватив в свои руки власть, стремятся поработить галицких русинов, ополячить и окатоличить их.

2 июня 1883 г.

В мае месяце, в конце, происходили выборы в галицкий сейм. Галичане имеют 48 избирательных округов. И несмотря на это, они получили только 9 послов в сейм. Все прочие места послов достались полякам. Таким образом, на 150 послов, из коих состоит галицкий сейм, на долю русинов выпало 9 послов. Представительство русинов с окончанием каждого выборного периода более и более уменьшается. Когда я в 1871 г. в первый раз посетил Львов, в львовском провинциональном сейме сидело 45 послов из русинов, принадлежавших к национальной партии. Тогда русины считали 15 своих национальных послов в имперском сейме в Вене. Число это постоянно уменьшалось. В львовском сейме прежнего состава русинских послов было 14, а в нынешнем рейхстате русинских послов всего 3. Поляки систематически стремятся вытеснить русинов на всех поприщах деятельности. Они все захватили в свои руки: администрацию, суд, просвещение, политическое представительство, железные дороги. Русинам достаются объедки. Тесня русинов без исключения партий на всех пунктах, поляки прикидываются, что они это делают с целию противодействия их москвофильским поползновениям. Очевидно, это один предлог. Ибо поляки превосходно понимают, что большинство русинских деятелей, какова вся без исключения и партия «Дела», совершенно чужды москвофильских тенденций, они исключительно хлопочут о культурном и политическом развитии своего народа. Галицкие поляки ничего не забыли и ничему не научились. Впрочем, этого мало: скажу, что все без исключения поляки, в том числе и наши русские, начиная от пана Спасовича, подходят тоже под сказанную формулу.

20 авг[уста] 1883 г.

Между 2 и 12 июня я совершил поездку по заводам и экономиям, посвятив все это время на это занятие. Возвращался я домой 12 или 13-го, точно не помню. В Боярке, станции, садится в вагон Славатинский. Едва он показался в вагоне, как спрашивает меня:

— Знаете ли, куда я еду?

— А куда?

— Погребать Незабитовского: вчера умер. Я получил вчера записку от Ренненкампфа, который приглашал меня приехать, уведомляя, что Нез[абитовский] безнадежен. А здесь на станции узнал, что он уже умер.

Вечером того дня был вынос тела из квартиры, а на другой день — погребение.

Смерть Незабитовского была неожиданна. Правда, он последний год недомогал, жаловался на нездоровье, но был на ногах. 31 мая я еще видел его в заседании совета. Врачи-товарищи советовали ему остерегаться и держать диету. Он уехал к себе в хутор, верст за 40 от Киева; он его устраивал, ел обыкновенную пищу и, между прочим, съел 25 ушек, заболел вдали от семьи, крепился больной несколько дней, был затем в Киев привезен в безнадежном состоянии и скоро скончался.

Незабитовский родом из м. Брусилова, недалеко от Киева; сын канцелярского служителя; воспитывался в киевских гимназиях и в Киевском у-те, где он окончил курс в 1846 г. по юридическому факультету. Начал службу в гражданской палате. Скоро перешел в учебное ведомство. Был сначала учителем законоведения в гимназии, а потом профессором в Нежинском лицее. В 1853 г., в год моего поступления в у-т студентом, он перешел в Киевский у-т, где был до конца дней своих профессором международного права. В литературе юридической он мало известен. Магистерская его диссертация, историческое исследование по русскому законодательству, кажется, вопроса об акцизе, осталась ненапечатанною. Докторская его диссертация о праве владения территориальными водами, представляет тощую брошюрку, написанную по немецкому шаблону. Более он известен как официальный рецензент докторских и магистерских диссертаций по поручению факультета, таковых наберется с десяток. Он был, впрочем, очень начитан человек и имел хорошее юридическое образование. Незабитовский был по натуре очень добрый человек. Но по характеру способный идти в чьем-нибудь хвосте, он всегда шел у кого-нибудь на пристяжке; он служил верою и правдою киевским немцам и киевским ретроградам. Пока в нашем факультете был Цехановецкий, под влиянием которого находил[ись] Демченко и Славатинский, он был у этой кампании на послушании. В этот период он был враждебен Ренненкампфу. Когда ему пришлось быть рецензентом его «Очерков энциклопедии»[13], он хотел не принять этой работы за докторскую диссертацию, и написал едкую критику на это сочинение. И это не потому, чтобы это сочинение было хуже подобных, представляемых на докторскую степень, а вследствии того, что его настроили Цехановецкий и К°. Около этого времени подал мне кандидатскую диссертацию студент Качаунов. В этой диссертации он просто обругал Ренненкампфа. Я этой диссертации не принял, по ее неприличию, и не желая давать повода моим товарищам думать, что я внушаю студентам дурные мысли о моих товарищах. Между тем, Качаунов, родственник Незабитовского, находил-

ся в то время под влиянием сего последнего и набрался его мыслей. В последний период своей жизни он состоял в послушании того же Ренненкампфа, которому он рыл яму. Он, по его внушению, вышел из Киевского юридического общества, вместе с ним, Стрельниковым и К°, по поводу моего столкновения с Пихном, в это время он развивал и распускал мнение, что я революционер. Он был вполне прихлебателем стряпни, которую состряпал Ренненкампф или кто-либо иной.

Во время отпевания говорили речи: Ренненкампф, Славатинский и Эйсман. Первые два превознесли его до небес, находили в нем и глубокий ум, и чистейшую нравственность и неподкупную честность. Речь Ренненкампфа особенно была чувствительна. Славатинский по обыкновению не воздержался даже при сем случае, чтобы не кольнуть живых и не бросить камень в наш огород. Эйсмана речь была суха и нескладна.

Два первые оратора напомнили мне своими речами над гробом Незабитовского свои подвиги над гробом Иванишева. Иванишев был их профессором, наставником, покровителем и руководителем, когда они вступили преподавателями в у-т. Они были у него хорошо приняты: собирались у него один раз в неделю по вечерам, где он советовался с ними, в том числе с Демченком и Сидоренком, по факультетским делам, угощал их ужином и т. п. Но вот роли переменяются: наши юные ученые начинают заседать в совете и начинают грызть своего учителя. Застрельщиком являлся Демченко, тайною, скрытою душою Ренненкампф и Бунге. Демченко играл роль кошки, которую обезьяна употребляла для вытаскивания каштанов. Обиженный Иванишев — юморист и остряк по природе — выразился раз: «Я похож на Сатурна с противоположной стороны: Сатурн пожрал свох детей, а меня едят мои дети». Иванишев, боясь злобы своих учеников, ушел из университета, прервав навсегда всякие отношения со своими учениками и товарищами. Блудные дети пришли на могилу и стали его хвалить: мертвые сходят с дороги, может быть, потому. Людское легкомыслие и непостоянство.

Незабитовский был двоедушен и не без лукавства. Когда он был в дурных отношениях с Ренненкампфом, последний называл его униатом. Когда Сокольский, ныне профессор Ярославского лицея, был в нашем факультете и защищал докторскую диссертацию, случился такой казус. Я был рецензентом его очень слабой диссертации. В беседе моей с Незабитовским последний, в согласии с моими мнением, высказался о диссертации Сокольского, как об ученической работе. Но когда я докладывал мою рецензию в факультете и когда, с другой стороны, Бунге и К° выступили на защиту Сок[ольского] достоинств, Незабитовский пристал к К°. Я не выдержал и сказал: «А не вы ли, Василий Андреевич, в разговоре со мной выразились о сей работе так-то». Незабвенный образец морали Незабитовский был в великой на меня претензии за то, что я вывел на чистую воду его двоедушие. Узнав по сему и другим случаям его двоедушную натуру и его способность подделываться и поддакивать, я с тех пор не верил искренности его отзывов об ученых работах: в них всегда скрывался какой-нибудь задний мотив. И этого человека во гробе выдавали юношеству за образец подражания, за человека истинно нравственного, чистого и непорочного.

А вот пример его отношения к ученым вопросам: взялся он за разработку вопроса о чиншевиках. Докладывал в Киев[ском] юрид[ическом] обществе. Доказывая, что отношение чиншевиков к земле суть отношения простых арендаторов. Когда его противники приперли к стене своими возражениями, он изменил фронт. В последующей разработ-

ке этого вопроса он стал доказывать, что владение чиншевиков основано не на праве, а на панской милости. Таким решением он очень угодил польским панам и польским адвокатам, которые с тех пор стали ходить советоваться к нему по вопросам, по которым можно было придушить крестьян. Чиновники канцелярии генерал-губернатора Меркулов и Рудченко написали записку в другом духе, справедливо отстаивая права крестьян на чиншевую землю. Да, Незабитовский по натуре принадлежал к типу книжников и фарисеев, и если бы ему пришлось жить во времена Христа, то он сидел бы в синедрионе и участвовал бы в осуждении Христа вместе с Анною и Каиафою. Он был тот дюжинный человек, им же несть числа; добрый в частной жизни, он мог наложить руку на самое святейшее дело, в котором заинтересованы и правда, и истина, и благо, и милость. Уста его гласили ту или другую мысль, ту или другую истину. Нужно было всегда прислушиваться, откудова сия и кто ему ее внушал. Труба, на которую наигрывал, и кто же — душители, ретрограды и враги народа.

25 сен[ября] 1883 [г.]

Дня четыре назад получил я письмо с надписью: «От помощника начальника жандармского управления». Письмо получено в моем отсутствии. Оно очень встревожило Сашу, не знавшую о его содержании. В письме этом приглашали меня в жандармское управление для спроса меня по государственному преступлению. Я успокоил Сашу. Однако ж сам на минуту встревожился. Но рассудивши, что из ничего ничего не бывает, стал спокоен и только ждал с любопытством, по какому такому делу меня приглашают. А все же, однако, едучи вчера на Печерск в проклятое управление, по дороге вынул из бумажника маленькую бумажку и разорвал. На ней были написаны адреса, по которым можно адресовать Драгоманову письма и посылки и по которому его можно отыскать в Женеве. В адресах этих имя Др[агоманова] не упоминалось. У страха глаза велики. Я предполагал, что меня призывают по делу Е. И. Борисова, недавно арестованного. Борисова я знал и как члена Юридического общества, и как сотрудника «Зари», и как громадянина, но не состоял с ним ни в каких специальных отношениях. Нежданно оказалось другое лицо, из-за которого меня призывали. Арестована урожденная Симонова вместе с каким-то нелегальным гражданином, три года скрывающимся. Нужно было удостоверить ее личность. Она — внебрачная дочь Симонова, известного в малороссийской литературе под именем Номиса, и Надежды Михайловны, уроженной Белозерской, по мужу Забела. Для удостоверения личности арестованной приехала ее мать. А так как сама личность матери несколько запутана легальным и нелегальным замужеством, то потребовалось удостоверить ее личность. Она сослалась на меня, отсюда мой призыв.

С Новицким, начальником киевской жандармерии, я говорил долго. По выходе из управления мы шли вместе до конца Липок. В управлении я указал ему на то, что в призывной бумаге было сказано «для спроса Вас по государственном преступлению», тогда как следовало оговорить *в качестве свидетеля.* Он извинился и сказал: вот мой помощник, который писал бумагу, разъясните ему его недосмотр. На это я заметил: «Видите ли, лично я ни на минуту не сомневался в качестве кого меня призывают. Но пакет принят был моею больной женой. Он-то ее очень встревожил. Ведь, вероятно, Вы знаете, что Ваше учреждение возбуждает в русском населении безотчетный страх». Когда я это ска-

зал, стоявший товарищ прокурора пирснул со смеху. Новицкий хотел высказаться пред мною гуманным и строгим блюстителем закона. Творящий беззаконный суд и расправу строгий блюститель закона, проявитель гуманности!!!

Так как Симонова-Забела не явилась, то я просил, чтобы меня больше не тревожили, а приехали бы с ней ко мне.

29 сент[ября] 1883 г.

Третьего дня похоронили Тургенева в Петербурге на Волковом кладбище, куда его привезли из Парижа. Печать как европейская, так и русская в течение месяца, протекшего с его смерти, занята была определением заслуг этого великого писателя. Из всех русских писателей он наиболее известен в Европе. Этому значительно способствовало и то, что лет 20 или более — последних — прожил в Европе, преимущественно в Париже. Париж провожал его мертвого так, как никого из иностранцев. Речи произнесены были Ренаном, Эд[моном] Абу и Вырубовым. Лавров и Катков отпраздновали другую тризну над гробом великого человека. Лавров в одном из своих изданий обнародовал тот факт, что Тургенев ежегодно давал по 500 ф[ранков] на издание журнала «Вперед». Катков это известие сначала перепечатал без комментариев. Когда же честная печать отозвалась в защиту умершего писателя, Катков напечатал срамную и бесстыдную статью, в которой старался унизить умершего, оплевать его, выставить его бесхарактерным человеком, покупавшим снисхождение и популярность дачею денег. На гроб и могилу Тургенева положено было около 200 венков, в том числе и от киевских студентов. С этим последним венком вышла целая история. Когда наши студенты задумали подписку на венок, Ренненкампф-ректор объявил, что он разрешает с тем, чтобы студенты вносили деньги в канцелярию по студенческим делам. В результате оказался целый рубль взноса в эту канцелярию, а помимо ее студенты между собою без разрешения начальства собрали 170 руб. и послали одного из своих в Петербург. Но этот депутат не выступил открыто, а поручил возложить венок Григоровичу: он не выступил сам потому, что побоялся мести бонапартиста. Ренненкампф в звании ректора и профессора притесняет студентов за их убеждения. Так, он обрезал на экзамене студента Жданова за то, что этот молодой человек участвовал в малороссийском хоре. Жданов был прежде вхож в его семью. Ренненкампф и его приказчик Демченко и иные не дали кандидатской степени Глебову, очень способному студенту, получившему зол[отую] медаль, за его участие в малороссийских концертах.

На днях читал первую лекцию вновь избранный профессор акушерства Рейн. Ожидания были большие: действительность оказалась ничтожною. Лекция вышла и пошла, и подла: жидка, фельетонна и сопровождалась и вставаниями и приседаниями перед власть и влияние имеющими. Он объявил, что в своем преподавании он будет придерживаться научного метода. Я же думаю, что будущая его деятельность определится тем, что он поступит в прикажчики к бонапартистам и будет преследовать исключительные цели широкой практики для наживы. Итак, ожидания приобрести в Рейне, молодом еще человеке, истинно научную силу не только не оправдываются, но, что еще хуже, не оправдаются: видна птица по полету.

5 октября 1883 [г.]

Был помощник начальника киевской жандармерии Малецкий вместе с Н. М. Симоновой-Забела. Я удостоверил ее личность: протокол написан был у меня на дому. Оказывается, что Мария[14] Симонова сошлась с Малеваным, который был административным порядком сослан в Сибирь, в Забайкальский край, оттуда бежал и года полтора-два скитался под паспортом Дьякова, поручика. Его накрыл в одной из киевских гостиниц Малецкий, а вместе с ним и его сожительницу Симонову, которая теперь на 9 месяце беременности. Они хотят повенчаться, но им пока не дозволяют: послано их прошение министру внут[ренних] дел.

С Малецким я беседовал с час: он говорил языком человеческим. Это ведь такова порода: мягко стелют, жестко спать. Спрашивал я, за какие дела арестован Борисов. Оказывается, что у него бывал Малеваный и другой нелегальный, Присецкий, который года три скитался то в России, то за границей. Кроме того, у него найдены заграничные издания, драгомановские брошюры и т. п. Когда мне Малецкий сказал о последнем, я взял со шкафа издания Драгоманова и показал ему в доказательство того, что они общераспространены. Борисов вместе сослан был и вместе жил с Малеваным в Сибири. Итак, если он давал пристанище, то другу. Только его и вины. Малеваный же был сослан не за дело, а за мысли Тотлебеном и Панютиным, заслужившим проклятие целой России за свои тиранические дела. Речь была у меня с Малецким о Стрельникове. Он не одобряет его образа мыслей. Утверждает, что сам Новицкий его воздерживал и предупреждал. Еще бы. Два, ведь, медведя в одной берлоге не уживаются. Спрашивал я у него и о Харламове: исчез из Киева бесследно, он ничего не делал и не выходил из своей берлоги. Конечно, заменить Стрельникова не мог: этот был инквизитор по натуре, независимо от того, что он был карьерист. Харламов попал в мастера инквизиторских дел по случаю. По уверению Малецкого, Харламов вральман, а Удав-Стрельников играл на карьеру.

Приехавшие из-за границы передают, что Драгоманов в полном разладе с радикалами. Это рассказывает Житецкий, перечитавший всю летучую заграничную русскую прессу во время своего пребывания в Вене и Карлсбаде, то же подтверждает и Рубинштейн, проживавший несколько дней в Женеве и видевшийся каждый день с нашим эмигрантом. Драгоманов, обмениваясь мыслями с радикалами, говорит им прямо, что убийствами нельзя достигнуть преобразования и перерождения России, что не следует втягивать в радикальную политику отроков и безбородых юношей, что воровство и разбой — непригодные средства для благородных целей. Радикалы ответили ему личною бранью и личным унижением и очернением его деятельности. Некто Черкезов, из эмигрантов, простер свою клевету до утверждения, что Драгоманов издавал «Вольное слово»[15] на деньги русского правительства, к которому он поступил в агенты. Драгоманов передавал Рубинштейну, что к таким клеветам подало повод следующее событие. Когда царствовал Игнатьев, то он действительно присылал чрез своих агентов предложение Драгоманову получать субсидию в воздаяние за борьбу с радикалами. Драгоманов понаивничал, пооткровенничал, сообщив о сей попытке его подкупить некоторым из радикалов: они ныне, перевернув наизнанку, употребили этот случай против него.

8 октября 1883 г.

Мищенко, два раза забаллотированый, опять представлен в экстраординарные. Все эти дни я вел беседу с разными членами совета, чтобы их убедить поступить по отношению к этому ученому справедливо. В прошеднее воскресенье был даже у Сидоренка, с которым я уже давно беседовал по-товарищески. Он, по-видимому, склоняется переменить образ своего поведения. По совету его, я, идучи от него, зашел к Ренненкампфу, да, к самому Ренненкампфу. Его не застал дома. Но чрез час он сам ко мне пришел, и мы пробеседовали часа полтора. Обнаружил склонность к примерению, хотя просил дать ему время подумать и переговорить с некоторыми. Третьего дня я был у него — и он в конце концов обещал положить белый шар. В разговоре с Сидоренком и Ренненкампфом я старался склонить их посмотреть на баллотировку Мищенка с точки зрения интересов университета и замирения партий, которому я готов сам усердно содействовать. Я им доказывал, что борьба партий доведена до остервенения, до одичания, что от нее страдают крепко интересы университета, что от нее мы сами дичаем, что прекращение этой борьбы и установление компромиссов может успокоительно подействовать и на нашу частную жизнь, что справедливое отношение к Мищенку, которое может выразиться его выбором, и может повести к замиранию. Мою речь я иллюстрировал последними событиями, историею, разыгравшеюся вследствие кляузного мнения Шеффера, которое подал он в совет и которое содержало в себе пасквиль на Хандрикова.

Оба они склонились, по-видимому, к восприятию моих доводов. И как не склониться? Оба они много понесли урону от борьбы партий; обоих их шельмовали и в обществе, и печати. Сидоренко склонен к примерению по званию управляющего банком взаимного кредита. Ренненкампф как ректор университета. Последний в особенности должен желать, чтобы дела университета шли без кляуз, без стычек, без скандалов, без остервенения.

Вчера я беседовал и с Демченком: это более темный и более серый дом, в который труднее, не с таким удобством и не с таким освещением входишь. Он, как натура способная играть скорее роль приказчика, чем хозяина, более вилял. Ultima ratio[16] был для него тот довод, что Ренненкампф дал слово положить избирательный шар. В конце концов Демченко обещал подумать и сказать чрез несколько дней окончательное свое решение.

21 окт[ября] 1883 г.

Сегодня была баллотировка Мищенка. Три раза повторилась, каждый раз он получал большинство белых, в первый раз — 26 против 20, во второй раз — 27 против неизвестного числа черных,— Ренненкампф-ректор уронил ящик с неизбирательными шарами прежде их счета,— в третий раз — 24 против 21. И каждый раз оказывалось, что общий счет шаров не соответствует числу баллотировавших. В последний, третий раз, Ренненкампф мне сказал, что верно и что Мищенко выбран. Я и многие другие вышли из совета. Иконников, декан, отправился к Мищенко, чтобы объявить об счастливом исходе. Я за ним. Поздравили. Как чрез несколько минут является Лучицкий и объявляет, что баллотировка признана неправильною и несостоявшеюся.

Пятнадцать лет я сижу в совете. Каждый раз, когда дело идет,

против которого восстают университетские шулера, баллотировка бывает сорвана неправильным бросанием шаров. Это всегда дело двух университетских шулеров Эргардта и Шеффера. Так и теперь. Сидоренко, Ромер, Славатинский заявили мне, что они кладут белый, Буданов заявлял членам факультета о том же. Но по счету выходит, что они положили черные. Вот кто является воспитателями юношества. Люди, которые в глаза лгут, люди, которым слову нельзя верить. В совете заседают многие флюгеры, которые способны вертеться по ветру. Но есть несколько моральных плутов, нравственных шулеров. К ним принадлежат преимущественно Шеффер и Эргардт. Последний, будучи деканом, выдавал фальшивые свидетельства о выдержании экзамена и об удостоении степени провизора таким фармацевтам, которые не выдерживали экзамена. Дело замяли, свалив вину на письмоводителя медицинского факультета Матковского, которого, однако ж, только уволили, но не предали суду, ибо если бы они сделали противное, то он бы разоблачил мошенничество Эргардта.

22 октября 1883 г.

Исход баллотировки Мищенка расстроил меня до того, что я провел бессонную ночь. Душа до глубины возмущена нравственным шулерством многих из членов университетской коллегии: приходится действовать в той среде, в которой копошится интрига, ложь, обман, легкомысленное непостоянство, готовность продавать свою совесть за чечевичную похлебку, самое возмутительное флюгерство. Сидоренко, по-видимому, так искренно со мной говоривший две недели тому назад, который с таким видимым одобрением отнесшийся к моим заявлениям, стремится к изгнанию партийности, интриги и водворению миролюбивого настроения, который за минуту до баллотировки заявил о том, что положит белый,— тот самый Сидоренко в течение всего заседания бегал, суетился, шептался и сеял семена зла. Ромер, с таким пафосом выражавшийся о своей готовности содействовать выбору ученого, достоинств которого он не отрицает, тот самый Ромер обрабатывал душу Павлова, этой нравственной и умственной падали. Сам Ренненкампф, обещавший положить белый и положивший таковой, под рукой соизволил на эту интригу и, может быть, с намерением уронивший баллотировочный ящик с неизбирательными шарами, когда увидел большинство значительное шаров в избирательном ящике. Да, эта среда не лучше тюремной, нет, хуже, ибо тюремные сидельцы — те открытые воры, грабители и мошенники, а эти носят личину добропорядочных людей, живут и действуют в неприступной по закону среде, будучи и по натуре и по деятельности плутами и мошенниками.

23 окт[ября] [1883 г.]

На днях были у меня: Рубинштейн, Житецкий, Косач и Трегубов. Да, был сам Рубинштейн, и проговорил целый вечер по-малороссийски. Делает поворот, обнаруживает готовность несколько примкнуть к украинофильской партии. Некогда он почти вытолкнут был из нее: виновником этого изгнания был Драгоманов, возмущенный образом действий сего дельца. Говорят, что это выталкивание случилось в квартире Житецкого. Драгоманов, поддерживаемый своими сателлитами из молодежи, поставил принципиальный вопрос о буржуазии и банкирах, как лицах таких, которые не могут быть терпимы в громаде. Житецкий,

хозяин дома и университетский товарищ Рубинштейна, старался и раз, и два, и три замять этот вопрос, но не мог победить напора. Рубинштейн слушал, но затем, окончательно поняв, что принципиальный вопрос есть только предлог,— взял шапку и ушел. С тех пор он был в холодных отношениях с партиею. Этим летом он был за границею: воспользовавшись этою поездкою, он заехал в Женеву и провел там несколько дней в сообществе с Драгомановым. Может быть, этому повороту способствовало то, что Рубинштейн в последнее время потерпел поражение на городских выборах как крещенный еврей и что в последнее время партия городских дельцов оттолкнула его от себя. Вероятно, этому способствовало и то, что сам Драгоманов в последний год обнаружил в своей деятельности такие тона, которые более симпатичны Рубинштейну. Они встретились за границею дружески. Возвратившись из-за границы, Рубинштейн заговорил о необходимости оказать денежную поддержку Драгоманову. Не знаю, дали ли ему знать, что таковая ему оказывается. Сам он изъявил желание давать на сей предмет 200 руб. Оказывается, что Рубинштейн, Житецкий, Константинович, Тумасов и другие во время своего студенчества жили в моем доме задолго до перехода его в мою собственность. Жили они во флигельке, на месте которого я построил новенький домишко. Квартира их называлась Месопотамиею. Здесь они издавали малороссийский юмористический журнал «Поми[й]ницю». Журнал этот находится в руках Юзефовича-junior, который тогда принадлежал к молодой украинофильской партии под именем Жука и который потом сделался ренегатом, причинившим много тайного зла прежним своим товарищам.

О Юзефовиче-juniore когда-нибудь поговорю подробнее. Я помню поцелуй его, когда я рыдал над еще не охладевшим трупом самого младшего моего брата Владимира. Помню также его в роли шафера, когда мы ровно девятнадцать лет тому назад — сегодня годовщина — венчались во Владимирской церкви.

Рубинштейн при недавней встрече с Юзефовичем и просил, и молил его отдать оригинал «Поми[й]ницы», но он даже не соглашался дать с него копию.

26 окт[ября] 1883 г.

Ф. Лебединцев, редактор «Киевской старины», хлопотал о даровании ему казенной субсидии на издание этого журнала, имеющего недостаточное количество подписчиков. О даровании ему субсидии сделал представление попечитель Голубцов. Вслед за представлением ездил в Петербург сам Лебединцев и представлялся Толстому, который, приняв его любезно, дал видимое обещание, которое возбудило в нем положительные надежды. Он сказал, что он готов, если согласится министр финансов. По крайней мере, так передавал свою беседу с Толстым Лебединцев. По его рассказу, доклад будет сделан в скором времени Феоктистовым, главным начальником по делам печати, и все дело стоит за Бунге. Возвратившись из Петербурга, он был у меня и беседовал о том, кто бы мог из Киева написать Бунге, который любит Киев и внимает голосу здешних. «Кто же?» — я спросил. «Субботин, который считается побочным сыном Бунге»,— был его ответ. Я на это ему заметил, что хотя Субботин и считается таковым, но на деле едва ли это так, а во-вторых, Субботин не такой авторитет в глазах Бунге, чтобы этот внял. Тогда Лебединцев сказал, что Голубцов обещал быть у Ренненкампфа, чтобы убедить его написать Бунге. Я ответил, что Реннен-

кампф посильнее Субботина в глазах Бунге, но только он ни под каким предлогом не станет писать своему патрону и приятелю о даровании субсидии «Киевской старине». Тогда Лебединцев сказал, что Антонович В. Б. обещал написать Бунге, и оказалось, что он действительно написал. Бунге до сих пор ему не ответил, а между тем на днях пришло из Петербурга известие, что сам Толстой, выслушав доклад Феоктистова, приказал отказать Лебединцеву в его просьбе. Да иначе и быть не могло. Не слепой же Толстой. Небезызвестно ему, что «Киевская старина» держится украинофилами-сотрудниками и проникнута решительными симпатиями ко всему малороссийскому. А Толстой был в 1875 г. членом того комитета, который был виновником издания запретительных правил относительно малороссийской литературы. Да, и сам Бунге не совсем был морально чужд доносов Юзефовича на движение малороссийское, доносов, которые были сделаны этим сикофантом в 1875 г. Говорят, что Бунге вместе с Ренненкампфом, Шульгиным и Пихном, тогда еще птенцом, присутствовал на совещании, бывшем у этих бонапартистов, когда Юзефович возвратился из Петербурга, где он совершал свои злодеяния.

Вообще, вся история с этою субсидиею от начала до конца фальшь. Искали великих и богатых милосердств от людей, враждебно расположенных к идеям, которые пробиваются в «Киевской старине». Хотели склонить к ходатайству о поддержке тех людей, которые желали бы всякого украинофильствующего утопить в ложке воды. Легкомысленная наивность, объясняемая только тем, что Лебединцев мало посвящен в политику и что он втянул в свои планы и тех, кто по собственной инициативе никогда бы не решился на эти шаги. Когда сделалось известным о деяниях Лебединцева, громадяне отнеслись к ним с величайшим недоверием во всех отношениях. Я мало верил, но не порицал. «Дай Боже нашему теляти да вовка поймати»,— говорил я. Получись субсидия, вышел бы курьез: в «Киевской старине» под именем Толмачева помещает невинные материалы Драгоманов, тогда вышло бы, что этот радикал сотрудничает в субсидированном журнале и получает гонорар из правительственной субсидии. Хорошо вышло, что субсидия не состоялась: она бы могла повлечь за собой такие последствия, которых и предвидеть ныне нельзя. Я говорю, что хорошо, что не состоялась: справедливо сказать, странно было бы, если бы она состоялась — только одна наивность и непонимание могли возбудить в Лебединцеве и решимость о ней ходатайствовать, и надежду на ее получение. А наше добродушие и некоторая невыдержанность в принципах могли нас подвинуть на содействие ей в мыслях и рассуждениях. По настоящему громадяне были более правы, чем Антонович и я, которые некоторым образом поддакивали, хотя отнюдь не подталкивали, Лебединцеву.

1 ноября 1883 г.

Вчера я был у Афанасьева, чтобы просить его медицинского совета в болезни сына Бориса. Просидел у него с час. Он сообщил несколько интересных фактов внутренней центральной и местной политики. Вращаясь в сфере генерал-губернаторских чиновников и посещая в качестве врача генерал-губернатора, он имеет возможность знать кое-что особенное. Последовало тайное высочайшее распоряжение о том, чтобы ни одна депутация не могла состояться по какому бы то ни было случаю или празднику без разрешения генерал-губернатора или губернато-

ров. Высочайшее повеление — это собственно повеление Толстого. Этот делец свои личные похоти, симпатии и антипатии прикрывает авторитетом высочайшей власти, низводя ее до служительницы своих прихотей. Это высочайшее повеление — ответ на торжественные похороны, устроенные русским обществом Тургеневу. Абсолютная власть хочет запретить русскому обществу дышать.

Вслед за ревизиею Кирилловского богоугодного заведения, окончившеюся увольнением одного Шеффера Артура, плутовства которого дознаны, последовала ревизия тюремного управления в Киеве. Ревизию проводил тот же Покровский, честнейшая душа. В помощь ему прислан был чиновник по тюремной части из Петербурга. Открыты крупные и резкие злоупотребления: и как их не открыть, когда истории их и начала не видно. Главным воротилом всех тюремных мошенничеств является некто Шостаковский, секретарь тюремного комитета, из воспитанников Киевского у-та. Это старый, очень опытный и очень неглупый плут. В руках его сосредотачивается заключение контрактов не только по тюремной части, но и по другим частям. Контракты эти заключаются с подрядчиком Вольфзоном, плутом известным. Открыты и доказаны несомненными доказательствами мошенничества Шестаковского, в числе других какая-то мошенническая сделка, путем которой в карман Шостаковского и К° попала стоимость 400 саж[ен] дров. Шестаковский, говорят, делился с Гессе, прежним губернатором. Но он пользуется сильным покровительством и нынешнего Гудим-Левковича. Несмотря на доказанность его мошеннических проделок, он остается на месте. Дрентельн тоже не хочет его увольнять. Мало того: отношение главного начальника тюремного управления Галкина-Враского к генерал-губернатору о том, что Шостаковский уличается в мошенничестве и в казнокрадстве очевидными и неопровержимыми доказательствами, остается пока без последствий. Причины другой такому покровительству со стороны Дрентельна отыскать нельзя, кроме его крайней ограниченности, дубиновидности, равнодушию к общественным интересам и интригам женской половины. Покровский возмущен всем этим. Он режет Дрентельну с плеча, называя Шостаковского прямым плутом и мошенником. Речь шла у него с Дрентельном о возникновении у Шостаковского-сына, батальонного врача, огромного трехэтажного дома.

Я, между прочим, выразил мысль: как было бы хорошо, если бы Покровский вел мемуары об этих и подобных событиях и собирал бы материалы посредством снятия копий с важнейших бумаг. Оказалось, что на эту мысль Афанасьев раньше меня навел Покровского. Осуществит ли он ее, не знаю.

Шостаковского я знаю лет двадцать. Он давно мне казался подозрительным. В начале моей профессуры, когда я был еще приват-доцентом, я вознамеривался изучить положение и состояние киевских тюрем и для сей цели искал звания директора тюремного комитета. Звание это я получил и стал посещать заседания тюремного комитета и Киевскую тюрьму. Сначала эти заседания, хотя изредка, но бывали, и я подписывал протоколы о состоявшихся заседаниях. Впоследствии, и притом скоро, мне стали присылать протоколы о таких заседаниях, которых никогда не бывало. Наконец, Шостаковский стал меня приглашать на заседания, в которых подписывались приходо-расходные книги. Я увидел, что дело ведется подозрительным способом и что Шостаковский, должно быть, нечист на руку. Не желая играть роль простака, содействием которого пользуется хитрый плут, я просил уволить меня от звания директора тюремного комитета. С тех пор, когда встречался со

мной Шостаковский, в моем уме всегда возникало предположение, что это человек не чистый. Нынешние события представляют прямое подтверждение моих догадок и впечатлений.

3 ноября 1883 г.

Завтра предстоит решение дела Мищенка. Ректор Ренненкампф не упомянул о нем ни слова в повестке. В этом видят многие новую засаду, пущую каверзу. Ренненкампф делает вид, что он будет способствовать справедливому исходу этого дела, что он поручил составить справку о подобных баллотировках, что он будет клонить к тому, чтобы признать выборы состоявшимися. Те, которые считают его моральным плутом, шулером в общественных делах, говорят, что если не состоится завтра утверждение выборов, происшедших в прошедшем заседании, то, в случае приступа к баллотировке, явятся протесты о том, что баллотировка, долженствующая произойти завтра, незаконна, так как о ней не было упомянуто в повестке. Если это выйдет так, то, значит, Ренненкампф составил стачку и устраивает шулерский подвох. В таком разе, повторяю, что университетский мир есть мир острожников и каторжников моральных. Посмотрим, что будет завтра. Ренненкампф лично меня уверял, что ему все это дело неприятно, что он сам, как ректор, заинтересован в благополучном исходе, что он отдаст мне свой шар на баллотировку Мищенка, если такова произойдет. Ренненкампф замечательно двуличный человек: он может давать явный вид один, а за кулисами работать совершенно иначе. Ужели если он сплошь и рядом так поступает, не постигнет его кара небесная. Но существует ли она? Если бы существовала, подлецы бы не торжествовали и не благоденствовали бы. Я только что возвратился из совещания, бывшего у Антоновича. Вышел весь разбитый, выслушавши ряд подозрений, ряд боязней насчет гнусных похотей Ренненкампфа, Эргардта и К°.

11 ноября 1883 [г.]

Баллотировка Мищенка прошла благополучно: он получил 29 белых и 15 черных. Ренненкампф дал мне свой шар, сдержав свое слово. Подозрения в затеянной им интриге оказываются неосновательными. Мир нашей университетской коллегии есть мир крайне испорченный. Вследствие частости повторения интриг лучшие люди проникнуты крайним недоверием и подозревают в противниках одну способность к коварству и засадам. В течение всего времени, которое протекло от первого заявления и баллотировки Мищенка до последних его выборов, я старался уверить других, основываясь на переговорах с Ренненкампфом что он не надувает и не обманывает. Его противники, Хандриков, Хржонщевский и за ними сам Мищенко, до последней минуты объясняли все его действия в самую дурную сторону. В подобной атмосфере можно задохнуться. Правда, оппозиция имела значительные основания так думать. Мищенка забаллотировали в 1881 и 1882 гг. В предпоследние выборы самым наглым образом его выборы объявлены были несостоявшимися, несмотря на то, что он был три раза выбран. Влияние и оттягивание Ренненкампфом внесения о баллотировке в повестку; ронение им баллотировочного ящика, невнесение в повестку дела о несостоявшейся баллотировке. Затем известная двуличность Ренненкампфа и расположенность его ходить не прямыми путями. Все это крайне неблагоприятно действовало на напуганное воображение его противников. Я был между двух огней: между уверениями Ренненкамп-

фа, что он лично готов содействовать благоприятному исходу, и крайними подозрениями и опасениями его противников. Сам Мищенко раз меня попрекнул в оптимизме, когда я стал удерживать их от излишних подозрений. Такова судьба всех действующих между двумя партиями: по временам, она бывает иногда очень плачевна. На сей раз для меня исход благополучный.

12 ноября 1883 г.

По 1 октября включительно я вручил Мищенку переданных мне в разное время В. Ф. Симиренком на громадские нужды 1750 руб. Третьего я отдал ему 750 руб. за октябрь, ноябрь и декабрь, т. е. по 1 января включительно. Кроме того, Симиренко дал в марте 800 руб. для отсылки Драгоманову.

22 ноября 1883 г.

В четверг вечером я выехал из Киева для обозрения учреждений администрации: обозрел Городищенский завод, Буртянскую экономию, Русскополянский завод и Рокитянскую экономию. Было два дня свободных и два дня праздника. Спешил возвратиться к лекции — и возвратился. Но вчера со мною приключился такой тяжелый желудочный припадок, что я пролежал весь полудень. Чуть не случились на улице рвоты, едва успел дойти до дому, где началась у меня рвота: был бы скандал, если бы это случилось на улице, подумали бы, что я пьян. Утром сегодня я чувствовал себя нездоровым и должен был пропустить лекцию.

Дела администрации в этом году гораздо лучше прошлого. В прошлом году было свекловицы 158 000 бер[ковец], в настоящем же — 205 000 бер[ковец]. В прошлом доставка вследствие бездорожья едва окончилась 4—5 дек[абря], тогда как в этом году она окончена в конце октября. В прошлом году из берковца мы получили на Городищенском заводе 31,8 ф[унта], а на Русскополянском заводе — 32 ф[унта], в нынешнем году выходы лучше, какие — еще окончательно определить нельзя. Душа покойнее и веселее. Много еще в разных учреждениях непорядка, напрасных трат и, думаю, что и не без злоупотреблений. Есть служащие, несоответствующие моим видам, которые все неразлучно связаны с интересами дела. Пятаков, которому я сначала безусловно доверял, оказывается человек неладный: средственный директор-техник, довольно небрежный администратор, человек опрометчивый, дерзкий и грубый. Он уходит от нас, но если бы добровольно не ушел, то я его уволю. Дальше терпеть его в интересах дела невозможно. Другие должностные лица тоже будут сменены, в том числе конторщик Городищенского завода Левицкий.

Вчера я сделал визит профессору Ф. А. Терновскому: визит этот был коллективный; его также посетили Мищенко, Житецкий и Лучицкий. Антонович сам вызвал мой визит, сам обещал зайти за мной и сам первый не явился. Мы сделали визит Терновскому, чтобы выразить ему наше сочувствие к его положению. Он уволен из Академии Победоносцевым, обер-прокурором св. Синода, за свои научные труды, которые не нравятся этому православному клерикалу. Главная причина гонения, воздвигнутого на этого достойного ученого, профессора, лежит в написанной им статье по поводу столетия со времени рождения покойного митрополита московского Филарета. Статья эта содержит правдиво рассказанные факты из жизни этого иерарха, далеко не говорящие

за его добродетели. Говорят, что Победоносцев совместно с другими клерикалами подготовлял канонизацию этого деспота из духовных, человека очень ловкого, характерного и отличавшегося жестким образом обхождения с духовенством. Статья Терновского была очень некстати для Победоносцева. На нее первый обратил внимание Тертий Филиппов, один из низких русских клерикалов, интриган первой руки, играющий ныне значительную роль в чиновном мире: он состоит ныне товарищем госуд[арственного] контролера в звании сенатора. Этот Филиппов написал записку о зловредности сочинений Терновского. Не желая показать виду, что они злы на него из-за статьи о Филарете, эти интриганы и гонители свободной мысли стали искать другого предлога и нашли таковой в его сочинении по церковной истории. В этом сочинении помещена на греческом языке сатира, написанная иконоборцем против поклонения иконам, сатира очень ядовитая. Она-то и послужила главным пунктом обвинения против автора. Филиппов повел интригу чрез Главное управление по делам печати. Услужливый Феоктистов написал в Синод ряд доносов, по предварительному соглашению с Победоносцевым. Доложено было дело Синоду, в Синоде составлен был протокол об увольнении Терновского. Победоносцев написал письмо ректору Академии Сильвестру Малеванскому, чтобы он предложил Терновскому подать в отставку, если он не желает быть уволенным не только в Академии, но и в университете,— Терновский состоит у нас доцентом. Он подал в отставку.

Когда доложено было раньше митрополиту киевскому Платону о готовящемся увольнении Терновского и когда ему доставлены были сочинения, послужившие поводом к тому, он, говорят, сказал о статье, касающейся Филарета, что в ней еще мало сказано, а о месте сочинения, касающемся иконоборцев, что в нем рассказ правдив. Затем, когда его позднее уведомили о письме Победоносцева, то он сдвинул плечами, махнул рукой — и отказался написать что-нибудь в защиту, что он сначала предполагал было сделать. Платон — член святейшего Синода. Таковы они все. Они меньше клерикалы, чем Победоносцев, Филиппов, Аксаков и иные. Но они рабы, подножки и усердные послушники обер-прокуроров. В угоду Толстому Исидор, митрополит С.-Петербургский, не допустил утверждения в должности профессора Модестова, когда сей после падения Толстого был вторично выбран. При Николае члены святейшего Синода были пешками в руках флигель-адъютанта, позднее — генерал-адъютанта графа Протасова, тогдашнего обер-прокурора. И, повидимому, независимый Филарет московский, деспот для подчиненных, в письмах своих к Протасову именовал его «благодетель мой». Письма эти исполнены тонкой лести как Протасову, так и Николаю. Ну как не сопричислить к лику Божьих угодников такого отъявленного угодника сильным, ведь божество людское сотворено по образу и подобию человека. Вчера Терновский показывал в своей книге одно место, в котором он говорит, что в Византии была большая мода канонизировать константинопольских патриархов, что из пятнадцати патриархов, следовавших один за другим в течение одного столетия, десять было канонизировано и что патриарху так же легко было попасть в лик святых и в календарь, как ныне нашему современному митрополиту быть сопричисленным к кавалерам ордена Андрея Первозванного.

Кстати, петербургские остряки состряпали красное словцо насчет Победоносцева: «Победоносцев — для Синода, Бедоносцев — для народа, Доносцев — для царя, Рогоносцев — для себя».

3 дек[абря] 1883 г.

23-го брат Федор телеграфировал, что он нездоров и просил жену приехать. Она и уехала. Вечером того дня был у меня Хржонщевский, возвратившийся из Городища и объезжавший там больных вместе с братом: он сказал мне, что брат хотя не так здоров, страдает припадками брюшного катара, но что он целый день ездил с ним к больным. Утром 29-го в 1/2 7, когда я еще спал, принесли мне телеграмму, в которой Свиньин, главноуправляющий Воронцовским имением, извещал меня о болезни брата в таких выражениях: «Брат Ваш опасно болен. Все симптомы заворота кишек. Необходима помощь Ринека. Пусть возьмет необходимые инструменты». Созвав семейный совет и поручив брату Василию склонить Афанасьева и Ринека приехать, я тотчас же отправился на железную дорогу — и в 8 часов вечера был на ст[анции] Воронцово-Городище. Там меня встретили: начальник ст[анции] Молотков и доктор Дериченко и сообщили, что брату лучше и что нет заворота кишек. Я бросился целовать их. Воскрес после обмирания, длившегося целую дорогу. Возможность потерять друга и брата, у которого семь непристроенных детей, повергла меня в оцепенение. В Городище гора с плеч.

Был два раза у Свиньина: благодарил за участие. Ездил и обозревал его заведение и экономию. Посетил Городищенский завод. Был у директора Потоцкого, которому лучше: этот директор механической мастерской, вышедший из простых рабочих, тяжко заболел. Я пригласил к нему Хржонщевского из Киева за 200 руб. и 25 руб. путевых и распорядился выдать Потоцкому 300 руб. из кассы мастерской во внимание к его тридцатилетней службе на механическом заводе. Беседовал с директором Пятаковым, который на сей раз не наговорил мне дерзостей, как это обыкновенно он делает мне. Он давно снюхался с Свиньиным, главноуправляющим Воронцовского имения, и изъявил согласие перейти директором Мариинского завода, принадлежавшего имению Воронцова. Для сей цели он ездил, не предупредивши меня и вообще наше правление, в Петербург, чтобы условиться с Янковым, главноуправляющим кн. Воронцовой. О сем я заключил из восьмидневного отсутствия его из завода. Теперь, бывши у Свиньина, я прямо поставил вопрос насчет перехода Пятакова — поездки его в Петербург. Он сказал: «Не скрою от Вас, Ваше предложение верно. Он ездил и условился, но условие не написано. Еще Боке — директор Мариинского завода — делает усилия остаться». Свиньин в заключение просил меня не говорить Пятакову, что он мне открыл тайну. Свиньин и Пятаков думают, что после этого и всех действий Пятакова он может остаться у нас, если бы его переход в Мариинский завод ему не удался. Напрасно.

Жертва политических страстей, страдалец за идею, человек выдающихся способностей и талантов, двадцать лет пробывший на каторге, в ссылке в снегах Сибири и в тяжком заключении, Н. Г. Чернышевский, наконец, освобожден. Он ныне живет в глубоком уединении с своею семьею в Астрахани. Тяжкий грех прошедшего царствования прекратил существование. Александр II сделал грубейшую ошибку, принявши участие в осуждении Чернышевского. Этим он возжег жестокие и немилосердные страсти. Полагаю, что ненависть радикалов, его сгубившая, обязана в значительной степени своим происхождением беззаконному, крайне жесткому и бесчеловечному осуждению Чернышевского.

Граф Д. А. Толстой не утвердил в должности председателя Полтавской губернской земской управы Зеленского. На свою голову, Зеленский, представитель лучшей партии полтавских земцев, возбудил нелюбовь жандармерии и всех мракобесов тем, что он не гнал гонимых, а принимал на службу земства. В его же управлении сделано было постановление губ[ернским] зем[ским] собранием об ассигновании 500 руб. на восстановление и упорядочение могилы Шевченка и об исходатайствовании разрешения объявить подписку на памятник Шевченка. Не подлежит сомнению, что это неутверждение принесет благие плоды делу возрождения и пробуждения духа и стремления сбросить оковы, наложенные на Россию бюрократом Толстым. Сонное общество пробуждается ударами и погружается в более крепкий сон, если его гладить по головке. В добрый час. Еще бы несколько подобных подвигов со стороны гр. Толстого. Позже последовало примирение: Зеленский после вторичных выборов утвержден. Ходатайство: Галагана, Капниста, Мещерского.

5 дек[абря] 1883 г.

На днях я получил письмо от ректора Харьковского университета Г. М. Цехановецкого. Он мне рекомендует некоего Булацеля — рекомендует не по части дел научных, а по части покупки у администрации по делам торгового дома бр. Яхненка и Симиренка пшеницы. Это письмо и рассердило меня, и бросило в краску, и вызвало у меня истерический смех. Рассердило, потому что два года тому назад он не ответил мне на мое письмо, в котором я просил его дать оценку ученых достоинств Тарасова, от чего не отказались: Андреевский, Чупров и Гольцев. Выходит, когда дело идет о науке, Цехановецкий молчит. Когда же — о продаже пшеницы, он вступает в переписку с ученым братом. Письмо это вызвало во мне упреки строгой профессорской совести: оно мне как бы ударило у самую нежную часть профессорского сознания. Первое движение мысли моей было таково: не смеется ли Цехановецкий надо мною? Он ли это пишет? Не подделка ли? Не ошибаюсь ли я? Наводил справку даже о его почерке. Несколько минут спустя по получении письма взял меня истерический смех: я долго смеялся по поводу того, что ректор Харьковского унив[ерситета] вступает в переписку «с известным нашим криминалистом», как меня иногда именуют в печати, по коммерческому делу. Поистине, при таких обстоятельствах наука может процвесть. Научный, литературный и общественный человек сначала во мне заговорил: я решился было ему не отвечать. Практические соображения взяли перевес: не касающиеся пшеницы — Булацель вовсе для меня неинтересным кажется, кулак, судя по предложению, а касающиеся «Киевской старины». Я рекомендовал ее вниманию ректора Цехановецкого и просил его о вербовке подписчиков.

6 дек[абря] 1883 г.

Киевское общество волнуется, беседует, спорит, надеется и опасается по поводу предстоящего суда над известным киевским банкокрадом Свиридовым. Свиридов — кассир и помощник управляющего банка общества взаимного кредита; излюбленное детище киевского головы Эйсмана; церковный староста чуть ли не Братской академиче-

ской церкви; благотворитель и создатель, и сооружитель икон и иконостасов; деятель, состоявший под покровительством думских и банковских дельцов; оборудователь избирательных дел на выборах городских и банковских: делец, получавший не менее 12—15 тысяч, 22 000, как оказывается,— законного вознаграждения. И в конце концов оказавшийся в конце прошедшего года вором на крупную сумму 265 000 руб. из кассы и портфеля общества взаимного кредита. Суд над ним назначен был на ноябрь месяц. Разбор дела, однако ж, в прошедшем месяце не состоялся. Эйсман и другие банковские дельцы, вызванные в качестве свидетелей, не явились. Очевидно, по соглашению и уговору. Состав присяжных был таков — из 36 чел[овек] 27 крестьян и мещан,— что оправдание было неизбежно. Разбор дела перенесен на декабрь, состоится 13 числа.

В обществе идут разговоры и споры. Есть много интеллигентных людей, в том числе некоторые из моих знакомых и близко знакомых, которые не шутя стоят за оправдание. И таковых немалое количество: приготовляется почва для оправдания. Пускаются возможные влияния. В числе присяжных этой сессии сидят из нашей коллегии: Шеффер и Мищенко. Я был сегодня у последнего. Он сообщил мне, что в среде присяжных с самого начала сессии — с 1 дек[абря] — идет разговор о деле Свиридова. Несколько человек уже теперь прямо высказываются за оправдание Свиридова. Шеффер сцепился с каким-то присяжным-мещанином, который горой стоит за этого вора. Выйдет величайший скандал, если его оправдают. Я говорил Мищенку, что было бы хорошо, если бы он не попал в состав присяжных: в случае оправдания на его голову падает позор и он опять ринется в омут партий, столь всегда вредившей его репутации вообще и его выборам, в частности. Свиридов является ловким плутом в самой защите. Он избрал себя защитником Куперника, а его товарищ по скамье подсудимых Патанеев — Андреевского. Это цимес редакции «Заря», газеты и кампании враждебной партии думских и банковских дельцов, самым наглым агентом которых он, Свир[идов], был вплоть до обнаружения его воровства. Цену этим дельцам я знаю. Но Боже упаси, чтобы из желания нанесть им пощечину, был нанесен тягчайший удар нашей бедной общественности оправданием этого ловкого и наглого плута. Думские и банковские дельцы избрали своим защитником московского Плеваку. Ходят, однако ж, слухи, что он будто бы отказался. Меня поражает состав присяжных ноябрьской сессии: 27 крестьян, мещан. Такой же состав почти был, когда судили Валунда, мошенника из студентов-евреев: его оправдали. Когда я в прошлом году был присяжным, то в общем числе нашем был всего один крестьянин и ни одного мещанина. Я убежден крепко в том, что списки присяжных подтасовываются. Замечательно, что Максимович, председательствующий, был одним из тех трех судей, которые приговорили Пихна к 3-месячному тюремному заключению.

Как-то я был давно в редакции «Зари». Зашла речь о деле Свиридова. Я высказался в том смысле, что оправдание Свиридова было бы наглым посмеянием над правосудием. Разумеется, Кулишер был противоположного мнения. Тогда я и не подозревал того, что дело не в мнениях только, а в той работе, которая давно предпринята, чтобы добиться оправдания. Таковы результаты борьбы партий. Такова общественная жизнь, растворяемая жидовством. Читая в этом семестре лекции об уликах, я по поводу улик в пользу обвиняемого, содержавшихся в добром поведении, распространился о подделке доброго пове-

дения и, чтобы иллюстрировать, я сослался на такие типы ловких казнокрадов, как известный злодей Политковский, времен Николая, и такой ловкий мошенник и ипокрит нашего времени, как Мельницкий. Я сделал тонкий намек и на Свиридова, конечно, не наименовав его.

10 дек[абря] 1883 г.

Поляки, в том числе и Юго-Западного края, страстно желают, чтобы возгорелась война между Россиею, с одной стороны, и Австриею и Германиею, с другой. Они не в шутку снова возмечтали о восстановлении Польского королевства. В Австрии им ныне жить хорошо: они полные господа в Галиции и поработители русинского народа; в центре, в Вене, они также имеют большую силу; в составе министерства состоит три поляка: Дунаевский, Грохольский и Земялковский; Смолка — поляк — есть президент нижней камеры парламента. Уж если им не удастся восстановление Польши, то они и спят и видят присоединение Юго-Западного края к Австрии, то есть к Галиции. Таким путем они мечтают составить обширнейшую область, в которой они должны господствовать. Здесь, в России, они не прочь заигрывать с малороссами. Там, за кордоном, они их притесняют. Та же участь ждет малороссов русских, если они попадут под власть поляков. Есть даже из наших некоторые, которые не прочь стоять за эту комбинацию. Это было бы тяжким несчастием для бедного малороссийского народа.

11 дек[абря] 1883 г.

Вчера было громадское собрание у Лысенка. Я пришел в 1/2 12 ч. вечера, после заседания Юрид[ического] общества. Застал громаду над решением вопроса, касавшегося предложения Драгоманову, если он хочет, переехать на житье в Париж или Лондон, причем, громада гарантирует ему известную сумму денег. Предложение это вызвано предположением, что Драгоманову, разошедшемуся с радикалами, жить в Женеве дурно. Это предложение возникло месяцев 8 тому назад и ныне только возобновлено. Громаде нечего делать, и вот она изобретает вопросы. Некоторые, вообразив, что Драгоманову нехорошо жить в Женеве, берут на себя инициативу устроить жизнь этого милого громадянина. И смешно, и глупо. Во время уже ухода от Лысенко он сообщил, что труппа Старицкого и Кропивницкого имеет большой успех в Житомире, что поляки за три представления вперед абонируются на следующие. По поводу сообщения сих сведений я заметил, что поляки ухаживают теперь за украинцами, желая их задобрить насчет будучего их и нас присоединения к Австрии. Мои собеседники, человек семь, выразили мысль, что было бы хорошо, если бы это осуществилось. Россия безнадежна относительно возможности возникновения свободных учреждений; она стонет и будет стонать под игом деспотизма; она по природе страна рабов, которые добровольно подставляют свою шею под ярмо самодержавной власти царя и его опричны. Австрия — другое дело: там, несмотря на гнет польского господства, есть возможность развиваться свободе и усовершенствоваться национальности. С этим мнением я не согласился по следующим соображениям: народ русский я не считаю безнадежным в деле развития свободы и преуспевания прогресса; народ русский более демократический,

чем польский, где шляхетство и иезуитизм свили такое гнездо, которое ничем не разрушить. Правда, ныне в Австрии жить человеку лучше, вольготнее, но рано или позже настанет пора переворота и в России. С поляками жить я не желаю. Если бы в Киеве настало польское господство, я бы ушел в Россию.

12 дек[абря] 1883 г.

Вот текст письма, посланного профес[сором] Ф. А. Терновским обер-прокурору Победоносцеву: «Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь, Константин Петрович! Обращаюсь к Вам, как бывшему профессору и труженику науки. Сделалось мне известным, что я подвергаюсь тяжким нареканиям и даже изгнанию из Академии за свои учено-литературные труды. На сие не имею отвечать ничем иным, как только повторением слов митрополита Стефана Яворского: «За писания свои надеялся я себе благодарствия, а не гнева. Ибо не легко мне было книгу писати. Обаче отселе умолчах и впредь молчати готов сам. Сочиняти трудно, молчати весьма легко».

Вашего Высокопревосходительства милостивого государя покорнейший слуга, доктор русской истории Филипп Терновский».

На это письмо Победоносцев ответил следующим указом: «Св. Синода от 16 ноября 1883 г. за № 3553. По указу Е. И. В. св. правит[ельственный] Синод имели суждение об изданной в 1883 г. в Киеве, по определению совета универ. Св. Владимира, без разрешения духовной цензуры, книге «Грековосточная церковь» [17] и пр., составленной преподавателем гражданской истории в названном у-те и церковной истории в Киевской академии (здесь Синод перепутывает — Терновский читает церковную историю в универ[ситете], а в Академии —гражданскую историю). И по справке приказали: с глубоким прискорбием усматривая, что Филипп Терновский в книге своей «Грековосточная церковь» и пр., составляющей изложение его университетских лекций, обнаружил, как и в первом своем сочинении по церковной истории, напечатанной в 1878 г., направление, не согласное с духом православия, и склонность к мнениям, взглядам и выводам протестантских историков, и признавая необходимость оградить на будущее время воспитанников высших учебных заведений, в особенности духовных академий, от вредных последствий преподавания, не согласного с началами православного вероучения, св. Синод определяет: 1. Э[кстра]ордин[арного] профессора Киевской духовной академии Ф. Терновского, согласно его прошению, уволить от службы при означенной Академии. 2....3....4. Предоставить синодальному обер-прокурору сообщить г. министру нар[одного] просвещения для зависящего распоряжения, что преподавание церковной истории в том направлении, в каком написаны обе книги Ф. Терновского, Св. Синод признает вредным для воспитанников высших учебных заведений; 5-е. Второе издание сих книг в настоящем их виде воспретить».

17 дек[абря] 1883 г.

Все эти дни я был в напряженном состоянии духа. С 13-го началось судебное разбирательство дела Свиридова. В состав присяжных попал доцент Мищенко и избран был старшиной присяжных. Большинство присяжных — народ серый, крестьяне и мещане. Я предвидел, что

быть беде. 14-го вечером был у жены Мищенка, сам он, как присяжный, все дни и ночи пребывал и оставался в здании судебных учреждений под строжайшим карантином. Я высказал ей все мои сомнения, страхи и недоумения. Она их разделяла и сказала, что она сама трепещет за исход дела в сторону оправдания. По ее словам, она всякий раз, когда заходила у нее речь с мужем о деле Свиридова, высказывала энергически мысль о виновности этого монументального вора. «Я готова,— сказала она,— послать мужу записку в хлебе или в другой какой-либо вещи, так, чтобы не заметили судейские. Как вы думаете?» — спросила она меня. Разумеется, я не посоветовал ей прибегать к подобному способу.

В пятницу 16-го я встретился в совете и потом на вечере у Эйхельмана с Сидоренком, одним из главных свидетелей, по званию управляющего банком взаимного кредита. Его разговор был успокоительного свойства, он сказал, что присяжные, хотя и серый народ, но во главе их стоит Мищенко и можно быть спокойным. В пятницу у нас был *словарь,* собралась довольно большая компания, человек около тридцати. Я ждал прибытия Мищенка, так как мы знали, что разбирательство кончено. В два часа разошлись, но его не было. Утром 17-го в субботу, я встал сравнительно рано, в 8 ч. Мне говорят, что пришел Мищенко. Обрадовался, бросаюся в объятия. Он говорит: «Оправдали». Я отшатнулся. Взрыв негодования. Оправдали шестью против шести, на стороне несогласившихся, по уверению Мищенка, был и он сам. В городе стоят разговоры и сплетни столбом. Многие обвиняют Мищенка или в бесхарактерности, или в тайном сочувствии. «Киевлянин» написал громовую статью на тему: Свиридов обокрал материальное благо общества, а присяжные — моральное. Ходят сплетни о подкупе Мищенка. Пущен слух, что он в родстве с Самойловой, несколько замешанной в дело, хотя и являющейся в качестве свидетельницы.

Сам я полон негодования. Решился стать на несколько иную ногу с Мищенком. Я сам его виню в бесхарактерности, или, что хуже, в тайном содействии оправданию. Мищенко заражен ядом разрушительных идей, политика, который из отдаленных политических соображений готов принесть в жертву основные начала общежития. Вчера я застал его сидящим в лектории с Шеффером и расказывающим ход совещаний. Он обратился ко мне со словами: «Расхлебываю свиридовскую историю». Я ответил: «Долго вам придется ее расхлебывать». В субботу, когда он пришел ко мне с известием, он сказал, что он думает объясниться с Сидоренком, управляющим банком взаимного кредита, говорит, имею случай, веду дело о залоге дома. Вот на какие унизительные поступки он должен решиться. Я советовал ему быть осторожным. Политикан он как есть, с которым нужно быть осторожным. Я распинался за него как дельного и честного человека, а он поставил меня своим поведением в самое фальшивое положение. Он еще не утвержден в звании экстраординарного профессора. Киевский «черный кабинет» может воспользоваться сим случаем, чтобы окончательно его очернить. Тогда свиридовская похлебка послужит ему отравой. Нечего будет корчить казанскую сироту и взваливать вину только на других, врагов, бездельников, политиканов. А сам то что?

24 дек[абря] 1883 г.

Три дня я был в отсутствии. Ездил в Городищенский завод и в Буртянскую экономию. Отвез денег. Сделал, что необходимо. Побывал у всех. Переговорил со всеми. Кое-что уладил. Кое-чему положил начало.

25 дек[абря] 1883 г.

Оправдание Свиридова не дает покоя киевскому обществу. Негодование общественное растет. Имя Мищенка нераздельно терзается вместе с именем Свиридова. На другой день после оправдания я застал Мищенка в лектории, сидящим перед Шеффером и объясняющим ход рассуждений присяжных. Мищенко, обращаясь ко мне, сказал: «Расхлебываю свиридовскую историю». Я ответил: «Долго ее вам придется расхлебывать». И, действительно, он ее большими глотками хлебает и будет хлебать. «Киевлянин» на другой день напечатал заявление, что присяжные, во главе которых был *доцент Киевского университета Мищенко* (напечатано жирным шрифтом), оправдали Свиридова. Затем, на другой день, была напечатана та статья, о которой я уже упоминал. В следующем № помещено было Бердяевым резкое письмо, в котором негодование достигло высшего диапазона. Последовал потом ряд заявлений четырех лиц, в том числе и А. Шеффера, о том, что они, исполняя обязанности присяжного, в последнюю сессию в составе присяжных, судивших Свиридова, не были. Наконец, Волошкевич и Драгомирецкий, бывшие в числе судивших Свиридова присяжных, заявили в весьма, впрочем, мягких выражениях, что они не солидарны с оправдательным приговором. Волошкевич, между прочим, напечатал следующее: «Насколько этот вердикт был нежелателен г-ну Мищенку, я этого касаться не могу, хотя в настоящее время он, конечно, ему очень неприятен, но с своей стороны заявляю, что я скорблю о вынесенном присяжными вердикте». Мищенко пустил в ход сведения, что голоса присяжных разделились поровну и что он был на стороне обвинения. Но из данных, ходивших по городу, и из позднейших объяснений Мищенка ясно, что он или подал голос за оправдание, или настроил в течение четырех почти суток крестьян на мысль об оправдании, он затем присоединил свой голос к обвинению, чтобы замести следы своего влияния. Мищенко не отрицает того, что он при собрании голосов прежде всего спросил шесть крестьян, которые и подали голоса за оправдание. С остальными он мог справиться как хотел. Мищенко — политикан и неискренний человек. Он теперь виляет во все стороны и, бывши творцом оправдательного приговора, хочет замести свой след. И пошлый он, и неумный человек, который не взвесил всех последствий, вытекающих для него самого. Увидевши, что дело не так просто, как ему казалось, он стал толкаться к Ренненкампфу, ректору, к Сидоренку, управляющему банком взаимного кредита, к попечителю Голубцову, к Афанасьеву-доценту, имеющему большие связи в администрации, и ко мне. Пред всеми он извивался и старался софизмами обелить себя. Он ведь еще не утвержден министерством в звании экстраординарного профессора и боится, чтобы министерство не отклонило утверждения, подобно тому, как оно недавно отказало в утверждении Иванюкова, избранного профессором политической экономии в Новороссийском у-те — Иванюков состоит профессором Петровской-Разумовской земледельческой академии. Мищенко просил банк взаим-

ного кредита об открытии ему кредита под залог дома, который он строит. Когда он на другой день пришел ко мне, то сказал, что он будет у Сидоренка, чтобы с ним объясниться, так как он ищет кредита. Наивный. Ныне стало известно, что в кредите ему отказано. Говорят, собираются исключить его из числа членов этого общества. Нельзя играть в двойную роль.

Анализируя деятельность Мищенка в оправдании Свиридова, мне легко видно, что он обнаружил только заветную мысль как нашего кружка, так и похоти жидовствующей и полянующей части киевского общества. Припоминая те разговоры, которые велись на наших собраниях, разговоры, которым я не придавал прежде значения, я вижу ясно, что мысли Мищенка суть мысли нашей компании, с Антоновичем включительно. Ныне они также защищают состоятельность этого приговора. 20-го я был у Григоренка, у которого собралась небольшая компания наших, был и Мищенко с женой. Все: хозяин, Кониский, Науменко, Антонович, Трегубов, вслед за Мищенком, вторили одобрительно оправданию. Я, немножко охмелевший, произнес проклятие этому приговору и выразился недвусмысленно о деятельности присяжных.

Третьего дня, около трех часов, я отправился к Афанасьеву, чтобы пригласить его к больному брату Федору, с которым случился тяжкий припадок болезни. Там я застал Мищенка. Мы вместе вышли. Мой политикан говорит: «Вы бы, как ученый юрист и профессор, разобрали в какой-нибудь статье это дело». *Разумеется,* в сторону Мищенка. Я ответил: «Не хочу я иметь с этим грязным делом ни прямого, ни косвенного отношения». Вчера, после трех посещений Мищенка, я зашел к нему. При выходе, в передней, он сообщил мне о своем посещении попечителя и говорит мне: «Хорошо бы Вы, имеющий авторитет (?) у попечителя, сделали, если бы побывали у него и постарались бы разъяснить ему дело». Я ответил, что этой миссии я взять на себя не могу. Всем известно, что мы с Вами принадлежим к украинофильской партии. Если я явлюсь к попечителю с целию разъяснить дело, в его уме возникнет мысль, что мы с Вами столкнулись насчет оправдания грабителя и теперь хочем замести следы. Подумает, что хлопочу pro domo sua»[18]. Хорош Мищенко: блудлив как кот, труслив как заяц. Хочет, чтобы я был орудием его мизерного политиканства. Достаточно того, что я за него ходатайствовал и распинался, когда шли его выборы. Я ходил, бродил, беседовал с самыми неприятными для меня людьми, заверял всех, что Мищенко не такой партионный человек, как его изображают, что на него можно положиться как на порядочного человека, что он не интриган. Ныне он поставил меня в крайне фальшивое положение своим образом действий. Пусть же сам расхлебывает похлебку, которую он состряпал.

27 декабря 1883 г.

На днях газеты принесли известие об убийстве подполковника Судейкина, главного начальника сыскной тайной полиции в Петербурге. Он из стаи киевских инквизиторов, работал вместе с удавом Стрельниковым. Он подвизался в Киеве с 1873 г. и известен как энергический инквизитор и сыщик по истории арестованных и отчасти казненных, отчасти сосланных из компании Дебагорио-Мокриевича и Ковалевской; он арестовал Розовского, казненного, можно сказать, за здорово живешь; он же напал на след и арестовал Осинского, потом повешенного. Радикалы еще с тех пор, говорят, обрекли его на смерть. С 1881 г.,

после 1 апреля, он призван был в Петербург на важный пост главного сыщика, главного охотника на радикалов. Говорят, он пользовался большим весом в государственной полиции и фавором и доверием Александра III. Полтора месяца тому назад ходил по рукам 2-й номер «Народной воли», в которой было объявлено, что радикалы опять обращаются к мерам террора. Убийство Судейкина, быть может, только начало возобновления политических убийств. В газетах не сообщено ни одной подробности об убийстве Судейкина. Ходят слухи, что он попал в засаду, которую устроили для него радикалы. Яблонский, о котором упоминали газеты, вошедший в доверие у Судейкина, был радикал: он пригласил его на свою, или его квартиру,— каких у Судейкина было несколько — с целию будто отдать ему в руки несколько важных радикалов, но на самом деле завел его в давно приготовленную засаду одного или двух лиц, которые положили Судейкина на месте.

1884

1884 годъ.

3 Сент. 1884 г.

Опять начинаю страдать болѣзнью за неимѣніемъ административнаго дѣла въ этомъ году. Свекловица дешевле ожиданій. Все будетъ неизмѣримо меньше, чѣмъ въ прошломъ году. Какъ бы не было повторенія 1882 г. Столь для меня [illegible] [illegible], столь мучительна. Но и къ нему привыкаешь: [illegible] тетрадь я больше [illegible] въ [illegible] и несчастливымъ [illegible] въ этомъ году.

Сегодня [illegible], [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

14 генваря 1884 г.

Что можно было предвидеть, то и совершилось: Мищенко не утвержден министерством в звании экстраординарного профессора. Он поражен, убит, жена плачет, а враги его торжествуют. Сам он дал им оружие в руки. Когда он исполнял обязанность присяжного и вел линию оправдания Свиридова, он не предвидел то, что совершится и совершилось. А это указывает на его недоумие и недальнозоркость. Как возможно было человеку в его положении не подумать о своей роли, не подумать о том, что оправдательный приговор дает оружие в руки его врагам, в то время как он лишен будет возможности оправдываться и защищать себя каким-либо оружием, кроме дырявой совести присяжного. Кажется, он много полагался на тайну совещания присяжных, не предусмотрев того, что его враги сорвут завесу с этой тайны и выведут его на чистую воду, не пощадив самого института присяжных. Так они и сделали. Положение Мищенка было таково: два года сряду его баллотировали в экстраординарные — и два раза забаллотировали. Третья его баллотировка в первый раз трижды повторялась — и была сорвана. Наконец, удалось победить предубеждения и враждебность — и он прошел сравнительно хорошо: 28 изб[ирательных] и 15 неизбирательных. О нем противная партия была самого дурного мнения: его считали человеком, голова которого набита разрушительными идеями, об нем говорили, что он студентам читает вместо греческого языка россказни какой-то социологии, его выдавали за интригана, который писал в разных газетах обличительные и ядовитые статьи о киевских дельцах, его выставляли человеком, который в совете будет бегать на пристяжке у первого встречного. Все это приходилось смягчать, угладить, опровергать, извинять, с ручательством, что Мищенко докажет, что он не таков, каким его представляют. Наконец, он выбран: страсти улеглись. Доверие к нему отчасти создано. Вот остается ему получить утверждение. Его допускают к исполнению обязанности присяжного и не отводят. Сидоренко передавал мне, что Эйсман при совещании с прокурором очень настаивал на отводе, но Сидоренко, памятуя заверения добрых людей о Мищенке, не настаивал, и он прошел. Мищенко в это время искал открытия кредита в том самом обществе, которое было обокрадено Свиридовым. И тем не менее — он решился создать оправдательный приговор Свиридова. Но, может быть, было какое-либо основание к оправданию этого мошенника? Ни малейшего. Свиридов пользовался величайшим доверием управителей банка; он был обласкан как ими, так и судьбой; он прикидывался святошей и благотворителем; он был свой человек у архиереев и архимандритов; он осыпан вниманием и ласками подольского купечества; он занимал 18 должностей; он получал в последние годы по 22 000 руб. вознаграждения. И при всем этом он в течение почти 10 лет систематически обкрады-

вал банк, прикарманив и скрыв часть уворованного «на черный день». В воровстве, т. е. растрате 160 000 руб., он сознался; в том, что он уворовал, т. е. растратил 263 000 руб., изобличен документальными данными. Где же здесь найти можно материал и основание для оправдания? Однако ж Мищенко их нашел — нашел в своей дырявой совести, в которую может просачиваться всякая дрянь из смитников жидовского, польского, украинского и великорусского.

2 февраля 1884 г.

14 генваря скончался П. П. Чубинский. Давно желанная смерть. Умственно и морально он давно умер. 98 % человека давно отлетело. Оставался физический, разбитый, больной организм. С ним нянчились буквально как с ребенком: страдалица и подвижница жена его. На похороны собрались друзья и немногие его почитатели. У гроба говорили: Трегубов — прочитал краткую биографию, составленную В. Б. Антоновичем, я, Кулябка и Науменко. Умерший много имел недостатков, но еще больше достоинств. Поистине талантливый человек. Погребен в Борисполе: после отпевания в церкви Рождества Богородицы, что на берегу Днепра, у начала Надднепровского шоссе, на другой день его утром повезли в Борисполь. Ездила туда и Саша, его двоюродная сестра.

12 февр[аля] 1884 г.

С 2-го по 11-е генваря я провел в обозрении заводов и экономии: три дня просидел в Русскополянском заводе, куда собрались три эконома, три конторщика, был приглашен Властелица, кредитор, в качестве консультанта по сельскому хозяйству, был налицо директор Русскополянского завода Великанов и его помощник А. Яхненко. Сообща, под моим председательством и руководством, при совете Властелицы, лет десять-двенадцать работающем по части сельского хозяйства, мы пересмотрели главные статьи обработки земли и ведения экономического хозяйства и сделали по каждому пункту постановления, подлежащие к исполнению. Два старых эконома — люди опытные, а Баклан — и человек энергический, но отчаянные рутинеры, не способные предпринять усовершенствования в смысле рационального ведения хозяйства. Семечка, галичанин, хотя и кончил Цюрихский политехникум по агрономической части, но человек молодой еще, малоопытный, которого приходилось еще тоже руководить. Пришлось мне взять на себя инициативу. Для сей цели я много консультировался с опытными людьми и с кое-чем познакомился из книг. Решился идти по пути усовершенствований, по пути изучения; сам думаю присутствовать при работах. Хочу ввесть работу жатвенных машин, которые куплены и лежат без дела.

Из Русской Поляны я отправился в Городищенский завод: между Русской Поляной и Черкассами мы загрузли в сугроб: была метель, наступал вечер, я струсил. Встал и пошел: надвигались сумерки. Черные мысли вместе с ними. Чрез полчаса лошади с Властелицею меня настигли. В Городищенском заводе я целый вечер работал в конторе: хлопотал, главным образом, о своевременной отправке сахара Корюковскому товариществу. Советовал директору Пятакову принять соответствующие меры. На другой день я отправился в завод, чтобы осмотреть сушки, бочковую с сахаром и магазин с сахаром. Директора не

было на месте: послав за ним, я отправился в завод в сопровождении его помощника Чернышенка. На месте я убедился, что соответствующие меры не были приняты. Возвращаясь из магазина, на сушках я встретил Пятакова с его помощником Браннднером. Спрашиваю его: «Какие меры Вы приняли для быстрой доставки песку?» Ответ: «Меры приняты, а какие — не Ваше дело». «Я прошу Вас объяснить мне эти меры, Вы знаете, что это дело больше мое, чем Ваше: завод нуждается в деньгах, он не получит их раньше отправки сахара и вручения нам квитанций, по которым мы получаем деньги». «Говорю Вам, что сахар будет доставлен и сдан,— и что я сделал, это не Ваше дело». Тогда я, имев намерение осмотреть сахарные остатки и не желая идти для этого в сопровождении Пятакова, обратился к Чернышенку, стоявшему шагов на 30 от нас, я говорю: «Господин Чернышенко, пожалуйте сюда». Пятаков: «Чернышенко, не ходите». Я: «Я вам говорю, Чернышенко, пожалуйте ко мне». Пятаков кричит: «Чернышенко, не ходите». Я обращаюсь к Пятакову: «Я тебя сменяю». Возвратившись к Яхненко И. Т.— я тотчас нарядил его ехать со мною, с тем чтобы он отправился в Русскую Поляну и приехал бы с Великановым, директором, а сам отправился в Киев. Через три дня Великанов выехал из Киева с приказом об увольнении Пятакова и о поручении временного заведования Городищенским заводом Великанову. Пятаков, человек взбалмошный, сумасбродный и неумный, плохой администратор и ниже среднего техник. Кулак, который, иногда имея в виду получить больше процентов, делал натянутые, можно сказать, фальшивые счета. О сем подробнее позже.

19 февр[аля] 1884 г.

Вчера был у нас вечер. Наши юноши, сын Владимир, его двоюродные братья и сестры с своими товарищами, поставили домашний спектакль, с дивертисментом в память дня рождения Тараса Шевченка. После спектакля — танцы, пение и музыка. Веселились до 5 ч. Было с детьми человек 100. Сын Владимир просил у меня дозволения устроить спектакль и согласия на этот вечер. Они хотели устроить все это 25-го, в день рождения малороссийского поэта. Я на день не согласился: сказал, что на первой неделе поста не приходится давать спектакль, петь и танцевать. Они согласились. Сыграли: «Кум-мирошник» и «Побувальщина» [1]. Дети наши не были в числе артистов. Было и чтение. Читал из Шевченка Синицкий, сын инспектора народных училищ в Киеве. В афише не было сказано, что́ первое из Шевченка будет прочитано. Синицкий прочел «Кавказ». Когда он прочел, меня ударило в голову, и некоторые из посторонних обратили мое внимание на то, что не следовало читать это стихотворение: оно из самых нелегальных. В нем есть такая строфа: «Слава, Слава! Гончим и псарям и нашим батюшкам царям. Слава!» Я тотчас же отправился к чтецу и сказал ему, что он напрасно прочел это стихотворение, что я оплошал, не попросивши предварительно объяснений, что будет читаться. Здесь же я попросил его сказать мне, что он еще намерен читать. Оказалось: «Сон», одно из самых нелегальных произведений великого народолюбца: в этом стихотворении тяжко задет император Николай и его супруга. Я сказал, что я на чтение этого стихотворения не согласен. Если он желает читать «Сон», то пусть прочтет тот отрывок, который напечатан в цензурном издании. Что он и сделал. За мою оплошность я поплатился во сне кошмаром на тему приезда ко мне жандармов, тре-

бования меня к ответу и весьма едкого спора, полного личных намеков с Лазаревским.

За ужином молодежь, ужинавшая в зале, попросила меня в свою компанию, чтобы просить меня сказать им слово и выпить за мое здоровье. Я сказал им приблизительно следующее: «Юношество! Хвала вам, что вы чествуете нашего национального поэта. Шевченко — один из величайших поэтов-народолюбцев, мученик мысли и герой труда. Не желаю я, чтобы вас постигла та участь, которая досталась ему в удел: он много выстрадал. Но советую вам принять его за образец в любви к народу. Где бы судьба ни послала вам трудиться, какую бы профессию вам ни пришлось отправлять, будете ли вы медиками, юристами, техниками, педагогами, простыми ремесленниками, не забывайте вашей обязанности к народу. Пусть народолюбие проникает всю вашу жизнь, весь ваш труд; помните о народе ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Работайте скромно, неустанно, не гоняйтесь за великим, работайте по капле, памятуя, что из миллиардных каплей составляется море. Пью за здоровье ваше, юноши, носители идей народолюбия».

Были званы для той же цели Антонович и Юркевич. Что они говорили, я не знаю: был занят угощением гостей. Если бы не маленькая выходка с «Кавказом», вечер прошел бы гармонически вполне. Сегодня я дал наставление сыну Владимиру. Я изложил ему ту точку зрения, с которой я смотрю и он должен смотреть на мое положение. Я сказал ему: «Кроме моих личных убеждений, не согласных с выходками «Кавказа» по отношению к императорам, я, как состоящий на службе человек, должен относиться с почтением к власти, которой я служу. Одно из двух: или я желаю продолжать служить, тогда я должен быть несолидарен с выходками «Кавказа» против императорской власти; или же, пристав к этим выходкам, я должен оставить службу. Но этого я не желаю. Потому я должен почтительно относиться к власти не только за страх, но и за совесть. Предположив, что какой-нибудь негодяй захочет сделать мне зло и донесет, или болтовня разнесет весть, что могут сказать мне, в доме которого читан был «Кавказ» без опущения оскорбительной для царской власти строфы, в моем доме, в присутствии детей и юношей. Поверят ли мне, что все это произошло от моей оплошности, и не будут ли скорее убеждены в том, что допустил это намеренно и развращаю молодежь». На замечание сына Владимира, что «Кавказ» есть любимое стихотворение, которое читается на студенческих вечерах, что три дня назад оно было читано в собрании 300 молодых людей обоего пола,— я сказал: что́ простят вам, то не простят мне. При этом я напомнил ему, что два года тому назад был у нас вечер, на котором говорились свободолюбивые речи. На третий или четвертый день после этого вечера Пихно в «Киевлянине» напечатал, что вот, мов, на частном пикнике говорились такие-то и такие-то недозволительные речи, пили за вашу и нашу свободу — жиды и украинофилы.

20 февр[аля] 1884 г.

Случилось приключение. Четыре-пять дней назад приносит мне телеграфный служитель из телеграфной станции рассчет о доплате одного рубля за депеши, посланные мне и оплаченные за много дней пред тем. Я адресовал его в контору администрации, так как эти телеграммы ее, а мною, как председателем, только подписаны. Он возвратился и сказал, что в конторе темно и требовал от меня уплаты. Не

имея обычая ни брать лично без конторы, ни отдавать из своего кармана и не из кассы хотя бы одну копейку, я опять адресовал его в контору с запиской, писанной карандашом, такого содержания: «Если этот счет верен, то следует доплатить, хотя мое мнение, что подобные рассчеты странны. Этот рассчет может ли свидетельствовать о том, что доплаченный рубль пойдет в кассу телеграфа». Посыльный звонил, звонил — вышли и сказали, что в конторе никого нет. Это было в 7 часов вечера, когда в конторе у нас спят. Возвратившись ко мне и объяснивши мне, что никого нет дома, посыльный опять настаивал, чтобы я уплатил деньги, потому что без того ему не поверят, что он был у меня и предъявлял рассчет, в противном случае просил дать заявление. Будучи в состоянии полусна, по необдуманности и опрометчивости, я сказал: «Ну, предъявите ту бумажку, которую я дал вам в контору», забыв, что текст той бумажки не будет приятен для лиц, заведующих телеграфной станцией. На другой день я получил целое послание от начальника станции. Прочитав начало этого послания, относившееся до рассчета и удостоверившись от конторщика — Юркевича, что действительно при оплате телеграммы взято меньше, чем следовало, я не продолжал чтения послания и распорядился об уплате. Сделав это, я забыл о сей доплате и о всем прочем.

Сегодня около трех часов получаю от Кулишера, редактора «Зари», письмо, в котором он извещает, что к нему явилась целая депутация телеграфных чиновников и просила его напечатать следующее письмо: «6 февраля г. Кистяковский подал на телеграфной станции на Крещатике две телеграммы, при тарификации которых кассир, по ошибке, не добрал одного рубля. На основании 42 § правил телеграфной корреспонденции, послан мною г-ну Кистяковскому рассчет, по которому следовало доплатить недобранный с него рубль. Ошибка везде возможна. Errare humanum est[2], гласит еще римская мудрость, но г. Кист[яковский] не помнит этого. Он не только отказался уплатить кровный телеграфный рубль, который во всяком случае был бы пополнен из еле достающего на жизнь жалования телеграфиста, но еще и счел нужным нанести оскорбление телеграфу следующей запиской, адресованной в контору администрации по делам торг[ового] дома бр. Яхненка и Симиренка и доставленную на телеграфную станцию как ответ на посланный рассчет: (следует текст моей записки). А куда же он пойдет, г. Кист[яковский]? На мой официальный отзыв, которым я просил Вас объяснить Ваше предположение о возможности исчезновения следуемого с Вас руб[ля], Вы мне ничего не ответили, а ограничились лишь пересылкою злосчастного рубля. Но ведь, поймите, что Вы нанесли оскорбление целому телеграфному институту, и потому считаю нужным печатно просить у Вас объяснения. Начальник телеграфной станции на Крещатике Иван Островский».

Кулишер писал мне, что он сказал им следующее: «Я могу напечатать Ваше письмо только с объяснением Кист[яковского]. Если же он не согласится, то он из уважения к общественной и научной деятельности Кис[тяковского] не может это письмо напечатать».

Получив письмо от Кулишера с приложением письма Островского, я, несмотря на обеденное время, тотчас отправился на тел[еграфную] станцию. Островский из прихожей станции пригласил меня в свою квартиру, в которой произошло объяснение, как дело было, и мое извинение в моей опрометчивости. Покончив, я спросил его: «Удовлетворены ли Вы». Он ответил: «Да». «Следует ли считать наши недоразумения покончеными». «Совершенно, и я со своей стороны изви-

няюсь, что Вас потревожил». С тем я и вышел, обменявшись взаимными любезностями. Оттуда я отправился к Кулишеру, чтобы сообщить ему о происшествии. Выходит, можно оскорбить человека по неосторожности, по необдуманности, вследствие стечения сложившихся обстоятельств, не имея ни малейшего желания оскорбить.

2 марта 1884 г.

В столицах обнародовано приглашение полиции — перепечатанное во всех газетах, о сыске штабс-капитана Дегаева, который убил Судейкина. Правительство обещает: 5000 руб.— тому, кто укажет местожительство Дегаева, и 10 000 руб.— тому, кто будет способствовать его задержанию.

Приговор по делу Свиридова в конце концов есть результат борьбы киевских партий: устами присяжных киевское общество известного состава произнесло свой приговор над дельцами городского самоуправления в лице Эйсмана и К° и над банковскими дельцами. Устами присяжных общество сказало: Свиридов — плут и мошенник, но и вы также. Не могу приговорить его к наказанию в то время, когда вы благоденствуете. Эту точку зрения я только констатирую, как господствующую среди известной части общества, но я с ней не солидарен. Хотя и несомненно, что банковские и городского самоуправления дельцы — люди порочные, великие интриганы, обделывающие городское самоуправление в свой карман; несомненно также и то, что Свиридов — их детище, они его лелеяли, с ним обделывали дела, смотрели сквозь пальцы на его деятельность, давно носившую признаки преступной,— но из этого не следует, что должно оправдывать Свиридова, отъявленного вора. Если бы другие с ним воровали, Свиридов, сохраняя свою шкуру, вывел бы их на чистую воду.

После произнесения приговора по делу Свиридова озлобление университетских дельцов против Мищенка достигло крайней степени. От морального осуждения его образа действий,— в чем я сам участвовал и не каюсь,— они, по обычаю, перешли к мероприятиям, которых я гнушаюсь. Машинистом в этом деле явился, как и всегда, Ренненкампф. Составлено было заявление о порицании образа действий Мищенка; заявление это подписали 23 или 24 профессора, в том числе А. Антонович, поступивший на службу к дельцам. Заявление это переслано или в подлиннике, или в копии министру просвещения. Рука попечителя Голубцова, человека sans loi et foi [3], тут была приложена. Ренненкампф запугал его волнениями в университете, если он не даст хода бумаге закулисными путями. В результате — неутверждение министром Мищенка. Теперь наши университетские дельцы, чтобы заместь следы своих интриг, пустили в публику басню, что Мищенко не утвержден потому, что он признан слабым в научном отношении, что будто бы министр требовал заключение о его научных трудах от некоторых столичных профессоров, в том числе от Люгебиля, который будто бы дал неблагоприятный отзыв. В четверг на Масляной Мищенко уехал в Петербург, чтобы прозондировать почву. Возвращение его последует на днях. Тогда посмотрим и получим некоторые точные данные о том, как обстоят дела.

2 часа ночи. 2 марта [1884 г.]

Симиренко пред выездом дал мне 1000 руб. для поддержания молодежи и 600 — для Михаила Петровича.

В прошлом годе из 2500 руб., им данных, мы не оказали никакого пособия молодежи.

Сегодня вечером был у нас *словарь*. Я переговорил с Антоновичем, Панченком, Науменком и Житецким и выдал 20 руб. кружку молодежи, образовавшей драматическое товарищество, и 180 руб. кружку так называемых хрестоматийков-студентов, работающих над изданием «Читанки». В прошлом году он издал 1-й выпуск «Читанки». Теперь они работают над 2-м выпуском, и, кроме того, он собирается издать «Альманах». Из этих же денег будут выписаны для них галицкие газеты: «Дело» и «Заря». Я настаиваю, чтобы украинофильству дано было направление исключительно практическое, местное, чуждое драгомановских увлечений. Следует все силы направить к тому, чтобы народное самопознание проникло во все слои, во все классы общества. Прозелитизм украинофильства должен сделаться первою и исключительною задачею. Драгоманов мечтал создать социалистическое, радикальное украинофильство. Я же думаю о создании украинофильства как национального сознания. Украинофилом должен быть каждый житель Малороссии. Землевладелец и домовладелец, фабрикант и ремесленник, купец и кабатчик, священник и ученый, педагог и народный учитель, арендатор и поселянин — все и каждый должен быть сознательным украинофилом. Украинофильство должно быть практическим. Каждый, работая в своей сфере, на своем поприще, на котором его поставила судьба, должен быть националистом. Это так называемая малая политика, в отличие от большой драгомановской политики. Нераздельность Малороссии с Великою Россиею должна лечь в основание малороссийской партии. Никакие соблазны извне, никакие притеснения внутри не должны отвращать нас от единства с общим нашим отечеством Россиею. Мы должны разделять общую нашу судьбу в полной надежде, что Россия выйдет рано или поздно на другую дорогу, на дорогу политической свободы и широкого развития.

5 марта 1884 [г.]

Третьего дня я был у А. М. Лазаревского, товарища предсе[дателя] Киев[ского] окр[ужного] суда, исследователя малороссийской старины, одного из деятельных сотрудников «Киевской старины». Он малоросс, брат Михайла Лазаревского, личного друга Тараса Шевченка. Он перевозил гроб поэта из Петербурга в Канев. Тогда ходила в народе легенда о нем, что он привез не гроб Шевченка, а сундук с ножами для резни панов. После того он давно сделался чиновником не только по службе, но и по душе. На сей раз он, как и всегда, высказал недоверие к украинофильству и украинофилам. То же недоверие он обнаружил и по отношению к Антоновичу, с которым он в хороших отношениях и в двадцатилетнем знакомстве. Мой длинный разговор с ним о том, чем было и чем есть ныне украинофильство. После того я беседовал с Антоновичем: разговор мой задел его за живое, он как бы не то обиделся, не то взволновался, как видно из вторичного вчерашнего разговора его со мной у Кулишера, у которого мы были оба после окончания концерта Лысенка. Дальнейшие объяснения мы отложили

на иной день. Объяснения эти должны иметь важное значение. Я затронул самое нутро: вопреки своей натуре Антонович намерен и должен будет выйти из своей обычной замкнутости и уклончивости.

Полицеймейстер Мостицкий предложил содержателю цирка Никитину дать представление в пользу недостаточных студентов. Представление состоялось. Полицеймейстер отослал деньги в распоряжение общества вспомоществования недостаточных студентов с наименованием тех студентов, которым должны быть розданы эти деньги. В то же время дан был музыкально-танцевальный вечер в пользу студентов; поручителями или официальными распорядителями этого вечера были профес[сор] Хржонщевский, Афанасьев и Лучицкий. Кроме сбора за билеты производим был сбор по подписным листам: деньги, последним образом собранные, предназначены были для раздачи студентам по особо составленному списку. Ренненкампф, ректор, нашел, что действия полицеймейстера и упомянутых профессоров неправильны, склонил к такому взгляду Голубцова, попечителя, и вдвоем состряпали обвинение против всех упомянутых лиц, в особенности против полицеймейстера. Последний получил выговор от губернатора и генерал-губернатора: от него потребовали объяснения; говорят даже, что губернатор возбудил в губернском правлении дисциплинарное производство против полицеймейстера Мостицкого.

Афанасьев, домашний врач у Дрентельна, своими объяснениями успел смягчить настроение генерал-губернатора. В результате действия Ренненкампфа получилась глухая борьба между Ренненкампфом и полициею, между Ренненкампфом и упомянутыми профессорами. Так как Ренненкампф задел и студенческие интересы, то между ними так же явилась тень неудовольствия. Распространилось между ними известие, что Рен[ненкампф] сделал донос на полиц[еймейстера] Мостицкого и на профес[сора] Хржонщевского и Афанасьева. Ренненкампф ревнив к своей власти: он вместе с Голубцовым доложил генерал-губернатору, что подобным образом действий, т. е. раздачей денег по спискам Мостицкого и иных, подрываются власть и авторитет университетского начальства. Сам Ренненкампф, будучи выбран ректором и боясь возбуждения против себя демонстраций и всяких выходок со стороны студентов, объявил в поданной официально бумаге, что если он будет утвержден в должности ректора, то он обратит свое жалованье на нужды университета. Говорят, что он из этого жалованья дает подачки студентам и что уже был один случай отказа студента от принятия пособия в форме, возбуждавшей мысль о том, что оно идет от частного лица.

Позже часом.

Сообщили дополнение: сделан действительно донос на полицейм[ейстера] Мостицкого и проф. Хржонщевского в политической неблагонадежности; специально о Мостицком,— что он состоит в незаконной связи с какой-то женщиной. Донос этот — особ[енная] статья от официальной переписки о вечерах. Донос этот считается произведением Ренненкампфа. Теперь я уразумел, в чем дело. До сих пор мне твердили о том, что Ренненкампфом сделан донос на Мостицкого и Хржонщевского. Я думал, что доносом называют официальную переписку об упомянутых вечерах и представлениях, устроенных в пользу студентов. И недоумевал: во-первых, считал невероятным, чтобы в деловой бумаге Ренн[енкампф] мог писать о политической неблагонадежности Мост[ицкого] и Хржонщ[евского] и незаконной связи первого; во-вто-

рых, думал, что такие слухи суть искажение деловой бумаги и означают желание очернить Ренненкампфа. Теперь мне положение дела освещено и я узнаю прежнего Ренненкампфа. Это его обыкновенная манера. Когда он вступает с кем-нибудь в борьбу и хочет победить, он употребляет два пути: один — прямой, законный, осторожный; другой — тайный, закулисный, гнусный, путь доносов. Доносы он совершает посредством своих агентов. В прежнее время он делал это посредством Божовского, состоявшего помощником проректора. Наверное утверждают, что Божовский опять появился в Киеве и три вечера сряду бывал у Ренненкампфа. Значит, слухи, распространившиеся между студентами, не без основания. Это уже полиция вне полиции. На ректорском кресле сидит доброволец жандармерии, представитель «черного кабинета», человек с диавольской душой. O tempera, o mores!

6 марта 1884 г.

Мищенко возвратился из Петербурга. Сегодня был у меня. Передал некоторые сведения о своем знакомстве с петербургскою ученою братиею,— я дал ему письма к Веселовскому, Градовскому и Фойницкому,— о своем разговоре с министром Деляновым, из армян. На вопрос Мищенка, какая причина неутверждения, Делянов ответил: принадлежность к украинофильской партии, участие в «Заре», свиридовское дело и мнение большинства коллегии против него. Устами Делянова говорили киевские дельцы. Вся сплетня киевская перешла в голову Делянова. Здешние сплетничали, что Мищенко кормил присяжных из крестьян. Делянов повторяет то же. Здешние сикофанты сплетничали, что Мищенко состоит в родстве с Свиридовым. Делянов повторяет ту же сплетню. Аудиенция длилась минут сорок.В конце беседы министр спросил: «Что же я могу для Вас сделать?» Мищенко ответил: «Судить меня по моим делам, а не по толкам». Был Мищенко у Люгебиля: оказалось, что Люгебиль не был спрашиваем министром о достоинстве ученых работ Мищенка и что он не в ладах с дельцами министерской канцелярии. Докладчиком по неутверждению Мищенка был Георгиевский, человек, ненавидимый всем ученым русским миром. Да, придется долго Мищенку расхлебывать свиридовскую историю. Наивный он человек: не ему бороться с киевскими дельцами, с этими добровольцами «черного кабинета».

В 1/2 10 ч. вечера был у Антоновича: беседовал с ним о нашем credo: его и мое миросозерцание существенно различно. Я расхожусь с ним в самых существенных пунктах. Подробности потом.

Ренненкампф, должно быть, пронюхал, что между студентами пошла погудка о его доносе. Сегодня в сборной зале все утро шагал цаплею помощник Грудзинский: предупреждают сходки. Проклятие его доносничеству: оно может быть роковым. Гнусность не может родить добра. Университет превращается в учреждение, в котором царит ужас и сикофанство. Хорошая среда для воспитания юношества. Из нее оно выйдет искалеченным и извращенным.

7 марта 1884 г.

Я предупреждал Мищенка и других, что сначала возможное, а потом и действительно последовавшее оправдание Свиридова, с участием Мищенка, вызовет к деятельности все силы «черного кабинета»,

которому не следует даваться в руки и который должен быть обходим за тридевять земель. Так оно и случилось. Давно известно, что Ренненкампф и К° составляют в Киеве «черный кабинет» добровольцев-шпионов и доносчиков. Он всегда находился и ныне находится в непосредственных личных отношениях с начальниками Киевского жандармского управления: similis simili bis gaudet [4].

Когда после 1 марта 1881 г. образовалась священная дружина тайных добровольцев искоренения крамолы посредством тайного соглядатайства, шпионства и доносничества, то Ренненкампф был именуем как один из деятельных членов киевского отделения этой дружины. У Ренненкампфа всегда были под рукой деятельные агенты, которых он подстрекал и руководил, когда нужно было совершить донос. К крупным агентам принадлежит Юзефович, к мелким — Божовский. «Киевлянин», сначала с Шульгиным, а потом с Пихном во главе, является публичным органом, в котором проводятся инсинуации. И вот если Ренненкампфу и К° нужно одолеть своего противника, они прибегают ко всем упомянутым способам. Заводится где-нибудь официальная переписка, которая не выходит из ряда обыкновенных. В то же время пускается в ход безыменный донос, а если нужно подействовать сильно, то и именной за подписом Юзефовича. Так, Ренненкампф и К° действовали при закрытии Киевского отдела Географического общества, так они поступали, когда добивались абсолютного запрещения малороссийской письменности, музыки, театра. К тем же способам они прибегали в 1878 г. в студенческое восстание, кончившееся исключением 150 студентов: в то же время, как шла официальная переписка и совершались официальные действия, начали сыпаться безыменные доносы на Антоновича, меня, Хржонщевского, Лучицкого, Житецкого, Беренштама и других. Донос этот показан был мне покойным попечителем Антоновичем. Ныне Ренненкампф прибегает к тем же средствам. Этим способом он окачурил Мищенка. Теперь он работает на этом поле, чтобы доехать полицеймейстеру Мостицкому и Хржонщевскому. Вот извольте жить в этом обществе и с такими людьми.

13 марта 1884 г.

Правительственные сферы до сих пор в тревоге: не могут успокоиться после убийства Судейкина. Добровольцы сыска и инсинуаций пользуются случаем, чтобы свести счеты с людьми, вовсе не причастными к злодеям и даже противникам таковых. В Киеве в течение истекшего месяца шли аресты. Говорят, что на нашей улице и в других местах ночью шла пальба: арестованные отбивались. Вечно та же история. Прекрасная общественность, напоминающая другие мрачные времена.

Против украинофильства опять поднялось гонение: готовы бы пожрать бедных украинофилов. Последовало предписание о запрещении самостоятельных малороссийских спектаклей. Просили разрешения на поминки годовщины Шевченка 26 февраля — не разрешили. Молодежь отправила панихиду в Троицкой церкви по Шевченку: последовала бумага от генерал-губернатора к попечителю, вызвавшая сыск в гимназиях. На панихиде был племянник Александр. Когда Голубцову, попечителю, сообщили фамилию Кистяковского,— он сказал: «Вот где гнездо».

На днях явился к Саше Синицкий, инспектор народных школ, и сообщил по секрету следующее: генерал-губернатор написал попечите-

лю бумагу о дневных приютах и об обучении в них, рекомендуя обратить на обучение особенное внимание. Голубцов призвал Синицкого и с пеною у рта начал говорить об этой школе, требуя строгой ревизии. В бумаге сказано, что этой школой заведывает г-жа Толочинова. Последнее — ложь: школою заведывает комитет, во главе которого стоит Саша. Общество дневных приютов стоит бельмом в глазу у г-жи Дрентельн и ее наперсницы Флиге: они давно желают его погубить и ищут какого-либо предлога. К общему соперничеству присоединяется, может быть, и то, что Терещенки стали благотворить дневным приютам, тогда как их благотворительный кошелек, по планам этих дам, должен быть предназначен для поддержки тех заведений, которыми заведывает Дрентельн.

События вроде убийства Судейкина и оправдания Свиридова — суть огненные змии, летающие предо глазами власть имеющих и пугающие их воображение. Рыцари сыска и инсинуаций в Киеве пользуются этим настроением, чтобы подстрекать правительство против украинофилов. Кто же, значит, дает врагам орудие в руки? Друг Мищенко, о котором можно сказать: дурак друг опаснее умного врага. Мищенко опять начал ходить по мытарствам: был близко рая, у самих дверей профессуры. Но согрешил и оттолкнут. Приходится опять канючить и толкаться по передням, доказывать свою невинность и благонамеренность. Пошлее этого трудно что-нибудь выдумать.

С 8-го ночью на 9-е отправился в Городищенский завод. Утром 10-го возвратился. На Фастовском вокзале видел выставленное объявление о сыске Дегаева с его шестью фотографиями. Обещают выдать 5000 руб. тому, кто укажет место жительства его, и 10 000 руб. тому, кто поможет его задержать. Говорят, что радикалы в Петербурге расклеили свое распоряжение об определении смертной казни тому, кто выдаст. О Дегаеве рассказывают так. Он принадлежал к числу политических ссыльных. За обнаруженное раскаяние Судейкин исхлопотал ему прощение. За готовность служить ему и выдавать секреты радикальной партии Судейкин его приблизил к себе и сделал правой своей рукой. Овладев доверием Судейкина, Дегаев возобновил самые тесные и дружеские сношения с своими друзьями-радикалами. Долго подготовлялось убийство Судейкина. В конце прошедшего года Дегаев объявил Судейкину, что он предаст ему очень важных деятелей-радикалов. Условлено было сойтись на квартире Судейкина, записанной на имя Яблонского: квартира эта предназначена была не для житья, а для конспираций против радикалов. В этой-то квартире устроил Дегаев Судейкину засаду. Когда они беседовали, сзади сделан был выстрел в Судейкина. Произошла борьба. Судейкина доконали ломом. Его помощник тяжко ранен. Видно, засада состояла из нескольких человек и что Судейкин расстался с жизнию не без борьбы. Так как эта квартира состояла под покровительством полиции, то Дегаев заранее предупредил, чтобы никто не беспокоился, если слышен будет шум. Полиция поздно спохватилась. Дегаев успел скрыться. Если верить рассказам, он даже успел предупредить жену об убийстве и, когда она отправилась, похитил важные документы, хранившиеся в доме Судейкина, касающиеся тайн сыска и государственной полиции.

14 марта 1884 [г.]

Замечательно: до 1873 г. украинофильство не возбуждало в Киеве против себя той ненависти, какую оно ныне возбуждает. Напротив: в университетской среде, даже в среде членов совета, оно пользовалось некоторым даже покровительством. Доказательством этого служит то, что совет защищал Драгоманова от нападок министерств и настоял на том, что Драгоманов был утвержден. Поступление Антоновича в число совета и ординарных профессоров то же самое доказывает: Антонович из доцентов прямо произведен был в ординарные. С 1873 или 1874 г. обстоятельства изменяются. Я и некоторые из наших — мы принимаем участие в городских выборах, в городских делах не без влияния и не без значения. Около того же времени открыто было отделение в Киеве Географ[ического] общества. В этом отделении преобладающее влияние принадлежало украинофилам. Эти две деятельности представителей украинофилов не на шутку встревожили Бунге, Ренненкампфа, Шульгина и К°. Они увидели, что при нормальном ходе дела украинофилы мало-помалу могут приобрести значительное влияние в городе и городских делах. Нужно столкнуть с пути украинофилов, необходимо помешать им приобресть влияние, которое окажется во вред нам, которые желаем сами господствовать в городе и обществе.

В это время Драгоманов взял ноту в своей деятельности, не соответствующую его официальному положению. Со стороны украинофилов сделано было несколько ошибок в образе поведения. Этим воспользовались киевские бонапартисты: стали наушничать на украинофилов, стали инсинуировать, стали подстрекать правительственные сферы против украинофилов. Неблагоприятное мнение об украинофилах росло. Драгоманов уехал за границу и взял там ноту, значительно радикальную. Его образ поведения не мог не отражаться на отношении правительственных сфер к киевским украинофилам.

Пред 1 марта 1881 г. последовало некоторое облегчение положения украинофилов. 1-е марта опрокинуло надежды вверх дном. Положение было ни то, ни се. Нужно же было случиться так, что Мищенко запутался в свиридовское дело и выкинул коленцо в виде участия в оправдательном приговоре. Оправдательный приговор Свиридова вызвал негодование в целой России. Негодование не могло также не пасть на Мищенка. Но ведь Мищенко — украинофил. Быть не может, чтобы его деятельность в свиридовском деле была индивидуальною, чтобы он действовал так, а не иначе в глубоком разногласии с своею партиею. Нет, Мищенко, смастеривший такой приговор, поступил так, как поступил бы каждый украинофил. Да, кто знает, не по совещанию ли со своею братиею Мищенко так действовал? Словом, не подлежит сомнению, что правительственные сферы возлагают вину оправдания Свиридова на настроение украинофильской партии. А что можно думать о той партии, которая способна оправдывать свиридовых? Таким течениям мысли я объясняю возбуждение гонения против украинофилов. Безголовие украинофилов дает врагам оружие в руки.

Каково же мое положение в этой нравственной и общественной сумятице? Очень глупое и неприглядное. Перед выбором Мищенка я уверял всех и каждого, что Мищенко, конечно, как гуртовой деятель, вполне порядочный человек, неспособный на интригу и пошлость. Я приглашал всех избегать остервенения страстей, вызываемых борьбой партий. Мищенко, произнесши приговор по делу Свиридова, как бы закричал: не верьте Кистяковскому, я был, есть и буду поверхностным

либералом, человеком, зараженным ядом верхоглядных общественных убеждений, деятелем, который готов быть и нашим, и вашим, быть глупым и ученым, не знающим, на какую ступить, человеком, для коего безразлична участь другого человека, лишь бы мне было хорошо.

16 марта 1884 г.

Вчера исполнилось мне 52 года. Истекший год был для меня тяжкий. Я все время недомогал. Был вначале в тяжком душевном настроении. В средине года перенес острый припадок болезни. Духовная конструкция моя болезненного строя от юности моей. Я помню период тяжкого душевного настроения и в молодые годы: не раз мною овладевало глубокое равнодушие и даже отвращение к жизни. Так было пред окончанием моего университетского курса. Первые годы моей жизни в Петербурге были особенно тяжелы. И в другие годы повторялись тяжкие душевные настроения. Пробудишься от сна, а на душе уже лежит какой-то камень, чувствуешь мрачную настроенность, неопределенную боязнь, какие-то страхи, какую-то виновность. То воскреснет в душе воспоминание о чем-нибудь неприятном или как бы виновном, или достойном сожаления прошлом. То начинает грызть тебя какое-нибудь настоящее событие. То обнимет тебя боязнь за ближайшее будущее. И нет тебе спокойствия, и счастия, без причины, без основания, без вины. Я из тех философов, которые вечно плачут, а не смеются. Пока я был молод и моложе нынешнего моего возраста, пока физический организм мой был крепок и крепче,— я выносил мой душевный недуг легче, свободнее. Не то теперь.

Приговор по делу Свиридова кассирован Сенатом. Так и должно быть. Мищенко и, может быть, все наши питали тайную надежду на то, что кассация не последует. Мищенко имел даже бесстыдство как-то раз придти ко мне до поездки своей в Петербург и сказать: «В газетах напечатано, что по делу Свиридова в Сенате будет давать заключение Фойницкий, товарищ обер-прокурора, он же и профессор. Кониский говорит, что было бы хорошо, если бы Вы, близко знакомый с Фойницким, написали ему по сему делу». Выходит, что я должен бы написать в защиту Свиридова. Интриганы. Хотели бы, чтобы я служил орудием их мерзким целям. Их душонки загрязли в болоте всяких современных мерзостей: хотели бы и меня туда же втянуть. Ошибаются. А, может быть, и нет. Ведь я иногда бываю большим простаком и наивною душою. Вот и готовы ездить на этой широкой кляче.

Сегодня *словарь* у Толочиновых. Просили. Не поехал: опротивело. Мелко и пусто. Саша поехала. Я остался дома. Переводил с Борисом Юлия Цезаря «De bello Gallico», приготовлял его к завтрашним классам. Мы все политиканствуем, а дети остаются без призора. Пользы от политиканства и на медный грош не будет, а убытки от недосмотра за детьми большие.

Убийство Судейкина, оправдательные приговоры по делу Свиридова, Мельницких и по другим делам пронеслись огненным змием: летая в глазах правительства, они его раздражали, вызывали у него состояние галлюцинаций, состояние страха. Опять обыски, опять аресты, опять сыск, опять подозрения всех и вся. В обществе опять воскресла страсть к доносам. В административных сферах обнаружились припа-

док, боязнь переворотов, страсть сыска и уловления. В обществе проявились припадки боязни быть замешанным, быть заподозренным, быть привлеченным. Сколько идет нервной работы русского человека на эту несчастную и бесплодную борьбу с той и другой стороны. Жизнь в застое; всюду царит апатия; все чего-то боятся, что-то недоброго ожидают. Страсть к доносам и опасения доносов достигли высшей степени.

Несчастный русский человек. Нет ему житья, нет ему счастия, нет ему спокойной беспрепятственной нормальной деятельности. Всюду совершается и повторяется одна и та же история. На днях у меня был некто Мисевич, частный поверенный, желающий поступить в число членов Юридического общества по отделению обычного права. Вот его судьба: сын крестьянина. Обучался у дьячка. Был десять лет волостным писарем. В отрочестве и юности перечитал много, сначала много церковных и богословских книг, а потом и светских. Человек с умом и чувством правды. Был гоним и претерпевал доносы, будучи волостным писарем. Почувствовав стремление к высшему образованию, он, покинув жену и детей, отправился в Петербург, чтобы поступить в у-т. Поступил в 1876 г. вольнослушателем. Последовавший в 1878 г. закон об аттестатах зрелости лишил его возможности выдержать экзамен в гимназии: трудно было одолеть ему греческий язык. Стал в Петербурге участвовать в газетах. В отместку за описание местных безобразий в Подольской губ[ернии], где он был писарем, на него последовал донос от мирового посредника: пущена была, кроме того, молва, что в шкафу, им оставленном на родине, хранятся запрещенные книги и бумаги. Результат: все хранившееся в шкафу было из боязни сожжено его тестем, дьячком. Так погибло много драгоценных рукописей и, между прочим, древнейшее Евангелие, писанное на пергаменте. Будучи вольнослушателем, он написал сочинение о крестьянских учреждениях: в рукописи были выдержки из непечатанных сочинений. Сочинение это он дал одному студенту, у которого оно было похищено шпионом и очутилось в 3-м отделении. В результате этого получился отказ ему от занятий в редакции «Правительственного вестника», где он имел заработки. В 1879 или 1880 г. он, как неимеющий определенных занятий, был выслан из Петербурга. После высылки он приютился в Царстве Польском под покровительством одного губернатора. Тот ему доставил место помощника акцизного надзирателя. Чрез три месяца пришло распоряжение из Петербурга об отчислении его от должности. Пущен был опять по миру. В господство Лорис-Меликова он успел восстановить себя в глазах правительства. Последние три года он жил в Проскурове, около которого находится его оседлость — пеший надел крестьянский. Жена хозяйничала, а он занимался ходатайством по делам. Приобрел доверие крестьян. Вел дело честно и бескорыстно. Писал прошения и деловые бумаги, защищал обвиняемых у мировых судей и в окружном суде, без торга: оставался доволен тем, что дадут. И при всем том достаточно зарабатывал на прожиток. Но одно приобретенное доверие крестьян у нас уже есть преступление. Nam regibus boni qua[m] mali suspectiores sunt, semper qu[ia] his aliena virtus formidolosa est.[5] К тому же он не пристал к шайке местных воротил и общественных плутов, не заискивал у мировых судей, а напротив, писал обличительные корреспонденции на взяточников судей. Посыпались доносы. В прошлом году он был вызываем к Дрентельну. Ныне стало ему невмоготу жить в Проскурове: покинув жену и детей, и приехал

искать работы в Киев. Выдержав экзамен, он поступил в число частных поверенных. История этого человека есть отрывок из общей истории русского общества.

9 апреля 1884 г.

В течение прошедших трех недель городское общество было в движении: производились выборы в обществе городского взаимного кредита. Давно в этом обществе задумана была реформа на началах представительства по образцу городского управления. Лет шесть-семь тому назад ей не дал хода министр финансов Рейтерн. Творцы ее, Эйсман, Сидоренко и К°, притихли. В прошлом году они ее снова предложили провести и послали в Министерство финансов. После оправдания Свиридова Бунге, министр финансов, из киевских бонапартистов, ее провел. Теперь она применялась на практике. Творцы ее, Эйсман и Сидоренко, разделились и оба потерпели — один больше, другой меньше — крушение. На стороне Сидоренка стояла партия университетских дельцов с Ренненкампфом во главе: эта партия хотела провести в товарищи председателя Гарнич-Гарницкого, профессора химии. Был[и] бы и управляющий, и товарищ его — профессора. Эйсман стоял за Сегета, занимавшего этот пост, своего родственника. Эйсман с Сегетом обратились за содействием к силам оппозиционным. Сидоренко тоже не дремал и нашел себе поддержку в Кониском и К°. Кониский — украинофил. Вошли в собрание представителей несколько независимых людей, которые, боясь преобладания профессорской партии, оказали поддержку Сегету. Но и сам Эйсман потерпел неудачу. Во-первых, он увидел, что он в руках Ренненкампфа был орудием, которое оказалось ему ныне не только не нужным, но и вредным, которое необходимо сломать. Во-вторых, при выборах председателя он получил 15, а Сидоренко 30. Это так его поразило, что с ним тогда же на собрании сделалось дурно. Затем чрез несколько дней его прихлопнул и настоящий удар: он лежит ныне без движения — и должен быть признан окончившим свою деловую карьеру, если даже и оправится.

27 июля [1884 г.]

Опять длинный перерыв. Много воды утекло. Много передумано, перечувствовано, много перенесено и выстрадано; много кое-чего случилось. Эйсман не святой — умер. Кстати. Он потерпел моральное поражение. Ему пришлось бы потерпеть и общественное. Скверный это был человек и фальшивый общественный деятель. «Отечественные записки» навсегда прекращены. Реакция понемногу движется и движется. Я пережил и перестрадал время пред собранием кредиторов, время всегда для меня тяжелое, а в этом годе в особенности. Был веден сильный подкоп со стороны воронцовских поверенных, Эймериха и К°. Все окончилось, однако, благополучно. Со времени собрания с 1 июня я постоянно в разъездах по разным частям административного управления. С 15 июня с семьей переехал на хутор Храпаля, в 5 вер[стах] от Городищенского завода. Отсюда я каждый день езжу в контору завода. Четыре раза обозревал экономии. Два раза ездил в Киев, первый раз по делам администрации, второй — на свадьбу племянницы Людмилы.

28 июля 1884 г.

В «Заре» появилось известие, перепечатанное из «С.-Петербург[ских] ведомостей», о том, что Мищенко уволен. Неожиданно, хотя не непредвиденно: ходили и слухи, и предсказания, и темные предчувствия. Мищенко возвратился повеселевшим из Петербурга: Делянов, министр, мов, принял его любезно. Наивный. Делянов ведь один из тех людей, которые могут убивать людей по воле чужой. Он слабоволен и негодная тряпка, которою распоряжается Толстой, человек, обладающий волею бандита. Одновременно с Мищенком уволены ординарный профессор Московского университета по кафедре римского права Муромцев и доцент Харьковского университета Сыцянко. Муромцев, молодой ученый, успевший себя заявить многими трудами. Был проректором. Редактор «Юридического вестника». Председатель Московского юридического общества. Занимает очень видное место среди профессоров Московского юридического факультета и университета. Мне мало известны причины его увольнения. Знаю только, что в должности проректора он не угодил ни правительству, ни студентам. Должен был оставить проректорскую должность раньше срока. «Юридический вестник» он ведет в либеральном духе. В связи с известием об увольнении Муромцева стоит сообщение о том, что министерство отказало Московскому университету в утверждении Дриля доцентом по кафедре уголовного права. Дриль — молодой ученый — приверженец физиологической школы в уголовном праве. Он печатает свои труды в «Юридич[еском] вестнике». Труды этого ученого неортодоксальны. Очень может статься, что и они могли иметь долю влияния на увольнение Муромцева и неутверждение Дриля.

Сыцянко в 1880 или даже в 1879 г. был пристегнут к политическому процессу в Харькове; тогда он был арестован, позже — судим и оправдан. Если не ошибаюсь, у его сына отысканы были какие-то препараты, имеющие отношение к динамиту. Сам Сыцянко — доцент физики или химии. Правительство, кажется, хочет свесть счеты с либералами-профессорами и очистить университет от людей, почему-либо попавших ему на зуб. Интересы науки и ученые заслуги во внимание не будут приняты. Кто знает, чья очередь настанет стать товарищем по судьбе с Мищенком и Муромцевым. Новый университетский устав готов: пишут, что он уже утвержден в Гатчине и скоро будет обнародован. Государственная полиция работает. В то время как профессоров увольняют, директор государственной полиции Плеве возведен в сенаторы и так далее и так далее.

26 авг[уста] 1884 г. Пароход «Ольга».

В июне месяце умер Ф. А. Терновский, гонимый профессор и ученый, превосходный человек. Невзгоды его сломили. Небольшой кружок людей, его ценивших, отдал ему честь на погребении. Речи говорили: Иконников, Фортинский и Лучицкий. Речь Фортинского отличалась особенною силою. Он охарактеризовал его изумительное трудолюбие, его замечательную ученость, из ряда выходившую скромность, благочестие — и спрашивал, как такой человек мог подвергнуться гонениям и изгнанию из Академии. Религиозность его была деятельна; верноподданнические его чувства были несомненны, доказательством чего служит то, что в его доме портрет царствующего государя составлял всегдашнюю принадлежность, что так редко встречается в частных до-

мах. Терновский — жертва чиновнических интриг. Говорят, что в одном из предсмертных слов было высказано им убеждение, что его смерть должна заставить подумать Победоносцева. Я же думаю, что подобных дельцов ничем не проймешь.

Друг А. И. Сасько, выслуживший 25 лет, в мае был забаллотирован: это дело Ренненкампфа, которому он не продал своей души. Ныне находится в обстоятельствах: ищет какой-либо службы. Есть некоторая надежда на получение места по железным дорогам.

В начале мая получил я от Фойницкого телеграмму о том, что С.-Петербургский университет выбрал меня своим почетным членом по случаю предстоящего юбилея нашего у-та. На днях получил я от декана Петербургского юридического факультета Янсона письмо, в котором он извещает, что едет депутатом на юбилей и везет диплом на почетного члена мне и проф. Феофилактову, одному из старейших наших. Это высшая для меня честь и награда.

7, 8 и 9 сентября совершится юбилейное торжество нашего университета. Идут приготовления. Ждут большого съезда.

Мищенко уезжает с семьей в деревню к родителям своей жены. Намерен еще с большей ревностию предаться своей специальности: греческому миру. Думает приступить к переводу Геродота. Лучшую работу трудно выбрать. Теперь до очевидности выяснилось, что изгнание Мищенка есть плод местной сикофантии. Главным деятелем этой жандармской интриги был и есть ректор Ренненкампф. Канцелярия генерал-губернатора умывает руки в этом деле. Из той сферы идет уверение, что в этой подлости не виноват и Новицкий, жандармский обер-офицер. Когда баллотировали Мищенка в экстраординарные, Ренненкампф, которого я склонил к примирительному образу действий, дал мне свой шар на баллотировку, желая, по-видимому, показать, что он склонился на мои доводы. Но это был только обычный его образ действий: официально выступать честно, а за кулисами ковать жандармские и сикофантские ковы. Когда последовал приговор Свиридову, он начал работать в подземном царстве. Он склонил 22 профессора-товарища послать министру телеграмму о том, что они намерены нарядить суд над Мищенком,— чего они и не думали делать, а что Ренненкампф изобрел как один из способов сикофантии. Каким способом он продолжал действовать — пока точно неизвестно. Но следующие данные проливают свет: раннею весною у него по длинным вечерам просиживал Божовский, бывший помощник проректора, известнейший доносчик и шпион, который занимался этим ремеслом в бытность его на службе в у-те и ныне не покинувший его: Ренненкампф пророчит его опять на одно из мест помощника инспектора. Когда совершилось 1-го марта и когда в Петербурге образовалась тайная священная дружина подпольной охраны, Ренненкампф был одним из самых деятельных членов киевского отделения. Тогда, говорят, он прикарманил приличную сумму денег, которые он собирал от таких лиц, как Терещенко, давший 5000 руб., и другие. Хотя священная дружина перестала существовать, но сделанные связи удержаны и привычки сохранены. Ренненкампф находится в близких сношениях с киевским губернатором Гудим-Левковичем, который одного поля ягода. Наконец, Ренн[ен[кампф] — друг Бунге, министра финансов. А в числе ненавистей против Мищенка со стороны киевских сикофантов самая сильная проистекает из того, что Мищенко не подписал адреса, поданного профессорами, приверженцами киевских бонапартистов, Бунге, когда в петерб[ургской] «Стране» явилось известие о том, что Бунге, будучи в

Киеве директором конторы госуд[арственного] банка, взял какой-то куш из земельного банка за какие-то услуги.

Тогда же Мищенко посылал множественные корреспонденции в столичные газеты, неблагоприятные для Бунге. Словом, составляя полицию вне полиции, жандармерию вне жандармерии в Киеве, Ренненкампф обладает обширными средствами гнусного сикофанства и мрачного шпионства. Средства эти он употребил, чтобы столкнуть с дороги Мищенка, человека очень юркого и способного на борьбу. Ренненкампфу горше смерти не хотелось допустить в среду совета такого человека, как Мищенко, который, обладая подвижностию, ловкостию и дипломатическим тактом, мог бы быть опасным деятелем в советских выборах. Чтобы не иметь такого соперника, и совершено было злодеяние.

Достойно замечания: когда в либеральное поветрие лорис-меликовского министерства сенатор Половцев производил в Киеве ревизию, то, говорят, что он открыл доказательства шпионства Божовского, которое вообще мутило университетский мир. Говорят, что крупная беседа, с одной стороны, и страх революции после 1-го марта, с другой — были причиной отставки Божовского.

Стр. 30. *3 сент[ября] 1884 г.*

Опять начинаю страдать боязнию за исход административного дела в этом году. Свекловица далека от ожиданий: ее будет несравненно меньше, чем в прошлом году. Как бы не было повторения 1882 г., столь для меня в его конце тяжкого, столь мучительного. Но и к яду привыкают: так теперь и я более готов к невзгодам, и несчастиям, чем в тот год.

Сегодня Богдана, перешедшего в 6-й класс, посадили в гимназии в карцер, за ослушание, на 24 ч. Он во время занятий в классе стал выходить из класса. Учитель Орда спросил его, куда и зачем он идет. Он вышел из класса, не давши ответа. Так передал друг Юркевич, присутствовавший при даче строгого выговора директором и при определении наказания. Юркевич предлагал мне отправиться к директору и просить, чтобы в 8 ч. вечера его освободили. Я отказался по двум причинам: чтобы начальство гимназии не подумало, что я своему сыну мирволю и чтобы затем не ослаблять дисциплины. Теперь, когда мне самому приходится воспитывать детей и страдать от их непослушания, неразумия, малоуспешности, происходящей не от неспособностей, я часто краснею за свое прошедшее. Ровно 29 лет тому назад, в конце августа и начале сентября 1856 г., я, будучи казеннокоштным студентом, просидел две недели в карцере, был судим и осужден на ссылку в Козелецкое уездное училище учителем за дерзости, грубости против помощника инспектора Тулуба и за другие виды неблагоповедения. Вспомнить мне о том ныне стыдно. То было проявление глупого буршества и притом в 23 г[ода], а сыну моему только исполняется 16 лет. Если бы я верил в нравственную Немезиду, то должен был бы признать, что ею караюсь. Но я верю в Немезиду наследственности и должен страдать от недостатков тех, которые они наследовали частию от меня. Конечно, натура матери в них тоже сильно повторяется. Эта Немезида страшнее моральной. Она иногда является в виде усугубленных недостатков, наследственных от более старых поколений. Может быть, в детях моих повторяются пороки дедов, прадедов и пращуров. Тяже-

ло сносить эти пороки. Грубость, дерзость, неуемчивость, неумелость, наклонность к своеволию и буйству — отравляют жизнь. Беды извне, беды внутри — и от посторонних, и от своих.

5 сент[ября] 1884 [г.]

К числу приготовлений юбилейных принадлежал и студенческий комитет, которому Ренненкампф разрешил заняться устройством чисто студенческого вечера. Вечер этот должен был состоять из музыкальной части, речей и студенческой пирушки. Ренненкампф целые вечера проводил в совещаниях со студентами, отвел им аудиторию для совещаний, дозволил организовать хор под управлением Лысенка, обещал одобрить программу, состоящую из великорусских, малорусских, польских, чешских и сербских песен. Объявил, что он ассигнует 3000 руб. на устройство вечера. Спевки хора происходили в у-те. Вчера все это он перевернул вверх дном. Студенты взволновались. Члены комитета объявили, что слагают с себя обязанности. Вечер рухнул. Студенты обижены, оскорблены, ожесточены. Спрашивают: что все это означает? Одни говорят, что глупо и недальновидно было со стороны Ренненкампфа разрешать этот вечер, дозволять студентам быть хозяевами, так как он должен был знать, что на сей раз студенты, как хозяева, захотят устроить вечер по-своему. Или, если он уже разрешил, то должен был сносить логические последствия своего разрешения. Другие же видят во всем этом только обыкновенную манеру его волчьей натуры. Как киевский бонапартист, Реннен[кампф], по их мнению, проделал всю эту историю для того, чтобы показать, какие студенты мятежники и какой он мастер их укрощать. Он давно на том стоит, чтобы доказать, что при его предшественниках были беспорядки, а он умеет их предупреждать. Его прихлебатели в таком духе его славословят. В последнем объяснении нет ничего невероятного; оно так близко подходит к коварной бонапартской натуре этого дельца.

На днях я был у него, чтобы попросить у него билетов на вход на университетские празднества для членов Юридического общества. Он завел речь о том, что необходимо Мищенку получить аттестат. Причем он сказал, что он пропишет в аттестат только то, что уволен без прошения, но выражение: «вследствие политической неблагонадежности» он опустит. Я спросил: «Так это верно?» «Ведь я не обманываю и не обманывал». «Так ли? — сказал я, смотря ему твердо в глаза.— Ведь вы же посылали бумагу за подписом 22 о неблагонадежности Мищенка, выразившейся в приговоре по делу Свиридова. В городе все возлагают вину увольнения Мищенка на Вас». «Я знаю это: Хржонщевский распустил слух этот. Но я докажу, что Мищенко уволен по самым достоверным фактам, сделавшимися известными государственной полиции. Я потребую официального изложения этих причин. И тогда увидите». Я заметил: «Нечего взваливать вину этих слухов на Хржонщевского, когда все это говорят в городе». Дело в том, что он давно уже точит зубы на Хржонщевского за его образ действия во время вступления в ректорство. Он уготовляет Хржонщевскому участь Мищенка — и легко может уготовить. Его жандармские связи очень обширны. Свою жандармскую профессию он исполняет очень ловко. Он действует тайно чрез своих агентов: Юзефовича и Божовского. Он может словесно наговаривать губернатору и Новицкому на всех тех, которые ему не любы. Подписи его нигде нет. Он, по-видимому, чист и в то же время он иезуитски обделывает самые темные дела, совер-

шает самые позорные поступки по части оговоров в политической неблагонадежности, по части шпионства и доносов. При этом он загребает жар чужими руками. Общее мнение считает его самым коварным, самым фальшивым, самым лживым и предательским человеком. Говорить одно и делать другое; официально показывать себя как бы чистым человеком, а за кулисами тайно совершать то, на что способен только гнусный шпион, доносчик, сикофант — вот его натура.

8 сент[ября] 1884 г.

С 7-го началось празднование юбилея. Вчера было богослужение, начавшееся панихидой по импер[аторах] Николаю и Александру II, по умершим почетным членам и воспитанникам у-та и кончившееся молебствием. Затем последовал в у-те завтрак. Сегодня совершился торжественный акт. Ни вчера, ни сегодня студентов не было, за исключением некоторых единиц. Это отсутствие бросилось всем в глаза. Приезжие удивлены. В городе только и речи о сем. Все сожалеют, что так сложились обстоятельства. Саша утром сообщила, что кухарка, возвратившись из базара, передала народный говор о том, что студенты вымазали чем-то черным двери Ренненкампфу. Брат Василий видел собственными глазами. Когда я шел в университет, то двери были выставлены, а когда возвращался, то были на месте, только без таблички. После обеда я вздремнул. Когда встал, Саша сообщила новость: студенты устроили «кацен-мюзик» Реннен[кампфу] и побили стекла в его доме. Случился Рукавишников, приехавший из Москвы на съезд представителей заведения для исправления малолетних преступников. Я уговорился отправиться с ним к Таганцеву. Ехали мимо дома Рен[ненкампфа]. Много экипажей около дома. Одна ставня разбита. Большой отряд полицейских. Во время нашего проезда прибыл эскадрон казаков, занявший позицию в начале бульвара. Хороша общественность. Студенты по случаю юбилея вымазывают двери ректорской квартиры, бьют стекла у него, устраивают «кацен-мюзик». Безумцы и низкие люди.

На акте было провозглашение лиц, которых университет возвел в почетные члены, и раздача дипломов тем из них, которые присутствовали. В числе их были Победоносцев и Стояновский. При имени первого едва-едва послушалось подобие рукоплесканий. При имени второго — раздался гром таковых. Победоносцев ушел скоро. После речи ректора было представление депутаций и чтение адресов. Депутаты от Петербургского и Московского университетов провозгласили о возведении меня почетным членом этих двух университетов. Я также выбран почетным членом Археологического института в С.-Петербурге. Калачов, его директор, прислал мне адреса как от института, так и от архива Министерства юстиции, я передал их к ректорским делам. Диплом мне на звание почетного члена он прислал Ренненкампфу, который, однако ж, ни об адресах, ни о дипломе не упомянул. Последовало обнародование нового университетского устава: этот законодательный памятник есть акт отдачи под надзор полиции и науки, и ученых. При таких обстоятельствах, при господстве местной сикофантии положение становится крайне непрочным. Даже та почесть, которая оказана мне тремя учеными учреждениями, не крепит души. Я чувствую, что без моей вины почва подо мной колеблется. Душу мою объемлет страх за будущее,— боязнь подозрений и преследования лезет в душу помимо воли.

10 сент[ября] 1884 г.

Когда я возвратился 28 августа из Городища, сын Владимир объявил мне, что он приглашен участвовать в студенческой комиссии по устройству студенческого вечера, о котором Ренненк[ампф] упоминал в своей программе празднества юбилея. Я настаивал, чтобы он вышел из этой комиссии, боясь, чтобы членам ее не пришлось отвечать при известной политике университетского начальства. Владимир, ссылаясь на то, что такой выход признан был бы изменой товарищам, просил меня не нудить его к этому шагу. Я остался при прежнем убеждении относительно опасности оставаться в этой комиссии. Затем, когда комиссия сложила с себя свои полномочия, я потребовал от него категорически, чтобы он не принимал участия ни в сходках, ни вообще затеях студентов. Я доказывал ему, что его положение особенное,— он не только студент, но и сын профессора, притом поставленного в исключительное положение, что принадлежность его к известной семье обязывает его соблюдать ее интересы и исполнять правила, принятые в этой семье. Когда он стал спорить, я выслал его вон — и он два дня не появлялся ни к чаю, ни на обед. Позднейшие события вполне оправдали мои требования и доказали полезность моих наставлений: Владимир весь день 8-го провел в семье брата Федора.

Оказывается, что насилие, совершенное над квартирою Ренненка[мпфа], было более серьезно, чем я предполагал. Пущен был огромной величины камень-булыжник в окно: он пробил ставню, стекло и влетел, как бомба, в комнату, в которой присутствовало человек 12 гостей. Реннен[кампф], семья его и все гости были поражены. В то же время студенты ломались в дверь, и все боялись, что они ворвутся. Когда они ушли, Славатинский, немедленно взявши камень, отправился к генерал-губернатору. Туда же скоро поехал и Таганцев, профессор из С.-Петербурга. Явился на место события ген[ерал]-губ[ернатор] Дрентельн. Тут произошла достойная примечания сцена. Вот что произошло, по рассказу Чирьева, там присутствовавшего. Когда приехал Дрентельн, Ренне[нкампф] приветствовал его прежде всего словами иронической благодарности за оказанную охрану. Дрентельн отвечал: «Господа, вы сами управляете университетом, вы сами учите студентов, вы прежде всего виноваты в том, что произошли беспорядки». Тогда Субботин стал осыпать как бы упреками Дрентельна за слабость полицейской власти. На это Дрентельн ответил: «Я приехал по должности, а меня здесь оскорбляют» — и хотел уйти. Ренненк[ампф] стал уговаривать его, чтобы он не уходил. Дрентельн, согласившись, обратился к Ренненкампфу: «Я знаю Вас как человека порядочного», или что-то вроде сего. Затем, обратившись к Субботину: «И Вас я знал, а теперь Вы для меня последний человек». Тогда Субботин стал кричать: «Как Вы смеете так мне говорить, я такой же слуга государя, как и Вы». Затем, обернувшись по направленню в другую комнату, сказал: «Всякую дрянь назначают генерал-губернатором». В это время полковник Трепов, сын пресловутого некогда петербургского градоначальника, дал профессору Субботину пощечину, за которую с своей стороны получил сдачу. Противники сцепились. Посторонним пришлось разнимать: разнимал их Новицкий, начальник киевской жандармерии.

18 сент[ября] 1884 г.

Конный отряд до сих пор охраняет квартиру Реннен[кампфа]. Мимо ее нельзя ни проходить, ни проезжать. Ренненкампфовцы кричат на полицию, что она недостаточно их охраняла. Ученые взывают к полиции, поменялись ролями. Странно видеть, как полиция охраняет профессоров от студентов. Насилия гнусны, но хороши и профессора, поставившие себя в положение, в котором без специальной охраны полиции они обойтись не могут. Ренненкампфовцы ищут специальной причины, побудившей студентов к учинению насилия над жилищем ректора. Указывают то на агитацию Хржонщевского, то на агитацию приверженцев Мищенка и Саська, то взваливают вину на украинофилов. С больной головы да на здоровую. Между тем дело объясняется просто. Репутация Ренненкампфа и в городе, и между молодежью, органически связанной с горожанами, ужасна: по общему мнению, это человек лживый, злопамятный, двоедушный, интриган, властолюбец беспринципный, ставящий власть выше чести. Давняя его деятельность в университете, его головство, его банковская деятельность, его интриги в обществе по справедливости могли возбудить к нему только всеобщее нерасположение и даже ненависть. И этот человек стоит во главе у-та в такую важную минуту, не пользуясь ни малейшей долей доверия и нравственного авторитета. Вот причина, откуда почерпает свое начало то насилие, которое над ним совершено. Присоедините к тому его двоедушный образ действия пред юбилеем.

Прошедшую неделю я провел в заседаниях представителей заведений для исправления малолетних преступников. Много заседали. Присутствовали при освящении Рубежовской колонии. Осматривали благотворительные заведения, состоящие в управлении г-жи Дрентельн. Посетили Александровское ремесленное училище. Заглянули и в дневной приют, в котором гостей принимала Саша. Много раз обедали вместе, пили и ели. Много хвалебных песен в тостах воспели друг другу. Героем нашим был Рукавишников К. В., много жертвующий и труда, и денег на Московский Рукавишниковский приют, основанный его братом. Таганцев Н. С. играл тоже выдающуюся роль: человек живой и умный, и добр. Конечно, с запахом петербургского чиновника.

Администрации нашей грозит серьезная опасность: недород свекловицы. Выдержит ли она это испытание? Я сомневаюсь. К концу октября дело определится. Ночные видения. Бессоница вторгается. Но страхи в меньшей степени мною овладевают. Чему быть, тому не миновать. Господь да я, господь от я? Понесу покорную вию под удары Рока, который готов меня не щадить.

21 сент[ября] 1884 [г.]

Пред юбилеем я был в хороших отношениях с Реннек[ампфом]. Мы встречались и разговаривали по-товарищески. Настал юбилей. При встрече он едва мне стал кланяться. Затевает какую-то игру. Значит, уже за кулисами стал обо мне распространять что-то недоброе, по-своему обычаю. Натура Рен[ненкампфа] замечательно мятежная: он бывает не спокоен, если он не враждует и кого-либо не преследует. Вступивши в ректорство, он не только не стремился к тому, чтобы заспокоить страсти, а наоборот, делал все, что необходимо для того, чтобы их разжечь. Затеял борьбу с Хандрик[овым]. Оговорил, обнес и описал Хржонщевского и создал ему репутацию опасного агитатора. Во-

шел в столкновение с полицеймейстером Мостицким — и того описал по начальству. Довел до сведения генерал-губернатора о Ремнице, свободном гражданине, жертвовавшем деньги для студентов. После приговора по делу Свиридова повел по начальству бумагу, которая доконала Мищенка. У студентов он очень заискивал, раздавал им деньги, задабривал их,— и все-таки студенчество боится и ненавидит его как врага, оно считает его человеком, который залезет или готов залезть в частную жизнь и душу студента. В киевском городском обществе его отлично знают и считают его за первейшего интригана. На днях со мною прощалось несколько студентов, недавно кончивших. Я избегаю весть со студентами речь о своих товарищах, а об Ренненк[ампфе] в особенности. Но каждый из них чем-нибудь да и прорвется, чем и заявляет свое настроение по отношению к Ренненк[ампфу]. Так, один, говоря о своем экзамене, выразился так: «Я чувствую дрожь при встречах с Ренненка[мпфом] и всегда его оббегаю». Другой заметил, что в разговоре с ним Рен[ненкампф] заявил о таких обстоятельствах, которые составляли его личное частное дело. Третий — наотрез отказался обратиться за необходимою рекомендациею при поступлении в число помощников присяжного поверенного, когда я указал, что ему удобнее и выгоднее всего обратиться не ко мне, а к ректору. Четвертый, давно кончивший и уже состоящий на довольно хорошем посту в Петербурге, выразил мнение, что при ужасной репутации Ренн[енкампфа] он бессилен и безавторитетен по отношению к студентам. И при всем том, он и его прихлебатели отыскивают причину враждебных отношений к нему студентов и агитации враждебных ему товарищей. Но кто же из нас столь безумен и столь безнравственен, чтобы решился подстрекать молодежь на преступное насилие и, вообще, возбуждать к нему недоверие? Он сам создал ужасную для себя атмосферу, которая делает свое дело. В то же время он создает и для других такое положение, которое не может не считаться плачевным и опасным при нынешних обстоятельствах. Я всемерно старался поддерживать добрые с ним отношения. Со студентами никогда и ни под каким предлогом не позволял себе о нем говорить иначе, как в легальном и добром смысле. И однако ж, все оказывается тщетным и напрасным. Я чувствую, что среда меня всасывает и заедает, что в этой миазматической атмосфере я задохнусь без моей вины. А тут печать начала поход против украинофильства, «С.-Петерб[ургские] ведомости», «Новое время», «Киевлянин», делая прямые намеки на то, что всю эту подлость, весь кавардак затевают и затеяли украинофилы, что они суть прямые подстрекатели. А тут обстоятельства таковы, что дают прямо в руки оружие для лжетолкователей. По приглашению Ренн[енкампфа] студенческая комиссия, им одобренная, действительно хотела дать вечеру окраску местную: музыкальная программа содержала в себе малороссийские пьесы, приглашен был Лысенко, с ведома Ренн[енкампфа], для управления хором. Теперь, когда обстоятельства изменились, Ренн[енкампф] во всем том, что делалось с его ведома и согласия, будет почерпать доказательства против украинофилов. Извольте теперь разобраться, извольте теперь доказать правду. Я этого боялся и предвидел замешательства, когда выражал порицание поступлению Владимира в эту комиссию и требовал, чтобы он ее оставил. Владимир на духу сообщил матери, что он не может выйти из комиссии, боясь навлечь на себя ненависть своих товарищей, не желая попасть в положение сына Ренн[енкампфа], которого товарищи подозревают в шпионстве.

Так слагаются обстоятельства, крайне для меня лично неблаго-

приятные. Симптомы самые скверные. Меня представляли в чин действительного статского советника — и не утвердили. Юркевич, человек очень умеренного образа мыслей, человек мне приязненный, не оставлен на службе по истечении 25 лет. Я жду для себя недоброго. Если они меня не тронут теперь, то выльют свою злобу в мае 1885 г., когда истечет 25-летие моей службы и когда возникнет вопрос о моем оставлении на службе.

Некоторые положительно утверждают, что Ренненк[ампф] затеял свое ухаживание за студентами, между которыми есть много украинских народолюбцев, с тем, чтобы эти обнаружили свои намерения,— а затем чтобы свести чрез них счеты с людьми, которых он давно хочет свесть, и что все это была игра не в серьезную, а только для других целей, мрачных, преступных, коварных. Чужая душа потемки, но разуверьте кого-нибудь и докажите противоположное. Глас народа, глас Божий. Недаром некоторые из юбилейных гостей говорили: «Как ваш ректор напоминал своею физиономиею католического ксендза-иезуита».

23 сент[ября] 1884 г.

Вчера мне передавали, что Юзефович на своих вечерах без обиняков объявляет меня прямым виновником беспорядков. Он говорит, что и в избрании меня почетным членом двух университетов скрывается интрига. либеральных университетских сфер. Конечно, Юзефович считается всеми за самого старого и давнего сикофанта, который не стесняется ничем и лжет, сколько ему угодно. При других обстоятельствах эта ложь прошла бы бесследно. Но не при настоящих. Мне передавали, что в последнее время видели не раз его экипаж стоящим около квартиры Ренн[енкампфа]. Вместе куют кови. Тот же Юзефович брешет, говоря, что выбор мой почетным членом С.-Петербургского университета объясняется тем, что я предложил Таганцева в почетные члены нашего университета, а Таганцев — меня, что Таганцев — известный конституционалист, который вместо уголовного права на лекциях читает о конституции. Как все это правдиво, видно из того, что Таганцев два года как оставил С.-Петербургский у-т.

Говорят, что наши бонапартисты домогаются следующего: а) чтобы университет наш был закрыт по высочайшему повелению; б) чтобы все профессора были оставлены за штатом и студенты уволены из университета; в) чтобы затем последовал новый набор как профессоров, так и студентов; г) чтобы этим способом выжить из университета тех профессоров, которым они давно не дают житья. Так было поступлено с Петербургским университетом в 1861 г., когда при открытии университета позже, в 1862 г., не возвращены были к своему посту: Костомаров, Стасюлевич, Кавелин, Спасович и другие. Если это осуществится с нашим университетом,— для осуществления чего есть много вероятий,— придется проститься с университетом и, что еще хуже, попасть в положение пролетария.

24 сент[ября] 1884 г.

После разбития в Ренн[енкампфа] стекол его сторонники составили письмо, в котором выражают негодование против насилия, над ним совершенного. На товарищеском обеде мне поднесли это письмо, и я его подписал. Вслед за мною подписали и другие, которых преследует Ренн[енкампф] или которые не суть его сторонники. Подписал и Ан-

тонович. Слышу со всех сторон порицание этого шага. Передавали, что некоторые из арестованных студентов выразились, что им легче было подвергнуться аресту, чем узнать о наших подписях. Друг каждый день мне делает выговор и называет мою подпись смертным грехом. С политической точки зрения, может быть, это и ошибка, с моральной — нет.

Ренненкампф и К° поставили свое положение остро. Они обвиняют власти в том, что она недостаточно была бдительна и предусмотрительна. В таком смысле они говорили с Дрентельном, когда он после разбития окна явился в дом Ренн[енкампфа]. На более мелкого человека, каков полицеймейстер Мостицкий, они прямо указывают как на того чиновника, который заведомо допустил это нападение. Дрентельн, чтобы оградить своего подчиненного от клеветы, назначил расследование. Расследование опровергло клевету. Наши бонапартисты заходят далеко: обвиняя прямо Дрентельна в слабости и подачке, они пламенно желают, чтобы он убран был из Киева. Такова городская молва. Если бы это последнее случилось, тогда высшая власть в Киеве непременно попадет под непосредственное влияние наших бонапартистов. Тогда совершится нечто небывалое: образуется власть вне власти, хотя давно уже в Киеве существует полиция вне полиции, жандармерия вне жандармерии. Уже одно назначение Бунге министром придало много и хитрости, и наглости, и влияния его друзьям. Но, по крайней мере, местная высшая власть держала себя независимо и не подпадала под влияние наших дельцов. Совершись последнее, тяжесть нашего положения увеличится. Я забыл упомянуть, что губернатор Гудим-Левкович давно снюхался с Ренненкампфом. Это известный крепостник и реакционер: неудивительно, если он якшается с людьми черной души.

25 сент[ября] 1884 [г.]

На другой же день после разбития стекол в ректорской квартире произошли аресты студентов. Сколько их было арестовано,— вести разноречивы. Большую часть их содержат в общих камерах в тюремном замке. Это те, которых выпустят и за которыми нет ничего политического. Некоторые из них уже выпущены. Других держат в одиночку. Их арестовал Василий Дементьевич Новицкий, начальник киевской жандармерии. Некоторые из них арестованы только потому, что они пользовались между товарищами наибольшим влиянием. Из рассказов можно вывести то заключение, что разбитие стекол произошло в отсутствии полиции, но что на месте в толпе были переодетые агенты тайной полиции. Насколько это достоверно, трудно сказать. Кажется достовернее то, что арестованы, главным образом, некоторые из тех, которые днем участвовали в многочисленной толпе студентов, собиравшихся во время торжественного акта на бульваре и прошедших в количестве не менее 500 церемониальным маршем с песнями по Крещатику; говорят, что эта толпа студентов свистела, когда проезжали попечитель Голубцов и Победоносцев, и бросала в их кареты гнилыми яблоками.

26 сент[ября] 1884 г.

Все того мнения, что юбилейные события раскрыли карты Ренненн[кампфа] и К° и открыли обществу глаза. В обществе большинство крайне враждебно настроено против Реннен[кампфа] и К°. Студенты

пылают ненавистию и злобою. Попытки прихлебателей Р[енненкампфа] убедить студентов принесть повинную Р[енненкампфу] оказываются неудачными, несмотря на угрозу, что у-т, в противном случае, будет закрыт. Помощники проректора Тупица, Левицкий и Романович-Славатинский успели собрать десятка два подписей. Вместо того, говорят, Рен[ненкампф] получает анонимки с угрозами, что побьют или убьют, если он не откажется от ректорства. Такие же анонимки получены и некоторыми гражданами, чем хотят довести до сведения публики. Из многих данных можно заключить, что Дрентельн не держит руки бонапартистов и отлично их понимает. За то они платят ему ненавистию и подкапываются под его положение. Чья возьмет. Я думаю, ничья, а выданы будут головою другие, а также университет. Следствие производится судебным следователем по особо важным делам Осиповым. Он допрашивал членов студенческой комиссии, в том числе Арабажина. Они показали, как заигрывал с ними Ренн[енкампф] насчет вечера. Ренненк[апф] распустил слух, что, кроме брошенного камня, были и выстрелы: одни из них насчитывают 10, другие — 20, третьи — 50 отысканных пуль. Некоторые из обедавших, как Жданович, директор народных училищ Черниговской губ[ернии], их сторонник, показал, что он слышал выстрелы. В таком же смысле показал Славатинский. Демченко виляет. Таганцев, по его словам, дал отрицательное показание. В газетах пишут, что из Петербурга будет прислан специальный следователь для всестороннего исследования происшествия.

30 сентября 1884 г.

Я постоянно держался того мнения, что совершившиеся события добром не кончатся, что они обрушатся бедой на весь университет, что беду придется расхлебывать всем студентам, что очередь дойдет и до некоторых профессоров. Прекраснодушные люди, мечтатели и смотрящие на события сквозь очки собственных желаний предсказывали благополучный исход событий и открытие у-та на днях. Вот какое распоряжение обнародовано в газетах:

«*Дабы очистить университет от вредных элементов и исполнителей приказаний разных агитаторов и подстрекателей, постановлено:* 1. Чтение лекций и учебные занятия студентов прекратить до 1 янв[аря] 1885 г.; 2. Всех студентов означенного университета уволить и возвратить им документы, *с воспрещением приема уволенных в другие университеты:* 3. Образовать 1-го декабря 1884 г. комиссию под председательством попечителя, из ректора, деканов и избранных попечителем профессоров для приема прошений от тех лиц, которые пожелают вновь поступить в университет, комиссии этой *вменить в обязанность по каждому прошению собирать самые точные справки и удостаивать приема лишь тех, благонадежность коих не будет подлежать никакому сомнению;* 4. Принятым вновь в студенты полугодие с августа 1884 г. по 1-го января 1885 г. не засчитывать в установленные для прохождения университетского курса число полугодий. Относительно студентов, окончивших курс, но еще не подвергавшихся окончательным испытаниям, будет сделано особое распоряжение» [6].

Следует ждать, что нечто подобное последует и относительно профессоров. Совершат операцию и очищение двумя способами: а) или оставят всех профессоров за штатом и затем в декабре образуют штат профессоров, за исключением тех, души которых давно ищут; б), или прямо увольнят нескольких профессоров с украинофильскою окраскою.

Первый способ более мягкий, так как он даст тем, которые не попадут в новый штат, право и возможность в течение года пользоваться заштатным жалованием. Вопрос идет только о том, под каким соусом приправят опальных. Лишат ли их прав службы вдруг или же с некоторым облегчением.

Уже месяца полтора тому назад из редакции «Киевлянина», органа киевских бонапартистов, пущен был слух о том, что участь, постигшая Мищенка, постигнет Антоновича и Лучицкого. Затем последовала злая инсинуация относительно Хржонщевского. Меня обносит злой сикофант Юзефович. Вот симптомы. Таганцев на думском обеде 8 сентября спросил меня: «Правда ли, что Антонович и Лучицкий уволены». Я ответил, что пока нет. Одно только правда: что мнимое увольнение есть подсказывание со стороны наших дельцов, чего они желают от правительства.

1 октября 1884 г.

Вышеизложенное распоряжение всех поразило и привело в трепет и негодование. Около двух тысяч молодых людей очутились между небом и землей. Родители их в отчаянии. Многим из молодых людей грозит военная служба, продолжительная, без льгот, сопряженных с университетским образованием. Это не увольнение, а исключение студентов. Многие, наверно, останутся навсегда вне университета и лишатся образования. Проект упомянутого распоряжения повезен был в Петербург попечителем Голубцовым, выехавшим из Киева 21 сентября. Пред своим выездом он неоднократно совещался с Ренненкампфом. Вдвоем они составили с своей точки зрения донесение. Интересы общие принесены в жертву интересам главы бонапартистов и К°. Вчера я получил письмо от Симонова, который спрашивает: «Подал ли ректор в отставку?» Дело ведь все в этом состоит, что Ренненкампф для того, чтобы остаться на своем посту, и предпринимает меры военного положения и разгрома университета. Страсть к власти стоит выше личного достоинства и общих интересов. Пусть погибает все, пусть страдают многие тысячи, пусть длится страшно ненормальное общественное положение — лишь бы мне было хорошо. Мы, источник ненавистей, враждебности, запутанностей, замешательств,— но мы себя чувствуем очень хорошо, мы будем стоять на своем посту, чтобы созидать свое личное благосостояние, хотя бы это сопровождалось величайшими бедствиями тысячей, целого населения. За нас сила, за нас болезненное состояние общества, оно-то нам, злым паразитам, даст возмож[ность] обделывать свои дела, в высокой степени личные и мизерные.

2 октября 1884 г.

Слухи, толки, пересуды о том, что генерал-губернатор Дрентельн в оппозиции с киевскими бонапартистами, крайне преувеличены и малоосновательны. В них есть та только доля правды, что Дрентельн не в окончательном плену у наших дельцов. Но от этого положения до явной оппозиции очень далеко. Эти толки — скорее выражение того, что публика желала бы, чем действительности. Повод к ним могли подать выражение взглядов, которые были высказываемы окружающими Дрентельна. Очень может статься, что тут играет значительную роль свойственное нашей общественности двуличие и лицемерие. Дрентельн не настолько же наивный человек, чтобы не понимать своего положения: шутка разоблачит всю подноготную, все двоедушие и всю лжи-

вость образа деятельности бонапартистов. Это значило бы стать за студентов. А разве они не безобразничали? Следовательно, дело касается коренных вопросов общественности. Пока реакция царит, пока империею управляют Толстой, Победоносцев и Бунге, Ренненкампф и К° будут торжествовать: они катаются теперь как сыр в масле. Этого некоторые наивные люди понять не могут.

3 октября 1884 г.

Обнародована история юбилейных волнений студентов в смысле, вполне благоприятном для бонапартистов. Это зарево. Пламя вспыхнет и поглотит многих. Жить среди общественной неурядицы скверно. Это состояние, когда душа человеческая наполняется смятением: тут правый гибнет, виновный скрывается. В борьбе партий каждая взваливает свои грехи на другую. Ищут виновников: отыскивают недруга и на него все взваливают. А между тем дело является в более простом и ясном виде с философской точки зрения. Студенческие волнения, юбилейный скандал являются очевиднейшим доказательством того, что между профессорами и студентами давно порвана связь, что мы, профессора, не имеем никакого морального влияния на юношество, что мы не пользуемся ни малейшим между ними доверием. Те, которые держат в своих руках власть, совершенно дискредитированы, как люди, замаранные в разные грязные дела, как люди нечистые, как интриганы и человеконенавистники. Мы, так называемые либералы, или оппозиция, люди, не приставшие к шайке дельцов, парализованы окончательно в своих отношениях к студентам. Студенты боятся к нам соприкасаться, чтобы не навлечь на себя гонений со стороны людей, в руках которых власть. Мы не можем быть в доверчивых отношениях к студентам потому, что боимся, чтобы в этих отношениях не были почерпаемы доказательства нашего мнимого дурного влияния на студентов. Отсюда и там, и здесь является полное отчуждение между студентами и профессорами. Царит полное недоверие, полное бессилие, которое и рождает студенческие беспорядки, юбилейные скандалы. Вот и доюбилейничались. А кому нужен был этот юбилей? Есть люди, которые рады, когда совершаются общественные беспорядки, когда происходят скандалы, когда завязываются узлы общественных запутанностей и недоразумений. А я в этой атмосфере задыхаюсь, чувствуя себя не в своей тарелке, мне просто не по себе. Если бы я имел влияние на ход общественных отношений, то я прежде лег бы трупом, чем допустил бы запутать их до совершения безобразий. Но так ли это легко сделать, как сказать? Пылинка еси, носящаяся в вихре современности, и заносит тебя туда, куда бы ты не желал.

7 октября 1884 г.

Положение дел администрации в настоящее время почти выяснилось: оно безнадежно. Дефицит только в эти два месяца, в октябре и ноябре, равняется 125 000 руб, которых неоткуда взять. Положение такое же было и в 1882 г., в его конце, но тогда администрация была спасена высокими ценами на будущий сахар: тогда все на перерыв бегали за будущим сахаром; и мы продали в октяб[ре]-ноябре и декабре месяцах 1882 г. 135 000 п[удов] будущего сахара, взявши цену от 5 руб. 72 1/2 до 5 руб. 90 коп. с задатком по 2 руб. 50 коп. Тысяч около 100 000 руб. задатков за сахар и пшеницу мы получили уже в те меся-

цы и тем спаслись. Не то теперь. Охотников покупать сахар мало или почти нет. Желающие не дают более 4 руб. 80 коп. Цен на пшеницу нет, тогда как в 1882 г. они были высоки, выше рубля, и покупщики набивались. Меляса тогда стоила 41 коп., а ныне более 20—22 коп. не дают. Вчерашнее заседание администрации кончилось предложением разных паллиативов, которые не могут покрыть огромного дефицита. Решили сделать генеральное заседание администрации совместно с директорами заводов. Не надеюсь, чтобы и оно дало какие-либо существенные результаты, могущие произвести переворот и спасти дело. Я предвижу великий разрух экономический и невообразимое смятение умов. Бедная моя голова! На нее обрушится много нареканий и много бед. Я всегда повторял всем и каждому: не столько опасны люди, как природа в отношении несостоятельности. Когда вверишь природе значительные капиталы с надеждою получить от нее обратно с прибылью, и когда она окажется несостоятельною,— тогда быть беде. Возврат невозможен. Так и случилось. Вследствие большого недорода свекловицы мы терпим убытки и не в состоянии свести концы с концами.

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ. В минувшем марте комиссия при университете Св. Владимира, состоящая из ректора и некоторых профессоров, обсуждая состав и порядок высочайше разрешенного празднования пятидесятилетнего юбилея сего университета, постановила, между прочим, включить в программу торжества особый праздник для студентов. Для обсуждения устройства этого студенческого праздника ректор, по установившемуся в некоторых университетах неуместному и вредному обычаю, счел нужным пригласить к себе студентов, состоявших в числе шестнадцати так называемых сотрудников общества вспомоществования студентам университета Св. Владимира [7]. Студенты с видимым удовольствием узнали о предполагаемом для них празднике, но так как в мае не было еще ассигновано средств для устройства онаго, то беседа ректора со студентами ограничилась лишь общими соображениями. В июне ректор уехал в отпуск, из коего возвратился 17 августа, когда состоялось уже разрешение употребить на празднование юбилея до 4 тыс. руб. Созванная ректором юбилейная комиссия положила отчислить из этой суммы от 2 с пол[овиной] до 3 тысяч на устройство студенческого праздника. При этом комиссия остановилась на мысли устроить гулянье на пароходах или же вечер в Ботаническом саду и прилегающих к нему строениях. Ректор вновь нашел нужным пригласить к себе студентов-сотрудников для определения подробностей устройства праздника. Студенты выразили полную готовность участвовать в хлопотах по устройству праздника и вызывались влиянием на товарищей всячески охранять порядок между студентами во время юбилея, прибавляя, что надо увеличить число распорядителей до 30 или 35 человек. Ректор изъявил на это свое согласие и предоставил студентам дать ему список тех студентов, кои могли бы войти в число распорядителей. Так как достать пароход для гулянья по Днепру оказалось невозможным, то ректор, по соглашению со студентами, остановился на мысли устроить в день юбилея в университете литературно-музыкальный вечер и угощение студентов.

Так дело шло до начала сентября. 2 сентября студенты-распорядители собрались у ректора и сообщили, что их товарищи недовольны назначением их в распорядители вечера, без ведома самих студентов, и желают, чтобы студентам было предоставлено утвердить их своими уполномоченными. Ректор поставил на вид говорившим, что средства

для праздника даны правительством; что хозяин вечера есть начальство университета, а не студенты; что для утверждения уполномоченных студентами нет никакого основания, и оно не может иметь места уже потому, что всякие студенческие сходки и выборы строго воспрещены. Вместе с тем ректор снисходительно дозволил студентам присоединить еще несколько распорядителей к уже назначенным, и для того представить ему, посоветовавшись в частных кружках с товарищами, список предлагаемых.

2 сентября прибыл из отпуска попечитель и, получив донесение ректора о состоявшихся распоряжениях и о настроении студентов, выразил опасение, не подал бы студенческий вечер повода к беспорядкам. 3 сентября, возвратившись от попечителя в университет, ректор заметил в коридорах небольшие, несколько возбужденные группы студентов. Он пригласил к себе в ректорскую комнату несколько распорядителей из студентов и спросил о причинах возбуждения. Они отвечали, что студенты толкуют о некоторых частных вопросах и что вообще все обстоит благополучно. В тот же день ректор пригласил студентов-распорядителей и других студентов, избранных ими в помощники, к себе на дом. Явилось человек 12—15. Ректор объяснил им важность праздника, убеждал их употребить свое влияние, чтобы успокоить товарищей и отклонить их от какой-либо демонстрации. Студенты позволили себе ответить ректору, что, хотя они вполне понимают его доводы и сами не видят никаких поводов к неудовольствиям, считают, однако, необходимым, чтобы для удовлетворения самолюбия студентов им было предоставлено право утверждения избранных распорядителей и что без этого нельзя ручаться за спокойствие ни на вечере, ни на юбилее. После долгих уговариваний ректор предложил студентам-распорядителям поговорить со своими товарищами в отдельных кружках, без общих сходок, и сообщить к двум часам следующего дня, изъявляют ли студенты готовность спокойно провести юбилей.

4 сентября ректор, войдя в университет, заметил большие группы студентов и их возбужденность, а вслед за тем ему было доставлено воззвание к студентам, найденное в клиническом коридоре и возбуждавшее студентов к беспорядкам. Обо всем этом ректор тотчас донес попечителю и представил в подлиннике воззвание. Вечером того же дня четверо из числа студеитов-распорядителей снова были у ректора для переговоров о разрешении сходки. Случайно, по делам юбилея, пришли в это время в квартиру ректора и некоторые из членов юбилейной комиссии. На этот раз из разговора со студентами и из их доводов о необходимости сходки не трудно было сделать заключение, что подготовляется нечто предосудительное и что в объяснениях самих распорядителей отсутствует надлежащая искренность.

5 сентября, прийдя утром в университет часов около десяти, ректор застал в коридорах уже значительные группы студентов, очевидно возбужденных. Помощники проректора доложили ректору, что студенты волнуются, что новые группы прибывают и что дело принимает тревожный характер. Вслед за тем вошли в комнату ректора два студента-распорядителя и объявили, что против них возбуждены все студенты: бранят их, обвиняют; что при таком положении дела они и прочие их товарищи-распорядители отказываются от всякого участия в распоряжении вечером. Узнав от ректора о происходящем, попечитель объявил, что при таких обстоятельствах он находит нужным отменить предположенный вечер и что теперь все внимание должно быть обращено на то, чтобы юбилейный акт прошел в должном порядке. С этой целью попечи-

тель признал необходимым ограничить число студентов, которые могли бы быть допущены на акт — тремястами, исключительно из высших курсов. Этим изменялось постановление юбилейной комиссии — раздать студентам, чрез деканов, 600 входных билетов, из коих 200 уже и были розданы.

Возвратясь от попечителя около половины первого, ректор сообщил о состоявшемся распоряжении некоторым деканам, пришедшим в это время в ректорскую комнату; но прежде чем кто-либо из деканов успел объявить об этом распоряжении студентам, толпы стали быстро увеличиваться в коридорах. Получив от ректора извещение о положении дела, попечитель тотчас же прибыл в университет, в ректорскую комнату. Здесь помощником проректора была представлена ему ходившая по рукам и только что взятая им от студентов гектографированная прокламация от 5 сентября. Содержание этой, как и предшествовавшей ей накануне прокламации, призывавшей студентов к буйству, и весь ход событий ясно указывали, что дело идет не о вечере, не о входных билетах, а об общем противодействии официальной программе праздника. В прокламации говорилось о «гонениях на все честное», о «закрытии лучших журналов, библиотек», о том, что по этому поводу кто-то желал и надеялся «высказаться во время юбилея». Явен брошенный в среду студентов умысел — превратить академический праздник в противоправительственную демонстрацию. При таких условиях попечитель признал необходимым объявить, что все выданные уже входные билеты надлежит считать недействительными и допускать только тех студентов, которые получат на то особое разрешение начальства. Это распоряжение было объявлено студентам на следующий день, причем ректором и проректором было выдано несколько билетов известным и благонадежным студентам, просившим о допущении их на акт.

Выйдя из комнаты ректора и проходя по коридору к выходу, попечитель обратился к группе студентов и спросил у них, что им нужно; но они не ответили ничего определенного. Затем, выйдя из университета и встретив большую группу студентов на улице (от 200—300 человек), попечитель вошел в нее и снова спросил у них, зачем они собрались и чего желают? На это они долго упорно молчали, но потом один сказал, что желали узнать, будут ли их пускать в залу в день юбилея, на что попечитель ответил: «Будут пускать в залу, если вы своим поведением будете того заслуживать». В отчет на это многие закричали: «Мы ничего не желаем». После отъезда попечителя толпа росла, шумела, свистала перед входом в университет и стояла приблизительно до 2 1/2 часов дня. В толпе высказывалось решение уничтожить все выданные билеты и строго воспретить кому-либо из студентов являться на акт, что и заявлялось в гектографированных прокламациях. Еще накануне попечитель сообщал местным властям о возбуждении между студентами; после же всего виденного 5 сентября он немедля просил местные власти усилить меры наблюдения и охраны университета во время юбилейных дней, а равно и принять полицейские меры, чтобы толпы студентов не собирались более на площади у входа в университет.

6 сентября вход в университетские учебные коридоры и аудитории был закрыт по распоряжению попечителя; но на одной из стен университетской ограды было найдено наклеенным новое гектографированное воззвание. Студенты стали собираться у входа в университет и, когда частный пристав уговорил их разойтись, они перешли с площади в Ботанический сад, где и состоялась огромная сходка.

7 сентября, во время богослужения и завтрака, полиция ограждала

входы в университет на указанных ректором местах; но на улице, против здания 1-й гимназии (где находится квартира попечителя), беспрепятственно собралась огромная толпа студентов и любопытных. В толпе громко говорилось, что «сегодня не наш день, а завтра мы себя покажем».

8 сентября вся программа юбилейного акта была исполнена вполне благополучно и в здании университета порядок не был нарушен; но на улице, подле 1-й гимназии, еще до начала съезда на акт, собралась значительная толпа студентов и любопытных, причем некоторые проезжавшие высокопоставленные лица подвергались во время проезда довольно сильным свисткам и громкой брани, и дело доходило даже до бросания камней, яблок и поленьев. Во время акта беспорядочная бесчинствующая толпа ходила по улицам с криком и шумом, пела «вечную память», «со святыми упокой», а затем какую-то песню на мотив народного гимна. Толпа прошла по Крещатику, по Костельной улице и чрез Владимирскую улицу возвратилась к университету (что составит примерно верст около трех). Проходя по улицам, толпа постепенно увеличивалась; к ней присоединился всякий сброд, а также и довольно много молодых женщин, по-видимому, из числа слушательниц Высших женских курсов. Толпа остановилась перед цепью конной и пешей стражи, ограждавшей доступ к университету, между военно-окружным судом и зданием 1-й гимназии. По совету местных властей ректор ускорил окончание акта. Попечитель, ректор и проректор поспешили отъездом вместе с публикой, и притом по улице, противоположной той, где стояла толпа.

После акта, около половины 6-го часа, собрались к ректору на обед некоторые из депутатов и профессоров. Спустя полчаса после обеда, часов в 7 1/2, послышался сначала отдаленный и неясный шум и свист, затем шаги большой толпы. Вслед за сим посыпались в окна квартиры ректора камни, сначала мелкие, а потом и более крупные; удары стали усиливаться, причем некоторые камни были так велики, а удары так сильны, что камни пробивали деревянные ставни, разбивали стекла в окнах и влетали в самые комнаты, а осколки стекол долетали до противоположной стены. Осколки эти оцарапали лицо и руки профессору Субботину и одному из служителей. Ввиду возраставшего ожесточения бушевавшей толпы испуганные хозяева и гости не знали, где искать защиты, а с малолетними дочерьми ректора сделались истерические припадки. Осада и погром ректорского дома длились около 20 минут.

Погром совершился беспрепятственно, так как городовой, поставленный по распоряжению полицейского начальства у квартиры ректора для наблюдения, был, как должно полагать, приблизившеюся толпою оттеснен и мог лишь окружным путем достичь от стоящего сажен на 100 от квартиры ректора Лыбедского участка, где находилось наготове 60 конных казаков. Казаки прибыли, когда разгром уже кончился и толпа без помехи расходилась. На месте происшествия никто задержан не был. Буйство, совершенное вечером 8 сентября, нельзя назвать неожиданностью. Еще накануне ректор получил угрожающее письмо, без упоминания, впрочем, о погроме. О письме этом, как и том обстоятельстве, что в день юбилея, около пяти часов утра входные двери в квартире ректора были вымазаны смолою и облиты нефтью, которая затекла даже в сени, был извещен полицеймейстер. Далее, в толпе, расхаживавшей по улицам, громко кричали: «Смотри же в 6 часов, на Кузнечную!» (улица, где находится квартира ректора). Вечером, в 6 с пол[овиною] час[ов], как передавали очевидцы, на Большой Владимирской

улице, против университета, двигалась большая толпа; в то же время еще большая толпа собралась на бульваре, против здания 1-й гимназии. В толпе говорились речи и раздавались приглашения идти на Кузнечную улицу. Готовившийся разгром до того был общеизвестен, что редакция одной из местных газет даже отрядила своего репортера, который был замечен в бушевавшей толпе и арестован на другой день.

Обсуждая изложенные события, нельзя не придти к заключению, что к неудовольствиям, волнениям, беспорядкам и, наконец, к буйству студентов не было ни малейшего повода в каком-либо распоряжении университетского начальства. Не только не было оказано притеснений студентам, но, к сожалению, делались даже излишние попытки угодить им и допускались послабления. По мере уступок возрастали требования, и попечитель решил не допускать студентов в актовую залу, когда уже стало очевидным, что среди студентов получили преобладание вредные люди, увлекавшие толпу и имевшие целью не допустить, чтобы юбилей прошел в должном порядке. После печальных событий в местном обществе многие стали говорить, будто беспорядки были вызваны недопущением студентов на юбилейный акт, возбудившим негодование в студенческой среде. Из вышеизложенного видно, что студенты всем поведением своим сами сделали невозможным их допущение в актовую залу. После явлений крайнего возбуждения, сходок и прокламаций университетское начальство имело полное основание и обязанность оградить юбилейное торжество от всякой случайности и явно готовившихся бесчинств. Совокупность вышеизложенных обстоятельств вполне доказывает, что в среде учащихся в университете Св. Владимира есть, к прискорбию, немало людей испорченных и злонамеренных, готовых на всякие средства для достижения своих преступных целей; большинство же студентов, видя зло, не обнаружило достаточно нравственной силы, чтобы противостать зачинщикам, обладающим искусством скрываться за увлекаемою ими легкомысленною толпою.

Дабы очистить университет Св. Владимира от вредных элементов, а равно и от исполнителей приказаний разных агитаторов и подстрекателей, постановлено:

1). Чтение лекций и учебные занятия студентов прекратить до 1 января 1885 года.

2). Всех студентов означенного университета уволить и возвратить им документы, с воспрещением приема уволенных в другие университеты.

3). Образовать с 1 декабря 1884 года комиссию под председательством попечителя, из ректора, деканов и избранных попечителем профессоров для приема прошений от тех лиц, которые пожелают вновь поступить в университет. Комиссии этой вменить в обязанность по каждому прошению собирать самые точные справки и удостаивать приема лишь тех, благонадежность коих не будет подлежать никакому сомнению.

4). Принятым вновь в студенты полугодие с августа 1884 года по 1 января 1885 г. не засчитывать в установленное для прохождения университетского курса число полугодий.

Примечание. Относительно студентов, окончивших курс, но еще не подвергавшихся окончательным испытаниям — будет сделано особое распоряжение» [8].

8 окт[ября] 1884 г.

Этот обвинительный акт содержит изложение событий так, как угодно было Ренненк[ампфу] и Голубцову. Многие факты перепутаны. Нечто извращено. Кое-что прибавлено. Курсистки, говорят, пришпилены. Сказано, что разгром продолжался 20 минут. Утверждают, что не больше 3—5 минут. Если бы больше, то полиция бы похватала всех там присутствовавших. Конечно, 5 ли минут или 20 продолжался разгром, это не представляет особой разницы. Но 20 минут им нужны для того, чтобы уличить в бездействии полицию. Насилия, совершенные студентами, отвратительны. Но так же преступна и деятельность того человека, который затевает что-нибудь для того, чтобы внесть каламуть и замешательство в общество. Вот ходячие в публике соображения:

1. Ренненкампф органически не переносит украинофильства и всего, что носит название малороссийского.

2. Быть не может, чтобы он серьезно вел со студентами переговоры о постановке на юбилейном студенческом вечере малорусских песен, чтобы он, разрешив студентам пригласить Лысенка управлять хором и открыть спевки в здании университета, желал довести дело до конца.

3. Если бы он серьезно намерен был допустить малороссийский элемент в вечере, он непременно бы пригласил для совещания и для регулирования дела кого-либо из украинофильствующих профессоров.

4. Он затеял этот вечер с малороссийским оттенком с тою целию, чтобы дать повод к замешательству и свести счеты с тем же самым украинофильством, с которым он заигрывал. Верно ли это или не верно, это покажет будущее.

5. Малороссов считают хитрыми людьми. А на деле это народ простаковатый. Еще перед вакациями, когда слухи распространились, что Лысенко будто приглашен для управления хором, шла речь, чтобы он уклонился от этой части. В таком смысле говорили с Лысенком. Тем не менее он после вакаций пошел на эту удочку и поплатился первый за свою доверчивость.

6. Говорят, что Ренненкампф играл эту игру и потому, что был убежден, что козлом отпущения явится Голубцов, на которого он и теперь чрез своих агентов валит вину всех полученных распоряжений.

12 окт[ября] 1884 г.

В Городищенском заводе состоялось генеральное заседание администрации, оно состояло из четырех членов, двух директоров и В. Ф. Симиренка как выдающегося кредитора, члена фирмы и бывшего директора администрации. Все признали положение крайне тяжелым, но все, за исключением меня, отнеслись с каким-то прекраснодушием. Решили идти далее, продолжать дело, что бы в будущем ни случилось. Я указал на дилемму: остановить теперь дело, значит произвесть разрушение Лиссабона; единственный лучший исход дела состоял бы в продаже его в целом составе, на ходу, в посторонние руки. На это мне ответили: «Охотника на покупку Городищенского завода не найдется, так как этот завод поставлен в крайне неблагоприятное положение. Следовательно, приходится вести дело, хотя бы пришлось дойти до разрушения Лиссабона». Неутешительно. А для меня лично и опасно.

13 октября 1884 г.

Такова ходит молва в городе: Дрентельн обижен, поражен, оскорблен. Помимо его и не от него требуют в Петербурге разные справки по студенческому делу. Будто бы он выразился: теперь он видит, в чьих руках находится судьба юношества. Жалко, что увидел это поздно. Жалко, что и теперь он не видит того, что судьба молодежи находится в руках злых киевских бонапартистов. Еще передают, что Дрентельн послал самостоятельное донесение о происшествиях 7 и 8 сентября. Несомненно, что он в последнее время был в сношениях с Галаганом, который теперь не на стороне бонапартистов. Несомненно также и то, что и по этому, и по другим причинам он был бы расположен быть полезным жестоко наказанным студентам. Но несомненно также и то, что сам Дрентельн чувствует себя ослабленным и сконфуженным. Киевские бонапартисты перешли из оборонительного в наступательное положение; затеяв всю эту сумятицу, будучи сами виновниками безурядицы, они взвалили всю вину на полицию и Дрентельна; мало, мов, оказали энергии в подавлении студенческих беспорядков. Вот и очутился Дрентельн в положении, так сказать, обвиняемой стороны. В газетах объявлено, что полицеймейстер Мостицкий выходит в отставку. Это первое поражение для Дрентельна. Слухи ходят, что Дрентельн не останется в должности генерал-губернатора в Киеве, а что его заменит или Оржевский, или Анучин. Но это пока слухи: поляки и жиды будут рады.

В Киеве Неклюдов. Третьего дня он был у меня, не застал. Вчера я отдал ему визит. Беседа продолжалась минут 40.

14 окт[ября] 1884 г.

В Киеве министр юстиции Набоков с целым штатом, в том числе состоит и Неклюдов, обер-прокурор кассационного департамента, ученый-криминалист. Цель приезда: ревизия киевских судебных мест и желание присутствием во время доклада свиридовского дела влиять на правильное его решение. Говорят, что Набоков имеет также поручение вникнуть и в юбилейные события. Решение по делу Свиридова последовало: этот банкокрад определен на ссылку в Сибирь на житье.

Возвратился из Петербурга А. И. Сасько. Рассказывает много интересного.

Был у меня Неклюдов. Беседовали часа полтора. Речь шла о Дрентельне. Я указывал на необходимость оставления его на генерал-губернаторском посту. Он стоит на страже русских интересов. «Не хвалят,— говорит Неклюдов,— его правителя». «Напрасно,— сказал я.— Он служит хорошим советником Дрентельну по самым важным делам, каковы: русское землевладение, чиншевой вопрос и т. п.» Вот Гудим-Левкович, этот продает интересы русского мужика, это проходимец.

Был помощник попечителя Ростовцев, не застал. Затем я был у него. Он просил повлиять на студентов, чтобы они не подавали государю коллективного прошения, о подписи которого дошли слухи до Дрентельна. Шутка сказать, повлиять. Оказывается на деле, что никакого такого прошения не существует.

15 окт[ября] 1884 г.

Сасько виделся в Петербурге с Голубцовым. По поводу ускорения назначения пенсии. Голубцов сказал: «А я думал, что вы пришли по поводу списка шести подстрекателей студенческих волнений: в этом списке стоите и Вы. Список этот представлен жандармским управлением графу Толстому. Едва ли, впрочем, что-нибудь выйдет из этой бумаги,— сказал Голубцов,— она оканчивается заключением, что фактических доказательств нет». Кто же, кроме Саська, в этом списке Голубцов не сказал. Но легко догадаться: это Антонович, я, Лучицкий, Хржонщевский и Мищенко. Замечательно, что кроме меня и Хржонщевского, Антонович и Лучицкий до дня юбилея были в отпуску, а Мищенко и Сасько уехали пред юбилеем, Мищенко задолго и последний с тех пор не возвращался.

Встретил Снежку, чиновника генерал-губернаторской канцелярии, занимающего видное место секретаря по благотворительным делам. Долго беседовал. Оказывается, что подкоп под Дрентельна ведет компания, состоящая из трех: Ренненкампфа, Гудим-Левковича и Новицкого, жандармского штаб-офицера. Последний идет не в согласии с Дрентельном. Конечно, Ренненкампфу и К° помогают добровольцы сыска и доноса, каковы Юзефович и прочие. Вероятно, со времени образования закрытого ныне тайного подпольного общества священной охраны, у Ренн[енкампфа] остались жандармские связи, за которые он ныне цепляется. Очень может статься, что список о подстрекателях составлен этим трио. Впрочем, к чему тут совместное составление, весьма неудобное и уличающее? Ренненкампф — запевало университетской сикофантии, которая заранее указывает местной жандармерии, а чрез нее — центральной, на свои жертвы.

В то время когда я писал это, пришел И. В. Лучицкий, профессор нашего университета. Он дал мне прочитать письмо Модестова из Петербурга следующего содержания: «Я несколько дней удерживался от сообщения идущего из министерских источников слуха, касающегося Вас (т. е. Лучицкого), как и несколько других профессоров Киев[ского] у-та. Но, наконец, эти же министерские источники, не знаю в точности в каких видах, стали меня просить сообщить в Киев эти слухи. Я им склонен верить именно потому, что они нелепы по своему содержанию, credo, quia absurdum est[9]. Хржонщевский, Антонович, Вы и Кистяковский предназначены к увольнению. Невероятного в настоящее время, как вы знаете, ничего нет и, к сожалению, в данном случае невозможное вполне вероятно. Жаль университета, стыдно за человеческий разум, за справедливость, за парво. Что делать?» Сведение, сообщенное в этом письме, вполне совпадает с тем, которое привезено Саськом: письмо это 6 окт[ября], а Сасько виделся с Голубцовым 7-го. Я уже в юбилейные дни видел, что Ренненкампф что-то против меня затевает. Ободренный новым университетским уставом, он пошел смелее, решившись столкнуть меня и других с дороги. Этот порыв напоминает мне тот, который он обнаружил после 1-го марта. Тогда он почувствовал, что настал для него праздник его сердца, простор для его хищной и лживой натуры.

16 окт[ября] 1884 г.

Обозревая мою двадцатилетнюю профессорскую деятельность, могу по совести сказать, что никогда ни под каким предлогом не дозволял себе внушать моим слушателям каких-нибудь вредных идей, уже по одному тому, что я их никогда не держался. Мое научное мировоззрение целиком изложено в моем учебнике. Других учений и теорий я никогда не держался, а следовательно, и высказывать не мог. Частных сношений я со студентами не имею. Если они посещают меня, то для того, чтобы получить тему для сочинения или взять какую-нибудь книгу. Это, так сказать, деловые отношения. От первого десятилетия моей преподавательской деятельности осталось человек пять-шесть личных моих друзей из моих учеников. Но между ними есть несколько человек, которые абсолютно не занимаются никакою политикою. Другие принадлежат к старым личным моим приятелям, с которыми я спорю и отнюдь не солидарен был никогда с их несколько крутым образом мыслей. Принадлежу я к так называемой украинофильской партии и всегда тяну самую умеренную ноту, желая добра моей братии, которое может быть достигнуто, по моему глубокому убеждению, только путем мирного культурного развития. Откуда же проистекает созданная мне у правительства и начальства репутация, где причина того положения, в котором я очутился на старости лет? Причина этого всего лежит в местной сикофантии и в борьбе партий. Местная сикофантия, первым запевалом которой является ныне Ренненкампф, лет около 15 занимается тем, что распускает о мне, наравне с другими, ложные слухи. Как только случится какое-либо студенческое волнение, какая-либо студенческая история, местная сикофантия пускает безыменный донос. Существует целая литература этих доносов, часть которых прочитывал мне покойный Антонович. Работая неустанно, сикофантия создала мне самую ложную репутацию в официальных сферах. В последнее время руководство сикофантиею принадлежит Ренненкампфу. Голубцов, как человек, у которого за душой нет твердых правил, готов выдать меня с головой.

21 окт[ября] 1884 г. Николаевский вокзал в Москве. 9 ч. вечера.

Сведения, привезенные Саськом, письмо Модестова и мой разговор с Голубцовым, третьего дня возвратившегося в Киев, побудили меня ехать в Петербург для свидания с Деляновым и другими. Далеко ли до беды. Необходимо спасать служебную честь. Необходимо выговорить пансион, если уже они решили произвесть операцию. Мне осталось 9 мес[яцев] до пансиона. Его хочу выговорить. И без того они меня не оставят по истечении 25-летия. Да и я сам не могу оставаться, так как мое положение решительно фальшивое, вопреки моей воле. Могу попасть в такую бездну, из которой не вылезу. Раз навсегда необходимо разрубить гордеев узел.

22 октября [1984 г.] Петербург.

Вчера в 10 ч. вечера прибыл сюда. Немедленно отправился к Модестову. Оказалось, ждал меня, предупрежденный письмом Лучицкого. Министерские источники, о которых он писал, есть И. П. Хрущов, бывший доцент университета Св. Владимира. Решился предварительно явки к Делянову увидеться с Хрущовым.

4 ч. после полудня. Был у Хрущова. Встречен по-товарищески. Сначала отнекивался, а потом признался в сообщении сведений. Оказывается, меня признают развратителем юношества в украинофильском духе. Обещал быть у Делянова, предупредить о моем приезде и переговорить с ним. Вечером в 6 часов он будет у Модестова, а если не успеет увидеться с Деляновым, то завтра в 10 ч. будет у меня.

Был у Володимирова и зашел в банк к Иващенку. Встретил дружески, особенно Володимиров. В банке при выходе настиг Ершов, любимый ученик. Бросился в объятия. Я прослезился. Володимиров полон негодования. В вагоне конки встретился с академиком Сухомлиновым и профессором Миллером. Первый приглашал к себе, второй — обещал зайти ко мне.

В дороге между Курском и Москвой случилось происшествие такого свойства. В этом же вагоне ехал Головач, один из моих учеников, севший в Курске. Утром поздоровались. Началась беседа, конечно, о злобе дня, киевских происшествиях. В числе пассажиров был военный. Беседуя, мы не обращали внимания на него, как и на других. Вдруг военный подымается, подходит к нам и говорит: «Господа, вы, кажется, прекратили разговор, сделайте милость, не стесняйтесь. Может быть, вы думаете, что я жандарм. Нет, я морской медик, хотя форма моя и похожа на жандармскую. Но присмотритесь, в ней есть существенное отличие». Тут он стал объяснять, в чем состоит это отличие. «Извините, господа, что я должен был войти с вами в это объяснение. Несчастная моя форма вводит многих в заблуждение. Не раз на железных дорогах от меня из вагона бежали все пассажиры, а в таком-то месте,— здесь он назвал какую-то местность,— на меня стали плевать». Мы его успокоили. Причем я сказал: «Не столько опасны жандармы в форме, сколько жандармы-добровольцы, не носящие формы»,— намекая на наших киевских жандармов-добровольцев. После этого я подошел к Тетюшевой, с которой я познакомился в вагоне при посредстве Головача по тому поводу, что она переводит сочинение Ломброзо «Гений и сумасшествие», а я читал Дриля, главного передатчика в нашей литературе учения школы этого ученого. Она сказала утешительно, что еще не умерла в русском человеке честность. А я заметил, что меня этот случай наводит на грустные мысли. Русский человек до такой степени одержим жандармоманией, что должен уверять первого встречного в том, что он не жандарм, не шпион. До чего мы дожили.

23 октября 1884 г. Среда.

Пред выездом я был у попечителя Голубцова. Просил его сообщить точные данные относительно моего положения. Виляет, отнекивается ничегонезнанием. Говорит, что не вините товарищей, это все работает 3-е отделение, которое носит гр. Д. А. Толстому и о генерал-губернаторе. Как-то вскользь высказал мысль о том, что насчет подстрекательства Толстой потребовал точных доказательств. Упомянул мимоходом, что мне повредили мои отношения к Мищенку. Юркий старик рассказал, кто писал донесение о юбилейных событиях.

27 окт[ября] 1884 г.

24 и 25-го был у министра Делянова: во второй раз беседа длилась два часа. Меня обвиняют, как я подкапываюсь подо что-то, что обо мне составилось мнение как о человеке, который не может быть опорой пра-

вительства. На мой вопрос: какие же для того доказательства, Делянов десять, двадцать раз повторял, что он не имеет никаких доказательств. Я старался ему представить доказательства противного, указывал ему на мои сочинения, на моих учеников на поприще служебном и научном. Я старался указать на враждебные элементы в киевском обществе, которые служат источником разных обо мне сплетен. Упомянул об обер-сикофанте Юзефовиче, называя его этим именем, рассказал о том, что после того как совершились беспорядки на юбилее, Юзефович на своих вечерах прямо утверждал, что подстрекателями беспорядков были я, Антонович, Лучицкий и Хржонщевский. Коснулся процесса действия сикофантии, для раскрытия какового привел два следующих случая. Как-то раз к Хржонщевскому явился молодой человек, который, назвавшись студентом, носящим такую-то фамилию, просил его оказать ему пособие. Хржонщевский предложил ему дать рекомендацию в комитет общества недостаточных студентов. Осведомившись у других студентов о том, знают ли они фамилию просителя, он выдал ему упомянутое свидетельство, по которому он получил пособие. Впоследствии времени он оказался мошенником, только назвавшимся именем действительно существующего студента. Ренненкампф и К° раздули эту историю, стараясь выставить Хржонщевского со стороны заискивания у студентов популярности. Между тем Ренненкампф в этом году выдавал пособие некоему студенту Васильеву, который оказался злым радикалом, который был арестован и ныне заключен в тюрьму. Мы из этого случая не сделали государственного преступления.

30 октября 1884 г.

Хожу, брожу, бываю, посещаю, обедаю ежедневно по приглашению. Являлся в департамент и беседовал с Аничковым, директором департамента Мин[истерства] нар[одного] просвещения, и с Волконским, товарищем министра народ[ного] просвещения. Первый сказал, что я, кажется, бью ложную тревогу, и что у него по департаменту нет никакой о мне переписки в известном духе. Второй принял меня очень любезно, но оказался ничего не знающим. Я просил его осведомиться о мне у тех лиц, которые меня знают. Спросил, знаком ли я с Галаганом. Получив ответ «да», обещал переговорить. Я указал ему на Половцева, государственного секретаря, меня знающего. Сказал: «И с ним побеседую».

Я был и виделся с следующими лицами: два раза с Галаганом, с Половцевым, который меня принял, несмотря на смерть Штиглица, его тестя, с Андриевским, ректором Петербургского у-та, который сообщил мне, что он первый услышал от Делянова неблагоприятный отзыв о мне и первый дал резкую отповедь, с Хрущовым, который два раза беседовал о мне с Деляновым. Вчера Хрущов ко мне заходил после разговора с Деляновым и сообщил о значительном повороте в его мыслях. Я приготовляю Делянова и хочу потом только быть у него. Я хочу настаивать на производстве меня в чин действительного статского советника, чтобы получить в этом ручательство перемены их образа мыслей обо мне и моей служебной безопасности. С приезда я не раз не обедал в гостинице, а все у приятелей и знакомых. 27[-го] обедал у Таганцева вместе с Фойницким и Сергеевичем, с которым лично познакомился, будучи давно с ним в переписке. На обеде условились быть на заседании Юридического общества 27-го. Докладывал Красовский, помощник статс-секретаря Государственного совета, из киевских студентов, о необходимости произвесть реформы в мировой юстиции. Возражали В. И. Лиха-

чов, известный гласный Петербургской думы и председатель Петерб[ургского] съезда мировых судей, и Хвостов, товарищ обер-прокурора. Все — и докладчик, и оппоненты — говорили бойко, но не всегда основательно. Лихачов — самый талантливый из них. Во время перерыва был представлен Н. И. Стояновскому, члену Госуд[арственного] совета, и Фришу, начальнику кодификационного отдела Госуд[арственного] совета, членом которого он состоит. Стояновский назначил среду для моего с ним свидания. У Фриша просил позволения быть у него. После заседания несколько человек отправились к Палкину: я, Фойницкий, Лихачов, Красовский, Нольде, Маслянников, Арахов, Коробка. Увлеклись: ужинали и распили бутылок 10 шампанского. Разошлись в 5 часов, крепко подвыпивши.

В воскресенье 29-го завтракал у Галагана, обедал у Беренштама и Цветковского, вечер провел у Лихачова. Там застал Щедрина-Салтыкова играющим в карты. Сверх ожидания там же я встретил Пантелеева, старого знакомого начала шестидесятых годов, когда я жил в Петербурге. Тогда он был студентом, пропитанным радикальными убеждениями. Он обращал меня в радикализм, но не мог обратить. Не добившись успехов, он дал мне кличку «постепеновца». С тех пор он претерпел много, но вышел из борьбы чист. Был осужден Муравьевым в каторгу. Сослан был в Сибирь. Чрез несколько лет помилован. Поступил на службу к золотопромышленнику. Приобрел приличное состояние. Часть капитала употребляет на издание полезных и ученых книг. Значит, остался верен добру. Не то сталось с его товарищем, отъявленным радикалом Николаем Утиным. Этот после многих превратностей нажил большой капитал, жил в свое брюхо и умер, утопая в роскоши. На вечере у Лихачова Салтыков держал себя как литературный генерал. Не люблю я встречаться с этим людом. Ужинали — и я тоже. Следовало воздержаться. Поплатился. Спал плохо. Тошноты и рвоты, да еще в чужой квартире — ночевал у Коробки.

На другой день, в понедельник, чувствовал себя больным. Пролежал до 2-х часов. Случился Радзимовский, доктор из Киева. Голодная диета спасла. В 2 часа пришел в министерство: чрез 30 минут был принят Волконским. Он не знал даже, какого факультета я профессор и какого предмета преподаватель. А об мне еще пишут: «Наш известный криминалист». Подал депешу в Киев. Отправился к Володимировым, которые ждали меня обедать. Сидел, но не обедал. Вечером отправился к Анциферову. Там собралась компания чинов судебного ведомства, был и Таганцев, встретился с Николаевским, бывшим товарищем председателя Черниговского окруж[ного] суда, а ныне членом Петерб[ургской] судебной палаты. Таганцев сообщил мне, что Э. В. Фриш пригласил меня на сегодня вечером, так как утром он большею частию бывает занят. Красовский, у которого я был сегодня, передал мне, что и он там будет. Я просил его зайти ко мне, чтобы вместе отправиться. Сегодня я делал визиты: был у Сергеевича, Янсона, Градовского и Веселовского, застал только последнего. Завтракал у Модестова.

31 октября 1884 г.

Вчера вечером был у Фриша: умная голова, муж лобатый. Там была небольшая компания чинов судебного ведомства, как-то: сенаторы Фукс и Белостоцкий, обер-прокурор Утин, Масловский, Красовский, Таганцев и я, генерал Домерников, кажется, профессор Академии Генерального штаба. Беседа шла о разных вопросах суда, права, законода-

тельства и управления. Все хвалили Дрентельна. Сегодня утром был у Стояновского: очень добрый и умный член Государственного совета. Любезен и предупредителен. Речь шла, главным образом, о киевских юбилейных событиях. Он сам был на университетском юбилее. Стоит на стороне Дрентельна. Мало сочувствия университетскому начальству и попечителю. Беседа длилась добрый час. Зашел к Коломнину, бывшему профессору нашего университета и нынешнему профессору Медицинской академии. Не застал. Был у Алексея Влад[имировича] Шидловского, который долго жил в Киеве в штате сенатора Половцева, ревизовавшего Киевскую губ.; тогда он часто бывал у нас. Принял дружески. Познакомил с своим братом, статс-секретарем Государственного совета. Он сам состоит помощником статс-секретаря. Довольно близкий человек к Половцеву. Возвратившись, застал на столе письмо Фойницкого с приглашением приехать к нему в Царское Село обедать. Заехал в государственный банк заявить Ершову о том, что не могу быть у него на обеде. Отправился на вокзал. Там неожиданная встреча: С. А. Муромцев, бывший ординарный профессор Московского у-та, летом беззаконно уволенный, ехал тоже к Фойницкому. Приятная компания и задушевная беседа в дороге и в гостях. Возвратившись домой в 11 часов, Муромцев зашел ко мне и просидел час. Завтра предстоят посещения многих и обед у Андриевского, ректора Петербургского университета.

2 ноября 1884 г.

Вчера утром был у Анциферовых: обещали познакомить с Плеве, недавно занимавшим пост директора Департамента государственной полиции, а ныне сенатора. Говорят, он скоро будет назначен на пост товарища министра внутренних дел. Анциферов уведомит меня, когда у них будет Плеве, чтобы дать мне возможность быть у них и познакомиться с ним в семейном кругу. Он может способствовать распутыванию той сплетни, которая обо мне сплетена в государственной полиции. Сделал визит Кони, председателю в Петербургской судебной палате, с которым я познакомился еще в 1879 г. Принял дружески. Беседа длилась больше часа. Обещал содействовать получению места по Министерству юстиции. Обедал у Андриевского, ректора. Маленький званый обед. На обеде были профессора юридического факультета декан Янсон, Градовский, Сергеевич, Фойницкий, Дювернуа и Ведров. Госпожа Андриевская очень любезная дама. Предложен был тост за мое здоровье, как почетного члена Петербургского университета. Ответил мыслию, что я приписываю эту честь не себе, а моей Alma Mater. Много говорено было о киевских отношениях и событиях. Убеждали меня не покидать профессуры. Покинешь, если принудят. В заключение сыграл пульку с Янсоном и Ведровым. Возвратился в 12 час. вечера.

3 ноября 1884 г.

С утра опять по приходу. Был у Сущинских в Медицинской академии. Чувствуют себя лучше, чем в Киеве; еще бы. Отправился затем в министерство просить продолжение отпуска. Оттуда зашел в Главное тюремное управление. М. Н. Галкин-Враской, главный начальник, выехал для обозрения тюрем. Виделся с А. П. Соломоном и С. Т. Головачем. Познакомили меня с Коковцовым. Беседовали о состоянии наших тюрем, или лучше Коковцов, помощник главного начальника, проговорил все полчаса, которые я у него сидел. Предложил осмотреть петербург-

ские тюрьмы. В воскресенье в 1 1/2 час дня заедет ко мне, чтобы вместе ехать для обозрения вновь строющейся тюрьмы по системе одиночного заключения. Отправился в госуд[арственный] банк: Иващенко вечно занят. Не виделся. С А. К. Ершовым, добрым и умным учеником моим, поехал к нему обедать. В семействе его пахнуло Малороссиею. После обеда обуял сон. Обязательно предложили постель. Вздремнул с час тревожно. Пили чай. Возвратился в 12 час. домой. Застал письма из Киева от Саши и Лося: там благополучно.

5 ноября 1884 г.

Третьего дня сделал визит профессорам Сергеевичу и Дювернуа. Перед выходом от последнего явился к нему Муромцев. Передавал второй разговор свой с Деляновым. Министр просвещения сваливает вину увольнения Муромцева на государственную полицию, а последняя — на министра народного просвещения. Дурново, директор Деп[артамент]а госу[дарственной] полиции, сказал Муромцеву, что госуд[арственная] полиция сообщила министру просв[ещения] сведения о нем, но она отнюдь не настаивала на его увольнении, что проверить сведения, потребовать объяснения, уволить или не уволить — это дело министра. Разговор свой с Дурново Муромцев и передал Делянову. Последний очень сконфузился, даже покраснел — и сказал: «Уж мне эта полиция». Муромцев в разговоре упомянул обо мне как предназначенном, по слухам, к увольнению. Делянов стал бить отбой, что это неверно, что профес[сора], мов, К[истяковского], он знает и т. п. Обедал в субботу, 3-го, у Лихачовых, там был Пантелеев. Вечером отправился к Цветковскому и Беренштаму. Там застал Пыпина. Познакомился с генер[алом] Новицким, его женой, этот генерал доводится родным братом начальнику киевской жандармерии Василию Дементьевичу Новицк[ому]. Условили: я буду у них обедать во вторник, а после обеда отправимся к Костомарову. Обещал дать письмо к своему брату. Хочу предохранить себя от бешеных собак. Оттуда я поехал к Анциферовым, полагая застать у них Плеве: но его не было. Это было в 11 ч. ночи. В час возвратился. Забыл: день 3-го ноября, в субботу, я начал посещением Неронова, директора одного из д[епартамен]тов Министерства путей сообщения, друга покойного Павла Платоновича. Беседовал о хождении по государственной полиции.

4 ноября начал день с посещения Таганцева. Завтракал у Володимировых. Поспешил к 1/2 2 ч. домой в ожидании Коковцова. Прислал этот муж письмо, что, по случаю болезни ребенка, не может совершить поездку осмотра. В 1/2 3 ч. был Э. В. Фриш: много любезности и внимания; моя обстановка бурна. Визит Рауша, одного из учеников. Вздремнул. Стук. Явился профес[сор] Дювернуа. Необыкновенно живой человек. Течет французская кровь. Обедал у Коробки, ученика нашего факультета, мирового судьи г. Петербурга. Кроме меня, обедали: Л. Я. Рудановский, В. М. Володимиров, Баталин — здешний врачебный инспектор, Красовский и Котляревский — воспитанники киевского юридич[еского] ф[акульте]та, Коробка — двоюродный брат, и Фойницкий. Котляревский — личность историческая в истории киевского студенчества. В 1878 г. в него, исправлявшего тогда должность товарища прокурора или судебного следователя и ведавшего политические дела, сделан был выстрел. Последовал арест заподозренного студента Подольского. Отсюда волнение студентов, утверждавших, что Подольский не виноват.

Суд и расправа. Исключение 158 студентов. Ссылка 36 в отдаленные губернии: большое замешательство, смута в обществе и ходатайства.

В конце нашего обеда последовали тосты. Первый — за единение профессуры и студентов; выразитель, мов, такого единения — профессор К[истяковский]. Пошли тосты о единении. Последний предлагал тост И. Я. Фойницкий. Он придумал остроумную мысль: предлагал тост за каждого из пирующих как представителя единения двух каких-либо качеств. Обратившись к Котляревскому, он сказал: за представителя соединения должного с недолжным. Общее сочувствие. Оказывается, что Котляревский — ныне товарищ прокурора Петербургской судебной палаты, ведающей политические дела и ведущий политически-полицейские ссылки, и находящийся в ближайших отношениях с государственной полициею — или тем же 3-м отделением. Он арестовал Гольцева, он же его и освободил. О деле Муромцева он ничего не ведает. Беседовал на тему, не может ли он разузнать о силе кляуз, направленных против меня. Крутился, как муха в окропе. Положительного ничего не высказал. Видно, жандармская душа, говорящая, однако ж, о своем служении идее справедливости. Хорош Коробка: пригласил на обед с Котляревским, который не мог не вносить диссонанса. Последовала пулька. Фойницкий обыграл нас, меня и Котляревского, на 3 руб. 25 коп.

6 ноября 1884 г.

Вчера утром был А. П. Соломон: в это же время явился и Ершов. Беседовали о тюрьмах. Рекомендовал Дриля как отличного кандидата в управители тюрьмы. Пригласил на среду обедать. Сделал визит Утину. Заехал к Боткину и отдал письмо и карточку. Переодевшись, отправился к Делянову: беседа длилась час и сорок минут. В заключение сказал, что министерство не предпримет ничего враждебного против меня. Тот же ответ дал и относительно товарищей. От Делянова поехал обедать к Веселовским. Веселовский, муж науки, человек не от мира сего. В 11 ч. вечера заехал к Модестову. Проболтал час.

Сегодняшний день начал с посещения Хрущова. Он оказал мне содействие своими беседами с Деляновым. С Лихачевым осмотрел барачную Александровскую больницу и арестный дом. Больница превосходно построена, со всеми новейшими усовершенствованиями. Заезжал к Галагану. Оказалось, что Галаган беседовал о нас с Деляновым; ему писали его жена и Ничипоренко, встревоженные разными слухами. Был у Пыпина, не застал. Обедал у генерала Новицкого, брата начальника киевской жандармерии. Обещал прислать письмо к брату. Зашел к ректору Андриевскому. Беседа длилась минут двадцать. Он спешил на панихиду по только что умершем проф. Бауере. Сделал визит профес[сору] Ведрову. Остальной вечер провел у Костомарова, где были и Новицкие, муж и жена, и Беренштам, обедавший у Новицкого. С 1867 г. я не бывал у Костомарова. Это в первый раз после того. Значительно одряхлел. Встретил там Д. Л. Мордовцева.

7 ноября 1884 [г.]

Рано отправился в больницу св. Николая, в которой содержатся сумасшедшие. Познакомился с старшим ординатором Сикорским, из киевлян. Осмотрели палаты. Тяжелое впечатление. Мир безумных — мир выродившихся. Виделся с А. А. Мартыновым, членом Киев[ской] судебной палаты. Ему ныне лучше. Заехал к Неронову. Он по жандарм-

ской части ничего не узнал. Пригласил назавтра на обед. Завтракал у Галагана. Беседа длилась 1 1/2 часа. Киевских бонапартистов он понимает. Он беседовал с Волконским о мне. Заезжал в Сенат взять адрес Неклюдова и узнать, приехал ли он и министр. Сделал визит Соломонам. Зашел в кодификационный отдел Государственного совета, что прежде II-е отделение, чтобы повидаться с Нольде и Казимиром. Встретился с Э. В. Фришем. Возвратившись, отдохнул. В 6 часов отправился на обед к Соломону. Обедали: Любощинский, член Государственн[ого] совета, Соломон-отец — первоприсутствующий гражданского кассационного д[епартамен]та, Таганцев и Коковцов, помощник начальника Главного тюремного управления. Просидел до 10. Рад был познакомиться с двумя первыми выдающимися государственными деятелями. Первый — умная голова, второй — симпатический и добрейший муж. Заехал к Володимировым. Не застал. Сикорский ищет места профессора психиатрии. Факультет и руками, и ногами против. Посмотрим, как поступит министр. Телеграфировал Саше и получил ответ: «Все благополучно».

9 нояб[ря] 1884 г.

Вчера рано утром пришел Сикорский; за ним Радзимовский и Головач. Беседа вертелась около вопроса о необходимости малороссам, живущим в Петербурге, большого общения, для оказания взаимной помощи. Сикорский еще раз заходил: ищет места профессора психиатрии в Киевском у-те. Эргардты, меринги, шефферы, гейбели и их прихвостни — субботины и бецы — решительно против. Они ищут только тех, которые могут идти в их хвосте. Был у Володимировых и Модестовых: последних не застал. С Володимировым условился, что я на обеде киевских студентов по случаю годовщины Alma Mater не буду, избегая поводов к толкам. Обедали у Нероновых: вел речь об обещанном месте для А. И. Саська. Уверил, что неизменно будет. Из-за этой беседы и я принял предложение обедать. А то, ведь, надоело ходить по приходу. У Нероновых встретил А. И. Стронина, учителя М. П. Драгом[анова]. После обеда заехал к Модестовым. В 1/2 10 ч. явился к М. И. Драгомирову; вчера был день ангела его. Там я застал большую компанию, преимущественно военных — Драгомиров, начальник Николаевской академии Генерального штаба. Меньше было штатских. Между ними — несколько профессоров и несколько сенаторов. Были Таганцев и Пахман. От последнего я узнал, что Цитович назначен в наш у-т профессором. Пахман уверяет, что он успокоился и будет вести себя смирно. Я выразил желание видеться с ним. Предупредил Пахмана, что у меня была размолвка с Цитовичем. Он в разгар борьбы из-за своей брошюры прислал мне бранное письмо киевских студентов с подписями фамилий и просил меня, чтобы я передал в инспектуру. Я написал ему резко на тему: он прислал не по адресу. Условились: я буду у Пахмана в воскресенье в 11 ч. утра, когда будет и Цитович. Пахман — его учитель и покровитель. Был ужин. Кутнули. Возвратился домой еле можаху. Петербуржцы — народ хороший и гостеприимный. В драгомировской компании все на «ты» как с хозяином, так и между собой. Народ теплый. Познакомился с генер[алом] Ильиным, известным картографом, и с ген[ералом] Петрушевским, только что отпечатавшим свой трехтомный труд о Суворове. Большинство играло в карты.

10 нояб[ря] 1884 г.

Вчера большую часть утра оставался дома. Посетили меня барон Эм. Ю. Нольде, делопроизводитель комиссии по составлению уложения, и Джалалов, ученик, работающий в комиссии по составлению граж[данского] уложения. Навел справку, не приехал ли министр юстиции, а вместе с ним и Неклюдов. Нет. Встретил Г. П. Галагана, который сказал, что был у меня. Приглашал еще раз к себе. Должен быть обед воспитанников Киев[ского] у-та по случаю его годовщины. Не пошел, из расчетов политики, чтобы чего не договорить или переговорить. Отдохнувши в присутствии Радзимовского, поехал обедать к П. П. Сущинскому. Там познакомился с Доброславиным, профес[сором] гигиены в Медицинской академии. В 7 ч. поспешил к Боткину, он мне назначил 8 ч. в среду, но я не мог быть у него по случаю позднего окончания обеда у Соломонов. Боткин принял радушно. Осмотрел внимательно. Дал советы и рецепт. Беседовал о киевских делах. Для Хржонщевского он не сделал ничего, хотя я ему вручил его письмо. Но может быть письмо его не затрагивало вопросов политики. Возвратившись измученный, лег рано спать.

Сегодня, 10-го, в 1/2 11 ч. пришел А. П. Соломон. Отправились вместе осматривать тюрьмы. Осмотрели дом предварительного заключения и тюрьму на Выборгской стороне. Там же вновь строится тюрьма по системе одиночного заключения. Дом предварительного заключения построен, главным образом, по системе одиночного заключения. Тюрьма щегольская, капитально построенная, в коридорах безукоризненная чистота, но почти без работ: не производит окончательно доброго впечатления. Тюрьма на Выборгской стороне помещается в старом, престаром здании, в так называемом Винном городке, постройки времени Анны Ивановны. Здание, способное к плохому приспособлению к тюрьме. Комнаты огромны с низкими потолками, малыми окнами, малоосвещенные. Но в этой тюрьме работы хорошо организованные. Осмотрел больничные бараки, центральные для тюремных сидельцев всех петербургских тюрем. Хороши. Рассмотрели планы и фасады, вновь строющуюся тюрьму о двух огромных корпусах четвероугольником, для помещения 1000 чел[овек]. На постройку ассигновано 1 300 000 руб. По дороге возобновил беседу о приглашении в тюремное управление на службу Дриля. Соломон повторил высказанное им совместно с Коковцовым желание лично с ним познакомиться. Обещал проездом чрез Москву сообщить Дрилю это желание на тот конец, чтобы он приехал в Петерб[ург].

Возвратился в 1/2 4 ч. дня домой. Принесли депешу и письмо от Саши. Написал письмо Саше и студенту С.-Пет[ербургского] у-та Бугаеву, последнему — с приглашением придти завтра в 9 ч. утра. За ходьбой к разным чиновным людям забыл про Бугаева. Такова душа человеческая. В 5 ч. отправился на обед к Хрущову. Приглашен был и Модестов. Хрущов сообщил, что доцент нашего у-та Дашкевич произведен в экстраординарные. Я бросился целовать Хрущова. Он сказал, что это результат моей беседы с Деляновым, министром просвещения. Действительно, я говорил Делянову, что Дашкевич несправедливо и обидно обойден. Чтобы помочь делу, я склонил академика Веселовского, старинного моего приятеля, замолвить слово за Дашкевича, что он и исполнил. О сем он сообщил мне вчера, встретившись на Невском. В том же духе я говорил Делянову о Е. И. Афанасьеве. Что я говорил о нем, для министра была новость. Дело о назначении Афанасьева

экстраординарным вследствие того пришло в движение, о чем сообщил мне Хрущов. Делянов поручил Хрущову написать кому-нибудь из киевских ученых медиков об Афанасьеве. Я советовал написать Шкляревскому. Зашел потом к Иващенку, чтобы проститься. Пригласил завтра обедать. Ради предстоящего знакомства с Ефремовым, известным ученым по части русской литературы, принял приглашение. Заехал к А. Ф. Кони, беседовал о месте члена судебной палаты, с сохранением профессуры. Обещал, предложивши раньше услуги. Поехал на Петерб[ургскую] сторону к Беренштаму и Цветковскому: застал последнего. В беседе высказал несколько горьких истин насчет украинофильства. Назначил Беренштаму свидание в 1/2 10 ч. утра у себя. На пути послал депешу о назначении Дашкевича, хотя я с ним ни сват, ни брат. Возвратившись, застал Сикорского; было уже 1/2 1 [ч.] ночи. Я распорядился, чтобы его приняли. Дал письмо к Хрущову, которого предупредил. Расстались в 2 ч., а ныне 4-й. Завтра необходимо встать в 8 ч.

11 нояб[ря] 1884 г.

Утром пришел Беренштам. За ним — Бугаев, Радзимовский и Ершов. С Беренштамом речь вел об украинофильстве и необходимости поставить его на культурную почву, с изгнанием политического элемента; иметь в виду землячество не мешает; оно шире и плодотворнее. В Петербурге знают о речах касательно Австрии. Просил Бугаева придти ночевать. Ершов просил совета о деле своего брата. В 1/2 12 ч. отправился к Пахману, бывшему профессору, ныне сенатору. Там уже застал Цитовича. Нейтральная почва. Обещали друг другу жить по-товарищески. Предложен был завтрак. Речь общая шла об Италии. Зашла речь о неаполитанском музее. У Пахмана оказался альбом тех предметов, которые помещаются в комнате с надписью «oggetti osceni, é proibito entrare donne e fanciulli» [10]. Культ Венеры и Диониса.

Заехал к первоприсутствующему кассационного сената П. И. Соломону. Там застал известного сенатора С. И. Зарудного. Приветливый прием. Соломон только что возвратился с юбилея митрополита Исидора. Соломоны приглашали обедать; отказался. Зарудный спрашивал моего адреса, чтобы быть у меня. Отклонил. Обещал быть у него. Разговор о назначенном в Киеве обеде у Делюсто, друга Зарудного, назначенном для нашего свидания, но несостоявшемся вследствие внезапного отъезда Зарудного. Заехал к Неклюдову, только что вчера возвратившемуся с ревизии вместе с министром Набоковым. Я ведь и оставался, и остаюсь в Петербурге для того, чтобы переговорить с Неклюдовым насчет получения места в Министерстве юстиции. Неклюдова не застал. От Неклюдова заехал к Андриевскому, ректору, чтобы проститься. Андриевские — любезные люди. Андриевский сообщил, что Цитович назначен в наш университет для его исправления, и что ему поручено составлять программы экзаменов юридического факультета, и что уверение Пахмана насчет нынешней стадии смиренномудрия Цитовича невероятно. Натуру не выбьешь из человека. Вблизи от университета живет Забугин, один из моих учеников, ныне вице-директор Департамента таможенных сборов. Он живет в казенной квартире. Отдал ему визит. Заехавши к себе, отправился обедать к Иващенку: по случаю разведения мостов, опоздал. Там познакомился с Ефремовым. Очень симпатичный человек и ученый. Звал к себе: обещал показать редкие гравюры телесных наказаний и смертных казней в России в XVII и XVIII вв. Как ни заманчиво, отказался по случаю скорого отъезда. Сон меня одолел, обедал полусонный.

И вместо того, чтобы быть у Таганцева, Неклюдова, Сергеевича и Беренштама, или у кого-нибудь из них, я возвратился домой и залег спать. Проспал до 1/2 11 ч. Пришел Бугаев. Остаток вечера провел с ним в чаепитии и беседе.

Делянов во второй моей беседе с ним выставлял обвинение против меня общую мою репутацию, как человека, не совсем преданного правительству. Под конец он сказал, что меня считают главой партии и называют отцом Александром. Когда он это сказал, я разразился гомерическим смехом — это был нервный смех. Причем я благодарил Делянова за сообщение интересных сведений из моей биографии. Позже, когда я виделся с Галаганом, последний сообщил мне отзыв Делянова: «Я профессору Кистяк[овскому] говорю то-то и то-то, а он смеется». Как не смеяться. Галаган вел с Деляновым разговор о мне, Антоновиче и Хржонщевском, отзываясь с самой выгодной стороны. Галаган беседовал обо мне с Волконским. Последний лестно обо мне отозвался. С Деляновым я объяснялся иногда очень свободно. Я указывал на несправедливый обход Дашкевича и Афанасьева при повышении доцентов в экстраординарные. Слова мои имели свое действие. Дашкевич возведен в экстраординарные. Об Афанасьеве поднят вопрос. Когда речь зашла о покойном Матвееве, я резко отозвался о его ректорстве, указывая на факты, доказывающие то, что он был орудием в руках других, что он, будучи ректором, дошел до полемик с органом министерства «Журн[алом] М[инистерст]ва народного просвещения», что он никогда не вел сам ректорских дел. Делянов сказал, что гр. Толстой, бывший тогда министром нар[одного] просвещения, дал ему за полемику выговор. В ответ Матвеев оправдывался тем, что весь совет того требовал. Я заметил: «Ну, не весь совет. А если бы и весь — это не оправдание. А если бы совет посоветовал ему убить министра, разве бы он мог оправдаться». Указывал я на бесчинные совета Киевского у-та в забаллотировках в первый период, результатом чего было введение закона о двух третьях.

17 ноября 1884 г. Москва.

12. Понедельник. Послал депешу Фойницкому в Царское Село с вопросом, когда его можно застать. Счастливый случай: встретил его самого у Поцелуевого моста. Условились в 4 ч. сойтись на Васильевском, в 6 ч.— в «Эрмитаже». Того же дня был у Неклюдова. Беседовал о поступлении в судебное место членом судебной палаты. Обещал полное свое содействие. Предложил начать дело с самой палаты, которая должна выбрать. Обещал писать старшему председателю Ильяшенку и некоторым членам. В скором времени откроется место за выходом Мартынова за болезнию. По словам Неклюдова, Набоков, министр юстиции, еще не был с докладом у государя. В публичных речах своих он высказался против нападок на судебное ведомство Каткова. В 4 часа уже в «Эрмитаже»; там меня уже ждал Фойницкий. Вместо обеда в «Эрмитаже» мы отправились, по приглашению, обедать к Янсонам. Янсоны — хорошие люди: она мне очень понравилась своею простотою и здравым смыслом. В 7 ч. Янсоны и Фойницкий отправились на факультетное заседание. Просил Фойницкого после заседания заехать ко мне вместе с Сергеевичем. Вопреки ожидания заехал один Сергеевич: Иван Яковлевич поспешил в Царское. С Сергеевичем условились насчет посещения Ефремова: я обещал его познакомить с последним,

чтобы доставить возможность почерпать из библиотеки Ефремова материалы по истории наказания. Посидели допоздна. Под конец явился Сущинский. Разошлись в 1/2 2 ч. ночи.

13. Вторник. Сделал визит сенатору Зарудному. Завтракал у него. Он навязал мне прочесть свое мнение письменное о гражданском уложении. Был у Иващенка и Ефремова, чтобы установить час посещения с Сергеевичем. Назначено 1/2 8 ч. Хрущова и Коломнина не застал. Зашел к Головиным, с которыми мы вели приязнь в Гейдельберге: Евгения Платоновна крестила Юлия; он крещен в Карлсруэ. Она встретила с объятиями и поцелуями. Я все время под их влиянием. Сладкие воспоминания о Гейдельберге и нашем пребывании. Просили откушать хлеб-соль: за неимением времени отказался. Обедал у Володимировых, которых я посещал часто. Простился с ним. Дома с час отдохнул. Сергеевич не явился, хотя послал ему письмо. Он с ним разминулся. Сам был у Ефремова, где застал Иващенка. Посидел с час. Вечер провел у Таганцевых. Там теплая компания некоторых из бывших у Драгомирова. Был и Михаил Иванович, очень скучный и равнодушный. Неклюдова застал за винтом. За ужином опять увлеклись: сам хозяин, Сашерский, Быховец, присяжный поверенный, Сальков и Отмарштейн — сенаторы, Красновский, профессор Технол[огического] института, и Лачинов — генерал-редактор «Инвалида». Все они на «ты». Они члены роты, состоящей из 12 лиц. Обещали принять меня в члены-корреспонденты. Со всеми перецеловался. Разошлись в 4 ч.

26 нояб[ря] 1884 г.

Не успел в свое время весть дневник пребывания в Петербурге.

14-го в среду я встал в 1/2 8 ч. Отправился по жел[езной] дороге к Фойницким в Царское, чтобы проститься. Пил у них кофе. В 11 ч. возвратился вместе с Фойницким. Он должен быть у Плеве, чтобы беседовать о деле Муромцева. В 2 часа уговорились сойтись в моей квартире. В промежуток этого времени сделал визиты: Красновскому, проф[ессору], и Салькову и Отмарштейну — сенаторам. В третьем часу явился Фойницкий. Из разговора с Плеве о Муромцеве оказывается, что государственная полиция подбирает всякий сор и всякую сплетню о нашем брате. Плеве сказал, чтобы Муромцев привел себе на память свое поведение во время коронации. Муромцев же утверждает, что сущая сплетня — его сношение с румынским посольством. Что смешная нелепица о том, что будто бы он, когда Делянов назначен был министром, явился на лекцию и сказал: «Господа! Вследствие известия о назначении министром такой дряни я так взволнован, что не могу читать лекции». Во время этого назначения он жил в Кастелламаре, на берегу Неаполит[анского] залива, с молодой женой.

Фойницкий остался у меня завтракать. Провизию закупили в фрукт[овом] магазине Соловьева, помещающемуся в том же доме, где была моя квартира. Выпили очень много: рябиновки, портеру и шампанского. Запили побратимство и перешли на «ты». Я очень охмелел. В 7 часов уехал друг. Я лег спать, чтобы отрезвиться к 1/2 10 час. Должен был в этот час явиться на вечер к Я. И. Утину. Получил специальное приглашение. Ради этого вечера отложил отъезд на четверг. В 9 ч. проснулся. Чувствовал себя в силах. Застал у Утиных многих из судебного ведомства: Неклюдова и Таганцева, винтили с Стояновским. Э. В. Фриш и Марков, товарищ министра юстиции, вели беседу. Одни играли в к[арты], другие прочие беседовали. Я принадлежал к последним. Вечер

прошел благополучно. Один диссонанс: я был в сюртуке, все — во фраках. Утины живут богато на Большой Морской. Обер-прокурорское жалованье, малая часть его получений. Он получает не меньше 30 000 руб. от разных обществ, в том числе и железнодорожных, в которых он состоит директором. Этому соединению грозит изготовленный закон о совместителях. Была небольшая закуска. Возлияний не было, кроме умеренной рюмки или стакана. Я воздержался. Н. И. Стояновский довез меня в своей карете до квартиры: по дороге Неклюдов сказал, что министр юстиции Набоков был с докладом у государя. Принят был милостиво и одобрен в своей деятельности. «Московские ведомости», открывшие против него поход, провалились на этот раз. Возвратился в 1/2 2 ч. Нашел на столе письмо Галагана, который приглашал обедать 15[-го], в четверг. Вследствие сего отложил отъезд с 3 ч. дня на 1/2 9 вечера. Решил ехать курьерским.

15-го, в четверг, с утра сделал визиты Калачову и Стасюлевичу. Совершил некоторые покупки. Обедал у Галагана. У него гостил его двоюродный брат, граф Гудович. Галаган сообщил о приезде Беца, проф. из Киева. Агент Ренненкампфа и К°. Волконский — князь, товарищ министра нар[одного] просвещения, спрашивал Галагана, что за человек, Бец? Прибавил: «Какие ужасы он говорит о киевской администрации». И. П. Хрущов, с которым я виделся, кажется, во вторник и простился, говорил мне, что Бец доказывал Делянову, что Киевский университет без ректора Ренненкампфа погибнет, что другое лицо на этом месте немыслимо. Я охарактеризовал Беца, которого покойный Семен именовал «писарем Шельменком». Бец был прислан Ренненкампфом и К° для разведки и разных интриг. Обносил кого нужно, в особенности Хржонщевского. В 1/2 8 час. собрался в путь. Посетили: Ершов и Балинский. Просил Ершова отвезть часы Сикорскому, который снабдил меня ими по случаю порчи моих. На железную дорогу провожали: Бугаев и Гладин — студенты. В 1/2 9 час. тронулся поезд.

В 11 ч. утра 16-го, пятницу, я был в Москве. Выспался за все время в спальном вагоне. На вокзале встретил меня человек Филипченка. Отправился к ним. Рады. Живут удобно и уютно. Остановились у них. Сделал визиты: Боголепову, ректору, Бугаеву, Янжулу и Муромцеву. Обедал и вечер провел у Филипченков. Были два брата Бугаева — второй адвокат, и Фадеев, проф[ессор] Петровской академии.

17 ноября, в субботу, был у М. Ковалевского, Чупрова, Колоколова, Дриля. Завтракал в час у Муромцевых: госпожа Муромцева, изящная молодая дама, артистка, имеющая ангажемент в московской опере. Прием был дружеский. На завтраке был ректор Боголепов. Остальное время, короткое, до обеда, посвятил посещению И. С. Аксакова, к которому я имел письмо от Галагана. Беседа по краткости времени была непродолжительна. Он сообщил мне, что венский профес[сор] Бенедикт, бывший на юбилее, прислал ему письмо, в котором он с ужасом и негодованием отзывается о действиях и распоряжениях университетской администрации. А между тем, наши бонапартисты умели внушить мысль министру просвещения и иным, что Бенедикт с негодованием и омерзением отзывался о студентах и их поведении. В 6 часов отправился к Янжулам обедать. На обеде были: Чупров, Ковалевский, Стороженко и Муромцев.

18-го, в воскресенье, утром посетил Рукавишниковский приют. Сам Рукавишников уехал за границу к больной жене. О приюте не мог я составить никакого определенного убеждения, по краткости времени осмотра. Остальное время употребил на осмотр храма Спасителя. Это

высокохудожественное произведение. Богатство выдающееся. Изящество редкое. Каждая частица этого здания обдумана и художнически обработана. Все образа писаны первыми отечественными живописцами. Позавтракавши у милых моих хозяев, я в 40 м[ин.] первого двинулся в путь. Провожали Филипченки: неожиданно для меня явился на вокзал С. А. Муромцев. Большая честь.

19-го в 1/2 6 часа в понедельник приехал в Киев. На вокзале встретили: Саша, Федор, брат с Варей и друг Сасько. Кончилось странствование Одиссея, как выразился Антонович. Вечером собрались: Антонович, все Кистяковские. Явились Лучицкий и Хржонщевский. Советовал последнему ехать в Питер. А первый сам решился. Много расспросов и вопросов: отвечал как мог и насколько мог сосредоточиться.

1 декабря 1884 г.

Между товарищами-профессорами застал крепкое убеждение в том, что Ренненкампф не останется ректором. Не убеждены только в этом прихлебатели и захребетники его. Феофилактов, виляй-хвостом, в особенности крепко стоит в этом убеждении. Может быть, потому что считается естественным преемником на пост ректора. Афанасьев уверяет, что Дрентельн сильно заряжен против Ренненкампфа, Голубцова, попечителя и Новицкого, начальника жандармского шпионства, что если он будет одобрен государем в своем образе действий и останется крепким на своем посту, то не только Ренненк[ампф] не останется, но должен будет уйти из Киева Голубцов, и в особенности Новицкий. Это трио, которое распевало послеюбилейную арию, куда вошло поголовное исключение студентов. Голубцов, всегда идущий за ветром, после юбилея уехал с донесением в Петербург, не посоветовавшись и не согласившись с Дрентельном. Он знал, что Толстой, его покровитель, не любит Дрентельна, которого он обзывает красным фельдфебелем. Ректор — жандарм, попечитель — подметало и жандарм по должности — хотели взорвать на воздух генерал-губернатора. Голубцов мне сам сказал, что Киевское жандармское управление пишет доносы не только на меня, но и на генерал-губернатора, что граф Толстой знает все досконально. Он же сообщил мне, что та часть печатного правительственного сообщения, которая содержит в себе описание юбилейных беспорядков, составлена Ренненкампфом и компаниею, состоящею из Субботина, Гарнича-Гарницкого, Демченка, Славатинского, Караваева и Иконникова, что он сам исправил только, что касается его самого. Известно, что окончательную редакцию дал Любимов.

Все эти деяния упомянутого трио, в связи с тем дерзким обращением, которое дозволили себе по отношению к Дрентельну наши бонапартисты в квартире Ренненкампфа, что повлекло за собою пощечину, полученную Субботиным, поставили на дыбы Дрентельна против этого трио. Дрентельн не отдал визита Голубцову и, встретившись с ним на обеде у Терещенка, не подал ему руки. Ренненкампфа, говорят, он чествит не иначе, как подлецом и мошенником. Новицкого он сносить не может, потому что сей жандарм упражнялся в доносах и на Дрентельна, а что он доносил на Меркулова, правителя канцелярии генерал-губернатора, и на Рудченка, одного из главных деятелей этой канцелярии, это также не подлежит ни малейшему сомнению. В день моего приезда Ренненкампф инкогнито уехал в Петербург. Вероятно, сведения, привезенные его агентом Бецом, заставили его предпринять эту поездку, говорят, в сопровождении переодетого сыщика. Одни говорят, что Бунге,

друг его, дает ему место управляющего государственным банком. Другие утверждают, что он будет назначен попечителем в Харьков. Я же думаю, что не совершится ни то, ни другое, Бунге не может назначить на столь важный пост человека с столь грязною репутациею. Пост же попечителя в Харькове занят. Вероятнее всего, что Ренненкампф уехал в Петербург для того, чтобы укрепить свое теперешнее положение. Ведь этот волк, да еще бешеный, в лисьей шкуре, из-за власти, из-за корысти пожертвует всем святым, всем правым и честным. А Бунге, политикан Бунге, который всегда с ним торговал на один грош и был и есть с ним солидарен на жизнь и смерть, употребит все свое влияние, чтобы укрепить устои под своим союзником, на вред и бедствие несчастного нашего университета и целого города Киева.

С другой стороны, Дрентельн тоже уехал 24 ноября в Петербург, чтобы представиться государю и распутать запутанные узлы киевской политики. Говорят, что он достаточно заряжен фактами против нашего бонапартиста. Говорят, что Голубцов себя тоже выгораживает и не может не интриговать против временного своего союзника. Говорят также, что высшему правительству известен весь лживый образ действия Ренненкампфа, его подкупа студентов, его заигрывания со студентами, его игра в малороссийские симпатии, его шашни по экономической части совместно с экзекутором у-та. Говорят, наконец, что начальственные лица, в том числе и новый инспектор, постоянно получают анонимные письма, в которых угрожают побоями и смертию Ренненкампфу. Что репутация нашего бонапартиста среди южнорусского населения крайне мрачная, это несомненно. Что последняя история на 75 % прибавила ненависти против киевского Дон Базилио,— это также достоверно. Удаление его с поста ректора было бы очень существенною санитарною мерою по отношению к у-ту и даже краю. Но понимают ли это в Петербурге? Уступит ли такого союзника Василий Дементьевич Новицкий? Согласится ли им поступиться гр. Д. А. Толстой, которому деятельность подобных интриганов на руку. Да и станет ли дремать Бунге, этот рейнеке-фукс, который в Ренненкампфе не захочет лишиться своего союзника в Киеве, который по душе с ним, как и с Пихно, солидарен.

4 дек[абря] 1884 [г.]

Ренненкампф по вступлении в ректуру писал В. М. Володимирову, что он намерен быть идеальным ректором. На самом деле вот как он поступал. Прежде чем его утвердили в ректорстве, он подал заявление, что свое ректорское жалованье он жертвует на студентов и на у-т. Предпринимая этот шаг, советовался ли он с Бунге или нет, неизвестно. Но что Бунге был ему отчасти примером, это не подлежит сомнению. Оказывается, что этот политикан во время своих ректур, раздавал студентам значительные деньги. И. И. Рахманинов на вечере у Минха говорил, что ни один ректор так не ухаживал за студентами, так им не поблажал внешним образом, как Ренненкампф. Он с ними сближался на вечерах своего сына: там образовывались кучки студентов, его приверженцев, от которых, однако ж, другие студенты сторонились. Сын его среди студентов пользуется самою дурною репутациею. Такое заигрывание со студентами и затем раздача им под рукой денег,— получали, говорят, самые сомнительные люди,— уживались у него с жандармскими его похотями и с жандармскими действиями. Некоторых из студентов он преследовал за украинофильство, за участие в малорос-

сийском хоре. Но с профессорами он не церемонился. Устроил кляузу Хандрикову в первом заседании после своего вступления. Отослал гнусную бумагу против Мищенка в министерство. Послал несколько обвинений против Хржонщевского. Находясь в тесной связи с Юзефовичем, Гудим-Лековичем и Новицким, жандармом, пускал инсинуации против других. Затем, все управление его было построено на милости для его сторонников и прихлебателей и на затирания тех, которые не поступили в его штат. Образ его действий, его жандармские похоти очень хорошо были известны всей публике; шила в мешке не утаишь. Следует прибавить к этому его общую репутацию, которую он создал себе, когда был городским головою и по своей деятельности в банках. Немало подорвал его репутацию и создал ему врагов тот донос или доношение, которое сделал на полицеймейстера Мостицкого. С одной стороны, раздача студентам денег, так сказать, покупка их душ. С другой — нарушение священных основных принципов общежития, деятельность жандарма добровольца. Лживость, коварство, хитрость — его характер. Вера в подлость человеческую — откуда раздача денег. Презрение к добрым чувствам и к честному и прямому образу действий — отсюда каверзы, инсинуации и враждебность к тем, кто не прихлебательствовал. Бунге, Ренненкампф и К° создали нам репутацию профессоров, ищущих популярности. Мы студентов не подкупали. Денег им не раздавали. У них не заискивали. Напротив, оказывается, что Бунге и Ренненкампф раздавали студентам деньги из своего кошелька и из других источников, чтобы закупить их души. Истинные бонапартисты.

Полицеймейстер Мостицкий за юбилейные события потерял место. Товарищи его по полиции поднесли ему подарок. Два из частных приставов потеряли за это место. Несколько других полицейских отделались арестом. Дрентельн дал Мостицкому новую должность: мирового посредника. Толстой потребовал его увольнения. Говорят, уволен.

В прошедший вторник был у жандарма Новицкого: сделал ему визит, чтобы вручить ему письмо его петербургского брата. Цель моего знакомства с ним, чтобы иметь возможность указать ему, что он играет роль орудия интриги против меня. Беседа вертелась на юбилейных событиях. Много винил Мостицкого за нераспорядительность. В воскресенье Новицкий отдал визит: не застал меня. Жалко.

Сегодня Владимира приняли в число студентов университета Св. Владимира.

28 ноября Дрентельн представлялся государю и государыне. По частным достоверным сведениям, идущим из его семейства, Дрентельн был очень милостиво принят государем. Александр III одобрил его образ действия во время юбилея. Но заметил, что он сделал одну ошибку, поехал к Ренненкампфу. Если верить тому, что передавал Афанасьев, государь еще прежде сказал Трепову-отцу: «Зачем ездил Дрентельн к такой дряни (Ренненкампфу)». Посмотрим. Надежд в обществе ходит много. Друг Сасько держал пари со мною и Антоновичем, убежденный в непременном увольнении Ренненкампфа. Нередко население, ненавидящее какое-либо должностное лицо и страстно желающее его увольнения, убеждено и настоятельно говорит, что ненавистный человек будет уволен. Страстное и законное желание возводится в неизбежно долженствующий осуществиться факт. Правительство же, считающее для себя даже унизительным сообразоваться с мнением населения, как

раз наперекор ему удерживает на должности остервенелого служилого человека. Этот образ действия не новость и в практике нашего правительства. И вот Ренненкампф, благодаря такому течению, может долго и долго оставаться на своем посту. А общество останется при своих желаниях и надеждах до нового взрыва, до нового насилия. Тогда ему опять придется болезненно переживать события, а правительству — расхлебывать плоды своей ложной политики. Это политика не принципов, а лиц. Стоит существовать на министерском посту Бунге, чтобы целое учреждение, целый край был принесен в жертву какого-нибудь мерзавца, лжеца и человеконенавистника.

7 декабря 1884 г.

Пишут: Дрентельн приглашен был на обед к царю. Передают также, что Ренненкампф заискивает у Дрентельна. Был у него в Петербурге, но не был принят. Во второй раз был с Деляновым. В приеме не отказано. Делянов как тряпка и армянин с каждым подлецом готов сойтись: лишь бы держаться на министерском посту. Рука руку моет. Бунге за подлеца — и он туда же. Значит, Ренненкампф интригует, чтобы остаться на месте. Ни совести, ни чести. Безопасность у-та ни во что ставится. Ненависть общества презирается. Одна жажда власти обуяла. Но пусть же глас народа будет голосом Божиим. Пусть бедствия населения обрушатся лучше на его голову.

8 декабря 1884 г.

Скоро после 9 сентября, т. е. после окончания юбилейных событий, я получил по городской почте следующее послание:

«Г-ну лжелибералу.

. . . . . и как холуй, Вы чести изменили, и как блядь, Вы продали ее. № 4».

Первоначально я недоумевал, откуда идет лестное послание. Предлагал надвое: или ренненкампфисты с Субботиным во главе угостили меня этим за то, что я не был на обеде у Трепова, давшего пощечину Субботину,— обед у Трепова был для членов съезда представителей исправительных колоний для малолетних. Или студенческая компания попотчевала меня «блядем» за то, что я подписал письмо Ренненкампфу, в котором выражалось негодование против насилия, совершенного над его квартирою. Оказывается, что это стряпня студентов. Другие профессора неренненкампфского лагеря получили послания в тех же самих стихах. Таких посланий разослано десять №, по числу десяти. Один Антонович пощажен. Значит, рассылали люди, руководившиеся известными соображениями, а может быть, не без советников. Многие порицали меня и других за подпись. Особенно А. И. Сасько был неистов в нападках на меня. Он просто скорбел. Моя подпись увлекла многих. Я дал ее на товарищеском обеде, 9 сентября. Дал, не колеблясь. Я был и есть всегда против насилия, хотя и был тогда навеселе. Один Афанасьев не подписал. Это сделалось известно Делянову. О сем он говорил Галагану. Такова censura morum [11] и со стороны студентов, и со стороны министра. Хороши обе стороны.

В 1878 г., во время изгнания из университета 158 студентов и ссылки 36, я не заседал в совете, в котором решено было это исключение: я читал публичную лекцию о малолетних преступниках. За такое отсутствие, принятое за уклонение намеренное, я получил анонимное посла-

ние, в котором меня честили во все четыре стороны. Недавно как-то попечитель Голубцов упомянул об этом отсутствии, как уклонение от обязанности осудить 158 юношей. Старый сплетник.

Если бы этот дневник дошел до потомства,— а он едва ли дойдет, то читатель их подумал бы, какая мизерия наполняла душу автора этого дневника. Предмет их — Ренненкампф и К°. Стоили ли они того? Не доказательство ли этот дневник, что у автора их слишком узенькая душонка, которая могла исключительно заниматься такою моральною падалью, как киевские бонапартисты. Хороша и общественность, которая возвела на перл создание Ренненкампфа и К°. Хороши все. По Сеньке и шапка.

Я забыл: на вечере у Минха, бывшем на третий день после моего возвращения из Петербурга, Минх и некоторые из гостей каялись в том, что они подписали это письмо. Минх сказал, что это крупная подлость в его жизни. Говорят, что бонапартист Ренненкампф и К°, стоя на той точке зрения, что мы не непричастны к юбилейным беспорядкам, говорили как начальству, так и другим: смотрите, что за безнравственные люди. Одной рукой подстрекают молодежь на насилия, а другой — подписывают письма с выражением негодования против насилий. Если бы это было так, то следовало нас заклеймить клеймом позора. Ренненкампф справедливо мыслит, что если бы о нем все люди имели хорошее мнение, то над ним бы не совершилось насилие. Мы имеем о нем дурное мнение. Следовательно, мы, по его мнению несправедливому, подстрекатели. А для воплощения этого абсурдного вывода он устраивает систему доносов. А ларчик просто открывается: репутация его в обществе столь мрачна, как мрачно поведение злодея. Наше мнение — капля в море. Оно не прибавляет, ни убавляет. И все брежу Ренненкампфом.

12 декаб[ря] 1884 г.

Идет прием студентов. Решает прием комиссия под председательством попечителя Голубцова. В комиссии участвуют Антонович и Минх. Феофилактов действует также хорошо. Пока принято 810. Жандармерия составила списки в количестве не менее 400 чел[овек] подозрительных. Поручено подкомиссии пересмотреть списки и сделать доклад. При пересмотре этих списков, в руках инспектора находится дело жандармского ведомства о беспорядках и подстрекателях. В числе подстрекателей поименованы: А. И. Сасько, С. П. Якубович, Я. Н. Шульгин и Н. В. Ковалевский. Насколько правдоподобно это жандармское исследование, видно из того, что Сасько за неделю или больше уехал из Киева и возвратился спустя долго после юбилея. Я думал, что Якубович, служивший помощником библиотекаря, добровольно уволился. Выходит, нет. Якубович у нас не бывает уже года два. И слава Богу. Я считаю этого человека вполне пустым и без всяких нравственных начал.

14 декабря 1884 г. 12 ч. ночи.

Был у Е. И. Афанасьева. Он вчера возвратился из Петербурга. Вопрос о его назначении экстраординарным поставлен круто. Пред его приездом в Петербург готово было к подписи его увольнение и назна-

чение немца Леша. Результат интриг Ренненкампфа, который раньше его приехал в Петербург и успел устроить кови для Афанасьева. Он привез Делянову, министру из армян, отчаянной тряпке, человеку, потерявшему в политиканстве чувство правды и сознание о святом, угрозы шестерых профессоров: Шеффера, Меринга, Эргардта и еще трех — каких неизвестно, в том смысле, что они выйдут в отставку, если Афанасьев будет назначен. Конечно, это пустой холостой заряд, которым эти интриганы пугают Делянова. Впрочем, и сам Делянов едва ли придает этому большое значение. Из крупного и откровенного разговора, который имел Афанасьев с Деляновым, оказывается, что главная причина нежелания назначить Афанасьева эк[стра]орд[инарным] состоит в том, что Толстой, а за ним и Делянов считают, по внушению Ренненкампфа, Афанасьева вместе с Меркуловым человеком, имеющим решительное влияние на Дрентельна. Это Делянов сам решительно высказал, когда Афанасьев стал говорит с ним не языком раба, а честного, прямого русского человека. Другая причина,— это то, что Афанасьев не подписал того злостного письма, в котором все мы протестовали против насилия, совершенного над Ренненкампфом. Но в значение этой причины сам Делянов не верит: в этом сам этот виляющий человек сознался пред Афанасьевым. И. П. Хрущов сказал Афанасьеву, что истинная причина неназначения Афанасьева — это решительное противодействие Толстого.

Давно сделалось известно, что Делянов есть орудие в руках этого временщика, который есть настоящий вице-император, нечто вроде Дмитрия Самозванца новейшего издания. Вопрос, будет ли назначен Афанасьев или Леш, нерешенный: Делянов, прощаясь с Афанасьевым, сказал, что еще назначение Леша — дело нерешенное. Он изъявлял готовность назначить его в любой университет, давал надежду на то, что он, при перемене обстоятельств, может быть назначен и в Киевский у-т. В том же духе он беседовал и с Дрентельном, который говорил с ним очень крупно.

Оказывается, что Оржевский интриговал против Дрентельна, желая сесть на его место. Он беседовал очень крупно с Меркуловым, правителем канцелярии Дрентельна, возлагая на него ответственность за выговор, сделанный Дрентельном киевскому обер-жандарму Новицкому. Меркулов отвечал ему очень резко. Оба остались при своем мнении, расставшись враждебно. На другой день был у Оржевского Дрентельн и беседовал с ним по поводу упомянутого разговора. В результате получился визит, сделанный Оржевским Меркулову.

Дрентельн выехал из Петербурга, послезавтра будет в Киеве. Он иначе не называет Ренненкампфа, как мерзавцем. Ренненкампф добивался свидания с Дрентельном. Получив отказ, он упросил Делянова, чтобы тот представил его Дрентельну. Что тот и сделал под тем предлогом, что Реннен[кампф] хочет что-то доложить. Прием был в присутствии Делянова. Дрентельн встретил Ренненкампфа словами: «Что Вам угодно?» Этот просил Дрентельна взять на себя председательство в приемочной комиссии. Дрентельн отказался с негодованием. Ренненкампф уже наперед ходатайствовал у Дрентельна, чтобы тот дал слово, что он вышлет из Киева и края всех студентов, которые не будут приняты. По словам Афанасьева, Дрентельн сказал, что это обещать он не может, а что высылка может совершиться, смотря по опасности того или другого из непринятых. Словом, Дрентельн будет руководствоваться своими соображениями.

16 дек[абря] 1884 г.

С 1 декабря я не состою председателем администрации. Уволился. Тяжесть неудобосносимая. Плечи мои не выносят. Со времени увольнения как будто сделался спокойнее. Как будто голова сделалась свежее. Увольнение мое имеет также связь с моим желанием искать места в судебном ведомстве. С товарищами по администрации я расстался дружески, даже сердечно. Сожалеют о моем оставлении. Они оставили за мной все жалование, которое мне бы следовало до 1 июня 1885 г. за весь круглый год. Передают мне об общем сожалении. Некоторые боятся, чтобы не уменьшилось доверие к делу. К моему управлению не пала. Качала — мой преемник.

18 дек[абря] 1884 [г.]

Ренненкампф ездил в Петербург, чтобы сделать усилия удержаться на ректорском посту. По возвращении его, он и его прихлебатели утверждают, что ему не позволяют оставить ректуру. Как будто можно когонибудь из должностных лиц удержать на известном посту против воли. Правда, Делянов сказал Афанасьеву, что Ренненкампф должен оставаться на своем посту; что пусть его побьет, что пусть его убьет — мы на все готовы, мы покажем этим мальчишкам, как должно уважать власть. Мы закроем опять у-т на год, на два, на три, но выдержим характер. Это уже игра во власть. Это как бы желание вызвать беспорядки. Это расчет Толстого и К° дожиться до новых беспорядков, чтобы ими пугать царя и упрочить тем свое положение. Это бросание перчатки в лицо общественному мнению, которое считает неуместным, невозможным опозоренному человеку оставаться на ректорском посту. Дрентельн был обласкан императором,— а все же опозоренные люди, его враги, остаются на своем посту. Передают за достоверное, что 6 декабря, в день ангела наследника, гр. Толстая при представлении к двору заняла второстепенное место. Государь подошел и, взяв ее под руку, прошелся с ней в первые ряды, что произвело сильное впечатление на всех. Царь и вашим, и нашим. А Толстой хочет доехать Дрентельна, удерживая на своих постах ненавистных ему людей, которые против него интриговали. Значит, сила Дрентельна невелика, и Толстой может ему насолить как удержанием Рен[ненкампфа], так и увольнением из у-та Афанасьева. Конечно, Бунге в стачке с Толстым и с Ренненкампфом торгует на один грош. Ренн[енкампф] во время пребывания в Петербурге жил у Бунге. Истинный заводчик киевского бонапартизма. А в обществе остается неразрешенным вопрос, который слышится со всех сторон: возможно ли, чтобы Ренн[енкампф] оставался на своем посту?

Вчера была у меня небольшая компания. Сегодня был у Лучицкого, где собралось несколько человек.

19 дек[абря] 1884 г.

Тарасов, профессор из Ярославля, пишет мне: «Что касается киевской истории, разумеется, до крайности прискорбной, то меня сразу удивило, и я говорил и писал об этом,— что всякая мерзость неразрывно связана всегда с именем Ренненкампфа: грабят коммерческий банк во время директорства Ренненкампфа (Вы помните, вероятно, показание Сиони, что первый пример грабежа преподал ему сей муж, пользовавшийся кассой банка для своих гешефтов); городское управление

влезает в неоплатные долги, строит бессмысленные и разорительные ратуши (городской дом обошелся в 350 000 р[уб.], а не стоит и 200.000 руб.), мостит улицы негодным камнем и т. д.— во время головства Ренненкампфа; в университете во время экзамена происходят чуть ли не драки между экзаменатором и экзаменующимися — на экзаменах Ренненкампфа; университет позорится скандалами на юбилейном празднике — во время ректорства Ренненкампфа. И вот такой-то субъект продолжает быть persona grata у Бунге, который отвел ему помещение у себя, отдал ему в распоряжение курьеров, ездил с ним обедать к Делянову и т. д., а сей варяг эксплуатировал все это себе в пользу для импонирования Делянову».

Понятно, отчего все это происходит. Составилась в Петербурге шайка, которая презирает общественное мнение России. К этой шайке примкнул Бунге, который давно уже занимался вместе с Ренненкампфом политическим шулерством в Киеве. А во главе государства стоит человек ниже посредственности во всех отношениях. Он верит в одну реакцию, в которую его исправно тянет известная клика. Капельмейстер — то Катков, то Толстой. Бунге никогда не имел принципов. Он обладает ловкостию и некоторыми правилами поведения, при помощи которых он пролез на министерский пост.

Юбилейные события в Киеве дали повод Бунге ближе сойтись с Толстым, Катковым и К°. Вот при этом концерте Ренненкампф обделывает свои личные делишки. А судьба у-та? Да разве не они, то есть Бунге, Шульгин и Ренненкампф, в течение десятков лет крутили, вертели жизнию этого несчастного у-та. А ныне они, воспитав себе учеников вроде Пихна и иных налигав себе прихлебателей, распоряжаются судьбою Alma Mater.

20 декабря 1884 г.

Года четыре назад кончил наш юридический факультет Нежинский. В бытность свою студентом он написал сочинение на медаль: «Свобода воли и вменение». Сочинение это так и осталось у меня. На днях получаю от него записку о возвращении ему этого сочинения. Я его возвратил ему. Бьюсь об заклад, что это значит — Ренненкампф пригласил его выступить приват-доцентом по кафедре уголовного права. До сих пор он готовился по кафедре полицейского права. Это по проекту Ренненкампфа мне преемник.

По окончании 25-летия, а это наступит в следующем июле,— они меня не допустят до продолжения моей службы. Это тот самый Нежинский, который обобрал своих родственников. Картежник и моральный плут. Его действиями по части обирания родственников возмущался Демченко. Но сей муж продал давно свою совесть Ренненкампфу, по приказу которого окажет самую душевную поддержку Нежинскому, обобравшему друзей его же, Демченка, Пащенковых.

Вместе с первыми шагами, которые Нежинский делает для водворения в университет, он, вероятно, начнет учреждать вкусные ужины для А. В. Романовича-Славатинского. Нежинский вполне подходящий человек к Ренненкампфу: бессовестный и беспринципный, низкопоклонный и искательный у тех, кто ему нужен, наглый и дерзкий с теми, от которых он не ждет ничего. Similis simili gaudet. Делец к дельцам. Будет хорошая компания. Мнение мое о том, что он ищет приват-доцентуру по моей кафедре — это мое предположение. Убежден в том, что оно оправдается.

21 декабря 1884 г.

Был у меня Житецкий с предупреждением. Дело в том, что как-то раз с ним был разговор о совместной поездке праздником Рождеством в Сокиринцы к Галагану, чтобы погостить у него и посмотреть на вертеп. Третьего дня возвратился из Петербурга Галаган. Житецкий между разговором упомянул о своем намерении приехать к нему в Сокиринцы праздником и сказал, что, может быть, и я сделаю ему компанию. Тогда Галаган спросил, говорил ли он со мной о сем. Житецкий сделал вид, что не говорил. Галаган сказал: «Хорошо — и не говорите». Насчет поездки он вообще замялся, давши заметить, что он и сам едва ли поедет в деревню. Такова панская политика: таково наше положение. Не желают с нами поддерживать отношения из боязни киевских бонапартистов. Таково положение нам создали эти дельцы. Вот в чем состояло предостережение Житецкого. Примем к сведению.

1885

видъ что не говоримъ. Гольтанъ сказалъ хорошо — и не говорите. Насчетъ отдѣ онъ вообще замолкъ, дѣвши заговори что онъ имѣетъ едва ли будетъ въ деревню. Таковъ далекая политика. Таковъ наше положеніе. Не желаю съ нами ~~[illegible]~~ поддерживать о- ношеніе къ бывши кресенкъ бона- партистовъ. Таково положеніе намъ создали эти [illegible]. Все вышли состояние предварительной [illegible] каго. Примѣръ провидѣнію. —

1го Генваря

Новый годъ. Что онъ принесетъ человѣчеству, ~~[illegible]~~ отечеству и каждому лично. Несчастный былъ тяжелый. Лично отношу далѣе. Юбилейныя событ[ія].

1 генваря [1885 г.]

Новый год. Что он принесет человечеству, отечеству и каждому лично. Истекший был тяжелый. Лично тем паче. Юбилейные события отравили воздух. Эта отрава не исчезла. Она будет совершать свое действие.

Прием студентов кончился. Не принято 138 чел[овек]. Из них более 70 евреев. Комиссия руководствовалась сведениями жандармерии как общей, так и университетской. Да, в университете завелась жандармерия. Где оканчивается первая и начинается вторая — трудно сказать. Те, кто ближе знает состав киевского студенчества, однако ж, утверждают, что не принято в у-т много совершенно невинных людей, а настоящие коноводы опять состоят в его списках. Сообщением сведений, которые являлись в виде жандармских, в значительной степени руководил тот же жандарм Ренненкампф, который тем не менее был на этот раз, как и всегда, спрятан за спиной других. В результате получилась целая куча наговоров и ложных сведений, а истинные коноводы, говорят, остались невредимы. Правда ли это или нет — не знаю. Если правда, то чего ждать доброго. Нельзя ли опасаться осуществления предсказаний, циркулирующих в обществе. Некоторые уверены, как в чем-то неотвратимо неизбежном, в том, что Ренненкампф будет побит или жестоко избит, если он останется ректором.

ПРИМІТКИ

1880

[1] Карфаген повинен бути зруйнованим (*лат.*).

[2] Якщо це й неправда, то добре придумано (*італ.*).

[3] Свята простота! (*лат.*).

[4] «Дело» — російський літературно-політичний щомісячний журнал; виходив протягом 1866—1888 рр. у Петербурзі.

[5] Чистосердечно (*лат.*).

[6] «Садоводство» — журнал; виходив у Москві з 1838 р.

[7] Сердечна згода (*фр.*).

[8] «Народна воля» — газета революційної народницької організації «Народна воля»; протягом 1879—1885 рр. вийшло дванадцять номерів.

[9] Доволі (*лат.*).

[10] Вибачається той, хто винен (*фр.*).

[11] Людському розуму властиво ненавидіти того, кому заподіяв кривду (*лат.*).

[12] «Берег» — офіційна газета, яка видавалася 1880 р. у Петербурзі.

[13] Початкові слова закону про недоторканість особи (*лат.*).

[14] Примірник прокламації «От реалистов к обществу» зберігається в ЦДІА України у м. Києві (ф. 1191, оп. 4, спр. 165, арк. 18). О. Ф. Кістяківський цитує текст прокламації не повністю, крапками в квадратних дужках позначено зроблені ним пропуски.

[15] О. Ф. Кістяківський не наводить текст прокламації «От Исполнительного комитета». Її примірник зберігається в ЦДІА України у м. Києві (ф. 1191, оп. 4, спр. 165, арк. 49).

[16] Пропуск у Щоденнику Інспектором народних училищ Чернігівської губернії був на той час Модест Гаврилович Димський.

[17] «Deily News» — англійська щоденна газета, заснована 1846 р.

[18] «Орфей у пеклі» — пародійна оперета Ж. Оффенбаха.

[19] Слова Чацького з комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму».

[20] Це визначення О. Ф. Кістяківський вжив за аналогією з справою «Клуба червоних валетов», яка розглядалася Московським окружним судом 1877 р. Обвинувачені належали до вищих станів суспільства, не мали певних занять і займалися викраденням чужого майна.

[21] Слова Чацького з комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму».

[22] «Страна» — російська літературна газета; виходила протягом 1880—1883 рр. у Петербурзі. Видавець — письменник Л. О. Полонський.

[23] «Молва» — щоденна газета; виходила протягом 1879—1881 рр. у Петербурзі.

[24] Вирішувати справи, апелюючи до справи, а не до особи (*лат.*).

[25] Слова Чацького з комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму».

[26] Слова Чацького з комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму».

[27] «Русский курьер» — щоденна газета; виходила протягом 1879—1889 рр. у Москві.

[28] Слова Чацького з комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму».

[29] Свідоцтво бідності (*лат.*).

[30] Ніби (*лат.*).

[31] Йдеться про брошуру М. П. Драгоманова «Соловья баснями не кормят: письмо к генералу Лорис-Меликову» (Женева, 1880), або про видання друкарні «Народна воля» (Спб., 1880).

[32] О. Ф. Кістяківський цитує Емський акт 1876 р., спрямований на придушення української культури.

[33] У сумнівному випадку — вирок пом'якшується (*лат.*).

[34] Повна назва книги: «Киевлянин» под редакцией Виталия Яковлевича Шульгина (1864—1878)». (Киев, 1880).

[35] Повна назва книги К. Д. Кавеліна — «Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству» (Спб., 1878).

[36] Текст від слів «Из Киевской губернии...» до «...я подам прошение мировому» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[37] «Кавказ» — політична й літературна газета; видавалася з 1846 р. у Тифлісі.

[38] «Смоленский вестник» — громадсько-літературна газета; видавалася з 1878 р. у Смоленську.

[39] «Оренбургский листок» — щотижнева громадська і літературна газета; видавалася з 1876 р. в Оренбурзі.

[40] Текст від слів «Голодовка народа» до слів «...что он политический ссыльный» вміщено в Щоденнику у вигляді газетних вирізок.

[41] Міський парк *(нім.)*.

[42] Міжнародний зал *(нім.)*.

[43] Поштовий будинок *(нім.)*.

[44] Грязева ванна *(нім.)*.

[45] У тексті помилково «товаришем міністра юстиції».

[46] Бесідка *(нім.)*.

[47] «Курортник» *(нім.)*.

[48] «Слово» — російський науковий, літературний і політичний журнал; виходив у 1878—1881 рр. у Петербурзі.

[49] Новий курорт *(нім.)*.

[50] «Основний закон» *(нім.)*.

[51] «Діло» — українська газета; виходила в 1880—1939 рр. у Львові.

[52] Письменник з Петербурга *(нім.)*.

[53] «Мертві душі» *(нім.)*.

[54] Готель з рестораном *(нім.)*.

[55] «Зоря» — літературно-громадський двотижневий журнал; виходив у 1880—1897 рр. у Львові. З 1884 р.— орган Наукового товариства ім. Шевченка.

[56] Повна назва книги: «Разговор с социалистом-революционером», автор — К. Д. Кавелін.

[57] Російський статський радник *(нім.)*.

[58] У записній книжці (спр. 22) О. Ф. Кістяківський записував витрати на шляху до Карлсбада та на курорті; частину з них — олівцем, тому записи збереглися не повністю.

«Выехал 24 июня. В Карлсбаде в 9 ч. 20 м.
1. Билет — 5 руб. 76 коп.
2. Багаж — 50 коп.
1. *Фастов* — 12 ч., чай — 12 коп.
2. Земляника — 25 коп.

Казатин в 3 ч., обед — 60 коп. Стояли больше часа.

Винница, чай — 10 коп.

Жмеринка в 8 ч., ужин — 75 коп. Стояли до 1/2 12 ч. ночи.

25 июня.
Волочиск в 7 ч., чай — 15 коп.
Подволочиск в 8 ч., кофе — 36 коп.
Билет до Подвол[очиска] — 14 кр.
« до Праги — 22 гул. 22 кр.
В Красном в 1 ч., обед — 52 кр., ягоды — 26 кр.
Львов — 1/2 5 ч., кофе — 36 кр. Выехали в 1/2 6 ч. веч[ера].
Краков — 26 июня в 5 ч. утра, кофе — 38 кр. Выехали в 6 ч. утра.
Вино — 60, сигара — 10.
Одерберг в 10 ч., завтрак — 70.
Прерау в 1/2 2 ч., обед — 62 кр. фрукты — 32 кр.
Бемише Трибау — 7 ч. вечера. Дополнительный билет: 2 гул.
Кофе — 30 кр.
Прага 10 ч. вечера 26-го и 27-е.
Доставка вещей — 65 кр.
Квартира — 1 гул. 65 кр.
Прислуга — 90 кр.
Обед — 50 кр.
Вино — 24 кр.
Ягоды — 20 кр.
Гиду — 60 кр.

За доставку вещей — 60 кр.
27 [июня] вечером в 10 ч. 30 м. я уехал в Карлсбад.
Билеты — 4 гул. 70 кр.

28 июня, суббота, в 4 ч. 20 м. утра приехал в Карлсбад.
NB Кондукторам — 1 гул.
За хранение вещей — 30 кр.
1. Кофе — 30 кр.
2. Обед — 1 гул. 30 кр.
3. Сахар — 24 кр.
4. Торт — 10 кр.
5. Кружка — 40 кр.
6. Чайник — 40 кр.
2 гул. 44 кр.

29 июня.
1. Кофе — 30 кр.
2. Обед — 90 кр.
3. Кофе — 30 кр.
4. Свечи — 54 кр.
5. Мыло — 10 кр.

Wer etwas bringt, ist emmer angenetem.
За свой грош везде хорош.

30 июня.
1. Кофе — 30 кр.
2. Обед — 90 кр.
3. Кофе — 30 кр.
4. Ужин — 1 гул. 20 кр.
2—70
Заплачено за квартиру
6 гул. 50 кр.
Свечи 30 кр.
9 гул. 50 кр.

1 июля. Вторник.
1. Обед — 90 кр.
2. Облатка — 6 кр.
3. Сигары — 15 кр.
4. З ванны — 6 гул. 42 кр.
5. За анализ — 2 гул.
9 гул. 53 кр.

2 июля. Среда.
1. Кофе — 35 кр.
2. Обед — 90 кр.
3. Кофе — 28 кр.
4. Sprudelpastillen — 1 гул. 25 кр.
5. Сигары — 20 кр.
6. Ванна — 10 кр.
7. Пряник — 6 кр.

3 гул. 14 кр.
Wer viel verspricht, latt selten et was (Кто словом скор, тот делом редко спор.)
3 июля. Четверг.
1. Кофе — 36 кр.
2. Обед — 89 кр.
3. Сигары — 10 кр.
4. Кофе — 28 кр.
5. Хлеб и ч[ай] — 8 кр.
1 гул. 81 кр.

4 июля. Пятница.
1. Кофе — 37 кр.
2. Обед — 89 кр.
3. Кофе — 28 кр.
4. Пиво — 12 кр.

1 гул. 66 кр.

Was Lott thut, ist wohl gethan.
(Что Богу угодно, то всем пригодно.)

5 июля. Суббота.
1. Кофе — 32 кр.
2. Обед — 1 гул. 36 кр.
3. Кофе — 32 кр.
4. Пиво — 14 кр.
5. Сигары — 20 кр.
6. Ванна — 10 кр.

2 гул. 44 кр.

1. От 28 июня до 4-го июля включительно жизнь мне стоила 30 гул. 2 кр.
2. Заплачено за воды и за музыку, и на бедных — 10 гул. 50 кр.

6 июля. Воскресенье.
1. Кофе — 35 кр.
2. Обед — 91 кр.
3. Кофе — 24 кр.
4. Пиво — 34 кр.
5. Сигары — 15 кр.

7 июля. Понедельник.
1. Кофе — 24
2. Хлеб — 12
3. Сигары — 10
4. Обед — 90
5. Кофе — 35
6. Пиво — 16

Кто всегда бережется, тот никогда не обожжется.
Lute Huterhält das Lut. Lute Hutmacht guten Frieden.

8 июля. Вторник.
1. Кофе — 24 кр. Хлеб — 7 кр.
2. Обед — 1 гул. 28 кр.
3. Кофе — 35 кр.
4. Пиво — 20 кр.

Flöhe hülen.
Заниматься пустяками.

9 июля. Среда.
1. Кофе — 24 кр. Хлеб — 8 кр.
2. Обед — 90 кр.
3. Лепешка — 6 кр.
4. Хлеб — 4 кр.
5. Сигары — 20 кр.

Er hört die Flot? Husten.
Он слышит, как блоха кашляет.
Он слышит, как трава растет.

10 июля. Четверг.
1. Кофе — 24 кр.
2. Хлеб — 6 кр.
3. Сигары — 20 кр.
4. Ванны 3 — 6 гул. 42 кр.
5. Обед — 73 кр.
6. Кофе — 33 кр.
7. Хлеб к чаю — 4 кр.
8. Облатка — 10 кр.
9. Stubenmädchen — 10 кр.

Внушить кому подозрение против него.
Шепнуть кому на ухо.

11 июля. Пятница.
1. Кофе — 24 кр.
2. Хлеб — 6 кр.
3. Сигары — 20 кр.
4. Обед — 1 гул. 5 кр.
5. Облатка — 6 кр.
6. Хлеб — 4 кр.

1. Hunger ist der beste Koch.
Голод — лучший повар. Голодному Федоту и репа в охоту.
2. Der Hunger ist scharfes Schwert.,
Где голодно, там и холодно.

12 июля. Суббота.
1. Кофе — 24 кр.
2. Обед — 1 гул. 5 кр.
3. Кофе — 28 кр.
4. За квартиру — 6 гул. 50 кр.
5. Сигары — 20 кр.

3. Des Hunger ist Niemand's Frenvd.
Голод не тетка.

13 июля. Воскресенье.
1. Кофе — 32 кр.
2. Обед — 90 кр.
3. Кофе — 28 кр.
4. Чай — 40 кр.
5. Сигары — 20 кр.

4. Sammt oder sold am Kragen, Hunger im Magen.
На брюхе шелк, а в брюхе щелк.
Шапка в рубль, а щи без круп.
Что честь, как нечего есть.
Из славы шубы не сошьешь.

14 июля. Понедельник.
1. Кофе — 24 кр.
2. Хлеб — 5 кр.
3. Обед — 1 гул. 5 кр.
4. Кофе — 28 кр.
5. Путешествие на ярмарку в Цетлице — 1 гул.
6. Сигары — 20 кр.
7. Мойка белья — 2 гул. 25 кр.

Wer Ieden den Mund stopfen wollte, müsste viel Mell? haben.
На чужой роток не накинешь платок.

15 июля. Вторник.
1. Кофе — 24 кр.
2. Хлеб — 7 кр.
3. Сигары — 20 кр.
4. Обед — 94 кр.
5. Кофе — 56 кр.
6. Чай — 4 кр.
7. Ванна — 10 кр.

1. Was man hat das lat man. 2. Der Hab ich ist allers eit besser, denn der Hätt ich. 3. Besser ein dürrer Habich, denn ein fetter Hätt ich.
То лучше всего, что есть у кого.
Лучше синиця в жмені, ніж журавель в небі.

16 июля. Среда.
1. Кофе — 24 кр.
2. Хлеб — 7 кр.
3. Сигары — 20 кр.
4. Обед — 92 кр.
5. Кофе — 24 кр.
6. Ужин — 82 кр.
7. Письмоносцу — 10 кр.

17 июля. Четверг.
1. Кофе — 24 кр.
2. Обед — 85 кр.
3. Торт — 8 кр.
4. Кофе — 28 кр.
5. Ванна — 10 кр.
6. Свечи — 50 кр.

Wie du säest, so crnte auch, so wirst du anch? cruten. Wie man est treibt, sohat man esach.

Что посеешь, то и пожнешь.

18 июля. Пятница.
1. Кофе — 35 кр.
2. Обед — 1 гул. 20 кр.
3. Кофе — 26 кр.
4. Ветчина — 32 кр.
5. Хлеб — 6 кр.
6. Сахар — 14 кр.
7. Сигары — 20 кр.
8. Ванна — 2 гул. 14 кр.

Оплачено.

19 июля. Суббота.
1. Кофе — 24 кр.
2. Хлеб — 7 кр.
3. Обед — 81 кр.
4. Хлеб — 4 кр.
5. Ветчина — 30 кр.
6. Сигары — 20 кр.
7. Служ[ителю] ванны — 10 кр.

20 июля. Воскресенье.
1. Кофе — 24 кр.
2. Квартира — 6 гул. 50 кр.
3. Ванна — 2 гул. 14 кр.
4. Обед — 90 кр.
5. Кофе — 26 кр.
6. Ветчина к чаю — 40 кр.
7. Хлеб — 4 кр.
8. Письмоносцу — 5 кр.

21 июня. Понедельник.
1. Кофе — 24 кр.
2. Хлеб — 7 кр.
3. Обед — 85 кр.
4. Сигары — 20 кр.
5. Служителю ванны — 10 кр.

Nach geth aner, Arbeit ist gut ruhen.

После трудов сладок покой.

22 июля. Вторник.
1. Кофе — 28 кр.
2. Обед — 1 гул. 12 кр.
3. Сигары — 25 кр.
4. Ванна — 2 гул. 14 кр.
5. Кофе — 29 кр.
6. Торт — 20 кр.
7. Свечи — 50 кр.
8. Ветчина и хлеб — 40 кр.

23 июля. Среда.
1. Кофе — 28 кр.
2. Обед — 73 кр.
3. Сахар — 14 кр.
4. Хлеб — 4 кр.

За стирку белья — 2 гул. 48 кр.

24 июля. Четверг.
1. Кофе — 28 кр. Обед — 1 гул.

25 июля. Пятница.
1. Кофе — 28 кр.
2. Обед — 1 гул. 10 кр.
3. Кофе — 30 кр.
4. Пиво — 12 кр.
5. Хлеб — 8 кр.
6. Сигары — 25 кр.
7. Хина — 1 гул. 53 кр.

26 июля. Суббота.
1. Кофе — 32 кр.
2. Обед — 1 гул. 20 кр.
3. Сигары — 20 кр.
4. Чай — 28 кр.
5. Хлеб — 2 кр.

27 июля. Воскресенье.
1. Кофе — 56 кр.
2. Обед — 1 гул. 34 кр.
3. Кофе — 30 кр.
4. Сахар — 14 кр.
5. Свеча — 10 кр.
6. Хлеб — 6 кр.
7. Сигары — 20 кр.
8. Мойка белья — 1 гул. 61 кр.

28 июля. Понедельник.
1. Кофе — 28 кр.
2. Обед — 1 гул. 43 кр.
3. Кофе — 32 кр.
4. Торт — 20 кр.
5. Сигары — 30 кр.
6. Квартира — 3 гул. 80 кр.

29 июля. Вторник. *Франценсбад.*
1. Кофе — 30 кр.
2. Билет до Франц[енсбада] — 1 гул. 46 кр.
3. Билет до Эгера — 24 кр.
4. За осмотр Эгера — 40 кр.
5. Сигары — 25 кр.
6. Обед — 1 гул. 42 кр.
7. За сохран[ность] вещей portier — 30 кр.

30 июля. Среда. *Мариенбад.*
1. Билет в Мариенбад — 95 кр.
2. Обед — 1 гул. 16 кр.
3. Торт — 20 кр.
4. Кофе — 32 кр.
5. Чай — 33 кр.
6. Сигары — 35 кр.
7. За сохранение вещей — 30 кр.
8. Билет в Пильзен — 3 гул. 44 кр.
9. Пиво и услуги — 20 кр.
10. Билет. Зинкау — 2 гул. 65 кр.

31 июля. Четверг. *Пильзен.*
1. Билет из станции, куда против воли попал — 2 гул. 66кр.
2. Кофе — 34 кр.
3. Поездка в Бирке — 2 гул. 10 кр.
4. Данстая [?] — 20 кр.
5. Кухен — 20 кр.
6. Ночлег и переноска вещ[ей] — 1 гул. 10 кр.
7. Перевоз вещ[ей] — 1 гул. 10 кр.

1 авг[уста]. Пятн[ица]. *Прага.*
1. Билет до Праги — 2 гул. 86 кр.
2. Кофе — 32 кр.
3. Обед — 1 гул. 35 кр.

4. Сигареты — 30 кр.
5. За вещи: провоз вещей — 1 гул. 96 кр.
6. Билет до Б[емише] Трибау — 2 гул. 64 кр.
7. За вещи до [...] — 1 гул. 97 кр.
8. Динстману — 30 кр.
9. Извозчик с станции, на станцию — 1 гул. 20 кр.

[Трибау?]

1. Кофе — 35 кр.
2. Пиво — 10 кр.
3. Ужин в Трибау — 90 кр.

1. Билет от Б[емише] Трибау до Львова — 14 гул. 66 кр.
2. Носильщик — 10 кр.
3. Прерау. Кофе — 35 кр.

2 августа.

1. Кофе в Дедще [?] 35 кр.
2. Кондукторам — 1 гул. 25 кр.
3. Носильщику — 10 кр.
4. Краков. Завтрак — 60 кр.
   Носильщик — 10 кр.
5. Два кофе — 70 кр.

Львов.

1. Вечеря — 95 кр.
2. Кофе — 25 кр.
3. Обед — 1 гул.
4. Кофе — 25 кр.
5. Вечеря — 1 гул.
6. Квартира — 2 гул. 66 кр.
7. Прислуге — 1 гул.
8. Извозчик — 2 гул. 20 кр.
9. Носильщик — 25 кр.
10. Кофе — 20 кр.
11. Обед — 67 кр.
12. Билет — 3 гул. 50 кр.
13. Багаж — 50 кр.

Волочиск. Час ночи.

1. Билет — 5 руб. 60
2. Багаж — 1 руб. 40
3. Слугам — 20
4. Чай — 40
5. Добавочный билет — 1.40

Жмеринка.

1. Умывание — 20
2. Стрижка — 20
3. Слугам — 15
4. Кофе — 25
5. Завтрак — 60».

[59] З поеми Т. Г. Шевченка «Кавказ»

[60] Зала з вікнами в сад (*нім.*).

[61] Йдеться про брошуру М. П. Драгоманова «Терроризм и свобода, муравьи и корова: Ответ на ответ «Голоса» М. Драгоманова» (Женева, 1880).

[62] «Neue Freie Press» — австрійська газета; виходила з 1864 р. у Відні.

[63] «Свинство» (*нім.*).

[64] Повні назви книг: «Чем нам быть? Ответ редактору газ. «Русский мир» і Политические призраки. Верховная власть и административный произвол. Один из соврем. рус. вопросов». Автор — К. Д. Кавелін.

[65] Повість М. В Гоголя.

[66] Покоївка (*нім.*).

[67] «Общее дело» — російська газета; видавалася протягом 1877—1890 рр. у Женеві.

[68] Зал для чекання (*нім.*).

[69] Прокурор (*нім.*).

[70] Управляючий (*нім.*).

[71] Післяобід (*нім.*).

[72] Екскурсовод (*нім.*).

[73] Комерційна школа (*нім.*).

[74] «Слово» — українська громадсько-політична і літературна газета, виходила в 1861 — 1887 рр.

[75] Думку у Щоденнику не закінчено.

[76] Текст від слів «В длинной статье «Берег»...» до слів «...быть глашатаем и представителем» вміщено у Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[77] Безкоштовно, ні з того, ні з цього (*італ.*).

[78] Хто спішить збагатитися — той не залишиться безгрішним (*лат.*).

[79] Мій відпочинок (*фр.*).

[80] У секреті (*італ.*).

[81] Текст від слів «Кострома...» до слів «...еле живого, человека» вміщено в Щоденнику у вигляді газетних вирізок.

[82] Після нас хоч потоп (*фр.*).

[83] Текст від слів «В «Русской старине...» до слів «...и Леонтий Васильевич Дубельт...» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[84] Текст від слів «Петербург, 6-го сентября...» до слів «...раздавлены в развалинах» вміщено у Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[85] Текст від слів «Киев — 7 сентября...» до слів «...в положении студентов. «Молва» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[86] Похвальні листи про успішне навчання синів О. Ф. Кістяківського у Другій київській гімназії зберігаються в ЦДІА України у м. Києві (ф. 263, оп. 1, спр 81, 82, 84, 85).

[87] Текст від слів «Петербург. 19 сентября...» до слів «...мечтательными иллюзиями» вміщено у Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[88] «Новая газета» — щоденна політична і літературна газета; виходила 1881 р. у Петербурзі.

[89] Текст від слів «Страна» до слів «...при выделке «отечественных рельсов» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[90] «Листок «Народной воли» — нелегальна газета організації «Народная воля»; видавалася у 1879—1885 рр петербурзькою нелегальною друкарнею.

[91] У великих розмірах (*фр.*).

[92] Текст від слів «17-го сентября...» до слів «...утонет в реке забвения» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[93] «Просвіта» — культурно-освітня громадська організація, заснована 1868 р. у Львові.

[94] «Заря» — щоденна політична і літературна газета, видавалася в 1880—1886 рр. у Києві.

[95] Текст від слів «Сочинитель заговоров...» до слів «...как Л. В. Дубельт» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[96] «Правда» — політична, літературна, комерційна і довідкова щоденна газета, видавалася протягом 1877—1880 рр. в Одесі.

[97] Багато (*фр.*).

[98] Йдеться про Звід законів, створюваний «Уложенною» комісією в 1754—1766 рр. 1760 р.

комісія підготувала дві частини матеріалів з питань карного законодавства і проект «Про стан підданих взагалі», присвячений цивільному праву Росії. Через закриття комісії 1767 р. цю роботу не було завершено.

[99] Йдеться про «Русский биографический словарь», який видавався «под наблюдением» О. О. Половцева.

[100] Я боюсь данайців, навіть якщо вони приносять дарунки (*лат.*).

1881

[1] Текст від слів «Николай I со своей стороны...» до слів «...на ступеньках трона. «Новое время» вміщено у Щоденнику в вигляді газетної вирізки.

[2] «Порядок» — політична і літературна газета; видавалася в 1881—1882 рр. у Петербурзі. Редактор — М. М. Стасюлевич.

[3] «Земство» — тижнева політична і громадська газета; видавалася в 1880—1882 рр. у Москві.

[4] «Русь» — громадська, політична і літературна газета; видавалася 1880 р. у Москві.

[5] Думку не закінчено.

[6] З обов'язку (*лат.*).

[7] Текст від слів «Оставим в стороне то...» до слів «...либералам и их судьбе» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[8] Текст від слів «Около двух часов...» до слів «...и хозяину хата» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[9] Йдеться про статтю О. Ф. Кістяківського «Разбор сочинения проф. Тарасова «Личное задержание, как полицейская мера безопасности», опубліковану в «Журнале гражданского и уголовного права» (1875.— Кн. 5.).

1882

[1] В. С. Стрельников був застрелений 18 березня 1882 р. на Приморському бульварі в Одесі Степаном Халтуріним і Миколою Желваковим. Акцію здійснено згідно з постановою Виконавчого комітету «Народної волі».

[2] Йдеться про замітку в газеті «Заря» від 20 березня 1882 р., в якій повідомлялося, що громада м-ка Гнилички спростувала твердження, нібито вона здійснила перехід у православ'я під тиском.

[3] Зростаючи (*італ.*).

1883

[1] «Московский телеграф» — щоденна політично-літературна газета; виходила в 1881—1883 рр. у Москві.

[2] «Киевская старина» — український історично-етнографічний щомісячний журнал; видавався в Києві з 1882 по 1907 р.

[3] Йдеться про оперету Я. Г. Кухаренка «Чорноморський побит на Кубані між 1794—1796 роками» (1836).

[4] Ідальня (*фр.*).

[5] «Северная пчела» — російська політична і літературна газета: видавалася в 1825—1864 рр. у Петербурзі.

[6] «Русский инвалид» — військова газета; виходила в 1813—1917 рр. у Петербурзі.

[7] Пам'ятай (*лат.*).

[8] «Труд» — економічна, громадська і літературна газета, видавалася протягом 1881—1882 рр. у Києві. Редактор — видавець Г. Т. Корчак-Новицький.

[9] Текст від слів «19 декабря 1883 г. ...» до слів «...на вечную каторгу» дописано О. Ф. Кістяківським пізніше.

[10] Йдеться про дослідження Р. О. Житецького «Смена народностей в Южной России» (Киевская старина.— 1883.— № 5, 6, 8, 9, 11).

[10а] «За водою» — повість Івана Білика та Панаса Мирного; вперше була надрукована в «Літературно-науковому віснику» (1918.— Кн. 7—11)

[11] «Рада» — український літературно-науковий альманах у двох частинах (К., 1883, 1884).

[12] Текст від слів «12 декабря 1883 г. ...» до слів «...обязанности профессоров» вписано О. Ф. Кістяківським пізніше.

[13] Повна назва праці М. К. Ренненкампфа — «Очерки юридической энциклопедии» (Университетские известия.— 1868; окреме видання: Киев, 1880). Стаття В. А. Незабитовського «Разбор сочинения проф. Ренненкампфа: «Очерки юридической энциклопедии» надрукована в «Университетских известиях» (1868.— № 7.).

[14] Тут у тексті помилково «Марія», треба — «Надія».

[15] «Вольное слово» — конституційно-демократична російська газета; виходила в 1881—1883 рр. у Женеві за участю (з січня 1883 р. за редакцією) М. П. Драгоманова.

[16] Останній доказ (*лат.*).

[17] Повна назва праці П. О. Терновського «Грековосточная церковь в период вселенских соборов: опыт руководства по церковной истории» (Вып. 2.— Киев, 1883). Вона є продовженням дослідження «Первые три века христианства: опыт руководства по церковной истории» (Вып. 1.— Киев, 1878).

[18] На захист себе (*лат.*).

1884

[1] Йдеться про п'єси П. Дмитренка «Кум — мірошник, або сатана в бочці» та Велисовського «Побувальщина, або на чужий коровай очей не поривай».

[2] Людині властиво помилятися (*лат.*).

[3] Без сорому і совісті (*фр.*).

[4] Подібний подібному вдвічі радий (*лат.*).

[5] Для царів добрі люди завжди підозріліші за лихих, бо на них чужа доброчесність наводить страх (*лат.*).

[6] Текст від слів «Дабы очистить...» до слів «...особое распоряжение» вміщено в Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[7] «Устав этого общества утвержден Министерством внутренних дел 4-го августа 1881 года». [Примітка газети.]

[8] Текст від слів «Правительственное сообщение...» до слів «...особое распоряжение» вміщено у Щоденнику у вигляді газетної вирізки.

[9] Вірю тому, що безглуздо (*лат.*).

[10] Альбом непристойностей, заборонено відкривати жінкам і дітям (*італ.*).

[11] Цензура звичаїв (*лат.*).

ПОКАЖЧИК ІМЕН

А. П. I 642

Аарон — біблійний персонаж; старший брат Мойсея II 175

Абаза Микола Савич (1837—1901) — державний діяч Росії, начальник Головного управління у справах друку (1880—1881) II 180, 182, 240, 249, 313, 314, 342

Абаза Олександр Агейович (1821—1895) — державний діяч Росії: голова департаменту економіки Державної ради (1874—1881), міністр фінансів (1880—1881); власник Шполянського цукрового заводу I 116; II 77, 116, 344, 345, 348

Абдул-Азіз — турецький султан (1861—1876), скинутий з престолу внаслідок державного перевороту 30 травня 1876 р. Ця дата збіглася з датою підписання Олександром II Емського указу I 176

Абу Едмон (1828—1885) — французький письменник II 427

Авалов — грузинський князь II 151

Авалови — родина грузинських князів II 356

Авд. — не встановлена особа I 638

Авель — біблійний персонаж I 296

Авенаріус Михайло Петрович (1835—1895) — доктор фізики, ординарний професор кафедри фізики Київського ун-ту I 376, 529; II 39, 347

Авсієнко Василь Григорович (1842—1900) — публіцист і письменник. Закінчив Першу київську гімназію; навчався на історично-філологічному факультеті Київського ун-ту (1859—1863) I 300

Агрипина Тимофіївна II 153

Ададуров Н. ? Є.? — інженер шляхів сполучення, завідуючий технічною частиною Фастівської залізниці I 149

Адамов I 133

Адлерберг Олександр Володимирович (1818—1888) — генерал-ад'ютант, радник і друг Олександра II, міністр імператорського двору та уділів I 230

Азарєвич Дмитро Іванович (1848 — ?) — професор римського права Демидівського юридичного ліцею, Новоросійського та Варшавського ун-тів II 310, 322, 325, 329

Акимов Михайло Григорович — товариш прокурора Київської судової палати, прокурор Московського окружного суду; міністр юстиції (1905—1906) I 530

Акимович — священик, кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 342

Аколла Еміль (1826—1891) — французький юрист, публіцист і політичний діяч. Автор книги «Nécessité de refondre l'ensemble de nos codes et notamment le code Napoléon au point de vue de l'idée démocratique», виданої у Парижі 1866 р. I 610

Аксаков Іван Сергійович (1823—1886) — російський письменник-публіцист I 381, 393, 394; II 305, 342, 344, 365, 423, 436, 497

Аксельрод Павло Борисович (1850—1928) — діяч народницького руху I 580

Акушко — конспіративне ім'я одного з учасників народницького руху I 575

Аландський Павло Іванович (1844—1883) — магістр грецької словесності, доцент кафедри грецької словесності Київського ун-ту I 235, 236, 258, 265, 266, 291, 293, 307, 315, 358, 384, 428; II 26, 65, 283

Албранд В. — поміщик Київської губ. I 636

Алеко-паша (Вогорідес Олександр, 1823 — ?) — генерал-губернатор Східної Румелії (1879—1884) II 342

Александрович — власник садиби с. Студенок (тепер Глухівського р-ну Сумської обл.) I 480

Александрович (Олександрович) Митрофан Миколайович, псевд. *Митро Олелькович* (1837—1881) —український письменник, етнограф, публіцист, історик. Автор книги «Остерский уезд. Историческое описание» (К., 1881) I 519; II 364

Алексєєв — київський домовласник I 216

Алексєєв Павло Олександрович — директор Володимирського кадетського корпусу у Києві I 544, 594; II 184

Алексєєв Петро Петрович (1840—1891) — доктор хімії, ординарний професор кафедри хімії Київського ун-ту I 211, 254, 296, 306, 307, 376, 398, 498, 563, 564; II 347

Алібрант В. І. — свояк В. Ф. Симиренка I 154, 155, 174; II 169

Аллар Поль (1841 — ?) — католицький церковний історик, адвокат, суддя I 247

Альбертіні Микола Вікентійович (1826—1890) — публіцист. Керував відділом іноземної

* Напівжирним шрифтом позначено том.

політики у «Голосе» (з 1863 р.), співробітничав у «С.-Петербургских ведомостях». Адміністративно висланий до Архангельської губ. (1866) I 337

Альошка — персонаж «Записок» Г. С. Вінського I 292

Альфонський Аркадій Олексійович (1796—1869) — хірург, доктор медицини, професор Московського ун-ту; ректор (1842—1848, 1850—1863) I 112

Альшевський (Ольшевський) — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 423

Амвросій — вікарій московський I 552

Андраші Дюла Старший (1823—1890) — угорський державний діяч, граф; прем'єр-міністр Угорщини (1867—1871), міністр закордонних справ Австро-Угорщини (1871—1879) I 484, 553, 561

Андреєв — лісничий броварського лісу II 285

Андреєв — учитель історії та географії Київського ін-ту шляхетних дівчат I 140

Андреєв Євген Миколайович — чиновник особливих доручень Міністерства шляхів сполучень; повірений цукрозаводчиків II 72

Андреєвська —дружина І. Ю. Андреєвського II 489

Андреєвський Іван Юхимович (1831—1891) — російський історик права, професор Петербурзького ун-ту (з 1864 р.), ректор (1883—1887) II 438, 439, 487, 489, 491, 494

Андреюк — кореспондент О. Ф. Кістяківського II 313

Андріївський Олексій Олександрович (1845—1902) — історик, громадський діяч, педагог I 469, 476

Андріївський Павло Аркадійович — присяжний повірений у Києві, літератор; редактор газ. «Заря» (1880—1886) I 254, 255, 260, 332, 441; II 306, 324

Андрій — див. *Андрій Первозваний*

Андрій — син Парфенія II 153

Андрій Данилович — див. *Юркевич А. Д.*

Андрій Іванович — див. *Линниченко А. І.*

Андрій Первозваний — один з дванадцяти апостолів Христа; проповідував християнство в Київській Русі I 214; II 436

Андріяшев Олексій Хомич (1826—1907) — педагог, учитель і директор Першої київської гімназії. Автор «Русско-славянского букваря» (здійснено 7 вид.), «Книги для первоначального чтения» (К., 1869), «Народных чтений», «Народной читальни» (К., 1875) та інших видань I 175, 547, 583, 623; II 51, 255, 274, 314, 418

Андрулевич — кореспондент О. Ф. Кістяківського I 591, 601

Анисимов Михайло Іванович — молодший чиновник 3-го відділення в. й. і. в. канцелярії 449

Аничков Микола Мільєвич — директор департаменту Міністерства народної освіти II 487

Анна —згідно з біблійною традицією, перший іудейський священик II 268, 426

Анна — покоївка II 228

Анна Іванівна (1693—1740) — російська імператриця (з 1730 р.) II 340, 493

Анна Петрівна — домогосподарка в родині О. Ф. Кістяківського II 142, 309

Анненков Микола Миколайович (1793 ? 1800 ? — 1865) — київський, подільський і волинський генерал-губернатор (1862—1864) I 526; II 34, 224

Антей — персонаж грецької міфології, був непереможений, доки черпав сили, торкаючись землі, I 99

Антипович Олексій Данилович — учитель київських гімназій, діяч Старої громади, член Південно-Західного відділу Російського географічного товариства (РГТ), його секретар (з 1875 р.) I 175

Антонін, св. (1389—1459) — архієпископ із Флоренції. Папа Адріан VI зарахував його до святих (1523) I 477

Антоніо — персонаж комедії Шекспіра «Венеціанський купець» I 82

Антонов Петро Іванович (справ. прізвище *Свириденко Володимир Антонович*, бл. 1850—1879) — революціонер-народник I 530

Антонович Афіноген Якович (1848 — ?) — випускник юридичного факультету Київського ун-ту, доцент, завідуючий кафедрою політичної економії, статистики і законознавства у Новоолександрійському ін-ті сільського господарства і лісоводства; доцент кафедри поліцейського права Київського ун-ту (з 1882); товариш міністра фінансів (1893—1896) II 16, 109, 213, 214, 248, 250, 275, 299, 382, 454

Антонович Варвара Іванівна (1840—1901) — дружина В. Б. Антоновича, діяч Київської старої громади I 9, 186, 320, 463; II 161, 179, 197, 263—266, 287, 298, 306

Антонович Володимир Боніфатійович (1834—1908) — український історик, професор російської історії Київського ун-ту, громадський і культурний діяч I 9, 10, 20, 28, 38, 46—48, 50, 58, 91—93, 99, 105, 109—113, 118, 119, 121—123, 125, 127, 137, 148, 158, 186—188, 214, 217, 218, 221, 258, 259, 261, 269, 272, 279, 280, 286, 289, 300, 301, 377, 382, 392, 401, 402, 434, 435, 498, 560, 603, 620, 632; I 18, 23, 30, 55, 64, 65, 67, 72—74, 82, 86, 89, 91, 93, 101, 105, 118, 140, 142, 148, 157, 158, 183, 197—199, 213, 264, 265, 283, 296, 298, 303, 333, 335, 341, 347, 352, 363, 364, 369, 373, 382, 383, 390, 391, 393, 394, 409, 415—417, 432, 435, 444, 450, 452, 455—458, 460, 472, 475, 484, 487, 495, 498, 500—502

Антонович Дмитро Володимирович (1877—1945) — український громадський і політичний діяч, вчений, син В. Б. Антоновича II 189, 233, 238

Антонович Платон Олександрович (1812—1883) — державний діяч Росії, попечитель Київського учбового округу (1866—1880) I 98, 107, 113, 125, 147, 175, 186, 274, 285, 293, 451, 508, 560, 587, 609, 626; II 63, 80, 113, 128, 133, 134, 138—141, 145, 147, 162, 274, 405, 434, 485

Антоновичі — подружжя I 118, 186, 212, 286; II 7, 67

Антоновичка — див. Антонович В. І.

Анучин Дмитро Гаврилович (1833—1900) — генерал від інфантерії, військовий письменник, генерал-губернатор Східного Сибіру (1880—1884) II 174, 483

Анучин Євген Миколайович — голова Самарської казенної палати; автор праці «Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 гг.» (Спб., 1873) I 434
Анцибор — козак м-ка Хмеліва I 481
Анциферов Костянтин Дмитрович (1840—1896) — криміналіст; товариш прокурора й прокурор у Володимирі, Петербурзі, Курську, Москві, Варшаві I 627; II 122, 271, 292, 488, 489
Анциферови — подружжя II 489, 490
Апостол Данило Павлович (1654—1734) — гетьман Лівобережної України (1727—1734) I 13
Апраксін — псаломщик у Празі I 457, 458; II 205, 208, 209, 374
Апухтін Олександр Львович — попечитель Варшавського учбового округу (1879—1897) II 413
Арабажин Іван (? — 1877) — свояк Ф. Ф. Кістяківського I 132, 135, 224, 225, 420, 422, 436
Арабажин Костянтин Іванович (псевд. *Недоля* та ін., 1865—1929) — учень Першої київської гімназії; письменник, літературознавець, громадський діяч I 583; II 244, 474
Арабажина Маріанна Василівна — своячка Ф. Ф. Кістяківського I 89, 90, 291, 392, 422, 424, 436
Арабажини — подружжя I 132, 382
Аракчеев Олексій Андрійович (1769—1834) — російський державний і військовий діяч; начальник військових поселень (з 1817 р.) I 521; II 34
Архов II 488
Арістотель (384—322 до н. е.) — старогрецький філософ і вчений I 619; II 86
Арсеній (Москвин Федір Павлович, 1797—1876) — церковний та освітній діяч, письменник; митрополит київський і галицький (з 1860 р.) I 546; II 32
Арсеньев Флегонт Арсенович (1832 — ?) — етнограф; чиновник у селянських справах присутствія Вологодської губ. Наукові праці присвячені географічно-статистичному описові та вивченню побуту Вологодського й Пришекснинського краю I 573, 601, 627
Артем'єв — поміщик, клієнт О. Ф. Кістяківського I 260
Артемовська — див. *Гулак-Артемовська*
Архангельський — директор Нижньоновгородської колонії малолітніх правопорушників II 41
Арцимович Віктор Антонович — сенатор карного відділу касаційного департаменту Сенату II 299
Астаф'єв Петро Євгенович (1846—1893) — приват-доцент Демидівського юридичного ліцею; мировий посередник Ушицького пов. Подільської губ. I 535; II 255, 256, 266, 274, 280, 293, 322, 443, 444
Афанасій Филомонович (? — 1648) — брестський ігумен кількох монастирів; зібрав колекцію королівських грамот і листів I 308
Афанасьев Євген Іванович (1838—1897) — доктор медицини кафедри клінічної і теоретичної патології і терапії Київського ун-ту (з 1870 р.) I 53, 57, 148, 307, 376, 487, 498, 584, 588, 593, 600, 602; II 69, 81, 83, 108, 377, 378, 381, 382, 402, 403, 432, 433, 437, 456, 493—495, 498, 500—504
Афанасьеви — петербурзькі лікарі, власники водолікарні II 389
Бабиков — чернігівський генерал II 119
Бабикова А. Я.— секретар Товариства денних притулків, землевласниця I 553; II 118, 119, 266
Бабичева Надія Яківна (1850 — ?) — слухачка Вищих жіночих курсів у Києві, донька священика I 527; II 126
Бабст Іван Кіндратович (1854—1881) — професор політичної економії Казанського і Московського ун-тів I 73, 586
Багалій Дмитро Іванович (1857—1932) — український історик, культурний і громадський діяч I 7, 15, 20, 21, 293, 294; II 72, 73, 364, 390, 391, 401, 412
Базинер Роман Іванович (1841 — ?) — приват-доцент кафедри міжнародного права Київського ун-ту, судовий слідчий у Києві (1869); присяжний повірений Київської судової палати (70—80-ті роки) I 79, 133, 254, 255, 260, 267, 288, 301, 347, 385, 420, 432; II 38, 56
Баклан — економ адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» II 450
Бакст Йосип Гнатович (? — 1895) — петербурзький видавець II 219, 220, 222, 224, 225, 227
Бакунін Михайло Олександрович (1816—1876) — російський революціонер-анархіст I 122, 218, 298
Баламез Андрій Михайлович (1860 — бл. 1903) — революціонер-народник I 483
Балинський — київський лікар-клініцист I 115
Балинський І. М.— професор Медично-хірургічної академії (1860—1884), засновник Петербурзької клініки психічних хвороб II 497
Баран Іван — учасник революційного руху II 18
Баранецький Осип Васильович (1843—1905) — доктор ботаніки, ординарний професор кафедри ботаніки Київського ун-ту I 526; II 419
Баранов Дмитро Гаврилович — директор Сідлецької жіночої прогімназії II 212
Баранов Карл Петрович — чиновник особливих доручень з уніатських справ Міністерства внутрішніх справ I 462
Баранов Микола Михайлович — петербурзький градоначальник (1881); архангельський губернатор (1882—1883) II 336, 338
Барац Герман Маркович — київський цензор еврейської літератури I 501; II 275, 325
Барбан — київський громадський діяч I 38, 75, 76
Барб'є Анрі-Огюст (1805—1882) — французький поет I 606
Барвінський Володимир Григорович (1850—1883) — український письменник, критик, публіцист, адвокат, редактор газ. «Правда» та редактор-засновник газ. «Діло» II 233, 234, 236, 240, 252, 374, 418
Барвінський Іван Григорович — управляючий Київською конторою державного банку I 74, 76; II 352
Бардовський Петро Васильович (1847—1886) — член окружного суду в Плоцьку (1879), мировий суддя у Варшаві (з 1880 р.) I 520

Баришевський Олександр — студент медичного факультету Київського ун-ту I 483
Барклай де Толлі Михайло Богданович (1761—1818) — російський подководець I 200
Барсуков Микола Федорович — київський губернський механік-інженер, технолог II 116
Барська — сестра М. В. Яхненка I 157
Барський Н? А.— швагер М. В. Яхненка, орендатор Межигірської фаянсової фабрики I 157, 172, 431
Барський Петро Олександрович — голова ради Київської ощадної каси I 21
Баршев Сергій Іванович (1808—1882) — криміналіст, професор карних і поліцейських законів Московського ун-ту, ректор I 83, 112, 129
Баришевський (Баришевський) Віктор Іванович — член Харківської судової палати, Київського юридичного товариства I 14, 182, 422, 484, 574, 576, 579, 605; II 18, 40, 109, 275, 285, 287—289, 292, 320, 321
Басов Василь Олександрович (1812—1880) — ординарний професор теоретичної хірургії і офтальмометрії Московського ун-ту II 32
Баталін — мировий суддя м-ка Борисполя Переяславського пов. Полтавської губ. I 175
Баталін Анатолій Гаврилович — лікар лікарського поліцейського управління в Петербурзі II 490
Батбі Ансельм-Полікарп (1828—1887) — французький юрист і політичний діяч I 426, 485
Баттенберг Олександр — болгарський князь (1879—1886) II 350, 353, 354, 359
Бауер Василь Васильович (1833—1884) — історик, професор Петербурзького ун-ту (1864) II 491
Баумгартен Олександр Павлович — товариш голови Київської судової палати, київський віце-губернатор I 547; II 51
Бах Олексій Миколайович (1857—1946) — революціонер-народник, вчений-біохімік, громадський діяч II 45
Бебель Август (1840—1913) — діяч німецького і міжнародного робітничого руху I 298
Бебков — особистий секретар Гранта I 143
Беглевський — батуринський священик I 379, 605
Безак Олександр Павлович (1801—1868) — російський державний діяч, київський, подільський і волинський генерал-губернатор (з 1865 р.) I 230, 365, 549, 598; II 356
Безбородько Ілля Андрійович (1756—1815) — граф, сенатор, засновник Ніжинської гімназії вищих наук I 7
Безобразов Володимир Павлович (1828—1889)— академік, професор політичної економії і фінансового права Петербурзького ун-ту; видавець «Сборника государственных знаний», публіцист, сенатор I 192, 245, 249, 257, 258, 342, 364, 373, 392, 396, 418, 430, 634; II 144
Беккаріа Чезаре (1738—1794) — італійський юрист, автор праці «Про злочини і покарання» I 10, 76, 81, 595, 596
Белькнап — військовий міністр США I 125, 140, 143, 189
Бенедикт Макс — австрійський психолог II 497
Бенкендорф Олександр Христофорович (1783—1844) — граф, російський державний діяч; шеф жандармів і головний начальник 3-го відділення в. й. і. в. канцелярії (з 1826 р.) I 324, 452
Бентам Іеремія (1748—1832) — англійський філософ і правник I 71
Бер Дмитро Борисович — колезький радник; управляючий канцелярією Міністерства юстиції (1862—1866); сенатор (70-ті роки) I 399; II 394
Бер Карл Максимович (1792—1876) — російський природодослідник, етнограф і археолог I 258
Берві-Флеровський Василь Васильович (1829—1918) — російський демократ-просвітник, економіст, соціолог I 517; II 35
Бергоньє — київський домовласник II 13
Бердяєв Сергій Олександрович (1860—1914) — український письменник і журналіст II 443
Березанський Павло — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1879), чиновник Ніжинського окружного суду I 404, 550, 553, 579, 627; II 109, 157, 159, 275, 313, 315, 316, 325
Березовський — власник Ташлицького маєтку II 169
Беренштам Віліям Людвігович (1838—1904) — педагог, діяч Старої громади I 10, 42, 53, 59, 64, 111, 121, 182, 253, 259, 286, 381, 487, 489, 509, 511, 513, 514, 543; II 21, 44, 64, 73, 89, 91—93, 148, 158, 276, 458, 488, 490, 491, 494, 495
Беренштам Євгенія Людвігівна — сестра В. Л. Беренштама II 91, 93, 364, 393
Беретті — полковник, клієнт О. Ф. Кістяківського I 346, 347
Беркін — київський громадський діяч I 48, 50
Берлинський Максим Федорович (1764—1848) — український історик і археолог II 313
Бернардакі — домовласник у Петербурзі I 215
Бернер — службовець фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 353, 354
Бернер Альберт-Фрідріх (1818 — ?) — німецький криміналіст I 11
Бец — подружжя I 43
Бец Володимир Олексійович (1834—1894) — професор кафедри анатомії Київського ун-ту I 29, 43, 53, 59, 60, 63, 82, 114, 124, 130, 134, 148, 164, 169, 170, 331, 356—358, 421, 533; II 128, 133, 155, 255, 335, 340, 372, 497, 498
Бєлецький Леонід Степанович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1867), судовий слідчий Прилуцького пов. Полтавського судового округу I 175, 310, 346, 347; II 162, 163, 292
Бєлінський Віссаріон Григорович (1811—1848) — російський літературний критик і публіцист I 614; II 23
Бєлоголовий Микола Андрійович (1834—1895) — лікар і письменник I 605; II 81, 108
Бєлогорський — кореспондент О. Ф. Кістяківського II 329
Бєлогриць — див. *Бєлогриць-Котляревський Л. С.*
Бєлогриць (Білогриць)-Котляревський Леонід Сергійович (1855—1908) — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1877); магістр карного права, доцент Демидівського юридичного ліцею (з 1883 р.) I 6, 83, 102, 131,

192, 200, 251, 284, 291, 311, 312, 314, 316, 319, 331, 335, 344, 346, 362, 373, 376, 389, 396, 403, 419, 425, 435, 436, 438, 520, 566, 585, 589, 602, 605; II 64, 104, 144, 159, 171, 185, 264, 266, 267, 270, 286, 293, 311, 315, 325, 327

Белоковський — арендатор II 169

Белосельський-Белозерський Костянтин Есперович (1843 — ?) — генерал-лейтенант і генерал-ад'ютант II 398

Белостоцький Олексій Васильович — сенатор касаційного департаменту Сенату II 488

Белоус (Білоус) Олександр Трохимович (1835 — ?) — учитель Київської жіночої гімназії, за участь у народницькій пропаганді висланий (1876) до Полтавської губ. II 242, 244, 250

Бельський — київський адвокат I 150, 155, 172, 428

Белявін — петербурзький домовласник I 215

Биков М. В.— племінник М. В. Гоголя I 633

Бикови — племінники Є. В. Гоголь I 79

Биховець — петербурзький присяжний повірений II 496

Бичков Афанасій Федорович (1818—1899) — російський археограф, академік, директор імператорської публічної бібліотеки I 245, 430; II 319

Бібергаль Олександр Миколайович (1855? — 1925) — професійний революціонер, землевлолець I 345

Бібіков — учень Першої київської гімназії I 545

Бібіков Дмитро Гаврилович (1792—1870) — київський військовий губернатор; київський, волинський і подільський генерал-губернатор (1837—1852); ініціатор запровадження інвентарних правил (1847—1848) I 68, 69, 225, 546; II 231

Біконсфільд Бенджамін (Дізраелі Б., 1804—1881) — англійський державний діяч, письменник I 411, 416

Білло (Більо) Август-Адольф (1805—1863) — французький адвокат і політичний діяч I 359, 379, 420

Білозерська Надія Михайлівна — дружина М. Т. Симонова (Номиса), сестра В. М. Білозерського і О. М. Білозерської (Ганни Барвінок) I 168; II 426

Білозерська Олександра Михайлівна (літ. псевд. *Ганна Барвінок* 1828—1911) — українська письменниця, дружина П. О. Куліша I 106, 465

Білозерський Василь Михайлович (1825—1899) — член Кирило-Мефодіївського братства, видавець «Основи»; директор канцелярії Варшавського комітету у селянських справах, член Варшавської судової палати I 8, 17, 106, 107, 168, 187, 336, 408, 460, 463—465, 504, 617, 618, 626, 642; II 206, 210

Білозерський Іван Іванович (1842—1906) — землевласник Чернігівської губ., член Київської старої громади I 504, 505

Білозерський Карпо Іванович — землевласник Чернігівської губ. I 504

Білозерський Микола Данилович (1800—1879) — дядько братів Білозерських; член Південно-Західного відділу РГТ I 504

Білозерський Микола Михайлович (1833—1896) — український фольклорист і етнограф, член Південно-Західного відділу РГТ, видавець «Южнорусских летописей» (К., 1856) I 299; II 303, 309

Білозерський Олімпій Михайлович — брат В. М. Білозерського I 465

Білозерські — брати I 504

Білоусович — викладач Чернігівської духовної семінарії I 8

Білявський — київський оперний співак I 365, 392

Біляшевич (Біляшевський) — вінницький мировий посередник I 397, 400

Більбасов Василь Олексійович (1838—1904) — доктор загальної історії; ординарний професор Київського ун-ту (1867, 1869—1871); редактор газети «Голос» I 79, 111, 203, 395; II 8

Біндінг Карл (1841 — ?) — німецький криміналіст, професор карного права і судочинства I 90

Бісмарк Отто фон (1815—1898) — князь, німецький державний діяч, дипломат; перший канцлер (1871—1890) I 255, 298, 561, 562; II 93, 200, 350, 356, 362, 376

Благовіщенський Микола Михайлович (1821—1892) — заслужений ординарний професор, ректор Варшавського ун-ту (1872—1883) I 216, 310

Блан Луї (1811—1882) — французький соціаліст-утопіст, історик I 621

Блинов П. Ф.— учитель Погарського повітового училища I 192, 363, 380, 397, 400, 418

Блудова Антоніна Дмитрівна (1812—1891) — графиня, донька державного діяча Д. Н. Блудова. Займалася літературною та благодійною діяльністю I 421

Блунчлі (Бюнчлі) Йоганн Каспар (1808—1881) — професор державних наук Цюрихського ун-ту. Автор праці «История общего государственного строя и политики с XVII в. до настоящего времени» (Спб., 1874) I 10, 602

Боборикін Петро Дмитрович (1836—1921) — російський письменник; автор роману «Дельцы», що друкувався в «Отечественных записках» (1872.— № 4—12; 1873.— № 1—5) I 173, 399

Бобрецький Микола Васильович (1843—1907) — доктор зоології, екстраординарний професор кафедри зоології Київського ун-ту I 136, 145, 164, 292, 386, 396; II 127

Бобринський — поміщик, власник Смілянського цукрового заводу I 152

Бобринські — землевласники й цукрозаводчики II 170, 171

Бобров —полковник, російський губернатор у м. Філіппополі (Болгарія) I 417

Бобровський Павло Осипович — начальник Воєнно-юридичної академії I 437

Богаєвський Віктор Іванович — адвокат, товариш голови Петербурзького окружного суду (60-ті роки XIX ст.) II 62

Богдан (Богдась) — див. *Кістяківський Б. О.*

Богданов Василь Іванович (1830—1886) — лікар; гуморист II 180

Богданов Іполіт Іванович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1878); адвокат I 212, 421; II 13—15

Богданович Євген Васильович (1829 — ?) — генерал від інфантерії, письменник, член ради

Міністерства внутрішніх справ; чиновник особливих доручень при Міністерстві внутрішніх справ (60—70-ті роки) I 526—528

Богданович Микола Миколайович (бл. 1846—1881) — революціонер-народник I 554

Богданович Юрій Миколайович (1849—1888) — російський революціонер-народник II 372, 409, 413

Богдановська — протоієрей Ісаківського собору в Петербурзі I 552

Богдановський Олександр Михайлович (1832—1902) — криміналіст; професор кафедри кримінального права Новоросійського ун-ту (з 1870 р.). Автор дослідження «Молодые преступники» (Одесса, 1870; Спб., 1871) I 197, 395, 404

Богдановський Сава — учень Чернігівської духовної семінарії II 119

Богішич Балтазар Власович (1834—1908) — сербський історик права, юрист, етнограф і громадський діяч; професор Новоросійського ун-ту (1869—1872). Підготував звід цивільних законів для Чорногорії I 360, 417

Боголепов Микола Павлович (1846 — 1901) — юрист, спеціаліст з цивільного права, професор Московського ун-ту, ректор (з 1883 р.) II 497

Боголюбов Архип Петрович — під цим прізвищем проходив у справі про демонстрацію на Казанській площі *Ємельянов Олексій Степанович* (1852—1885) I 345

Богородський Сава Йосипович (1804—1857) — ординарний професор кафедри кримінальних законів і законів доброчинності Київського ун-ту I 565, 566; II 171

Богославський Іван Аркадійович — член Київського губернського у селянських справах присутствія I 74

Богословський Арсен Ананістович — учасник революційного руху; виступив з відвертими зізнаннями у політичному судовому процесі в Києві (1880) II 86, 88, 89, 92, 297

Боденштедт Фрідріх (1819—1892) — німецький письменник і перекладач I 493

Бодилевський Сава — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1845), товариш голови Київської судової палати I 41, 111, 266

Бодуен — див. *Бодуен де Куртене І. О.*

Бодуен де Куртене Іван Олександрович (1845—1929) — мовознавець. 1870 р. було порушено питання про допущення його викладати у Київському ун-ті, але університетська рада не погодилася на це через його польське походження I 216, 355, 595

Бодянський Осип Максимович (1808—1877) — філолог-славіст, історик, фольклорист, письменник, перекладач, видавець літературних та історичних пам'яток I 171, 172, 231, 308, 322, 326, 495; II 262, 263, 277

Божко-Божинський Еммануїл — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1879) I 294, 298

Божовський Костянтин Каттонович — помічник проректора Київського ун-ту I 72, 73, 113, 523, 533, 536, 554, 577; II 9, 45, 47, 85, 129, 172, 178, 333, 341, 379, 457, 458, 465—467

Боке — директор Мар'їнського цукрового заводу II 414, 437

Бокль Генрі-Томас (1821—1862) — англійський історик, соціолог-позитивіст II 247

Борель — власник петербурзького готелю II 398

Борель — гравер I 352

Борзенко Олександр Олександрович (1847—?) — професор Демидівського юридичного ліцею II 329

Борис (*Боря*) — син О. Ф. Кістяківського I 70, 84, 144, 296, 297, 366, 370, 409, 496, 499, 504, 593, 637, 638; II 142, 188, 189, 290, 294, 296, 402, 432, 461

Борисов Василь Васильович — голова Київської контрольної палати, діяч Південно-Західного відділу РГТ I 76, 142, 143, 199, 223, 634; II 241

Борисов Євген Іванович (1853—1900) — помічник присяжного повіреного, член Одеської громади II 418, 426, 428

Борисовський — московський купець I 202, 245, 442

Борисоглібський — адресат О. Ф. Кістяківського I 539

Борисяки — землевласники с. Великі Будки (тепер у Сумській обл.) I 479

Боричевський Іван Петрович (1810—1887) — історик і етнограф. Досліджував історію Західної Росії, етнографію слов'ян. Брав участь у виданнях РГТ та Археографічної комісії I 566

Борк — товариш міністра іноземних справ Англії I 105, 200, 475

Борк Едмунд (1729—1797) — англійський політичний діяч, юрист, письменник I 105, 200, 633

Борнгаупт Федір Карлович (1842 — ?) — доктор медицини Київського ун-ту II 419, 420

Бородін Дмитро — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1875); мировий посередник I 37, 39, 43, 46, 47, 52, 69, 76, 77, 82, 83, 89—92, 103, 119, 148, 165, 190, 191, 213, 227, 246, 247, 263, 275, 283, 287, 322—324, 337, 344, 363, 371, 403, 425, 431, 494, 503, 505, 506, 519, 544, 585; II 182, 343

Бородіна — сетра Д. Бородіна, оперна співачка I 190, 191, 201, 239, 240, 325

Бородіни — подружжя I 429

Бородуха (Бородухін) Антон Феофілантійович — сусід Кістяківських у м-ку Городищі I 502, 585

Бороздін — член Одеського окружного суду I 54

Борозна Іван Владиславович (? — бл. 1740 р.) — генеральний суддя (1731—1740) I 14

Борозна (Бороздна) Микола Петрович (1808—1878) — чернігівський губернський предводитель дворянства (1848—1862); чиновник Міністерства внутрішніх справ I 428; II 119

Борсук — студент Київського ун-ут II 147

Борсуков — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 35; II 269, 305, 421

Борщ Микола — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1875), секретар Сувалкського окружного суду I 272, 278, 434, 435

Борщов Ілля Григорович (1833—1878) — доктор ботаніки, ординарний професор Київського ун-ту I 71, 250, 347, 592

Боткін Сергій Петрович (1832—1889) — російський лікар-терапевт, вчений, педагог і громадський діяч; професор Медично-хірургічної академії у Петербурзі (з 1861 р.) I 196, 449, 605; II 81, 108, 389, 403, 491, 493

Бочаров Євген Костянтинович (1855—1880) — студент Технологічного ін-ту, учасник демонстрації на Казанській площі I 345

Бразоль Г. Е.— член Київського юридичного товариства II 322

Брандахлист — прізвисько М. П. Драгоманова I 297

Бранднер — помічник директора Городищенського цукрового заводу II 451

Брандтнер Людвіг Карлович (бл. 1853—1879) — революціонер-народник I 530

Браницька — графиня I 112, 152, 159

Браницький — граф I 254, 293

Браницькі — польські магнати. Мали великі земельні володіння в Україні, зокрема в Київській губ. I 68; II 169—171

Братков — клієнт О. Ф. Кістяківського II 244

Брауншгейн — клієнт О. Ф. Кістяківського I 75, 173

Брауншгейн — клієнтка О. Ф. Кістяківського I 47, 125, 126, 128, 129, 141

Бринкен — полковник, якого побили студенти у київському театрі за образу товариша (1857) I 238, 284, 298, 301

Бритнев — касир Петербурзького банку взаємного кредиту I 442

Бріерр-де-Буамон — французький юрист. Автор дослідження «De suicide et de la folie suicide» (2-e édition.— Paris, 1865) I 425

Бродський А. Б.— орендатор Смілянського цукрового заводу II 385

Бродський Арон Маркович — підприємець, член Одеської міської управи, брат І. М. Бродського I 73, 82, 89

Бродський Ізраїль Маркович — цукрозаводчик, член облікового і позичкового комітету Київської контори держбанку I 82, 89, 417, 526, 547; II 119, 120, 199, 207, 210, 212, 213, 215, 272, 324, 385

Бродські — цукрозаводчики й банкіри I 73, 586; II 169, 171

Броецький Олександр Юхимович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1876); чиновник особливих доручень київського губернатора I 167, 316; II 67, 68, 116

Брюкс де — студент юридичного факультету Новоросійського ун-ту I 275, 276, 396, 405

Брюховецький Нестор — переписувач одного з примірників рукопису «Права, по которым судится малороссийский народ», придбаних О. Ф. Кістяківським I 14

Буайослен (Boisjoslin) Жак — французький дослідник. Автор праці «Les peuples de France, ethnographie nationale» (Paris, 1878) I 458, 637

Бублик — казначей Київської палати держмайна I 163

Бугаєв — московський адвокат, брат М. В. Бугаєва II 497

Бугаєв — студент Петербурзького ун-ту II 493—495

Бугаєв Василь — тесть Ф. Ф. Кістяківського I 224

Бугаєв Микола Васильович (1837—1903) — професор математики Московського ун-ту, брат В. В. Кістяківської, батько письменника Андрія Белого (1880—1934) I 225; II 389

Бугаєв Федір Васильович (? — 1880) — брат В. В. Кістяківської II 202

Бугаєва А. В.— сестра В. В. Кістяківської II 9

Бугаєва Мар'яна Василівна — своячка Ф. Ф. Кістяківського I 224

Бугаєви — брати II 497

Бугаєви — родина II 260, 294

Буданов — див. *Владимирський-Буданов М. Ф.*

Буданови — подружжя I 227, 424, 425, 520

Будилович Антон Семенович (1846—1906) — історик-славіст, філолог, доктор слов'янської філології Ніжинського історично-філологічного ін-ту (1875—1881) I 279, 412, 457

Буква — псевдонім російського письменника Іполита Федоровича Василевського, співробітника газет «Русские ведомости» і «Новости» II 257

Буковський Микола — священик, кандидат фізико-математичного факультету Київського ун-ту (1877) I 361

Булацель — харківський комерсант II 438

Булгаков Василь — кандидат історично-філологічного факультету Київського ун-ту (1879) I 387

Булгарін Тадей Венедиктович (1789—1859) — російський письменник, літературний критик, журналіст. Видавав (разом з М. Грачем) журнал «Сын отечества», газ. «Северная пчела» та ін. I 546; II 183

Булюбаш Микола — голова Кременчуцької земельної управи II 145, 146, 240, 291, 419

Бунге Микола Андрійович (1842—1923) — доктор хімії, професор кафедри технічної хімії Київського ун-ту I 214, 295, 302, 398, 634

Бунге Микола Християнович (1823—1895) — доктор політичних наук, заслужений ординарний професор кафедри поліцейського права Київського ун-ту, ректор (1859—1862, 1871—1875, 1878—1880); товариш міністра (з 1880 р.), міністр фінансів Росії (з 1881 р.) I 28, 33, 34, 36—38, 40—44, 46—53, 55, 56, 58, 63, 73, 74, 77, 90, 91, 93, 94, 96, 99, 103, 105, 110, 111, 116, 118, 121, 136, 143, 160, 165, 167, 174, 191, 198, 209, 211, 213, 214, 216, 221, 226, 243, 244, 247, 249, 257—260, 262, 264, 273, 276—278, 293, 294, 302, 304, 306, 312, 316, 329, 331, 336, 344, 351, 352, 354, 364, 374, 376—378, 394, 406, 419, 432, 433, 435, 468, 487, 489—491, 494, 498, 507, 514, 523, 528, 529, 531—537, 561, 563, 571, 575, 593, 597, 599, 603, 629, 634; II 16, 17, 24—27, 30—33, 40, 46, 51—53, 56, 64, 68, 82, 86, 95, 96, 106, 112, 115, 117, 127, 128, 134, 146, 147, 152, 153, 172, 174, 177, 178, 203, 207, 217, 220, 229, 240, 241, 249, 250, 255, 256, 261, 270, 273, 276, 306, 327, 344, 345, 348, 352, 372, 373, 378, 382, 392, 397, 400, 404, 405, 407—410, 425, 431, 432, 460, 463, 465, 466, 473, 476, 498—501, 504, 505

Бурбони — королівська династія, яка займала престол у Франції, Іспанії та італійських державах I 535; II 93, 150

Бурдалу (1632—1704)—французький духовний проповідник II 268

Буркевич — головний управляючий маєтків Воронцова I 538

Бурсак — кличка А. Богословського в Київському губернському жандармському управлінні II 88, 92

Бутлеров Олександр Михайлович (1828—1886) — російський хімік. Закінчив Казанський ун-т і там викладав (1850—1868). Професор Петербурзького ун-ту (з 1869 р.), академік Петербурзької АН (з 1874 р.) I 93, 170, 552

Буцевич Олександр Вікентійович (1849—1882) — морський офіцер, один з керівників військової організації народників II 409, 413

Бучинський Мелітон Йосипович (1847—1903) — український фольклорист, етнограф, адвокат, громадський діяч II 208

Буяльський Ілля Васильович (1789—1866) — професор анатомії Медично-хірургічної академії у Петербурзі I 84

Бюісон — швейцарка I 351

В. Анд.— не встановлена особа I 637

В. К.— не встановлена особа I 538

В. М.— криптонім автора статті в «Киевском листке» II 271

Вагін Всеволод Іванович (1823—1900) — письменник, публіцист і громадський діяч; видавець і редактор газети «Сибирь» (з 1874 р.) II 173

Вагнер Адольф Гайнріх Готліб (1835—1917)— німецький економіст; член прусської палати депутатів (1882—1885), професор Дерптського і Берлінського ун-тів II 362

Вагнер Єгор Єгорович (1849—1903) — хімік-органік. Закінчив Казанський ун-т (1876). Професор Новоросійського с.-г. ін-ту (з 1882 р.), Варшавського ун-ту (з 1886 р.) I 93, 170, 552

Вайнштейн Мусій Давидович — київський купець і промисловець I 67, 68, 72, 77, 144, 167, 260

Вакс мут Олена (з дому *Орфанова*) — подруга юності О. Ф. Кістяківського I 375, 376

Вакуловський — петербурзький кореспондент О. Ф. Кістяківського II 131

Валичка — директор ломбарду, засновник російського музею в Пільзені II 230—232

Валленштейн Альбрехт (1583—1634) — полководець, імперський головнокомандуючий під час тридцятилітньої війни II 228

Валуєв Петро Олександрович (1814—1890) — граф, міністр внутрішніх справ Росії (1861—1868) I 336, 337, 459; II 145, 150, 184

Валунда — студент Київського ун-ту II 439

Вальдек — власник кафе у Пільзені II 230, 231

Валькер Карл (1839—1909) — німецький економіст та державознавець; доцент Харківського ун-ту (1869—1870) I 404

Вальков — київський знайомий О. Ф. Кістяківського II 199

Вальтер Олександр Петрович (1817—1889) — доктор медицини, ординарний професор кафедри анатомії Київського ун-ту I 164, 394, 533

Вальц Яків Якович (1841—1904) — ботанік, професор Київського і Новоросійського ун-тів I 382, 538

Ванічка — див. *Лучицький І. В.*

Ванновський Петро Семенович (1822—1904) — російський генерал і державний діяч; військовий міністр (1881—1898) I 535, 597; II 96, 144, 220, 348

Ванька Каїн (Іван Осипович Каїн, 1718 — ?) — сищик-злодій II 308

Ваня — персонаж опери М. І. Глинки «Іван Сусанін» I 223

Варвара Василівна — див. *Кістяківська В. В.*

Варвара Іванівна — див. *Антонович В. І.*

Варзар Василь Єгорович (1851—1940) — вчений-статистик, економіст, учасник народницького руху (у 70-х роках) I 636

Варзер — чернігівський мировий суддя II 83

Варум Лімберг — службовець Київського приватного комерційного банку I 441

Варум-Секрет Олександр Захарович — дворянин, службовець Київського приватного комерційного банку I 441

Варшавський Маркус — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1876), член Київського юридичного товариства II 244, 249

Варя — див. *Кістяківська В. В.*

Василенко В. Н.? — секретар київського з'їзду мирових посередників I 494, 507, 566; II 64, 293

Василенко Микола Прокопович (1877—1935) — український історик держави і права, академік ВУАН (з 1920 р.) I 7

Василь — див. *Білозерський В. М.*

Василь — див. *Кістяківський В. Ф.*

Василь Андрійович — див. *Незабитовський В. А.*

Василь Васильович — див. *Борисов В. В.*

Василь Васильович — див. *Тарновський В. В.* (молодший)

Василь Іванович — див. *Модестов В. І.*

Василь Михайлович — див. *Білозерський В. М.*

Василь Степанович — див. *Стрельников В. С.*

Васильєв — студент Київського ун-ту II 487

Васильєва — клієнтка О. Ф. Кістяківського II 294

Васильчиков Іларіон Іларіонович (1805—1863) — київський, подільський і волинський генерал-губернатор (з 1852 р.) I 598; II 156

Васько — адвокат I 286

Васютинський — учитель Чернігівської духовної семінарії I 192

Васютинський Василь Павлович — управляючий справами Головного управління військово-навчальних закладів Росії II 106, 109, 247

Вася — персонаж роману І. С. Тургенєва «Новь» I 334

Ващенко-Захарченко Михайло Єгорович (1825—1912) — доктор математичних наук, ординарний професор кафедри чистої математики Київського ун-ту I 279, 329, 372, 402, 575; II 96, 112

Введенський Володимир — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1882) II 57

Вебер — австрійський двірський радник I 125, 189

Веймар (Веймерн) Орест Едуардович (1845—1885) — революціонер-народник. Заарештований 3 квітня 1879 р., підозрювався у придбанні зброї для О. К. Соловйова I 490, 491, 544, 555; II 113, 163

Вейс I 53

Великанов Олександр Семенович (1818—1886)— археолог, автор праці «Разведки о доисторических временах русь-славянского народа» (Одесса, 1878—1881); у Щоденнику вказано дещо не точну її назву. Одружений з родичкою Яхненків I 72, 166, 168, 361; II 366, 450, 451

Великий Могол — очевидно, прізвисько В. Ф. Симиренка II 107

Венедикт — ієромонах Києво-Печерської лаври I 79, 82, 94, 97, 104, 110, 113, 145, 286, 424, 429, 430

Венера — у римській міфології богиня весни, садів і родючості II 494

Вербицький Микола Андрійович (літературний псевдонім *Миколайчик Білокопитий*, 1843—1909) — український поет і педагог I 264

Верді — родина I 149

Верді Джузеппе (1813—1901) — італійський композитор I 149, 635

Вержбицький Станіслав — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 552

Верцинський Іван-Болеслав — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1877) I 113, 350, 404

Веселовська Олена — сестра О. М. Білозерської (Ганни Куліш) I 106

Веселовський — юнак, обмовлений Жаровим I 71, 94; II 304

Веселовський Олександр Миколайович (1838—1906) — історик літератури; професор Петербурзького ун-ту (з 1870 р.), академік (з 1880 р.) I 336; II 457, 488, 491, 493

Веселовський Олексій Миколайович (1843—1918) — російський літературознавець, історик західноєвропейської літератури. Автор дослід кення «Джонатан Свифт, его характер и сатира», опублікованого у «Вестнике Европы» (1877.— № 1. У Щоденнику помилково названо «Русский вестник») I 315

Веселовський Федір — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1868), полтавський присяжний повірений I 94

Веселовські — подружжя II 491

Вехтер Карл-Георг (1797—1880) — німецький юрист II 327

Ведров Сергій Володимирович (1855—?) — професор поліцейського права Петербурзького ун-ту (з 1884 р.) II 489, 491

Ветошников (Ветошкін) — учасник революційного руху 60-х років I 613

Виляй — прізвисько М. Х. Бунге II 52, 53

Винов — студент Київського ун-ту II 9

Виноградський — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 425

Виноградський Микола Миколайович (1841—1899) — приват-доцент карного права Казанського ун-ту I 43, 383

Вирубов Григорій Миколайович (1843—1913)— хімік, філософ, публіцист, мемуарист II 427

Вислоцький Феофіл — доктор медицини; в Київському ун-ті захистив докторську дисертацію про значення судово-медичної експертизи для карного судочинства (1872) I 70

Вишневський — мировий суддя Остерського пов. I 519

Вікторія (1819—1901) — королева Великобританії (з 1837 р.) I 474

Віленкін Микола Максимович, літературний псевдонім *Мінський*, (1855—1936) —російський поет I 642

Віліям — див. *Берештам В. Л.*

Вілуч — чернігівський лікар II 83

Вільгельм I (1797—1888) — німецький імператор (з 1871 р.) I 256

Віндінг Валеріан Вікторович — приват-доцент Київського ун-ту, секретар ради, член Катеринославського окружного суду I 99, 112, 130, 214, 228, 235, 258, 259, 288, 295, 298, 299, 385, 498, 533; II 11, 78, 172, 293, 314, 322

Віндішгрец Альфред (1787—1862) — князь, австрійський фельдмаршал. Під час революції 1848 р. призначений командуючим військ для придушення повстання у Відні I 553

Вінський Григорій Степанович (1752—1809) — письменник, автор «Записок», опублікованих у «Русском архиве» (1877.— Кн. 1—2), де змалював український побут XVIII ст. При цитуванні «Записок» О. Ф. Кістяківський зробив пропуски, які позначено квадратними дужками I 292

Віра — за християнською традицією, св. мученица, яка потерпіла в Римі за віру II 298

Вісковатий — клієнт О. Ф. Кістяківського II 57

Віта — очевидно, племінниця О. Ф. Кістяківського I 638

Віталій — див. *Іващенко В. С.*

Віталій (Гречулевич Василь Васильович, 1822—1885) — вікарій Волинської єпархії (1880—1882) II 200

Вітте — баронеса II 47

Вітте Федір Федорович — сенатор, попечитель Київського учбового округу (1862—1864), Варшавського (1867—1879) II 270

Віттенберг Соломон Якович (1852—1879) — революціонер-народник I 483

Владимиров — мировий суддя I 506

Владимиров (Володимиров) Леонід Євстафович (1845—?) — криміналіст, професор карного права Харківського ун-ту I 49, 70, 285, 291, 293, 294, 395, 399, 403, 404, 517, 531, 569; II 121, 352, 355

Владимирський-Буданов Михайло Флегонтович (1838—1916) — доктор російської історії, ординарний професор кафедри історії російського права Київського ун-ту I 68, 83, 99, 103, 109, 119, 121, 133, 162, 246, 257, 308, 311, 313, 314, 322, 325, 327, 328, 335, 380, 382, 405, 406, 517, 524, 533, 534; II 22, 124—126, 218, 220, 250, 264, 373, 409, 430

Власенко — управляючий садибою Войно I 410

Власов — петербурзький надвірний радник I 452, 453, 566
Властелица -кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» II 109, 144, 314, 322, 450
Вовк (Волков) Федір Кіндратович (1847—1918) — український етнограф, антрополог, археолог та фольклорист, член Старої громади I 20, 43, 45, 51, 52, 264, 632; II 18, 19, 23, 24, 88, 136, 315, 347
Вовк (Волкова) — мати Ф. К. Вовка II 136
Вовк (Волкова) Христина Іванівна (бл. 1855—?) — діячка українського національного руху; дружина Ф. К. Вовка I 476, 527; II 136
Вознесенський — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 404
Войтенко — син Ф. І. Войтенка I 424, 434
Войтенко Ф. І. (?—1876) — гласний Київської міської думи I 33—36, 38—41, 43, 44, 46, 48—50, 53, 58, 63, 71, 73, 74, 105, 108, 110, 113, 122, 124, 125, 137, 180, 181, 219, 221, 379, 383, 397, 597; II 242, 252, 255, 256, 276
Войцехович — батько дружини О. П. Матвеєва I 69
Войцехович — дружина О. П. Матвеєва I 148
Войцехович — петербурзький лікар II 225
Войцеховичі — подружжя II 226
Войцеховський I 567, 568
Волкенштейн Олександр Олександрович (1852—?) — лікар, діяч Молодої громади II 36
Волкович П. А.? — казначей з Новгород-Сіверська II 310, 314
Волконський Михайло Сергійович — товариш міністра народної освіти II 487, 488, 492, 495, 497
Волконський Петро Михайлович (1776—1852) — князь, генерал-фельдмаршал II 277
Волконський Сергій Григорович (1788—1865) — князь, декабрист I 331
Володимир (? — 1015) — великий київський князь (980—1015) I 92
Володимир — див. *Кістяківський В. О.*
Володимир — див. *Порскалов В. В.*
Володимир — див. *Тальберг В. Г.*
Володимир — чернігівський єпископ II 163
Володимир Боніфатійович — див. *Антонович В. Б.*
Володимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — великий князь київський (з 1113 р.) I 214
Володимир Іванович — див. *Лихачов В. І.*
Володимир Михайлович — див. *Володимиров В. М.*
Володимир Олександрович — великий князь, головнокомайдуючий військами гвардії і Петербурзького військового округу II 342, 344
Володимир Олексійович — див. *Бец В. О.*
Володимиров Володимир Михайлович (1840—1910) — юрист, генерал-ад'ютант, кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1867), професор кафедри воєнно-карного судочинства Воєнно-юридичної академії, редактор «Журнала гражданского и уголовного права» I 17, 34, 35, 37—39, 121, 251, 291, 293, 301, 309, 366, 399, 404, 435, 437, 438, 502, 530, 539, 550, 554, 556, 559, 562, 567, 569, 573, 579, 582, 583, 591, 601, 605, 608, 615, 636; II 15, 25, 48, 52, 82, 106, 109, 143, 144, 200, 202, 221, 275, 310, 322, 325, 329, 389, 486, 490, 492, 499
Володимирови — подружжя II 488, 490, 492, 496
Володя — див. *Кістяківський В. О.*
Волошкевич — київський присяжний повірений II 443
Волчанецький — університетський товариш О. Ф. Кістяківського I 566; II 251
Волчек — технік товариства гірничозаводських залізниць Росії I 460, 461, 587
Волькінсон — студент Київського ун-ту I 51, 52
Вольфзон — постачальник Київської кирилівської лікарні II 401, 433
Вольховський Анатолій Петрович — член Полтавського окружного суду II 201
Воронов — артилерист з Варшави II 413
Воронцов Михайло Семенович (1782—1856) — князь, генерал-фельдмаршал, власник маєтку у м-ку Мошнах I 73, 90, 93, 94, 139, 151—153, 155, 158, 159, 172, 173, 361, 428, 538; II 167, 170, 185, 385, 437
Воронцова — з дому *Браницька,* власниця маєтку I 73; II 437
Воронцов-Дашков Іларіон Іванович (1837—1915) — граф, генерал-ад'ютант, міністр імператорського двору (1881—1897) II 358
Воронцови I 159; II 170, 171, 414
Воскресенський — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 298
Воскресенський Костянтин Миколайович (1841—1892)— учитель історії і російської словесності Другої київської гімназії; інспектор студентів Київського ун-ту (1879—1880) I 625; II 9, 17, 25, 26, 30, 33, 34, 36, 38, 39, 45, 156, 157, 165, 173, 286, 341
Востоков (справжнє прізв. *Остенек) Олександр Христофорович* (1781—1864) — російський філолог-славіст, академік Петербурзької АН (з 1841 р.). Першу його працю «Розвідка про слов'янську мову» було видруковано 1820 р. I 405
Вощинін Василь Єгорович (1855 — ?) — студент Київського ун-ту, учасник березневого виступу 1878 р.; засланий до Вятської губ. II 314, 315
Вощинін Костянтин Олексійович — управляючий канцелярією Синоду I 199, 361; II 182
Враль-паша — кличка М. П. Ігнатьєва II 348
Вржецана — учитель Львівської української гімназії II 375
Всеволод Абрамович — див. *Рубінштейн В. А.*
Вуяхевич Михайло — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1857) II 356
Вяземський Павло Петрович (1820—1888) — князь, начальник Головного управління у справах друку (1881—1883) II 342

Г.— сестра Арабажина I 436
Г.— політичний засланець II 278
Гаазе — власник магазину музичних інструментів у Києві I 314
Габсбурги — королівська династія, що правила в Австрії, Чехії, Угорщині, Іспанії та її володіннях I 553

Гагарін Іван Сергійович (1814—1882) —князь; прийнявши католицизм і вступивши до ордену єзуїтів, оселився в Парижі; підтримував стосунки з О. І. Герценом, заснував у Парижі слов'янську бібліотеку з російським відділенням I 298

Гаіноттi — італійський соліст Київського оперного оркестру I 139—141

Гайдебуров Павло Олександрович (1841—1893) — видавець, журналіст, публіцист, прозаїк, драматург II 249

Гаймерле Генріх-Карл (1828—1881) — барон, австрійський державний діяч I 553, 561

Галаган Григорій Павлович (1819—1888) — український землевласник, громадський діяч; перший голова Південно-Західного відділу РГТ I 28, 98, 123, 237, 274, 275, 291, 330, 388, 494; II 7, 51, 97, 415, 438, 483, 487, 488, 491, 492, 495, 497, 501, 506

Галаган (Галаганша) Катерина Василівна— дружина Г. П. Галагана I 330

Галкін — див. *Галкін-Враской М. М.*

Галкін-Враской Михайло Миколайович (1834—?) — російський адміністративний діяч; опублікував низку статей про Оренбурзький та Саратовський краї у збірнику «Этнографические и исторические материалы» (1868) I 395, 396, 404, 496, 544, 547—549; II 41, 433, 489

Галя — донька В. Б. Антоновича I 637

Гамалія Т. В.— дружина університетського товариша О. Ф. Кістяківського II 69

Гамбетта (Гамбетт) Леон-Мішель (1838—1882) — французький політичний діяч, голова палати депутатів (1879—1881), прем'єр-міністр (1881—1882) I 474; II 90

Гамлет — персонаж однойменної трагедії В. Шекспіра I 115

Ганкевич — капітан I 116, 119, 120

Гансоненков — клієнт П. Ф. Кістяківського I 425

Гануш — власник карлсбадського магазину II 227

Гарасько — волосний старшина I 365

Гарібальді Джузеппе (1807—1882) — керівник національно-визвольного руху в Італії I 200, 368

Гарниха — див. *Гарнич-Гарницька М. М.*

Гарнич — див. *Гарнич-Гарницький Ф. М.*

Гарнич-Гарницька Марія Михайлівна — дружина Ф. М. Гарнич-Гарницького I 39, 599; II 172, 321, 323

Гарнич-Гарницький Федір Минович (1834—?) — доктор хімії, ординарний професор кафедри хімії Київського ун-ту I 37, 43, 49, 53, 234, 235, 241, 370, 498, 592, 599, 605; II 34, 149, 156, 157, 171—173, 176, 249, 253, 255, 256, 271, 375 401, 463, 498

Гарничі — подружжя Гарнич-Гарницьких II 172, 321, 323

Гарпагон — персонаж комедії Мольєра «Скупий» I 201

Гартенберг — юрист II 250

Гартман Лев Миколайович (1850—1908) — революціонер-народник I 605; II 65, 75, 80—83, 90, 93, 99, 112, 113, 135, 143, 348

Гатцук Микола — український фольклорист і мовознавець. Видав збірник пісень і прислів'їв «Ужинок рідного поля» (1857) I 392, 397, 400

Гаусман —кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 154

Гаусс Карл-Фрідріх (1777—1855) — німецький математик, астроном, фізик I 331

Г-в — криптонім кореспондента журналу «Отечественные записки» I 635

Гвоздиков (Гвозданович) Дмитро Дмитрович — бухгалтер Київського приватного комерційного банку I 271, 273, 359, 360, 441

Ге Микола Миколайович (1857—1940) — син М. М. Ге, студент юридичного факультету Київського ун-ту (1883) II 244, 248, 267, 288, 311

Ге Микола Миколайович (1831—1894) — російський живописець II 245, 251

Гедеон (Вишневський) (?—1849) — полтавський єпископ (1834—1849) II 219

Гедеон Константинович — чернігівський архімандрит I 401

Гейбель Карл Георгійович (1839—?) — доктор медицини, ординарний професор кафедри фармакології Київського ун-ту I 208, 209

Гейден Петро Олександрович (1840—1907) — судовий, громадський і політичний діяч; товариш голови Петербурзького окружного суду, член судової палати I 99

Гейкінг Густав Едуардович — ад'ютант начальника Київського губернського жандармського управління, вбитий у Києві народниками 25 травня 1878 р. I 78; II 7, 135

Гейман — кандидат юридичних наук II 270

Гейфельдер I 53

Геллер Семен Львович (1856—?) — син петербурзького купця, учасник демонстрації на Казанській площі I 345

Гельбке В. Ф.— член Київського юридичного товариства I 545

Гельфман Геся Миронівна (1855 ?—1882) — революціонерка-народниця II 339, 340, 346, 365

Ген Віктор (1813—1890) — історик культури II 210

Ген Олена — знайома О. Ф. Кістяківського I 106

Генці Генріх (1785—1848) — австрійський генерал II 198, 199

Георгіевський Олександр Іванович — голова вченого комітету Міністерства народної освіти, член ради міністра I 313, 495, 517, 550, 561, 563, 565, 600, 604, 605; II 111, 139, 457

Герард Микола Миколайович — старший голова Варшавської судової палати; сенатор I 465

Герасименко Давид — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1862); адвокат, слідчий, член Київської судової палати I 126

Гербель Микола Васильович (1827—1883) — поет, перекладач, видавець. Закінчив Ніжинський ліцей (1847). Видав «Кобзар» Т. Г. Шевченка у перекладі російських поетів (1860) I 67, 71, 633

Гервасій Іван Антонович (1857—1913) — студент Медично-хірургічної академії; учасник демонстрації на Казанській площі (1876) I 345

Гер'є Володимир Іванович (1837—1919) — російський історик, письменник, професор загальної історії Московського ун-ту I 313, 327, 373

Гернгрос Микола Андрійович — член Київської палати карного і цивільного суду I 79

Геродот (490—430 до н. е.) — стародавній грецький історик II 465

Герсеванов Микола Петрович — полковник, товариш юності М. Т. Лорис-Мелікова II 254

Герцен Наталія Олександрівна (1817—1852) — дружина О. І. Герцена I 634

Герцен Олександр Іванович (1812—1870) — російський філософ, письменник; видавець закордонної газети «Колокол» (1857—1867) I 20, 171, 285, 304, 336, 613—615, 634, 642; II 23, 112, 113, 141

Гершау Павло Петрович — голова Каліського окружного суду II 220, 222, 223, 225—227

Гессе Микола Павлович — волинський (у 60-х роках), київський губернатор (у 70-х) I 302, 497, 538, 593; II 120, 180, 433

Гете Йоганн-Вольфганг (1749—1832) — німецький поет і мислитель I 450, 453; II 116

Гискра Карл (1820—1879) — австрійський державний діяч, міністр внутрішніх справ (1867—1870), професор державного права Віденського ун-ту I 125, 189

Гізо Франсуа П'єр Гійом (1787—1874) — історик і політичний діяч Франції. Автор праці «Історія цивілізації у Франції» (у Щоденнику помилково «...Європи») I 198, 382, 540

Гільденштуббе Оскар Леонтійович — член Київського окружного суду II 259

Гільфердінг — голова Мінської казенної палати I 232

Гільфердінг Олександр Федорович (1831—1872) — історик, етнограф, лінгвіст, публіцист і громадський діяч I 462

Гіляров-Платонов Микита Петрович (1824—1887) — публіцист, видавець московської газети «Современные известия» (1867—1887) I 207

Гінцбург (Гінзбург) — банкір і підприємець I 40

Гірс — гласний Одеської міської думи I 156, 172

Гірс Дмитро Костянтинович (1836—1886) — письменник; кореспондент із Сербії «С. Петербургских ведомостей» (1876), видавець газети «Русская правда» (1878—1880) I 206, 543

Гірш — карлсбадський знайомий О. Ф. Кістяківського II 218

Главачек Антонін (?—1926) — чеський краєзнавець I 450, 636; II 216

Гладін — студент у Петербурзі II 497

Гладстон Уільям-Юарт (1809—1898) — англійський державний діяч, лідер ліберальної партії. Виступав проти східної колоніальної політики Біконсфільда I 411, 415, 416

Глинська Олена Василівна (?—1538) — регентша при малолітньому цареві Іванові IV I 92

Глібов Григорій — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1883) II 427

Глумов — персонаж комедії О. М. Островського «На всякого мудреця доволі простоти» II 134—136

Гнейст (Гнейс) *Генріх Рудольф* (1816—1895) — німецький державний і політичний діяч, професор Берлінського ун-ту I 70

Гнилосиров Василь Степанович (1836—1901) — український педагог, письменник, журналіст, громадський діяч. Навчався в Харківському ун-ті I 509, 605, 627; II 38, 142

Говорський Ксенофонт — видавець-редактор «Вестника Юго-Западной и Западной России», київського періодичного видання (1862—1864) I 546

Гоголєв Максим — товариш О. Ф. Кістяківського по Чернігівському духовному училищі I 231

Гоголь — родина I 100, 121, 128, 172

Гоголь Ганна Василівна — сестра М. В. Гоголя I 633

Гоголь Єлизавета Василівна — сестра М. В. Гоголя I 79, 81, 633

Гоголь Марія Іванівна (з дому *Косярівська*, 1791—1868) — мати М. В. Гоголя I 633

Гоголь Микола Васильович (1809—1852) — письменник I 70, 79, 109, 120, 268, 411, 632, 633; II 9, 211, 212, 514

Гоголь Ольга Василівна — сестра М. В. Гоголя I 633

Гогоцька Євдокія Іванівна — дружина С. С. Гогоцького, власниця газети «Киевский телеграф» I 34, 53, 59, 76, 77, 86, 87, 104, 139, 140, 174, 178, 297, 317, 369, 420; II 106, 321, 323

Гогоцький Сильвестр Сильвестрович (1813—1889) — професор кафедри філософії Київського ун-ту I 53, 54, 59, 77, 92, 93, 177, 190, 208, 266, 307, 318, 387, 392, 395, 402, 547

Гогоцькі — подружжя I 53, 77

Голембієвський — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» II 89

Голенищева-Кутузова-Толстая II 398

Голицин Володимир Васильович — чиновник особливих доручень при Міністерстві державного майна II 224

Головацький Яків Федорович (1814—1888) — український поет, педагог, професор російської мови і літератури Львівського ун-ту I 517

Головач Степан Трохимович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1870), інспектор головного тюремного управління Міністерства внутрішніх справ I 379, 397; II 486, 489, 492

Головачов Олександр Степанович — начальник правління Київського округу шляхів сполучень II 352

Головачова — клієнтка О. Ф. Кістяківського I 420, 422, 426, 428, 432

Головін Харлампій Сергійович — викладач Петербурзького технологічного ін-ту II 496

Головіна Євгенія Платонівна — дружина Х. С. Головіна II 496

Головіни — подружжя II 496

Головінський З. З.— землевласник і власник цукрового заводу у с. Великі Прицьки Канівського пов. I 152

Головкінський Микола Олексійович (1834—1897) — геолог; професор геології Київського ун-ту (1868—1871) II 133

Головнін Олександр Васильович (1821—1886) — міністр народної освіти (1862—1866) I 326, 608

Голубцов Сергій Платонович — таємний радник, попечитель Одеського і Київського учбових округів (останнього в 1880—1881 рр.) I 382; II 113, 115, 139, 145, 147, 156, 159, 162, 163, 182, 274, 293, 321, 340, 343, 344, 383, 431, 443, 455, 456, 458, 459, 473, 475, 482, 484, 485, 498, 499, 502

Гольденберг — київський купець **II** 95
Гольденберг Григорій Давидович (1855—1880) — революціонер-народник **II** 322, 323, 346, 348, 365
Гольцев Віктор Олександрович (1850—1906) — публіцист, доцент юридичного факультету Московського ун-ту, фахівець у галузі фінансового права і політичної економії; редактор журналу «Юридический вестник» **I** 555; **II** 244, 438, 491
Гольцендорф Франц (1829—1889) — німецький криміналіст і публіцист **I** 246
Гомер — давньогрецький поет **II** 166
Гончаровський — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» **II** 100
Гончаров Сергій Сергійович — прокурор Київської, згодом Казанської судової палати **I** 79, 84, 86, 89, 94, 110, 124, 125, 180, 182, 183, 201, 295, 417, 516; **II** 104, 317
Горацій (65—8 до н. е.) — римський поет **II** 166
Горб-Ромашкевич Феодосій Кузьмович (1857—1907) — юрист, професор кафедри фінансового права Варшавського ун-ту **I** 566, 591
Гординський Георгій Миколайович — губернський секретар Подільської палати карного і цивільного суду **II** 353
Горжковський — збирач українських старожитностей **I** 13
Горидько — службовець адміністрації Городищенського цукрового заводу **I** 91, 97, 343
Горлов — київський домовласник **II** 77
Горова — дружина В. Ф. Горового **I** 517
Горовий Василь Федорович — інспектор народних училищ Брацлавського, Гайсинського і Ямпільського пов. Подільської губ. **I** 272, 327, 330, 342, 343, 395, 517, 624; **II** 18, 36, 97, 274, 294
Горовиць — банківський діяч **I** 67; **II** 71
Городиський А.? — юрист, автор дослідження «Влияние Беккарии на русское уголовное право», надрукованого в «Журнале Министерства юстиции». Часть неофициальная (Кн. 3.— 1864) **I** 579, 595
Горонович Іван Іванович — член Київського юридичного товариства **II** 322, 396
Горошковський — житель с. Великі Будки (тепер у Сумській обл.) **I** 480
Горчаков Олександр Михайлович (1798—1883) — російський дипломат, державний канцлер **I** 222, 229, 562
Горя — див. *Кістяківський І. О.*
Гособов? Е.? И.?— пермський кореспондент О. Ф. Кістяківського **II** 131
Гофман Ернест Карлович (1801—1871) — доктор філософії, ординарний професор кафедри мінералогії і геології Київського ун-ту **I** 169
Гоциський (Гациський) Олександр Серафимович (1838—1893) — літератор, історик, статистик, громадський і земський діяч, дослідник Нижньоновгородського краю **I** 395, 396, 399, 400, 550, 551, 573, 579, 586
Грабар Микола Степанович — сенатор, почесний член Київського юридичного товариства **II** 132
Грабар Ольга (з дому *Добрянська)* — в москвофільському процесі звинувачена у державній зраді (1881) **II** 374
Грабовський Міхал (1804—1863) — польський літературний критик, письменник **I** 353
Грабовські — власники Олександрівського цукрового заводу **I** 158; **II** 100, 170
Градовський Григорій Костянтинович (1842—1916) — російський журналіст **I** 111, 295, 369, 635; **II** 183
Градовський Олександр Дмитрович (1841—1889) — юрист-державознавець, публіцист, професор державного права Петербурзького ун-ту **I** 303, 551; **II** 318, 457, 488, 489
Гракхи (брати) — Тіберій і Гай, політичні діячі Давнього Риму **I** 390
Грановський Тимофій Миколайович (1813—1885) — російський учений і громадський діяч; професор загальної історії Московського унту (1839—1855) **I** 45, 172, 217, 411, 450, 501; **II** 112, 263
Грант Ілісс-Сімпсон (1822—1885) — президент США (1869—1877) **I** 125, 143, 190
Граціанов Милій Васильович — персонаж нарису М. Є. Салтикова-Щедріна «Притулок Монрепо» **II** 118, 145
Грачевський Михайло Федорович (1849—1887) — російський революціонер, народоволець **II** 413
Гребенщиков Григорій Іванович — голова Мінської судової палати **I** 232
Гребенюкова — вдова **II** 46
Гребінь — київський прикажчик **I** 71
Греві Франсуа-Поль (1807—1891) — французький політичний діяч, президент (1876—1887) **II** 90, 99
Грейг С. В.— державний контролер Росії (1874—1878) **I** 223, 478
Грейг Самуїл Олексійович — міністр фінансів Росії (1878—1880) **II** 241, 249, 299
Греков Віктор Іванович — справник Городнянського повітового поліцейського управління **II** 87
Греков Христофор Іванович (1840—1894) — чоловік Г. О. Милорадович **II** 160, 161, 173, 180, 325
Грекова Ганна — див. *Милорадович Г. О.*
Грекови — родина **II** 180, 222, 250, 251, 275, 292, 313, 393
Грессер — дружина П. А. Грессера **II** 398
Грессер Петро Аполлонович — петербурзький градоначальник **II** 398
Греч Микола Іванович (1787—1867) — російський журналіст і письменник **I** 471, 546
Грибоєдов Олександр Сергійович (1794—1829) — російський письменник **II** 213, 510
Григораш Михайло — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1878) **I** 357
Григоренко — член Київського комітету товариства денних притулків **II** 317
Григоренко Федір Васильович — київський мировий суддя **II** 444
Григорій (Грицько) — двірник О. Ф. Кістяківського **II** 15, 57, 152, 266, 333, 335, 365
Григорій — див. *Милорадович Г. О.*
Григорович Дмитро Васильович (1822—1900) — письменник і мистецтвознавець. Навчався у Петербурзькій Академії мистецтв (1836—1840), де зблизився з Т. Г. Шевченком **II** 427

Григорович-Барський Василь Григорович (1701—1747) — український мандрівник і філософ. Автор книги «Мандри Василя Григоровича Барського по святих місцях Сходу з 1723 по 1744 рр.» I 342

Григор'єв Василь Васильович (1816—1881) — російський вчений-орієнталіст і публіцист, професор Петербурзького ун-ту кафедри історії Сходу; начальник Головного управління у справах друку (1874—1880) I 491; II 240, 249, 283

Григор'єв Матвій Григорович (1859—?) — робітник; учасник демонстрації на Казанській площі (1876) I 345

Гриневський — див. *Карвольський-Гриневський Д. К.*

Грицько —продавець бубликів I 41

Гродський — приятель В. Д. Спасовича I 39

Громека Степан Степанович (1823—1877) — публіцист (в 60-х роках друкувався в «Отечественных записках», «С.-Петербургских ведомостях», «Современнике», «Русском вестнике»), протягом десяти років седлецький губернатор I 87, 204, 337, 461

Громницький Михайло Федорович — присяжний повірений, судовий обвинувачувач; товариш прокурора Московського окружного суду (з 1866 р.) I 67

Громов Григорій Гнатович (1854—?) — робітник; учасник демонстрації на Казанській площі (1876) I 345

Гроссман — студент юридичного факультету Казанського ун-ту I 321, 322, 383, 395

Грот Джордж (1794—1871) — англійський історик античності I 184; II 204

Грот Костянтин Карлович — член Державної ради Росії II 41

Грот Яків Карлович (1812—1894) — російський учений в галузі мови і літератури I 81, 613

Грохольський — землевласник Волинської губ. II 167

Грохольський Казимир (1815—1888) — австрійський політичний діяч, юрист за освітою, член австрійського рейхсрату II 440

Грудзинський Іван Григорович (1834—?) — помічник проректора Київського ун-ту (з 1879 р.) I 523, 535, 536; II 26, 457

Губський Микола — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 552

Гудима Ю. К.— адвокат, повірений міжнародного банку I 80, 81

Гудим-Левкович — глава київської родини II 398

Гудим-Левкович Сергій Миколайович — київський губернатор (1881—1885) II 401, 402, 405, 418, 433, 465, 473, 483, 484, 500

Гудим-Левковичі — київська родина II 398

Гудимка — прізвисько С. М. Гудима-Левковича II 402

Гудович — графиня, дядина братів Лизогубів I 484

Гудович В. В.— граф, петербурзький губернський предводитель дворянства I 484; II 497

Гудько — утримувач київської приватної школи I 499

Гуковська Вікторія Леонтіївна (бл. 1864—1881) — революціонерка-народниця I 483

Гулак-Артемовська — дружина П. П. Гулака-Артемовського I 358

Гулак-Артемовський Петро Петрович (1790—1865) — український поет; професор історії Харківського ун-ту; ректор (1841—1849) I 358

Гумбольт Александр-Фрідріх (1769—1859) — німецький природознавець, географ і мандрівник I 258

Гурко Йосип Володимирович (1828—1901) — генерал-ад'ютант, командуючий російською армією під час російсько-турецької війни (1877—1878); петербурзький (з 1879 р.), одеський генерал-губернатор (з 1882 р.) I 476, 561, 562, 591; II 8, 60, 75

Гурович Яків Юхимович (1858—?) — студент Медично-хірургічної академії; учасник демонстрації на Казанській площі (1876) I 345

Гус Ян (1369—1415) — чеський мислитель, діяч Реформації I 412; II 74

Гюббенет Борис Якович фон — київський поліцеймейстер (1865—1882) I 271, 291, 401, 497, 547, 618; II 129, 293

Гюббенет Християн Якович (1822—1873) — доктор медицини, заслужений ординарний професор кафедри теоретичної хірургії Київського ун-ту I 230; II 175

Гюбнер Йозеф (1811—1892) — австрійський дипломат I 553

Д.— не встановлена особа I 492

Д. В. (криптонім *Воейкова Дмитра Івановича*, 1843—1896) — російського публіциста, автора книги «Земство и призыв правительства к борьбе с революционною пропагандою» (Женева, 1879) I 452

Давиденко В. І.— власник київської друкарні I 321

Давиденко Іван Якович — присяжний повірений, член Київського юридичного товариства I 517, 520, 552, 565; II 64, 80, 160, 169, 175, 242—244, 294, 303, 325

Давиденко Йосип Якович (бл. 1856—1879) — революціонер-народник I 483

Давидова — київська співачка II 180

Давидови — російський дворянський рід II 170

Данд Розальба — бонна у родині О. Ф. Кістяківського I 296, 350, 352

Даневський Всеволод Пієвич (1852—1898) — юрист, професор кафедри міжнародного права Харківського ун-ту I 572

Данилевський — мировий посередник I 397

Данилевський Дмитро Іванович — київський губернський прокурор I 293

Данилко — товариш дитинства І. О. Кістяківського I 537

Данилов Володимир — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1876) I 246, 391

Данкен Йосип Антонович — учитель, згодом — штатний наглядач Роменського дворянського училища I 286, 294, 309, 310, 318, 319, 362, 390, 399, 400, 407—409, 417, 508, 509, 517, 530, 531; II 15, 104, 109, 142, 173, 266, 270, 271, 293, 310, 322

Дараган Іван Петрович (1767—1845) — київський полковник I 275

Дараган Михайло (?—1875) — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1857)

член Харківської судової палати I 287; II 294
Дараган Михайло Петрович — чернігівський губернатор (1876—1878) II 63
Дараган Олександр — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1880) II 294
Дарвін Чарльз-Роберт (1809—1882) — англійський природодослідник I 550; II 188
Даргомижський Олександр Сергійович (1813—1869) — російський композитор I 635
Дахнович Степан Олександрович — інспектор Ченстоховської прогімназії II 202, 203, 205, 206, 208
Дашкевич Микола Павлович (1852—1908) — магістр загальної історії літератури Київського ун-ту. Автор дослідження «Из истории средневекового романтизма. Сказание о св. Грале» (К., 1877) I 356, 396; II 493, 495
Дебагорій — див. *Дебагорій-Мокрієвич П. А.*
Дебагорій-Мокрієвич П. А.— домашній учитель у родині О. Ф. Кістяківського, студент Київського ун-ту I 525, 526; II 61, 72, 126, 142, 149, 309
Дебоа Олександр Олексійович — голова Петербурзького військово-окружного суду II 21
Дебагорій (Дебагоріо)-Мокрієвич (Мокрієвіч) Володимир Карпович (1848—1926) — український революціонер-народник II 444
Дегаєв Сергій Петрович (1857—1920) — учасник народницького руху, провокатор II 445, 454, 459
Дегтяр — київський домовласник I 419
Дейч Лев Григорович (1855—1941) — революціонер-народник, учасник Чигиринської змови (1877). Автор спогадів I 486, 580; II 365, 409
Делатамболь — київський домовласник I 8
Делюсто С. Ф.— присяжний повірений, член Київського юридичного товариства I 499, 612, 627; II 64, 80, 115, 142, 244, 249, 258, 494
Делянов Іван Давидович (1818—1897) — граф, товариш міністра народної освіти (з 1866 р.), міністр (1882—1897) I 98, 102, 327; II 383, 457, 464, 485—487, 490, 491, 493—497, 501, 503—505
Демелич Ф.— юрист. Автор статті «Обычное право южных славян», опублікованої в «Юридическом вестнике» (1876—1877) I 360, 362
Демидов — див. *Лопухін М. П.*
Демидов Павло Павлович (граф Сан-Донато, 1839—1885) — голова Київської міської думи I 33, 41, 46, 61, 63, 80, 81, 112, 122, 219, 221, 230, 254, 498
Демидова — дружина П. П. Демидова I 347
Демченки — подружжя I 146, 162, 184, 223, 257, 273, 322, 323, 332, 337, 342, 349, 370, 389, 418, 420—423, 426; II 48
Демченко Василь Григорович (1831—1914) — професор цивільного права Київського ун-ту I 34, 42, 44, 49, 54, 67, 74, 77, 81—83, 90, 99, 102, 104, 105, 109, 112, 119, 122, 127, 131, 134, 145, 148, 161, 162, 164, 165, 168—170, 175, 184, 185, 191, 200, 201, 218, 220, 227, 232, 240, 241, 244, 251—253, 264—266, 269, 272, 283, 285—289, 292, 293, 307, 308, 310—314, 323, 324, 328, 332, 338, 350, 357, 363, 371, 374, 376, 382, 385, 389, 390, 394, 399, 402, 405, 406, 422, 424, 428—430, 432, 435, 494, 506, 514, 519, 532—534, 545, 554, 561, 565—568, 578, 579, 584, 589, 592, 601, 603, 614, 629, 630; II 11, 12, 22, 23, 26—28, 37, 38, 44, 47, 49, 80, 84, 104, 106, 114, 115, 117, 121, 127—129, 138, 150, 166, 175, 184, 249, 250, 257, 260, 267, 272, 273, 277, 281, 293, 305, 316, 319, 335, 347, 352—355, 361, 369, 371—373, 393, 396—398, 424, 425, 427, 429, 474, 498
Демченко Гриша — син В. Г. Демченка I 54, 297, 370; II 11, 269
Демченко Тишко — товариш дитинства О. Ф. Кістяківського I 503
Демченкова — дружина В. Г. Демченка I 298, 338, 362, 363, 418, 426; II 7
Держиморда — прізвисько М. І. Черткова I 537, 560; II 123, 265, 290
Дериченко — городищенський лікар II 437
Десницький І. С.— член Київської судової палати і Київського юридичного товариства II 325
Джалалов Ерванд — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880) II 175, 271, 275, 276, 282, 288, 325, 493
Дзюблевський Іван Федорович — директор Ровенської гімназії II 36
Дибковський Володимир Іванович (1836—1870) — доктор медицини, ординарний професор кафедри фармакології і загальної терапії Київського ун-ту I 57, 208, 209, 316
Дидинський Феофіл Максимович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1855), екстраординарний професор римського права Варшавського ун-ту. Рецензія К. А. Мітюкова на працю Ф. Дидинського «Начала русского права» опублікована в «Университетских известиях» (1876.— № 10—12) I 210
Дикий А. І.— власник саду у Києві, учитель Другої київської гімназії II 244
Дімінський Андрій Іванович (1829—1905) — український фольклорист і етнограф. Збирав матеріали про звичаєве право для О. Ф. Кістяківського I 531, 539, 559, 579, 591; II 15, 16, 325
Дімінський Йосип Андрійович (1857—1893) — український фольклорист і етнограф I 582, 583
Димський Лев — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1879) I 517
Димський Модест Гаврилович — інспектор народних училищ Чернігівської губ. II 173, 510
Діаконов — київський антиквар I 426, 427
Дідик — селянин I 392
Діоніс — у грецькій міфології бог рослинності, родючості і виноробства II 494
Дмитренко Прокіп — актор першої пол. XIX ст., автор водевілю «Кум-мірошник, або сатана в бочці» (1850) II 515
Дмитро — див. *Антонович Д. В.*
Дмитро — див. *Лизогуб Д. А.*
Дмитро — див. *Тальберг Д. Г.*
Дмитро Андрійович — див. *Толстой Д. А.*
Добринін Олександр — мінський єпископ I 634
Доброгаєв Іван — учитель Ямпільського двокласного училища II 18, 104, 207, 293, 294, 325
Доброгаєв (Доброчаєв) Іван (Іоанн) — священик, товариш О. Ф. Кістяківського по Чернігівській семінарії I 7, 579, 591; II 18
Добролюбов Микола Олександрович (1836—1861) — російський літературний критик I 618; II 23
Доброславін Олексій Петрович (1842—1889) —

громадський діяч, професор гігієни Медично-хірургічної академії (з 1876 р.) II 493

Добрянські — батько, Добрянський Адольф (1817—1901) — підкарпатський політичний діяч і письменник, та його донька, Ольга Грабар II 374

Довгочхун Іван Ничипорович — персонаж «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» М. В. Гоголя I 130

Долгорукий Василь Андрійович (1803—1868) — російський державний діяч, шеф жандармів і головний начальник 3-го відділення в. й. і. в. канцелярії (1858—1866) I 608; II 307

Долгоруков Василь Михайлович — петроковський губернатор II 224

Долгоруков Володимир Андрійович — московський генерал-губернатор II 30

Долгорукови — князівський рід II 204

Долгушин Олександр Васильович (1848—1885) — російський революціонер-народник I 334, 345

Должанський Опанас Григорович — присяжний повірений Варшавського окружного суду, член Київського юридичного товариства II 308

Долженко I 71

Должиков — київський антиквар I 62; II 292

Долинський — чиновник Київського губернського управління I 79

Домерников Павло Васильович — товариш обер-прокурора касаційного департаменту Сенату II 488

Домінін — власник пиріжкової у Петербурзі I 507

Домочані (Демочані) Микола Миколайович — секретар Київської міської думи II 315

Донат — службовець Київського товариства водопроводу I 143

Дондуков — див. *Дондуков-Корсаков О. М.*

Дондуков-Корсаков Олександр Михайлович (1820—1893) — князь, київський, подільський і волинський генерал-губернатор (з 1869 р.), тимчасовий харківський генерал-губернатор і командуючий Харківським військовим округом (з 1880 р.), головнокомандуючий військами Кавказького військового округу (1882—1890) I 45, 60, 64, 76, 146, 171, 182, 185, 186, 249, 259, 295, 296, 309, 351, 398, 632; II 34, 105, 123, 124, 205, 220, 247, 398, 399

Дон Жуан — літературний персонаж I 69

Дон Базіліо — герой опери Россіні «Севільський цирульник» I 365, 377, 392; II 340

Дон-Карлос (Карлос дон Молодший, 1848—1909) — вождь карлістів, представників клерикально-абсолютистської політичної течії в Іспанії, який претендував на престол. Розв'язав громадянську війну в країні (1872—1876) I 345, 346

Дон Кіхот — літературний персонаж I 73

Дон-Педро (Педро П., 1825—1891) — бразільський імператор (1840—1890) I 185

Дорош — підсудний II 314

Дорошевський — наглядач чернігівських духовних повітового і парафіяльного училищ II 164

Достоєвський Федір Михайлович (1821—1881) — російський письменник I 20, 132, 134, 634; II 103

Драгоманов Михайло Петрович (1841—1895) — український громадський діяч, публіцист, історик, літературознавець, етнограф, соціолог I 10, 20, 28, 29, 33, 34, 37—39, 43, 58, 59, 64, 68, 70, 77, 89, 98, 99, 107, 108, 113, 118, 122, 123, 127, 147, 148, 172, 174, 175, 177—179, 186—188, 214, 217, 218, 242, 248, 249, 259—264, 279, 290, 295—306, 308, 309, 312, 318, 330, 390, 392, 394, 397, 434, 455, 470, 491, 505, 513, 632, 635, 642; II 23, 24, 26, 27, 74, 88, 105—107, 115, 143, 148, 157, 158, 165, 176, 179, 199, 202, 214, 226, 234, 247, 266, 276, 305, 306, 310, 311, 313, 347, 354, 375, 392, 406, 407, 414—416, 418, 426, 428, 430—432, 435, 440, 455, 460, 492, 510, 514, 515

Драгоманова Людмила Михайлівна (1844—1918) — дружина М. П. Драгоманова II 107

Драгоманови — родина М. П. Драгоманова II 266

Драгомирецький — київський присяжний повірений II 443

Драгомиров Михайло Іванович (1830—1905) — російський військовий діяч, генерал від інфантерії II 492, 496

Дрентельн — дружина О. Р. Дрентельна II 470

Дрентельн Олександр Романович (1820—1888) — командуючий Київським військовим округом (1872—1877), головний управляючий 3-м відділенням в. й. і. в. канцелярії (1878—1880); київський, подільський і волинський генерал-губернатор, тимчасовий полтавський і чернігівський (з 1881 р.) I 60, 116, 543, 554, 592, 608; II 85, 92, 137, 283, 298, 335, 338, 378, 382, 402, 418, 433, 456, 459, 462, 469, 473—475, 483, 484, 489, 498—501, 503, 504

Дрига Володимир Васильович (1849 — ?) — дворянин Чернігівської губернії; управляючий маєтками Д. Лизогуба II 84, 87, 323

Дриль Дмитро Андрійович (1846—1910) — юрист-криміналіст I 12; II 464, 486, 491, 493, 497

Дробязгін Іван Васильович (бл. 1851—1879) — революціонер-народник I 619

Друцькой-Соколинський Олександр Володимирович — віце-губернатор Подільської губ. I 101, 547, 548

Дубельт Леонтій Васильович — управляючий 3-м відділенням в. й. і. в. канцелярії (1839—1856) II 281, 282, 307, 308, 514

Дубровін Володимир Дмитрович (1855—1879) — революціонер-народник I 530

Дубровський Петро Петрович (?—1806) — секретар і перекладач російської місії у Парижі; дід Гулак-Артемовської; зібрав колекцію рукописів і мініатюр I 358

Дукмасов — полковник, карлсбадський знайомий О. Ф. Кістяківського II 374

Думашевський Арнольд Борисович (? — 1887) — російський юрист I 271, 303; II 291

Дунаєвський Юліан (1822—1907) — австрійський політичний діяч, член палати депутатів рейхсрату II 440

Дураков — петербурзький жандармський полковник I 626

Дурново Іван Миколайович (1830—1903) — державний діяч Росії, товариш міністра внутрішніх справ (1882—1886) II 490

Дутц — власник карлсбадського кафе II 225, 227

Духовський (Духовской) Михайло Васильович (1849—1903) — криміналіст і громадський діяч; доцент Демидівського юридичного ліцею. Заарештований за підозрінням у народницькій пропаганді (1874). Викладач Московського ун-ту (з 1885 р.) I 49, 383; II 248

Дювернуа (Дівернуа) Микола Львович (1836—1906) — юрист, дослідник римського права, професор Новоросійського ун-ту (1874—1881) I 187; II 489, 490

Дюрінг Карл-Євген (1833—1921) — німецький філософ і економіст. У Щоденнику О. Ф. Кістяківський про смерть Дюрінга вказав помилкові дані I 547

Дяченко Микита Андрійович (1809—1877) — доктор математики і астрономії, заслужений ординарний професор кафедри чистої математики Київського ун-ту I 606

Дьяков — див. *Мальований В. Г.*

Дьяков Олександр Олександрович (1845—1895) — російський белетрист і фельєтоніст II 247

Еггер — віденський антиквар II 198

Едуард — слуга I 640; II — 216, 228

Еймеріх — повірений у справах маєтків Воронцова II 463

Ейсман — дружина В. А. Субботіна I 498

Ейсман Густав Іванович (1824—1884) — магістр цивільного права Київського ун-ту, київський міський голова (1872, 1878, 1882—1884) I 33—35, 38, 40, 42—44, 48, 74, 76, 100, 108, 111, 331, 352, 374, 375, 377—379, 383, 400, 497—499, 507, 517, 518, 593, 597; II 7, 49, 52, 55, 57, 99, 124, 125, 131, 189, 260, 280, 315, 342, 375, 397, 404, 405, 409, 425, 438, 439, 449, 454, 463

Ейхвальд Едуард Іванович (1795—1876) — російський природознавець I 258

Ейхельман Отто Оттович (1854 — ?) — доктор міжнародного права Демидівського юридичного ліцею, ординарний професор Київського ун-ту (з 1883 р.) II 130, 411, 442

Екземплярський І. Т.— священик Колегії Павла Галагана I 330

Еленмайєр — професор Гейдельберзького ун-ту I 57, 115, 170, 219, 536; II 127

Елефант — власник карлсбадського кафе I 639; II 203

Елі Бомон Жан-Батист-Жак де (1732—1786) — французький юрист, адвокат паризького суду I 34; II 80

Елкін — помічник присяжного повіреного у Москві I 515

Елпідін Михайло Костянтинович (1835—1908) — російський революціонер-шестидесятник, видавець I 642

Ельперін — постачальник дров Києво-Печерській лаврі I 78, 79, 94, 97, 347, 429

Ельснер — маклер I 84

Емерік — голова бельгійського товариства взаємного кредиту I 255, 256

Ергардт Федір Федорович (1828—1888) — доктор медицини, заслужений ординарний професор кафедри державного медикознавства Київського ун-ту I 38, 63, 97, 106, 112, 113, 115, 116, 124, 148, 164, 194, 208, 220, 259, 307, 309, 355, 372, 384, 526, 528, 529, 531—533, 536, 537, 561, 563, 600, 620; II 44, 96, 117, 122, 128, 155, 157, 174, 175, 270, 286, 314, 334—336, 341, 353, 373, 411, 412, 430, 434, 503

Еренбург — чеський барон I 419

Ернрот — російський генерал, військовий міністр у Болгарії II 350, 354

Есманська Ірина — мати О. Ф. Кістяківського I 7

Есманський Дмитро Дмитрович — товариш дитинства О. Ф. Кістяківського I 41

Ессен Петро Кирилович (1772—1844) — петербурзький військовий генерал-губернатор I 452

Є.— не встановлена особа I 283

Євген — див. *Романович-Славатинський Є. В.*

Євген — іеромонах Києво-Печерської лаври, охоронець лаврської книгарні I 87, 101

Євецький — студент юридичного факультету Харківського ун-ту, стипендіат; його магістерська дисертація була визнана незадовільною I 323, 328

Євреїнов Григорій Олександрович — прокурор Одеської судової палати, обер-прокурор Сенату I 469

Євреїнов М. А.— товариш голови Київського окружного суду II 378

Єлизавета Олексіївна (1779—1826) — дружина Олександра I II 277

Єлизавета Петрівна (1709—1761) — російська імператриця (з 1741 р.) I 13, 14, 312; II 318, 319

Єлисей — згідно з Новим завітом, пророк, учень пророка Іллі, ревний його послідовник I 313

Єремєєв — гласний Київської міської думи, власник друкарні I 71, 76, 77, 89, 101

Єречнєв Володимир — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1877) I 102, 105, 183, 191, 193, 200, 294, 295, 633

Єрмаков Василь Петрович (1845 — ?) — екстраординарний професор кафедри чистої математики Київського ун-ту I 279

Єрмакови — подружжя I 185

Єроцький — чоловік сестри І. С. Іващенка II 48

Єроцькі — подружжя II 48

Єршов Олександр — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1879); чиновник Сенату, службовець державного банку I 404, 550, 562, 579; II 15, 27, 31, 82, 144, 220, 312, 322, 325, 486, 489—491, 494, 497

Єсипович Яків Григорович — сенатор цивільного відділу касаційного департаменту Сенату I 318

Єфименко Петро Савич (1835—1908) — український етнограф і фольклорист; чоловік О. Я. Єфименко. За участь у Харківсько-Київському таємному товаристві був на засланні (1860—1870) у Пермській, потім Архангельській губ. I 95, 103, 105, 107, 269, 270, 272, 404, 434, 551; II 110, 111, 132, 262, 275, 307, 313, 322, 325

Єфремов Петро Олександрович — директор Петербурзького державного банку II 21

Єфремов Петро Олександрович (1830—1907) — російський бібліофіл, бібліограф II 494—496

Єфромова — дружина священика, клієнтка О. Ф. Кістяківського II 136
Єфрусі — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 141

Жаров — міщанин II 304, 305
Жданов Іван Степанович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1874); чиновник акцизного управління; член Київського юридичного товариства I 78, 194, 623, 624; II 15—17, 31, 38, 47—49, 63, 68, 82, 96, 275, 322, 408, 427
Жданович Лев Іванович (1832 — ?) — професор кафедри законів державного управління Ніжинського ліцею кн. Безбородька, пізніше — директор Чернігівської земської семінарії та дирекції народних училищ Чернігівської губ. I 34, 163; II 474
Жебуньов Леонід Олександрович (1851—1919) — український громадський діяч II 396
Жевакін Балтазар Балтазарович — персонаж комедії М. В. Гоголя «Женитьба» I 410
Желваков Микола Олексійович (1860—1882) — російський революціонер-народник II 515
Желенговський — кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 360
Желехівський Євген Іванович (1844—1885) — український лексикограф і фольклорист. Закінчив Львівський ун-т (1869). Вчителював в українських гімназіях Перемишля і Станіслава (з 1872 р.). Один із засновників товариства «Просвіта». Автор «Малорусько-німецького словаря» (1886, Т. 1—2; т. 2 завершив С. Недільський) II 208—213, 216, 221, 225—227, 294, 307, 325
Желябов Андрій Іванович (1851—1881) — революціонер-народник II 339, 340
Женя — очевидно, племінник О. Ф. Кістяківського I 638
Жеребцов Микола — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1878) I 551; II 125, 314, 329
Жеребцова — дружина В. Х. Кравцова I 483
Животовський Володимир Дмитрович (1855 — ?) — студент Київського ун-ту, учасник березневого виступу (1878) II 260, 269
Жилинський — лікар II 241
Житецька Варвара Семенівна — дружина П. Г. Житецького II 157
Житецький Павло Гнатович (1836—1911) — український філолог, педагог і громадський діяч, член-кореспондент Петербурзької АН (з 1898 р.), член НТШ у Львові (з 1903 р.). Закінчив Київський ун-т (1864) I 10, 20, 64, 92, 121, 127, 259, 261, 347, 350 390, 391, 397, 511, 513, 514, 533, 534, 543, 544, 560, 566, 594, 625; II 33, 72, 73, 105, 106, 109, 137, 139, 142, 143, 148, 151, 157—160, 171, 175, 176, 183—185, 197, 239, 305—307, 310, 311, 313, 347, 364, 369, 372, 414, 415, 428, 430, 431, 435, 455, 458, 506
Житецький Родіон Олексійович (1851—1913) — український публіцист, громадський діяч, етнограф. Закінчив Київський ун-т. Викладав російську мову в Київському вчительському ін-ті. Висланий у Вятку (1879), в Архангельську губ. (1882) I 574; II 45, 413, 515
Жохов Олександр Федорович (1840—1872) — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1864); публіцист I 224
Жук — прізвисько В. М. Юзефовича II 431
Жуков А. Г.— голова Бердичівського з'їзду мировых суддів I 531, 559, 574, 582, 591, 601, 605
Жукова — клієнтка О. Ф. Кістяківського II 244
Жукович—студент Варшавського ун-ту II 413
Жукозський Василь Андрійович (1783—1852) — російський поет I 142
Жуковський Микола Іванович (1833—1895) — російський економіст, анархіст, член I Інтернаціоналу II 107
Жуковський Станіслав — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 552
Журавченки — батько і син I 389
Журавченко — син Журавченка I 96, 104
Журавченко — чернігівський священик, далекий родич О. Ф. Кістяківського I 95, 349, 389
Жур'ярі Іван Семенович — правитель канцелярії таврійського губернатора II 82, 109, 240, 275, 289
Жюль Сімон (1814—1896) — французький політичний діяч, публіцист і філософ; член академії, міністр освіти (з 1873 р.); сенатор I 255, 477, 478, 485, 501
Z — криптонім *Рігельмана М. А.* (1817—1881) I 54

Забелін Іван Єгорович (1820—1908) — російський історик і археолог, почесний член Петербурзької АН (з 1907 р.). Автор праці «История русской жизни с древнейших времен» (М., 1876—1879.— Ч. 1—2) I 519
Забіла (Забіло) Віктор — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 362, 363, 375, 381; II 55, 260
Забіла Віктор Миколайович (1808—1869) — український поет-романтик. Дружив з Т. Г. Шевченком I 168
Забіла Надія Михайлівна — див. *Білозерська Н. М.*
Забугін Микола Павлович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1870); віце-директор департаменту таможніх зборів I 36, 37, 103, 108, 109, 370, 373, 520, 576; II 18, 65, 129, 130, 243, 258, 315, 372
Завадський Йосип — власник київської університетської друкарні, член адміністрації Городищенського цукрового заводу I 36, 129, 151, 153, 157, 496; II 231
Завергаєв — клієнт О. В. Лохвицького I 106, 141
Завойко — дядько С. Суровцова I 344
Завойко — старший ревізор Київської контрольної палати I 142
Загоровський Олександр Іванович (1850 — ?) — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту; магістр цивільного права, викладач Демидівського юридичного ліцею; доцент Харківського і Новоросійського ун-тів. Автор праці «Незаконнорожденные по саксонскому и французскому гражданским кодексам в связи с принципиальным решением вопроса о незаконнорож-

денных вообще» (К., 1879) I 43, 73, 103, 109, 114, 458, 554, 567, 568, 571, 578, 579, 608, 627; II 31, 84, 85, 94, 131, 160, 166, 173, 202, 244, 251, 292, 310, 313, 325, 329, 361, 411

Загоскін Михайло Васильович (1830—1904) — інспектор військового і технічного училищ в Іркутську, редактор газет «Сибирь» і «Амур». Досліджував економічні відносини та юридичні звичаї в Іркутській губ. I 564, 574; II 173, 174

Задератський Микола Петрович (1845—1880) — славіст, один із діячів Київського відділу слов'янського комітету, вчитель латинської мови Другої київської гімназії I 391, 547; II 256

Зайденер Олександр Миколайович (1859—1891) — революціонер-народник I 483

Зайковський — знайомий О. Ф. Кістяківського II 135

Зайончевські — київські знайомі О. Ф. Кістяківського I 34

Зайцеви — російський дворянський рід II 169

Залеський — студент Київського ун-ту I 264

Зак Іосиф — закінчив медичний факультет Київського ун-ту (1880) із ступенем лікаря I 372, 373

Запорозький Іван Семенович — завідуючий будівельним відділенням Київського губернського правління II 124, 125

Зарудний Сергій Іванович (1821—1887) — державний діяч Росії, сенатор. Видав переклад книги Беккарії «О преступлениях и наказаниях» (1879) I 595; II 115, 494, 496

Засулич Віра Іванівна (1849 — 1919) — діячка російського революційного руху I 454, 636; II 7

Затиркевич Михайло — професор Ніжинського ліцею кн. Безбородька, магістр державного права I 47, 70

Заустинський — клієнт О. Ф. Кістяківського I 52

Захар'єва Катерина Олександрівна — сестра дружини О. І. Герцена, з дому Селіна I 634

Захарченко — студент Київського університету I 93; II 294, 321, 322

Захарчик Адріан — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1877) I 183, 294

Защинський — студент Київського ун-ту II 310

Зборжинькевич I 529

Зейферт — службовець Київського приватного комерційного банку II 405

Зейферт Ілля Іванович — гласний Київської міської думи I 441

Зелений Павло Олександрович (1840—1912) — голова повітової управи в Єлисаветграді, редактор-видавець газети «Одесский вестник», одеський міський голова I 105

Зеленський (Заленський) Олексій Володимирович (? — 1892) — предводитель дворянства Миргородського пов., голова Полтавської губернської земської управи I 562, 627; II 31, 109, 438

Зелинський — студент Київського ун-ту I 264

Зелькен (Зелькин) —кредитор I 36, 39

Земляника — персонаж комедії М. В. Гоголя «Ревізор» I 139, 371; II 258

Земялковський Флоріан (1817—1900) — австрійський державний діяч, депутат галицького сейму й австрійського парламенту —«міністр для Галичини» (1873—1888) II 440

Зенькевич Захар Хрисанович — ординатор терапевтичної клініки медичного факультету Київського ун-ту II 122

Зеньківська — донька кременчуцького священика II 146

Зибін — мировий суддя Радомишльського пов. I 163

Зиненко — ординатор Київського ун-ту I 113

Зібер Микола Іванович (1844—1888) — економіст. Закінчив юридичний факультет Київського ун-ту (1860), доцент, професор кафедри політичної економії і статистики Київського ун-ту (1873—1875) I 20, 43, 58, 59, 86, 228, 260, 632; II 115, 153

Зінін Микола Миколайович (1812—1880) — хімік-органік, академік Петербурзької АН (з 1865 р.). Закінчив Казанський ун-т (1833) I 85

Златопольський Савелій Соломонович (1855—1885) — учасник народницького руху; смертну кару було замінено каторжними роботами II 413

Знаменський Микола Васильович — помічник інженера департаменту залізниць Міністерства шляхів сполучень II 20

Зобов — капітан I 541

Зобова Ольга Павлівна — вдова, подруга юності О. Ф. Кістяківського I 540, 541

Зоіл — римський оратор, філософ і літературний критик IV—III ст. до н. е. II 120

Золотарьов — російський чиновник у Болгарії I 417

Золя Еміль (1840—1902) — французький письменник I 368, 636

Зубов — управляючий Волзько-Камським банком I 41

Зубов Микола Миколайович (1826—1890) — російський драматичний артист I 303

Іаков — біблійський персонаж I 276; II — 27, 360

Ібаєв — директор Київського банку I 84

Іван — див. *Білозерський І. І.*

Іван — син В. Б. Антоновича II 189

Іван Васильович — див. *Лучицький І. В.*

Іван Іванович — див. *Перерепенко І. І.*

Іван Іванович — див. *Рахманінов І. І.*

Іван Михайлович — див. *Саранчов І. М.*

Іван Ничипорович — див. *Довгочхун І. Н.*

Іван Павлович — див. *Матковський І. П.*

Іван Петрович — див. *Новосильцев І. П.*

Іван Терентійович — див. *Яхненко І. Т.*

Іван Трохимович — див. *Тарасов І. Т.*

Іван IV (Васильович) Грозний (1530—1584) — російський цар (з 1547 р.) I 207, 415

Іван Якович — див. *Фойницький І. Я.*

Іванишев Микола Дмитрович (1811—1874) — історик права, професор, декан юридичного факультету, ректор Київського ун-ту (1862—1865) I 29, 30, 33, 69, 118, 122, 180, 184, 347, 395, 401, 404, 532, 533, 606; II 204, 347, 425

Іванов — власник київського магазину канцелярських товарів II 306

Іванов — київський купець I 96

Іванов — мінський губернський стряпчий I 232

Іванов — учасник судового процесу у справі спадщини М. В. Гоголя I 80

Іванов Андрій Якимович (1840 — ?) — учитель латинської мови Першої київської гімназії (1862—1865, 1868—1871) I 606; II 304, 324, 325

Іванов В. Г.— діяч народницького руху, якого 1882 р. підпоручик Тиханович під виглядом караульного начальника вивіз з Київської в'язниці II 409

Іванов Гаврило Афанасійович (1826—1904) — ординарний професор римської словесності Московського ун-ту I 406

Іванов Гнат Кирилович (1858 — ?) — студент медичного факультету Київського ун-ту, учасник народницького руху II 52, 53, 82, 89

Іванов І. І.— студент Петровської академії, вбитий С. Г. Нечаєвим I 106, 633

Іванов Олександр Володимирович (1836—1880) — доктор медицини, ординарний професор кафедри офтальмології Київського ун-ту I 44, 59, 60, 108, 114, 115, 329, 384, 563; II 400

Іванова — див. *Іванова-Борейша С. А.*

Іванова-Борейша Софія Андріївна (1856—1927) — революціонерка-народниця. За участь у демонстрації на Казанській площі і за процесом 193-х засуджена до заслання в Архангельську губ. I 345

Іванюков Іван Іванович (1844—1912) — економіст, професор фінансового права Петровської академії II 443

Іващенки — брати Віталій, Іван та Яків Самійловичі II 9

Іващенко Віталій Самійлович — ректор Київської духовної семінарії II 9, 255

Іващенко Іван Самійлович (1850 — ?) — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1872); адміністративний і громадський діяч, гласний Петербурзької міської думи; дослідник банківської справи I 562, 605; II 9, 10, 15, 21, 38, 39, 48, 67, 106, 109, 183, 203, 207, 217, 310, 315, 352, 389, 486, 490, 494, 496

Іващенко Яків Самійлович — інспектор Третьої київської гімназії I 397; II 9

Іващенко (Іващенкова) М. П.— сестра Л. П. Кістяківської-Васильєвої II 168

Івенсен Ф. В.— заступник голови Київської міської думи I 36, 46, 48, 50, 101, 196, 419, 420

Ігнатовський Іван — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1869) I 600

Ігнатьєв —граф II 212

Ігнатьєв Микола Павлович (1832—1908) — російський державний діяч, посол у Туреччині (1864—1877), міністр внутрішніх справ (1881—1882) I 198, 199, 381, 555; II 348, 359, 422, 428

Ігнатьєва Єлизавета Іванівна (1855 — ?) — учасниця народницького руху II 395

Ігнатьєви — петербурзька графська родина I 400

Ігор (Горя) — див. *Кістяківський І. О.*

Ізопольський — студент медичного факультету Київського ун-ту II 162

Ієрінг (Ігерінг) Рудольф (1818—1892) — німецький вчений-юрист; автор праць «Дух римського права» (рос. переклад 1875 р.), «Боротьба за права» (рос. переклад 1874 р.) і «Ціль і право» (рос. переклад 1881 р.) I 68—72, 85, 91, 92

Ієронім (330—419) — учений католицької церкви II 265, 268

Ізраїль —згідно з біблійською традицією, ім'я, яким називались іудеї II 313, 360

Ізраїль — див. *Бродський І. М.*

Ісус — див. *Христос*

Іконников Володимир Степанович (1841—1923) — професор російської історії Київського ун-ту, академік Петербурзької АН (з 1914 р.), академік УАН (з 1920 р.). Один із засновників і голова Історичного товариства Нестора-літописця I 6, 35, 47, 53, 71, 98, 117, 142, 145, 217, 218, 238, 304, 381, 386, 395, 398, 399, 402, 419, 430, 561; II 64, 131, 313, 323, 347, 409, 429, 464, 498

Іконников Михайло Степанович — київський губернський архітектор I 547

Іларіон — намісник Києво-Печерської лаври II 7

Ілюша — див. *Милорадович І.*

Ілля — біблійний персонаж, пророк I 313

Іловайський Дмитро Іванович (1832—1920) — російський історик і публіцист I 363; II 236

Ільдомський К.— кандидат юридичного факультету Московського ун-ту I 551

Ільїн Олексій Афіногенович (1832—1889) — генерал-лейтенант, картограф II 492

Ільїна — співачка I 76

Ільїнський — киянин, знайомий О. Ф. Кістяківського по Карлсбаду I 450; 452; II 267

Ільницька — дружина Ільницького I 482, 610

Ільницький — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту I 80, 259

Ільницький — землевласник с. Великі Будки, ветеринар I 482, 611

Ільницький Лука Васильович (1844 — ?) — член Старої громади; власник київської друкарні і книгарні; свояк О. І. Кістяківської I 62, 75, 93, 97, 111, 129, 178, 298, 315, 360, 363; II 67, 72, 88, 93, 242, 244, 258, 260, 293, 303, 316, 414, 415

Ільницькі — подружжя I 212; II 72

Ільюченко Євген — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1877) I 212, 294

Ільяшенко — старший голова Петербурзької судової палати II 495

Ільяшенко Степан Костянтинович (1849—1907) — учитель математики Першої київської гімназії II 9

Ільяшенкова (Ільяшенко) Варвара Костянтинівна (бл. 1855 — ?) — учасниця демонстрації на Казанській площі (1876) I 345

Іляшенко — приятелька Д. Бородіна I 246

Імеретинський Микола Костянтинович — князь, член Головного штабу II 186

Інглер — сусід П. Г. Житецького II 157, 160

Інокентій (Борисов Іван Олексійович, 1800—1857) — богослов, херсонський і таврійський єпископ (1848); вікарій київський; ректор Київської духовної академії I 69; II 205, 206, 219, 286

Іносов — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 174

Іоаникій — варшавський архієрей I 87
Іоаникій (Рудиев Іван Максимович, 1826—1900) — митрополит київський і галицький II 215
Іоаницький — ієромонах Києво-Печерської лаври I 90
І-ов Є. І.— купець II 192
Іоникій (Іоаникій) — монах Києво-Печерської лаври, діловод I, 82, 138; II 7, 10, 76, 149
Іонін Василь Іванович — товариш голови Полтавського окружного суду I 274
Іорданська — дружина Іорданського I 541
Іорданський — власник дачі в Голосієво I 541
Іп. Ів. Б-ов — криптонім *І. І. Богданова*
Ір — персонаж «Одіссеї» Гомера II 103, 251
Ірод (73—4 до н. е.) — іудейський цар II 44
Ісаак — біблійний персонаж II 27
Ісаак — син М. Д. Вайнштейна I 72
Ісаєв Андрій Олексійович (1851 — ?) — російський економіст, професор кафедри політичної економії і фінансового права Демидівського юридичного ліцею II 250
Ісаєв Григорій Прокопович (1857—1886) — російський революціонер-народник II 413
Ісаєвич Марія Олексіївна — адресат О. Ф. Кістяківського з Петербурга I 458, 550, 551, 627; II 69, 266
Ісаєвич П. П.— чоловік М. О. Ісаєвич II 69
Ісаков Микола Васильович (1821—1891) — генерал-ад'ютант, начальник військово-навчальних закладів Росії (1863—1881) I 543, 544; II 137, 143, 148, 157, 175, 184, 351
Ісаков Яків Олексійович (1841—1884) — видавець у Петербурзі I 251, 301
Ісидор (Ісиодор, Нікольський Іаков Сергійович, 1799—1892) — митрополит київський (1858—1860), новгородський і петербурзький (1860—1892) II 8, 219, 436, 494
Іскандер — літературний псевдонім *О. І. Герцена* I 171, 304, 336, 614, 615; II 112, 141
Іскра — мировий суддя Радомишльського пов., шурин О. В. Романовича-Славатинського I 163, 201, 285, 286
Істомін — студент Київського ун-ту I 293, 294
Істомін Павло Михайлович — купець, гласний Київської міської думи II 136
Істоміни — брати I 294
Іуда — один з 12 апостолів Христа, який запродав свого вчителя I 546; II 34, 126, 313
Іцько — прізвисько Н. А. Хржонщевського I 169
Іщенкова (Іщенко) Гапка — поетеса, учасниця громадівського руху II 297

Кабліц Йосип Іванович (1848—1893) — літературний псевдонім *Юзов*, публіцист, учасник народницького руху I 52
Кавелін Костянтин Дмитрович (1818—1885) — письменник, юрист, психолог, етнограф і громадський діяч; професор Московського ун-ту I 332, 333; II—63, 185, 472, 510, 511, 514
Казановський — директор адміністрації Городищенського цукрового заводу I 149, 154, 157, 158, 168, 169, 353, 360, 361; II 89
Казанський — чиновник Київського губернського правління I 41
Казанцев — стипендіат Демидівського юридичного ліцею II 311
Казимир — чиновник Міністерства юстиції II 492
Казимир Олексій — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1877) I 183, 184
Казин Павло Якович — співдиректор Київської контори державного банку, член ради міського товариства взаємного кредиту I 38
Казнаков Микола Геннадійович (1824—1885) — генерал-губернатор Західного Сибіру (з 1875 р.) I 85, 100, 105
Казо Теодор-Жозеф Жюль (1821 — ?) — міністр юстиції Франції (1879—1881), доктор прав, сенатор II 81
Каіафа —за біблійською традицією, перший іудейський священик II 268, 426
Калайтан Степан — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1882) II 309
Калачов Микола Васильович (1819—1885) — історик-юрист, археограф, архівіст; сенатор, академік I 530, 559, 576, 605, 630; II 15, 322, 468, 497
Калиновський — кореспондент О. Ф. Кістяківського II 307
Калужняцький Омелян Іеронімович (1845—1814) — український славіст, професор слов'янської філології в Чернівецькому ун-ті (1875—1914) I 397, 401; II 234
Каменський — пародист II 180
Каменський Осип — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1858) II 315
Камінер — лікар I 380
Каміонський — кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 168
Канкрін Єгор Францевич (1774—1845) — міністр фінансів Росії (1823—1844) II 337
Кант Іммануїл (1724—1804) — німецький філософ, основоположник німецької класичної філософії I 405
Кантакузен (Сперанський Михайло Родіонович, 1848—1894) — граф, директор департаменту духовних справ іноземного віросповідання; вчений-юрист I 68, 69
Кантакузен-Сперанський — див. *Кантакузен М. Р.*
Капніст Павло Олександрович (1840—1904) — граф, письменник; управляючий канцелярією міністра юстиції, прокурор Московської судової палати, попечитель Московського учбового округу (з 1880 р.) I 293
Капніст Петро Олексійович (1840—1904) — російський дипломат, радник посольства у Парижі II 99, 438
Капотов Георгій Єфремович (бл. 1859 — ?) — учитель в с. Киренському Іркутської губ. II 173
Капустін Михайло Миколайович (1828—1899) — юрист; попечитель Петербурзького учбового округу I 555
Капцевич — учитель у с. Локнистому Чернігівського пов. II 83
Караваєв Володимир Опанасович (1811—1892) — доктор медицини і хірургії, заслужений ординарний професор кафедри оперативної хірургії Київського ун-ту I 53, 59, 109, 112, 127, 128, 133, 134, 136, 164, 198, 295, 529, 563; II 29, 364, 498

Каравели — брати, греки за походженням II 144
Каравелов Петко (1843—1903) — болгарський політичний діяч II 350
Каракозов Дмитро Володимирович (1840—1866) — учасник таємного революційного товариства у Москві, який 6 квітня 1866 р. здійснив замах на Олександра II I 270; II 142
Карамзін Микола Михайлович (1766—1826) — російський письменник, історик I 557; II 32, 39
Карасевич Порфирій Леонтійович (1845—1878) — юрист, професор енциклопедії права Демидівського юридичного ліцею і Московського ун-ту I 103
Карбованець — прізвисько *Терещенка А. Я.* II 167
Карвольський-Гриневський Д. К.— член Київського юридичного товариства, почесний мировий суддя I 312, 317, 325; II 28, 48
Карл I (1600—1649) — англійський король з династії Стюартів, страчений під тиском народу II 284
Карл I (Кароль I) Гогенцоллерн-Зигмарінген (1839—1914) — румунський король (1866—1881) I 199
Карл V (1500—1558) — імператор «Священної Римської імперії», король іспанський, принц Нідерландів, король Сицилії — II 339, 396
Карл X (1757—1836) — французький король (1824—1830) із династії Бурбонів II 337
Карлейль Карлайл Томас (1795—1881) — англійський публіцист, історик, філософ I 229
Кармовий — клієнт О. Ф. Кістяківського II 261
Карп — див. *Білозерський К. І.*
Карпенко Микита Васильович — судовий пристав при Київському окружному суді II 241
Карпінський Микола — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1874) I 212, 397
Карпінський Олександр Павлович — голова Чернігівської земської повітової управи, лікар, член Південно-Західного відділу РГТ I 163, 470; II 72, 76
Картавцев Євген — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1875) I 39, 43, 44, 46, 52, 53, 344, 544
Карташева — наречена О. М. Молчанова I 86
Картуш Луї-Домінік (1693—1721) — розбійник, описаний у книзі Моріса «Cartouche histoire authentique» (Париж, 1859) I 529
Каспирович — в'язень київської тюрми I 53
Катаказі Михайло Костянтинович — київський губернатор (1868—1871); сенатор касаційного департаменту Сенату I 230, 486
Катерина II (1729—1796) — російська імператриця (з 1762 р.) I 256, 292, 308, 312, 322, 330, 376; II 62, 176, 199, 235
Катерина Іванівна — див. *Чубинська К. І.*
Катков Михайло Ничипорович (1818—1887) — російський журналіст і публіцист I 40, 326, 327, 494, 495, 517, 555, 632, 634; II 76, 139, 146, 185, 249, 345, 369, 414, 427, 495, 505
Катковський — київський домовласник I 34
Катренко Андрій Миколайович — український історик I 7, 22
Кауен — член нижньої палати в Англії I 474, 475
Каулі — київський будівельник II 289
Кауфман Іларіон Гнатович (1848—1916) — економіст, статистик, професор Петербурзького ун-ту I 405, 406, 426
Кауфман Костянтин Петрович (1818 — ?) — віленський, ковенський, гродненський і мінський генерал-губернатор (1865—1867); командуючий військами Туркестанського військового округу (з липня 1867 р.) I 232, 233
Качала В.— член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки», власник київського заводу мінеральних вод II 385, 386, 389, 391, 401, 421, 504
Качала Степан (Загірний М., 1815—1888) — галицький громадсько-культурний діяч II 236
Качаунов Олексій — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1868) II 424
Каченовський Дмитро Іванович (1824—1872) — правник, професор міжнародного права Харківського ун-ту (з 1842 р.) I 240, 319, 343, 369, 428
Квачевська — дружина О. А. Квачевського
Квачевський Олександр Андрійович (? — 1890) — юрист, адвокат, мінський губернський прокурор I 80, 94, 143, 146, 176, 191, 200, 232, 233, 267, 288, 318, 332, 333, 338—340, 344, 345, 357, 359, 363, 370, 374, 375, 380, 391, 420, 423, 426, 427, 433, 435, 436, 453, 463, 485, 486, 535, 576, 609, 624; II 58—60, 62, 63, 76, 86, 130, 131, 135, 143, 149, 150, 161, 171, 180, 185, 203, 207, 222, 241—244, 250, 251, 261, 275, 292, 294, 295, 303, 310, 312, 393, 394
Квачевські — подружжя I 278, 362, 370; II 8, 9
Квятковський Олександр Олександрович (1853—1880) — російський революціонер-народник II 348
Кейзерлінг Олександр Андрійович (1815—1891) — геолог і громадський діяч; попечитель Дерптського учбового округу (1862—1869) I 217
Кентавр —прізвисько *К. М. Феофілактова* II 293
Кибальчич — чоловік Н. М. Симонової I 168, 419
Кибальчич Іоанн Іоаннович— протоієрей Чернігівської духовної консисторії I 552
Кибальчич Костянтин Іванович — працівник редакції і редактор «Киевского телеграфа»; був усунутий з посади так званими 13-ма (співробітниками) на чолі з М. П. Драгомановим I 77, 297; II 26
Кибальчич Микола Іванович (1853—1881) — революціонер-народник, винахідник II 339, 340, 413
Кибальчич Степан Іванович — лікар I 38; II 339
Кизимовський Петро Васильович — директор Немирівської гімназії I 341, 343
Кирей Д.— студент педагогічного факультету Донського ун-ту I 20
Кирило (827—869) — проповідник християнської релігії; творець слов'янської азбуки — кирилиці I 107
Кирилов — ревізор I 157
Кирилов Василь — дійсний студент юридич-

ного факультету Київського ун-ту (1880) I 539, 540, 552; II 46, 64, 251

Кисіль Іван Андрійович — лаборант Київського ун-ту, учасник народницького руху II 409

Кислицький К. А.? — вільнослухач Київського ун-ту II 248, 257, 269, 271

Кисляков — персонаж роману І. С. Тургенєва «Новь» I 334

Китін — ділок I 54

Кичеев Микола Іванович — секретар Київської палати цивільного і карного суду I 509, 573, 574; II 99—101, 104, 105, 113

Кичеев П. І.— брат М. І. Кичеєва II 104

Кичеєви — брати I 509, 528, 544, 573; II 105, 115

Кишельський Іван Кірович (1820—1881) — російський офіцер, генерал-майор I 416

Кіндрат — див. *Яхненко К. М.*

Кістяківська Варвара Василівна — дружина Ф. Ф. Кістяківського I 287, 292, 426, 428—430, 436, 468, 501, 627; II 9, 185, 202, 247, 271, 294, 389, 498

Кістяківська М.— дружина Б. О. Кістяківського I 21

Кістяківська Олександра Іванівна (з дому *Міхель*, 1846—1920) — дружина О. Ф. Кістяківського I 9, 20, 21 39, 40, 46, 47, 52, 58, 70, 71, 85, 87, 88, 92, 93, 96, 105, 109, 118, 119, 131, 132, 135, 144, 146, 147, 160—162, 175, 191, 212, 213, 217, 218, 221, 271, 273, 279, 284, 286, 288, 289, 293, 298, 302, 306, 307, 309, 314, 317, 318, 322, 324, 325, 337, 338, 342, 344, 346, 349—351, 371, 374, 375, 381, 386, 392, 397, 400, 401, 407, 409, 410, 418, 420—422, 424—426, 428, 433, 435, 436, 453, 455, 470, 477, 481, 490, 492, 504, 514, 520, 524, 527, 534, 548, 555, 562, 567, 570, 586, 587, 602, 606, 608, 615, 624, 637, 638; II 10, 40, 48, 49, 55, 63, 64, 85, 91, 115, 118, 140, 14[illegible], 147, 151, 155, 165, 189, 202—204, 208, 213, 21[illegible], 220, 227, 233, 234, 237, 245, 247, 255, 256, 269, 270, 287, 298, 304, 311, 312, 317, 318, 320, 321, 323, 362, 371, 381, 384, 414, 415, 426, 450, 458, 459, 461, 468, 470, 490, 492, 493, 498

Кістяківська-Васильєва Людмила Павлівна — дружина В. Ф. Кістяківського I 90, 492, 557, 637, 638; II 140, 168, 289

Кістяківський Богдан Олександрович (1868 — 1920) — доктор філософії, соціолог, історик, економіст і громадський діяч I 84, 132, 135, 176, 258, 352, 374, 419, 499, 530, 637; II 68, 189, 269—271, 294, 296, 466

Кістяківський Василь Федорович (1841 — ?) — доктор медицини, прозектор кафедри медичної хімії Київського ун-ту I 7, 46, 70, 75, 84, 90, 92, 105, 109, 126, 128, 135, 143, 148, 149, 187, 273, 376, 397, 425, 432, 468, 498, 530, 588, 589; II 7—10, 29, 30, 140, 202, 207, 237, 256, 269, 467

Кістяківський Володимир Олександрович (1865—1952) — фізико-хімік, син О. Ф. Кістяківського I 50, 81, 82, 137, 144, 145, 148, 149, 190, 258, 301, 352, 373, 374, 409, 424—426, 436, 481, 499, 520, 543, 549, 550, 637, 638; II 17, 114, 115, 175, 189, 258, 259, 304, 309, 346, 374, 375, 451, 452, 469, 471, 500

Кістяківський Володимир Федорович (1851 — середина 60-х років) — найменший брат О. Ф. Кістяківського. Помер від тифу II 254, 431

Кістяківський Ігор Олександрович (1876—1940) — син О. Ф. Кістяківського, юрист-цивіліст, доцент Київського і Московського ун-тів; в уряді П. Скоропадського — міністр внутрішніх справ I 87, 88, 128, 423, 537, 638; II 10, 189, 233, 234, 237, 297

Кістяківський Михайло Федорович — брат Ф. Кістяківського I 7

Кістяківський Олександр Олександрович — син О. Ф. Кістяківського I 20

Кістяківський Олександр Федорович I 6—22, 43, 181, 196, 261, 353, 354, 432, 534, 565, 566, 608, 633—636, 642, 643; II 29, 58, 63, 110, 122, 130, 138, 139, 160, 208, 210, 272, 327, 328, 349, 393, 453, 458, 460, 484, 490, 491, 495, 510, 511, 514, 515

Кістяківський Павло Федорович — брат О. Ф. Кістяківського, юрист I 7, 47, 67, 70, 71, 75—79, 82, 84, 86, 88, 90, 92, 93, 96, 97, 100, 116, 121, 129, 137, 138, 141, 145, 148—150, 160, 166, 167, 169, 195, 201, 224, 236, 254, 271, 272, 291, 312, 316, 325, 331, 340, 341, 347—349, 354, 360, 383, 398, 421, 422, 425, 428, 435, 553, 574, 601; II 18, 29, 31, 68, 109, 150, 158, 159, 175, 237, 329

Кістяківський Федір Омелянович (1807—1880) — батько О. Ф. Кістяківського I 7, 633; II 29

Кістяківський Федір Федорович (1835— ?) — брат О. Ф. Кістяківського, лікар на Городищенському цукровому заводі I 7, 20, 29, 34, 40, 44, 48, 58, 61, 67, 89, 90, 92, 96, 97, 104, 132, 134, 135, 137, 148—150, 159, 184, 195, 224, 225, 254, 258, 273, 277, 291, 292, 332, 349, 354, 373, 383, 398, 404, 426, 429, 431, 432, 436, 466, 468, 478, 501, 528, 530, 534, 566, 591, 605, 627, 642; II 9, 20, 29, 30, 77, 81, 108, 114, 155, 159, 160, 185, 199, 202, 214, 252, 254, 256, 260, 271, 275, 287, 292—294, 296, 298, 299, 329, 355, 377, 384, 385, 401, 402, 414, 437, 444, 469, 498

Кістяківські — родина I 21, 344; II 371, 498

Кіттарі Модест Якович (1825—1880) — технолог, професор Казанського і Московського ун-тів I 96

Клименко Андрій — кандидат історично-філологічного факультету Київського ун-ту (1880); репетитор дітей О. Ф. Кістяківського I 70, 223, 235, 238, 242, 271, 285, 290, 306, 347, 354, 380, 395, 428, 517; II 7, 72, 243, 266, 297, 314, 413

Клименко Михайло Филимонович — учасник народницького руху II 413

Климент (Можаров) — ректор Чернігівської і Тверської духовних семінарій II 285, 286

Климов Федір Дмитрович — управляючий тимчасовим відділом по земельному облаштуванню державних селян Міністерства державного майна II 343

Клобуцький Михайло Петрович (1808 — ?) — доктор політичних наук Харківського ун-ту I 612

Клосовська (Фоміна-Клосовська) — викладач французької мови і словесності Київського ін-ту шляхетних дівчат (1875—1880) II 34

Клосовський Олександр Вікентійович (1846—1917) — метеоролог і географ, член-кореспондент Петербурзької АН (з 1910 р.). Закінчив Київський ун-т (1868); приват-доцент Ки-

ївського (1876—1879), доцент Новоросійського (1880—1907) ун-тів; у Петербурзькому ун-ті з 1909 р. I 544, 594; II 48, 139, 158, 364

Клюбер (1762—1837) — німецький публіцист, професор юридичних наук I 69

Ключевський Василь Йосипович (1841—1911) — російський історик; доцент Московського ун-ту (1872—1882), академік Петербурзької АН (з 1910 р.) II 31, 32

Кляднєвич — студент Київського і Харківського ун-тів — I 612

Клячин Василь (бл. 1856 — ?) — студент Медично-хірургічної академії; учасник народницького руху II 146

К-на — камишинський міщанин II 193

Книрим Олександр Олександрович (1837 — ?) — російський юрист, сенатор II 394

Кноль — бургомістр Карлсбада II 216

Кноп — чиновник канцелярії київського, подільського і волинського генерал-губернатора I 230; II 299

Кобезев — підпільна кличка *Ю. М. Богдановича* II 372

Ковалевська Марія Павлівна — дружина М. В. Ковалевського, діячка революційного руху; була у цивільному шлюбі з В. К. Дебагоріо-Мокрієвичем II 444

Ковалевський Максим Максимович (1851—1916) — історик, етнограф, учений-юрист, політичний діяч I 551, 572, 574; II 497

Ковалевський Микола Васильович (1841—1897) — член Старої громади, педагог I 476; II 86, 202, 214, 401, 502

Ковалевський Михайло Євграфович (1829—1884) — судовий діяч Росії, сенатор (з 1870 р.) II 93, 249

Ковальський — копіїст I 39, 57, 61—63

Ковальський Іван Мартинович (1850—1878) — революціонер-народник; за вироком суду страчений I 483

Кованько — генерал I 94, 96

Коган — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 425; II 71

Когутов Федір — студент Київського ун-ту, учасник березневого виступу (1878) II 45, 316, 317, 354, 355

Кожанчиков Дмитро Юхимович (1819—1877) — російський видавець, власник книгарні, яка була своєрідним клубом літераторів Петербурга I 336, 337

Кожевников Олексій Якович (1836—1902) — доктор медицини, професор кафедри нервових хвороб Московського ун-ту II 381, 389

Кожич Т. Г. — учень Чернігівської духовної семінарії II 119, 120

Козлов — петербурзький домовласник II 96, 102

Козлов Олексій Олександрович (1831—1900, 1901?) — магістр філософії, доцент кафедри філософії Київського ун-ту; перекладач книги Гартмана «Сущность мирового процесса, или философия бессознательного» (М., 1873, 1875.— Т. 1—2) I 190, 208—210, 231, 249, 273, 297, 369, 419, 426; II 95, 139

Козловський I 76, 125

Козловський Владислав Станіславович (1859 — ?) — студент Київського ун-ту, учасник народницького руху II 82, 89

Коковцов Володимир Миколайович (1853—1943) — державний діяч Росії; чиновник Міністерства юстиції; статс-секретар департаменту Державної ради, член Головного тюремного управління I 548; II 41, 396, 490, 492, 493

Кокошкін Сергій Олександрович — харківський генерал-губернатор і попечитель Харківського учбового округу (1847—1855) I 489

Колачевський П. С. — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 91, 119, 146, 193; II 182

Колбасьєв Віктор Іванович — прокурор Київської судової палати; член Одеської судової палати I 79

Колесницький Наум Опанасович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1872), іркутський адресат О. Ф. Кістяківського I 201, 404, 498, 527, 531, 601; II 15, 16, 82, 122, 173, 202, 204, 275, 325

Колломайцеви — російські землевласники I 411

Колмаков Микола Маркович — голова Київської палати карного і цивільного суду I 47, 79, 89, 126, 144, 547; II 125, 317

Колобовська — клієнтка О. Ф. Кістяківського II 244

Колоков Георгій Євграфович — криміналіст; професор Московського ун-ту (з 1881 р.) II 497

Коломійцев В. Р. — голова Бакинського окружного суду, член Київського юридичного товариства I 338; II 104, 293

Коломнін Сергій Петрович (1842—1886) — доктор медицини, доцент кафедри теоретичної хірургії Київського ун-ту; служив хірургом у сербській армії (1876) та при Товаристві Червоного Хреста в діючій армії (1877—1878) I 46, 48, 53, 59, 60, 63, 82, 84, 85, 109, 112, 128, 134, 136, 196, 220, 314, 315, 357 358, 376, 536, 563; II 389, 489, 396

Колосов А. — протоієрей Троїцької церкви у Києві I 87, 89, 90

Комаров — петербурзький знайомий О. Ф. Кістяківського II 206

Комаров Михайло Федорович (1844—1913) — український бібліограф, критик, фольклорист і лексикограф II 390

Комаровський Леонід Олексійович (1846—1912) — граф; юрист, професор міжнародного права Московського ун-ту (з 1874 р.) I 146

Комісаров Осип — селянин, картузник, за переказами, не дав можливості Д. В. Каракозову застрелити Олександра II I 270

Компанський Каллість — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1856), бакинський нотаріус II 204, 238

Компанцов — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 184

Кониський Георгій (1717—1795) — український письменник, церковний і культурний діяч, якому приписувалося авторство «Истории русов, или Малой России» (М., 1846) I 93, 509

Кониський Олександр Якович (1836—1900) — письменник, педагог, український громадський та культурний діяч, гласний Київської міської думи I 111, 487, 497, 498, 534, 589, 593, 606, 624; II 241, 252, 258, 280, 291, 292, 313, 315, 324, 375, 377, 395, 417, 444, 461, 463

Коні Анатолій Федорович (1844—1927) — юрист, громадський діяч, літератор, голова Петербурзького окружного суду (з 1878 р.), член Петербурзької судової палати (з 1881 р.) I 367, 399; II 489, 494

Коновницин — зять Ф. Ф. Мерінга II 156

Кононович — член Борзнянської земської управи II 314

Констан Бенжамен (1767—1830) — французький письменник і політичний діяч, автор праць «О последствиях террора» і «О политических реакциях» I 271, 273, 426, 428

Константинов — свояк П. П. Чубинського I 144

Константинович Микола Олександрович (1844—1889) — діяч Старої громади, член-засновник Південно-Західного відділу РГТ, інспектор народних шкіл у Києві; голова Чернігівської губернської земської управи I 106, 108, 511, 519; II 63, 305, 431

Константинович Митрофан Олександрович — діяч Старої громади, член Південно-Західного відділу РГТ I 458, 517

Конт Огюст (1798—1857) — французький філософ і соціолог I 550; II 188

Концевич — власниця маєтку у с. Локнистому Чернігівського пов. II 83

Коперницький — київський домовласник I 41

Кордаш — клієнт О. Ф. Кістяківського II 67

Корженевський Іполіт (1827—1879) — хірург, головний лікар Червоного хреста у Сербії (1876) I 196, 198

Корнелій — див. *Корнелій Непот*

Корнелій Непот (бл. 100 — після 27 до н. е.) — римський письменник I 550; II 17, 346

Корноухов Андрій Андрійович — секретар Ніжинського повітового поліцейського управління I 468

Коробка — двоюрідний брат П. С. Коробки II 490

Коробка П. С. — студент юридичного факультету Київського ун-ту; мировий суддя у Петербурзі, Ніжині I 176, 373; II 48, 488, 490, 491

Коробочка — мировий суддя, член Київської міської думи I 487

Коробочка — персонаж поеми М. В. Гоголя «Мертві душі» I 530, 629

Коробчиць-Чернявський Іван — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1881) II 275

Короленко Прокіп Петрович (? — 1913) — історик, етнограф, письменник. Автор праці «Черноморцы» (1874) I 73, 175, 554

Корольков — клієнт О. Ф. Кістяківського I 100

Короткевич Антон — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 362, 366, 371, 419; II 175, 275, 307, 310, 325

Корсунські — землевласники II 171

Корф Модест Андрійович (1800—1876) — російський державний діяч, історик; брав участь у виданні «Полного собрания законов» і «Свода законов» I 81

Корчак — див. *Корчак-Новицький Г. Т.*

Корчак-Новицький Г. Т. — власник київської друкарні, видавець газет «Киевский листок объявлений» и «Труд» II 115, 185, 186, 258, 270, 515

Корчинський Степан Володимирович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1876), мировий посередник Васильківського пов. Київської губ. I 391, 392; II 49

Корш Є. В. — видавець газети «Северный вестник» I 85, 90, 92, 400, 636

Коршун — київський лікар, домовласник I 137, 381

Коршуни — подружжя I 251

Косач Ольга Петрівна (літ. псевд. *Олена Пчілка*, 1849—1930) — українська письменниця, сестра М. П. Драгоманова, мати Лесі Українки I 148; II 416

Косач Петро Антонович (1841—1909) — діяч Старої громади, член Південно-Західного відділу РГТ; чоловік Олени Пчілки, батько Лесі Українки I 127, 148, 404; II 430

Косич О. І. — батько М. А. Сасько I 479, 483

Косовський Тит Калістратович — учитель латинської мови Новгород-Сіверської гімназії, міський голова I 280

Костомаров Всеволод Дмитрович (1837—1865) — відставний корнет з дворян Ярославської губ., учасник московського революційного гуртка I 610, 613, 614

Костомаров Микола Іванович (1817—1885) — історик, письменник, публіцист, член Кирило-Мефодіївського братства I 107, 108, 123, 174, 188, 192, 299, 369, 618, 634; II 242, 252, 374, 414, 472, 490, 491

Костров Микола Олександрович (1823—1881) — історик і етнограф Сибіру I 321, 493, 497, 572, 574; II 20, 38, 183, 202, 275, 299, 312, 322, 325, 346

Костя — див. *Воскресенський К. М.*

Костянтин — див. *Костянтин Миколайович*

Костянтин (бл. 285—337) — римський імператор (306—337) I 92

Костянтин Матвійович — див. *Феофілактов К. М.*

Костянтин Миколайович (1827—1892) — великий князь, син Миколи I, управляючий флотом і морським відомством на правах міністра I 594; II 8, 336, 339, 356

Костянтин Петрович — див. *Победоносцев К. П.*

Котелевський — колишній священик, землевласник Полтавської губ., клієнт О. Ф. Кістяківського I 251, 432

Котляревська Катерина Семенівна — дружина О. О. Котляревського I 68, 74, 84, 112, 119, 130, 315, 330, 337; II 262

Котляревський Михайло Михайлович — товариш київського губернського прокурора; товариш прокурора Петербурзької судової палати (80-ті роки) — II 490

Котляревський Олександр Олександрович (1837—1881) — український філолог, історик, археолог, етнограф; професор кафедри слов'янської філології Київського ун-ту (1875—1881) I 37, 67, 69, 75, 80, 81, 84, 92, 95, 96, 112—114, 118, 119 123, 126, 128, 130, 134, 135, 145, 146, 148, 170, 171, 190, 210, 219, 222, 226, 232—236, 241,

249, 257—259, 266, 273, 278, 287, 291, 293, 307, 308, 319, 320, 323—325, 328, 329, 331, 337, 340, 342, 347, 350, 354, 356, 358, 362, 369, 370, 376, 381, 384, 388—390, 395—397, 400, 401, 405, 419, 424, 425, 427—430, 453, 490, 493, 496, 497, 517, 519, 523, 529, 534, 566, 594, 595, 625; II 58, 95, 96, 108, 109, 118, 133, 134, 159, 175, 176, 183—185, 197, 249, 250, 254, 255, 262, 263, 283, 292, 293, 304, 307, 313, 324, 325, 363, 400

Котляревські — подружжя I 130, 235, 328, 342, 423, 425, 426

Коханов Михайло Семенович — управляючий справами Комітету міністрів II 345

Коховський Всеволод Порфирович (1835—1891) — поручик (50—60-ті роки); генерал-лейтенант, педагог; начальник учбового відділу Управління військово-навчальних закладів; директор відомчого Педагогічного музею I 107; II 106, 109

Коцебу Павло Августович — граф, новоросійський і бессарабський генерал-губернатор (1862—1874), варшавський (1874—1880) II 299

Коцюбинський — лікар I 388

Кочкарьов — персонаж комедії М. В. Гоголя «Женитьба» I 104, 633

Кочубей Василь Вікторович (1812—1850) — князь, нумізмат, помічник попечителя Київського учбового округу I 343

Кочубинський Олександр Олександрович (1845—1907) — російський славіст, професор Новоросійського ун-ту. Докторська дисертація «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий» (1877) I 384, 385, 390, 391, 595; II 233, 235, 236

Кошкарьов — поміщик Нижньоновгородської губ. I 451

Кошут Лайош (1802—1894) — угорський політичний діяч, один з керівників революції (1848—1849) в Угорщині I 368

Кравцов Василь Христофорович (1848—1923) — революціонер-народник; студент Київського ун-ту; службовець Городищенського цукрового заводу I 78, 356, 483

Кравцови — подружжя I 483

Кравченко — київський цеховий II 310, 312

Крагельська Аліна Леонтіївна — дружина М. І. Костомарова I 634

Країнський Михайло — редактор газети «Киевский телеграф» I 67—70, 76, 77, 86, 87, 89, 90, 103, 104, 110, 139, 140, 163, 180, 201, 241, 242, 261, 285, 288, 296, 317, 318, 330, 332, 365, 366, 379, 399, 400, 404, 407, 429, 431—433, 489, 491, 528; II 130, 142, 157, 182, 241, 242, 261, 314

Красильников — власник караван-сарая в Баку II 238

Красицький — учасник судового процесу у справі спадщини М. В. Гоголя I 80

Красновський Ларіян Альбертович — професор вищої математики Петербурзького технологічного ін-ту II 496

Краснокутський — київський домовласник I 545

Красовська — землевласниця I 152; II 135

Красовський — головний бухгалтер Київського державного банку II 352

Красовський — землевласник, дворянин I 88; II 169, 171

Красовський Михайло Васильович — статс-секретар канцелярії Державної ради Росії I 348; II 487, 488, 490

Красовський Олександр Іванович (1776—1857) — цензор, голова комітету закордонної цензури I 348

Красовські — поміщики-землевласники I 195

Крахмаль (Крохмаль) М. І.— київський адвокат, член Київського юридичного товариства I 178; II 27

Крашановський Михайло Іванович — інспектор Сандомирської гімназії II 202—204, 207, 211, 212, 214, 216, 217, 221, 222, 224, 238

Крем'янський Самуїл — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1881) I 553, 566; II 101, 241, 242

Кривицький — кореспондент О. Ф. Кістяківського з Бендер II 82, 213

Кривошея Пахарій — штабс-капітан, доброволець російської армії у Сербії I 233, 234, 241, 426

Крижанівський Володимир — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1881) II 159, 288

Крижанівський Єфграф Михайлович — директор варшавських жіночої та чоловічої гімназій II 215, 226

Крижанівський Р. Л.— адвокат I 318

Крижинський — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 212

Крикунович — клієнт О. Ф. Кістяківського I 47, 126

Крилов Іван Андрійович (1769—1844) — російський байкар II 213

Крилов Микита Іванович (1807—1879) — професор кафедри римського права Московського ун-ту I 365; II 32, 225

Кристіан (Христіан) VII (1749—1808) — король Данії і Норвегії (з 1766 р.) II 314

Критський — головний управляючий маєтками Воронцова I 151, 152, 154, 155, 173, 361

Кронеберг Іван Якович (1788—1838) — філолог, філософ, історик літератури, професор і ректор Харківського ун-ту I 612

Кроненберг (Кронеберг) Станіслав Леопольдович — банкір, акціонерний ділок. Справа Кроненберга розглядалася Петербурзькою судовою палатою 23—24 січня 1876 р. і друкувалася в «Отечественных записках» (1876.— № 2) I 132, 141, 267, 407

Кропивницький Марко Лукич (1840—1910) — український драматург, актор, режисер II 371, 441

Кропоткін Дмитро Миколайович (1836—1879) — князь, харківський губернатор I 525; II 322, 323

Кропоткін (Крапоткін) Петро Олексійович (1842—1921) — російський революціонер, один з теоретиків анархізму, вчений-географ I 73, II 113

Крюков — власник київської нічліжки II 255

Ксенофонт (бл. 434—355) — давньогрецький історик, філософ і політичний діяч. Г. А. Ячевецький вважався найкращим перекладачем

його творів російською мовою (див.: «Сочинения Ксенофонта».— Вып. 1—5.— Киев; Митава, 1876—1880) I 175, 279, 283, 286, 319, 437, 634

Кудашев — князь, київський банківський діяч I 277, 391

Куе — власник магазину музичних інструментів у Києві I 314

Кузьмін Василь Іванович (1851 — ?) — хірург, професор госпітальної хірургії Московського і Казанського ун-тів II 419, 420

Кукулевська — дружина Солодовникова II 355

Кулаковський Юліан Андрійович (1855—1919) — доцент кафедри римської словесності Київського ун-ту II 411

Куліш Олександра — див. *Білозерська О. М.*

Куліш Пантелеймон Олександрович (1819—1897) — український письменник, критик, історик, етнограф, перекладач. Автор історичних праць «История воссоединения Руси» (Т. 1—3.— Спб., 1874—1877), «Материалы для истории воссоединения Руси» (Т. 1.— М., 1877) та ін. I 29, 44, 52, 98, 99, 104, 107, 108, 117, 188, 192, 201, 251, 284, 291, 293, 297, 308, 310—312, 322, 323, 369, 370, 375, 380, 397, 399, 404, 418, 419, 426, 431, 505, 582, 583, 601, 603, 604; II 160, 236, 242, 374

Кулішер Михайло Гнатович (1847—1890) — київський адвокат, один із засновників і редактор часопису «Заря»; публіцист, етнограф II 150, 271, 272, 303, 313, 315, 322, 324, 360, 371, 403, 439, 453—455

Куліші — подружжя I 465

Куломзін Анатолій Миколайович (1838 — ?) — статс-секретар, товариш міністра державного майна II 343

Кулябко Сергій Миколайович — педагог, журналіст II 395; 401, 450

Кульжинський Володимир Іванович — старший чиновник особливих доручень при київському губернаторові I 554; II 120

Кульжинський Олексій Іванович — управляючий відділенням державного банку в Таганрозі II 251, 254, 339

Кумані — чиновник російського посольства в Берліні II 229

Куник Арист Аристович (1814—1899) — дійсний член Петербурзької академії наук (Історично-філологічне відділення) I 430

Куперник Лев Абрамович (1845—1905) — присяжний повірений у Києві; публіцист I 486, 487, 497, 589, 593, 629; II 159, 314, 324, 327, 360, 439

Куплеваський Микола Осипович (1847 — ?) — ординарний професор кафедри державного права Харківського ун-ту I 160, 380, 401, 403; II 55, 97, 98

Купрієвич А.? — односелець О. Ф. Кістяківського II 288, 290

Курдюмов Володимир Іванович — помічник проректора Київського ун-ту I 266

Курдюмова — наречена Д. Бородіна I 544

Курка — петербурзький гвардієць I 594

Курка Йосип — штундист з Таращанського пов. Київської губ. I 594

Курчанов — автор письмовника I 496

Кустов Микола Панкратович — директор Другої київської чоловічої і жіночої гімназій (до 1879 р.) I 191

Кутитонська Марія Гнатівна (1855—1887) — революціонерка-народниця I 483

Кухаренко Яків Герасимович (1800—1862) — український письменник, етнограф II 515

Кучин — комерсант, власник торговельної фірми у Києві I 302, 309

Кучинський — чиновник I 70—72, 100

Лабуле Едуард-Рене (1811—1883) — французький учений, публіцист і політичний діяч, професор порівняльного правознавства I 485

Лавана — біблійний персонаж I 276

Лавренко — адвокат I 94

Лаврентьєв — студент Київського ун-ту I 409

Лаврентьєв Олександр Іванович (1831—1894) — генерал, головний редактор журналу «Военный сборник» і газети «Русский инвалид» I 417

Лавров Петро Лаврович (1823—1900) — російський соціолог і публіцист I 633, 636; II 12, 427

Лавровська Єлизавета Андріївна (1845—1914) — російська оперна співачка I 322

Лавровський Микола Олексійович (1827—1899) — історик літератури, директор Ніжинського історично-філологічного ін-ту кн. Безбородька I 287

Лавровський Петро Олексійович — попечитель Оренбурзького учбового округу II 115

Лагода Микола — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1867) I 212

Ладо — поручик I 212; II 312

Лазаревський Михайло Матвійович (1818—1867) — керуючий справами О. С. Уварова у Москві, близький друг Т. Г. Шевченка II 455

Лазаревський Олександр Матвійович (1834—1902) — український історик. Брав участь у похороні та перевезенні тіла Т. Г. Шевченка в Україну, дійсний член Тимчасової комісії для розгляду давніх актів (з 1880 р.), товариш голови Київського окружного суду I 99, 128, 162, 182, 201, 256; II 452, 455

Лайель — див. *Лейярд Остен Генрі*

Лаймінг Матвій Єгорович — київський окремий цензор I 104, 107; II 185, 395

Ламанський Володимир Іванович (1833—1914) — російський учений-славіст, історик, філолог, етнограф, громадський діяч I 368, 407, 457

Ламанський Євген Іванович (1825—1902) — російський державний діяч, фінансист, управляючий Петербурзьким державним банком I 73, 93, 94, 96, 116, 160, 273, 435, 442; II 27

Ландау — службовець Московського позичкового комерційного банку I 202, 203, 273, 442, 486

Лансберг — офіцер, наречений доньки Е. І. Тотлебена I 452, 485

Лансере — полтавський присяжний повірений I 569

Ланца Джованні (1810—1882) — італійський державний діяч, лікар за фахом II 82

Лапицький — переписувач II 255

Лассаль Фердінанд (1825—1864) — діяч німецького робітничого руху II 83, 121

Лаферр'єр Луї (1798—1861) — французький юрист, член академії; прихильник історико-філософського дослідження права I 342, 426

Лачинов Микола Олександрович (1834 — ?) — генерал-майор, головний редактор газети «Русский инвалид» II 496

Лашнюков Іван Васильович (1823—1869) — професор Ніжинського ліцею кн. Безбородька і Київського ун-ту кафедри російської історії I 45, 261, 578

Леббок Джон (1834—1913) — англійський археолог і етнограф. Автор праць «Праісторичні часи» та «Походження цивілізації» I 67, 95, 142

Лебедев — православний священик у Празі I 451, 453, 457, 458, 639, 640; II 200, 205, 208, 209, 224, 226—228, 232, 374

Лебедеви — подружжя II 200

Лебединцев Данило Гаврилович — член Головного військово-кодифікаційного комітету II 242

Лебединцев Олександр Феофанович — син В. Г. Лебединцева I 548

Лебединцев Петро Гаврилович (1819—1896) — протоієрей Софійського собору; редактор «Киевских епархиальных ведомостей», (1862—1896) I 13, 38, 39, 258, 450, 453, 487, 594, 641; II 130, 135, 203—206, 208, 210—215, 217—220, 222, 224—228, 261, 266

Лебединцев Феофан Гаврилович (1828—1888) — професор Київської духовної академії; начальник Холмської дирекції училищ (з 1864 р.); видавець «Киевской старины» (з 1882 р.) I 458, 461, 463, 548; II 210, 212, 391, 406, 413, 414, 431, 432

Лебединцеви — брати Данило, Петро, Феофан I 458

Лев Хомич — див. *Смоловик Л. Х.*

Левинський — присяжний повірений у Києві I 486

Левицький — див. *Рогаля-Левицький І. Ф.*

Левицький — конторщик Городищенського цукрового заводу II 435

Левицький — університетський товариш О. Ф. Кістяківського I 251, 431

Левицький Василь Петрович — помічник інспектора студентів Київського ун-ту II 474

Левицький Орест Іванович (1848—1922) — український історик, письменник і громадський діяч I 291, 308, 312; II 266

Левін — датчанин, карлсбадський знайомий О. Ф. Кістяківського II 211, 213

Левін — студент Київського ун-ту I 588

Левковський — київський купець II 255

Левченко Михайло Михайлович — член Старої громади, власник книгарні у Києві I 75

Лега-Долгополов (Лего-Долгополов) Сергій — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1870) I 539, 572, 576, 605; II 292

Лейярд Остен Генрі (1817—1894) — англійський археолог французького походження, політик і дипломат I 93

Леонтович — законоучитель Козелецького повітового училища I 240, 404, 422, 425

Леонтович Федір Іванович (1833—1911) — історик права, професор, ректор Новоросійського ун-ту (1869—1877). Автор дослідження «Древний ойратский устав взыскания» (Одесса, 1879) I 44, 184—187, 264, 318, 382, 469, 470, 477, 492, 493, 539, 544, 552, 557, 559, 561, 569; II 249, 364

Леонтьев Костянтин Миколайович (1831—1891) — російський публіцист I 502, 642

Леонтьев Павло Михайлович (1822—1874) — російський філолог, історик і педагог, видавець «Пропилеев», редактор «Московских ведомостей» I 52, 184, 244, 295, 313, 326, 327, 406, 495, 517, 632, 634; II 139, 204

Лермонтов Михайло Юрійович (1814—1841) — російський поет I 493; II 114

Лессінг Готгольд-Ефраїм (1729—1781) — німецький письменник, філософ, критик і просвітитель I 611

Лешерн фон Герцфельд Софія Олександрівна (1842? — 1898) — російська революціонерка-народниця I 510

Лешков Василь Миколайович (1810—1881) — юрист, професор поліцейського права, завідувач кафедрою міжнародного і поліцейського права; декан юридичного факультету Московського ун-ту; голова Московського юридичного товариства I 301, 380, 385, 404, 417, 419, 423, 428, 579; II 329

Лена I 637, 638

Лесков Микола Семенович (1831—1895) — російський письменник II 98

Лесков Олексій Семенович — доктор медицини, голова Київської санітарної комісії I 130

Леш Федір Олександрович (1840—1903) — лікар-терапевт; професор лікувальної діагностики Київського ун-ту (з 1885 р.) II 503

Лизогуб Дмитро Андрійович (1850—1879) — революціонер-народник I 483—485, 490, 510, 511, 517, 524, 525, 527; II 84, 87, 135, 163, 323

Лизогуб Ілля Андрійович — брат Д. А. Лизогуба I 484; II 84, 87, 325

Лизогуб Ілля Іванович (1787—1867) — полковник, співвласник маєтку в Седневі I 483

Лизогуб Федір Андрійович (1851 — ?) — український політичний діяч I 421, 576, 582, 583

Лизогуби — український дворянський рід I 397, 483

Линниченко — дружина А. І. Линниченка I 186, 239, 266

Линниченко Андрій Іванович (1822—1888) — магістр російської словесності, доцент кафедри історії загальної літератури Київського ун-ту I 37, 88, 114, 171, 217, 219, 265, 309, 353, 354, 384, 389, 394, 400, 487—489, 512, 595; II 188, 256

Лисенки — подружжя II 72

Лисенко — студент II 175

Лисенко Микола Віталійович (1842—1912) — український композитор, основоположник української класичної музики, громадський і культурний діяч I 20, 54, 55, 177, 374, 514, 632; II 64, 74, 179, 180, 182, 187, 313, 390, 391, 395, 415, 440, 455, 467, 471, 482

Лисенков — нотаріус I 54

Литвинов Олександр — студент Київського ун-ту, учасник березневого виступу 1878 р., син П. Я. Литвинової II 294, 296, 309

Литвинова Пелагея Яківна (1833—1904) — український етнограф з Чернігівщини I 621; II 293, 294, 322

Литвинови — родина П. Я. Литвинової I 621

Лихачов (Лихачев) Володимир Іванович (1837—1906) — юрист і громадський діяч I 332, 618; II 93, 122, 178, 179, 487, 488, 491

Лихачови — подружжя II 490
Личков Олександр Михайлович — гласний Київської міської думи I 38; II 19, 20
Личков Н. О.— син О. М. Личкова II 19
Ліберман — банкір I 167
Лівен Андрій Олександрович (1839 — ?) — князь, статс-секретар, сенатор, міністр державного майна (1879—1881) I 478
Лівен Карл Андрійович (1767—1844) — міністр духовних справ і народної освіти (1828—1833) II 337, 343
Лівенцов — жандармський генерал II 119
Лівенцова — донька Лівенцова II 119
Лівій Тіт (59 до н. е.— 17 н. е.) — давньогрецький історик, автор «Римської історії від заснування міста» II 17
Лікург (9 ст. до н. е.) — напівлегендарний законодавець Спарти. Йому приписують найдавніші закони, якими визначався устрій Спартанської держави, право землеволодіння, військова організація, система виховання II 204
Лімберг — службовець Київського комерційного банку I 444
Ліндеман — бонна П. Хелмського I 480
Ліндфорс Олександр Федорович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1871), чернігівський земський діяч; член Південно-Західного відділу РГТ I 147, 148, 573; II 54, 292
Ліндфорси — українська родина шведського походження I 502
Літов С.— київський книгар I 67, 129, 430, 609; II 58—60, 62, 63, 130, 131, 161, 393
Літови — родичі С. Літова II 63
Ліхтенштейн — карлсбадська знайома О. Ф. Кістяківського II 204, 205, 208, 212, 213
Ліциній Столон Гай (4 ст. до н. е.) — римський політичний діяч I 390
Лобода — див. *Лободовський М.*
Лобода Л. —український історик I 7
Лободовський Михайло — письменник, перекладач, видавець. Учителював на Черкащині і Катеринославщині, звільнений за українофільство; виїхав до Праги, потім до Женеви, де працював у друкарні М. П. Драгоманова. Переклав українською мовою «Тараса Бульбу» М. В. Гоголя I 30, 129
Ловецька Р. Ф.— знайома О. Ф. Кістяківського II 239
Логовенко Іван Іванович (1842—1879) — революціонер-народник I 483
Лозинський Мелентій Платонович (бл. 1855—1880) — учасник революційного руху, унтер-офіцер; поширював серед селян антиурядові листівки II 86, 92, 93, 116, 163
Лойба — власник карлсбадського кафе II 216, 219, 224
Лойола Ігнатій (1491—1566) — іспанець, засновник ордену єзуїтів I 617
Ломброзо Чезаре (1835—1909) — італійський психіатр і антрополог, один із основоположників антропологічного напряму в криміналістиці II 486
Ломоносов Михайло Васильович (1711—1765) — російський вчений-природодослідник, енциклопедист, поет, історик I 417
Лонзо — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 131
Лопата Трохим Мойсейович — учитель Кременчуцького міського училища II 10
Лопухін (Демидов) М. П.— князь, власник цукрового заводу у с. Селищі Канівського пов. Київської губ. I 142, 152
Лопухіни — землевласники і цукрозаводчики II 170, 171
Лопухіни-Злотопольські — російський дворянський рід II 171
Лоран Франсуа (1810—1887) — бельгійський юрист, історик II 186
Лорис — див. *Лорис-Меліков М. Т.*
Лорис-Меліков Микола Мойсейович — екзекутор і казначей департаменту герольдії Сенату I 443
Лорис-Меліков Михайло Тарійолович (1825—1888) — державний діяч Росії, генерал-ад'ютант; начальник Верховної розпорядчої комісії; міністр внутрішніх справ (1880—1881) I 591; II 75 — 79, 92, 93, 97, 98, 122, 127, 129, 136, 137, 141, 146, 151, 152, 163, 171, 176, 178, 207, 239, 240, 243, 246, 249, 254, 263, 277, 295, 313, 334, 338, 340, 344, 345, 348, 353, 422, 462, 510
Лосєв — клієнт О. Ф. Кістяківського I 52
Лось П. В.— управляючий конторою Городищенського цукрового заводу II 186, 385, 386, 490
Лотрингер Соломон Наумович (1859 — ?) студент медичного факультету Київського ун-ту, учасник народницького руху II 171
Лофтус — англійський посланник у Росії I 229, 305
Лохвицький Олександр Володимирович (1830—1884) — російський юрист, присяжний повірений у Москві (з 1874 р.) I 34, 37, 39, 40, 106, 132, 133, 141, 245, 267, 514, 515, 517, 549, 569, 632; II 220, 224—227, 236, 269, 355
Лукашевич Петро Васильович — учитель німецької мови Другої київської гімназії II 254
Лукашевич Платон Якимович (бл. 1806—1887) — український фольклорист і етнограф; видав. зб. «Малороссийские и черноморские народные думы и песни» (Спб., 1836); автор твору «Чаромутие, или священный язык махов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем с прибавлением обращенных им же в прямую истот чаромутия и черной истоты языков русского и других славянских и части латинского» (Спб., 1846) та інших подібних II 254, 366
Лук'янов — доброволець російської армії у Сербії I 222
Лук'янович — екстраординарний професор латинської мови Харківського ун-ту I 612
Лук'янович — мировий суддя I 474, 480, 550; II 18, 109, 271
Луначевський Ол. I 182, 183
Лурій — студент I 30, 78
Лучинський — службовець Київського приватного комерційного банку I 444
Лучицький Іван Васильович (1845—1918) — доктор загальної історії, екстраординарний професор кафедри загальної історії Київського ун-ту. Докторська дисертація «Католическая ли а и кальвинисты во Франции» (К., 1877) I 6, 16, 20, 33, 64, 69, 75, 200, 217, 235, 236, 239, 241—243, 248, 250, 259, 265, 266, 279, 284, 328, 373, 376, 386, 396, 402, 428, 430, 487, 520, 572, 573, 589,

606, 620, 621; II 9, 11—13, 88, 139, 159, 280, 292, 314, 316, 324, 372, 373, 391, 403, 411, 417, 429, 435, 456, 458, 464, 475, 484, 485, 487, 498, 504

Лучицькі — подружжя I 241, 429

Любавський Олександр Дмитрович — юрист, письменник; видав праці «Русские уголовные процессы» (Спб., 1868), «Юридические монографии и исследования» (Спб., 1867—1878; Тула, 1878) I 352, 353, 385

Любимов Микола Олексійович (1830—1897) — професор фізики Московського ун-ту, один з найближчих співробітників М. Н. Каткова у виданні газет «Русский вестник» і «Московские ведомости». Брав участь у роботі комісії для підготовки університетського статуту (1884) I 52, 265, 295, 296, 312, 313, 325—327, 332, 335, 373, 495, 555, 561; II 414, 498

Любов — за християнською традицією, св. мученица, яка потерпіла в Римі за віру II 289

Любович Микола Миколайович (1855—1935) — історик, доцент Київського і Варшавського ун-тів II 240

Любомирський — князь I 91

Любомирські — польський княжий рід II 169, 170

Любощинський Марко Миколайович — член Державної ради Росії II 492

Любченко — київський цеховий II 310, 312

Люгебиль Карл Якимович (1830—1886) — філолог, професор грецької словесності Петербурзького ун-ту II 454, 457

Людвіг Карл-Фрідріх Вільгельм (1816—1895) — німецький фізіолог I 57, 219

Людмила — донька М. Ф. Владимирського-Буданова I 520

Людмила — племінниця О. Ф. Кістяківського, донька Ф. Ф. Кістяківського I 389; II 175, 463

Людмила Михайлівна — див. *Драгоманова Л. М.*

Людмила Павлівна — див. *Кістяківська-Васильєва Л. П.*

Людмирський Лейба — клієнт О. Ф. Кістяківського I 53

Людовик XVI (1754—1793) — французький король з династії Бурбонів, страчений за рішенням Конвенту II 284

Люперсольський Петро Іванович (1836 — ?) — професор загальної історії Ніжинського історично-філологічного ін-ту кн. Безбородька I 321

Лютер Мартін (1483—1546) — діяч церковної Реформації у Німеччині I 602

Люц — кореспондент О. Ф. Кістяківського з м. Гостиніна II 125, 136, 314

Лянскоронський — граф, землевласник II 166, 167

Лянскоронські — землевласники II 167

Лянскоронський Володимир Григорович — кандидат історично-філологічного факультету Київського ун-ту (1882) I 520, 549

Магницький Михайло Леонтійович (1778—1855) — державний діяч Росії, попечитель Казанського учбового округу (1819—1826), влаштував переслідування професорів місцевого університету I 52, 84

Маєвський Тимофій Адамович — член окремого комітету розгляду книг для народного читання Міністерства народної освіти II 318

Мазарик — власник садиби в Чернігівській губ. I 504

Мазепа Іван Степанович (1644—1709) — гетьман Лівобережної України (1687—1708) I 92, 397

Майданський Лейба Осипович (1854—1879) — революціонер-народник I 619

Майєр Оттон (1846 — ?) — німецький юрист, професор публічного права II 226

Макарій (*Булгаков М. П.*, 1816—1882) — російський церковний діяч, вихованець Київської духовної академії; митрополит московський (з 1879 р.) I 453, 552

Макаров — голова Чернігівської палати цивільного суду I 13

Макіавеллі Нікколо ді Бернардо (1469—1527) — італійський політичний мислитель, історик епохи Відродження I 364

Маков Лев Васильович (1830—1883) — російський державний діяч; правитель канцелярії (1874), міністр внутрішніх справ (1878—1880); міністр пошти і телеграфу (з 1880 р.) I 462, 471, 472, 520, 522; II 151, 184, 239, 246, 283, 340, 358, 396, 399

Максимов — вихованець Рубежівської колонії малолітніх правопорушників II 41

Максимович — київський суддя II 439

Максимович Михайло Олександрович (1804—1873) — історик, філолог, етнограф, ботанік, поет, перший ректор Київського ун-ту I 28, 69, 122, 123, 200; II 133, 151, 153

Максимовський Михайло Семенович — попечитель Харківського учбового округу II 182, 183

Маленевський — сусід О. Ф. Кістяківського у Києві II 57

Малецький — помічник начальника Київського губернського жандармського управління II 428

Малецький Гінтер — власник київської книгарні I 499

Малецький С. К.— студент історично-філологічного факультету Київського ун-ту, чиновник канцелярії київського, подільського і волинського генерал-губернатора і Міністерства внутрішніх справ I 461, 462

Малинка Віктор Олексійович (1854—1879) — революціонер-народник I 619; II 9

Малиновська Олександра Миколаївна (бл. 1849—1891) — революціонерка-народниця I 554

Малицький — кореспондент О. Ф. Кістяківського II 325, 329

Малишев — зять Орфанової I 528, 574

Малишеви —подружжя I 468

Малишевський Іван Гнатович (1828—1897) — історик церкви, професор російської церковної історії Київської духовної академії I 54, 557

Мальований Володимир Григорович (1848—1893) — член Одеської громади II 428

Малюта Скуратов (Бельський Григорій Лук'янович) (? — 1573) — один з керівників опричнини за Івана Грозного I 546

Мамишев В. С.— член Київського юридичного товариства I 624; II 40, 104, 105, 151, 152, 244, 267, 296, 329

Мамишеви — подружжя II 243
Мандельштам Еммануїл Хаскелович (1838—1912) — доктор медицини, приват-доцент з офтальмології Київського ун-ту I 41, 329, 563; II 269—271
Манджос — сусід О. І. Саська по дачі I 474, 478—480, 482, 610, 616; II 294
Манджос (Манджосиха) — дружина Манджоса II 125, 129
Манджоси — подружжя I 479, 480, 482, 483, 616; II 70, 129, 275
Манжура (Мансура) Іван Іванович (літ. псевдонім *Іван Калічка*, 1851—1893) — доброволець російської армії у Сербії, український поет, етнограф, фольклорист I 207
Мануйлов — син Мануйлової I 436; II 362
Мануйлова М.— своячка В. Ф. Кістяківського I 397; II 10
Маргграф Андрій-Сигізмунд (1709—1782) — німецький хімік, який відкрив цукор у буряках. Його учень Ахард уперше провів досліди заводського виготовлення цукру I 295
Маріанна — персонаж роману І. С. Тургенєва «Новь» I 334
Марія Андріївна — див. *Сасько М. А.*
Марія Василівна — див. *Яхненко М. В.*
Марія Михайлівна — див. *Гарнич-Гарницька М. М.*
Марія Олександрівна (1824—1880) — дружина Олександра II 166
Марія Олексіївна — див. *Ісаєвич М. О.*
Марія Петрівна — дружина В. І. Модестова I 217
Маркевич—див. *Рокович*
Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884) — письменник, публіцист II 98, 121
Маркевич М. А.— поміщик с. Вісківців Прилуцького пов. Полтавської губ., у якого О. Ф. Кістяківський був домашнім учителем I 8, 288, 289, 375, 536; II 244
Маркевич Олександр Михайлович (1790—1865) — чернігівський губернський предводитель дворянства, дослідник історії Чернігівщини I 13
Маркевичинен — карлсбадський знайомий О. Ф. Кістяківського I 458
Маркелла — див. *Попель М.*
Маркелов — персонаж роману І. С. Тургенєва «Новь» I 334
Марков Євген Львович (1835—1903) — письменник, публіцист, критик I 37, 39
Марков Павло Олексійович (1841 — ?) — юрист; редактор газети «Судебный вестник»; обер-прокурор першого департаменту Сенату, товариш міністра освіти I 632; II 93, 203, 307, 496
Маркович — поміщик, цукрозаводчик I 20
Марковичі — українська родина I 20
Марковська Марія Олександрівна — сестра О. О. Лисенко, учасниця хору М. В. Лисенка, дружина лікаря П. М. Марковського I 562
Маркс Карл (1818—1883) — німецький мислитель, організатор міжнародного робітничого руху I 298, 621; II 11
Мартенс Федір Федорович (1845—1909) — російський юрист, дипломат, професор кафедри міжнародного права Петербурзького ун-ту. Автор дослідження «О консулах и консульской юрисдикции на Востоке» (Спб., 1873) I 69, 311
Мартинов — переписувач II 242
Мартинов А.? А.? — член Київської судової палати II 491
Мартинов Микола Мартинович — товариш прокурора Ярославського окружного суду II 495
Мартинов Михайло Олексійович — полтавський губернатор (1866—1878); товариш міністра внутрішніх справ I 272—275, 324, 433, 520; II 239
Мартинов Олексій Федорович — член Петербурзької судової палати II 495
Мартинович — буковинський священик II 224—227
Марчевський Семен — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1857) I 565, 566
Марченко — київський букініст II 260, 292
Маслов — поручик I 133
Маслов — репетитор дітей у родині О. Ф. Кістяківського II 383
Маслова — вдова II 45
Масловський — інтендантський чиновник у відставці II 240, 289
Масловський Дмитро Федорович (1848—1894) — генерал-майор, військовий історик II 488
Масловські — родина I 86
Маслянников Костянтин Іванович — чиновник судового відомства, помічник статс-секретаря Державної ради Росії II 488
Матвєєв Олександр Павлович (1816—1882) — заслужений ординарний професор акушерства, ректор Київського ун-ту (1865—1871, 1875—1878) I 38, 42—44, 68, 69, 71, 88, 112—114, 119, 136, 148, 164, 200, 235, 236, 238, 239, 241, 248, 254, 259, 261, 266, 271, 291, 293, 326, 347, 350, 369, 371, 372, 380, 381, 386, 388, 394, 396, 398, 400, 422, 430, 490, 499, 529, 531, 537, 547, 553, 554, 599; II 32, 33, 117, 129, 133, 134, 172, 373, 412, 495
Матвєєв Павло Олександрович (1844 — ?) — письменник, дослідник звичаєвого права; закінчив юридичний факультет Харківського ун-ту, служив прокурором у Росії; секретар комісії при РГТ для вивчення народних юридичних звичаїв I 551, 559, 576; II 15, 132, 144, 342, 343
Матвєєва — дружина О. П. Матвєєва I 570
Матковський — діловод медичного факультету Київського ун-ту II 430
Матковський — становий пристав Черкаського пов. Київської губ. I 530, 538
Матковський Іван Павлович — приватний пристав Либедської дільниці м. Києва II 118
Матросов Євген — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1883) II 294
Махотін Микола Антонович (1830 — ?) — головний начальник військово-навчальних закладів Росії II 351
Мацак — прізвисько М. Г. Мацкевича II 270
Мацкевич Гнат Гнатович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1871), слідчий; брат товариша О. Ф. Кістяківського М. Г. Мацкевича, який закінчив історично-філологічний факультет (1858) із званням кандидата I 309; II 253
Мацкевич Михайло Гнатович — учитель російської мови і словесності Херсонської гім-

назії, університетський товариш О. Ф. Кістяківського I 270, 291, 310, 373, 381, 382, 399, 400, 404, 417; II 15, 136, 173, 182, 183, 253, 270, 288

Мацнев Іполит Іполитович — член Київської палати карного і цивільного суду II 242

Мацнева — клієнтка О. Ф. Кістяківського II 142

Мацон Юлій Іванович (1817 — ?) — доктор медицини, ординарний професор кафедри патології Київського ун-ту I 52

Мачинський В. Н.? — співробітник російської місії у Персії II 237, 238, 251, 269, 271, 273, 275, 288, 294

Маша — покоївка у родині О. Ф. Кістяківського I 429

Машуріна — персонаж роману І. С. Тургенєва «Новь» I 334

Мезенцов Микола Володимирович (1827—1878) — генерал-ад'ютант, шеф жандармів I 393, 554, 607, 608, 621; II 7, 113, 135, 163, 281

Мезер — київський фотограф I 165, 213

Майер Дмитро Іванович (1819—1856) — російський юрист, професор цивільного права Казанського ун-ту II 259

Мейербер Джакомо (1791—1864) — французький і німецький композитор I 562

Мейни — брати, чиновники Міністерства шляхів сполучень II 19

Мейчик Давид Маркович (1850 — ?) — юрист, присяжний повірений II 224, 225

Мекк К. Ф. фон — підрядчик будівництва Курської залізниці, інженер шляхів сполучень I 201

Меланія — сестра О. Ф. Кістяківського I 7

Меліков — див. *Лорис-Меліков М. Т.*

Мельгаф Христіан Данилович — член Київської з'єднаної палати кримінального і цивільного суду, член Київського юридичного товариства I 576; II 40

Мельницький — банківський ділок II 440, 461

Мельхиседек (1773—1853) — архімандрит [?] I 546

Мен Генрі (1822—1888) — англійський письменник, юрист, засновник порівняльного досліду суспільних форм і установ I 86, 89, 90

Меншиков Олександр Данилович (1673—1729) — російський державний і військовий діяч, князь, генералісимус I 397

Мердер Карл Карлович (1788—1834) — генерал-ад'ютант, вихователь Олександра II 337

Мерзляков Олексій Федорович (1778—1830) — російський поет, літературний критик, перекладач I 387

Мерінг Л. Л.— одеський лікар II 364

Мерінг Фрідріх Фрідріхович (1822—1887) — доктор медицини, заслужений ординарний професор кафедри терапії Київського ун-ту, гласний міської Думи I 100, 101, 113, 134, 169, 170, 194, 220, 230, 253, 254, 259, 449, 507, 596—599, 620; II 122, 156, 315, 356, 503

Меркулов — завідуючий метеостанцією у Городищі I 401

Меркулов Михайло Мойсейович — управляючий канцелярією київського, подільського і волинського генерал-губернатора II 382, 402, 426, 498, 503

Меркурій — у римській міфології бог торгівлі, покровитель купців і мандрівників II 21, 68, 72, 269

Мерлі (можливо, *Морель Віктор,* 1848—1923) — французький оперний співак, який у 70-х роках XIX ст. приїжджав до Росії I 223, 422

Мессінг — управляючий Київським банком I 84

Мефодій (бл. 815—885) — проповідник християнської релігії, слов'янський просвітитель I 107

Мечников Іван Ілліч (? — 1881) — прокурор Харківської і Київської судових палат II 182, 185, 243, 320, 322, 324, 352, 353

Мечников Ілля Ілліч (1845—1916) — вчений-біолог; працював в Одесі (1867—1888) I 493

Мещерський Микола Петрович — князь, попечитель Московського учбового округу I 555; II 274, 438

Микола — брат О. Ф. Кістяківського, священик I 99, 100, 102, 110, 383, 421, 422, 498, 499, 502, 503, 582, 584, 585, 601, 637; II 20, 29, 30, 122, 126, 136, 173, 248, 288—290, 325, 329, 491

Микола — див. *Микола Миколайович*

Микола — див. *Терещенко М. А.*

Микола — див. *Хряков М. Г.*

Микола — див. *Шелгунов М. В.*

Микола Васильович II 132

Микола Васильович — див. *Преснухін М. В.*

Микола Григорович — див. *Репнін М. Г.*

Микола Іванович — див. *Хлебников М. І.*

Микола Карлович — див. *Ренненкампф М. К.*

Микола Миколайович (1831—1891)— великий князь, син Миколи I, головнокомандуючий армією (1877—1878) I 424; II 8, 70, 249

Микола Павлович — див. *Микола I*

Микола I (1796—1855) — російський імператор (з 1825 р.) I 84, 92, 100, 272, 285, 324, 331, 451, 467, 476, 511, 564, 565, 628; II 181, 218, 219, 281, 308, 337, 404, 436, 440, 451, 468

Микола Петрович — див. *Герсеванов М. П.*

Микола Семенович — волосний писар I 481

Микола Християнович — див. *Бунге М.Х.*

Миколашка — власник київського будинку розпусти I 238

Милорадович Ганна Олександрівна (1836—1891) — дружина Х. І. Грекова II 160, 161, 203

Милорадович Григорій Олександрович — брат Л. О. і Г. О. Милорадович II 161

Милорадович Ілля (Іллюша) — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1855) I 212, 288, 289

Милорадович Леонтій Олександрович — голова Київського товариства землеробних колоній і ремісничих притулків для малолітніх правопорушників; київський віце-губернатор (з 1878 р.), згодом подільський губернатор I 39, 120, 182, 304, 351, 352, 385, 489, 498, 509, 528, 573, 623; II 18, 41, 43, 50, 51, 161

Милорадовичі — родина II 393

Милошинський I 115

Милютинович — карлсбадський знайомий О. Ф. Кістяківського II 211, 212

Мирний Панас (Рудченко П. Я., 1849—1920) — український письменник II 415, 515

Мирович Микола Андрійович — викладач географії у Києво-Софійському духовному училищі I 624; II 182, 275, 312

Мирський Леон Пилипович (бл. 1859—1919?) — революціонер-народник I 554, 592, 604; II 21

Мисевич — приватний повірений, член Київського юридичного товариства II 462

Мирославський — київський священик I 309

Митрофан Воронізький (1623—1703) — перший воронезький єпископ I 467

Митрофанія (баронеса *Розен П. Г.*)— ігуменя Серпуховського монастиря, начальниця Московської єпархіальної общини сестер милосердя; її справа із звинуваченням у присвоєнні чужого майна розглядалася Московським окружним судом 5—19 жовтня 1874 р. I 79

Митька — див. *Есманський Д. Д.*

Митькевич — помічник секретаря Чернігівської консисторії I 595

Митя — див. *Антонович Д. В.*

Михаїл (1830—?) — митрополит сербський I 424

Михайло — див. *Кістяківський М. Ф.*

Михайло — див. *Михайло Миколайович*

Михайло — іркутський єпископ II 138

Михайло — син Орфанової II 136

Михайло Іванович — див. *Драгомиров М. І.*

Михайло Іванович — див. *Чертков М. І.*

Михайло Миколайович (1839—1909) — великий князь, син Миколи I II 151, 356

Михайло Петрович — див. *Драгоманов М. П.*

Михайло Флегонтович — див. *Владимирський-Буданов М. Ф.*

Михайлов — багатий селянин II 358

Михайлов Адріан Федорович (1853—1929) — революціонер-народник; вчинив замах на М. В. Мезенцова (1878) I 554

Михайлов Михайло Ларіонович (1826—1865) — письменник, за доносом В. Д. Костомарова (1861) був заарештований за перевезення з-за кордону прокламацій «До молодого покоління» і засланий. Автор книги: «Ассоциация: Очерки практического применения принципа кооперации в Германии, Англии и во Франции» I 516, 607

Михайлов Олександр Дмитрович (1855—1884) — народник; брав участь у замахах на Олександра II II 163, 339, 340

Михайловський Микола Костянтинович (1842—1904) — публіцист, соціолог і критик; автор відзиву на праці М. І. Хлебникова, опублікованого в «Отечественных записках» (1880.— № 1) II 85, 94

Михалевич — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 552; II 52

Михальчук Костянтин Петрович (1840—1914) — український філолог, член Старої громади II 415

Миша — син П. П. Чубинського I 603

Міклуха Сергій Миколайович — мировий суддя Радомишльського пов. Київської губ., член Київського юридичного товариства II 109, 175, 292, 298, 329

Мілан I Обренович (1854—1901) — сербський князь (з 1868 р.), король (1882—1889) I 206, 211, 368

Міленевський Флор Корнілович — судовий слідчий Либедської дільниці Києва II 57, 144

Міллер Орест Федорович (1833—1889) — історик російської літератури, фольклорист, приват-доцент Петербурзького ун-ту (з 1865 р.) I 625; II 486

Мілль Джон-Стюарт (1806—1873) — англійський політичний діяч, економіст, філософ II 23

Мілютін Дмитро Олексійович (1816—1912) — граф, генерал-фельдмаршал, військовий міністр Росії (1861—1881) I 207, 230; II 344, 345, 348.

Мінервін Олександр Євгенович — професор богослів'я Демидівського юридичного ліцею I 257, 380, 382, 435

Мінх Григорій Миколайович (1836—1896) — доктор медицини. Повернувся з Одеси (1876), де працював у міській лікарні; професор патологічної анатомії Київського ун-ту I 185, 331; II 417, 499, 502

Мірабо Віктор Рікеті (1715—1789) — французький економіст, маркіз I 429, 473

Мірабо Габріель-Оноре Рікеті (1749—1791) — граф, діяч французької буржуазної революції кінця XVIII ст. I 473, 474

Міттермайер Карл-Іосиф - Антон (1787 — 1867) — німецький криміналіст-правознавець. О. Ф. Кістяківський присвятив йому працю «Очерк английского уголовного процесса по Миттермайеру» (Журнал Министерства юстиции.— 1860.— № 6, 8—12) I 301, 331

Мітюков Каленик Андрійович (1823—1885) — доктор юридичних наук, заслужений ординарний професор кафедри римського права Київського ун-ту I 33—36, 40, 48, 63, 72, 81, 83, 109, 111, 209, 210, 243, 244, 257, 268, 269, 288, 310, 311, 314, 328, 335, 351, 352, 372, 375—379, 382, 383, 405, 406, 524, 567—569, 578, 588, 593, 600, 620; II 22, 84, 117, 129, 131, 153, 154, 166, 273, 288, 289, 315, 316, 319, 335, 352, 371, 416, 417

Міфле Йосип Едуардович (1845 — ?)— доктор медицини, приват-доцент Київського ун-ту II 158

Міхель — родина, вихідець якої Іван Михайлович, відставний капітан, був батьком В. І. Антонович та О. І. Кістяківської I 9

Міхно Павло — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1873) I 212

Міч — член адміністрації Городищенського цукрового заводу I 153, 154, 158, 159, 174, 195, 340, 343, 348, 349, 351, 352, 354, 356, 357, 383, 398, 427, 428; II 269, 289

Міщенки — подружжя II 72, 157, 165, 179, 256, 273

Міщенко — харківський комісіонер, кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 158, 168

Міщенко П. Е.— учитель з с. Карпилівки Прилуцького пов. Чернігівської губ., кореспондент О. Ф. Кістяківського I 566, 579; II 25

Міщенко Федір Герасимович (1848—1906) — філолог-перекладач, доктор грецької словесності Київського ун-ту. Автор перекладу «Географії» Страбона (М., 1880) I 495, 511, 520, 549; II 4, 7, 48, 64, 73, 74, 86, 92, 97, 106, 165, 179, 184, 304, 310, 313, 316, 317, 323, 324, 363, 372, 373, 390, 401, 411, 417, 429, 430, 434, 435, 439, 441—444,

449, 450, 454, 457—461, 464—467, 470, 471, 475, 484, 486, 500

Млодецький Іполіт Осипович (бл. 1855—1880) — революціонер-народник II 78, 79, 92

Могилянська — дружина М. Я. Могилянського I 198

Могилянський Михайло Якович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1866), член Чернігівського окружного суду I 106, 128, 146—148, 421, 468, 517, 518, 524, 525, 559, 572, 574, 579, 596; II 20, 82—84, 87, 256, 258, 298, 325, 373

Могилянські — подружжя II 256

Модестов Василь Іванович (1839—1904) — філолог, історик античності, публіцист, професор духовної академії та Київського ун-ту I 34—37, 39—43, 46, 49, 56—58, 64, 67, 69, 71, 73, 75, 82, 119, 135, 172, 215—221, 299, 323, 356, 372, 386, 394—396, 398, 399, 402, 418, 550; II 8, 47, 131, 296, 363, 364, 375, 389, 423, 484—486, 488, 491, 493

Модестови — подружжя I 135; II 492

Мокрицький — клієнт О. Ф. Кістяківського I 419

Молоствов — кореспондент О. Ф. Кістяківського I 514

Молотков — начальник залізничної станції Воронцово-Городище II 437

Молчалін — літературний персонаж комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму» I 117, 118, 371, 603

Молчанов Олександр Миколайович (1847 — ?) — юрист, адвокат, літератор; редактор «Киевского телеграфа» (70-ті роки XIX ст.), кореспондент «Нового времени» I 86, 89, 491, 492, 642

Моль Роберт (1799—1875) — німецький державознавець і політичний діяч I 244

Мольтке Гельмут Карл (1800—1891) — німецький фельдмаршал і політичний діяч I 55

Мономах — див. *Володимир Мономах*

Монтеск'є Шарль-Луї (1689—1755) — французький просвітитель, правознавець, письменник I 10

Моравський Олександр Кузьмович — товариш воєнного прокурора Київського військового округу I 116, 119

Моргулець Мар'ян — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 552

Мордовець (Мордовцев) Данило Лукич (1830—1905) — письменник, історик II 242, 491

Мордохей — прізвисько М. І. Черткова II 173, 240

Морейніс Михайло Абрамович (1861 — ?) — революціонер-народник I 483

Морковников Володимир Васильович — ординарний професор хімії Московського ун-ту II 31

Моркотун Микола Степанович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1879), помічник столоначальника канцелярії київського, подільського і волинського генерал-губернатора I 589; II 86—88, 188, 269, 340

Мороз Данило Костянтинович (1841—1894) — український письменник, співробітник «Основи»; вчителював у Калуші, на Кавказі служив управителем маєтків удільного відомства I 318, 319, 341, 349; II 401

Мостицький — київський поліцмейстер II 456, 471, 473, 483, 500

Мотлі Джон Лотроп (1814—1877) — американський історик і дипломат. Автор «Истории Нидерландской революции и основания Республики Соединенных провинций» (Спб., 1865—1871.— Т. 1—3) II 339

Моховик — товариш прокурора Сумського окружного суду I 73, 80, 421, 422, 468, 469; II 16, 49

Муравйов — чиновник департаменту герольдії Сенату I 443, 444

Муравйов Микола Валер'янович (1850—1908) — прокурор Ярославського окружного суду (1879) і товариш прокурора Петербурзької судової палати (1880), прокурор (з 1881 р.) I 270; II 143, 339

Муравйов Михайло Миколайович (1796—1866) — державний діяч Росії, за жорстоке придушення польського повстання прозваний «душителем»; голова Верховної комісії у справі Д. В. Каракозова (1866) I 237, 337, 390, 420, 443, 469, 478, 533; II 76, 92, 143, 264, 488

Муравйов-Амурський Микола Миколайович (1809—1881) — російський державний діяч, генерал-губернатор Східного Сибіру (1847—1861) I 270, 408

Мурашко Олександр Іванович (1848—1906) — український живописець і педагог. Викладач малювання у київських навчальних закладах; засновник київської художньої школи (1876—1901) I 301, 352, 374, 380; II 179, 180, 184

Муромцев Сергій Андрійович (1850—1910) — юрист і політичний діяч; професор римського права Московського ун-ту; редактор «Юридического вестника» (з 1879 р.); голова Московського юридичного товариства (з 1880 р.) I 319, 498, 550, 554, 555, 559, 567—569, 572, 574, 579, 583; II 31, 135, 329, 342, 464, 489—491, 496—498

Муромцева-Климентова (Муромцева) Марія Миколаївна (1856—1946) — співачка, солістка Великого театру у Москві; дружина С. А. Муромцева II 497

Муромцеви — подружжя II 497

Мусін-Пушкін Михайло Миколайович (1795—1862) — попечитель Казанського (1829—1845) і Петербурзького (1845—1856) учбових округів I 333

Мусман — драгунський полковник у відставці, кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 149, 153, 160, 166, 167

Мюар-Вуглан (*Мюар де Вуглан*, 1713—1791)— французький юрист, адвокат, член парламенту I 392

Мюллер Фрідріх (1834—1898) — професор санскриту і порівняльного мовознавства Віденського ун-ту. Автор «Allgemeine Ethografie» («Загальна етнографія». Відень, 1879. 2-е вид.) I 458

М'ясников — ад'ютант М. В. Мезенцова II 281

М'ясников — власни к кінного заводу I 70, 71, 79, 80, 100, 172; II 72

Набока Ф. С.— домашній учитель у родині П. П. Чубинського II 189

Набоков Дмитро Миколайович (1827—1904) — державний діяч Росії, головний начальник

в. й. і. в. канцелярії у справах Царства Польського; міністр юстиції (1878—1885) I 510; II 220, 249, 483, 494, 495, 497

Навсікая —за гомерівською «Одіссеєю», донька царя фракійців Алкіноя і цариці Арети I 215

Нагорний Е. Н.— відставний мировий суддя I 343, 350, 430

Нагорський Євген — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1871) I 426

Надія — див. *Симонова Н. М.*

Надія — за християнською традицією, св. мучениця, яка потерпіла в Римі за віру II 289

Назарій — див. *Фаворов Н.*

Назаров — присяжний повірений I 72

Назаров Олексій Іванович (бл. 1858—?) — учасник народницького руху II 129, 171

Назимов — судовий захисник I 117

Назимов Олександр — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1874); викладач Демидівського юридичного ліцею I 80, 81, 117, 119, 342, 380, 388; II 273, 275, 276

Наперстка (*Наперстков*) *Войтех* — засновник Празького промислового музею II 198

Наполеон (1769—1821) — імператор Франції (1804—1814, 1815) I 115, 143, 222, 295, 579; II 302

Наполеон III (1808—1873) — французький імператор (1852—1870) I 382; II 264

Настасія — тітка О. Ф. Кістяківського I 83, 502, 638; II 159

Настуся — донька Якубихи I 119

Натансон — зять Д. М. Вайнштейна I 72

Науменко Володимир Павлович (1852—1919) — український письменник, педагог, громадський діяч; учитель Другої київської гімназії; редактор «Киевской старины» I 6, 111, 496, 511; II 33, 72, 73, 151, 152, 310, 311, 317, 324, 390, 395, 416, 444, 450, 455

Наумович Іван Григорович (1826—1891) — український діяч у Галичині, москвофіл, священик, письменник II 374

Небольсін Володимир — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1881) I 160, 575; II 312

Невєров Януарій Михайлович (1810—1893) — попечитель Кавказького учбового округу (1864—1879) I 450—452, 458, 481, 482

Неводовський Семен Андрійович — член Чернігівського окружного суду II 258

Неволін Костянтин Олексійович (1806—1855) — доктор права, ординарний професор кафедри енциклопедії права і державних установ Київського ун-ту, ректор (1837—1843) I 332, 333

Нежданов — персонаж роману І. С. Тургенєва «Новь» I 334, 335, 367

Незабитовська — дружина В. А. Незабитовського I 209, 419

Незабитовський Василь Андрійович (1824—1883) — доктор політичних наук, заслужений ординарний професор кафедри міжнародного права Київського ун-ту I 38, 47, 48, 68—70, 73, 81—83, 102, 136, 173, 193, 199, 209, 227, 252, 257, 258, 268, 286—288, 307, 310, 314, 318, 339, 348, 357, 372, 374, 382, 386, 398, 400, 401, 410, 420, 468, 501, 532, 606; II 22, 78, 80, 81, 102, 117, 175, 233, 272, 319, 335, 353, 373, 393, 424—426, 515

Незабитовські — подружжя I 420

Незлобін (псевдонім *Дьякова Олександра Олександровича*, 1845—1895) — белетрист і журналіст 70-х років. Брав участь у діяльності харківських революційних гуртків, здійснив напад на пошту, втік до Цюриха, але там не зійшовся з революціонерами. Написав серію оповідань «Кружковщина», в яких у невигідному світлі описав життя росіян за кордоном I 542; II 98, 304

«Незнакомец» — літературний псевдонім *О. С. Суворіна* I 143, 618; II 206, 267

Нейкірх Іван Якович (1803—1870) — доктор філософії, ординарний професор грецької словесності і старожитностей Київського ун-ту I 384

Нейман Мар'ян — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1876) I 193, 624

Нейман Чеслав Гермогенович (1852—1906) — фольклорист та етнограф; присяжний повірений у Вінниці; член Київського юридичного товариства II 27

Неклюдов Микола Андрійович (1840—1896) — юрист-криміналіст; професор права Військово-юридичної академії I 34, 132, 506; II 483, 492—497

Неклюдов Сергій Михайлович (бл. 1848—1892) — кандидат права юридичного факультету Петербурзького ун-ту; присяжний повірений столичної судової палати. Засланий до Вологодської губернії (1877) I 366

Некрасов Микола Олексійович (1821—1877) — російський поет, революціонер-демократ I 71, 612, 633

Нектарій (*Надєждин Микола Самуїлович*, 1819—1874) — архієпископ харківський і охтирський I 97

Нельговський — київський офіцер I 351

Нельговський — управляючий маєтками Г. П. Галагана I 330

Немезіда — у грецькій міфології богиня відплати I 278 484; II 146, 246, 317, 334

Немирович-Данченко Василь (1848—1917) — письменник, поет, мандрівник I 400

Немиський Владислав-Леон — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1857) I 565

Неплюєв Микола Іванович — чернігівський губернський предводитель дворянства I 470; II 53—55, 76, 146

Неронов Федір Петрович — чиновник особливих доручень у канцелярії державного контролю, директор канцелярії міністра шляхів сполучень I 223; II 325, 490, 491

Неронови — подружжя II 490

Несвицький Олександр Олександрович (1855 — ?) — студент Медично-хірургічної академії, учасник студентського руху II 146

Нестор — кучер I 46, 284, 398

Нестор — син О. О. Котляревського, пізніше — академік, професор Петербурзького ун-ту, історик літератури I 119

Нефедов Пилип Діомидович (1848—1902) — російський белетрист і етнограф II 298

Нечаєв Сергій Геннадійович (1847—1882) — російський революціонер-народник I 106, 336, 633; II 82

Нечаєва — дружина інспектора Петербурзької духовної семінарії **II** 200
Нешин Спиридон — священик у Сербії **I** 196, 343, 344, 635
Никандр (Покровський Микола Іванович, 1816—1893) — архієпископ тульський **II** 218
Никанор Адамович — див. *Хржонщевський Н. А.*
Никодим — ректор Чернігівської духовної семінарії **II** 119
Никон — намісник Києво-Печерської лаври **II** 7
Ничипоренко Іван Іванович — директор Колегії Павла Галагана **II** 72, 79, 415, 491
Ніжинський Володимир — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880), стипендіат М. Х. Бунге; гласний Київської міської думи **I** 517, 606; **II** 11, 52, 175, 185, 241, 250, 310, 397, 398, 505
Нікітін —поміщик **I** 34, 36
Нікітін — власник київського цирку **II** 456
Нікітін Андрій Филимонович — помічник поліцмейстера у Києві **I** 80, 94, 137, 138, 562
Нікітін Віктор Микитович (1839 — ?) — публіцист, автор праць з історії тюрем й ув'язнень у Росії; петербурзький мировий суддя **II** 82, 109
Нікітін Петро Олексійович — революціонер-народник **I** 483
Ніколадзе Микола Якович (1843—1928) — грузинський публіцист, літературний критик, діяч національно-визвольного руху в Грузії **II** 295
Ніколаєв — власник петербурзької кухмістерської **I** 215
Ніколаєв Володимир Миколайович (1847—1911) — академік архітектури, київський міський архітектор **I** 105; **II** 131
Ніколаєвська Лідія Василівна (1855—?) — діячка революційного руху в Росії; учасниця демонстрації на Казанській площі (1876) **I** 345
Ніколаєвський Іван Арсенович — товариш голови Чернігівського окружного суду, член Петербурзької судової палати **I** 488; **II** 285, 286
Ніколаї Олександр Павлович (1821—1899) — барон, російський державний діяч; управляючий цивільною частиною на Кавказі (1863—1881), міністр народної освіти (1881—1882) **II** 237, 338, 343, 356
Ніколич — сербський військовий міністр **I** 199, 201, 205—207, 211
Ніколич — студент юридичного факультету Київського ун-ту **I** 43, 51, 52, 68, 85, 100, 103, 105, 106, 127, 146, 163, 284, 438
Нікольський Михайло Васильович (1827—1880) — професор кафедри офтальмометрії і госпітальної клініки Казанського ун-ту **I** 109
Ніс Степан Данилович (1829—1900) — український етнограф і фольклорист **II** 325
Новакович Ілля — священик у Сербії **I** 196, 344
Новаковський Хаїм Зальманович (1851—?) — діяч революційного руху в Росії; учасник демонстрації на Казанській площі (1876) **I** 345
Новиков Євген Петрович — російський посол у Відні **I** 555
Новиков Іван Петрович — помічник попечителя Київського учбового округу **I** 200
Новиков Микола Іванович (1744—1818) — російський письменник, просвітитель **I** 521
Новиков Сергій — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1877) **I** 70, 72, 76, 81, 109, 116, 145, 146, 192, 284, 285, 345, 347, 420, 429
Новицька — мати братів Новицьких **I** 408
Новицький — землевласник Роменського пов. **I** 408
Новицький — петербурзький генерал, брат В. Д. Новицького **II** 490, 491
Новицький Анатолій — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1879) **I** 506
Новицький Василь Дементійович — начальник Київського губернського жандармського управління (1878—1902) **I** 560, 607; **II** 85, 88, 93, 336, 418, 426, 428, 465, 467, 469, 473, 484, 498—500
Новицький Іван — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1879) **I** 506, 545, 566; **II** 304, 311
Новицький Іван Петрович (1844—1890) — український історик, етнограф і журналіст **I** 70, 76, 102, 104, 116, 124, 125, 138, 139, 141, 144, 545, 630; **II** 80, 144, 183, 262, 310, 312, 313, 328, 329
Новицький Орест Маркович (1806—1884) — магістр Київської духовної академії, ординарний професор кафедри філософії Київського ун-ту **I** 169, 321, 387; **II** 188
Новицький Петро Васильович — журналіст **I** 400, 408
Новицький Хрисанф — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1870), слідчий **I** 94
Новицькі — подружжя **II** 491
Новосильцев Іван Петрович — російський землевласник **I** 410, 411
Нольде Еммануїл Юліанович — столоначальник у Міністерстві юстиції **I** 573; **II** 488, 492, 493
Номис — див. *Симонов М. Т.*
Нордштейн Ростислав Сергійович — управляючий палатою державного майна Київської губ. (1862—1866) **I** 230
Нордштейн Сергій Олександрович — товариш прокурора Київської губ. **I** 486, 524
Носов — антиквар **I** 426
Носов — чиновник ревізійної комісії Сенату **II** 324

Обнинський Петро Наркизович (1837—1904) — судовий діяч і публіцист; товариш прокурора і прокурор Московського окружного суду (70—80-ті роки) **I** 201
Обухович — волосний голова в Іркутській губ. **I** 563, 574
Овсяний — лікар **I** 576
Овсянников — ділок **I** 79
Овчинников Михайло Михайлович (бл. 1852—?) — учасник народницького руху **I** 74
Огарьов Микола Платонович (1813—1877) — російський революціонер, поет, публіцист **I** 642
Оглоблин М. П.— власник київської друкарні **I** 142
Огоновський Омелян Михайлович (1833—1894) — український діяч та вчений-літературознавець у Галичині, професор Львівського ун-ту **II** 221, 227, 374

Огризко Йосафат (1827—1890) — діяч польського визвольного руху в Росії; чиновник Міністерства фінансів, адвокат I 188
Олліссей—герой Троянської війни, персонаж однойменної давньогрецької поеми Гомера I 634; II 105
Озерський — ніжинський поліцмейстер I 351
Окулов Микола Михайлович — старший голова Казанської судової палати I 583
Олдідж Айра-Фредерік (1805—1867) — негритянський актор-трагік I 388
Олександр — див. *Кістяківський О. Ф.*
Олександр — див. *Саша*
Олександр Васильович — див. *Романовський-Славатинський О. В.*
Олександр II (1818—1881) — російський імператор (з 1855 р.) I 88, 467, 476, 487, 521, 564, 565, 591, 606, 607, 624, 628, 643; II 45, 68, 204, 213, 222, 242, 333, 334, 337—339, 341, 348, 350, 404, 408, 413, 422, 437, 468
Олександр Іванович — див. *Сасько О. І.*
Олександр Іванович — див. *Селін О. І.*
Олександр Іванович — див. *Ханенко О. І.*
Олександр Миколайович — див. *Олександр II*
Олександр I (1877—1825) — російський імператор (з 1801 р.) I 411, 476, 521; II 62, 277, 337, 404
Олександр Семенович — див. *Великанов О. С.*
Олександр III (1845—1894) — російський імператор (з 1881 р.) II 334 — 337, 340—345, 349, 350, 353, 404, 420, 500
Олександр Федорович — див. *Кістяківський О. Ф.*
Олександра Іванівна — див. *Кістяківська О. І.*
Олександра Федорівна (1798—1860) — дружина російського імператора Миколи I I 402
Олексій Олександрович — син Олександра II I 180
Олексій Сергійович — див. *Шкляревський О. С.*
Олексій Хомич — див. *Андріяшев О. Х.*
Олельковичі — київські князі XV ст. I 54
Олена — див. *Глинська О. В.*
Олена — родичка О. Ф. Кістяківського I 637
Олена Павлівна (1806—1873) — велика княгиня, дружина великого князя Михайла Павловича II 355
Олів'є Еміль (1825—1913) — французький політичний діяч, голова уряду (1870) I 255, 382
Олтаржевський Вячеслав Степанович — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» II 421
Ольга — родичка О. Ф. Кістяківського I 636
Ольга Іванівна — див. *Черткова О. І.*
Ольга Павлівна — див. *Зобова О. П.*
Ольга Петрівна — див. *Косач О. А*
Ольденбурзький Олександр Петрович (1812—1881) — принц, генерал від інфантерії, член Державної ради Росії II 181
Ольховський (Олеховський) Андрій (?—1885) — студент Новоросійського ун-ту, учасник протесту проти страти В. О. Малинки — II 9
Омелянський Леонід Миколайович — учитель грецької мови Полтавської гімназії; інспектор I 274, 520
Опекаловський Іван Олександрович — мировий суддя Ушицького округу, член Київського юридичного товариства II 80
Опоков Андрій Іоаникійович — столоначальник Київської з'єднаної палати карного і цивільного суду II 173, 325
Орачевський — знайомий О. Ф. Кістяківського II 175
Орда — священик I 487
Орда — учитель Другої київської гімназії II 466
Орест Федорович — див. *Міллер О. Ф.*
Оржевський Петро Васильович (1839—1896) — товариш міністра внутрішніх справ Росії (1882—1887) II 483, 503
Орися — донька В.Б.Антоновича I 637
Орлов — автор «Бурятской грамматики» I 572
Орлов — власник Буртянської економії II 167
Орлов — голова Київської судової палати II 378
Орлов — директор Харківського банку прикажчиків I 151, 158
Орлов Микола Олексійович — надзвичайний і повноважний посол Росії у Парижі, генерал-ад'ютант II 99
Орлов Олексій Федорович (1786—1861) — шеф жандармів і головний начальник 3-го відділення в. й. і. в. канцелярії. Керував слідством у справі кирило-мефодіївців I 107; II 281, 307
Орловський — секретар Київської палати карного і цивільного суду I 47, 126
Орнатський Сергій Миколайович (1806—1884) — юрист, професор цивільних законів у Київському, Харківському і Московському ун-тах I 501
Орфанова — теща В. С. Мамишева і О. С. Суворіна I 528; II 136, 267
Осинський Валер'ян Андрійович (1853—1879) — революціонер-народник I 489, 510, 530; II 18, 24, 444
Осипов Олександр Петрович — член Київського окружного суду II 474
Оссовський Вячеслав Степанович — член Кишинівського окружного суду II 109
Оссонвіль Д.— французький юрист I 285, 294, 348, 396
Остапенко — службовець Київського сиротського суду II 242, 255
Остапенко Микола — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1876), радник Томського губернського суду I 94, 389, 494
Островерхий — лікар I 148, 170
Островський — аптекар м. Хмелова I 481
Островський — київський скрипаль II 299
Островський — прокурор Київського окружного суду II 320
Островський Іван Адамович — начальник міської телеграфної станції у Києві II 453
Островський Олександр Миколайович (1823—1886) — російський драматург II 134
Остродумов — персонаж роману І. С. Тургенєва «Новь» I 334
Остроухов — кореспондент «Киевлянина» I 70
«Откровенный писатель» (псевдонім *Станюковича Костянтина Михайловича,* 1844— 1903) —

російський письменник, співредактор «Дела» II 103

Отмарштейн Гнат Романович — сенатор касаційного департаменту Сенату II 496

Отреп'єв Гришка (?—1606) — збіглий монастирський диякон, який видавав себе за царевича Дмитра Івановича I 92

Офенгайм — австрійський міністр I 125

Оффенбах Жак (1819—1880) — французький композитор II 510

П.— лікар II 195

Павло (Павка) — племінник О. Ф. Кістяківського I 383, 638

Павло — див. *Кістяківський П. Ф.*

Павло I (1743—1801)— російський імператор (з 1796 р.) I 377; II 277, 334, 404

Павло Платонович —див. *Чубинський П. П.*

Павлов Олександр Спиридонович — генерал-майор, начальник Київського губернського жандармського управління I 118, 302,

Павлов Платон Васильович (1823—1895) — історик, громадський діяч; професор Київського ун-ту (1850—1856, 1875—1885) I 28, 40—42, 44—46, 56—58, 64, 67, 68, 75, 108, 123, 144, 172, 187, 196, 197, 218—220, 223, 289, 298—300, 313, 320, 323, 328, 329, 331, 355, 371, 374, 389, 418, 433, 529, 589, 618, 628, 629; II 112, 118, 127, 154, 227, 229, 263, 283

Павлович Опанас — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1870), мировий суддя I 27

Павлушенко — студент юридичного факультету Київського ун-ту; чернігівський присяжний повірений I 147

Палаузов Володимир Миколайович (1851—?) — криміналіст, професор Новоросійського ун-ту (з 1884 р.) II 293

Пален Костянтин Іванович (1833—1912) — російський державний діяч, міністр юстиції (1867—1878) I 89, 110, 323, 332, 421; II 32, 190, 220, 222, 241

Палеолог — один з представників останньої династії візантійських імператорів (1261—1453) I 28

Палієнко Іван Степанович (1832 — ?) — директор Київського реального училища (з 1873 р.) I 175

Паллеске Еміль (1823—1880) — німецький письменник, актор, декламатор. Йому належить одна з найкращих біографій Шіллера: «Schillers Leben und Werke» I 453, 458

Палкін — знайомий О. Ф. Кістяківського II 488

Палюмбецький Олександр Іванович (1811—1897) — професор кафедри енциклопедії Харківського ун-ту I 612

Пальмін Микола Михайлович — помічник проректора Петербурзького ун-ту I 61

Панаєв Іван Іванович (1812—1862) — російський журналіст і белетрист I 612

Панкевич Олександр — кандидат юридичного факультету Новоросійського ун-ту (1877) II 130, 142

Пантелеймон Олександрович — див. *Куліш П. О.*

Пантелєєв Лонгін Федорович (1840—1919) — видавець, учасник студентського руху (60-ті роки XIX ст.), діяч першої організації «Земля і воля» II 488, 490

Панченки — подружжя II 72

Панченко — мировий суддя у Бердичеві I 160

Панченко Федір Тимофійович — член Старої громади, лікар — I 509, 511; II 73, 82, 311, 390, 394, 455

Панютин — віленський губернатор, голова слідчої комісії в Одесі (з 1879 р.) I 199, 469, 470; II 246, 264, 335, 428

Параска — домашня робітниця у родині О. Ф. Кістяківського I 570, 623, 638; II 152

Партицький Омелян Осипович (1840—1895) — український мовознавець, етнограф, історик, педагог II 216, 221

Парфеній — ректор Астраханської духовної семінарії II 153

Паскевич (Паскевич-Єриванський) Іван Федорович (1782—1856) — граф, російський генерал-фельдмаршал, командував військами під час придушення революції в Угорщині (1849) II 103

Патанєєв — службовець Київського банку взаємного кредиту II 439

Патера Адольф Осипович — чеський філолог, завідувач бібліотекою Чеського музею II 198

Патлаєвський Інокентій Юліанович (1839—1883) — професор фінансового права Новоросійського ун-ту I 382, 384, 385, 388, 389; II 249, 293

Патті Аделіна (1843—1919) — італійська оперна співачка I 485; II 239

Пауе (Пауль) Б. Б.— київська сусідка О. Ф. Кістяківського II 118, 124, 125, 129, 131, 144

Паульсон Отто Михайлович (1837—?) — доктор зоології, ординарний професор кафедри зоології Київського ун-ту I 99, 164; II 9, 65, 96, 369, 373, 409

Пахман Семен Вікентійович (1825—1910) — юрист, професор цивільного права в Казанському, Харківському і Петербурзькому ун-тах (1852—1876) I 186, 187, 303, 422; II 98, 492, 494

Пащенкова —дочка Гудим-Левковича II 398

Пащенкови — друзі В. Г. Демченка II 505

Пекюс (Піквюс) Людовік Емілійович (1830—?) — лектор французької мови Київського ун-ту I 328, 329, 355, 358, 386

Пеле Жан (1779—1858) — барон, французький генерал і воєнний історик I 578

Пеликан — власник магазину в Карлсбаді II 199, 202, 208, 219, 220, 227

Пенський — стародубський приватний повірений II 197

Перекусихіна Мар'я Савишна (1739—1824) — улюблена камер-юнгера Катерини II I 411

Переможко Петро Іванович (1833—1894) — доктор медицини, ординарний професор кафедри гістології, ембріології і порівняльної анатомії Київського ун-ту I 60, 133, 253, 316, 355

Перерепенко Іван Іванович — літературний персонаж «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» М. В. Гоголя I 130

Пересвет Олександр (?—1380) — герой Куликовської битви 1380 р. I 35

Перовська Софія Львівна (1853—1881) — російська революціонерка-народниця II 339, 340

Перовський Лев Олексійович (1792—1856) — граф, російський державний діяч; міністр внутрішніх справ (1841—1852) II 308

Пероговський Василь Гнатович (1830—1881) — письменник, дослідник Волині; слідчий і мировий суддя I 499, 502, 553, 554, 579, 601; II 16, 109, 144, 173, 313, 322

Перфильєв Степан Степанович — правитель канцелярії міністра внутрішніх справ II 396

Песіна — італійський професор карного права I 12

Пестржецька — дружина А. Л. Пестржецького II 214

Пестржецький (Пестержецький) Андрій Леонтійович — юрист, помічник юрисконсула військового міністерства I 49, 80, 251, 390, 399; II 200—208, 210—214, 217, 218, 221, 228, 229, 275, 307, 325, 329

Пестржецькі — подружжя II 200, 229

Петлін — ділок I 54

Петранс — очевидно, йдеться про братів Петерсон: Олексія, Петра і Федора Миколайовичів, діячів народницького руху I 367

Петрашевський Михайло Васильович (1821—1866) — російський революціонер II 307

Петро — апостол II 201

Петро Васильович — див. *Новицький П. В.*

Петро Великий — див. *Петро I*

Петро I (1672—1725) — російський цар і імператор I 256; II 102, 140, 249, 337

Петро Савич — див. *Єфименко П. С.*

Петров — учитель Кременчуцького реального училища I 148

Петров Осип Опанасович (1807—1878) — оперний співак, перший видатний виконавець партії Сусаніна I 223

Петров Петро — фельєтоніст газети «Санкт-Петербургские биржевые ведомости» II 103

Петрункевич Іван Ілліч (1843—1928) — чернігівський земський діяч; гласний міської Думи, дільничний суддя I 470; II 55, 83

Петрункевич — учень Другої київської гімназії II 66

Петрусевич Стефан — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1875) кандидат на судову посаду I 307; II 163

Петрушевський Олександр Хомич (1826—?) — генерал-лейтенант, історик. Автор праці «Генералиссимус князь Суворов» (Спб., 1884.— Т. 1—3) II 492

Петухін — студент Київського ун-ту II 409

Пилянкевич Микола Іванович (1819—1856) — кандидат юридичних наук, ад'юнкт-професор кафедри енциклопедії законознавства Київського ун-ту I 184; II 204

Пипін Олександр Миколайович (1833—1904) — російський літературознавець, фольклорист I 393, 394, 618; II 242, 490, 491

Пирогов Микола Іванович (1810—1881) — вчений-хірург, педагог, попечитель Київського учбового округу (1858—1861) I 28, 85, 123, 147, 194, 198, 376; II 364

Писарев Микола Еверестович (1805—1884) — управляючий канцелярії київського, подільського і волинського генерал-губернатора (1838—1848) I 546; II 231

Писарев Олександр Олександрович (1780—1848) — письменник, попечитель Московського ун-ту, варшавський військовий губернатор, голова товариства любителів російської словесності II 23

Пискунов Фортунат Михайлович — український лексикограф і етнограф, видавець «Словниця української мови» (1873), друге видання під назвою «Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан» (1882), альманаху «Чайка» (К., 1876), творів Кухаренка і біографії Шевченка I 97, 101, 125, 137—143, 168, 199, 251, 256, 257, 287, 316, 317, 325, 337, 346, 429, 432

Пискунови — подружжя I 137

Пілат — див. *Понтій*

Пірр (319—272 до н. е.) — цар Епіру, визначний полководець I 515

Піхно Дмитро Іванович (1853—1909) — магістр поліцейського права, доцент кафедри політичної економії і статистики Київського ун-ту, редактор «Киевлянина» (з 1879 р.) I 69, 103, 110, 191, 211, 226—228, 243, 244, 247, 249, 252, 257, 259, 260, 263, 316, 319, 344, 378, 406, 419, 421—423, 426, 429—433, 470, 486—490, 519, 524, 533, 544 — 547, 570, 571, 630, 632; II 22, 23, 27—30, 37, 38, 40, 47, 48, 52, 55, 56, 64, 71, 86, 104, 115, 124, 146, 147, 150, 153, 162, 178, 217, 247, 248, 255, 256, 261, 270, 272, 293, 319, 326—328, 334, 335, 338, 340, 352—354, 369—371, 373, 377, 378, 382—384, 393, 395—398, 401, 417, 425, 432, 439, 452, 458, 493, 505

Платон — див. *Симиренко П. Ф.*

Платон Васильович — див. *Павлов П. В.*

Платон (Городецький, 1803—1891) — митрополит київський і галицький (з 1881 р.) II 436

Платон (Титов, 1810—?) — соборний ієромонах, наглядач чернігівських духовних повітового і парафіяльного училищ (з 1833 р.) II 163, 164

Платонов Іван Васильович — ординарний професор кафедри державного благоустрою і благодійності Харківського ун-ту (1836—1856) II 612

Плевако Федір Ничипорович (1842—1908) — юрист, адвокат, судовий оратор I 202, 245, 267; II 418, 439

Плеве Вячеслав Костянтинович (1846—1904) — державний діяч Росії, сенатор. Директор департаменту поліції (з 1881 р.); товариш міністра внутрішніх справ II 464, 489, 490, 496

Плетньов Петро Олександрович (1792—1862) — літератор, критик; ректор Петербурзького ун-ту (1840—1861) I 333

Площанський Венедикт (1834—1902) — український журналіст та історик, москвофіл, редактор газети «Слово» II 234

Плутарх (бл. 46—126) — давньогрецький письменник I 550

Плюшкін — персонаж комедії М. В. Гоголя «Ревізор» I 602

Плятер (Платер) Євгеній Густавович — обер-прокурор п'ятого департаменту Сенату I 224

Победоносцев Костянтин Петрович (1827—1907) — юрист, державний діяч Росії, обер-

прокурор Синоду II 149, 344, 345, 414, 435, 436, 441, 465, 468, 473, 476

Погодін Михайло Петрович (1800—1875) — російський історик і публіцист, видавець журналу «Москвитянин» (1841—1858) I 171, 172, 217, 221, 453, 471; II 313

Подгоричані — див. *Подгоричані-Петрович Ю. М.*

Подгоричані-Петрович Юрій Миколайович — волинський губернатор II 63, 94

Подковинцева — ділок I 54

Подколесін — персонаж комедії М. В. Гоголя «Женитьба», який постійно сумнівався, вибираючи наречену I 67, 104

Подолинський Сергій Андрійович (1850—1891) — український вчений, громадсько-політичний діяч I 43, 632; II 306

Подольський Микола Іванович (1857—?) — студент медичного факультету Київського ун-ту, запідозрений у замаху на помічника губернського прокурора М. М. Котляревського (1878) II 15, 44, 47, 139, 140, 293, 321, 490

Подоляка Дмитро Федорович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1872), мировий суддя Коростишева I 397, 591; II 109, 173, 292

Подревський Микола Миколайович (1855 — ?) — революціонер-народник II 78, 79

Поеріо Карл — італійський діяч періоду об'єднання Італії I 474

Познанський Борис Станіславович (1841—1906) — діяч Старої громади; етнограф, співробітник «Киевской старины», «Зорі»; вивчав побут та звичаї українців на Вороніжчині I 190; II 161, 171, 175

Покрамович Віктор Петрович — член Молодої громади II 165

Покрамовичі — подружжя II 72

Покровський — лікар, брат В. Т. Покровського I 196, 344; II 108

Покровський Василь Тимофійович (1839—1877) — доктор медицини, ординарний професор кафедри спеціальної патології і терапії Київського ун-ту I 41, 46, 48, 60, 96, 112, 131, 133, 136, 170, 278, 289, 293, 296, 298, 307, 309, 316, 317, 323, 331, 369, 376, 563

Покровський Михайло Михайлович — чиновник особливих доручень при київському, подільському і волинському генерал-губернаторові II 401, 402, 433

Полетика Микола Панасович (1852—1884) — учасник народницького руху; один з діячів Чигиринської справи II 86

Полиновський Олександр Михайлович — член Київської судової палати II 259, 287, 289, 298, 299

Полікарпов — студент, учасник народницького руху II 89

Полінковський — арендатор II 200

Політковський — учень училища правознавства II 308

Політковський Лукулл — таємний радник, правитель канцелярії комітету забезпечення поранених I 443; II 281, 282, 440

Половцев Олександр Олександрович — сенатор першого департаменту Сенату; ревізував Київську і Чернігівську губернії (1880—1881); голова Російського історичного товариства II 314, 317—319, 324, 335, 339, 341, 374, 395, 466, 487, 489, 515

Полозов Костянтин — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1879) I 506

Полонський Леонід Олександрович (1833 — ?) — російський письменник, видавець газети «Страна» II 334, 510

Полонський Олексій Єфремович — обер-секретар другого відділення Синоду II 270, 275

Полонський Яків Петрович (1819—1898) — російський поет II 210, 216, 218, 220

Полуботко Павло Михайлович — член Київської судової палати II 308, 309

Поль-Жане Поль (1823—?) — французький філософ II 412

Поляков Самуїл Соломонович (1837—1888) — залізничний діяч, засновник великих банків і промислових товариств, меценат I 73, 384, 586, 630

Полянський — службовець Московського позичкового комерційного банку I 202, 203, 442

Полянський Михайло (1828—1904) — галицький педагог, автор шкільних підручників II 234

Понтій Пілат — римський намісник Іудеї, відзначався жорстокістю і підступністю I 136, 533; II 373

Попель Маркелла (1825—1900) — законоучитель Холмської гімназії, єпископ (з 1871 р.), пізніше — подільський I 87, 462, 463; II 210, 211

Попов — глава родини, з якої вийшла дружина В. Я. Шульгіна I 111

Попов Олександр Миколайович (1820—1877)— російський історик, автор дослідження «Французы в Москве в 1812 г.» (М., 1876) I 90

Попови — московські купці II 175

Поповський — диякон, клієнт О. Ф. Кістяківського I 54; II 242, 248

Порецький Платон Сергійович (1846—?) — астроном-спостерігач, приват-доцент сферичної тригонометрії і математичної логіки Казанського ун-ту I 114, 128, 355

Порскалов Володимир Васильович — директор Новгород-Сіверської гімназії I 231, 237, 273, 278—280, 559, 569, 574; II 292, 293, 303

Порскалови— подружжя I 238, 279, 290, 293; II 296

Порфирій — київський єпископ I 28, 60, 146, 293

Посудевський Михайло — чернігівський землевласник I 237

Потапенко — фельдшер I 134, 449

Потапов Олександр Львович (1818—1886) — шеф жандармів і головний начальник 3-го відділення в. й. і. в. канцелярії (1874—1876) I 113, 608; II 307

Потапов Яків Семенович (1860—?)— селянин за походженням, працював робітником у Петербурзі; учасник демонстрації на Казанській площі (1876) I 345

Потеруха (Потерухін) Кіндрат — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1871), слідчий Сувалкського окружного суду I 431

Потій (Поцей) Іпатій Львович (1541—1613)— київський уніатський митрополит, письменник I 634

Потоцький — директор механічної майстерні Городищенського цукрового заводу II 437
Потоцький Альфред (1817 — 1889) — австрійський державний діяч, член австрійської палати і галицького сейму; намісник Галичини (1875—1883) I 508; II 214
Потьомкіни — російський княжий рід II 169, 171
Поццоді-Борго Карл-Андрій (1764—1842) — граф, російський дипломат II 337
Поярков — член Київської судової палати II 244
Поярков Олександр — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1881) I 488, 489; II 102, 250
Прахов Андріан Вікторович (1846—1916) — мистецтвознавець, археолог, художній критик II 179, 180, 182—184, 254, 302, 303, 310
Преснухін Микола Васильович — директор Городищенського цукрового заводу I 154, 292, 349, 352, 356, 357, 360, 398, 401, 428; II 89, 101, 160, 169, 170, 186, 187, 309, 310, 315, 322
Пресняков Андрій Корнійович (1856—1880) — російський революціонер-народник II 348
Присецький Іван (1854—1911) — земський полтавський діяч II 428
Пристюк — директор Чернігівської семінарії I 379
Притович — бухгалтер Київської управи I 49
Приходько — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 566, 583, 584, 589, 601; II 11
Причард Джемс-Коульс (1786—1848) — англійський психіатр і антрополог I 637
Прищепа Прохір Федорович — заможний селянин, церковний староста с. Городищ Сосницького пов. Чернігівської губ. I 502, 503, 506, 507
Прокопович Феофан (1681—1736) — церковний діяч, письменник II 255
Протасов Микола Олександрович (1799—1855) — граф, обер-прокурор Синоду II 205, 218, 219, 436
Протасьєв — управляючий справами маєтку Воронцова I 173
Протопопов Михайло Олексійович, літ. псевдонім *Горшков* (1848 — ?) — російський критик II 272
Прохір Федорович — див. *Прищепа П. Ф.*
Проценко — київський лікар I 52, 137
Прощурін — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 189
Прудон Пьєр Жозеф (1809—1885) — французький публіцист, соціолог, економіст I 621; II 95, 188
Пугачов Омелян Іванович (бл. 1742—1775) — керівник селянської війни в Росії XVIII ст. I 334; II 194
Пугінюк Павло Прохорович (1847—1879) — учасник революційного руху II 45
Пузкова — київська оперна співачка I 223, 240
Пул — власник кав'ярні у Карлсбаді II 220
Пуппе — власник кафе у Карлсбаді I 454; II 225, 227
Пухта Георг-Фрідріх (1798—1847) — німецький юрист, підготував до видання «Cursus der Institutionen» (Лейпціг, 1844); автор праці «Grundriß zu Vorlesungen uber jur. Encyklopädie und Methodologie» (Ерланген, 1822) I 269, 578
Пучковський —студент Київського ун-ту I 221
Пушкін Олександр Сергійович (1799—1837) — російський поет I 268, 368; II 114, 166, 185, 211
Пфафе — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 363
Пфейфер [?] I 516
Пясецький — генерал у Петербурзі I 493
Пясецький Онисим Іванович — інспектор, потім директор Другої київської гімназії I 51, 64, 251; II 80
П'ятаков Леонід — директор Городищенського цукрового заводу II 413, 435, 437, 450, 451
П'ятковські — петербурзькі знайомі О. Ф. Кістяківського I 450

Радзимовський Іван Васильович — приват-доцент медичного факультету Київського ун-ту II 488, 492—494
Радіонов Іоанн — іркутський священик, кореспондент О. Ф. Кістяківського I 201, 564, 566, 572, 574, 576; II 137, 138, 218
Раєвський — протоієрей II 208
Разін Степан Тимофійович (? — 1671) — керівник селянської війни (1670—1671) у Росії I 334
Разуваєв — персонаж нарису М. Є. Салтикова-Щедріна «Притулок Монрепо» II 160, 167, 168, 170, 186
Ракитін — екзекутор Київського ун-ту I 37, 72, 73
Ранк — карлсбадський домовласник I 639; II 198, 202, 205
Ратгауз Макс Абрамович — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки», директор київського відділення Петербурзького міжнародного комерційного банку I 276, 277, 348
Рау Карл-Давид (1792—1870) — німецький економіст і статистик I 244
Рауш Семен — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1881) I 552; II 490
Рауш фон Траубенберг Микола Олександрович — товариш прокурора Ніжинського окружного суду II 159
Рафальський Василь Лукич — київський цензор II 395, 396
Рафальський Трифилій — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1879) I 506, 589; II 263, 313, 314, 325, 343
Рахіль —згідно з біблійськими сюжетами, ізраїльська прамати, яка втратила синів II 178
Рахманінов Іван Іванович (1826—1897) — доктор математичних наук і астрономії, заслужений ординарний професор кафедри прикладної математики. Проректор (1875—1879), ректор Київського ун-ту (1881—1883) I 38, 42, 49, 147, 163, 164, 261, 276, 283, 291, 293, 307, 314, 317, 318, 320, 329, 335, 382, 386, 387, 389, 394, 395, 398, 523, 532, 561, 563, 577, 607; II 44, 45, 96, 104, 129, 134, 340, 369, 373, 383, 399, 499
Рашевський Іван — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1873) I 212
Ребіндер Микола Романович (1810—1865) — сенатор; попечитель Київського учбового округу (1856—1858) I 197

Рева Ілля Михайлович (бл. 1852—1915) — студент Київського ун-ту, член Старої громади; засланий до Архангельської губ. (квітень 1879 р.) I 176, 476, 560

Рейн Георгій Єрмолайович (1854 — ?) — екстраординарний професор кафедри акушерства і жіночих хвороб Київського ун-ту II 158, 419, 420, 427

Рейне — голова особливої комісії ВЦВК I 21

Рейтерн Михайло Христофорович (1820—1890) — граф, державний діяч Росії, міністр фінансів (1862—1878) I 96, 116; II 463

Ремниця — вільний громадянин, підтримував власним коштом бідних студентів Київського ун-ту II 471

Ренан Жозеф Ернест (1823—1892) — французький історик релігії, семитолог, філософ II 130, 427

Ренненкампф Микола Карлович (1832—1908) — професор кафедри енциклопедії права Київського ун-ту, ректор (1883—1887), київський міський голова (1875—1879) I 29, 36, 40, 43, 44, 46—53, 55, 60, 61, 63, 68, 69, 71, 73, 76, 77, 81, 82, 86, 99, 110, 111, 122, 124, 127, 129, 130, 142—144, 146, 165, 167, 168, 174, 180, 181, 195—197, 202, 209, 212—214, 216, 221, 226, 249, 252, 254, 262, 263, 273, 276—279, 286, 287, 293, 294, 306, 310, 311, 316, 321, 326, 335, 337, 344, 350—352, 365, 369, 371, 374, 376, 378, 383, 391, 392, 397, 406, 419, 435, 441, 442, 444, 470, 487, 489, 494, 497, 498, 507, 533, 547, 593, 597, 599, 600, 630; II 19, 22, 24, 30, 49, 50, 55, 68, 99, 124, 136, 147, 153, 177, 205, 217, 270, 272, 277, 291, 315, 335, 340, 341, 347, 352, 354, 369, 371, 373, 375, 377, 378, 382, 389, 390, 392, 393, 395—401, 405, 407, 408, 410, 411, 416—418, 424, 425, 427, 429—432, 434, 444, 454, 456—458, 460, 463, 465—476, 482, 484, 485, 487, 497—505, 509, 515

Ренор (1683—1751) — французький фізик I 634

Репетилов — персонаж комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму» I 245

Реутський Микола Васильович — член Київської судової палати II 190, 241, 243, 258, 270, 275, 280, 287—289, 296, 298, 312, 314, 315, 317, 318, 325

Реутські — подружжя II 318

Репнін Микола Васильович — князь, гласний Київської міської думи, предводитель дворянства Пирятинського пов. Полтавської губ. I 50, 324, 329, 331, 375, 498; II 65, 248, 289, 298

Репнін Микола Васильович (1734—1801) — князь, російський військовий діяч, дипломат, генерал-фельдмаршал; започаткував зібрання історичних документів родини Репніних, частину яких було опубліковано у кн.: «Бумаги князя Н. В. Репнина. Сообщено из семейного архива кн. Н. В. Репниным» // Сборник императорского русского исторического общества (Спб., 1870.— Т. 5) I 324

Репнін Микола Григорович (1778—1845) — державний і військовий діяч, генерал-губернатор Лівобережної України (1816—1834) I 272, 324, 331, 434

Репніни — княжий рід I 324

Рибоп'єр — граф швейцарського походження II 167

Рильський Тадей Розеславович (1841—1902) — український культурний і громадський діяч, публіцист, економіст, етнограф; батько М. Т. Рильського I 627; II 72

Рисаков Микола Іванович (1861—1881) — студент-народоволець, брав участь у вбивстві Олександра II, під час слідства дав зрадницькі свідчення II 339, 340

Ричков В. Л.— редактор петербурзького громадсько-політичного і літературного журналу «Северный вестник» I 636

Рігельман Микола Аркадійович (1818—1888) — поміщик із Чернігівщини, київський громадський діяч слов'янофільського напряму, заступник голови Слов'янського комітету у Києві I 54, 146, 547

Рігельман Олександр Іванович (1720—1789) — історик, військовий інженер, топограф; автор книги «Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще...» (М., 1847.— Ч. 1—4) I 93

Рігер Франц Ладіслав (1818—1904) — чеський політичний діяч, публіцист, керівник партії старочехів II 74

Рікардо Давід (1772—1823) — англійський економіст I 571

Рінек Олександр Християнович (1837—1909) — хірург, ординарний професор кафедри оперативної хірургії Київського ун-ту I 109, 134, 194, 196, 344; II 122, 437

Ріпперт — київський домовласник I 216

Ріхтери — поміщики с. Березового Прилуцького пов. Полтавської губ. I 161—163

Робесп'єр Максимільєн (1758—1794) — діяч французької буржуазної революції, юрист I 323, 522; II 246

Ровинський Павло Аполлонович (1831—1903) — російський письменник і мандрівник I 368

Рогаля, Рогаль — див. *Рогаля-Левицький І. Ф.*

Рогаля-Левицький Іван Федорович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1856); товариш голови Симбірського окружного суду I 201, 347, 388, 395, 399, 404, 550, 551, 584; II 15

Рогович Іван Дмитрович (1843—1904) — приват-доцент державного права Московського ун-ту I 364

Рогович Михайло Дмитрович — прокурор Ніжинського окружного суду I 364, 365

Рогович Опанас Семенович (1812—1878) — доктор природничих наук, ординарний професор кафедри ботаніки Київського ун-ту I 199

Роговцов — лісопромисловець I 101—103

Рогозін Микола — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1872); помічник присяжного у Полтаві I 94, 176, 569, 570

Роден — прізвисько М. К. Ренненкампфа I 168

Родіонов Іван Васильович — учасник народницького руху II 86, 87, 92

Ровецький Карл — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту II 311

Рождественський Олександр — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1878), стипендіат (1878—1881), вченого ступеня не здобув I 311; II 286, 298

Рождественський Сергій Васильович (1868—1934) — російський історик, приват-доцент Петербурзького ун-ту I 373

Розанов П. П.— історик, його дослідження «Местные предания о Куликовской битве» опубліковані в «Чтениях в историческом обществе Нестора-летописца» (К., 1879.— Кн. I) I 35

Розенберг Гесель Маркович — гласний Київської міської думи I 458, 553, 606

Розенгейм Михайло Павлович (1820—1887) — поет; чиновник військово-окружного суду Петербургу. Автор праці «Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого» (Спб., 1878) I 544

Рознатовський — учень Чернігівської духовної семінарії II 286

Розов — юрисконсультант кн. Воронцова I 151, 154, 155, 159, 254

Розовський Йосип Ісакович (1861—1880) — народник, студент Київського ун-ту; заарештований у грудні 1879 р. за поширення прокламацій Виконавчого комітету; страчений 6 березня 1880 р. II 86, 92, 95, 116, 135, 143, 144, 163, 369, 444

Розумовський (Разумовський) Кирило Григорович (1728—1803) — останній гетьман Лівобережної України (1750—1764) I 275, 308, 322, 330

Розумовські — український графський і дворянський рід козацького походження I 480

Рокович — донька М. А. Маркевича I 176

Роковичі — родина I 176

Романенко — службовець Воронцовського цукрового заводу I 530, 538

Романов — студент Київського ун-ту I 422

Романови — династія російських царів та імператорів II 37, 334

Романович Федір — дійсний студент медичного факультету Київського ун-ту (1880) I 552

Романович-Славатинський Євген Васильович — брат В. Романовича-Славатинського II 283

Романович Слгватинський Микола Васильович — помічник інспектора студентів Київського ун-ту II 474

Романович-Славатинський Олександр Васильович (1832—1910) — доктор державного права, професор кафедри російського державного права Київського ун-ту I 27—29, 34, 35, 37, 38, 47, 68—70, 81—83, 86, 88, 99, 102, 103, 112, 114, 115, 117—119, 122, 126, 129, 131, 145, 160,162—164, 173, 175, 191, 197, 200, 201, 210, 211, 220, 227, 228, 232, 238—240, 244, 249, 252, 257, 260, 268, 269, 272, 283, 285, 288, 290, 308, 310—312, 314, 323, 328, 335, 350, 354, 364, 365, 371, 374, 380, 385, 389, 394, 395, 400, 401, 406, 426, 428—430, 535, 537, 545, 565, 566, 568, 589, 594, 595, 629, 634; II 10, 16, 17, 40, 65, 114, 117, 133, 138, 142, 187, 188, 249, 251, 273, 281, 283, 292, 305, 316, 340, 347, 354, 355, 424, 425, 430, 469, 474, 498, 505

Романович-Славатинський Сергій Олександрович — учень Першої київської гімназії, яку скінчив 1881 р. Адміністрацією гімназії у нього під час обшуку було вилучено (1879) його рукопис «Антикритика Герцена» I 534, 535; II 85

Романовський Севастьян — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 575; II 250, 289

Ромер Павло Емілійович (1835—1899) — доктор математичних наук кафедри чистої математики Київського ун-ту I 160, 185, 238, 239, 259, 332, 350, 370, 386, 393, 428, 430, 566; II 143, 154, 164, 165, 363, 430

Ромери — подружжя I 258, 421

Ропопорт Ілля — власник магазину у Чернігові I 286, 342

Россіні Джоаккіно-Антоніо (1792—1868) — італійський композитор I 635

Россіянов (Русіанов) — київський міський діяч I 46, 50, 397

Ростовцев Іван Якович — помічник попечителя Київського учбового округу I 517, 549; II 33, 36, 37, 483

Ростопчина Євдокія Петрівна (1811—1858) — графиня, письменниця. Авторка балади «Насильный брак», в якій йшлося про стосунки Росії і Польщі I 348

Рохальська Клементина Осипівна — слухачка Київських Вищих жіночих курсів, учасниця народницького руху II 126, 129, 176, 240

Рубан Василь Григорович (1742—1795) — український письменник і історик. Автор праць «Короткі географічні, політичні та історичні відомості про Малу Росію» (Спб., 1773) та «Короткий літопис Малої Росії з 1506 по 1770» (Спб., 1777) I 86

Рубановський Іван (1825—1895) — етнограф, історик, редактор «Могилевских губернских ведомостей» II 325

Рубінштейн Всеволод Абрамович — член Старої громади, один із засновників Південно-Західного відділу РГТ, директор Київського промислового банку I 42, 94, 96, 151, 153, 154, 166, 172, 173, 178, 263, 276, 277, 300—302, 304, 360, 362, 384, 423, 487; II 26, 27, 51, 71, 105, 106, 261, 270, 428, 430, 431

Рудановський Леонтій Якович — чиновник особливих доручень у судових справах Петербурзького градоначальства I 490, 491, 497, 530, 555, 562, 579; II 22, 25, 38, 60, 310, 325, 329, 490

Рудницький — кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 162, 353

Рудченко Іван Якович (псевдонім *І. Білик* та ін., 1845—1905) — український фольклорист, критик і письменник I 552; II 341, 342, 399, 415, 426, 498

Рудько Микола Порфирович — український історик I 22, 643

Рузський Павло Вітольдович — член Сімферопольського окружного суду II 292, 303, 305, 309

Рукавишников К. В.— брат засновника Рукавишниковського дитячого притулку — Миколи Васильовича Рукавишникова (1846—1875) II 468, 497

Рум'янцев Микола Петрович (1754—1826) — граф, російський державний діяч; зібрав велику етнографічну і нумізматичну колекцію II 313

Русов Олександр Олександрович (1847—1915) — український земський статистик, фольклорист, етнограф, громадський діяч I 470, 471, 632; II 72, 73, 171, 303, 310

Рустицький Осип Олександрович (1839—1912) — доктор медицини, доцент кафедри хірургії Київського ун-ту I 109, 134, 563

Руфа — німецький вчений-юрист I 228
Рюрик (? — бл. 879) — варязький князь, запрошений князювати на руську землю I 264

С.— адвокат I 30
Сабанєєв Петро — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1878) I 337
Сабанєєв Федір Петрович — управляючий канцелярією київського, подільського і волинського генерал-губернатора, член Київського юридичного товариства II 353
Сабуров Андрій Олександрович (1838—1916) — товариш голови Петербурзького окружного суду, міністр народної освіти (1880 — 1881) II 139, 143, 144, 274, 295, 338, 344, 397
Сабуров Володимир — нелегальне прізвище *Оболешова Олексія Дмитровича* (1854— 1881) — учасника народницького руху II 163
Сабуров Яків Васильович — голова Київської з'єднаної палати карного і цивільного суду I 486, 499, 535; II 185, 228, 249, 261, 275, 320
Савастьянов — коханець дружини дядька Л. П. Кістяківської-Васильєвої I 106
Савваїтов Павло Іванович — правитель справ Вченого комітету Міністерства народної освіти I 555
Савицький Михайло Степанович — гласний Київської міської думи I 36
Савченко Федір (1892 — ?) — український історик і публіцист I 22, 635
Сагатовський — київський лікар I 419; II 304
Салісбері Робер-Артур (1830 —1903) — англійський політичний діяч, секретар з іноземних справ (1878—1879) I 561
Саллюстій (86—35 до н. е.) — римський історик II 17, 346
Салматов — персонаж роману П. Д. Боборикіна «Дельцы» I 173
Салтиков-Щедрін Михайло Євграфович (1826—1889) — російський письменник. Його твір «День прошел — и слава Богу» вперше було опубліковано в «Отечественных записках» (1876.— № 11) I 20, 268, 632; II 114, 118, 124, 145, 146, 170, 229, 253, 488
Сальберг —юрист I 70
Сальков Олександр Миколайович — сенатор касаційного департаменту Сенату II 496
Самарський — конспіративна кличка *Л. М. Гартмана* I 590
Самозванець Дмитрій — один із Лжедмитріїв, політичних авантюристів-самозванців поч. XVII ст. II 503
Самойлова — свідок у судовій справі Є. Д. Свиридова II 442
Самохвалова — дружина П. Ф. Кістяківського II 175
Самсон — давньоєврейський міфічний герой, який мав надзвичайну фізичну силу II 348
Самчевський Іван — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1879) I 506
Самчевський Іван Йосипович — інспектор Другої київської гімназії I 108
Сан-Донато — див. *Демидов П. П.*
Сапега Лев (1803—1878) —політичний та економічний діяч, маршал Галицького крайового сейму I 125
Саранчов Іван Михайлович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1881) II 397, 398
Саранчов Михайло Андрійович — інтендант Київського військового округу, голова Київського товариства землеробських колоній і ремісничих притулків для малолітніх правопорушників I 509, 597, 623; II 8, 40, 41, 48, 50, 51, 150
Саранчова — сестра І. М. Саранчова II 398
Саськи — подружжя I 479, 481, 482, 499, 500, 610, 624; II 7, 15, 16, 85, 86, 114, 129, 179, 189, 294, 295, 494
Сасько Марія Андріївна — дружина О. І. Саська I 471, 472, 474, 479, 481, 483, 610, 637
Сасько Олександр Іванович — помічник проректора Київського ун-ту I 37, 71, 74 93, 120, 238, 239, 243, 249, 259, 261, 264, 271, 289, 291, 293—296, 302, 304, 309, 318, 347, 354, 368, 397, 407, 428, 429, 433, 455, 480, 481, 488, 490, 491, 498, 500, 501, 504, 509, 511, 517, 522, 524, 535, 536, 554, 556, 586—588, 600, 610, 638; II 10, 33, 51, 72, 76, 85, 128, 129, 152, 162, 172, 233, 261, 262, 266, 269, 275, 282, 286, 288, 289, 292—294, 296, 310, 313, 318, 321, 333, 341, 342, 363, 373, 383, 404, 465, 470, 483—485, 492, 498, 500—502
Сатурн —у римській міфології бог посівів і землеробства II 425
Саша — див. *Кістяківська О. І.*
Саша — див. *Лебединцев О. Ф.*
Саша — племінник О. Ф. Кістяківського I 52, 54, 75, 82, 84, 276, 381, 383, 499, 638; II 142, 297, 458
Сашерський — петербурзький знайомий О. Ф. Кістяківського II 496
Сашко — див. *Юрковський*
С-в — не встановлена особа I 30
Светоній (75—160) — римський історик, автор праці «Біографії 12 імператорів» II 17
Свєдницький — кореспондент О. Ф. Кістяківського з Батурина I 373
Свентитський I 35
Свечинський Микола Кирилович — помічник юрисконсула Міністерства юстиції I 608; II 18
Свиньїн — управляючий маєтками Воронцова II 413, 437
Свириденко — студент історично-філологічного факультету Петербурзького ун-ту (50-ті роки XIX ст.) I 190, 336, 337
Свиридов — брат Ю. Д. Свиридова II 252
Свиридов Юхим Дмитрович — товариш управляючого Київським товариством взаємного кредиту, гласний Київської міської думи II 375, 438—443, 449, 454, 457, 459—461, 463, 465, 471, 483
Свідзінський Петро-Костянтин (1793—1855) — український бібліофіл, збирач старовини, член Київської комісії для розгляду давніх актів II 231, 313
Свіфт Джонатан (1667—1745) — англійський письменник-сатирик I 317
Святополк-Мирський Дмитро Іванович (1825—1899) — князь, генерал-ад'ютант; тимчасовий харківський генерал-губернатор (1882) II 356
Сегет Михайло Людвигович — член Київської міської думи, судовий слідчий, член Київсь-

кого юридичного товариства I 391; II 28, 48, 463
Седкова —підсудна I 54
Селецький Петро Дмитрович — київський губернський предводитель дворянства I 60
Селін Олександр Іванович (1816—1877) — заслужений ординарний професор кафедри російської словесності, декан історично-філологічного факультету Київського ун-ту I 42, 46, 57, 67, 69, 73, 75, 92, 104, 161, 190, 208, 214, 217, 219, 220, 235, 236, 239, 241, 247, 278, 289, 297, 316, 318, 369, 372, 384—389, 394, 395, 428, 634
Семевський Василь Іванович (1848—1916) — історик, громадський діяч I 627
Семевський Михайло Іванович (1837—1892) — російський історик, публіцист і громадський діяч II 262
Семен II 497
Семенов — студент Київського ун-ту II 310, 313
Семенов Петро Петрович (1827—1912) — російський вчений і громадський діяч; заступник голови РГТ I 118, 180
Семечка — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» II 450
Сенека Луцій Анней (бл. 6—3 до н. е.— 65) — римський філософ, політичний діяч, письменник I 217
Сен-Сімон (1760—1825) — французький соціаліст-утопіст I 489, 550, 552
Сендоровський — клієнт О. Ф. Кістяківського II 307
Сераковський — брат З. Сераковського I 420
Сераковський (де Ленчі) Зигмунт (1826—1863) — діяч польського, російського й литовського революційно-визвольного руху I 420
Серафим (Глаголевський Стефан Васильович, 1763—1843) — петербурзький митрополит II 219
Сербинович — правитель канцелярії Синоду II 219
Сергеевич Василь Іванович (1832? 1837? — 1910) — історик права; професор кафедри історії російського права Петербурзького ун-ту (з 1872 р.) I 70, 186, 187, 422; II 179, 182, 319, 487—490, 495, 496
Сергеєв — присяжний повірений у Петербурзі I 347
Сергій — див. *Якубович С. П.*
Сеченьї (Сечені) Стефан (1792—1860) — угорський державний діяч II 199
Сетов Йосип Якович (1835—1894) — оперний співак-тенор; антрепренер у Києві (з 1874 р.) I 139, 141
Сеченов Іван Михайлович (1829—1905) — природознавець, фізіолог I 493
Сибіряков — директор Шполянського цукрового заводу II 116, 131, 136
Сигізмунд III (1566—1632) — король Польщі і Швеції I 634
Сидоренко Георгій (Юрій) Дмитрович (1832—1899) — ординарний професор кафедри фінансових законів і державних повинностей Київського ун-ту. Автор праці «Значение рекрутской повинности в ряду систем формирования и комплектования войск» (К., 1869) I 35, 38, 47, 50, 51, 53, 64, 81, 108, 165, 173, 193, 210, 213, 227, 249, 260, 261, 293, 298, 310, 335, 355, 379, 406, 578, 593, 600, 620; II 11, 33, 131, 153, 165, 174, 175, 257, 270, 272, 319, 352, 375, 397, 425, 429, 430, 442, 443, 449, 463
Сильвестр (Малеванський) — архімандрит, ректор Київської духовної академії II 436
Симеон (Авдуловський, 1811 — ?) — ректор і професор богословських наук Чернігівської духовної семінарії II 119
Симиренки — подружжя II 64, 170, 351
Симиренки — українські цукрозаводчики, промисловці, меценати I 33, 349, 419; II 438
Симиренко Василь Федорович (1835—1915) — промисловець, інженер-конструктор, технолог цукроварства, визначний меценат української культури I 9, 14, 34, 35, 39, 44, 67, 68, 73, 77, 78, 82, 84, 88—90, 93, 96, 97, 116, 126, 129, 131, 139, 141, 149—155, 157—160, 167—169, 172—174, 184, 195, 321, 340, 343, 349, 352—354, 357, 359—361, 433, 455, 526—528; II 57, 72, 73, 75, 77, 89, 99, 157, 187, 325, 329, 354, 374, 375, 389—391, 394, 435, 482
Симиренко Лев Платонович (1855—1920) син П. Ф. Симиренка, учасник революційного руху; помолог і плодовод II 179
Симиренко Платон Федорович (1821—1863) — український промисловець-цукрозаводчик, керуючий фірмою «Брати Яхненки і Симиренки» I 127, 139, 168, 174; II 91, 114, 186
Симиренко Софія Іванівна (? — 1921) дружина В. Ф. Симиренка; член відділення звичаєвого права Київського юридичного товариства; власниця цукрового заводу у с. Сидорівка Канівського пов. Київської губ. I 39, 459; II 132, 325, 328, 329
Симиренко Тетяна Іванівна (1829—1899) дружина П. Ф. Симиренка II 152, 186
Симонов (Номис) Матвій Терентійович (1823—1900) — український письменник, етнограф, педагог; директор земської гімназії в Лубнах I 107, 168, 188, 337, 346, 363, 417, 421; II 161, 426, 475
Симонова-Забіла — див. *Симонова Н. М.*
Симонова (Кибальчич) Надія Матвіївна (1857—1918) — українська письменниця, донька М. Т. Симонова (Номиса), літературний псевдонім *Наталка Полтавка* II 426—428, 515
Симоновський — землевласник с. Великі Будки I 483; II 131, 275, 292
Симоновські —подружжя I 479
Синицький — син Д. О. Синицького II 451
Синицький Данило Олександрович — інспектор народних училищ 1-го району Київської губ. II 458, 459
Синькевич Володимир Іванович — учень Полтавської гімназії, заарештований (1876) за ведення пропаганди серед робітників I 148, 634
Сипягін — персонаж роману І. С. Тургенєва «Новь» I 334, 336, 337
Сисоєв — студент II 339
Сицянко Іосиф Семенович — приват-доцент медичного факультету Харківського ун-ту (1864—1884) II 35, 36, 352, 464
Сич Євстафій — товариш дитинства О. Ф. Кістяківського I 503
Сікорський Іван Олексійович — професор душевних і нервових хвороб Київського ун-ту (з 1885 р.) II 491, 492, 494, 497

Сіоні — касир Київського приватного комерційного банку I 271, 273, 277, 293, 359, 391, 435, 441, 444; II 55, 410, 504

Скалозуб Сергій Сергійович — персонаж комедії О. С. Грибоедова «Горе з розуму» I 600, 601; II 34, 35, 124, 264, 308, 335

Скальковський Аполлон Олександрович (1808—1899) — український історик, автор праць з історії Півдня України і козацтва I 105

Скарятин Микола Якович — казанський губернатор I 520

Сквозний Вітерець — прізвисько *О. В. Романовича-Славатинського* II 40, 97, 133, 273

Сквозник-Дмухановський — персонаж комедії М. В. Гоголя «Ревізор» II 97, 120, 274

Сквозников-Дмухановський — прізвисько *Г. С. Солнцева* II 97

Скворцов Микола Єфремович (1836 — ?) — доцент кафедри філософії і грецької словесності Київського ун-ту I 236, 395

Скибинський — свідок у судовій справі Д. І. Піхна II 378

Скліфосовський Микола Васильович (1836—1904) — доктор медицини, екстраординарний професор кафедри хірургії Київського ун-ту I 134, 197

Скляревський — роменський антиквар I 294

Сковорода Григорій Савич (1722—1794) — український просвітитель, філософ, поет I 534; II 142

Скопин-Шуйський Михайло Васильович (1586—1610) — російський полководець I 35

Скорделі Пантелеймон Костянтинович — професор Ніжинського ліцею кн. Безбородька, секретар і казначей Київського юридичного товариства I 166, 283, 498, 517, 576, 584, 591, 595, 624; II 22, 23, 27, 28, 38, 48, 65, 71, 110, 125, 129, 241, 243, 260, 267, 269, 287, 289, 292—294, 305, 310, 312, 315

Скорняков Михайло Григорович (1848—1879) — революціонер-народник, брав участь у демонстрації в Одесі з приводу смертельного вироку І. М. Ковальському I 483

Скоропадський Іван Ілліч (1646—1722) — гетьман Лівобережної України (1708—1722) I 61

Славатинська — дружина О. В. Романовича-Славатинського I 50

Славатинський — див. *Романович-Славатинський М. В.*

Славатинський — див. *Романович-Славатинський О. В.*

Славатинський — див. *Романович-Славатинський С. О.*

Сладковський Карел (1823—1880) — чеський політичний діяч I 457; II 142, 209, 232

Сливчанський Василь Степанович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1858), київський домовласник, гласний міської Думи I 30, 48, 49, 84, 86, 378; II 315

Сліпушкін Ілля Петрович — київський педагог, керівник недільних шкіл, директор Другої київської гімназії I 300

Слонімський Леонід Зиновійович (1850—1918) — юрист, журналіст; кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1872), автор дослідження «Умственное расстройство, его значение в праве гражданском и уголовном» (Спб., 1879) I 458; II 57, 64

Слуцький Яків Олександрович — голова Київського військово-окружного суду I 116, 629; II 87, 93, 96, 123, 144, 163, 220, 263, 276

Слюсаревський — брат М. Слюсаревського I 367

Слюсаревський Микола — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1875) I 51, 367

Смагін Тимофій Микитович — астраханський обер-провіантмейстер II 153

Смирнов — кореспондент О. Ф. Кістяківського I 601; II 16, 109

Смисловський — лікар I 466

Смолка Франц (1810—1899) — австрійський політичний діяч, адвокат II 440

Смоловик (Смолін) Лев Хомич — член Пермського окружного суду I 496, 605; II 19, 20

Смородинов Володимир Григорович — інспектор Радомської чоловічої гімназії II 203, 208, 210

Сніжко-Блоцький — офіційний, насправді фіктивний, редактор «Киевского телеграфа» I 34

Снежко Михайло Осипович — чиновник особливих доручень при київському, подільському і волинському генерал-губернаторові, секретар Київського благодійного товариства I 398, 512, 566, 570; II 155, 260, 484

Соболевський — студент юридичного факультету Київського ун-ту II 260, 261

Соврасов — кліент О. А. Кваченського II 149

Соколов Олександр Федорович — київський присяжний повірений, член Юридичного товариства, виступав на засіданні з доповіддю «Історичний виклад договору обміну нерухомого майна згідно з російськими законодавчими пам'ятками» I 591, 595; II 51, 56, 80, 292, 329

Сокольський Володимир Вікторович (1848 — ?) — доцент кафедри історії російського права Київського ун-ту (1869—1874); професор Демидівського юридичного ліцею I 28, 209, 527; II 425

Сократ (469—399 до н. е.) — давньогрецький філософ I 279, 283, 319, 437, 604

Солдатенков Козьма Терентійович (1818—1898) — московський видавець, меценат I 495

Солнцев Гаврило Степанович — начальник Злотопольської жіночої прогімназії II 97

Соловйов — власник овочевого магазину у Петербурзі II 496

Соловйов Олександр Костянтинович (1846—1879) — революціонер-народник. Страчений за замах на Олександра II I 486, 491, 510, 530, 554, 621, 622; II 113, 135, 163

Соловйов Олексій Петрович — начальник відділу Ломжинської судової палати I 230; II 224

Соловйов Сергій Михайлович (1820—1879) — російський історик; завідуючий кафедрою російської історії; декан історичного факультету; ректор Московського ун-ту; автор 29-томної «Истории России с древнейших времен» I 217, 335, 495, 555, 557, 558, 561; II 31, 32, 409

Солодовников — підзахисний О. В. Лохвицького II 355

Соломін Петро — студент медичного факультету Київського ун-ту II 35

Соломон Олександр Петрович — секретар Ради у тюремних справах Міністерства внутрішніх справ II 489, 491—493

Соломон Петро Іванович — сенатор загальних зборів касаційного департаменту Сенату II 494

Соломони — подружжя II 492, 493

Солонина — мировий суддя Остерського пов. I 519

Солунський Дмитро — воїн і правитель м. Солуня в Македонії; убитий переслідувачами християнства близько 360 р., проголошений християнською церквою святим великомучеником I 35

Сольський Дмитро Мартинович — державний контролер I 548

Сольський Петро — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1857), гласний міської Думи I 50, 89, 565

Сомчевський Михайло Васильович — інспектор народних училищ Звенигородського, Липовецького, Уманського і Таращанського пов. Київської губ. I 517; II 97

Сорока Іван Павлович — помічник проректора Київського ун-ту I 185

Софія — за християнською традицією, св. мучениця, яка потерпіла в Римі за віру II 289

Софокл (бл. 495—405) — давньогрецький драматург I 549

Сошенко Іван Максимович (1807—1876) — український художник, близький друг Т. Г. Шевченка, мемуарист I 346

Спасович Володимир Данилович (1829—1906)— польський і російський філолог, адвокат, письменник, науковий і громадський діяч; професор Петербурзького ун-ту (1857—1861) I 39, 40, 61, 119, 132, 134, 141, 188, 213, 267, 280, 399; II 144, 423, 472

Спаський — чиновник Міністерства юстиції I 293, 438

Спаський — чиновник Міністерства народної освіти I 438

Спенсер Герберт (1820—1903) — англійський вчений, філософ, психолог і соціолог I 93

Сперанський Михайло Михайлович (1772—1839) — російський державний діяч I 506, 548

Спиридон — священик у Сербії I 196

Спірро — помічник присяжного повіреного у Петербурзі I 61

Спірт — клієнт О. Ф. Кістяківського I 33, 36

Сребряний — банківський ділок I 173

Срезневський Ізмаїл Іванович (1812—1880) — славіст, філолог, історик, академік Петербурзької АН I 38, 122, 123, 373, 462

Сретковіч П.— студент юридичного факультету Київського ун-ту, професор головної школи у Сербії I 196, 197, 540, 542

Ставровський Олексій Іванович (1811—1882) — магістр загальної історії, заслужений екстраординарний професор кафедри загальної історії Київського ун-ту II 37

Стадольський Олександр Андрійович — товариш обер-прокурора карного департаменту Сенату I 201

Станкевич — карлсбадська знайома О. Ф. Кістяківського II 214, 215

Станкевич Микола Володимирович (1813—1840) — російський громадський діяч, поет I 450, 451

Старинкевич — херсонський губернатор I 221

Старицький Михайло Петрович (літ. псевдоніми *Стариченко, Гетьманець;* 1840—1904) — український письменник, театральний і громадсько-культурний діяч I 20, 242, 249, 250, 259, 261, 286, 290, 318; II 395, 415, 441

Стасов — присяжний повірений у Петербурзі I 520

Стасов Володимир Васильович (1824—1906) — російський художник і музичний критик I 81, 633

Стасюлевич Михайло Матвійович (1826—1911) — російський історик, журналіст, громадський діяч; професор загальної історії Петербурзького ун-ту (1852—1861), редактор «Вестника Европы» (з 1866 р.) I 343; 369; II 472, 497, 515

Стеблін-Каменський Олександр Павлович — полтавський поліцмейстер I 433

Степан — див. *Кибальчич С. І.*

Степан — див. *Якубович С. П.*

Степанов — клієнт О. Ф. Кістяківського I 61

Степанов Микола Васильович — кандидат законознавства, приват-доцент кафедри поліцейського права Київського ун-ту (1862—1865) I 348

Стефан — наглядач Київського повітового училища I 397

Стефанович Яків Васильович (1853—1915) — революціонер-народник, учасник Чигиринської змови (1877) I 486, 580; II 409, 413

Стефановичі — брати I 534

Столон — див. *Ліциній Столон Гай*

Стороженевський Борис Миколайович (1850—1898) — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1877), журналіст; секретар і редактор «Киевлянина»; видавець «Подольського листка» (1881—1882) I 80, 86, 95, 96, 103, 105, 145, 183, 193, 346, 489, 490, 572, 574; II 16, 40, 55, 292, 307, 325

Стороженко Андрій — стипендіат історично-філологічного факультету Київського ун-ту (1879—1881). Магістерської дисертації не захистив I 358; II 325

Стороженко Микола Ілліч (1836—1906) — історик літератури, професор кафедри загальної літератури Московського ун-ту II 244, 245, 497

Стороженко Олекса Петрович (1805—1874) — український письменник; голова Брестського з'їзду мирових посередників Гродненської губ. I 358

Стоянов Андрій Миколайович (1830—1907) — доктор державного права кафедри римського права Харківського ун-ту. Автор праці «Воспоминание о Д. И. Каченовском. Биографический очерк» (Харьков, 1874) I 240, 319, 323, 324, 343, 369, 370, 392, 400, 428, 523, 550, 554, 562, 572; II 166, 329

Стоянов Олександр Ілліч — український етнограф; інспектор П'ятигорської прогімназії I 373, 392, 393, 399, 400

Стояновський Микола Іванович (1820—1900) — судовий діяч Росії, сенатор, член Державної ради (з 1875 р.) II 468, 488, 489, 496, 497

Страбон (бл. 63—19) — давньогрецький географ та історик I 495

Стравинський Федір Гнатович (1843—1902) — оперний співак I 37
Страхов Віктор — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1882) II 309
Стрельников Василь Степанович (? — 1882) — воєнний прокурор Київського військового округу I 115—117, 120, 121, 131, 510, 511, 591; II 18, 21, 22, 24, 37, 38, 48, 51, 71, 87, 92, 93, 96, 115, 123, 143, 144, 163, 223, 258, 263, 276, 287, 289, 296, 335, 336, 347, 351, 353, 355, 369, 370, 373, 374, 394, 396, 397, 409, 415, 425, 428, 515
Стрельчевський — стенографіст I 125
Стрижевський — диякон Лебединського монастиря I 385
Стрілецький — артист Київського оперного театру I 290
Строганов Сергій Григорович (1794—1882) — граф, попечитель Московського учбового округу (1835—1847) I 365
Строганов С. Ф.— селянин, учасник народницького руху, якого під час судового процесу (1879) змусили покаятися I 483
Стронін Олександр Іванович (1827—1889) — історик, соціолог, педагог, учитель Полтавської гімназії II 492
Струве Аманд Єгорович — генерал-майор, інженер, який займався прокладанням київського водопроводу, газового освітлення і трамвайної лінії у місті I 129, 324, 351, 374, 375, 377—379
Струговщиков Олександр Миколайович (1808—1876) — поет і перекладач, чиновник військового міністерства I 299
Струенсе Іохан Фредерік (1737—1772) — граф, датський державний діяч II 314
Струков Модест — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 606; II 304
Струковський Антон — студент четвертого курсу історично-філологічного факультету Київського ун-ту II 17
Струс — власник київського саду і квіткового магазину I 145, 166
Струсберг — московський банківський ділок I 201, 202, 273, 435, 442, 514, 599
Студенецький Лука Максимович (1851—1895) — учитель давніх мов Першої київської гімназії II 9
Ступін (? — бл. 1864) — дипломат, генеральний консул в Адріанополі, письменник, співробітничав у журналі «Маяк» (1841—1842) I 502
Ступін Михайло — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1879), чиновник Владикавказького окружного суду I 488, 494, 502, 503, 545, 552, 554, 566, 585, 600, 601; II 11, 82, 144, 204, 306, 307, 329
Ступіни — родина з м-ка Городищ I 584
Субботін Віктор Андрійович (1844—1896) — професор кафедри гігієни Київського ун-ту I 44, 46, 100, 104, 105, 109, 111, 259, 293, 295, 302, 331, 355, 370, 372, 498; II 165, 255, 270, 280, 315, 375, 400, 431, 432, 469, 498, 501
Суворін Олексій Сергійович (1834—1912) — журналіст, видавець газети «Новое время» (з 1876 р.) I 143, 242, 264, 304, 305, 332, 411, 491, 618, 633; II 107, 121, 206, 267
Суворін-«Незнакомец»—див. *Суворін О. С.*
Суворов Олександр Васильович (1730—1800) — російський полководець, генералісимус II 103, 492
Суворов Олександр Аркадійович (1804—1882) — князь; петербурзький військовий генерал-губернатор (з 1861 р.), генерал-інспектор піших військ (з 1866 р.) I 73, 261, 586
Судакевич Іван Осипович — помічник класного наставника Другої київської гімназії I 624; 637; II 38, 55
Судейкін Георгій Порфирович (1850—1883) — помічник начальника Київського губернського жандармського управління; підполковник Петербурзького охоронного відділу (з 1882 р). II 409, 444, 445, 454, 458, 459, 461
Судовщиков Євген Олександрович (1830—1869) — учитель Другої київської гімназії, брав участь в українському русі, співробітничав з М. П. Драгомановим. За українство заслань до Костроми, де помер від сухот I 174, 270, 300
Сулинська — київська домовласниця, сусідка О. Ф. Кістяківського I 62
Сунгуров Микола Петрович (1805 — ?) — голова таємного антиурядового товариства у Москві I 285, 451; II 113, 141
Сурик — кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 149 — 151, 354; II 282
Сурик — петербурзький ділок II 282
Суровцов Степан — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1877) I 337, 344
Сусанін Іван Йосипович (? — 1613) — учасник боротьби проти польської і шведської інтервенції; персонаж опери М. І. Глінки «Іван Сусанін» — перша назва «Життя за царя» I 223
Сутугін — гофмедик, приват-доцент II 419, 420
Суханов Микола Євгенович (1851—1882) — російський революціонер-народник II 346
Суходольська — домашня вчителька I 296
Сухомлинов Михайло Іванович (1828—1901) — філолог, історик російської літератури, академік (з 1872 р.) II 486
Сухоруков — конспіративна кличка *Л. М. Гартмана* I 605
Сушкевич Корнило (1840—1885) — один з організаторів народовецької громади в Галичині, перший голова Товариства ім. Шевченка II 233, 234, 374
Сущевський Яків Степанович — директор народних училищ Чернігівської губ. II 36
Сущинська — мати П. П. Сущинського I 135, 162
Сущинський — видавець петербурзької газети «Наш век» (1877) I 635
Сущинський Петро Петрович (1842—1907) — доктор медицини, екстраординарний професор Київського університету (1871—1875); ординарний професор Медично-хірургічної академії (з 1876 р.) I 53, 55, 60, 68, 96, 133—136, 160, 168, 170, 209; II 493, 496
Сущинські — подружжя I 135; II 489
Сущов Н.? Н.? — управляючий канцелярією міністра юстиції з кінця 50-х років, обер-прокурор другого департаменту Сенату; ділок, засновник залізничних і промислових товариств (з 60-х років) I 173, 348, 351, 354, 357
Сцислављський — гласний Київської міської думи I 60

Таволча-Мокрицький — доброволець російської армії у Сербії I 427
Таганцев (Таганцов) Микола Степанович (1843—1923) — юрист-криміналіст, професор Петербурзького ун-ту і Олександрівського ліцею; сенатор (у 90-ті роки) I 34, 61, 132, 162, 418, 506, 583; II 468—470, 472, 474, 475, 487, 488, 490, 492, 495, 496
Таганцеви — подружжя II 496
Тальберг Володимир Германович — присяжний повірений, член Київського юридичного товариства II 118, 327, 328
Тальберг Дмитро Германович (1853—1891) — криміналіст. Закінчив юридичний факультет Київського ун-ту (1874), професор Демидівського юридичного ліцею; професор Київського ун-ту (з 1884 р.) I 47, 67, 68, 70, 87, 110, 190, 226, 227, 246, 247, 275, 283, 312, 363, 371, 403, 422, 423, 431, 463, 572, 576, 585, 589, 595, 623; II 10, 40, 41, 48, 50, 51, 77, 109, 118, 150, 162, 247, 272, 273, 277, 288, 312
Тамарина — дружина Ф. Ф. Мерінга I 598
Тенєєв Володимир Іванович (1840—1921) — юрист, голова ради московських присяжних повірених II 115
Танський — клієнт О. Ф. Кістяківського I 47
Тарабанов — гість О. Ф. Кістяківського II 171
Тарас — див. *Шевченко Т. Г.*
Тарасов — судовий захисник I 117
Тарасов Іван Трохимович (1849 — ?) — юрист і громадський діяч. Закінчив юридичний факультет Київського ун-ту, де читав лекції (з 1876 р.), пізніше — в Демидівському юридичному ліцеї I 117, 119, 160, 227, 263, 264, 531, 559, 591, 608; II 15, 27, 31, 55, 109, 122, 131, 147, 173, 183, 202, 207, 217, 218, 220, 248, 250, 251, 275, 292, 303, 307, 310, 314, 325, 329, 361, 372, 504, 515
Тарасова — дружина І. Т. Тарасова II 303
Тарквіній Гордий Луцій (534—510 до н. е.) — останній цар Давнього Риму, якому традиційно приписують риси правителя-тирана II 396
Тарновський Василь Васильович, молодший (1837—1899) — український поміщик, закінчив Київський ун-т. Листувався з Т. Г. Шевченком. Поповнюючи батькову колекцію козацької зброї, зібрав збірку рукописів Т. Г. Шевченка і подарував їх (1897) музеєві Чернігівського губернського земства I 14, 145, 272, 273, 380, 397; II 390
Тарновський Василь Васильович, старший (1810—1863) — український історик і культурний діяч I 290
Тартюф — персонаж однойменної п'єси Ж.-Б. Мольєра I 183, 600; II 87, 281, 282, 347, 372
Тарханов — студент Київського ун-ту II 16
Тархов Георгій Олександрович (бл. 1859—1922) — учасник народницького руху I 605; II 21
Таушева М. Н.— член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» II 179, 183, 201, 314
Тацит Публій Корнелій (бл. 55—120) — історик і політичний діяч Стародавнього Риму II 253
Тверський —в'язень I 50, 94
Тверські — єврейські цадики I 449
Теличенко Іван — український історик і юрист, дослідник Гетьманщини і Слобожанщини XVIII ст. I 6, 7
Теллалов Петро Абрамович — учасник народницького руху II 413
Тер-Акопов — племінник Красильникова II 238
Терещенки — брати I 420; II 167—171, 282, 397, 459
Терещенки — українські цукрозаводчики і поміщики I 586
Терещенко Артем Якович (? — 1873) — український землевласник, цукрозаводчик II 167
Терещенко Іван — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1878) I 331, 359; II 397, 398
Терещенко Микола Артемович (1819—1903) — купець, промисловець, цукрозаводчик, меценат I 380; II 167—170, 186, 392, 406
Терещенко Олександр — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1878) I 359, 379, 390
Терещенко Федір Артемович — цукрозаводчик, гласний Київської міської думи, почесний попечитель Другої київської гімназії I 40, 50, 226, 279, 420, 509, 524; II 57, 392, 498
Терлецький В.— завідуючий справами Київського благодійного слов'янського комітету I 427
Терлецький Кирило Семенович (? — 1607) — церковний діяч I 634
Терлецький Остап Степанович (1850—1902) — студент історичного факультету Львівського ун-ту (1872); закінчив юридичний факультет Віденського ун-ту; літературознавець, письменник, громадський діяч; видавець брошури Ф. Волховського «Правдиве слово хлібороба до своїх земляків» (1876) I 177
Терлецький Тимофій — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1874) I 43
Тернер Федір Густавович (1833 — ?) — юрист, державний діяч. Автор статті «Свобода совести и отношения государства к церкви» (Сборник государственных знаний. — Т. 3.— Спб., 1877) I 392, 393
Терновський Пилип Олексійович (1838—1884)— історик церкви, магістр Київської духовної академії, доктор російської історії, викладач Київського ун-ту. Назва його дисертації «Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси» I 55, 406; II 435, 436, 441, 464, 465, 515
Тессен Георгій Васильович (1851 — ?) — земський лікар, діяч українського руху II 36
Тетельман Лейзер Абович (1850—1877) — діяч народницького руху в Росії. З 1874 р. проживав у Києві, заарештований на початку 1875 р. Утримувався у Київській в'язниці I 178
Тетеруховський — палітурник друкарні Києво-Печерської лаври I 79, 82, 86, 88, 96, 101; II 76, 149
Тетюшева — перекладач праць Ломброзо Чезаре II 486
Тецнер — управляючий Київським банком взаємного кредиту I 35, 38
Тецнер Сергій — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1881) I 539, 589, 601

Тимашев Олександр Єгорович (1818—1893) — міністр внутрішніх справ (1868—1877) I 113, 118, 285, 610

Тимофєєв Василь Тимофійович (1853—?) — робітник. За участь у демонстрації на Казанській площі (1876) був позбавлений усіх прав власності і висланий до Сибіру на поселення I 345

Тимченко А. А.? — член Київського юридичного товариства I 545, 566

Тихов Олексій — кандидат історично-філологічного факультету Київського ун-ту (1878) I 161, 162

Тихомиров Лев Олександрович (1852—1923) — російський революціонер-народник I 636

Тихомиров Титон Васильович — інспектор Другої київської гімназії I 496

Тихомирова — сестра В. А. Рубінштейна I 178

Тихон Задонський (1724—1785) — ієрарх і духовний письменник I 467

Тихонравов Микола Савич (1832—1893) — російський літературознавець, археограф; професор кафедри історії російської літератури Московського ун-ту (з 1859 р.), ректор (1877—1883) I 625; II 31, 32, 266, 309, 342

Тихуцький — студент юридичного факультету Київського ун-ту; чернігівський присяжний повірений I 147

Тицинський — студент Київського ун-ту I 212

Т'Кінт — брюссельський ділок I 255, 256

Токарєв — головний уповноважений Червоного хреста у Сербії (1876) I 196, 197, 199

Токарський Микола — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1877) I 43, 185

Толкачов — див. *Толкачов-Кузін М.*

Толкачов-Кузін Микола — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 321, 376, 379, 404, 417, 420, 506, 624

Толлі Володимир — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1882) II 313

Толлі Іван Андрійович — гласний міської Думи, службовець Київського акцизного управління, член ради Київського приватного комерційного банку I 35, 74, 441, 444, 586; II 55, 118

Толмачов — псевдонім *М. П. Драгоманова* II 432

Толочинов Микола Пилипович (1838—1908) — доктор медицини, доцент кафедри клінічної і теоретичної патології для викладання жіночих хвороб Київського ун-ту I 307, 376, 428, 430; II 378, 419, 420

Толочинова Олександра Станіславівна (псевд. *Шабельська*, 1848—1910) — письменниця, київська громадська діячка I 178; II 459

Толочинови — подружжя II 461

Толпигін — директор Городищенського цукрового заводу I 35, 144

Толстая — графиня, дружина Д. А. Толстого II 504

Толстой Дмитро Андрійович (1823—1889) — державний діяч Росії, міністр освіти (1866—1880), міністр внутрішніх справ і шеф жандармів (з 1882 р.) I 99, 110, 113, 118, 295, 300, 313, 323, 327, 381, 411, 495, 517, 549, 550, 555, 561, 600, 604—606, 608, 626; II 8, 9, 30, 32, 34, 36, 70, 92, 93, 95, 97, 136, 137, 139—143, 145, 149, 151, 152, 155, 163, 215, 217, 239, 240, 249, 274, 323, 335, 348, 390, 391, 399, 414, 419, 422, 431—433, 436, 438, 464, 476, 484, 486, 495, 498—500, 503—505

Толстой Іван Матвійович (?—1880) — міністр пошти і телеграфу (1865—1867) II 35

Томара — голова Полтавської губернської земської управи I 275

Томмазі (Томмазео) Нікколо (1802—1874) — італійський критик, філолог, поет, політичний діяч I 326

Томса Володимир Богумилович (1831—1895) — доктор медицини, ординарний професор кафедри фізіології Київського ун-ту I 53, 380, 460, 563; II 112, 156, 157

Тоніссен (Тоніссен) Жан-Жозеф (1817—1891) — бельгійський юрист, економіст, адвокат. Рецензія О. Ф. Кістяківського на його праці опублікована в «Университетских известиях» (1876.— № 4) I 135, 137—142, 145, 162

Торський Олександр Герасимович — адвокат, член Старої громади II 72

Тотлебен Едуард Іванович (1818—1884) — російський військовий інженер, тимчасовий одеський губернатор (1879), призначений на цю ж посаду у Вільно (1880) I 452, 453, 469, 476, 483—485, 490, 550, 558, 562, 591, 592, 595, 600, 605, 619; II 76, 78, 135, 246, 263, 264, 283, 335, 407, 428

Трегубенко Д. М.— далекий родич Симиренків, член адміністрації Городищенського цукрового заводу I 73, 96, 151, 153, 154, 343, 349, 360, 361; II 99—101

Трегубов Єлисей Кипріянович (1848—1920) — учитель Колегії Павла Галагана, член Старої громади; чоловік сестри О. Ф. Франко II 72, 142, 390, 430, 444, 450

Треєров Микола — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1874) I 112, 228, 229

Трейман — чиновник таможні II 215

Трепов Федір Федорович — чиновник особливих доручень при київському, подільському і волинському генерал-губернаторові I 597; II 469

Трепов Федір Федорович, старший (1803—1889) — градоначальник Петербурга (1873—1878); на нього вчинила замах В. Засулич (1878) I 175, 223, 230, 450—452, 454, 461; II 7, 336, 500, 501

Трескін Микола Іванович — іркутський губернатор (1806) II 137

Тржцинський (Тржицинський) Павло — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1876) I 113, 131, 321, 322, 396, 404, 418, 419; II 202

Тріпшель Карл Генріхович (1842—?) — доктор медицини, екстраординарний професор кафедри патології і терапії Київського ун-ту II 6, 69, 108, 298

Троїцький — редактор «Журнала Министерства юстиции» (1859—1868) I 285, 400, 635

Трофимов Іван — заможний селянин II 196

Трощинський — далекий родич М. В. Гоголя I 70, 79; II 62

Трощинський — землевласник I 152

Трощинський — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 131

Трубецький Олександр Михайлович — обер-прокурор п'ятого департаменту Сенату I 303

Трубецькой Сергій Петрович (1790—1860) — декабрист I 197

Трушевський — страховий агент I 157

Тулов Михайло Андрійович (1814—1882) — український педагог і письменник; помічник попечителя Київського учбового округу I 517; II 44, 176, 184, 185

Тулуб Олександр Данилович (1825—1875) — педагог, член Кирило-Мефодіївського братства II 466

Тумасов Ничипір Степанович (1835 — 1887) — письменник, викладач Другої київської гімназії, доцент Київської духовної академії; член Південно-Західного відділу РГТ I 511, 513; II 33, 72, 80, 431

Тумковський Сергій — студент медичного факультету Київського ун-ту II 162

Тумма — карлсбадський знайомий О. Ф. Кістяківського II 216, 219, 220, 223—225, 227, 228

Тупиця Іван Федорович — секретар правління Київського ун-ту II 474

Тургенєв Іван Сергійович (1818—1883) — російський письменник. Автор роману «Новь», який вперше був опублікований в «Вестнике Европы» (1887.— № 1—2) I 268, 333—336, 367, 411; II 211, 427, 433

Туробойський — студент Київського ун-ту II 285, 316, 317

Турович — вдова, клієнтка О. Ф. Кістяківського II 267

Турчанинов В. А.? — член Київського юридичного товариства II 325

Турчанинов Олександр Миколайович (1838— ?) — адвокат, чиновник Сенату; товариш голови Петербурзької судової палати (з 1863 р.) I 147

Тьєр Адольф (1797—1877) — французький державний діяч та історик I 255, 477, 602

Тютчев Іван Артемович (1834—1892) — ординарний професор кафедри хімії Київського ун-ту (1862—1869) I 313

Тютюнников — власник готелю у Смілі I 149

Тяпкін-Ляпкін — персонаж комедії М. В. Гоголя «Ревізор» I 395

Уваров Олексій Сергійович (1828—1884) — археолог; засновник «уваровської» премії, якою відзначалися кращі історичні дослідження I 54, 118, 511, 626

Уваров Сергій Семенович (1786—1855) — міністр народної освіти (1833—1849) I 495, 626

Уманський — директор Рубежівської колонії малолітніх правопорушників I 183

Ундольський Вуколь Михайлович (1815—1864) — бібліограф і збирач пам'яток давньої писемності. Автор праць «Каталог славянорусских книг церковной печати» (М., 1848) та «Очерк славянорусской библиографии» (М., 1871) I 97

Унковський — доброволець російської армії у Сербії I 222

Уоеллес (Уоллес) Альфред-Рассел (1823— 1913) — англійський натураліст II 95

Уоллес Мекензі (1841—?) — англійський письменник і юрист. У 1870—1876 рр. проживав у Росії, свої спостереження виклав у книзі «Russia» (рос. переклад «Россия».— Спб., 1880— 1881) I 385, 389; II 219

Урусов Олександр Іванович (1843—1900) — князь, адвокат; був засланий до Ліфляндії за агітацію щодо невидачі Швейцарією С. Г. Нечаєва російському урядові II 41, 82

Урусов Сергій Миколайович (1816—1883) — князь, статс-секретар, член Державної ради, головний управитель 2-го відділення в. й. і. в. канцелярії I 299

Усов Сергій Олексійович (1827—1886) — зоолог і археолог, професор кафедри зоології Московського ун-ту I 313, 373

Успенський Михайло Васильович (1833— ?) — доктор медицини, приват-доцент з вушних хвороб Київського ун-ту, старший лікар Другого московського кадетського корпусу (з 1882 р.) I 555; II 389

Устимович — фізіолог, викладач ветеринарних курсів Медично-хірургічної академії II 160

Устимович Микола (1863—1918) — український політичний діяч II 374

Утін Євген Ісакович (1843—1894) — адвокат, публіцист, учасник студентського руху I 202, 224, 245

Утін Микола Ісакович (1845—1883) — учасник студентського руху в Петербурзі в 60-х роках XIX ст.; один з організаторів Російської секції I Інтернаціоналу II 488

Утін Я. І.— обер-прокурор п'ятого департаменту Сенату II 220, 223, 488, 491, 496

Утіни — подружжя II 496, 497

Ушинська Надія Семенівна (з дому Дорошенко) — дружина К. Д. Ушинського I 569

Ушинський А. Д.— директор Рубежівської колонії малолітніх правопорушників, директор ремісничо-землеробської колонії I 138, 509, 572, 594, 623; II 34, 41—44, 48, 50, 51, 150

Ушинський Костянтин Дмитрович (1824— 1870) — педагог, автор книги «Родное слово» I 569

Фабриціус Вільгельм Іванович (1845—1895) — доктор філософії, астроном-спостерігач Київського ун-ту I 128, 355

Фаворов Назарій Антонович (1820—?) — доктор богословських наук, професор православного богослів'я Київського ун-ту I 162, 200, 293, 309, 380, 387; II 188

Фадєєв — звідний брат Роговцова I 101, 102, 207

Фадєєв Анатолій Олександрович — доцент Петровської землеробної і лісної академії II 497

Фадєєва — мати братів Фадєєва і Роговцова I 101

Фалін Микола Якович (1852—1902) — син фабриканта, учасник демонстрації на Казанській площі (1876) I 345

Фальковський А. М.— редактор журналу «Юридический вестник» (1872—1878), присяжний повірений (1876) I 75, 569

Фаминцин Андрій Сергійович — декан фізико-математичного факультету Петербурзького ун-ту I 520

Фамусов — персонаж комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму» II 35, 37
Фанштейн — посередник I 37
Фатєєв — поставщик I 93
Федір — див. *Вовк Ф. К.*
Федір — див. *Кістяківський Ф. Ф.*
Федоров — київський книгопродавець, власник друкарні I 137, 138, 140—142, 165, 330, 420
Федоров — священик Київського ун-ту I 89, 109
Федоров Іван (бл. 1525—1583) — російський першодрукар I 633
Федорова Марія Іванівна (справжнє прізвище *Коленкіна Марія Олександрівна*, 1850—1926) — революціонерка-народниця I 554
Федорович А.? Н.? — кореспондент О. Ф. Кістяківського з Дубна I 493
Федотов — див. *Федотов-Чехівський О. О.*
Федотов Л. Ф.— київський лікар I 39, 40, 47, 52, 58, 61, 70—73, 75, 80, 84—86, 92, 97, 101, 102, 121, 128, 131, 137, 145, 273, 421, 422, 425, 502, 503
Федотова — дружина Л. Ф. Федотова I 291, 382
Федотови I 424
Федотов-Чехівський Володимир — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1873) I 516, 520, 523, 550, 551, 569, 574; II 49, 312
Федотов-Чехівський Олександр Олексійович (1806—1892) — юрист, ординарний професор російських цивільних законів Київського ун-ту (1836—1861). Підготував до видання «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России» (К., 1860,—1863.—Т. 1—2) I 83, 99, 129, 283, 298, 566
Федотова-Чехівська — дружина О. О. Федотова-Чехівського I 298
Федя — див. *Кістяківський Ф. Ф.*
Фейєрбах Людвіг (1804—1872) — німецький філософ I 84, 190; II 381
Феклуша — конспіративна кличка *О. С. Цицianової* I 364
Феллер — власник карлсбадської книгарні II 212
Фельдзер — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 506, 566
Фельдман — цадик I 449
Фемгер — карлсбадський книгар I 637
Феоктистов Євген Михайлович — начальник головного управління в справах друку II 413, 414, 432, 437
Феофіл — інспектор Чернігівської духовної семінарії II 119
Феофілактов Костянтин Матвійович (1818—1901) — доктор природничих наук, заслужений ординарний професор кафедри мінералогії і геології Київського ун-ту, ректор (1880—1881) I 73, 532, 561, 563; II 35, 96, 104, 111, 112, 114, 115, 133, 136, 156, 158, 174, 178, 182, 241, 242, 244, 257, 261, 267, 283, 288, 289, 293, 296, 309, 318—321, 323, 340, 341, 347, 358, 498, 502
Феофілашка — прізвисько *К. М. Феофілактова* II 133
Фермор Павло Федорович — директор Воєнно-юридичної академії I 121, 437
Феррі Жюль (1832—1893) — французький політичний діяч; адвокат. Член палати депутатів; міністр народної освіти і мистецтва (1879—1885) I 485; II 90
Фесслер — вдова II 412
Філіппов Тертій Іванович (1825—1899) — державний і громадський діяч Росії, сенатор, письменник; товариш державного контролера (1878—1889) II 436
Фіарковський — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 322
Філарет (Дроздов Василь Михайлович, 1783—1867) — митрополит московський II 205, 219, 221, 286, 435, 436
Філарет (Гумілевський Дмитро Григорович, 1805—1866) — чернігівський єпископ, історик, автор книги «Обзор русской духовной литературы» I 231
Філарет (Філаретов Микола Прокопович, 1824—1882) — церковний діяч, ректор Київської духовної академії (1870—1877); єпископ уманський і вікарій Київської єпархії (1874—1877), редактор видання «Руководство для сельских пастырей» I 262
Філарет (Амфітеатров Федір Георгійович, 1779—1857) — митрополит київський і галицький I 60, 108, 180; II 218, 219
Філіпенки — землевласники с. Великі Будки I 478
Філіпченки — подружжя II 497, 498
Філіпченко Михайло Юхимович (1849—?) — агроном; завідував будівництвом землеробних машин на московській фабриці (1884—1886) II 497
Філліпаров — бельгійський банківський діловк I 256
Філліпп II (1527—1598) — король Неаполя і Сицилії (з 1554 р.), Іспанії і Нідерландів (з 1555 р.) I 204; II 339, 396
Філософов — військовий прокурор II 351
Філофей — митрополит Києво-Печерської лаври I 229
Фінкель Петро Ілліч — лікар Кирилівської лікарні у Києві I 63
Фінкельштейн — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 276
Фіхтенгольц Генріх Соломонович — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 349, 351, 354, 357, 360
Фіхтенгольц Соломон Якович — член ради Київського промислового банку, потім директор I 141, 150—154, 166—168, 276, 277, 304, 348, 360; II 100
Фішер — провідник II 228
Флеровський — див. *Берві-Флеровський В. В.*
Філіге — дружина управляючого київським відділенням Волзько-Камського комерційного банку М. К. Фліге II 459
Фліге Микола Карлович — племінник М. Х. Бунге, співробітник приватного комерційного банку у Києві, потім директор I 90, 273, 277, 352, 374
Фойницький — студент Київського ун-ту I 83, 84
Фойницький Іван Якович (1847—1913) — юрист, фахівець у галузі кримінального права та судового процесу, тюрмознавства, професор Петербурзького ун-ту I 6, 27, 34, 49, 71—73, 76—78, 90, 91, 102, 113, 399, 409—412, 416,

502, 551, 556; II 15, 110, 111, 122, 131, 132, 143, 144, 221, 222, 224, 228, 229, 339, 370, 389, 457, 461, 487—491, 495, 496

Фойницькі — подружжя I 410, 411; II 496

Фоменко — фельдфебель I 116, 119, 120, 125

Фонберг — студент юридичного факультету Київського ун-ту; співробітник редакції газети «Киевский листок объявлений» I 544

Фон Брадке Еммануїл Єгорович — директор департаменту Міністерства народної освіти I 320, 598

Фон Брадке Єгор Федорович (1796—1862) — сенатор; попечитель Київського учбового округу (1832—1838) I 598

Фондер-Кіндер (Вандеркіндере?) Леон (1842—1906) — бельгійський історик, засновник антропологічного товариства у Бельгії I 342

Фортинський Федір Якович (1846—1902) — доктор загальної історії, ординарний професор кафедри загальної історії Київського ун-ту I 68, 69, 376, 386, 396, 558; II 464

Фортунатов Федір Микитович (?—1872) — письменник, етнограф I 215

Фотій (Спаський Петро Микитович, 1792—1838) — церковний діяч Росії, архімандрит (з 1822 р.) I 521

Франц-Йосиф I (1830—1916) — австрійський імператор (1848 — 1916) I 553; II 199, 219, 225, 235, 252

Францоуз Леопольд — екскурсовод у Празі II 232

Фредерікс Олександр Олександрович — тамбовський губернатор; генерал-губернатор Східного Сибіру II 173

Фрейсине Шарль-Луї (1828—1923) — французький політичний діяч, прем'єр-міністр II 99, 112, 113

Френкель — лісоторговець I 100, 101, 214, 370, 422

Фрідрейх Нікола (1825—1882) — клініцист, професор внутрішніх хвороб у Гейдельберзі (з 1858 р.) I 455, 526

Фріш Едуард Васильович — управляючий кодифікаційним відділом при Державній раді II 488, 490, 492, 496

Фукс Едуард Якович (1834—1909) — сенатор карного департаменту Сенату II 488

Фундуклей Іван Іванович (1804—1880) — київський губернатор, громадський діяч і археолог I 100, 225

Функе Юлій Фердинандович (1858—1885) — учитель історії Першої київської гімназії I 343

Фур'є Франсуа-Марі (1772—1837) — французький соціаліст-утопіст I 489

Х. — слідчий, можливо, І. І. Хантинський, начальник слідчого відділу Київського губернського управління I 30

Халтурін — жандармський офіцер II 173

Халтурін Степан Миколайович (1856—1882) — революціонер-народник II 370, 515

Хамбаров — київський домовласник II 89

Хандриков Митрофан Федорович (1837—1915) — доктор астрономії, ординарний професор кафедри астрономії і геодезії, завідуючий астрономічною обсерваторією Київського ун-ту. Автор дослідження «Система астрономии» (К., 1875—1877.—Т.1—3) I 114, 128, 268, 312, 313, 363, 566; II 347, 382, 400, 405, 407, 416, 417, 429, 434, 470, 500

Ханенко Микола Данилович (1691—1760) — генеральний хорунжий, автор мемуарів «Щоденник генерального хорунжого Миколи Ханенка 1727—1753 рр.» I 231, 322

Ханенко Олександр Іванович (1805—1898) — український поміщик, автор праць «Історичний нарис межових установ на Україні» (1870) та «Фамільні документи роду Ханенків» (1889); управляючий Пензенською палатою державних маєтностей I 231, 319, 322, 343, 380, 421, 426—428, 433; II 306

Харитонов — московський присяжний повірений II 197

Харламов Олександр Семенович — чиновник особливих доручень при міністрі внутрішніх справ I 518, 576; II 373, 409, 428

Харченко — опікун маєтку Концевич II 83

Хвостов Борис Миколайович — сенатор департаменту герольдії Сенату I 443, 444

Хвостов Микола Олексійович — товариш обер-прокурора другого департаменту Сенату II 488

Хелмський Поль — двоюрідний брат Роковича, учень О. Ф. Кістяківського I 176, 480

Хижняков Іван Михайлович — гласний Київської міської думи, інженер шляхів сполучення I 110, 130, 212, 337; II 329

Хижнякова — наречена Д. Бородіна I 246

Хилков — син Хилкової II 288—290, 298, 305

Хилкова — княгиня II 287, 288, 312

Хильчевський Іван Пилипович — учитель географії Фундуклеївської жіночої гімназії у Києві II 160

Хлестова — персонаж комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму» II 35

Хлебников Микола Іванович (1840—1880) — доктор державного права, екстраординарний професор кафедри енциклопедії права Київського ун-ту. Автор праці «Право и государство в их обоюдных отношениях. Исследование о происхождении, сущности, основных началах и способах развития цивилизации вообще» (Варшава, 1875) I 30, 283, 310, 311, 314, 319, 330, 335, 342, 346, 349, 350, 372, 373, 420, 503, 545, 550—553, 557, 567, 568, 574, 575, 589, 627; II 84, 85, 94, 95, 125, 146, 147, 159, 166, 187, 188, 217, 233, 241, 256, 282

Хлестаков — персонаж комедії М. В. Гоголя «Ревізор» I 395

Хлищов — прізвисько *І. П. Хрущова* I 35, 299

Хмельницький Богдан Михайлович (бл. 1559—1657) — гетьман України (з 1648 р.) II 109, 313

Ходецький Старіон Мартиніанович (1821—1887) — магістр сільського господарства і лісоводства Київського ун-ту I 54, 57, 164, 298, 394

Ходоловська — клієнтка О. Ф. Кістяківського I 310, 312

Холодковський Аполлон Дмитрович — правитель канцелярії оренбурзького генерал-губернатора II 299, 300

Хомутов Михайло Григорович (1795—1864) — генерал-ад'ютант; член Державної ради Росії (з 1863 р.) I 230

Хом'яков Олексій Степанович (1804—1860) — російський письменник, ідеолог слов'янофілів I 336

Хорватович Георгій (1835—1895) — сербський офіцер, головнокомандуючий однією з армій (1876) I 207

Хохлов — городищенський знайомий О. Ф. Кістяківського II 142

Храпаль Олексій Іванович (1813—1886) — зять Ф. В. Симиренка, член фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 96, 97, 149, 154, 157—159; II 463

Христіані — київський садівник і квіткар I 168

Христос — бібл. Месія I 59, 92, 202, 364, 467, 468, 477, 496, 502, 558—560, 588, 593, 617, 618, 624, 627; II 34, 37, 44, 130, 133, 191, 198, 205, 239, 246, 266, 268, 270, 360, 361, 402, 426

Хржонщевський Никанор Адамович (1836—1905) — доктор медицини, ординарний професор кафедри загальної патології Київського ун-ту I 35, 55, 60, 89, 127, 130, 131, 133—136, 148, 164, 168—170, 194, 210, 211, 253, 254, 316, 355; II 129, 139, 171—173, 175, 307, 382, 415, 417, 418, 434, 437, 456, 458, 467, 470, 475, 484, 487, 493, 495, 497, 498, 500

Хроновський Леонід Васильович — професорський стипендіат юридичного факультету Київського ун-ту (1876—1878), помічник секретаря Київської судової палати I 226, 227, 278, 286, 287, 316, 342; II 175, 185, 186, 258, 261, 270, 296

Хрущов Іван Петрович (1841—1910) — професор російського мовознавства Київського ун-ту; чиновник особливих доручень при міністрові народної освіти (з 1882 р.) I 35, 102, 166, 192, 389, 459, 625; II 485—487, 491, 493, 494, 496, 497, 503

Хряков Іван Григорович — брат М. Г. Хрякова II 251

Хряков Микола Григорович — гласний Київської міської думи, цукрозаводчик I 36, 50, 74; II 71, 81, 85, 251

Хрякови — українські цукрозаводчики I 586; II 171

Хуторний — київський громадянин I 103

Хуторний Т. (псевдонім *Лубенця Тимофія Григоровича*, 1855—1936) — український педагог II 391

Царевський Кирило Олексійович (1830—?) — завідуючий бібліотекою Київського ун-ту (з 1866 р.) I 228; II 261

Цахаріе Генріх-Альберт (1806—1875) — німецький юрист і політичний діяч II 202

Цветаєв Іван Володимирович (1846—1913) — доктор римської словесності, доцент кафедри римської словесності Київського ун-ту (1876—1877). Автор «Сборника осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием» (К., 1877), батько М. І. Цвєтаєвої I 235, 236, 238, 239, 241—243, 247, 248, 250, 252, 256, 265, 266, 273, 276, 430; II 128

Цветов — чернігівський купець II 167

Цвіткіська Ольга Петрівна — дружина Ю. Ю. Цвітківського I 286; II 72

Цвітківський Юрій Юрійович (1843—1913) — український громадський діяч, педагог, член Старої громади, член-засновник Південно-Західного відділу РГТ I 59, 104, 259, 513, 543, 594; II 91, 107, 139, 151, 158, 197, 310, 314, 364, 488, 490, 494

Цезар — див. *Юлій Цезар*

Ценкальський Фелікс-Володимир — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1880) I 552, 558

Ценова Флоріан (1817—1881) — кашубський етнограф; доктор медицини. Брав участь у роботі слов'янського з'їзду в Росії (1867). Докторська дисертація присвячена повір'ям у медицині I 462

Центнерський — клієнт О. Ф. Кістяківського II 182, 183

Цеплан —чернігівський крамар I 38

Цехановецький Григорій Матвійович (1833—1898) — професор кафедри політичної економії і статистики Київського (1871—1872) та Харківського ун-тів (з 1873 р.), ректор останього I 69, 218, 293, 294, 382, 539; II 153, 325, 424, 438

Цилурін — міський голова в Острі I 519

Цитович Василь — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1882) II 309

Цитович Петро Павлович (1844—1913) — юрист, публіцист; професор торговельного права Новоросійського ун-ту (1873—1878), редактор газети «Берег» I 403, 404, 469—471, 493, 542, 550, 553, 595; II 36, 49, 58, 94, 97, 116, 120—122, 127, 128, 130, 142, 145, 146, 150, 184, 188, 200, 201, 207, 246, 249, 257, 258, 259, 261, 264, 266, 283, 291, 295, 304, 305, 309, 312, 492, 494

Цицианова Олександра Сергіївна (з дому *Хоржевська*, 1853 — 1886? 1887?) — княгиня, діячка революційного руху в Росії I 364

Цицурин Володимир Федорович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1874) I 228, 229

Цицерон Марк Туллій (106 — 43 до н. е.) — давньоримський політичний діяч, оратор, філософ і письменник I 235, 265; II 346

Ціон Ілля Тадейович — фізіолог; екстраординарний професор Петербурзького ун-ту (з 1870 р.), ординарний професор Медико-хірургічної академії (з 1872 р.) I 61

Цуккерман — гласний Київської міської думи II 117, 131

Чайковський — родич С. Літова II 59, 63

Чалий Михайло Корнійович (1816—1907) — педагог, культурний діяч. Підготував і опублікував в «Основі» «Воспоминания И. М. Сошенко о Т. Г. Шевченко» (1862); автор спогадів «Записки украинца из времен польского восстания 1861—1864 гг.» (К., 1869) I 346, 363, 365; II 390

Чарне цький Фавстин-Валерій Людвигович— житомирський судовий слідчий, член Київського юридичного товариства II 28, 157, 216

Чахурський Юрій Іванович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1857); чиновник департаменту геральдії Сенату (з 1861 р.) I 442—444; II 82, 122, 173, 312

Чацький — персонаж комедії О. С. Грибоєдова «Горе з розуму» II 510

Чебишев — див. *Чебишев-Дмитрієв* О. П.

Чебишев-Дмитрієв Олександр Павлович (1834—1877) — юрист-криміналіст. Автор курсу лекцій в Казанському університеті «О началах французского уголовного устройства» (1862), статті «Об уголовном процессе в Англии, Франции и Германии», опублікованій в «Отечественных записках» (1861—1862) та ін. I 83, 302, 303, 312, 315, 317, 318, 323, 340, 368, 551, 632

Челищева — дружина О. О. Козлова I 190

Чепурний Костянтин — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1873). Його праця «К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии» була надрукована в журналі «Университетские известия» (1874.— № 9—11) I 379, 579

Черепахін Олександр Петрович— дворянин Полтавської губернії, член Київської громади. За українофільство судився у Львові (1877) разом з М. Павликом, К. Ляхоцьким і С. Ястремським. Засуджений до місячного тюремного ув'язнення і виселення за межі Австрії I 392; II 306

Черкасов — дільничний пристав у Петербурзі I 626

Черкаський Володимир Олександрович (1824—1878) — князь, російський державний діяч, начальник російського цивільного управління в Болгарії (1877—1878) I 230, 417

Черкезов Варлаам Миколайович (1846—1925) — російський революціонер-анархіст; автор брошури «Драгоманов из Гадяча в борьбе с русскими социалистами» (Женева, 1882) II 428

Черкесов Олександр Олександрович — власник книгарні у Петербурзі I 251, 301

Чернавський Михайло Михайлович (1855 — ?) — діяч революційного руху в Росії. За участь у демонстрації на Казанській площі (1876) був засуджений до 15 років каторжних робіт у копальнях з позбавленням усіх прав власності I 345

Чернецький (*Чарнецький*) — київський адвокат I 100, 312, 349, 350, 352

Черниський — капітан I 196

Чернишев Антон Миколайович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту; правитель канцелярії подільського губернатора II 67, 68, 94

Чернишев Олександр Іванович (1786—1857) — князь, військовий міністр (1827—1852) II 337

Чернишевський Микола Гаврилович (1828—1889) — російський публіцист, філософ, учений, письменник I 20, 22, 298, 336, 337, 345, 607, 610—615, 617—619, 642; II 23, 437

Чернишенко — помічник директора Городищенського цукрового заводу II 451

Чернишов Петро Матвійович — полковник, комендант Симбірська; повішений О. Пугачовим (1773) II 194

Чернов Іван — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1879) II 78, 79, 275

Чернолузький В. Я.— землевласник Стародубського пов. II 307 308

Черняга — студент медичного факультету Київського ун-ту I 530

Черняєв Михайло Григорович (1828—1898) — російський генерал, головнокомандуючий сербською армією (1876) I 199, 201, 205—207, 211, 222, 315, 368, 369; II 354

Чертков Михайло Іванович (1829—1908) — київський, подільський і волинський генерал-губернатор (1877—1881), варшавський генерал-губернатор (з 1881 р.) I 73, 459, 476, 483, 486, 497, 527, 528, 534, 535, 537, 538, 543, 544, 550, 562, 566, 570, 586, 591—597, 599, 600, 605, 618, 620, 629; II 18, 24—26, 30, 34, 35, 41, 45, 46, 48, 52, 67, 76, 78, 91, 93, 106, 124, 128, 135, 137, 140, 156, 173, 180, 182, 184, 185, 197, 220, 239—241, 246, 260, 263—265, 283, 286, 288, 290, 293, 298, 312, 322—324, 335, 364, 369, 373, 397

Черткова Ольга Іванівна — дружина М. І. Черткова I 570, 586; II 64, 75, 155, 287, 288, 305, 311, 312

Черткови — подружжя II 155, 287

Черткова — див. *Черткова О. І.*

Черторижський (Чарторийський) Еразм Васильович (бл. 1843— ?) — учитель Новозибківського повітового училища Чернігівської губ.; переведений до Полтавської гімназії. Висланий в Олонецьку губ. за поширення протиурядових ідей (травень 1876 р.) I 272

Чехівський — див. *Федотов-Чехівський О. О.*

Чехович Вячеслав Венедиктович — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1857), товариш прокурора Петербурзького окружного суду, товариш голови Калішського окружного суду I 85, 100, 106, 127; II 190, 220

Чечет — член Київського товариства землеробських колоній і ремісничих приютів для малолітніх правопорушників I 572, 623; II 48, 51, 150

Чешихін Ізмаїл Васильович (1830—?) — лікар Першої київської гімназії I 75, 276, 343

Чижов Микола Ефимович (1853—?) — юрист, магістр Варшавського, доцент Новоросійського ун-тів II 233, 325

Чижов Федір Васильович (1811—1877) — громадський діяч, публіцист, математик, мистецтвознавець, письменник-слов'янофіл I 494

Чикилевський Єрофій — священик II 270, 275

Чир'єв Іван Іванович (1857—?) — учитель математики Першої київської гімназії II 469

Чистяков Дмитро — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1881) II 303

Чичерін Борис Миколайович (1828—1904) — юрист, історик, філософ, публіцист I 411

Чубаров Сергій Федорович (бл. 1845—1879) — революціонер-народник, учасник Чигиринської змови I 483

Чубинська Катерина Іванівна (з дому *Порозова*) — дружина П. П. Чубинського I 601; II 27, 31, 82, 107, 144, 270, 294, 314

Чубинський Василь Платонович — молодший брат П. П. Чубинського I 304; II 125, 173

Чубинський Костянтин Платонович — помічник ревізора Київської контрольної палати II 116

Чубинський Павло Платонович (1829—1884)—український громадський діяч, вчений-етнограф; ініціатор відкриття Південно-Західного відділу РГТ, його секретар, з 1875 р.— заступник голови I 6, 20, 28, 35, 64, 70, 88, 118, 121, 127, 142, 144, 174, 175, 178—180, 186, 188, 223, 290, 330, 369—371, 431, 492, 528, 602, 603, 605, 634; II 16, 67, 69, 71, 72, 74—77, 81, 82, 107, 108, 118, 147, 188, 270, 273, 275, 294, 298, 450, 490

Чубинські — родина П. П. Чубинського I 400, 627; II 189

Чулков — жандарм, супроводжував В. Костомарова на Кавказ I 613

Чупін Нарків Костянтинович (? — 1882) — дослідник Пермського краю, автор «Географическо-статистического словаря Пермской губернии» (Пермь, 1873—1874) I 605

Чупров Олександр Іванович (1842—1908) — російський економіст, статистик, публіцист, громадський діяч; професор Московського ун-ту (1878—1899) II 438, 497

Ш.— особа не встановлена I 492

Шавров — полковник, клієнт О. Ф. Кістяківського I 132, 133, 245, 267, 360

Шавров Олександр Олександрович— редактор петербузької газети «Наш век» (1877), публіцист I 635

Шадура — волосний старшина I 365

Шайкевич — петербурзький адвокат I 202, 245

Шаліта Мордко — кандидат юридичного факультету Новоросійського ун-ту (1879) I 493, 539, 556, 557

Шамрай Федір Іларіонович — редактор канцелярії Міністерства юстиції I 309

Шанзі Антуан (1823—1883) — французький генерал, посол у Росії (1879—1881) II 99

Шапченко Олексій Андрійович — околоточний наглядач Старокиївської дільниці II 13, 14

Шараневич Сидір Іванович (1829—1901) — український історик, москвофіл, автор праць з історії та археології Галичини і Волині II 374

Шауман — родич О. Ф. Кістяківського II 135

Шафонський Опанас Филимонович (1740—1811) — український історик, лікар. Автор праці «Чернігівського намісництва топографічний опис з коротким географічним і історичним описом Малої Росії, з частин якої це намісництво складено» (К., 1851) I 86; II 164

Шафранов Семен Миколайович — директор колегії Павла Галагана I 330

Шаховська — княгиня II 372

Шаховський Олексій Іванович (бл. 1690—1737) — сенатор, генерал-аншеф, правитель Малоросії (з 1734 р.) I 14

Шаховський Яків Петрович (1705—1777) — князь, державний діяч; автор «Записок», які видавалися кілька разів (перше видання 1810 р.) I 86

Шван — київський адвокат I 133, 245

Шварц — київський зубний лікар I 346

Шварц Олександр Адамович (1839—?) — доктор медицини, доцент при кафедрі акушерства Київського ун-ту I 37, 279, 324; II 134, 378

Шварце Фрідріх (1816—1886) — німецький криміналіст, займав судові посади II 327

Шевирев Степан Петрович (1806—1864) — російський історик літератури, критик і поет; видавець журналу «Москвитянин» I 171, 387

Шевцов — студент Київського ун-ту I 514, 523, 535

Шевченко Варфоломій Григорович (1821—1892) — троюрідний брат і свояк Т. Г. Шевченка I 39, 370, 458, 498

Шевченко Тарас Григорович (1814—1861) — український поет, художник, мислитель I 80, 175, 374, 465; II 82, 208, 217, 333, 342, 352, 375, 390, 394, 395, 401, 414, 438, 451, 452, 455, 458, 514

Шедо-Ферроті — псевдонім барона *Фіркса Ф. І.* (1812—1872), російського чиновника і публіциста, автора кількох брошур, в яких обгрунтовувалася автономія Польщі I 326

Шейлок — персонаж комедії Шекспіра «Венеціанський купець» I 82, 172

Шекспір Вільям (1564—1616) — англійський поет і драматург I 67, 68, 71, 75, 78, 183, 388, 633; II 166, 279

Шелгунов Микола Васильович (1824—1891) — російський революціонер-демократ, критик і публіцист I 614

Шельменко — персонаж п'єси Г. Ф. Квітки-Основ'яненка «Шельменко-денщик» II 497

Шендзиковський І. А.— кандидат на судову посаду при Харківському військовому суді; укладач збірника законів про фабрично-заводську промисловість I 562, 582, 583, 605; II 25

Шенк — американський посол в Англії I 143

Шепелєв — клієнт О. Ф. Кістяківського I 35, 132

Шереметьєв В. П.— поручик I 436, 437

Шереметьєви —родина I 437

Шефкет-паша — один із військовокомандуючих турецькою армією під час російсько-турецької війни (1877—1878) I 474

Шефтель Феліція Ісааківна (1860—?) — діячка революційного руху в Росії; учасниця демонстрації на Казанській площі (1876) I 345

Шеффер Артур Олександрович — головний лікар Київської кирилівської лікарні II 395, 401—403, 433, 443

Шеффер Олександр Олександрович (1831—1897) — ординарний професор кафедри медич-

ної хімії Київського ун-ту I 53, 55—57, 64, 69, 82, 108, 114, 115, 117, 128, 148, 164, 169, 170, 194, 195, 208, 219, 232, 249, 254, 260, 278, 317, 318, 326, 329, 355, 356, 370, 372, 496, 523, 526, 528, 529, 531, 533, 535—537, 563, 579, 600, 620; II 95, 96, 117, 122, 127, 128, 155—157, 165, 174, 175, 257, 334, 335, 341, 347, 378, 396, 397, 399—401, 405, 411, 416, 417, 429, 430, 439, 442, 443, 503

Шешковський Степан Іванович (1727—1793) — донощик, «сыскных дел мастер», обер-секретар таємної експедиції I 521

Шибанов — секретар Київської міської думи I 397

Шигарін —приятель О. І. Селіна I 104

Шидловський Олексій Володимирович — статс-секретар Державної ради II 318, 335, 339, 342, 489

Шийко — дійсний статський радник у відставці, кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 149, 160, 163, 173

Шиманов Андрій Львович — діяч Харківської старої громади, правник-адвокат II 202

Шимановський Юлій Карлович (1829—1868) — доктор медицини, ординарний професор оперативної і воєнної хірургії Київського ун-ту I 134, 307

Ширинська-Шихматова — мати С. Новикова I 192

Ширинський — див. *Ширинський-Шихматов О. П.*

Ширинський-Шихматов Олександр Прохорович (1822—1884) — князь, товариш міністра народної освіти I 73, 146, 172, 191, 219, 420, 421, 550

Ширинський-Шихматов Платон Олександрович (1790—1853) — князь, російський державний діяч, міністр народної освіти (1849—1853) II 37

Широков — ділок I 84, 86, 87, 89, 90

Шіллер Йоганн-Фрідріх (1759—1805) — німецький поет I 138, 141, 145, 183, 200, 453, 466; II 69, 226, 228

Шіллер Микола Миколайович (1848—1910) — доктор фізики, екстраординарний професор кафедри теоретичної фізики Київського ун-ту I 529; II 172, 256, 363

Шкляревич — викладач Чернігівської духовної семінарії I 8

Шкляревський — адвокат, брат О. С. Шкляревського I 41, 251, 254, 276, 283, 310, 348, 353, 354, 357, 369, 397, 428, 432; II 122

Шкляревський Олексій Сергійович (1839—1907) — доктор медицини, ординарний професор кафедри медичної фізики Київського ун-ту I 44, 60, 127, 131, 133, 134, 136, 170, 194, 235, 317, 331, 347, 355, 370, 372, 386, 494; II 139, 157, 253, 294, 298, 307, 316, 381, 494

Шкляревський Ф. С.— київський присяжний повірений, брат О. С. Шкляревського I 423

Шкотт — гласний Київської міської думи, домовласник I 89, 378

Шкумат — учитель у м-ку Хмелові I 480

Шлейфер Павло Іванович (1814—1879) — український живописець і архітектор I 298

Шмальгаузен Іван Федорович (1849—1894) — доктор ботаніки, екстраординарний професор кафедри ботаніки Київського ун-ту I 525, 526, 529

Шміт Микита Кондрович—ярославський губернатор, управляючий 3-м відділенням в. й. і. в. канцелярії (1878—1880) II 143

Шмулевич — службовець Київського приватного комерційного банку I 441

Шней — карлсбадський лікар I 450, 454, 455, 458; II 199, 200, 203, 204, 208, 214, 219, 229

Шнейдер — доброволець російської армії у Сербії I 222

Шнейдер Луї (1805—1878) — німецький письменник і актор I 564, 565

Шокальський — кредитор фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 353, 356

Шостак Євген — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1874), стипендіат (1874—1876), присяжний повірений Київської судової палати I 39, 43, 47, 76, 247, 494, 503, 585, 610; II 173, 197, 228, 241, 243, 286, 294, 310, 315

Шостаковський — батальйонний лікар, син А. М. Шостаковського II 434

Шостаковський Амвросій Михайлович — секретар Київського тюремного комітету I 597; II 433, 434

Шперк Едуард Федорович (1837—1894) — лікар, сифілідолог і дерматолог II 108

Шпунт Р. — український історик I 21

Шраг Ілля Людвигович (1848—1919) — кандидат юридичного факультету Київського ун-ту (1875); адвокат, чернігівський земський і міський діяч. Його стаття «Крестьянские суды Владимирской и Московской губернии» була надрукована в «Юридическом вестнике» (1877.— № 3—10) I 44, 212, 213, 380, 417, 419, 421, 423, 424, 428, 574, 579, 582, 583, 591, 601, 605; II 38, 53, 55

Шрамченко Микола — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1877) I 212

Штейн Лоренц (1815—1890) — німецький юрист і економіст. М. Х. Бунге присвятив йому дослідження «Государство и народное образование, начальное и профессиональное, т. е. реальное и художественное, в Германии, Англии и Франции. Очерки исследования Лоренца Штейна» (К., 1877) I 244, 364

Штиглиць А. Л. (?—1884) — барон, придворний банкір, управляючий Державним банком (1860—1865) I 155; II 487

Штицберг I 148

Штранге — товариш курського прокурора I 397, 400

Штрандман — полковник I 419, 427

Штраус Давид Фрідріх (1808—1874) — німецький філософ, історик, теолог і публіцист II 95, 130, 188, 381

Штюрц — дядько дружини В. Ф. Кістяківського I 105, 106

Шуберт Фрідріх-Вільгельм (1799—1868) — німецький статистик і історик; професор. Йдеться про працю «Das Handbuch der allgemeinen Staatskunde von Europa» (Кенігсберг, 1835—1848.— Т. 1— 2) I 426

Шувалов Петро Андрійович (1827—1889) — граф, начальник штабу корпусу жандармів

І управляючий 3-м відділенням в. й. і. в. канцелярії (1861—1864) I 222, 229, 608, 610, 626; II 215, 216, 218, 338

Шугаввський Павло — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1875) I 212

Шульгін — студент юридичного факультету Київського ун-ту I 43

Шульгін Віталій Якович (1822—1878)— засновник і редактор «Киевлянина»; ад'юнкт і екстраординарний професор кафедри загальної історії Київського ун-ту (1849—1863) I 27, 28, 40, 44, 64, 76, 84, 86, 87, 89, 90, 89, 111, 116, 118, 122, 123, 129, 142, 174, 180, 191, 196, 211, 214, 216, 217, 221, 240, 247, 262, 263, 273, 276, 294, 300, 306, 317, 325, 326, 371, 470, 476, 487, 489, 491, 494, 533, 544, 546, 547, 632; II 30, 32, 55, 177, 183, 256, 392, 407, 432, 458, 460, 505, 510

Шульгін Яків Миколайович (1851—1909) — член Старої громади. 1879 р. адміністративно засланий до Сибіру за перевезення з-за кордону друкарні для громадських цілей I 469, 476; II 86, 151, 407, 502

Шульгіна — дружина В. Я. Шульгіна I 544

Шульженко Микола Михайлович (1841—1915) — член Старої громади, окружний інспектор Управління Київського учбового округу; директор Полтавської гімназії і Колегії Павла Галагана I 273, 274, 286, 299, 300—302, 330, 395, 433, 517; II 97, 290, 410

Шульц — клієнт О. Ф. Кістяківського I 33

Шумановський — священик Київського ун-ту II 169

Шумахер — московський банківський ділок, міський голова I 202, 203, 273, 435, 442

Шумахер Олександр Данилович — сенатор I 548

Щапов Афанасій Прокопович (1830—1876) — російський історик і публіцист I 299, 337

Щеглов — петербурзький літератор I 215

Щедрін — див. *Салтиков-Щедрін М. Є.*

Щепкіна — дружина Л. А. Куперника I 487

Щербак — волосний старшина I 365

Щербак Олександр Вікторович (1848—1894) — студент Медично-хірургічної академії, учасник студентського руху 60-х років XIX ст. II 160

Щербина Б. Н.? — брат дружини І. Ф. Рогаля-Левицького I 584

Щербина Володимир Іванович (1850—?) — український історик, член Старої громади II 72

Щербина Іван Трохимович — лікар Київського ун-ту та Третьої київської гімназії I 251, 431, 584, 612

Щербич Павло — львівський синдик, королівський секретар, видавець Литовського статуту I 431, 636

Щокаряка — дійсний статський радник [?] II 221

Ю. В.— див. *Яцевич Ю. В.*

Ювенал Децім Юній (60-ті роки I ст.— бл. 127) — римський поет-сатирик II 253

Юзефович Володимир Михайлович — управляючий канцелярією міністра внутрішніх справ II 254, 255, 431

Юзефович Михайло Володимирович (1802—1889) — помічник попечителя Київського учбового округу, голова Київської археографічної комісії I 35, 64, 68, 98, 107, 113, 118, 121, 123, 127, 144, 172, 174, 175, 214, 219—221, 223, 242, 257, 259, 261, 262, 264, 289, 290, 295, 323, 369, 388, 431, 433, 438, 457, 470, 489, 494, 527, 547, 560, 602, 635; II 35, 55, 146, 177, 183, 184, 255, 261, 263, 392, 395, 432, 458, 467, 472, 475, 484, 487, 500

Юлій — син О. Ф. Кістяківського, юрист I 39, 40, 47, 52, 54, 72, 84, 144, 297, 381, 418, 499, 637, 638; II 142, 260, 290, 297, 402, 496

Юлій Цезар Гай (100—44 до н. е.) — державний діяч, полководець, письменник Стародавнього Риму, автор історичного твору «Записки про галльську війну» II 17, 346, 461

Юнк—ділок I 79

Юпітер — у римській міфології Бог дощу і грому II 88, 93

Юр'єв — клієнт О. Ф. Кістяківського I 528

Юр'єв Катітон Григорович — земський лікар, близький до Старої громади. 1880 р. виїхав за кордон II 36

Юркевич — конторщик міської телеграфної станції у Києві II 453

Юркевич Андрій Данилович (1833—1896) — учитель грецької мови в Другій київській гімназії; брат відомого філософа П. Д. Юркевича I 10, 261—263, 265, 273, 289, 294, 295, 297, 340, 341, 347, 350, 367, 409, 433, 499, 500, 505, 509, 511, 534, 540, 543—545, 549, 589, 627, 637; II 7, 27, 33, 55, 72, 76, 80, 136, 142, 166, 190, 247, 254, 292, 335, 338, 452, 466, 472

Юрковський О. II 276, 297

Юстініан (483—565) — візантійський імператор (з 527 р.). За час його правління було проведено кодифікацію римського права. Узагальнююча назва цих юридичних праць — «Corpus juris civilis», одна з чотирьох частин яких називалася «Інституція» I 269

Юханцев — касир Петербурзького банку взаємного поземельного кредиту I 442; II 56

Ющенко Григорій (1882—?) — український історик, завідуючий Центральним архівом праці в Харкові I 7, 21

Яблонський — конспіративне прізвище *Дегаева С. П.* II 445, 459

Яворський М.— український історик I 635

Яворський Стефан (1658—1722) — український церковний діяч II 441

Ягницький — головний управляючий маєтками Воронцова I 139

Яїчниця Іван Павлович — персонаж комедії М. В. Гоголя «Женитьба» I 410, 411; II 9

Якибинський — адвокат I 94

Якимов — студент юридичного факультету Київського ун-ту II 275, 289

Якимова Ганна Василівна — діячка народницького руху II 413

Яковлєв — університетський товариш О. Ф. Кістяківського I 566; II 314

Яковлєв — міщанин, дав неправдиві свідчення у справі М. Г. Чернишевського I 613, 614

Яковлів Андрій (1872—1955) — український вчений-юрист, громадський і політичний діяч I 7

Якубенко Олексій — інженер, надвірний радник II 352, 390, 391, 414

Якубиха — хазяйка чернігівської квартири О. Ф. Кістяківського II 119

Якубович Олександр Іванович (1792—1845) — декабрист I 408; II 412

Якубович Сергій Петрович — директор Віленського приватного комерційного банку II 412

Якубович Степан Петрович (1835—?) студент юридичного факультету Київського ун-ту; помічник бібліотекаря Київського ун-ту (1880) I 196—198, 221, 540—542, 576; II 239, 243—245, 247, 256, 258, 261, 262, 266, 267, 269, 271, 275, 283, 288, 289, 291, 292, 294, 296, 299, 307, 310—313, 315, 317, 335, 412, 502

Якубовичі — український шляхетський рід II 412

Якушкін Євген Іванович (1826—?) — юрист-етнограф. Підготував до видання кілька випусків «Обычного права». О. Ф. Кістяківському надіслав перший випуск: «Обычное право. Материалы для библиографии обычного права» (Ярославль, 1875) I 192

Янжул Іван Іванович — економіст, професор Московського ун-ту (з 1876 р.) II 497

Янжули — подружжя II 498

Янков — головний управляючий маєтками Воронцової II 437

Янсон Юлій Едуардович (1835—1892) — російський економіст і статистик, ординарний професор політичної економії, декан юридичного факультету Петербурзького ун-ту I 264; II 465, 488, 489, 495

Янсони — подружжя II 495

Янчевецький Григорій Андрійович (1846—1903) — учитель давніх мов у Першій київській гімназії. Переведений до Ризького учбового округу (1876). Автор науково-літературних праць, перекладач з давніх мов, видавець журналів «Гимназия» и «Педагогический еженедельник» I 162, 175, 279, 319, 392, 399

Яровий—знайомий О. Ф. Кістяківського II 142

Яроцький — студент Київського ун-ту I 238

Яроцький Василь Якович (1824—?) — магістр грецької словесності, екстраординарний професор кафедри історії і літератури слов'янських мов Київського ун-ту I 218

Ярошинський — банкір I 67

Ясинський Август — кандидат історично філологічного факультету Київського ун-ту (1876) I 328, 329, 355, 358

Ясинський Іеронім Іеронімович (1850 — ?) — письменник і журналіст, редактор «Киевского телеграфа» і співробітник петербурзького журналу «Слово» I 174, 212; II 207

Яскер Нікола — видавець Литовського статуту I 431, 636

Ясновський Микола — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1867) I 212

Ясногурський — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 144

Яснопольський Микола Петрович (1846—1913) — економіст, викладач політичної економії в Ніжинському ліцеї кн. Безбородька I 99, 128

Ястремський (Ястржембський) Сергій Володимирович (1857—1910) — студент Харківського ун-ту, член женевського гуртка М. П. Драгоманова. Заарештований (1877) I 392

Яхненки —українські промисловці, цукрозаводчики I 183, 361, 419; II 160, 170, 351

Яхненко II 91, 99, 114, 438

Яхненко А.? — помічник директора Русь-кополянського цукрового заводу I 72, 75, 84; II 450

Яхненко Василь Кіндратович — дійсний студент юридичного факультету Київського ун-ту (1875), син К. М. Яхненка I 96, 156; II 104, 113

Яхненко Іван Терентійович — член фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 155, 156; II 100, 101, 160, 186, 187, 254, 298, 451

Яхненко Кіндрат Михайлович (1783—1863) — український промисловець-цукрозаводчик, керуючий фірмою «Брати Яхненки і Симиренки» I 126, 127, 139, 149, 156, 157, 172, 321

Яхненко Л. С. I 468

Яхненко Марія Василівна — дружина К. М. Яхненка I 101, 126, 127, 139, 149, 156, 157, 166, 431

Яхненко Семен Степанович — член адміністрації фірми «Брати Яхненки і Симиренки» I 349; II 100, 101

Яцевич Ю. В. — клієнтка О. Ф. Кістяківського, сестра М. В. Яцевича II 36, 39

Яцевич Микола Васильович (1861—1912) — революціонер-народник II 71

Яценко Олександр Степанович (1842—1897) — доктор медицини, доцент кафедри хірургії Київського ун-ту I 60, 108, 109, 112, 114, 127, 134, 140, 184, 194, 220, 358, 563; II 419, 420

Ячевський — землевласник I 152, 349, 350, 352

ПОКАЖЧИК ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ

Австралія II 198
Австрія I 99, 189, 279, 315, 466, 484, 486, 508, 511, 553, 561, 562; II 199, 208, 209, 214—217, 219, 230, 236, 252, 376, 440, 494
Аджарія, іст. область у Грузії II 151
Адріанополь, м. в Туреччині I 502
Азія I 169; II 213
Аксютинці, с. Роменського пов. Полтавської губ. I 481
Аландські острови, в Балтійському морі I 259
Александрополь, повітове м-ко Єриванської губ. у Вірменії I 195
Алексинац, м. у Сербії I 199, 201
Америка — див. США
Амурський край, іст. область у Росії II 151
Англія I 143, 222, 229, 338, 381, 405, 416, 474, 475, 554, 592; II 93, 222
Андріївський лиман, на Чорному морі II 364
Архангельськ, губернське м. у Росії I 144, 179, 270; II 140
Архангельська губ. у Росії I 614; II 129, 278
Астраханська губ. у Росії I 415, 614; II 196, 200, 277
Астрахань, губернське м. у Росії II 153, 413, 436
Афінська республіка, місто-держава Давньої Греції II 86
Африка II 198

Баку, губернське м. Закавказького краю в Азербайджані II 238
Балаклавська бухта, на Чорному морі I 258
Балта, повітове м-ко Подільської губ. II 372
Балтійське море I 259
Барвінкова, слобода Ізюмського пов. Харківської губ. II 195
Батумі, м., центр Батумського округу Кутаїської губ. у Грузії II 299
Батурин, м-ко Конотопського пов. Чернігівської губ. I 322, 373, 379, 397
Бахмач, залізн. ст., м-ко Конотопського пов. Чернігівської губ. I 409, 502
Бахмач-Роменський, залізн. ст. у Чернігівській губ. I 469, 503, 504
Бахмач-Чернігівський, залізн. ст. Чернігівської губ. I 503, 504
Бахмацький р-н Чернігівської обл. I 7
Бельгія II 24
Бемише Трибау, Богомішер (Богемішер) Трюбан, Трибау (з нім.) — Ческа Тршебова, залізн. ст. у Чехії I 638, 641; II 511, 514
Бендери, повітове м-ко Бессарабської губ. у Молдові I 466; II 213
Бердичів, повітове м-ко Київської губ I 132, 135, 141, 160, 225, 528, 531
Березина, р., притока Дніпра I 410
Березне, м-ко Чернігівського пов. і губ. II 218
Березове, с. Прилуцького пов. Полтавської губ. I 161
Берлін, м., столиця Німеччини I 17, 564, 642; II 198, 222, 261
Берн, м., столиця Швейцарії I 97
Бессарабія, іст. область у Молдові I 184
Бела, р., притока Ками II 302
Белград, м., столиця Сербського князівства I 86, 199, 205, 211, 222, 635
Бельська волость Зеньківського пов. Полтавської губ. II 280
Біла Церква, м-ко Васильківського пов. Київської губ. I 68
Бірке (Бінкенберг), м-ко у Чехії II 230, 231, 513
Близький Схід — див. Схід
Бобрик, залізн. ст. у Чернігівській губ. I 519
Бобровський пов. Воронезької губ. у Росії II 196
Богемія — іст. назва Чехії II 228
Болгарія I 214, 242, 249, 261, 263, 411, 412, 414—417, 434, 475, 502, 599; II 67, 81, 145, 149, 189, 246, 247, 257, 343, 350, 353, 359
Боржом, маєток на Кавказі II 151
Боржомська ущелина, на Кавказі II 356
Борзна, повітове м. Чернігівської губ. I 397, 399, 466, 504, 505
Борзнянський пов. Чернігівської губ. I 20; II 396
Бориспіль, м-ко Переяславського пов. Полтавської губ. I 175, 179, 331; II 108, 144, 356, 357
Борщагівка, м., залізн. ст. Сквирського пов. Київської губ. I 182, 572

Босфор (Константинопольська протока) I 207
Боярка, залізн. ст. Київської губ. II 424
Брацлавський пов. Подільської губ. I 16
Бреслав, Вроцлав, м. у Польщі II 261
Брест (Брест-Литовський), повітов. м-ко Гродненської губ. в Білорусі I 466, 468, 553, 641
Брест-Литовський — див. Брест
Бровари, м-ко Остерського пов. Чернігівської губ. I 29, 519; II 340
Броди, повітове м-ко у Східній Галичині I 460
Брусилів, м-ко Радомишльського пов. Київської губ. II 424
Брюссель, м., столиця Бельгії I 255, 256
Будки — див. Великі Будки
Буковина — іст. назва території Чернівецької і Сучавської обл. II 225
Бурти, с. Канівського пов. Київської губ. II 375, 414, 421

Варна, м. у Болгарії I 416
Варнавин, повітове м-ко Костромської губ. у Росії II 66
Варшава, м., столиця Польщі I 107, 187, 235, 310, 319, 460, 461—463, 465, 466, 468, 529, 587, 634, 641; II 233, 413
Василівка, с. Миргородського пов. Полтавської губ. I 633
Василівський острів — див. Петербург
Васильків, повітове м-ко Київської губ. I 400, 508, 509,
Велика Росія — див. Росія
Велике князівство Литовське I 636
Великі Будки, Будки, с. Роменського пов. Полтавської губ. I 407, 409, 467—469, 471, 473, 474, 477—480, 490, 492, 498, 500, 501, 504, 537, 556, 570, 610—612, 615, 617; II 70, 111, 129, 189, 237, 238
Венеція, область в Італії I 487
Вержболов, м. Владиславського пов. Сувалкської губ. у Польщі II 215
Ветлуга, повітове м. Костромської губ. у Росії I 618
Відень, м., столиця Австрії I 86, 156, 177, 178, 295, 364, 449, 486, 492, 526, 553, 592, 635; II 24, 198, 205, 230, 234, 414, 423, 428, 440
Візантія, давня держава (4—15 ст.) II 436
Вілюйський округ, в Якутії I 610
Вільно (Вільнюс), губернське м. у Литві II 214, 412
Вінниця, повітове м. Подільської губ. I 400; II 511
Вінницький пов. Подільської губ. I 39
Вірменія II 201
Владивосток, м. у Росії I 474
Владикавказ, м. в Осетії I 511, 551; II 144
Влтава, Молдау, р. у Чехії II 198
Вознесенське, с. Глухівського пов. Чернігівської губ. II 160
Войно, садиба в Курській губ. I 409—411
Волга, р. у Росії II 231
Волинська губ. I 178, 516, 632
Волинь, іст.-геогр. область в Україні I 499, 554
Вологда, губернське м. у Росії I 336, 573; II 98
Вологодська губ. у Росії I 415; II 98
Волочиськ, м-ко, залізн. ст. Старокостянтинівського пов. Волинської губ. I 343, 460, 638; II 236, 511, 514
Ворожба, залізн. ст. у Харківській губ. I 519
Воронеж, губернське м. у Росії I 271
Воронезька губ. у Росії I 16, 179; II 9, 161, 197
Воронцово-Городище (Воронцовська), залізн. ст. у Київській губ. I 466, 468; II 437
Воронцовська — див. Воронцово-Городище
Воронькове, с. Балтського пов. Подільської губ. II 189
Восківці, с. Прилуцького пов. Полтавської губ. I 288
Вятка — губернське м. у Росії I 73, 242, 394; II 19, 136, 140, 314, 395, 413
Вятська губ. у Росії I 415; II 220

Гавр, м. у Франції II 233
Гадяцький пов. Полтавської губ. II 266
Гайсин, повітове м-ко Подільської губ. I 71, 321, 508, 530; II 142
Гайсинський пов. Подільської губ. I 27
Галиція — див. Галичина
Галичина (Галиція) I 98, 99, 161, 279, 392, 450, 460, 463, 467, 633; II 210, 211, 221, 222, 235, 236, 252, 256, 294, 314, 371, 422, 440
Гатчино (Гатчина), м. Петербурзького пов. і губ. у Росії II 342, 348, 376, 390, 464
Гейдельберг, м. у Німеччині I 9, 172, 279, 455, 580; II 308, 496
Германштадт, м. у Німеччині I 460
Глухів, повітове м. Чернігівської губ. I 13, 175, 480; II 167
Глухівський пов. Чернігівської губ. I 621
Гнилички, с. у Східній Галичині II 515
Гоголеве, с. Шишацького р-ну Полтавської обл. I 633
Гольштейн — іст. область у Німеччині I 633
Гомельський пов. Могилівської губ. у Білорусі I 366
Горбатовський пов. Нижньоновгородської губ. у Росії I 437
Горний Дубняк, с. біля м. Плевни у Болгарії I 561
Городище, м-ко Черкаського пов. Київської губ. I 151, 157, 384, 401, 538; II 132, 186, 384, 412, 413, 437, 469
Городище, с. Сосницького пов. Чернігівської губ. I 7, 467, 494, 506, 507, 545, 566, 585; II 288
Гостинін, повітове м-ко Варшавської губ. у Польщі II 125
Градчана, іст. частина Праги II 198
Греція I 125, 142, 189; II 327
Гродек, Городок, залізн. ст., м. у Східній Галичині I 449
Гродненська губ. у Білорусі I 450

Данія I 633
Деліград — укріплення в Сербії на турецькому кордоні I 206, 328

Дерaжня (Дережня), м., залізн. ст. у Подільській губ. I 71
Дерпт, повітове м-ко Ліфляндської губ. в Естонії I 148
Динабург, повітове м. Вітебської губ. у Білорусі I 576
Дніпро, р. I 112, 138, 146, 148, 167, 384, 393, 535; II 288, 450
Добриж, м-ко у Чехії II 202
Доч, залізн. ст. у Борзнянському пов. Чернігівської губ. I 469, 470, 492
Дрезден, м. у Німеччині II 205, 214, 261
Дубно, повітове м. Волинської губ. I 493, 508, 509
Дугун, с. Ериванського пов. і губ. у Вірменії II 191
Дударі, с. Канівського пов. Київської губ. II 161

Егер, м. у Чехії II 228, 229, 513
Егер, р., притока Ельби II 225
Езель, о. у системі Аландських островів у Балтійському морі I 259
Емсі, курорт у Пруссії I 454
Ериванъ див. Єреван
Ески Загри, Ески Загра — іст. назви Старої Загори, м. у Болгарії I 417

Європа (Захід, Західна Європа) I 10, 204, 256, 258, 285, 298, 308, 381, 404, 413, 463, 467, 475, 495, 511, 561, 562; II 31, 73, 81, 102, 103, 140, 176, 177, 180, 213, 240, 254, 309, 320, 427
Європейська Росія — див. Росія
Єйськ, м-ко Області Війська Донського I 73, 174
Єлисаветград, повітове м. Херсонської губ. I 104; II 345, 357
Єнісейськ, губернське м. у Росії II 278
Єнісейська губ. у Росії II 126, 129
Єреван, Єриван, м. у Вірменії II 68, 151
Єриванський пов. Єриванської губ. у Вірменії II 191

Женева, м. у Швейцарії I 264, 305, 455, 635, 636, 642; II 107, 157, 158, 264, 266, 284, 306, 371, 375, 426, 431, 440, 510, 514, 515
Житомир, повітове м. Волинської губ. I 145, 192, 285, 421, 499, 624; II 31, 144, 408, 440
Жмеринка, залізн. ст. у Подільській губ. I 638; II 234, 237, 374, 511, 514
Жорнівка, с. Київського пов. і губ. II 273

Забайкальський край II 428
Завадівка, с. Черкаського пов. Київської губ. I 34
Заволжя, місцевість лівого берега Волги II 196
Запорозька Січ I 105
Зарайськ, повітове м. Рязанської губ. у Росії II 193
Захід див. Європа
Західна Європа див. Європа
Західна Україна див. Україна
Західний Кавказ див. Кавказ
Західний Сибір див. Сибір

Здолбунів, повітове м-ко, залізн. ст. Волинської губ. I 641
Зинкау, м-ко у Чехії II 513
Зміївка, с. Бобровського пов. Воронезької губ. у Росії II 196

Іваново-Вознесенськ, м. Шуйського пов. Володимирської губ. у Росії I 367
Ізюмський пов. Харківської губ. II 195
Ікицохурський улус, адм. одиниця в Калмицькому степу II 192
Іманшолу, с. Єриванського пов. і губ. у Вірменії II 192
Індія I 339; II 152
Інзер, р. в Уфимській губ. II 302
Іоановиця, м. у Сербії I 315
Іркутськ, губернське м. у Росії I 201, 404, 408, 498, 528, 564, 572, 574, 576, 642; II 137, 138, 173, 202, 218
Іркутська губ. у Росії II 407
Іркутський округ, адм. одиниця Іркутської губ. у Росії II 138
Іспанія I 492
Італія I 9, 254, 454, 504, 505, 512, 525; II 219, 494

Кавказ (Західний Кавказ) I 258, 319, 339, 341, 349, 408, 414, 427, 478, 482, 511, 553, 560, 605, 613; II 113, 141, 151, 231, 237, 338, 356, 397
Кагарлик, маєток у Київському пов. Київської губ. I 79; II 281
Казалінськ, повітове м. Сир-Дар'їнської обл. в Узбекистані II 192
Казанлик, м. у Болгарії I 417
Казань, повітове м. у Росії I 176, 303, 320, 321, 356, 383, 395, 516; II 104, 285, 312
Калинівка, залізн. ст. у Подільській губ. II 374
Каліш, м. у Польщі I 564
Камарлу, селище Єриванського пов. і губ. у Вірменії II 192
Каменець див. Кам'янець-Подільський
Камишин, повітове м. Саратовської губ. у Росії II 193
Камчатка, п-ов на Далекому Сході I 245
Кам'янець-Подільський (Каменець) — губернське м. I 71, 75, 77, 177, 449, 489, 498, 511, 572; II 18, 40, 94, 266, 355
Канів, повітове м. I 224, 291, 373, 381, 382, 399, 417; II 142, 288, 390, 455
Канівський повіт Київської губ. I 137
Канський округ, у південно-східній частині Єнісейської губ. Росії II 280
Караякуповська волость Уфимської губ. у Башкирії II 301
Карлівка, м-ко Костянтиноградського пов. Полтавської губ. II 355
Карловиця, Карловци, Карловац, м. у Сербії I 146
Карлсбад, Карлові Вари, місто-курорт у Чехії I 17, 39, 73, 99, 196, 344, 401, 449, 450, 453—455, 457, 458, 460, 461, 466, 468, 469, 471, 481, 487, 492, 504, 507, 509, 526, 549, 555, 557, 586, 587, 636, 637, 639, 641; II 48, 69, 130, 197—202, 208—212, 214, 216,

219, 221, 225, 229, 232, 243, 251, 261, 269, 354, 374, 428, 511
Карлсруе, м. у Німеччині II 211, 496
Кармаскалинська волость Архангельської губ. у Росії II 301
Карпилівка, с. Прилуцького пов. Чернігівської губ. I 566
Карпунін, хутір Камишинського пов. Саратовської губ. у Росії II 193
Карс, м. у Туреччині II 201
Карфаген, стародавнє місто-держава у Північній Африці II 510
Каспійське море I 258
Кастелламаре, м. в Італії II 496
Катав, р. в Уфимській губ. II 302
Катеринодар, м., центр Кубанської обл. у Росії I 634
Катеринослав, губернське м. I 498; II 161
Катеринославська губ. I 178; II 251
Кашин, повітове м. Тверської губ. у Росії I 233
Кежемська волость Єнісейського пов. і губ. у Росії II 280
Кельн, м. у Німеччині II 198
Кеніггрец (Градец — Кралове), м. у Чехії II 219
Керч, м. Таврійської губ. II 245
Київ, губернське м. I 7—9, 13, 15, 21, 22, 29, 34, 52, 60, 67, 68, 78—80, 82, 86—90, 92, 98, 100, 104, 113, 117, 118, 121, 127, 129, 130, 134, 135, 138, 139, 143, 144, 146, 147, 150, 153, 154, 160, 161, 163, 170, 172, 174, 182, 184, 186, 189, 192, 193, 198, 201, 213—215, 217, 218, 220, 223, 225, 240, 249, 261, 263, 270, 271, 285, 291, 293, 294, 298, 300, 301, 304, 308, 316, 321, 324, 330, 344, 349, 351, 364, 366, 367, 369—371, 374, 379, 384, 388, 389, 397, 398, 400, 402, 408, 409, 424, 431, 435, 441, 449, 451, 453, 458, 460, 466, 468—471, 479, 483—487, 489, 490, 492—495, 499, 504, 514, 517—519, 526, 527, 530, 535, 541, 543—545, 550, 554, 557, 560, 561, 567, 570, 572, 573, 592, 595, 605, 606, 608, 612, 614, 617, 619, 625, 628, 632, 634, 639, 642; II 7, 10, 18—20, 24—27, 30, 35, 36, 40, 42, 45, 46, 49, 65, 67, 86, 95, 112, 114, 115, 117, 136, 137, 139, 144, 146—148, 151, 158, 161, 163, 178—180, 182, 185, 190, 197, 202, 205, 207, 208, 226, 231, 233, 234, 237, 238, 240, 246, 252, 253, 255, 259—261, 287, 288, 290, 291, 293, 297—299, 303, 305, 306, 316, 318, 319, 321, 326, 333, 335, 337, 338, 342, 344, 345, 347, 354, 356, 357, 362, 364, 365, 371, 373, 389—393, 441, 444, 451, 457—460, 463, 466, 473, 475, 483—485, 488
Київська губ. I 156, 179, 292, 532, 632, 636; II 86, 120, 171, 190, 314, 352, 489, 490, 494, 497, 498, 503, 505, 510, 514, 515
Китай II 140, 306
Кишинів, губернське м. Бессарабської обл. у Молдові I 161, 250, 345, 366, 424, 520; II 18, 89, 109, 181
Ковель, повітове м. Волинської губ. II 144
Козелець, повітове м-ко Чернігівської губ. I 197, 404, 422, 425, 508
Козелецький пов. Чернігівської губ. I 16
Козятин, залізн. ст. у Київській губ. I 466, 638, 642; II 511
Колін, м., центр Колінського пов. у Чехії I 641
Комотау (Колотау), залізн. ст. у Чехії I 641
Конотоп, повітове м. Чернігівської губ. I 465, 508, 519
Константинополь, м. у Туреччині I 198, 199, 207, 222, 229, 256, 487
Константинопольська протока — див. Босфор
Копенгаген, м., столиця Данії II 201, 205, 207, 212
Короп, м. Кролевецького пов. Чернігівської губ. II 339
Кострома, губернське м. у Росії II 277, 514
Костромська губ. у Росії II 66
Кошмаки, Кошмакове, с. Канівського пов. Київської губ. II 421
Краків, м. у Польщі I 638; II 232, 233, 261, 511, 514
Красне, залізн. ст. у Східній Галичині II 511
Красний Яр, с. Астраханського пов. і губ. у Росії I 433; II 153
Красносілки, Красносілка, с. Чигиринського пов. Київської губ. I 75
Красноярськ, окружне м. Єнісейської губ. у Росії II 240
Кременчук, м. Полтавської губ. I 619; II 146
Крим I 258, 509, 517, 528, 605; II 231
Кубанська область Чорноморського округу в Росії I 511
Курляндія, іст. обл. у Латвії II 214
Курськ, губернське м. у Росії I 384, 409, 410, 542; II 486
Куяльницький лиман, на Чорному морі II 364

Лампожня, с. Мезенського пов. Архангельської губ. у Росії II 278
Ланжерон, частина м. Одеси II 363
Лапландія, губ. у Фінляндії I 271
Лейпціг, м. у Німеччині I 542; II 180, 205
Лемберг див. Львів
Лівадія, маєток в Ялтинському пов. Таврійської губ. I 229, 305, 518, 572; II 295
Ліверпуль, м. у Великобританії II 233
Лівобережна Україна див. Україна
Лісабон, м. столиця Португалії II 482
Літин, повітове м. Подільської губ. I 508, 530
Локнисте, с. Чернігівського пов. і губ. II 83
Лондон, м., столиця Великобританії I 52, 270, 368, 610, 633, 636, 642; II 440
Лубни, повітове м. Полтавської губ. II 364
Луков, повітове м., залізн. ст. Седлецької губ. у Польщі I 641
Люблін, губернське м. у Польщі I 462
Люблінська губ. у Польщі I 87, 203, 412
Люцерн, м. у Швейцарії I 221
Львів (Лемберг), окружне м. у Східній Галичині I 86, 89, 99, 156, 161, 304, 392, 449, 507, 633, 636, 638, 642; II 18, 198, 227, 232—234, 240, 261, 374, 375, 423, 511, 514

Мадрид, м., столиця Іспанії I 492
Макарів, м-ко Київського пов. і губ. II 449
Малоросія, іст. назва України I 10, 13, 14, 92, 96, 177, 193, 200, 231, 272, 279, 290, 308, 322, 380, 389, 434, 465, 480; II 105, 184, 236, 252, 303, 306, 455, 490
Марієнбад (Маріїнські Лазні), місто-курорт у Чехії II 229, 230, 513
Марсель, м. у Франції II 256
Мезен, повітове м. Архангельської губ. у Росії II 278
Менський р-н Чернігівської обл. I 7
Миколаїв, м. Херсонського пов. і губ. I 511
Миргород, повітове м. Полтавської губ. I 508; II 35
Миргородський пов. Полтавської губ. I 149
Мінськ, губернське м. у Білорусі I 426
Мінська губ. у Білорусі I 435, 438; II 77
Мінусінськ, повітове м-ко Єнісейської губ. у Росії II 86
Могилівська губ. у Білорусі I 465
Молдау див. Влтава
Монпельє, м. у Франції I 484
Москва, губернське м. у Росії I 9, 45, 55, 71, 90, 96, 103, 118, 128, 138, 147, 165, 171, 192, 198, 201, 207—209, 234, 268, 273, 284, 291, 301, 308, 312, 313, 319, 322, 345, 367, 369, 385, 395, 401, 435, 442, 462, 486, 487, 505, 514—516, 519, 551, 555, 567, 569, 573, 590, 627, 633, 634, 636; II 12, 16, 24, 31, 66, 84, 92, 114, 166, 189, 197, 208, 243, 244, 252, 262, 263, 269, 313, 337, 372, 374, 376, 389, 423, 468, 485, 486, 493, 495, 497, 510, 515
Московське князівство II 285
Мотронівка, Матронівка, хутір Борзнянського пов. Чернігівської губ. I 380, 399, 465, 505
Мошни, м-ко Черкаського пов. Київської губ. I 159
Мценськ, повітове м. Орловської губ. у Росії II 186
Мюнхен, м. у Німеччині I 276; II 218

Набутов, с. Канівського пов. Київської губ. I 149
Неаполітанська затока у Середземному морі II 496
Неаполь, м. в Італії I 9, 381, 435, 474; II 160
Нева, р. I 215; II 61
Немирів, м-ко Брацлавського пов. Подільської губ. II 202
Нижнє-Кайласор, с. Єриванського пов. і губ. у Вірменії II 191
Нижній див. Нижній Новгород
Нижній Новгород (Нижній), губернське м. у Росії I 395, 400; II 114
Нижньоновгородська губ. у Росії I 436, 451
Низківка, залізн. ст. у Чернігівській губ. I 492, 499, 502, 506
Нідерланди II 339
Ніжин, повітове м. Чернігівської губ. I 199, 201, 279, 320, 364, 373, 519; II 136, 356, 357, 359
Ніжинський пов. Чернігівської губ. II 396
Нікопол, м. у Болгарії II 354
Німеччина I 9, 257, 454, 512, 525, 633, 642; II 207, 440
Ніцца, м. у Франції I 255
Нова Олександрія, с. Олександрійського пов. Херсонської губ. II 16, 213, 214, 248, 249, 299
Нова Сербія, адм.-терит. і військовий округ в Україні (1752—1764) I 436
Нова Сервка, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. I 251
Новгород-Сіверський, повітове м. Чернігівської губ. I 273, 290; II 310
Новгородська губ. у Росії I 415
Новоград-Волинський, повітове м. Волинської губ. I 404, 467
Новоузинський пов. Астраханської губ. у Росії II 196
Нолинськ, повітове м. Вятської губ. у Росії II 220
Нью-Йорк, м. у США I 408

Одерберг, нім. назва м. Богумін у Чехії I 638; II 511
Одеса, повітове м. Херсонської губ. I 39, 73, 87, 95, 101, 129, 156, 168, 187, 227, 264, 275, 331, 367, 382, 395, 408, 416, 455, 468, 469, 476, 483, 492, 493, 539, 550, 555, 557, 561, 592, 598, 619, 622; II 9, 18, 24, 49, 130, 162, 163, 215, 233, 263, 264, 297, 362—364, 394, 407, 514, 515
Оленівка, с. Борзнянського пов. Чернігівської губ. I 504
Оломоуц, м. у Чехії II 233
Олонець, губернське м. у Росії I 272
Олонецька губ. у Росії I 415; II 279
Орани, (Оранне) с. Радомишльського пов. Київської губ. I 201
Орел, губернське м. у Росії I 410; II 357
Оренбург, губернське м. у Росії II 192, 194, 511
Оренбурзька губ. II 194, 200, 299
Оренбурзький край, у Росії II 194, 299, 300, 356
Орськ, м. Оренбурзької губ. II 194
Освенцім, м. у Польщі II 233
Остерський пов. Чернігівської губ. I 519
Отаїти, о. у Полінезії I 408
Отрада, залізн. ст. у Курській губ. Росії I 409, 410

Павловськ, повітове м. Воронезької губ. у Росії II 161
Пардубіце, м., залізн. ст. у Чехії I 641
Париж, м., столиця Франції I 73, 139, 157, 255, 298, 633; II 12, 65, 75, 80, 81, 90, 99, 143, 197, 198, 224, 314, 407, 427, 440
Пенза, губернське м. у Росії I 380, 636; II 306
Переяслав, повітове м. Полтавської губ. I 148; II 357
Перм, губернське м. у Росії I 73, 82, 270, 496; II 20, 131
Персія, іст. назва Ірану (до 1835 р.) II 237, 251, 316

Петербург (Санкт-Петербург, Василівський острів, Пітер) м., столиця Росії I 8, 9, 17, 28, 29, 39, 44, 55, 57, 61, 71, 73, 75, 82—84, 89, 90, 96, 97, 102—104, 108—111, 116, 118, 121, 126, 127, 129, 138, 144, 147, 156, 163, 164, 174, 180, 184, 186, 198, 201, 202, 208, 214, 215, 220, 223, 230, 241, 242, 248, 251, 262, 270, 273, 276, 278, 284, 285, 287, 299, 301—303, 320, 322, 329, 330, 332, 336, 345, 347, 350, 351, 366, 373, 395, 396, 399, 401, 407, 410, 418, 419, 429, 431, 433, 437, 449—453, 458—460, 462, 467, 469, 470, 480, 483, 490, 494, 499—502, 504, 518, 520, 526—528, 544, 554, 555, 559, 562, 576, 586, 591, 594, 595, 605, 614, 615, 618, 622, 625—627, 632—636, 642; II 7, 8, 10, 12, 19—21, 24, 25, 31, 35, 38, 45, 48, 49, 51, 60, 62, 63, 66, 71, 72, 76, 77, 82, 84, 87, 93, 96—98, 102, 106, 108, 109, 111, 114, 129, 131, 132, 137, 139, 143, 144, 148, 150, 151, 177—180, 182, 184, 200, 206, 207, 224, 225, 235, 239, 242, 255, 280—283, 286, 288. 293, 295, 296, 298, 301, 308, 310, 312, 318, 322, 336—338, 340, 341, 343, 347, 354, 364, 372, 383, 386, 389, 393, 394, 398, 399, 401, 408, 412—414, 427, 431—433, 437, 444, 454, 457, 459, 461, 462, 464, 465, 468, 469, 471, 474, 483—485, 492, 493, 496, 498, 499, 501—506, 510, 511, 514, 515

Петергоф, повітове м. Петербурзької губ. у Росії II 358

Петровське-Розумовське, дачна місцевість під Москвою II 66

Петропавлівська волость Петропавлівського пов. Акмолинської обл. у Росії II 301

Пешт, частина м. Будапешта II 198

Пильзен (Пльзень), м. у Чехії II 202, 218, 230, 513

Пирятин, повітове м. Полтавської губ. I 346

Пирятинський пов. Полтавської губ. I 310, 324; II 65

Південна Росія I 48, 80, 123, 129, 180, 207, 230, 290; II 165, 407

Південно-Західний край I 28, 100, 147, 201, 204, 225, 230, 233, 363, 478; II 23, 299, 306, 356

Південно-Російський край I 365; II 72, 158, 161

Північ I 180, 229, 415, 477; II 178

Північна Америка див. США

Північно-Американські Штати див. США

Північно-Західний край II 299, 440

Підволочиськ, м-ко, залізн. ст. у Східній Галичині I 449, 460, 638; II 236, 511

Пінега, повітове м. Архангельської губ. у Росії II 277

Пітер див. Петербург

Пйоткув, Петроков, губернське м. у Польщі I 641

Плевна, м. у Болгарії I 558, 600, 605; II 81

Плиска, залізн. ст. у Чернігівській губ. I 519; II 244

Плоешті (Ploiesci), м. у Румунії II 24

Плоске, с. Олександрійського пов. Херсонської губ. I 436

Повенець, м. Оленецької губ. у Росії II 279, 293

Погар, м. Стародубського пов. Чернігівської губ. I 380, 397, 400, 508

Поділля, іст.-географ. область в Україні I 572

Подільська губ. I 16, 27, 178, 632; II 34, 44, 462

Полонне, м-ко Новоград-Волинського пов. Волинської губ. I 641

Полтава, губернське м. I 80, 94, 275, 381, 391, 407, 433, 485, 562, 569, 619, 636; II 31, 35, 175

Полтавська губ. I 8, 95, 149, 161, 237, 338, 339, 348, 357, 362, 374, 375, 390, 415, 432, 508, 632, 635; II 25, 36, 38, 55, 65, 266, 282

Полтавська обл. I 633

Польща (Польське королівство, Царство, Царство Польське) I 40, 80, 188, 216, 272, 390, 408, 414, 417, 431, 433, 462, 465—467, 520, 548, 579, 634; II 201, 203, 223, 224, 240, 299, 356, 440, 462

Порта, іст. назва Османської імперії I 201

Португалія I 477

Постгофе, частина Карлсбада II 203

Потоки, с. Канівського пов. Київської губ. I 134

Потсдам, м. у Німеччині I 564

Правобережна Україна див. Україна

Прага, м., столиця Чехії I 119, 279, 453, 457, 460, 462, 470, 491, 638, 639, 641; II 197—199, 209, 214, 215, 227, 230, 232, 511, 513

Преров (Пршеров, Прерау, Пржедборж), м. у Моравії I 638; II 511, 514

Приамурський край I 390

Привіслянський край, офіційна назва Царства Польського I 203

Прилуки, повітове м. Полтавської губ. I 388, 494

Прилуцький пов. Полтавської губ. I 8, 161, 274, 288, 375, 507, 566; II 25

Причорномор'я I 16

Проскурів, повітове м. Подільської губ. I 400, 449; II 237, 462

Пруссія I 205, 442, 462, 562, 633; II 219

Псков, губернське м. у Росії I 509, 511; II 89, 91

П'ятигорськ, окружне м. Тверської обл. у Росії I 352, 399, 400, 600; II 125

Радом, губернське м. у Польщі I 458, 461

Радомишль, повітове м. Київської губ. I 201

Радомишльський пов. Київської губ. I 163, 285

Рама, біблійне м. у Палестині II 178

Ревель, губернське м. Естляндської губ. в Естонії I 404

Рига — губернське м. Ліфляндської губ. у Латвії I 148, 183, 279, 319, 392, 399

Рим, м., столиця Італії I 487; II 179, 374

Рин-Піски, с. Бобровського пов. Воронезької губ. у Росії II 196

Рівне, повітове м. Волинської губ. I 493; II 36

Рокити (Ракіти), економія Київського пов. Київської губ. II 375, 414

Роменський пов. Полтавської губ. I 290; II 237

Ромни, повітове м. Полтавської губ. I 294, 310, 318, 399, 407—409, 417, 469, 470, 477, 481, 482, 508, 556, 610, 617; II 131, 132, 234
Російська імперія— див. Росія
Росія (Велика Росія, Європейська Росія, Російська імперія) I 73, 89, 99, 113, 163, 186, 188, 196, 200—207, 210, 211, 229, 230, 245, 250, 261, 262, 264, 270, 271, 285, 294, 298—300, 306, 315, 336, 338, 339, 348, 364, 381, 385, 404, 412—414, 416, 435, 437, 441, 449, 450, 456, 460, 463, 472, 474, 475, 477, 491, 494, 507, 508, 511, 515, 516, 518, 529, 548, 549, 555, 557, 558, 560—562, 585, 590, 591, 596, 600, 604, 605, 607, 611, 613, 615, 616, 624, 632, 633, 635; II 8, 12, 13, 31, 37, 41, 45, 67, 68, 78, 79, 81, 90, 92, 99, 107, 114, 136, 139, 140, 144, 145, 154, 167, 170, 173, 177, 182, 183, 199, 200, 204, 209, 211—214, 218, 219, 221, 226, 231, 232, 236, 242, 249, 263, 265, 279, 285, 299, 306, 318, 319, 334, 340, 343, 348—350, 364, 374, 376, 383, 390, 400, 404, 407—409, 418, 420, 423, 438, 440, 441, 455, 460
Рославль, повітове м. Смоленської губ. у Росії II 192
Ростов-на-Дону, окружне м. Області Війська Донського I 20, 21
Рось, р. I 384
Ротмистрівка, с. Черкаського пов. Київської губ. I 449
РСФРР I 20
Рубежівка, с. Київського пов. і губ. I 182, 509, 572
Румелія, обл. у Болгарії II 342
Румунія II 88
Русь I 327, 367, 433, 586; II 24, 278
Руська Поляна, с. Черкаського пов. Київської губ. II 380, 414, 421, 422, 450, 451
Рязанська губ. у Росії I 35; II 301, 419
Рязань, губернське м. у Росії II 419

Саксонія, іст. обл. у Німеччині I 331
Самара, губернське м. у Росії I 434, 516; II 194
Самарська губ. у Росії I 16; II 277, 306
Самарський пов. Самарської губ. у Росії II 196
Сандомир, м. у Польщі II 226
Сан-Донато, курорт у Флоренції I 68, 112, 347
Санкт-Петербург — див. Петербург
Саратов, губернське м. у Росії I 395, 549
Саратовська губ. у Росії I 16; II 193, 200, 306
Саратовський пов. Саратовської губ. у Росії II 201
Сахалін, о. на Далекому Сході I 474, 475
Сванетія, іст. область у Грузії I 393
Севастополь, м. Таврійської губ. I 483, 558
Седнів, Сиднєв, м. Чернігівського пов. і губ. I 455, 483
Сербія I 196, 199, 206, 211, 234, 304, 305, 314, 315, 328, 344, 368, 427; II 177, 353
Сибір (Західний Сибір, Східний Сибір) I 77, 85, 98, 100, 103, 127, 208, 261, 270, 339, 345, 408, 416, 434, 456, 474—476, 481, 482, 511, 564, 574, 587, 591, 610, 613, 614; II 9, 19, 36, 38, 44—46, 71, 78, 79, 86, 101, 129, 137, 152, 171, 174, 176, 179, 186, 221, 278, 279, 304, 395, 407, 412, 428, 437, 488
Сидорівка, с. Канівського пов. Київської губ. II 89
Сим, р. в Уфимській губ. II 302
Симбірськ, губернське м. у Росії I 583; II 194
Синявка, с. Канівського пов. Київської губ. I 97, 502
Систово, м. у Болгарії II 354
Сідлецька губ. у Польщі I 87
Сімферополь, губернське м. Таврійської губ. II 109, 312
Сквира, повітове м-ко Київської губ. II 293
Слуцьк, м. Мінської губ. у Білорусі II 77
Сміла, м. Черкаського пов. Київської губ. I 149; II 357, 385
Смоленськ, губернське м. у Росії II 510
Смоленська губ. у Росії II 192
Сокиринці, с. Прилуцького пов. Полтавської губ. II 506
Сороки, хутір, Борзнянського пов. Чернігівської губ. I 470, 471, 556
Сосницький пов. Чернігівської губ. I 7, 16, 20
Ставрополь, губернське м. у Росії II 295
Станіслав (Станіславів), окружне м. у Східній Галичині II 208, 294
Станіславів — див. Станіслав
Стара Русса, повітове м. Новгородської губ. у Росії II 10
Стародуб, повітове м. Чернігівської губ. II 197
Стародубський пов. Чернігівської губ. II 308
Старокостянтинівський пов. Волинської губ. I 39, 516
Стеканьківка, с. Горбатовського пов. Нижньоновгородської губ. у Росії I 437
Стольне, м-ко Менського р-ну Чернігівської обл. I 7
Страсбург, м. у Франції I 37
Студенок, с. Глухівського пов. Чернігівської губ. I 480
Сула, р. I 407
Суми, повітове м. Харківської губ. I 80
Схід (Близький Схід) I 19, 311, 502, 561; II 140
Східний Сибір — див. Сибір
США (Америка, Північна Америка, Північно-Американські Штати) I 140, 142, 169, 189, 190, 369, 408, 457, 512; II 93, 198

Таволжанка, с. Куп'янського пов. Харківської губ. I 483
Тавриз, м. в Азербайджанській провінції Персії I 502
Таганрог, окружне м. Області Війська Донського I 554; II 195, 251
Тальне, м-ко Уманського пов. Київської губ. I 449
Тамбовська губ. у Росії I 68; II 277, 316
Ташкент, м., центр Сир-Дар'їнської обл. і Туркестанського генерал-губернаторства в Узбекистані II 192
Ташлик, с. Черкаського пов. Київської губ. II 169

Твер, губернське м. у Росії II 286
Тепель, Тепль, місто-курорт у Чехії II 215
Тепель, Тепль, р. у Чехії II 216
Тернопіль, окружне м. у Східній Галичині I 638
Тирасполь, повітове м. Херсонської губ. I 319
Тираспольський пов. Херсонської губ. I 251, 438
Тифліс, губернське м. у Грузії I 318, 319, 482, 587; II 151, 203, 295, 401, 510
Тобольськ — губернське м. у Росії II 20
Тобольська губ. у Росії I 345
Томськ, губернське м. у Росії I 321, 493, 497, 572; II 202
Томська губ. у Росії I 16, 321
Трипілля, м-ко Київського пов. і губ. I 45
Троя, старод. м. у Малій Азії I 634
Тршебич (Трибиц), м-ко у Чехії I 641
Тула, губернське м. у Росії I 107, 367
Тульська губ. у Росії II 277
Тунджелі (Тунджа), р. у Болгарії I 417
Турецька імперія — див. Туреччина
Туреччина (Турецька імперія, Турція) I 205, 208, 229, 256, 285, 348, 414, 416, 474; II 70, 151, 168, 237
Туркестан, м., залізн. ст. Чимкентського пов. Сир-Дар'їнської обл. у Казахстані II 192
Туркестанський край II 299
Туруханськ, повітове м. Єнисейської губ. у Росії II 280
Туруханський край, північна частина Єнисейської губ. у Росії II 279
Турція — див. Туреччина
Тюмень, повітове м. Тобольської губ. у Росії I 481
Тюбінген, м. у Німеччині II 205

Угорщина I 86, 449
Україна (Західна Україна, Лівобережна Україна, Правобережна Україна) I 7, 12, 15, 19 —22, 464, 633—635, 642; II 74
Умань, повітове м. Київської губ. II 182, 242
Урал (Уральська обл.) у Росії II 194
Усть-Сисольськ, повітове м. Вологодської губ. у Росії I 270
УСРР I 20
Уссурі, р. Приморської губ. у Росії I 474
Утах, штат у США I 143
Уфа, губернське м. в Росії II 300, 301
Уфа, р. II 302
Уфимський пов. Уфимської губ. у Росії II 300, 301
Уфимська губ. у Росії II 257, 299, 343

Фастів, залізн. ст., м. Васильківського пов. Київської губ. I 466, 468, 638, 642; II 356, 511
Філіппополь, іст. назва Пловдіва, м. у Болгарії I 417
Флоренція, м. в Італії I 112, 254, 487, 505
Франценсбад, місто-курорт у Чехії I 401, 410; II 214; 217, 221, 224, 228, 229, 513
Франція I 236, 241, 247, 256, 358, 456, 473, 474, 477, 512, 562, 636; II 8, 44, 80, 90, 99, 112, 223, 233, 408

Харахуський улус, адм. одиниця у Калмицькому степу II 192
Харків, губернське м. I 49, 80, 151, 158, 168, 170, 210, 251, 294, 317, 319, 343, 391, 392, 395, 399, 400, 403, 404, 484, 514, 539, 562, 576, 591, 622, 635; II 25, 36, 98, 111, 123, 125, 143, 182, 200, 202, 207, 214, 244, 247, 254, 325, 391, 394, 401, 409
Харківська губ. II 195
Херсон, губернське м. II 197
Херсонська губ. I 156, 159, 179, 435, 629
Хмелів, м-ко Роменського пов. Полтавської губ. I 480
Хмелівка, р. в Полтавській губ. I 479, 610; II 294
Холм, м. у Польщі I 461
Холмогори, повітове м. Архангельської губ. у Росії I 270; II 354
Христинівка (Христофорівка), с. Уманського пов. Київської губ. II 414
Худяківка (Худяки), волосне м-ко Черкаського пов. Київської губ. I 34

Царград, іст. назва Константинополя I 256
Царицин, повітове м. Саратовської губ. у Росії II 192
Царство — див. Польща
Царство Польське — див. Польща
Царське — див. Царське Село
Царське Село (Царське), повітове м. Петербурзької губ. у Росії I 592; II 304, 495, 496
Царьов, повітове м. Астраханської губ. у Росії II 413
Царьовський пов. Астраханської губ. у Росії II 196
Цетлици, с. біля Карлсбада II 212, 512
Цюрих, м. у Швейцарії I 58, 119, 122, 124, 217, 218, 221, 526, 633, 636

Черкаси, повітове м. Київської губ. I 80, 148, 159, 224, 246; II 450
Черкаський пов. Київської губ. I 538; II 170
Чернігів, губернське м. I 100, 106, 141, 147, 148, 182, 192, 213, 271, 286, 319, 322, 404, 450, 468, 502, 508, 576; II 20, 40, 54, 63, 119, 146, 167, 285, 286, 306, 339, 412
Чернігівська губ. I 7, 16, 20, 84, 95, 128, 147, 186, 237, 338, 339, 348, 349, 357, 362, 374, 390, 415, 492, 621, 632, 635; II 36, 83, 86, 119, 160, 167, 352, 474, 510
Чернігівська обл. I 7
Чернігівський пов. Чернігівської губ. II 83
Чехія II 142, 198, 232
Чигиринський пов. Київської губ. I 74; II 170
Чимкент, повітове м. Сир-Дар'їнської обл. в Узбекистані II 192
Чорне море I 258; II 151
Чорний Яр, повітове м. Астраханської губ. у Росії II 192

Чорногорія I 199

Швейцарія I 39, 53, 115, 177, 384, 457; II 82, 374

Швеція I 634

Шенкурськ, повітове м. Архангельської губ. у Росії II 197, 316

Шипка, с. у Болгарії I 605; II 103

Шипкінський прохід, перевал у Болгарії — через хребет Стара Планина I 417

Шишацький р-н Полтавської обл. I 633

Шлезвіг, іст. область у Німеччині I 633

Шотландія, адм.-терит. частина Великобританії I 405

Шпола, м-ко Звенигородського пов. Київської губ. II 77, 131

Юрюзань, притока р. Уфи II 302

Якутськ, м., центр Якутської обл. у Росії II 129

Якутська обл. у Росії I 610; II 278

Ялта, повітове м. Таврійської губ. I 517, 518, 576, 600; II 373

Янківка, с. Уманського пов. Київської губ. II 375

Ярославль, губернське м. у Росії I 257, 435, 567; II 31, 131, 182, 310

Ясси (Jassy), м. у Румунії II 18

ЗМІСТ

1880 5
1881 331
1882 367
1883 387
1884 447
1885 507

Примітки 510

Покажчик імен 516

Покажчик географічних назв 575

Наукове видання

КІСТЯКІВСЬКИЙ ОЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ

ЩОДЕННИК
(1874—1885)
У двох томах

Том 2
(1880—1885)

Упорядники

Шандра Валентина Степанівна *(старший упорядник)*
Бутич Марія Іванівна
Глизь Іван Іванович
Франко Оксана Омелянівна

Редакційна колегія

І. Л. Бутич *(відповідальний редактор)* та ін.

Київ, видавництво «Наукова думка»

Російською мовою

Оформлення художника *Є. І. Муштенка*
Художній редактор *Р. І. Калиш*
Технічний редактор *Г. М. Ковальова*
Коректори *А. І. Смолкіна, Т. В. Пантелеймонова*

Здано до складання 16.04.94. Підписано до друку 20.03.95. Формат 70×100/16. Папір друк. № 1. Літ. гарн. Вис. друк. Ум.-друк. арк. 47,45. Ум. фарбо-відб. 47,45. Обл.-вид. арк. 51,12. Зам. № 4—1377.

Видавництво «Наукова думка». 252601 Київ 4, вул. Терещенківська, 3.

Віддруковано з матриць Головного підприємства республіканського виробничого об'єднання «Поліграфкнига», 252057, Київ, вул. Довженка, 3 в Жовківській міській друкарні. 292310. Жовква. Львівської обл., вул. Василіанська, 8. Зам. 858.